

Class D 20

Book W 3717

YUDIN COLLECTION

16

суд

ВСЕОБЩАЯ И С Т О Р І Я

Weber
Георга Вебера.

416
761

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

—
ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

—
Перевелъ Андреевъ.

—
Изданіе К. М. Солдатенкова.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова.
1889.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

(ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ).

- Буассье, Гастона.** Римская религія. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэна, А.** Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго*. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бэра.** Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Вебера, Г.** Всеобщая Исторія, Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX и X. М. 1887 г. Ц. за 10 т. 48 р.
— — Указатель къ первымъ 4 томамъ, сост. *И. Короленко*. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Вегеле, Франца.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. *А. Н. Веселовскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Вейса.** Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева*. М. 1879 г. Ц. 20 р.
- Веселовскаго, А. Н.** Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
- Викторова, П.** Ученіе о личности, вып. 1-й. М. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гайма, Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. *В. Невѣдомскаго*. М. 1888. Т. I и II, ц. 10 руб.
- Гартмана.** Сущность міроваго процесса или философіи безсознательнаго, *А. Козлова*. Т. II. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Геттнера.** Исторія всеобщей литературы XIII вѣка. Т. III, кн. I и II, М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.
- Гиббона, Э.** Исторія упадка и разруш. римской имперіи съ портретомъ автора. Пер. *В. Невѣдомскаго*. Т. I, II, III, IV, V, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 руб.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Ц. 4 р.
- Гнейстъ, Руд.** Исторія государств. учрежденій Англіи, пер. съ нѣмецкаго, *С. Венгерова*. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Забѣлина, И. Е.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
- Зибера, Н. И.** Очерки первобытной эконо. культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.
- Игеринга.** Борьба за право. Пер. *И. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.
- Кавелина.** Сочиненія въ 4 томахъ. Ц. 5 р.
- Каррьера.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.
- Кольцова А. В.** Стихотворенія, изд. 10-е. М. 1889 г. Ц. 20 к.
- Корсакъ.** Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

(См. 3-ю страницу обложки).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Вебер, Георг
"Всеобщая
история"

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. М. Солдатенкова.

Москва.

Типографія В. В. Исленъева, Большая Кисловка, домъ Архипова.

1889.

И С Т О Р І Я

католической реакціи и религіозныхъ войнъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе къ русскому переводу	
Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи. 5. Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты	XII
ИСТОРІЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦІИ И РЕЛИГІОЗНЫХЪ ВОЙНЪ	1
А. Католическая церковь и папство	—
I. Новые монашескіе ордена	—
II. Иезуиты	8
1. Основаніе іезуитскаго ордена	—
2. Генералы перваго столѣтія ордена	12
3. Успѣхи іезуитовъ	16
4. Уставъ ордена	24
5. Принципы и практика іезуитовъ	29
6. Положеніе іезуитскаго ордена въ католической церкви. . .	34
7. Воспитаніе въ іезуитскихъ школахъ	38
III. Тридентскій соборъ	40
1. Ходъ дѣлъ на соборѣ при Павлѣ III и Юліѣ III	—
2. Возобновленіе засѣданій собора при Піѣ IV.	46
3. Ходъ совѣщаній собора	48
4. Характеръ и результатъ тридентскаго собора.	52
5. Исторія постановленій тридентскаго собора.	57
IV. Реформація въ Италіи	59
V. Исторія папъ отъ конца тридентскаго собора до тридцатилѣтней войны	65
1. Новая политика папъ	—
2. Преобразование папскаго государства.	69
3. Борьба испанскихъ и французскихъ интересовъ при папскомъ дворѣ	76
В. Югъ и западъ Европы въ эпоху могущества Испаніи	80
I. Испанское государство при Филиппѣ	81
1. Филиппъ II; характеръ его правленія.	—
2. Испанскія владѣнія въ Италіи	92
3. Донъ Карлосъ	97

	<i>Стр.</i>
4. Донъ Хуанъ. Возстаніе морисковъ	103
5. Битва при Лепанто	109
6. Результаты деспотизма Филиппа II.	114
II. Отпаденіе Нидерландовъ отъ испанской монархіи. Основаніе Голландской республики.	—
Періодъ первый	118
1. Нидерланды при Карлѣ V	—
2. Правительство и вожди аристократіи	126
3. Компромиссъ. Гёзы. Уничтоженіе иконъ въ церквахъ	137
4. Правленіе Альбы	154
5. Полное развитіе системы террора	167
III. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи	182
1. Португалія и ея колоніи при Іоаннѣ III	—
2. Царствованія Себастіана и Генриха	188
3. Провозглашеніе Филиппа королемъ португальскимъ	195
4. Португалія подъ испанской властью	199
IV. Упадокъ могущества Испаніи. Цвѣтушій періодъ ея литера- туры и живописи	204
I. Царствованіе Филиппа. Изгнаніе морисковъ	—
II. Цвѣтушій періодъ искусства и литературы, въ особенности драмы	215
1. Сервантесъ и Кеведо	—
2. Лопе де Вега и его современники	225
3. Кальдеронъ	236
4. Испанская живопись	242
V. Италія	244
1. Общій обзоръ	—
2. Сѣверная Италія	246
1. Савоія и Піэмонтъ	—
2. Генуя	250
3. Парма	253
4. Венеція	254
5. Феррара и Модена	256
6. Тоскана и Средняя Италія	258
VI. Османское царство	265
1. Царствованіе Сулеймана	—
2. Осада Мальты. Осада Сигета	276
3. Царствованія Селима II и Мурада III	284
4. Упадокъ турецкаго могущества	289
VII. Франція въ эпоху религіозныхъ войнъ	295
1. Царствованіе Франциска II	—
2. Регентство Катерины Медичи	309
3. Три первыя религіозныя войны. Сень-жерменскій миръ	317
4. Вареоломеевская ночь. Смерть Карла IX	335
5. Царствованіе Генриха III	351
6. Лига. Смерть Генриха III. Прекращеніе династіи Валуа	359
7. Война за престолъ до принятія католичества Генрихомъ IV	375
8. Прекращеніе междоусобія. Примиреніе Генриха съ папой: Вервенскій миръ. Нантскій эдиктъ	386
9. Царствованіе Генриха IV по заключеніи вервенскаго мира. Смерть его	395

	Стр.
VIII. Англія и Шотландія въ эпоху Елизаветы	405
1. Характеры Елизаветы и Маріи Стюартъ	—
2. Шотландскія дѣла по возвращеніи Маріи Стюартъ	411
1. Отношенія Маріи Стюартъ къ шотландскому народу	—
2. Бракъ Маріи съ Дэрнли	415
3. Убійство Риччо	419
4. Убійство Дэрнли	423
5. Низложеніе Маріи. Бѣгство ея въ Англію	427
3. Англійскія и шотландскія дѣла во время плѣна Маріи	431
1. Интриги герцога Норфолька. Возстаніе сѣверныхъ вельможъ	—
2. Шотландскія дѣла	436
3. Заговоры англійскихъ папистовъ. Казнь Норфолька	441
4. Новые заговоры папистовъ	445
5. Шотландія въ правленіе Іакова VI	448
6. Репрессивныя мѣры Елизаветы противъ заговоровъ	451
7. Заговоръ Бэбингтона	454
8. Казнь Маріи Стюартъ	457
4. Непобѣдимая Армада	461
5. Англія, Ирландія и Шотландія въ послѣдніе годы жизни Елизаветы	467
1. Религіозная борьба въ Англіи	—
2. Шотландскія дѣла. Борьба Іакова съ пресвитеріанами	470
3. Ирландскія дѣла. Казнь Эссекса. Смерть Елизаветы	475
6. Англійская литература въ вѣкъ Елизаветы	481
1. Поэзія	482
2. Англійскій театръ	487
3. Шекспиръ	492
а) Жизнь и произведенія Шекспира	—
б) Подробности	499
IX. Основаніе Голландской республики	502
1. Нидерланды подъ управленіемъ Рекесенса	—
2. Буйство испанскихъ войскъ. Гентскій договоръ	511
3. Управленіе Дона Хуана	516
4. Борьба Александра Пармскаго съ Вильгельмомъ	528
5. Отдѣленіе нидерландскаго сѣвера отъ юга	542
6. Возвышеніе могущества Нидерландской республики	552
1. Устройство Нидерландскаго федеративнаго государства. Торговля нидерландцевъ	—
2. Наука и литература	557
3. Религіозный раздоръ. Дордрехтскій соборъ	564
4. Нидерланды въ XVII столѣтіи. Эпоха процвѣтанія нидерландскаго искусства	568
C. Германія и государства на сѣверѣ и востокѣ отъ нея	575
I. Германія при Фердинандѣ I и Максимилианѣ II	—
1. Состояніе Германіи послѣ Аугсбургскаго мира	—
а) Положеніе религіозныхъ дѣлъ при Фердинандѣ I	—
б) Исторія нѣмецкихъ протестантовъ	581
1. Богословскіе споры	—
2. Церковныя дѣла во Пфальцѣ и курфиршествѣ саксонскомъ. Смерть Меланхтона	584

с) Отношенія Максимилиана къ религіознымъ спорамъ. Дѣло Грумбаха	—
d) Исторія протестантскихъ государствъ Германіи. Фор- мула Конкордіи. Казнь Креля	590
е) Исторія нѣмецкихъ государствъ	594
2. Культура	595
a) Общій обзоръ	—
b) Фишартъ	596
с) Кеплеръ и Галилей	598
d) Нѣмецкое искусство	604
1. Ваяніе	—
2. Живопись	605
е) Музыка въ эпоху возрожденія и во время реформаціи	607
II. Нѣмецкая имперія при Рудольфѣ II	617
1. Религіозная вражда. Первые сеймы въ правленіе Рудольфа	618
2. Политика нѣмецкихъ протестантскихъ государей. Пфальц- ская династія. Максимилианъ Баварскій	622
3. Основаніе Уніи и Лиги. Споръ за юлихское наслѣдство . .	625
4. Исторія австрійской линіи Габсбурговъ	629
III. Царствованіе Матѳея. Богемская война	637
1. Выборъ Матѳея въ санъ императора. Его отношенія къ Германіи	—
2. Волненія въ земляхъ австрійской династіи	640
3. Богемское возстаніе	645
4. Начало богемской войны	650
5. Бѣлогорская битва. Покореніе Богеміи	658
IV. Пфальцская война	662
V. Сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы. Нѣмецко-датская война .	667
1. Сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы	—
a) Общій обзоръ	—
b) Швеція и остзейскія провинціи при Эрикѣ XIV	669
с) Низложеніе и смерть Эрика XIV. Царствованіе Іоанна.	673
d) Польша при Сигизмундѣ Августѣ	678
е) Царствованіе Стефана Батори	681
f) Война за шведскую корону	687
g) Царствованіе Карла IX и Густава Адольфа	690
h) Россія въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго	Эти два отдѣла замѣнены по- мѣщеннымъ въ концѣ тома извлеченіемъ изъ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ» Н. И. Костомарова.
i) Междоусобіе въ Россіи. Лжеди- митрій. Иванъ Шуйскій. Цар- ствованіе Михаила Ѳеодоровича	
2. Нѣмецко-датская война	693
a) Война въ Нижне-саксонскомъ округѣ	—
b) Валленштейнъ. Война съ Христіаномъ IV	696
с) Любекскій сеймъ	700
VI. Эдиктъ реституціи. Отставка Валленштейна	702
VII. Походы Густава Адольфа по Германіи	707
1. Высадка Густава Адольфа. Война за Мантуанское наслѣдство	—
2. Взятіе Магдебурга. Сраженіе подъ Брейтенфельдомъ . . .	713
3. Борьба Валленштейна съ Густавомъ Адольфомъ	717
4. Смерть Густава Адольфа	721

	<i>Стр.</i>
VIII. Ходъ войны отъ смерти Густава Адольфа до Пражскаго мира	723
1. Военныя дѣйствія въ 1633 году. Гейльбронскій союзъ . . .	—
2. Убійство Валленштейна	730
3. Битва при Нёрдлингенѣ. Пражскій миръ	739
IX. Послѣдніе годы войны	742
1. Отъ Пражскаго мира до смерти Фердинанда II.	—
2. Походы Бернгарда веймарскаго	747
3. Походы Банера, Гебріана и Торстенсона	752
4. Конецъ войны	759
X. Вестфальскій миръ. Состояніе Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны	763
1. Заключение мира. Территоріальныя перемѣны и религіозныя отношенія	—
2. Устройство нѣмецкой имперіи	767
3. Нѣмецкія областныя государства. Бранденбургъ до Великаго курфюрста	774
4. Состояніе нѣмецкой образованности послѣ Тридцатилѣтней войны	780
Приложенія къ русскому переводу	785
I. Исторія Россіи отъ начала царствованія Іоанна IV до смерти Михаила Ѳеодоровича. (Извлеченіе изъ „Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей“, Н. И. Костомарова).	—
II. Битва при Рокруа (переводъ изъ Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV, par Chéruel).	837

Предисловіе къ русскому переводу.

Мы сдѣлали два приложенія къ переводу этого тома.

Очеркъ исторіи Россіи отъ начала царствованія Іоанна Грознаго до конца царствованія Михаила Ѳедоровича, находящійся въ XI томѣ Вебера, чрезмѣрно кратокъ. Мы замѣнили его рассказомъ, заимствованнымъ изъ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей», Костомарова. Нѣмецкіе ученые считаютъ Костомарова замѣчательнѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ историковъ; ихъ мнѣніе справедливо. Костомаровъ былъ человѣкъ такой обширной учености, такого ума и такъ любилъ истину, что труды его имѣютъ очень высокое научное достоинство. Его понятія о дѣятеляхъ и событіяхъ русской исторіи почти всегда или совпадаютъ съ истиной, или близки къ ней. Рассказъ, извлеченный нами изъ его «Русской исторіи», даетъ вѣрное понятіе о лицахъ и фактахъ, выставленныхъ въ фантастическомъ видѣ тѣми русскими историками, теоріи которыхъ Костомаровъ отвергаетъ молча, по своему нерасположенію къ полемикѣ. Должно желать, чтобы молодые люди, готовящіеся разрабатывать русскую исторію, внимательно изучали мнѣнія Костомарова.

Другое приложеніе къ нашему переводу этого тома — рассказъ о битвѣ при Рокруа, переведенный изъ книги Шерюэля *Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV.*—Битва при Рокруа имѣетъ очень важное историческое значеніе: собственно съ нея начинается та слава, которой пользовалась французская армія во второй половинѣ XVII вѣка. До нея, испанская армія считалась лучшей между арміями великихъ державъ. Шведы были сами по себѣ слабы; военное могущество Швеціи возникло и нѣсколько времени поддерживалось только благодаря союзу съ Франціей и нѣмецкими лютеранскими госу-

XIV.

дарями. Безъ этого союза Швеція могла быть страшна только сосѣднимъ государствамъ, имѣвшимъ или малочисленные или плохія войска. Англичане, французы, австрійцы всегда считали ее государствомъ второстепеннаго значенія. По окончаніи тридцатилѣтней войны она утратила для нихъ важность, какую имѣла въ эту войну, благодаря тому, что французское правительство давало шведскому деньги на вербовку и содержаніе наемниковъ, а нѣкоторые изъ нѣмецкихъ предводителей наемниковъ поступили въ шведскую службу. Но испанская армія была страшна французамъ до бѣгства при Рокруа. Только блестящая побѣда, одержанная ими въ этомъ сраженіи, дала ихъ правительству ту увѣренность въ своемъ военномъ могуществѣ, которая пріобрѣла при Людовикѣ XIV такое сильное вліяніе на ходъ исторіи Европы.

ОЧЕРКЪ НАУЧНЫХЪ ПОНЯТІЙ ПО НѢКОТОРЫМЪ ВОПРОСАМЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

5.

Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты.

Теперь признано, что всѣ люди происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Потому всякія объясненія различій между этнографическими группами людей, различіями ихъ природы, должны быть отвергаемы, какъ не соотвѣтствующія нынѣшнему состоянію науки. Природою существъ, произошедшихъ отъ однихъ предковъ, объясняется только одинаковое въ этихъ существахъ, по одинаковости ихъ природы. Различіе между ними не можетъ быть объясняемо ничѣмъ, кромѣ различія вліяній, подъ которыми шла ихъ жизнь.

Вліянія, подъ которыми идетъ жизнь людей, дѣлятся на два разряда: къ одному принадлежатъ вліянія внѣшней природы, къ другому вліянія отношеній между самими людьми.

Вліянія внѣшней природы подраздѣляются на два класса: одинъ составляютъ вліянія неорганической природы, другой вліянія органической.

Наибольшая часть вліяній неорганической природы издавна соединена въ понятіе о вліяніи климата. Мы должны рассмотреть важнѣйшіе изъ элементовъ этого понятія. Въ настоящемъ отдѣлѣ нашей

работы мы займемся изложеніемъ астрономическаго закона, которымъ опредѣляются различія въ количествахъ солнечной теплоты на разныхъ параллельныхъ кругахъ и въ разныя времена года. На этомъ законѣ основаны научныя понятія о климатахъ. Климаты, въ которыхъ живутъ теперь люди, очень неодинаковы по температурѣ. Первобытною родиною людей была страна экваторіальнаго климата. Ни въ какомъ иномъ не могли возникнуть люди; и, возникнувъ въ немъ, не могли существовать ни въ какомъ иномъ, пока не имѣли одежды и не знали искусства зажигать огонь: всякія попытки ихъ переселяться за предѣлы непрерывности теплой температуры должны были тогда быстро кончаться или возвращеніемъ въ экваторіальный климатъ или гибелью отъ холода. Научившись дѣлать себѣ одежду, устраивать жилища, отоплять ихъ, люди пріобрѣли возможность жить въ климатахъ, имѣющихъ холодныя ночи въ часть года, соотвѣтствующую тому времени, которое называется зимою въ климатахъ, гдѣ падаетъ снѣгъ; возможно стало людямъ жить и въ климатахъ, имѣющихъ зиму; и не только въ такихъ, гдѣ она коротка и не очень сурова, но и въ такихъ, гдѣ она очень продолжительна и морозъ ея очень суровъ. Люди цивилизованныхъ націй ужасаются при мысли о дѣйственности человѣческой жизни въ тѣхъ странахъ, гдѣ морозы не даютъ роста не только деревьямъ, даже травѣ. Но и въ земляхъ, гдѣ хоть на нѣсколько дней въ году замерзаетъ вода, жизнь людей опредѣляется температурными вліяніями, очень различными отъ тѣхъ, какія принадлежатъ климату первобытной родины ихъ.

Кромѣ температурныхъ, есть и другія различія между климатами, важныя для человѣческой жизни. Но основной элементъ климата — температура его. Классификація климатическихъ поясовъ идетъ по градаціи температуръ.

Источникъ теплоты на земномъ шарѣ — лучи солнца. Количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу мѣстности въ продолженіе дня, или, какъ мы будемъ называть для краткости, дневное количество солнечной теплоты, опредѣляется высотой пути солнца въ этотъ день и продолжительностью дня.

На линіи земного экватора всѣ дни года имѣютъ одинаковую продолжительность; но высота пути солнца измѣняется и тамъ, какъ вездѣ, съ каждымъ днемъ. Начнемъ обзоръ этихъ измѣненій высоты пути солнца подъ линіей небеснаго экватора съ того равноденствія, которое соотвѣтствуетъ астрономическому началу весны въ нашемъ сѣверномъ полушаріи.

XVI.

Круги пути солнца стоятъ подъ экваторомъ вертикально *). Въ эпоху весенняго равноденствія дневной путь солнца совпадаетъ съ кругомъ небеснаго экватора. А этотъ кругъ надъ земнымъ экваторомъ проходитъ точкой своего верхняго перегиба чрезъ зенитъ. Потому въ эпоху весенняго равноденствія центръ диска солнца, или, какъ говорится для краткости, солнце проходитъ въ полдень надъ линіей земнаго экватора чрезъ зенитъ. Высоты дневнаго пути солнца измѣняются высотой солнца въ полдень. Потому путь солнца надъ земнымъ экваторомъ имѣетъ въ эпоху весенняго равноденствія наибольшую высоту. Послѣ того путь солнца передвигается къ сѣверу; солнце проходитъ въ полдень мимо зенита съ сѣверной стороны; разстояніе это увеличивается съ каждымъ днемъ до эпохи лѣтняго солнцестоянія, когда путь солнца достигаетъ предѣла своего уклоненія на сѣверъ. Этотъ предѣлъ находится теперь въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Чѣмъ дальше отъ зенита проходитъ солнце въ полдень, тѣмъ меньше высота его дневнаго пути. Въ эпоху нашего лѣтняго солнцестоянія полуденная высота солнца надъ земнымъ экваторомъ равняется высотѣ зенита за вычетомъ $23^{\circ} 27'$ уклоненія отъ зенита, то есть составляетъ $66^{\circ} 33'$. Достигнувъ этого предѣла, путь солнца начинаетъ передвиженіе къ югу, полуденное разстояніе солнца отъ зенита съ каждымъ днемъ уменьшается, высота пути солнца растетъ, и въ эпоху нашего осенняго равноденствія снова достигаетъ наибольшей величины: путь солнца снова совпадаетъ тогда съ кругомъ небеснаго экватора, и солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земнаго экватора чрезъ зенитъ. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе къ югу, снова начинаетъ отдѣляться отъ небеснаго экватора, проходитъ въ полдень надъ линіей земнаго экватора все дальше на югъ отъ зенита, путь солнца все поднимается, пока, въ эпоху нашего зимняго солнцестоянія, достигнетъ предѣла своего южнаго уклоненія; полуденная точка пути солнца на этомъ предѣлѣ южнаго его уклоненія находится также въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ верхней точки небеснаго экватора, и высота пути солнца надъ земнымъ экваторомъ въ эпоху нашего земнаго солнцестоянія равняется въ эпоху такъ же, какъ въ эпоху нашего лѣтняго солнце-

*) Собственно говоря, суточные круговые обороты солнца не круга, а круговые извивы одной непрерывной спиральной линіи; но разстоянія между извивами ея незначительны по сравненію съ ихъ діаметрами; потому для простоты можно, не дѣлая большой погрѣшности, принимать каждый круговой изгибъ за особый замкнутый кругъ. Такъ обыкновенно и дѣлаютъ при вычисленіи дневныхъ количествъ солнечной теплоты. Мы въ настоящемъ случаѣ только слѣдуемъ примѣру астрономовъ, говоря о кругахъ дневнаго пути солнца, а не о круговыхъ извивахъ непрерывной спиральной линіи.

стоянія, $66^{\circ} 33'$. Послѣ того путь солнца начинаетъ передвигаться на сѣверъ, приближается съ каждымъ днемъ къ небесному экватору, полуденная высота солнца растетъ до эпохи нашего весенняго равноденствія.

Итакъ, путь солнца надъ земнымъ экваторомъ два раза въ годъ достигаетъ наибольшей высоты и два раза наименьшей; наибольшія совпадаютъ съ эпохами равноденствій, наименьшія съ эпохами солнцестояній. Обѣ наибольшія равны между собою; и обѣ наименьшія тоже равны между собою. Такимъ образомъ, та половина года, которая соотвѣтствуетъ по времени нашему зимнему полугодію, одинакова съ половиной, соотвѣтствующей нашему лѣтнему полугодію.

Таковы существенныя черты хода измѣненій дневного пути солнца надъ линіей земного экватора.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ соотвѣтствующихъ измѣненій пути солнца надъ линіей нашего сѣвернаго тропика, или, какъ будемъ говорить для краткости, подъ тропикомъ.

На линіи земного экватора круги дневного пути солнца вертикальны; надъ земнымъ полюсомъ они горизонтальны; на всѣхъ линіяхъ географической широты, отъ линіи земного экватора до полюса, круги пути солнца имѣютъ наклонное положеніе. Они наклонены въ сторону экватора. На каждой линіи стороны между экваторомъ и полюсомъ уголъ ихъ наклоненія остается во все продолженіе года неизмѣннымъ; величина его равна величинѣ дуги разстоянія этой линіи широты отъ экватора. Линіи тропиковъ отстоятъ отъ линіи экватора на $23^{\circ} 27'$. Итакъ, подъ нашимъ, сѣвернымъ, тропикомъ круги пути солнца имѣютъ наклоненіе въ сторону юга, и величина ихъ наклоненія равна $23^{\circ} 27'$.

Въ эпоху весенняго равноденствія путь солнца совпадаетъ съ линіею небеснаго экватора. Точка верхняго перегиба небеснаго экватора находится надъ линіею земного тропика въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Итакъ, въ эпоху весенняго равноденствія полуденная высота пути солнца надъ линіей земного сѣвернаго тропика равна $66^{\circ} 33'$; это такая же высота, какую на земномъ экваторѣ солнце имѣетъ въ полдень въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. Итакъ, высота пути солнца въ весеннее равноденствіе на линіи земного тропика равна высотѣ его на земномъ экваторѣ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. А продолжительность дня въ эпоху равноденствія подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня. При равной продолжительности дней и равной высотѣ пути солнца, количества дневной солнечной теплоты равны. Такимъ обра-

XVIII.

зомъ, количество солнечной теплоты тропического дня въ эпоху весенняго равноденствія равно количеству солнечной теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія.

Послѣ весенняго солнцестоянія солнце передвигается къ сѣверу отъ экватора; съ каждымъ новымъ днемъ полуденная высота его надъ земнымъ тропикомъ приближается къ зениту, то-есть увеличивается; вмѣстѣ съ повышеніемъ пути солнца увеличивается и продолжительность тропического дня. Въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія передвиженіе солнца къ сѣверу достигаетъ своего предѣла; полуденная точка его отстоитъ тогда на $23^{\circ}27'$ минутъ къ сѣверу отъ небеснаго экватора, то-есть совпадаетъ съ зенитомъ. Вмѣстѣ съ высотой пути солнца достигаетъ наибольшей величины и продолжительность тропического дня. Она въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія составляетъ 13 часовъ 27 минутъ. Послѣ лѣтнаго солнцестоянія солнце начинаетъ передвигаться къ югу; полуденная точка пути солнца съ каждымъ днемъ удаляется отъ зенита, высота пути солнца и продолжительность дня въ эту вторую половину лѣтнаго полугодія уменьшается въ томъ же порядкѣ, какимъ увеличивалась въ первую половину его; и въ эпоху осенняго равноденствія полуденная высота солнца снова равняется $66^{\circ}33'$, продолжительность дня вновь равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня, и количество дневной теплоты снова равно тому, какое было въ эпоху весенняго равноденствія, равно количеству теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху солнцестоянія.

Итакъ, каждый день второй половины лѣтнаго полугодія подъ тропикомъ равняется соотвѣтствующему дню первой половины. Такимъ образомъ, каждый день лѣтней половины тропического года равняется высотой пути солнца соотвѣтствующему дню экваторіальнаго полугодія; но каждый имѣетъ продолжительность больше экваторіальной. Потому каждый день лѣтней половины тропического года превосходитъ количествомъ теплоты солнца соотвѣтствующій ему день экваторіальнаго полугодія.

Изъ этого ясно, что во все продолженіе лѣтнаго полугодія линія земного тропика получаетъ отъ солнца количество теплоты больше того, какое получается линіей земного экватора.

Но другая половина экваторіальнаго года равна порвой по высотамъ пути солнца и по количествамъ солнечной теплоты, которыя, при равной продолжительности дней, прямо соразмѣрны высотамъ пути солнца.

Не таково отношеніе второй половины года къ первой подъ тропикомъ.

Въ эпоху осенняго равноденствія путь солнца совпадалъ съ небеснымъ экваторомъ, высота этого пути была $66^{\circ}33'$. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе на югъ, удаляется отъ экватора, высота пути его уменьшается, пока оно въ эпоху зимняго солнцестоянія достигнетъ предѣла своего передвиженія къ югу. Этотъ предѣлъ равенъ величиною сѣверному предѣлу, отстоятъ отъ экватора тоже на $23^{\circ}27'$. Итакъ въ продолженіе первой половины зимняго полугодія высота солнца на линіи земного тропика понижается съ $66^{\circ}33'$ до $43^{\circ}6'$. Вмѣстѣ съ высотой пути солнца уменьшается и продолжительность дня. Въ эпоху осенняго равноденствія тропическій день продолжается 12 часовъ; въ эпоху зимняго солнцестоянія продолжительность его составляетъ только 10 часовъ 33 минуты. Вторая половина зимняго полугодія одинакова съ первой.

Сравнимъ теперь размѣры полугодичныхъ и годовыхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подъ экваторомъ и подъ тропикомъ, припомнимъ, что при равной продолжительности дней эти количества прямо пропорціональны высотамъ пути солнца и замѣтивъ, что полуденная высота солнца, опредѣляющая высоту дневного пути его, измѣряется синусомъ того угла, до котораго солнце (точнѣе говоря: центръ диска солнца) подымается надъ астрономическимъ горизонтомъ въ полдень астрономическаго времени, что синусъ зенита (угла 90°) принимается за единицу, что синусы двухъ другихъ угловъ — десятичныя дроби, и что продолжительность дня въ вычисленіяхъ этого рода — астрономическая (то-есть, удлиненіе дня преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, не измѣняющее результата, а только запутывающее счетъ, не вводится въ вычисленіе) *).

Такимъ образомъ, въ лѣтнюю половину тропическаго года дневныя количества солнечной теплоты, начинаясь и кончаясь величинами, равными наименьшей экваторіальной и становясь по мѣрѣ удаленія отъ равноденствій все болѣе и болѣе превосходящими соотвѣтствующія экваторіальныя величины, достигаютъ въ лѣтнее солнцестояніе такого превосходства надъ наибольшей экваторіальной величиной, какое производится увеличеніемъ продолжительности дня съ 12 часовъ до 13 часовъ 27 минутъ. Не будемъ вычислять точной величины этого избытка теплоты, потому что вычисленіе заняло бы слишкомъ много мѣста, еслибъ изложить его простымъ языкомъ; а излагать иначе мы не хотимъ. Пусть же будетъ сказано здѣсь только то, что ясно и безъ точнаго вычисленія: избытокъ наибольшаго тропиче-

*) Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

скаго дневного количества солнечной теплоты надъ наибольшимъ экваторіальнымъ долженъ быть довольно великъ, потому что удлиненіе дня, производящее его, имѣетъ довольно значительную величину: 12 часовъ, это значитъ: 720 минутъ; а 13 часовъ 27 минутъ, это 807 минутъ; излишекъ второго числа надъ первымъ составляетъ больше 12%, то-есть около одной восьмой доли.

Въ зимнюю половину тропического года высоты пути солнца уменьшаются съ 0,9174 до 0,6704; а въ соотвѣтствующую половину экваторіальнаго года предѣлы измѣненія тѣ же, какъ въ первую половину: низшій предѣлъ 0,9174, высшій 1,0000. Итакъ, еслибы въ зимнюю половину тропического года продолжительность дня не становилась меньше неизмѣнной экваторіальной, то дневныя количества солнечной теплоты измѣнялись бы въ эту половину тропического года отъ 0,9174 до 6704, наибольшее изъ нихъ было бы слишкомъ на 8% меньше наибольшаго экваторіальнаго, а наименьшее слишкомъ на 26% меньше наименьшаго экваторіальнаго; но вмѣстѣ съ пониженіемъ пути солнца въ зимнюю половину тропического года уменьшается и продолжительность дня; отъ этого происходитъ уменьшеніе дневного количества солнечной теплоты въ пропорціи болѣе

Предѣлы полугодичныхъ и годичныхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты.

	Подъ тропикомъ.	Подъ экваторомъ.
Первое полугодіе (лѣтнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца	1,0000	1,0000
Второй факторъ. Продолжительность дня	13 часовъ 27 мин.	12 часовъ.
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца	0,9174	0,9174
Второй факторъ. Продолжительность дня	12 часовъ.	12 часовъ.
Второе полугодіе (зимнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты подъ тропикомъ равно наименьшему лѣтняго полугодія.		
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца	0,6704	Второе полугодіе одинаково съ первымъ
Второй факторъ. Продолжительность дня	10 часовъ 33 мин.	

значительной, чѣмъ опредѣляемая только по пониженію пути солнца. Предѣлъ уменьшенія продолжительности дня—10 часовъ 33 минуты; такимъ образомъ, въ тотъ день, когда высота пути солнца составляетъ только 0,6704, день имѣетъ не 720 минутъ, а только 633 минуты; и количество теплоты солнца въ этотъ день должно быть много меньше того, какое опредѣляется по одной высотѣ пути солнца: 633 минуты, это лишь семь восьмыхъ долей неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня.

Что жъ мы видимъ, сравнивая тропическій годъ съ экваторіальнымъ?

Экваторіальный годъ состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ половинъ; предѣлы измѣненія дневного количества солнечной теплоты въ немъ 1,0000 и 0,9174; разница между наибольшимъ и наименьшимъ количествами гораздо меньше 9%.

Тропическій годъ состоитъ изъ лѣтняго полугодія и зимняго полугодія. Въ лѣтнее полугодіе всѣ дни имѣютъ такія количества солнечной теплоты, которыя больше экваторіальныхъ; предѣлъ этого излишка довольно великъ. Въ зимнее полугодіе наибольшее количество дневной солнечной теплоты равно наименьшему экваторіальному; наименьшее много очевидно меньше трехъ четвертей наименьшаго экваторіальнаго.

Наконецъ, сравнимъ одно съ другимъ два тропическія полугодія. Одно изъ нихъ съ начала до конца имѣетъ количества дневной солнечной теплоты больше экваторіальныхъ, другое съ начала до конца имѣетъ количества меньше экваторіальныхъ, и разница доходитъ до предѣла, по которому тропическое количество дневной теплоты не составляетъ и двухъ третей наименьшаго экваторіальнаго.

Это значитъ въ тропическомъ годѣ около эпохи зимняго солнцестоянія дневныя количества солнечной теплоты вдвое меньше количествъ солнечной теплоты дней около эпохи лѣтняго солнцестоянія.

Ясно, что по распредѣленію дневныхъ количествъ солнечной теплоты тропическій годъ значительно отличается отъ экваторіальнаго; ясно, что насколько температура зависитъ отъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, тропическій годъ долженъ имѣть въ зимнюю половину довольно большой періодъ времени холоднаго сравнительно съ наименѣ теплыми днями экваторіальнаго года, а въ лѣтнюю половину довольно большой періодъ времени болѣе знойнаго, чѣмъ самыя теплые дни экваторіальнаго года.

Всѣ мы знаемъ, что температура мѣстности опредѣляется не исключительно дѣйствіемъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, падающей на атмосферу этой мѣстности, что морскія теченія и вѣ-

теръ переносятъ большія количества тепла или холода изъ одной мѣстности въ другую, что болото и песчаная степь не одинаково воспринимаетъ и сохраняютъ теплоту или холодъ; знаемъ, что эти и другія вліянія производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень большое увеличеніе или уменьшеніе лѣтняго тепла или зимняго холода; знаемъ также, что съ повышеніемъ мѣстности надъ уровнемъ моря понижается температура; всѣ мы знаемъ, что на вершинахъ Андъ подъ экваторомъ лежитъ вѣчный снѣгъ, а у сѣвернаго полярнаго круга есть мѣстности, въ которыхъ весь годъ имѣетъ почти ровную температуру, какъ напримѣръ на Шетлэнтскихъ островахъ подъ 61° широты; знаемъ, что линіи равныхъ годовыхъ температуръ подъ нѣкоторыми меридіанами поднимаются въ полярномъ направленіи градусовъ на 12 дальше своего положенія подъ другими меридіанами, что изгибы линій наибольшей лѣтней температуры имѣютъ размѣры еще болѣе значительные, что еще значительнѣе изгибы линій наименьшей зимней температуры. Но какъ бы велики ни были размѣры температурныхъ измѣненій, производимыхъ въ дѣйствиіе дневныхъ количествъ солнечной теплоты мѣстными особенностями другихъ температурныхъ вліяній, всетаки должно имѣть ясное понятіе объ основномъ законѣ распредѣленія температуръ, состоящемъ въ измѣненіяхъ дневного количества солнечной теплоты въ продолженіе года. Эти основныя количества даютъ намъ возможность понимать истинный характеръ климатическихъ особенностей, производимыхъ мѣстными различіями вліяній, видоизмѣняющихъ результаты основного распредѣленія температуръ по направленію меридіановъ отъ экватора къ полюсу.

Мы представили обзоры годовыхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подъ экваторомъ и подъ тропикомъ. Сдѣлаемъ соображенія о томъ, какъ измѣняются эти количества подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ.

Всѣ мы знаемъ, что дневныя количества солнечной теплоты въ зимнее полугодіе уменьшаются по направленію отъ тропика къ полюсу и что на полярномъ кругѣ въ эпоху зимняго солнцестоянія центръ диска солнца въ астрономическій полдень уже не подымается выше линіи астрономическаго горизонта, то есть ночь по астрономическому счету длится цѣлые сутки и дневное количество солнечной теплоты, даваемое въ эти сутки отчасти верхнею половиною солнечнаго диска, подымающейся на нѣкоторое время выше линіи астрономическаго горизонта, отчасти преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, подымающимъ солнце выше видимаго горизонта, когда оно

находится нѣсколько ниже астрономическаго горизонта, составляетъ величину такую незначительную, которая не имѣетъ практической важности; въ этотъ день подъ полярнымъ кругомъ солнце нѣсколько времени свѣтитъ, но почти нисколько не согрѣваетъ; мы знаемъ также, что періодъ непрерывной ночи увеличивается за полярнымъ кругомъ и что на полюсѣ онъ по астрономическому счету высотъ солнца занимаетъ все зимнее полугодіе. Потому всѣ мы имѣемъ отчетливое понятіе, что на сколько температура опредѣляется дневными количествами солнечной теплоты, зимнее полугодіе становится все болѣе и болѣе холоднымъ по направленію отъ тропика къ полюсу; но каковъ характеръ измѣненій дневныхъ количествъ солнечной теплоты по этому направленію меридіановъ въ лѣтнее полугодіе? Точныя вычисления потребовали бы слишкомъ много мѣста, если бы мы стали излагать ихъ основанія простымъ языкомъ. Потому ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ цифръ, дающихъ возможность судить о приблизительной величинѣ дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. Это будутъ цифры полуденныхъ высотъ солнца и продолжительности дня. Количество дневной теплоты получается не черезъ простое перемноженіе этихъ двухъ факторовъ, а черезъ вычисленіе по формулѣ, пользоваться которой посредствомъ общеизвѣстныхъ ариѳметическихъ способовъ — дѣло многосложное. Но простое соображеніе о пропорціяхъ, по которымъ идутъ въ направленіи отъ тропика къ полюсу уменьшеніе полуденной высоты солнца и увеличеніе продолжительности дня въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, даетъ уже нѣкоторую ясность представленію о томъ, какъ относятся дневныя количества солнечной теплоты въ эту эпоху подъ затропическими широтами къ наибольшему дневному количеству солнечной теплоты подъ экваторомъ. Рядомъ съ цифрами элементовъ, опредѣляющихъ количества дневной теплоты солнца въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, мы приведемъ цифры полуденныхъ высотъ солнца въ эпохи равноденствій; продолжительность дня подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна тогда экваторіальной; потому цифры высотъ пути солнца въ эти эпохи съ точностью соотвѣтствуютъ количествамъ дневной теплоты и прямо показываютъ, въ какой пропорціи эта теплота находится къ наибольшей экваторіальной, соотвѣтствующей синусу углз 90° , принимаемому за 1,0000 *).

Вдумываясь въ цифры этой таблицы, легко понять, что законъ измѣненія дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами

*) Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

между тропикомъ и полярнымъ кругомъ въ лѣтнее полугодіе имѣеть характеръ, опредѣляемый слѣдующими существенными чертами: чѣмъ дальше отъ экватора за тропикомъ находится данная мѣстность, тѣмъ меньше полуденная высота солнца надъ нею въ эпоху весенняго равноденствія (а при равной продолжительности дня этой эпохи подъ всѣми широтами до полярнаго круга, количество дневной теплоты подъ каждой широтой въ эту эпоху съ точностью соотвѣтствуетъ полуденной высотѣ солнца). Подъ всѣми широтами между тропикомъ и экваторомъ количество дневной теплоты въ эпоху лѣтняго солнцестоянія много больше наибольшаго дневного количества солнечной теплоты подъ экваторомъ. Но та величина, какую имѣеть количество дневной солнечной теплоты въ эпоху весенняго равноденствія, тѣмъ меньше, чѣмъ дальше отъ экватора кругъ широты; слѣдовательно, тѣмъ больше времени надобно для того, чтобъ это возрастающее количество сравнилось съ наибольшимъ экваторіальнымъ и тѣмъ меньше времени остается до лѣтняго солнцестоянія.

Такимъ образомъ лѣтнее полугодіе подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ отличается отъ соотвѣтствующаго экваторіальнаго полугодія тѣмъ, что соразмѣрно разстоянію круга широты отъ тропика уменьшается число дней, въ которые дневное количество солнечной теплоты больше наибольшаго экваторіальнаго. Вторая половина лѣтняго полугодія въ этомъ отношеніи одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой; потому законъ распредѣленія дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ будетъ таковъ:

Широта.	Эпоха равноденствія.		Эпоха лѣтняго солнцестоянія.					Продолжитель- ность дня. От- ношеніе ея къ продолжитель- ности эквато- ріальнаго дня, принимаемой за единицу.
	Полуденная вы- сота солнца. Уголъ.	Синусъ угла.	Полуденная вы- сота солнца. Уголъ.	Продолжитель- ность дня. Часы и минуты.	Полуденная вы- сота солнца. Синусъ угла.			
23°27' (тропикъ)	66°33'	0,9174	90°	13 ч. 27 м.	1,0000	1,		
25°	65°	0,9063	88°27'	13 " 34 "	0,9996	1,1305		
30°	60°	0,8660	83°27'	13 " 56 "	0,9935	1,1611		
35°	55°	0,8192	78°27'	14 " 22 "	0,9797	1,1972		
40°	50°	0,7660	73°27'	14 " 51 "	0,9586	1,2375		
45°	45°	0,7071	68°27'	15 " 26 "	0,9301	1,2861		
50°	40°	0,6428	63°27'	16 " 09 "	0,8945	1,3458		
55°	35°	0,5736	58°27'	17 " 07 "	0,8522	1,4264		
60°	30°	0,5000	53°27'	18 " 30 "	0,8033	1,5417		
65°	25°	0,4226	48°27'	21 " 09 м.	0,7484	1,7708		
66°33' (полярный кругъ)	23°27'	0,3979	46°54'	24 ч.	0,7302	2,0000		

Чѣмъ дальше отъ экватора находится кругъ широты, тѣмъ больше число дней послѣ весенняго равноденствія и передъ осеннимъ равноденствіемъ принадлежитъ частямъ полугодія, имѣющимъ количества солнечной теплоты меньше наименьшаго экваторіальнаго; за этой первой частью весенней четверти года и передъ соотвѣтствующею ей послѣдней частью осенней четверти года, лѣтнее полугодіе имѣетъ подъ всякой широтой между тропикомъ и полярнымъ кругомъ такіе дни, въ которые количество солнечной теплоты повышается черезъ величины отъ наименьшей до наибольшей экваторіальной; между этими вторыми частями весенней и осенней четвертей года находится нѣкоторое количество дней, имѣющихъ количества солнечной теплоты больше наибольшаго экваторіальнаго. Эта часть лѣтняго полугодія, состоящая изъ конца весенней и начала осенней четвертей года имѣетъ продолжительность тѣмъ большую, чѣмъ ближе къ тропику параллельный кругъ, и тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше онъ отъ тропика. Вычислять длину ея подъ разными широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ мы не будемъ по той же причинѣ, по которой не вычисляли наибольшихъ количествъ дневной теплоты въ эпоху лѣтняго солнцестоянія для широтъ между экваторомъ и полярнымъ кругомъ. Но есть на земномъ шарѣ два пункта, относительно которыхъ можно вычислить очень немногосложнымъ способомъ количество теплоты въ каждый день лѣтняго полугодія; это полюсы. Простота вычисленія даетъ намъ возможность привести цифру дневного количества солнечной теплоты подъ сѣвернымъ полюсомъ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. А для того, чтобъ узнать отношеніе этой величины къ количеству солнечной теплоты подъ экваторомъ, мы вычислимъ наибольшее экваторіальное количество дневной теплоты. Мы примемъ простой способъ вычисленія, чтобы каждый читатель могъ самъ провѣрить его.

Въ каждый моментъ дня количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу данной мѣстности, прямо пропорціонально высотѣ солнца (точнѣе сказать высотѣ центра диска солнца) надъ астрономическимъ горизонтомъ этой мѣстности (то есть надъ тою линіею, какую образуетъ горизонтъ на открытомъ морѣ или на равнинѣ, которая разстиляется до края горизонта безъ всякихъ замѣтныхъ повышеній или пониженій своего уровня, образуетъ подобно морю правильную часть поверхности эллипсоида). Высоты солнца измѣряются, какъ мы знаемъ, синусами угловъ, образуемыхъ центромъ его диска съ тою точкою круга горизонта, которая находится на томъ же меридіанѣ. Въ хорошихъ таблицахъ логариѳмовъ есть таблицы синусовъ, выраженные

не логариёмами этихъ цифръ, а самими цифрами. Потому каждый, имѣющій хорошія таблицы логариёмовъ, можетъ провѣрить наше вычисленіе наибольшаго количества дневной теплоты подъ экваторомъ, сдѣлавъ простое сложеніе готовыхъ цифръ, находящихся въ таблицахъ длины синусовъ. Если же у желающаго сдѣлать провѣрку нѣтъ подъ руками хорошихъ таблицъ логариёмовъ, онъ можетъ провѣрить наше вычисленіе, взявъ хотя бы самыя маленькія таблицы логариёмовъ. Ему должно будетъ приискивать логариёмы синусовъ и потомъ приискивать въ таблицахъ чиселъ тѣ цифры, которыя соотвѣтствуютъ этимъ логариёмамъ; эти цифры и будутъ цифрами длины синусовъ.

Простымъ ариѳметическимъ способомъ, которымъ поведемъ мы наше вычисленіе наибольшаго дневного количества солнечной теплоты подъ экваторомъ, получаютъ цифры лишь для отдѣльныхъ точекъ кривой линіи, составляющей путь солнца. Но если брать эти отдѣльные пункты на такихъ разстояніяхъ, чтобы изгибы кривизны между ними не имѣли значительной величины, то приблизительный счетъ даетъ выводъ, мало отличающійся отъ точнаго. Такъ, напримѣръ, когда вычисляются стороны вписаннаго въ кругъ многоугольника, имѣющаго 192 стороны, то получается величина обвода, нѣсколько меньшая, чѣмъ окружность круга, а когда вычисляются стороны такого же многоугольника, описаннаго около круга, то получается величина обвода, нѣсколько большая окружности круга. Но разница между обводами перваго и втораго многоугольниковъ оказывается очень мала; потому видно, что истинная величина окружности круга, занимающая средину между этими двумя величинами, еще меньше отличается отъ каждой изъ нихъ, чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой. Нашъ многоугольникъ будетъ имѣть не 192 стороны, а 360 сторонъ въ полномъ своемъ обводѣ (180 сторонъ въ половинѣ обвода); потому дастъ выводъ очень близкій къ точной величинѣ.

Мы раздѣлимъ дневную половину пути солнца на градусы и будемъ находить высоты центра диска солнца въ моменты прохожденія его черезъ каждую изъ точекъ его дневного пути, совпадающихъ съ дѣленіемъ на градусы; такимъ образомъ мы получимъ рядъ высотъ, соотвѣтствующихъ точкамъ дневного пути солнца 0° , 1° , 2° и т. д. до другой оконечности полукруга: 178° , 179° , 180° . Для ясности приведемъ начало, небольшую долю средней части и конецъ этого ряда цифръ *).

Представимъ себѣ, что прямая линіи, соотвѣтствующія своими длинами величинамъ этихъ цифръ длины синусовъ, поставлены вер-

*) Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

тикально на горизонтальной линіи въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; мы получимъ рядъ линій, изъ которыхъ каждая слѣдующая подымается верхнимъ своимъ концомъ выше предыдущей, сначала много, потомъ меньше и меньше, пока въ срединѣ ряда повышеніе, уже давно сдѣлавшееся незначительнымъ (соотвѣтственно разницамъ цифръ: 0,9994, 0,9998, 1,0000) прекращается на самой срединѣ ряда (въ пунктѣ 90° , синусъ котораго имѣетъ длину 1,0000) и дальше замѣняется пониженіемъ, ходъ котораго совершенно соотвѣтствуетъ ходу повышенія въ первой половинѣ ряда (соотвѣтственно слѣдующимъ за 1,0000 цифрамъ 0,9998, 0,9994 и т. д.).

Соединимъ верхніе концы нашихъ вертикальныхъ линій поперечными линіями, которыя въ началѣ и въ концѣ ряда вертикальныхъ линій будутъ имѣть очень наклонное положеніе, а чѣмъ ближе къ срединѣ ряда, тѣмъ меньшую наклонность, и въ самой срединѣ ряда будутъ лежать почти горизонтально. Такимъ образомъ мы получимъ многоугольникъ, верхній край котораго образуется ломанной линіею, сначала подымающейся круто, потомъ все менѣе и менѣе круто, перегибающейся на своей срединѣ и опускающейся сначала полого, потомъ круто въ другой половинѣ своей, а нижній край образуется

Пункты дневного пути солнца.	Высоты центра диска солнца въ эти момен- ты прохожденія черезъ эти пункты.
0°	0,0000
1°	0,0175
2°	0,0349
3°	0,0523
4°	0,0698 и такъ далѣе.
.
86°	0,9976
87°	0,9986
88°	0,9994
89°	0,9998
90°	1,0000
91°	0,9998 (=высотѣ 89°)
92°	0,9994 (=высотѣ 88°) и т. д.
.
178°	0,0349 (=высотѣ 2°)
179°	0,0175 (=высотѣ 1°)
180°	0,0000 (=высотѣ 0°).

XXVIII.

горизонтальной линіею. Верхній ободъ многоугольника имѣетъ 180 сторонъ соотвѣтственно тому, что мы считали длины синусовъ для каждаго градуса половины круга. Площадь между ломанной линіей верхняго обвода и горизонтальной линіей, служащей основаніемъ многоугольника, будетъ своею величиною обозначать количество солнечной теплоты, идущей на атмосферу линіи земного экватора въ продолженіе того дня, въ который солнце проходитъ надъ этой линіей черезъ зенитъ.

Мы имѣемъ цифры высотъ пунктовъ перелома верхняго края нашего многоугольника; какими цифрами должны быть выражаемы горизонтальныя разстоянія между этими вертикалами. Та основная горизонтальная линія, на которой вертикально поставлены линіи синусовъ—это линія продолжительности экваторіальнаго дня. Онъ имѣетъ 12 часовъ, то есть 720 минутъ. А мы поставили на этой линіи 181 вертикалъ, въ равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, по числу градусовъ полукруга отъ 0° до 180° (0° , 1° , 2° и т. д. до 180° , это 181 цифра, а не 180 цифръ; потому и число вертикаловъ 181; первый и послѣдній вертикалы, соотвѣтствующіе синусамъ 0° и 180° равны 0; каждый изъ нихъ—точка на горизонтальной линіи, обозначающая тотъ пунктъ, на которомъ пересѣкаетъ ее наклонная линія, опускающаяся отъ 1° къ 0° и отъ 179° къ 180° ; число разстояній между 181 вертикалами будетъ 180).

Итакъ горизонтальная линія, изображающая собою продолжительность дня, имѣющаго 720 минутъ, раздѣлена на 180 равныхъ частей; ясно, что каждая изъ этихъ частей представляетъ собою продолжительность четырехъ минутъ. И дѣйствительно мы знаемъ, что солнце проходитъ каждый градусъ своего пути въ 4 минуты времени, а мы ставили на горизонтальной линіи вертикалы, изображающіе собою высоты солнца на пунктахъ его пути, отстоящихъ одинъ отъ другого ровно на градусъ. Итакъ если мы будемъ вести счетъ времени по минутамъ, то каждую изъ 180 равныхъ частей горизонтальнаго основанія нашего многоугольника мы должны считать за 4. По этой нормѣ счета мы должны будемъ помножить на 4 ту сумму, какая получается у насъ черезъ сложеніе всѣхъ цифръ, обозначающихъ длины вертикаловъ, то есть высоты солнца. Тогда мы будемъ имѣть счетъ суммы площади, выраженный произведеніемъ высотъ его, считаемыхъ десятитысячными долями радіуса, на продолжительность времени, считаемаго по минутамъ. Но мы должны имѣть счетъ, выраженный въ единицахъ количества теплоты. Для этого мы должны будемъ перемножить полученное нами первое произведеніе на коэффиціентъ теп-

лоты. Счетъ теплоты ведется по единицамъ, называемымъ калоріями. Калорія такое количество теплоты, которое повышаетъ на 1° стоградусной скалы термометра 1 кубическій сантиметръ воды (или считать не по объему, а по вѣсу, то одинъ граммъ воды). Теперь принимаютъ, что количество теплоты падающей на 1 квадратный сантиметръ верхняго слоя атмосферы отъ солнца, находящагося въ зенитѣ равно 2,5 калоріямъ, то есть: если былъ бы выставленъ дѣйствию лучей солнца находящагося въ зенитѣ одинъ граммъ воды въ сосудѣ съ вертикальными стѣнками, имѣющемъ площадь дна равную 1 квадратному сантиметру и былъ огражденъ отъ охлажденія, и если бы лучи солнца падали на эту воду, ни мало не ослабленные въ своей теплотѣ прохожденіемъ черезъ атмосферу, то температура этого грамма воды повысилась бы въ продолженіи 1 минуты на 2,5 градуса стоградуснаго термометра. Последнее условіе неудобноисполнимо: невозможно предотвратить уменьшенія теплоты лучей солнца при ихъ прохожденіи черезъ атмосферу до насъ или инструментовъ, которыми производимъ мы наблюденія. Но поглощеніе части теплоты лучей солнца атмосферою при прохожденіи черезъ атмосферу, уменьшаетъ только силу ихъ дѣйствія на поверхность земли или моря и предметы находящіеся невысоко, надъ этой поверхностью, а сумма ихъ дѣйствія на температуру остается равна полной силѣ той теплоты, какую имѣютъ они за вычетомъ части отраженной въ пространство. Потому, когда опредѣляется теплотворное дѣйствіе лучей солнца, то принимаютъ его за равное 2,5 калоріямъ въ продолженіе минуты времени при высотѣ солнца, соотвѣтствующей зениту.

И такъ, мы должны начать вычисленіе сложеніемъ длинъ синусовъ, соотвѣтствующихъ высотамъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ 0° , 1° и т. д. въ тотъ экваторіальный день, когда въ полдень оно проходитъ черезъ зенитъ. Чтобы каждый читатель могъ провѣрить дѣланное нами вычисленіе, помѣщаемъ въ примѣчаніи таблицу длинъ синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д., 90° *).

Каждой цифрѣ отъ синуса 0° до синуса 89° соотвѣтствуетъ такая же цифра въ другой половинѣ счета, отъ синуса 91° до синуса 180° . И такъ, сложивъ цифры отъ синуса угла 0° —0,0000 до синуса угла 89° —0,9998, мы должны удвоить сумму ихъ. Сложая, получаемъ 56,7984; множимъ эту цифру и получаемъ 113,5968; прибавляемъ къ этому произведенію синусъ 90° , встрѣчающійся только одинъ

*) Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

разъ, и потому не введенный нами въ сложеніе цифръ, сумму которыхъ надобно было удвоить; получаемъ

$$\begin{array}{r} 113,5968 \\ + \text{Sin } 90^\circ - 1,0000 \\ \hline 114,5968 \end{array}$$

Эта цифра—сумма синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д. до 180° , сумма высотъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ эти пункты дневного пути. Счетъ высотъ веденъ по долямъ высоты зенита, потому сумма получена въ единицахъ высоты зенита. Это значитъ, что сумма согрѣвающей силы солнца въ моменты его прохожденія черезъ пункты отъ 0° до 180° превышаетъ слишкомъ въ 114 разъ ту силу дѣйствія, какая принадлежитъ моменту прохожденія солнца черезъ зенитъ. Пункты высотъ, опредѣленныхъ нами и соединенныхъ въ сумму по счету высоты зенита отдѣлены одинъ отъ другого цѣлымъ градусомъ пути; а каждый градусъ пути солнца проходитъ, какъ мы знаемъ, въ 4 минуты; мы знаемъ также, что количество теплоты, идущей въ продолженіе минуты съ лучами солнца, находящагося въ зенитѣ, принимается за равное 2,5 калоріямъ; это значитъ, что если мы хотимъ выразить въ калоріяхъ сумму теплоты, идущей на атмосферу подъ экваторомъ въ продолженіе того дня, когда солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ, мы должны помножить полученную нами сумму высотъ солнца на 4 и произведенія помножить на 2,5, то есть, по легкости счета при замѣнѣ этихъ двухъ перемноженій однимъ помножить ее прямо на $4 \times 2,5 = 10$. Такимъ образомъ мы получаемъ выводъ, что сумма

*) Таблица длины синусовъ угловъ отъ 0° до 90° по интерваламъ, равнымъ градусу.

$0^\circ,0000$					
1 $,00175$	16 $,02756$	31 $,05150$	46 $,07194$	61 $,08746$	76 $,09703$
2 $,00349$	17 $,02924$	32 $,05299$	47 $,08314$	62 $,08829$	77 $,09744$
3 $,00523$	18 $,03090$	33 $,05446$	48 $,07431$	63 $,08910$	78 $,09781$
4 $,00698$	19 $,03256$	34 $,05592$	49 $,04547$	64 $,08988$	79 $,09816$
5 $,00872$	20 $,03420$	35 $,05736$	50 $,07660$	65 $,09063$	80 $,09848$
6 $,01045$	21 $,03584$	36 $,05878$	51 $,07771$	66 $,09135$	81 $,09877$
7 $,01219$	22 $,03746$	37 $,06018$	52 $,07880$	67 $,09205$	82 $,09903$
8 $,01392$	23 $,03907$	38 $,06157$	53 $,07986$	68 $,09272$	83 $,09925$
9 $,01564$	24 $,04067$	39 $,06293$	54 $,08090$	69 $,09336$	84 $,09945$
10 $,01736$	25 $,04226$	40 $,06428$	55 $,08192$	70 $,09397$	85 $,09963$
11 $,01908$	26 $,04384$	41 $,06561$	56 $,08290$	71 $,09455$	86 $,09976$
12 $,02079$	27 $,04540$	42 $,06691$	57 $,08387$	72 $,09511$	87 $,09986$
13 $,02250$	28 $,04695$	43 $,06820$	58 $,08480$	73 $,09563$	88 $,09994$
14 $,02419$	29 $,04848$	44 $,06947$	59 $,08572$	74 $,03613$	89 $,09998$
15 $,02630$	30 $,05000$	45 $,07070$	60 $,08660$	75 $,09659$	90 10000

теплоты, идущая въ продолженіе этого дня на линію экватора, равняется 1145,968. За исключеніемъ двухъ крайнихъ цифръ $=0,0000$ и средней цифры $=1,0000$, всѣ слагаемыя длины синусовъ—безконечныя дроби; мы брали ихъ съ четырьмя знаками; при такомъ счетѣ каждая принимаемая цифра можетъ заключать въ себѣ погрѣшность почти равную половинѣ единицы послѣдняго мѣста десятичной дроби, которое берется въ счетъ съ отбрасываніемъ всей слѣдующей части дроби. Нѣтъ правдоподобія, чтобы всѣ 179 слагаемыхъ дробныхъ цифръ имѣли наибольшую возможную погрѣшность и чтобы во всѣхъ она одинаково была плюсомъ или во всѣхъ минусомъ. Но очень правдоподобно, что сумма 179 погрѣшностей, каждая изъ которыхъ можетъ простираться до половины 1 послѣдняго знака, составляетъ нѣсколько единицъ послѣдняго принятаго въ счетъ мѣста десятичныхъ дробей, и одинаково возможно этой погрѣшности быть плюсомъ или минусомъ; такимъ образомъ истинная цифра теплоты этого экваторіальнаго дня можетъ составлять или 1145,980 или только 1145,950, вмѣсто полученной нами цифры 1145, 968.

Мы вычислили сумму дневной теплоты подъ экваторомъ въ тотъ день, когда солнце проходитъ черезъ зенитъ, то есть, вычислили наибольшее количество теплоты экваторіальнаго дня. Вычислимъ теперь сумму теплоты идущей отъ солнца на полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія. Этотъ счетъ очень простъ. Пути солнца надъ земнымъ полюсомъ лежатъ горизонтальными кругами; всегда или виденъ или не виденъ весь кругъ. Въ зимнее полугодіе онъ вовсе не виденъ; въ лѣтнее полугодіе онъ весь виденъ непрерывно отъ весенняго до осенняго равноденствія. Дни этого полугодія различаются между собою только высотой, на какой горизонтально лежитъ весь кругъ; въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, когда высота его достигаетъ наибольшей величины, она составляетъ $23^{\circ} 27'$. Спнусъ этого угла равняется 0,397949 (Мы беремъ эту дробь не съ четырьмя, а съ шестью десятичными знаками, потому что всякая погрѣшность въ ней увеличивается, какъ увидимъ въ 360 разъ, при переложеніи ея въ сумму дневной теплоты, слѣдовательно, должно взять величину ея съ гораздо большей степенью приближенія, чѣмъ какая достаточна для дробей, входящихъ въ сумму высотъ солнца лишь по два раза). Мы вели вычисленіе высотъ солнца въ экваторіальный день по разстояніямъ отъ градуса до градуса; слѣдовательно и сумму высотъ солнца въ полярный день мы должны составить черезъ сложеніе всѣхъ высотъ солнца по разстояніямъ отъ градуса до градуса, а этотъ день состоитъ изъ полного круга солнца, то есть солнце проходитъ въ

этотъ день черезъ всѣ 360 градусовъ круга. На каждомъ градусѣ высота его одна и та же, потому что кругъ имѣетъ горизонтальное положеніе. Такимъ образомъ мы найдемъ сумму высотъ солнца на всѣхъ 360 точкахъ прохожденія его черезъ градусы, перемноживъ общую высоту каждаго изъ этихъ моментовъ на 360. Дѣлаемъ умноженіе и получаемъ:

$$0,397949 \times 360 = 143,2616$$

Умножаемъ эту сумму высотъ на 10 и получаемъ, что количество солнечной теплоты, идущее на земной полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, составляетъ 1432,616.

А наибольшая сумма солнечной теплоты экваторіальнаго дня составляетъ, какъ мы видѣли, только 1145,968. Принимая наибольшую экваторіальную сумму дневной солнечной теплоты за 1 сравненія, мы найдемъ, что сумма солнечной теплоты, идущая на полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, равняется 1,25, то есть, что въ этотъ день на атмосферу полюса идетъ количество теплоты, превышающее цѣлой четвертью наибольшую экваторіальную сумму дневной теплоты.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ не случилось раньше чтенія этого нашего очерка узнать, какова сумма теплоты, идущей на атмосферу полюса въ день лѣтняго солнцестоянія, и каково отношеніе этой величины къ наибольшей суммѣ теплоты экваторіальнаго дня, усомнились бы въ справедливости найденнаго ими теперь вывода, если бы не шли вмѣстѣ съ нами къ нему шагъ за шагомъ, имѣя полную возможность провѣрить каждую цифру и каждый ариѳметическій пріемъ, посредствомъ которыхъ формировался выводъ. Мы не имѣли права предполагать довѣрія къ намъ въ дѣлѣ разъясненія астрономическихъ вопросовъ; намъ слѣдовало напротивъ того предполагать во многихъ читателяхъ мнѣніе, что авторъ „Очерка научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» вовсе не спеціалистъ по математикѣ. Это мнѣніе справедливо; но дѣло не въ томъ, спеціалистъ ли онъ по математикѣ, а лишь въ томъ, случилось ли ему узнать астрономическія истины, относящіяся къ вопросу о распредѣленіи солнечной теплоты по разнымъ параллельнымъ кругамъ и по разнымъ временамъ года. Надобно было изложить процессъ полученія этихъ истинъ такимъ простымъ языкомъ, чтобы ходъ соображеній былъ ясенъ для тѣхъ читателей, знанія которыхъ по математикѣ не превышаютъ знаній автора, и чтобы каждый изъ нихъ могъ провѣрить выводъ.

Излишекъ теплоты дня лѣтняго солнцестоянія подъ полюсомъ сравнительно съ наибольшей дневной теплотой подъ экваторомъ такъ

великъ, что очевидно не могъ возникнуть весь въ одинъ день; напротивъ возрастаніе, шедшее отъ 0 въ началѣ первой половины лѣтнаго полугодія къ величинѣ 1,25 въ концѣ ея, должно было достичь величины 1,00 за довольно большое число дней передъ солнцестояніемъ; уменьшеніе отъ 1,25 до 1,00 идетъ въ началѣ второй половины полугодія тѣмъ же ходомъ, какимъ шло въ концѣ первой половины возрастаніе и также займетъ довольно большое число дней. Такимъ образомъ даже подъ полюсомъ находится въ срединѣ лѣтнаго полугодія довольно большой періодъ времени, когда дневныя количества солнечной теплоты превышаютъ наибольшую дневную теплоту солнца подъ экваторомъ. Понятно, что чѣмъ дальше отъ полюса, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ длиннѣе эта часть лѣтнаго полугодія.

Мы говорили о дневныхъ количествахъ солнечной теплоты въ лѣтнее полугодіе подъ полюсомъ только для того, чтобы придать ясность понятію объ отношеніяхъ этого полугодія подъ высокими широтами къ экваторіальному полугодію. Люди не живутъ подъ полюсомъ; возвратимся къ соображеніямъ о тѣхъ широтахъ, въ которыхъ живутъ они. Мы сдѣлали обзоръ годичнаго распредѣленія дневныхъ теплотъ солнца подъ тропикомъ и видѣли, что всѣ дни лѣтнаго полугодія подъ этой широтой имѣютъ дневныя количества солнечной теплоты бôльшія количествъ ея въ соотвѣтствующіе дни экваторіальнаго года, но что другое полугодіе подъ тропикомъ имѣетъ гораздо меньше солнечной теплоты, чѣмъ подъ экваторомъ, гдѣ оно одинаково съ первымъ полугодіемъ. Широты между экваторомъ и тропикомъ, разумѣется, занимаютъ по распредѣленію дневныхъ теплотъ среднія положенія соотвѣтственно своимъ географическимъ широтамъ: чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ меньше разница между полугодіями, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ больше она.

За тропикомъ она возрастаетъ по направленію къ полюсу, это мы все знаемъ; но большую важность представляетъ разъясненіе вопроса о томъ, который изъ двухъ предѣловъ дневного количества солнечной теплоты передвигается съ увеличеніемъ широты съ такою быстротою, что его измѣненіе образуетъ главную причину увеличенія разницы между лѣтнимъ и зимнимъ полугодіями. Мы теперь имѣемъ уже довольно отчетливое представленіе объ этомъ. Наибольшее количество дневной теплоты или не уменьшается сравнительно съ тропическимъ подъ болѣе далекими отъ экватора широтами или уменьшается очень мало. Лѣтнія полугодія подъ градусами широты между тропикомъ и полярнымъ кругомъ имѣютъ сумму солнечной теплоты, тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше отъ тропика; но уменьшеніе лѣтней

полугодичной суммы происходит не отъ пониженія верхняго предѣла въ возрастаніи дневныхъ количествъ солнечной теплоты, а собственно оттого, что понижается предѣлъ, съ котораго начинаютъ расти они въ лѣтнее полугодіе и понижается наравнѣ съ нимъ предѣлъ, до котораго падаютъ они въ концѣ полугодія. Эти начальный и конечный предѣлы подъ широтами между тропикомъ и полюсомъ совпадаютъ съ эпохами весенняго и осенняго равноденствій, когда, какъ мы знаемъ, продолжительность дня подъ всѣми широтами до полюса равна неизмѣнной экваторіальной и составляетъ 12 часовъ. А при этой равной подъ всѣми широтами продолжительности дня эпохъ равноденствія, количество дневной теплоты прямо пропорціональны полуденнымъ высотамъ солнца. Разсмотримъ первыя двѣ колонны той нашей таблицы, въ которой приведены полуденныя высоты солнца въ эпохи равноденствій подъ нѣкоторыми изъ широтъ между тропикомъ и полярнымъ кругомъ, сравнимъ эти высоты. Подъ тропикомъ полуденная высота въ эпоху равноденствія $= 0,9174$, то есть она лишь на одну тринадцатую долю меньше высоты зенита; подъ широтою 25° она равна $0,9063$, то есть на разстояніи лишь немногимъ больше полутора градуса отъ тропика по направленію къ полюсу она уменьшилась на $0,0111$, на одну девяностую долю и стала ужъ на одиннадцатую долю меньше зенитной. Подъ широтами 30° она равна $0,8660$, на разстояніи 5° ея уменьшеніе составило $0,0403$, то есть одну двадцать пятую долю единицы, служащей нормою сравненія и она стала почти на одну седьмую долю меньше зенитной; дѣлая слѣдующіе переходы по разстояніямъ 5° , мы видимъ такой рядъ цифръ:

Широта. . .	25°	30°	35°	40°	45°	50°	55°	60°	65°
Полуд. выс.	$0,9063$	$0,8660$	$0,8192$	$0,7660$	$0,7071$	$0,6428$	$0,5738$	$0,5000$	$0,4226$
Разности . .		403	468	532	589	643	690	738	774

Съ каждымъ переходомъ на 5° по направленію отъ экватора къ полюсу разность полуденной высоты отъ высоты предшествовавшаго круга широты становится больше; это значитъ, что дневное количество теплоты въ эпоху равноденствія уменьшается въ пропорціи болѣе значительной, чѣмъ уменьшается разстояніе отъ полюса или увеличивается разстояніе отъ экватора, иначе сказать: уменьшеніе дневного количества теплоты въ эпоху равноденствія идетъ прогрессіей болѣе быстрой, чѣмъ приближеніе пунктовъ меридіана къ полюсу.

Чѣмъ ниже тотъ уровень, съ котораго идетъ возрастаніе дневного количества солнечной теплоты въ первую половину лѣтнаго полуго-

дія, тѣмъ позднѣе достигнетъ эта растущая величина равенства съ наименьшей экваторіальной; потомъ пройдетъ нѣсколько времени до достиженія ею равенства съ наибольшей экваторіальной и, за вычетомъ этихъ двухъ частей, тѣмъ меньше останется часть четверти года, въ которую эта величина превосходитъ наибольшую экваторіальную. Вторая четверть лѣтняго полугодія одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой, по количествамъ дневной теплоты; слѣдовательно, чѣмъ дальше отъ тропика кругъ широты, тѣмъ большую часть въ обѣихъ половинахъ лѣтняго полугодія составляютъ дни, имѣющіе количество дневной теплоты меньше наименьшаго экваторіальнаго. Собственно, въ этомъ и состоитъ разница лѣтнихъ полугодій подъ далекими отъ экватора широтами, отъ соотвѣтствующаго по времени экваторіальнаго полугодія. Не уменьшеніемъ наименьшихъ количествъ дневной теплоты отличаются лѣтнія полугодія этихъ широтъ отъ экваторіальнаго полугодія, а увеличеніемъ продолжительности и интенсивности стужи въ началѣ и въ концѣ своего лѣтняго полугодія.

Если бы температура дней лѣтняго полугодія опредѣлялась только количествами дневной теплоты въ это полугодіе, она не была бы очень низка даже и подъ полярнымъ кругомъ. Полуденная высота солнца въ эпохи равноденствій подъ полярнымъ кругомъ составляетъ 0,3979, то есть равняется почти двумъ пятымъ долямъ наибольшей экваторіальной дневной теплоты, составляетъ почти четыре девятыхъ доли наименьшаго экваторіальнаго количества. Разница велика, но не колоссальна. Жизнь подъ полярнымъ кругомъ была бы удобна для однолѣтнихъ растеній, которымъ нужна теплота лишь въ продолженіе пяти или даже только четырехъ мѣсяцевъ, если бы высота температуры тамъ опредѣлялась исключительно дневными количествами солнечной теплоты съ начала лѣтняго полугодія. Не только пшеница превосходно росла бы подъ полярнымъ кругомъ, очень хорошо росли бы тамъ и маисъ и даже рисъ. Но дѣло въ томъ, что началу лѣтняго полугодія подъ широтами, близкими къ полярному кругу, предшествуетъ полугодіе съ очень малыми количествами дневной теплоты. Въ продолженіе этого полугодія температура падаетъ такъ низко, что нужна очень большая сумма дневныхъ теплотъ весенней четверти года для ея поднятія до уровня выше точки замерзанія, и потомъ нужна очень большая сумма этихъ теплотъ для того, чтобъ исчезли ледъ и снѣгъ, оттаяла почва на такую глубину, какая нужна для развитія корней пшеницы; еще тяжелѣе для жизни растеній подобныхъ пшеницѣ другое обстоятельство: подъ широтами далекими отъ экватора бываютъ даже днемъ морозы послѣ того, какъ земля ужь

оттаяла на довольно большую глубину, а по ночамъ морозы бываютъ и послѣ того, какъ перестаютъ бывать морозы днемъ; нѣсколькихъ часовъ такой низкой температуры достаточно, чтобъ убить растеніе, подобное пшеницѣ.

Такимъ образомъ разницы между климатическими поясами производятся во-первыхъ пониженіемъ количествъ дневной теплоты въ началѣ лѣтнаго полугодія и во-вторыхъ холодною зимою зимняго полугодія. Этотъ второй элементъ климатическихъ различій имѣетъ наибольшее значеніе въ произведеніи разницъ между растительностью подъ разными широтами, а характеръ растительности важнѣйшій изъ тѣхъ элементовъ, которыми опредѣляется удобство или неудобство чело-вѣческой жизни у племенъ, перешедшихъ отъ добыванія пищи исключительно охотой или рыболовствомъ къ способамъ пропитанія, дающимъ болѣе изобильныя и болѣе вѣрныя средства жизни.

Исторія католической реакціи и религіозныхъ войнъ.

А. Католическая церковь и папство.

Литература. Ranke, Die römischen Päpste in den vier letzten Jahrhunderten (6 изд., Leipzig, 1874); Maurenbrecher, Geschichte der katholischen Reformation (Nördlingen, 1880); Philippson, La Contre-Révolution religieuse au XVI siècle (Bruxelles, 1884); Keller, Die Gegenreformation in Westphalen und am Niederrhein (Leipzig, 1881); Huber, Der Jesuitenorden (Berlin, 1873); Druffel, Ignatius von Loyola an der römischen Kurie (München, 1879); Friedrich, Beiträge zur Geschichte des Jesuitenorden (München, 1881); Hothlein, Ignatius von Loyola (Halle, 1885); M'Crile, History of the progress and suppression of the reformation in Italy (Edinburgh and London, 1827); Erdmann, Die Reformation und ihre Märtyrer in Italien (Berlin, 1885); Comba, Storia della Riforma in Italia (Firenze, 1881 и слѣд. годы).—Относительно исторіи тридентскаго собора находятся важныя извѣстія у Де Ту (Thuanus, Historia etc). Мы ужъ говорили въ X томѣ, что главные современные историки тридентскаго собора—Сарпи и кардиналъ Паллавичини. Сарпи имѣлъ разговоры съ многими изъ участниковъ собора, у него были въ рукахъ такіе документы, которыхъ не имѣлъ Паллавичини; но за то Паллавичини пользовался ватиканскимъ архивомъ; разумѣется, онъ приводитъ только тѣ извѣстія, которыя выгодны для папизма. Тейнеръ хотѣлъ издать донесенія легатовъ, руководившихъ совѣщаніями собора; іезуиты помѣшали этому. Въ послѣдніе годы Ланцъ, Мауренбрехеръ и Дёллингеръ издали много документовъ относящихся къ исторіи тридентскаго собора и хранящихся въ брюссельскомъ, симанкаскомъ и вѣнскомъ архивахъ; Зикель началъ изданіе всѣхъ тѣхъ документовъ, хранящихся въ австрійскихъ архивахъ, которые еще не были изданы. Назовемъ также Mendham, Memoirs of the Council of Trent (London, 1834).

І. НОВЫЕ МОНАШЕСКІЕ ОРДЕНА.

Между тѣмъ какъ въ Германіи уничтожалось монашество, въ романскихъ земляхъ оно обновлялось. Реформація отрицала его, отвергая безбрачіе и всякіе обѣты держаться правилъ жизни болѣе суровыхъ, чѣмъ заповѣди, возлагаемыя священнымъ писаніемъ на всѣхъ христіанъ; подъ вліяніемъ этихъ понятій монашество падало и въ католическихъ земляхъ. Но папская церковь не могла отказаться отъ

него, потому что душеспасительность монашескихъ обѣтовъ была однимъ изъ основныхъ ея догматовъ. Въ прежнемъ своемъ видѣ монашество не соотвѣтствовало настоящимъ ея надобностямъ, потому были основаны новые ордена и преобразованы прежніе. Главною задачею этого преобразованнаго монашества была борьба съ протестантствомъ. Капуцины, отросль францисканцевъ, правда, сохранили прежній характеръ пассивнаго самоотреченія отъ житейскихъ удобствъ безъ полемики съ еретиками, но и они были сдѣланы служителями интересовъ папской власти, возложившей на нихъ обязанность проповѣдывать простому народу, то есть поддерживать въ немъ грубые средневѣковыя понятія о религіи. Въ томъ же направленіи дѣйствовали барнабиты, проповѣдывавшіе языкомъ менѣе площаднымъ. Другіе новые ордена имѣли цѣлью воспитывать образованныхъ служителей церкви, какъ на примѣръ театинцы, или развивать въ духовенствѣ благочестіе, какъ на примѣръ ораторіанцы. Орденъ театинцевъ былъ основанъ кардиналомъ Караффой для воспитанія священниковъ, связанныхъ болѣе строгими монашескими обѣтами, чѣмъ прежніе приходскіе священники. Орденъ отцовъ ораторіи былъ основанъ Фелиппо Нери, нетребовавшимъ особенныхъ обѣтовъ, заботившимся только о томъ, чтобъ его послѣдователи поддерживали другъ въ другѣ благочестіе. Театинцы и ораторіанцы занимались отчасти заботами о бѣдныхъ и больныхъ; это было главной обязанностью нѣкоторыхъ другихъ новыхъ орденовъ: итальянскаго ордена сомасковъ, возникшаго въ Испаніи ордена братьевъ милосердія и его женскаго отдѣла, ордена сестеръ милосердія, сильно распространившагося по Франціи и Германіи; піаристы, конгрегация Винценція де Паула, урсулянки, елисаветянки, кармелитки и нѣкоторыя другія конгрегаціи имѣли своимъ назначеніемъ обученіе дѣтей и благотворительность. Были основаны конгрегаціи для заботъ о нравственномъ исправленіи порочныхъ простолудиновъ и простолудинокъ, для проповѣдыванія нравственности имъ. Этимъ миссіонерствомъ на родинѣ особенно много занималась конгрегация отцовъ миссіонеровъ, основателемъ которой былъ также Винценцій де Паула. Всѣ эти новые ордена и конгрегаціи были порождены надобностью католической церкви обороняться отъ распространенія протестантскихъ ученій.

Во францисканскомъ орденѣ было много ссоръ, служившихъ поводами къ возникновенію новыхъ отдѣловъ (конгрегацій) его. Въ XV вѣкѣ неаполитанскій отшельникъ Франческо де Паула основалъ новую конгрегацию, которой далъ очень суровый уставъ. Она называлась орденомъ отшельниковъ (эремитовъ) св. Франциска, была въ 1474 году утверждена Сикстомъ IV, распространилась по Франціи, куда пригласилъ ея основателя Людовикъ XI, потомъ проникла въ Испанію и Германію. При Александрѣ VI она стала называться конгрегациею минимовъ (наименьшихъ) то-есть смиреннѣйшихъ. Ея основатель былъ причтенъ къ лику святыхъ въ 1519 году Львомъ X.

Франческо де
Паула
416—1507.

Вскорѣ послѣ того возникъ другой болѣе важный отдѣлъ францисканскаго ордена, имѣвшій цѣлью дѣйствовать на простолюдиновъ тѣми же средствами, какими приобрѣли популярность францисканцы въ первое время своего существованія. Это преобразование началъ Маттео Басси въ Урбино. Возстановляя первоначальный суровый уставъ, онъ видоизмѣнилъ между прочимъ форму капишона (клобука съ мантией): одинъ изъ монаховъ сказалъ ему, что св. Францискъ Ассизскій носилъ клобукъ пирамидальной формы; онъ принялъ ее для своей конгрегаціи. Существеннымъ преобразованиемъ было возстановленіе прежняго безусловнаго отреченія отъ всякаго имущества. Монахъ конгрегаціи обсервантовъ Луиджи Фоссомброне сталъ помогать Басси; ихъ конгрегація получила въ 1526 отъ Климента VII дозволеніе носить пирамидальный капюшонъ. Ей пришлось выдержать борьбу съ общимъ начальствомъ францисканскаго ордена, принадлежавшимъ къ конгрегаціи обсервантовъ, и присоединилась къ другой отрасли францисканскаго ордена, конгрегаціи конвентуаловъ, имѣвшей самостоятельное управленіе; конвентуалы дали новой конгрегаціи дозволеніе проповѣдывать. Это было въ 1528 году. Дѣти стали въ шутку называть монаховъ новой конгрегаціи капуцинами потому, что ихъ пирамидальный капюшонъ привлекалъ къ себѣ вниманіе толпы; они приняли это названіе. На собраніи капитула капуциновъ въ 1529 году были окончательно сформированы правила ихъ устава. Онъ обязывалъ ихъ собирать милостыню только въ томъ количествѣ, какое нужно на пропитаніе въ текущій день, не прикасаться къ деньгамъ, соблюдать безмолвіе во все продолженіе сутокъ, кромѣ немногихъ часовъ, опредѣленныхъ уставомъ, и ходить босыми. Капуцинскій орденъ быстро получилъ большое распространеніе. Но первые генералы его вовлекли свою конгрегацію въ большія непріятности. Маттео Басси перессорился и съ римской куріей и съ своими монахами, вышелъ изъ ордена, сѣзавъ верхушку клобука и сталъ одиноко странствовать, поучая народъ; другой генералъ, Фоссомброне, былъ удаленъ изъ своего ордена за неповиновеніе папѣ. Знаменитый проповѣдникъ Бернардино Окино, пять лѣтъ (1538—1543) бывшій генеральнымъ викаріемъ капуциновъ, принялъ реформатское ученіе. Это навлекло на весь орденъ такое сильное подозрѣніе, что папа едва не уничтожилъ его. Капуцины угождали вкусу простолюдиновъ неопрятностью одежды и тѣла, выказываніемъ грубыхъ понятій, рѣзкостью выраженій въ своихъ проповѣдяхъ; они составляли противоположность изящнымъ иезуитамъ. Грубость ихъ обычаевъ нравилась низшему классу народа; они во второй половинѣ XVI вѣка распространились во Франціи, гдѣ усердно служили Гизамъ; изъ Франціи проникли въ Германію, Швейцарію, а черезъ нѣсколько времени и въ Испанію. Они отправлялись миссіонерами въ далекія языческія земли. Получивъ могущество, они въ 1619 году отдѣлились отъ конвентуаловъ, составили совершенно особую конгрегацію. Марія Лавренція Лонга основала женскій отдѣлъ капуцинской конгрегаціи.

Окино
1487—1565,

Въ противоположность капуцинамъ, аристократическій характеръ имѣлъ орденъ кайетанцевъ или театинцевъ, формальными названіями которыхъ были имена: „апостольскіе“ или „регулированные“ (то-есть принявшіе монашескій уставъ), „Священники божественнаго промысла“ или „каноники общей (монастырской) жизни“. Назначеніемъ этого ордена была борьба противъ реформаціи проповѣдями, усерднымъ исполненіемъ богослуженія, строгимъ соблюденіемъ монашескихъ обѣтовъ, возбуждающимъ уваженіе въ народѣ, и привлекающими его любовь заботами о бѣдныхъ и больныхъ. Кайетанцами эти монахи-священники назывались по имени Каетана Тіэнскаго (de Thiene), юриста, бывшаго претонотаріемъ (старшимъ секретаремъ) папы Юлія II; онъ принялъ потомъ монашество, поселился въ Виченцѣ,

Каетанъ
Тіэнскій
1480—1547,

Джованни
Караффа
1476—1559.

занимался тамъ подвигами аскетизма и уходомъ за больными. Возвратившись въ Римъ, онъ задумалъ преобразовать жизнь духовенства, основать для этого новый орденъ. Усердными помощниками ему въ этомъ дѣлѣ стали Джованни Піэро Караффа, епископъ города Кіэти или по другому названію Теате, и два другіе фанатика, Бонифаціо Колле и Паоло Консильери. Они сложили съ себя свои церковныя должности и основали общину, члены которой должны были исполнять обязанности приходскаго духовенства, соблюдая монашескій уставъ. Обѣту бѣдности дали они смыслъ еще болѣе строгій, чѣмъ какой принадлежалъ ему у нищенствующихъ орденовъ; они поклялись даже не просить милостыни, а только принимать, что пошлетъ имъ самъ Богъ безъ ихъ просьбы. Они поселились маленькой общиной на Монте Пинчо и сходили съ этого холма въ Римъ проповѣдывать. Они продолжали называть себя священниками, а не монахами; уже одно это привлекало народъ слушать ихъ проповѣди какъ диковину: въ Италіи давно проповѣдниками были исключительно монахи. Климентъ VII 24 іюня 1524 утвердилъ ихъ уставъ, и орденъ ихъ скоро приобрѣлъ большую силу, потому что въ него поступило много аристократовъ, а одинъ изъ его основателей и старшихъ членовъ (суперіоровъ, членовъ орденскаго капитула) Караффа сталъ папой (онъ принялъ, какъ мы говорили, имя Павла IV). При Сикстѣ V коллегіальное управленіе театинскаго ордена было замѣнено единовластіемъ, была учреждена должность орденскаго генерала. Григорій V и Климентъ IV присоединили къ театинскому ордену двѣ женскія конгрегаціи, основательницею которыхъ была Урсула Бенинказа. За границы Италіи театинскій орденъ почти вовсе не проникъ.

Урсула
Бенинказа
1547—1618.
Барнабиты.

Подобную ему цѣль имѣла конгрегація ломбардскихъ священниковъ, называвшаяся барнабитской по имени миланской церкви, посвященной апостолу Варнавѣ (Барнабѣ). Она была утверждена Климентомъ VII въ 1533 году; Павелъ III въ 1535 назвалъ ее конгрегаціей регулированныхъ клириковъ (священниковъ) апостола Павла. На общемъ собраніи старшихъ членовъ ея (генеральномъ капитулѣ) въ Миланѣ въ 1579 году подъ председательствомъ Карла Борромейскаго былъ выработанъ подробный уставъ, обязывавшій барнабитовъ помогать епископамъ въ заботахъ о душевномъ спасеніи паствы и воспрепятствовать имъ искать высшихъ церковныхъ должностей.

Фелиппо Нери
1515—1595.

Аскетъ, державшій себя очень оригинально во вкусѣ простонародной любви къ шутовству, Фелиппо Нери, уроженецъ Флоренціи, основалъ въ 1548 въ Римѣ братство для общихъ занятій аскетизмомъ, а въ 1550 по поводу праздновавшагося тогда въ Римѣ юбилея присоединилъ къ аскетическимъ обѣтамъ братства обязанность ухаживать за больными паломниками и давать пріютъ нуждающимся, какихъ было много въ толпѣ юбилейныхъ богомольцевъ. Онъ нанялъ для этого домъ, изъ котораго разросся огромный страннопріимный пріютъ съ больницей; при домѣ была основана церковь во имя Пресвятой Троицы; по имени этой церкви братство стало называться троицкимъ. Еще больше, чѣмъ своимъ страннопріимнымъ домомъ оно прославилось открытыми для публики вечерними собраніями въ молитвенномъ залѣ (ораторіѣ); тамъ Фелиппо Нери и его товарищи читали и пѣли молитвы, произносили назидательныя рѣчи, объясняли догматы вѣры и церковную исторію. Популярности троицкаго братства много содѣйствовало то, что Нери съ друзьями ходилъ по окрестностямъ Рима, проводилъ тамъ цѣлые дни, перемѣшивая молитвы и проповѣди съ отдыхомъ и весельемъ; онъ не чуждался ни шутливыхъ разговоровъ, ни обѣдовъ съ виномъ. Молва говорила, что онъ совершаетъ чудеса; особенно много рассказовъ было объ исцѣленіи тѣхъ больныхъ, которыхъ нынѣ мы назы-

ваемъ душевно-страждущими; самъ онъ говорилъ, что никакихъ чудесъ не совершаегъ, но часто доводилъ себя молитвой до экзальтаціи, въ которой являлись ему чудесныя видѣнія; онъ называлъ ихъ своими „глупостями“, но простолюдины все-таки считали ихъ божественными откровеніями ему. Онъ осмѣивалъ лицемѣріе римскихъ церковныхъ сановниковъ, говорилъ много честнаго и разсудительнаго, прикрашая свои поученія шутками; все это сдѣлало его любимцемъ простолюдиновъ Рима и римскихъ окрестностей. Со времени Франциска Ассизскаго не было подвижника, пользовавшагося такой популярностью. Между помощниками Нери находились люди тоже замѣчательнаго ума; такъ, напримѣръ, однимъ изъ преданнѣйшихъ учениковъ его былъ Цезарь Бароній (Чезаре Бароніо), читавшій въ ораторіи лекціи, которыя послужили основаніемъ для его громадной церковной исторіи. Конгрегація священниковъ, основанная Нери, соединяла съ изученіемъ церковныхъ древностей стремленіе къ свободѣ и равенству всѣхъ своихъ членовъ; уставъ ея, выработанный въ этомъ духѣ, былъ утвержденъ папой въ 1575 году. До самой своей смерти Нери неутомимо проповѣдывалъ и дѣйствовалъ на народъ назиданіями, которыя давалъ на исповѣди приходившимъ открывать ему грѣхи свои. Онъ шутиливо предсказывалъ, что церковь не можетъ не признать его святымъ и черезъ 47 лѣтъ по его смерти папа Григорій XV исполнилъ его предсказаніе (въ 1622 году). Слѣдуя примѣру основателя конгрегаціи, ораторіанцы или филиппинцы (какъ они назывались по его имени, Филиппо) продолжали ставитъ главными своими занятіями проповѣдь и дѣятельность духовныхъ руководителей на исповѣди. Ихъ братство распространилось по всей Италіи. Пьеръ Берюль (бывшій впослѣдствіи кардиналомъ) основалъ въ 1611 году ораторіанскую конгрегацію въ Парижѣ. По ея примѣру было основано много другихъ ораторій во Франціи. Но Ришельё и іезуиты были упорными противниками ораторіанцевъ. Общины этой конгрегаціи въ Италіи оставались независимы другъ отъ друга, во Франціи были подчинены парижской общинѣ. Ораторіанцы придали французской проповѣди тотъ характеръ, которымъ прославилась она.

Берюль
1575—1629.

Джироламо Міани, бывшій военнымъ человѣкомъ, проникся благочестіемъ, сталъ основывать въ Сѣверной Италіи монашескіе дома для исправленія падшихъ женщинъ. Центромъ этихъ благотворительныхъ учрежденій былъ воспитательный домъ въ Сомаско, по имени котораго конгрегація, основанная Міани, называлась сомаскинской. Мысль о дѣятельности такого рода была возбуждена въ Міани зрѣлищемъ опустошенія и разврата пропавшихъ въ Италіи нашествіями французовъ, испанцевъ и нѣмцевъ. Преемникъ его Анджело Марко Гамбарана получилъ отъ папы утвержденіе устава конгрегаціи, которая стала послѣ того называться орденомъ клириковъ св. Майола. Ея уставъ былъ видоизмѣненіемъ августинскаго. Графиня Луиза Торелли Гвастальская основала въ 1534 году орденъ Ангеликъ или Сестеръ ангельскихъ для исправленія падшихъ дѣвушекъ; въ этотъ орденъ поступало много знатныхъ дамъ.

Міани
1481—1537.

Для противодѣйствія идеямъ реформаціи преподаваніемъ католическаго вѣроученія дѣтямъ, былъ основанъ орденъ урсулянокъ, получившій свое названіе въ честь св. Урсулы и 11.000 сопровождавшихъ ее святыхъ дѣвушекъ, о гибели которыхъ за исповѣданіе вѣры христіанской говорятъ баснословная католическая легенда. Основательницей конгрегаціи урсулянокъ была энтузіастка Анджела Меричи, родившаяся въ Дезенцано, но дѣйствовавшая главнымъ образомъ въ Брешии, потому называемая Анджелой Брешийской. Урсулянки не давали никакихъ монашескихъ обѣтовъ и только по добровольному желанію оставались въ своей конгрегаціи, имѣвшей цѣлью обученіе дѣтей и уходъ за больными. Она была учреждена 25

Анджела Бре-
шийская.
1470—1540.

ноября 1535 и утверждена папой 9 июня 1544. Кардиналь Карль Борро-
мейскій такъ усердно покровительствовалъ ордену урсулянокъ, что при
его смерти (въ 1584 году) было уже 600 дѣвицъ въ этой конгрегаціи. Но
по смерти основательницы орденъ урсуляновъ былъ подчиненъ строгимъ
монашескимъ обѣтамъ и обращенъ въ орудіе борьбы противъ реформаціи.
Онъ распространился и по Франціи, гдѣ покровительствовалъ ему Сезарь
Бюсъ (Bus), основатель конгрегаціи священниковъ христіанскаго обученія
или доктринаріевъ (доктринеровъ, учителей). Уставъ этой конгрегаціи былъ
выработанъ въ 1593 году, а за два года передъ тѣмъ Григорій XIV ут-
вердилъ уставъ ордена отцовъ (священниковъ, духовниковъ) благой кон-
чины, занимавшихся причащеніемъ умирающихъ.

Еще важнѣе стали ордена піаристовъ и братьевъ и сестеръ милосердія.
Орденъ піаристовъ или монаховъ благочестивыхъ школъ, *pium scholarum*,
былъ основанъ испанцемъ Хосе Каласансе для безвозмезднаго обученія
дѣтей. Имя братьевъ и сестеръ милосердія принадлежало нѣсколькимъ
разнымъ орденамъ, имѣвшимъ одинаковое назначеніе. Португалецъ Жоано
Сіудадъ, долго колебавшійся между распутствомъ и порывами аскетизма,
наконецъ совершенно отдался дѣламъ милосердія. Онъ жилъ тогда въ Гра-
надѣ, сталъ помогать бѣднымъ, собирать милостыню для нихъ. Это было
въ 1540 году. Еще при жизни, его стали называть Іоанномъ Божіимъ (по
испанской формѣ его личнаго имени Хуаномъ ди Діо). Впослѣдствіи онъ
былъ причисленъ къ лику святыхъ. Уставъ ордена, основаннаго имъ, былъ
утвержденъ Ііемъ V и получилъ новыя болѣе точныя правила при Кли-
ментѣ VIII. Къ тремъ обыкновеннымъ монашескимъ обѣтамъ въ немъ при-
бавлена обязанность ухаживать за больными. Монастыри этого ордена,
распространенные по всей католической Европѣ, представляютъ собою
большіе госпитали, прекрасно устроенные. Администрація въ нихъ имѣетъ
менѣе фанатичный характеръ, чѣмъ въ госпиталяхъ другихъ монашескихъ
орденовъ, даетъ пріютъ больнымъ безъ различія исповѣданій; потому ор-
денъ Братьевъ милосердія можно назвать благороднѣйшимъ изъ учрежде-
ній католической церкви, возникшихъ во время тяжелой для нея борьбы
съ реформаціей.

Почти такіе же благотворные результаты имѣла дѣятельность Венсана
де Поля (Vincent de Paul), уроженца Гаскони. Хорошо зная нравственныя
и матеріальныя бѣдствія народа, онъ посвятилъ себя облегченію судьбы
нищихъ, больныхъ галерныхъ каторжниковъ и всякихъ другихъ несчастныхъ.
Когда онъ въ 1517 году произнесъ въ Фольвиллѣ проповѣдь о покаяніи,
на исповѣдь къ нему стало сходиться такое множество людей, что онъ
набралъ себѣ помощниковъ и образовалъ изъ нихъ конгрегацію Миссіоне-
ровъ и Лазаристовъ. По его примѣру они дѣйствовали на народъ пропо-
вѣдями; обращаемые ими къ покаянію исповѣдывались у нихъ. Эта кон-
грегація была утверждена въ 1631 году парижскимъ парламентомъ. Другое
духовное братство подобнаго рода, основанное въ 1632 году въ Авиньонѣ,
называлось конгрегаціей Св. Причащенія или Орденъ Миссіонеровъ для
духовенства. Такую же конгрегацію основалъ ораторіанскій монахъ Эвдъ
(Eudes, Эдъ).

Члены этого ордена назывались эвдистами или священниками-миссіоне-
рами конгрегаціи Іисуса и Маріи. Главнымъ назначеніемъ своимъ они
имѣли воспитывать юношей, готовящихся къ священническому званію и
распространять благочестіе въ духовенствѣ. Большого значенія они не
пріобрѣли.

Венсанъ де Поль въ 1625 году основалъ женское общество для ухода
за бѣдными больными; оно получило большое развитіе, благодаря усерд-
ному содѣйствію богатой женщины, вдовы Ле Гра (Le Gras); въ 1633

Сезарь Бюсъ
1544—1607.

Каласансе
1556—1648.

Хуанъ ди Діо
1495—1550.

Венсанъ де
Поль
1576 — 1666.

Эдъ
1601 — 1680.

архієпископъ парижскій далъ ему права самостоятельной конгрегаціи и названіе Общины сестеръ милосердія (*Soeurs de charité*); французы часто называли ихъ по цвѣту одежды сѣрыми сестрами (*Soeurs grises*). Климентъ IX въ 1688 году утвердилъ уставъ этой конгрегаціи. Сестры милосердія не давали пожизненнаго обѣта, могли всегда сложить съ себя обязанности. Дѣятельность ихъ приносила много пользы больнымъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ католическихъ земляхъ, по которымъ распространилась ихъ конгрегація. Въ Германіи больше распространенія получило другое общество того же рода, основанное въ 1652 году Луи (*Louys*), генераломъ премонстрантскаго ордена; оно называлось общиной сестеръ Св. Карла Борромейскаго. Для женщинъ слабаго тѣлосложенія, желавшихъ ухаживать за больными, былъ учрежденъ орденъ посѣщенія Маріи; уставъ его былъ легкій. Онъ былъ основанъ въ 1610 году Франсуа де Салемъ и знатной дамой Франсуазой де Шанталь. Сестры посѣщенія Маріи назывались также визитантками (посѣтительницами) и салезіанками (по фамиліи Франсуа де Саля).

Для ухода за больными было основано еще нѣсколько конгрегацій. Таковы были: конгрегація Братевъ покаянія, возникшая въ 1615 году во Фландріи; орденъ Виолеемитовъ, основанный въ 1655; конгрегація Женевьевцевъ или канониковъ французской конгрегаціи, основанная въ 1614 году Шарлемъ Форомъ (*Faure*); кромѣ ухода за больными она занималась преподаваніемъ; былъ основанъ и женскій отдѣлъ этой конгрегаціи; монахини его назывались женевиьевянками или чаще мираміонками по фамиліи своей основательницы, г-жи Мираміонтъ. Возникъ орденъ подобнаго рода и въ Новомъ Свѣтѣ; онъ назывался Братствомъ Христіанской любви Св. Ипполита и былъ основанъ въ 1585 году Альваресомъ. Впрочемъ онъ не получилъ большого распространенія. Также въ Новомъ Свѣтѣ, въ Гуатемалѣ, была основана для ухода за больными конгрегація виолеемитовъ. Учредителемъ ея былъ францисканскій монахъ Пьеръ Бетанкуръ (*Bethancourt*).

Бетанкуръ
1619—1667.

Основывались новые ордена, но съ тѣмъ вмѣстѣ преобразовывались нѣкоторые изъ прежнихъ и возстановлялись нѣкоторые уже давно исчезнувшіе. Такъ, напримѣръ, во Франціи на нѣкоторое время возстановилось Братство смерти, существовавшее въ эпоху крестовыхъ походовъ. Сходенъ и на время даже соединенъ съ нимъ былъ орденъ отшельниковъ Павла Өивскаго, основанный еще въ XV вѣкѣ Мендо Гомесомъ де Симброю (*Simbrea*), но утвержденный только въ 1578 году Григоріемъ XIII. Этихъ отшельниковъ было довольно много только въ Португаліи. Важнѣе было преобразование камальдульскаго ордена, возстановившее прежнюю суровость его устава. Оно было произведено Паоло Джустиніани, основавшимъ въ 1522 году Монте-коронскую конгрегацію. Таковую же важность и тотъ же характеръ имѣли преобразование цистерціанскаго ордена Жаномъ де ла Баррьеромъ (въ 1577 году) и преобразование францисканскаго ордена генеральнымъ викаріемъ Феличе Перетти (который впослѣдствіи сталъ папою подъ именемъ Сикста V). Въ Лотарингіи былъ въ томъ же духѣ преобразованъ бенедиктинскій орденъ. Французскіе бенедиктинцы послѣдовали этому примѣру, и къ прежнимъ своимъ обѣтамъ присоединили (въ 1618 году) обязанность заниматься науками и воспитаніемъ знатныхъ молодыхъ людей. Такимъ образомъ возникла въ бенедиктинскомъ орденѣ конгрегація св. Мавра, которая подъ вліяніемъ Менара усердно занялась изслѣдованіемъ древней исторіи церкви.—Женщины соревновали мужчинамъ, особенно во Франціи; основанная тамъ конгрегація феллянтокъ (*Feuillantes*), составлявшая отдѣлъ цистерціанскаго ордена, приняла такой суровый уставъ, что многія монахини ея умирали отъ чрезмѣрнаго

Терезія
Исусова
1515—1582.
Хуанъ Кре-
стовый
1542—1591.

аскетизма. Около того же времени монахини Поръ-рояльскаго монастыря возложили на себя обѣты молчанія, ночнаго бдѣнія и непрерывнаго моленія Св. Дарамъ, а женская конгрегація Голгофы возложила на себя обѣтъ непрерывнаго моленія передъ распятіемъ. Но особенно многочисленны были преобразованія въ кармелитскомъ ордѣ. Они начались въ Испаніи; энтузіастка Терезія Авильская, получившая названіе Терезіи Исусовой, и увлекшійся ея экзальтаціею Хуанъ Йепесь, названный Хуаномъ Крестовымъ, стремились внушать кармелитамъ духъ фанатическаго аскетизма для борьбы съ протестантствомъ. Этотъ аскетизмъ придалъ новое значеніе кармелитскому ордену. Энтузіазмъ Терезіи Исусовой производилъ сильное впечатлѣніе на массу. Принцесса Эволи (Eboli), прожившая нѣсколько времени въ монастырѣ Терезіи, повредила ея репутацію разсказами о ея нескромной жизни въ молодости, но это скоро было забыто. Кармелиты, принявшіе новый суровый уставъ, представляли собою нѣчто среднее между капуцинами и іезуитами. Они ходили босые, отдѣлились отъ другихъ кармелитовъ, продолжавшихъ носить обувь, выбрали себѣ особаго орденскаго генерала (въ 1593 году), а черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1600) раздѣлились на двѣ конгрегаціи: испанскую и итальянскую, такъ что съ этого времени кармелитскій орденъ распался на четыре отдѣла, имѣющіе каждый своего особаго генерала. Эти четыре отдѣла: кармелитскіе обсерванты, сохранившіе прежній менѣе суровый уставъ, мантуанская конгрегація, испанскіе босые кармелиты и итальянскіе босые кармелиты св. Іліи.

II. ІЕЗУИТЫ.

1. Основаніе Іезуитскаго ордена.

Игнатій Лойола
1491—1556.

Донъ Иниго (Игнатій) Лопесь де Рекальде, младшій сынъ Бельтрана Лойолы, человѣка старинной дворянской, но небогаты фамиліи, родился въ 1491 году въ фамильномъ замкѣ своего семейства Лойолѣ, стоявшемъ въ Баскскихъ горахъ. Онъ провелъ молодость при дворѣ Фердинанда Католическаго, отличался храбростью, любезностью съ дамами и усердіемъ къ церкви. Въ войнѣ съ французами при Карлѣ V (въ 1521 году) ядро раздробило ему правую ногу. Отвезенный въ отцовскій замокъ, онъ былъ подвергнутъ мучительной операціи. Она сохранила ему ногу, но онъ остался хромымъ, неспособнымъ ни къ военнымъ подвигамъ, ни къ волокитству. Онъ долго лежалъ послѣ операціи въ постелѣ и, за недостаткомъ рыцарскихъ романовъ, бывшихъ любимымъ его чтеніемъ, сталъ читать житія святыхъ. Душою его овладѣлъ новый идеалъ жизни; онъ захотѣлъ подобно св. Франциску Ассизскому пріобрѣсти земными страданіями небесную славу. Передъ его горячимъ, рыцарски настроеннымъ воображеніемъ носился блестящій образъ духовнаго рыцарства, не уступающаго свѣтскому героизму и славой. Онъ могъ бы стать Донъ-Кихотомъ, но судьба сдѣлала его бойцомъ за римскую церковь. Едва выздоровѣвъ послѣ операціи, онъ (въ 1522) отправился на богомолье въ знаменитое каталонское святое мѣсто Монсерратъ, про-

стоялъ въ подражаніе Амадисамъ ночь съ оружіемъ въ рукахъ во славу новой дамы своего сердца, Маріи; оружіемъ его въ эту ночь рыцарскаго служенія дамъ былъ посохъ пилигрима. Онъ повѣсилъ передъ чудотворнымъ образомъ госпожи своей мечъ и кинжалъ, знаки своего прежняго рыцарства, замѣняемаго новымъ. Онъ хотѣлъ отправиться на поклоненіе Гробу Господню. Но эпидемія помѣшала его паломничеству въ Палестину, и онъ отправился въ сосѣдній городъ Манресу, постушилъ тамъ въ доминиканскій монастырь, предался аскетизму (по позднѣйшей легендѣ, онъ жилъ въ пещерѣ). Изнуливъ плоть свою самоистязаніями, онъ имѣлъ рядъ видѣній; ему являлись Богъ во святой троицѣ, Христосъ, Богоматерь. Онъ подвергся тяжелой болѣзни; выздоровѣвъ, рѣшился замѣнить отшельничество дѣятельностью на пользу церкви. Чтобы возстановить свои силы, онъ смягчилъ суровость своего аскетизма. Прежде всего хотѣлъ онъ исполнить свой планъ путешествія въ Іерусалимъ. Въ 1523 году онъ пошелъ, собирая милостыню, въ Венецію, отплылъ оттуда въ Палестину. Францисканцы не захотѣли долго кормить его въ Іерусалимѣ; онъ возвратился черезъ Италію на родину и сталъ учиться, чтобы приготовить себя къ борьбѣ за церковь. Съ неимовѣрнымъ усердіемъ онъ учился въ Барселонѣ грамматикѣ, въ Алькалѣ философіи, въ Саламанкѣ богословію. Все это время онъ провелъ въ страшной нищетѣ. Экзальтація сдѣлала его подозрительнымъ инквизиціи; онъ два раза подвергался допросу и заключенію въ темницу на нѣсколько недѣль; едва не былъ осужденъ на сожженіе. Это отняло у него возможность пріобрѣсти вліяніе въ Испаніи, потому въ 1528 году онъ положилъ на осла свои книги и учебныя тетради и отправился въ Парижъ. Тамъ онъ тоже терпѣлъ крайнюю нищету, ходилъ по улицамъ выпрашивать себѣ милостыню. Учиться реторикѣ и философіи было тяжело ему, но онъ ни на минуту не забывалъ своего намѣренія собрать даровитыхъ товарищей для основанія задуманнаго имъ ордена. Наконецъ онъ склонилъ къ своей мысли двухъ молодыхъ людей, съ которыми жилъ въ одной комнатѣ; это были уроженецъ Савойи Пьеръ Лефевръ или Фавръ, по латинской формѣ фамиліи Фаберъ, съ которымъ онъ репетировалъ лекціи философіи, и уроженецъ Наварры Франсиско Хаверъ, членъ знатной фамиліи, владѣвшей замкомъ Хаверомъ (близъ Памплоны). Лойола побѣдилъ его гордость самоотверженной дружбой, и открылъ ему и Лефевру свой планъ основать орденъ для распространенія истинной вѣры между еретиками и язычниками. Потомъ онъ склонилъ къ этой мысли португальца Симано Родригеса и испанцевъ Алонсо Сальмерона, Діэго Лайнеса и Николаса Вовадилью (Bobadilla). Все это маленькое общество пошло 15 августа 1534 въ церковь Богоматери, стоявшую на Монмартрѣ, и тамъ надъ Св. Дарами дало обѣтъ отправиться въ Іерусалимъ для проповѣди христіанства, а если это паломничество

Пьеръ Фавръ
1506—1546.
Франсиско
Хавіэръ
1506—1552.

окажется не возможнымъ, то отдать себя въ безусловное распоряженіе папы. Лойола, проживъ семь лѣтъ въ Парижѣ, возвратился на родину и былъ принятъ тамъ какъ святой. Его товарищи остались въ Парижѣ, продолжать свои занятія науками. Черезъ нѣсколько времени къ ихъ обществу присоединились французъ Жанъ Кодюръ, нидерландецъ Паскаль Бруэ и уроженецъ Женевы Клодъ де Жё. По уговору съ Лойолой, они и онъ собрались въ январѣ 1537 года въ Венеціи, чтобъ отправиться оттуда въ Палестину. Но война Венеціи съ турками отняла у нихъ возможность отплыть въ Палестину. Потому они разсудили, что должны отдать себя въ распоряженіе папы, какъ обѣщались на Монмартрѣ. Принятію этого рѣшенія содѣйствовало знакомство съ театинцами. Лойола и его товарищи сблизились съ ними, ухаживая за больными въ госпиталяхъ; театинцы обратили вниманіе своихъ новыхъ знакомыхъ на страданія церкви отъ протестантской ереси Лойола проникся желаніемъ бороться противъ еретиковъ подобно Караффѣ (съ которымъ впрочемъ имѣлъ личныя непріятности). Онъ и тѣ изъ его товарищей, которые еще не были священниками, приняли рукоположеніе въ священническій санъ; они и товарищи ихъ стали очень усердно ухаживать за больными и проповѣдывать въ Виченцѣ и другихъ городахъ венеціанскаго государства. Особенно прославился геройской самоотверженностью въ уходѣ за больными Франсиско Хаверъ; онъ разстроилъ свое здоровье, служа въ Падуѣ больнымъ, страдавшимъ самыми отвратительными болѣзнями. Лойола, навлекавшій на себя и въ Парижѣ, какъ въ Испаніи, непріятности своими эксцентричностями, подвергся и теперь подозрѣніямъ въ ереси, но снова былъ найденъ невиннымъ. Время шло, а все еще невозможно было плыть въ Палестину. Лойола и его товарищи увидѣли въ этомъ указаніе Божіе и отправились въ Римъ, проповѣдуя на улицахъ городовъ и селеній. Во время этого пути Лойола придумалъ назвать свой будущій орденъ Обществомъ Іисуса. *Compania de Iesus, Societas Iesu*. Собравшись въ Римѣ въ 1538 году, онъ и его товарищи бросились къ ногамъ папы, объясняя, что отдаются въ безусловное распоряженіе ему. Они въ Римѣ кормили бѣдныхъ на деньги, собираемыя милостыней, ухаживали за больными, проповѣдывали, вели аскетическую жизнь и приобрѣли такую репутацію, что король португальскій просилъ Лойолу прислать двухъ изъ его товарищей для отправленія миссіонерами въ Индію. Хаверъ и Родригесъ отправились въ Лиссабонъ и быстро приобрѣли благосклонность короля. Римская курія довольно долго колебалась одобрить проектъ Лойолы, возбуждавшего и въ ней недовѣріе своими экзальтированными странностями, находила опасными для церкви нѣкоторыя правила представленнаго имъ устава; наконецъ, ея сомнѣнія разсѣялись. Папа 27 сентября 1540 утвердилъ уставъ Общества Іисуса буллой *Regimini militantis*, и 9 апрѣля 1451 члены новаго ордена

выбрали Лойолу первымъ генераломъ его. Должность эта была у нихъ не на срокъ, какъ въ другихъ орденахъ, а на всю жизнь.

Булла, утверждающая іезуитскій орденъ, начинается мыслью о воинствующей церкви; это соотвѣтствовало характеру ордена, который по проекту своего основателя долженъ былъ служить войскомъ церкви, какъ и самъ Лойола сталъ изъ мірскаго рыцаря духовнымъ. Онъ до конца жизни ухаживалъ за больными, училъ дѣтей, проповѣдывалъ, предавался подвигамъ аскетизма для спасенія своей души, оставался человѣкомъ пылкаго воображенія, религіознымъ фантазеромъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ былъ одаренъ расчетливымъ умомъ, имѣлъ административный талантъ. Борьба была наслажденіемъ для него. «Затишье опаснѣе всякой бури;» говорилъ онъ: «и самый опасный врагъ—недостатокъ враговъ.» Онъ чрезвычайно хорошо умѣлъ приспособляться къ людямъ и обстоятельствамъ, былъ очень изворотливъ, искусно формировалъ помощниковъ себѣ. Въ Сѣверной Италіи онъ находилъ приверженцевъ между простолюдинами самой дурной жизни, а въ Римѣ очаровывалъ знатныхъ людей. Онъ велъ ловкую дипломатическую переписку съ государями и вельможами, покровительствовавшими католической церкви, мастерски пользовался усердіемъ своихъ приверженцевъ. «Входъ пусть будетъ какой угодно, но исходъ всегда долженъ быть нашъ,» говорится въ инструкціи, которую далъ онъ пылкому Сальмерону и флегматичному Бруэ, посылая ихъ въ Шотландію и Ирландію. Онъ руководилъ расчетливымъ Лайнесомъ; обуздывалъ горячаго Вовадилью, сдѣлалъ робкаго Лефевра богословомъ и дипломатомъ, внушилъ Хавьеру геройство стать миссіонеромъ на отдаленномъ Востокѣ. Многіе другіе трудились надъ обработкой устава іезуитскаго ордена; но все въ немъ проникнуто хитрой практичностью Лойолы. Вся она выказалась въ его предписаніи іезуитамъ: «Добрый пастырь душъ долженъ не замѣчать многого, какъ будто не понимаетъ; но, овладѣвъ волею учащагося добродѣтели, поведетъ его куда хочетъ.»

Въ просьбѣ папѣ объ утвержденіи своего ордена Общество Іисуса прибавляло къ тремъ обыкновеннымъ монашескимъ обѣтамъ цѣломудрія, бѣдности и послушанія четвертый, состоявшій въ томъ, чтобы посвящать свою жизнь постоянному служенію Христу и папѣ, нести военную службу подъ знаменемъ Христа; Лойола и его товарищи обѣщались служить только Господу и римскому первосвященнику, какъ его земному намѣстнику, обязывались исполнять безъ всякаго промедленія и извиненія, немедленно сколько находится въ ихъ силѣ, все, что настоящій папа и его преемники повелятъ имъ въ дѣлахъ душевнаго спасенія и распространенія вѣры, обѣщались отправляться во всякія земли, куда онъ пошлетъ ихъ. Папа нуждался тогда въ ревностныхъ исполнителяхъ своей воли. «Это перстъ Божій!» воскликнулъ Павелъ III, читая предложенный ему

на утверждение уставъ Общества Іисуса, и сталъ сильно покровительствовать новому ордену; далъ его членамъ полномочіе проповѣдывать повсюду въ церквахъ и на улицахъ, повсюду исполнять церковныя требы, исповѣдывать и причащать, освободилъ Общество Іисуса отъ подвластности епископамъ, предоставилъ ему право давать отпущеніе грѣховъ, даже въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ никто кромѣ папы не имѣлъ этой власти. По просьбѣ Лойолы папа освободилъ новый орденъ отъ обязанности исповѣдывать женщинъ, а впослѣдствіи, въ 1545 году буллой *Cum inter cunctas*, освободилъ членовъ Общества Іисуса отъ обязанности собираться для слушанія тѣхъ церковныхъ службъ, которыя могутъ быть прочтены священникомъ въ своей комнатѣ (и которыя называются «часами» *horae*). Въ 1546 году буллой *Exhone nobis* папа далъ іезуитамъ право выбирать себѣ свѣтскихъ и духовныхъ помощниковъ (коадьюторовъ), которымъ предоставлялась свобода слагать съ себя обѣтъ служенія ордену, такъ что они были привлекаемы на эту службу свободой отказаться отъ нея въ случаѣ надобности. Въ 1549 году Павелъ III далъ генералу Общества Іисуса совершенную независимость отъ всякой церковной власти, кромѣ папской. Преемникъ Павла III, Юлій III въ 1550 году видоизмѣнилъ обѣтъ бѣдности іезуитовъ такъ, чтобъ онъ не мѣшалъ дѣятельности тѣхъ членовъ ордена, которымъ надобно жить въ богатомъ свѣтскомъ обществѣ: Юлій постановилъ, что обѣтъ бѣдности обязаны соблюдать только простые священники Общества Іисуса, называющіеся профессами и живущіе въ домахъ, называющихся профессіоналами, а генераль и члены коллегіумовъ могутъ жить какъ требуетъ польза церкви, и коллегіумы могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Такимъ образомъ Общество Іисуса, пользуясь всѣми привилегіями нищенствующихъ орденовъ, получило свободу пріобрѣтать земельную собственность и члены его могли держать себя какъ люди знатнаго общества. Въ 1555 году Юлій освободилъ сановниковъ ордена и отъ обѣта безусловнаго повиновенія приказамъ исполнять миссіонерскія обязанности; этому обѣту остались послѣ того подчинены только профессы.

2. Генералы перваго столѣтія ордена.

Игнатій Лойола умеръ 31 іюля 1556. Орденъ уже охватывалъ тогда своей дѣятельностью всю католическую церковь. Онъ раздѣлялся на 14 провинцій, 7 изъ нихъ были на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Карль V и Филиппъ II не выказывали особеннаго благоволенія къ Обществу Іисуса, и вліятельный совѣт-

никъ ихъ по церковнымъ дѣламъ, доминиканецъ Мельхіоръ Канъ (Canus, какъ писалась его фамилія по-латини) сильно мѣшалъ іезуитамъ укорениться въ Испаніи. Но въ Португаліи іезуитъ Родригесъ имѣлъ сильное вліяніе на Іоанна III и Себастіана; чтобы держаться въ милости у нихъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ угождать ихъ желаніямъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда это было противно приказаніямъ орденскаго генерала. Въ остъ-индскихъ и американскихъ владѣніяхъ Португаліи іезуиты очень быстро пріобрѣли большую силу. — Въ Бельгію Лойола послалъ Педро Риваденейру, который однако же при всемъ своемъ усердіи не имѣлъ успѣха тамъ. Французская провинція ордена тоже была слаба. Италія дѣлилась на три провинціи, Германія на двѣ. Лефевръ, сдѣлавшійся профессоромъ богословія въ Лувенѣ, пріѣхалъ оттуда въ Германію, сблизился въ Майнцѣ съ очень даровитымъ человѣкомъ, нидерландцемъ Канизіемъ (какъ пишется его фамилія въ латинской формѣ) и убѣдилъ его (въ 1544 году) поступить въ Общество Іисуса. Іезуиты называютъ Канизія вторымъ послѣ Бонифація апостоломъ Германіи. Онъ неутомимо велъ борьбу противъ протестантства въ Баваріи, потомъ въ Австріи, въ 1551 онъ поселился съ 14 своими помощниками въ Вѣнѣ и сталъ владычествовать надъ университетомъ. Вовадилля и Ле Же пріѣхали въ Германію и въ 1549 убѣдили герцога баварскаго Вильгельма IV пригласить Канизія и нѣсколькихъ другихъ іезуитовъ въ Ингольштадскій университетъ.

Риваденейра
1526—1611.

Канизій
1524—1597.

Лойола дѣйствовалъ почти главнымъ образомъ посредствомъ писемъ, которыя неутомимо разсылалъ повсюду; превосходнымъ помощникомъ ему въ этомъ былъ его секретарь Поламко, сохранявшій свою должность и при слѣдующихъ двухъ генералахъ. Первымъ изъ нихъ былъ Діэго Лайнесъ, прожившій до 1565 года. При немъ въ 1558 былъ принятъ генеральной конгрегаціей ордена написанный Лойолою уставъ, называющійся «Конституціями» (установленіями) и «объясненія» («Декларации») устава, написанныя Лайнесомъ. Человѣкъ большого практическаго ума, Лайнесъ считается истиннымъ организаторомъ ордена; онъ имѣлъ обширныя знанія, и едва ли кто другой изъ послѣдователей Лойолы понималъ такъ отчетливо, какой характеръ должно имѣть общество Іисуса. Лайнесъ далъ іезуитамъ разрѣшеніе вести свѣтскую жизнь. Третій генералъ ихъ Франсиско Борхія или по итальянскому выговору Франческо Борджіа, правившій орденомъ въ 1565—1572 годахъ, испанскій грандъ и бывший вице-король Каталоніи, былъ подобно Лойолѣ аскетъ и энтузіастъ. Преемникомъ ему былъ по вліянію Григорія XIII выбранъ нидерландецъ Эбергардъ Меркуріанъ. Этотъ выборъ былъ неудаченъ. Въ орденѣ въ его правленіе (1572—1581) происходили ссоры и продолжались нѣсколько лѣтъ при слѣдующемъ генералѣ, неаполитанскомъ вельможѣ Клавдіо Аквавивѣ (1582—1615). Въ правленіе Меркуріана была по-

строена въ Римѣ главная церковь ордена во имя Спасителя (del Gesu), стиль которой сталъ образцомъ для всѣхъ іезуитскихъ церквей. Испанцы досадовали на то, что управленіе орденомъ перешло въ руки нидерландца, потомъ итальянца; возставали противъ Меркуріана и противъ Аквавивы, который во время своего выбора былъ сравнительно молодымъ человѣкомъ (онъ имѣлъ тогда только 38 лѣтъ). Онъ былъ энергиченъ, и тѣмъ сильнѣе негодовали на свое подчиненіе иноземцу испанскіе іезуиты. Король испанскій и инквизиція, находившаяся въ рукахъ доминиканцевъ, поддерживали оппозицію испанскихъ іезуитовъ противъ деспотичнаго Аквавивы, замѣщавшаго всѣ важныя должности своими приверженцами. Климентъ VIII, тоже недовольный высокомеріемъ и интригантствомъ Аквавивы, принялъ сторону испанскихъ іезуитовъ, велѣлъ въ 1592 году собраться генеральной конгрегаціи ордена для ограниченія власти генерала. Но Аквавива, умѣвшій прикрывать свое властолюбіе мягкими, гибкими формами и одаренный очень большимъ административнымъ талантомъ, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и на этой генеральной конгрегаціи и на слѣдующей, созванной въ 1607 году. Онъ сохранилъ полномочіе для себя и своихъ преемниковъ по должности генерала и умѣлъ увеличить силу ордена. Онъ одолѣлъ оппозицію испанскихъ іезуитовъ тѣмъ, что послѣдовалъ примѣру папской куріи, которая перешла отъ союза съ испанскимъ правительствомъ къ дружбѣ съ французскимъ. Въ Испаніи іезуиты были побѣждены доминиканцами. Аквавива сталъ угождать Генриху IV, который сдѣлался покровителемъ іезуитовъ, чтобы пользоваться ихъ услугами въ интересахъ могущества Франціи.

Къ борьбѣ испанскихъ іезуитовъ съ Аквавивой и соперничеству доминиканцевъ съ іезуитами примѣшивался догматическій споръ, первый, который пришлось выдерживать іезуитамъ. Основатели Общества Іисуса хотѣли, чтобъ оно въ догматикѣ держалось мнѣній Томы Аквината; но это былъ доминиканецъ, и представителями его ученія были доминиканцы. Іезуитамъ незахотѣлось подчиняться въ догматикѣ доминиканскимъ богословамъ. Только въ одномъ изъ пунктовъ, по которымъ шли споры между разными богословскими школами, іезуиты рѣшительно приняли ученіе Томы Аквината, въ приписываніи непогрѣшимости и безграничной власти надъ церковью папѣ. По догматамъ о спасеніи человѣка благодатью и о непорочномъ зачатіи Богоматери они на тридентскомъ соборѣ высказывали мнѣнія, далеко отступавшія отъ ученія Томы Аквината; по догмату о благодати они вмѣшались въ споръ, возбужденный во время тридентскаго собора лувенскимъ богословомъ Михаэлемъ Баемъ (Bajus), который 1513—1589. держался ученія Томы Аквинатскаго и Августина во всей его рѣзкости. Противъ Бая выступили іезуиты Леонгардъ Лессъ и Йоганнъ Гамель; защищая ученіе Дунса Скота, считавшееся у томистовъ пелагіанской ересью, Лессъ и Гамель руководились въ этомъ дѣлѣ желаніемъ устранить изъ католической догматики всякое сходство съ протестантскимъ ученіемъ о благодати. Тотъ же споръ продолжался, будучи перенесенъ на другой догматъ. Іезуитскій богословъ Фонсека, котораго называли португальскимъ Аристоте-

лемъ, выставялъ въ догматѣ о спасеніи на первый планъ свободную волю человека, такъ что устранялось ученіе Августина о предопредѣленіи. Еще рѣзче сталъ говорить въ этомъ духѣ ученикъ Фонсеки Молина. Ученіе Августина о томъ, что каждый человекъ предназначенъ или къ райскому блаженству, или къ вѣчному мученію волею божіею, рѣшившею его судьбу предвѣчнымъ предопредѣленіемъ своимъ, Фонсека и Молина замѣнили ученіемъ о посредствующемъ или гипотетическомъ (предположительномъ, условномъ) предвѣдѣніи божіемъ. Они говорили, что Богъ предвидитъ свободныя дѣйствія человека и даетъ свою благодать тому, о которомъ предвидитъ, что онъ, если получитъ благодать, то будетъ самостоятельно содѣйствовать спасенію своей души. Формальнымъ образомъ это ученіе было высказано въ Лиссабонѣ и Эворѣ въ 1588 году. Томисты и доминиканцы стали ожесточенно нападать на него какъ на ересь, іезуиты вступились за своихъ богослововъ, и поднялась между іезуитами и доминиканцами догматическая борьба, волновавшая католическую церковь и чрезвычайно затруднявшая папу, которому приходилось рѣшать на чьей сторонѣ истина. Климентъ VIII назначилъ для разбора этого дѣла особую комиссію кардиналовъ (такъ называемую конгрегацію *de auxiliis gratiae*). Она послѣ семилѣтнихъ хлопотъ (1599—1606) прекратила свои засѣданія, не достигнувъ никакого успѣха; тогда Павелъ V велѣлъ обѣимъ партіямъ замолчать. И онъ и Климентъ VIII были расположены признать правыми доминиканцевъ, но не посмѣли сдѣлать этого, боясь раздражить іезуитовъ, угрожавшихъ созваніемъ вселенскаго собора и начавшихъ отрицать безграничность власти папы надъ церковью. „Они дерзаютъ на все, на все!“ восклицалъ Климентъ VIII. Но при ссорѣ Павла V съ венеціанскимъ правительствомъ іезуиты обратили свою энергію на защиту папы, такъ что онъ не могъ выказать себя неблагодарнымъ къ ихъ ордену. Потому-то онъ и нашелъ удобнымъ прекратить богословскую борьбу доминиканцевъ съ ними. Она возобновилась черезъ 50 лѣтъ въ такъ называемомъ янсенистскомъ дѣлѣ.

Фонсека
1528—1599.
Молина
1535—1600.

Аквавива составилъ программу преподаванія въ іезуитскихъ школахъ и много инструкцій для дѣятельности іезуитовъ; изъ нихъ особенно замѣчательна инструкція духовникамъ государей—мастерское произведеніе хитрости. Аквавива былъ энергичнѣйшій изъ всѣхъ генераловъ ордена. Преемникомъ его былъ человекъ гораздо болѣе слабаго характера, Муціо Виттелескъ, котораго друзья іезуитовъ называли ангеломъ мира. Его тридцатилѣтнее управленіе (1615—1645) совпадало съ временемъ 30 лѣтней войны, въ которой очень много виновать былъ орденъ. Между іезуитами возобновились несогласія, и профессы вытребовали себѣ освобожденіе отъ обѣта соблюдать бѣдность; но все это не мѣшало ордену усиливаться. Въ 1626 году онъ имѣлъ 39 провинцій, 15,493 членовъ и 803 орденскіе дома (именно 15 общежительныхъ домовъ профессовъ, 467 коллегіумовъ, 63 миссіи, 165 резиденцій и 136 семинарій). Столѣтняя годовщина основанія ордена была отпразднована въ 1640 году съ большою пышностію и съ увѣренностію въ дальнѣйшихъ успѣхахъ.

На этомъ мы пока остановимся. Юбилейная книга, изданная орденомъ по поводу его столѣтней годовщины, справедливо говоритъ, что «онъ велъ горячую и непрерывную войну за католическую

вѣру противъ ереси» и что «напрасно ересь ожидаетъ, чтобъ Общество Іисуса молчаніемъ примирилось съ нею. Пока у насъ остается дыханіе жизни, мы будемъ лаять на волковъ для защиты католическаго стада; не должно надѣяться еретикамъ на миръ отъ насъ; сѣмена ненависти врождены намъ.» Дѣйствительно, іезуиты вели борьбу противъ еретиковъ всѣми средствами: хитрость, предательство, клевета, насиліе—все считалось у нихъ позволительнымъ для подавленія протестантства. Они разрушили миръ католиковъ съ протестантами повсюду, гдѣ существовалъ онъ до нихъ, сдѣлали его надолго невозможнымъ для большей части западной Европы; потому многія католическія правительства не любили ихъ и надъ ними тяготѣли проклятія безчисленныхъ семействъ, спокойствіе которыхъ разрушили они; стала наконецъ тяготѣть надъ ними ненависть народовъ, приведенныхъ ими на край матеріальной и нравственной гибели.

3. Успѣхи іезуитовъ.

Своей гибельной дѣятельностью іезуиты подготовляли взрывы всеобщаго негодованія на нихъ; но этимъ гоненіямъ подверглись они не скоро. Въ первыя два столѣтія своего существованія они одерживали непрерывные успѣхи и въ частности подъ ихъ вліяніемъ развилась реакція противъ протестантства во второй половинѣ XVI вѣка. Іезуитскіе университеты стали для католичества учеными оплотами противъ богослововъ Виттенберга и Женевы; іезуитскія школы пріобрѣли методичностью и успѣшностью преподаванія такую славу, что даже протестанты ввѣряли имъ воспитаніе своихъ сыновей. Овладевъ умами своихъ учениковъ, іезуиты подготовляли расширение своего могущества, и скоро католики прониклись усердіемъ къ своей церкви, возобновилось соблюденіе постовъ, моленіе по четкамъ, хожденія къ святымъ мѣстамъ. Много протестантовъ было возвращено въ лоно католической церкви убѣжденіями іезуитовъ. Однимъ изъ средствъ управлять людьми служила іезуитамъ исповѣдь. Не менѣе успѣшно дѣйствовали они насиліемъ; они постоянно возбуждали католическихъ государей къ подавленію ереси военными средствами.

Маколей справедливо говоритъ: „Въ обществѣ Іисуса сосредоточивалась квинтъ-эссенція католическаго духа; исторія іезуитовъ—исторія великой католической реакціи. Когда іезуиты явились на помощь папству, они нашли его въ очень опасномъ положеніи; но съ этой минуты ходъ битвы измѣнился. Протестантство въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, неодолимо расширявшееся, было остановлено въ своемъ наступательномъ движеніи и быстро отброшено отъ подошвы Альпъ къ берегамъ Балтій-

скаго моря. Прежде чѣмъ отпраздновалъ орденъ свою столѣтнюю годовщину, онъ уже наполнилъ всю западную Европу памятниками своихъ побѣдъ въ борьбѣ за католичество“.

Мы увидимъ эти побѣды въ разсказѣ о католической реакціи: въ ней повсюду дѣйствовали іезуиты. Они держались системы римской куріи, утверждавшей, что еретики должны быть лишены всѣхъ правъ и что все дозвоительно для искорененія ереси, они коварствовали, возбуждали правителей къ вѣроломству, насилію, неотступающими ни передъ какими злодѣяніями. Ведя солдатъ на савойскихъ вальдійцевъ (въ 1561), іезуитъ Поссевино говорилъ, что этотъ способъ распространенія истинной вѣры непрерывно употреблялся со временъ апостольскихъ по заповѣдямъ церкви, эдиктамъ императоровъ и древнѣйшему обычаю. Іезуиты были тогда духовниками герцоговъ савойскихъ и герцоговъ пармскихъ, проникли въ высшее общество, пріобрѣли несмѣтные богатства во всей Италіи, особенно въ Неаполѣ, гдѣ первое поселеніе ихъ было основано Сальмерономъ въ 1551 году. Въ Падувѣ, Флоренціи, Генувѣ и другихъ городахъ Сѣверной Италіи основалъ іезуитскія поселенія неутомимый Лайнесъ. Только Венеція (въ 1606 году) изгнала іезуитовъ изъ своихъ владѣній, но вскорѣ они возвратились и туда.

Въ Португаліи они были духовниками королевской фамиліи, были осыпаны почестями и богатствами. Однако же помогали Филиппу овладѣть Португаліей. Онъ сначала не любилъ ихъ; но вражда его къ нимъ смягчилась, когда онъ понялъ, что они надежнѣйшіе союзники его намѣренію подчинить испанскому владычеству всю западную Европу и совершенно искоренить въ ней протестантство. Они поддерживали его усилія овладѣть Франціей и были усерднѣйшими сторонниками его въ войнѣ съ Англіей и Нидерландами. Маргарета, бывши правительницей Нидерландовъ, покровительствовала имъ, и они основали тогда (въ 1562 году) коллегіумы въ Лувенѣ и Антверпенѣ. Она была первой принцессой, взявшей іезуита въ духовники себѣ. Александръ Фарнезе далъ имъ дома для коллегіумовъ въ Куртре, Турне, Брюггѣ, Ипрѣ, Гентѣ. Антверпенѣ, Брюсселѣ; подъ его покровительствомъ они почти совершенно искоренили протестантство въ южной половинѣ Нидерландовъ, гдѣ оно было очень распространено. Изъ Бельгіи проникъ въ 1592 году первый іезуитъ въ конфедерацію сѣверныхъ нидерландскихъ областей, и съ того времени число католиковъ тамъ стало увеличиваться.

Первымъ центромъ дѣятельности іезуитовъ во Франціи былъ Ліонъ. Они вовлекли въ свой орденъ знаменитаго проповѣдника Эдмона Ожье. Но Сорбонна, парижскій парламентъ и архіепископъ парижскій не допускали ихъ размножать свои поселенія во Франціи, хотя они пользовались покровительствомъ Гизовъ, а потомъ и самихъ Валуа. Только уже въ 1561 году на религіозномъ диспутѣ къ Пуасси, куда пріѣзжалъ Лайнесъ (бывшій тогда генераломъ ордена) выхлопотали они себѣ разрѣшеніе селиться повсюду во Франціи, но должны были для этого подчиниться стѣснительнымъ условіямъ, однимъ изъ которыхъ было то, что во Франціи они не будутъ называть себя іезуитами. Парижскій университетъ сильно ограничивалъ школьную дѣятельность ихъ; членъ парижскаго парламента, бывшій впослѣдствіи генералъ-адвокатомъ его, Этьенъ Пакье очень ярко разъяснилъ въ 1564 году, какими опасностями угрожаютъ они гражданскому обществу и между прочимъ разоблачалъ интриги, которыми они выманиваютъ завѣщанія имѣній своему ордену. Но все-таки они усиливались во Франціи подъ покровительствомъ Гизовъ. Ихъ проповѣдники разъѣзжали по всему государству. Они были возбудителями возстанія Лиги противъ Генриха III, составили проектъ отдать Францію Филиппу II,

всячески интриговали противъ Генриха IV, пока онъ сблизился съ ними; тогда ихъ орденъ сталъ поддерживать его планы. Въ 1594 году по поводу покушенія ихъ воспитанника Шателя убить Генриха IV, они были изгнаны изъ Франціи; но въ 1603 году получили дозволеніе возвратиться. Генрихъ IV взялъ въ духовники себѣ іезуита Коттона, и съ той поры іезуиты остались духовниками королей французскихъ. Переходъ со стороны Испаніи на сторону Франціи, сдѣланный, какъ мы говорили, Аквавивою и основанный на вѣрномъ соображеніи, что Франція станонится сильнѣе испанскаго государства, принесъ большую пользу іезуитамъ и между прочимъ доставилъ католической церкви возможность уничтожить протестантство во Франціи. Въ Англіи іезуиты неумоимо интриговали противъ протестантства. Они основали во Франціи школу для воспитанія молодыхъ английскихъ католиковъ. Въ ней подъ руководствомъ Уильяма Оллена (Allen) приготовлялись заговорщики, пытавшіеся низвергнуть Елизавету. Въ 1580 іезуиты Робертъ Пэрсонсъ (Parsons) и Эдмондъ Кэмпіонъ съ 11 другими католическими священниками переплыли въ Англію и стали распространять памфлеты противъ королевскаго супрематства надъ церковью. Эти интриги имѣли результатомъ казнь множества католиковъ и самой Маріи Стюартъ и изгнаніе всѣхъ іезуитовъ изъ Англіи. Тогда (около 1585 года) въ Англіи тайно жили уже 300 іезуитскихъ миссіонеровъ, воспитанниковъ школъ для англичанъ, основанныхъ въ Дуэ, Реймсѣ и Римѣ. При дворѣ Іакова Шотландскаго, сына Маріи Стюартъ, нѣсколько мѣсяцевъ жилъ іезуитъ. Только когда открылась, что іезуиты участвовали въ такъ называемомъ пороховомъ заговорѣ, Іаковъ сталъ враждебенъ имъ.

Антоніо Поссе-
вино.
1534—1611.

Въ Швеціи они дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ въ Англіи, и пользовались большимъ вліяніемъ на дѣла при сынѣ Густава Вазы Іоаннѣ III и внукѣ Гастава Сигизмундѣ. Первый іезуитъ, проникшій въ Швецію, Станиславъ Варшевицъ, пріѣхавшій туда въ 1574 году, совершенно овладѣлъ довѣріемъ Іоанна III. Въ 1576 пріѣхали въ Швецію (изъ Лувена) іезуиты Фейтъ и Норвегъ. Еще черезъ два года, въ 1578, пріѣхалъ въ Стокгольмъ панскимъ нунціемъ іезуитъ Антоніо Поссевино, очень искусный дипломатъ. Іезуиты интриговали въ Швеціи, пока лишился шведскаго престола вовлекаемый ими въ безрасудства Сигизмундъ. Онъ удержалъ за собою власть только въ Польшѣ. Тамъ іезуиты дѣйствовали успѣшнѣе. Гозиушъ, епископъ Эрмеландскій, построилъ для нихъ въ 1569 коллегіумъ въ Браунсбергѣ, далъ ему большіе доходы, и онъ сталъ центромъ дѣятельности іезуитовъ на сѣверо-востокѣ Европы. Быстро возникло въ Польшѣ много іезуитскихъ коллегіумовъ; сыновья знатныхъ поляковъ учились въ нихъ. Стефанъ Батори основалъ для іезуитскаго преподаванія виленскій университетъ. Тогда главнымъ центромъ ихъ дѣятельности въ восточной части польскаго государства стала Вильна. При Батори были основаны іезуитскіе коллегіумы и въ протестантской Лифляндіи, въ Дерптѣ и Ригѣ. Батори былъ уже усерднымъ покровителемъ іезуитовъ, но Сигизмундъ III далеко превзошелъ въ этомъ Стефана. Онъ раздавалъ должности по рекомендаціи іезуитовъ, употреблялъ всѣ свои силы на искорененіе протестантства. Дѣйствуя по внушеніямъ іезуитовъ, онъ велъ неудачную войну съ королемъ шведскимъ и потерялъ Лифляндію; а войны съ Россіей, къ которымъ возбуждали его іезуиты, чтобъ обратить русскихъ въ католичество, подвергли Польшу упадку, отъ котораго она уже никогда не оправилась. До Сигизмунда она была цвѣтущей страной, въ ней развивались образованность, промышленность и торговля; іезуиты погубили ее, внушивъ польскимъ католикамъ нетерпимость къ диссидентамъ, какъ назывались протестанты и православные. Но гибельная для Польши дѣятельность іезуитовъ была выгодна для католической церкви; Поссевино устроилъ своими интригами то, что боль-

шинство православнаго населенія Литвы было присоединено къ католичеству (принуждено принять унію). Іезуиты стремились подчинить католичеству и Россію. Поссевино поѣхалъ въ 1581 году въ Москву и велъ съ царемъ Іоанномъ IV переговоры объ этомъ. Но Іоаннъ перехитрилъ его и обманывалъ іезуитовъ пустыми надеждами, чтобъ они помирили его съ Батори. Достигнувъ своей цѣли, онъ разорвалъ переговоры съ ними, и имъ оставалось только распространять изъ Литвы унію на другія православныя области польскаго государства. Они пропагандировали ее въ Украинѣ, Подоліи, на Волыни, въ Бѣлоруссіи.—Іезуиты проникли даже въ Турцію; въ 1603 они основали коллегіумъ въ Галатѣ предмѣстьѣ Константинополя. Потомъ они интриговали въ пользу Франціи по дѣлу Кирилла Лукариса; но кончилось тѣмъ, что они за свои происки были изгнаны изъ турецкаго государства, какъ мы расскажемъ объ этомъ послѣ.

Едва ли меньше, чѣмъ Польшѣ, іезуиты сдѣлали вреда Германіи. Вскорѣ по основаніи ордена пріѣхали туда Лефевръ, Де Же и Вовадилля, стали хлопотливо дѣйствовать при дворахъ, на сеймахъ, въ собраніяхъ духовенства, въ городскихъ совѣтахъ. Центрами для своей борьбы съ нѣмецкими протестантами они выбрали Ингольштадъ, Кёльнъ и Вѣну. Въ 1557 году они основали коллегіумъ въ Ингольштадѣ, а черезъ два года въ Мюнхенѣ; съ того времени главной заботой герцоговъ баварскихъ стало искорененіе протестантства въ Баваріи; герцоги не колебались ввести для этого даже инквизицію (въ 1558). Нѣсколько раньше того іезуиты укоренились въ Кёльнѣ и въ Вѣнѣ. Фердинандъ пригласилъ ихъ въ Вѣну еще въ 1554 году. Придворный проповѣдникъ Фердинанда іезуитъ Канизій издалъ въ 1566 очень искусно написанный учебникъ католической догматики, *Summa doctrinae christianae*, и сдѣлалъ изъ него извлеченіе „Катехизисъ“ для противодѣйствія Катехизису Лютера. Фердинандъ, по желанію котораго были написаны эти книги, далъ въ 1558 году іезуитамъ право основывать школы и проповѣдывать во всѣхъ его владѣніяхъ и отдалъ имъ двѣ каѳедры богословія въ вѣнскомъ университетѣ. Скоро они основали коллегіумы въ Прагѣ, Ольмюцѣ, Брюннѣ, Инсбрукѣ. Духовные государи западной Германіи покровительствовали имъ; они поселились въ Трирѣ, Майнцѣ, Фульдѣ, многихъ другихъ городахъ духовныхъ государствъ. Повсюду, гдѣ являлись они, прекращалась вѣротерпимость. Въ Вестфалии и на Рейнѣ протестантство было почти совершенно истреблено. Въ 1570 и 1571 годахъ по вліянію іезуитовъ была искоренена реформація въ маркграфствѣ баденскомъ. Юлій, епископъ вюрцбургскій, въ 1584—1586 годахъ разѣжалъ съ іезуитомъ Веллеромъ по своему государству изъ селенія въ селеніе и давалъ своимъ протестантскимъ подданнымъ одинъ выборъ: принять католичество или эмигрировать; у эмигрирующихъ конфисковалась третья часть имущества. То же средство употребилъ онъ въ своей столицѣ, въ которой половина гражданъ были протестанты. Его примѣру послѣдовалъ Вольфъ Дитерихъ, архіепископъ зальцбургскій: въ 1588 году были изгнаны изъ архіепископства протестанты, не хотѣвшіе принять католичество.

Въ громадномъ размѣрѣ началась католическая реакція вскорѣ послѣ того въ Баваріи, а по смерти Максимилиана II въ Австріи, Штирії и, насколько доставало силы у Габсбурговъ, въ Богеміи и Венгріи. Руководимые іезуитами императоры Рудольфъ II, Фердинандъ II, Фердинандъ III и Леопольдъ I дѣйствовали безпощадно; нищета населенія, безсиліе австрійскихъ государей, упадокъ просвѣщенія и огрубѣніе нравовъ въ ихъ земляхъ были результатами того, что они слѣдовали внушеніямъ іезуитовъ. Обѣдѣвшее населеніе подвергалось нравственному угнетенію, пригнѣтавшему его нравственныя силы, и надолго стали невозможны успѣхи

цивилизациі въ нѣмецкихъ католическихъ земляхъ. Великій католическій богословъ Испаніи Мельхіоръ Канъ (какъ называется онъ въ латинской формѣ имени) былъ правъ, предсказывая полный упадокъ силъ своему отечеству, если будутъ допущены туда іезуиты. Такъ же гибельна была ихъ дѣятельность въ Швейцаріи. Тамъ они проникли прежде всего въ Люцернъ (въ 1574 году), потомъ во Фрейбургъ, Валлисъ, Вальтеллину, гдѣ, по ихъ внушенію, было зарѣзано 600 протестантовъ, въ Золотурнъ и наконецъ (въ 1662 году) въ Зиттенъ. Они захватили въ свои руки политику католическихъ кантоновъ.

Подъ вліяніемъ іезуитовъ были учреждены школы для образованія миссіонеровъ, предназначенныхъ обращать въ католичество христіанъ другихъ исповѣданій. Эти миссіонерскія школы имѣли каждая свое особое національное названіе, а по общему своему характеру онѣ назывались національными коллегіумами, *collegia nationalia*. Лойола на деньги, данныя Франческо Борджіей, основалъ въ Римѣ первое такое учрежденіе Римскій коллегіумъ *Collegium Romanum*; оно черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1551 году) имѣло уже болѣе 300 воспитанниковъ разныхъ національностей. Кардиналъ Мороне внушилъ Лойолѣ мысль основать особую школу для нѣмецкихъ молодыхъ людей, чтобы готовить ихъ къ миссіонерству въ протестантскихъ частяхъ Германіи. Этотъ Германскій Коллегіумъ, основанный въ 1552 году, получилъ большое значеніе въ дѣлѣ подавленія протестантизма въ Германіи. Воспитанники его давали обѣтъ до конца жизни усердно служить папѣ, становиться священниками и отправляться повсюду, куда пошлетъ орденъ. Цѣлью германскаго коллегіума было воспитывать священниковъ, не уступающихъ протестантскимъ знаніямъ. Черезъ нѣсколько времени по своему основанію, Германскій коллегіумъ пришелъ въ упадокъ; но Григорій XIII, покровительствовавшій іезуитскимъ школамъ, возстановилъ его въ 1573 году. Этотъ папа былъ вторымъ послѣ Лойолы отцомъ національных коллегіумовъ. Они вообще были устроиваемы по образцу германскаго. Григорій XIII основалъ греческую семинарію (въ 1577), англійскую (въ 1579), маронитскую (въ 1584), иллирскую (тоже въ 1584); основалъ также венгерскую, но она была скорѣ присоединена къ германской, которая стала называться германско-венгерской. Такіе же коллегіумы для приготовленія миссіонеровъ іезуиты основали въ Вѣнѣ, Фульдѣ, Прагѣ, но они скорѣ пришли въ упадокъ. Климентъ VIII основалъ коллегіумъ для шотландцевъ (въ 1660 году), Григорій XV для ирландцевъ (въ 1628). Непосредственное завѣдываніе всѣми этими школами онъ въ 1627 поручилъ конгрегаціи распространенія вѣры (*Congregatio de propaganda fide*). Большинство ея членовъ были кардиналы. Она стала центральнымъ правительственнымъ учрежденіемъ по управленію миссіонерствомъ въ земляхъ невѣрныхъ, еретиковъ и схизматиковъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Одинъ изъ главныхъ органовъ этого дѣла сталъ Городской (то есть римскій) коллегіумъ, иначе называемый семинаріей распространенія вѣры (*Collegium urbanum, Seminarium de propaganda fide*). Онъ былъ учрежденъ въ 1627 году Урбаномъ VIII для подготовленія миссіонеровъ изъ молодыхъ людей всѣхъ національностей. Онъ и конгрегація, управляющаяся имъ, обыкновенно называются просто Пропагандой. Она оказала большія услуги изученію языковъ, бывшихъ мало извѣстными.

По первоначальному плану Лойолы, основываемый имъ орденъ предназначался для проповѣди христіанства язычникамъ. Іезуиты обратили главныя свои силы на борьбу съ еретиками; но посылали и въ языческія земли миссіонеровъ, которые своей ловкостью и самоотверженностью достигали большихъ успѣховъ. По ихъ внушенію принимали христіанство большія массы язычниковъ, даже цѣлые народы; прав-

да, впрочемъ, что эти удивительные результаты не имѣли прочнаго основанія. Мы говорили, что при самомъ учрежденіи ордена поѣхали къ португальскому королю товарищи Лойолы Родригесъ и Хаверъ; Родригесъ остался въ Португаліи, Хаверъ въ 1542 году отправился съ двумя другими іезуитами въ Индію; папа назначилъ его своимъ нунціемъ съ большими полномочіями. Онъ выбралъ Гою центромъ миссіонерства въ Остѣ-Индіи. Съ ранняго утра онъ ходилъ по улицамъ города, собирая дѣтей учиться у него. И на взрослыхъ колонистовъ дѣйствовала его проповѣдь кротости, смиренія и любви: самые порочные грѣшники падали къ ногамъ его. Онъ основалъ въ Гоѣ миссіонерскую семинарію, возстановилъ христіанство въ городахъ, гдѣ оно падало, основывалъ христіанскія общины во многихъ другихъ городахъ и селеніяхъ малабарскаго и коромандельскаго береговъ; по его порученію былъ сдѣланъ переводъ заповѣдей, символа вѣры, молитвъ „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво, радуйся“ на одинъ изъ индійскихъ языковъ; онъ назначалъ учителями даровитыхъ новообращенныхъ туземцевъ. Легенда приписываетъ его успѣху дару совершать чудеса и говорить на всѣхъ языкахъ, полученному имъ отъ Бога. На самомъ дѣлѣ туземцы принимали христіанство по принужденію: португальская администрація дѣйствовала въ этомъ смыслѣ безпощадно. Хаверъ хотѣлъ основать миссіонерскія поселенія на малайскомъ архипелагѣ, отправился въ 1547 проповѣдывать на Молуккскихъ островахъ, потомъ сообразно своему девизу „Шире, шире“ (*Amplius, amplius*) онъ поплылъ (въ 1549) въ Японію, путь къ которой былъ только что найденъ тогда европейцами. Онъ приплылъ на островъ Кіусіу, получилъ доступъ къ владѣтелю Кагосимы, который сдѣлался его покровителемъ; говорятъ, что императоръ Японскій разрѣшилъ проповѣдывать христіанство во всемъ своемъ государствѣ. Способъ обращенія туземцемъ былъ быстрый, поверхностный; иначе и не могло быть, потому что Хаверъ и его спутники, проповѣдуя на японскомъ языкѣ, сами только что еще учились ему. Хаверъ основалъ на Кіусіу и на Нипонѣ четыре христіанскія общины и отправился въ Китай, но умеръ на островѣ Сантіанѣ (2 декабря 1551). Онъ считается въ римской церкви апостоломъ Индіи, святымъ покровителемъ всѣхъ католическихъ миссіонеровъ. Іезуиты прославляютъ его какъ величайшаго послѣ Лойолы своего святого. Дѣйствительно онъ былъ человѣкъ самоотверженнаго энтузіазма. Разказы о совершенныхъ имъ чудесахъ образовали обширную легенду уже и въ первые годы по его смерти; потомъ она разрослась до громаднѣхъ размѣровъ.

При преемникѣ Хавера, Космоде-Торресѣ христіанство пріобрѣло много послѣдователей на островѣ Кіусіу: въ Японіи произошло междоусобіе; іезуиты умѣли предусмотрѣть, которая партія одолѣетъ, и заявили себя ея приверженцами; въ 1554 году она побѣдила; нѣкоторые областные государи приняли христіанство; португальцамъ было дозволено жить въ Нагасаки, іезуиты въ 1565 построили тамъ церковь. Въ 1580 пріѣхало къ намъ Григорію XIII японское посольство. Это надѣлало много шума въ Европѣ. Число христіанъ въ Японіи простиралось тогда, какъ говорятъ, до 300.000; у нихъ было 250 церквей и много школъ. Но вскорѣ взошелъ на престолъ императоръ Таикосама, въ правленіе котораго (1587—1598) начался долгій рядъ преслѣдованій, истребившихъ христіанство въ Японіи. При Таикосамѣ погибли (5 февраля 1597) мученической смертью тѣ 26 страдальцевъ (въ числѣ ихъ 3 іезуита и 6 францисканцевъ), которые въ наше время были причислены къ лику святыхъ ІІемъ IX. Впослѣдствіи голландцы возбудили въ японцахъ опасенія противъ испанцевъ, которымъ были подвластны тогда португальцы, и поднялось новое гоненіе на христіанъ. Множество ихъ было убито. Въ 1613 всѣ японскія гавани были

закрыты для иноземцевъ. Въ 1624 былъ сожженъ францисканецъ Сотело, котораго папа назначилъ епископомъ одной изъ японскихъ областей; въ 1638 были перерѣзаны христіане въ Нагасаки, черезъ 6 лѣтъ (въ 1644) были казнены послѣдніе іезуиты, оставшіеся въ Японіи.

Маттео Риччи
1552—1610.

Счастливецъ былъ ходъ дѣла, начатаго въ Китаѣ іезуитомъ Маттео Риччи. Онъ, пріѣхавъ въ 1584 году миссіонеромъ въ Кантонъ, пріобрѣлъ расположеніе китайцевъ, знакомя ихъ съ европейскими изобрѣтеніями. Въ 1600 онъ, въ платьѣ мандарина, поѣхалъ въ Пекинъ, привезъ въ подарокъ императору стѣнные часы съ боемъ и былъ милостиво принятъ при дворѣ. Онъ училъ китайцевъ математикѣ, астрономіи, географіи; черезъ нѣсколько времени сталъ осторожно примѣшивать къ этимъ своимъ лекціямъ изложеніе христіанскаго ученія, которое называлъ восстановленіемъ забытаго китайцами истиннаго ученія Конфуція; онъ выставилъ на первый планъ догматъ о единомъ Богѣ, оставляя въ тѣни собственно христіанскіе догматы. Въ 1605 онъ основалъ маріанское общество въ Пекинѣ. Считаая надобнымъ исполнять утомительныя китайскія церемоніи и между прочимъ терпѣливо сидѣть за продолжительными обѣдами, онъ умеръ отъ изнуренія этимъ. Въ 1610 іезуиты пріобрѣли большое уваженіе китайцевъ, съ точностью предсказавъ лунное затмѣніе, и въ 1611 была построена въ Нанкинѣ первая христіанская церковь. Іезуиты по возможности приспособляли свое ученіе къ обычаямъ китайцевъ. Въ 1624 году пріѣхалъ въ Китай іезуитъ Йоганнъ Адамъ Шалль. Онъ пріобрѣлъ большое уваженіе при дворѣ своими знаніями, получилъ должность императорскаго астронома и механика, женился въ угожденіе китайскому обычаю и пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла до восшествія на престолъ императора Канъ—Ги (Въ 1662 году). Новый императоръ сталъ врагомъ христіанства, и начался его упадокъ. Во время наибольшаго своего распространенія, въ 1644 году, оно имѣло въ Китаѣ до полумилліона послѣдователей.

Шалль
1591—1666.

Замѣчательна попытка іезуитовъ пріобрѣсти вліяніе при дворѣ великаго могола Акбара, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государей во всей азіатской исторіи. Человѣкъ просвѣщеннаго образа мыслей, онъ далеко опередилъ свой вѣкъ вѣротерпимостью. При вступленіи Акбара на престолъ имперія была разстроена междоусобіями, народъ былъ раззоренъ алчностью правителей; индусы и мусульмане ненавидѣли одни другихъ; враждовали между собой и мусульманскія секты. Акбаръ успокоилъ государство, ввелъ превосходную администрацію, дѣйствовалъ по правиламъ любви къ людямъ и вѣротерпимости, въ духѣ истинной гуманности. Херонимо Хаверъ, племянникъ знаменитаго апостола Индіи, поселился въ 1595 при дворѣ Акбара и, пользуясь мятежами мусульманъ, объяснялъ Акбару благотворность христіанства, учащаго людей кротости и повиновенію. Въ 1599 въ Лагорѣ было совершено торжественное богослуженіе на праздникъ Рождества. Акбаръ интересовался узнать жизнь Христа. По смерти Акбара въ 1610 три принца императорской династіи торжественно крестились. Вообще отношенія императорскаго двора къ христіанству видоизмѣнились сообразно политическимъ отношеніямъ къ португальцамъ, то улучшаясь, то дѣлаясь враждебными.

Въ Китаѣ іезуиты держали себя какъ мандарины, а на Малабарскомъ берегу іезуитъ Нобили въ 1606 году принялъ одежду и образъ жизни браминовъ, исполнялъ ихъ формы аскетизма, выучился по санскритски и проповѣдывалъ христіанское ученіе, приспособляя его къ кастовому устройству. Онъ находилъ вреднымъ для христіанства то, что оно считается у индусовъ религіею парій; потому онъ озаботился пріобрѣсти важность во мнѣніи индусовъ, выставивъ на видъ имъ знатность своей фамиліи, одобрялъ кастовые предразсудки браминовъ; причащая парій, онъ давалъ

имъ Св. Дары не прямо изъ своихъ рукъ, а посредствомъ особаго инструмента, или ставилъ Св. Дары передъ дверью хижины паріи, не входя въ нее. Іезуиты дозволяли индусамъ носить амулеты даже и такіе, на которыхъ были изображенія языческихъ боговъ; они пзвиняли свою уступчивость языческимъ обычаямъ оговорками, придававшими дѣлу невинный характеръ. Они и въ Японіи и въ Китаѣ старались вытѣснить миссіонеровъ другихъ орденовъ и въ особенности притѣсняли францисканцевъ; на предъявленные имъ папскія бреве, дававшія другимъ орденамъ право проповѣдывать въ Азіи, они отвѣчали, что это документы поддѣльные или выпрошенные у папы обманомъ. Иннокентій Х въ 1645 году формально осудилъ и запретилъ подъ страхомъ отлученія тѣ приспособленія къ языческимъ обычаямъ, посредствомъ которыхъ іезуиты распространяли христіанство въ Азіи; они стали показывать видъ, будто имъ неизвѣстенъ этотъ декретъ и продолжали дѣйствовать по прежнему, такъ что папамъ пришлось бороться съ ними цѣлое столѣтіе, чтобы добиться въ азійскихъ миссіяхъ іезуитовъ уничтоженія китаійскихъ и малабарскихъ обрядовъ, какъ враги ихъ называли допущенныя ими приспособленія обрядовъ къ туземнымъ обычаямъ.

Изъ Португаліи іезуиты проникли въ Абиссинію и пріобрѣли тамъ большіе успѣхи. Въ 1623 году іезуитъ Паэсъ убѣдилъ императора абиссинскаго присоединиться къ римской церкви. Папа назначилъ одного изъ португальскихъ іезуитовъ патріархомъ эіопскимъ (абиссинскимъ). Но этотъ успѣхъ былъ пріобрѣтенъ только подавленіемъ возстаній народа, не хотѣвшаго измѣнять прежнимъ своимъ церковнымъ обычаямъ; вскорѣ послѣ того національная партія восторжествовала, католическіе миссіонеры подверглись преслѣдованію и въ 1632 году были выгнаны.

Самые прочные успѣхи пріобрѣлъ іезуитскій орденъ въ американскихъ владѣніяхъ испанцевъ и португальцевъ. Завоеваніе тамъ было соединено съ обращеніемъ туземцевъ въ христіанство. Іезуиты основали семинарію въ городѣ Мехикѣ; но наибольшую свободу себѣ имѣли въ Южной Америкѣ. Они пробирались въ лѣса, гдѣ укрывались туземцы отъ испанцевъ, пріобрѣтали довѣріе этихъ угнетаемыхъ людей. Они первые изъ европейцевъ проникли въ Парагвай (въ 1586) и съ согласія короля испанскаго основали тамъ въ 1610 свое государство подъ его верховной властью. Они дали этому государству устройство подобное коммунистическому, но правили своими подданными съ патріархальнымъ самовластіемъ; они поступали съ туземцами, какъ съ дѣтьми, приучали этихъ робкихъ дикарей къ земледѣлію, скотоводству, заставляли ихъ молиться, подчиняли всю домашнюю жизнь ихъ своему надзору, не допускали ихъ пріобрѣтать знаній, развивающихъ умъ. Вся земля была объявлена владѣніемъ Божіимъ, то есть взята въ собственность ордена. Туземцы обязаны были воздѣлывать землю для правительства. Орденъ выдавалъ продовольствіе имъ; огромный остатокъ земледѣльческаго продукта онъ продавалъ въ свою пользу и такимъ образомъ получалъ отъ парагвайскаго государства очень большой доходъ. Онъ построилъ крѣпости по границамъ, воспретилъ всѣмъ чужимъ людямъ доступъ въ Парагвай, приучилъ туземцевъ владѣть оружіемъ. Даже испанцы были допускаемы въ Парагвай лишь какъ свита вице-короля или епископа, изрѣдка пріѣзжавшихъ на короткое время въ іезуитское государство. Въ случаѣ ссоры съ епископомъ іезуиты выводили войско на границу и отгоняли его отъ своего владѣнія. Такъ они поступали съ епископомъ Кардевасомъ (1629—1656), наконецъ арестовали его и отвезли на ветхой шлюпкѣ далеко отъ своей границы. Они были многочисленны и сильны во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ и особенно въ Бразиліи. Повсюду они соединяли съ церковной дѣятельностью промыш-

ленную и торговую; подлѣ ихъ великолѣпныхъ, но безвкусныхъ храмовъ стояли магазины и факторіи, дававшія громадное богатство ордену. Но въ XVIII вѣкѣ все это погнбло.

4. Уставъ ордена.

Протестантство расширялось, папская власть колебалась даже въ государствахъ, остававшихся католическими, когда неожиданно явилось на защиту римской церкви маленькое общество фанатиковъ, силу которыхъ не умѣла сначала оцѣнить римская курія. Послѣ нѣкотораго колебанія она разрѣшила имъ основать орденъ и онъ сталъ могущественнѣшимъ противникомъ протестантства. Онъ былъ созданъ испанскимъ національнымъ духомъ, которымъ была создана за четыре столѣтія передъ тѣмъ инквизиція. Семь столѣтій борьбы съ исламомъ развили въ испанцахъ отвагу, твердость и религіозный фанатизмъ. Продуктами этого въ церковныхъ дѣлахъ и была сначала инквизиція; потомъ іезуитскій орденъ, представляющій собою видоизмѣненное сообразно новымъ обстоятельствамъ повтореніе прежней дѣятельности доминиканскаго ордена, которому была поручена инквизиція. Въ іезуитскомъ орденѣ неутомимое и самоотверженное усердіе къ римской церкви соединялось съ непримиримой ненавистью къ ереси, гнусному порожденію діавола, достойному безпощаднаго истребленія.

Уставъ и дополняющія уставъ правила іезуитскаго ордена были превозносимы многими католическими учеными; дѣйствительно, они очень замѣчательны. Ничего подобнаго имъ еще не было создаваемо въ Европѣ. Фанатизмъ соединялся въ нихъ съ политической расчетливостью. Первой надобностью ордена было воспитывать своихъ новыхъ членовъ такъ, чтобъ они становились солдатами церковнаго войска, уничтожпть въ нихъ врожденныя человѣческія склонности, вложить въ нихъ новыя стремленія, принадлежащія аскетамъ. Лойола самъ сталъ такимъ человѣкомъ въ манрескомъ монастырѣ; по личному опыту, пріобрѣтенному тамъ, онъ еще до переселенія изъ Испаніи въ Парижъ составилъ планъ „Духовныхъ упражненій“ (*Exercitia spiritualia*). Они были сочетаніемъ молитвы, изслѣдованія своей совѣсти, самонистязаній, воображаемыхъ собесѣдованій съ Богомъ и святыми. Этимъ способомъ производилось возбужденіе нервовъ и раздраженіе фантазіи, доходившее до экстаза, до галюцинацій. Въ духовномъ упражненіи исполняющій его проходитъ по всѣмъ градаціямъ религіозныхъ ощущеній, отъ трепета адскихъ мукъ до сладкой мечты о райскомъ блаженствѣ. Книга духовныхъ упражненій вовсе не продуктъ экзальтаціи, какъ называли ее многіе; она расчетливое руководство къ произвольному возбужденію экзальтаціи машинальными средствами. Цѣль, для которой долженъ воспитанникъ іезуитскаго ордена подвергать себя этимъ упражненіямъ, высказывается въ руководствѣ къ нимъ словами, что человѣкъ

стаповитися щасливимъ, прибрѣтая способность отказаться отъ собственного сужденія и собственной воли, слѣпо подчиниться церкви, чувствовать себя живой машиной, работающей для нея по ея волѣ. Развиваясь, іезуитскій орденъ совершенно отбросилъ экзальтацію своихъ основателей, превратился въ механизмъ, служащій католической церкви. Тѣмъ же путемъ шло развитіе каждаго іезуита. Отъ постулавшаго въ орденъ начальство требовало аскетической жизни, но это прекращалось вмѣстѣ съ періодомъ его новиціата, и чѣмъ дальше, тѣмъ исключительнѣе единственной обязанностью члена ордена становилось безусловное или, какъ любилъ называть Лойола, „слѣпое“ повиновеніе. Бывшій воинъ, Лойола думалъ только о побѣдѣ, а необходимымъ условіемъ побѣды считалъ строгую дисциплину. Субординація казалась ему источникомъ могущества, душою всякой добродѣтели. Но для духовнаго войска надобно, чтобы повиновеніе не ограничивалось внѣшними движеніями, какъ у мірскихъ солдатъ, а охватывало волю и умъ, то есть уничтожало въ человѣкѣ личность. Въ этомъ духѣ и былъ составленъ уставъ ордена. Крайнее развитіе обѣта послушанія составляетъ отличіе іезуитскаго ордена отъ всѣхъ другихъ. Въ уставѣ (въ „конституціяхъ“) ордена до пяти сотъ разъ повторяется внушеніе, что каждый членъ общества Іисуса долженъ видѣть въ своемъ генералѣ самого Христа. Воля, совѣсть, умъ всѣхъ членовъ общества должны находиться въ полномъ распоряженіи генерала. Ни на какое его повелѣніе нельзя отвѣчать отказомъ: „пусть каждый будетъ убѣжденъ,“ говорится въ уставѣ, „что живущіе подъ повиновеніемъ должны предоставлять божественному провидѣнію черезъ посредство ихъ начальниковъ двигать и править ими такъ, какъ будто бы они были трупъ (*perinde ac si cadaver essent*). Лойола писалъ португальскимъ коллегіумамъ, въ которыхъ нѣкоторое время аскетизмъ ослабилъ повиновеніе: „Спокойно оставимъ другимъ орденамъ превосходить насъ постомъ, бдѣніемъ и всѣми подвигами умерщвленія плоти, какія они соблюдаютъ каждый по своему уставу въ святомъ намѣреніи. Я желаю, чтобы служащіе Богу въ нашемъ обществѣ отличались чистымъ и совершеннымъ повиновеніемъ, искреннимъ отреченіемъ отъ собственной воли и отъ собственного сужденія.“ Уставъ іезуитовъ придаетъ особенную важность тому, чтобы повелѣніе исполнялось немедленно.—“Завтра вы отпрадитесь въ Китай, тамъ ожидаетъ васъ голеніе, быть можетъ, мученическая смерть.“—„Слушаемъ, отецъ мой.“—такъ велись дѣла въ іезуитскомъ орденѣ; только при этомъ условіи могла быть достигаема цѣль, чтобы одна непоколебимая воля управляла всѣми членами ордена во всѣхъ частяхъ свѣта.

Проникнутое духомъ строгой субординаціи устройство іезуитскаго ордена было военно-монархическое; все въ немъ было отдано во власть генералу, избранному на всю жизнь и живущему въ Римѣ. Каждый членъ ордена безусловно подчиненъ генералу; но орденъ въ цѣломъ своемъ составѣ выше генерала. Уставъ положительно говоритъ, что общество Іисуса должно имѣть величайшую власть надъ своимъ генераломъ, такъ чтобы всѣ члены ордена могли дѣйствовать только хорошо, не имѣли возможности дѣйствовать дурно. Генералъ самъ назначаетъ своего секретаря, но провинціалы (начальники провинцій) назначаютъ генералу увѣщателя (совѣтника *admonitor*), который долженъ наблюдать за его дѣйствіями и дѣлать ему замѣчанія; они назначаютъ и помощниковъ, ассистентовъ генерала, составляющихъ тайный совѣтъ его (обыкновенно было четыре ассистента). Уставъ даже предусматриваетъ случаи, въ которыхъ генеральная конгрегація (общее собраніе) профессовъ можетъ смѣнять генерала. Если обвиненіе будетъ найдено недостаточно важнымъ для смѣщенія генерала, то конгрегація должна заняться другими дѣлами для вида,

будто была созвана по этимъ дѣламъ и „чтобы казалось, будто не было рѣчи о проступкахъ генерала.“ Итакъ не только выборъ, но и смѣщеніе генерала принадлежить общему собранію профессовъ; оно устанавливаетъ и законы ордена; такимъ образомъ надъ неограниченнымъ правителемъ ордена владычествуетъ аристократія его. Есть въ его устройствѣ и демократическая черта: каждый членъ можетъ достигать всѣхъ высшихъ должностей и самого генеральства. Низшую степень въ чиноначаліи ордена составляетъ новиціатъ, время испытанія, предшествующее принятію въ члены ордена; оно длится два года, чтобы можно было съ точностью изслѣдовать характеръ и способности желающаго поступить въ орденъ; заявляющіе это желаніе подвергаются внимательному наблюденію; принимаются въ орденъ только люди физически и умственно способные служить ему; люди недаровитые не допускаются въ него. Всякія препятствія къ принятію въ орденъ могутъ быть устраняемы, если начальство находитъ, что кандидатъ будетъ полезнымъ членомъ. Люди, проходящіе періодъ новиціата (послушники) ведутъ образъ жизни въ точности опредѣленный уставомъ, который предписываетъ, чѣмъ они должны заниматься, начиная съ 4 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Этотъ неизмѣнный порядокъ дня подавлялъ личность человѣка монотонностью мрачныхъ молитвъ, низкихъ служительскихъ работъ, чтеніемъ экзальтированныхъ книгъ, самоистязаніями. Онъ былъ ловко придуманъ для того, чтобы убить самостоятельность проводимаго черезъ періодъ испытанія. Этотъ человѣкъ, обыкновенно юноша, былъ отрѣзанъ въ новиціатскомъ домѣ отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ міромъ. Ему велѣно было говорить о своихъ родителяхъ и родственникахъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ словъ „мой бывшіе“ родители или родственники. Его держали такъ, чтобы онъ утрачивалъ всѣ прежнія связи, охлаждѣвалъ ко всѣмъ воспоминаньямъ, его приучали считать своимъ отечествомъ орденъ, орденское начальство своимъ провидѣніемъ. Если онъ имѣлъ состояніе, его заботливо вели къ рѣшенію отдать все ордену. Выдержавшіе новиціаты дѣлались помощниками (*coadjutores*). На этой степени они служили ордену, не зная сокровенныхъ пружинъ механизма, частями котораго становились. Для исполненія мірскихъ надобностей ордена были у него свѣтскіе коадьюторы, служившіе управляющими, поварами, домашними чернорабочими. Люди, предназначавшіеся ордену для монашества, были по истеченіи двухлѣтняго новиціата принимаемы въ духовное званіе, давали тутъ обыкновенные монашескіе обѣты и были переводимы въ разрядъ схоластиковъ (учениковъ). Они жили въ коллегіумѣ ордена, пять лѣтъ учась реторикѣ, философіи, физикѣ, математикѣ; потомъ получали практическую подготовку къ преподаванію въ орденскихъ школахъ: года четыре или лѣтъ шесть учились богословію; по окончаніи курса, котораго схоластики, обыкновенно, имѣя 33 года, были рукополагаемы въ священническій санъ (іезуиты называли себя не монахами, а священниками). Но еще до полученія священническаго сана іезуитъ уже былъ духовнымъ лицомъ по званію духовнаго коадьютора, которое, обыкновенно, давалось ему между 20 и 25 годами. Ректоры коллегіумовъ были, обыкновенно, назначаемы изъ коадьюторовъ; этотъ разрядъ іезуитовъ, еще не имѣвшій священническаго званія, исполнялъ и много другихъ важныхъ дѣлъ, въ особенности ученыхъ работъ. Классъ духовныхъ коадьюторовъ составлялъ главную силу ордена. Имъ были поручаемы тѣ должности, которыя требовали постоянного жительства въ одномъ мѣстѣ; члены ордена, получившіе священническій санъ, профессы, вообще вели бродячую жизнь. Они дѣлились на два разряда, одни, кромѣ трехъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, давали только обѣщаніе заниматься воспитаніемъ мальчиковъ и юношей; другіе давали, кромѣ того, обѣтъ отпираться безъ всякихъ отговорокъ повсюду, куда

пошлетъ папа; они назывались профессами четырехъ обѣтовъ (*professi quatuor votorum*), а недававшіе этого четвертаго обѣта—профессами трехъ обѣтовъ. Такимъ образомъ, послушники, схоластики, коадьюторы, профессы трехъ обѣтовъ и профессы четырехъ обѣтовъ образовали пять концентрическихъ круговъ, средоточіемъ которыхъ былъ генераль. Чѣмъ ниже степень занимаемая членомъ ордена, тѣмъ легче можно было удалить его изъ общества Іисуса; но при этомъ ему не возвращалось отданное ордену имущество. По своей волѣ никто не могъ выйти изъ ордена, и даже папа не имѣлъ права освободить іезуита отъ его орденскихъ обѣтовъ. Профессы четырехъ обѣтовъ, завѣдывавшіе всѣми важными дѣлами, составляли около пятнадцатой части всего числа членовъ общества Іисуса и образовали такъ называемое общество давшихъ полные обѣты (*Societas professa*); изъ нихъ выбирались начальники, ихъ посылали въ миссіонерство. Въ первое столѣтіе ордена они жили почти всѣ въ такъ называемыхъ домахъ профессовъ, соблюдая суровыя правила бѣдности; этими домами правили суперіоры; начальниками коллегіумовъ были ректоры; новиціатскіе дома имѣли своихъ особыхъ начальниковъ. Изъ числа опытныхъ ректоровъ выбирались прокураторы, управлявшіе мірскими дѣлами ордена и бывшіе начальниками свѣтскихъ коадьюторовъ. Начальникъ орденской провинціи, провинціаль, имѣлъ надъ нею такую же произвольную власть, какъ генераль надъ всѣмъ орденомъ.—Подобно другимъ орденамъ, общество Іисуса имѣло разрядъ людей, остававшихся въ мірской жизни, не дававшихъ монашескаго обѣта, но оказывавшихъ услуги ордену, въ связь съ которымъ вступали и считавшіеся отчасти принадлежащими къ его составу. Въ обществѣ Іисуса эти свѣтскіе люди назывались аффилированными. Въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ высшихъ церковныхъ сановниковъ и даже государи, какъ напримѣръ нѣмецкіе императоры Фердинандъ II и Фердинандъ III. Орденъ давалъ этимъ своимъ высокимъ друзьямъ дипломы, которыми обезпечивалось имъ участіе въ благодати божіей, дарованной ордену. Нѣкоторые члены ордена, давшіе монашескій обѣтъ, получали разрѣшеніе жить въ мірскомъ обществѣ, скрывая свою принадлежность къ ордену, чтобы быть болѣе полезными для него своей тайной дѣятельностью. Такъ Франческо Борджіа, сдѣлавшійся впоследствии третьимъ генераломъ ордена, оставался въ прежнемъ своемъ свѣтскомъ положеніи, давъ монашескій обѣтъ, и продолжалъ называться герцогомъ Гандіей. Это было еще при Лойолѣ; онъ уже оставлялъ въ прежнихъ свѣтскихъ положеніяхъ тѣхъ членовъ ордена, которые могли быть полезны ему, продолжая казаться свѣтскими людьми, не принадлежащими къ обществу Іисуса.

Генераль былъ правителемъ всего общества Іисуса. Онъ назначалъ провинціаловъ, ректоровъ и суперіоровъ. Они получали свои должности обыкновенно на три года. Всѣ они постоянно посылали донесенія генералу. Начальникъ дома профессовъ, іезуитскаго коллегіума или новиціата обязанъ былъ вести списокъ своихъ подчиненныхъ, въ которомъ обозначалъ лѣта, знанія, занятія, характеризовалъ качества всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Каждый годъ эти списки были отправляемы черезъ провинціаловъ генералу. Провинціаль былъ обязанъ посылать генералу ежемѣсячные отчеты; суперіоръ и начальникъ новиціата посылали отчеты каждые три мѣсяца; ректоры, миссіонеры также посылали отчеты генералу; кромѣ того онъ получалъ донесенія отъ множества другихъ лицъ; потому всегда могъ видѣть, кому лучше всего можно поручить представляющееся дѣло: качества всѣхъ членовъ ордена были такъ хорошо извѣстны ему по донесеніямъ, какъ будто онъ зналъ каждого лично. О дѣлахъ, требовавшихъ секрета, іезуиты переписывались шиффромъ. Всѣ члены ордена находи-

лись подъ непрерывнымъ взаимнымъ надзоромъ: за каждымъ слѣдилъ другой и доносилъ начальству о всякомъ его проступкѣ противъ дисциплины. Личная дружба между іезуитами была воспрещена и уничтожаема. Каждый обязанъ былъ служить доносчикомъ и знать, что самъ окруженъ доносчиками. Въ каждомъ іезуитскомъ общежительномъ домѣ находились синдикъ и его помощникъ по надзору, обязанные доносить начальнику обо всемъ происходящемъ въ этомъ домѣ; начальникъ былъ обязанъ передавать ихъ донесенія высшему начальнику, и все доходило такимъ образомъ до генерала. Всѣ члены іезуитскаго ордена были опутаны сѣтью шпіонства, которое держало ихъ въ необходимости безусловно повиноваться начальству. Іезуитъ Маріана, возстававшій противъ безнравственныхъ правилъ своего ордена, говоритъ: „Устройство ордена основано на шпіонствѣ, отъ котораго разливается желчь по всему его составу и производитъ всеобщую желтуху въ немъ!“

Стремленіе общества Іисуса развивать въ своихъ членахъ привычку къ машинальному исполненію всѣхъ приказаній начальства проявляется между прочимъ, и въ томъ, что уставъ его даетъ подробнѣйшія предписанія о мелочахъ, кажущихся людямъ безразличными. Одежда іезуитовъ не имѣла ничего общаго съ одеждой другихъ орденовъ. Она состояла изъ длиннаго чернаго полукафтання, мантии, черной четырехугольной шапки или шляпы съ низкой плотной тульей и широкими загнутыми полями. Уставъ говоритъ, что идущій въ этомъ платьѣ іезуитъ не долженъ дозволить свободнаго движенія своей головѣ, обязанъ держать ее слегка наклоненной лицомъ прямо впередъ; глаза его должны быть опущены на землю, и разговаривая съ человѣкомъ, онъ не долженъ подымать взгляда выше нижней части лица своего собесѣдника. Походка, жестикуляція, тонъ голоса въ точности опредѣлены уставомъ. Запрещенъ всякій разговоръ, не ведущій къ практическому результату, воспрещены политическіе споры, разсужденія о сравнительномъ достоинствѣ разныхъ націй. Непрерывно приучая къ повиновенію, къ наблюденію за собой и за другими, не оставляя человѣку простора ни для какого дѣйствія по своей волѣ, уставъ сглаживалъ всякую личную оригинальность, замѣнялъ ее общей орденской фізіономіей. Но остававшіяся отъ этой передѣлки дарованія были предметомъ самой энергической заботливости ордена, пользовавшагося ихъ развитіемъ для своихъ выгодъ. Онъ имѣлъ людей, способныхъ ко всякому дѣлу, и занимался всяческими дѣлами. Всякая склонность человѣка получала въ орденѣ полезное ему употребленіе. Людямъ благочестивымъ онъ позволялъ аскетическій образъ жизни, чтобы возвышать свой авторитетъ репутаціей ихъ святости; другіе получали полную свободу заниматься учеными трудами, издали цѣлыя бібліотеки книгъ по астрономіи, оптикѣ, хронологіи, исторіи, патристикѣ, догматикѣ, морали. Очень многіе посвящали себя преподаванію и воспитанію. Наболѣе ловкіе въ житейскихъ дѣлахъ занимали должности при дворахъ; пылкіе краснорѣчивые люди были проповѣдниками; энтузіасты, жаждавшіе славы мученичества, отправлялись миссіонерами въ языческія земли. Орденъ имѣлъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ жизни и науки, отъ школьныхъ учителей до министровъ и королевскихъ духовниковъ. „Мы сами все,“ говорили о себѣ іезуиты, называя себя *Solipsi* „единственные,“ „дѣлающіе все сами,“ ненуждающіеся ни въ комъ. Ранке говоритъ: „Такого соединенія солидной науки и неутомимаго усердія ученыхъ занятій съ умѣньемъ убѣждать, пышности съ самоотверженностью, дѣятельности во всѣхъ частяхъ свѣта съ единствомъ плана ея не бывало на землѣ ни раньше, ни послѣ. Іезуиты были трудолюбивы и фантастичны, расчетливы и восторжены; они были люди хорошаго тона, съ которыми пріятно было сближаться; личныхъ интересовъ іезуитъ не имѣлъ;

каждый руководился только заботой о пользѣ ордена, и все дѣйствовали единодушно. Не удивительно, что „ихъ дѣятельность была успѣшна.“

5. Принципы и практика іезуитовъ.

Хитро устроенная организація общества Іисуса имѣла своимъ назначеніемъ пріобрѣтеніе не какихъ нибудь нравственныхъ благъ, а только житейскихъ успѣховъ. Это само собою ясно изъ устава ордена. Онъ написанъ не для отшельниковъ заботящихся о спасеніи своей души, а для людей, ведущихъ житейскую борьбу. Потому члены іезуитскаго ордена не были обязаны жить постоянно въ монастыряхъ, какъ монахи другихъ орденовъ; они были солдаты, передвигающіеся съ мѣста на мѣсто по распоряженіямъ начальства. Задача, исполненіе которой взялъ на себя ихъ орденъ, была трудна. Іезуиты хотѣли покорить папѣ европейскіе народы, свергнувшіе съ себя власть его, возстановить и расширить по всѣмъ частямъ свѣта средневѣковое католичество, господство церкви надъ государствомъ, хотѣли подавить протестантство и введенную имъ умственную свободу людей. Общество Іисуса шло къ этой цѣли всяческими путями и, по самому принципу своей дѣятельности, пренебрегало всяческими нравственными стѣсненіями. Монашескіе обѣты іезуитовъ скоро стали пустыми словами. Ихъ похвальба своимъ обѣтомъ бѣдности была насмѣшкой надъ нимъ. Они занялись торговлей, возили на ярмарки свои товары, сдѣлались банкирами. Генераль ордена Франческо Борджіа, думавшій править имъ въ духѣ благочестія, обнародовалъ циркуляръ (энциклику), въ которой выражалъ опасеніе, что общество Іисуса впадетъ въ грѣхъ честотюбія и гордости; Аквавива признавался, что въ орденъ вкралась болѣзнь искательства мірскихъ благъ и благосклонности дворовъ. Властолюбіе заглушило въ орденѣ все религіозные мотивы. Карль Борромейскій и Климентъ VIII рѣзко осуждали властолюбіе іезуитовъ. Но орденъ наперекоръ всѣмъ порицаніямъ шелъ къ своей цѣли, какъ войско церкви.

Онъ постоянно говорилъ, что дѣлаетъ все «для большей славы божіей» (*Ad maiorem Dei gloriam*), но слава божія съ іезуитской точки зрѣнія состоитъ во владычествѣ надъ міромъ, а Богъ дѣйствуетъ на землѣ чрезъ церковь, вся власть которой сосредоточена въ рукахъ папы; потому слава божія на языкѣ іезуитовъ значитъ владычество папы, намѣстника Божія. Въ этомъ духѣ общество Іисуса болѣе двухъ столѣтій стремилось руководить ходомъ событій во всей Европѣ и дѣйствительно имѣло на него очень большое вліяніе. Оно обращало все свои силы на то, чтобъ осуществлять повелѣнія папы посредствомъ свѣтскихъ правительствъ и сначала главнымъ образомъ черезъ короля испанскаго, потомъ со времени Аквавивы

стремилось дѣйствовать, главнымъ образомъ, черезъ короля французскаго. Дѣятельность ордена была, какъ мы говорили, неутомима: онъ обращалъ въ католичество еретиковъ, схизматиковъ, іудеевъ, язычниковъ, возстановилъ папскую власть надъ нѣкоторыми изъ земель, свергнувшихъ ее съ себя, руководилъ образованіемъ католическихъ народовъ и совѣстью ихъ государей.

Успѣхи ордена въ придворныхъ кругахъ могутъ казаться удивительны, потому что принципы его противорѣчили интересамъ государственной власти. Богословы его съ очень рѣзкой послѣдовательностью проводили идею подчиненія свѣтской власти теократическому всемогуществу папы. Сантарелли въ 1625 году съ одобренія генерала ордена издалъ трактатъ, доказывавшій, что папѣ принадлежитъ прямая и безусловная власть въ мірскихъ дѣлахъ. Сальмеронъ, Беллярминъ (Беллармино) и Молина соблюдали дипломатическую осторожность, какой требовало фактическое положеніе дѣлъ, не говорили, что папа имѣетъ прямую власть по мірскимъ дѣламъ, но все-таки выставляли его верховнымъ рѣшителемъ ихъ по косвенной власти надъ политикой чрезъ религіозную власть.

Однимъ изъ важнѣйшихъ ученыхъ представителей орденской политики былъ Франсиско Суаресъ, испанецъ родомъ изъ Гранады. Громадная масса его трактатовъ, составляющая 23 фоліанта, охватываетъ всю схоластическую теологію и аристотелевскую философію. Онъ считался у фанатичныхъ католиковъ первымъ ученымъ своего времени. Іезуиты превозносили его. Онъ говорилъ, что всѣ рѣшенія богословскихъ вопросовъ, излагаемые имъ, одобрены Богоматерью, съ которой онъ совѣтовался обо всемъ. Но это не помѣшало католическимъ богословамъ, не раздѣлявшимъ іезуитскихъ правилъ, находить, что его ученіе о благодати отзывается ересью. Они порицали его за то, что онъ въ этомъ ученіи держится понятій Молины или по крайней мѣрѣ старается создать что нибудь среднее между ученіями Молины и Томы Аквината. (Эта средняя шаткая система называлась катризмомъ). Когда Павелъ V воспретилъ англійскимъ католикамъ давать присягу, которой требовалъ отъ нихъ Іаковъ I, Суаресъ выступилъ защитникомъ ученія, что папа имѣетъ власть низлагать королей еретиковъ и освобождать ихъ подданныхъ отъ присяги. Папа благодарилъ его собственноручнымъ письмомъ. Но трактатъ, въ которомъ излагалъ онъ это ученіе,

Беллярминъ былъ сожженъ не только въ Лондонѣ, но и въ Парижѣ (въ 1614 году). Совершенно согласенъ съ Суаресомъ по этому вопросу былъ авторитетнѣйшій изъ всѣхъ іезуитскихъ ученыхъ Робертъ Беллярминъ (Беллармино), уроженецъ Тосканы, человекъ хорошаго классическаго образованія, писавшій изящные латинскіе стихи. Онъ въ іезуитскомъ орденѣ былъ представителемъ осторожнаго схоластическаго направленія, враждебнаго фанатическому мистицизму испанцевъ, и въ ученіи о благодати держался понятій болѣе близкихъ къ Томѣ Аквинату, чѣмъ къ Молинѣ. Будучи профессоромъ лувенскаго университета, онъ основательно изучилъ догматическіе вопросы, по которымъ протестанты разошлись съ римскою церковью; потому Григорій XIII пригласилъ его въ Римъ читать лекціи объ этомъ предметѣ въ Римскомъ коллегіумѣ. Въ Римѣ онъ сталъ издавать рядъ диспутацій противъ современныхъ еретиковъ (1581—1593). Сборникъ этихъ трактатовъ до сихъ поръ считается у католиковъ достовѣрнѣйшимъ изложеніемъ римскаго вѣроученія. Онъ отличается ясностью изложенія, послѣдовательностью понятій и тономъ менѣе грубымъ, чѣмъ другія полемическія сочиненія противъ протестантства. Онъ произвелъ большую тревогу между

протестантскими богословами и вызвалъ множество возраженій съ ихъ стороны. И однако же Сикстъ V запретилъ (въ 1599) ту часть этихъ диспутаций, въ которой говорится, что папа имѣетъ не прямую, а только косвенную власть надъ мірскими дѣлами. Климентъ VIII назначилъ Беллярмина кардиналомъ и архіепископомъ капуанскимъ (въ 1602), а по смерти Климента (въ 1605) Беллярминъ имѣлъ шансы получить папскій санъ, и этому помѣшало только опасеніе большинства кардиналовъ, что онъ предоставитъ іезуитамъ слишкомъ сильное вліяніе на дѣла. Въ своей автобіографіи Беллярминъ говоритъ, что прощаетъ врагамъ эту несправедливость. (Свою автобіографію онъ написалъ тономъ самохвальства въ томъ духѣ, чтобы приготовить будущее свое причисленіе къ лику святыхъ). — Онъ усердно защищалъ Павла V въ борьбѣ съ Іаковомъ I и съ Венеціей, излагалъ съ самой рѣзкой послѣдовательностью ученіе о непогрѣшимости папы. Оно доведено у него до такой крайности, что воля папы поставлена критеріумомъ нравственности: все, что повелѣваетъ папа, то безусловно хорошо, а все запрещаемое папой безусловно грѣховно.

У Беллярмина по политическимъ вопросамъ уже проявляется склонность приписывать верховную власть въ государствѣ народу; еще яснѣе высказывается эта теорія въ трактатѣ другого іезуита, Россей или Райнольда, изданномъ съ одобренія ордена въ 1592 году. Протестантскіе богословы приписывали королевской власти божественное происхожденіе, чтобы доказывать ея независимость отъ папы. Въ борьбѣ съ протестантствомъ іезуиты считали надобнымъ опровергать эту теорію и въ противоположность ей выработали ученіе, что государство возникаетъ изъ естественнаго влеченія людей къ общественной жизни, что всѣ правители и въ томъ числѣ государи получаютъ свою власть отъ народнаго выбора, что народъ, поручивъ власть комитету правителей, какъ въ республикахъ, или одному лицу, какъ въ монархіяхъ, въ обоихъ случаяхъ одинаково сохраняетъ право отмѣнить это порученіе, взять государственныя дѣла обратно въ свое непосредственное завѣдываніе. Папистамъ и въ частности іезуитамъ казалось, что эта теорія, отрицающая божественное происхожденіе королевской власти, выгодна для папы, ставя королей ниже его, намѣстника божія. Они прибавляли, что королевская власть пріобрѣтаетъ высокое и прочное значеніе только чрезъ освященіе церковью. Беллярминъ говоритъ, что народы должны избирать королей подъ руководствомъ папы; Россей учитъ, что король пріобрѣтаетъ законную власть только чрезъ актъ короновація, совершаемый епископами. Не имѣя власти отъ Бога, король по ученію Беллярмина можетъ быть назначаема народомъ или папой. Эта теорія была въ ту эпоху общимъ ученіемъ всего іезуитскаго ордена; она изложена въ официальномъ іезуитскомъ руководствѣ духовникамъ.

Такимъ образомъ въ политической философіи общества Іисуса теократія соединялась съ демократіей, и смотря по обстоятельствамъ іезуиты выставляли на первый планъ то одинъ изъ этихъ элементовъ, то другой. У Беллярмина и Россей преобладаетъ теократическое направленіе; но явился между іезуитами человекъ, проникнутый духомъ республиканцевъ классической древности, выводившій всѣ логическія послѣдствія изъ принципа, что народъ имѣетъ право самозащиты противъ тиранновъ. Онъ оправдывалъ даже убійство ихъ. Это былъ Хуанъ Маріана, авторъ превосходной „Исторіи Испаніи“. Въ то время, когда испанскіе іезуиты боролись съ Аквавивой, онъ написалъ книгу „О недостаткахъ общества Іисуса“. Она была напечатана по смерти автора въ 1625 году въ Брюсселѣ. Іезуиты объявили ее подлогомъ, лживо приписаннымъ члену ихъ ордена. Въ ней очень рѣзко порицалось то, что генералу предоставлена деспотическая власть надъ орденомъ. Но знаменитая книга Маріаны „О государѣ и характерѣ

Маріана
1536—1624.

власти государя“ (De rege et regis institutione) была одобрена не только орденомъ, но и королемъ испанскимъ. Она была напечатана въ Толедо въ 1598; въ ней говорится, что если народъ не можетъ свергнуть тирана открытымъ возстаніемъ, то каждый имѣетъ право убить его; авторъ прославляетъ всѣхъ убійцъ тиранновъ древняго и новаго времени до Жака Клемана. Французскіе лигисты восхищались этой книгой, оправдывавшей убійство Генриха III и замыслы убить Генриха IV. По свидѣтельству Суареса, весь орденъ держался ученія, изложеннаго Маріаной. Но когда, Генрихъ IV былъ убитъ, во Франціи поднялась такая буря негодованія противъ этого ученія, что Аквавива нашелъ надобнымъ сдѣлать уступку французамъ и (въ 1610) воспретилъ іезуитамъ оправдывать убійство тиранновъ. Іезуитъ Коттонъ сталъ доказывать, что книга „О государѣ и характерѣ власти государя“ написана не іезуитомъ, а реформаторомъ, желавшимъ повредить ордену. Но Маріана только высказалъ правила, по которымъ издавна дѣйствовали римская курія и іезуитскій орденъ. Іезуиты прославляли не только Жака Клемана, убійцу Генриха III, они одобряли Баррьера и Шателя, покушавшихся убить Генриха IV, возбуждали Бальтазара Жерара убить Вильгельма Оранскаго, участвовали во всѣхъ заговорахъ убить Елизавету. Въ памфлетахъ противъ нея Олленъ (Allen) и Парсонсъ доказывали, что папа можетъ освободить подданныхъ отъ повиновенія королю (или царствующей королевѣ) и возлагать на нихъ обязанность вооруженнаго возстанія противъ государя (или государыни). Въ своей политической дѣятельности орденъ іезуитовъ былъ непримиримымъ врагомъ религіознаго мира, въ своемъ преподаваніи—противникомъ свободы мысли, гасителемъ просвѣщенія, а своей системой казуистической морали онъ заглушалъ чувство чести. Казуистика, вникающая въ непристойныя подробности пороковъ, и стремящаяся находить оправданія всѣмъ дурнымъ поступкамъ, была разрабатываема уже въ XV вѣкѣ доминиканцами; но до полнаго развитія довела ее собственно іезуиты. Они воспользовались для своихъ цѣлей и теоріей пробабиллизма, основателями которой были также доминиканскіе богословы; іезуитскіе моралисты дали ей такое направленіе, что все дурное могло быть оправдываемо пустыми логическими тонкостями, уничтожавшими всѣ правила честности и справедливости. Пробабилизмъ состоялъ въ ученіи, что достовѣрныхъ нравственныхъ истинъ нѣтъ, существуютъ только мнѣнія болѣе или менѣе правдоподобныя, что эти мнѣнія по всякому нравственному вопросу разнорѣчивы, и можно выбирать любое изъ нихъ за руководство и оправданіе себѣ. Правдоподобнымъ должно считать всякое мнѣніе, въ пользу котораго можно найти какія нибудь соображенія или которое было высказано какимъ нибудь авторитетнымъ ученымъ; если можно привести хоть одно свидѣтельство какого-нибудь авторитетнаго писателя въ пользу выгоднаго для насъ мнѣнія, то можно поступать сообразно этому мнѣнію, не обременяя свою совѣсть грѣхомъ; этотъ поступокъ не будетъ противенъ совѣсти, хотя бы человекъ, рѣшающійся на него, самъ зналъ, что онъ дурень. Готовностью оправдывать всѣ дурныя дѣла объясняются громадныя успѣхи общества Іисуса. Въ противоположность протестантскому ученію оно говорило, что требовать отъ человека проникающей все его существо любви къ Богу—пустое фантазерство. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ моралистовъ ордена испанецъ Эсковаръ-и-Мендоса (Escobar y Mendoza) говоритъ, что достаточно каждые пять лѣтъ разъ возбуждать въ себѣ чувство любви къ Богу. Онъ называетъ душевное раскаяніе въ грѣхахъ дѣломъ совершенно излишнимъ. По словамъ другого іезуита Филліучо, для отпущенія грѣховъ достаточно, чтобы человекъ пожелалъ почувствовать раскаяніе. Іезуитъ Валенсія (Valentia) для облегченія полемики

Эсковаръ
1589—1669.
Филліучо.
† 1629 Вален-
сія † 1603.

противъ протестантовъ издававшій Августина съ преднамѣренными искаженіями текста, говоритъ, что сокрушеніе сердца о грѣхахъ скорѣ препятствіе, чѣмъ условіе для достойнаго причащенія Св. Даровъ. Іезуитскіе моралисты ставили въ славу своему ордену ученіе, что грѣхомъ бываетъ только такое дѣло, которое человѣкъ совершаетъ съ полнымъ сознаниемъ его грѣховности и съ твердой рѣшимостью воли, что потому нѣтъ грѣха ни въ чемъ дѣлаемомъ въ порывѣ страсти или вообще необдуманно и ни въ чемъ дѣлаемомъ не по желанію грѣшить, а по какому-нибудь другому побужденію. Іезуиты учили также, что чѣмъ меньше думать о' Богѣ, дѣлая дурной поступокъ, тѣмъ простительнѣе онъ и чѣмъ больше привыкъ грѣшить человѣкъ, тѣмъ меньше виновности въ его грѣхахъ. Эти ученія, хитро рассчитанныя на слабости человѣческой природы, пріобрѣли громадное распространеніе во всѣхъ классахъ общества и особенно въ знатномъ кругу, въ которомъ люди привыкли дѣлать все, что нравится имъ. Іезуиты оправдывали не только пороки, но и коварство и злодѣйство. Вообще говорятъ, что они ставили принципомъ своей морали мысль: „Цѣль освящаетъ средства;“ едва ли они высказывали ее этими прямыми словами безъ всякихъ оговорокъ; но дѣйствительно они говорили въ этомъ духѣ. Эсковаръ, составитель авторитетнѣйшаго у іезуитовъ руководства морали и нѣмецкій іезуитъ Бузенбаумъ, авторъ руководства къ морали, наиболѣе употребительнаго у іезуитовъ послѣ книги Эсковара, говорятъ, что только цѣль опредѣляетъ нравственный характеръ поступка, такъ что при хорошихъ цѣляхъ всѣ поступки хороши, при дурныхъ всѣ дурны. Іезуитскіе моралисты учили, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, когда человѣкъ для хорошей или хотя бы только дозволительной цѣли тайно придаетъ въ своихъ мысляхъ отвѣту, обѣщанію или присягѣ смыслъ болѣе узкій, чѣмъ какой имѣютъ произносимыя слова, или когда онъ мысленно ставитъ исполненіе обѣщаннаго въ зависимость отъ условій, оставляемыхъ неизвѣстными берущему обѣщаніе съ него; это называлось у іезуитовъ „мысленная оговорка“, *reservatio mentalis*. Родственно этому ученію другое правило іезуитской морали, что дозволительно употреблять преднамѣренно выбранныя двусмысленныя выраженія для соблюденія своей выгоды обманомъ. Вообще трудно найти такой грѣхъ, который не былъ бы дозволителемъ по іезуитской морали, когда человѣкъ совершаетъ его, чтобъ оградить какой-нибудь важный свой интересъ. Знаменитѣйшіе моралисты ордена высказывали объ этомъ чудовищныя мысли. По Лессію (Лессу, какъ была его нѣмецкая фамилія), банкротъ можетъ утаивать для себя такую часть своего имущества, какая нужна ему и его семейству на приличную жизнь.

Бузенбаумъ
1600—1668.

Лессій
† 1623.

По Гавріэлю Васкесу, купецъ, получившій больше денегъ, чѣмъ слѣдуетъ, не обязанъ возвращать излишекъ, когда смѣшалъ его съ своими деньгами. По Санчесу, дозволительно убить тайнымъ образомъ своего врага, для избавленія его этимъ отъ грѣха стать убійцей при вызовѣ на дуэль. Еще больше порицаній навлекъ Санчесъ на себя и орденъ своей книгой о бракъ; іезуитскіе моралисты вообще съ особенной любовью пріискивали извиненія всяческимъ нарушеніямъ чистоты нравовъ.

Васкесъ
† 1604.
Санчесъ
1550—1610.

Члены ордена не могли печатать никакихъ книгъ безъ разрѣшенія своего начальства, тѣмъ меньше могли они издавать иначе, какъ по его одобренію книги, служившія руководствомъ для преподавателей и духовниковъ. Поэтому безнравственная теорія, изложенная нами, была общей для всего ордена. Онъ выработалъ ее не собственно по

желанію оправдывать пороки и преступленія, а только потому, что такъ было нужно для пользы римской церкви. Протестанты отмѣнили у себя исповѣдь; по ихъ примѣру избавляли себя отъ этого непріятнаго обряда и католики. Іезуиты нашли полезнымъ для возстановленія обычая исповѣдываться сдѣлать исповѣдь легкой и пріятной. Къ этому присоединилось желаніе завладѣть должностями духовниковъ государей, государынь и вельможъ. Чтобы достичь этихъ цѣлей, іезуитскимъ духовникамъ надобно было быть угодливыми, льстивыми къ исповѣдующимся. И дѣйствительно, іезуиты привлекли католиковъ къ исповѣди, которая выходила изъ употребленія у католическихъ народовъ. Даровитые іезуитскіе священники были обучаемы привлекать государей и вельможъ къ исповѣди у нихъ; этому помогала казуистика; іезуиты овладѣли должностями придворныхъ духовниковъ, вытѣснили съ этихъ мѣстъ другіе ордена, державшіеся прежнихъ строгихъ правилъ истины. «Искусство исповѣдывать—дѣло ловкости» говоритъ книга іезуитскаго юбилея 1640 года, «это заботливость изобрѣтательной любви, приступающая съ сладкимъ очарованіемъ къ сопротивляющимся и возвращающая ихъ къ Богу». По руководствамъ Филліучо, Эсковара и другихъ іезуитскихъ моралистовъ, главная обязанность духовника состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать исповѣдь пріятной; іезуиты прямо говорили всѣмъ католикамъ, что отпущеніе грѣховъ получается у нихъ безъ затрудненій.

Гдѣ было надобно, іезуитскій орденъ дѣйствовалъ по холодному житейскому расчету; а гдѣ было выгодно, онъ выказывалъ себя проникнутымъ религіозной экзальтаціей. Іезуиты льстили легковѣрной массѣ защитою ея суевѣрій, придумывали для нея новыя. Женщины всѣхъ сословій и многіе мужчины низшихъ классовъ любили служеніе Богоматери; іезуиты дали ему самое широкое развитіе. Они дѣйствовали на фантазію массы пышными процессіями, обольщали ее всяческими шарлатанствами.

6. Положеніе іезуитскаго ордена въ католической церкви.

Іезуиты занимались преподаваніемъ по примѣру бенедиктинцевъ стараго времени, борьбою съ еретиками подобно доминиканцамъ, проповѣдывали простолюдинамъ, какъ францисканцы, и далеко превзошли всѣ эти ордена энергіей своей дѣятельности. Но, соперничая съ другими орденами во всѣхъ ихъ занятіяхъ, іезуитскій орденъ вовсе не хотѣлъ, чтобъ его члены жили какъ монахи. Іезуиты могли носить свѣтское платье, были свободны отъ стѣсненій, которымъ подвергали своихъ членовъ уставы прежнихъ орденовъ. Существен-

нымъ отличіемъ іезуитскаго ордена отъ другихъ былъ его политическій характеръ, по которому всѣ обязанности были въ немъ подчинены служенію интересамъ папской власти; потому ни прежде ни послѣ не давали папы никакому другому ордену такихъ льготъ и привилегій, какъ обществу Іисуса. Папы освободили его отъ всякихъ податей церковныхъ и мірскихъ, объявляли, что государи не могутъ требовать никакихъ налоговъ съ имуществъ іезуитскаго ордена и сами не требовали отъ него никакихъ налоговъ; дали ему право повсюду заниматься торговлей и банкирскими дѣлами, объявили законными всяческія пожертвованія въ его пользу, предоставили его генералу власть давать ученые степени, дали іезуитамъ право быть профессорами во всѣхъ университетахъ; разрѣшили имъ совершать богослуженіе во время интердикта, объявили впередъ недѣйствительнымъ и все то, что будетъ постановляемо какою нибудь властью во вредъ имъ, лишили даже самихъ себя права уменьшать ихъ привилегіи: Пій V въ 1571 объявилъ, что никакія права, данныя іезуитскому обществу, не могутъ быть ни отмѣнены; ни ограничены. Слѣдующіе папы тоже отнимали у себя право производить какія нибудь уменьшенія привилегій общества Іисуса, такъ что оно занимало въ римской церкви совершенно исключительное положеніе. Громадность правъ, данныхъ ему возбуждала зависть въ другихъ орденахъ, непріязнь епископовъ и университетовъ. Но папы поддерживали всѣ притязанія іезуитскаго ордена, потому что онъ былъ слугою ихъ стремленія къ безграничному владычеству надъ церковью. Онъ велъ борьбу со всѣми мѣстными церковными властями для полного поработенія ихъ папѣ. Не удивительно, что будучи слугою верховнаго правленія церкви орденъ іезуитовъ имѣлъ участіе въ его господствѣ надъ нею, пересоздалъ ее въ своемъ духѣ.

Но ни одинъ іезуитъ ни сталъ папой; и кардиналы изъ числа іезуитовъ, какъ напримѣръ Беллярминъ, были очень рѣдкими исключеніями. Съ расчетливымъ смиреніемъ іезуиты устранились отъ всякихъ опредѣленныхъ должностей внѣ состава своего ордена, чтобы не отвлекаться отъ служенія ему никакими другими обязанностями. Самъ Лойола не согласился на то, чтобы іезуиты Де Же и Канизій заняли епископскія кафедры, которыя хотѣлъ дать имъ Фердинандъ (король нѣмецкій, братъ Карла); точно также онъ не согласился, чтобы папа возвелъ Лайнеса въ санъ кардинала. Мысль о полученіи личныхъ почестей ослабляла бы въ членахъ ордена преданность ему. Генераль его лишь въ видѣ исключенія разрѣшалъ іезуиту принять какой-нибудь церковный санъ. Іезуитъ, дѣлавшійся прелатомъ, выходилъ изъ ордена, но лишь по формѣ; на дѣлѣ онъ оставался членомъ его, потому что давалъ клятву выслушивать и по возможности исполнять всякій совѣтъ генерала.

Громадныя услуги, оказанныя папству орденomъ іезуитовъ, внушили

имъ мнѣніе, что всѣ интересы ордена должны быть считаемы папами за интересы папской власти, потому что она не можетъ обойтись безъ услугъ его. Они стали нападать на папъ за всякій отказъ ихъ притязаніямъ. Рѣзкіе примѣры тому представляютъ іезуитскія миссіи въ Китаѣ и въ Индіи. Когда папа, какъ это обыкновенно бывало, угождалъ имъ,—они говорили, что ему должно безусловно повиноваться; но когда онъ пытался дѣйствовать наперекоръ ихъ желаніямъ, они смѣялись надъ папской властью. Они были въ постоянной враждѣ съ Павломъ IV, ненавидѣвшимъ все испанское, а потому и общество Иисуса, въ которомъ господствовали тогда испанцы, основатели его; по смерти Лойолы Павелъ IV запретилъ іезуитамъ выбирать генерала на всю жизнь. Но Лайнесъ объявилъ, что это только личное мнѣніе папы, не имѣющее оффиціального значенія. Сиксту V, хотѣвшему отнять у іезуитскаго ордена названіе общество Иисуса, Беллярминъ предсказалъ скорую смерть; пророчество сбылось; когда Климентъ VIII хотѣлъ осудить ученіе іезуитовъ о благодати, Беллярминъ предсказалъ скорую смерть и ему; сбылось и это пророчество. Когда Павелъ V высказалъ намѣреніе рѣшить въ пользу доминиканцевъ догматическій споръ ихъ съ іезуитами о спасеніи человѣка благодатью по заслугамъ или безъ заслугъ спасаемаго, Аквавива сказалъ папѣ, что противъ него будутъ писать 1000 перьевъ. Много разъ папы запрещали іезуитамъ вести торговлю; іезуиты не обращали вниманія на это. Вообще они уважали и папу, и католическую церковь лишь подъ условіемъ согласія съ ними. Къ правамъ епископовъ они выказывали полное пренебреженіе, такъ что епископы вообще были враждебны іезуитамъ. Архіепископъ миланскій, Карлъ Барромейскій, пользовавшійся очень высокимъ уваженіемъ во всемъ католическомъ мірѣ, принужденъ былъ вступить въ борьбу съ ними для защиты правъ своего сана. Они были мучителями почтеннаго Хуана Палаfox (Palafox) епископа Ангелопольской епархіи (въ Мехикѣ); они преслѣдовали его своей враждой до самой смерти, а по смерти помѣшали причисленію его къ лику святыхъ.

Еще ненавистнѣе правъ епископской власти было для нихъ преподаваніе богословія профессорами, не принадлежащими къ ихъ ордену. Они полагали, что только они обладаютъ искусствомъ направлять умы людей на тотъ путь, какой надобенъ для интересовъ церкви. Прежній гуманизмъ или совершенно отдалился отъ христіанства въ увлеченіи классической древностью, или подготовлялъ реформацію. Іезуиты дали своему преподаванію совершенно иной характеръ. Они видѣли недостаточность обученія въ школахъ прежнихъ орденовъ, гдѣ все основывалось только на религіи; ввели въ свои школы тѣ науки, какихъ требовалъ духъ времени, но все свое преподаваніе направляли къ тому, чтобы подчинить умы воспитанниковъ повелѣніямъ церкви. Они поняли, что невѣжество прежнихъ орденовъ облегчило ус-

пѣхъ реформаціи, что для борьбы съ протестантствомъ надобно улучшить и расширить преподаваніе, но вели его такъ, чтобы поработать умы людей.

Иезуитскій орденъ имѣлъ много хорошихъ латинистовъ, искусныхъ переводчиковъ, ловкихъ діалектиковъ, краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, усердныхъ компиляторовъ и вообще ученыхъ по всемъ отраслямъ знанія, но ни въ какой наукѣ не допускалъ стремленія къ истинѣ ради самой истины, подчинялъ все науки своимъ цѣлямъ. Даже въ богословіи иезуиты разрабатывали главнымъ образомъ только полемическій отдѣлъ и казуистику. Имена знаменитѣйшихъ иезуитскихъ казуистовъ мы уже привели; авторитетнѣйшимъ изъ иезуитскихъ писателей по догматическому и полемическому богословію былъ Белларминъ; большой славой пользовались также Мартинъ Беканъ († 1624), духовникъ Фердинанда II, имѣвшій большое вліяніе на него; вѣльнскій иезуитъ Францъ Кастеръ († 1619), ингалъштадскій иезуитъ Якобъ Гретсеръ (1560—1625), неутомимо полемизировавшій противъ протестантизма; французскіе иезуиты Фронтонъ ле Дюкъ (1558—1624), полемизировавшій съ Дю Плесси Морне, знаменитымъ защитникомъ гугенотовъ, парижскій иезуитъ Франсуа Гарассъ († 1631), проповѣди котораго наполнены грубѣйшими ругательствами на протестантовъ.—Изученіемъ Библии иезуиты занимались мало; Хуанъ Мальдонато (1534—1583), первый иезуитъ ставшій профессоромъ въ Сорбоннѣ, былъ между иезуитскими богословами почти единственнымъ основательнымъ знатокомъ еврейскаго и новозавѣтнаго греческаго языковъ. Орденъ порицалъ его за самостоятельность мнѣній и отвергъ его ученіе по вопросу о непорочномъ зачатіи Богоматери. По изученію церковной исторіи иезуиты сдѣлали мало и компрометировали себя въ ней поддѣлками документовъ и текстовъ. Такъ, напримѣръ, много подлоговъ находится въ „Житіяхъ святыхъ“ (*Acta sanctorum*), громадномъ сборникѣ, изданіе котораго началось въ 1643 году иезуитъ Болланъ (Bolland) и продолжало общество иезуитовъ, называвшихся по его имени болландистами. Гораздо добросовѣстнѣе сборники актовъ по исторіи соборовъ, изданные Жакомъ Сирманомъ (1559—1651), и Филиппомъ Лаббе (1607—1667), и самостоятельныя изслѣдованія Діонисія Петавія (Denis Petan, 1583—1652) и Жана Гарнье (1612—1681). Ихъ труды напоминаютъ своимъ характеромъ трактаты схоластиковъ.—Казуистъ Молина высказалъ по вопросамъ естественнаго права мысли, возбуждившія сильную полемику.—По исторіи и бібліографіи ордена написали подробные рассказы Джампјетро Маффѣи (1536—1603), Алегамбе (1592—1651), Никколо Орландини (1556—1606), Франческо Саккни († 1625). Исторія португальскихъ завоеваній въ Индіи и біографіи Лойолы, написанныя Маффѣи, отличаются изяществомъ изложенія. Но истинно важныя ученія заслуги оказали иезуиты только тѣмъ отраслямъ знанія, которыя не имѣли прямой связи съ вѣроученіемъ, каковы напримѣръ математика, естественныя науки, хронологія; пока разработка ихъ не оказалась опасной для католичества, орденъ не мѣшалъ своимъ членамъ заниматься ими добросовѣстно; были иезуиты, считавшіеся первоклассными учеными по этимъ наукамъ, и орденъ хвалился тѣмъ, что люди принадлежащіе къ нему открывали кометы, изобрѣли воздушные шары, улучшили календарь. Но когда въ области естествознанія начались открытія, казавшіеся опасными для католической догматики, орденъ заставилъ лучшихъ своихъ ученыхъ опровергать ихъ. Такъ ингольштадскій иезуитъ Шейнеръ, хорошій астрономъ, открывшій солнечныя пятна и спутниковъ Юпитера, принужденъ былъ наперекоръ собственному убѣжденію писать противъ системы Ко-

перника, а Беллярминъ былъ главнымъ двигателемъ преслѣдованія, которому римская курія подвергла Галилея.

7. Воспитаніе въ іезуитскихъ школахъ.

Характеристичнѣе всего выказались понятія іезуитскаго ордена о наукѣ въ преподаваніи и воспитаніи. Онъ съ самаго начала обратилъ свое вниманіе на это дѣло; въ его уставахъ было внесено обѣтъ учить дѣтей и юношей. Онъ усердно занимался этимъ, основалъ школы всѣхъ степеней, отъ народныхъ училищъ до университетовъ. Ловко пріобрѣтая богатства выманованіемъ завѣщаній и подарковъ, онъ употреблялъ большую часть ихъ на основаніе коллегіумовъ и семинарій. Имѣя богатые доходы, его школы учили бѣдныхъ воспитанниковъ бесплатно. Но больше чѣмъ низшимъ преподаваніемъ іезуиты занимались высшимъ; они всячески хлопотали о томъ, чтобы богатые и знатные люди отдавали своихъ сыновей въ ихъ школы; они правильно рассчитывали, что масса народа сама собою попадетъ въ руки, завладѣвшія высшими сословіями; даровитыхъ юношей они привлекали въ свои школы, не разбирая кто бѣденъ или богатъ. Они хотѣли противопоставить протестантскимъ школамъ такія, которыя были бы не хуже или даже лучше. Заманивая къ себѣ знатныхъ воспитанниковъ и даровитыхъ юношей, они подготовляли ордену усердныхъ друзей во вліятельныхъ общественныхъ положеніяхъ. Сильно заботились они и о воспитаніи священниковъ въ своемъ духѣ, и сѣмѣли овладѣть почти всѣми семинаріями для подготовки священниковъ, учрежденными по постановленію тридентскаго собора.

Истиннымъ основателемъ іезуитской системы воспитанія былъ Аквавива. Онъ ввелъ въ ней послѣдовательность, поволнивъ правила, находившіяся въ уставѣ ордена. Онъ составилъ «программу и устройство преподаванія общества Іисуса» (*Ratio atque institutio studiorum Societatis Iesu*). Въ 1584 году эта редакція программы іезуитскихъ школъ была запрещена инквизиціей за то, что въ ней не было безусловнаго признаванія авторитета мнѣній Томы Аквината. Но вскорѣ она была восстановлена съ нѣкоторой передѣлкой. Насколько допускала цѣль ордена, Аквавива подражалъ плану преподаванія въ гуманистскихъ школахъ и въ частности взялъ за образецъ себѣ методъ знаменитаго страсбургскаго педагога Штурма. Въ іезуитскихъ школахъ хорошо учили классическимъ языкамъ, въ особенности латинскому; но это служило только подготовкой къ изученію философіи и богословія въ духѣ папизма. Іезуиты преподавали средневековую схоластическую философію, внушавшую понятія, какихъ требовала католическая догматика.

Іезуитскія школы были основаны не для просвѣщенія людей, а лишь для подготовки усердныхъ приверженцевъ папизма и его орудія, іезуитскаго ордена. Курсы преподаванія въ нихъ были на бумагѣ обширны, но давали мало свѣдѣній, между прочимъ и потому, что слишкомъ много времени у воспитанника было занято слушаніемъ церковныхъ службъ и молитвами въ самыхъ школахъ; но главнымъ препятствіемъ хорошему преподаванію было то, что сущность его состояла во внушеніи мысли о спасительности всѣхъ догматовъ и обычаевъ римской церкви. Преподавателямъ было строго запрещено говорить учащимся что нибудь могущее возбуждать сомнѣнія въ истинности католичества; воспрещалось упоминать даже историческіе факты этого рода. Такимъ образомъ воспитанники іезуитовъ получали не просвѣщеніе, а только подготовку къ исполненію тѣхъ должностей, для которыхъ предназначались; напримѣръ, изученіе латинскаго языка имѣло цѣлью только сдѣлать воспитанника умѣющимъ говорить и писать по латини подобно всѣмъ образованнымъ людямъ того времени. Воспитанники іезуитовъ получали только техническую дрессировку для будущихъ своихъ должностей. Всѣ науки преподавались имъ по шаблону, урѣзанному сообразно интересамъ папизма; они были приучаемы не выходить своими мыслями за эти узкія рамки.

Воспитанники іезуитскихъ школъ дѣлились на три разряда, схоластиковъ, воспитываемыхъ для поступленія въ орденъ, пансіонеровъ и приходящихъ учениковъ. Схоластики были воспитываемы бесплатно; съ другихъ учениковъ іезуиты брали плату, но очень небольшую. Схоластики воспитывались въ семинаріяхъ. Въ пансіоны, основанные іезуитами для другихъ воспитанниковъ и называвшіеся конвикторіями, родители отдавали сыновей тѣмъ охотнѣе, что іезуиты сумѣли пріобрѣсти славу высокаго благочестія, ловко угождали людямъ, могли по своимъ сильнымъ связямъ оказывать большія услуги, импонировали изяществомъ своего обращенія; они внимательно изучали человѣческое сердце, умѣли очень искусно вести диспуты и приучали воспитанниковъ говорить ловко. Въ низшихъ классахъ (*studia inferiora*) главнымъ предметомъ преподаванія былъ латинскій языкъ. Онъ служилъ для нихъ средствомъ ослаблять привязанность къ національному, дѣлать людей слугами космополитическаго папизма. Въ философіи іезуиты держались схоластическаго аристотелизма, въ экзегетикѣ слѣдовали Іерониму, въ догматикѣ Томѣ Аквинату. Безусловное владычество одного авторитета въ каждой отрасли преподаванія подготовляло воспитанниковъ подчиняться безусловной власти папы въ жизни. Чтобы воспитанники не научались свободѣ мысли изъ древнихъ литературъ, классики были изуродованы въ изданіяхъ для преподаванія въ орденскихъ школахъ. Точно также искажались факты въ преподаваніи исторіи: характеры людей и дѣла ихъ изображались въ томъ видѣ, какого требовала польза римской церкви.— Высшій курсъ (*studia superiora*) былъ назначенъ для подготовленія юношей, рѣшившихся стать членами ордена; въ этомъ курсѣ преподавались почти исключительно богословскія науки; къ нимъ прибавлялась только аристотелевская философія, въ составъ которой входила физика. Такимъ образомъ высшій курсъ іезуитскихъ школъ походилъ на философско-богословскій факультетъ.

Замѣчательнѣ всего въ іезуитскихъ школахъ была хитрая дисциплина, приучавшая воспитанниковъ быть покорными орудіями начальства, ловкими исполнителями всяческихъ порученій, но убивавшая всѣ благородныя чувства, искоренявшая способность къ дружбѣ, развивавшая честолюбіе, зависть, притворство, раболѣпство, шпіонство. Воспитанники обязаны были отдавать на просмотръ начальству всѣ свои письма, даже къ родителямъ. Они обязаны были шпионить одинъ за другимъ. Нѣкоторые воспитанники имѣли формальную обязанность наблюдать за другими; они назывались цензорами; но кромѣ того каждому было поручено присматривать за кѣмъ-нибудь изъ товарищей и доносить начальству всѣ секреты, какіе замѣтитъ. Главнымъ мотивомъ всѣхъ поступковъ воспитанниковъ было сдѣлано соревнованіе (*aemulatio*) въ усердіи отличиться передъ начальствомъ. Давались формальныя школьныя почести за усердіе въ молитвѣ. Чтобы она была не монотонна, были введены разные способы ея: воспитанникъ молился по книгѣ, читалъ молитвы на память, долженъ былъ стоять на молитвѣ безъ словъ, углубляясь въ благочестивыя размышленія.—Подвергать воспитанниковъ тѣлеснымъ наказаніямъ іезуиты не любили, желая казаться кроткими. Въ случаѣ надобности тѣлесное наказаніе исполнялъ надъ воспитанникомъ помощникъ надзирателя (корректоръ), не принадлежавшій къ ордену. Воспитателямъ и учителямъ было постановлено въ обязанность помнить, что воспитанники скоро станутъ взрослыми людьми, приобрѣтутъ возможность мстить ордену за обиды, или платить благодарностью ему, если онъ приобрѣтетъ ихъ расположеніе. Орденъ желалъ, чтобы воспитанники сохраняли на всю жизнь любовь къ нему, дѣйствовалъ на нихъ не столько наказаніями, сколько наградами, школьными почестями (*honores*). Ученики, занимавшіе по своимъ успѣхамъ первыя мѣста въ классѣ, были приучаемы гордиться передъ товарищами, которые были обязаны оказывать уваженіе имъ. Раздача наградъ производилась съ большимъ торжествомъ.

Результатами этого воспитанія были лицемеріе, интригантство, развитіе эгоизма въ воспитанникахъ, слѣпое ихъ повиновеніе ордену и бездушный фанатизмъ. Воспитанниковъ водили смотрѣть на казнь еретиковъ, приучали ихъ ненавидѣть всѣхъ уклоняющихся отъ папизма и вообще развивали въ нихъ всѣ тѣ дурныя стороны характера, которыми можно было пользоваться ордену для своихъ цѣлей.

III. ТРИДЕНТСКІЙ СОВОРЪ.

1. Ходъ дѣлъ на соборѣ при Павлѣ III и Юліѣ III.

Успѣхамъ реформаціи очень много помогало то, что въ періодъ ея распространенія папы руководились не церковными, а политическими интересами. Климентъ VII и Павелъ III гораздо меньше думали о подавленіи ереси, чѣмъ о томъ, чтобы извлекать для своихъ родственниковъ выгоды изъ борьбы Испаніи съ Франціей, получать владѣнія для своихъ племянниковъ. Характеръ папскаго управленія дѣлами измѣнился во время великаго собора, основавшаго новое католичество.

Мы видѣли, что протестанты, а потомъ и католическіе государи давно требовали созванія вселенскаго собора. Особенно настойчиво говорили о надобности въ немъ нѣмцы, угрожая созвать національный соборъ, если папа не созоветъ вселенскій. Около тридцати лѣтъ Карлъ V велъ переговоры объ этомъ съ папой. Для римской куріи это требованіе было очень непріятно. Папа не могъ ждать себѣ выгоды отъ вселенскаго собора,

долженъ былъ ждать вреда, въ особенности если къ участию въ соборѣ будутъ допущены протестанты. Воспоминанія о констанцскомъ и базельскомъ соборахъ пугали римскую курію. Карлъ V справедливо говорилъ, что главное препятствіе созванію собора -- нежеланіе Климента VII, всяческими способами отклонявшаго это дѣло. Намѣреніе избѣжать тяжелой необходимости созванія собора было основнымъ мотивомъ всей политики Климента VII. Болѣе благопріятный оборотъ получило дѣло при вступленіи на папскій престолъ его преемника, Павла III.

Александръ Фарнезе въ молодости посѣщалъ блестящія засѣданія палатовской академіи, довольно долго сохранявшей свою славу по смерти Лоренцо Медичи. Онъ пріобрѣлъ свои понятія въ ней. Палаццо Фарнезе, построенный имъ въ Римѣ, показываетъ, что онъ былъ человѣкъ съ хорошимъ вкусомъ. Онъ при трехъ папахъ держалъ себя съ расчетливымъ безпристрастіемъ, подготавливая свой выборъ, и наконецъ по смерти Климента VII сдѣлался папой, имѣя уже 67 лѣтъ. Онъ былъ очень расчетливъ, умѣлъ хранить тайну своихъ дальновидныхъ намѣреній, имѣлъ только одну слабость—ту, что былъ слишкомъ заботливымъ и снисходительнымъ отцомъ. Мы уже говорили, какъ ловко мирилъ онъ Карла V съ Францискомъ I, обманывая того и другого, чтобы получить владѣнія для всѣхъ своихъ сыновей и устроить блистательные браки для ихъ дочерей (X, 432 и слѣд.). Но между прочимъ желалъ онъ и подавить протестантство, общался преобразовать католическую церковь. Нѣкоторое время онъ даже и въ самомъ дѣлѣ желалъ преобразовать ее. Онъ началъ тѣмъ, что назначилъ кардиналами нѣсколько человѣкъ, заслуживавшихъ того своими личными достоинствами. Первымъ и важнѣйшимъ изъ нихъ былъ венеціанскій вельможа Контарини, человѣкъ благочестивый. По совѣту Контарини онъ сдѣлалъ потомъ кардиналами генерала театинскаго ордена Караффу и Садолета, уроженца Модены, бывшаго епископомъ карпантрасскимъ, знаменитаго гуманиста, находившагося въ перепискѣ съ Эразмомъ, Бударомъ, Штурмомъ, Меланхтономъ, основывавшаго въ своей епархіи хорошія училища и благотворительныя заведенія, искуснаго дипломата, но при всемъ своемъ гуманизмѣ бывшаго преслѣдователемъ еретиковъ. Павелъ III далъ кардинальскій санъ и Реджинальду Полю, который, будучи осужденъ на смертную казнь Генрихомъ VIII, жилъ въ Витербо, въ кругу благочестивыхъ и ученыхъ людей, между которыми были и женщины. Джиберто, епископъ веронскій, и Федерико Фрегозо, архіепископъ салернскій, сдѣланные также кардиналами, заслуживали этого подобно Полю своимъ благочестіемъ. Всѣ эти новые кардиналы кромѣ Караффы думали объ оправданіи человѣка благодатью почти одинаково съ протестантами. Потому не удивительно, что въ римской куріи серьезно былъ поднятъ вопросъ о возможности примириться съ протестантами, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки имъ. Папа учредилъ конгрегацію изъ благопріятствовавшихъ этому дѣлу кардиналовъ и поручилъ ей составить проектъ реформъ (*consilium de emendanda ecclesia*). Онъ былъ написанъ въ 1537 году и напечатанъ въ 1538. Въ немъ откровенно говорится, что причиною схизмы была испорченность церкви и что въ особенности повредило ей ученіе о неограниченной власти папы, провозглашаемое льстецами. Конгрегация предлагала исправить недостатки церковнаго управленія, позаботиться объ улучшеніи нравовъ и хорошемъ образованіи духовенства. Обнародованіе этого проекта вызвало насмѣшки Лютера; но казалось, что римская курія на этотъ разъ не хочетъ обманывать пустыми обѣщаніями; Павелъ III сталъ издавать буллы въ духѣ преобразованія церкви, приготовлялся къ созыву вселенскаго собора, выказывалъ расположеніе примириться съ нѣмецкими протестантами. Мы уже говорили, что легать

Павелъ III 13
октября 1534—
10 ноября
1549.

Контарини
1483—1542.
Садолетъ
1477—1547.
Роджпнальдъ
Поль
1499—1558.

Мороне его Верджеріо велъ въ 1535 году переговоры съ Лютеромъ, что въ 1540 1509—1580. на вормскомъ сеймѣ папскій нунцій Мороне, епископъ моденскій, склонявшійся къ протестантскому ученію о благодати, дѣйствовалъ въ примирительномъ духѣ, а на регенсбургскомъ сеймѣ легатъ Контарини дѣлалъ большія уступки въ догматикѣ для примиренія лютеранъ съ Римомъ. Но Караффа горячо возсталъ противъ формулъ, выработанныхъ въ этомъ духѣ; возсталъ противъ нихъ и Лютеръ. Папа сдѣлался недовѣрчивъ, послалъ своему легату строгія инструкціи, и дѣла въ Римѣ приняли другое направленіе, оставшееся съ той поры неизмѣннымъ.

Отчасти содѣйствовала этому мысль о вселенскомъ соборѣ. Павелъ III хотѣлъ владычествовать надъ нимъ. Для этого думалъ созвать его въ Мантуѣ или Виченцѣ, рассчитывая, что протестанты не поѣдутъ въ Италію. Императоръ на регенсбургскомъ сеймѣ старался примирить католиковъ съ протестантами. Это возбудило въ Павлѣ опасеніе, что соборъ будетъ дѣйствовать во вредъ папской власти, послужить въ пользу императору, который независимо отъ папы устроитъ примиреніе церкви съ лютеранами. Секретарь легата Контарини писалъ тогда: „Враги императора въ Германіи и всѣ люди другихъ земель, опасаящіеся, что его могущество станетъ слишкомъ велико, если онъ привлечетъ на свою сторону всю Германію, начинаютъ сѣять плевелы“. Контарини потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ примиренія, уѣхалъ изъ Регенсбурга и вскорѣ по возвращеніи въ Италію умеръ.

Чтобы не дать императору времени самому созвать соборъ, папа издалъ буллу, созывавшую его; мѣстомъ собора Павелъ назначилъ тирольскій городъ Триэнтъ, политически принадлежавшій къ Германіи, а по національности и географическому положенію — къ Италіи, такъ что итальянскимъ прелатамъ было удобно ѣхать туда и можно было рассчитывать, что они составятъ тамъ большинство. Булла о созваніи собора была обнародована 22 мая 1542, и черезъ полгода, 22 ноября, пріѣхали въ Триэнтъ папскими легатами Поль, Паризио и получившій въ это время санъ кардинала, Мороне. Но епископовъ пріѣхало очень мало; черезъ нѣсколько времени началась война между Карломъ и Францискомъ; по поводу ея папа 6 іюля 1543 отсрочилъ засѣданія собора. Когда Францискъ и Карлъ заключили миръ (въ Крепи), и должно было папѣ опасаться, что они сами созовутъ соборъ, онъ (19 ноября 1544) обнародовалъ буллу вновь созывавшую соборъ на слѣдующую пасху. Императоръ сталъ, какъ мы говорили, пользоваться соборомъ, то для запугиванія протестантовъ, то для порабощенія папы, а папа старался вырвать у него, захватить въ свои руки управленіе дѣлами на соборѣ. Въ Германіи подготовлялась война; убѣдившись, что императоръ долженъ будетъ обратить всѣ свои силы на нее, папа пересталъ бояться его и и согласился исполнить свое обѣщаніе о возобновленіи засѣданій собора въ назначенный срокъ, получивъ за это отъ Карла обѣщаніе искоренить протестантство въ Германіи насильственными мѣрами. Въ мартѣ (1545 года) пріѣхали въ Триэнтъ папскими легатами Джованни Маріа Джоччи, называвшійся по своему кардинальскому сану Дель-Монте, и два кардинала, желавшіе преобразовать церковь, Марчелло Червино и Поль. Лѣтомъ собралось довольно много епископовъ; кардиналъ Фарнезе роздалъ имъ 2000 скуди. Наконецъ 4 октября папа далъ повелѣніе открыть соборъ.

Послѣдній католическій вселенскій соборъ, считающійся двадцатымъ, происходилъ въ 1517 году при Львѣ X въ Латеранѣ. Онъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ папой. Но послѣ того реформація пробудила воспоминанія о соборахъ пизанскомъ, констанцскомъ и базельскомъ, стремившихся ограничить власть папы. Первое засѣданіе новаго собора называ-

ющагося тридентскимъ по латинской формѣ имени города Трієнта, Tridentum, было открыто легатами въ трієнтскомъ кафедральномъ храмѣ 13 декабря 1545; на немъ присутствовали 4 архієпископа, 21 епископъ, 4 орденскіе генерала, довольно большое число аббатовъ и богослововъ. Многіе изъ нихъ полагали, что должно продолжать дѣло, начатое констанцскимъ и базельскимъ соборами, довести его до успѣшнаго конца; но въ результатѣ вышло совершенно противоположное этому намѣренію: соборъ, котораго не желалъ созывать папа, далъ законную форму папскому абсолютизму и упрочилъ его. Легаты, постоянно старавшіеся устранить всякія упоминанія о констанцскомъ и базельскомъ соборахъ, мало по малу дали дѣлу на новомъ соборѣ направленіе, какого желала римская курія.

Было два противоположныя мнѣнія о задачѣ, какую долженъ рѣшить соборъ. Императоръ полагалъ, что онъ долженъ произвести въ церкви тѣ преобразованія, безъ которыхъ не могли примириться съ нею протестанты, и при этомъ желалъ ослабленія папской власти. Папа и его совѣтникъ Караффа смотрѣли на дѣло иначе, считали единственной задачей собора формальное осужденіе протестантскаго ученія. Соборъ производилъ преобразованія, но гораздо усерднѣе этого велъ дѣло объ осужденіи протестантизма. Горячность его разрушила основанія союза Карла V съ Морицемъ Саксонскимъ. При началѣ шмалькальденской войны, епископы и богословы собора бѣжали изъ Трієнта, и папа не хотѣлъ, чтобъ они возвратились туда продолжать свои засѣданія; императоръ грозилъ предсѣдательствовавшему на соборѣ легату, что бросить его въ Адидже, если лѣтомъ 1546 соборъ не будетъ возвращенъ папою въ Трієнтъ. Но папѣ очень не хотѣлось исполнить это требованіе, онъ опасался, что императоръ, начавшій одолевать протестантовъ, подчинить своей волѣ соборъ, засѣдающій въ Трієнтѣ. Потому, послѣ восьми засѣданій, въ которыхъ были установлены догматы объ авторитетѣ церковнаго преданія, о полученіи благодати посредствомъ богоугодныхъ дѣлъ (то есть посредствомъ исполненія обрядовъ) и о таинствахъ, соборъ былъ перенесенъ папской буллой 11 марта 1547 въ Болонью подъ нелѣпымъ предлогомъ, что климатъ Трієнта нездоровъ. Меньшинство членовъ собора, преданное императору, осталось въ Трієнтѣ. Большинство уѣхало въ Болонью, имѣло тамъ два засѣданія (21 апрѣля и 2 іюня). Въ нихъ не было сдѣлано ничего важнаго, но императоръ, уже побѣдившій протестантовъ и вынудившій у нихъ согласіе отправить богослововъ въ Трієнтъ, гнѣвно протестовалъ противъ перенесенія собора въ Болонью. Папа, становившійся все враждебнѣе императору упорствовалъ. Ссора ихъ совершенно остановила занятія собора; прелаты, находившіеся въ Болоньѣ стали разъѣзжаться по домамъ, и 13 сентября 1549 Павелъ III обнародовалъ буллу о закрытіи собора. Вскорѣ послѣ того (10 ноября) этотъ папа умеръ.

Въ концѣ правленія Павла III положеніе дѣлъ церкви было совершенно иное, чѣмъ въ началѣ. Тогда курія думала о преобразованіяхъ; теперь два новыя учрежденія, іезуитскій орденъ и римская инквизиція и новый вселенскій соборъ стремились дать католичеству характеръ безусловнаго пализма, какой имѣетъ оно теперь. Человѣкъ очень ловкій, одаренный проницательнымъ умомъ, Павелъ III однако же самъ вредилъ себѣ и католичеству чрезмѣрнымъ коварствомъ своей политики: помогая планамъ французскаго короля, онъ всетаки не умѣлъ пріобрѣсти его довѣріе, а между тѣмъ раздражалъ императора, дѣлавшаго для католичества больше, чѣмъ сами папы, и принудилъ отдѣлиться отъ церкви англійскаго короля, заявляя относительно его всѣ притязанія прежнихъ папъ. Въ своемъ семейномъ честолюбіи Павелъ сначала имѣлъ успѣхъ: онъ доставилъ своему сыну Луиджи герцогство пармское и піаченцское. Но Луиджи быстро навлекъ на себя все-

общую ненависть и (10 сентября 1547) былъ убитъ. Павелъ сдѣлалъ относительно его владѣній такія распоряженія, черезъ которыя поссорился съ своимъ семействомъ. Дѣло дошло до бурной сцены съ кардиналомъ Александромъ Фарнезе. Раздраженный 83 лѣтній старикъ выбилъ кардинальскую шапку изъ руки Александра. Вскорѣ послѣ этой сцены онъ умеръ. Тощая волчья физіономія Павла на знаменитомъ портретѣ Тиціана и анекдоты о немъ въ автобіографіи Бенвенуто Челлини хорошо знакомятъ насъ съ характеромъ этого хитреца.

Юлій III 7 февраля 1550—23 марта 1555. Преемникомъ Павла III былъ выбранъ кардиналъ Дель Монте, предсѣдательствовавшій на тридентскомъ соборѣ. Онъ принялъ имя Юлія III. Выборъ его былъ торжествомъ политики императора, находившагося тогда на верху могущества. Карлъ надѣялся, что если возобновятся засѣданія собора, то онъ принудитъ протестантовъ послать депутатовъ въ Триэнтъ, и покорится собору, потому охотно иринялъ тѣ условія, на которыхъ Юлій согласился вновь открыть соборъ, и засѣданія его возобновились 1 мая 1551. Но прежними своими дѣйствіями соборъ уже возбудилъ въ протестантахъ рѣшительную оппозицію; они требовали, чтобы созванъ былъ совершенно новый соборъ, отказались послать депутатовъ на тотъ, который называлъ себя продолженіемъ прежняго. Они хотѣли, чтобы папа не руководилъ совѣщаніями собора, чтобы представители папы, легаты, были не предсѣдателями собора, а только богословами, диспутирующими съ протестантскими богословами на равныхъ правахъ. Юлій III совершенно подчинялся въ дѣлѣ о соборѣ императору и велъ веселую жизнь на своей виллѣ близъ Рима за Porta del popolo. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы хорошо устроить своихъ родственниковъ и сдѣлалъ кардиналомъ своего любимца, 16 лѣтняго юношу, бывшаго смотрителемъ за обезьянами; управление дѣлами онъ совершенно предоставилъ кардиналу Марчелло Кротенцію, который сталъ руководить и совѣщаніями собора при содѣйствіи двухъ итальянцевъ. Пигино, епископа спонтскаго, и Липоманни веронскаго. Самой слабой стороной собора было то, что по случаю войны императора, союзника папы, съ королемъ французскимъ не поѣхали въ Триэнтъ французскіе прелаты. Французскій посланникъ даже заявилъ (1 сентября) формальный протестъ, отрицавшій законность собора. Такимъ образомъ соборъ не имѣлъ полного авторитета въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ и занялся больше всего политической стороной церковныхъ дѣлъ. Онъ принялъ нѣсколько рѣшеній, отмѣнявшихъ злоупотребленія папской власти; но легаты вели дѣла такъ ловко, что она не подверглась никакимъ важнымъ ограниченіямъ, а по существеннѣйшему вопросу даже восторжествовала папская политика; соборъ, возобновившій свои засѣданія, объявилъ себя не новымъ собраніемъ, а только продолженіемъ прежняго собора, не сталъ пересматривать рѣшеній, принятыхъ въ прежнихъ засѣданіяхъ, повелъ свои совѣщанія на ихъ основѣ. Такимъ образомъ въ тринадцатомъ засѣданіи (11 октября) было утверждено римское ученіе объ эвхаристіи, а въ слѣдующихъ засѣданіяхъ были торопливо установлены, какъ догматы церкви, схоластическія ученія о другихъ таинствахъ. Благодаря тому всѣ важнѣйшіе вопросы о спорныхъ догматахъ были рѣшены раньше, чѣмъ явились протестантскіе богословы, присутствіе которыхъ стѣснило бы папистовъ. Единственной уступкой, которой добился императоръ, была отсрочка рѣшенія о томъ, дозвоительно ли причащеніе мірянъ св. Дарами подъ обоими видами. Зимой и весной 1552 пріѣхали въ Триэнтъ представители протестанства, но, какъ мы уже говорили, они потребовали себѣ равноправности съ католическими богословами и не получивъ ея уѣхали, а прелаты собора вскорѣ послѣ того почти всѣ бѣжали при приближеніи войскъ Морица. Въ шестнадцатомъ засѣданіи собора 28 апрѣля присутствовало очень ма-

ло ихъ; легаты объявили отсрочку засѣданій на два года. Преемникъ Юлія III кардиналъ Марчелло Червино, выбранный 11 апрѣля 1555 года и принявшій имя Марцелла II, умеръ черезъ три недѣли (1 мая). Послѣ него папой былъ выбранъ старикъ Караффа, непримиримый врагъ Габсбурговъ, принявшій имя Павла IV. До него папы то ссорились, то дружились съ императоромъ. Онъ съ горячностью страстной ненависти началъ рѣшительную борьбу съ Карломъ и Филиппомъ, надѣясь при помощи французовъ выгнать изъ Италіи испанцевъ, которыхъ называлъ іудинимъ сѣменемъ, отребіемъ человѣчества; особенно хотѣлось ему освободить отъ нихъ свою родину, неаполитанское королевство; онъ не поцеремонился для этого искать помощи султана. Мы говорили, что результатомъ его слѣпой вражды было нашествіе Альбы, кончившееся безъ потерь для него, благодаря ханжеству Филиппа. Относительно Англіи онъ дѣйствовалъ такъ безразсудно, что не могъ бы поступать иначе, если бы желалъ уничтожить возстановленіе католицизма въ ней, устроенное Маріей и кардиналомъ Полемъ. Межъ тѣмъ какъ упрямый и надменный фанатикъ, основатель театинскаго ордена, бывшій руководитель тридентскаго собора въ рѣшеніяхъ, уничтожившихъ возможность примиренія съ протестантами, терпѣлъ теперь на папскомъ престолѣ пораженіе за пораженіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ возбуждалъ противъ себя негодованіе и у своихъ подданныхъ. По ненависти къ Фердинанду и Филиппу, къ испанцамъ и нѣмцамъ онъ, пьяный, ругалъ не только ихъ, но и дружныя съ ними династіи Фарнезе и Медичи, ругалъ Колоннъ, Орсини, Чезарини, Массими и другихъ римскихъ вельможъ испанской партіи. Онъ сдѣлалъ кардиналомъ своего племянника Кароло Караффу, грубаго солдата, о которомъ самъ говорилъ, что у него рука до локтя въ крови; Кароло непрерывно компрометировалъ дядю своимъ буйствомъ, и въ 1558 году старикъ прогналъ его и другихъ своихъ племянниковъ отъ двора. Будучи принужденъ прекратить интриги противъ испанцевъ и охладѣвъ къ своимъ родственникамъ, онъ снова занялся церковными дѣлами и сталъ производить въ устройствѣ церкви перемѣны, бывшія ухудшеніями. Онъ бросилъ въ темницу кардинала Мороне, дѣйствовавшаго примирительно на аугсбургскомъ сеймѣ, и его преемника на моденской каѳедрѣ Эджидіо Фоскарари. Они оставались въ темницѣ до самой его смерти. Онъ предалъ суду даже кардинала Поля и его друга Алонзіо Приули. Любимымъ его занятіемъ было участіе въ дѣлахъ учрежденной имъ римской инквизиціи. Каждый четвергъ онъ присутствовалъ въ засѣданіи той конгрегаціи, которая завѣдывала ею. Въ январѣ 1559 онъ далъ ей право подвергать обвиняемыхъ пыткамъ; онъ издалъ много буллъ и бреве, расширявшихъ власть не только римской, но и испанской инквизиціи. Онъ первый обнародовалъ офиціальный списокъ запрещенныхъ книгъ (*Index prohibitorum librorum*); раньше того подобные списки были составляемы университетами и легатами, но не имѣя папскаго утвержденія, не получали юридическаго значенія для всей католической церкви. Въ этотъ списокъ онъ внесъ даже тотъ проектъ преобразованія церкви, который былъ составленъ въ 1537 году подъ его собственнымъ руководствомъ. Когда 84 лѣтній старикъ умеръ отъ тяжелой болѣзни (18 августа 1559), римскій народъ шумно выражалъ свою радость, разрушилъ памятники, которыми Павелъ надѣялся прославить себя, опустошилъ домъ инквизиціи, всячески ругался надъ памятью умершаго папы. Еврей, которымъ онъ снова запретилъ жить въ другихъ кварталахъ Рима, кромѣ еврейскаго (такъ называемаго гетто), и безпощадно угнеталъ, участвовали въ этихъ демонстраціяхъ.

Павелъ IV 23
мая 1555—18
августа 1559.

Фоскарари
1512—1564.

2. Возобновленіе засѣданій собора при Піѣ IV.

Въ послѣдніе годы правленія Павла IV весь католическій міръ требовалъ возобновленія собора, о которомъ забывалъ передъ тѣмъ во время военныхъ тревогъ. Изъ германскихъ государей особенно настойчиво требовали возобновленія собора императоръ Фердинандъ и герцогъ баварскій, опасавшіеся безпорядковъ въ своихъ владѣніяхъ, если не будетъ удовлетворено желаніе ихъ католическихъ подданныхъ, чтобы церковь была преобразована; французское правительство также требовало собора, надѣясь, что онъ упрочитъ независимость галликанской церкви отъ папы и предотвратитъ угрожавшее Франціи религіозное междоусобіе. Даже кардиналы на конклавѣ, послѣ долгихъ споровъ (съ 6 сентября до 6 октября), выбравшемъ новаго папу, находили, что надобно возобновить засѣданія собора, и важнѣйшимъ условіемъ выбора поставили обязательство избираемаго исполнить эту волю конклава. Коллегія кардиналовъ видѣла, что упрямство Павла IV сдѣлало очень много вреда католической церкви и хотѣла имѣть папой человѣка разсудительнаго, уступчиваго. Чрезвычайный посолъ, отправленный императоромъ на конклавъ, графъ Турнъ и испанскій посланникъ Варгасъ дѣйствовали черезъ кардиналовъ Пачеко, Мороне и Мадруччи въ пользу кандидата, преданнаго Габсбургамъ. Такимъ казался миланскій вельможа кардиналъ Джовани Анджело Медичи, выказывавшій расположеніе преобразовать церковь, сдѣлать уступки протестантамъ; братъ его былъ императорскимъ полководцемъ, самъ онъ при Павлѣ IV уѣхалъ изъ Рима, осуждая ссору его съ Габсбургами; потому преданность его имъ казалась надежна. Онъ былъ выбранъ и, принявъ имя Пія IV, короновался въ папскій санъ 6 января 1560.

Въ противоположность своему предмѣстнику новый папа былъ человѣкъ практичный, умѣлъ различать важное отъ мелочнаго, понимать необходимое. Онъ доказалъ это первыми же своими дѣйствіями: расположилъ къ себѣ народъ, давъ амністію арестованнымъ за оскорбленіе памяти Павла IV и предалъ суду его родственниковъ. Кардиналъ Караффа былъ казненъ за свои преступленія. Это было сдѣлано въ угожденіе страдавшему отъ его злодѣйствъ римскому народу и въ доказательство дружбы къ Габсбургамъ. Павелъ IV отказывался признать; новый папа немедленно призналъ Фердинанда I въ санѣ императора. Удовлетворяя общему требованію католиковъ, онъ вскорѣ послѣ своей коронаціи объявилъ (12 января) въ конклавѣ, что исполнить условія своего выбора и обѣщался начать преобразование церкви съ римской куріи. Но возобновить засѣданія собора онъ медлилъ. Первыя серьезныя напоминанія объ этомъ онъ получилъ отъ Фердинанда, обдумывавшаго съ своими совѣтниками, въ какія отно-

шенія долженъ стать императоръ къ собору. Фердинандъ и его министры все еще полагали, что рѣшенія собора должны будутъ считаться обязательными для всѣхъ западныхъ христіанъ, соображали, достанетъ ли у императора силы склонить протестантовъ къ повиновенію имъ и можетъ ли онъ поручиться папѣ за свой успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Но римская курія уже давно отбросила такія иллюзіи. Послѣ аугсбургскаго мира нѣмецкіе протестанты оправились отъ своего пораженія. По отреченіи Карла V прекратилось политическое соединеніе Германіи съ испанскимъ государствомъ; не располагая испанскими и итальянскими войсками, Фердинандъ не могъ начать войну съ нѣмецкими протестантами, а безразсудная политика Павла IV принудила его сблизиться съ ними. Для римской куріи было ясно, что протестанты не поѣдутъ на соборъ. Она отказалась отъ надежды примирить ихъ съ католическою церковью, и Пій IV выказалъ это, объявивъ, что вновь созываемый соборъ будетъ лишь продолженіемъ перваго, предавшаго протестантовъ проклятію. Такимъ образомъ дѣятельность собора ограничивалась тою частью западнаго христіанства, которая осталась вѣрна католичеству, и цѣлью собора было провести рѣзкія границы между католичествомъ и протестантствомъ, дать строго папистскія формулы даже и тѣмъ догматамъ, которые до сихъ поръ не были формально провозглашаемы въ выраженіяхъ, рѣзко противорѣчащихъ протестантскому пониманію ихъ. Кромѣ надобности уступить требованіямъ Фердинанда Пій IV нашелъ необходимымъ созвать вселенскій соборъ для того, чтобы французское правительство не созвало національный соборъ, какъ предлагалъ кардиналъ лотарингскій. Но когда Пій рѣшился созвать соборъ, возникли новыя затрудненія по вопросу о выборѣ мѣста. Франція и Испанія предоставили выборъ Фердинанду; онъ, желая, чтобы на соборъ явились протестанты, предлагалъ созвать его въ нѣмецкомъ городѣ, въ Регенсбургѣ, Кёльнѣ или Констанцѣ. Папѣ хотѣлось перенести соборъ въ Италію. Онъ послалъ Дельфино, епископа лезинскаго, склонить императора къ согласію на это. Наконецъ онъ и Фердинандъ пришли къ соглашенію, чтобы соборъ былъ созванъ снова въ Тріентѣ. Папа 29 ноября 1560 обнародовалъ буллу, созывавшую соборъ въ Тріентъ на пасху. Въ ней было употреблено выраженіе, что «отмѣняется пріостановка» засѣданій собора. Это значило, что созываемый соборъ будетъ прежній, возобновляющій свои засѣданія. Такъ хотѣлъ король испанскій, не желавшій примиренія протестантовъ съ римскою церковью. Императоръ и король французскій имѣли противоположный интересъ; императорскій посланникъ графъ Просперо Арко, совѣтовалъ папѣ отбросить коварство, которое находилъ въ выраженіи, что новое созваніе собора должно считаться лишь отмѣной пріостановки его засѣданій. Папа отвѣчалъ графу, что онъ не виноватъ въ нанесеніи этого неудовольствія императору, что такъ сдѣлали на-

перекоръ ему кардиналы, преданные королю испанскому. Для смятенія досады Фердинанда Пій говорилъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ для изгнанія турокъ изъ Венгріи, возвращенія ея Фердинанду. Въ декабрѣ одинъ изъ кардиналовъ писалъ императору, что папа превозносилъ его въ коллегіи кардиналовъ такими похвалами, что всѣ плакали отъ умиленія. Въ январѣ Пій послалъ Фердинанду освященныя шляпу и шпагу. Эти любезности достигли своей цѣли: Фердинандъ не вошелъ съ правительницей Франціи, Катериною Медичи, въ соглашеніе принудить папу къ повиновенію; переговоры кончились тѣмъ, что Фердинандъ и Екатерина приняли буллу о созваніи собора, но съ оговоркой, что Германія и Франція считаютъ этотъ соборъ не продолженіемъ прежняго, а новымъ. Они пригласили протестантовъ участвовать въ немъ. На нюрнбергскомъ съѣздѣ нѣмецкіе протестантскіе государи отклонили это предложеніе императора. Папа обѣщалъ Катеринѣ Медичи помощь противъ гугенотовъ, за это Катерина дала тайное согласіе считать новый соборъ продолженіемъ прежняго.

Къ пасхѣ отправился въ Тріэнтъ папскимъ легатомъ Эрколе Гонзага, кардиналъ мантуанскій, потомъ пріѣхали туда легатами еще три кардинала: августинскій генералъ, человекъ умѣренныхъ мнѣній Джироламо Серипандо, искусный канонистъ Лодовико Симонетта и епископъ кульмскій и эрмеландскій Станиславъ Гозій (Gosius) или по польской передѣлкѣ этой латинской формы его фамиліи Гозиушъ, человекъ очень горячаго характера, знаменитый возстановитель католичества въ Пруссіи и въ Польшѣ, бывший папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ, оказавшій и тамъ большія услуги католичеству. Эти четыре легата управляли совѣщаніями собора. (Послѣ нихъ пріѣзжалъ въ Тріэнтъ одинъ изъ племянниковъ папы, но не долго остался тамъ). Соборъ постановлялъ свои рѣшенія, какъ и прежде по прямому счету голосовъ прелатовъ, находившихся въ засѣданіяхъ, а не такъ, чтобы прелаты каждой націи имѣли одинъ голосъ и считались бы голоса націй.

3. Ходъ совѣщаній собора.

Составъ возобновленнаго собора былъ блистателенъ. При первомъ изъ новыхъ, семнадцатомъ по счету съ прежними, засѣданіи его 18 января 1552 присутствовали 102 епископа; впослѣдствіи число ихъ увеличилось до 250. Кромѣ того было много богослововъ, были генералы нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ. Пріѣхало въ Тріэнтъ много пословъ. Легатамъ было трудно вести дѣла сообразно инструкціямъ римскій куріи. Испанцы заявили требованіе, чтобы соборъ

провозгласилъ, что епископъ обязанъ жить въ своей епархіи. Чтобы выиграть время для подготовки благопріятныхъ папизму рѣшеній по другимъ дѣламъ, легаты сами предложили собору заняться разсмотрѣніемъ вопроса, какими способами можно удовлетворить требованію испанцевъ. Пока шли совѣщанія о немъ, императорскіе послы, архіепископъ пражскій и епископъ фюнфкирхенскій, представили отъ имени Фердинанда планъ реформъ очень важныхъ. Императоръ требовалъ ограниченія папской власти надъ церковью, преобразованій въ составѣ конклава, въ положеніи коллегіи кардиналовъ, требовалъ, чтобы преобразованы были уставы монашескихъ орденовъ, чтобы священникамъ дозволено было жениться, чтобы разрѣшено было причащать мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами, чтобы улучшены были школы, чтобы введено было богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ.

Споры между папистами были горячи. Легаты старались выиграть время, надѣясь ослабить оппозицію. Но 13 ноября пріѣхалъ въ Тріэнтъ съ довольно многими французскими епископами Шарль Гизъ, кардиналъ лотарингскій, защитникъ независимости галликанской церкви. Онъ сталъ вождемъ оппозиціи. Она требовала, чтобы тридентскій соборъ дѣйствовалъ въ духѣ базельскаго. Императоръ совѣтовалъ вести счетъ голосовъ по націямъ, какъ было на констанцскомъ соборѣ. При такомъ счетѣ голосовъ итальянскіе прелаты утратили бы господство, какое имѣли теперь по своей многочисленности. Французы требовали также счета голосовъ по націямъ и вообще поддерживали почти всѣ требованія императора. Кромѣ того они предложили собору провозгласить, что папа подвластенъ ему. Они подали изложеніе своихъ требованій въ началѣ 1563 года. Испанцы отвергали причащеніе мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами и разрѣшеніе священникамъ жениться; но одинаково съ нѣмцами и французами требовали, чтобы право вносить предложенія въ соборъ не составляло привилегіи легатовъ, а принадлежало каждому епископу, и чтобы рѣшенія собора не посылались на утвержденіе папы, имѣли полную силу сами по себѣ. Императоръ говорилъ, что спрашивать согласія у папы значитъ имѣть два собора: одинъ въ Тріэнтѣ, совѣщающійся только для формы, другой въ Римѣ, рѣшающій дѣла. Французы насмѣшливо говорили, что папа еженедѣльно присылаетъ въ Тріэнтъ вдохновеніе Св. Духа въ чемоданахъ. Но итальянцы, сопротивлявшіеся французамъ, составляли большинство на соборѣ. Ссора была такъ сильна, что болѣе десяти мѣсяцевъ (съ 17 сентября 1562 до 25 іюля 1563) легаты не созывали ни одного общаго засѣданія.

Дѣла на соборѣ шли такъ, что для папы одинаково опасно было оставить его продолжать совѣщанія или распустить его. Но Пій IV^й нашелъ выходъ изъ затрудненія. Націи, составлявшія оппозицію, имѣли неодинаковые интересы: нѣмцы и французы желали пересмотра прежнихъ рѣшеній, испанцы не желали этого, не хотѣли дѣ-

латъ и уступокъ протестантамъ, казавшихся необходимыми нѣмецкимъ и французскимъ епископамъ. Французы не считали надобнымъ воспрещеніе епископамъ жить не при своихъ кафедрахъ (то есть находиться на папской службѣ); испанцы горячо требовали этого. Французы заботились о самостоятельности своей національной церкви гораздо больше, чѣмъ о преобразованіи всей католической церкви, котораго требовалъ императоръ. По вопросамъ этикета часто бывали ссоры между испанскими и французскими посланниками. Всѣ эти раздоры были выгодны для папы. Онъ понималъ, что интересы папской власти зависятъ отъ доброжелательства государей и хлопотать о нихъ надобно не въ Тріентѣ, а въ Вѣнѣ, Парижѣ, Мадридѣ. Онъ хотѣлъ вступить въ прямые переговоры съ императоромъ и королями испанскимъ и французскимъ, чтобъ епископы ихъ были принуждены своими государями поступать на соборѣ сообразно его желаніямъ. Онъ искалъ между своими совѣтниками человека способнаго исполнить это дѣло и нашелъ его въ кардиналѣ Мороне, который давно пересталъ желать преобразованія церкви, не согласнаго съ выгодами коллегіи кардиналовъ. Двое изъ легатовъ, предсѣдательствовавшихъ на соборѣ, умерли въ началѣ весны 1563: Гонзага 2 марта, Сери-пандо 17 марта; Пій воспользовался этимъ. Назначивъ на ихъ мѣста Мороне и другаго кардинала, Бернардо Наваджеріо, онъ поручилъ Мороне отправиться черезъ Тріентъ въ Инсбрукъ, гдѣ жилъ Фердинандъ. Туда пріѣзжалъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ кардиналъ лотарингскій. Іезуиты старались, но не могли узнать, о чемъ условился онъ съ императоромъ. Теперь, въ апрѣлѣ, пріѣхалъ къ императору Мороне и выказалъ удивительное дипломатическое искусство. Прежде всего надобно было смягчить императора, сердившагося на то, что папа постоянно посылаетъ инструкціи своимъ легатамъ въ Тріентъ. Мороне убѣдилъ Фердинанда, что въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, императоръ и короли отправляютъ въ Тріентъ инструкціи своимъ посламъ; только то же самое дѣлаетъ и папа. Разсѣявъ досаду императора, Мороне внушилъ ему довѣріе къ обѣщаніямъ папы преобразовать церковь, убѣдилъ его, что папа желаетъ исполнить всѣ его требованія и можетъ сдѣлать это лучше, чѣмъ соборъ, что притомъ Фердинанду полезна будетъ помощь папы для подавленія самостоятельности епископовъ въ его владѣніяхъ; что предоставлять епископамъ право внесенія предложеній въ соборъ было бы опасно, потому что они станутъ вносить предложенія вредныя для власти государей; что папа согласится дать посламъ государей право дѣлать предложенія собору. Епископамъ Мороне говорилъ наоборотъ, что только папа можетъ служить опорой имъ противъ произвола свѣтской власти и даже подымалъ вопросъ объ ограниченіи власти свѣтскихъ правительствъ надъ духовенствомъ, которое обижаютъ, какъ онъ говорилъ, министры и придворные. Такимъ образомъ дѣла на соборѣ быстро получили новый оборотъ.

Когда Фердинандъ помирился съ папой, Филиппъ тоже пересталъ поддерживать своихъ епископовъ; онъ и прежде одобрялъ ихъ оппозицію менѣе твердо, чѣмъ его посланникъ графъ Луна, потому что вообще желалъ имѣть папу своимъ союзникомъ. Испанскіе епископы принуждены были удовольствоваться неопредѣленной формулою, въ которой соборъ выразилъ запрещеніе епископу жить внѣ своей епархіи и такимъ же неопредѣленнымъ рѣшеніемъ вопроса о правѣ епископовъ вносить предложенія на соборъ. — Надобно было также склонить на папскую сторону кардинала лотарингскаго. Онъ сталъ вождемъ оппозиціи только для того, чтобы подчинить себѣ римскую курію; серьезной ссоры съ ней онъ не хотѣлъ, желалъ получить отъ папы новыя почести, надѣялся самъ стать папой. Въ сентябрѣ онъ поѣхалъ въ Римъ и держалъ себя тамъ такъ, что папа прославлялъ его «христіанскую ревность къ служенію Богу.» Возвратившись въ Триэнтъ онъ сталъ союзникомъ Мороне, оказывавшаго ему величайшій почетъ. Сдѣлавшись усерднымъ папистомъ, онъ довелъ совѣщанія собора до конца, исполнивъ благопріятнаго папизму, и гордился этимъ. Дѣла были рѣшаемы такъ быстро, что Сарпи говоритъ: «отцы собора не шли, а летѣли.» Всѣ желали поскорѣе покончить съ соборомъ. Догматы о священствѣ, бракѣ, отпущеніи грѣховъ, чистилищѣ, почитаніи святыхъ были при всей своей важности установлены почти безъ разсмотрѣнія формулъ, предложенныхъ для нихъ папистами. Въ это время были сдѣланы и важнѣйшія изъ постановленій о преобразованіи церкви. Папа отступился отъ даннаго епископамъ обѣщанія защитить ихъ отъ произвола государей; за то и государи отбросили свое прежнее требованіе о преобразованіи центрального управленія церковью, объ ограниченіи папской власти надъ нею. Преобразованія, постановленныя соборомъ, относились только къ низшему духовенству; курія, коллегія кардиналовъ и порядокъ выбора папы остались прежніе. Мороне съ торжествомъ говорилъ: «Лишь немногимъ была понятна важность дѣла, и такимъ образомъ были обойдены всѣ опасности.» Желая скорѣе кончить свои совѣщанія, соборъ принялъ за правило отдавать на рѣшеніе папы всѣ трудные вопросы. Относительно причащенія мірянъ Св. Даровъ подъ обоими видами было постановлено, что папа въ случаяхъ особенной надобности можетъ разрѣшать его. Папѣ было предоставлено составлять Индексъ (списокъ запрещенныхъ книгъ), Катехизисъ и богослужебныя книги (Бревіарій, Миссалъ, Ритуаль). Въ заключеніе кардиналъ лотарингскій убѣдилъ соборъ просить папу объ утвержденіи принятыхъ постановленій. Ихъ было такъ много, что нельзя было прочесть всѣхъ въ одинъ день, потому послѣднее, 25-ое засѣданіе собора длилось два дня (3 и 4 декабря). Кардиналъ Мороне далъ полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ членамъ собора, кардиналъ лотарингскій сказалъ заключительную рѣчь, въ которой пожелалъ счастья и долголѣтія папѣ,

первосвященнику вселенской церкви и которую кончил восклицаніемъ: «Анаѳема всѣмъ еретикамъ!» Отцы собора повторили «Анаѳема! Анаѳема!»

4. Характеръ и результаты тридентскаго собора.

Тридентскій соборъ сталъ основаніемъ новаго католичества. Три вѣка послѣ него до ватиканскаго собора 1869—1870 годовъ не было созываемо вселенскаго собора въ католической церкви. Онъ передалъ папѣ ту верховную власть надъ церковью, которая принадлежала прежде вселенскимъ соборамъ, и послѣ того не было никакихъ перемѣнъ въ католическомъ вѣроученіи. Оно во всѣхъ сколь нибудь важныхъ чертахъ своихъ осталось такимъ, какимъ сдѣлали его постановленія тридентскаго собора. Но первоначально на этомъ соборѣ преобладали мысли неодинаковыя съ принятыми въ послѣдній періодъ засѣданій. Въ первый періодъ своихъ засѣданій, въ правленіе Павла III, соборъ желалъ примиренія католической церкви съ протестантами, и отголоски протестантскихъ мнѣній слышались въ рѣчахъ многихъ отцовъ собора. Въ особенности при совѣщаніяхъ по догматамъ о первородномъ грѣхѣ, о благодати и спасеніи, послѣдователи Ѳомы Аквината августинецъ Серирандо, кармелитъ Маринье, епископъ кіудцкій Накіантп, епископъ Фіэзольскій Мартелло, отчасти даже кардиналъ легатъ Поль выражали мнѣнія, казавшіяся большинству отцовъ собора близкими протестантскимъ. Въ постановленіяхъ собора о чтеніи Священнаго писанія и о проповѣди проявляется стремленіе освободить католическую церковь отъ средневѣковой схоластики. Но и по этимъ вопросамъ соборъ постановилъ рѣшенія противоположныя протестантскимъ понятіямъ; въ особенности рѣзко было сдѣлано это въ формулѣ догмата о спасеніи. Такимъ образомъ соборъ еще въ первомъ періодѣ своихъ совѣщаній, длившемся до 1547 года, уже возвелъ кругомъ католической церкви стѣну, преградившую входъ въ нее протестантамъ. Характеръ постановленій собора въ эти годы былъ совершенно схоластическій: на совѣщаніяхъ его шла борьба между орденами, державшимися разныхъ школъ схоластическаго богословія. Вліятельнѣйшими богословами на соборѣ были тогда испанскіе доминиканцы Доминго де Сото и Мельхіоръ Канъ (какъ писалось его имя по латини). Они были представители школы Ѳомы Аквината, которой держался ихъ орденъ. Главнымъ представителемъ скотистовъ былъ францисканецъ Андреа де Вега. Но той же системы держался доминиканецъ Амброзій Катаринъ, въ противоположность огромному большинству доминиканцевъ принимавшій мнѣнія францисканцевъ, боровшихся противъ его ордена.

Де Сото
1494—1560.
Канъ
† 1560.

Желая смягчить разнорѣчія средневѣковыхъ богословскихъ школъ, соборъ старался тогда формулировать догматы въ такихъ многословныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя могли быть одобрены богословами обоихъ направленій схоластики. Но тѣмъ формуламъ вѣроученія, какія устанавливалъ, онъ придавалъ непогрѣшимость и потому присоединялъ къ каждому догмату анаѳему, проклятіе всѣмъ прямо или косвенно отрицающимъ это ученіе. Императору не нравилось, что соборъ своими анаѳемами усиливаетъ фанатизмъ релігіозныхъ партій, и наконецъ онъ велѣлъ своему посланнику потребовать, чтобы соборъ не формулировалъ болѣе

никакихъ догматовъ, занимался исключительно преобразованіемъ церкви. Но по вопросамъ о ея преобразованіи были между отцами собора непримиримыя разногласія, совпадавшія съ противоположностями интересовъ императора и папы, съ проявленіями политической борьбы Карла V и Павла III. Кромѣ того была противоположность интересовъ между епископами и орденскими генералами; потому дѣло преобразованія церкви долго не подвигалось впередъ; наконецъ въ пятомъ засѣданіи собора 17 іюня 1546 былъ прочтенъ декретъ преобразованія; онъ ограждалъ права епископовъ отъ притязаній нищенствующихъ орденовъ, утверждалъ за епископами право надзора надъ монахами, совершающими богослуженіе или исполняющими требы въ ихъ епархіяхъ; но къ этому прибавлена была оговорка, что архіепископы, начальники епископовъ, имѣютъ и передаютъ епископамъ надзоръ за монахами не по самостоятельному праву, а лишь какъ уполномоченные папы. Во время спора монашескихъ орденовъ съ епископами возникъ новый раздоръ. Педро Пачеко, епископъ Хаэнскій, сталъ говорить, что главная причина противозаконнаго захвата правъ монашескими орденами состоитъ въ томъ, что очень многіе епископы не живутъ въ своихъ епархіяхъ; вслѣдъ за Пачеко другіе испанскіе епископы потребовали, чтобъ обязанность епископа жить въ своей епархіи была признана заповѣдью божественнаго закона.

Во второмъ періодѣ совѣщаній собора, въ правленіе папы Юлія III въ 1551 и 1552 годахъ, догматическіе споры между представителями разныхъ школъ схоластическаго богословія затихли. Главной заботой папскихъ легатовъ было сопротивленіе политикѣ Карла V, желавшаго принудить католиковъ и протестантовъ примириться. Карлъ заставилъ протестантовъ отпраздновать послѣдствія и богослововъ въ Триентѣ; но легаты приняли ихъ не какъ братьевъ, съ которыми должно примириться посредствомъ взаимныхъ уступокъ, а какъ еретиковъ, которые обязаны безусловно покориться. Въ засѣданіи 11 октября 1551 соборъ принялъ схоластическое ученіе о физическомъ присутствіи тѣла и крови Христа въ Св. Дарахъ, о пресуществленіи всего вещества хлѣба въ плоть, всего существа вина въ кровь Христа и о томъ, что должно воздавать божественное поклоненіе (*Latriae cultus*) Св. Дарамъ; а въ засѣданіи 25 ноября принялъ схоластическое ученіе объ исповѣди, объ отпущеніи грѣховъ священникомъ, о томъ, что благодать пріобрѣтается исполненіемъ обрядовъ. Этими рѣшеніями собора была уничтожена всякая возможность воссоединенія протестантовъ съ католической церковью.

Въ третій періодъ засѣданій собора, въ правленіе Пія IV, въ 1562 и 1563 годахъ, не было уже и рѣчи о примиреніи съ протестантами. Соборъ заботился только о томъ, чтобы католическая церковь могла подавить протестантство и чтобъ ея устройство было приспособлено къ борьбѣ съ еретиками. Потому онъ дѣятельно занимался вопросами о церковномъ управленіи, догматическіе вопросы рѣшалъ быстро и нерѣдко по дипломатическимъ соображеніямъ. Ученіе объ эвхаристіи было пополнено постановленіями, что причащеніе подъ обоими видами не составляетъ необходимаго условія полноты этого таинства, что такую же полноту имѣетъ и причащеніе однимъ тѣломъ Господнимъ безъ крови, что эвхаристія есть жертвоприношеніе, что при ея совершеніи вновь, но безкровно приносится въ жертву Христосъ, принесенный въ жертву кровавымъ распятіемъ на крестѣ, и что это повтореніе жертвы при совершеніи литургіи имѣетъ такую же силу искупленія живыхъ и мертвыхъ, какъ жертвенная смерть Христа на Голгоѣ. Эти догматы были установлены въ засѣданіи 17 сентября 1562. Священный даръ совершать безкровную жертву придавалъ сану священника характеръ особенной благодати, рукоположенію въ этотъ

санъ—значеніе таинства. Догматъ объ этомъ былъ установленъ въ 23 засѣданіи 25 іюля 1563; онъ говорилъ, что рукополагать могутъ только епископы, что только рукоположенные могутъ крестить, служить литургію, псовѣдывать, отпускать грѣхъ, что рукоположенный не можетъ снова стать міряниномъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 11 ноября, бракъ былъ провозглашенъ таинствомъ и нерасторжимымъ союзомъ; было также постановлено, что бракосочетаніе состоитъ въ заявленіи согласія жениха и невесты вступить въ бракъ и что это заявленіе должно быть дѣлаемо передъ священникомъ и двумя свидѣтелями. (Такимъ образомъ бракъ, хотя и признанный таинствомъ, совершается по опредѣленію тридентскаго собора согласіемъ брачующихся, а не церковнымъ обрядомъ; однако же всѣ споры по брачнымъ дѣламъ были отданы на рѣшеніе церковному суду). Относительно степеней родства, въ которыхъ недозволителенъ бракъ, были приняты правила закона Моисеева и было предоставлено церкви право опредѣлять, какія изъ другихъ родственныхъ отношеній должны также считаться препятствующими браку.

Этими рѣшеніями было опредѣлено теоретическое устройство церкви, другими тридентскій соборъ положилъ новое основаніе практическаго устройства ея. Онъ хотѣлъ уничтожить средневѣковое смѣшеніе духовныхъ интересовъ съ мірскими, порчу церкви преобладаніемъ разсчета житейскихъ выгодъ, устранить тѣ злоупотребленія, которыя послужили поводомъ къ реформациі. Отчасти онъ успѣлъ въ этомъ, возстановивъ нѣкоторые обычаи первыхъ вѣковъ христіанства и отмѣнивъ нѣкоторые изъ грубѣйшихъ средневѣковыхъ церковныхъ злоупотребленій. Онъ повелѣлъ основывать семинаріи для воспитанія готовящихся къ священству, позаботился о возстановленіи нравственной дисциплины въ духовенствѣ, составилъ инструкцію, опредѣлявшую обязанности приходскихъ священниковъ, ограничилъ право монаховъ исполнять требы вмѣсто приходскаго священника, поставилъ епископамъ въ обязанность надзоръ за епархіальнымъ духовенствомъ. Необходимымъ условіемъ этого надзора было то, чтобъ епископъ жилъ въ своей епархіи. Дѣло о воспрещеніи епископамъ жить внѣ своихъ епархій, длившееся съ самаго начала собора, выступило на первый планъ въ послѣднемъ періодѣ его совѣщаній. Доминианецъ Педро де Сото, игравшій на соборѣ въ это время ту роль, какую въ первые годы игралъ его однофамилецъ, орденскій генералъ Доминго де Сото, написалъ передъ смертью письмо къ Пію IV, убѣждая папу въ необходимости обязать епископовъ жить въ своихъ епархіяхъ. Важность дѣла со-

стояла въ томъ, что часто одно лицо занимало нѣсколько епископскихъ кафедръ, и отмѣной этого нарушенія каноническихъ правилъ значительно уменьшались могущество и доходы папъ. Въ средніе вѣка папы присвоили себѣ право давать епископу диспенсацию (освобожденіе) отъ обязанности жить въ епархіи. Такимъ образомъ санъ епископа давалъ получившему диспенсацию доходы кафедръ безъ всякой обязанности заботиться о дѣлахъ епархій; многіе епископы никогда и не видывали своихъ епархій. Папа получалъ большія деньги за такія диспенсациі. Отмѣной этого злоупотребленія не только уменьшались доходы папъ, но и возстановлялось прежнее ученіе церкви, что епископы получаютъ свою власть не отъ папы, а непосредственно отъ Христа. Такимъ образомъ споръ шелъ собственно о томъ, самостоятельна ли власть епископовъ или они только агенты папы. Защитниками самостоятельности епископской власти выступили еще въ 1546 испанскіе епископы Пачеко и Карранса; изъ богослововъ были за нее доминиканцы, важнѣйшимъ представителемъ которыхъ на соборѣ былъ тогда Доминго де Сото; съ 1562 вождемъ этой партіи на соборѣ сталъ Герреро, архіепископъ гранадскій. Ученіе о томъ, что епископы только

Педро де Сото

† 20 апрѣля

1563.

агенты папы защищали іезуиты и успѣли добиться того, что соборъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе вопроса, получаютъ ли епископы власть только отъ папы, или она у нихъ самостоятельна. По дѣлу о воспрещеніи епископамъ жить внѣ епархій соборъ возстановилъ первобытныя церковныя правила: въ шестомъ засѣданіи, 13 января 1547, онъ возобновилъ каноническій законъ, повелѣвавшій епископу жить въ своей епархіи, увеличилъ прежнее наказаніе за нарушение этой обязанности и воспретилъ епископу имѣть больше, чѣмъ одну епархію. Въ 23 засѣданіи 25 іюля 1563 было къ этому прибавлено постановленіе, что „тѣ, кому ввѣрена паства, обязаны по божественной заповѣди знать своихъ овецъ“. Эта формула уже и сама по себѣ была слишкомъ неопредѣленна, но къ ней была прибавлена оговорка, что епископъ можетъ получать диспенсацію отъ обязанности жить въ своей епархіи, если того требуетъ христіанская любовь или настоятельная необходимость, или повиновеніе его начальству, или очевидная польза церкви или государства.

Подобную развязку имѣлъ споръ о томъ, какой титулъ должно дать собору. Во второмъ засѣданіи 7 января 1546 французскіе епископы требовали, чтобы къ титулу „святѣйшій соборъ“ (*sacrosancta synodus*), какъ назывался онъ въ буллѣ о его созваніи, были прибавлены слова, находившіяся въ титулѣ констанцкаго и базельскаго соборовъ „представляющій вселенскую церковь“ (*universalem ecclesiam repraesentans*). Папскіе легаты замѣяли это дѣло и при возобновленіи собора въ 1562 году открыли первое новое его засѣданіе (18 ноября) формулой, говорившей, что дѣла поступаютъ на его разсмотрѣніе только по предложенію легатовъ (*proponentibus legatis*). Это значило, что соборъ обращается въ простой совѣщательный комитетъ, занимающійся только тѣми дѣлами, какія захочетъ передать на его разсмотрѣніе папа. Послѣ долгихъ споровъ былъ принятъ соборомъ 18 ноября 1563 предложенный кардиналомъ Лотарингскимъ декретъ, объявлявшій, что формула, употребленная легатами не измѣняетъ прежняго порядка совѣщаній собора; онъ уже кончилъ тогда свои засѣданія, потому эта запоздалое и робкое рѣшеніе было, можно сказать, смѣшнымъ.

О первоначальномъ намѣреніи ограничить власть папы уже не было тогда и рѣчи. Борьба епископской власти съ папской, длившаяся нѣсколько столѣтій, была на тридентскомъ соборѣ рѣшена въ пользу папы. Онъ сталъ неограниченнымъ владыкой церкви. Представители галликанства имѣли теперь только одинъ выборъ: или покориться безусловной власти папы, или отдѣлать французскую церковь отъ римской. Отдѣленіе было бы благоприятно успѣхамъ протестантства, потому они не отважились на него и покорились. Упорнѣйшими бойцами за неограниченность папской власти были іезуиты, получившіе въ послѣдніе годы засѣданій собора преобладаніе на немъ; они доказывали, что католическая церковь не можетъ остановить успѣховъ протестантства иначе, какъ, подчинившись руководству центральной власти, представитель которой папа. Отцы собора нашли, что это справедливо. Іезуиты стремились овладѣть воспитаніемъ духовенства, чтобы развить въ немъ покорность папѣ; они были упорные защитники всѣхъ злоупотребленій папской власти. Важнѣйшими представителями ордена въ Триентѣ были Лайнесъ и Сальмеронъ; они получили отъ легатовъ право начинать и кончать всякое совѣщаніе собора. Лайнесъ говорилъ вступительную рѣчь, Сальмеронъ заключительную. Сдѣлавшись генераломъ ордена, Лайнесъ становился все отважнѣй, возражалъ противникамъ все рѣзче и оскорбительнѣй. Въ конгрегаціи (засѣданіи комитета, подготавливавшего ходъ совѣщаній собора) онъ 16 іюня 1563 прямо сказалъ, что римская церковь выше всѣхъ областныхъ церквей, взятыхъ вмѣстѣ, потому можетъ преобразовать ихъ, а онѣ, хотя бы соединенныя на соборѣ

не могутъ преобразовать ее, такъ какъ ученикъ не можетъ быть выше учителя, рабъ выше господина. Лайнесъ не совѣстился даже говорить, что многое называемое злоупотребленіемъ, составляетъ на самомъ дѣлѣ достоинство церкви, какъ напримѣръ, богатство, которое даръ божій, что аннаты и другія пошлыны, платимыя областными церковными сановниками папѣ, должны считаться установленными самимъ Богомъ. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ отчасти и на соборѣ, но еще больше при императорскомъ дворѣ іезуитъ Канизій, убѣдившій Фердинанда отказаться отъ всѣхъ прежнихъ требованій преобразованія. Двѣ другія важнѣйшія католическія державы, Франція и Испанія, слѣдовали примѣру императора; потому прекратилось всякое давленіе свѣтскихъ правительствъ на папу, и онъ совершенно подчинилъ себѣ соборъ. — Въ рѣчи 16 іюня 1563 Лайнесъ говорилъ, что папа имѣетъ власть совершенно такую же, какъ Христосъ, а раньше того, въ рѣчи 20 октября 1562, онъ доказывалъ, что вся власть надъ церковью передана Христомъ папѣ, что церковь не сама создала себя, потому не имѣетъ никакой власти, никакой свободы, должна безусловно повиноваться папѣ, такъ какъ овцы, пасти которыхъ поручилъ Христосъ Петру, животныя неразумныя. Различіе церкви отъ мірскихъ человѣческихъ обществъ, говорилъ Лайнесъ, состоитъ въ томъ, что мірскія общества сами даютъ себѣ свое устройство, потому власть ихъ надъ своими дѣлами самостоятельна, они свободны въ своихъ распоряженіяхъ; ихъ правительства установлены или получили свою власть отъ нихъ, потому находятся въ подчиненіи волѣ ихъ; церковь не имѣетъ ни одного изъ этихъ качествъ, она безусловно подвластна папѣ. Такимъ образомъ въ своемъ усердіи установить разницу церковнаго устройства отъ государственнаго іезуиты дошли до ученія о верховной власти народа; мы уже говорили, что они примѣняли его къ дѣлу, когда видѣли въ томъ пользу для римской церкви.

Въ догматикѣ они горячо поддерживали на соборѣ ученіе францисканцевъ о непорочномъ зачатіи Богоматери и дали спору о полученіи спасенія тотъ оборотъ, что соборъ утвердилъ схоластическое мнѣніе о спасеніи чловѣка заступничествомъ церкви, которое пріобрѣтается дѣлами набожности, то есть исполненіемъ обрядовъ и денежными пожертвованіями; это, какъ мы говорили, уничтожило всякую возможность примиренія католичества съ протестантствомъ. Кромѣ того, что явно дѣйствовали въ пользу папизма, очень большія услуги на соборѣ оказали папѣ іезуиты своимъ шпіонствомъ. Дѣятельность ихъ въ Триентѣ показала римской куріи, какую пользу они могутъ приносить папизму. Благодаря имъ была устранена опасность ограниченія папской власти. Союзъ куріи съ іезуитскимъ орденомъ сталъ съ той поры неразрывенъ.

Главное значеніе тридентскаго собора состоитъ въ томъ, что онъ съ точностью установилъ догматы и церковныя правила католичества, не имѣвшія достаточной опредѣлительности въ средніе вѣка или колебавшіяся въ борьбѣ съ протестантствомъ. Но оказавъ эту услугу католичеству, онъ отнялъ у него возможность снова стать всеобщей религіею христіанскаго запада, какою былъ онъ до реформаціи. Только романскіе народы остались въ массѣ своей вѣрны католической церкви; большая часть народовъ германскаго происхожденія отдѣлилась отъ нея. Съ точки зрѣнія іезуитовъ и римской куріи можно было говорить, что достаточнымъ вознагражденіемъ за эту утрату служатъ пріобрѣтеніе единства и прочности, доставленное католической церкви рѣшеніями тридентскаго собора, и въ особенности безграничная власть, которую получилъ отъ него папа. Его постановленія дали католической церкви неизмѣнность, сдѣлали ее неспособной къ преобразованіямъ. Въ средніе вѣка она имѣла множество богослововъ, сохранявшихъ самостоятельность мысли; теперь она стала

подавлять всякую самостоятельную мысль; іезуиты и инквизиція зорко слѣдили за всѣми католическими учеными. По ихъ доносамъ курія преслѣдовала каждого католическаго богослова, говорившаго что нибудь несогласное съ понятіями, утвержденными разъ навсегда. Римская церковь стремилась превратить весь католическій міръ въ іезуитскій коллегіумъ. Результатомъ этого умственного стѣсненія былъ застой. Неизмѣнность не могла быть достигнута иначе, какъ подавленіемъ умственной жизни.

5. Исторія постановленій тридентскаго собора.

Пій IV по окончаніи собора радовался ловкости, съ какою велъ это дѣло. Въ сознаніи своей силы онъ сначала даже не хотѣлъ давать утвержденія постановленіямъ собора, признавшаго папу своимъ господиномъ: крайніе паписты говорили, что признать силу декретовъ собора значитъ унижать папское достоинство; Пій слушался ихъ; и только настойчивыя убѣжденія Мороне и Симонетты, защищавшихъ свое дѣло, склонили его дать утвержденіе постановленіямъ собора; онъ утвердилъ ихъ 20 января 1564, предоставляя себѣ исключительное право истолкованія ихъ и подъ угрозой тяжкихъ церковныхъ наказаній воспрещая всѣмъ всякіе комментаріи на нихъ. Такимъ образомъ актъ утвержденія былъ провозглашеніемъ принципа, что власть папы выше власти вселенскаго собора.—Будучи человекомъ дѣйствительно ловкимъ, Пій IV нашелъ выгоднымъ для себя польстить императору Максимилиану и герцогу баварскому исполненіемъ одного изъ ихъ желаній и разрѣшилъ въ ихъ владѣніяхъ давать мірянамъ причастіе подъ обоими видами. Вскорѣ послѣ того онъ пересталъ заниматься дѣлами церкви, увлекшись своею страстью къ постройкамъ и гастрономическими склонностями.

Декреты собора, относившіеся къ догматикѣ, не встрѣтили возраженій со стороны католическихъ правительствъ. Декреты его, измѣнявшіе устройство церкви, были приняты Португаліей, Польшей, итальянскими государствами, но вызвали протесты со стороны трехъ важнѣйшихъ католическихъ правительствъ. Фердинандъ I отказался признать ихъ потому, что не было удовлетворено его требованіе о дозволеніи давать мірянамъ причастіе подъ обоими видами. Мы уже говорили, что по его смерти Пій IV сдѣлалъ эту уступку требованію его сына, Максимилиана II. Тогда по вліянію императора тридентскіе декреты были признаны нѣмецкими католическими государствами (на аугсбургскомъ сеймѣ). Филиппъ II остался враждебенъ папскому полновластію надъ церковью, долго не позволялъ обнародовать тридентскихъ декретовъ въ своихъ владѣніяхъ (Испаніи, Неаполѣ, Бельгій), и когда, наконецъ, допустилъ ихъ обнародованіе, то съ при-

бавленіемъ оговорки, что они въ его владѣніяхъ имѣютъ силу лишь насколько совмѣстны съ правилами королевской власти. Во Франціи были приняты только тѣ декреты о церковномъ устройствѣ, которые были согласны съ французскими свѣтскими и церковными законами и обычаями, всѣ другіе были въ 1593 году отвергнуты формальнымъ постановленіемъ парижскаго парламента. Черезъ 20 лѣтъ (въ 1614 году). Марія Медичи, правившая Франціей, принудила парламентъ отмѣнить это постановленіе, признать силу закона за всѣми тридентскими декретами; но сами короли французскіе никогда не заявляли, что принимаютъ ихъ.

Богословы вели долгіе споры о тридентскихъ декретахъ. Со стороны протестантовъ полемику противъ собора началъ Кальвинъ своимъ трактатомъ «Акты тридентскаго собора съ противоядіемъ» (*Acta synodi tridentinae cum antidoto*). Онъ издалъ эту книгу еще въ 1547 году. У лютеранъ важнѣйшимъ трактатомъ противъ декретовъ тридентскаго собора считалась книга Хемница (*Chemnitz*) «Разсмотрѣніе тридентскаго собора» (*Examen concilii tridentini*, 1565 — 1573). Со стороны католиковъ прославился возраженіемъ на трактатъ Кальвина Кассандръ. Его книга написана мягкимъ примирительнымъ тономъ. Фердинандъ, находя тридентскіе декреты вредными для его намѣренія поддерживать миръ между нѣмецкими католиками и протестантами, обратился къ Кассандру и Вицеліусу съ просьбой содѣйствовать его политикѣ. Кассандръ, по желанію императора, написалъ въ 1564 трактатъ о возможности примиренія Аугсбургскаго исповѣданія съ католическимъ вѣроученіемъ. Въ этой книгѣ католичество идеализировано; она говоритъ, что католическая церковь можетъ допустить освобожденіе священниковъ отъ безбрачія и причащеніе мирянъ Св. Дарами подъ обоими видами; вообще Кассандръ излагаетъ католическое вѣроученіе въ старинной его формѣ, устраняя тѣ позднѣйшія прибавки къ нему, которые были отвергнуты протестантами. Римская курія внесла трактатъ Кассандра въ списокъ запрещенныхъ книгъ. — Споры и попытки примиренія длились много времени, но и непріязнь и надежда на примиреніе скоро ослабѣли.

Для полноты исторіи декретовъ тридентскаго собора должно упомянуть о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ папъ. Еще во время собора римская курія рѣшила составить официальное изложеніе католическаго вѣроисповѣданія. Легаты передали 29 апрѣля 1563 собору это исповѣданіе вѣры, состоявшее изъ 17 членовъ. Представители свѣтскихъ правительствъ нашли ихъ несообразными съ правами свѣтской власти. Дѣло состояло въ томъ, что курія предлагала слишкомъ широкія формулы относительно обязанности всѣхъ вѣрующихъ повиноваться папѣ. Потому соборъ не принялъ этихъ формулъ. По окончаніи собора Пій IV обнародовалъ составленное римской куріей „тридентское исповѣданіе вѣры“ (*Professio fidei Tridentinae*). Въ немъ находится требованіе, чтобы всѣ лица духовнаго званія и профессоры дали обязательство признавать декреты собора и безусловно пови-

новаться папѣ. Одновременно съ этимъ были обнародованы декреты собора и списокъ запрещенныхъ книгъ (Индексъ), составленіе котораго было предоставлено соборомъ папѣ. Одинъ епископъ за другимъ заявлялъ, что принимаетъ „Тридентское исповѣданіе вѣры“, и скоро почти не осталось епископовъ, не сдѣлавшихъ этого заявленія. Въ 1566 былъ изданъ для руководства священникамъ „Римскій Катехизисъ“ (Catechismus Romanus), въ составленіи котораго главными дѣятелями были доминиканцы Форейро и Фоскарари, имѣвшіе большое вліяніе и на совѣщанія тридентскаго собора. Въ 1592 году папа обнародовалъ оффиціальное изданіе Вульгаты, а въ 1614 „Римскій ритуаль“, книгу излагающую формы богослуженія. Спексть V учредилъ особую конгрегацію кардиналовъ для оффиціальнаго истолкованія рѣшеній тридентскаго собора, которыя этимъ способомъ были обращены въ подтвержденіе всѣхъ притязаній папскаго самовластія. Оставался нерѣшенъ только одинъ вопросъ о правахъ папы: тридентскій соборъ считалъ не требующимъ разъясненія тотъ основной догматъ католической церкви, что ей принадлежитъ непогрѣшимость; потому въ римскомъ катехизисѣ было только повторено въ старыхъ выраженіяхъ католическое ученіе, что церковь непогрѣшима; такимъ образомъ оставалось не рѣшено, должно ли папу, представителя церкви, считать органомъ ея непогрѣшимости по праву его сама, или онъ непогрѣшимъ только тогда, когда постановляетъ свои рѣшенія по согласію съ вселенскимъ соборомъ. Это было разрѣшено въ наше время на ватиканскомъ соборѣ, провозгласившемъ папу исключительнымъ представителемъ церкви, не нуждающимся въ содѣйствіи вселенскаго собора для постановленія своихъ непогрѣшимыхъ рѣшеній.

IV. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ИТАЛІИ.

Идеи Лютера и Цвингли проникали въ Италію, пріобрѣли себѣ послѣдователей во всѣхъ частяхъ ея. Но по особенному сочетанію обстоятельствъ реформаціонное движеніе въ Италіи оставалось слабо. Гуманизмъ, родиной котораго была Италія, подорвалъ въ образованныхъ сословіяхъ вѣру въ схоластическое богословіе, но почти нисколько не коснулся массы народа. Образованные люди стали равнодушны къ религіи, а народъ сохранилъ прежнія суевѣрія. Лишь немногіе изъ образованныхъ людей были религіозны, потому идеи реформаціи остались вообще чужды высшимъ сословіямъ, и протестантизмъ въ Италіи было чужеземнымъ растеніемъ. Его заносили въ нее нѣмецкіе студенты и солдаты, французскіе реформаторы, жившіе въ Феррарѣ при дворѣ герцогини Ренаты, и поселявшіеся въ Неаполѣ испанцы, замѣчательнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Хуанъ Вальдесъ. Ни въ одной мѣстности Италіи протестанты не образовали многочисленнаго общества. Они составляли маленькіе, дружескіе кружки совершенно безсильные. Но число этихъ кружковъ увеличивалось и съ 1530 года стало замѣтно, что протестантизмъ дѣлаетъ въ Италіи успѣхи. Католическая церковь встревожилась, и съ 1542 года началась реакція, беспощадно истребившая протестантовъ.

Кромѣ послѣдователей лютеранства или швейцарской реформаціи были въ Италіи люди, желавшіе преобразованія католической церкви

въ духѣ Евангелія; они встрѣчались даже между высшими сановниками церкви. Таковы были поэтъ Маркантонио Фламиніо, монтекас-синскій монахъ Джамбаттиста Фоленго, кардиналъ Федерико Фрегосо, епископъ моденскій Мороне, преемникъ его на моденской кафедрѣ Фоскарари, епископъ кавскій Санъ-Феличо. Но при Павлѣ III началась реакція, а при Павлѣ IV (въ 1557 году), Мороне, Фоскарари, Санъ-Феличо были брошены въ темницу. Сословные интересы взяли въ нихъ перевѣсъ надъ мыслями о преобразованіи церкви; они стали папистами; ихъ приверженцы послѣдовали ихъ примѣру. Партія безусловныхъ папистовъ владычествовала въ Италіи; римская курія рѣшила искоренить въ этой странѣ протестантство и, какъ мы говорили, дѣйствовала безпощадно.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было учрежденіе въ Римѣ верховнаго инквизиціоннаго судилища. Это было сдѣлано папскою буллою 21 іюля 1542. Римскій верховный инквизиціонный трибуналъ былъ устроенъ по образцу испанскаго; ему была предоставлена неограниченная власть по дѣламъ объ отступничествѣ отъ вѣры. Онъ состоялъ изъ шести кардиналовъ; онъ назывался Конгрегаціей святой инквизиціи (*Congregatio Sancti Officii*; *Sanctum officium* «священное присутственное мѣсто,» «священная палата» на языкѣ католической церкви было официальнымъ названіемъ инквизиціи). Всѣ свѣтскія власти были обязаны содѣйствовать инквизиціи, то есть исполнять ея требованія. Караффа, назначенный президентомъ инквизиціоннаго трибунала, устроилъ на собственные деньги помѣщенія для канцеляріи и тюрьмы для арестуемыхъ, снабдилъ тюрьмы замками, задвижками, цѣпями, орудіями пытки. Онъ сдѣлалъ все это очень быстро, такъ что новый трибуналъ могъ безотлагательно приняться за свое дѣло. Ни одно изъ итальянскихъ правительствъ не оказало сопротивленія учрежденію инквизиціи. Въ герцогствѣ тосканскомъ и герцогствѣ миланскомъ власть римской инквизиціи была признана безусловно, въ королевствѣ неаполитанскомъ и венеціанской республикѣ римская инквизиція была подчинена надзору правительства. Въ 1543 году папа постановилъ, что нельзя печатать книгъ безъ одобренія инквизиціи.—Погибель протестанства въ Италіи была рѣшена. Караффа разослалъ по всей Италіи шпіоновъ и повсюду возбуждалъ гоненія на протестантовъ. Въ числѣ первыхъ, принужденныхъ бѣжать, находились Піетро Мартиръ Вермили и Окино; за ними послѣдовали многіе другіе. Не успѣвшіе бѣжать протестанты, были бросаемы въ темницы, многіе изъ нихъ сожигаемы. Первымъ мученикомъ за вѣру въ Италіи считается Фанино Фаэнцскій (*da Faenza*), погибшій въ Феррарѣ въ 1550 году; вскорѣ послѣ него былъ сожженъ Доменико Казабіанка. Черезъ три года (въ 1553) былъ преданъ смерти въ Римѣ францисканскій монахъ Джованни Миллио Монтальчинскій (*da Montalcino*). Гоненіе еще болѣе усилилось при Пав-

лѣ IV, съ любовью занимавшемся дѣлами инквизиціи, называвшемъ ее «единственной славой папской власти въ Италіи.» При немъ былъ сожженъ Помпоніо Альджери. Гоненіе продолжалось съ прежней силой при Піѣ IV, который самъ присутствовалъ при сожженіи священника калабрійскихъ вальдійцевъ Лодовико Паскали (въ 1560). Вальдійцы Сѣверной и Южной Италіи по примѣру французскихъ приняли протестантство. Получивъ по като-камбрезійскому миру обратно отъ французовъ свои владѣнія, герцогъ савойскій, Эммануэль Филибертъ заявилъ намѣреніе обратить въ католичество своихъ вальдійскихъ и протестантскихъ подданныхъ; папа говорилъ ему, что единственное вѣрное средство къ этому насиліе; Лайнесъ, бывшій тогда генераломъ іезуитовъ, послалъ Поссевино утвердить герцога въ этихъ мысляхъ. Опытный дипломатъ Поссевино хорошо исполнилъ порученіе и объѣхалъ піэмонтскія и савойскія долины, разузнавая, гдѣ скрываются еретики; когда онъ развѣдалъ всѣ ихъ убѣжища, герцогъ послалъ 2000 солдатъ обращать еретиковъ. Но вальдійцы савойскихъ горъ взяли за оружіе, отразили войско и получили свободу исповѣданія. Не такова была судьба ихъ единовѣрцевъ въ Калабріи; тамъ были разрушены вальдійскія селенія Казаль ди Санъ Систо и Гуардіа Фискальда; инквизиторъ Панца подвергъ пыткамъ и предалъ смерти множество вальдійцевъ и вальдіянокъ этихъ селеній. Неподалеку оттуда въ городѣ Монтальто были зарѣзаны, какъ овцы 2000 человекъ. Эти убійства длились 11 дней. Іезуиты надоѣдали убиваемымъ, убѣждая ихъ исповѣдываться передъ смертью, чтобы войти въ рай. Тѣ мужчины, которые не были зарѣзаны, были отправлены на галеры испанской эскадры, охранявшей неапольскій берегъ, а женщины и дѣти были проданы въ рабство. Римская инквизиція улучшала свою организацію, расширяла кругъ своей дѣятельности. Завѣдываніе ею было поручено доминиканцу Микеле Гисліэри. Истребленіе протестантства было собственною его дѣлою. Онъ сталъ папой (папское имя его было Пій V); тогда не было ни счету ни конца вѣшанію, отрубанію головъ, сожженію еретиковъ въ Римѣ. Онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы убивать людей, оставшихся еретиками, велѣлъ разыскивать и наказывать даже тѣхъ, которые когда нибудь имѣли еретическія мысли, хотя бѣ они ужь давно, 10 лѣтъ, 20 лѣтъ покинули ересь, стали католиками. По его письму Козма герцогъ тосканскій, арестовалъ за столомъ своего гостя, Піэтро Карнисекки прежняго папскаго протопотарія, бывшаго министромъ при Климентѣ VII. Карнисекки былъ другомъ Джуліи Гонзаги, которую инквизиція вызывала къ суду въ Римъ; она была избавлена смертью отъ процесса и осужденія; Карнисекки былъ отправленъ въ Римъ и казненъ тамъ (въ 1567). Черезъ нѣсколько времени погибъ знаменитый гуманистъ и профессоръ краснорѣчія Антоніо Пальярчи, по латинской формѣ имени Аоній Палеарій; арестованный въ Миланѣ,

Гисліэри
1504—1572.

онъ три года томился въ темницѣ и въ 1670 былъ сожженъ въ Римѣ, Задолго до ареста, будучи профессоромъ въ Сіенѣ онъ уже писалъ, что во времена, въ какія живетъ онъ, христіанину не прилично умереть въ постели.

Успѣху безпощаднаго гоненія на протестантовъ въ Италіи много содѣйствовало то, что папская власть была для итальянцевъ предметомъ національной гордости. Большинство народа даже считало папу представителемъ итальянской національности. Итальянцы гордились тѣмъ, что духовенство всѣхъ католическихъ народовъ повинуется владыкѣ, живущему въ Италіи, могущество папы казалось условіемъ пріобрѣтенія политической независимости Италіей. Другіе народы католическаго міра роптали на то, что папа обираетъ ихъ; итальянцамъ не было причины жаловаться на это; напротивъ, деньги, присылаемыя отовсюду въ Римъ обогащали людей близкихъ къ римской куріи. Такимъ образомъ хотя въ Италіи было больше людей, презирающихъ католичество и папу, чѣмъ въ другихъ католическихъ земляхъ, но масса народа была на сторонѣ папы, и протестантство, какъ мы говорили, не пріобрѣло популярности въ Италіи. Протестантскихъ общинъ въ ней возникло очень мало. Знатные люди, выказавшіе расположеніе къ протестантству, не имѣли охоты страдать за вѣру и, когда началось гоненіе, объявили себя усердными католиками. Ихъ примѣру послѣдовали люди слабаго характера, составлявшіе большинство между итальянскими протестантами, и такимъ образомъ инквизиція могла истребить всѣхъ не захотѣвшихъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Въ 1519 году, при началѣ борьбы Лютера съ папствомъ, книгопродавецъ Фробенъ писалъ ему, что его сочиненія очень сильно расходятся по Италіи. Венеція была центромъ продажи лютеранскихъ книгъ въ Италіи, потому что черезъ нее шла тогда почти вся торговля Германіи съ Италіей. Въ 1528 году Лютеръ получилъ изъ Венеціи извѣстіе, что протестантство быстро распространяется въ Италіи. Контарини, сохранившій и въ санѣ кардинала расположеніе къ евангелическому ученію о благодати, былъ венеціанецъ. Около него составилъ кружокъ людей, истинно благочестивыхъ, желавшихъ преобразованія церкви, но нехотѣвшихъ вступать въ борьбу съ ней. Другіе духовные сановники шли дальше ихъ, какъ напримѣръ провинціалъ (областной начальникъ) францисканскаго ордена, Бальдо Лунетино, принявшій смерть за вѣру. Нѣсколько времени казалось, что Венеція будетъ пріютомъ для дѣятелей реформаціи въ Италіи, но іезуиты и инквизиція проникли въ нее. Жертвою ихъ сталъ юристъ Франческо Спіэра. Его запугали такъ, что онъ отрекся отъ своихъ мнѣній, и однакоже это не спасло его отъ смерти. Вѣроломное убійство его возбудило негодованіе во многихъ. Передъ тѣмъ временемъ торговля протестантскими книгами получила большое развитіе въ Венеціи. Въ шесть лѣтъ съ 1543 до 1549 тамъ было продано 40.000 экземпляровъ протестантской книги „О благодати Христовой“. Но въ 1449 въ Венеціи былъ изданъ раньше чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Италіи первый „Списокъ запрещенныхъ книгъ“. Преслѣдуемые протестанты ссорились между собою изъ за того, Лютеръ

Спіэра
1498—1584.

или Кальвинъ правъ въ ученіи о таинствѣ эвхаристіи. Но при всемъ томъ число протестантовъ увеличивалось въ городахъ венеціанскаго государства, особенно въ Виченцѣ и Тревизо; главою протестантовъ тамъ былъ неаполитанецъ Бальдассаре Альтіери. Онъ велъ переговоры съ Лютеромъ, прося о принятіи итальянскихъ протестантовъ подъ защиту шмалькаденскаго союза. Это навлекло на него неудовольствіе венеціанскаго правительства; онъ принужденъ былъ бѣжать и умеръ (въ 1550) на пути. Въ 1557 году венеціанскіе протестанты стали тайно собираться на богослуженіе; ихъ тайна была выдана, ихъ арестовали и предали суду (въ 1560). Часто по ночамъ отплывали изъ темницы двѣ гондолы, поставленныя рядомъ съ небольшимъ промежуткомъ, черезъ который была положена доска; на доскѣ сидѣлъ протестантъ, осужденный на смерть; къ ногамъ его была привязана большая тяжесть. Гондолы выплывали изъ лагунъ въ море и по данному знаку расходились; еретикъ падалъ въ море.

Въ другой части венеціанскихъ владѣній, въ городѣ Капо д'Истрія распространителемъ протестантства сталъ человекъ, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать этого, Піеръ-Паоло Верджеріо. Въ награду за услуги папскому дѣлу въ Германіи онъ былъ сдѣланъ епископомъ своего родного города Капо д'Истріи. Возвратившись въ 1536 съ вормесскаго диспута, онъ былъ холодно принятъ папой, начавшимъ подозрѣвать его въ склонности къ ереси. Чтобъ оправдаться, Верджеріо хотѣлъ написать опроверженіе мнѣній Лютера, сталъ изучать его книги, и поддался ихъ вліянію. Зрѣлѣе мученической смерти Спіэры въ 1548 году довершило его обращеніе въ протестантство. Инквизиція рѣшила уничтожить его; братъ его Джованни Баттиста, епископъ истрійскаго города Поло, помогавшій ему распространять евангелическое ученіе, внезапно умеръ, какъ полагали, отъ отравы. Онъ бѣжалъ въ Граубюнденъ, служившій пріютомъ для итальянскихъ протестантовъ.

Верджеріо
1498—1565.

Первымъ по времени послѣ Венеціи центромъ протестантства въ Италіи была Феррара. Дочь Людовика XII Ренѣ (Рената), пышущая въ 1527 г. за герцога феррарскаго Геркулеса II, была покровительницею реформатскихъ проповѣдниковъ. При ея дворѣ нашли себѣ убѣжище Кальвинъ, Маро, итальянскіе ученые принявшіе евангелическое ученіе: Фламиніо, Аоніо Палеаріо, Челіо Секундо Куріоне и его ученикъ Фульвіо Перегрино Морато, отецъ Олимпіи Морато, благородной и милой женщины. Но въ Феррару пришло папское бреве, убѣждавшее герцога искоренить ересь. Онъ послѣдовалъ этому внушенію; началось преслѣдованіе. Олимпія Морато уѣхала въ Германію. Герцогъ подвергалъ тяжкимъ оскорбленіямъ свою супругу; но она осталась вѣрна своему убѣжденію. Возвратившись по смерти мужа (въ 1559 году) на родину, она и тамъ продолжала покровительствовать протестантамъ.

Олимпія
Морато
1526—1555.

Изъ Феррары протестантство проникло въ Модену, принадлежавшую тогда герцогу феррарскому. Тамъ сформировалась протестантская община, главою которой былъ сцилійскій эмигрантъ Паоло Риччи, и въ 1540 евангелическое ученіе было открыто проповѣдуемо въ церквяхъ. Мороне, бывшій тогда епископомъ моденскимъ, не стѣснялъ протестантовъ, и даже самъ распространялъ книгу „О благодѣяніи Христовомъ“.—Во Флоренціи было много ученыхъ борцовъ за протестантство; изъ нихъ знамениты Піэтро Мартиръ Вермили и Карнесекки.—Въ Болоньѣ поселился въ 1533 году Джованни Молліо-да-Монтальчино, распространявшій протестантство лекціями въ университетѣ и проповѣдями. Оно проникло въ Имолу, Фаэнцу и нѣкоторые другіе города папскаго государства. Въ самомъ Римѣ было довольно много протестантовъ.

Протестантство проникло и на югъ, принадлежавшій королю испанскому,

Хуанъ
Вальдесъ
1500—1541.

Окино
1487—1565.

Галеаццо
Караччоли
1517—1586.

но Филиппъ быстро истребилъ его въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ. Въ Сициліи дѣйствовала испанская инквизиція. Первые сѣмена евангелическаго ученія были занесены въ Неаполь нѣмецкими солдатами Карла V въ 1527 году. Театинскій орденъ послалъ туда своихъ монаховъ истреблять ересь. Въ 1533 году пріѣхалъ въ Неаполь усердный протестантъ, испанецъ Хуанъ Вальдесъ, благочестивый, благородный человѣкъ, о которомъ мы уже говорили. Около него собралось общество другихъ благочестивыхъ людей, ставившихъ душевную чистоту выше заботы о соблюденіи обрядовъ, но не нападавшихъ на католическую церковь. Вскорѣ послѣ того (въ 1536) пріѣхалъ въ Неаполь Капуцинъ Бернардино Окино, пламенный проповѣдникъ, возбуждившій даже въ Карлѣ V расположеніе къ протестантскому ученію о благодати. Двѣ очень знатныя дамы, обѣ ужь бывшія тогда вдовами, Витторія Колонна маркиза Пескара, о которой мы уже говорили, и Джулія Гонзага, герцогиня Трайетто, сдѣлались послѣдователями Окино, но ни та, ни другая не рѣшились явно отдѣлится отъ католической церкви. Рѣшительнѣе ихъ заявляла свои протестантскія убѣжденія Изабелла Манрика. Карлъ передъ отъѣздомъ изъ Неаполя обнародовалъ эдиктъ, угрожавшій самыми тяжелыми наказаніями лютеранскимъ еретикамъ въ Неаполѣ; но Окино, уѣхавъ на нѣсколько времени въ Венецію, возвратился въ 1539 въ Неаполь и возобновилъ свои проповѣди. Онъ посылъ власяницу, продолжалъ носить капуцинскую одежду, но въ его ученіи все яснѣе и яснѣе высказывались протестантскія понятія. Онъ получилъ ихъ отъ Вальдеса, издававшего тогда квиги въ протестантскомъ духѣ. Герцогиня Трайетто прониклась уваженіемъ къ нему. Послѣдователями его стали нѣкоторые ученые и вельможи. Первымъ изъ нихъ былъ Маркъ-Антоніо Фламиніо, вторымъ гуманистъ Піетро Карнесекки; сталъ послѣдователемъ его и графъ Галеаццо Караччоли, племянникъ кардинала Караффы, главнаго гонителя еретиковъ. По смерти Вальдеса дѣло его продолжали Окино и Мартиръ Вермили, присланный на должность пріора августинскаго монастыря въ Неаполѣ. Вѣроятно изъ этого круга произошла книга „С благодѣяніи Христовомъ“ (Del beneficio di Cristo), имѣвшая необыкновенный успѣхъ и публично сожженная въ Неаполѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сочиненіями Эразма и Меланхтона. Инквизиція такъ усердно разыскивала и уничтожала экземпляры ея, что только уже черезъ 300 лѣтъ было найдено историками литературы нѣсколько ихъ. Авторомъ ея считался Аоніо Палеаріо; но это едва ли справедливо. По словамъ Карнесекки она была написана мантуанскимъ бенедиктинцемъ Бенедетто и переработана Фламиніо. — Нѣсколько времени дѣйствовалъ въ Неаполѣ, принявшій протестантскія мнѣнія францисканецъ Джованни Молліо, о которомъ мы уже упоминали. Онъ былъ принужденъ бѣжать. Но евангелическія понятія были такъ распространены въ высшемъ кругу дѣятельностью Вальдеса и во всемъ образованномъ сословіи дѣятельностью Окино, что попытка ввести въ Неаполь испанскую инквизицію, сдѣланная въ 1547 г., возбудила ропотъ, угрожавшій возстаніемъ и была покинута правительствомъ. Говорятъ, что въ числѣ послѣдователей Вальдеса находились три архіепископа, восемь епископовъ и до трехъ тысячъ школьных учителей, когда Шиніоне Ребиба былъ присланъ Караффою завѣдывать инквизиціей въ Неаполѣ. Введеніе римской инквизиціи не встрѣтило такого сопротивленія, какъ попытка ввести испанскую. Ребиба пріѣхалъ въ 1549 году, и началось гоненіе. Многіе протестанты бѣжали, покидая все имущество. Въ 1551 принужденъ былъ бѣжать даже графъ Галеаццо Караччоли, хотя былъ племянникъ Караффы. — Большинство неаполитанскихъ протестантовъ возвратилось по внѣшности въ католичество. Упорствовавшіе были казнены, такъ напримѣръ въ 1564 были казнены Алоизіо ди Казерта и Гаргано д'Аверса, люди знатныхъ фамилій.

Мартиръ Вермили, возбудившій подозрѣніе своего орденскаго начальства, былъ перемѣщенъ въ 1541 году изъ Неаполя въ Лукку, но и тамъ сталъ распространять евангельское ученіе. Онъ пріобрѣлъ въ Луккѣ послѣдователей и между монахами своего ордена и между мірянами. Нѣкоторые изъ нихъ были арестованы инквизиціей. Онъ успѣлъ бѣжать, пріѣхалъ во Флоренцію, встрѣтился тамъ съ Окино, котораго инквизиція вызывала къ суду въ Римъ; оба они и нѣсколько ихъ учениковъ бѣжали въ Швейцарію (въ 1542 году). На мѣсто Окино герцогиня Рената прислала въ Лукку Куріоне. Онъ около года дѣйствовалъ тамъ, но въ 1545 году луккскій сенатъ по убѣжденію римской инквизиціи принялъ суровыя мѣры противъ протестантовъ. Куріоне и нѣкоторые изъ его религіозныхъ друзей, въ томъ числѣ довольно многіе люди знатныхъ фамилій, бѣжали за Альпы; другіе отреклись отъ протестантства.

Судьба эмигрантовъ была неодинакова. Верджеріо былъ сначала проповѣдникомъ въ Энгадинѣ и Вальтеллинѣ. Въ 1553 Кристофъ, герцогъ вюртембергскій, назначилъ его членомъ своего совѣта. Онъ поселился въ Тюбингенѣ, написалъ много латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненій; ѣздилъ нѣсколько разъ въ Польшу и Граубюнденъ. Послѣдніе годы его жизни были опечалены гоненіемъ со стороны лютеранскихъ богослововъ на нѣмецкихъ кальвинистовъ и спорами съ Куріоне, жившимъ въ Лозаннѣ, потомъ въ Базелѣ. Понятія Куріоне были прогрессивнѣйшіе убѣжденій Верджеріо, а лютеранскіе богословы огорчали Верджеріо своимъ фанатизмомъ. — Куріоне пользовался въ Базелѣ большимъ уваженіемъ. — Піэро Мартиръ Вермилио и Окино, пріѣхавшіе въ 1542 году въ Швейцарію, были священниками въ Цюрихѣ, Женевѣ, реформатскихъ городахъ Германіи. Послѣ пораженія протестантовъ въ шмалькаденской войнѣ они оба уѣхали въ Англію (въ 1547 году) и содѣйствовали тамъ, какъ мы говорили, введенію реформаціи; Мартиръ былъ профессоромъ богословія въ Оксфордѣ, Окино священникомъ общины итальянскихъ протестантовъ, бѣжавшихъ въ Англію. Когда на престолъ вступила Марія, они оба принуждены были бѣжать изъ Англіи. Мартиръ былъ приглашенъ въ Цюрихъ и пользовался тамъ до конца жизни почетомъ. Онъ желалъ доставить спокойную безбѣдную жизнь и Окино; но Окино уклонился отъ кальвинизма и подвергался за это непріятностямъ. Мартиръ умеръ въ 1562 году. По его смерти Окино склонился къ соцініанству; за это выгнали его съ дѣтьми изъ Цюриха. Онъ долго скитался въ нищетѣ и умеръ въ моравскомъ мѣстечкѣ Шлакау въ 1565 году. — Графъ Караччоли жилъ въ Женевѣ, былъ близкимъ другомъ Кальвина, пользовался большимъ уваженіемъ въ городѣ. Отецъ, дѣти убѣждали его отречься отъ протестантства, папы обѣщали ему награды; онъ отвергалъ всѣ соблазны. Въ началѣ второй половины XVI вѣка было совершенно истреблено въ Италіи протестантство. Только вальдійцы остались на перекорѣ всѣмъ гоненіямъ вѣрны своему исповѣданію.

V. исторія папъ отъ конца тридентскаго собора до тридцатилѣтней войны.

1. Новая политика папъ.

Мы рассказали исторію папъ до окончанія тридентскаго собора и видѣли, что важнѣйшей чертой ея было колебаніе римской куріи между прежней совершенно мірской политикой и необходимостью принять религіозное направленіе, преобразовать церковь для борьбы съ

протестантствомъ. До конца правленія Карла V войны и дипломатическіе раздоры Италіи, поработенной иноземцами и раздробленной на нѣсколько государствъ, отвлекали папъ отъ религіозныхъ дѣлъ. Александръ VI, Юлій II и Левъ X заняты были больше всего тѣмъ, чтобы сохранить и расширить свое государство. Павелъ III желалъ держаться того же направленія; но мы видѣли, что ему уже пришлось заниматься религіозными дѣлами больше, чѣмъ политическими. При его преемникахъ развивался этотъ новый характеръ папскаго правленія. Павелъ IV пытался играть роль въ военной борьбѣ Франціи съ Испаніей за господство надъ Италіей, но потерпѣлъ неудачу; пытался по примѣру прежнихъ папъ доставлять государства своимъ племянникамъ, но принужденъ былъ отказаться и отъ этого. Пій IV уже рѣшительно принялъ систему, какой требовали обстоятельства. Павелъ IV еще воображалъ, что можетъ не давать нѣмецкому императору утвержденія въ санѣ и назначать королей; его преемникъ Пій IV уже руководился мыслью, что быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ сильнѣйшими католическими государями Европы необходимо для сохраненія папской власти. Во все свое правленіе онъ постоянно искалъ расположенія католическихъ государей, и у него почти вовсе не было ссоръ ни съ кѣмъ изъ нихъ. Онъ даже отказался отъ вражды прежнихъ папъ противъ протестантской Англіи и нѣмецкихъ протестантовъ, разумѣется, только по сознанію своего безсилія повредить имъ. Въ управленіи внутренними дѣлами онъ слѣдовалъ строго религіозной системѣ, принятой Павломъ III, хотя въ частной своей жизни былъ весельчакъ, любившій пировать. Политическая необходимость была сильнѣе личныхъ его желаній. Онъ не любилъ инквизицію, но не мѣшалъ ея дѣйствіямъ; нерасположеніе къ ней выказывалось у него только тѣмъ, что онъ не занимался самъ инквизиціонными процессами, какъ дѣлали его предшественники и его преемники. Инквизиція при немъ истребила еретиковъ въ Италіи. Но еще важнѣе былъ тотъ успѣхъ папизма, что тридентскій соборъ далъ опредѣлительность католическому вѣроученію и установилъ безусловное владычество папы надъ католической церковью. Папское управленіе приняло при Піѣ IV благочестивый характеръ; въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Карла Борромейскаго, ставшаго однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ святыхъ новаго католичества. Онъ былъ сынъ сестры Пія IV.

Павелъ IV былъ послѣднимъ папой, пытавшимся доставить своимъ племянникамъ свѣтскія владѣнія. Непотизмъ принялъ послѣ него новую форму. Папы уже не мечтали сдѣлать своихъ племянниковъ государями; дѣлали ихъ только церковными савовниками. Однимъ изъ племянниковъ Пія IV былъ Кароло Борромео, обыкновенно называемый по латинской формѣ имени Карломъ Борромейскимъ, человекъ искренно благочестивый, вліянію котораго должно приписывать то, что дядя его при всей склонности

къ пирамъ держалъ себя прилично и не пренебрегалъ серьезными дѣлами. Карлъ Борромейскій былъ убѣжденъ, что католическая церковь можетъ обновиться въ духѣ благочестія, и убѣждалъ своего дядю придать этотъ характеръ папскому управленію. Онъ былъ архіепископомъ миланскимъ, но жилъ въ Римѣ и давалъ направленіе дѣламъ. По смерти дяди онъ уѣхалъ въ Миланъ, занимался тамъ дѣлами благочестія и благотворительности, такъ что одинъ изъ католическихъ писателей, посѣщавшихъ тогда Миланъ, называетъ этотъ городъ вторымъ Іерусалимомъ. Архіепископъ употреблялъ всѣ свои доходы на пользу церкви, неутомимо разъѣзжалъ по своей епархіи, не разъ побывалъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ ея. Съ особеннымъ усердіемъ заботился онъ обращать протестантовъ въ католичество. Подъ его руководствомъ началось реакціонное движеніе въ Швейцаріи; оно развивалось по его смерти и привело въ 1586 году къ основанію Борромейскаго союза, членами котораго были всѣ католическіе кантоны. Для обращенія швейцарскихъ протестантовъ Карлъ Борромейскій основалъ въ Миланѣ гельветскую семинарію. Вообще онъ очень заботился о воспитаніи юношей, готовившихся стать священниками. Это ввело его въ ссору съ іезуитами, не хотѣвшими допускать никакого соперничества въ дѣлѣ воспитанія духовенства.

Карлъ
Борромейскій
1538—1584.

Однаковое съ нимъ направленіе имѣлъ Франсуа, графъ де Саль, савойскій вельможа, съ молодости посвятившій себя борьбѣ противъ еретиковъ. Подъ покровительствомъ герцога савойскаго Де Саль проповѣдывалъ по берегамъ Женевского озера и отчасти убѣжденіемъ, отчасти насиліемъ обратилъ тамъ въ католичество много еретиковъ. Считая насиліе необходимою, онъ однакоже предпочиталъ кротость и вообще говоря былъ человѣкъ добрый. Онъ дѣйствовалъ неторопливо, не горячася, но неутомимо. Онъ былъ очень ловокъ въ обращеніи съ людьми, хотя называлъ себя простодушнымъ человѣкомъ. Папа назначилъ его въ 1602 году епископомъ женевскимъ; разумѣется, это былъ только титулъ. Франсуа де Саль не могъ и показаться въ Женеву. Онъ жилъ обыкновенно въ Ліонѣ. Его сочиненія, написанныя популярнымъ языкомъ въ мистическомъ духѣ, имѣли большой успѣхъ; онъ строго возстановлялъ суровые уставы въ монастыряхъ. При содѣйствіи Франсуазы де Шанталь, онъ основалъ орденъ визитантокъ, монахини котораго посвящали себя уходу за больными. Письма его къ Франсуазѣ Шанталь выказываютъ въ немъ большую разсудительность. Подобно Карлу Борромейскому, котораго взялъ за образецъ себя, онъ строго слѣдилъ за нравственностью духовенства, внушалъ римской куріи необходимость дѣлать тоже самое. Держась мнѣнія, что папа подвластенъ вселенскому собору, онъ однакоже не говорилъ въ этомъ смыслѣ ничего непріятнаго папѣ. Человѣкомъ добрымъ называютъ его справедливо, но онъ былъ одинаково съ Карломъ Борромейскимъ гонитель еретиковъ. Католичество имѣло тогда много такихъ дѣятелей; замѣчательнѣйшими изъ нихъ послѣ Карла Борромейскаго и Франсуа де Саль были краснорѣчивые испанскіе проповѣдники Хуанъ де Авила (1500—1569), отказывавшійся отъ всѣхъ почестей, предлагаемыхъ ему Павломъ III и Филиппомъ II; ученикъ его Луисъ Гранадскій (1504—1588), жившій въ Лиссабонѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ короля; августинскій монахъ Луисъ Леонскій, (1527—1591), знаменитый поэтъ. Всѣ они были люди разсудительные; тоже самое должно сказать и о іезуитахъ Станиславѣ Косткѣ и Алонзю Гонзагѣ, причтенныхъ впослѣдствіи къ лику святыхъ. Не вполне утрачивали разсудительность и знаменитыя энтузіастки того времени: монахиня доминиканскаго монастыря въ Прато Катарина Риччи (1522—1589), флорентійская кармелитянка Мадалена Пацци (1566—1607); вальядолидская монахиня Марина Эсковаръ (1554—1633),

Франсуа де
Саль
1567—1622.

француженка Марія де Валлѣ, изобрѣтательница поклоненія святому сердцу Богоматери (умершая въ 1655), перуанская монахиня Роза Лимская (1586—1617). Нѣкоторыя изъ этихъ восторженныхъ женщинъ были впоследствии причислены къ лику святыхъ, какъ напримѣръ Катарина Риччи и Роза Лимская. Съ половины XVI вѣка въ католической церкви возобновились рассказы о чудесахъ. Въ первой половинѣ этого столѣтія сановники римской церкви смѣялись бы надъ ними.

Пій V
8 января
1566.

Представителемъ этого новаго направленія католической церкви былъ Гисліэри, аскетъ и безпощадный гонитель еретиковъ, ставшій преемникомъ Павла IV и принявшій имя Пія V. Онъ былъ доминиканскій монахъ, ходилъ съ котомкой на спинѣ по Италіи, разыскивая еретиковъ; Павелъ IV наградилъ его за усердіе саномъ епископа, потомъ кардинала. Когда онъ выбранъ былъ папой, фанатики папизма говорили: «Богъ воскресилъ намъ Павла IV». Онъ энергически сталъ преобразовывать церковь въ духъ постановленій тридентскаго собора и подавалъ духовенству примѣръ благочестія: отказывалъ себѣ во всякихъ удобствахъ жизни, ходилъ въ церковныхъ процессіяхъ босой и безъ тіары. Фанатизмъ его былъ безпощаденъ, но и помимо фанатизма онъ былъ человѣкъ жестокій, никогда не смягчалъ приговоровъ, часто выражалъ сожалѣніе, что судьи слишкомъ снисходительны. На награды онъ былъ скупъ, и для того, чтобы навсегда уничтожить непотизмъ, издалъ буллу, воспрещавшую давать имѣнья римской церкви въ награду кому бы то ни было; она объявляла, что каждый кто посоветуетъ которому нибудь изъ будущихъ папъ давать такія награды, подвергается отлученію отъ церкви. Онъ предалъ суду всѣхъ епископовъ, жившихъ внѣ своихъ епархій, запретилъ священникамъ жить внѣ своихъ приходовъ, отмѣнилъ всѣ диспенсациі отъ этихъ обязанностей данныя прежними папами, возстановлялъ въ монастыряхъ строгое соблюденіе уставовъ; оно было такъ стрѣнительно, что многіе монахи бѣжали. Итальянскіе государи усердно помогали ему во всемъ этомъ.

Съ могущественными католическими государями Пій V жилъ не въ такомъ постоянномъ согласіи, какъ его предшественникъ, потому что не имѣлъ гибкости характера, былъ вспыльчивъ и упрямъ. Усердному своему союзнику Козмѣ, герцогу флорентійскому, онъ собственной властью далъ титулъ великаго герцога. Онъ не имѣлъ права на это, но императоръ не протестовалъ противъ его самовластнаго поступка. Династія Фарнезе, владѣвшая Пармой, была также союзницей Пія V. Но самовластными распоряженіями относительно неаполитанскаго духовенства онъ часто возбуждалъ досаду Филиппа II; впрочемъ эти ссоры не имѣли важности. Всѣ католическіе государи оскорбились и протестовали, когда Пій V вновь обнародовалъ съ дополненіями знаменитую буллу *In coena domini*, подвергавшую анаѣмѣ нарушителей папскихъ правъ. Уже и прежде

перечисленіе этихъ папскихъ притязаній заключало въ себѣ много несообразнаго съ правами государей. Пій прибавилъ къ нему, что государи и города не имѣютъ права устанавливать новые налоги безъ согласія папы. Но серьезнаго значенія эти притязанія Пія не могли имѣть, потому самохвальство его было оставлено безъ большого вниманія. Онъ поддерживалъ іезуитовъ во всѣхъ ихъ интригахъ противъ Елизаветы, одобрялъ борьбу Филиппа II противъ нидерландцевъ, борьбу Екатерины Медичи противъ гугенотовъ, послалъ отрядъ войска на помощь ей; начальнику этого отряда онъ далъ инструкцію не брать въ плѣнъ гугенотовъ, убивать cadaго, попадающагося въ руки.

2. Преобразование папскаго государства.

Установившаяся система понятій передѣлываетъ характеры людей. Григорій XIII Примѣромъ тому служитъ правленіе Григорія XIII. Уроженецъ Болоньи, Уго Буонкомпаніо, юристъ, сдѣлавшійся кардиналомъ, былъ уже 70 лѣтнимъ старикомъ, когда сталъ преемникомъ Пія V. Онъ былъ весельчакъ, не отличавшійся строгой нравственностью; онъ даже не церемонился формально признавать себя отцомъ своего побочнаго сына Джакомо и, сдѣлавшись папой, далъ ему титулъ «Синьйоръ Джакомо Буонкомпаніо, близкій родственникъ его святѣйшества папы». Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ сталъ выказывать величайшую набожность, три раза въ недѣлю самъ служилъ литургію, пересталъ пировать, велъ назидательный образъ жизни. По его распоряженію былъ введенъ улучшенный календарь, называющійся григоріанскимъ. Булла о введеніи этого счета времени, обнародованная 13 февраля 1582, называла производимое папой улучшение календаря доказательствомъ безпредѣльной милости божіей къ католической церкви. Но именно потому, что ученому преобразованію былъ приданъ исключительно католическій характеръ, протестанты долго не хотѣли принимать григоріанскій календарь. Имъ ненавистно было имя папы, который, получивъ извѣстіе о варѣоломеевской ночи, отслужилъ благодарственный молебенъ, восхваляя истребленіе враговъ христовыхъ, и помогалъ деньгами Филиппу въ войнѣ съ Англіей и Нидерландами. Онъ такъ усердно посылалъ деньги Филиппу, что совершенно разстроилъ финансы папскаго государства, и преемнику его пришлось поправлять ихъ очень крутыми мѣрами.

По завоеваніи Романьи Юліемъ II, папское государство простиралось отъ Террачины до окрестностей Піаченцы, отъ Тирренскаго моря до Адриатическаго. Эта обширная и прекрасная часть Италіи пользовалась тогда благосостояніемъ; земледѣліе въ ней процвѣтало, такъ что Венеція и Генуя,

иногда и Неаполь, покупали тамъ хлѣбъ. Анкона была одною изъ главныхъ гаваней транзитной торговли; населеніе папскаго государства еще было дѣятельно и трудолюбиво, славилось храбростью. Папская власть начинала подавлять прежнія муниципальные права. Вообще говоря города папскихъ владѣній еще сохраняли самоуправленіе, но оно было стѣсняемо областными правителями, которыхъ назначалъ папа. Правителями обыкновенно были прелаты. Масса городского населенія, состоящая изъ торговцевъ и ремесленниковъ, была послушна папѣ; но городскія правительства находились въ рукахъ вельможъ (*nobili*). Эти городскіе аристократы были люди безпокойные. Они дѣлились на партіи, сохранявшія воспоминанія о временахъ, когда шла борьба между гвельфами и гибеллинами. Эти названія давно утратили свой дѣйствительный смыслъ, но каждая вельможеская фамилія помнила: гвельфами или гибеллинами были ея предки, и въ ссорахъ между собою или съ папскимъ правительствомъ вельможи называли себя гвельфами или гибеллинами. Въ Фаэнцѣ, Форли, Равеннѣ большинство составляли гибеллины, въ Римини гвельфы; въ Чезенѣ и Имоѣ силы партій были почти равны. Каждая партія старалась очернить другую передъ легатомъ (областнымъ правителемъ), хвалилась своею преданностью папѣ; это облегчало потомъ подавленіе городскихъ правъ. Тѣ вельможи, которые жили въ своихъ имѣніяхъ, держали себя самостоятельными. Большая часть земли еще оставалась собственностью поселянъ, но почти всѣ они были вассалами вельможъ; ленные господа старались жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ ними, и сельскій бытъ имѣлъ патріархальный характеръ. Поселяне платили подати своимъ леннымъ господамъ или исполняли натуральные повинности въ ихъ пользу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Романьи еще оставались поселяне совершенно независимые отъ вельможъ, имѣвшіе привычку владѣть оружіемъ. Это были глухіе уголки, въ которыхъ населеніе имѣло старинные грубые нравы. Правители областей поддерживали свою власть только благодаря ссорамъ вельможъ между собою и съ горожанами. Торговцы и ремесленники, желавшіе спокойствія, были вообще на сторонѣ папскаго правительства; ихъ называли партіею миролюбивыхъ, *pacifili*. Но когда партіи прекращали свои ссоры, города выказывали оппозицію папскому правительству и дѣло иногда доходило до возстаній. Въ исторіи почти cadaго города есть примѣры мятежа, подавленія его, наказанія виновныхъ и уменьшенія городскихъ правъ. Такъ наприимѣръ при Климентѣ VII произошло возстаніе въ Анконѣ (1532 году), а въ 1550 при Павлѣ III возстаніе въ Перуджии. Оба они были вызваны злоупотребленіями папской власти и оба кончились полной побѣдой ея.

Папы имѣли большіе доходы, но финансы ихъ находились въ разстройствѣ, и раньше всѣхъ другихъ государей они стали заключать безсрочные государственные займы по нынѣшней системѣ. Правда, въ Римѣ стекались деньги изъ всего католическаго міра и налоги въ папскомъ государствѣ еще при Климентѣ VII были меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ земляхъ, а въ Римѣ меньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ итальянскихъ городахъ. О римлянахъ говорили, что ихъ государь папа обогащаетъ ихъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе города должны давать деньги своему государю. Но уже Левъ X оставилъ папскую казну пустой. Войны при немъ и его предшественникахъ истощили ее, роскошь и покровительство искусствамъ тоже содѣйствовали этому. Деньги изъ другихъ земель шли въ папскую казну лишь за тѣмъ, чтобы тотчасъ исчезнуть изъ нея. Онѣ поглощались между прочимъ надобностью содержать множество должностныхъ лицъ совершенно безполезныхъ: папы продавали должности и потому надѣлали очень много лишнихъ должностей. Доходы большинства сановниковъ папскаго управленія состояли, главнымъ образомъ, въ пошлинахъ за производство дѣлъ.

Это порождало массу злоупотреблений властью. Когда должность была вакантна, пошлины поступали в папскую казну. При каждом денежном затруднении папы учреждали, то есть продавали новые должности. Особенно большой размер получило это со времени Сикста IV. Таким образом возникло огромное количество прокураторов, регистраторов, корректоров (как назывались разные дѣлопроизводители), нотариусов, разсылных, привратников и пр. Левъ X учредилъ 1200 должностей, единственной надобностью в которыхъ было желаніе папы получить деньги за ихъ продажу. Католическіе государи постоянно требовали сокращенія папскаго придворнаго штата, содержаніе котораго заставляло папъ обременять налогами духовенство всѣхъ католическихъ земель. Поборы съ другихъ земель сдѣлались недостаточны на покрытіе папскихъ расходовъ. Адріанъ VI и Климентъ VII уже принуждены были устанавливать новые налоги въ своемъ государствѣ. Климентъ VII въ 1526 году показалъ первый примѣръ заключенія безсрочнаго займа по той системѣ, какая была принята впоследствии другими государами. Ему было нужно 200.000 дукатовъ на войну съ Карломъ V. Общество капиталистовъ дало ему эту сумму, а онъ обязался платить за нее по десяти процентовъ въ годъ. Этотъ заемъ былъ названъ *Monte della fede*; потому кредиторы государства назывались монтистами. Послѣ того были дѣлаемы другія финансовыя операціи, обременявшія папскую казну и народъ. Павелъ III ввелъ прямой налогъ, называвшійся *sussidio*, и вообще значительно увеличилъ и налоги, и сумму долговъ для покрытія расходовъ на содержаніе войска, посланнаго въ помощь императору при шмалькальденской войнѣ. Юлій III, начавъ войну съ королемъ французскимъ и герцогомъ пармскимъ, сдѣлалъ новый безсрочный заемъ или какъ это называлось, учредилъ новое *monte*; слѣдующіе папы дѣлали то же. Для уплаты процентовъ по займамъ были устанавливаемы новые налоги. Причинами займовъ почти всегда были обязательства папъ помогать католическимъ государямъ въ войнахъ съ протестантами, иногда и субсидіи государствамъ, которыя вели войну съ турками. Обыкновенные расходы по личному содержанію папы покрывались почти вполне доходами датарія, того учрежденія, котораго занималось дѣлопроизводствомъ по диспенсаціямъ, то-есть по просьбамъ о разрѣшеніи чего-нибудь воспрещаемаго каноническими законами; другимъ источникомъ покрытія личныхъ расходовъ папы служили доходы съ придворныхъ должностей во время ихъ вакантности и продажа ихъ. Такимъ образомъ церковное государство, въ которомъ подати нѣкогда были менѣе велики, чѣмъ въ другихъ итальянскихъ земляхъ, стало въ XVI вѣкѣ обременено налогами болѣе тяжелыми, чѣмъ другія итальянскія государства. Папы управляли своей землей какъ помѣстьемъ, изъ котораго старались извлекать какъ можно больше доходовъ на содержаніе своего двора и въ особенности на покрытіе расходовъ своего вмѣшательства въ европейскія войны. Папскіе финансы еще больше прежняго разстроились при Григоріѣ XIII, который посылалъ деньги Филиппу на войну съ Англіей и французскою лигъ на войну съ Генрихомъ III и Генрихомъ IV и помогалъ деньгами іезуитамъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Увеличить налоги было уже невозможно, продать было начево, потому Григорій вздумалъ грабить вельможъ подъ предлогомъ устраненія злоупотреблений ихъ землевладѣльческой власти. Онъ сталъ говорить, что онъ имѣетъ право отнять у нихъ множество замковъ и земель, что это выморочные лены, которые должны были возвратиться въ папскую собственность по прекращеніи прямой линіи прежнихъ владѣльцевъ. Другіе замки и земли онъ хотѣлъ конфисковать подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣльцы ихъ должны были платить ленную подать папѣ и не исполняли этой обязанности, потому должны утратить

свои лены. Но когда онъ сталъ грабить вельможъ, они рѣшились взяться за оружіе; поселяне и городскіе аристократы (*nobili*) были, вообще говоря, дружны съ вельможами, потому поднялось волненіе во всемъ государствѣ. Населеніе его вспомнило свою прежнюю славу храбрости, перестало слушаться напскихъ правителей; у нихъ было мало войска (при Піѣ V оно состояло только изъ 500 человекъ). Во всѣхъ областяхъ папскаго государства сформировались отряды инсургентовъ подъ предводительствомъ молодыхъ вельможъ, изъ которыхъ мы назовемъ Альфонсо Пикколомини и Роберто Малатесту. Григорій XIII, называвшій инсургентовъ бандитами, набралъ наемниковъ, послалъ своего сына усмирять мятежниковъ. Папское войско ходило по странѣ, но когда оно, усмиривъ какую-нибудь мѣстность, шло дальше, въ ней снова являлись инсургенты. Сосѣдніе государи были раздражены высокоуміемъ Григорія, потому давали у себя пріютъ инсургентамъ, когда папское войско оттѣсняло ихъ къ границамъ; по его удаленіи инсургенты возвращались. Дѣло дошло до того, что въ самомъ Римѣ явилось множество бандитовъ. Пикколомини послалъ Григорію просьбу о томъ, чтобы папа отпустилъ ему всѣ грѣхи; въ просьбѣ перечислялись люди, которыхъ убили бандиты отряда Пикколомини; папа принужденъ былъ исполнить требованіе Пикколомини, отпустилъ ему грѣхи.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умеръ Григорій XIII и преемникомъ ему былъ выбранъ старикъ кардиналъ Перетти, принявшій имя Сикста V. Феличе Перетти происходилъ изъ обѣднѣвшей фамиліи, которая прежде жила въ городѣ Монтальто. Во время его дѣтства семейство его находилось въ такой нищетѣ, что мальчикъ пасъ свиней. Потомъ онъ поступилъ во францисканскій орденъ. Начальство не давало ему средствъ учиться; онъ читалъ книги при свѣтѣ фонаря, висѣвшаго въ корридорѣ или лампы, горѣвшей передъ Св. Дарами въ церкви. Случалось ему и въ монастырѣ голодать какъ прежде. Наконецъ онъ получилъ возможность учиться, слушалъ лекціи схоластическаго богословія и каноническаго права въ Феррарѣ и Болоньѣ, сталъ знатокомъ этихъ наукъ. Онъ попалъ въ Римъ; однажды услышалъ его проповѣдь инквизиторъ Гисліэри, увидѣлъ въ немъ человека своихъ понятій, сталъ его покровителемъ; потомъ узналъ его Павелъ IV, опредѣлилъ его дѣлопроизводителемъ въ конгрегацію по исполненію декретовъ тридентскаго собора и совѣтникомъ въ инквизиціонный судъ. Піѣ V сдѣлалъ его генеральнымъ викаріемъ францисканскаго ордена, потомъ епископомъ и кардиналомъ (1570). Онъ принялъ фамилію Монтальто по имени города, гдѣ прежде жило его семейство. Слѣдуя примѣру хитрецовъ, имѣвшихъ удачу при прежнихъ папскихъ выборахъ, онъ притворился человекомъ недумаящимъ о папскомъ санѣ и при смерти своего покровителя Піѣ V устранился отъ дѣлъ, занялся виноградиномъ своей виллы близъ римской церкви *Maria Maggiore* и учеными трудами, издалъ (въ 1580 году) сочиненія Амвросія. Притворнымъ смиреніемъ онъ прокладывалъ себѣ дорогу къ папскому престолу. Есть анекдотъ, что по смерти Григорія XIII онъ пришелъ въ конклавъ, опираясь на палку, сгорбившись, кашляя, будто хилый старикъ. Гораздо больше важности имѣетъ другой его поступокъ совершенно достовѣрный. Его племянникъ Франческо Перетти, женатый на красавицѣ Витторіи Аккоромбуонѣ, женщиной красивой и умной, былъ въ 1581 году убитъ неизвѣстно кѣмъ. Молва говорила, что убійцей былъ любовникъ Витторіи, могущественный вельможа Орсини, герцогъ Браччано. Весь Римъ трепеталъ его мщенія, если папское правительство попытается уличить и наказать его. Кардиналъ Монтальто попросилъ папу прекратить слѣдствіе о смерти его племянника. Римляне были очень благодарны ему. Товарищи его кардиналы тоже были обмануты ловкой хитростью, стали считать его человекомъ добродушнымъ, и по смерти Григорія XIII онъ

былъ выбранъ по огромному большинству голосовъ папой. Въ самый день выбора Витторія Аккоромбуона, бѣжавшая изъ Рима, праздновала свою свадьбу съ Орсини.

Сикстъ V былъ едва ли не замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ папъ XVI вѣка. Человѣкъ честолюбивый, онъ заботился не столько о томъ, чтобъ истребить еретиковъ, сколько о возвращеніи прежняго блеска папской власти. Подданные не любили его, но уважали и боялись. Меньше, чѣмъ въ годъ, онъ подавилъ анархію въ своемъ государствѣ, возстановилъ спокойствіе, сдѣлалъ дороги безопасными. Онъ достигъ этого безпощадной жестокостью, возбуждавшей ужасъ: онъ безъ разбора казнилъ и простолюдиновъ и вельможъ. Молодой бѣднякъ въ Трастевере, не давшій папскимъ служителямъ увести его осла, былъ казненъ за сопротивленіе имъ, точно такъ же, какъ болонскій вельможа графъ Джовани Пеполи за покровительство бандитамъ. По всѣмъ областямъ папскаго государства стояли колья съ воткнутыми на нихъ головами бандитовъ. Милостью Сикста пользовались только тѣ легаты (областные правители), которые присылали ему много головъ. Онъ обѣщалъ награду за каждую голову бандита; а каждому бандиту, который выдастъ другого бандита живого или мертвого, обѣщалъ полное прощеніе не только для него самого, но и для нѣсколькихъ сообщниковъ, за которыхъ онъ попросить. Бандиты стали убивать одинъ другого. Сикстъ прекратилъ ссоры, которыя завелъ съ сосѣдями Григорій XIII; потому они выдавали ему бандитовъ, бѣжавшихъ къ нимъ. Подавивъ варварской жестокостью анархію, онъ для предотвращенія новыхъ междоусобій устроилъ свадьбы, породнившія между собою и съ его семействомъ фамилію Колоннъ и фамилію Орсини, стоявшія во главѣ двухъ непріязненныхъ партій. Въ первый же годъ его правленія погибли герцогъ Браччано и Витторія Аккоромбуона. У герцога отъ перваго брака былъ сынъ Вирджиніо. Папа выдалъ за него одну изъ своихъ внучатныхъ племянницъ, а на другой женилъ коннетабля Колонну. Споръ за первенство между этими фамиліями онъ примирилъ тѣмъ, что ввелъ счетъ старшинства членовъ ихъ какъ будто людей одной семьи, такъ что оно опредѣлялось лѣтами cadaго. Онъ обогатилъ своихъ родственниковъ, но не давалъ имъ вліянія на государственныя дѣла. Для управленія государствомъ и церковью онъ учредилъ новыя конгрегаціи (комитеты кардиналовъ). Однимъ изъ этихъ новыхъ комитетовъ была конгрегація инквизиціи, состоявшая почти исключительно изъ кардиналовъ, принадлежавшихъ до полученія своего сана къ доминиканскому ордену. Іезуитовъ онъ ненавидѣлъ, но пользовался ими какъ шпіонами. Онъ опредѣлилъ, что число кардиналовъ не должно превышать 70. Главной его заботой было накопленіе денегъ въ казнѣ. Для этого онъ пользовался всѣми дурными средствами, къ какимъ прибѣгали прежніе папы, довелъ эти финансовыя злоупотребленія до размѣра еще небывалаго.

Сикстъ V.
24 апрѣля
1585—
24 августа
1590.

Онъ учреждалъ и продавалъ множество должностей, обременялъ новыми налогами торговлю, промышленность, обложилъ пошлинами производство и продажу даже хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости. Онъ раззорялъ народъ, но за то накопилъ 5.000.000 скуди въ кладовой замка св. Ангела. Среди сосѣдовъ, нуждавшихся въ деньгахъ, онъ одинъ былъ богатъ. Не всѣ стороны правленія Сикста были такъ мрачны, какъ его притѣснительная финансовая дѣятельность. Онъ былъ покровителемъ городовъ, давалъ имъ привилегіи; заботился о развитіи земледѣлія, велъ большія работы для осушенія понтинскихъ болотъ, основывалъ фабрики и въ особенности хлопоталъ о распространеніи шелководства. Онъ много сдѣлалъ для блеска и для улучшенія гигиеническихъ условій Рима. При немъ число жителей въ Римѣ увеличилось до 100.000. Онъ построилъ колоссальный водопроводъ, по которому течетъ вода съ горъ черезъ Кампанью въ 27 фонтановъ сѣверо-восточной части Рима. Благодаря этому водопроводу, который назвалъ онъ по своему прежнему личному имени Феликсовымъ (Aqua Felice), сѣверо-восточная часть Рима вновь заселилась. Сикстъ началъ построеніе знаменитой Испанской лѣстницы и построилъ улицы около Maria Maggiore. Онъ сдѣлалъ пристройки къ латеранскому дворцу. При немъ былъ возведенъ куполь св. Петра. Онъ поднялъ большой обелискъ, 1.500 лѣтъ лежавшій на землѣ и поставилъ его (10 сентября 1586) на площади передъ храмомъ Петра. Это было торжествомъ тогдашней механики. Правда, Сикстъ портилъ самохвальствомъ свою славу строителя. На обелискѣ онъ сдѣлалъ надпись, въ которой говоритъ, что отнялъ этотъ памятникъ у императоровъ Августа и Тиберія и посвятилъ поставленному на немъ кресту. Такія же надписи сдѣлалъ Сикстъ на колоннахъ Траяна и Антонина, надъ которыми поставилъ статуи апостоловъ. Копье въ рукѣ Минервы на Капитолійскомъ холмѣ онъ замѣнилъ крестомъ. Онъ разрушилъ Септизоній Септимія Севера и хотѣлъ разрушить гробницу Цециліи Метеллы. Онъ заботился о сохраненіи только тѣхъ древнихъ памятниковъ, которые можно было обратить на служеніе славы христіанства. Съ этимъ намѣреніемъ онъ хотѣлъ поправить Колизей.

Муретъ
1526—1585.

Отношенія римскаго двора къ древнему міру были теперь уже не тѣ какъ передъ реформаціей. Любовь къ наукѣ еще сохранялась. Сикстъ V увеличилъ ватиканскую бібліотеку. При немъ было сдѣлано официальное изданіе Вульгаты; но оно и другіе ученые труды, изданные тогда римскою куріей, исполнены небрежно. Между кардиналами еще находились ученые люди. Еще живъ былъ кардиналъ Сирлетъ, котораго Муретъ называлъ живой бібліотекой. Маркъ Антуанъ Мюрё, по латинской формѣ имени Маркъ Антоній Муретъ, лучший латинистъ своего времени, жилъ въ старости при папскомъ дворѣ. Но уже не многіе въ Римѣ учились тогда греческому языку, знакомство съ которымъ казалось такъ привлекательно въ началѣ того столѣтія. Прежній энтузіазмъ къ изученію древности былъ заглушенъ

Бароній
1538—1603.

надобностью охранять отъ враговъ католическую церковь. Ученые папскаго двора уже не умѣли писать съ классическимъ изяществомъ. Ихъ труды—безобразныя компиляціи. Типическій представитель этихъ ученыхъ Чезаре Бароніо (Цезарь Бароній), ученикъ Нери, основателя ораторіанской конгрегаціи, занялся по его внушенію составленіемъ исторіи церкви для опроверженія лютеранскихъ понятій о ней, изложенныхъ въ такъ называемыхъ Магдебургскихъ Центуріяхъ. Бароній работалъ надъ своей исторіей церкви 30 лѣтъ. Изложеніе у него безпорядочно, слогъ очень дуренъ; въ началѣ XVI вѣка ни одинъ ученый не писалъ такъ плохо. Но трудолюбіе у Бароніа было удивительное. Сдѣлавшись папскимъ протопотаріемъ и потомъ кардиналомъ, онъ по прежнему каждый день вставалъ до разсвѣта, чтобы сѣсть за работу надъ своей „Церковной Лѣтописью“. Любовь къ изящному была утрачена папскимъ дворомъ; его отношенія къ наукѣ, поэзи, искусству, опредѣлялись интересами папизма, какъ его политика. Только музыка сохраняла свое достоинство: въ это время были написаны произведенія Палестрины. Всѣ другія искусства падали; папскій дворъ чуждался ихъ какъ занятій несообразныхъ съ благочестіемъ. Кардиналы, жившіе прежде весело, говорившіе о религіи свободно, держали себя теперь, какъ набожные монахи; неосторожное слово могло повредить репутаціи благочестія ихъ; они всѣ хотѣли казаться людьми религіозными. Во всей Италіи прежняя простота формъ быта замѣнилась тяжелой церемонностью и погоней за титулами. Это было результатомъ испанскаго владычества вносившаго въ Италію тяжелый придворный этикетъ. Онъ былъ введенъ и при папскомъ дворѣ. По наружности все при этомъ дворѣ было мирно, благочестиво; на самомъ дѣлѣ сановники его были заняты непрерывными интригами одни противъ другихъ. Папами становились обыкновенно старики; при самомъ избраніи новаго государя дворъ уже думалъ о томъ, что скоро произойдетъ новая смѣна правителя; одни спѣшили воспользоваться временемъ торжества своей партіи, удргиѣ подготавливали себѣ связи съ людьми, имѣющими шансы захватить власть по его смерти.

Папизмъ справился отъ удара, нанесеннаго ему реформаціей; папа во второй половинѣ XVI вѣка пользовался въ католическомъ мірѣ почти такимъ же вліяніемъ, какое принадлежало Григорію VII и Иннокентію III. Папы думали теперь покорить еретиковъ, волновали Европу своими замыслами. Но борьба Франціи съ Испаніей держала ихъ въ очень затруднительномъ положеніи: имъ грозила опасность порабоженія то французами, то испанцами. Не могъ выпутаться изъ этихъ затрудненій и Сикстъ V. Онъ видѣлъ опасности себѣ и со стороны испанцевъ и со стороны французовъ. Ему слѣдовало быть осторожнымъ, изворотливымъ, а онъ былъ упрямъ и деспотиченъ, увлекался фантастическими мыслями, мечталъ о соединеніи всѣхъ католическихъ государей на войну съ турками, о завоеваніи Палестины, о присоединеніи русскаго царства къ католической церкви, объ обращеніи всѣхъ протестантскихъ государей въ католичество. Поводомъ къ этой послѣдней мечтѣ было то, что Генрихъ Наваррскій говорилъ о своемъ расположеніи отречься отъ протестантства для полученія французскаго престола и потомъ, сдѣлавшись королемъ, вступилъ въ переговоры съ папой. Сикстъ V сталъ хлопотать о томъ, чтобы Филиппъ прекратилъ борьбу противъ него, но раздражилъ этимъ Филиппа такъ, что испугался, отказался отъ нейтралитета, котораго хотѣлъ держаться, сталъ угрожать королю испанскому, который своими деньгами вновь поднималъ въ римскомъ государствѣ партизанскую войну противъ папы. Эти пнсургенты, которыхъ Сикстъ называлъ бандитами, надѣлали много огорченій ему въ послѣднее время жизни. Онъ умеръ съ мыслью, что возстановленный имъ въ государствѣ порядокъ снова рушится.

3. Борьба испанскихъ и французскихъ интересовъ при папскомъ дворѣ.

Павелъ IV былъ выбранъ кардиналами Павла III, противниками Юлія III, Пій IV врагами Павла IV, Пій V друзьями Павла IV, Сикстъ V противниками Григорія XIII; такъ и по смерти Сикста V одержали побѣду въ конклавѣ кардиналы враждебные ему и былъ выбранъ оскорбленный имъ кардиналъ Джамбаттиста Кастанья, приверженецъ короля испанскаго. Онъ принялъ имя Урбана VIII, но черезъ 12 дней умеръ. Въ новомъ конклавѣ опять побѣдила испанская партія; она выбрала кардинала Никколо Сфондрато, человѣка смирнаго, бывшаго больнымъ во время конклава, потому не участвовавшаго въ немъ. Именно это и склонило большинство выбрать его. Онъ принялъ имя Григорія XIV. Деньги, собранныя Сикстомъ V, онъ посылалъ Филиппу II и французскимъ лигистамъ на войну съ Генрихомъ IV. Правленіе его длилось менѣе года. Въ новомъ конклавѣ опять побѣдили испанцы. Кардиналъ Джанантоніо Факинетто, выбранный ими и принявшій имя Иннокентія IX, былъ тяжело боленъ и умеръ черезъ два мѣсяца.

Григорій XIV 5 декабря 1590—15 октября 1591
Иннокентій IX 30 октября — 30 декабря 1591.

Со времени Пія IV папское правительство безусловно подчинялось политикѣ Филиппа II, усерднаго защитника католической церкви. По смерти Иннокентія IX испанская партія была увѣрена, что снова побѣдить, считала несомнѣннымъ избраніе своего кандидата, кардинала Санторіо ди Сансеверина, бывшаго душою инквизиціи. Большинство кардиналовъ уже поздравляло его съ будущимъ избраніемъ и просило о снисхожденіи къ прежнимъ противникамъ; но кардиналы, не желавшіе его выбора, склонили конклавъ исполнить формальность, состоявшую въ томъ, что производилась баллотировка. При ней оказалось, что большинство льстило кандидату испанской партіи только по страху открыто высказать свое недовольство надменностью ея, что оно ненавидитъ Сансеверину за его жестокость. Папою былъ выбранъ кардиналъ Ипполито Альдобрандини, принявшій имя Климента VIII.

Климентъ VIII. Климентъ былъ человѣкъ трудолюбивый, велъ воздержную жизнь, два раза въ недѣлю постился. Онъ довольно долго считалъ неудобнымъ выказывать себя исполнителемъ воли короля испанскаго, подерживалъ лигу; но когда Генрихъ IV принялъ католичество и видно стало, что онъ одолѣетъ своихъ противниковъ, Климентъ, желавшій найти въ немъ опору себѣ противъ короля испанскаго, вошелъ въ тайныя сношенія съ нимъ и при первой возможности объявилъ его принятымъ въ лоно церкви, то есть призналъ его законнымъ королемъ французскимъ (15 декабря 1595). Послѣ того Климентъ уже могъ держать себя независимѣе прежняго относительно короля ис-

Климентъ VIII. 20 января 1592—5 марта 1605.

панскаго. Первымъ важнымъ дѣломъ, въ которомъ обнаружилось сильное вліяніе французской партіи на политику Климента, было присоединеніе Феррары къ папскому государству. Король испанскій покровительствовалъ наслѣднику, котораго назначилъ себѣ бездѣтный герцогъ феррарскій Альфонсъ II. Увѣренный въ поддержкѣ со стороны Генриха IV, Климентъ объявилъ герцогство феррарское выморочнымъ леномъ и овладѣлъ имъ. Климентъ очень ловко заботился о поддержаніи равновѣсія между католическими державами. Вербенскій миръ былъ заключенъ при его посредничествѣ; точно также и договоръ прекратившій войну Савойи съ Франціей за салуцскую область. Но призывать французовъ въ Италію Климентъ находилъ опаснымъ для себя; ему достаточно было того, что онъ избавился отъ порабощенія королю испанскому; выгонять испанцевъ изъ Южной Италіи онъ не хотѣлъ, потому что ихъ мѣсто заняли бы французы, отъ которыхъ онъ тогда вполне зависѣлъ бы.

Климентъ VIII былъ очень благоразуменъ, но имѣлъ сильную склонность къ самовластію въ своемъ государствѣ. Онъ сдѣлалъ своею резиденціей Ватиканъ и сосредоточилъ въ немъ все управленіе дѣлами. Ссора между іезуитами дала ему поводъ вмѣшаться во внутреннія дѣла ордена (стр. 29). Аквавива по формѣ подчинился повелѣніямъ папы, но на дѣлѣ вліяніе іезуитскаго ордена стало при Климентѣ сильнѣе прежняго. Іезуиты были хитрѣе Климента, и одинъ изъ нихъ англичанинъ Парсонсъ успѣлъ обмануть его въ очень важномъ дѣлѣ. Но кардиналовъ онъ дѣйствительно принудилъ быть только исполнителями его воли; засѣданія ихъ коллегіи, называемыя консисторіями, обратились при немъ въ пустую формальность. Онъ рѣшалъ все, какъ хотѣлъ, устанавливалъ налоги, не спрашиваясь кардиналовъ; подчинилъ финансовое управленіе городовъ надзору своихъ уполномоченныхъ, строго наказывалъ вельможъ за всякое ослушаніе, произвольно нарушалъ обычаи и привилегіи. Въ 1599 произошло дѣло, запятнавшее его память. Богатый римскій вельможа Франческо Ченчи, развратникъ и злодѣй, былъ убитъ бандитами. Дочь и сынъ убитаго и мачиха ихъ, вторая жена его были казнены по обвиненію въ томъ, что бандиты были подкуплены ими на убійство; Климентъ конфисковалъ огромныя богатства фамиліи Ченчи.

Когда Климентъ одряхлѣлъ, управленіе дѣлами захватилъ его племянникъ кардиналъ Піетро Альдобрандини. Династія Фарнезе, надѣясь на покровительство короля испанскаго, начала тогда борьбу съ панскимъ правительствомъ, которому покровительствовалъ король французскій. По смерти Климента французская партія, главою которой былъ кардиналъ Альдобрандини, выбрала папой кардинала Оттавіано Медичи; онъ, принявъ имя Льва XI, умеръ черезъ 26 дней; тогда французская партія выбрала кардинала Камилло Боргезе, юриста, державшаго себя во время конклава съ притворнымъ смиреніемъ. Онъ принялъ имя Павла V.

Павелъ V оказался человѣкомъ непреклоннаго характера и очень самолюбивымъ. При немъ былъ достроенъ главный фасадъ храма Петра, на которомъ онъ написалъ свое имя колоссальными буквами. Онъ возстановилъ Павловскій водопроводъ (Aqua Paolina). Въ управленіи дѣлами онъ выказалъ такую суровость, которая изумляла, ино-

Павелъ V 16
мая 1605—18
января 1621.

гда ужасала. Съ той же послѣдовательностью, съ какою прежде примѣнялъ къ юридическимъ дѣламъ букву закона, онъ хотѣлъ примѣнять къ политическимъ дѣламъ прежнія высокомѣрныя притязанія папъ и въ частности прекратить вмѣшательство свѣтскихъ правительствъ въ церковныя дѣла. Это вовлекло его въ безразсудную ссору съ Венеціей. Опасаясь короля испанскаго, владычествовавшего надъ большей частью Италіи, Венеція держалась союза съ Франціей и признала Генриха IV королемъ французскимъ еще до принятія имъ католичества. Римская курія давно досадовала на Венецію; Сикстъ V ссорился съ нею. Большинство сената, состоявшее главнымъ образомъ изъ людей сравнительно молодыхъ, вырвало въ 1582 году управленіе дѣлами изъ рукъ прежняго самостоятельнаго правительственного кружка. Онъ поступалъ относительно папы довольно мягко; новое правительство стало дѣйствовать иначе. Съ того времени, какъ папы, овладѣвъ Феррарой, сдѣлались сосѣдями венеціанскаго государства, у нихъ часто возникали споры съ Венеціей изъ-за границъ и другія сосѣдскія непріятности. Когда Павелъ V сталъ рѣзко заявлять свои притязанія, партія враждебная папѣ выбрала дожемъ своего вождя Ліонардо Дандоло (въ январѣ 1606); споръ съ папой шелъ изъ-за того, что онъ требовалъ себѣ судебной власти надъ венеціанскимъ духовенствомъ и выдачи ему нѣсколькихъ лицъ духовнаго званія обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, хотѣлъ также отмѣны венеціанскаго закона, воспрещавшаго увеличеніе поземельныхъ владѣній духовенству, и другого закона, воспрещавшаго строить новыя церкви безъ разрѣшенія свѣтской власти. Онъ говорилъ, что эти законы нечестивы; венеціанское правительство хотѣло идти дальше въ томъ же направленіи, высказывало намѣреніе давать церковныя должности только венеціанскимъ подданнымъ, воспретить обнародованіе буллъ безъ разрѣшенія государственной власти, воспретить всякое отправленіе денегъ въ римскую курію. Государственный юрисконсультъ Паоло Сарпи защищалъ права Венеціи. Павелъ V обнародовалъ 17 апрѣля 1606 буллу, налагавшую интердиктъ на Венецію. Дандоло велѣлъ духовенству продолжать богослуженіе; оно повиновалось; только іезуиты, театины и капуцины приняли сторону папы; правительство выгнало ихъ изъ государства. Праздникъ тѣла Господня былъ совершенъ въ Венеціи со всѣмъ обыкновеннымъ церемоніаломъ безъ всякаго вниманія къ интердикту. Въ слѣдующемъ году ссора была прекращена посредничествомъ французскаго и испанскаго правительствъ. Венеція высказала папѣ нѣсколько любезностей, но не сдѣлала ему никакихъ дѣйствительныхъ уступокъ. Іезуиты нѣсколько десятковъ лѣтъ оставались изгнаны изъ венеціанскихъ владѣній.

При враждѣ между Испаніей и Франціей напрасны были хлопоты Павла V, соединить эти державы на борьбу съ протестантствомъ. Между двумя могущественнѣйшими орденами, іезуитскимъ и домини-

канскимъ, шла ожесточенная полемика. Только въ Германіи католическіе государи соединились на борьбу съ протестантами и, благодаря тому, въ концѣ правленія Павла V начали одерживать побѣды. Онъ, потерпѣвъ неудачу въ крутыхъ мѣрахъ, которыми началъ свое правленіе, сдѣлался уступчивъ въ сношеніяхъ съ католическими государами. Когда началась тридцатилѣтняя война, онъ посылалъ большія субсидіи императору. Преемникомъ Павла V былъ кардиналъ Алессандро Людовизи, принявшій имя Григорія XV. При немъ нѣмецкіе католики одерживали побѣды. Дѣлами церкви правилъ отъ имени Григорія племянникъ его Лодовико Людовизи, воспитанникъ іезуитовъ, построившій для нихъ церковь Св. Игнатія, усердно занимавшійся дѣломъ о причисленіи іезуитскаго миссіонера Хавера къ лику святыхъ и учреждавшій конгрегацию пропаганды. Самымъ счастливымъ событіемъ своего правленія Григорій называлъ то, что курфюрстъ Максимиліанъ завоевалъ Пфальцъ. Онъ писалъ Максимиліану: «Дочь Сіона можетъ наконецъ отряхнуть пепелъ печали съ главы своей и облечься въ праздничное платье.»

Григорій XV
9 февр. 1621
—8 мая 1623.

Преемникомъ Григорія XV былъ Маффео Барберини, воспитанникъ Урбанъ VIII 6 іезуитовъ, бывшій папскимъ протонотаріемъ (старшимъ секретаремъ), августа 1623—пунціемъ во Франціи, архіепископомъ сполетскимъ и оказавшій большія услуги дѣлу католичества. Онъ принялъ имя Урбана VIII. Уже давно не было папъ, имѣвшихъ такую ученость. Онъ хорошо писалъ латинскіе стихи. Дѣла католической церкви меньше занимали его, чѣмъ интересы свѣтской власти папъ. Осматривая мраморные памятники своихъ предмѣстниковъ, онъ сказалъ, что поставитъ себѣ желѣзный памятникъ. Онъ вербовалъ солдатъ, заготовлялъ оружіе, строилъ крѣпости, какъ будто на Римъ шелъ непріятель. Въ Римѣ понимали, къ чему все это. Папа не открывалъ своихъ намѣреній никому, не совѣтовался съ коллегіей кардиналовъ, распоряжался всѣмъ лишь по собственному соображенію, думая, что у него больше ума, чѣмъ у всѣхъ кардиналовъ взятыхъ вмѣстѣ. При войнѣ за мантуанское наслѣдство онъ въ противоположность политикѣ своихъ предшественниковъ принялъ сторону враговъ габсбургской династіи и на замѣчаніе о несообразности этого съ политической системой прежнихъ папъ, отвѣчалъ, что одинъ живой папа важнѣе сотни мертвыхъ. Такимъ образомъ повторилось то, что было при Павлѣ III: папа возсталъ противъ императора подавлявшаго нѣмецкихъ протестантовъ. Онъ не хотѣлъ признать войной за вѣру борьбу Фердинанда съ ними; старался вооружить курфюрста баварскаго противъ императора; одобрялъ даже призывъ Густава Адольфа въ Германію. Опасеніе быть поработленнымъ габсбургской династіи заставило его забывать интересы католичества. Фердинандъ рѣзко порицалъ его за равнодушіе къ пользамъ церкви; испанскій посланникъ кардиналъ Борджіа (Борхія) имѣлъ съ нимъ очень горячія перебранки, коллегія

29 іюля 1644.

кардиналовъ, жители Рима дивились безразсудству папы. Племянникъ его предмѣстника Лодовико Людовизи и кардиналы габсбургской партіи хотѣли собрать вселенскій соборъ, чтобы низложить папу. Онъ опомнился только когда Густавъ Адольфъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ императоромъ и курфирстомъ баварскимъ. Тогда, испугавшись, онъ сталъ давать субсидіи императору. Потомъ императоръ поссорился съ нимъ за то, что онъ мѣшалъ миру, возставая противъ уступокъ протестантамъ. Своимъ безразсудствомъ Урбанъ отнялъ у римской куріи всякое политическое значеніе, и преемнику его Иннокентію X оставалось только заявить безсильный протестъ противъ вестфальскаго мира.

При Урбанѣ VIII папское государство увеличилось присоединеніемъ герцогства урбинскаго какъ выморочнаго лена. Долги папскаго правительства постоянно росли послѣ смерти Сикста V. Римскіе банкиры находили деньги на займы для папы, потому что кредитныя операціи въ Римѣ были тогда очень обширны. При Урбанѣ VIII сумма долговъ превысила 30 милліоновъ скуди. Значительную часть займовъ папы дѣлали для того, чтобы давать громадныя богатства своимъ племянникамъ. Буллою Пія V-го было воспрещено будущимъ папамъ отдавать области церковнаго государства во владѣніе своимъ родственникамъ, и преемники Пія стали давать племянникамъ вмѣсто государствъ огромныя суммы денегъ, покупать имъ обширныя имѣнья. Такимъ образомъ стали богатыми вельможами Перетти, Альдобрандини, Боргезе, Людовизи и племянники Урбана VIII, Барберини. Изъ прежнихъ династій, произошедшихъ отъ папскихъ племянниковъ, самой могущественной была фамилія Фарнезе, владѣвшая Пармой и Піаченцей. Урбанъ VIII хотѣлъ ограбить ее; четыре года (1641—1644) длилась война, кончившаяся полной неудачей папы. Урбанъ VIII умеръ, потерпѣвъ тяжелаго пораженія во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Онъ заявлялъ самыя безразсудныя притязанія на владычество надъ всѣмъ католическимъ міромъ, далъ послѣднюю редакцію буллѣ *In coena Domini* (въ 1623 году). Съ одинаковою претензією на непогрѣшимость онъ осудилъ (въ 1633) астрономическія мнѣнія Галилея и богословскія мнѣнія Янсена (въ 1642).—Войну съ герцогомъ пармскимъ кончилъ его преемникъ Иннокентій X, получившій довольно не дурныя условія мира.

Въ дѣлахъ иностранной политики Иннокентій X уклонялся отъ непріятностей, но родственники сильно огорчали его. Онъ обогатилъ своихъ племянниковъ, Памфили, но они досадовали на то, что не могутъ захватить въ свои руки управленіе дѣлами; оно было захвачено женою брата папы, Олимпіей Майдалькини Витербо. По окончаніи Тридцатилѣтней войны папская власть была слабѣе, чѣмъ при началѣ ея.

В. Югъ и Западъ Европы. Въ эпоху могущества Испаніи.

Литература. Нѣкоторыя изъ книгъ, перечисленныхъ нами въ началѣ X тома относятся и къ этому періоду, какъ напримѣръ историческіе труды Де Ту, Феррераса, Маріаны, Лафуэнта, Ранке, Раумера, Гейссера. Къ нимъ прибавимъ: *Rosseeuw Saint-Hilaire, Histoire d'Espagne* (Paris, 1860). Изъ монографій о Филиппѣ II и его времени назовемъ: *Sepulveda e. De rebus gestis Philippi II libri III*; *Herrera, Historia del reynado del Rey Don Felipe II* (13 томовъ; Madrid, 1613), *Cab-*

gera de Cordova, Historia del Rey Don Felipe II (Madrid, 1619); Leti, Vita del Ré Filippo II (Coligni, то есть, Женева, 1679); Gesandtschaftsberichte von Khevenhiller (въ Annales Ferdinandeï, 12 томовъ, Leipzig, 1716); Watson, History of the reign of Philipp II (2 тома, London, 1777); Prescott, History of the reign of Philipp II (London 1855. Разсказъ доведенъ до 1574 года); Forneron, Histoire de Philippe II (Paris, 1881).—По исторіи возстанія Морисковъ: Guerra de Granada contra los Moriscos por Diego de Mendoza (Valenzia, 1776); Historia de Rebellion y castigo de los Moriscos por L. Marmol Carvajal (Malaga, 1600); Circourt, Histoire des Mores mudejares et des Morisques (Paris, 1846).—Очень многое въ событіяхъ этого періода разъясняется донесеніями венеціанскихъ пословъ. Лучшее изданіе ихъ сдѣлано Эвдженіо Альбері.—Лучшія изслѣдованія по исторіи гибели Дона Карлоса: Gachard, Don Carlos et Philippe II (Bruxelles, 1863); Mouy, Don Carlos et Philippe II (Paris, 1864).—Изъ другихъ монографій назовемъ: Havemann, Don Juan d'Austria (Gotha, 1865); Mignet, Antonio Perez et Philippe II (2 изд., Paris, 1846).—По исторіи испанской цивилизаціи и литературы: Tapia, Historia de la civilizacion d'Espana (4 тома, Madrid, 1840); Prölss, Geschichte des neueren Dramas (томъ I, Leipzig, 1880).

I. ИСПАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ФИЛИППЪ II.

1. Филиппъ II; характеръ его правленія.

Филиппъ II вскорѣ послѣ като-камбрезійскаго мира отправился въ Испанію; плаваніе было бурное; нѣсколько кораблей съ дорогимъ грузомъ утонуло; въ августѣ 1559 Филиппъ возвратился на родину и уже больше не покидалъ ее. Онъ часто говорилъ о намѣреніи ѣхать въ Нидерланды, иногда дѣлалъ и приготовленія къ поѣздкѣ, но едва ли когда серьезно имѣлъ эту мысль. Около 1550 года, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Германію и Нидерланды, тамъ находили, что онъ очень похожъ на отца: онъ имѣлъ тотъ же блѣдно-бѣлый цвѣтъ лица, такіе же русые волосы, такую же форму подбородка и рта, какъ отецъ. Оба они были невысокаго роста, Филиппъ даже нѣсколько ниже Карла, слабѣе, хотъ и стройнѣе его тѣлосложеніемъ. Но въ чертахъ сына не было того выраженія ума, какъ у отца. При сходствѣ наружности характеръ и привычки Филиппа были не такія, какъ у Карла; одинаковы у нихъ были только любовь къ ѣдѣ, доходившая до обжорства, и страсть къ женщинамъ; всѣ другія склонности были у нихъ противоположны, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче проявлялось это. Карлъ самъ участвовалъ въ походахъ своихъ войскъ, часто дѣлалъ морскія путешествія; Филиппъ неподвижно поселился въ Мадридѣ и ѣздилъ изъ своей столицы только въ Эскуріаль по пустынной дорогѣ, монотонность которой не разнообразилась ни однимъ ручейкомъ, ни однимъ деревомъ, или весною въ Аранхуэсъ. Эскуріаль, стоящій въ каменистой долинѣ между нагихъ холмовъ, не могъ бы служить пріятнымъ мѣстомъ отдыха человѣку живого характера: Филиппу правилось мрачное великолѣпіе этого монастыря, построеннаго имъ. Аранхуэсъ съ

тѣнистыми аллеями и освѣжающими воздухъ фонтанами былъ единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ Филиппъ позволялъ себѣ развлеченія, не принадлежащія къ комнатной жизни: онъ тамъ ѣздилъ въ горы на охоту, разговаривалъ съ алькальдами и простыми поселянами, оставляя обычный стѣснительный этикетъ; но онъ спрашивалъ ихъ только объ ихъ занятіяхъ. — Почти всю жизнь свою онъ проводилъ въ кабинетѣ; ему нравилось думать, что не выходя изъ комнаты онъ правитъ половиною земного шара; онъ не любилъ ни одного изъ тѣхъ физическихъ развлеченій, которыя такъ нравились Карлу, хотя и человѣку слабаго здоровья, чуждался турнировъ; не нравились ему и веселые разговоры въ кругу вельможъ. Брантомъ говорить: Филиппъ не садился на коня, не всходилъ на галеру, какъ его отецъ; онъ издалека и какъ будто съ закрытыми глазами управлялъ походами, распоряжался битвами, «Кромѣ Эскуріала и Аранхуэса онъ ѣздилъ иногда въ сеговійскій лѣсъ и однажды въ Лиссабонъ», говоритъ Ранке, «всю остальную жизнь проводилъ въ своемъ мадридскомъ дворцѣ; сначала онъ выходилъ изъ него присутствовать на народныхъ праздникахъ; но потомъ лишь по нѣскольку разъ въ годъ видѣли его въ галлерей, которая вела изъ его комнатъ въ капеллу стоявшую подлѣ дворца; въ послѣдніе годы прекратилось и это, Филиппъ оставался безвыходно въ своихъ комнатахъ. Онъ приучилъ свое лицо неизмѣнно сохранять спокойное величественное выраженіе и производилъ сильное дѣйствіе этой безстрастной серьезностью: она подавляла тѣхъ, на кого смотрѣлъ онъ; даже искусные самоувѣренные ораторы запинались, когда онъ мѣрилъ ихъ взглядомъ съ ногъ до головы, какъ это было у него въ привычкѣ; онъ говорилъ тогда: успокойтесь». — Онъ съ удивительнымъ самообладаніемъ скрывалъ свои чувства; глаза и черты лица его не выдавали ихъ, были неизмѣнно меланхоличны. Онъ былъ величайшимъ мастеромъ притворства. Онъ одинаково утаивалъ радость и печаль молчаливостью, которой требовалъ и отъ окружающихъ. Веселье было не понятно ему.

Были и другія разницы между нимъ и отцомъ. Карлъ V выбиралъ доувереннѣйшихъ своихъ совѣтниковъ изъ нидерландцевъ, желалъ казаться каждому изъ своихъ народовъ человѣкомъ той же націи по языку и образу жизни: съ фламандцами онъ былъ фламандецъ, съ итальянцами итальянецъ, съ испанцами испанецъ, усвоилъ себѣ искусство казаться не совѣмъ чужимъ даже для нѣмцевъ. Филиппъ II былъ только испанецъ; онъ умѣлъ говорить свободно только на кастильскомъ языкѣ. Латинскій зналъ онъ мало, итальянскимъ и французскимъ владѣлъ очень плохо. Приближенными его были только испанскіе гранды, государственный совѣтъ составляли только они. Филиппъ никогда не отлагалъ испанской церемонности. Она казалась ему единственнымъ приличнымъ государю способомъ держать себя. Въ молодости онъ по собственному расчету или по совѣту другихъ выказывалъ иногда любезность англичанамъ или фламандцамъ. Но это было для него тяжелымъ стѣсненіемъ, отъ котораго онъ впослѣдствіи избавилъ себя.

Своей холодной, гордой замкнутостью онъ оттолкнулъ отъ себя нидерландцевъ. Люди при немъ чувствовали себя какъ будто подъ давленіемъ кошмара, такъ тягостно было впечатлѣніе, производимое его деспотической надменностью. Какъ пренебрегъ онъ изученіемъ чужихъ языковъ, такъ не было у него и любви къ наукѣ, искусству чужихъ народовъ. Карлъ V былъ проникнутъ духомъ эпохи возрожденія, покровительствовалъ писателямъ и художникамъ; у Филиппа II не было и этой благородной черты царственного характера: онъ мало интересовался литературой и искусствомъ; выказывалъ себя покровителемъ ихъ, но не по склонности, а лишь потому, что считалъ обязанностью государя не оставлять безъ вниманія эту сторону общественной жизни. При немъ развилась въ Испаніи драма, но театръ служилъ ему только политическимъ орудіемъ: спектакли отвлекали вниманіе народа отъ государственныхъ дѣлъ и прославляли католическое правовѣріе. Филиппъ имѣлъ довольно обширныя свѣдѣнія, особенно по исторіи и вспомогательнымъ ея наукамъ, былъ одаренъ сильной памятью, хорошо зналъ человѣческое сердце; но интересовался только государственными дѣлами и религіозными вопросами, чуждался непосредственного соприкосновенія съ жизнью, былъ холоденъ душой.

Въ кабинетномъ веденіи дѣлъ Филиппъ не уступалъ искусствомъ своему отцу: чрезвычайно трудолюбивый, онъ разсматривалъ все самъ, вникалъ во всѣ подробности, неустомимо писалъ соображенія и приказанія. Въ личные разговоры онъ не вдавался и не посѣщалъ засѣданій государственнаго совѣта, чтобы не стѣснять свободу совѣщаній своимъ присутствіемъ. Изъ всѣхъ частей государства шли къ нему донесенія. Онъ изучалъ ихъ и составлялъ по нимъ свои рѣшенія; эту работу велъ онъ день за день круглый годъ съ неизмѣннымъ усердіемъ и часто просиживалъ за нею до полночи. Онъ составлялъ себѣ памятные записки обо всемъ, что происходило въ его владѣніяхъ и обо всѣхъ важныхъ должностныхъ лицахъ; онъ удивлялъ министровъ подробнымъ знаніемъ дѣлъ, о которыхъ они докладывали ему. Не было въ его государствѣ человѣка; который равнялся бы ему знаніемъ всяческихъ мелочей по всѣмъ отдѣламъ управленія. Онъ зналъ всѣ достоинства и недостатки каждаго своего саповника, каждаго генерала; но ему не доставало именно тѣхъ качествъ, которыми даровитые правители отличаются отъ бездарныхъ: въ немъ не было ни умственной живости, ни предприимчивости, онъ не умѣлъ пріискивать вѣрныя средства для исполненія своихъ плановъ. Онъ былъ не больше, какъ трудолюбивый тупой недаптъ, знавшій все лишь по бумагамъ и считавшій бумажныя свѣдѣнія достаточными для управленія государственными дѣлами; жизни онъ не зналъ, плелъ въ кабинетѣ сѣти, охватывавшія по его мнѣнію всю Европу, но онѣ были напутаны безъ отчетливаго знакомства съ дѣлами и людьми. Его управленіе было бумажное. Даже съ своими министрами онъ не разговаривалъ, а переписывался. Его дѣятельность была неустомима; но этимъ и ограничивалось все ея достоинство. Онъ читалъ донесенія, даже когда ѣхалъ изъ Мадрида въ Аранхуэсъ и справедливо говорилъ о себѣ своимъ министрамъ: „Увѣряю васъ, королю дава самая многотрудная должность“.

Человѣкъ недаровитый, Филиппъ былъ бѣденъ мыслями, и цѣли, къ которымъ онъ неустомимо стремился, были поставлены ему не его соображеніемъ, а политикой отца. Подобно Карлу онъ мечталъ подчинить себѣ всю Европу и считалъ высшей обязанностью своей возстановленіе церковнаго единства, покореніе всего христіанскаго міра духовному владычеству папы. Онъ всю жизнь аккуратно исполнялъ

предписываемыя церковью формальности, ходилъ къ литургіи, исповѣдывался, соблюдалъ посты, велъ въ Эскуріалѣ аскетическій образъ жизни. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ его подданные поступали точно такъ же. Но, желая подчинить всю Европу папѣ, онъ хотѣлъ владычествовать надъ папой и самовластно правилъ церковью въ своемъ государствѣ; потому почти непрерывно ссорился съ папами. Онъ запретилъ въ своихъ владѣніяхъ буллу *In соена Domini*, пренебрегая просьбами и угрозами папы. Фанатизмъ никогда не доводилъ его хотя бы до малѣйшей уступки королевскихъ правъ. Онъ хотѣлъ безусловно владычествовать въ своемъ государствѣ, не допускалъ никакого стѣсненія своего произвола; съ упорствомъ тупого педанта, не принимающаго никакихъ возраженій, раздражающагося всякимъ противорѣчіемъ, онъ довершалъ дѣло установленія абсолютной власти, начатое его предшественниками и, по примѣру отца, хотѣлъ поработить Испаніи всю Европу. Онъ назывался государемъ еще при жизни отца, но фактическая власть оставалась въ рукахъ Карла, отрекшагося отъ нея. Она перешла къ Филиппу лишь по смерти отца. Ему было тогда 32 года (онъ родился въ Вальядолидѣ 21 мая 1527). Испанскій король былъ могущественнѣйшимъ государемъ Европы. Въ правленіе Карла V справедлива была испанская похвальба: «Отъ движенія Испаніи колеблется весь свѣтъ». Такъ оставалось и при Филиппѣ. Онъ хотѣлъ покорить Европу католичеству и своему абсолютизму, не жалѣя о томъ, что для этого надобно будетъ покрыть ее развалинами и трупами. Ему воображалось, что Богъ поставилъ его своимъ намѣстникомъ на землѣ, одарилъ его божественной мудростью, и онъ беспощадно пользовался всякими средствами для исполненія дѣла, порученнаго ему, какъ онъ думалъ, отъ Бога: шпіонство, лицемѣріе, интриги, темницы, фанатизмъ доминиканцевъ и іезуитовъ, казни и тайныя убійства—таковы были способы и орудія его безжалостной политики.

Мрачный деспотизмъ Филиппа не смягчался привѣтливостью, не прикрашивался изящной внѣшностью. У него не было любезности, которой Карлъ въ молодости привлекалъ къ себѣ людей, не было рыцарскихъ манеръ, которыми очаровывалъ его отецъ испанскихъ и нидерландскихъ вельможъ. Фламандцы оскорблялись его надменностью; рѣдко слышали отъ него что-нибудь пріятное и испанскіе гранды. Онъ былъ неразговорчивъ, выражался коротко, сухо, сурово; рѣдко исполнялъ просьбы, отказывалъ въ нихъ жесткимъ, высокомернымъ тономъ. Онъ не имѣлъ искренняго расположенія ни къ одному изъ своихъ министровъ и придворныхъ, не имѣлъ даже довѣрія ни къ кому изъ нихъ, и чтобы вывѣдывать тайныя ихъ мысли, ссорилъ ихъ между собою, возбуждалъ злыя страсти, дѣлающія людей шпіонами, доносчиками. По своей надменности онъ не терпѣлъ людей самостоятельнаго характера, даровитыхъ министровъ, опытныхъ со-

вѣтниковъ, не вѣрилъ никому, кромѣ себя, а свой умъ, свои знанія, свои отмѣтки о дѣлахъ и людяхъ считалъ непогрѣшимыми. Даже тѣ два человѣка, которые долѣе всѣхъ пользовались его благосклонностью, министр Руи Гомесъ де Сильва, графъ Мелито, получившій впослѣдствіи титулъ князя Эволи (Eboli), и знаменитый полководецъ герцогъ Альба, были только исполнителями его плановъ, и смертельная зависть, которую заботливо поддерживалъ между ними Филиппъ, отнимала у нихъ обоихъ всякую самостоятельность, обезпечивала королю свободу рѣшать все по своему усмотрѣнію: они спорили между собою по всякому дѣлу, и Филиппъ оставался независимъ отъ нихъ. Руи Гомесъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Филиппомъ, пріобрѣлъ его благосклонность безграничной преданностью. Человѣкъ очень даровитый, Руи Гомесъ имѣлъ пріятныя манеры, былъ краснорѣчивъ, очень опытенъ въ дѣлахъ, гибокъ и услужливъ; знанія его были не велики и поверхностны, но природный умъ замѣнялъ ему ихъ недостатокъ. Цѣлью его жизни было пріобрѣсти и сохранять милость короля. Филиппъ награждалъ его усердіе почестями и громадными богатствами. По его рекомендаціи король приблизилъ къ себѣ арагонскаго вельможу Антоію Переса, даровитаго, но безсовѣстнаго человѣка, искуснаго интриганта. Пересъ сдѣлался государственнымъ секретаремъ и былъ довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ Филиппа, высказывавшаго ему свои мысли откровеннѣе, чѣмъ самому Руи Гомесу. Когда король рѣшилъ убить Эсковедо, бывшаго довѣреннымъ совѣтникомъ Дона-Хуана, Пересъ придумалъ способъ исполнить желаніе короля. Пересъ былъ корыстолюбивъ и тщеславенъ, жилъ съ большимъ блескомъ; великолѣпіе его дома, роскошь его пировъ, возбуждали удивленіе и зависть. Чтобы покрывать свои громадныя расходы, онъ продавалъ свое ходатайство у короля. Долго онъ держался въ своемъ могущественномъ положеніи и, въ союзѣ съ княгинею Эволи, женою Руи Гомеса, любовницею Филиппа, имѣлъ безграничное вліяніе на короля. Но въ тщеславной самоувѣренности онъ сталъ самъ любовникомъ королевской любовницы. Филиппъ узналъ это, и Пересъ подвергся мщенію раздраженнаго короля.—Жена Руи Гомеса Анна Мендоса-и-Серда, княгиня Эволи, имѣла десять человѣкъ дѣтей отъ мужа; по его смерти (въ 1572 году) она удалилась въ монастырь, прожила тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ возвратилась въ Мадридъ и заняла при дворѣ положеніе любовницы Филиппа. Въ ея отношеніяхъ къ нему есть много неразъясненнаго, но то, что она была его любовницей, несомнѣнно. Всѣмъ было извѣстно, что она ненавидитъ Дона Хуана и его секретаря Эсковедо; когда Эсковедо былъ убитъ, молва винила въ этомъ ее и Переса. Пересъ былъ преданъ суду. Слѣдствіе производилъ врагъ его Васкесъ; подвергнутый пыткамъ, Пересъ сознался въ убійствѣ Эсковедо. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ темницѣ, онъ бѣжалъ, пробрался въ свой родной городъ Сара-

госсу, отдалъ себя подъ защиту арагонскихъ законовъ. Они были нарушены въ процессѣ надъ нимъ. Арагонцы отказались выдать его королю, но король одолѣлъ ихъ сопротивленіе; Пересъ бѣжалъ въ Англію и оставался тамъ изгнанникомъ до конца жизни. Въ своихъ мемуарахъ онъ изобразилъ тиранство Филиппа во всей гнусности и ужасности. Княгиня Эволи была отвезена въ темницу крѣпости Пинто; потомъ ей было дозволено жить въ ея замкѣ Пастранѣ. Она умерла тамъ, забытая всѣми.

Руи Гомесъ былъ сторонникомъ миролюбивой политики, потому что пользовался вліяніемъ только въ мирныхъ дѣлахъ. Соперникъ Руи Гомеса, Альба уже и по одному этому постоянно совѣтовалъ бы Филиппу предпочитать войну переговорамъ, если-бы военное дѣло и не было его ремесломъ по наслѣдственности профессіи и по врожденному характеру. Онъ происходилъ изъ фамиліи, прославившейся подвигами въ войнахъ съ маврами; поступилъ въ военную службу еще юношей, участвовалъ во всѣхъ походахъ Карла V, былъ главнокомандующимъ въ шмалькальденской войнѣ и въ нашествіи на Францію, когда императорская армія осаждала Мецъ. Были люди, сомнѣвавшіеся въ его стратегическомъ талантѣ, но всѣ превозносили его личную храбрость. Онъ былъ неутомимъ физически. Современники съ удивленіемъ говорили о томъ, что онъ въ 17 дней проскакалъ верхомъ изъ Венгріи въ Испанію повидаться съ молодой женой. Онъ былъ высокаго роста, держался прямо; смуглое лицо его почти постоянно было загорѣвшимъ. Взглядъ его былъ сверкающій, осанка его была военная, повелительная. Онъ имѣлъ и къ Филиппу такую же рыцарскую преданность, какъ къ покойному императору. Его рѣзкій языкъ не подходилъ къ льстивому придворному тону, но Филиппъ предпочиталъ его всѣмъ царедворцамъ, очень уважалъ его мнѣнія, находилъ въ немъ всѣ качества, какія желалъ видѣть въ исполнителяхъ своей воли: неизмѣнное усердіе къ государю, способность интриговать и безпощадную энергію. Герцогъ Альба не имѣлъ политической проницательности; она замѣнялась у него фанатической преданностью католичеству и королевскому абсолютизму. Филиппъ назначалъ его главнокомандующимъ во всѣхъ войскахъ, пока не сталъ досадовать на гордость, съ какою герцогъ говорилъ о своихъ правахъ на признательность короля. Наконецъ произошелъ случай, послужившій Филиппу предлогомъ отмстить Альбѣ за эти неприятныя напоминанія: сынъ герцога донъ Фадрике обольстилъ и покинулъ одну изъ знатныхъ дѣвушекъ королевскаго двора; Альба защищалъ сына отъ гнѣва короля, и Филиппъ сослалъ своего полководца, 70 лѣтняго старика, въ замокъ Уседу; императоръ, многіе другіе католическіе государи, папа просили Филиппа простить Альбу; это только усиливало досаду Филиппа. Герцогъ оставался въ немилости до самаго того времени, когда понадобился Филиппу для поко-

ренія Португаліи. Вскорѣ по ея завоєваніи Альба умеръ на рукахъ короля (въ Томарѣ 12 декабря 1582).

Очень большимъ вліяніемъ на дѣла пользовался нѣкоторое время Діаго Эспиноса, юристъ, поднявшійся до сана президента совѣта Кастиліи. Имѣя по этой должности частые доклады королю, Эспиноса понравился ему, получилъ должность великаго инквизитора, президента совѣта Кастиліи, санъ кардинала, пріобрѣлъ такую силу, что его называли королемъ кастильскимъ. Много лѣтъ онъ оставался въ милости у Филиппа; наконецъ завистники оклеветали его предъ королемъ (въ 1571 году); онъ не могъ перенести своего паденія и въ томъ же году умеръ. Руи Гомесъ не разъ видѣлъ себя въ опасности тоже быть низвергнутымъ, жилъ въ постоянномъ страхѣ отъ донощиковъ, сплетни которыхъ любилъ слушать Филиппъ. «Королевскому любимцу больше вредитъ легкая царапина, чѣмъ другому человеку рана, идущая до кости», говорилъ Руи Гомесъ. Но благодаря своей осторожности и гибкости онъ сумѣлъ удержаться въ милости у короля до самой своей смерти (въ 1472). Устанавливая абсолютизмъ, Филиппъ только продолжалъ дѣло Фердинанда и Изабеллы и Карла; но онъ довелъ ихъ систему до такой крайности, что она подавила всю политическую жизнь въ государствѣ, оставила только пустыя формы отъ учреждений, поддерживавшихъ ее. Карлъ V, одолѣвъ возстаніе комунеровъ, подвергъ права кортесовъ королевства кастильскаго большимъ стѣсненіямъ и видоизмѣнилъ составъ ихъ такъ, что они утратили всякую дѣйствительную силу. Съ 1523 Карлъ созывалъ въ собраніе кастильскихъ кортесовъ только представителей городовъ. Выборы этихъ депутатовъ происходили подъ такимъ давленіемъ правительства, что въ кортесахъ не могла возникать оппозиція. Въ прежнее время кортесы занимались сначала изложеніемъ своихъ требованій относительно отмѣны злоупотребленій и только по окончаніи этихъ занятій переходили къ разсмотрѣнію просьбъ короля о деньгахъ. Послѣ подавленія возстанія комунеровъ, Карлъ перемѣнилъ этотъ порядокъ совѣщаній: кортесы должны были прежде всего удовлетворить денежнымъ требованіямъ короля (надобностямъ службы, *servicio*, какъ это называлось); только послѣ того имъ дозволялось заняться другими дѣлами. Представители (прокураторы) городовъ были созываемы каждые три года; президентъ собранія назначался королемъ; оно устанавливало налоги, какихъ требовалъ король, и послѣ того излагало ему свои желанія; онъ исполнялъ или отвергалъ ихъ по своему усмотрѣнію. Ни малѣйшаго участія въ управленіи государствомъ это собраніе не имѣло; дѣятельность его ограничивалась исполненіемъ королевскихъ требованій и представленіемъ королю просьбъ по дѣламъ администраціи и судопроизводства; оно было только совѣтомъ, мнѣніе котораго король могъ оставлять безъ вниманія, и было созываемо только для соблю-

денія формы старыхъ обычаевъ. Такимъ образомъ собраніе, называвшееся кастильскими кортесами, нисколько не ограничивало абсолютную власть короля. Рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ зависѣло исключительно онъ его воли. Онъ только пользовался жалобами кортесовъ на министровъ и областныхъ правителей, чтобы держать этихъ своихъ агентовъ въ крѣпкомъ подчиненіи себѣ. Кортесы помогали его надзору за ними.

Кастильскіе кортесы послѣ побѣды надъ комунерами стали совершенно безсильны. Въ Арагоніи кортесы и Хустисія сохраняли нѣкоторое значеніе, но Кастилія была главною частью государства. Арагонія считалась второстепеннымъ владѣніемъ короля, и управленіе ею получило тотъ же характеръ, какой имѣло въ Кастиліи. Правда, старыя учрежденія въ Арагоніи были такъ милы всему населенію страны, что ни Фердинандъ Католическій, ни Карлъ не отваживались формальнымъ образомъ низвергнуть прежнее устройство этого королевства. Хустисія принималъ подъ свою защиту даже людей, которыхъ преслѣдовала инквизиція. Но при Филиппѣ II были подавлены самостоятельныя учрежденія и въ Арагоніи. Послѣдняя попытка сопротивленія королевскимъ требованіямъ была сдѣлана арагонцами въ 1591 году по дѣлу Антоніо Переса. Онъ былъ уроженецъ Арагоніи; бѣжавъ туда, онъ отдался подъ охрану арагонскихъ законовъ. Граждане Сарагоссы взяли за оружіе для защиты неприкосновенности своихъ законовъ. Ободренный этимъ Хустисія принялъ сторону Переса. Филиппъ съ радостью воспользовался случаемъ уничтожить свободу Арагоніи, двинулъ туда кастильскія войска, съ нарушеніемъ основнаго закона Арагоніи, воспрещавшаго королю вводить въ нее войско, безъ согласія кортесовъ; возстаніе было подавлено; Хустисія, защитникъ арагонской свободы, былъ казненъ передъ дверью своего дома; многіе вельможи (*ricos hombres*) и гидальго погибли въ темницахъ, многіе другіе бѣжали. Филиппъ созвалъ арагонскихъ кортесовъ въ Таррагону и принудилъ ихъ сдѣлать важныя измѣненія въ конституціи. Король получилъ власть назначать вице-королемъ кого хочетъ, даже иноземца. Верховный трибуналъ былъ поставленъ въ полную зависимость отъ короля. Кортесы утратили право собираться по собственной власти, ихъ созваніе стало зависѣть исключительно отъ короля; онъ получилъ право назначать нѣсколькихъ членовъ въ составъ того отдѣла кортесовъ, который образовали депутаты городовъ, назначать членовъ и въ отдѣлъ, образуемый вельможами; правила вотированія были измѣнены сообразно интересамъ королевской власти. Представленіе просьбъ отъ кортесовъ королю было подвергнуто сѣснительнымъ условіямъ. На холмѣ, господствующемъ надъ Сарагоссой, была построена цитадель, чтобы держать въ покорности городъ. Такимъ образомъ свобода Арагоніи была въ сущности уничтожена, но королевство еще сохранило нѣкоторые остатки прежнихъ правъ.

Кастильскіе кортесы утратили всякое значеніе главнымъ образомъ потому, что вельможи не были приглашаемы въ собраніе ихъ, состоявшее съ 1538 года только изъ представителей городовъ. Поводомъ къ этой переменѣ послужило то, что на прежнихъ собраніяхъ оппозиція вельможъ, вождемъ которыхъ былъ кондеставле (коннетабль) Веласко, отказывала Карлу въ требуемыхъ имъ деньгахъ. Вельможи говорили, что служба королю оружіемъ, они свободны отъ подателей. Раздосадованный этимъ Карлъ пересталъ, какъ мы говорили, съ 1533 года созывать вельможъ къ участию въ собраніяхъ кортесовъ. Это отняло у кастильской аристократіи всякую политическую самостоятельность. Упало даже и военное значеніе вельможъ. Ссылаясь на свои привилегіи, они говорили, что не обязаны служить въ заграничныхъ походахъ; Карлъ былъ радъ этому, желая, чтобы въ войскѣ не было самостоятельныхъ людей, чтобы для всѣхъ офицеровъ и генераловъ единственнымъ правиломъ дѣйствій была формула «такъ приказываютъ король и кондеставле.» Большинство вельможъ перестало участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, удалилось въ свои замки, подобные мавританскимъ дворцамъ, почти безъ оконъ съ наружныхъ фасадовъ. Въ этихъ роскошныхъ домахъ, обращенныхъ окнами на внутренній дворъ, обнесенный зданіями со всѣхъ четырехъ сторонъ и усаженный деревьями, кастильскіе гранды жили въ празднои роскоши. Такую жизнь вели теперь глава фамиліи Мендосъ, герцогъ Инфантадо, глава фамиліи Энрикесовъ, герцогъ Медина де Ріосеко, вели Пачеко и Хироны, герцоги Эскалона и Оесунья, имѣвшіе обширныя владѣнья, громадныя доходы, окруженные многочисленнымъ придворнымъ штатомъ и толпой богато одѣтой прислуги; они искали удовлетворенія своей гордости въ соблюденіи строгаго церемоніала и въ пышной обстановкѣ, истощая свои богатства на эту роскошь и готовя нищету своимъ потомкамъ. «Низшее дворянство,» говоритъ Ранке, «уже не находило почета и выгоды служить вельможамъ. У Сервантеса приводится тогдашняя поговорка: выбрай церковь, море или королевскій дворъ (то есть тогда уже были только эти три карьеры, служба вельможамъ не считалась выгодной.) Многіе изъ гидальго, служившихъ грандамъ, отправлялись въ Америку; другіе учились, готовясь къ духовному званію, третьи поступали на службу короля, который располагалъ множествомъ имѣній для награды имъ, будучи гросмейстеромъ всѣхъ трехъ рыцарскихъ орденовъ и располагая большимъ количествомъ церковныхъ имѣній, раздаваемыхъ въ пользованіе свѣтскимъ лицамъ.»

Изъ рядовъ гидальго выходили тѣ офицеры, которые придавали испанскимъ войскамъ XVI вѣка храбрость, дѣлавшую ихъ лучше всѣхъ другихъ тогдашнихъ войскъ. Съ дѣтства привыкшіе къ войнѣ, испанцы считали военное дѣло своимъ естественнымъ призваніемъ; дороже всего цѣнили они репутацію мужества. Трудности и лишенія

походовъ не пугали ихъ потому, что они привыкли слушать о подвигахъ отъ отцовъ и дѣдовъ, воевавшихъ съ маврами. Походы Карла V были превосходной военной школой. Въ войскахъ Альбы, Дона Хуана Рекесенса, Спинолы находилось много ветерановъ, дѣлавшихъ съ императоромъ итальянскіе и нѣмецкіе походы, плававшихъ съ нимъ въ Тунисъ и Алжиръ. Испанская пѣхота славилась непоколебимымъ мужествомъ, кавалерія отвагой; артиллерія была превосходна; испанскія эскадры постоянно крейсировали по Средиземному морю, охраняя побережья отъ турокъ и корсаровъ, другія эскадры плавали въ Америку, перевозя туда колонистовъ, привозя оттуда золото и серебро. Удивительно ли, что Филиппъ мечталъ владычествовать надъ всей западной Европой и, покоривъ Португалію, надѣялся подчинить себѣ терзаемую междоусобіями Францію, принудить къ повиновенію себѣ всѣ другія государства?

Въ Испаніи Филиппъ не встрѣчалъ сопротивленія своей волѣ; вельможи и города повиновались ему. Духовенство усердно служило королю, который оказывалъ ему милости и былъ бойцомъ за католичество. Но ни прежде, ни послѣ испанскіе короли не поступали съ духовенствомъ такъ самовластно, какъ Филиппъ II. Оно принуждено было безусловно исполнять всѣ его приказанія; онъ обложилъ церковныя имѣнія податью на покрытіе издержекъ своихъ войнъ съ турками. Испанская инквизиція служила орудіемъ ему. Члены инквизиціоннаго трибунала были назначаемы королемъ, имущество осужденныхъ инквизиціей поступало въ королевскую казну. Формальнымъ назначеніемъ инквизиціи было охраненіе чистоты католической церкви. На самомъ дѣлѣ она служила только органомъ политическаго полномочія Филиппа. Онъ черезъ нее держалъ всѣхъ своихъ подданныхъ въ раболѣпной покорности. Суду инквизиціи подлежали всѣ безъ разбора, не только міряне, но и церковные сановники. Ея шпіоны готовы были обвинить въ чемъ угодно каждаго, навлекавшаго на себя королевскую немилость. Когда Филиппъ захотѣлъ мстить Антоніо Пересу, то поручилъ это инквизиціи; она арестовала Переса и подвергла его своему суду. Особенное удобство для обвиненій представляло то обстоятельство, что каждаго испанца можно было назвать имѣющимъ въ своихъ жилахъ мавританскую кровь; этого было достаточно, чтобы заподозрить его въ невѣрности католичеству. Инквизиція требовала, чтобъ обвиняемый въ тайной склонности къ мусульманству доказалъ, что между его предками уже четыре поколѣнія не было ни одного происходящаго отъ мавровъ. При множествѣ браковъ между испанцами и потомками мавровъ въ прежнія времена никто не могъ представить формальныхъ доказательствъ такой чистоты своего происхожденія. — Даже папы находили, что испанская инквизиція дѣйствуетъ слишкомъ свирѣпо; при ссорахъ съ Филиппомъ они винили ее въ этомъ.

Особенно обильное поле для своей дѣятельности инквизиція имѣла въ Андалузїи и Гранадѣ, гдѣ оставалось много морисковъ, какъ назывались люди мавританскаго происхожденія. Отцы или дѣды ихъ при Хименесѣ вынуждены были принять христіанство, но всѣ они были подозрѣваемы въ томъ, что всѣ сохраняютъ мусульманскія вѣрованія. Испанское правительство старалось уничтожить въ этихъ морискахъ всякія особенности обычаевъ, поддерживавшія въ нихъ воспоминанія о мавританскомъ происхожденіи. Карль V въ 1526 году обнародовалъ повелѣніе, воспрещавшее морискамъ мавританскую одежду, арабскіе обычаи, даже употребленіе родного языка. Они доказывали, что не могутъ исполнить это требованіе, подкрѣпили свою просьбу пожертвованіемъ 80.000 дукатовъ въ королевскую казну. Карль, нуждавшійся въ деньгахъ, отмѣнилъ свое распоряженіе. Но при Филиппѣ угнетеніе возобновилось. Въ долинахъ Альпухарскихъ горъ, подымающихся на юго-востокъ отъ Гранады, жило трудолюбивое населеніе мавританскаго происхожденія. Своимъ благосостояніемъ оно возбуждало зависть въ сосѣднихъ христіанахъ, торговыми сношеніями съ сѣверо-африканскими мусульманами навлекало на себя политическія подозрѣнія. Результатомъ этого были новыя стѣснительныя мѣры. Въ 1560 Филиппъ запретилъ гранадскимъ морискамъ имѣть рабовъ африканскаго происхожденія. Это распоряженіе сдѣлало большой вредъ ихъ земледѣлію. Черезъ три года было запрещено имъ имѣть оружіе безъ особаго разрѣшенія генераль-капитана; то оружіе, какое онъ позволялъ Мориску сохранить, отмѣчалось особымъ штемпелемъ. Мориски стали волноваться. Генераль-капитаномъ былъ человекъ благоразумный, донъ Иниго Лопесъ де Мендоса (вскорѣ послѣ того наслѣдовавшій титулъ маркиза Мондехара). Онъ сумѣлъ успокоить морисковъ. Но фанатики продолжали возбуждать короля противъ нихъ, говорили ему, что они обрѣзываютъ своихъ крещеныхъ сыновей, исполняютъ послѣ христіанскаго вѣнчанія мусульманскіе обряды бракосочетанія, празднуютъ пятницу по мусульманскому обычаю, вообще держатся мусульманства, продаютъ христіанскихъ дѣтей въ Африку. Филиппъ въ 1566 учредилъ хунту (коммиссію) для разсмотрѣнія обвиненій противъ морисковъ и пріисканія средствъ сдѣлать ихъ усердными христіанами. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ вліятельный министръ его, кардиналъ Эспиноса; она рѣшила, что надобно воспретить морискамъ говорить по арабски, носить національную одежду, употреблять прежнія свои фамільныя названія; что на отмѣну всего этого достаточно будетъ трехлѣтній срокъ, по истеченіи котораго мориски обязаны будутъ говорить исключительно по испански, держаться испанскихъ обычаевъ, и женщины ихъ обязаны будутъ ходить съ открытымъ лицомъ; что надобно уничтожить даже бани, какъ мусульманское учрежденіе; за нарушеніе этихъ правилъ были назначены денежные штрафы, темница, изгнаніе. Филиппъ утвердилъ проектъ коммиссіи и обнародовалъ его 17 ноября 1566 повелѣніемъ, имѣвшимъ форму прагматики (основного закона). Тайнымъ намѣреніемъ Эспиносы и гранадскаго архіепископа Десы, составившихъ такой неудобноисполнимый законъ, было довести мавританское населеніе юга до возстанія, которое послужитъ предлогомъ уничтожить или изгнать всѣхъ морисковъ. Цѣль эта была достигнута. Когда 1 января 1567 королевская прагматика была прочитана въ Альванспѣ (той части города Гранады, гдѣ жили мориски), поднялось волненіе, показывавшее, что надобно ожидать мятежа. Начальники морискихъ общинъ пытались просьбами и подарками склонить короля къ отмѣнѣ гибельнаго распоряженія; Филиппъ отвѣчалъ, что изданный имъ законъ справедливъ и святъ, потому долженъ быть исполненъ, и что спасеніе хотя бы одной души для него дороже всѣхъ сокровищъ вселенной. Эспиноса убѣдилъ короля отвер-

гать и всѣ слѣдующія просьбы. Маркизь Мондехаръ, ходатайствовавшій за морисковъ, принужденъ былъ самъ исполнять повелѣніе, которое находилъ гибельнымъ. Главнымъ дѣятелемъ гоненія былъ безжалостный Деса. Мы расскажем объ этомъ ужасномъ преслѣдованіи въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

2. Испанскія владѣнія въ Италіи.

Въ королевствѣ кастильскомъ абсолютизмъ не встрѣчалъ никакого сопротивленія себѣ; сопротивленіе Арагоніи было подавлено. Менѣе легко было Филиппу ввести такое же управленіе въ другихъ своихъ европейскихъ владѣніяхъ. О возстаніи нидерландцевъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Королевство неаполитанское и герцогство миланское выказывали попытки сопротивленія, заставлявшія испанское правительство соблюдать тамъ нѣкоторую осмотрительность. Въ Сициліи испанское владычество было довольно прочно, потому что многіе вельможи тамъ были каталонскаго или арагонскаго происхожденія и притомъ населеніе, находившееся уже 300 лѣтъ подъ испанской властью, привыкло повиноваться ей; но борьба сословій и вражда между вельможескими фамиліями дѣлали много хлопотъ испанскимъ правителямъ Сициліи. Денежныя требованія правительства часто возбуждали неудовольствіе въ сицилійскомъ сеймѣ или, какъ онъ назывался, парламентѣ. Вельможи соглашались на нихъ довольно легко, потому что перелагали тяжесть податей съ себя на своихъ подданныхъ; но духовенство и прокураторы (депутаты) городовъ были менѣе уступчивы, потому что должны были нести жертвованія сами. Еще больше непріятностей дѣлали вице-королю сицилійскому судьи и чиновники, должности которымъ давались или пожизненно или на два года съ правомъ занимать ихъ неопредѣленное время до новаго распоряженія вице-короля. Они-были не испанцы, а сицильянцы; ихъ интригантство и взяточничество ставили вице-короля въ очень затруднительное положеніе. Въ случаяхъ ссоръ съ нимъ они апеллировали въ Мадридъ и находили покровителей себѣ при дворѣ,—потому что каждый сановникъ имѣлъ тамъ множество завистниковъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ вредить ему во мнѣніи короля, любившаго доносы. Сицилійскіе вице-короли были смѣняемы очень часто и почти ни одинъ изъ нихъ не кончалъ свою каррьеру съ честью: обыкновенно они подвергались королевской немилости, нѣкоторые даже были предаваемы суду.

Населеніе неаполитанскаго королевства дѣлилось на враждебныя партіи; ожесточенная непріязнь между ними облегчала испанскому королю подавленіе всѣхъ ихъ; въ своемъ слѣпомъ желаніи вредить

одни другимъ, неаполитанскіе вельможи дошли до такого раболѣпства, какого не было даже въ Кастиліи. Въ концѣ XV вѣка въ Неаполѣ боролись между собою, какъ мы знаемъ, французская и арагонская партіи; арагонская побѣдила, и вельможи ея обогатились конфискованными имѣньями своихъ противниковъ. Но они старались превзойдти другъ друга роскошью, обѣднѣли отъ расточительности, запутались въ долги. Денежныя затрудненія ихъ были очень выгодны для испанскаго правительства: они добивались его милостей, безпрекословно соглашались устанавливать всякіе налоги, какихъ требовалъ король, и во всемъ угождали вице-королю.

Горожане королевства неаполитанскаго были очень умѣренны въ своихъ политическихъ желаніяхъ, довольствовались тѣмъ небольшимъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ, какое было предоставлено имъ. Палермо и Мессина съ гордостью вспоминали, что сами пригласили арагонскаго короля принять сицилійскую корону и признали его власть надъ собою по добровольному договору съ нимъ. Граждане Неаполя не имѣли такихъ воспоминаній: городъ ихъ постоянно переходилъ изъ рукъ одного завоевателя въ руки другого, всегда былъ добычею побѣдителя. Впрочемъ городъ Неаполь обыкновенно былъ на сторонѣ арагонскихъ претендентовъ, и когда установилось арагонское владычество надъ Южной Италіей, эта преданность не была оставлена безъ награды: граждане Неаполя получили равноправность съ вельможами передъ судомъ; они были признательны королю за такія права и усердно поддерживали власть его надъ своимъ государствомъ. Только однажды граждане и вельможи соединились для оппозиціи королю: это было когда онъ захотѣлъ ввести въ королевствѣ неаполитанскомъ испанскую инквизицію; мы говорили, что Филиппъ уступилъ имъ, обѣщавъ не вводить у нихъ ненавистное имъ учрежденіе.—Въ Сициліи инквизиція могла дѣйствовать только временами и то лишь съ осторожностью. Неаполитанцы не очень много выиграли оттого, что не допустили къ себѣ испанскую инквизицію: на ихъ королевство распространила свою дѣятельность римская инквизиція.

Папы, какъ мы знаемъ, имѣли притязанія на ленную власть надъ неаполитанскимъ королевствомъ; короли сдѣлали имъ ту уступку, что предоставили довольно большую церковную власть въ неаполитанскомъ королевствѣ. Папа назначалъ туда епископовъ (разумѣется больше по формѣ, нежели на самомъ дѣлѣ), неаполитанское духовенство платило десятину и нѣкоторыя другія подати папѣ; разумѣется, короли неаполитанскіе не могли допустить, чтобы духовенство ихъ государства было на самомъ дѣлѣ подвластно папѣ, а не имъ, и само оно вовсе не желало подчиняться папѣ. Оно или посылало въ Римъ только часть податей, наложенныхъ на него папой, или не посылало ему вовсе ничего. Папа сердился, духовенство презирало его угрозы, пользуясь королевскимъ покровительствомъ. Потому оно усердно поддерживало испанскую власть и находилось въ полной зависимости отъ короля.

Но папа считалъ и самого короля неаполитанскаго своимъ вассаломъ. Споръ изъ за этого притязанія давно кончился тѣмъ, что король призналъ за папой лишь нѣкоторыя почетныя права, не имѣвшія никакого дѣйствительнаго значенія. Филиппъ, какъ усердный католикъ, не отказывалъ папѣ въ почетѣ; но не только не давалъ папѣ никакого вліянія на свѣтскія дѣла, а даже и неаполитанскою церковью управлялъ по полному своему произволу. Никакой документъ, присылаемый папой, не могъ быть обнародованъ въ неаполитанскомъ королевствѣ безъ разрѣшенія правительства; это относилось даже къ тѣмъ распоряженіямъ папы, которые имѣли исключительно религіозный характеръ. Паписты роптали, но Филиппъ непреклонно сохранялъ за собою ту власть надъ неаполитанскою церковью, какую имѣли его отецъ и Фердинандъ Католическій. Ему вполне сочувствовали въ этомъ и вельможи и горожане. Вельможи захватили много церковныхъ имѣній и опасались, что папа потребуетъ ихъ возвращенія, если получитъ возможность вмѣшиваться въ дѣла неаполитанской церкви; горожанамъ не нравилось то, что папа требуетъ освобожденія церковныхъ имѣній отъ государственныхъ налоговъ. Такимъ образомъ всѣ вассальныя отношенія неаполитанскаго короля къ папамъ ограничивались тѣмъ, что вице-король ежегодно посылалъ блага иноходца въ подарокъ папѣ ко дню Петра и Павла. И въ Неаполѣ, какъ въ другихъ католическихъ земляхъ, папа имѣлъ только то вліяніе на церковныя дѣла, какое позволялъ ему имѣть король.—Испанское правительство расчетливо сохраняло прежнія формы веденія дѣла въ Неаполѣ, чтобы казалось будто все тамъ остается по старому, между тѣмъ какъ оно передѣлывало все сообразно своимъ надобностямъ; такъ, напримѣръ, оно не отмѣняло стараго закона, по которому вельможи были обязаны ходить на войну, какъ вассалы короля, но не призывало ихъ на службу никогда, не собирало народное ополченіе, опиралось исключительно на наемное войско, состоявшее отчасти изъ испанцевъ, отчасти изъ итальянцевъ, подвластное только вице-королю и его помощникамъ, совершенно независимое отъ неаполитанскихъ вельможъ. Отряды этихъ наемниковъ стояли по многочисленнымъ крѣпостямъ и держали страну въ повиновеніи. При торжественныхъ случаяхъ созываемы были вельможи, сохранявшіе титулы сановниковъ прежняго независимаго королевства, они являлись съ атрибутами своихъ должностей; но это были только народныя церемоніи. Вся административная и судебная власть принадлежала коллегіямъ, члены которыхъ были назначаемы королемъ, отчасти изъ неаполитанцевъ, но большею частью изъ испанцевъ или сыновей испанцевъ, женившихся на неаполитанкахъ (эти люди смѣшанной крови были усерднѣйшими слугами правительства, потому что неаполитанскіе вельможи не считали ихъ равными себѣ, называли Мамлюками и Янычарами).—Должность вице-короля неаполитанскаго была одною изъ самыхъ почетныхъ въ испанской монархіи. Лучшимъ средствомъ удержаться на ней было увеличивать королевскіе доходы; потому налоги становились все обременительнѣе, народъ бѣднѣлъ. Дворъ вице-короля неаполитанскаго былъ копіей королевскаго мадридскаго двора по строгому церемоніалу и по господствующимъ понятіямъ. При постоянномъ приливѣ испанскихъ администраторовъ, генераловъ, офицеровъ въ Неаполь, высшее сословіе усвоивало себѣ испанскіе обычаи. Литературныя и художественныя связи помогали сближенію неаполитанцевъ съ испанцами.

Наибольшимъ опасностямъ подвергалось испанское владычество въ герцогствѣ миланскомъ. Завоеваніе его было, какъ мы знаемъ, результатомъ продолжительной, тяжелой борьбы. Короли французскіе

не отказывались отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Миланъ; населеніе герцогства было враждебно испанцамъ, повиновалось имъ только по принужденію; швейцарцамъ хотѣлось пріобрѣсти плодородныя долины сѣвернаго склона Альпійскихъ горъ. Испанскому правительству надобно было постоянно держать наготовѣ большія военныя силы для обороны своего господства надъ Миланомъ. Филиппъ хорошо понималъ это. Онъ всегда назначалъ правителемъ въ Миланъ опытнаго полководца. Миланская цитадель была очень сильно укрѣплена; въ герцогствѣ было много другихъ крѣпостей; онѣ были снабжены многочисленной артиллеріей, въ нихъ стояли сильныя гарнизоны. Пѣхота состояла исключительно изъ испанцевъ; итальянцы принимались только въ кавалерію. Стоянка въ миланскомъ герцогствѣ была для солдатъ лучшей школой военного дѣла. Въ рукахъ правителя съ военной властью соединялась гражданская; полномочія его были очень велики. Сенатъ, состоявшій изъ пожизненныхъ членовъ, былъ совершенно подчиненъ ему. Филиппъ долго колебался отнять самостоятельность у этой коллегіи, которую миланцы считали хранительницею своихъ правъ; но наконецъ повелѣніемъ отъ 18 апрѣля 1581 расширилъ власть миланскаго намѣстника такъ, что сенатъ уже не могъ мѣшать ему ни въ чемъ.

Сенатъ, контролю котораго подчинены были администраторы и судьи, старался охранять миланскіе законы; архіепископъ миланскій, Карлъ Борромейскій, хотѣлъ защищать самостоятельность церковной власти. Когда Филиппъ въ 1563 задумалъ ввести въ Миланъ испанскую инквизицію, онъ вѣроятно руководился отчасти желаніемъ стѣснить ею дѣятельность Карла Борромейскаго, поступавшаго иногда не согласно съ его желаніями. Но и въ Миланѣ, какъ въ Неаполѣ, поднялся такой ропотъ противъ этой мысли короля, что онъ отказался отъ нея. Гоненіе на еретиковъ было и въ Миланѣ беспощадно, но населеніе не хотѣло введенія новаго судилища, которое подъ предлогомъ защиты церкви дѣйствовало въ интересахъ политическаго произвола.

Мы уже говорили, что Карлъ Борромейскій, человѣкъ знатной миланской фамиліи, племянникъ Пія IV, получилъ отъ своего дяди, будучи еще молодымъ человѣкомъ, санъ кардинала и архіепископа миланскаго. Онъ хотѣлъ расширить архіепископскую власть, черезъ это вовлекся въ ссору съ миланскимъ намѣстникомъ, администраторами и судьями. Они одобряли его усердіе обращать въ католичество альпійскихъ еретиковъ, но имъ не понравилось самовластіе, съ какимъ вводилъ онъ строгую церковную дисциплину въ Ломбардіи, посылалъ отряды вооруженныхъ людей, усмирять сопротивляющихся его распоряженіямъ. Духовенство жаловалось на его суровость; правительство приняло обижаемыхъ подъ свою защиту, поставило военный караулъ кругомъ архіепископскаго дворца. Архіепискомъ отвѣчалъ

на это отлученіями отъ церкви, проклятіями. Одинъ изъ его служителей былъ повѣшенъ, раздраженные монахи грозили ему смертью; одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ ордену гумиліатовъ, выстрѣлилъ въ него въ капеллѣ во время богослуженія. Но Пій V и миланскій народъ сильно поддерживали Карла Борромейскаго, соединявшаго съ фанатическимъ усердіемъ къ католичеству искреннюю любовь къ людямъ. Въ 1570 году, когда въ Миланѣ былъ голодъ, и въ 1576, когда свирѣпствовала тамъ чума, онъ неутомимо посѣщалъ страждущихъ, утѣшалъ ихъ, роздалъ имъ все, что имѣлъ, отдалъ даже свою кровать. Его еще при жизни чтили какъ святого; нравственная чистота и неутомимая дѣятельность его внушали уваженіе даже противникамъ. Ссоры его съ испанскимъ правительствомъ постепенно затихли, и когда онъ умеръ (3 ноября 1584) миръ уже давно установился. Уваженіе къ Карлу Борромейскому до сихъ поръ сохраняется въ Миланѣ; тамъ поставленъ памятникъ ему.— Второй преемникъ Карла Борромейскаго, племянникъ его Федерико Борромео, подражавшій дядѣ требованіемъ строгаго соблюденія церковныхъ правилъ, но не имѣвшій его любви къ людямъ, возобновилъ ссору съ правительствомъ. Онъ вызывалъ къ своему суду мірянъ, сажалъ ихъ въ темницу, хотѣлъ доказать первенство духовной власти надъ свѣтской мелочными оскорбленіями правительству. Миланскій намѣстникъ Хуанъ Веласко, человекъ гордый, не уклонился отъ ссоры, на которую напрашивался архіепископъ. Она длилась нѣсколько лѣтъ. Архіепископъ велѣлъ служить въ церквахъ молебствіе объ избавленіи вѣрующихъ отъ гоненія, обращался къ Веласко съ рѣзкими увѣщаніями, грозилъ ему отлученіемъ, городъ волновался. Папа, по желанію короля, велѣлъ архіепископу примириться съ правительствомъ.

Ломбардскіе города еще сохраняли нѣкоторые остатки муниципальной самостоятельности и между прочимъ то право, что налоги не могли быть устанавливаемы безъ ихъ согласія. Они давали иногда правительству не всю сумму денегъ, какой требовало оно, а только часть ея. Такъ не разъ дѣлала Кремона. Но еще во время французскаго владычества права городскихъ совѣтовъ подверглись ограниченіямъ въ Миланѣ, Комо и другихъ большихъ городахъ: было уменьшено число членовъ (декуріоновъ) въ городскихъ совѣтахъ, представители простолудиновъ были замѣнены въ нихъ аристократами. Въ томъ же направленіи продолжало дѣйствовать испанское правительство; кончилось тѣмъ, что городскія должности стали привилегією небольшого числа знатныхъ фамилій и получили послѣдственный характеръ. Само собою разумѣется, что населеніе завоеванной земли не могло противиться деспотизму завоевателей, поддерживавшихъ свое господство военными мѣрами. Прежнія права, хранителями которыхъ былъ сенатъ и городскіе совѣты, были мало

по малу подавляемы административнымъ произволомъ. Испанскій абсолютизмъ заглушилъ общественную жизнь въ странѣ, въ которой раньше всѣхъ другихъ частей Европы развилась свобода.

Но подавивъ общественную жизнь въ Ломбардіи испанскій деспотизмъ не могъ совершенно уничтожить въ ней привычекъ прежняго хорошаго времени; въ Ломбардіи и особенно въ Миланѣ ремесленники остались искусны и трудолюбивы, народъ любилъ веселье; рынки были наполнены изящными и прочными мануфактурными издѣліями, банкирскія и торговыя фирмы сохраняли обширныя связи, пользовались кредитомъ во всей западной Европѣ; поселяне продолжали трудолюбиво воздѣлывать свою плодородную почву; многія знатныя фамиліи сохраняли наследственное богатство, ломбардскіе вельможи и дворяне славилась во всей Европѣ изящными манерами, свѣтскими талантами. На улицахъ Милана въ праздничные дни разѣзжало множество экипажей, былъ шумъ и блескъ, которому завидовали посѣщавшіе этотъ городъ иностранцы. Ломбардскіе дворяне были знамениты искусствомъ въ верховой ѣздѣ, фехтованіи; свѣтскія женщины славилась граціозностью.

3. Донъ-Карлосъ.

Самую черную сторону въ жизни Филиппа II составляютъ его отношенія къ старшему сыну Дону Карлосу, матерью котораго была первая жена его Марія Португальская. Донъ Карлосъ родился въ ночь на 8 іюля 1545 въ Вальядолидѣ, еще остававшемся тогда резиденціей двора. Рожденіе его было отпраздновано великолѣпно, но жизнь его была несчастна, и онъ погибъ имѣя, только 23 года. Мать Дона Карлоса умерла черезъ четыре дня по его рожденіи; отецъ провелъ слѣдующія 14 лѣтъ почти исключительно въ Англіи и Фландріи. Сына рѣдко видѣлъ его и не приобрѣлъ любви къ нему. Малютка родился хилымъ, воспитаніе его было поручено теткѣ Іоаннѣ, управлявшей Испаніей въ отсутствіе Филиппа; она жалѣла слабосильнаго ребенка, онъ избаловался, привыкъ капризничать, упрямиться. Трагическая гибель Дона Карлоса возбудила симпатію къ нему; Альфіэри и Шиллеръ идеализировали его; но историческія изслѣдованія разсѣяли ореолъ, которымъ окружила его поэзія; оказалась выдумкой и любовь Дона Карлоса къ французской принцессѣ Елизаветѣ, которую Филиппъ сначала сваталъ за него и на которой потомъ женился самъ. По достовѣрнымъ фактамъ видно только, что кроткая, благородная Елизавета выказывала вмѣстѣ съ инфантой Іоанной доброе расположеніе къ несчастному пасынку, притѣсняемому отцомъ, оскорбляемому придворными, и что онъ платилъ ей за вниманіе горячей благодарностью. Нѣтъ никакихъ доказательствъ и на то, что Донъ-Карлосъ выказывалъ расположеніе къ протестантству и возбу-

дилъ этимъ подозрѣніе и вражду въ отцѣ. Онъ присутствовалъ при ауто-да-фе, которыми отпраздновано было возвращеніе Филиппа въ Испанію; и мы не знаемъ, какъ думалъ онъ объ этихъ ужасныхъ зрѣлищахъ. Все, что говорено было о благородствѣ души Дона Карлоса, основывается лишь на предположеніи, порожденномъ симпатіей къ несчастному.

Донъ Карлосъ воспитывался въ Алькалѣ, и когда сталъ юношей, учился въ алькальскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Александромъ Фарнезе пармскимъ и Дономъ Хуаномъ, побочнымъ братомъ Филиппа. Съ раннихъ лѣтъ онъ выказывалъ такую вспыльчивость, что должно считать его человѣкомъ болѣзненнымъ, неспособнымъ сдерживать свои порывы. Императоръ Карлъ на пути въ монастырь св. Юста, остановившійся отдохнуть въ Вальядолидѣ, провелъ нѣсколько дней съ внукомъ, рассказывалъ ему о своихъ походахъ; мальчикъ произвелъ на дѣда дурное впечатлѣніе своимъ упрямствомъ и высокомеріемъ, такъ что онъ упрекалъ Іоанну за баловство ребенка. Поселившись въ монастырѣ, императоръ велѣлъ гофмейстеру Дона Карлоса Дону Гарсіи Толедо (брату герцога Альбы) присылать отчеты о томъ, какъ идетъ воспитаніе инфанта, какъ онъ держитъ себя. Всѣ наши свѣдѣнія о жизни Дона Карлоса въ слѣдующіе годы показываютъ, что у него была склонность къ безразсуднымъ вспышкамъ; онъ не умѣлъ соблюдать приличій въ обращеніи съ придворными; позволялъ себѣ рѣзкія выходки и въ обращеніи съ отцомъ. Вѣроятно много содѣйствовало развитію неразсудительности въ немъ то, что онъ часто страдалъ лихорадкой, изнурявшей его физически и портившей его душевное настроеніе. Онъ былъ некрасивъ, болѣзненъ; и наружность его едва ли могла понравиться Елизаветѣ, увидѣвшей своего бывшего жениха въ первый разъ на праздникъ своей свадьбы съ его отцомъ (въ Толедо въ 1560 году). По всей вѣроятности, любовь ея къ Дону Карлосу вымыселъ. Въ апрѣлѣ 1562 произошелъ случай, имѣвшій, надо полагать, дурныя послѣдствія для инфанта, который уже и безъ того былъ слабъ здоровьемъ и раздражителенъ. Онъ жилъ тогда въ Алькалѣ; однажды вечеромъ, онъ сходилъ съ лѣстницы (говорятъ, онъ шелъ въ садъ на свиданье съ дочерью смотрителя дворца); оступившись онъ упалъ, скатился съ пяти или шести ступенекъ, ударился о дверь головою. Ударъ былъ такъ силенъ, что онъ лишился чувствъ, и съ нимъ сдѣлалась тяжелая болѣзнь, имѣвшая лихорадочные припадки, соединенные съ бредомъ. По всему государству служились молебствія о выздоровленіи инфанта. Спасеніе его жизни было приписано чудотворной силѣ мощей, положенныхъ на его кровать. Филиппъ выказалъ тогда къ сыну отцовскую нѣжность, которой не замѣчали въ немъ прежде. Онъ пріѣхалъ аъ Алькалу, жилъ тамъ до выздоровленія сына, очень заботился о немъ.

Говорятъ, что потрясеніе мозга ушибомъ головы о дверь разстроило

умъ Донъ Карлоса. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что онъ, по выздоровленіи отъ ушиба, сталъ раздражительнѣе прежняго и все больше отдавался порывамъ страстей. Онъ велъ дурную жизнь, распутничалъ безъ всякаго стыда, капризничалъ, буйствовалъ, казался имѣющимъ влеченіе къ деспотизму и жестокости; вообще онъ держалъ себя высокомерно. Но это перерывалось поступками, свидѣтельствовавшими о добродушіи, щедрости; онъ заслужилъ ими любовь своего учителя Гонорато Хуано, своихъ родственницъ и прислуги. Изъ этого видно, что отъ природы онъ имѣлъ хорошее сердце и былъ только испорченъ баловствомъ и болѣзнями, развившимися въ немъ раздражительность, отнявшими у него самообладаніе; льстивое раболѣпство окружающихъ содѣйствовало порчѣ характера его.

При противоположности порывистаго характера сына съ молчаливой сдержанностью отца отношенія между ними неизбежно становились все холоднѣе и холоднѣе. Филиппъ не довѣрялъ сыну, устранялъ его отъ всякихъ дѣлъ, не назначалъ его начальникомъ войскъ, а онъ жаждалъ славы, требовалъ себѣ дѣятельности, соотвѣтствующей его положенію въ государствѣ; настойчивость его въ просьбахъ объ этомъ укрѣпляла Филиппа въ мнѣніи, что сынъ имѣетъ враждебные замыслы, хочетъ взять верхъ надъ отцомъ въ государственныхъ дѣлахъ; Филиппъ окружилъ сына шпионами, слушалъ всѣ клеветы и сплетни, къ какимъ подавали поводъ неосторожныя слова и поступки сына. Была мысль женить Донъ Карлоса на младшей сестрѣ королевы Елизаветы; Филиппъ отвергъ этотъ планъ: потомъ были начаты переговоры о женитьбѣ Дона Карлоса на Аннѣ, дочери императора Максимилиана; они были уже обручены; но Филиппъ передумалъ, и дѣло было брошено къ огорченію Дона Карлоса и Анны.

Подозрѣнія Филиппа дошли до крайности, когда ему было сообщено, что вожди нидерландской оппозиціи убѣждаютъ Дона-Карлоса пріѣхать во Фландрію, что они отправили съ этой цѣлью въ Мадридъ двухъ пословъ, Бергена и Монтиньи, что эти агенты недовольныхъ уже въ Мадридѣ, что Донъ Карлосъ радъ ихъ приглашенію, желаетъ быть назначенъ главнокомандующимъ въ Нидерландахъ и хочетъ тайно уѣхать туда, если отецъ не дастъ ему этой должности. Очень вѣроятно, что Донъ Карлосъ высказывалъ такія мысли: онъ былъ честолюбивъ, горячо интересовался военнымъ дѣломъ. Въ его бумагахъ было потомъ найдено письмо его капеллана Суареса, въ которомъ этотъ приближенный инфанта убѣждалъ его «покинуть опасные планы, которыми обольщаетъ его сатана и которые принесутъ гибель ему и смуту государству.» Когда герцогъ Альба, отправляясь въ Нидерланды, явился проститься съ инфантомъ, Донъ Карлосъ увлекся озлобленіемъ досады, выхватилъ кинжалъ, хотѣлъ заколотъ Альбу; герцогъ принужденъ былъ останавливать его руку и уцѣлѣлъ только благодаря тому, что былъ гораздо сильнѣе его; на шумъ

борьбы вошелъ изъ сосѣдней комнаты камергеръ; при видѣ его Донъ Карлосъ ушелъ. Филиппъ былъ раздраженъ этимъ поступкомъ сына; шпионы, слѣдившіе за каждымъ шагомъ инфанта, донесли королю, что онъ ищетъ занять большую сумму денегъ для того, чтобы бѣжать изъ Испаніи или въ Нидерланды, или къ своей невѣстѣ въ Вѣну; Филиппъ совершенно утвердился въ мысли, что сынъ имѣетъ враждебные замыслы, велѣлъ арестовать Монтиньи, отвезти его въ сеговійскую цитадель, и черезъ нѣсколько времени онъ былъ тайно казненъ тамъ ночью.

За недѣлю передъ Рождествомъ 1567 года Филиппъ отправился въ Эскориалъ смотрѣть за работой постройки и заняться аскетизмомъ. Около этого времени Донъ-Карлосъ открылъ Донъ Хуану свои мысли; онъ имѣлъ большое довѣріе къ своему побочному дядѣ, который былъ лишь немногимъ старше его и учился вмѣстѣ съ нимъ. Онъ сказалъ теперь Дону Хуану, что хочетъ бѣжать изъ Испаніи, просилъ его содѣйствія, давалъ ему большія обѣщанія. Донъ Хуанъ ужаснулся, сталъ отклонять племянника отъ его мысли; видя, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ на него, поѣхалъ въ Эскориалъ и сообщилъ королю о замыслѣ Дона Карлоса. Вскорѣ послѣ того Филиппу было сдѣлано другое сообщеніе, еще болѣе встревожившее его. Исповѣдуясь пріору іеронимитскаго монастыря, стоявшаго подлѣ Мадрида, Донъ-Карлосъ сказалъ духовнику, что имѣетъ смертельную ненависть къ одному человѣку. Духовникъ не далъ ему отпущенія такого грѣха и не допустилъ его до святаго причастія. Онъ спрашивалъ у другихъ монаховъ, можетъ ли быть дано причастіе имѣющему такой грѣхъ и не раскаявающемуся въ немъ; они сказали то же самое, что пріоръ. Всѣ члены королевской фамиліи причащались 28 декабря; этотъ день былъ ужъ близокъ. Дону Карлосу не хотѣлось, чтобы было замѣчено, что онъ устранилъ отъ причастія; онъ спросилъ, нельзя ли дать ему вмѣсто освященной гостіи неосвященную, чтобы казалось, будто онъ допущенъ къ причастію. Пріоръ выманилъ у инфанта признаніе, что онъ хочетъ убить отца. Когда пріоръ передалъ это Филиппу, король нашелъ надобнымъ для собственной безопасности арестовать инфанта, прежде чѣмъ онъ исполнитъ безумные замыслы своей разгоряченной головы. По обыкновению, какое соблюдалъ при всѣхъ важныхъ случаяхъ, Филиппъ велѣлъ служить въ монастыряхъ молебствіе, чтобы Богъ далъ ему успѣхъ. Въ половинѣ января (1568 года) король возвратился въ Мадридъ. Онъ держалъ себя спокойно, никто не могъ бы по его безстрастному лицу разгадать, что онъ хочетъ принять крутыя мѣры противъ сына. Исполненіе этого намѣренія было ускорено сообщеніемъ Дона Хуана, что инфантъ, разговаривая съ нимъ наединѣ, при затворенныхъ дверяхъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ убить его за отказъ содѣйствовать бѣгству, временемъ котораго инфантъ назначилъ слѣдующую ночь.

Король въ 11 часовъ вечера 18 января, надѣвъ шлемъ и латы, пошелъ въ комнаты инфанта, его сопровождали капитанъ тѣлохранителей герцога Феріа, князь Эволи, пріоръ Антоніо, нѣсколько другихъ вельможъ и отрядъ тѣлохранителей. Донъ-Карлосъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ велѣлъ сдѣлать у своей двери замокъ для безопасности отъ внезапнаго нападенія. Этотъ замокъ былъ тайно вынутъ слесаремъ по приказанію короля; такимъ образомъ можно было теперь открыть дверь безъ шума; вельможи и тѣлохранители тихо вошли въ комнату Дона Карлоса, онъ спалъ; они взяли оружіе, которое онъ всегда клалъ подлѣ себя и подъ своей подушкой; шорохъ разбудилъ его, онъ, просыпаясь, спросилъ: «Кто тутъ?» Одинъ изъ вельможъ отвѣчалъ: «Государственный совѣтъ;» инфантъ вскочилъ, хотѣлъ схватить оружіе; выступилъ впередъ король и велѣлъ ему не сопротивляться. Тѣлохранители заколотили гвоздями двери и окна, унесли изъ комнаты всѣ желѣзныя вещи, даже принадлежности камина. Донъ Карлосъ тревожно метался въ отчаяніи, упалъ на колѣна передъ отцомъ, обнималъ его ноги, говорилъ, что убьетъ себя. Король отдалъ его подъ стражу герцогу Феріи и нѣсколькихъ другихъ вельможъ, велѣлъ почтительно обращаться съ арестованнымъ, но не позволять ему никакихъ сношеній ни съ кѣмъ. Утромъ Филиппъ созвалъ государственный совѣтъ, сообщилъ ему о томъ, что произошло, сказалъ, что принужденъ былъ поступить такъ по своей обязанности передъ Богомъ и по требованію блага государства. Говорятъ, что на глазахъ у него были слезы. Онъ назначилъ тайную комиссію для произведенія слѣдствія по дѣлу Дона Карлоса и самъ часто присутствовалъ на допросахъ сына.

Арестованіе инфанта, котораго кортесы уже признали наслѣдникомъ престола, произвело большой шумъ въ государствѣ. Король поспѣшилъ сообщить духовенству, вельможамъ, городамъ своего государства и иноземнымъ государямъ о преданіи Дона Карлоса суду; говорилъ, что рѣшился на такой поступокъ по чувству обязанности передъ Богомъ и народомъ; туманными выраженіями наводилъ на мысль, что арестованный сынъ находится не въ здоровомъ умѣ, неспособенъ управлять государствомъ. Далекое не всѣ вѣрили словамъ короля; они были неопредѣленны, сбивчивы; подозрительно было и то, что стража не допускаетъ никого видѣться съ арестованнымъ; это заставляло предполагать въ поступкѣ Филиппа мотивы, которыхъ не высказываетъ онъ, и возникли разныя догадки объ истинной причинѣ вражды его къ сыну. Должно считать достовѣрнымъ, что Донъ-Карлосъ выказывалъ сочувствіе политическому и религіозному движенію въ Нидерландахъ, хотѣлъ ѣхать туда. Изъ этого нѣкоторые историки заключаютъ, что онъ былъ расположенъ къ протестантству. Всякія сношенія съ нидерландскими еретиками казались Филиппу измѣной, мятежомъ. На ауто-да-фѣ въ Вальядолидѣ одинъ изъ осужденныхъ Карлосъ де-Сесо, человѣкъ знатный, проходя мимо короля къ костру, сказалъ, что не хорошо подвергать такой судьбѣ кастильскаго вельможу; Филиппъ отвѣчалъ, что отдалъ бы на сожженіе собственнаго сына, если бъ онъ уклонился отъ истинной вѣры. Такой человѣкъ былъ способенъ на все при подозрѣніи, что сынъ

его сочувствуетъ еретикамъ.— Въ бумагахъ Дона Карлоса нашли списокъ людей, которыхъ считаетъ онъ своими друзьями и людей, которыхъ считаетъ онъ своими врагами. Въ списокъ друзей первыми стояли имена махихи его, королевы Елизаветы, и Дона Хуана, въ списокъ враговъ имена князя и княгини Эволи, герцога Альбы, кардинала Эскиносы. При извѣстїи объ арестованїи Дона Карлоса Елизавета выказала сильное огорченіе; это подкрѣпило слухи о любви ея къ пасынку. Она умерла вскорѣ послѣ его гибели, и молва о ея связи съ нимъ усилилась.

Арестованіе наслѣдника престола изумило, опечалило всѣхъ. Донъ-Хуанъ надѣлъ трауръ и снялъ его только по приказанію короля; тетка Филиппа, королева португальская Изабелла, сестра его Іоанна, императоръ и другіе австрійскіе родные упрашивали Филиппа освободить сына или хотя облегчить его судьбу; папа заклиналъ Филиппа быть отцомъ, а не суровымъ судьей; прелаты, гранды упрашивали короля; многіе города Испанїи прислали депутатовъ съ такими же просьбами о пощаждѣ его сына. Онъ остался неумолимъ; просьбы за сына только ожесточали его. Онъ довольно долго не выходилъ изъ дворца, не ѣздилъ даже въ Эскориалъ, опасаясь, что народъ будетъ встрѣчать его ропотомъ, можетъ поднять мятежъ. Запершись во дворцѣ, онъ разузнавалъ, что говоритъ народъ. Мало по малу волненіе улеглось, народъ возвратился къ обычному безмолвному повиновенію. Въ февралѣ графъ Дитрихштейнъ писалъ императору, что о Донѣ Карлосѣ ужъ ничего не говорятъ, какъ будто онъ давно умеръ.

Онъ дѣйствительно былъ тогда человѣкомъ, хотя еще и не умершимъ, но ужъ незвозвратно погибшимъ. Въ первое время по арестованїи отчаяніе его было бурное; онъ пытался убить себя; но скоро впалъ въ нѣмую апатію. Онъ даже не молился, не хотѣлъ исповѣдываться, не читалъ религіозныхъ книгъ, которыя однѣ были оставлены ему. Силы его быстро падали, желудокъ его, разстроенный прежнимъ невоздержаніемъ, не выносилъ никакой пищи; онъ страдалъ лихорадкой. Чтобы прохладить мучительный жаръ ея пароксизмовъ, онъ глоталъ ледъ, пилъ очень много воды со льдомъ. Такъ томился онъ полгода и наконецъ умеръ въ ночь съ 23 на 24 іюля. По мнѣнію нѣкоторыхъ, болѣзнь его была естественнымъ слѣдствіемъ прежняго безпорядочнаго образа жизни, душевнаго страданія подъ стражей, недостатка движенія и свѣжаго воздуха; но общая молва говорила, что ему подавали отравленныя кушанья или дали ядъ подъ видомъ лекарства. Едва ли можно разобрать, такъ или иначе было на самомъ дѣлѣ. Тѣло умершаго инфанта одѣли въ платье францисканскаго монаха, отнесли торжественной процессіей изъ дворца въ монастырь San Domingo Real и похоронили тамъ. Филиппъ смотрѣлъ изъ окна на похоронную процессію, медленно двигавшуюся по улицамъ между толпившимся народомъ. Впослѣдствїи тѣло Дона Карлоса было перенесено въ Эскориалъ въ гробницу королевскїхъ фамилій.

Королева Елизавета искренно жалѣла о несчастномъ и прожила немногимъ больше двухъ мѣсяцевъ по его смерти. Она скончалась 3 октября (1568 года). Молва приписывала и ея смерть яду. Но она уже довольно давно была больна; болѣзнь губительно подѣйствовала на ея беременность; у нея произошелъ выкидышъ; врачи употребляли ошибочную систему леченія; этимъ объясняется смерть ея. Ей было еще только 23 года; восемь лѣтъ она была королевой испанской; жизнь ея въ супружествѣ съ Филиппомъ была печальна, и она встрѣтила смерть спокойно, радостно, въ надеждѣ, что перейдетъ изъ міра печали въ лучшій міръ. Характеръ ея дѣйствительно имѣлъ тѣ благородныя черты, которыя идеализированы Шиллеромъ. Даже сплетникъ Брантомъ говоритъ съ глубокимъ уваженіемъ о ея нравственной чистотѣ. Испанцы чтили ея память. У Филиппа было отъ нея двѣ дочери; онъ недолго горевалъ о ней и черезъ годъ (12 ноября 1569) женился на Аннѣ Австрійской, которая была, какъ и Елизавета, невѣстой Дона Карлоса. Это былъ четвертый бракъ Филиппа. Анна родила сына, который наследовалъ отцу.

4. Донъ-Хуанъ. Возстаніе морисковъ.

Донъ-Хуанъ Австрійскій, единственный человѣкъ королевскаго семейства, имѣвшій рыцарскія качества, не получалъ отъ Филиппа дѣятельности, которой жаждала его душа. Онъ, какъ мы говорили, былъ сынъ нѣмки Барбары Бломбергъ, дочери регенсбургскаго горожанина, и родился вѣроятно въ день рожденія и коронаціи Карла 24 февраля 1545 въ Регенсбургѣ (по другимъ извѣстіямъ, онъ родился въ 1547 году). Мы говорили, что онъ былъ отданъ на воспитаніе Луису Кихадѣ Вильягарсіи и что воспитатель часто привозилъ его къ отцу въ монастырь св. Юста. Въ крещеніи его называли Іеронимомъ, вѣроятно, по имени нѣмецкаго дворянина Іеронима Кагеля, за котораго Карлъ выдалъ Барбару Бломбергъ; она поселилась въ Гентѣ и, покинутая Карломъ безъ помощи, жила въ бѣдности. Многіе полагали, что она только согласилась называть себя матерью императорскаго побочнаго сына, что истинной матерью его была одна изъ близкихъ родственницъ Карла. Въ 1550 Кихада передалъ ребенка на воспитаніе фламандскому музыканту, жившему въ селеніи Леганесѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрида. Мальчикъ учился у сельскаго священника, но больше бѣгалъ по улицѣ и по полю съ другими мальчиками. Онъ былъ силенъ, красивъ, ловокъ, имѣлъ русые волосы, высокій лобъ, выразительные глаза. Тайны его рожденія никто не зналъ, кромѣ Кихады. Черезъ нѣсколько времени-

по желанію императора, Кихада отвезъ его въ свой замокъ Вильягорію; тамъ стала заботиться о его воспитаніи жена Кихады Мадалена Ульоа (Uloa), женщина хорошая и образованная. Изъ своего замка Кихада привозилъ мальчика къ императору въ монастырь св. Юста. Отецъ ласкалъ сына, оставлялъ его надолго у себя; онъ считался однимъ изъ пажей императора, учился ѣздить верхомъ, фехтовать, скоро сталъ мастеромъ въ этихъ рыцарскихъ искусствахъ. Императоръ приложилъ къ своему завѣщанію секретную приписку, въ которой сообщалъ своему преемнику, кто мальчикъ, воспитывавшійся у Кихады, и просилъ Филиппа позаботиться о побочномъ братѣ. Барбарѣ Бломбергъ, жившей, какъ мы говорили во Фландріи, Карлъ въ этой припискѣ назначилъ небольшую пенсію. Однажды Филиппъ взялъ съ собой побочнаго брата на охоту въ Торосскій лѣсъ, открылъ ему, кто его отецъ, велѣлъ ему называться Дономъ Хуаномъ Австрійскимъ, то-есть далъ ему санъ принца своей (габсбургской) династіи. Мы говорили, что онъ учился въ алькальскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Дономъ Карлосомъ и Александромъ Фарнезе; они всѣ трое жили въ архіепископскомъ дворцѣ. Кромѣ наукъ они занимались военными играми. Своей скромностью, правдивостью, прекраснымъ выраженіемъ своихъ глазъ Донъ-Хуанъ пріобрѣталъ расположеніе всѣхъ. Интригъ онъ не любилъ. Съ Дономъ Карлосомъ былъ друженъ.

Филиппъ хотѣлъ, чтобъ онъ вступилъ въ духовное званіе, какъ желалъ и покойный императоръ, по опасенію, что если онъ будетъ занимать высокія правительственныя или военныя должности, то можетъ увлечься честолюбіемъ, стать врагомъ короля. Но онъ хотѣлъ быть воиномъ. Когда турки сдѣлали высадку на Мальту, и гроемейстеръ Жанъ де ла Валеттъ прислалъ просить помощи у Филиппа, Донъ-Хуанъ тайно уѣхалъ въ Барселону, чтобы плыть съ кастильскими вельможами на войну противъ невѣрныхъ. Но отъ душевнаго волненія при бѣгствѣ онъ занемогъ, такъ что остался на берегу; король велѣлъ ему возвратиться въ Мадридъ; онъ повиновался, и послѣ того выказывалъ такую преданность брату королю, что Филиппъ въ 1567 сдѣлалъ его адмираломъ эскадры, назначенной для охраненія кораблей, шедшихъ изъ Америки съ грузами серебра, и для защиты испанскихъ береговъ отъ мавританскихъ корсаровъ. Онъ съ 23 галерами отплылъ 3 іюня изъ Картахены, направился вдоль берега къ Кадиксу, разбилъ корсаровъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, загналъ ихъ въ скалистыя гавани африканскаго берега и возвратился къ двору, покрытый славой. Король и государственный совѣтъ приняли его съ почестями; онъ сталъ считаться человѣкомъ, способнымъ оказать большія услуги государству, и вскорѣ ему было дано новое важное порученіе. Когда было обнародовано королевское повелѣніе, отшимававшее у морисковъ всѣ національные обычаи, принуждавшее

ихъ говорить по испански, они въ отчаяніи взволновались. Въ Альвансинѣ толпился и шумѣлъ народъ, отправлялъ тайныхъ пословъ въ горы къ соплеменникамъ возбуждать ихъ къ возстанію; другіе тайные послы повезли къ африканскимъ маврамъ письма, «написанныя въ ночи слезъ и тоски», говорившія: «насъ жестоко притѣсняютъ, мы окружены врагами, какъ пожирающимъ огнемъ». Въ концѣ 1568 года мориски альпухаррскихъ горъ напали на полицейскихъ служителей, надзиравшихъ за ними, разбили отрядъ войска, отняли у него оружіе; и поднялось возстаніе, больше двухъ лѣтъ заливавшее кровью гранадскую область. Инсургенты провозгласили своимъ царемъ Гернандо Мулея де Валора, молодого вельможу, происходившаго отъ Омейядовъ, отважнаго воина. Онъ сталъ называть себя Абенъ-Гумейя. Онъ былъ недаровитъ, небогатъ, но горцы уважали въ немъ потомка своихъ халифовъ и человѣка очень храбраго. Онъ принялъ титулъ государя андалузскаго и гранадскаго. Горцы спускались въ долины мелкими отрядами, грабили и разрушали церкви, убивали христіанъ и въ особенности священниковъ. По испанскимъ извѣстіямъ число убитыхъ ими въ первое время возстанія простиралось до 3.000. Изъ предводителей инсургентовъ самымъ страшнымъ мучителемъ захватываемыхъ въ плѣнъ христіанъ былъ Абенъ Фарасъ, гранадскій красильщикъ, производившій себя отъ Омейядовъ и бывшій однимъ изъ главныхъ возбудителей возстанія.

Гранадскій генералъ-капитанъ маркизъ Мондехаръ созвалъ милиціонеровъ, которыхъ обязаны были выставять андалузскіе города и вельможи, передалъ управленіе городомъ Гранадой своему сыну графу Тендильѣ и пошелъ въ началѣ января 1569 года въ альпухаррскія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Зимній походъ въ такой мѣстности представлялъ очень большія затрудненія, войску надобно было переходить ущелья и пропасти, въ глубинѣ которыхъ бушевали разлившіяся отъ зимнихъ дождей горныя рѣчки. Но Мондехаръ, хотя уже старикъ, оставался человѣкомъ очень энергичнымъ. Онъ прошелъ южныя части возставшей области, разбилъ морисковъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, взялъ главныя ихъ укрѣпленія, Орхиву, Вуввюнъ (Vubbion), Хубилесъ, освободилъ плѣнныхъ христіанъ; ихъ было очень много. Съ храбростью въ Мондехарѣ соединялось милосердіе. Онъ давалъ прощенія инсургентамъ, возвращавшимся къ повиновенію. Солдаты досадовали на это, но кротость Мондехара оказалась полезна для прекращенія возстанія: многіе инсургенты положили оружіе; Абенъ-Гумейя съ небольшимъ отрядомъ ушелъ на неприступныя скалы Сіэрра-Невады; Мондехаръ взялъ и отдалъ на разграбленіе войску столицу его Патерну; одна изъ его женъ и двѣ сестры были захвачены въ плѣнъ. Мондехаръ принялъ ихъ подъ свое покровительство; но мадридская аудіенсія, соединявшая съ судебной властью административную, объявила, что и эти три женщины по-

добно всѣмъ другимъ плѣнницамъ должны быть проданы въ рабство. Король былъ недоволенъ снисходительностью Мондехара къ мятежникамъ; отчасти для того, чтобы смягчить досаду Филиппа, отчасти по раздраженію упорной обороной Ласъ-Гуахараса Мондехаръ по взятіи этой крѣпости велѣлъ разрушить ее и убить тѣхъ немногихъ жителей, которые были застигнуты въ ней (большинство ушло въ ночь передъ послѣднимъ приступомъ). Храбрый вождь инсургентовъ Эль-Замаръ былъ схваченъ во время бѣгства и привезенъ въ Гранаду; графъ Тендилля, не имѣвшій отцовской гуманности, предалъ его медленной, мучительной смерти: ему рвали мясо раскаленными щипцами.

Блестящіе успѣхи Мондехара не возвратили ему благосклонности Филиппа. Деса, архіепископъ гранадскій, убѣдилъ короля отдать другому полководцу начальство войсками въ восточной части театра войны (около Альмеріи). Оно было поручено маркизу Лосъ-Велесу, аделантадо (правителю) сосѣдней области Мурсіи, потомку фамиліи, находившейся въ родовой враждѣ съ Мендосами, къ фамиліи которыхъ принадлежалъ Мондехаръ. Это назначеніе было личнымъ оскорбленіемъ Мондехару. Лосъ-Велесъ быстро собралъ войско, пошелъ съ своими сыновьями на инсургентовъ, одержалъ большіе успѣхи, но запятналъ свою славу безчеловѣчной свирѣпостью. Мориски, убитые въ сраженіяхъ при Гуэсіи, Филисѣ и Оганесѣ, были счастливы сравнительно съ тѣми, которые попались живыми въ руки солдатъ Лосъ-Велеса. Солдаты его насиловали женщинъ; всѣ люди возставшей области были безъ разбора лѣтъ и пола сбрасываемы со скалъ или послѣ продолжительныхъ мученій убиваемы. Лосъ-Велесъ жегъ всѣ селенія морисковъ; пощаду имъ онъ называлъ преступленіемъ противъ Бога и короля. Слухъ, что Абенъ-Гумейя хочетъ сдѣлать нападеніе, послужилъ предлогомъ перерѣзать морисковъ, находившихся подъ арестомъ. Ихъ было 150 человѣкъ, большею частью принадлежавшихъ къ знатымъ фамиліямъ. Они были безоружны, но отчаянно оборонялись. Всѣ были зарѣзаны; ушли только двое — отецъ и братъ Абенъ-Гумейи. Имѣнья убитыхъ были конфискованы.

Послѣ этого гнуснаго дѣла примиреніе стало невозможно. Въ негодованіи всѣ мориски гранадской области снова возстали; они были поселяне, непривычные владѣть оружіемъ, и оно у нихъ было плохое; испанцы не допускали ихъ соединиться въ одно войско, они дѣйствовали разрозненными отрядами; но возстаніе ихъ дѣлалось все болѣе и болѣе грознымъ. Правительство рѣшилось назначить главнокомандующимъ Дона Хуана, прославившагося успѣхами въ войнѣ съ корсарами. Но, кажется, Филиппъ не вполне довѣрялъ ему; такъ должно думать потому, что король велѣлъ ему дѣйствовать не иначе, какъ по соглашенію съ военнымъ совѣтомъ, членами котораго были назначены Кихада Гонсало Фернандесъ де Кордова (внукъ знаменитаго

Гонсальва Кордовскаго), Мондехаръ, архіепископъ Деса и нѣсколько другихъ менѣе важныхъ людей. Донъ Хуанъ пріѣхалъ въ Гранаду въ апрѣлѣ 1569. Вельможи и гидальго юга сошлись къ нему, привлекаемые его славой. Онъ быстро принялъ мѣры для энергическаго нападенія на инсургентовъ и съ суши и съ моря; но встрѣтилъ упорное сопротивленіе.

Абенъ Гумейя снова сталъ главнымъ вождемъ горцевъ. Они уходили отъ сильныхъ отрядовъ испанскаго войска въ неприступныя ущелья, дѣлали оттуда неожиданныя нападенія и снова уходили въ горы. У Лосъ-Велеса не достало провіанта; андалузская милиція его разошлась. Онъ съ оставшимся у него войскомъ попалъ въ очень опасное положеніе. Ясно было, что подавленіе возстанія будетъ очень тяжело, если не обѣщать пощады инсургентамъ; но правительство рѣшило дѣйствовать исключительно оружіемъ. Маркизь Мондехаръ, говорившій о примиреніи, былъ отозванъ съ театра войны, назначенъ вице-королемъ въ Неаполь. Чтобы непріятель не могъ получать извѣстій о военныхъ планахъ испанцевъ, всѣ мориски, жившіе въ Гранадѣ, были арестованы (въ іюлѣ 1569) и отведены небольшими партіями въ отдаленныя области, гдѣ населеніе, проникнутое фанатизмомъ, было враждебно имъ. Многихъ изъ нихъ убивали жители тѣхъ мѣстъ, многіе сами лишали себя жизни; почти всѣ другіе погибли отъ голода; ихъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ. Испанскія войска жгли селенія морисковъ, истребляли сады и виноградники; но нерѣдко подвергались неожиданнымъ нападеніямъ въ опасныхъ мѣстностяхъ, погибали сотнями и сотнями были захватываемы въ плѣнъ, продаваемы въ рабство корсарамъ; война затягивалась. Тунисты и алжирцы приплывали на помощь инсургентамъ; надобно было ожидать, что подойдетъ турецкій флотъ. Донъ Хуанъ желалъ кончить войну быстрымъ наступленіемъ, но правительство велѣло ему дѣйствовать осторожно, держать войска около Гранады, ограничиваться обороной. Члены военнаго совѣта ссорились между собой; наемные солдаты не слушались начальства, не получая жалованья, милиція была не обучена военному дѣлу и неохотно шла въ сраженія. Только благодаря несогласіямъ между вождями морисковъ испанцы удержались на юговосточномъ приморьѣ.

Абенъ Гумейя былъ храбрый, искусный вождь въ партизанской войнѣ, но человѣкъ деспотичный, коварный, развратный; составилъ заговоръ противъ него; онъ былъ убитъ (4 октября 1569); его мѣсто занялъ энергичный и хитрый Абенъ Абу, у котораго ни старость, ни пытка и каторжная работа на галерахъ не отняли физической силы. Онъ принялъ царскій титулъ съ именемъ Мулея Абдаллаха Мухаммеда и сумѣлъ воспламенить морисковъ новымъ мужествомъ. Партизанская война подъ его предводительствомъ получила размѣръ больше прежняго. Филиппъ наконецъ увидѣлъ надоб-

постъ дать свободу дѣйствию Дону Хуану, послалъ ему подкрѣпленія. Испанскія войска ободрились. Донъ Хуанъ взялъ (въ декабрѣ 1569) Гехаръ, крѣпость, стоявшую въ верховьѣ Хениля и служившую опорнымъ пунктомъ для партизанскихъ дѣйстви морисковъ. По взятіи Гехара, Донъ Хуанъ осадилъ горную крѣпость Галеру; мориски защищали ее съ мужествомъ отчаянія, отбили нѣсколько штурмовъ; но Донъ Хуанъ продолжалъ осадныя работы, взрывалъ скалы, дѣлалъ новые штурмы и наконецъ 7 февраля (1570 года) крѣпость была взята. Донъ Хуанъ, бившійся впереди, былъ раненъ, унесенъ изъ битвы; войско его одолѣло защитниковъ крѣпости, перерѣзало всѣхъ жителей ея, разрушило ее до основанія и осадило Серонъ. Штурмъ сначала шелъ удачно; 660 испанцевъ уже проникли въ крѣпость, но остальное войско ихъ было отбито, и весь этотъ отрядъ погибъ. Тутъ получилъ рану Кихада, воспитатель Дона Хуана, и скоро умеръ отъ нея на рукахъ своего воспитанника. Самъ Донъ Хуанъ, бившійся по своему обыкновенію впереди, едва не былъ убитъ. Наконецъ въ мартѣ Серонъ сдался; тысячи семействъ, захваченныя въ плѣнъ, были отведены въ Кастилію и разселены тамъ мелкими отдѣлами. Опасность, какой подвергалъ себя Донъ Хуанъ при штурмѣ Серона, послужила Филиппу предлогомъ выразить ему порицаніе за излишнюю отвагу. Вообще король постоянно присылалъ инструкціи Дону Хуану, не довѣряя ему и желая показывать войску, что Донъ Хуанъ только исполнитель соображеній короля.

Положеніе инсургентовъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Испанцы жгли ихъ селенія, угоняли стада, топтали созрѣвавшіе хлѣба ихъ, вырубали сады, отрѣзали ихъ отъ сообщеній съ моремъ; они страдали отъ голода. Но и для Филиппа было тяжело продолжать войну съ ними. Войска были нужны ему противъ иноземныхъ враговъ, денежные средства его истощились, ему угрожали нападеніемъ турки. Онъ желалъ кончить войну съ морисками, прежде чѣмъ начнется война съ султаномъ. Донъ Хуанъ вступилъ въ переговоры съ вождями инсургентовъ. Одинъ изъ нихъ, Эль-Гибаки, покорился; но другіе не довѣряли обѣщаніямъ короля; испанскіе фанатики старались разстроить переговоры. Турецкіе солдаты, находившіеся въ войскѣ инсургентовъ, схватили Эль-Габаки, привели его въ Мекину, гдѣ стоялъ Абенъ Муса; царь велѣлъ удавить его. Партизанская война продолжалась; испанцы подвигались впередъ, заняли Рондскую равнину (Vega de Ronda), занимали одну за другой долины Сіэрра Невады; всѣ тѣ мориски этихъ мѣстностей, которые не были зарѣзаны или не успѣли уплыть въ Африку, были переселены въ другія испанскія области, размѣщены мелкими группами между христіанскаго населенія; ненавидимые имъ, они вели бѣдственную жизнь. Нѣсколько тысячъ инсургентовъ ушли съ Абенъ-Абу въ Альпухаррскія горы. Испанскіе отряды преслѣдовали ихъ тамъ, убивали и вѣшали

всѣхъ; успѣвавшіе спрятаться отъ нихъ, погибали отъ голода. Абенъ Абу, послѣдній потомокъ Омейядовъ, надѣявшійся быть возстановителемъ гранадскаго царства, былъ убитъ родственниками Абу-Гумейи. Голова его, выданная испанцамъ, была поставлена надъ обращенными къ альпухаррскимъ горамъ воротами Гранады. Число морисковъ, переселенныхъ изъ гранадской области въ другія мѣста Испаніи, было, какъ говорятъ, не меньше 400.000, вѣроятно даже больше. Цвѣтущая гранадская область была вся опустошена и осталась пустыней. Сады Рондской равнины погибли, промышленность исчезла; государство селило колонистовъ на конфискованныхъ земляхъ, но они едва добывали себѣ пропитаніе. Остававшимся на родинѣ морискамъ были строго запрещены національные обычаи и языкъ; правительство сурово наказывало за всякое нарушеніе этого закона. Переселеннымъ въ другія мѣста морискамъ было запрещено покидать ихъ безъ позволенія начальства. Правительство хотѣло искоренить арабскую національность. Донъ Хуанъ 30 ноября 1570 уѣхалъ изъ покоренной области, въ которой были построены новыя крѣпости; испанскіе гарнизоны ихъ держали въ повиновеніи малочисленное уцѣлѣвшее населеніе.

5. Битва при Лепанто.

Донъ Хуанъ еще не кончилъ подавленія мятежа морисковъ, когда западная Европа услышала, что Мустафа, капуданъ-паша Селима II, взялъ штурмомъ столицу Кипра Никозію; должно было полагать, что онъ покоритъ весь Кипръ, послѣдній остатокъ венеціанскихъ владѣній на востокѣ. Пій V сталъ хлопотать о томъ, чтобы христіанскіе государи соединились на борьбу противъ общаго врага, убѣждалъ Филиппа II, владѣніямъ котораго угрожали турецкій флотъ и африканскіе корсары, заключить союзъ съ Венеціей, обѣщался дать на эту войну деньги и корабли. Переговоры длились нѣсколько мѣсяцевъ. Филиппъ и венеціанцы спорили о томъ, сколько кораблей и войска обязаны выставить они и кто будетъ главнокомандующимъ, испанецъ или венеціанецъ. Наконецъ 20 мая 1571 былъ заключенъ договоръ, постановлявшій, что главнокомандующимъ будетъ Донъ Хуанъ, а помощникомъ его Маркъ-Антоніо Коломна. (Филиппъ хотѣлъ назначить главнокомандующимъ знаменитаго генуэзскаго моряка Джованни Андреа Дорію, начальствовавшего сицилійскимъ флотомъ; но венеціанцы не согласились на это по враждѣ къ генуэзцамъ). Союзъ былъ заключенъ противъ турокъ и ихъ вассаловъ тунисцевъ и алжирцевъ. Около того времени, какъ турки взяли послѣ герой-

ской обороны Фамагосту, послѣднюю венеціанскую крѣпость на Кипрѣ, Донъ Хуанъ отплылъ (5 августа) изъ Генуи въ Мессину, сборный пунктъ всего флота союзниковъ. Въ свитѣ его находилось много испанскихъ грандовъ; Филиппъ послалъ съ нимъ своего тайнаго секретаря Хуана де Сото; самъ онъ упросилъ, чтобы король дозволилъ отправиться съ нимъ его другу, Александру Фарнезе. Въ Неаполѣ новый вице-король, кардиналъ Гранвелла, вручилъ Дону Хуану священное знамя. Онъ вошелъ 24 августа въ мессинскую гавань; тамъ собрался флотъ, какого уже давно не видывалъ христіанскій міръ. Въ сентябрѣ онъ поплылъ мимо Тарента къ берегамъ Корфу, оттуда пришелъ въ альбанскую гавань Легуминизу. Тамъ христіане получили извѣстіе, что въ лепантскомъ заливѣ стоитъ турецкій флотъ, превосходящій ихъ силами: онъ состоялъ изъ 250 галеръ; на нихъ находилось 120,000 человѣкъ экипажа и войска. Нѣкоторые члены военнаго совѣта оробѣли, говорили, что должно уклониться отъ битвы. Филиппъ присылалъ инструкціи, въ которыхъ осторожность доходила до трусости. Но Донъ-Хуанъ не смутился и сказалъ: «Время совѣщаній прошло, надобно биться.» Извѣстіе о томъ, что турки вѣроломно перерѣзали кипрскихъ христіанъ, одушевило солдатъ желаніемъ мщенія. Донъ Хуанъ сказалъ венеціанцамъ: «Надобно отмстить за это постыдное дѣло; средство у васъ въ рукѣ: острый мечъ.» Испанцамъ онъ сказалъ: «Дѣти мои, мы готовы умереть; если Богу будетъ угодно, побѣда будетъ наша; бейтесь во имя Господа, чтобы врагъ не спрашивалъ, гдѣ же Богъ христіанскій».

Надежда на побѣду не обманула Дона Хуана. Со времени взятія Константинополя не было такой битвы между мусульманами и христіанами, какъ морское сраженіе 7 октября 1571 при Лепанто. Ожесточенный абордажный бой длился нѣсколько часовъ. Отъ крика сражающихся не слышно было командныхъ словъ. Наиболѣе упорна была битва около адмиральскихъ кораблей Дона Хуана и турецкаго главнокомандующаго, Али Паши. Донъ Хуанъ стоялъ на передней части своей галеры, направилъ ее на огромный адмиральскій корабль Али Паши, взялъ его абордажемъ. Али Паша умеръ отъ ранъ; его сыновья, 13 лѣтній мальчикъ и 7 лѣтній ребенокъ, были захвачены въ плѣнъ. Александръ Фарнезе только съ однимъ солдатомъ вспрыгнулъ на корабль турецкаго казначея, на которомъ 300 янычаръ охраняли казну, и отбивался отъ нихъ, пока взошли на корабль другіе испанскіе солдаты. На одномъ изъ испанскихъ кораблей лежалъ въ каютѣ 24 лѣтній дворянинъ Мигель Сервантесъ, будущій авторъ Дона Кихота, страдавшій лихорадкой; онъ попросилъ капитана поставить его на самое опасное мѣсто; капитанъ не соглашался, наконецъ уступилъ его просьбѣ, далъ подъ начальство ему 12 солдатъ; онъ сражался храбро, получилъ двѣ раны въ грудь и рану

пулей въ лѣвую руку; его хотѣли увести, онъ воскликнулъ: «Раны— звѣзды», указывающія путь на небо чести, и дозволилъ перевязать свои раны только по окончаніи битвы. Итальянцы и испанцы соперничали въ храбрости, венеціанскій провекторъ Барбариго былъ раненъ стрѣлою въ глазъ и умеръ черезъ три дня; его племянникъ Марино Контарини, поспѣшившій на помощь раненному дядѣ, былъ убитъ. Пріоръ мальтійскихъ рыцарей раненный былъ взятъ въ плѣнъ корсаромъ Улукъ-Али (Улуччали, какъ называютъ его итальянцы), но былъ освобожденъ генуэзцами.— Донъ Хуанъ стоялъ раненный у груды убитыхъ. Побѣда была рѣшена только уже передъ наступленіемъ ночи; уцѣлѣвшія турецкія суда ушли; пылающія галеры освѣщали море покрытое обломками кораблей и трунами. Турки лишились 130 кораблей и 30,000 человѣкъ убитыми и плѣнными. Побѣдители освободили 12.000 христіанъ, бывшихъ въ каторжной работѣ на галерахъ; изъ нихъ 2,000 человѣкъ были испанцы.

Донъ Хуанъ хотѣлъ плыть къ Константинополю, но военный совѣтъ нашелъ это слишкомъ отважнымъ, и Филиппъ согласился съ его мнѣніемъ. Король слушалъ вечерню въ эскориальской церкви, когда гонецъ привезъ ему извѣстіе о великой побѣдѣ; черты лица Филиппа остались неподвижны, онъ, сохраняя свое непоколебимое спокойствіе, сухо сказалъ: «Донъ Хуанъ очень рисковалъ» и снова сталъ молиться. Только черезъ нѣсколько дней онъ велѣлъ отслужить благодарственное молебствіе за побѣду. Онъ выразилъ признательность Донъ Хуану, но велѣлъ ему не возвращаться въ Испанію, а зимовать въ Мессинѣ.

Въ Италіи Донъ Хуанъ былъ принятъ съ восторгомъ, ему подносили подарки, которые онъ раздавалъ генераламъ и войску; давали праздники, ставили статуи въ честь ему. Женщины влюблялись въ героя, красиваго молодого человѣка съ длинными русыми волосами, изящными манерами, привѣтливаго, веселаго; мужчинамъ нравился онъ мастерствомъ въ рыцарскихъ искусствахъ: онъ превосходно ѣздилъ верхомъ, фехтовалъ. Въ серьезныхъ разговорахъ онъ показывалъ себя человѣкомъ образованнымъ; онъ былъ великодушенъ и щедръ. Дочь капудана паши прислала ему богатые подарки, прося возвратить ей брата. Онъ отпустилъ плѣнника, но подарки роздалъ другимъ, сказавъ, что по своему происхожденію и сану онъ долженъ давать, а не принимать. Слава внушила ему высокіе замыслы. Онъ желалъ формально быть признанъ инфантомъ (принцемъ крови), надѣялся завоевать себѣ государство покореніемъ Мореи, потому желалъ продолженія войны. Ему хотѣлось быть государемъ, между прочимъ, и для того, чтобъ имѣть доходы, какіе были нужны ему при чрезвычайной его щедрости. Филиппъ далъ ему имѣнья, приносящія 40.000 дукатовъ дохода; но понятно, что этого было мало человѣку, который, отправившись на богомолье въ Лоретто, разда-

рилъ 10.000 дукатовъ своей свитѣ. Даже разсудительный совѣтникъ Донъ Хуана, Хуанъ де Сото, раздѣлялъ его надежды. И дѣйствительно, если бы военныя дѣйствія продолжались съ прежней энергіей, Донъ Хуанъ могъ бы завоевать себѣ царство. Но Филиппъ держалъ его въ бездѣйствіи; Селимъ получилъ время построить корабли въ замѣнъ погибшихъ, назначилъ капуданомъ нашей отважнаго Улукъ-Али, котораго одного хвалили за храбрость въ лепантской битвѣ. Новый капуданъ-паша съ флотомъ, не уступавшимъ прежнему силой, поплылъ къ берегамъ Греціи. Венеціанцы, опасавшіеся властолюбія Филиппа, заключили 15 марта 1573 миръ съ турками на постыдныхъ для себя условіяхъ.

Такимъ образомъ разсѣялись мечты Дона Хуана стать государемъ Морей; но онѣ возбудили недовѣріе къ нему въ Филиппѣ. Король отозвалъ Сото, преданность котораго Дону Хуану нашелъ опасной для себя, назначилъ на его мѣсто секретаремъ при Донѣ Хуанѣ Хуана Эсковедо, котораго считалъ болѣе надежнымъ слугою своей политики. Но Эсковедо не устоялъ противъ любезности Дона Хуана, проникся преданностью къ нему и подобно Сото сталъ одобрять мысль, овладѣвшую имъ по разрушеніи надежды завоевать Морею: Донъ-Хуанъ хотѣлъ теперь покорить Тунисъ, надѣялся, что Филиппъ согласится отдать ему это царство. Дѣло началось удачно. Донъ-Хуанъ поплылъ съ испанскимъ флотомъ изъ Лилибея къ тунисскому берегу, вышелъ на него 7 октября 1573 близъ Голетты. Турецкій гарнизонъ въ страхѣ ушелъ изъ Туниса, Донъ-Хуанъ безъ большихъ усилій овладѣлъ этимъ городомъ. Онъ уже мечталъ, что возстановитъ величіе Карфагена, о которомъ рассказывалъ ему Сото, прекратитъ морской разбой африканскихъ карсаровъ. Папа одобрялъ желаніе Дона - Хуана, убѣждалъ Филиппа сдѣлать его государемъ Туниса. Расположивъ къ себѣ жителей города своею кротостью и оставивъ тамъ гарнизонъ, Донъ-Хуанъ отплылъ въ Неаполь и провелъ тамъ зиму. Онъ надѣялся, что король въ вознагражденіе за великія услуги испанскому государству отдастъ ему Тунисъ и объявитъ его инфантомъ. Но Филиппъ хотѣлъ, чтобы Донъ-Хуанъ продолжалъ служить своими талантами ему, а не обратилъ ихъ на упроченіе и расширеніе своего особаго царства; государственный совѣтъ нашелъ, что провозгласить Дона-Хуана инфантомъ было бы опасно для правъ потомства Филиппа. Королю пріятно было, что Гранвелла удерживаетъ Дона-Хуана въ бездѣйствіи, занимая его въ Неаполѣ пирами, турнирами, боями быковъ, окружая его красавицами.

Скоро представилась королю надобность въ талантахъ Дона-Хуана. Генуэзскіе вельможи дѣлились на двѣ партіи: старыя аристократическія фамиліи были преданы Испаніи; новая аристократія, произошедшая отъ разбогатѣвшихъ банкировъ и негоціантовъ, была расположена къ Франціи. Теперь непріязнь этихъ партій дошла до откры-

той борьбы. Король велѣлъ Дону-Хуану плыть въ Геную, чтобы поддержать испанскую партію. Донъ-Хуанъ былъ огорченъ необходимостью разстаться съ неаполитанскими пирами и красавицами. Въ утѣшеніе ему король назначилъ его генералъ-губернаторомъ всѣхъ испанскихъ владѣній въ Италіи, такъ что вице-короли миланскій, неаполитанскій и сицилійскій были подчинены ему. Но онъ желалъ побѣдъ не надъ христіанами, а надъ невѣрными, продолжалъ мечтать о завоеваніи себѣ царства. Липпомано приводитъ его слова: «Вся моя надежда направлена на войну съ турками; если какъ нибудь представится случай къ битвѣ, я скажу, какъ экипажъ галеры отвѣчаетъ на читаемую начальникомъ молитву Богоматери: да будетъ благословенна она». Ему казалось стыдно, что онъ, достигнувъ 30 лѣтъ, еще не имѣетъ царства, потому онъ уменьшалъ свои года. Межъ тѣмъ какъ Филиппъ задерживалъ его въ Италіи, Улукъ Али (въ сентябрѣ 1574) взялъ Голетту и Тунисъ; часть ихъ гарнизоновъ была перерѣзана, остальная была обращена въ рабство. Донъ-Хуанъ былъ огорченъ этимъ, просилъ кораблей и войска плыть въ Африку; но Гранвелла оставался глухъ его желанію; не исполнялъ его просьбъ и Мондехаръ, назначенный на мѣсто Гранвеллы вице-королемъ неаполитанскимъ и остававшійся врагомъ Дона-Хуана послѣ ссоры съ нимъ на войнѣ съ морисками. Донъ-Хуанъ доказывалъ испанскому государственному совѣту, что ограничиваться обороной отъ турокъ—дѣло убыточное, что должно бросить эту систему, дать ему большой флотъ, съ которымъ онъ поплыветъ къ турецкимъ берегамъ, что венеціанцы присоединятся къ нему. Но Филиппъ остался при своей робкой политикѣ, далъ туркамъ время совершенно оправиться отъ лепантскаго пораженія, отдалъ на опустошеніе имъ сосѣднія христіанскія земли, обращая свои силы на войну съ нидерландцами и англичанами и на поддержку католическихъ фанатиковъ во Франціи.

Марія Стюартъ находилась тогда въ плѣну въ Англіи, Елизавета англійская была предана проклятію папой; во Франціи свирѣпствовало междоусобіе, нидерландцы оборонялись отъ Филиппа. Григорій XIII совѣтовалъ Филиппу послать Дона-Хуана въ Англію, чтобы низвергнуть Елизавету, освободить Марію Стюартъ, составилъ планъ женить его на ней, чтобъ они вмѣстѣ возстановили католичество въ Англіи; Гизы одобряли этотъ проектъ. Филиппъ рѣшился послать Дона-Хуана въ Нидерланды. Свирѣпость Альбы усилила нидерландское возстаніе; Филиппъ видѣлъ надобность искать примиренія съ инсургентами, полагалъ, что они окажутъ довѣріе обѣщаніямъ Дона-Хуана. Прекративъ нидерландское возстаніе, Донъ-Хуанъ могъ плыть въ Англію для освобожденія Маріи Стюартъ. Эта перспектива очаровала его, онъ согласился отправиться въ Нидерланды, просилъ дозволенія пріѣхать въ Мадридъ для изустнаго объясненія съ королемъ.

Филиппу не хотѣлось этого свиданія, онъ велѣлъ Дону-Хуану немедленно идти съ войскомъ изъ Италіи въ Нидерланды. Донъ-Хуанъ ослушался этого приказанія, приплылъ изъ Генуи въ Барселону; Филиппъ не могъ отказать ему въ свиданіи, принялъ его (въ сентябрѣ 1576 года) въ Эскориалъ; не высказалъ положительнаго одобренія плану его плыть изъ Нидерландовъ въ Англію, не выразилъ и несогласія на эту мысль, далъ Дону Хуану полномочіе дѣйствовать по обстоятельствамъ. Заѣхавъ на нѣсколько дней въ Мадридъ, Донъ Хуанъ, переодѣтый слугой, отправился въ Нидерланды черезъ Францію, остановился на одинъ день въ Парижѣ, поѣхалъ дальше черезъ Мецъ и Люксембургъ и въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Брюссель. «Нидерланды на половину мертвы», писалъ онъ Гарсіи де Толедо. Онъ хотѣлъ оживить ихъ.

6. Результаты деспотизма Филиппа.

Подъ желѣзнымъ игомъ Филиппа испанцы утратили остатки своей свободы, и матеріальное благосостояніе ихъ погибало подъ гнетомъ налоговъ. Кастильяны выражали Карлу V неудовольствіе на то, что онъ проводитъ слишкомъ много времени въ другихъ земляхъ, просили его жить у нихъ. Филиппъ безвыѣздно жилъ у нихъ, и имъ стало гораздо тяжелее прежняго. Всѣ расходы войнъ Филиппа падали на нихъ и наконецъ истощили всѣ ихъ средства. Испанія обнищала.

Карлъ V уже устанавливалъ новые обременительные налоги сверхъ тѣхъ, какіе были вводимы съ согласія кортесовъ и назывались *Servicio*; эти произвольные поборы были особенно вредны для торговли и промышленности. Карлъ установилъ таможенные пошлины со всѣхъ ввозимыхъ въ Испанію товаровъ, подвергъ этимъ сборамъ и торговлю съ Новымъ Свѣтомъ. Заимствованная отъ мавровъ пошлина со всякой продажи, называвшаяся алькавалой, составляла десятую долю продажной цѣны и взыскивалась чрезвычайно строго. Нѣкоторые округа откупались отъ нея платежомъ опредѣленной годичной суммы. Соль составляла монополію правительства. Казна получала много имѣній и денегъ черезъ конфискаціи имущества осужденныхъ инквизиціей; съ обвиненныхъ освобождаемыхъ отъ казни инквизиція брала штрафы, также поступавшіе въ казну. Король получалъ большіе доходы съ имѣній рыцарскихъ орденовъ, гротмейстеромъ которыхъ былъ. Онъ бралъ подати съ церковныхъ имѣній въ Испаніи. Въ итальянскихъ и нидерландскихъ владѣніяхъ кромѣ налоговъ, установленныхъ областными собраніями или городами и называвшихся въ Италіи донативами или менсуалами, въ Нидерландахъ бедами, также были другіе старые и новые налоги. Въ Сициліи торговля хлѣбомъ составляла монополію правительства; оно назначало, сколько хлѣба можно вывезти за границу, опредѣляло цѣны, по которымъ покупало и продавало хлѣбъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ кромѣ пошлинъ съ вывоза и ввоза товаровъ были налоги на скотъ и на жилища. Въ Ломбардіи соль была, какъ въ Касти-

ли, монополіей казны. Размѣры налоговъ опредѣлялись не соображеніями о средствахъ населенія платить ихъ, а надобностями правительства. Такъ было уже при Карлѣ V. Но при всей своей обременительности, налоги были недостаточны на покрытіе его расходовъ; онъ дѣлалъ много займовъ. Государство въ концѣ его царствованія было такъ изнурено, что Филиппъ II заключилъ като-камбрезійскій миръ по невозможности продолжать войну.

При Филиппѣ II обременительность налоговъ постоянно увеличивалась. Онъ повышалъ испанскія *Servicio* и итальянскіе донативы, въ особенности съ того времени, какъ нидерландское возстаніе отняло у него доходы съ Брабанта и Фландріи, составлявшіе очень значительную долю общей суммы его денежныхъ средствъ, а расходы увеличились громадными издержками на войну съ нидерландскими инсургентами. Впрочемъ стали увеличиваться и доходы изъ Америки отъ разработки рудниковъ Потози и Гуанахуато. Количество золота и серебра добываемыхъ тамъ стало бы еще больше, если бы правительство отдало рудники въ собственность владѣльцамъ; но оно жаловало участки (*reparcimiento*) только на пожизненные сроки. Временные владѣльцы дали бы большія деньги за обращеніе этихъ земель въ полную потомственную ихъ собственность. Но правительство опасалось, что землевладѣльцы стали бы тогда стремиться къ независимости. Филиппъ II постоянно нуждался въ деньгахъ и не отступалъ ни передъ какими средствами добывать ихъ. Даже съѣстные припасы были обложены акцизами, такъ что и бѣдные люди платили за право жить. По мысли Руи Гомеса, Филиппъ учредилъ новый финансовый совѣтъ, предсѣдатель котораго Эрасо и члены, ловкіе и безсовѣстные, постоянно изобрѣтали новые налоги. Правительство продавало привилегіи, титулы, должности, произвольно понижало проценты по своимъ долгамъ или вовсе прекращало уплату ихъ, объявляло уничтоженными и самые долги свои, брало назадъ коронныя имущества, отданныя въ залогъ, отказывалось отъ платежей по другимъ контрактамъ. Отъ этой недобросовѣстности сильно страдали или даже банкротились многіе венеціанскіе, генуэзскіе, флорентійскіе, ліонскіе, аугсбургскіе, антверпенскіе банкиры. Кредитъ государства падалъ. По новымъ займамъ приходилось платить громадные проценты. Многіе испанскіе гранды имѣли съ давняго времени доходы по королевскимъ пожалованіямъ; правительство потребовало предъявленія документовъ о пожалованіяхъ; во многихъ случаяхъ не было документовъ, казна конфисковала эти доходы. Подъ предлогомъ войнъ съ турками или еретиками Филиппъ вынуждалъ у папы согласіе на увеличеніе податей съ церковныхъ имѣній въ Испаніи. Съ каждымъ годомъ тяжесть налоговъ росла, и все-таки казна была такъ истощена въ концѣ правленія Филиппа, что ему пришлось собирать новый налогъ посредствомъ личныхъ переговоровъ съ от-

дѣльными лицами, выпрашиваніемъ милостыни, какъ называетъ это Давила.

Торговля Испаніи упала, фабрики и мастерскія закрывались; водопроводы въ Толедо и другихъ городахъ, сооруженные арабами, обращались въ развалины; разработка рудниковъ прекратилась, земледѣліе пришло въ упадокъ; города разрушались. Въ 1594 кортесы уже говорили, что земледѣліе, скотоводство, промышленность упали, что нѣтъ въ государствѣ ни одного города или селенія, въ которомъ не уменьшилось число жителей, что повсюду многіе дома стоятъ пустые, что государство раззорено. Во всемъ этомъ была виновата политика Филиппа; она развивала въ испанцахъ страсть къ войнѣ, презрѣніе къ труду; гидальго считали унижительнымъ для себя трудиться. Плыли въ Америку, или шли на войну обогащаться грабежомъ; набравъ денегъ, покупали облигаціи государственныхъ долговъ и жили въ праздности процентами съ нихъ. Гранды, подражая королю, строили монастыри въ своихъ имѣньяхъ; родственники ихъ поступали монахами въ свои фамильные монастыри.

Единственнымъ результатомъ презрѣнія къ труду и упадка промышленности было то, что рынки наполнялись иноземными товарами.—Прежде вся западная Европа покупала у испанцевъ гранадскій и мурсійскій шелкъ, кастильскія сукна, повсюду славилась испанскія кожанная издѣлья; теперь ткани и всѣ предметы роскоши привозились изъ-за границы; даже оружіе приходилось покупать изъ чужихъ земель.

Щегольство требовало, чтобы камзолы были англійскіе, плащи ломбардскіе, обувь нѣмецкая, полотно голландское, скатерти антверпенскія, обои въ комнатахъ брюссельскія; четки привозились изъ Франціи; итальянскія и китайскія шелковые ткани предпочитались испанскимъ; тысячи иноземныхъ ремесленниковъ поселились въ испанскихъ городахъ, занимались промышленностью, которой пренебрегли испанцы. Розничная торговля почти вся была въ рукахъ иностранцевъ. Говорятъ, что однихъ генуэзцевъ жило въ Испаніи 10.000 человекъ. Фуггеры захватили въ свои руки ртутные рудники, подняли цѣну ртути втрое выше прежняго.

Вмѣстѣ съ матеріальнымъ упадкомъ происходилъ и нравственный. Продажа должностей давала полный просторъ пристрастію, взяточничеству и всякимъ притѣсненіямъ. Страна наполнилась нищими и бродягами, какъ видимъ изъ испанскихъ романовъ. Множество монаховъ приучало народъ къ тунеядству. Нигдѣ, кромѣ папскаго государства, не было столько ихъ, какъ въ Испаніи. Очень значительная часть національнаго имущества находилась во владѣніи монастырей; король и вельможи постоянно увеличивали ихъ богатства новыми пожертвованіями. Число населенія уменьшалось при громадномъ количествѣ людей, предпочитавшихъ праздную монастырскую жизнь труду и семейному быту; плодородная земля покрывалась сорной травой по не-

достатку землепашцевъ; множество домовъ обращалось въ развалины; цѣлыя селенія стояли пустыя. Распутство приняло громаднѣйшій размѣръ; еще во время нѣмецкой войны уже постоянно слышались жалобы на то, что испанскіе солдаты насилуютъ женщинъ.—Арагонія утратила важнѣйшія свои права; въ Валенсіи лежали пустынными поля, находившіяся прежде, при трудолюбивомъ мавританскомъ населеніи, подъ роскошными огородами. Барселона, изъ которой распространились по всѣмъ народамъ Средиземнаго моря морскіе законы, утратила свои купеческіе корабли, свою торговлю; каталонцы разучились быть матросами, и столица ихъ едва отбивалась отъ корсаровъ. Испанія обнищала. Отъ прежняго величія она сохранила только гордость.

Состояніе другихъ европейскихъ владѣній испанскаго короля также было бѣдственно. Въ Сициліи вельможи враждовали между собой и съ городами; ссоры доходили до междоусобій; благосостояніе исчезало при недостаткѣ безопасности. Но еще хуже было въ королевствѣ неаполитанскомъ; вице-короли, часто смѣняемые, спѣшили пользоваться непродолжительной властью для своего обогащенія; подражали тому, что дѣлалъ король въ Испаніи, продавали должности; администраторы и судьи были продажны, рѣшеніе процессовъ было предметомъ торговли; вельможи поступали съ населеніемъ своихъ земель точно такъ-же какъ вице-короли съ неаполитанскимъ государствомъ: учреждали таможи, брали пошлину со всѣхъ товаровъ, провозимыхъ черезъ ихъ земли, принуждали землепашцевъ продавать имъ хлѣбъ, ремесленниковъ продавать издѣлія за низкую цѣну и перепродавали съ большою выгодой себѣ; солдаты буйствовали и грабили. Потому не удивительно, что въ горахъ составилось множество разбойничьихъ шакъ, воевавшихъ съ правительствомъ. Тунеядство, поддерживаемое множествомъ монастырей, страшно увеличивалось, корсары грабили берега; страна нищала; прежнія большія селенія пустѣли, какъ на примѣръ Джовенаццо. По Калабріи нельзя было ѣздить иначе какъ караванами подъ охраной сильнаго конвоя. Общественная жизнь замерла; правительство не созывало государственнаго сейма, замѣнило его произвольно составляемыми собраніями сословныхъ представителей; въ нихъ не было депутатовъ ни отъ какого города, кромѣ Неаполя. Горожане нищали, поселяне были угнетены, невѣжественные и развратные монахи душили нравственныя силы народа распространеніемъ слѣпотаго суевѣрія, ученіемъ, что, соблюдая обряды, можно пренебрегать всѣми правилами нравственности.

Таково было состояніе испанскаго государства, когда Филиппъ II послѣ 40 лѣтняго царствованія умеръ 13 сентября 1598. Только въ Ломбардіи не были вполне истреблены прежнія благосостояніе и образованность, а Нидерланды борьбою за свободу подготавливали себѣ лучшую будущность; всѣ другія владѣнія Филиппа надолго лишились силъ возстановить свое погибшее благосостояніе. Но испанскій король продолжалъ считаться могущественнѣйшимъ государемъ Европы; испанская литература, испанское искусство создавали великія произведенія; испанскіе обычаи, одежда, языкъ были модными въ другихъ европейскихъ земляхъ; но это были только результаты прежнихъ

успѣховъ просвѣщенія и побѣдъ; силы народа, угнетаемаго произволомъ свѣтской власти, изнемогали; инквизиція и іезуиты, подъ владычество которымъ была отдана умственная жизнь народа, не дозволяли просвѣщенію проникать въ Испанію. Этимъ отнималась возможность улучшеній.

II. ОТПАДЕНІЕ НИДЕРЛАНДОВЪ ОТЪ ИСПАНСКОЙ МОНАРХІИ. ОСНОВАНІЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Литература. Изъ трудовъ прежнихъ историковъ особенно важны: *W a g e n a a r*, *De Vaderlandsche Historie der vereenigde Nederlanden*. (Amsterdam, 1749—760); *Bor*, *Oorsprong, begin ende vervolg der Nederlandsche Oorlogen* (Leiden, 1621); *M e t e r e n*, *Niederländische Historien* (нѣмецкій переводъ голландскаго подлинника, сдѣланный самимъ авторомъ, Arnheim, 1612); *H o o f t*, *Nederlandsche historien* (Amsterdam, 1703); *V a n R e y d*, *Historie der Nederlandschen Oorlogen* (Leeuwarden, 1650); *S t r a d a*, *De bello Belgico* (Bomae, 1640); *B e n t i v o g l i o*, *Historia della guerra di Fiandra* (Кѣльнъ, 1633); *V a n d e r V u n k t*, *Geschichte der vereinigten Niederlande* (нѣмецкій переводъ французскаго подлинника, Zürich, 1793); *H u g o n i s G r o t i i*, *Annales de rebus Belgicis* (Амстердамъ, 1658); *B r a n d t*, *Historie der Reformatie de Nederlanden* (Amsterdam, 1677).—Изъ новыхъ книгъ, назовемъ: *J o h n L o t h r o p M o t l e y*, *The rise of the Dutch Republik* и продолженіе этого труда *History of the United Netherlands* (много изданій);—сборники документовъ, изданные Груномъ ванъ Принстереромъ и Гашаромъ;—*H o l z w a r t h*, *Der Abfall der Niederlande* (Schaffhansen, 1865—1872); *J u s t e*, *Histoire de la révolution des Pays—Bas* (Bruxelles, 1855).

1. Нидерланды при Карлѣ V.

Важнѣйшимъ событіемъ долгаго царствованія Филиппа II было отпаденіе Нидерландовъ отъ испанской монархіи, возникновеніе независимой нидерландской республики.—Когда нидерландскія области, соединенныя въ одно государство, вошли при Карлѣ V въ составъ испанской монархіи, едва ли могло казаться вѣроятнымъ, что близко для нихъ время освобожденія отъ подвластности габсбурго-бургонскому владычеству. Онѣ не имѣли тогда политической самостоятельности, но за этимъ исключеніемъ ихъ состояніе при Карлѣ было недурно: онѣ не уступали никакой другой европейской землѣ обезпеченностью личной свободы людей въ частной жизни и богатствомъ; изрѣзанные хорошими водяными путями сообщенія, Нидерланды принимали очень дѣятельное участіе во всемірной торговлѣ, не было тогда торговаго центра равнаго обширностью своихъ оборотовъ Антверпену, въ которомъ жили купцы всѣхъ западныхъ націй, выгружали товары тысячи кораблей изъ всѣхъ частей свѣта; въ Брабантѣ и Фландріи изготовлялись изъ англійской шерсти превосходные сукна и ковры, развозившіеся по всей западной Европѣ, дававшіе огромную при-

быль фабрикантамъ; торговля съ новооткрытыми землями сильно увеличила промышленность и богатство нидерландскихъ гаваней; въ нихъ поселялись испанскіе, португальскіе, нѣмецкіе купцы и банкиры, конторы которыхъ владычествовали на европейскомъ рынкѣ; аугсбургскіе Фуггеры и Вельсеры имѣли отдѣленія своихъ фирмъ въ Антверпенѣ; Фландрія, Геннегау, Артуа, Намюръ были превосходно воздѣлываемы и, при плодородіи почвы, производили очень много хлѣба; сѣверныя области издавна продавали за границу огромныя количества сыра, коровьяго масла, скота, вели обширную торговлю свѣжей и соленой рыбой; не было матросовъ лучше нидерландскихъ.

Разнообразію трудовыхъ занятій соотвѣтствовало и разнообразіе обычаевъ и общественнаго устройства. Во Фландріи и Брабантѣ подъ покровительствомъ герцоговъ бургонскихъ получили преобладаніе могущественныя вельможи, обладавшіе обширными имѣньями. Подобно французскимъ вельможамъ они любили войну и блескъ. Многіе изъ нихъ обѣднѣли отъ расточительности, запутались въ долги. Этому содѣйствовала политика Габсбурговъ, желавшихъ поставить нидерландскую аристократію въ денежную зависимость отъ себя: они привлекали вельможъ къ своему двору, давали имъ высокія должности безъ жалованья, принуждали ихъ этимъ къ большимъ расходамъ. Вельможи завидовали богатству городовъ и въ прежнія времена вели съ ними много войнъ; но теперь вражда ослабѣла, развилось сознаніе общности интересовъ; нападенія вельможъ на города, продолжавшіяся въ Германіи, прекратились въ Брабантѣ и Фландріи. Со смертью послѣдняго герцога гелдернскаго исчезъ послѣдній нарушитель спокойствія южной части Нидерландовъ. Въ сѣверныхъ областяхъ: Зеландіи, Голландіи, Фрисландіи, Утрехтѣ характеръ общественной жизни былъ иной. Южные города усвоили себѣ французскіе обычаи; нравы въ нихъ смягчились. На сѣверѣ народъ, принужденный вести постоянную борьбу съ моремъ, угрожавшимъ затопить искусственно осушенныя низменности, оставался суровъ, привыченъ къ лишеніямъ и опасностямъ. Правда Роттердамъ, Амстердамъ, многочисленныя другіе города сѣвернаго берега вели дѣятельную морскую торговлю, боролись съ нѣмецкой ганзой за владычество на Балтійскомъ морѣ. Но жизнь населенія на сѣверѣ была менѣе легка, чѣмъ на югѣ. Матросы сѣверныхъ городовъ плавали по бурному морю, труды сѣверныхъ землепашцевъ были тяжелы, потому что почва ихъ областей не была плодородна.

Разнообразіе общественной жизни въ нидерландскихъ областяхъ было очень велико. Каждая изъ нихъ имѣла свои особыя права и очень дорожила ими; большіе города также имѣли каждый свои привилегіи; потому партикуляризмъ былъ очень силенъ въ Нидерландахъ. При прежнихъ слабыхъ областныхъ государяхъ Гентъ, Брюгге, Антверпенъ и многіе другіе города, покупая себѣ права за помощь своимъ феодальнымъ госу-

дарямъ, приобрѣли такія привилегіи, что сдѣлались почти независимыми республиками. Граждане ихъ составляли милицію, всегда готовую идти въ бой для защиты своей свободы. Вельможи за свою службу бургонскимъ герцогамъ тоже приобрѣли большія права.—Во Фландріи и Брабантѣ государственное устройство имѣло аристократическій характеръ, подобный прежнему феодальному устройству Франціи. На сѣверѣ и особенно во Фрисландіи сохранился старый нѣмецкій демократическій духъ, и народъ этихъ областей часто отражалъ нападенія своихъ феодальныхъ владѣтелей.—Такимъ образомъ Нидерланды представляли пеструю смѣсь всѣхъ формъ средневѣкового общественнаго устройства. Намѣстники государей были обыкновенно назначаемы сообразно желанію или формальному выбору представителей областей. Герцогъ, подъ властью котораго соединились всѣ нидерландскія земли, былъ по нѣкоторымъ изъ нихъ вассалъ императора нѣмецкаго, по другимъ—короля французскаго.

Но при всемъ разнообразіи обычаевъ и учрежденій нидерландцы имѣли общую черту: любовь къ свободѣ, къ своимъ учрежденіямъ производила между ними нѣчто подобное національному чувству. Оно развивалось отчасти по сознанію общности интересовъ, отчасти потому, что государи габсбургскаго дома стремились объединить всѣ свои нидерландскія владѣнія. Въ Мехельнѣ существовалъ верховный трибуналъ, принимавшій апелляціи отъ всѣхъ областныхъ и городскихъ судовъ; существовалъ общій нидерландскій сеймъ, въ который каждая область посылала двухъ депутатовъ. Власть его была очень ограничена; областные сеймы ревниво удерживали за собою законодательную власть и вотированіе налоговъ; но все-таки общій сеймъ представлялъ собой начало національнаго объединенія. Брюссель, бывшій обыкновенной резиденціей двора и мѣстомъ засѣданій общаго сейма, принималъ характеръ столицы Нидерландовъ.

Карлъ V и его сестра Марія, бывшая намѣстницей брата въ Нидерландахъ, желали бы ввести въ этой странѣ централизацію; но областной партикуляризмъ принуждалъ ихъ быть осторожными. Налоги не могли быть устанавливаемы иначе какъ рѣшеніями областныхъ сеймовъ; денежные требованія правительства назывались «просьбами» (bede); и дѣйствительно отъ воли областного сейма зависѣло исполнить или отвергнуть ихъ. Правда впрочемъ, что составъ областныхъ сеймовъ находился отчасти въ зависимости отъ воли государя. Нидерланды давали очень много денегъ Карлу V; вообще говоря денежные «просьбы» его были исполняемы; но, чтобы достичь этого, правительство должно было дѣйствовать очень осмотрительно, не возбуждать подозрѣній, что хочетъ нарушать областныя права. Сеймы, хотя не безъ ропота, давали деньги, опасаясь раздосадовать Карла и желая хотя по формѣ сохранить за собою власть надъ налогами, предотвратить насильственные мѣры. Карлъ и Марія очень ловко проводили свои желанія безъ нарушенія областныхъ правъ и, вообще говоря, нидерландцы были довольны ихъ управленіемъ, усердно поддерживали Карла въ его войнахъ. Испанскіе писатели сами сознаются, что Карлъ получалъ изъ Нидерландовъ больше доходовъ, чѣмъ изъ всей остальной своей монархіи, что только нидерландскія деньги давали ему возможность вести войны, имѣть великолѣпный дворъ.

Лишь однажды неудовольствіе противъ него дошло до вооруженнаго возстанія, и мятежъ этотъ ограничился городомъ Гентомъ. Депутаты Гента одни отважились на фландрскомъ сеймѣ вотировать противъ огромнаго денежнаго требованія Карла; граждане Гента взялись за оружіе, чтобы не допустить взиманія этого налога, установленнаго областнымъ сеймомъ. Неудовольствіе было тогда сильно и въ другихъ городахъ: они также тяготились обременительностью налоговъ, роптали на то, что Карлъ ведетъ войны вовсе ненужныя для нихъ, надобныя только его династическому честолюбію. Потому должно было опасаться, что возстаніе распространится, если не будетъ быстро подавлено. Карлъ торопливо поѣхалъ изъ Испаніи черезъ Францію въ Нидерланды, быстро принялъ сильныя мѣры. Гентъ принужденъ былъ покориться, члены городского совѣта и старшины цеховъ принуждены были босые съ веревкой на шеѣ просить пощады у императора, побѣдоносно вступившаго въ Гентъ 24 февраля 1540. Онъ подвергъ мятежный городъ тяжелому наказанію: предалъ смерти 25 возбудителей возстанія, изгналъ многихъ другихъ и конфисковалъ ихъ имущество, отнялъ у города самоуправленіе, наложилъ на него большую контрибуцію, построилъ на его счетъ цитадель, для предотвращения всякихъ попытокъ ослушанія. Послѣ того нидерландцы, хотя и не безъ ропота, но съ покорностью давали ему всѣ деньги, какихъ требовалъ онъ, — монархическая власть укрѣплялась въ ихъ странѣ.

Искусный правитель, ловко умѣвшій пользоваться человѣческими слабостями и предубѣжденіями, Карлъ V имѣлъ въ путаницѣ мѣстныхъ нидерландскихъ привилегій очень удобную обстановку для введенія абсолютной власти въ Нидерландахъ. Мелочной партикуляризмъ нидерландцевъ, заботившійся только о мѣстныхъ привилегіяхъ, равнодушно смотрѣлъ на притѣсненіе сосѣдовъ. Въ конгломератѣ аристократическихъ и демократическихъ, областныхъ и городскихъ учреждений и обычаевъ, какимъ были Нидерланды, не могла возникнуть общая оппозиція произволу Карла. Привилегіи каждой области говорили, что административныя и судебныя должности въ ней должны быть даваемы исключительно уроженцамъ ея; это не относилось ни къ общему управленію Нидерландами, ни къ верховному трибуналу; потому Карлъ могъ наполнять ихъ иноземцами, не нарушая областныхъ правъ. Онъ этимъ способомъ укрѣплялъ и расширялъ свою власть надъ Нидерландами, вводилъ въ нихъ монархическую систему правленія; но онъ остерегался раздражать нидерландцевъ, щадилъ ихъ обычаи. Ему тѣмъ легче было сохранять ихъ довѣріе, что самъ онъ по рожденію и воспитанію былъ нидерландецъ, имѣлъ расположеніе къ нидерландскимъ обычаямъ, говорилъ по фламандски, раздѣлялъ любовь фламандцевъ къ искусствамъ и къ веселью. Притомъ его правленіе приносило нидерландцамъ большія выгоды и много

славы. Соединеніе съ громаднымъ испанскимъ государствомъ оживляло торговлю и промышленность, открывало для нихъ новые рынки, служило источникомъ обогащенія; подъ властью могущественнаго государя нидерландцы были безопасны отъ нападеній иноземцевъ; имъ льстило то, что сильнѣйшій государь Европы ихъ соотечественникъ, что въ его совѣтѣ при его дворѣ, въ его войскахъ паходится множество нидерландскихъ вельможъ; слава его была отчасти славой нидерландцевъ; имъ пріятно было думать, что истинная столица всего государства Карла Брюссель; и дѣйствительно Карлу правилось жить въ этомъ городѣ; онъ проводилъ тамъ больше времени, чѣмъ въ Мадридѣ; въ рѣчи, которую сказалъ онъ нидерландцамъ при своемъ отреченіи, онъ напомнилъ, что десять разъ возвращался жить въ Нидерландахъ. Онъ любилъ проводить въ кругу фламандскихъ вельможъ время отдыха отъ дѣлъ, чувствовалъ себя въ немъ между своими. Прощальная рѣчь его произвела глубокое впечатлѣніе на нидерландцевъ: и самъ онъ и они были растроганы. Правда, Нидерланды испытывали отъ него много притѣсненій; но благосостояніе ихъ при немъ возросло; заботясь объ интересахъ своей власти, онъ часто находилъ полезнымъ для себя думать и объ интересахъ Нидерландовъ. Такъ напримѣръ онъ убѣдилъ нѣмецкій сеймъ объявить Нидерланды однимъ изъ округовъ нѣмецкой имперіи. Это должно было поставить ихъ подъ ея защиту. Правда впрочемъ, что при враждѣ между самими нѣмцами Германія не имѣла силы защищать и свои прежнія границы, тѣмъ меньше пользы получили Нидерланды отъ формальной принадлежности къ имперіи.

Нидерланды пользовались при Карлѣ V благосостояніемъ; объ этомъ свидѣлствуютъ построенныя тогда церкви, ратуши, дворцы вельможъ, великолѣпные дома богатыхъ горожанъ, хорошіе дома поселянъ; народъ прекрасно одѣвался, вѣлъ веселую жизнь.

Но внимательный наблюдатель могъ бы ужъ и тогда видѣть въ управленіи Нидерландами много дурного. При его сынѣ оно скоро стало невыносимымъ. Когда Филиппъ (въ 1548 году) въ первый разъ пріѣхалъ въ Нидерланды, онъ былъ еще юноша, имѣлъ только 21 годъ, но уже и тогда онъ выказалъ надменность и суровость характера, сильно не понравившуюся нидерландцамъ. Съ холоднымъ высокомеріемъ принималъ онъ оваціи, какъ должную дань подданныхъ, обязанныхъ благоговѣть передъ своимъ будущимъ повелителемъ. Даже великолѣпный пріемъ, сдѣланный Антверпеномъ Филиппу, не вызвалъ благосклоннаго выраженія на его лицѣ. Нидерландцы видѣли, что при немъ ихъ страна уже не будетъ главной частью монархіи, центромъ ея политики, и станетъ лишь второстепенной провинціей. Люди проницательные понимали, что надменный Филиппъ не будетъ остерегаться нарушать ихъ права, какъ вообще остерегался Карлъ. Большинство простолудиновъ быть можетъ плохо понимало важность поли-

тическихъ правъ; но вельможи, дворяне, купцы, старшины цеховъ дорожили ими, понимали, что участіе въ администраціи, законодательствѣ, установленіи налоговъ составляетъ основу благосостоянія нидерландскаго народа. По закону связь Нидерландовъ съ другими владѣніями Карла и Филиппа была только такъ называемымъ личнымъ соединеніемъ, то есть Нидерланды составляли совершенно особое государство, имѣющее съ Испаніей только ту связь, что государемъ обѣихъ странъ было одно лицо. Въ одной изъ привилегій Брабанта говорилось: «Если государь нарушаетъ права страны и не слушаетъ ея представленій, то она освобождается отъ присяги данной ему». Легко было предвидѣть, что высокомерный и суровый Филиппъ будетъ нарушать законы гораздо самовластнѣе осторожнаго Карла и принудить народъ вступить въ борьбу съ нимъ.

Противуположность между любовью нидерландцевъ къ своимъ законамъ и тенденціею Габсбурговъ ввести въ Нидерландахъ произвольную власть получила особенную рѣзкость отъ распространенія реформациі. Императоръ и брюссельское правительство старались не допустить новаго ученія въ Нидерланды. Послѣ вормесскаго сейма они издавали много эдиктовъ и плакатовъ (распоряженій), воспрещавшихъ привозить, распространять или читать сочиненія Лютера и другія еретическія книги; за ослушаніе они угрожали заключеніемъ въ темницу, отсѣченіемъ головы, сожженіемъ. Но при дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ Нидерландовъ съ еретическими землями невозможно было предовратить распространенія реформациі въ нихъ. Изъ Германіи, Швейцаріи, Англіи преслѣдуемые проповѣдники новаго ученія бѣжали въ Нидерланды; купцы и матросы бывали въ приморскихъ городахъ, принявшихъ реформацію. Многіе нидерландскіе вельможи учились въ Женевѣ; нидерландцы, служившіе въ войскахъ Карла, знакомились съ лютеранствомъ въ своихъ походахъ по Германіи. Нидерландцы были подготовлены къ реформациі тѣми литературными обществами, которыя назывались реторическими камерами.

Реторическія камеры существовали во всѣхъ городахъ. Стихотворенія и разговоры членовъ ихъ были проникнуты духомъ протестантской оппозиціи противъ монашества и злоупотребленій папской власти. Мы говорили, что Янъ Бокельсонъ Лейденскій, сдѣлавшійся царемъ Сіонскимъ въ Мюнстерѣ, былъ членомъ одной изъ реторическихъ камеръ. Правительственное преслѣдованіе заставляло нидерландскихъ послѣдователей реформациі скрывать свои вѣрованія; имъ невозможно было сформироваться въ общины для публичнаго богослуженія; они сходились на тайныя собранія. Такъ было и въ другихъ земляхъ, гдѣ правительство преслѣдовало реформацію: въ Австріи, Баваріи, нѣмецкихъ духовныхъ государствахъ. Правительство и католическое духовенство успѣвали мѣшать возникновенію публичнаго евангелическаго богослуженія въ южной части Нидерландовъ;

казни проповѣдниковъ новаго ученія запугали тамъ народъ. Но втайнѣ многіе фландрскіе и брабантскіе вельможи были послѣдователями реформациі; горожане тоже сочувствовали ей: этимъ трудолюбивымъ людямъ не могло нравиться тунеядство монаховъ; только страхъ наказаній удерживалъ народъ въ южныхъ областяхъ отъ формальнаго разрыва съ католической церковью. Приверженцы реформациі ободрились тамъ, только когда народъ возсталъ противъ политическаго угнетенія.

Сильнѣе и важнѣе было реформаціонное движеніе на сѣверѣ, въ Зеландіи, Голландіи, Фрисландіи, Утрехтѣ. Тамъ были усерднѣйшіе проповѣдники и послѣдователи анабаптизма. Мюнстерскіе анабаптисты ожидали себѣ подкрѣпленій изъ Фрисландіи и Голландіи, какъ мы упоминали; въ Амстердамѣ анабаптисты даже пытались овладѣть ратушей. Но и въ сѣверной части Нидерландовъ преслѣдованіе реформациі было такъ сильно, что не могло возникнуть публичнаго евангелическаго богослуженія. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ распространителей реформациі тамъ былъ Давидъ Йорисъ, уроженецъ Дельфта, бывшій также членомъ реторической камеры, человекъ даровитый, усердно изучавшій священное писаніе, но увлекавшійся фантастическими идеями; онъ слагалъ духовныя пѣсни, писалъ религиозныя книги мечтательнаго направленія, предсказывалъ скорое наступленіе страшнаго суда. Онъ и его послѣдователи подвергались гоненіямъ, много разъ жизнь его была въ опасности, наконецъ онъ бѣжалъ въ Базель, жилъ и умеръ тамъ подъ именемъ Йоганна уроженца Брюгге. Свѣтскія и церковныя власти подавляли ересь въ Голландіи и Фрисландіи, но анабаптизмъ укоренился въ этихъ областяхъ. Впослѣдствіи Менно Симонсъ далъ тамъ правильную организацію анабаптистамъ, и они стали называться по его имени Меннонитами.

Мы говорили, что реформациа пріобрѣла во всѣхъ нидерландскихъ областяхъ много послѣдователей; но они оставались разрознены, и тѣмъ легче было правительству поддерживать владычество католической церкви. Попытки возстаній анабаптистовъ и коммунистическія ихъ тенденціи служили правительству предлогомъ выставлать въ дурномъ видѣ и другія протестанскія ученія, называть лютеранство и кальвинизмъ ересями, такими же опасными для общества, подвергать ихъ такому же преслѣдованію. Мы говорили, что Карлъ V безпощадно искоренялъ протестантство во всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и щадилъ его въ Германіи только по политической необходимости. Въ Нидерландахъ свирѣпость гоненія была безгранична. Говорятъ, что Карлъ хотѣлъ ввести тамъ испанскую инквизицію, но разсудительные совѣтники отклонили его отъ этого. Впрочемъ и не было надобности вводить въ Нидерландахъ испанскую инквизицію, потому что епископскіе суды неумолимо примѣняли къ еретикамъ свирѣпыя законы.

О томъ какъ поступало правительство съ еретиками, можно видѣть по судьбѣ Пьера Брюли (Brusli) и людей замѣшанныхъ въ процессъ его. Брю-

ли былъ преемникомъ Кальвина въ Страсбургѣ; реформаты нидерландскаго города Турнѣ пригласили его въ 1544 г. быть проповѣдникомъ у нихъ. Вскорѣ по прїѣздѣ онъ подвергся преслѣдованію, хотѣлъ бѣжать, былъ схваченъ и 19 февраля 1545 г. сожженъ на медленномъ огнѣ. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ были подвергнуты пыткамъ и также преданы смерти. Бѣдная простолюдинка, вся вина которой состояла въ томъ, что она по приказанію мужа допустила въ своемъ домѣ тайное собраніе реформатовъ, была зарыта въ землю живая. Ужасъ этой сцены былъ такъ великъ, что палачъ отказался участвовать въ исполненіи другого такого же приговора. Марія де Ленъеръ была предана смерти за то, что дала чистое бѣлье Пьеру Брюли. Этимъ начался рядъ безчисленныхъ казней и сожженій еретиковъ. Въ сентябрѣ 1550 года Карлъ, ободренный покорностью побѣжденныхъ нѣмецкихъ протестантовъ, подписалъ въ Аугсбургѣ эдиктъ, устанавливавшій въ Нидерландахъ мѣры преслѣдованія еретиковъ еще болѣе свирѣпыя, чѣмъ какія были введены тамъ прежними плакатами. По этому его распоряженію должны были быть подвергаемы смерти всѣ распространители ереси и еретическихъ книгъ, всѣ присутствовавшіе на еретическихъ богослужебныхъ собраніяхъ; имущество осужденныхъ конфисковалось, половина его отдавалась доносчикамъ; судьямъ воепрещалось всякое смягченіе наказаній; завѣдываніе процессами противъ еретиковъ поручалось четыремъ особымъ судьямъ; всѣ другія власти обязывались помогать имъ, исполнять ихъ требованія. Императоръ хотѣлъ дать этимъ судьямъ названіе инквизиторовъ; но Маргарета, правительница Нидерландовъ, объяснила ему, что оно возбудило бы слишкомъ сильный ропотъ своей одинаковостью съ ужаснымъ именемъ сановниковъ испанской инквизиціи; Карлъ по ея убѣжденію назвалъ ихъ не инквизиторами, а „духовными судьями“. Они были назначаемы изъ нидерландскаго духовенства, но выказывали такое же усердіе къ своему дѣлу, какъ испанскіе инквизиторы. Благодаря тому католическая церковь сохраняла свое владычество надъ Нидерландами. Нѣкоторые изъ прежнихъ историковъ вѣрили словамъ протестантовъ того времени, что число людей подвергшихся въ Нидерландахъ смерти за вѣру при Карлѣ V простиралось до 50,000; эта цифра—реторическое преувеличеніе, но дѣйствительно число убитыхъ духовными судьями было очень велико. Въ Голландіи, Фрисландіи, Оверъ-Эйселѣ было казнено, утоплено, сожжено или заживо зарыто въ землю множество анабаптистовъ; много ихъ подверглось той же судьбѣ и въ другихъ нидерландскихъ областяхъ; множество людей подозрѣваемыхъ въ ереси томились въ темницахъ; но сколько именно было ихъ, мы не можемъ сосчитать.—И однако же нидерландскіе вельможи плакали, слушая прощальную рѣчь Карла, передававшего власть сыну; они чувствовали, что ихъ родинѣ будетъ еще хуже прежняго при этомъ человѣкѣ съ безчувственнымъ лицомъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Филиппа было возобновленіе эдикта 1550 года, который слабо исполнялся въ предъидущіе годы, когда вниманіе Карла было отвлечено отъ внутреннихъ дѣлъ военными; новый государь хотѣлъ показать, что при немъ не будетъ смягчено религіозное преслѣдованіе, повелѣлъ судьямъ и чиновникамъ строго исполнять плакаты противъ еретиковъ, угрожая тяжелыми наказаніями за недостатокъ усердія въ этомъ дѣлѣ.

2. Правительство и вожди аристократіи.

Собираясь плыть изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ совѣтовался съ своими приближенными, кому поручить управленіе Нидерландами. Во время войны намѣстникомъ въ нихъ былъ Эммануэль Филибертъ, герцогъ савойскій, прогнанный французами изъ своего государства; теперь оно было возвращено ему по условіямъ мира, и онъ возвратился туда. Нидерландцамъ хотѣлось, чтобы преемникомъ его былъ назначенъ кто-нибудь изъ нидерландскихъ вельможъ, и вѣроятно надѣялся получить этотъ санъ Эгмондъ, котораго король предъ своимъ отъѣздомъ назначилъ намѣстникомъ Фландріи и Артуа. Вѣроятно имѣлъ такую же надежду Вильгельмъ Оранскій, намѣстникъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта. Но Филиппъ не довѣрялъ никому изъ нидерландскихъ вельможъ; скоро нидерландцы замѣтили, что онъ хочетъ поручить управленіе одной изъ принцессъ королевской фамиліи. Сначала нельзя было догадаться, которой именно. Вильгельмъ Оранскій сталъ дѣйствовать въ пользу Христины, герцогини лотарингской, племянницы Карла. Будучи тогда вдовцомъ, Вильгельмъ рассчитывалъ жениться на ея дочери; но король назначилъ правительницей свою побочную сестру Маргарету, бывшую за Александромъ Медичи и по его смерти вышедшую за Оттавіо Фарнезе, герцога пармскаго. Нидерландцы могли считать ее своей соотечественницей: мать ея была фламандка; она воспитывалась въ Брюсселѣ у своей тетки Маріи, правительницы Нидерландовъ. Маргарета походила характеромъ на мужчину, любила подобно Маріи охоту; была одарена проницательнымъ умомъ, походила на отца сдержанностью, властолюбіемъ, умѣньемъ внушать почтеніе къ себѣ. Король находилъ въ ней всѣ качества, нужныя для управленія дѣлами и особенно нравилось ему то, что она имѣла большое усердіе къ католической церкви; оно было внушено ей Лойолою, который нѣсколько времени былъ ея духовникомъ. Она выказывала преданность Филиппу и сочувствіе его системѣ правленія.

Маргарета стала править въ духѣ Филиппа. По формѣ, высшимъ правительственнымъ органомъ былъ государственный совѣтъ, постоянными членами котораго были Эгмондъ, Вильгельмъ Оранскій, графъ Горнъ (адмиралъ нидерландскаго флота) и нѣкоторые другіе нидерландскіе вельможи; всѣ намѣстники областей и кавалеры ордена Золотого руна также участвовали въ засѣданіяхъ его, когда бывали въ Брюсселѣ. Нидерландцы составляли большинство въ этомъ высшемъ правительствомъ учрежденіи. Такимъ образомъ казалось, что правительство имѣетъ національный характеръ. Но въ дѣйствительности завѣдывалъ управленіемъ тайный совѣтъ, председателемъ котораго былъ человекъ вполне преданный испанской системѣ, уроженецъ Фрисландіи Вигліусъ ванъ Зейхемъ, простолудинъ, возвысившійся умомъ, ученостью и изворотливостью характера, фанатичный католикъ, считавшій ученіе о свободѣ совѣсти заблужденіемъ, веду-

щимъ къ язычеству и безбожію. Тайный совѣтъ, безусловно подвластный волѣ короля и регентши, завѣдывалъ судебной частью и финансами совершенно независимо отъ государственнаго совѣта. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ регентша была обязана слѣдовать мнѣнію правительственнаго комитета, называвшагося консультой. Онъ состоялъ изъ лицъ, вполне раздѣлявшихъ понятія Филиппа. Президентомъ консульты былъ кардиналъ Гранвелла, епископъ Аррасскій.

Антуанъ Перно (Perrenot) Гранвелла былъ старшій сынъ императорскаго канцлера, человека незнатной бургонской фамиліи, возвысившагося своими талантами. Гранвелла-сынъ былъ богословъ, человекъ очень ученый, свободно говорившій на семи языкахъ, занимательный, остроумный собесѣдникъ, умѣвшій понимать характеры и мысли людей. Онъ съ молодости пріобрѣлъ довѣріе императора. Карлъ давалъ ему много важныхъ порученій. Онъ былъ такъ ловокъ, что вошелъ въ довѣріе и у недовѣрчиваго Филиппа, убѣдилъ его въ своей преданности, разгадывалъ его смутные замыслы, разъяснялъ ихъ ему такъ изворотливо, что онъ принималъ планы своего совѣтника за свои собственные мысли. «Съ удивительной проицательностью Гранвелла разгадывалъ всѣ мысли своего государя», говоритъ Шиллеръ: «и часто по выраженію его лица узнавалъ весь рядъ его соображеній; ловко помогалъ онъ неповоротливому уму Филиппа, давалъ полное развитіе сбивчиво высказанному намеку его и предоставлялъ ему всю честь изобрѣтенія плановъ, которые вырабатывалъ для него». Человекъ гибкаго характера, Гранвелла усвоилъ себѣ всѣ пристрастія Филиппа, подражалъ королю въ педантскомъ веденіи всѣхъ дѣлъ бумажнымъ порядкомъ, сравнился съ нимъ въ усердіи писать и писать, превзошелъ его трудолюбіемъ. Король восхищался слугою совершенно раздѣлявшимъ его понятія и привычки, не имѣвшимъ повидимому никакихъ своихъ мыслей, только воспринимавшимъ всѣ мысли своего повелителя. Назначивъ Маргарету правительницей Нидерландовъ, Филиппъ опредѣлилъ Гранвеллу помощникомъ ея, далъ ей и ему такія инструкціи, что она была правительницею только по названію, а на дѣлѣ вся власть принадлежала Гранвеллѣ. Филиппъ осыпалъ честолюбиваго и жаднаго Гранвеллу почестями и богатствами, сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта Кастиліи, то есть верховнаго правительственнаго учрежденія монархіи, далъ ему такое вліяніе на дѣла, какого никогда не имѣлъ и самъ Руи Гомесъ. Гранвелла былъ несравненный мастеръ раболѣпной услужливости.

Гранвелла былъ президентомъ консульты; помощникамъ его въ ней были Вигліусъ и Барлемонъ, люди менѣе даровитые, чѣмъ онъ, но также безусловно преданные Филиппу. О Вигліусѣ мы уже говорили; баронъ Барлемонъ, президентъ финансоваго совѣта и правитель Намюра, былъ храбрый воинъ, человекъ знатной фламандской фамиліи, умѣвшій соединять съ преданностью королю и католичеству заботу о своей выгодѣ, алчный и же-

стокій. Члены консулты были съ тѣмъ вмѣстѣ членами государственнаго совѣта и руководили всѣми дѣлами не только по финансовому и гражданскому управленію, но и по судебной части и по военной.

Принимая власть, нидерландскій государь присягалъ добросовѣстно соблюдать всѣ законы и привилегіи каждой области и cadaго города; только по принесеніи имъ этой присяги нидерландцы присягали быть вѣрными подданными его, защищать его интересы, охранять его власть. Филиппъ далъ присягу (въ Антверпенѣ), но сталъ дѣйствовать такъ, что не видно было у него намѣренія исполнять ее. Возобновленіе свирѣпаго эдикта противъ еретиковъ уже возбудило тревогу въ нидерландцахъ; они вознегодовали, увидѣвъ, что иноземные наемники оставляются на службѣ по заключеніи мира; эти испанцы буйствовали и грабили въ Нидерландахъ, какъ въ непріятельской землѣ, и казалось, что король хочетъ, чтобы новое правительство опиралось на нихъ. Зеландцы, въ области которыхъ были поставлены наемники, говорили, что скорѣе оставятъ безъ поправки свои плотины, дадутъ морю залить ихъ землю, чѣмъ потерпятъ, чтобы оставались въ ней испанцы. Народное неудовольствіе выказалось на общемъ нидерландскомъ сеймѣ, который созвалъ Филиппъ передъ своимъ отъѣздомъ, чтобы проститься съ нидерландцами и получить отъ нихъ деньги. Сеймъ былъ созванъ въ Антверпенъ и открытъ 7 августа 1559. Король собралъ кавалеровъ ордена Золотого руна, простился съ ними, назначилъ новыхъ кавалеровъ на вакансіи; послѣ этой церемоніи Гранвелла открылъ засѣданія сейма блистательной рѣчью, кончавшейся заявленіемъ, сколько денегъ надобно государю и требованіемъ, чтобы сеймъ содѣйствовалъ искорененію ереси. Король просилъ очень много денегъ; онѣ были даны ему почти безъ противорѣчія; но тѣмъ настойчивѣе было требованіе сейма, чтобы король вывелъ изъ Нидерландовъ иноземныя войска, содержаніе которыхъ составляетъ большое обремененіе, противозаконно наложенное на страну. Эгмондъ, Вильгельмъ Оранскій и другіе вельможи подали государю адресъ, поддерживавшій требованіе сейма. Филиппъ былъ такъ раздосадованъ, что въ раздраженіи воскликнулъ: «Я также испанецъ; чтожь, они хотятъ выгнать и меня?» Онъ предложилъ князю оранскому и Эгмонду начальство надъ иноземными войсками, рассчитывая смягчить этимъ оппозицію; но хитрость не удалась: Вильгельмъ и Эгмондъ отказались. Филиппу пришлось подавить свою досаду, дать обѣщаніе, что иноземные солдаты будутъ выведены немедленно по уплатѣ недоданнаго имъ жалованья. Вельможамъ, подавшимъ адресъ, онъ никогда не простилъ этого поступка и при своемъ отъѣздѣ (изъ влиссингенской гавани) гнѣвно сказалъ князю оранскому: «Не сеймъ не доволенъ, а вы, вы, вы!» Это было послѣднее ихъ свиданье.

Черезъ нѣсколько времени Вильгельмъ, бывшій вдовцомъ, вступилъ въ бракъ съ Анной, дочерью покойнаго Морица, курфюрста саксонскаго, вну-

кой Филиппа, ландграфа гессенскаго, жившей при дворѣ своего дяди Августа, курфюрста саксонскаго; такимъ образомъ онъ породнился съ сильнѣйшими изъ нѣмецкихъ протестантскихъ династій, съ опасными врагами Габсбургскаго дома. Анна была протестантка, и по ея пріѣздѣ въ Брюссель стало тамъ совершаться протестантское богослуженіе съ колокольнымъ звономъ. Теперь и по родственнымъ связямъ Вильгельмъ сталъ противникомъ Габсбургской династіи, какъ былъ по своимъ политическимъ правиламъ противникомъ самовласти Филиппа. Онъ былъ человѣкъ очень проницательнаго ума, твердаго характера, никогда не терявшій самообладанія, невозмутимо спокойный во всѣхъ затрудненіяхъ и бѣдствіяхъ, неутомимо дѣятельный.

Другой вождь нидерландской оппозиціи, графъ Ламораль Эгмондъ, былъ уроженецъ сѣверной Голландіи; тамъ стоялъ фамильный замокъ его предковъ Эгмондъ. Онъ былъ главою этого рода, бывшаго уже знатнымъ во времена крестовыхъ походовъ. Герцоги гельдернскіе, упорные враги габсбургской династіи, были младшею линіею рода Эгмондовъ. Ламораль Эгмондъ наслѣдовалъ отъ своей матери Франсуазы Люксамбуръ, княгини Гавръ, обширныя имѣнія во Фландріи, такъ что былъ и по богатству какъ по знатности однимъ изъ первыхъ вельможъ Нидерландовъ. Личные таланты и родственныя связи съ нѣмецкими государями возвышали его значеніе, уже и безъ того очень высокое. Когда онъ праздновалъ въ 1545 въ Шпейерѣ свой бракъ съ Сабиной, принцессой баварской, сестрой Фридриха, курфюрста пфальцскаго, въ числѣ его гостей находились императоръ, король Фердинандъ, сынъ Фердинанда, эрцгерцогъ Максимилианъ и много другихъ нѣмецкихъ государей. Съ 16 лѣтъ онъ находился при императорѣ, участвовалъ въ тунисской экспедиціи, въ нѣмецкихъ походахъ, въ осадѣ Меца, былъ награжденъ орденомъ Золотого руна, сопровождалъ Филиппа, ѣхавшаго въ Англію жениться на королевѣ Маріи. Ему былъ обязанъ Филиппъ побѣдами при Санъ-Кантенѣ и Гравелинге. Прославленный ими, Эгмондъ былъ любимцемъ войска и нидерландскаго народа. Человѣкъ довѣрчиваго, веселаго характера, привѣтливый, прямодушный, онъ былъ достоинъ любви своихъ соотечественниковъ, гордившихся его славой, но слишкомъ надѣясь на любовь народа, считалъ себя неприкосновеннымъ и своимъ прямодушіемъ раздражалъ короля. Военная слава ввела его въ излишнюю самонадѣянность. Онъ считалъ себя имѣющимъ великіе политическіе таланты, между тѣмъ какъ лишенъ былъ проницательнаго ума. Простодушный воинъ, онъ погибъ, спутанный интригами хитрыхъ прислужниковъ Филиппа.

Соворшенно не таковъ былъ Вильгельмъ, принцъ (князь) Нассау-Оранскій (Оранжскій, d'Orange), родившійся 14 апрѣля 1533 въ замкѣ Дилленбургѣ. Въ династіи графовъ нассаускихъ было много замѣчательныхъ людей. Въ XIV и XV столѣтіяхъ она пріобрѣла брачными союзами обширныя владѣнія въ Нидерландахъ; многіе чле-

ны ея были за вѣрную службу герцогамъ бургонскимъ и преемникамъ ихъ Габсбургамъ награждены высокими должностями и большими ленами. Графъ Ангельбрехтъ II, полководецъ и министръ Карла Смѣлаго, Максимилиана I и его сына Филиппа I, былъ намѣстникомъ нидерландскимъ; сынъ Ангельбрехта Генрихъ, наследовавшій нидерландскія владѣнія отца, тоже усердно служилъ Габсбургамъ, оказалъ большія услуги Карлу V по дѣлу о выборѣ его императоромъ, пользовался за это большимъ расположеніемъ его. Младшій сынъ Ангельбрехта Вильгельмъ, наследовавшій нѣмецкія родовыя владѣнія, былъ государь умный и добрый. Генрихъ женился на Клавдіи, сестрѣ Филиберта, графа шалонскаго и оранжскаго; Филибертъ былъ убитъ при осадѣ Флоренціи; онъ не имѣлъ дѣтей, и владѣнія его наследовалъ Рене, сынъ его сестры Клавдіи и Генриха. Вильгельмъ, женившись на Юліанѣ, графинѣ Штольбергъ, протестанткѣ, принялъ протестанство и сталъ членомъ шталькальденскаго союза. Старшимъ сыномъ Вильгельма и Юліаны былъ тотъ Вильгельмъ, который сталъ знаменитъ какъ вождь нидерландцевъ въ ихъ борьбѣ противъ Филиппа. Рене былъ убитъ при осадѣ Сенъ-Дизье (въ 1544); онъ не имѣлъ дѣтей, и по его завѣщанію, одобренному Карломъ V, всѣ владѣнія его линіи перешли къ его двоюродному брату Вильгельму, сыну Вильгельма и Юліаны, принявшему титулъ князя оранжскаго и сдѣлавшемуся однимъ изъ богатѣйшихъ, могущественнѣйшихъ вельможъ Европы. Говорятъ, что Меланхтонъ предсказалъ по звѣздамъ этому Вильгельму блестящую судьбу и насильственную смерть.

Вильгельмъ былъ воспитанъ въ евангелической вѣрѣ; но императоръ, взявшій его съ собою въ Брюссель, велѣлъ преподавать ему католическое вѣроученіе, поручивъ надзоръ за этимъ своей сестрѣ Маріи, правительницѣ Нидерландовъ. Своими благородными манерами, разсудительностью, даровитостью Вильгельмъ обратилъ на себя большое вниманіе Карла. Императоръ сдѣлалъ его своимъ пажемъ, потомъ камергеромъ, предназначалъ его быть опорой Габсбургской династіи, какъ были его предки. Молодой человекъ пріобрѣлъ при брюссельскомъ дворѣ умѣнье понимать политическія дѣла. Благоклонность императора къ нему возбудила зависть во многихъ придворныхъ. Они старались очернить его; но Карлъ, хорошій знатокъ людей, видѣлъ несправедливость ихъ злословія и въ 1551 году далъ Вильгельму новое доказательство своего расположенія, устроивъ женитьбу его на дочери графа Максимилиана Бюрена (Buren) Аннѣ, наследницѣ обширныхъ имѣній. При походѣ во Францію Карлъ назначилъ Вильгельма начальникомъ 20 тысячнаго корпуса. Молодой полководецъ оправдалъ довѣріе императора, и, при недостаткѣ денегъ въ казнѣ, употребилъ очень много своихъ денегъ на содержаніе войска.

Въ концѣ правленія Карлъ оказывалъ Вильгельму очень большой почетъ; мы говорили, что императоръ, произнося прощальную рѣчь нидерландскому сейму, опирался на плечо Вильгельма, что онъ послалъ Вильгельма сообщить нѣмецкимъ государямъ о своемъ отреченіи отъ императорскаго сана и убѣждалъ ихъ выбрать императоромъ Фердинанда. При отъѣздѣ изъ Нидерландовъ Карлъ совѣтовалъ сыну пользоваться услугами Вильгельма. Филиппъ оставилъ его на службѣ только по уваженію къ совѣту отца. Новый король назначилъ его членомъ нидерландскаго государственнаго совѣта, поручилъ ему вести переговоры съ французами; по заключеніи като-камбрезійскаго мира отправилъ его съ важнымъ порученіемъ въ Парижъ. Французскій король, считавшій Вильгельма посвященнымъ во всѣ тайны, сталъ говорить ему о томъ, что заключилъ съ Филиппомъ соглашеніе искоренить общими силами ересь. Вильгельмъ разгадалъ, что Филиппъ намѣренъ ввести въ Нидерланды испанскую инквизицію и проникся мыслью, что неизбежна будетъ борьба съ королемъ.

При отъѣздѣ Филиппа изъ Нидерландовъ Вильгельмъ имѣлъ 26 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, худощавъ, волоса его были темно-каштановыя, глаза голубые; выраженіе лица его было задумчивое, умное, почти всегда спокойное. Отъ природы онъ былъ слабаго здоровья, но приучилъ себя къ военнымъ трудамъ и лишеніямъ, такъ что могъ неустойчиво выносить ихъ. Онъ былъ одаренъ необыкновенно сильнымъ умомъ, быстро охватывавшимъ всѣ стороны дѣла, предвидѣвшимъ опасности, находившимъ средства предотвращать ихъ. Онъ имѣлъ мало досуга для занятій науками, но хорошо пользуясь имъ, приобрѣлъ много свѣдѣній; особенно онъ любилъ математику, исторію и политическія науки. Зорко наблюдая ходъ дѣлъ, превосходно понимая людей, онъ рѣдко ошибался въ своихъ соображеніяхъ и никогда не терялъ благоразумія и твердости; никакія неудачи не могли поколебать его, онъ неуклонно шелъ къ исполненію своихъ плановъ зрѣло обдуманыхъ. Онъ получилъ названіе Молчаливаго, но умѣлъ говорить съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. На эмблемѣ его была изображена альціона, плывущая въ своемъ гнѣздѣ по волнамъ, и онъ выбралъ своимъ девизомъ слова: «Спокойный среди бурныхъ волнъ» *Saevis tranquillus in undis*; они хорошо характеризовали его. Онъ былъ разсудителенъ, но имѣлъ благородное сердце, сочувствующее всему честному. Онъ былъ принужденъ хитрить, и честолюбіе въ немъ было сильно, но цѣли его были хороши. По происхожденію и брачнымъ связямъ онъ былъ расположенъ къ протестантству, по политической необходимости соблюдалъ католическіе обряды; но былъ выше разницъ между этими вѣроисповѣданіями и защищалъ вѣротерпимость. Чуждый скупости, онъ велъ блестящій образъ жизни, имѣлъ большой штатъ прислуги, давалъ въ Брюсселѣ роскошные пиры. Кухня его была знаменита. Расходы его были выше доходовъ, хотя и громадныхъ, такъ что онъ вошелъ въ долги. Но и пиры были у него соединены съ политической расчетливостью: онъ привлекалъ ими къ себѣ людей. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ.

но привѣтливо, и былъ доступенъ каждому. При всей своей осторожности онъ поступалъ въ важныхъ случаяхъ отважно.

Филиппъ долго медлилъ отозвать испанскія войска изъ Нидерландовъ; наконецъ вывелъ ихъ въ январѣ 1561; но прежде чѣмъ они сѣли на корабли, было возбуждено въ нидерландцахъ новое сильное неудовольствіе извѣстіемъ, что король учреждаетъ новыя епископства для усиленія церковнаго надзора за населеніемъ страны. Карлъ V уже имѣлъ эту мысль и желалъ вмѣстѣ съ учрежденіемъ новыхъ епархій уничтожить зависимость нидерландскихъ епископовъ отъ иноземныхъ архіепископовъ, къ митрополіямъ которыхъ принадлежали нидерландскія епархіи. Онъ хотѣлъ образовать изъ Нидерландовъ особое архіепископство. Но дѣла болѣе важныя не оставили ему досуга исполнить эту мысль. По заключеніи мира Филиппъ убѣдилъ Павла IV обнародовать буллу, учреждавшую въ Нидерландахъ новыя епископства и три архіепископства (Мехельнское, Камбрейское и Утрехтское). Прежде было только четыре епископства, теперь учреждалось еще десять. Въ каждомъ епископствѣ должны были находиться два инквизитора. Старшимъ изъ трехъ архіепископовъ былъ Мехельнскій. Этотъ санъ предназначался для Гранвеллы, при содѣйствіи котораго было ведено дѣло и которому вскорѣ послѣ того преемникъ Павла IV, Пій IV, далъ по просьбѣ Маргареты сынъ кардинала. Это преобразование церковнаго устройства нарушало законы и интересы нидерландцевъ. По основному брабантскому закону, по такъ называемой грамотѣ Радостнаго вступленія, новыя церковныя должности не могли быть учреждаемы безъ согласія областного брабантскаго сейма. Новые брабантскіе суды должны были отнять часть власти у гражданскихъ судилищъ. Кромѣ того было извѣстно, что на новыя епископскія кафедры назначаются иноземцы; это было нарушеніемъ закона, и обидою было въ особенности то, что первымъ церковнымъ сановникомъ государства становится иноземецъ. Всѣ сословія были раздражены. Прежніе церковные сановники должны были потерять часть своихъ доходовъ, потому что имѣнья на содержаніе новыхъ епископовъ предполагалось взять у аббатствъ. Вельможи и горожане опасались лишиться поддержки духовенства на общемъ сеймѣ, потому что въ духовномъ отдѣлѣ сейма преобладаніе переходило отъ аббатовъ, нидерландцевъ, къ епископамъ, которые почти всѣ будутъ иноземцы. Всѣ сословія одинаково опасались, что новые епископы—иноземцы безусловно преданные королю, и первый сановникъ церкви, приверженецъ абсолютизма Гранвелла, будутъ враждебны правамъ нидерландскаго народа; всѣ также понимали, что учрежденіе инквизиторовъ служить подготовкой къ введенію испанской инквизиціи и что завѣдывать ею будетъ неумолимый Гранвелла.

Оппозиція новому церковному устройству происходила не отъ расположенія къ протестантству. Нидерландскіе вельможи были равнодушны къ

религін. Денежныя дѣла многихъ изъ нихъ были разстроены издержками на службу въ войнахъ, почти непрерывно слѣдовавшихъ одна за другой ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и на роскошную жизнь въ мирные годы. Эти запутавшіеся въ долги аристократы не могли не завидовать англійскимъ и шотландскимъ вельможамъ, обогатившимся при введеніи реформациі и вѣроятно желали конфискаціи церковныхъ имуществъ; но сопротивленіе новому устройству церкви въ Нидерландахъ происходило изъ мотивовъ болѣе широкихъ; оно было защитою національныхъ законовъ.

Оппозиція обратилась непосредственно противъ Гранвеллы, которому приписывала планъ новаго церковнаго устройства. Это мнѣніе было не справедливо: король въ своихъ письмахъ говорилъ, что мысль о новыхъ епископствахъ принадлежала ему самому: но нидерландцы винили во всемъ Гранвеллу, негодуя на то, что дѣлами править онъ, иноземецъ. Своимъ высокомеріемъ онъ раздражалъ всѣхъ; человекъ ловкій, онъ долго умѣлъ ссорить между собою вельможъ, оказывая предпочтеніе то одному, то другому и возбуждая этимъ взаимное недовѣріе между ними; въ особенности любезенъ былъ онъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ. Эгмондъ сталъ завидовать Вильгельму; хорошія отношенія между ними разстроились; Гранвеллѣ удалось достигъ этого тѣмъ легче, что характеры Вильгельма и Эгмонда были очень неодинаковы. Прямодушному вспыльчивому Эгмонду не нравилась осторожность хладнокровнаго, разсудительнаго Вильгельма. А Вильгельмъ, какъ говорятъ, досадовалъ на то, что правителемъ богатой Фландріи назначенъ Эгмондъ: онъ самъ надѣялся получить эту должность. Наконецъ они поняли интриги Гранвеллы и помирились. Введеніе новой организациі церкви производилось медленно, при ропотѣ областныхъ сеймовъ и городскихъ правительствъ. Вожди аристократіи рѣшили принять мѣры противъ самовластиа, нарушавшаго законы страны. По формѣ правительственная власть принадлежала государственному совѣту; потому нравственная отвѣтственность за все лежала на его членахъ, а между тѣмъ у него отнято было вліяніе на дѣла. Вильгельмъ Оранскій, Эгмондъ и важнѣйшій послѣ нихъ вельможа, адмиралъ Горнъ, рѣшили послать королю протестъ. Филиппъ уступилъ прежнему ихъ заявленію, что иноземныя войска должны быть удалены; можно было надѣяться, что не останется напраснымъ и требованіе ихъ, чтобъ онъ удалилъ Гранвеллу. Въ іюлѣ 1561 они отправили къ королю письмо, въ которомъ, увѣряя его въ своихъ вѣрноподданическихъ, чувствахъ, говорили, что дѣла въ Нидерландахъ не могутъ идти хорошо, пока управляетъ всѣмъ Гранвелла, навлекшій на себя всеобщую ненависть нарушеніемъ законовъ, что все населеніе недовольно правительствомъ, что поэтому они просятъ короля освободить ихъ отъ отвѣтственности за правительственныя дѣйствія, уволить ихъ отъ званія членовъ государственнаго совѣта. Но Гранвелла уже принялъ мѣры противъ ихъ протеста. Онъ

писалъ королю, что правительствомъ не довольны лишь немногіе честолюбцы, досадующіе на то, что не удовлетворены ихъ притязанія, увѣрялъ Филиппа въ своей преданности ему. Король былъ на сторонѣ своего усерднаго слуги, не послушался протеста вождей аристократіи, оставилъ власть въ рукахъ Гранвеллы, велѣлъ довести до конца преобразование церковнаго устройства.

Въ это время начались религіозныя войны во Франціи; онѣ не могли не оказать вліянія на положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ, южная часть которыхъ имѣла населеніе, соединенное съ Франціей общностью языка и литературы. Часть французской аристократіи и городского населенія взялась за оружіе для пріобрѣтенія себѣ религіозной свободы. Неизбѣжно было, что мысли подобнаго рода появились у валлоновъ (нидерландскихъ французовъ). Положеніе дѣлъ было у нихъ сходно съ французскимъ. Гранвелла былъ иноземецъ; французскіе инсургенты называли иностранцами Гизовъ, вождей католической партіи; эта одинаковость отношеній располагала нидерландцевъ къ реформатскому ученію; оно стало распространяться въ брабантскихъ и фландрскихъ городахъ, подъ формой кальвинизма, который больше лютеранства соотвѣтствовалъ склонностямъ горожанъ. Карлъ подавилъ въ Нидерландахъ лютеранство, но ученіе Кальвина, признававшее автономію церковныхъ общинъ, понравилось населенію нидерландскихъ городовъ по своей сообразности съ его любовью къ независимости. Въ домахъ, а иногда и на открытомъ воздухѣ звучали псалмы Маро и Дезы; въ реторическихъ камерахъ усилились насмѣшки надъ новыми епископами, Гранвеллой, монахами и монахинями. Инквизиторы безпощадно преслѣдовали еретиковъ. Вигліусъ руководилъ гоненіемъ. Въ Валансьенѣ были осуждены на сожженіе кальвинистскіе проповѣдники Фаво и Мальяръ, они уже были привязаны къ столбу на кострѣ; народъ разломалъ загородку и освободилъ ихъ (27 апрѣля 1562 г.). Фаво продолжалъ проповѣдывать, былъ черезъ нѣсколько времени схваченъ и сожженъ. Граждане Валансьена были подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ «для исправленія ихъ.»

Король и Гранвелла понимали, что религіозное въ Нидерландахъ движеніе имѣетъ политическій характеръ; такъ и во Франціи гугеноты были религіозной и вмѣстѣ политической партіей. Филиппъ хотѣлъ искоренить реформацію повсюду, помогалъ совѣтомъ и дѣломъ французскому правительству въ борьбѣ съ гугенотами. Подавленіе ихъ во Франціи было необходимо для того, чтобы поддержать католичество въ Нидерландахъ. Онъ говорилъ, что лучше сойти съ престола, чѣмъ царствовать надъ еретиками. Гранвелла писалъ ему донесенія о томъ, что дѣлается въ Нидерландахъ, обвинялъ вельможъ, выставлялъ на видъ свое усердіе. Филиппъ отвѣчалъ, что вполне одобряетъ его дѣйствія, выражалъ желаніе, чтобы нидерландскія войска были посланы во Францію на помощь Гизамъ противъ гугенотовъ. Но государственный совѣтъ не рѣшился бы на это безъ одобренія общаго нидерландскаго сейма, а созвать его не отваживалась регентша. Гранвелла говорилъ, что не слѣдуетъ созывать пред-

ставителей «злого звѣря называемаго народомъ», а Филиппъ запретилъ созывать этотъ сеймъ. Пригласивъ кавалеровъ Золотого руна къ участию въ засѣданіи государственнаго совѣта, регентша убѣдила его разрѣшить денежную помощь французскимъ католикамъ; но и противъ этого возражали областные сеймы.

Вельможи недовольные Гранвеллой сдѣлали новую попытку объяснить Филиппу истинное положеніе дѣлъ. Посолъ, выбранный ими, Флорансъ Мокморанси Монтињи, братъ адмирала Горна, отправился въ іюнѣ 1562 въ Мадридъ передать государю ихъ мысли. Онъ сказалъ Филиппу, что причины народнаго неудовольствія состоятъ въ учрежденіи новыхъ епископствъ, въ религіозномъ преслѣдованіи и въ самовластіи Гранвеллы. Филиппъ отвѣчалъ ему любезностями, увѣрялъ, что испанская инквизиція не будетъ введена въ Нидерландахъ, обѣщаль въ скоромъ времени посѣтить свое вѣрное нидерландское государство. Все это были обманчивыя слова. Вельможи, выслушавъ отвѣтъ, который привезъ имъ отъ Филиппа Монтињи, увидали, что просьбы ихъ оставлены безъ вниманія, и оппозиція ихъ Гранвеллѣ стала рѣзче прежняго. Они прервали всякія сношенія съ нимъ, отклоняли его приглашенія на обѣды, отправили къ Филиппу второе письмо подробнѣе прежняго объяснявшее надобность удалить Гранвеллу изъ Нидерландовъ; они писали, что страна не успокоится, пока онъ будетъ управлять дѣлами. Но Филиппъ былъ доволенъ своимъ вѣрнымъ слугой; герцогъ Альба укрѣплялъ его въ рѣшимости поддерживать Гранвеллу. Нидерландскіе вельможи видѣли, что имъ угрожаетъ опасность, и заключили между собою союзъ для общей обороны. Это дѣйствительно было необходимо: Гранвелла, какъ они слышали, говорилъ, что для возстановленія порядка надобно отрубить нѣсколько головъ и такой же совѣтъ давалъ Альба Филиппу. Первые заключили между собою союзъ Вильгельмъ Оранскій, Эгмондъ и Горнъ, къ нимъ присоединились Монтињи, Бергенъ, Мегенъ, нѣкоторые кавалеры Золотого руна, правители областей и другіе вельможи. Члены союза обѣщались хранить его въ глубочайшей тайнѣ. Волненіе въ странѣ усиливалось, появлялись новыя и новыя сатиры и каррикатуры на Гранвеллу; насмѣшки надъ нимъ въ камерахъ реторики становились все язвительнѣе.

Однажды жители Брюсселя съ удивленіемъ увидѣли прислугу вельможъ въ странномъ костюмѣ изъ толстаго сукна, съ откидными рукавами, на которыхъ были вышиты дурацкая шапка съ бубенчиками и пукъ стрѣлъ. Гранвелла въ письмѣ къ королю назвалъ, какъ говорила молва, вождей вельможеской оппозиціи дураками; ливрея ихъ прислуги была отвѣтомъ на это. На маскарадной процессіи при крещеніи ребенка, родившагося у графа Мансфельда, ѣхалъ человѣкъ въ кардинальской шапкѣ, сзади его ѣхалъ человѣкъ за костюмированный чортонъ, и билъ его лисьими хвостами; это служило намекомъ на пасквили, которыми бичевалъ Гранвеллу Симонъ Ренаръ (Renard—лисица). Графъ Бредероде, добродушный, веселый, но горячій и

очень храбрый человекъ, потомокъ графовъ голландскихъ, былъ неистощимъ въ изображеніи насмѣшекъ надъ Гранвеллой. Немногіе сторонники Гранвеллы, какъ напримѣръ герцоги Аршотъ и Арембергъ, Барлемонъ, Вигліусъ были подобно ему предметами ненависти. Ихъ называли кардиналистами.

Гранвеллу нельзя было принудить насмѣшками и порицаніями къ отказу отъ должности. Онъ говорилъ, что неудовольствіе народа лишь результатъ интригъ нѣсколькихъ честолюбивыхъ вельможъ, желающихъ захватить власть въ свои руки, чтобы поправить свои разстроенныя денежныя дѣла. Въ письмахъ къ Филиппу онъ изображалъ положеніе дѣлъ въ мрачномъ видѣ, говорилъ, что ересь все смѣлѣе и смѣлѣе подымаетъ голову, что правители областей не исполняютъ эдиктовъ противъ еретиковъ, что вельможи покровительствуютъ ереси, что его жизнь находится въ постоянной опасности, что правительство не имѣетъ должной силы, законы оставлены въ бездѣйствіи, монархическая власть подрывается; онъ убѣждалъ короля явиться въ Нидерланды съ сильнымъ войскомъ, чтобы усмирить непокорный народъ.

Филиппъ считалъ обязанностью своей королевской чести поддерживать Гранвеллу, пренебрегалъ жалобами вельможъ на его вѣрнаго слугу, медлилъ отвѣтомъ на письма ихъ, а когда наконецъ отвѣчалъ, то въ уклончивыхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; обѣщалъ самъ пріѣхать въ Нидерланды, просилъ недовольныхъ вельможъ прислать къ нему кого-нибудь—напримѣръ Эгмонда для личныхъ объясненій, чтобы онъ могъ понять, чѣмъ же именно они не довольны. Но сама регентша стала поддерживать недовольныхъ Гранвеллою вельможъ. Вильгельмъ и Эгмондъ объявили, что не будутъ бывать на засѣданіяхъ государственнаго совѣта, пока Гранвелла остается его президентомъ, не хотятъ брать на себя отвѣтственность за управленіе, противное интересамъ и законамъ страны. Правительство рѣшило, что если будетъ созванъ сеймъ, то откажется совѣщаться о предложеніяхъ, какія будетъ дѣлать Гранвелла. Эти проявленія общаго неудовольствія встревожили Маргарету; она не раздѣляла расположенія своего брата къ Гранвеллѣ, оскорблявшему гордость ея своимъ высокомеріемъ. Ей было не пріятно, что вся власть отдана ему, что она правительница государства только по имени, что ея имя служитъ прикрытіемъ для произвольныхъ распоряженій Гранвеллы; она вступила въ переговоры съ недовольными, убѣдилась въ справедливости ихъ порицаній Гранвеллѣ и послала брату отчетъ о положеніи государства, изображавшій дѣла совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ описывалъ ихъ Гранвелла. Въ августѣ 1563 она отправила съ этимъ отчетомъ въ Мадридъ своего секретаря Арментероса, чтобы онъ подкрѣпилъ личными объясненіями ея мнѣніе о невозможности продолжать управленіе Нидерландами по прежней системѣ.

Филиппъ нѣкоторое время колебался; ему не хотѣлось устранять отъ должности усерднаго слугу, бывшаго лишь исполнителемъ его приказаній. Альба тоже говорилъ, что не слѣдуетъ устранять Гранвеллу отъ должности, что по его удаленіи власть перейдетъ въ руки вельможъ, враговъ монархическаго порядка. Маргарета присылала новыя донесенія о томъ, что волненіе растетъ, ненависть къ Гранвеллѣ проявляется повсюду при всякомъ случаѣ; король наконецъ уступилъ требованію сестры, но не далъ формальной отставки Гранвеллѣ. Въ письмѣ, привезенномъ Арментеросомъ Гранвеллѣ въ январѣ 1564 года, Филиппъ говорилъ своему министру: «Принимая въ уваженіе ваши слова, я нахожу полезнымъ, чтобы вы на нѣсколько времени оставили Нидерланды и съ согласія герцогини пармской отправились къ вашей матушкѣ въ Бургонь. Этимъ способомъ соблюдется моя власть и ваша честь». Филиппъ вѣроятно хотѣлъ возвратить Гранвеллѣ должность, когда уляжется волненіе. Вильгельму и Эгмонду Филиппъ написалъ рѣзкимъ тономъ, что порицаетъ ихъ за непокорность власти и повелѣваетъ имъ снова принять участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Маргаретѣ онъ писалъ, что она должна быть тверда, должна энергически подавлять ересь и не созывать общаго сейма безъ его разрѣшенія.

Гранвелла выѣхалъ изъ Брюсселя 13 марта 1564 года. Придворные говорили, что онъ уѣзжаетъ по семейнымъ дѣламъ и лишь на короткое время; но всѣ понимали, что онъ удаляется навсегда, что король уступилъ требованію вельможъ и ропоту народа; повсюду были праздники по поводу отставки Гранвеллы. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ и былъ увѣренъ, что остается въ милости у короля. Сначала онъ надѣялся возвратиться въ Брюссель, но мало по малу понялъ, что этого не будетъ. Онъ жилъ въ великолѣпномъ сельскомъ дворцѣ близъ Безансона, проводилъ время въ ученыхъ занятіяхъ, въ наслажденіи прекрасной природой, казался примирившимся съ утратой власти. Король сталъ давать ему важныя порученія и черезъ нѣсколько времени назначилъ его вице-королемъ неаполитанскимъ, а потомъ вызвалъ къ себѣ въ Мадридъ и назначилъ предсѣдателемъ кастильскаго совѣта. До самой своей смерти онъ сохранялъ большое вліяніе на дѣла. Онъ умеръ 70 лѣтнимъ старикомъ 21 сентября 1586 г.

3. Компромиссъ. Гезы. Уничтоженіе иконъ въ церквахъ.

Отставка Гранвеллы казалась нидерландцамъ началомъ новой, хорошей системы управленія. Народъ былъ въ восторгѣ. Эгмондъ и Вильгельмъ снова стали присутствовать въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, занялись дѣлами администраціи, трудились неумоимо съ

утра до позднего вечера, выказывали почтительность къ герцогинѣ, давали ей добросовѣстные совѣты, разъясняли ей несправедливость прежней системы управленія. Маргарета стала совершенно довѣрять имъ. Она и прежде не любила Гранвеллу, теперь поняла всѣ его обманы, стала враждебна его системѣ, выказывала непріязнь къ Вигліусу и Барлемону, бывшимъ помощникамъ его. Въ своихъ письмахъ къ Филиппу она хвалила преданность вельможъ благу государства и интересамъ государя.

Маргарета желала возстановить согласіе между государемъ и нидерландскими вельможами, разстроенное Гранвеллой, жаловалась Филиппу, что Вигліусъ мѣшаетъ ея распоряженіямъ, затрудняетъ ей управленіе страной. Она благопріятствовала намѣренію вельможъ возвратить преобладающее вліяніе на дѣла государственному совѣту, состоявшему изъ нидерландцевъ, вывести его изъ-подъ зависимости отъ тайнаго совѣта и консулты. Вигліусъ писалъ Гранвеллѣ, что вельможи пользуются своими должностями для своихъ денежныхъ выгодъ; Гранвелла пересылалъ эти письма королю. Приверженцы прежней системы жаловались, что власть правительства ослабѣваетъ, что государственный совѣтъ стѣсняетъ его дѣятельность, одобряетъ сопротивляющихся верховному трибуналу, подчиняетъ себѣ регентшу. Вигліусъ, винившій вельможъ въ корыстолюбіи, самъ былъ человѣкъ алчный; испанцы, служившіе въ Нидерландахъ, тоже были взяточники, грабители. Арментероса, секретаря Маргареты, нидерландцы прозвали Аргентеросомъ («сребролюбцемъ.»)

Изъ всѣхъ обвиненій, которыми возбуждали короля противъ новаго правительства кардиналисты, самымъ важнымъ въ его глазахъ было то, что государственный совѣтъ и правители областей не преслѣдуютъ еретиковъ съ должнымъ усердіемъ. Дѣйствительно, они не желали быть орудіями инквизиторовъ ненавистныхъ народу и дѣйствовавшихъ все еще по инструкціямъ Гранвеллы, который оставался главою нидерландской церковной администраціи по своему сану архіепископа мехельнскаго; вельможи не имѣли желанія помогать ни инквизиторамъ, ни своему врагу Вигліусу, завѣдывавшему судебной частью; потому стали смѣлѣе прежняго публично появляться лютеранскіе и кальвинистскіе проповѣдники. Впрочемъ гоненіе продолжалось. Въ 1564 году 17 человѣкъ были преданы смерти за свою вѣру; но фанатикамъ и въ особенности Филиппу этого было мало. Король негодовалъ, слыша, что въ нидерландскихъ городахъ увеличивается число еретиковъ, что въ Брюгге и Брюсселѣ народъ ворвался въ темницы и освободилъ арестованныхъ кальвинистовъ, что въ Антверпенѣ народъ хотѣлъ не допустить сожженія реформатскаго проповѣдника Фабриціуса, вырвать его изъ рукъ палача, и требовалъ наказанія палачу, который закололъ Фабриціуса, чтобы не отдать его живымъ народу. Приверженцы старой системы жаловались на то, что эдикты противъ еретиковъ не исполняются, что судьи дѣйствуютъ слишкомъ слабо. Но общественное мнѣніе негодовало на преслѣдованіе проте-

стантовъ. Члены государственнаго совѣта, правители областей, судьи и чиновники не хотѣли навлекать на себя ненависть народа, усмирять оружіемъ волненіе, мѣшавшее дѣйствіямъ инквизиціи. Городскія правительства и областныя сеймы жаловались на инвизитора Тительмана и его товарищей, желавшихъ поступать по примѣру испанскихъ инквизиторовъ. — Повелѣніе короля, объявлявшее, что постановленія тридентскаго собора получаютъ силу закона во всѣхъ его владѣніяхъ, увеличило ропотъ нидерландцевъ; они надѣялись, что Филиппъ по примѣру французскаго правительства отвергнетъ тѣ постановленія собора, которыми нарушаются національные законы; надежда эта поддерживалась тѣмъ, что онъ былъ въ ссорѣ съ папой (Шіемъ V); но онъ и ссорясь съ папой оставался усерднымъ покровителемъ католической церкви и ни мало не желалъ оказывать снисхожденія нидерландцамъ, которыхъ всѣхъ подозрѣвалъ въ склонности къ ереси. Потому безъ всякихъ оговорокъ онъ утвердилъ тридентскія постановленія, противорѣчившія нидерландскимъ законамъ и требовалъ безпощаднаго истребленія еретиковъ, хотя суровость гоненія на нихъ возбуждала ропотъ даже и духовенства въ Нидерландахъ.

Нидерландцы надѣялись, что Филиппъ, уже сдѣлавшій уступки прежнимъ ихъ просьбамъ, согласится исполнить желанія, которыя выразятъ они ему теперь съ одобренія регентши, что для этого надобно послать въ Мадридъ такого человѣка, голосъ котораго заслуживаетъ вниманія государя, что когда такой почтенный уполномоченный разъяснитъ Филиппу истинное положеніе дѣлъ, то онъ увидитъ надобность смягчить законы противъ еретиковъ, передать управленіе государственному совѣту, составленному изъ патріотовъ, подчинить ему тайный совѣтъ. Вельможи выбрали своимъ посломъ Эгмонда, которому Филиппъ былъ обязанъ побѣдами при Санъ-Кантенѣ и Гравелинге. Вигліусъ предложилъ государственному совѣту инструкцію для посла, составленную въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Вильгельмъ Оранскій сказалъ, что она не удовлетворительна, произнесъ энергическую рѣчь, въ которой разъяснилъ вредность системы, поддерживаемой Вигліусомъ, доказалъ невозможность исполнять свирѣпыя эдикты противъ еретиковъ, необходимость отмѣнить инквизиціонныя трибуналы. Государственный совѣтъ отвергъ инструкцію предложенную Вигліусомъ и далъ Эгмонду инструкцію ясно высказывавшую всеобщія требованія нидерландцевъ. Досада Вигліуса была такъ сильна, что съ нимъ сдѣлался ударъ паралича. Его должность сталъ исполнять Гропперъ, похожій на него безграничной преданностью королю, но не имѣвшій его талантовъ.

Вельможи, которые въ январѣ 1565 года провожали до Камбрѣ ѣхавшаго въ Мадридъ Эгмонда, опасались за него и дали его женѣ письменное ручательство, что будутъ мстить противникамъ его за всякую непріятность, какой подвергся бы онъ. Но король принялъ Эгмонда

очень милостиво; придворные льстили ему. Филиппъ нѣсколько разъ приглашалъ его на откровенный разговоръ наединѣ. Эгмондъ сначала былъ обманутъ любезностью короля, но скоро увидѣлъ, что онъ не смягчитъ преслѣдованіе еретиковъ. Филиппъ созвалъ нѣсколькихъ епископовъ и богослововъ, предложилъ имъ вопросъ, можно ли дать нидерландцамъ свободу вѣроисповѣданія; они, угадывая его желанія, отвѣчали отрицательно. Онъ сталъ на колѣна передъ распятіемъ и молилъ Спасителя укрѣпить его въ намѣреніи никогда не быть государемъ людей отрицающихъ Господа Небеснаго. Въ апрѣлѣ (1565 года) король отпустилъ Эгмонда съ любезностями, въ которыхъ этотъ простодушный человѣкъ очарованный королевской милостью увидѣлъ обѣщаніе исполнить просьбы вельможъ; возвратившись въ Брюссель, онъ увѣрилъ ихъ въ этомъ намѣреніи короля; остался необманутымъ только Вильгельмъ Оранскій, всѣ другіе повѣрили вмѣстѣ съ Эгмондомъ, что Филиппъ намѣренъ отказаться отъ прежней системы, будетъ управлять Нидерландами сообразно желаніямъ народа.

Но скоро эти мечты разсѣялись. Обольщая Эгмонда любезностями, Филиппъ писалъ Маргаретѣ, что «не считаетъ полезнымъ увеличивать власть государственнаго совѣта и готовъ лучше потерять 100.000 жизней, чѣмъ допустить какую нибудь перемену въ дѣлѣ религіи». Онъ велѣлъ всѣмъ нидерландскимъ властямъ исполнять строжайшимъ образомъ законы противъ еретиковъ. Тайный совѣтъ получилъ прежнее полномочіе; инквизиторы стали дѣйствовать суровѣе прежняго. Правителямъ областей и городскимъ правительствамъ было велѣно помогать инквизиторамъ; но осужденныхъ еретиковъ лишали жизни въ темницахъ, опасаясь раздражать народъ публичными казнями и сожженіями. Декреты тридентскаго собора были обнародованы повсюду. Народъ видѣлъ, что еретики исчезаютъ, угадывалъ, что ихъ убиваютъ. Осужденныхъ топили въ большихъ кадкахъ.

Гранвелла убѣждалъ короля оставаться твердымъ, писалъ ему: «Если ваше величество смягчите эдикты противъ еретиковъ, то во Фландріи будетъ хуже, чѣмъ во Франціи.» Гранвелла совѣтовалъ королю не созывать общаго нидерландскаго сейма. Мысли Филиппа были тѣ же самыя. Въ октябрѣ 1565 г. онъ послалъ Маргаретѣ приказаніе строжайшимъ образомъ исполнять эдикты противъ еретиковъ и объявилъ, что не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ. Когда эти повелѣнія были сообщены государственному совѣту, Вильгельмъ Оранскій сказалъ: «Мы теперь увидимъ начало прекрасной трагедіи.» Нидерландцы приняли октябрьскія повелѣнія короля какъ объявленіе войны. Они со дня на день ждали введенія испанской инквизиціи.

По всему государству было объявлено, что религіозные эдикты, изданные Карломъ и утвержденные Филиппомъ, будутъ строго исполняемы, что инквизиторы будутъ дѣйствовать сообразно своей обязанности и что всѣ свѣтскія власти должны безъ послабленія приводить въ исполненіе ихъ приговоры. Комитетъ, состоявшій изъ епископовъ, богослововъ и юристовъ, предлагалъ въ процессахъ еретиковъ допускать облегчающія обстоятельства, но Филиппъ не хотѣлъ давать пощады даже и тѣмъ, которые

искренно возвратятся къ католичеству. Единственной уступкой его было то, что онъ велѣлъ по прежнему убивать осужденныхъ еретиковъ въ темницахъ, не раздражая народъ публичными сожженіями ихъ.

Негодование нидерландцевъ было очень сильно; всѣ порицали Эгмонда, обманувшаго народъ; онъ объявилъ, что былъ обманутъ королемъ и сложить съ себя свои должности. Народъ волновался; торговля остановилась, люди сидѣли, запершись дома, общественная жизнь прекратилась, потому что всѣ боялись шпионовъ и предателей. Иноземные купцы уѣзжали изъ Нидерландовъ; тысячи фабрикантовъ и мастеровыхъ уѣхали въ Англію. Елизавета приняла ихъ съ «материнской любовью», какъ говорили официальные документы. Лондонъ, Сандвичъ, Норвичъ стали центрами производства суконныхъ и шелковыхъ тканей. Въ Антверпенѣ затихло прежнее веселье, улицы были пусты; богатые торговые города стали тихи и безлюдны какъ кладбища. Въ народѣ разгоралась ненависть къ испанскому владычеству. Начались и проявленія ея. Брабантскій сеймъ подалъ Маргаретѣ представленіе, говорившее, что инквизиціонные суды нарушаютъ основной законъ Брабанта, въ народѣ распространялись анонимные памфлеты, разъяснявшіе, что повиновеніе подданныхъ обусловливается уваженіемъ государя къ закону и что при нарушении закона правительствомъ, народъ имѣетъ право взяться за оружіе на защиту ихъ. Епископы и инквизиторы были осмѣиваемы, оскорбляемы; на правительственныхъ зданіяхъ, на дворцахъ вельможъ наклеивались прокламаціи, говорившія, что народу нуженъ новый Брутъ. Находились отважные люди, подававшіе въ руки регентшѣ революціонные памфлеты. Вельможи собирались на тайныя совѣщанія.

Для этихъ собраній представляли большое удобство происходившіе въ концѣ года праздники свадьбы барона Монтиньи и женитьбы Александра Пармскаго, вступившаго въ бракъ съ Маріей, принцессой португальской. Сынъ Маргареты Александръ, 20 лѣтній юноша, былъ красавецъ, блестящій рыцарь, но отталкивалъ отъ себя нидерландскихъ вельможъ падменностью.

Во время этихъ праздниковъ былъ заключенъ между вельможами договоръ, называемый компромиссомъ (не въ нынѣшнемъ смыслѣ слова компромиссъ, а въ первоначальномъ значеніи его «взаимное обѣщаніе»). Во дворцѣ графа Кюлемборга, послѣдователя реформатскаго исповѣданія, собралось однажды человекъ 20 вельможъ слушать проповѣдь бѣжавшаго изъ Франціи реформатскаго священника Юніуса, человека очень отважнаго. Послѣ его проповѣди они условились между собою составить лигу (союзъ) для сопротивленія инквизиціи. Къ нимъ присоединились многіе другіе вельможи и дворяне. Былъ написанъ актъ, излагавшій намѣренія лиги. Онъ гово-

рилъ, что члены ея соединяются для общаго сопротивленія насиліямъ испанскаго правительства, подавляющаго свободу, нарушающаго законы, ведущаго государство къ гибели, и что всѣ члены лиги будутъ вступаться за всякую обиду отъ правительства кому нибудь изъ нихъ; но они прибавляли оговорку, что остаются вѣрными подданными короля. Этотъ актъ, называвшійся компромиссомъ, былъ переписанъ во множествѣ экземпляровъ. Лига была, какъ видимъ, союзомъ, подобнымъ тому, какой прежде заключили между собой и съ нѣсколькими другими важными вельможами Эгмондъ, Вильгельмъ Оранскій и Горнъ. Но члены лиги были люди гораздо менѣе знатные и богатые; они принадлежали къ многочисленному дворянству, которое усердно служило Карлу, но было оттолкнуто отъ привычной преданности государю высокоомѣриемъ Филиппа. Очень вѣроятно, что Вильгельмъ и Эгмондъ знали о компромиссѣ; онъ былъ написанъ Филиппомъ де Марни Сентъ-Альдегондомъ, храбрымъ воиномъ и вмѣстѣ человѣкомъ очень ученымъ и краснорѣчивымъ, близкимъ другомъ Вильгельма Оранскаго; а братъ Вильгельма, отважный Людовикъ, графъ нассаускій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ руководителей лиги. Вильгельмъ, Эгмондъ и другіе важнѣйшіе вельможи держались далеко отъ нея, потому что за ними зорко слѣдили шпіоны. Большинство членовъ лиги были католики, для которыхъ политическая свобода была важнѣе религіозныхъ споровъ. Многіе были обременены долгами, какъ напримѣръ графъ Бредероде, человѣкъ смѣлый и очень даровитый, но легкомысленный. Они тяготились бездѣйствіемъ, желали получить правительственныя или военныя должности, досадовали на правительство неудовлетворявшее ихъ притязаніямъ. Число членовъ лиги быстро увеличивалось; компромиссъ подписывали вмѣстѣ съ дворянами и горожане. Гамъ, герольдмейстеръ Золотого руна, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ лиги, говорилъ, что его экземпляръ компромисса имѣетъ 2,000 подписей. Всѣ патріоты вступили въ лигу, поставившую себѣ цѣлью не возстаніе, а только устраненіе дурныхъ людей изъ управленія государствомъ, избавленіе страны отъ религіознаго преслѣдованія.

Въ іюнѣ 1565 года происходило знаменитое байоннское свиданіе Катерины Медичи съ ея дочерью Изабеллой, женой Филиппа. На немъ присутствовалъ и герцогъ Альба, какъ представитель своего короля, совѣщались о способахъ истребить ересь во Франціи и въ Нидерландахъ. Альба говорилъ, что ее слѣдуетъ искоренить мечомъ и огнемъ и, какъ увѣряла молва, прибавилъ замѣчаніе: «одна лососиная голова важнѣе десяти тысячъ лягушекъ»,—то есть,--главной заботой противниковъ ереси должно быть истребленіе знатнѣйшихъ сторонниковъ ея. Современники полагали, что Альба высказывалъ этимъ мысль Филиппа. Молва говорила, что уже были приняты мѣры для подавленія оппозиціи нидерландцевъ силой оружія; народъ былъ

больше обыкновеннаго расположенъ къ тревожнымъ мыслямъ, потому что страдалъ отъ неурожая хлѣба; онъ вѣрилъ дурнымъ слухамъ. Но Филиппъ еще не рѣшился употребить военныя мѣры; онъ по своему обыкновенію колебался, медлилъ. На письма Маргареты, говорившія, что положеніе дѣлъ очень опасно, онъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ могли произвести такое дурное впечатлѣніе тѣ повелѣнія, имѣвшія цѣлью только охрану истинной вѣры и благо страны. Маргарета возражала ему, что инквизиція должна быть уничтожена въ Нидерландахъ, потому что множество людей тамъ открыто приняло кальвинистское ученіе и правительство не имѣетъ силы исполнять эдикты противъ еретиковъ. Инквизиціонный судъ въ Брабантѣ былъ уничтоженъ по протесту сейма. Маргарета доказывала, что для успокоенія страны должно смягчить эдикты противъ ереси.

Вельможи, бывшіе членами государственнаго совѣта, опасались опрометчивости руководителей лиги. Вильгельмъ Оранскій, старавшійся оставаться въ дружбѣ со всѣми патріотами и сочувствовавшій лигѣ, уѣхалъ въ Бреду, рѣдко посѣщалъ засѣданія государственнаго совѣта, убѣждалъ и Маргарету и лигу быть миролюбивыми, избѣгать ссоры. Эгмондъ, искренно преданный королю, держалъ себя далеко отъ лигистовъ, посѣщалъ государственный совѣтъ, снова пользовался довѣріемъ регентши. Онъ былъ усердный католикъ. Филиппъ ошибался, дѣлая въ своихъ бумагахъ замѣтку о немъ, что онъ колеблется въ вѣрѣ. Его прежняя досада на Филиппа ужъ разсѣялась. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о почестяхъ, съ какими принималъ его король въ Мадридѣ. Онъ и другіе члены государственнаго совѣта опасались, что лига поведетъ народъ дальше, чѣмъ желаютъ они; потому рѣшили обратиться къ государю съ новымъ представленіемъ о необходимости примирительныхъ мѣръ. Филиппъ два раза дѣлалъ уступки имъ; они надѣялись, что, выставивъ на видъ ему вѣроятность возстанія въ случаѣ его упорства, убѣдятъ его отказаться отъ религіознаго гоненія, и объявили Маргаретѣ, что если государь уничтожитъ инквизицію, смягчитъ эдикты противъ еретиковъ, обѣщаетъ полное прощеніе членамъ лиги, то въ Нидерландахъ возстановится спокойствіе. Маргарета передала Филиппу это заявленіе вельможъ, прибавляя свою просьбу, чтобы онъ исполнилъ ихъ желаніе.

Горячіе патріоты порицали умѣренность Вильгельма и Эгмонда, но еще не хотѣли подымать возстаніе. Они и сами желали примиренія съ правительствомъ; но считали неудобнымъ для этого подѣйствовать на Маргарету и Филиппа грозной демонстраціей и рѣшили собраться въ Брюссель для коллективной подачи регентшѣ акта, требующаго устраненія причинъ народнаго ропота. Они въ этомъ актѣ не шли дальше требованій членовъ государственнаго совѣта, и тонъ ихъ заявленія былъ почтительный. Увѣряя въ своей преданности го-

сударю, они просили регентшу представить ему, что положеніе дѣлъ очень дурно и постоянно ухудшается, что государству угрожаетъ гибель, что надобно устранить причины бѣдствій, что для этого необходимо ему по соглашенію съ общимъ нидерландскимъ сеймомъ смягчить эдикты противъ еретиковъ и отмѣнить инквизиціонные трибуналы; они прибавляли, что просятъ регентшу до полученія отвѣта отъ государя прекратить религіозныя гоненія. Главнымъ редакторомъ этого адреса былъ Людовикъ Нассаускій, братъ Вильгельма, и вѣроятно Вильгельмъ читалъ и одобрилъ этотъ актъ, быть можетъ, дѣлалъ въ немъ поправки для смягченія его тона.

Мы говорили, что члены лиги находили надобнымъ сдѣлать при подачѣ своего адреса демонстрацію, которая показала бы правительству силу ихъ союза. Въ началѣ апрѣля 1566 г. съѣхалось въ Брюссель около 300 дворянъ въ военной одеждѣ. Они собирались въ дворецъ графа Кюленборга; тамъ они услышали, что уважаемый всѣми ими человѣкъ знатной фламандской фамиліи Моране сожженъ въ Мадридѣ инквизиціей. Давъ торжественное обѣщаніе быть вѣрными другъ другу, они 5 апрѣля въ 12 часу дня отправились процессіей къ дворцу правительницы; она приняла ихъ въ великолѣпномъ залѣ, окруженная членами государственнаго совѣта. Своимъ ораторомъ они выбрали графа Бредеродѣ, человѣка краснорѣчиваго. Онъ при подачѣ адреса произнесъ рѣчь, въ которой отвергалъ какъ клевету обвиненіе членовъ лиги въ мятежныхъ замыслахъ, говорилъ, что они желаютъ только славы государя и блага государства, что многочисленность явившихся подать адресъ регентшѣ должна быть считаемая только свидѣтельствомъ общаго уваженія къ ней. Маргарета отложила отвѣтъ до слѣдующаго дня и тогда сказала, что по соглашенію съ членами государственнаго совѣта и съ кавалерами ордена Золотого руна составила проектъ смягченія религіозныхъ эдиктовъ и представить его королю; что она велитъ инквизиціи до полученія королевскаго рѣшенія дѣйствовать снисходительно. Отвѣтъ былъ самый лучший, какой могла она дать; лигистамъ хотѣлось бы услышать отъ нея также, что она не находитъ ничего противозаконнаго въ ихъ компромиссѣ и въ коллективной подачѣ адреса; но Маргарета не согласилась сдѣлать это заявленіе, которое освобождало бы членовъ лиги отъ всякой отвѣтственности.

Маргарета черезъ одного изъ своихъ совѣтниковъ сообщила членамъ лиги циркуляръ, которымъ повелѣвала инквизиціи дѣйствовать «скромно и осмотрительно.» Они остались въ Брюсселѣ отпраздновать свой успѣхъ. На этомъ пирѣ одинъ изъ гостей разсказалъ, что, увидѣвъ многочисленность ихъ, Маргарета смутилась и Барлемонъ сказалъ ей по французски, что она не должна бояться толпы нищихъ (*gueux*) и что онъ прибавилъ: «Клянусь Богомъ, если бы поступать по моему совѣту, то слѣдовало бы отвѣчать имъ пал-

камн, и они спустились бы съ дворцовой лѣстницы быстрѣе, чѣмъ всхо дили на нее». Многіе вспыхнули гнѣвомъ на такія слова рабочаго придворнаго о нидерландскихъ дворянахъ; но Бредероде съ веселымъ сарказмомъ воскликнулъ: «Принимаемъ названіе нищихъ, будемъ бороться противъ инквизиціи, непоколебимо служить королю и отечеству до нищенской сумы!» Онъ велѣлъ принести кожанную суму и деревянную чашку, съ какими ходили монахи нищенствующихъ орденовъ, налилъ вина, воскликнулъ: «Да здравствуютъ нищие!» (*Vivent les gueux!*), и съ крикомъ одобренія всѣ выпили предложенный имъ тостъ. Вильгельмъ Оранскій, Эгмондъ и Горнъ, случайно ѣхавшіе той улицей, услышали шумъ и зашли въ залъ пира. Имъ предложили тотъ же тостъ. Такъ произошло названіе гезовъ (нищихъ), принятое патріотами. Народъ сталъ называть лигу союзомъ гезовъ. Бредероде, и по его примѣру другіе члены лиги сдѣлали знаки нищенства эмблемами своей партіи. Эти дворяне и вельможи явились на улицахъ въ одеждѣ нищенствующихъ монаховъ, съ нищенскимъ посохомъ въ рукѣ. Они выбили и носили на шеѣ медаль, имѣвшую на одной сторонѣ портретъ Филиппа съ надписью «Вѣръ королю», на другой сторонѣ изображеніе нищенской сумы, которую держатъ двѣ руки и надпись «до нищенской сумы». Девизъ «Вѣрный королю до нищенской сумы» сталъ паролемъ всѣхъ патріотовъ. Народъ повсюду криками восторга привѣтствовалъ гезовъ, возвращавшихся изъ Брюсселя въ свои замки. Общее движеніе увлекло ихъ по пути оппозиціи дальше, чѣмъ предполагали они идти.

Весною и лѣтомъ 1566 г. волненіе народа усиливалось, стало принимать революціонный характеръ. Регентша и ея совѣтники вырабатывали «актъ смягченія» (модераціи) религіозныхъ эдиктовъ; она послала инквизиторамъ и свѣтскимъ властямъ приказаніе примѣнять эти эдикты съ величайшей осторожностью и снисходительностью. Въ пародѣ распространялась прокламація, называвшая себя заявленіемъ обнародованнымъ кавалерами ордена Золотого руна и говорившая, что никто не долженъ быть подвергаемъ никакому преслѣдованію за религію до установленія новаго закона королемъ и общимъ государственнымъ сеймомъ. Народъ считалъ эту прокламацію подлинной, вѣрилъ ей тѣмъ тверже, что услышалъ о новомъ посольствѣ въ Мадридъ: регентша и государственный совѣтъ отправили Монтињи и графа Бергена съ своимъ представленіемъ государю о необходимости сдѣлать уступки. Монтињи, какъ мы говорили, ужъ ѣздилъ въ Мадридъ посломъ отъ Вильгельма Оранскаго, Эгмонда и ихъ друзей и былъ тогда принятъ королемъ милостиво. Графъ Бергенъ былъ человѣкъ пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Народъ надѣялся, что государь будетъ убѣжденъ представленіемъ регентши и государственнаго совѣта и объясненіями пословъ въ необходимости прекратить религіозное преслѣдованіе. Дѣйствительно

Филиппъ повидимому убѣдился, что это единственный способъ предотвратить возстаніе. Онъ милостиво принялъ пословъ, нѣсколько разъ давалъ аудіэнціи имъ, обѣщалъ исполнить ихъ просьбы. Но по своему обыкновенію медлилъ исполненіемъ обѣщаннаго. Регентша и народъ ждали королевскаго распоряженія; оно не приходило. Регентша не знала, какъ ей держать себя, не рѣшалась собственной властью совершенно прекратить дѣйствіе религіозныхъ эдиктовъ, уничтожить инквизицію, не могла и оказывать поддержку инквизиторамъ. Народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія нерѣшительностью правительства, и раздраженіе массы произвело бурю, разрушившую всѣ результаты переговоровъ. Инквизиторы держали себя робко, правительство не помогало имъ; это казалось народу доказательствомъ того, что дѣйствіе эдиктовъ противъ еретиковъ въ самомъ дѣлѣ пріостановлено до формальной отмѣны ихъ государемъ и общимъ нидерландскимъ сеймомъ, какъ говорилъ мнимый манифестъ кавалеровъ Золотого руна. Приверженцы реформации ободрились, перестали скрывать свои религіозныя убѣжденія, и оказалось, что во Фландріи, Брабантѣ, другихъ областяхъ сосѣднихъ съ Франціей число кальвинистовъ очень велико, что въ восточныхъ областяхъ очень много лютеранъ, что въ Голландіи и Фрисландіи уцѣлѣли анабаптисты. На бумагѣ прежніе эдикты противъ еретиковъ были только замѣнены актомъ модераціи, составителемъ котораго былъ Вигліусъ, вовсе не желавшій щадить еретиковъ; смягченіе состояло лишь въ томъ, что сожженіе замѣнялось висѣлицей и обѣщалось прощеніе отрекающимся отъ ереси; оставалось запрещеніе укрывать еретическихъ проповѣдниковъ, была назначена награда за выдачу ихъ правительству. Словомъ гоненіе должно было продолжаться; но у этого закона была отнята народнымъ волненіемъ всякая сила. Въ городахъ еще можно было воспрещать большія сходбища еретиковъ для открытаго богослуженія. Но тысячи дворянъ, горожанъ и поселянъ собирались въ окрестностяхъ городовъ слушать подъ открытымъ небомъ протестантское богослуженіе. Часть собиравшихся была вооружена, разогнать ихъ было не возможно иначе какъ военной силой. Протестантскій проповѣдникъ входилъ на построенную изъ досокъ эстраду, излагалъ евангелическое ученіе, называлъ суетвѣріемъ поклоненіе иконамъ, читалъ молитвы; собраніе пѣло псалмы.

Протестанты шли на свои собранія, вооружившись, кто чѣмъ могъ; у однихъ были пистолеты и аркебузы, у другихъ цѣпы и вилы. Мѣсто собранія было огорожено досками, срубленными деревьями, опрокинутыми телѣгами, какъ лагерь; кругомъ стояли часовые. Въ средину собранія ставили женщинъ; вооруженные мужчины стояли кольцомъ около нихъ; нѣкоторые воины сидѣли на коняхъ. Разнощики продавали протестантскія книги, не боясь наказанія смертью, которымъ еще угрожалъ за это законъ. Тысячи голосовъ пѣли псаломъ; выходилъ на эстраду проповѣдникъ; иногда

сопровождали его два воина съ коньями; собраніе благоговѣйно слушало проповѣдь, по окончаніи богослуженія расходилось, спокойное и грозное. Это дѣлалось каждый день по всему государству. Правительство не отваживалось мѣшать собраніямъ, хотя законъ воспрещалъ ихъ.

Регентша нѣсколько разъ обнародовала объявленіе, что эдикты противъ еретиковъ еще сохраняютъ силу законовъ. Она требовала отъ правительства города Антверпена, чтобъ оно прекратило богослужебныя собранія еретиковъ на городскихъ земляхъ; она приглашала Вильгельма Оранскаго, бывшаго буртграфомъ антверпенскимъ, исполнять обязанности этой должности. Но она была бессильна: собраній еретиковъ нельзя было разогнать иначе, какъ большими отрядами надежнаго войска; она не имѣла его. Городская милиція не хотѣла дѣйствовать противъ протестантовъ. Маргарета не знала, что ей дѣлать; король не присылалъ ей инструкцій. Гезы снова заявили свои требованія. Они собрались въ Сень-Тронъ (Saint Trond, близъ Люттиха), составили адресъ, въ которомъ требовали безусловной вѣротерпимости для всѣхъ и гарантій безопасности для себя. Двѣнадцать депутатовъ, однимъ изъ которыхъ былъ Людовикъ Нассаускій, братъ Вильгельма, подали 28 іюля (1566 года) этотъ адресъ регентшѣ; рѣшительный тонъ его показывалъ увѣренность гезовъ въ своей силѣ, и неудачна была насмѣшка, съ которой члены правительства преданные испанской системѣ называли депутатовъ «двѣнадцатью апостолами». Ясно было, что готовится возстаніе. Молва говорила, что гезы вошли въ сношенія съ французскими гугенотами, что Людовигъ Нассаускій ведетъ переговоры съ нѣмецкими протестантами, просить ихъ помощи въ случаѣ присылки испанскихъ войскъ для подавленія протестантства въ Нидерландахъ.

Но гезы не желали войны; они хотѣли оставаться вѣрными подданными; имъ казалось, что если Вильгельмъ Оранскій, Эгмондъ и Горнъ открыто примутъ ихъ сторону, то король удовлетворитъ народному требованію, просили этихъ вельможъ стать ихъ вождями, обѣщались исполнять ихъ совѣты. Но уже можно было замѣтить, что между гезами возникнуть несогласія: католическіе члены союза старались отклонить его отъ энергическихъ дѣйствій; графъ Мансфельдъ формально отказался отъ званія члена союза. Напротивъ того Вильгельмъ Оранскій сблизился съ гезами, однимъ изъ главныхъ между которыми былъ его братъ.

По пріѣздѣ Мантињи и Бергена въ Мадридъ Филиппъ поручилъ совѣту Кастиліи, завѣдывавшему дѣлами всей монархіи, заняться совѣщаніями о требованіяхъ нидерландцевъ. Совѣщанія были бурны; герцогъ Альба предлагалъ усмирить мятежъ военной силой. Князь Эволи доказывалъ необходимость примирительныхъ мѣръ. Король, по обыкновенію, молчалъ. Совѣтъ Кастиліи долго не могъ прійти ни къ какому опредѣленному рѣшенію по вопросу, о которомъ спорили могу-

ществениѣйшіе члены его Эволи и Альба. Въ угожденіе королю, всѣ соглашались съ мнѣніемъ придворныхъ, что народное волненіе возбуждено интригами вельможъ, желающихъ захватить управленіе Нидерландами въ свои руки; и однако же большинство членовъ понимало, что это не такъ, потому пришло наконецъ къ заключенію, что необходимы уступки, предложило королю удовлетворить требованіе нидерландцевъ относительно уничтоженія инквизиціонныхъ трибуналовъ и отмѣны эдиктовъ противъ еретиковъ, обѣщать амнистію за все прошлое.

Королю было непріятно рѣшиться на это; онъ по обыкновенію медлилъ. Онъ уѣхалъ въ свой загородный дворецъ близъ Сеговіи и 31 іюля (1566 года) отправилъ оттуда Маргаретѣ успокоительное письмо; онъ говорилъ ей, что не отступить отъ отцовскихъ эдиктовъ и не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, будто трибуналы поступали съ еретиками слишкомъ сурово: но что по любви къ подданнымъ онъ склоняется къ мѣрамъ кротости, позволяетъ уничтожить инквизиціонные трибуналы, передать епископамъ завѣдываніе дѣлами объ еретикахъ; просилъ Маргарету прислать ему проектъ относительно смягченія эдиктовъ, но желаетъ, чтобы не была этимъ ослаблена католическая церковь и монархическая власть; по дѣлу объ амнистіи онъ предоставляетъ Маргаретѣ право дать ее, но подъ условіемъ, чтобы вельможи и дворяне обѣщались распустить лигу и усердно поддерживать правительство.

Это письмо короля было торжествомъ для вельможъ: опасеніе мятежа заставило короля въ третій разъ уступить ихъ требованію. Но народное движеніе, возбужденное ими, шло дальше, чѣмъ они желали. Они утратили силу руководить имъ.

Филиппъ вовсе не хотѣлъ отказаться отъ своей прежней политики, прекратить самовластное нарушеніе нидерландскихъ законовъ. Онъ своими обѣщаніями только обманывалъ оппозицію, чтобы выиграть время. Черезъ четыре дня послѣ письма, обѣщавшаго уступки, онъ писалъ регентшѣ, что отлагаетъ созваніе общаго нидерландскаго сейма; это значило, что онъ не хочетъ производить обѣщанныхъ реформъ, для которыхъ необходимо было бы согласіе общаго сейма; онъ говорилъ Маргаретѣ, что пришлетъ ей денегъ для вербовки нѣмецкихъ наемниковъ. Онъ послалъ тѣмъ правителямъ областей и городскимъ начальникамъ, на преданность которыхъ надѣялся, приказанія энергически помогать регентшѣ въ подавленіи безпорядковъ. Эти документы были давно извѣстны историкамъ, а теперь мы кромѣ того знаемъ, что Филиппъ призвалъ нотаріуса и въ присутствіи герцога Альбы и другихъ свидѣтелей велѣлъ нотаріусу записать его заявленіе, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ оставлять безнаказанными людей, которымъ даетъ амнистію не по доброй волѣ, а по принужденію, что напротивъ того оставляетъ за собою право наказывать возбудителей мятежа. Онъ не нуждался въ чужихъ совѣтахъ для того, чтобы дѣйствовать такъ, но если бы нуждался, то его усердіе къ католичеству было бы укрѣпляемо внушеніями Пія V и вліятельнаго испанскаго монаха, отца Лоренсо (Fray Lorenzo), который заклиналъ его омытъ ввѣренный ему отъ Бога мечъ въ крови еретиковъ, истреблять враговъ Іеговы по примѣру Давида и Моисея. Филиппъ секретно увѣдомлялъ папу, что не намѣренъ исполнить данныя нидерландцамъ обѣщанія относительно инквизиціи и эдиктовъ противъ

еретиковъ, не допустить ничего противнаго интересамъ религіи, не потерпѣть, чтобы сохранился въ Нидерландахъ корень ядовитаго растенія, что скорѣе согласится потерять сто разъ жизнь и всѣ свои владѣнія до послѣдняго клочка земли, чѣмъ быть государемъ еретиковъ.

Но въ то время, когда Филиппъ старался выиграть время обманчивыми обѣщаніями, чтобы собрать войско для предотвращенія мятежа, возстаніе уже вспыхнуло, нидерландцы фактически пріобрѣли себѣ ту свободу, которой просили у Филиппа. Собранія протестантовъ для богослуженія подъ открытымъ небомъ становились все многочислѣннѣе; Маргарета хотѣла теперь только уже того, чтобы не было такихъ собраній въ городахъ и, по совѣту Вильгельма, разрѣшила ихъ за городскими стѣнами. Благодаря тому протестанты нѣсколько недѣль держали себя спокойно. Но Маргарета предугадывала, что они не долго останутся въ границахъ умѣренности. И дѣйствительно, въ половинѣ августа, когда католики совершали пышныя процессіи въ день Успенія Богоматери, началось во Фландріи бурное иконоборческое движеніе и быстро распространилось по всему государству. Въ Сентъ-Омерѣ, Ипрѣ, въ городахъ и селеніяхъ по рѣкѣ Лису (Lys) народъ врывался въ церкви, разбивалъ образа и символы католической религіи, опустошалъ монастырскіе храмы. То же самое произошло въ Валансьенѣ и Турне. Черезъ два дня послѣ Успенія народъ разрушилъ всѣ католическія украшенія въ антверпенскомъ кафедральномъ храмѣ. Дѣло тамъ началось съ того, что одинъ изъ протестантовъ запѣлъ псаломъ, толпа подхватила это гугенотское пѣніе, стала ругаться надъ католическими обрядами, сняла со стѣны большое деревянное распятіе, разбила его въ куски молотками и топорами, выломала изъ рамы образъ Богоматери, изломала его, бросилась уничтожать всѣ образа и католическіе символы, разломала въ своей ярости даже органъ, огромностью котораго прежде гордился городъ, изломала и кафедру, съ которой говорились проповѣди католическими священниками; опустошивъ великолѣпный храмъ, толпа съ крикомъ «да здравствуютъ гезы!» пошла опустошать другія церкви. Къ ней присоединялись новыя толпы. Три дня длилось истребленіе всѣхъ принадлежностей католическаго богослуженія въ городѣ Антверпенѣ, въ его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ. Число опустошенныхъ церквей и капеллъ простиралось до 400. Примѣру Брабанта и Фландріи послѣдовали другія области: отъ Геннегау и Намюра до Утрехта, въ Голландіи, Фрисландіи народъ врывался въ церкви, ломалъ образа, уничтожалъ все, что на языкѣ протестантовъ называлось католическимъ суевѣріемъ. При этомъ погибло много прекрасныхъ произведеній искусства, много драгоцѣнныхъ рукописей. Дѣло разрушенія шло безъ плана, безъ вождей; кальвинистскіе проповѣдники Юніусъ и Вилле осуждали его, какъ оскверненіе чистоты

реформатской вѣры. Оно было бурнымъ проявленіемъ раздраженія массы, ожесточенной страданіями отъ инквизиціи.

Толпы бѣдняковъ, опустошавшихъ церкви, не похитили изъ нихъ ничего. Изломанныя золотыя и серебряныя вещи остались брошены на полу и кругомъ церквей; ничего не было унесено и никому изъ монаховъ не было сдѣлано обиды. Народъ только уничтожалъ эмблемы угнетавшей его вѣры, служители которой сожгли тысячи людей; буйство продолжалось только пять или шесть дней, но размѣръ разрушенія былъ очень великъ.

Регентша ужаснулась при извѣстіи объ опустошеніи церквей въ Антверпнѣ. Она думала, что раздраженные толпы пойдутъ въ Брюссель и хотѣла уѣхать въ крѣпость Монсъ. Эгмондъ, Вильгельмъ и брюссельскій городской совѣтъ едва отклонили ее отъ этого намѣренія. Городская милиція заняла ворота города не столько для его охраны, сколько для того, чтобы не выпустить регентшу. Многіе вельможи, участвовавшіе въ оппозиціи правительству, испугались народнаго буйства, стали хлопотать о примиреніи другихъ съ правительствомъ. Маргарета выказала себя хорошей ученицей Лойолы, достойной сестрой Филиппа. Она (24 августа) заключила съ гезами договоръ, по которому отмѣнила инквизицію, разрѣшила протестантамъ собираться на богослуженіе, обѣщала гезамъ безнаказанность всего прошлаго; они взамѣнъ того обязались считать свой союзъ отмѣненнымъ и не возобновлять его, пока регентшею будутъ исполняемы данныя имъ обѣщанія, и помогать регентшѣ въ подавленіи буйства и въ наказаніи соучастниковъ его; но, подписавъ этотъ договоръ, Маргарета писала брату, что на колѣнахъ умоляетъ его простить ей сдѣлку съ мятежниками, что она была вынуждена къ этому, что ее осаждали во дворцѣ, держали въ плѣну, что единственная отрада для нея надежда получить отъ короля рѣшеніе, освобождающее ее отъ соблюденія обѣщаній вынужденныхъ у нея. Она достигла своимъ обманомъ полного успѣха: вельможи и дворяне, принадлежавшіе къ союзу гезовъ, стали усердно помогать правительству въ наказаніи иконоборцевъ и возстановленіи порядка. Вильгельмъ Оранскій, бургграфъ Антверпена, въ которомъ реформаты были очень сильны, возстановилъ спокойствіе наказаніемъ главныхъ участниковъ опустошенія церквей и прощеніемъ массы, вовлеченной ими въ это дѣло. Онъ отдалъ шесть церквей реформатамъ для ихъ богослуженія. Регентша досадовала на это, но видѣла себя въ необходимости одобрять всѣ распоряженія Вильгельма. Граждане Антверпена выразили благодарность ему за успокоеніе города. Онъ успокоилъ и Утрехтъ и Голландію, правителемъ которыхъ былъ, далъ свободу реформатскому богослуженію и въ этихъ областяхъ. Его примѣру послѣдовали Горнъ, правитель Турне, и Гохстратенъ, правитель Фландріи и Артуа, дѣйствовалъ въ этихъ областяхъ такъ сурово, что прежняя

любовь ихъ населенія къ нему замѣнилась ненавистью. Онъ предалъ смерти множество людей участвовавшихъ въ опустошеніи церквей; но ошибся въ надеждѣ возвратить себѣ благосклонность короля этимъ усердіемъ къ католичеству: онъ остался въ мнѣніи Филиппа такимъ же преступникомъ, какъ Вильгельмъ Оранскій. Маргарета выказывала дружбу вельможамъ только для того, чтобъ они помогали ей, пока нѣтъ у нея войска. Изъ ея писемъ къ Филиппу мы видимъ, что она ненавидѣла вельможъ и дворянъ, угождать которымъ была вынуждена. Довѣренными совѣтниками ея были Вигліусъ и другіе кардиналисты; она жалѣла, что прежде отступала отъ системы Гранвеллы и поддерживала передъ королемъ просьбы вельможъ о вѣротерпимости.

Маргарета принуждена была притворяться; надобно было внушить вельможамъ довѣріе къ правительству, чтобы легче захватить ихъ въ свои руки, когда придетъ время мщенія. Въ донесеніяхъ Филиппу Маргарета взводила на нихъ всяческія обвиненія, говорила, что они хотятъ свергнуть съ Нидерландовъ власть короля испанскаго, но въ сношеніяхъ съ ними была любезна, не мѣшала реформатамъ совершать богослуженіе въ отданныхъ имъ церквахъ, показывала видъ, что прониклась идеей вѣротерпимости. Она не уступала отцу и брату въ искусствѣ притворства, обманула вельможъ и дворянъ. Союзъ гезовъ уничтожился; многіе изъ прежнихъ участниковъ его старались усердными услугами правительству возвратить себѣ благосклонность регентши и государя. Эгмондъ сблизился съ регентшею.

Правительство не имѣло силы мѣшать реформатскому богослуженію. Во Фландріи и въ Брабантѣ кальвинисты соединились въ общины, которымъ дали такое же устройство, какое имѣла женева церковь; они учредили въ Антверпенѣ консисторію, завѣдывавшую общими дѣлами ихъ церкви. Послѣдователи аугсбургскаго исповѣданія въ восточныхъ областяхъ дали своимъ общинамъ лютеранское устройство. Въ Голландіи и Фрисландіи совершали свое богослуженіе анабаптисты. Вильгельмъ Оранскій не поддавался обману; онъ понималъ, что подъ притворной любезностью Маргареты скрывается смертельная вражда. Подкупленные имъ сановники мадридскаго правительства присылали ему коніи съ писемъ Филиппа и Маргареты. Регентша замѣчала, что секретнѣйшія бумаги ея корреспонденціи извѣстны нѣкоторымъ изъ нидерландскихъ вельможъ. У нихъ въ рукахъ были списки съ письма Олавы, испанскаго посланника при французскомъ дворѣ. Въ этомъ письмѣ, которое Маргарета называла подложнымъ, излагались тайны политики ея и Филиппа. Олава говорилъ, что нидерландскихъ вельможъ будутъ обманывать любезностью, пока будетъ приготовлено все для исполненія договора съ французскимъ правительствомъ объ истребленіи еретиковъ, и тогда настанетъ день мщенія. Вильгельмъ Оранскій убѣждалъ важнѣйшихъ вельможъ соединиться, чтобы не стать беззащитными жертвами коварства; но они не слушали его. Онъ и его братъ Людовикъ на свиданіи съ Эгмондомъ и Горномъ въ Дендермонде (въ октябрѣ 1566 года) говорили имъ о необходимости приготовиться къ оборонѣ, но все было напрасно. Эгмондъ воображалъ, что своимъ усердіемъ въ наказаніи оскорбителей католической церкви пріобрѣлъ благосклонность Филиппа и былъ спокоенъ за себя по чувству своей искренней преданности государю.

Притомъ, вѣрующій католикъ, онъ чувствовалъ отвращеніе отъ союза съ чело-
вѣкомъ, который, хотя и называлъ себя католикомъ, но защищалъ ре-
форматовъ и былъ друженъ съ нѣмецкими лютеранскими государями. —
Маргарета очень дѣятельно подготавливала средства возстановить терроръ;
она не мѣшала протестантамъ собираться на молитву, но всячески затруд-
няла организацію ихъ общинъ, увеличивала войско, назначала начальни-
ками его надежныхъ людей. Наиболѣе многочисленны и отважны рефор-
маты были въ Геннегау; регентша велѣла правителю этой области
усердному слугѣ испанскаго самовластія Филиппу Нуаркарму поставить
отрядъ войска въ Валансьенъ; граждане, возбужденные горячимъ пропо-
вѣдникомъ своимъ Ла Гранжемъ, отказались впустить войско, заперли во-
рота города; Маргарета разрѣшила Нуаркарму объявить ихъ мятежниками
и осадить Валансьенъ. Граждане оборонялись съ мужествомъ, возбуждав-
шимъ удивленіе враговъ. Оппозиція возобновилась повсюду. Бредероде
убѣждалъ бывшихъ членовъ союза гёзовъ возстановить эту лигу. Но они
были несогласны между собою, не имѣли прежней увѣренности въ своихъ
силахъ, не казались страшны правительству, утратили довѣріе народа;
нѣсколько сотъ дворянъ возобновили лигу, рѣшили подать регентшѣ адресъ,
требующій исполненія договора 24 августа, отмѣны стѣсненій реформат-
скаго богослуженія, снятія осады Валансьена. Регентша не дала имъ ау-
діенціи; они въ февралѣ 1567 г. послали ей свой адресъ; она отвѣчала на
него надменнымъ тономъ, показывавшимъ ея увѣренность въ своихъ си-
лахъ. Отвѣтъ ея говорилъ, что она удивляется упоминанію о лигѣ, какъ
будто продолжающей существовать: лига уничтожена по договору 24 авгу-
ста; правительство не можетъ допустить основанія еретическихъ общинъ;
по договору дозволено еретикамъ только собираться на молитву внѣ горо-
довъ; въ немъ нѣтъ разрѣшенія имъ учреждать формальныя общины; ре-
гентша совѣтуетъ приславшимъ ей адресъ не истощать терпѣнія государя.

Получивъ этотъ надменный отказъ, дворяне, возобновившіе лигу,
рѣшили готовиться къ оборонѣ. Носились слухи, что король хочетъ
идти въ Нидерланды съ сильнымъ войскомъ, что его уполномоченные
вербуютъ наемниковъ въ Италіи, Германіи. Члены лиги собирали
деньги для набора войска. Въ Віану, замокъ Бредероде, сходились
вооруженные отряды; гёзы хотѣли освободить Валансьенъ, не допус-
кать постановки королевскихъ войскъ въ другіе города, обезпечить
реформатамъ свободу богослуженія. Регентша продолжала набирать
войска. Близъ Острювеля, въ виду Антверпена, королевскій полково-
децъ Ланнуа де Бореуаръ напалъ 12 марта на отрядъ волонтеровъ,
шедшій изъ Вальхерена вверхъ по Шельдѣ подъ начальствомъ Марни
де Тулуза, младшаго брата Марни Сентъ-Альдегонда. Поле сраженія
было видно со стѣнъ Антверпена, граждане смотрѣли на ходъ боя;
они хотѣли идти на помощь волонтерамъ, но ворота города были
заперты по приказанію Вильгельма Оранскаго, который не хотѣлъ,
чтобы силы патріотовъ тратились въ мелкихъ схваткахъ. Валлонскіе
ветераны Эгмонда помогали опытнымъ солдатамъ Ланнуа; волонтеры
были разбиты, погибли на полѣ сраженія, въ волнахъ Шельды или
въ пламени ограды своего лагеря, въ который бѣжали. Вильгельмъ
при помощи антверпенскихъ католиковъ и лютеранъ удержалъ каль-

винистовъ отъ возстанія и предотвратилъ междоусобіе въ городѣ. Городской совѣтъ и зажиточные граждане выразили ему свою благодарность за это; но гёзы называли его измѣнникомъ. Вскорѣ послѣ того отрядъ войска Нуаркарма разбилъ близъ Турнѣ другихъ волонтеровъ и занялъ эту крѣпость. Но Валансьенъ продолжалъ обороняться. Эгмондъ и Аршотъ отъ имени регентши убѣждали гражданъ покориться, предлагая имъ нѣкоторыя гарантіи; но въ надеждѣ на крѣпкое положеніе города и на помощь единовѣрцевъ они по прежнему отказались впустить гарнизонъ. Нуаркармъ началъ бомбардировать городъ: у него были пушки большого калибра, — такой ужасной бомбардировки еще не бывало въ тѣ времена; она произвела такое разрушеніе, что оборона стала не возможна, королевскія войска вошли 2 апрѣля въ Валансьенъ; Нуаркармъ поставилъ гарнизонъ въ цитадели. Городъ былъ лишенъ самоуправленія, регентша наложила на гражданъ контрибуцію, возвратила всѣ церкви католическому духовенству; 36 возбудителей возстанія были обезглавлены или повѣшены; въ числѣ ихъ находился и Ла Гранжъ. Покореніемъ Валансьена была рѣшена побѣда правительства. Ни одинъ городъ не отказался принять королевскій гарнизонъ. Только Антверпенъ, благодаря разсудительному и энергическому управленію Вильгельма, остался на нѣкоторое время свободенъ отъ этого обремененія. Страна безусловно повиновалась регентшѣ. Горнъ, истратившій значительную часть состоянія на издержки королевской службы и получившій въ награду за то лишь непріятности, сложилъ съ себя всѣ должности, уѣхалъ въ свой полуразвалившійся замокъ Вертъ. Вильгельмъ внимательно слѣдилъ за подготовленіями правительства къ крутымъ мѣрамъ. Онъ полагалъ, что спасти страну отъ гибели можетъ только единодушная рѣшительная оппозиція патріотовъ; но они были несогласны между собой и вообще упали духомъ.

Эгмондъ и Вильгельмъ совершенно разошлись. Эгмондъ старался соединить вѣрность королю съ исполненіемъ обязанностей патріота и не могъ угодить ни королю, ни патріотамъ. Вильгельмъ видѣлъ, что держаться середины значитъ губить себя, что надобно или безусловно повиноваться или готовиться къ вооруженной борьбѣ. Регентша потребовала отъ всѣхъ должностныхъ лицъ новой присяги, содержащей въ себѣ обѣщаніе безусловно исполнять всякое королевское повелѣніе. Вильгельмъ отказался дать эту присягу, отвѣчалъ, что уже много разъ присягалъ служить интересамъ государя и сдержитъ эту клятву, но что совѣсть не позволяетъ ему принять на себя обязательство, которое могло бы ввести его въ столкновение съ его правилами и съ обязанностями относительно отечества. Эгмондъ послѣ нѣкотораго колебанія далъ требуемую присягу. Мансфельдъ, Арембергъ, Мегенъ, Аршотъ, Нуаркармъ и другіе роялисты съ радостью ждали крутыхъ мѣръ противъ патріотовъ, рассчитывая обогатиться при конфискаціи имуществъ людей ненавистныхъ правительству.

4. Правленіе Альбы.

Говорятъ, что при извѣстіи объ опустошеніи церквей въ Нидерландахъ, Филиппъ гнѣвно воскликнулъ: «Имъ придется дорого поплатиться за это. Клянусь душою моего отца, они будутъ тяжело наказаны!»! Вѣроятно этотъ анекдотъ вымыселъ; едва ли могъ увлечься до откровеннаго заявленія своихъ мыслей человѣкъ, привыкшій сдерживать свои порывы, оставаться невозмутимо молчаливымъ. Но намѣреніе его дѣйствительно было таково, какъ высказывается приписываемымъ ему восклицаніемъ. Онъ спокойно слушалъ совѣщанія своего государственнаго совѣта; всѣ члены говорили, что королю надобно самому отправиться въ Нидерланды, что только его присутствіе можетъ прекратить безпорядки. Но Альба прибавлялъ, что король долженъ вести съ собою сильное войско; соперникъ Альбы Руи Гомесъ говорилъ напротивъ, что слѣдуетъ дѣйствовать путемъ соглашенія съ нидерландскими вельможами. Филиппъ не высказывалъ, которое изъ двухъ мнѣній онъ предпочитаетъ. Вѣроятно онъ ожидалъ, какое дѣйствіе произведутъ уступки, которыя разрѣшилъ онъ Маргаретѣ сдѣлать требованіямъ оппозиціи. Въ томъ же духѣ примиренія были писаны всѣ инструкціи, которыя посылалъ онъ Маргаретѣ въ слѣдующіе мѣсяцы. Филиппъ не отпускалъ Монтињи, продолжалъ давать ему милостивыя обѣщанія, но постоянно находилъ причины задерживать его въ Мадридѣ; тому очень хотѣлось поскорѣе возвратиться домой къ женѣ; но король не давалъ ему разрѣшенія уѣхать. Онъ видѣлъ, что Филиппъ считаетъ нидерландскихъ вельможъ виновниками всѣхъ волненій и тайно посылалъ имъ увѣдомленія объ этомъ. Извѣстія, посылаемые имъ, были подтверждаемы тѣми свѣдѣніями, какія Вильгельмъ получалъ изъ другихъ источниковъ, напримѣръ изъ сообщеннаго нидерландскимъ вельможамъ письма Олавы, о которомъ мы говорили. Вильгельму казалось надобнымъ, чтобы вельможи приготовились отразить нашествіе войска, собираемаго Филиппомъ и, какъ мы говорили, онъ убѣждалъ Эгмонда въ необходимости этого, но Эгмондъ вѣрилъ обѣщаніямъ Филиппа, потому дѣло разстроилось. Возобновленіе союза гѣзовъ, адресъ, посланный ими Маргаретѣ, приготовленія ихъ къ борьбѣ съ королевскимъ войскомъ и вообще смѣлые поступки ихъ вождей, Людовика Нассаускаго и графа Бредероде, служили для Филиппа пріятными предлогами для принятія безпощадныхъ мѣръ противъ нидерландцевъ. Когда Валансъень сталъ обороняться отъ королевскаго войска, когда произошли схватки у Антверпена и у Турнѣ, мадридскіе сторонники подавленія нидерландской оппозиціи съ торжествомъ говорили, что теперь очевидны гибельные результаты уступчивости, что теперь уже не должно быть и рѣчи о пощадѣ, что необходимо ввести въ Нидерландахъ такую же систему управленія, какъ въ Кастиліи, что обсто-

ительства благопріятствуютъ этому: войска регентши подавили мятежъ, правительство окрѣпло, союзъ гезовъ разстроился; чтобъ окончательно упрочить порядокъ, надобно послать энергическаго полководца съ иноземнымъ войскомъ; онъ введетъ въ Нидерландахъ абсолютизмъ.

Такой полководецъ былъ у Филиппа — герцогъ Альба, показавшій въ шмалькальденской войнѣ, какъ надобно поступать съ еретиками. Филиппъ рѣшилъ назначить его правителемъ Нидерландовъ. Вильгельмъ зналъ объ этомъ, когда отказался дать новую присягу и сложилъ съ себя свои должности; секретарю регентши, присланному отъ нея съ просьбой не дѣлать этого, онъ выставилъ главнымъ мотивомъ своего рѣшенія то, что государь можетъ прислать въ Нидерланды намѣстника, повиноваться которому не было бы согласно съ его честью и совѣстью. Онъ уже принялъ намѣреніе уѣхать къ своимъ роднымъ въ Германію. Передъ отъѣздомъ онъ имѣлъ въ Вильдбрукѣ (селеніи между Антверпеномъ и Брюсселемъ) свиданіе съ Эгмондомъ и двумя или тремя другими вельможами. Онъ предостерегалъ Эгмонда, безопасно шедшаго къ гибели, говорилъ ему, что Филиппъ рѣшился истребить вождей народа, снять съ тѣла голову, чтобъ оно не двигалось; но Эгмондъ не хотѣлъ вѣрить, что Филиппъ обманываетъ нидерландцевъ. Въ сознаніи своей искренней преданности государю и великихъ заслугъ онъ отвергъ совѣтъ Вильгельма уѣхать изъ Нидерландовъ, сказалъ: «Я полагаюсь на справедливость государя, онъ не можетъ находить виновнымъ передъ нимъ людей, возстановившихъ порядокъ въ странѣ». «Это довѣріе», отвѣчалъ Вильгельмъ, «приведетъ васъ къ гибели; вы послужите мостомъ, по которому испанцы войдутъ въ нашу землю». Съ этими пророческими словами Вильгельмъ, растроганный до слезъ, простился съ другомъ. Имъ не суждено было видѣться послѣ того. Кромѣ довѣрія къ Филиппу, Эгмондъ имѣлъ такіе мотивы оставаться въ Нидерландахъ, которыхъ не было у Вильгельма. Его имѣнья находились во Фландріи; если-бъ онъ эмигрировалъ, они были бы конфискованы; онъ, его жена и дочери (у него было нѣсколько дочерей) стали бы нищими. У Вильгельма были большія имѣнья въ Германіи; онъ могъ спокойно жить тамъ, выжидая возможности начать борьбу противъ испанскаго самовластія. Эгмондъ, усердно защищавшій католическую церковь, сурово наказавшій кальвинистовъ, давшій новую присягу, отъ которой отказался Вильгельмъ и получившій за все это благодарность въ собственноручномъ письмѣ короля, служившій своему государю такъ самоотверженно, что отъ трудовъ и заботъ былъ уже сѣдымъ старикомъ въ 46 лѣтъ, конечно, могъ больше разсчитывать на благоклонность короля, чѣмъ Вильгельмъ, женившійся на лютеранкѣ, воспитывавшій своихъ дѣтей отъ нея въ лютеранскомъ исповѣданіи, защищавшій вѣротерпимость во время безпорядковъ въ Голландіи и Утрехтѣ. Католики считали его отступникомъ; это подозрѣніе

было справедливо: католичество оттолкнуло его отъ себя инквизиціей, сожженіемъ еретиковъ.

Вильгельмъ пріѣхалъ въ Бреду и 30 апрѣля покинулъ Нидерланды, написавъ Эгмонду и Горну письмо, въ которомъ увѣрялъ ихъ въ неизмѣнности своей дружбы и объяснялъ причины своего отъѣзда, написавъ также письмо къ Филиппу, которому говорилъ, что не хочетъ измѣнять обязанностямъ вассала. Онъ взялъ съ собою все семейство, кромѣ старшаго сына, имѣвшаго титулъ графа Ванъ Бюрена, 13 лѣтняго мальчика, учившагося въ Лувенѣ. Отецъ оставилъ его продолжать занятія тамъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ сынъ Вильгельма былъ по приказанію Филиппа привезенъ въ Испанію, отданъ католическимъ воспитателямъ, сталъ католикомъ, усерднымъ слугою испанскаго правительства, человѣкомъ чужимъ отцу и родинѣ!—Вильгельмъ взялъ съ собою весь свой блестящій придворный штатъ и поселился въ томъ замкѣ Дилленбургѣ, гдѣ родился. Съ его отъѣздомъ, нидерландцы лишились сильнѣйшаго своего охранителя. Тревога овладѣла народомъ; ремесленники цѣлыми толпами удалялись въ Англію, въ Германію. Гезы бѣжали или старались заслужить прощеніе увѣреніями въ преданности правительству; многимъ изъ нихъ пришлось въ самомъ дѣлѣ носить нищенскую суму, изображеніе которой взяли они своей эмблемой въ насмѣшку надъ своими противниками. Бредероде въ послѣднее время жилъ въ Амстердамѣ; когда этотъ городъ покорился регентшѣ, принялъ посланный ею гарнизонъ, онъ съ нѣсколькими товарищами сѣлъ на корабль, спасся отъ преслѣдованія, пріѣхалъ въ Германію и въ слѣдующемъ году умеръ въ замкѣ Гарденбергѣ, разочаранный и обнищавшій. Регентша обнародовала 24 мая эдиктъ прежнихъ законовъ противъ еретиковъ, воспрещавшій еретическое богослуженіе, отмѣнявшій всѣ уступки, сдѣланныя кальвинистамъ и другимъ «сектантамъ», какъ назывались въ немъ лютеране и анабаптисты. Но этого было мало Филиппу; черезъ два мѣсяца новый эдиктъ былъ отмѣненъ, какъ слишкомъ снисходительный къ еретикамъ, и произволъ мщенія сталъ безграниченъ.

Въ началѣ весны 1567 г. въ Мадридѣ, Римѣ, Брюсселѣ много говорили о намѣреніи Филиппа отправиться въ Нидерланды. Въ гаваняхъ снаряжались корабли, по всѣмъ направленіямъ скакали курьеры, въ церквахъ молились о благополучномъ плаваніи короля; но 15 апрѣля король на аудіенціи въ Аранхуэсѣ вручилъ герцогу Альбѣ патентъ, назначавшій его главнокомандующимъ въ Нидерландахъ съ полномочіями, отдававшими въ его завѣдываніе не одну военную часть, но и все управленіе. Онъ отплылъ изъ Картахены съ небольшимъ, но отборнымъ войскомъ, вышелъ на генуэзскій берегъ, сдѣлалъ 2 іюня въ Александріи смотръ войску, собравшемуся туда изъ разныхъ частей Италіи. вмѣстѣ съ испанскимъ отрядомъ оно имѣло всего 10,000

человѣкъ, но это были опытные воины; большинство ихъ участвовало въ походахъ Карла. Много вельможъ отправлялись пріобрѣсти славу подъ начальствомъ знаменитаго полководца, которому было теперь 60 лѣтъ. При Альбѣ находились законный сынъ его Донъ Фадрике и побочный сынъ Фернандо де Толедо, любимецъ отца, пріоръ іоаннитскаго ордена.—Войско пошло тремя отрядами черезъ Монъ-Сени, Савойю, Лотарингію. Ему должно было проходить много ущелій и густыхъ лѣсовъ. Но Альба поддерживалъ на трудномъ пути строгую дисциплину. Онъ долженъ былъ обойти французскія земли, потому что появленіе его въ нихъ могло вызвать возстаніе гугенотовъ. Въ срединѣ августа онъ вошелъ въ люксембургскую область, принадлежавшую къ Нидерландамъ. Кавалеры Золотого руна, члены государственнаго совѣта, въ числѣ ихъ и Эгмондъ, явились засвидѣтельствовать свое уваженіе новому главнокомандующему. Альба принималъ ихъ учтиво. Онъ подобно Филиппу умѣлъ скрывать свои мысли. Увидѣвъ подходящаго Эгмонда, онъ тихо сказалъ окружающимъ: «Вотъ идетъ величайшій еретикъ»; но разсѣялъ всякое опасеніе въ Эгмондѣ удвоенной любезностью. При въѣздѣ Альбы въ Брюссель Эгмондъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ. Альба поселился во дворцѣ Кюленборга, гдѣ за два года передъ тѣмъ былъ заключенъ союзъ гезовъ.

При вступленіи Альбы въ Нидерланды, народъ безпрекословно повиновался правительству. Гёзы бѣжали или заискивали милости регентши; въ городахъ стояли надежные гарнизоны; въ Антверпенѣ было подъ наблюденіемъ самой регентши возстановлено во всемъ своемъ блескѣ владычество католической церкви, изглажены слѣды опустошенія храмовъ; реформаты трепетали подъ терроромъ новаго эдикта; имъ едва дозволялось совершать богослуженіе даже у себя дома, въ семейномъ кругу; королевская власть была всесильна. Маргарета извѣщала объ этомъ брата, совѣтовала ему пріѣхать въ Нидерланды, чтобы своимъ присутствіемъ упрочить порядокъ, успокоить умы. Онъ по обыкновенію коварствовалъ. Уже рѣшившись послать въ Нидерланды Альбу, онъ все еще увѣрялъ сестру, что пріѣдетъ; отправивъ Альбу въ Нидерланды, онъ говорилъ, что пріѣдетъ вслѣдъ за герцогомъ. Маргарета не знала, какъ ей думать о своемъ положеніи. Она писала брату, что полномочія, съ какими посылаетъ онъ Альбу, унижаютъ ее, что она не можетъ понять, каковы же будутъ отношенія главнокомандующаго къ ней, просила короля не унижать ее въ глазахъ народа, не оскорблять ея честь послѣ восьмилѣтняго вѣрнаго управленія Нидерландами. Филиппъ отвѣчалъ учтивостями, не разъяснявшими дѣла. Альба вошелъ въ Нидерланды, вступилъ въ Брюссель. Не уступая коварствомъ Филиппу, онъ дѣйствовалъ двоедушно, не заявлялъ дѣйствительныхъ своихъ отношеній къ регентшѣ, явился къ ней, какъ ея подчиненный, скрывалъ свои полномочія.

Но мало по малу оказывалось, что вся власть принадлежит ему; регентша скоро увидѣла это: Альба замѣнилъ валлонскіе гарнизоны въ городахъ испанскими и итальянскими, не спрашивая согласія регентши; сказалъ, что она обременена другими дѣлами, потому онъ не хотѣлъ утруждать ее заботой о военныхъ распоряженіяхъ. Онъ взялъ у городскихъ правительствъ ключи отъ городскихъ воротъ, не слушая ихъ возраженій, что этимъ нарушаются ихъ права. Маргарета была оскорблена и писала брату: «Я рисковала своимъ здоровьемъ, быть можетъ, своей жизнью, и королевская власть сдѣлана сильнѣе прежняго. Является другой человекъ, пожавшій плоды моихъ трудовъ и страданій». Она просила брата уволить ее отъ сана правительницы; онъ отвѣчалъ уклончиво.

Въ Нидерландахъ водворилось глубокое уныніе; казалось, будто небо задернулось траурнымъ покровомъ и нависло такъ низко, что давить всѣхъ. Народъ предчувствовалъ, что наступаетъ время мщенія. „По всей странѣ владычествовало чувство холоднаго безнадежнаго ужаса“, говоритъ Мотли: „Имѣвшіе возможность бѣжать бѣжали. Иностранные купцы уѣхали изъ городовъ; на улицахъ была такая тишина, какъ будто свирѣпствуетъ чума. Всѣ понимали, что Альба присланъ отнять у нидерландцевъ прежнія права, подчинить ихъ безусловной власти государственнаго совѣта Кастиліи, въ которомъ нѣтъ ни одного нидерландца, ввести у нихъ абсолютизмъ, какой установленъ въ Испаніи, дать полный просторъ дѣйствіямъ инквизиціи“.

Дѣйствительно король велѣлъ Альбѣ сдѣлать все это, опредѣлилъ и способы исполненія. Вильгельмъ Оранскій правильно разгадалъ, какія инструкціи даны Альбѣ Филиппомъ. Первыми жертвами были выбраны Вильгельмъ, Эгмондъ, Горнъ, Монтини, Гогстратенъ и другіе вельможи; Филиппъ хотѣлъ отнять вождей у народа; безъ нихъ масса не будетъ знать, что ей дѣлать и станетъ неспособна къ сопротивленію, рассчитывали Филиппъ и Альба. Вильгельмъ Оранскій не дался имъ въ руки; но не трудно было Альбѣ заманить въ свои сѣти довѣрчиваго Эгмонда, отвергавшаго всѣ предостереженія друзей; обманутый любезностью Альбы, онъ считалъ себя въ полной безопасности, пріѣзжалъ на пиры къ нему, подружился съ побочнымъ сыномъ герцога, великимъ пріоромъ, искренно полюбившимъ его. Труднѣе было заманить въ Брюссель Горна, жившаго въ своемъ далекомъ замкѣ; но и онъ поддался обольщенію: Альба увѣрялъ его въ своей дружбѣ, говорилъ, что король щедро вознаградитъ его за усердную службу и за издержки, сдѣланныя имъ на ней. Горнъ принялъ приглашеніе пріѣхать въ Брюссель. Альба нашелъ, что настало время исполнить коварный замыселъ. Онъ очень гордился тѣмъ, какъ заманилъ Филиппа Гессенскаго на пиръ къ себѣ и арестовалъ послѣ пира. Теперь онъ повторилъ это коварство. Эгмондъ и Горнъ были 9 сентября (1567 года) на обѣдѣ у его сына, великаго пріора. Онъ

пригласилъ ихъ съ обѣда къ себѣ, говоря, что желаетъ посовѣтоваться съ ними о планѣ укрѣпленій Антверпена, отдалъ приказаніе арестовать Баккерзеле, секретаря Эгмонда, и Стралена, антверпенскаго бургомистра, и объявилъ Эгмонду и Горну, что арестуетъ ихъ. Они были изумлены. Эгмондъ подалъ вошедшему испанскому капитану свою шпагу съ словами: «Она въ прежнія времена оказала королю много услугъ». Его отвели въ плотно запертую комнату верхняго этажа дворца; тамъ день и ночь стерегли его испанскіе солдаты. Точно также поступили съ Горномъ. Черезъ двѣ недѣли (23 сентября) отвезли ихъ въ гентскую цитадель. Хотѣлось бы Альбѣ арестовать и Вильгельма Оранскаго; но онъ жилъ въ землѣ, куда не простиралась испанская власть. Уцѣлѣлъ и Гохстратенъ, провожавшій Вильгельма въ Дилленбургъ. Онъ возвращался на родину, но къ счастію задержала его въ Кёльнѣ раскрывшаяся рана. Гранвелла, жившій тогда въ Римѣ, получивъ извѣстіе объ арестѣ Эгмонда и Горна, спросилъ, удалось ли Альбѣ поймать и Вильгельма. Услышавъ, что нѣтъ, онъ сказалъ: «Когда такъ, герцогъ ничего не поймалъ».

Арестованіе Эгмонда, которому еще недавно высказывалъ свою благосклонность Филиппъ, ужаснуло всѣхъ. Каждый видѣлъ, что когда не щадятъ Эгмонда, не пощадятъ никого. Наперекоръ запрещенію эмигрировать, угрожавшему за попытку бѣгства конфискаціей и смертной казнью, множество людей бѣжало изъ Нидерландовъ. — Регентша негодовала на поступокъ Альбы; впрочемъ, не потому, что жалѣла Эгмонда и Горна; напротивъ, она считала ихъ заслужившими гибели, но ей обидно было, что Альба арестовалъ ихъ, не испросивъ ея согласія. Она увидѣла изъ этого, что лишена власти. Когда она выразила Альбѣ свое неудовольствіе, онъ насмѣшливо отвѣчалъ, что хотѣлъ избавить ее отъ отвѣтственности за арестъ, взять на себя непріятность народнаго неудовольствія. Она жаловалась Филиппу, требовала отставки, говорила, что остается въ Нидерландахъ только до ея полученія. Гнѣвъ Маргареты на Альбу и просьбы ея королю о пощадѣ угнетаемаго Альбой народа пріобрѣли ей симпатію нидерландцевъ. Въ октябрѣ секретарь ея, ѣздившій въ Мадридъ, привезъ отъ совѣта Кастиліи и отъ короля письма, объявлявшія ей, что король, благодаря ее за вѣрное исполненіе обязанностей, даетъ ей по ея просьбѣ увольненіе отъ должности и изъ признательности къ ея заслугамъ назначаетъ ей пенсію. Она желала по примѣру отца торжественно проститься съ нидерландскимъ сеймомъ, но Филиппъ не дозволилъ ей созвать его. Въ концѣ декабря она уѣхала изъ Нидерландовъ, досадуя на Филиппа. Утѣшеніемъ ей служили адреса нидерландцевъ, выражавшіе признательность ей, сожалѣніе о ея отставкѣ. Города прислали ей на прощанье большіе подарки. Она проѣхала черезъ Германію въ свое пармское герцогство; но съ давняго

времени она была въ дурныхъ отношеніяхъ съ мужемъ, потому скоро уѣхала въ Неаполь. Увольняя Маргарету отъ должности, Филиппъ далъ Альбѣ санъ намѣстника и формальное полномочіе править Нидерландами съ неограниченной властью.

Еще до отъѣзда Маргареты, Альба сдѣлалъ распоряженія, какія были нужны для исполненія его террористическихъ мѣръ. Нидерландскіе трибуналы казались ему ненадежны, законныя формы процесса слишкомъ медленны и стѣснительны; потому онъ учредилъ новый трибуналъ, который назвалъ Совѣтомъ мятежей (Судилищемъ для наказанія за мятежи); нидерландцы стали называть это судилище Совѣтомъ крови (Трибуналомъ убійства). Совѣтъ мятежей состоялъ изъ 12 членовъ, нѣкоторые были нидерландцы, другіе испанскіе юристы; изъ нидерландцевъ важнѣйшими были Барлемонъ, Гассельсъ, Нуаркармъ; изъ испанцевъ Дель Ріо и Хуанъ Варгасъ. Человѣкъ съ запятнаннымъ прошлымъ, Варгасъ нравился Альбѣ своимъ безграничнымъ усердіемъ. Герцогъ назначилъ его предсѣдателемъ Совѣта мятежей, хотя онъ не зналъ нидерландскихъ законовъ, не зналъ и фламандскаго языка; по его незнакомству съ языкомъ страны, было велѣно вести процессы на латинскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ онъ, впрочемъ, очень плохо. Совѣтъ мятежей былъ раздѣленъ на нѣсколько департаментовъ; онъ могъ принимать на себя рѣшеніе всякихъ дѣлъ, и гражданскихъ и уголовныхъ; на его приговоры не было апелляціи. Вигліусъ уклонился отъ назначенія въ члены этого трибунала, выставивъ отговоркой свое духовное званіе, но помогалъ Альбѣ въ дѣлѣ выбора членовъ. По учрежденіи Совѣта мятежей, утратили всякое значеніе нидерландскіе законы, государственный совѣтъ и мехельнскій верховный судъ лишились всякой самостоятельности, и началось беспощадное истребленіе всѣхъ людей подозрительныхъ или непріятныхъ Филиппу, Альбѣ и ихъ агентамъ; при помощи шпіоновъ и пытки Совѣтъ мятежей находилъ мятежниками всѣхъ, кого хотѣлъ казнить Альба. Определенію измѣны былъ данъ такой широкій объемъ, что подъ него можно было подвести каждый поступокъ, каждое слово обвиняемаго. Однимъ изъ мотивовъ, по которымъ осуждались люди на смерть, былъ расчетъ конфисковать ихъ имущество, такъ что юридическія убійства производились не только по политическимъ причинамъ, но и просто для пополненія казны.

Альба писалъ королю: „Каждый долженъ имѣть то чувство, что домъ его можетъ всякій день обрушиться на него. Этимъ способомъ удобно доводить людей до того, чтобъ они платили больше денегъ за прощеніе ихъ преступленій“. Альба и его агенты пользовались властью для своего обогащенія. Нидерландцы должны были содержать войска, порабошавшія ихъ. Альба говорилъ, что лучше править страной раззоренной, но вѣрной Богу и государю, чѣмъ благосостоятельной, но преданной діаволу и ереси.

Совѣтъ мятежей дѣйствовалъ такъ, что съ нимъ можно сравнивать только парижскій революціонный трибуналъ; повсюду были построены висѣлицы и эшафоты; повсюду пылали костры для реформатскихъ проповѣдниковъ и упорныхъ послѣдователей ихъ ученія. Темницы наполнились вельможами; арестованныхъ держали нѣсколько времени въ тоскѣ неизвѣстности, прежде чѣмъ убить ихъ. Отведены были въ темницы и массы простолюдиновъ; всѣ участвовавшіе въ оппозиціи учрежденію новыхъ епископствъ и инквизиціонныхъ трибуналовъ, всѣ требовавшіе смягченія эдиктовъ противъ еретиковъ, всѣ присутствовавшіе при кальвинистскомъ богослуженіи были разыскиваемы, отведены въ темницы, изъ темницъ на эшафотъ, висѣлицу или костеръ. Ужасъ тяготѣлъ надъ всей страной; число жертвъ юридическаго убійства съ октября 1567 по іюнь 1568 простиралось по однимъ извѣстіямъ до 800, по другимъ до 1.500. Для сокращенія дѣла они были казнимы или вѣшаемы по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. «Висѣлицы, колеса, костры, деревья по большимъ дорогамъ», говоритъ одинъ изъ современныхъ писателей, «были покрыты тѣлами или растерзанными кусками тѣлъ, такъ что воздухъ, созданный Богомъ для дыханія живыхъ, сталъ общей гробницей мертвыхъ. Колодельный звонъ, которымъ сопровождалась казни безчисленныхъ убиваемыхъ, звучалъ каждый день въ сердцахъ дѣтей, родителей, родныхъ и друзей». Эмигрировавшихъ осуждали на смертную казнь, исполняли ее надъ ихъ изображеніями, а имущество ихъ конфисковали. Бѣдствія народа увеличивались необыкновеннымъ холодомъ зимы и потомъ неурожаемъ, голодомъ. Въ западной Фландріи люди, которымъ угрожалъ арестъ и смертный приговоръ, уходили толпами въ лѣса и вели партизанскую войну противъ правительства; число ихъ стало такъ велико, что надобно было посылать противъ нихъ сильныя отряды. Тѣ, которые не могли покинуть своихъ домовъ, составляли заговоры. Порядокъ рушился, Альба старался возстановить его такими свирѣпыми мѣрами, что даже постороннему государю, Максимилиану Австрійскому, было жаль нидерландцевъ: онъ отъ своего имени и отъ имени имперіи послалъ Филиппу совѣтъ пощадить нидерландскій народъ. Филиппъ въ мартѣ 1568 отвѣчалъ: «то, что я дѣлаю въ Нидерландахъ, дѣлается для возстановленія порядка и для защиты католической вѣры».

Множество эмигрантовъ всѣхъ сословій ѣхали и шли въ Дилленбургъ, убѣждали Вильгельма спасти несчастное отечество. Его имѣнья въ Нидерландахъ были тогда уже конфискованы. Альба писалъ ему вызовъ явиться къ отвѣту въ Совѣтъ мятежей по обвиненію въ томъ, что онъ былъ возбудителемъ бунта; Вильгельмъ отвѣчалъ апологіей, въ которой энергически опровергалъ обвиненіе, просилъ Филиппа вникнуть въ дѣло, отвергнуть дурныя внушенія и объявлялъ, что Совѣтъ мятежей не компетентенъ судить его, кавалера Золотого

руна, подлежащаго только суду собранія кавалеровъ этого ордена. Альба конфисковалъ его владѣнія въ Нидерландахъ; онъ увидѣлъ, что примиреніе съ Филиппомъ невозможно для него, открыто перешелъ въ протестантство и сталъ готовиться къ войнѣ для защиты своихъ соотечественниковъ. Антверпенское купечество, богатые люди другихъ городовъ, нѣкоторые вельможи, оставшіеся въ Нидерландахъ, тайно присылали ему деньги для найма войска; давали, что могли эмигранты; но всего этого было мало. Вильгельмъ продалъ свою серебряную посуду, всѣ свои дорогія вещи, заложилъ свои нѣмецкія имѣнья; заложили свои имѣнья и его братья. Онъ пригласилъ нѣмецкихъ протестантскихъ государей на съѣздъ для совѣщанія о нидерландскихъ дѣлахъ; нѣкоторые пріѣхали на съѣздъ, обѣщали помощь ему, онъ вступилъ въ сношенія съ французскими гугенотами. Въ апрѣлѣ онъ собралъ столько войска, что нашелъ возможнымъ начать войну. Нидерландскіе эмигранты, французскіе гугеноты, нѣмецкіе наемники пошли тремя отрядами одновременно напасть на войска Альбы въ Артуа, въ Брабантѣ, во Фрисландіи. Но успѣхъ могъ быть лишь въ томъ случаѣ, если нападеніе будетъ поддержано возстаніемъ въ Нидерландахъ; а упадокъ духа былъ тамъ такъ великъ, что возстанія не произошло. У Вильгельма не достало денегъ на содержаніе войска; волонтеры и наемники, собранные имъ, далеко уступали дисциплиной и военной опытностью испанскимъ солдатамъ. Кромѣ того, французское правительство помогало Альбѣ. Оба отряда, вошедшіе въ Нидерланды съ юга, были разбиты. Гугенотъ Коквиль, начальствовавшій однимъ изъ нихъ, и Вильеръ, одинъ изъ двухъ начальниковъ другого, были взяты въ плѣнъ и казнены; товарищъ Вильера Гохстратенъ спасся бѣгствомъ. Третій отрядъ, который повели во Фрисландію братья Вильгельма Людовикъ и Адольфъ нассаускіе, дошелъ до Гронингена, одержалъ блестящую побѣду надъ Арембергомъ, правителемъ сѣверныхъ областей. Это былъ хорошій полководецъ; онъ видѣлъ, что нельзя атаковать нѣмецкихъ наемниковъ и фламандскихъ эмигрантовъ, занявшихъ при монастырѣ Гейлигенле крѣпкую позицію, прикрытую лѣсомъ и болотомъ; но испанскіе солдаты принудили его штурмовать ее. Онъ потерпѣлъ полное пораженіе (24 мая). На болотистомъ полѣ битвы осталось 1,600 убитыхъ или тяжело раненныхъ испанцевъ. Былъ убитъ и самъ Арембергъ, истоптанное тѣло его узнали только по бывшему на немъ ордену Золотого руна; Людовикъ нассаускій послалъ Вильгельму это свидѣтельство своего успѣха. Побѣдители взяли много добычи; благодаря тому Людовикъ удержалъ подъ знаменами нѣмецкихъ наемниковъ, роптавшихъ на неуплату жалованья. Но большой потерей для нидерландскихъ патріотовъ была смерть Адольфа Нассаускаго, убитаго въ этомъ сраженіи. Ему было только 27 лѣтъ; онъ былъ храбрый воинъ.

При извѣстіи о разбитіи Аремберга Альба пришелъ въ ярость, онъ видѣлъ, что его положеніе станетъ очень опасно, если Вильгельмъ соединится съ Людовикомъ, и рѣшился идти самъ на непріятеля. Но ему казалось надобнымъ до выступленія изъ Брюсселя усилить ужасъ нидерландцевъ новымъ страшнымъ впечатлѣніемъ, чтобы не поднялось возстаніе въ тылу у него. Велѣвъ разрушить до основанія кюленбургскій дворецъ, въ которомъ заключили свой союзъ враги церкви и короля, гёзы, онъ приказалъ привезти въ Брюссель девятнадцать вельможъ и дворянъ, большею частью членовъ лиги гезовъ, осужденныхъ на смерть совѣтомъ мятежей и находившихся подъ стражей въ замкѣ Вильворде. Ихъ повели подъ конвоемъ испанскихъ солдатъ на площадь передъ брюссельской ратушей и казнили (1 іюня). Восемь человѣкъ изъ нихъ, бывшіе католиками, были похоронены; головы другихъ были воткнуты на колья, а тѣла ихъ повѣшены и оставлены на висѣлицахъ, пока сгніютъ. На другой день были казнены десять (или по другимъ извѣстіямъ двѣнадцать) знатныхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ Вильеръ, товарищъ Гохстратена въ командованіи однимъ изъ отрядовъ, разбитыхъ на югѣ.

Эти сцены были подготовленіемъ къ главному акту трагедіи. Альбъ казалось передъ выступленіемъ въ походъ необходимо казнить Эгмонда и Горна, чтобъ они не были освобождены народнымъ возстаніемъ или не получили помилованія отъ короля по просьбамъ могущественныхъ ходатаевъ. Впрочемъ мало было опасности, что Филиппъ уступитъ просьбамъ. Онъ выразилъ величайшее удовольствіе при извѣщеніи, что Альбъ удалось арестовать Эгмонда и Горна, и послѣ того не выказывалъ намѣренія пощадить ихъ. Они уже девять мѣсяцевъ содержались подъ строжайшимъ карауломъ въ гентской цитадели; никому изъ родныхъ не позволяли видѣться съ ними; все, что имѣли они, было конфисковано, и они не голодали въ темницѣ только потому, что друзья присылали имъ пищу. Будучи кавалерами ордена Золотого руна, они по закону не могли быть судимы никакимъ трибуналомъ, кромѣ собранія кавалеровъ этого ордена; но ихъ протестъ основанный на этой привилегіи былъ оставленъ безъ вниманія Совѣтомъ мятежей; просьбы императора, нѣмецкихъ государей и вѣрныхъ правительству фламандскихъ вельможъ точно также не дѣйствовали на Филиппа; онъ рѣшилъ, что Эгмондъ и Горнъ должны быть казнены, надобно было только найти предлоги для обвиненія ихъ въ измѣнѣ, чтобы дать убійству юридическую фирму; это не представляло затрудненія. По мнѣнію короля и его юристовъ всѣ нидерландцы были преступники; одни потому, что возставали противъ короля и церкви, другіе потому, что не воспротивились имъ. Такимъ образомъ отвѣты Эгмонда и Горна на допросахъ, которыми мучили ихъ нѣсколько дней, и показанія ихъ друзей и враговъ доставили матеріалъ для составленія 90 пунктовъ обвиненій противъ Эгмонда и 63 нунк-

товъ противъ Горна. Ихъ оппозиція Гранвеллѣ, ихъ просьбы о созваніи нидерландскаго сейма, ихъ сношенія съ гезами, данное ими разрѣшеніе совершать реформатское богослуженіе въ областяхъ, правителями которыхъ они были, — все это было обращено въ доказательство, что они по соглашенію съ Вильгельмомъ Оранскимъ хотѣли низвергнуть власть короля испанскаго и захватить управленіе Нидерландами въ свои руки. Они сначала не хотѣли защищаться передъ Совѣтомъ мятежей, ссылаясь на свою привилегію кавалеровъ Золотого руна, дѣлающую ихъ неподсудными Совѣту; но имъ сказали, что въ такомъ случаѣ произнесутъ надъ ними приговоръ, какъ надъ людьми, неявившимися къ суду, и назначали имъ срокъ для представленія оправданій, Эгмондъ въ данныя ему пять дней написалъ опроверженіе всѣхъ пунктовъ обвиненія. Разумѣется его отвѣты были найдены не ослабляющими ихъ. Горнъ также написалъ оправданіе, оно имѣло прямодушный характеръ. Ему и Эгмонду дали пять адвокатовъ, эти юристы требовали, чтобы процессъ былъ отданъ на судъ собранію кавалеровъ Золотого руна; но Филиппъ подобно Альбѣ отвѣчалъ, что процессы объ измѣнѣ не подлежатъ суду ордена. Представитель правительства предложилъ Совѣту мятежей немедленно кончить затянувшійся процессъ; Альба, готовясь выступить въ походъ, заявилъ тоже требованіе, и въ одинъ день Совѣтъ мятежей подъ предсѣдательствомъ Варгаса разсмотрѣлъ акты процесса и постановилъ приговоръ, что Эгмондъ и Горнъ какъ мятежники должны быть казнены. Вечеромъ 4 іюля Альба пришелъ въ Совѣтъ мятежей и утвердилъ приговоръ.

Осужденные были привезены подъ сильнымъ конвоемъ изъ гентской цитадели въ Брюссель. Днемъ казни былъ назначенъ слѣдующій день 5 іюля. Безчисленное множество народа стояло на площади, гдѣ должна была совершиться казнь; всѣ окна и кровли домовъ были наполнены зрителями. Первымъ былъ взведенъ на эшафотъ Эгмондъ. Онъ провелъ послѣдніе часы передъ казнью въ бесѣдѣ съ епископомъ ипрскимъ, однимъ изъ его друзей, молился, исповѣдывался, написалъ государю прощальное письмо у порога смерти, какъ выражался въ немъ, увѣрялъ Филиппа, что никогда не имѣлъ злоумышленія противъ лица или правительства своего государя и противъ истинной католической церкви, поручалъ милости государя своихъ жену, дѣтей, служителей. Онъ шелъ къ эшафоту въ туникѣ краснаго дамаса, на которую былъ накинутъ испанскій плащъ съ золотой каймой; на головѣ у него была шляпа съ перомъ. Твердыми шагами взшелъ онъ на эшафотъ, обитый чернымъ сукномъ; его сопровождалъ епископъ ипрскій, подалъ ему серебряное распятіе; онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ изображеніе Спасителя; епископъ произнесъ отпущеніе грѣховъ ему; онъ сталъ на колѣна, и сказавъ: «Господи, въ руки твои предаю духъ мой!» спокойно ожидалъ удара. Когда голова его скатилась на помостъ, восклицаніе ужаса потрясло

всю массу зрителей. Они опрокинули окружающих эшафотъ испанскихъ солдатъ, погружали свои платки въ текущую кровь.— Въ полдень былъ приведенъ на площадь Горнъ, онъ былъ красивый мужчина высокаго роста съ гордой военной осанкой, на лицѣ его выразалось негодованіе, онъ былъ въ черномъ платьѣ съ открытой головой. Онъ шелъ твердымъ шагомъ, раскланиваясь съ друзьями, которыхъ видѣлъ въ толпѣ; взглянувъ на тѣло Эгмонда, покрытое чернымъ сукномъ, онъ тихо сказалъ нѣсколько словъ по испански; громко произнесъ прощальныя слова народу, преклонилъ колѣна и помолился; поцѣловать распятіе онъ не захотѣлъ, какъ протестантъ. Помолвившись, онъ надѣлъ и надвинулъ на глаза миланскую шапку и спокойно принялъ смертный ударъ. Головы его и Эгмонда были воткнуты на желѣзные колья по угламъ эшафота, черезъ нѣсколько часовъ сняты и вмѣстѣ съ тѣлами положены въ свинцовые гробы. Тѣло Эгмонда было отвезено въ монастырь св. Клары, тѣло Горна въ церковь св. Гудулы. Народъ толпами ходилъ на поклоненіе имъ; потому они были отвезены изъ Брюсселя въ фамильные замки и положены въ гробницахъ предковъ.

Казнь Эгмонда и Горна была не только преступленіемъ, но и большой политической ошибкой. Эгмондъ былъ нимало не опасенъ для Филиппа. Храбрый воинъ, онъ былъ человѣкъ слабаго характера и не даровитый. Благосклонность государя очаровала его, притомъ онъ былъ усердный католикъ. Если бы Филиппъ имѣлъ отцовскую разсудительность, держался отцовской системы въ управленіи Нидерландами, Эгмондъ былъ бы сильной опорой королевской власти. Пагубной политикой Филиппа онъ былъ принужденъ наперекоръ собственному желанію присоединиться къ недовольнымъ вельможамъ; но участвуя въ ихъ заявленіяхъ о надобности смягчить суровость самовластия, оставался вѣрнымъ поданнымъ. Еще менѣе опасенъ былъ Горнъ. На службѣ Карлу и Филиппу онъ истощилъ свои богатства, не получая ни вознагражденія, ни благодарности; это раздосадовало его. Онъ былъ менѣе усерднымъ католикомъ, чѣмъ Эгмондъ, ненавидѣлъ инквизицію, защищалъ вѣротерпимость, но былъ рѣшительнымъ противникомъ гезовъ, врагомъ опрометчиваго Бредероде. Казнь Эгмонда и Горна была безразсудствомъ ненависти. Казненный Эгмондъ былъ гораздо болѣе опасенъ Филиппу, чѣмъ живой, народъ считалъ его страдальцемъ за свободу, проникся желаніемъ мстить за него.

Филиппъ преслѣдовалъ своей ненавистью и жену Эгмонда, не оставилъ ничего ей и ея дѣтямъ. Ихъ было у нея одиннадцать человѣкъ; она съ ними была повергнута въ нищенство и жила много лѣтъ только тѣмъ, что давали ей родные. Она была сестра пфальцграфа баварскаго; на ея великолѣпной свадьбѣ присутствовали нѣмецкіе государи и самъ императоръ. Даже Альбрѣхтъ жалъ видѣть ее теперь лишенной всего. Онъ просилъ Филиппа быть милостивымъ къ ней и ея дѣтямъ. Но Филиппъ много лѣтъ

оставался глухъ и къ ея просьбамъ и къ ходатайствамъ нѣмецкихъ государей за нее.

Филиппу какъ будто хотѣлось показать, что онъ не хуже Альбы умѣетъ убивать людей. За два года передъ тѣмъ маркизь Бергенъ и Монтиньи, братъ Горна, были, какъ мы говорили, посланы регентшей и брюссельскимъ государственнымъ совѣтомъ изложить ихъ желанія Филиппу. Черезъ нѣсколько времени послы стали просить дозволенія возвратиться на родину; но Филиппъ задерживалъ ихъ, обольщая надеждами. Бергенъ уже предъ отъѣздомъ изъ Нидерландовъ былъ слабъ здоровьемъ, такъ что болѣзнь замедляла тогда его путешествіе въ Испанію. Онъ 21 мая 1567 г. умеръ въ Мадридѣ; Филиппъ секвестровалъ его обширныя имѣнья. По отправленіи Альбы въ Нидерланды, Филиппъ велѣлъ держать Монтиньи подъ строгимъ надзоромъ; Гранвелла, до своей отставки, сильно возстановилъ Филиппа противъ него, и дѣйствительно онъ раздѣлялъ мнѣнія своего брата о необходимости снисхожденія къ протестантамъ. Онъ увидѣлъ, что Филиппъ не отпуститъ его; уѣхать изъ-подъ строгаго надзора было невозможно. Получивъ извѣстіе объ арестованіи Эгмонда и Горна, Филиппъ велѣлъ арестовать Монтиньи и отвезти въ сеговійскую цитадель. Просьбы матери и жены за Монтиньи остались напрасны. Онъ хотѣлъ бѣжать, но передъ самымъ концомъ приготовленій къ этому замыселъ былъ открытъ. Послѣ казни Эгмонда и Горна Альба велѣлъ Варгасу и Дель Ріо начать процессъ противъ Монтиньи. Будучи кавалеромъ Золотого руна, Монтиньи говорилъ подобно своему брату и Эгмонду, что Совѣтъ мятежей не имѣетъ права судить его; но былъ принужденъ отвѣчать на вопросы, присланные изъ Брюсселя въ Сеговію. Совѣтъ мятежей приговорилъ его къ смертной казни, постановилъ конфисковать его имѣнья (4 марта 1570 г.); но Филиппъ хотѣлъ казнить его такъ, чтобъ это осталось тайной, велѣлъ отвести его въ цѣпяхъ изъ Сеговіи въ Симанкасскую темницу. Это было въ августѣ; вскорѣ послѣ того Филиппъ женился на Аняѣ Австрійской. Мать и жена Монтиньи просили ее ходатайствовать за него. Чтобы предотвратить непріятность просьбы со стороны своей молодой жены, Филиппъ велѣлъ секретно умертвить Монтиньи въ темницѣ. Это было исполнено 16 октября. Монтиньи удавили по испанскому способу, называемому гароттой. При этомъ присутствовали только священникъ и нотаріусъ. Филиппъ велѣлъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія молчать о томъ, что Монтиньи былъ удушенъ, приказалъ распустить молву, что онъ умеръ отъ лихорадки. Въ письмѣ къ Альбѣ король хвалилъ преданность католической вѣрѣ, выказанную Монтиньи передъ смертью и выражалъ надежду, что Богъ помиуетъ за это душу умершаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Альба обнародовалъ смертный приговоръ, постановленный надъ Монтиньи Совѣтомъ мятежей и конфисковалъ его имущество.

5. Полное развитіе системы террора.

Побѣда при Гейлигенле не принесла пользы патріотамъ. Она только ускорила, какъ мы говорили, казнь арестованныхъ вельможъ. Въ половинѣ іюля Альба съ 15.000-нымъ войскомъ подошелъ къ Гронингену. Положеніе Людовика Нассаускаго было и безъ того затруднительно. Нѣмецкіе наемники, не получая жалованья, роптали, грозились уйди; пожертвованія патріотовъ и контрибуціи были недостаточны для содержанія войска. Альба объявилъ, что помогающіе чѣмъ бы то ни было непріятелю подвергнутся строжайшему наказанію; подвозъ припасовъ къ войску Людовика прекратился. Послѣ жаркаго сраженія подъ Гронингеномъ (21 іюля 1568) Людовикъ былъ принужденъ отступить къ Эмсу и сталъ въ окопахъ у Йеммингена близъ впаденія этой рѣки въ заливъ Доллартъ. Альба шелъ за нимъ форсированными маршами; Людовикъ не успѣлъ прорѣзать плотины и открыть шлюзы, чтобы остановить врага наводненіемъ. Испанскій авангардъ напалъ на Людовика, задержалъ его до прибытія Альбы съ главными силами. Началось рѣшительное сраженіе; нидерландцы и нѣмцы Людовика бились храбро, но мѣстность была неудобна для нихъ, Альба дѣйствовалъ искусно и нанесъ имъ полное пораженіе. Дороги и луга на четыре часа пути кругомъ были покрыты убитыми и ранеными воинами Людовика; самъ онъ спасся, переплывъ Эмсъ и съ небольшимъ остаткомъ своей арміи отступилъ въ Германію, потерявъ, какъ говорятъ, 7.000 человѣкъ. Испанцы буйствовали, грабили, жгли; Гронингенъ, Амстердамъ, Утрехтъ подверглись ужасамъ политическаго и религіознаго преслѣдованія. Совѣту мятежей прибавилось много работы по возвращеніи Альбы въ Брюссель; въ числѣ казненныхъ тогда находились Казембротъ ванъ Баккерзеле, секретарь Эгмонда, Лало, секретарь Горна, и Ванъ Страленъ, антверпенскій бургомистръ, человѣкъ очень почтенный. Баккерзеле и Лало были подвергаемы страшнымъ пыткамъ для вынужденія показаній у нихъ, такъ что смерть была для нихъ спасеніемъ. Громадное богатство Ванъ Стралена было конфисковано, семейство его повергнуто въ нищету.

Тяжелая неудача не поколебала рѣшимости Вильгельма избавить Нидерланды отъ Альбы. Саксонскіе и гессенскій государи, родственники его, не отваживались помогать ему; императоръ совѣтовалъ ему отказаться отъ военныхъ намѣреній, просить милости Филиппа; фландрскіе и брабантскіе патріоты находились подъ такимъ угнетеніемъ, что не могли поддержать его. Только графъ Де ла Маркъ и графъ Гохстратенъ не покидали Вильгельма; у него было очень мало денегъ, но съ изумительной дѣятельностью онъ собиралъ нѣмецкихъ наемниковъ, нидерландскихъ и французскихъ эмигрантовъ и, присоединивъ ихъ къ остатку раз-

битаго войска брата, составилъ довольно большую армію. Онъ издавалъ манифесты въ свое оправданіе, призывалъ нидерландцевъ возстать противъ тиранства Альбы, но говорилъ, что остается вѣренъ своему государю, хочетъ только возстановленія законнаго порядка. Онъ выставлялъ свирѣпости Альбы самовластными поступками, которыхъ не знаетъ и не можетъ одобрять государь; конечно, онъ самъ зналъ, что это не такъ, но находилъ надобнымъ говорить, что возстаетъ только противъ Альбы; и на знаменахъ его было написано: *Pro lege, rege, grege* («За короля, законъ и народъ»). Онъ говорилъ, что готовъ явиться къ законному суду, собранію кавалеровъ Золотого руна, не можетъ явиться только на незаконный судъ, а Совѣтъ мятежей противузаконный трибуналъ. Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ Максимиліану, прося императора защитить несчастныхъ, безпомощныхъ нидерландцевъ.

Въ сентябрѣ 1568 года Вильгельмъ повелъ 20.000 человекъ пѣхоты и 8.000 человекъ кавалеріи за Рейнъ, съ большимъ искусствомъ сдѣлалъ переправу черезъ Маасъ, близъ брабантской границы, желая, какъ можно скорѣе, дать битву непріятелю, окопавшемуся въ станѣ близъ Мاستрихта. Но Альба зналъ, что у Вильгельма не достанетъ денегъ долго держать войско подъ знаменами и понималъ, что неудачное сраженіе было бы погибелью испанскаго владѣчества надъ Нидерландами, потому не слушалъ требованія испанцевъ, горячо желавшихъ битвы, уклонялся отъ сраженія. Вильгельмъ и онъ въ октябрѣ и ноябрѣ маневрировали между Тонгерномъ и Сенъ-Трономъ; часто Вильгельмъ подходилъ такъ близко къ Альбѣ, что сраженіе казалось неизбѣжнымъ, но Альба каждый разъ умѣлъ уклониться отъ него, а между тѣмъ слѣдилъ за всѣми движеніями Вильгельма и опустошалъ страну, чтобы непріятель не находилъ съѣстныхъ припасовъ себѣ. Только однажды произошло, да и то противъ воли Альбы—довольно большое сраженіе; Вильгельмъ 20 октября переправился черезъ рѣчку Гете, идя на встрѣчу отряду гугенотовъ, шедшему къ нему изъ арденскихъ горъ; Фадрике, сынъ Альбы, напалъ на аррьергардъ, находившійся подъ начальствомъ Гохстратена, и нанесъ ему пораженіе. Самъ Гохстратенъ получилъ тутъ смертельную рану. Потеря этого помощника была тяжелымъ несчастіемъ для Вильгельма. Разсчетъ Альбы оправдался: Вильгельму съ каждымъ днемъ становилось труднѣе содержать свое войско; возстаніе въ Нидерландахъ не возникало; ужасъ наведенный Альбой сковывалъ руки. Вильгельмъ увидѣлъ себя принужденнымъ отступить за французскую границу; онъ хотѣлъ соединиться съ Конде и Колиньи, которые вели тогда войну съ Гизами и Карломъ IX. Но солдаты объявили, что нанимались только на войну съ Альбой и не пойдутъ противъ короля французскаго. Вильгельмъ принужденъ былъ отступать черезъ Лотарингію и Эльзасъ къ Рейну. Чтобы выдать хотя часть неупла-

ченнаго жалованья наемникамъ, онъ продалъ тѣ серебряныя вещи, какія оставались у него и сдѣлалъ новые займы подѣ залогъ своихъ имѣній. Часть жалованья осталась неуплаченной; Вильгельмъ обѣщался заплатить ее и распустилъ войско, оставивъ на своей службѣ только 1.200 человекъ конницы. Съ этимъ отрядомъ онъ присоединился къ своимъ братьямъ Людовику и Генриху и пфальцграфу Вольфгангу Цвейбрюкенскому, которые помогали гугенотамъ; въ апрѣлѣ 1569 года гугеноты потерпѣли такія неудачи, что Вильгельмъ принужденъ былъ торопливо отступать. Переодѣвшись поселяниномъ, онъ успѣлъ проѣхать въ Дилленбургъ; братъ его Людовикъ, начальствовавшій аррьергардомъ въ несчастной битвѣ при Менконтурѣ, скоро ушелъ съ своимъ отрядомъ тоже въ Дилленбургъ.

Альба торжествовалъ. Прислужники его устроили великолѣпную встрѣчу ему въ Брюсселѣ; папа прислалъ ему освященныя шляпу и шпагу; въ новой антверпенской цитадели, построенной по его приказанію на счетъ города, была поставлена статуя, изображавшая его пониравшимъ голову гидры мятежа. Онъ построилъ во многихъ другихъ городахъ цитадели, гарнизоны которыхъ, повидимому, отнимали у нидерландцевъ всякую возможность возстанія. По просьбѣ нѣмецкихъ курфирстовъ императоръ Максимилианъ послалъ Филиппу совѣтъ, чтобъ онъ теперь, по возстановленіи спокойствія въ Нидерландахъ, далъ имъ религіозный миръ, которымъ они имѣютъ право пользоваться, будучи частью нѣмецкой имперіи. Эрцгерцогъ Карлъ лично повезъ это письмо императора къ Филиппу; но оно осталось напраснымъ: Филиппъ гордо отвѣчалъ, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ его дѣла и что всѣ католики обязаны благодарностью ему за усмиреніе подданныхъ его, оскорблявшихъ государя и религію. По поводу ходатайства императора и нѣмецкихъ государей за Вильгельма, Филиппъ сказалъ, что князь Оранскій менѣе всѣхъ другихъ мятежниковъ заслуживаетъ пощады, потому что онъ виновникъ всѣхъ заговоровъ и мятежей; должна быть отброшена всякая мысль о помилованіи его. Въ письмѣ къ императору Филиппъ жаловался на то, что Вильгельмъ нашелъ въ Германіи такую большую поддержку своимъ мятежническимъ намѣреніямъ; къ этому Филиппъ прибавлялъ, что не дастъ никакого послабленія еретикамъ, что не хочетъ и слышать о распространеніи имперскаго религіознаго мира на Нидерланды. Вскорѣ послѣ того Максимилианъ отдалъ за него свою дочь Анну и прекратилъ совѣты о пощадѣ нидерландцевъ.

Судьба ихъ ухудшалась съ каждымъ днемъ; религіозный терроризмъ продолжался, фанатизмъ постоянно искалъ себѣ новыхъ жертвъ. Матеріальное благосостояніе страны падало. Торговля и промышленность были ослаблены эмиграціей, закрытіемъ большихъ торговыхъ фирмъ; дѣла были въ застоѣ, а денежныя требованія правительства росли. Альба грабилъ народъ. Процессы противъ еретиковъ служили средствомъ обогащенія

казны, потому что имущества осуждаемых на смерть конфисковались; сначала этот источник дохода былъ богатъ, но скоро сталъ изсякать. Альба обѣщалъ Филиппу, что изъ Нидерландовъ потечетъ въ испанскую казну золотая рѣка, а вмѣсто того принужденъ былъ просить изъ Мадрида денегъ и дѣлать займы на содержаніе войска и администраціи. Произошелъ случай, лишившій его полученія большой суммы, ожидаемой изъ Италіи. Генуэзскіе кунцы, плывшіе кругомъ Испаніи и Франціи съ деньгами для Альбы, принуждены были, спасаясь отъ гугенотскихъ крейсеровъ, направиться въ англійскія гавани; Елизавета взяла у нихъ деньги, предназначенныя для Альбы, сказавъ, что беретъ ихъ въ заемъ и будетъ платить по нимъ проценты пославшимъ ихъ итальянскимъ капиталистамъ. Альба, въ отмщеніе за это, секвестровалъ деньги и товары англійскихъ купцовъ въ Нидерландахъ; Елизавета отвѣчала секвестромъ денегъ и товаровъ фламандскихъ купцовъ въ Англии. Это убило нидерландскую торговлю, уже и безъ того упавшую, и стало началомъ враждебныхъ дѣйствій Елизаветы противъ испанцевъ въ Нидерландахъ.

Отразивъ нападенія Вильгельма, Альба разсудилъ, что пришло время брать съ нидерландцевъ сколько хочетъ. Они находились въ трепетѣ; сопротивленіе казалось не возможно. Альба рѣшилъ ввести въ Нидерландахъ ту испанскую пошлину съ продажи всякихъ товаровъ, которая называлась алькавалой. Филиппъ и онъ полагали, что прежнее право нидерландцевъ не платить налоговъ иначе, какъ по собственному согласію, утрачено ими какъ мятежниками; при томъ Филиппъ считалъ унижительнымъ для себя прежній порядокъ испрашиванія налоговъ у областныхъ сеймовъ или общаго нидерландскаго сейма. По его понятіямъ государю принадлежала власть устанавливать налоги по собственному произволу. Такъ дѣлалось въ Испаніи. Правда, она обѣднѣла отъ этого и можно было предвидѣть, что обѣднѣютъ отъ этого и Нидерланды, но Филиппъ не останавливался передъ такими соображеніями: онъ полагалъ, что обѣднѣвшій народъ смирнѣе благосостоятельнаго, что имъ легче управлять по произволу. Такимъ образомъ Альба съ разрѣшенія Филиппа сталъ вводить въ Нидерландахъ новую финансовую систему, отъ которой ожидалъ громадныхъ доходовъ казнѣ. Онъ созвалъ въ Брюсселѣ общій нидерландскій сеймъ и 20 марта 1569 г. предложилъ на утвержденіе ему три закона, по которымъ устанавлился единовременный сборъ въ размѣрѣ одного процента со всего движимаго и недвижимаго имущества, вводилась пошлина въ размѣрѣ пяти процентовъ съ продажи недвижимой собственности и пошлина въ размѣрѣ десяти процентовъ съ продажи всякихъ товаровъ. Сеймъ ужаснулся. Пошлины съ продажи были погубелью для торговли. Даже Вигліусъ возражалъ въ государственномъ совѣтѣ противъ нихъ. Страна еще могла бы вынести единовременный сборъ съ имущества; но возможно ли было народу, жившему торговлей, существовать при пошлинѣ въ десять процентовъ со всякой продажи товаровъ? Альба предложилъ свои финансовые законы на одобреніе областныхъ сеймовъ. Во всѣхъ сеймахъ высказалось единодушное сопротивленіе имъ. По религіознымъ и политическимъ вопросамъ были несогласія между фанатиками католичества и протестантами, между раболопными людьми и патріотами; но пошлины, принятія которыхъ требовалъ Альба, должны были одинаково раззорять всѣхъ. Протесты остались напрасны. Альба объявилъ, что устанавливаются единовременный сборъ и пошлины, проекты которыхъ предлагалъ онъ сеймамъ. Утрехтская область отказалась платить ихъ. Альба размѣстилъ испанскихъ солдатъ по домамъ ея жителей, обязалъ хозяевъ содержать поставленныхъ у нихъ солдатъ, а Совѣтъ мятежей объявилъ жителей утрехтской области лишенными всѣхъ правъ какъ мятежниковъ. Но ни угрозами, ни военными

мѣрамъ Альба не добился общаго согласія на пошлыны, которыя хотѣлъ ввести, принужденъ былъ принять компромиссъ, по которому нидерландскія области откупились на два года отъ алькавалы, обязались взамѣнъ того вносить опредѣленныя суммы. Быть можетъ Альба не сдѣлалъ бы этой уступки; но онъ узналъ, что мадридское правительство начинаетъ опасаться за послѣдствія его чрезмѣрнаго деспотизма, находя, что онъ слишкомъ раздражаетъ нидерландскій народъ.

Такъ насталь 1570 годъ, не оставлявшій нидерландцамъ никакой надежды на смягченіе страданій. Альба самодовольно доносилъ королю о блестящихъ успѣхахъ своей дѣятельности; онъ писалъ: Нидерланды приведены въ повиновеніе; изъ всѣхъ вельможъ остается тамъ только герцогъ Аршотъ, человѣкъ вполне преданный правительству и ничтожный по уму; князь Оранскій обремененъ долгами, поглощенъ хлопотами о смягченіи своихъ кредиторовъ. Гордясь своими успѣхами, Альба тѣмъ тверже былъ убѣжденъ, что должно продолжать систему террора. Совѣтъ мятежей, казнивъ или принудивъ бѣжать вельможъ, занялся казнями людей менѣе знатныхъ, разыскивалъ и убивалъ еретиковъ. Амнистія, съ пышной торжественностью провозглашенная въ іюлѣ, вовсе не заслуживала считаться смягченіемъ преслѣдованій: въ ней было такъ много исключеній, что подъ нее не подходилъ никто изъ людей, которыхъ хотѣлъ казнить Альба. Топоръ палача оставался занесенъ надъ шеей каждаго, возвышавшагося чѣмъ нибудь надъ ничтожными нищими. Терроръ и послѣ такъ называемой амнистіи свирѣпствовалъ по прежнему. Въ довершеніе бѣдствій Голландія и Фрисландія подверглись отъ осеннихъ бурь наводненію, потопившему поля, разрушившему селенія; оно на много лѣтъ уничтожило благосостояніе этихъ областей, и 203 тысячи людей погибли въ волнахъ его.

Какъ ни хвалился Альба своими заслугами, но появились признаки, что могущество его ослабѣваетъ. Возобновивъ въ 1571 году свое требованіе объ установленіи пошлынъ съ торговли, онъ встрѣтилъ энергическую оппозицію: областныя сеймы упорно отвергали его проектъ. Брюссельскіе купцы заперли лавки. Даже государственный совѣтъ пересталъ быть раболѣпнымъ: Вигліусъ и нѣкоторые другіе члены, несомнѣнно преданные испанскому владычеству, рѣзко порицали проекты Альбы, не робѣя передъ его угрозами. Старикъ Вигліусъ, видѣвшій на своемъ вѣку много перемѣнъ, зналъ, что мадридское правительство находитъ опасными финансовыя планы Альбы и черезъ своихъ друзей въ Мадридѣ дѣйствовалъ во вредъ ему. Альба грозно требовалъ установленія пошлынъ съ продажъ; но никакими усиліями своей желѣзной воли не могъ сломить упорную оппозицію нидерландцевъ. Торговцы съѣстными припасами, хлѣбопеки, мясники, пивовары угрожали прекратить торговлю, всѣ коммерческіе обороты остановились, и Альба принужденъ былъ признать свое безсиліе, осво-

бодилъ отъ пошлины торговлю хлѣбомъ, мясомъ, виномъ, пивомъ, сырыми матеріалами, необходимыми для фабрикъ. Это было пораженіемъ его системы. Пассивное сопротивленіе нидерландцевъ оказалось сильнѣе всѣхъ повелѣній деспотизма.

Уже въ 1571 году Филиппъ говорилъ, что хочетъ отозвать Альбу, и самъ герцогъ, искренно-ли или притворно, просилъ короля объ этомъ. Преемникомъ ему былъ назначенъ Хуанъ де-ла-Серда, герцогъ Медина Сели. Но около этого времени испанское правительство устроило въ Англіи заговоръ убить Елизавету и возвести на престолъ находившуюся подъ арестомъ у нея Марію Стюартъ. Этому дѣлу долженъ былъ помогать Альба; безъ его полководческаго таланта нельзя было обойтись, потому Филиппъ оставилъ его въ Нидерландахъ.

Альба считалъ Вильгельма окончательно побѣжденнымъ, обремененнымъ долгами до невозможности достать денегъ для набора новаго войска, велѣлъ совершить смертную казнь надъ его изображеніемъ, сломать его гербъ. А между тѣмъ онъ велъ дѣятельныя сношенія съ нидерландцами, получалъ отъ своихъ агентовъ точныя свѣдѣнія обо всемъ, что задумываетъ мадридское правительство. Вильгельмъ видѣлъ, что дѣла пришли теперь въ положеніе несравненно худшее для Альбы, чѣмъ было при вступленіи его въ должность. Тогда всѣ въ Нидерландахъ были запуганы свирѣпостью новаго правителя, и французское правительство помогало испанцамъ; а теперь оно находилось въ ссорѣ съ Филиппомъ: жена его, французская принцесса Елизавета, поддерживавшая хорошія отношенія между нимъ и французской королевской фамиліей, умерла; и возобновилось старинное соперничество Франціи съ Италіей. Адмиралъ Колиньи, другъ и союзникъ Вильгельма, пользовался довѣріемъ Карла IX; король французскій склонялся на его совѣтъ послать войско въ помощь нидерландцамъ и овладѣть южною частью ихъ земли. Елизавета англійская была, какъ мы говорили, враждебна Филиппу; правительница очень осторожная, она еще не посылала явной помощи нидерландцамъ; но всѣ, бѣжавшіе отъ Альбы въ Англію, находили тамъ покровительство себѣ.

Эмигровавшіе гезы снарядили нѣсколько кораблей, крейсировали у нидерландскихъ береговъ, дѣлали высадки на нихъ, перехватывали испанскіе корабли и уходили съ добычей въ англійскія гавани. Угнетенные нидерландцы съ любовью и надеждой смотрѣли на этихъ патріотовъ. Вильгельмъ далъ имъ права воюющей стороны, ведущей законную войну противъ непріятеля. Онъ былъ государь своихъ нѣмецкихъ владѣній; по праву государя онъ имѣлъ власть содержать войско и флотъ; онъ призналъ гезовъ дѣйствующими по его уполномоченію и назначилъ адмирала для управленія ихъ войной противъ испанцевъ. Должность адмирала принялъ на себя графъ Де ла Маркъ, человекъ очень отважный, родственникъ Эгмонда, поклявшійся не

брить бороды, не стричь волосъ, пока не отмститъ за его смерть. Вильгельмъ выдавалъ гёзамъ каперскія свидѣтельства. Смѣлые люди, спасавшіеся отъ тиранніи Альбы, присоединялись къ морскимъ гёзамъ, какъ назывались нидерландскіе корсары. Де ла Маркъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 24 корабля. Морскіе гёзы стали ужасомъ испанскихъ военныхъ и коммерческихъ кораблей.

Вильгельмъ убѣждалъ нѣмецкихъ государей и короля датскаго вступить за нидерландцевъ, разсылалъ по протестантскимъ землямъ манифесты, призывавшіе послѣдователей евангелическаго ученія на помощь единовѣрцамъ, заклиналъ ихъ показать себя вѣрными слугами Господа. Онъ убѣждалъ нидерландцевъ ободриться, говорилъ имъ, что какъ всѣ племена израилевы пошли съ Сауломъ противъ аммонитянъ, такъ и они должны единодушно подняться на войну противъ общаго врага.—На нѣмецкихъ государей мало дѣйствовалъ просьбы Вильгельма; они считали себя безопасными отъ нападеній католиковъ, воображая достаточной гарантіей себѣ аугсбургскій миръ. и бездѣйствовали, пока католики въ началѣ слѣдующаго столѣтія двинулись подавить ихъ. Они ограничивались тѣмъ, что посылали упреки Филиппу, который не обращалъ на нихъ вниманія, давали Вильгельму мудрый совѣтъ «сидѣть смирно», не вступать въ неравную борьбу. Но нидерландцы съ нетерпѣніемъ ждали возможности возстать, считали Вильгельма избавителемъ своимъ. Твердое сопротивление брабантцевъ и фламандцевъ установленію налоговъ, которыхъ требовалъ Альба, показывало, что времена упадка духа прошли, что нидерландцы готовы взяться за оружіе, когда появится къ нимъ Вильгельмъ.

Альба пришелъ въ ярость, увидѣвъ сопротивление брюссельскихъ торговцевъ его повелѣніямъ; угрожалъ вѣшать непокорныхъ на дверяхъ ихъ домовъ; 18 важнѣйшихъ розничныхъ торговцевъ были уже арестованы и ожидали смерти; но Альба былъ отвлеченъ отъ мыслей о нихъ извѣстіемъ, что морскіе гёзы 1 апрѣля (1572 года) захватили смѣлой военной хитростью крѣпость Бриль, стоявшую при устьѣ Мааса, что де ла Маркъ и помощникъ его Трелонъ (Treslong) установили въ этомъ городѣ формальное правительство отъ имени князя Оранскаго. Народъ сталъ пѣть пѣсни, сложенные въ славу Вильгельма и гёзовъ, въ насмѣшку надъ Альбой. На улицахъ самого Брюсселя раздавалась одна изъ этихъ пѣсенъ, начинающаяся словами: «1 числа апрѣля герцогъ Альба потерялъ Бриль» или по значенію имени крѣпости Бриль (очки)—«потерялъ свои очки» (Den eersten Dag van April, verloos Duc d'Alba zynen Bril). Народъ предчувствовалъ, что эта первая удача патріотовъ—начало катастрофы, которая низвергнетъ испанское владычество. Досада Альбы была безгранична, и скоро стало оказываться, что радостное предчувствіе народа справедливо. Графъ Боссю, назначенный на мѣсто Вильгельма

правителемъ Голландіи и Зеландіи, повелъ стоявшій въ Утрехтѣ отрядъ прогнать гезовъ изъ Бриля; они отбили его, принудили торопливо отступать. Де ла Маркъ собралъ жителей города, принялъ отъ нихъ присягу на вѣрность Вильгельму, князю оранскому, королевскому намѣстнику Голландіи. Сѣверныя области взволновались, патріоты ободрились, и почти во всѣхъ городахъ власть перешла въ ихъ руки. Боссю надѣялся подавить мятежъ крутыми мѣрами. При помощи вѣроломства онъ успѣлъ ввести испанское войско въ Роттердамъ, отказавшійся впустить его, и отдалъ городъ на буйство и грабежъ своимъ солдатамъ. Но потерпѣлъ неудачу, пошедши усмирить Влиссингенъ (укрѣпленный городъ острова Вальхерена). Де ла Маркъ успѣлъ прислать изъ Бриля нѣсколько сотъ человѣкъ на помощь горожанамъ, объявившимъ, что будутъ повиноваться Вильгельму. Разбивъ испанцевъ подъ Влиссингеномъ, гѣзы безпощадно убивали бѣгущихъ. Граждане повѣсили итальянскаго инженера Пачеко строителя антверпенской цитадели, завѣдывавшаго окончаніемъ постройки форта въ ихъ городѣ. Морскіе гѣзы грабили приверженцевъ испанской власти. Это объясняется нищетою, въ которой находились тогда патріоты; многіе изъ гезовъ, посланныхъ на помощь влиссингенцамъ, были одѣты въ монашеское платье, потому что не имѣли другой одежды, кромѣ этой, взятой въ добычу. Вильгельмъ прислалъ коменданта во Влиссингенъ, и грабежъ тамъ прекратился. Въ маѣ и въ іюнѣ возстаніе распространилось по всей Зеландіи, по всей Голландіи; народъ смѣщалъ начальниковъ, служившихъ испанцамъ, провозглашалъ своимъ правителемъ Вильгельма. Во многихъ мѣстахъ этотъ переворотъ произошелъ безъ кровопролитія, но во многихъ другихъ раздраженный свирѣпымъ угнетеніемъ народъ мстилъ своимъ мучителямъ. Энкгейзенъ, ключъ къ Зейдерзе, Дордрехтъ, Гарлемъ, Лейденъ, Горкюмъ, Гоуда, Алькмаръ, другіе голландскіе города провозгласили своимъ правителемъ Вильгельма, какъ намѣстника Филиппа. Возстаніе распространилось по Гельдерну, Утрехту, Фрисландіи; народъ присягалъ на вѣрность Филиппу и Вильгельму оранскому, его намѣстнику. Нидерландцы возставали не противъ своего государя, а только противъ тиранніи Альбы. Кромѣ Амстердама вся Голландія и кромѣ Миддельбурга вся Зеландія признала своимъ правителемъ Вильгельма. Пришло Альбѣ извѣстіе объ опасности и съ юга. Людовикъ нассаускій, возвратившійся изъ Дилленбурга во Францію къ своимъ друзьямъ гугенотамъ, неожиданно подступилъ къ Монсу и овладѣлъ этой важной крѣпостью при содѣйствіи патріота Оливера (рисовальщика географическихъ картъ). Граждане присягнули на вѣрность Вильгельму, намѣстнику Филиппа. Людовикъ поставилъ въ Монсѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Монгомери (того вельможи, который по несчастной случайности нанесъ на турнирѣ смертельную рану Генриху II и потому принужденъ былъ бѣжать изъ Франціи). Большую часть гарнизона составляли гугеноты.

Вильгельмъ Оранскій былъ удивленъ извѣстіемъ о взятіи Бриля. Онъ не особенно полагался на таланты и характеръ Де ла Марка, считалъ нападеніе на Бриль дѣломъ преждевременнымъ. Онъ въ это время набиралъ войско, но по недостатку денегъ вербовка наемниковъ шла медленно. Увидѣвъ, что возстаніе быстро распространяется, онъ сталъ спѣшить приготовленіями къ походу, чтобы поддержать инсургентовъ, прежде чѣмъ непріятель приготовится къ подавленію ихъ. Филиппъ убѣдился въ необходимости сдѣлать уступки. Депутація общаго нидерландскаго сейма, просившаго у него отмѣны пошлинъ, вводимыхъ Альбой, получила милостивый отвѣтъ, что онъ разсмотритъ это дѣло и до окончательнаго рѣшенія приостанавливаетъ дѣйствіе финансовыхъ распоряженій Альбы. Сталъ дѣлать уступки и самъ Альба: онъ объявилъ областному сейму Голландіи, что откажется отъ пошлины съ продажи товаровъ, если сеймъ взамѣнъ ея установитъ какой нибудь налогъ, дающій два милліона гульденовъ. Сеймъ долженъ былъ принять свое рѣшеніе 15 іюля. Альба зналъ въ это время, что скоро получить отставку; его преемникъ Медина Сели уже пріѣхалъ въ Брюссель, но еще безъ декрета о своемъ назначеніи. Не зная о томъ, что Влиссингенъ возсталъ, Медина Сели съ своей эскадрой вошелъ въ гавань этого города, и нѣсколько кораблей его съ большимъ количествомъ денегъ были захвачены инсургентами. Альбѣ хотѣлось до своего отъѣзда совершенно подавить возстаніе, чтобы не подвергнуться упреку, что довелъ нидерландцевъ до мятежа, усмирить котораго не могъ. Онъ послалъ своего сына Фадрике овладѣть Монсомъ, а графъ Боссю получилъ приказаніе вести переговоры съ голландскимъ сеймомъ въ духѣ примиренія, чтобъ успокоить область, въ которой возстаніе приобрѣло наибольшую силу.

Но Вильгельмъ не терялъ времени. У него не было денегъ для вербовки наемниковъ; онъ отправилъ въ голландскіе города горячія воззванія о необходимости поспѣшить доставленіемъ ему средствъ для избавленія ихъ отъ порабощенія, приглашалъ ихъ прислать уполномоченныхъ въ Дордрехтъ для принятія мѣръ къ спасенію родины. Онъ созвалъ этотъ съѣздъ на 15 іюля, — тотъ самый день, въ который хотѣлъ начать переговоры съ голландскимъ сеймомъ въ Гагѣ графъ Боссю.

Въ назначенный срокъ собрались въ Дордрехтъ депутаты 12 городовъ и довольно многіе вельможи. Вильгельмъ прислалъ туда своимъ представителемъ Филиппа Марни де Сентъ-Альдегонда, горячаго патріота и краснорѣчиваго оратора. Выслушавъ отъ Сентъ-Альдегонда изложеніе дѣйствій Вильгельма для освобожденія страны и разъясненіе необходимости въ помощи городовъ ему для достиженія этой цѣли, собраніе приняло постановленія, сдѣлавшіяся основными чертами программы всѣхъ нидерландскихъ патріотовъ. Оно объявило 18 іюля, что не хочетъ нарушать законныя права государя, напро-

тивъ вполнѣ признаетъ ихъ; что по законному своему праву государь назначилъ въ 1559 г. князя Оранскаго намѣстникомъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, что это назначеніе сохраняетъ по закону свою силу; что герцогъ Альба поступилъ противозаконно, объявивъ князя Оранскаго лишеннымъ сана намѣстника этихъ областей и передавъ управленіе ими другому лицу; потому до пріѣзда государя князь Оранскій остается законнымъ представителемъ королевской власти; депутаты городовъ и вельможи, составляющіе настоящее собраніе, назначаютъ ему 100.000 кронъ для защиты его правъ; эта сумма будетъ собрана добровольными пожертвованіями, займами и продажей излишнихъ церковныхъ дорогихъ вещей. Далѣе дордрехтское собраніе, признававшее себя голландскимъ сеймомъ, постановило, что все должны повиноваться начальникамъ войска и флота, которыхъ назначилъ или будетъ назначать князь Оранскій, королевскій намѣстникъ, что устанавливается свобода вѣроисповѣданія и богослуженія, воспрещается всякое стѣсненіе въ этомъ дѣлѣ, и что переговоры съ королемъ не могутъ быть ведены и договоры съ нимъ не могутъ быть заключаемы, иначе, какъ по общему согласію. Эти постановленія, принятыя дордрехтскимъ съѣздомъ 18 іюля 1572 г., были первымъ государственнымъ актомъ, основывавшимъ новый порядокъ дѣлъ въ Нидерландахъ. Съѣздъ призналъ графа Дела Марка главнокомандующимъ войскъ и флота по назначенію, полученному графомъ отъ Вильгельма.

Въ слѣдующіе мѣсяцы дордрехтскій сеймъ составилъ по соглашенію съ Вильгельмомъ законы объ устройствѣ администраціи и судопроизводства, установилъ налоги; этими законами былъ отмѣненъ абсолютизмъ, восстановленъ законный порядокъ, существовавшій во времена независимости графства голландскаго. Населеніе Голландіи скоро стало считать Вильгельма Оранскаго преемникомъ прежнихъ графовъ голландскихъ. Вельможи и города присягнули на вѣрность ему; онъ утвердилъ ихъ прежнія права. Онъ назначалъ судей, правителей, военныхъ начальниковъ, взималъ налоги и вообще ему была предоставлена вся власть, принадлежавшая по закону графу голландскому; но онъ правилъ Голландіей подъ контролемъ сейма, не могъ дѣлать никакихъ важныхъ распоряженій безъ его согласія.—Признавая Вильгельма своимъ правителемъ, Голландія не отвергала верховной власти Филиппа; она повиновалась Вильгельму только какъ намѣстнику его.—Въ Энкгейзенѣ былъ построенъ фортъ и названъ Виллигенбургомъ, по голландской формѣ имени Вильгельма.—Въ началѣ слѣдующаго года Вильгельмъ пріѣхалъ въ Голландію; народъ повсюду встрѣчалъ его съ восторгомъ.

Но въ іюль 1572, когда дордрехтскій съѣздъ постановилъ свои рѣшенія, дѣла патріотовъ находились въ очень дурномъ положеніи. Отрядъ гугенотовъ, пошедшій подъ начальствомъ Жанли на выручку Монса, осажденнаго сыномъ Альбы Дономъ Фадрике, подвергся 19 іюля неожиданному нападенію его, Пуаркарма, Вителли и Ромеро.

Мѣстность была неблагопріятна гугенотамъ, они были разбиты; Жанли и многіе воины его были взяты въ плѣнъ, отведены въ антверпенскую цитадель; въ слѣдующемъ году Жанли былъ тайно казненъ тамъ съ согласія короля французскаго. — Одновременно съ Жанли двинулся въ Нидерланды Вильгельмъ; у него было довольно большое войско; онъ перешелъ Маасъ у Рурмонде, прошелъ черезъ Дистъ, Сихемъ, Мехельнъ, Лувенъ въ средину Брабанта; онъ строго приказывалъ своимъ наемникамъ щадить имущество и жизнь брабантцевъ, уважать свободу совѣсти; но у него не было денегъ исправно платить жалованье своимъ буйнымъ солдатамъ; они грабили католиковъ.

Извѣстіе о Варооломеевской ночи раздражило протестантовъ, составлявшихъ войско Вильгельма; самъ онъ былъ реформатъ; Колинъи, убійствомъ котораго началось злодѣйское истребленіе гугенотовъ въ Парижѣ, былъ его союзникъ и личный другъ; французскіе гугеноты считали своими союзниками солдатъ Вильгельма. Натурально было, что эти наемники прониклись фанатической ненавистью къ католикамъ. — Филиппъ принялъ извѣстіе о Варооломеевской ночи съ величайшей радостью; дѣйствительно, она была не только пріятна его фанатизму, но принесла ему и большую политическую выгоду. Колинъи обѣщалъ Людовику Нассаускому идти на помощь Вильгельму, убѣждалъ Карла IX помогать нидерландцамъ, и король французскій уже готовился вести войско противъ Альбы. Варооломеевская ночь избавила Филиппа отъ этой опасности.

Монсѣ, не получая помощи, не могъ держаться долго. Вильгельмъ, рассчитывавшій что Колинъи приведетъ къ нему большое войско, остался предоставленъ только своимъ силамъ; наемники его роптали, буйствовали, раздражали противъ себя населеніе. Онъ зналъ, что не устоитъ противъ Альбы, если походъ затянется, желалъ поскорѣе рѣшить дѣло битвой. Но Альба и теперь, какъ при первомъ его вторженіи въ Нидерланды, уклонялся отъ битвы; а между тѣмъ слѣдилъ за всѣми его движеніями и ночью 12 сентября напалъ врасплохъ на его лагерь. Только благодаря тому, что залаяла лягавая собака Вильгельма, онъ успѣлъ сѣсть на лошадь и ускакать. Положеніе его становилось хуже съ каждымъ днемъ. Въ концѣ осени онъ принужденъ былъ отступать. На Рейнѣ онъ распустилъ большую часть своихъ наемниковъ. — Людовикъ Нассаускій, остававшійся въ Монсѣ, сдалъ крѣпость на капитуляцію, получивъ свободный пропускъ своему войску. Альба 24 сентября вступилъ въ Монсѣ и назначилъ безжалостнаго Нуаркарма коммендантомъ города. Въ Монсѣ началось истребленіе гражданъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ Альбы: Нуаркармъ предавалъ ихъ суду, казилъ и вѣшалъ по приговорамъ его. Мехельнъ, заключившій договоръ съ Вильгельмомъ Оранскимъ, когда онъ шелъ впередъ, былъ теперь отданъ на разграбленіе солдатамъ Альбы.

Осенью положеніе нидерландскихъ патріотовъ казалось безнадежнымъ. Альба, не теряя времени, пользовался результатами отступленія Вильгельма, взятія Монса и упадка духа въ нидерландцахъ. Одинъ изъ его опытныхъ помощниковъ полковникъ Мондрагонъ одолевалъ инсургентовъ въ Зеландіи, принудилъ ихъ отступить отъ Гуса (Goes), укрѣпленнаго города, стоявшаго на островѣ Бевеландѣ, отдѣленномъ отъ Вальхерена очень мелкимъ проливомъ, такъ называемой Затопью. — Отрядъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ испанцевъ и иноземныхъ наемниковъ, перешелъ этотъ проливъ въ бродъ 20 октября во время отлива и неожиданно подошелъ къ осажденному городу; инсургенты отступили. Еще важнѣе были успѣхи Альбы и дона Фадрике, походившаго на отца храбростью и жестокостью; они покорили Гельдернъ, Оверъ-Эйсель и Фрисландію. Взявъ Цютфенъ, испанцы рѣзали въ городѣ всѣхъ безъ разбора; это навело ужасъ на сосѣдніе города. Ванъ деръ Бергъ, мужъ сестры Вильгельма, бывшій главнокомандующимъ инсургентовъ въ тѣхъ областяхъ, тайно уѣхалъ изъ Нидерландовъ. Его жена была тогда въ концѣ беременности, не могла уѣхать и скрывалась въ одной изъ хижинъ бѣднаго селенія, переодѣтая поселянкой. — Испанцы проникли даже въ Голландію.

Осажденный испанцами Нарденъ сдался на капитуляцію, обѣщавшую гражданамъ пощаду жизни и собственности. Обѣщаніе было коварствомъ. Испанцы зазвали 500 жителей въ церковь, перестрѣляли и перекололи ихъ по знаку, данному священникомъ, и сожгли церковь съ жертвами и умирающими, ограбили весь городъ, насильовали дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ въ присутствіи ихъ родителей и мужей, изнасиловавъ зарѣзывали вмѣстѣ съ семействами, сожгли городъ; ловили бѣжавшихъ изъ него, вѣшали на деревьяхъ по дорогамъ. Даже въ тѣ времена военной свирѣпости это дѣло показалось ужасно и омерзительно всей Европѣ. Нарденъ много лѣтъ оставался запустѣвшимъ. Альба, стоявшій главною квартирою въ Амстердамѣ, получилъ отъ короля поздравленіе съ тѣмъ, что сынъ его совершаетъ подвиги достойные отцовской славы.

Но свирѣпость испанцевъ повредила имъ. Судьба Цютфена и Нардена показала голландцамъ, что они не могутъ надѣяться пощады, что единственное спасеніе имъ непреклонная борьба, и они рѣшились на нее. Вильгельмъ, появившійся въ Голландіи съ небольшимъ отрядомъ конницы, былъ встрѣченъ какъ избавитель и началъ дѣло, имѣвшее своимъ результатомъ основаніе голландской республики.

Жители Нардена были истреблены испанцами за свою преданность реформаціи и патріотизмъ. Этими чувствами были проникнуты и граждане Гарлема. Онъ стоялъ на пути изъ южной Голландіи въ сѣверную, потому имѣлъ большую стратегическую важность. Испанцы обрѣкли его на такую же судьбу, какъ Нарденъ. Донъ Фадрике въ

декабрѣ подступилъ къ Гарлему съ войскомъ, численность котораго превышала все число людей въ городѣ, и началась осада, знаменитая упорствомъ испанцевъ и геройской твердостью осажденныхъ. Гарлемцы отбивали штурмы, разрушали мины осаждающихъ контрминами, платили испанцамъ за убійство своихъ плѣнныхъ казною плѣнныхъ враговъ; о пощадѣ не было мысли. Видя безуспѣшность приступовъ, донъ Фадрике прекратилъ ихъ, ограничился блокадой города. Но у осажденныхъ были большіе запасы продовольствія; испанцамъ трудно было получать провіантъ по испорченнымъ зимними непогодами дорогамъ. Осажденные безвременно тревожили непріятеля вылазками; отъ непогодъ и недостатка въ пищѣ у испанцевъ появились болѣзни: донъ Фадрике хотѣлъ вступить въ переговоры съ осажденными. Альба гнѣвно запретилъ это. Вильгельмъ пытался отрѣзать осаждающихъ отъ Амстердама. Когда ледъ растаялъ на Гарлемскомъ озерѣ и на заливѣ Эй (У), начались сраженія флотилій; но при всѣхъ своихъ усиліяхъ Вильгельмъ не могъ сдѣлать ничего важнаго, имѣя слишкомъ мало войска. Осажденные и осаждающіе одинаково страдали. «Трудно найти», говорилъ Клозе, «другой примѣръ такого терпѣливаго страданія, такого геройскаго патріотизма и такой неумолимости къ плѣннымъ врагамъ, какіе выказали гарлемцы во время осады». Испанскій флотъ разбилъ 28 мая 1573 эскадру Вильгельма и отрѣзалъ Гарлемъ отъ сообщеній съ моремъ. Запасы продовольствія истощились у осажденныхъ, они подверглись ужасному голоду; многіе умирали, другіе бродили какъ тѣни. Донъ Фадрике требовалъ сдачи безъ всякихъ условій, съ насмѣшкой отвергалъ предлагаемую ему капитуляцію. Вильгельмъ, собравъ нѣсколько тысячъ воиновъ, хотѣлъ прорвать линію блокады, провести въ городъ съѣстные припасы. Онъ напалъ на осаждающихъ 8 іюля, надѣясь, что осажденные поддержатъ его нападеніе вылазкой; но голуби, съ которыми послалъ онъ въ Гарлемъ увѣдомленіе о своемъ планѣ, были перехвачены испанцами. Гарлемцы, не зная ничего, не сдѣлали вылазки, они только слушали гулъ отдаленной канонады, не понимая его значенія. Испанцы, приготовившіеся къ бою, отразили малочисленное войско Вильгельма и захватили шедшій съ нимъ провіантъ. Генералъ Вильгельма баронъ Батенбургъ былъ убитъ со множествомъ своихъ воиновъ. Испанцы послали съ изувѣченнымъ плѣннымъ отрѣзанныя головы въ городъ. Гарлемцы узнали, что имъ нѣтъ надежды на помощь. Нѣкоторые хотѣли погибнуть сражаясь; но большинство пожалѣло женщинъ и дѣтей, которыхъ порѣзали бѣ испанцы при взятіи города штурмомъ, и 12 іюля депутація гарнизона и горожанъ пришла въ испанскій лагерь объявить, что городъ сдается на волю побѣдителей. Донъ Фадрике словесно обѣщалъ поступать кротко. Онъ и графъ Боссю торжественно въѣхали въ городъ; зрѣлище ужасающихъ страданій, представившееся имъ, не смягчило ихъ. Больше поло-

вины гарнизона было немедленно перерѣзано; въ числѣ зарѣзанныхъ былъ и Рипперда, начальникъ гарнизона. Гражданъ погнали въ темницы; оттуда выводили ихъ на казнь. Пять палачей съ своими помощниками работали безъ перерыва, но силы ихъ оказались недостаточны для дѣла; потому донъ Фадрике велѣлъ связать 300 плѣнныхъ по-парно спиной къ спинѣ и утопить въ Гарлемскомъ озерѣ. Семимѣсячная осада стоила жизни 12.000 людей въ городѣ; больше 2.000 человекъ были казнены по сдачѣ Гарлема.

Но и побѣдители не имѣли причинъ торжествовать: 30,000-ное отборное войско семь мѣсяцевъ стояло подъ небольшимъ укрѣпленнымъ городомъ, не могло взять его штурмомъ, вынудило къ сдачѣ только голодомъ и потеряло во время осады 12,000 человекъ.—Филиппъ лежалъ больной въ Сеговіи, когда получилъ извѣстіе о взятіи Гарлема; говорятъ, что радость помогла быстрому его выздоровленію.—Мужество гарлемцевъ ободрило нидерландскихъ патріотовъ; война съ ними требовала такихъ расходовъ, на покрытіе которыхъ не доставало ни сокровищъ Перу, ни денегъ безпощадно собираемыхъ раззорительными налогами съ европейскихъ владѣній Филиппа.

Альба хвалился королю своими успѣхами, но въ дѣйствительности его положеніе было не завидное: упорное сопротивленіе гарлемцевъ показывало, что инсургенты проникнуты рѣшимостью сражаться до совершеннаго истощенія силъ; еще яснѣе обнаружилось это, когда донъ Фадрике съ 16,000 войскомъ осадилъ Аלקмаръ. Въ августѣ и сентябрѣ 1573 г. онъ сдѣлалъ два приступа. Городъ имѣлъ только 800 солдатъ и 1,300 вооруженныхъ гражданъ, но оба приступа были отбиты. Аלקмаръ лежалъ между узкихъ морскихъ заливовъ и низменныхъ луговъ. Вильгельмъ велѣлъ своему помощнику Соуси прорѣзать плотины, отворить шлюзы; вода залила бы всю ту мѣстность, испанское войско утонуло бы. Разумѣется и городъ надолго утратилъ бы благосостояніе, потому что земли его были-бъ испорчены наводненіемъ. Къ счастью и для него и для испанцевъ донъ Фадрике узналъ о распоряженіи Вильгельма и 8 октябрю торопливо ушелъ, спасая свое войско отъ гибели. Черезъ четыре дня послѣ того патріоты нанесли эскадрѣ графа Боссю пораженіе на Зейдерзе, близъ замка Горна и города Энкгейзена. Адмиральскій корабль Боссю, «Иквизиція», былъ взятъ послѣ упорной обороны; Боссю, отвезенный въ замокъ Горнъ, подвергся оскорбленіямъ народа за убійства, произведенныя въ Роттердамѣ. Впослѣдствіи онъ былъ вымѣненъ на Сентъ-Альдегонда.

Трудность войны для Альбы увеличилась упадкомъ дисциплины въ его войскѣ. Испанскіе и итальянскіе солдаты, свирѣпствуя надъ инсургентами, привыкли буйствовать и перестали слушаться начальства, мятежничали въ досадѣ на то, что война такъ тяжела, грабительствовали въ покорныхъ испанцамъ городахъ, насилдовали женщинъ; народъ возненавидѣлъ ихъ. Часто они отказывались испол-

нять распоряженія своихъ генераловъ, презирали угрозы самого Альбы. Еще больше ихъ мятежей раздражало его присутствіе герцога Медина Сели, о которомъ было извѣстно, что онъ присланъ занять мѣсто Альбы: онъ повсюду сопровождалъ главнокомандующаго, вмѣшивался въ его распоряженія, высказывалъ порицанія имъ. Въ ноябрѣ Медина Сели, не простившись съ Альбой, уѣхалъ, чтобъ обвинять его передъ королемъ; Филиппъ не возвратилъ его въ Нидерланды, отнялъ у него назначеніе на мѣсто Альбы, но скоро прислалъ Альбѣ отставку.

Мадридское правительство уже давно стало сомнѣваться въ полезности терроризма Альбы: свирѣпости оказывались безуспѣшны, не подавляли возстанія. По взятіи Гарлема, Альба обнародовалъ прокламацію, обѣщавшую прощеніе инсургентамъ, которые покорятся. Она не оболястила никого въ сѣверныхъ провинціяхъ. Большинство населенія тамъ исповѣдывало реформатскую вѣру; она не могла пользоваться терпимостью подъ властью Филиппа. Если Амстердамъ, Миддельбургъ и нѣкоторые другіе города сѣверныхъ областей оставались покорны Филиппу, то лишь потому, что были заняты испанскими войсками. Вильгельмъ обнародовалъ адресъ нидерландскому сейму, убѣждая всѣхъ нидерландцевъ единодушно защищать свободу отцовъ по примѣру предковъ, не допуская никакого нарушенія своихъ правъ, не покинуть Голландію въ ея борьбѣ противъ угнетенія. Онъ говорилъ, что только силами самихъ нидерландцевъ испанцы могутъ побѣдить патріотовъ. Онъ въ октябрѣ того года въ Дордрехтѣ формально объявилъ себя реформатомъ и чтобъ успокоить опасенія южныхъ областей, гдѣ большинство населенія оставалось въ католичествѣ, объяснялъ, что борьба не имѣетъ религіознаго характера, ведется за общія права и что онъ будетъ уважать свободу богослуженія всѣхъ исповѣданій. Онъ удалилъ изъ своей службы графа де-ла-Марка и другихъ фанатичныхъ кальвинистовъ, на обиды отъ которыхъ роптали католики. Онъ продолжалъ называть возстаніе не мятежомъ противъ государя, а только борьбою противъ притѣсненій. Сеймы Голландіи и Зеландіи послали Филиппу просьбу о восстановленіи законныхъ правъ и объ удаленіи герцога Альбы. Въ этой просьбѣ сеймы горячо опровергали обвиненія, взведенныя на ихъ области врагами; они кончали ее увѣреніемъ, что скорѣе погибнуть, чѣмъ покорятся тиранству Альбы.

Нидерланды скоро освободились отъ этого деспота. Филиппъ увидѣлъ, что при немъ невозможно примиреніе. Въ самомъ Амстердамѣ, гдѣ жилъ онъ, народъ разбилъ его бюсты. Надобно было замѣнить его правителемъ менѣе свирѣпымъ; и самъ онъ, какъ мы говорили, просилъ у короля отставки. Преемникомъ ему былъ назначенъ Луисъ де Гекесенсъ-и-Суньига, великій комтуръ Мальтійскаго ордена и ордена Санъ-Яго. Новый правитель пріѣхалъ въ Брюссель 17 ноября.

Сдавъ ему должность, Альба уѣхалъ изъ Амстердама тайкомъ отъ своихъ кредиторовъ и 18 декабря (1573 года) покинулъ Нидерланды, въ исторіи которыхъ имя его написано кровью. Онъ оставилъ за собою разрушенные города, упадокъ торговли и промышленности, нищету, плачь сиротъ и вдовъ о казненныхъ имъ. Онъ хотѣлъ истребить еретиковъ, а теперь послѣ его пятилѣтняго тиранства на сѣверѣ владычествовали кальвинисты; онъ хотѣлъ покрывать расходы деспотическихъ мѣръ и возбужденной имъ войны конфискаціями и произвольно вводимыми налогами, обѣщался сдѣлать Нидерланды перувіанскимъ рудникомъ испанской казны, а Филиппу приходилось постоянно отправлять деньги въ Нидерланды цѣлыми корабельными грузами, и когда Рекесенсъ вступилъ въ должность, кассы были пусты, источники доходовъ изсякли.

III. ПРИСОЕДИНЕНІЕ ПОРТУГАЛІИ КЪ ИСПАНІИ.

1. Португалія и ея колоніи при Іоаннѣ III.

Быстро развилось могущество Португаліи и еще быстрѣе того упало оно. Во времена блеска его при Эммануэлѣ Великомъ уже можно было замѣтить, что оно скоро должно померкнуть. Въ продолжительное правленіе Іоанна III ясно выказались дурныя стороны португальскихъ учрежденій: они были тѣ же самыя, отъ которыхъ страдала Испанія. Португальцы искали богатства въ чужихъ земляхъ, а благосостояніе отечества ихъ быстро уменьшалось, потому что ослабѣло въ нихъ трудолюбіе, безъ котораго не можетъ сохраняться національное богатство. Подобно испанцамъ португальцы покупали иноземные предметы роскоши, пренебрегая издѣліями своихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ. Португальское дворянство подобно испанскому любило военные приключенія; эта склонность его усилилась успѣхами экспедицій, которыми постепенно открытъ былъ морской путь въ Индію. Адмиралы и капитаны кораблей пріобрѣтали торговлей и грабежомъ огромныя богатства; дѣлаясь правителями факторій, они сохраняли военную привычку самовластвовать надъ туземнымъ населеніемъ, руководились исключительно своими интересами, угнетали подвластныя имъ племена; своей алчностью и жестокостью они подрывали португальское владычество въ покоренныхъ земляхъ, а на родинѣ абсолютизмъ въ союзѣ съ фанатизмомъ иссушалъ источники національнаго благосостоянія угнетеніемъ трудящихся сословій.

Мы говорили, что еще при Эммануэлѣ беспощадное преслѣдованіе изгнало евреевъ, мавровъ и новыхъ христіанъ изъ Испаніи въ Португалію. Очень многіе бѣжали потомъ изъ Португаліи отъ притѣсненій, но многіе, притворившись принявшими христіанство, пріобрѣли дозволеніе остаться въ Португаліи. Они были подозрѣваемы

фанатиками въ преданности прежней вѣрѣ, подвергались преслѣдованіямъ; но испанская инквизиція не была введена въ Португалію при Эммануэлѣ; ее ввелъ только сынъ его Іоаннъ. Климентъ VII колебался допустить ея учрежденіе въ Португаліи, потому что она, будучи въ полной зависимости отъ государя, давала ему безусловную власть надъ духовенствомъ: папа принялъ жалобу португальскихъ новыхъ христіанъ противъ конфискаціи имущества осуждаемыхъ инквизиціей и противъ того, что она не открываетъ обвиняемому, кто обвинитель его и кто свидѣтели, подтверждающіе обвиненіе; Іоаннъ, духовникъ его Діэго да Сильва и многіе сановники португальскаго духовенства требовали, чтобы папа безусловно одобрилъ правила инквизиціоннаго процесса; фанатизированный народъ убивалъ мавровъ и евреевъ. Дуарте Пазъ, португальскій посланникъ, защищавшій въ Римѣ дѣло новыхъ христіанъ, подвергся ночью на улицѣ нападенію наемныхъ убійцъ; но Климентъ VII до конца жизни не соглашался утвердить правила инквизиціи въ Португаліи. Его преемникъ Павелъ III уступилъ требованію короля и буллой 23 марта 1536 г. одобрилъ введеніе инквизиціи съ испанскими правилами процесса въ Португаліи и ея владѣніяхъ. Король учредилъ инквизиціонные трибуналы въ Лиссабонѣ, Эворѣ, Коимбрѣ и въ Гоѣ. Завѣдываніе инквизиціей онъ поручилъ своему брату, кардиналу-инфанту Генриху. Во всѣхъ большихъ городахъ Португаліи начались торжественныя сожженія еретиковъ по церемоніалу испанскихъ ауто-да-фе. Шпіоны разыскивали жертвъ; каждому христіанину было вмѣнено въ обязанность доносить на тайныхъ еретиковъ и невѣрныхъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви за молчаніе о нихъ; агенты инквизиціи обыскивали корабли и путешественниковъ, не ввозятъ ли они еретическихъ сочиненій, обыскивали дома, нѣтъ ли въ нихъ какихъ нибудь уликъ ереси или невѣрія. Умственная жизнь въ Португаліи была стѣснена такимъ же угнетеніемъ, какъ въ Испаніи.

Стѣсненіе стало еще сильнѣе, когда овладѣли довѣріемъ короля португальскаго іезуиты. Вскорѣ по основаніи ордена пріѣхали въ Лиссабонъ португалецъ Симано Родригезъ и Хаверъ. Іоаннъ принялъ ихъ съ почестями; королева и вся королевская фамилія подчинились ихъ вліянію. Хаверъ отправился, какъ мы говорили, въ Индію обращать язычниковъ, а Родригезъ остался дѣйствовать на родинѣ. Онъ скоро пріобрѣлъ приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ. Первые іезуиты были, какъ мы знаемъ, энтузіасты, предававшіеся аскетизму, собирали милостыню на дѣла благотворительности, помогали бѣднымъ, ухаживали за больными; народъ считалъ ихъ святыми. Въ 1547 году они уже распространились по всѣмъ португальскимъ городамъ; число вельможъ и церковныхъ сановниковъ, покровительствовавшихъ имъ, быстро возросло. Правда, многіе вельможи и прелаты смотрѣли на нихъ съ недовѣріемъ, и самъ кардиналъ-ин-

фантъ Генрихъ, завѣдывавшій инквизиціей, старался помѣшать ихъ водворенію въ Португалію; но король давалъ имъ большіе подарки, королева и всѣ другіе инфанты слушались ихъ внушеній, народъ благоговѣлъ передъ ними; они одолѣвали своихъ противниковъ. Въ 1547 году, черезъ шесть лѣтъ послѣ утвержденія іезуитскаго ордена папой, число студентовъ, принадлежащихъ къ ордену въ Коимбрскомъ университетѣ, простиралось уже до 200; іезуиты уже имѣли большіе орденскіе дома въ Лиссабонѣ, Эворѣ, Оporto; они были духовниками королевской фамиліи, учителями королевскаго внука Себастьяна и другихъ молодыхъ принцевъ крови; многіе вельможи отдавали сыновей на воспитаніе имъ. Братъ герцога браганскаго, племянникъ короля, неопытный юноша Теотоніо, поддался внушеніямъ Родригеза и къ огорченію герцога поступилъ въ орденъ; тоже сдѣлали родственники графа Сильвейры, графа Менезеса. Благоклонность короля іезуитамъ все усиливалась; они стали господствовать надъ умственной жизнью Португаліи; народъ вѣрилъ всему, что говорили аскеты, придававшіе своими подвигами ордену славу святости. Одинъ изъ поступившихъ въ орденъ вельможъ ходилъ въ одеждѣ носильщика работать съ другими простолюдинами. Родригезъ, ловко носившій маску смиренія, мастерски извлекалъ изъ благоклонности короля и довѣрія народа пользу для ордена. По его убѣжденію король въ 1555 г. подарилъ ордену коимбрскій королевскій коллегіумъ, куда вельможи отдавали своихъ сыновей учиться. Вскорѣ послѣ того іезуиты захватили владычество надъ всѣмъ университетомъ и замѣнили въ немъ духъ гуманности фанатическимъ обскурантизмомъ.

Внѣшнія дѣла въ царствованіе Іоанна III не имѣли прежняго блеска, хотя мужество и военное искусство португальцевъ одерживали побѣды надъ многочисленными врагами, подавляли опасныя возстанія. Португальцы въ это время заключили съ Испаніей договоръ, по которому она признала Молуккскіе острова принадлежащими имъ. Другихъ важныхъ пріобрѣтеній португальцы не сдѣлали, но сохранили свои прежнія завоеванія. Власть ихъ надъ Ормузомъ, Каликутомъ, Малаккой нѣсколько времени колебалась; упрочить ее былъ посланъ Васко де Гама, открывшій морской путь въ Индію, человѣкъ очень отважный; но скорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Гою опъ умеръ (на Рождество 1524). Преемникъ его, потомокъ знаменитыхъ полководцевъ, Генрике Менезесъ сталъ готовиться къ завоеванію важнаго торговаго города Діу (въ Гуджератѣ), но 13 февраля 1526 умеръ на 45 году жизни. Его намѣреніе исполнилъ слѣдующій вице-король, Нуньо да Кунья. Побѣдами и переговорами склонивъ султана Бадура къ миру, по которому португальцы получили право основать факторію въ Бассаинѣ, Нуньо да Кунья воспользовался потомъ нападеніемъ монголовъ на этого султана, вытребовавъ у него разрѣшеніе основать факторію въ Діу, столицѣ его, складочномъ мѣстѣ восточ-

ной торговли. Вице-король самъ провелъ линію укрѣплений факторій; дворяне сами работали вмѣстѣ съ туземцами надъ постройкой укрѣплений. Такимъ образомъ возникла у португальцевъ цитадель въ Діу (въ 1536 году) и они распространили свое вліяніе на всю Камбаю, богатую шелкомъ, золотомъ, другими цѣнными товарами. Бадуръ, коварный и смѣлый, хотѣлъ при помощи турокъ прогнать португальцевъ изъ Индіи, но они предупредили его нападеніе, убили его на морѣ, въ виду столицы. Нуньо да Кунья овладѣлъ послѣ того Діу со всѣми сокровищами и военными запасами Бадура, взялъ (въ 1537 году) въ португальское владѣніе всѣ важные города береговъ Гуджерагата полупростора. Много помогло его успѣхамъ то, что въ Камбаѣ шла война за престолъ. Помощникъ вице-короля, Афонсо де Соуза, одержалъ на морѣ блестящую побѣду надъ арабскими корсарами, хотѣвшими въ союзѣ съ царями кочинскимъ и каликутскимъ прогнать португальцевъ съ Малабарскаго берега; Антонио Гальвано, храбрый и великодушный полководецъ, побѣдилъ съ маленькимъ отрядомъ на Тидорѣ семь царей, составившихъ союзъ для изгнанія португальцевъ съ Молуккскихъ острововъ; эта знаменитая побѣда упрочила торговое владычество португальцевъ на Тернате и во всемъ Малайскомъ архипелагѣ. Гальвано обращалъ малайцевъ въ христіанство, но заботился и объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, сдѣлалъ королевской монополіей торговлю гвоздикой, боролся противъ контрабанды купцовъ и взяточничества чиновниковъ; онъ возвратился на родину бѣднякомъ; король оставилъ его заслуги безъ награды, и онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ богадѣльнѣ. Такая же и даже худшая судьба ожидала и вице-короля, но Нуньо да Кунья умеръ прежде, чѣмъ его заковали въ цѣпи, чтобы отвезти въ Лиссабонъ.

Ужь и прежде португальское правительство забывало заслуги героевъ, дѣлавшихъ завоеванія на востокѣ, слушало клеветы на нихъ, отравляло конецъ жизни многихъ изъ нихъ неблагодарностью; при Іоаннѣ III, которымъ руководили льстецы, это стало происходить въ размѣрѣ большемъ прежняго. Султанъ константинопольскій, получивъ отъ Бадура богатые подарки, увидѣлъ, что въ Индіи находятся огромныя сокровища, задумалъ овладѣть ими, велѣлъ снарядить на Черномъ морѣ большой флотъ, назначилъ начальникомъ его греческаго ренегата эвнуха Сулеймана-пашу, 80 лѣтнаго старика, сохранявшаго энергію, знаменитаго жестокостью. Сулейманъ въ сентябрѣ 1538 г. отплылъ изъ Суэса на завоеваніе Индіи. Въ это самое время придворные интриганы низвергли Нуньо да Кунью, успѣшно управлявшаго десять лѣтъ азіатскими владѣніями Португаліи; его преемникомъ былъ назначенъ Гарсія Норонья.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1538 португальскому владычеству въ Индіи угрожала опасность, какой оно еще никогда не подвергалось. Сулейманъ паша приплылъ къ Діу, прежней столицѣ Бадура, на помощь которому былъ посланъ. Мусульманское населеніе полуострова

Гуджерата взялось за оружіе; вмѣстѣ съ нимъ Сулейманъ и Бадуръ осадили португальскую цитадель. Еслибъ онъ овладѣлъ ею, то вѣроятно прогналъ бы португальцевъ со всего острова. Но они защищались геройски. И тутъ, какъ впослѣдствіи при осадѣ Мальты, блистательно выказалось умственное и военное превосходство европейцевъ надъ неповоротливой массой турокъ. У Антоніо Сильвейры, комманданта цитадели, было только 300 воиновъ; битвы и лишенія на половину уменьшили число ихъ; но они отбились отъ войска, въ которомъ считалось 5,000 отборныхъ мусульманскихъ воиновъ и которому помогали туземцы. Осажденные нетерпѣливо смотрѣли на море, не плыветъ ли эскадра изъ Гои на обѣщанную выручку имъ. Но въ это самое время происходила передача власти отъ прежняго короля новому, они ссорились, это замедляло отправку эскадры. Тѣмъ достойнѣе славы было торжество Сильвейры и воиновъ его: Сулейманъ-паша послѣ неудачи рѣшительнаго приступа рѣшилъ отплыть обратно. Запасы провіанта у него истощились, а туземцы выказывали недовѣріе къ туркамъ, опасаясь, что они изъ союзниковъ станутъ въ случаѣ успѣха поработителями болѣе жестокими, чѣмъ португальцы. Сулейманъ отплылъ 1 ноября. Султанъ принялъ его такъ гнѣвно, что онъ лишилъ себя жизни, опасаясь страданій темницы и мучительной казни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по отплытіи Сулеймана, отплылъ Нуньо да Кунья; ему не дали корабля изъ королевскаго флота, онъ принужденъ былъ нанять купеческое судно, возшелъ на него больной; огорченіе увеличивало болѣзнь; онъ умеръ на морѣ, и по его приказанію тѣло его было опущено въ море въ рыцарской мантии съ перевязью и мечомъ. Онъ былъ человѣкъ энергическій и справедливый; объ управленіи его вспоминали съ похвалами, потому что по его отставкѣ дѣла пошли дурно.

Пораженіе Сулеймана возстановило славу португальскаго имени; индійскіе цари, въ томъ числѣ и могущественный Саморинъ, стали заключать договоры съ Нороньею, страшась раздражить португальцевъ; но эта боязнь скоро ослабѣла: индійцы видѣли, что португальцы думаютъ только о собственныхъ выгодахъ, не заботясь о государственныхъ интересахъ; вице-короли часто смѣнялись, отъ этого авторитетъ ихъ былъ шатокъ. Гарсія де Норонья приплылъ въ Индію уже почти 80-лѣтнимъ старикомъ и умеръ 3 апрѣля 1540. Вскорѣ по его смерти вице-королемъ сталъ Аффонсо де Соуза, человѣкъ алчный; онъ управлялъ дѣлами четыре года. Въ 1544 году онъ напалъ на царя союзаго съ португальцами, чтобъ ограбить пагоду, имѣвшую, какъ говорили, огромныя сокровища; этимъ гнуснымъ нападеніемъ на союзника онъ возбудилъ сильное возстаніе индійцевъ. Многіе изъ солдатъ его были убиты или ранены; самъ онъ едва спасся. — За два года передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Гою Хаверъ съ нѣсколькими другими іезуитами, основалъ тамъ орденскій домъ, ставшій центромъ

миссіонерства іезуитовъ въ восточной Азіи. Нападеніе Соузы на языческій храмъ было быть можетъ внушено іезуитами. Португальцы до того времени благоразумно щадили вѣрованія индійцевъ, старались не оскорблять ни гиндусскихъ храмовъ, ни мусульманскихъ мечетей. Теперь они отступили отъ этой разсудительной политики, къ ихъ алчности присоединился фанатизмъ. Грабежи, свирѣпости, пренебреженіе къ туземцамъ и ихъ обычаямъ, обманы въ торговлѣ раздражали индійцевъ, подготавливали паденіе португальскаго владычества: когда явились въ Индіи голландцы, враги короля испанскаго, которому повиновались тогда Португалія и ея азіатскія владѣнія, индійскіе цари и народы стали помогать имъ противъ своихъ ненавистныхъ поработителей.

Въ половинѣ XVI вѣка, только благодаря храбрости и военному искусству португальскія войска удержали прежнія завоеванія. Лѣтомъ 1546 г. гарнизонъ Діу подъ начальствомъ храбраго Жоана Маскареньяса отразилъ нападеніе, сдѣланное полководцемъ султана Махмуда, ренегатомъ Ходже Софаромъ и по смерти Софара продолжавшееся подъ начальствомъ его сына Румекана. Геройство, съ какимъ португальцы отбивались отъ многочисленнаго непріятеля, напоминаетъ подвиги испанцевъ въ Мехикѣ и Перу. Въ ноябрѣ стѣны цитадели походили на развалины, но въ это время приплылъ съ подкрѣпленіями вице-король Жоанно де Кастро. Сынъ его, отважный юноша, погибъ въ сраженіи, отецъ въ ярости повѣсилъ на мачтахъ плѣнниковъ и убитыхъ враговъ. Непріятель былъ въ десять разъ многочисленнѣе португальцевъ, — Румеканъ выказалъ себя искуснымъ и храбрымъ полководцемъ; но все-таки португальцы побѣдили. Они взяли штурмомъ и разграбили городъ Діу. Владычество ихъ на камбайскомъ берегу упрочилось. Румеканъ и многіе генералы его были убиты въ сраженіи. Весною слѣдующаго года Кастро возвратился въ Гою и 13 апрѣля отпраздновалъ свою побѣду тріумфальной процессіей; разграбленныя и оскверненныя пагоды свидѣтельствовали о фанатизмѣ португальцевъ.

Вскорѣ послѣ того Жоано де Кастро умеръ; съ его смертью угасъ послѣдній блескъ португальскаго владычества въ Индіи. Онъ былъ храбрый воинъ, человѣкъ образованный, неутомимо дѣятельный и въ частной жизни безукоризненный. Послѣ него вице-короли были смѣняемы очень часто. Должность имъ давалась только на три года, и рѣдкій изъ нихъ оставался до конца этого срока; тѣмъ больше снѣшили они обогащаться; они ссорили между собою индійскихъ царей, чтобы помогать тому, кто обѣщаетъ больше денегъ имъ. Грабежъ, который произвелъ Аффонсо Норонья при одномъ изъ такихъ случаевъ на Цейлонѣ въ 1550 году, былъ такъ безсовѣстенъ, что возбудилъ неудовольствіе даже въ португальскомъ правительствѣ. Во время смерти Іоанна III вице-королемъ индійскимъ былъ Франсиско Бар-

рето, управленіе котораго замѣчательно лишь пожаромъ, истребившимъ лучшую часть португальскаго флота.

2. Царствованія Себастіана и Генриха.

Іоанннъ III умеръ отъ апоплексіи 11 іюня 1557 г., на 55 году жизни, на 35 царствованія. Шестъ сыновей и три дочери, пережившія его, были еще не совершеннолѣтними; старшій сынъ его умеръ раньше отца. У жены этого сына, дочери Карла V, Іоанны, родился черезъ нѣсколько дней по смерти мужа сынъ, Себастіанъ. Ему при смерти дѣда было только три года. По распоряженію покойнаго короля регентшей и опекуншей ребенка сдѣлалась вдовствующая королева Катерина. Она назначила своимъ помощникомъ кардинала-инфанта Генриха. Черезъ нѣсколько лѣтъ она сложила съ себя управленіе дѣлами, передала регентство Генриху. Онъ когда-то былъ враждебенъ іезуитамъ, но уже давно сталъ покровителемъ ихъ, и они получили теперь преобладающее вліяніе на дѣла. Духовниками Генриха и королевы были они. Воспитателемъ короля былъ назначенъ іезуитъ Луисъ Гонсальвесъ Камара. Катерина долго противилась этому, при всемъ своемъ уваженіи къ іезуитамъ, понимая, что воспитаніе въ ихъ фанатическомъ духѣ будетъ гибельно королю. Но по ея удаленіи отъ дѣлъ правительство получило совершенно клерикальный характеръ.

Генрихъ, шестой сынъ Эммануэля, кардиналъ-архіепископъ лиссабонскій, великій инквизиторъ, намѣстникъ папы въ управленіи церковью, остался и въ санѣ регента человѣкомъ узкихъ фанатическихъ понятій, ставящимъ выгоду церкви выше блага государства. Никакія правительственныя дѣла не могли удержать его отъ исполненія правила каждый день служить литургію. Онъ былъ регентомъ по названію, на самомъ дѣлѣ правили государствомъ духовники его и матери короля Мигель Торресъ и Леано Генрикесъ и воспитатель короля Гонсальвесъ Камара. Генрихъ во всемъ слѣдовалъ ихъ совѣтамъ, то есть инструкціямъ, какія давалъ имъ генералъ ихъ ордена, исполнитель приказаній папы. Постановленія тридентскаго собора, расширявшія власть церкви, потому отвергнутыя многими изъ католическихъ государей, были безъ всякихъ ограниченій приняты португальскимъ правительствомъ и объявлены имѣющими силу законовъ (7 сентября 1564). Еще при Іоаннѣ іезуиты пріѣхали въ Бразилію въ свитѣ генералъ-капитана Томе де Соузы; теперь они получили большое вліяніе въ новой бразильской столицѣ, Багін. Вице-королемъ въ Гою былъ посланъ родственникъ королевской фамиліи

Константино Браганса, фанатикъ католичества. Онъ переименовалъ стоявшій на восточномъ берегу Камбайскаго залива городъ Даманъ въ городъ Очищенія Маріи (городъ Срѣтенія, по восточному названію этого праздника); причиной переименованія было то, что онъ въѣхалъ въ Даманъ на этотъ праздникъ. По его желанію епископъ гоійскій былъ сдѣланъ архіепископомъ и получилъ начальство надъ новыми епископами кончинскимъ и малаккскимъ; католики прославляли эти великія дѣла Брагансы. Преемникъ его Антано Норонья предпринялъ крестовый походъ противъ жителей острова Сальсетты, не желавшихъ принять христіанство, проповѣдуемое имъ іезуитами.

Въ 1568 г. Себастіанъ принялъ правленіе государствомъ въ свои Себастіанъ
1568—1578. руки. Воспитатель его Луисъ Гонсальвесъ Камара опуталъ мысли молодого государя такою крѣпкою сѣтью фанатизма, что онъ сталъ исполнителемъ іезуитскихъ внушеній. Дѣлами правила при немъ клерикальная камарилья, членами которой были прежніе совѣтники регента и братъ Луиса, Мартино Гонсальвесъ Камара, любимецъ Себастіана. Наканунѣ коронованія Алейшо Менезесъ объяснялъ Себастіану правила благоразумія, которымъ долженъ слѣдовать государь, убѣждалъ его не слушаться дурныхъ совѣтниковъ; Катерина рекомендовала внуку разсудительныхъ и благонамѣрныхъ людей, которыхъ слѣдуетъ ему назначить своими помощниками; но все осталось напраснымъ. Гонсальвесы и сообщники ихъ сохранили владычество надъ умомъ короля и удалили отъ двора Катерину, чтобъ она не мѣшала имъ. Такимъ образомъ іезуиты правили государствомъ и наполняли фантазію молодого короля фанатическими мечтами о распространеніи христіанства войною противъ невѣрныхъ.

Клерикальное направленіе лиссабонскаго правительства отразилось и на индійскихъ дѣлахъ. Въ 1570 году мусульманскій проповѣдникъ сказалъ въ мечети собранію индійскихъ царей рѣчь объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ исламу португальцами. Фанатизмъ португальцевъ уже давно раздражалъ мусульманъ; слушатели, обнаживъ мечи, поклялись на коранѣ выгнать португальцевъ изъ Индіи. Весь берегъ отъ Бассейна и Чаула до Гои наполнился войсками союзниковъ, двинувшихся прогнать португальцевъ. Мусульманамъ помогали и язычники; опасность была очень велика, но вице-король Луисъ Атанде былъ человѣкъ умный и твердый, имѣлъ хорошихъ помощниковъ, и въ особенности полезенъ былъ ему храбростью и военнымъ искусствомъ Нуньо Альваресъ Перейра, потомокъ знаменитаго коннетабля Перейры. Благодаря тому португальцы отразили нападеніе; индійскіе цари, потерпѣвъ неудачу, стали одинъ за другимъ заключать договоры съ вице-королемъ и въ теченіи 1571 года возстановились прежнія отношенія португальцевъ къ индійскимъ государямъ Малабарскаго берега. Но лиссабонское правительство находило, что положеніе дѣлъ тамъ остается опаснымъ и въ 1572 году раздѣлило свои владѣнія въ Индіи на три намѣстничества, чтобы могли быть въ каждой мѣстности быстрѣе принимаемы мѣры обороны. Жорже де Кастро, храбрый воинъ, вѣрно служившій королю и бывшій во время войны коммендантомъ крѣпости Шале, сдалъ ее послѣ мужественной обороны Саморину; за это онъ былъ преданъ суду и въ 1573 казненъ въ Гоѣ.

Иезуиты, управлявшіе молодымъ королемъ, дѣлали ему внушенія, замедлившія пріисканіе невѣсты для него. Это имѣло гибельныя послѣдствія для Португаліи. Себастіанъ былъ единственнымъ человѣкомъ королевской фамиліи, который могъ имѣть дѣтей: всѣ родственники его были бездѣтные старики. Потому, когда онъ достигъ совершеннолѣтія и принялъ власть, португальскіе кортесы просили его не медлить вступленіемъ въ бракъ. Но Луисъ Камара и его братья, владычествовавшіе надъ мыслями короля, затягивали дѣло о его женитьбѣ, чтобы не утратить своего господства надъ нимъ: они опасались, что женившись, Себастіанъ будетъ слушаться жены; въ особенности боялись они успѣха переговоровъ о женитьбѣ короля на французской принцессѣ, на которой желали женить его мать и бабушка. Наконецъ въ 1575 г. Луисъ Камара, воспитатель и духовникъ короля, умеръ. По смерти Луиса утратилъ силу братъ его Мартино. Только тогда король сталъ серьезно думать о женитьбѣ. Лиссабонскій дворъ вступилъ въ переговоры съ мадридскимъ. Себастіанъ просилъ руки Изабеллы Клары, дочери Филиппа II, но Филиппъ отвѣчалъ отказомъ, не объясняя причинъ своего несогласія. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ вѣрилъ распущенному іезуитами слуху о неспособности Себастіана къ супружескому сожителству; но, быть можетъ, онъ просто желалъ, чтобы у португальскаго короля не было дѣтей и династія прекратилась. Самъ Себастіанъ чуждался мыслей о женитьбѣ: іезуитъ воспитатель внушилъ ему, что цѣломудріе высокая добродѣтель, и ему хотѣлось вести жизнь, которую считалъ онъ святой. Высшей славой на землѣ и величайшей заслугой передъ Богомъ казалось ему быть воителемъ за вѣру, какими были члены рыцарскихъ орденовъ. По своему королевскому званію онъ не могъ подражать монахамъ-рыцарямъ въ соблюденіи бѣдности и повиновенія, но тѣмъ тверже хотѣлъ исполнять ихъ обѣты цѣломудрія и войны съ невѣрными. Говорятъ, онъ каждый день молился, чтобы Богъ сохранилъ его цѣломудреннымъ и далъ ему возможность распространить святую вѣру въ земляхъ язычниковъ. Онъ хотѣлъ плыть въ Индію; но его отклонили отъ этого фантастическаго предпріятія. Онъ привязался къ мысли пріобрѣсти земную славу и небесное блаженство въ Африкѣ, гдѣ сражались за истиннаго Бога многіе изъ его предковъ. Достигнувъ 20 лѣтъ, онъ (въ 1574 году) отправился въ Сеуту, Танджеръ и Магазаръ, единственныя владѣнія, остававшіяся у португальцевъ на сѣверномъ берегу Африки. Онъ не пріобрѣлъ въ этой экспедиціи никакихъ успѣховъ, но она разгорячила его мечты о побѣдахъ надъ невѣрными. Катерина очень огорчалась этимъ направленіемъ мыслей внука, и послѣднія слова ея передъ смертью (12 февраля 1578 г.) были просьбой окружавшихъ ея постель, чтобы они удерживали короля отъ новой экспедиціи въ Африку.

Внукъ не послушался ея предсмертныхъ совѣтовъ. Онъ съ ра-

достью схватился за случай вмѣшаться въ дѣла сѣверо-африканскихъ мусульманъ. Въ Марокко возникло междоусобіе. Мулей Молукъ, младшій сынъ эмира, былъ по смерти отца лишенъ данной ему умирающимъ эмиромъ власти и выгнанъ изъ государства. Послѣ разныхъ приключеній онъ пріобрѣлъ своей храбростью благосклонность турецкаго султана, получилъ отъ него флотъ и войско для завоеванія отцовскаго царства, разбилъ своего племянника Мулея Мухаммеда, царствовавшего въ Марокко, овладѣлъ всѣмъ государствомъ. Мулей Мухаммедъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ просить помощи, далъ блестящія обѣщанія королю. Себастьянъ, обольщенный ими и своимъ усердіемъ къ распространенію христіанства, сталъ готовить флотъ и войско; для покрытія издержекъ, онъ установилъ тяжелые налоги, главнымъ своимъ бременемъ ложившіеся на простолюдиновъ, дѣлалъ займы и насильственные поборы.

Португальцамъ очень не нравилась экспедиція, задуманная королемъ. Когда корабли были готовы и Себастьянъ хотѣлъ отплыть въ Африку, ему пришлось цѣлую недѣлю ждать, пока соберутся генералы и матросы. Ему объясняли, что онъ не можетъ брать на себя обязанность главнокомандующаго, долженъ поручить ее человѣку болѣе опытному; онъ не слушалъ разсудительныхъ совѣтовъ, мечталъ о побѣдахъ. Флотъ съ войскомъ отплылъ изъ лиссабонской гавани 25 іюня 1578. Число большихъ кораблей простиралось до 50; войско состояло изъ 9.000 португальцевъ и 4.000 или 5.000 иноземныхъ наемниковъ. Многіе молодые вельможи добровольно отправились съ королемъ. Флотъ присталъ къ берегу въ Арзиллѣ заpastись водой, но мѣстомъ высадки былъ назначенъ Эль-Аришъ. Себастьяну пришла несчастная мысль вести туда войско изъ Арзиллы сухимъ путемъ. Португальцы встрѣтили на дорогѣ войско Молука въ четыре раза превосходившее ихъ числомъ, и 4 августа въ знойный день на рѣчкѣ Моказемѣ близъ города Алькасара произошла битва, въ которой погибло португальское войско; 12.000 христіанъ легло на полѣ сраженія. Всѣ уцѣлѣвшіе были взяты въ плѣнъ и обращены въ рабство (нѣкоторые изъ нихъ были впослѣдствіи выкуплены). О судьбѣ Себастьяна долго не было вѣрныхъ извѣстій. Онъ храбро сражался, былъ раненъ въ руку, исчезъ изъ глазъ своихъ воиновъ; черезъ нѣсколько времени нашлись люди, видѣвшіе, что онъ былъ убитъ; тѣло его было такъ истоптано, что его съ трудомъ узнали. Его перенесли въ Сеуту и похоронили тамъ. Изъ мусульманскихъ государей, воевавшихъ между собою, ни одинъ не пережилъ алькасарской битвы. Молукъ сопровождалъ войско больной; его принесли на поле сраженія въ носилкахъ и онъ умеръ во время боя. Противникъ его Мулей Мухаммедъ былъ настигнутъ въ бѣгствѣ и убитъ. Царемъ мароккскимъ сталъ родственникъ его и Молука, Мулей Хамедъ. Португальцы уже не были опасны царю: алькасарское пораженіе и смерть

Себастіана разстроили дѣла ихъ. Мстить за Себастіана могъ бы только король испанскій; царь мароккскій сталъ искать его милости.

Погибель войска и смерть Себастіана поразили ужасомъ португальцевъ. Королевская династія должна была вскорѣ прекратиться, потому что принцы ея были бездѣтные старики. вмѣстѣ съ Себастіаномъ погибло множество вельможъ; всѣ знатныя фамиліи надѣли трауръ по убитыхъ родныхъ; погибло почти все войско; по улицамъ городовъ рыдалъ народъ.

Себастіанъ былъ красивый мужчина, съ очень бѣлымъ цвѣтомъ кожи, русыми волосами, голубыми глазами; отъ природы онъ былъ слабаго сложенія, но укрѣпилъ свои силы военными играми. Фанатическое фантазерство, внушенное ему іезуитскимъ воспитаніемъ, погубило его и Португалію.

Кардиналъ-инфантъ Генрихъ, вступившій на престолъ по смерти племянника, былъ 67 лѣтній старикъ, упрямый, бездарный, слѣдовавшій только своимъ капризамъ и внушеніямъ іезуитовъ. Себастіанъ въ послѣдніе годы выказывалъ непріязнь къ нему, не назначилъ его членомъ совѣта, которому поручилъ управление государствомъ въ свое отсутствіе: подъ конецъ жизни Себастіанъ вышелъ изъ подъ вліянія іезуитовъ, слушался другихъ любимцевъ, довѣреннѣйшимъ изъ которыхъ былъ Педро Алькасова. Ненависть новаго короля и его совѣтниковъ іезуитовъ обратилась на этихъ любимцевъ. Алькасова былъ обвиненъ въ томъ, что по расчету своихъ выгодъ укрѣплялъ Себастіана въ намѣреніи предпринять экспедицію въ Марокко, судъ надъ нимъ былъ только формальностью. Онъ былъ лишенъ должностей и титуловъ, высланъ изъ Лиссабона съ запрещеніемъ возвращаться въ столицу. Почти всѣ совѣтники и сановники покойнаго короля были впутаны въ дѣло Алькасовы и подверглись такой же опалѣ; ихъ должности получили фавориты Генриха, друзья іезуитовъ, люди, большею частью, бездарные и безсовѣстные. При такомъ положеніи дѣлъ Филиппу II легко было опутать португальское правительство сѣтью интригъ, подготовлявшихъ присоединеніе Португаліи къ Испаніи. Король былъ фанатичный монахъ; должно было думать, что онъ не захочетъ сложить съ себя монашество, не послушаетъ просьбы кортесовъ и народа, убѣждавшихъ его жениться; а если бы онъ и женился, не было никакой вѣроятности, что такой старикъ будетъ имѣть дѣтей. Въ случаѣ его бездѣтной смерти могъ заявить право на португальскій престолъ Филиппъ, какъ сынъ Изабеллы, старшей сестры и мужъ Маріи, старшей дочери Іоанна III. Онъ дѣйствовалъ съ обыкновенной своей хитростью. Мадридскій дворъ выказывалъ глубочайшую печаль о погибелѣ Себастіана; особый посланникъ съ блестящей свитой отправился въ Лиссабонъ передать новому королю симпатію Филиппа къ его скорби о смерти прежняго и поздравленія съ вѣнчаніемъ на престолъ. О своихъ правахъ на наслѣдство послѣ Генриха Филиппъ молчалъ; прежде чѣмъ заявить ихъ

онъ хотѣлъ обольстить португальцевъ, не желавшихъ соединенія съ Испаніей, привлечь къ себѣ ихъ вельможъ. Агентомъ этихъ интригъ былъ выбранъ Крестовано Моура (получившій впослѣдствіи титулъ маркиза Кастелью Родриго), португальскій вельможа, перешедшій изъ службы инфанты Іоанны въ службу Филиппа, человекъ очень ловкій. Филиппъ отправилъ его въ Лиссабонъ—въ свитѣ своего новаго посланника Педро Хирано, герцога Оссуньи.

Интрига шла успѣшно, Оссунья, родственникъ знатнѣйшихъ португальскихъ вельможъ, дѣйствовалъ въ кругу высшей аристократіи, Моура велъ переговоры съ іезуитами и должностными лицами. Приближенные Генриха стали тайными агентами Филиппа, сообщали королю испанскому всѣ разговоры, пересылали ему копіи съ секретнѣйшихъ бумагъ. Филиппъ склонялъ и городскія начальства въ пользу своихъ притязаній, писалъ письма въ этомъ духѣ лиссабонскому городскому совѣту и административнымъ коллегіямъ другихъ большихъ городовъ; но городское сословіе осталось враждебнымъ соединенію съ Испаніей; въ немъ сильна была племенная непріязнь къ Кастиліи, съ которой вела столько войнъ Португалія; національная партія убѣдила Генриха опредѣлить, кто будетъ наслѣдникомъ престола. Король созвалъ кортесовъ на 1 апрѣля 1579 для рѣшенія этого дѣла. Но они распались на партіи; упрямый старикъ опасался ослабить свою власть, сдѣлавъ наслѣдника престола своимъ соправителемъ и радъ былъ, что кортесы разошлись, не рѣшивъ ничего. По предложенію ихъ король назначилъ комиссію для разбора правъ претендентовъ на престолъ. Но Филиппъ не захотѣлъ отдать своихъ притязаній на судъ независимой отъ него комиссіи, назначилъ у себя въ Мадридѣ «хунту» по дѣлу о наслѣдствѣ португальскаго престола. Она состояла изъ членовъ испанскаго государственнаго совѣта и нѣсколькихъ докторовъ богословія; ей было поручено Филиппомъ разсмотрѣть основательность его правъ на наслѣдство послѣ Генриха. Другихъ лицъ, заявлявшихъ права на португальскій престолъ, было много; но важны были притязанія только двухъ изъ нихъ. Катерина, герцогиня браганская, отцомъ которой былъ младшій братъ Іоанна III, имѣла право на престолъ по закону, говорившему, что не могутъ наслѣдовать престола иностранцы. Пріоръ мальтійскаго ордена, Антоніо Крато, племянникъ Іоанна III, имѣлъ бы болѣе близкое право на престолъ, если бы могъ доказать, что мать его была повѣнчана съ его отцомъ, братомъ Іоанна, герцогомъ Бежскимъ (Beja). Другой братъ Іоанна, отецъ герцогини Браганской былъ моложе его отца. Но вообще полагали, что отецъ и мать этого претендента не были повѣнчаны; Генрихъ не любилъ его, запретилъ ему являться ко двору и жить въ Лиссабонѣ; потому было мало вѣроятности, что его право будетъ признано, хотя горожане и поселяне были на его сторонѣ по непріязни къ притязаніямъ Филиппа. Уступая энергическому требованію кортесовъ, Генрихъ велѣлъ разсмотрѣть судебнымъ порядкомъ вопросъ о законно-

сти рожденія Антоніо; и было найдено, что нѣтъ документовъ о бракѣ его отца и матери, что свидѣтели, выставленные имъ, не заслуживаютъ довѣрія, будучи родственниками его матери или давая свои показанія за деньги; потому было рѣшено, что онъ, будучи незаконнорожденнымъ, не имѣетъ права на престолъ. Онъ обратился къ папскому суду; папа требовалъ, чтобы дѣло было передано на рѣшеніе римской куріи; вмѣшательство папы въ династическія дѣла Португаліи раздражило Генриха; онъ, въ гнѣвѣ на Антоніо за апелляцію къ папѣ, объявилъ его лишеннымъ всѣхъ титуловъ, всѣхъ правъ португальскаго дворянства, изгналъ изъ государства, запретилъ своимъ подданнымъ укрывать его или чѣмъ нибудь помогать ему. Антоніо уѣхалъ въ Италію, потомъ тайно жилъ въ одномъ изъ португальскихъ монастырей. Масса населенія была на его сторонѣ; потому онъ не боялся предательства. Комитетъ, разсматривавшій притязанія другихъ претендентовъ, нашелъ, что по португальскимъ законамъ право наслѣдованія престола принадлежитъ Филиппу: онъ ближайшій родственникъ Себастіана и Генриха, какъ внукъ Эммануэля. Такимъ образомъ португальская комиссія пришла къ рѣшенію одинаковому съ мнѣніемъ мадридской хунты. Притязанія герцогини Брагансской она отвергла на томъ основаніи, что законы о наслѣдованіи между частными людьми не примѣняются къ династическимъ дѣламъ, которыя должны быть рѣшаемы по соображеніямъ государственнаго права. Нація полагала, что вопросъ о престолонаслѣдіи долженъ быть рѣшенъ кортесами; это мнѣніе было опровергнуто королевскими юристами на томъ основаніи, что право выбора короля не существуетъ, пока есть законный наслѣдникъ престола.

На помощь своимъ прежнимъ агентамъ Филиппъ прислалъ въ Лиссабонъ еще трехъ, тоже очень ловкихъ. Всѣ они усердно хлопотали о томъ, чтобы дѣло о престолонаслѣдіи формально было рѣшено при жизни Генриха. Въ подкрѣпленіе ихъ интригамъ Филиппъ набралъ наемниковъ и поставилъ по португальской границѣ. Вліятельнѣйшіе португальскіе вельможи были уже обольщены имъ; большинство духовенства было за него, и особенно усердны къ нему были іезуиты. Генрихъ по внушеніямъ своего духовника Леано Генрикеса убѣдился въ законности притязаній Филиппа на престолъ. Оставалось только, чтобы кортесы провозгласили его наслѣдникомъ престола; но Генрихъ долго не рѣшался дать дѣлу эту законную форму. Филиппу не хотѣлось, чтобъ его притязанія были отданы на разборъ и утвержденіе кортесамъ. Ему пріятнѣе было бы, чтобы Генрихъ провозгласилъ его наслѣдникомъ престола по своему королевскому полномочію. А Генрихъ все еще колебался совершенно отвергнуть притязанія герцогини Брагансской и кромѣ того боялся раздражить народъ. Португальцы тревожились неизвѣстностью будущаго. Правительство не допускало публичныхъ собраній, но общественное мнѣніе выска-

зывалось въ адресахъ, письмахъ, прокламаціяхъ патріотовъ; испанская партія отвѣчала на нихъ другими памфлетами. Патріоты предлагали средство примирить притязанія Антоніо и Браганской фамиліи: они говорили, что Антоніо долженъ жениться на дочери герцога и герцогини Браганскихъ. Но упрямый Генрихъ былъ неспособенъ руководиться соображеніями о благѣ націи. Онъ слѣдовалъ только своимъ прихотямъ и ненавидѣлъ Антоніо.

Волненіе народа наконецъ принудило Генриха созвать кортесовъ. Голодъ и эпидемическія болѣзни придали раздраженный характеръ народному ропоту. Генрихъ испугался и уступилъ волѣ народа. Кортесы собрались въ Лиссабонѣ въ январѣ 1580, когда еще болѣзни свирѣпствовали тамъ. Король самъ былъ боленъ, такъ что его принесли на носилкахъ въ собраніе кортесовъ. Онъ сказалъ, что предлагаетъ имъ рѣшить дѣло о престолонаслѣдіи по соглашенію съ Филиппомъ. Большинство дворянства и духовенства приняло это предложеніе. Но депутаты городовъ потребовали, чтобы вопросъ о престолонаслѣдіи былъ отданъ на рѣшеніе самимъ кортесамъ. Особенно сильно говорили въ этомъ смыслѣ депутаты Лиссабона. Генриху былъ очень непріятенъ такой оборотъ дѣла, но онъ побоялся усилить народный ропотъ прямымъ отказомъ и объявилъ, что предлагаетъ кортесамъ разсмотрѣть, имѣютъ ли они въ настоящемъ случаѣ право выбора наслѣдника престола; онъ назначилъ срокъ для рѣшенія этого вопроса; срокъ былъ непродолжительный, но до его истеченія Генрихъ умеръ (31 января 1580), въ тотъ самый день, въ тотъ самый часъ, когда исполнилось ему 68 лѣтъ. Онъ былъ чловѣкъ бездарный, усердно исполнявшій церковные обряды, неспособный понимать государственныя дѣла, руководившійся своими мелочными капризами. Народъ плакалъ при извѣстіи о его смерти, но плакалъ не по любви къ нему, а по предчувствію наступающихъ бѣдствій.

3. Провозглашеніе Филиппа королемъ португальскимъ.

Королевство португальское находилось при смерти Генриха въ совершенно разстроенномъ состояніи: оно было волнуемо враждою партій; на границѣ стояли войска Филиппа; претендентъ, котораго предпочитала ему нація, не имѣлъ ни надежныхъ совѣтниковъ, ни хорошаго войска. Регентство, назначенное Генрихомъ, называвшееся комитетомъ правителей и защитниковъ, состояло изъ пяти членовъ; трое изъ нихъ были приверженцы Филиппа. Собраніе кортесовъ раздѣлилось на двѣ части: депутаты городовъ засѣдали въ Сантаремѣ; они все еще надѣялись возвести на престолъ Антоніо; большинство дворянства и духовенства приняли, какъ мы говорили, сторону Фи-

липпа. Антонио поселился въ Белемскомъ монастырѣ; масса народа была расположена къ нему, но не имѣла оружія, не знала военного дѣла, потому оставалась безсильна. Регентство объявило депутатамъ городовъ, что ихъ полномочія прекратились со смертію короля и потому они должны разойтись. Въ сознаніи своего безсилія они повиновались.

Ясно было, что Филиппу легко будетъ овладѣть Португаліей, ссылаясь на рѣшеніе мадридской хунты, признавшей его законнымъ наслѣдникомъ португальскаго престола, имѣющимъ право употребить военную силу противъ непокорныхъ. Филиппъ послалъ регентству, кортесамъ, городскимъ правительствомъ заявленіе, что онъ по праву наслѣдства вступаетъ во владѣніе Португаліей и требуетъ присяги на вѣрность ему. Послушнымъ онъ обѣщалъ награды, непокорнымъ угрожалъ наказаніями. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ велѣлъ герцогу Альбѣ вести на Лиссабонъ собранное на границѣ войско, численность котораго простиралась до 20.000 человѣкъ. Регентство говорило, что будетъ сопротивляться нашествію иноземнаго войска, но только обманывало этимъ народъ. Оно составило по соглашенію съ испанскимъ посланникомъ проектъ условій, на которыхъ провозгласить Филиппа королемъ португальскимъ. Онъ желалъ, чтобы дѣло обошлось безъ войны, потому принялъ эти условія. Важнѣйшія изъ нихъ были: Португалія сохраняетъ свои законы; правительственныя и судебныя должности должны быть даваемы исключительно португальцамъ; всѣ португальскія владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта остаются принадлежащими собственно къ португальскому королевству: король или его намѣстникъ правитъ Португаліей при содѣйствіи португальскаго государственнаго совѣта, состоящаго исключительно изъ португальцевъ; торговые сношенія Португаліи съ Испаніей должны быть облегчены отмѣной или уменьшеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Не смотря на всѣ эти уступки національному чувству партія сопротивленія усиливалась, регентство не находило повинovenія себѣ; народъ требовалъ, чтобы вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ безпристрастнымъ третейскимъ судомъ, патріоты готовились отражать силу силой, просили помощи у иностранныхъ государей, не желавшихъ увеличенія могущества короля испанскаго; въ особенности надѣялись они, что станетъ помогать имъ король французскій. Антонио и его приверженцы ободрялись; приверженцы Филиппа робѣли; большинство ихъ находило надобнымъ, чтобы власть Филиппа была признана кортесами, а не захвачена имъ безъ соблюденія законной формы.

Филиппъ видѣлъ, что долженъ дѣйствовать быстро, что промедленіе было бы опасно для него. Онъ пріѣхалъ въ Бадахось ускорить наступательныя движенія Альбы. Въ маѣ войско перешло границу; городъ Эльвасъ, въ которомъ Филиппъ имѣлъ сильныхъ привержен-

цевъ, покорился безъ сопротивленія; его примѣру послѣдовали Оливенза, Серпа, Моура, Аррончесь Порталегре. Регентство и часть кортесовъ находились въ Сетувалѣ и не знали какъ имъ дѣйствовать. Антонио пріѣхалъ въ Сантаремъ, народъ провозгласилъ его королемъ. Онъ пошелъ къ Лиссабону; вельможи, преданные Филиппу, бѣжали; Антонио вступилъ въ Лиссабонъ, народъ принялъ его съ восторгомъ. Онъ поселился во дворецъ и разослалъ по всему королевству манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ, собралъ отрядъ войска и въ іюнѣ пошелъ въ Сетуваль принудить регентство къ признанію его власти. Члены регентства и сторонники Филиппа бѣжали, явились къ Филиппу, признали его королемъ; испанское войско подвигалось впередъ, не встрѣчая сопротивленія; Вилла-Висоза, Монтеморъ, Эвора были уже заняты испанцами. Почти всѣ вельможи присягнули Филиппу. Но герцогъ Браганскій не соглашался признать его королемъ, потому что Филиппъ не принялъ условій, подъ которыми герцогиня отказывалась отъ своихъ притязаній на престолъ. Филиппъ сказалъ только, что если герцогъ присягнетъ на вѣрность ему, онъ готовъ утвердить его во всѣхъ титулахъ и дать ему награды.

Испанскія войска подвигались впередъ. Положеніе Антонио ухудшалось съ каждымъ днемъ. Число защитниковъ его уменьшалось. Савовники, назначенные имъ, были бездарны и безсильны; наемники, собранные имъ, были не надежны; народное ополченіе не знало военного дѣла; чтобы содержать это войско, онъ принужденъ былъ дѣлать насильственные займы у богатыхъ купцовъ, продавать коронныя драгоценности, брать хранившіяся въ общественныхъ кассахъ деньги частныхъ людей, захватывать церковныя сокровища. Онъ вооружилъ негровъ, бывшихъ рабами въ Португаліи; они буйствовали, мстили за прежнія обиды. Приверженцы Филиппа были отданы на произволъ народной ненависти. Такой слабый противникъ не могъ устоять противъ испанскихъ войскъ. Если португальскіе патріоты выказывали сопротивленіе испанцамъ, то лишь потому, что Альба доводилъ ихъ своей свирѣпостью до отчаянія. Діего Менезесъ, защищавшій отъ испанцевъ крѣпость Каскаэсъ, былъ, по ея взятіи, казненъ. Эта жестокость раздражила португальскую аристократію, потому что Менезесъ былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ. вмѣстѣ съ нимъ были казнены другіе, взятые въ плѣнъ патріоты. Ненависть народа къ испанцамъ была такъ велика, что если бы патріоты имѣли хорошаго вождя, то испанцамъ было бы трудно или даже невозможно овладѣть Лиссабономъ. Но Антонио былъ не способенъ организовать національную войну; самъ онъ былъ бездаренъ, привлечь къ себѣ людей даровитыхъ онъ не умѣлъ. Когда Альба приблизился къ Лиссабону, Антонио съ нестройными толпами португальской милиціи ушелъ въ Белемъ, а когда испанскій флотъ сталъ у этого города, онъ ушелъ въ Алькантару; тамъ въ крѣпкой позиціи за обрывистыми берегами

Тахо и подъ защитой крѣпости Санъ-Жуліано онъ надѣялся удержаться, отразить непріятеля или получить выгодныя условія мира. Но герцогъ Альба отказался вступить въ переговоры съ нимъ; Филиппъ объявилъ, что онъ и всѣ, получившіе отъ него должности, исключаются изъ амнистіи, даваемой португальцамъ. Антоніо принужденъ былъ сражаться. Альба, сынъ его Фернандо и другой его помощникъ, итальянскій полководецъ Просперо Колонна, одержали побѣду, Антоніо, раненный въ голову, едва спасся бѣгствомъ. Фернандо сынъ Альбы подступилъ къ Лиссабону, испанскій флотъ вошелъ въ Тахо; лиссабонское городское начальство поспѣшило сдать городъ, чтобъ избавить его отъ раззоренія. Филиппъ велѣлъ поступать съ Лиссабономъ милостиво. Фернандо обѣщалъ жителямъ его безопасность жизни и собственности; но только центральная часть города была пощажена отъ грабежа. Предмѣстья и загородныя дома вельможъ были три дня грабимы буйными солдатами Альбы.

По покореніи Лиссабона не могло быть сомнѣнія, что испанцы покорятъ все королевство. Сопротивленіе прекратилось бы очень скоро, еслибъ испанцамъ удалось захватить Антоніо. Но онъ успѣлъ уйдти въ Коимбру; оттуда перешелъ въ Оporto; тамъ снова собралось къ нему нѣсколько тысячъ вооруженныхъ горожанъ и поселянъ. Филиппъ II въ это время занемогъ очень тяжело; по Португаліи распространилась молва, что онъ умеръ, Антоніо и его приверженцы ободрились. Но Альба послалъ Санчеса д'Авилу на Оporto. Милиціонеры Антоніо не могли устоять противъ солдатъ Санчеса. Антоніо торопливо перевезъ на корабли свою казну и переодѣтый матросомъ уплылъ во Францію. Его сопровождали нѣкоторые вельможи, въ томъ числѣ графъ Виміозо. Филиппъ назначилъ 80.000 дукатовъ награды за его голову.

Вся Португалія была теперь покорена. Филиппъ пріѣхалъ въ Эльвась, созвалъ въ декабрѣ 1580 португальскихъ кортесовъ въ Томаръ. Они присягнули на вѣрность ему, онъ утвердилъ тѣ условія, на которыхъ регентство по соглашенію съ его посломъ герцогомъ Оссуньей признало его королемъ, и обнародовалъ амнистію, изъ которой было исключено 52 патріота. Португальскія владѣнія въ Азін, Африкѣ, Мадера и другіе острова послѣдовали примѣру метрополіи, покорились Филиппу. Только Азорскіе острова отказались признать его королемъ. Впрочемъ и въ этомъ архипелагѣ приверженцы Филиппа одержали верхъ на островѣ Санъ-Мигелѣ.

Въ актѣ признанія Филиппа королемъ португальскимъ было помѣщено условіе, что если онъ или его преемники нарушатъ этотъ договоръ, по которому получаютъ власть, то и португальскій народъ освобождается отъ обязанности соблюдать договоръ и можетъ отказать королю въ повиновеніи, не подвергаясь за то обвиненію въ мятежѣ. Требованія кортесовъ были очень обширны; нѣкоторымъ изъ нихъ Филиппъ уступилъ, нѣкто-

рыя отвергъ, на многія отвѣчалъ согласіемъ въ неопредѣленныхъ, двусмысленныхъ выраженіяхъ, оставлявшихъ ему удобство поступать по произволу. Португальскіе вельможи, помогавшіе Филиппу, получили большія награды. Нѣкоторые города тоже были награждены за то, что покорились безъ сопротивленія.

Филиппъ 29 іюня 1581 торжественно вступилъ въ Лиссабонъ. Это было окончательной формальностью, свидѣтельствовавшей о присоединеніи Португаліи къ Испаніи. Португальская нація на нѣсколько десятковъ лѣтъ утратила независимость.

4. Португалія подъ испанской властью.

Покореніе Португаліи совершилось легче, нежели ожидалъ самъ Филиппъ. Народъ негодовалъ на утрату независимости, но возстаній не было. Всѣ португальскія владѣнія, какъ мы говорили, покорились Филиппу, кромѣ Азорскихъ острововъ. Онъ былъ раздраженъ ихъ неповиновеніемъ. По своему положенію между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ Азорскій архипелагъ могъ стать центромъ общаго возстанія португальцевъ. По характеру береговъ оборона была удобна для жителей архипелага. Они мало знали о ходѣ дѣлъ въ Португаліи, полагали, что молва о смерти Себастіана ошибочна. Когда испанцы хотѣли силой принудить ихъ къ признанію Филиппа королемъ, они отразили нападеніе. Агенты, присланные Антонію, нашли хорошій пріемъ у нихъ. Король французскій далъ Антонію нѣсколько кораблей. Авантюристы собирались къ Антонію; онъ рѣшился плыть въ Азорскій архипелагъ; итальянскій полководецъ Филиппо Строцци принялъ начальство надъ его наемниками. Эскадра приплыла къ берегу Терсейры. Антонію былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Испанцы должны были опасаться, что онъ начнетъ партизанскую войну на морѣ; дѣло было тѣмъ опаснѣе, что французское правительство тайно помогало противнику Филиппа. Новый король португальскій видѣлъ, что долженъ дѣйствовать, не теряя времени. Онъ послалъ маркиза Санта-Круса покорить Азорскіе острова. Въ концѣ іюля 1582 произошло сраженіе на морѣ. Испанцы послѣ упорнаго боя, длившагося пять часовъ, побѣдили; Строцци былъ убитъ; графъ Виміозо, вѣрный приверженецъ Антонію, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи; лучшіе корабли Антонію были потоплены или захвачены испанцами; много матросовъ и солдатъ, болѣе 50 французскихъ вельможъ и дворянъ были взяты въ плѣнъ и казнены или повѣшены, какъ «враги спокойствія, сообщники мятежниковъ». Но обстоятельства принудили испанскую эскадру возвратиться. Благодаря тому Антонію уцѣлѣлъ.

Онъ оставался нѣсколько времени на Терсейрѣ, безславя себя произвольными поборами и распутствомъ, потомъ возвратился во Францію.

Филиппъ снова созвалъ португальскихъ кортесовъ для окончательнаго устройства дѣлъ, щедро наградилъ своихъ приверженцевъ и въ январѣ 1583 г. возвратился въ Мадридъ, назначивъ своимъ намѣстникомъ въ Португаліи кардинала Альбрехта, эрцгерцога австрійскаго, совѣтниками котораго сдѣлалъ трехъ португальцевъ. Однимъ изъ нихъ былъ даровитый интригантъ Мигель де Моура. Вскорѣ послѣ того умеръ Іоаннъ, герцогъ Браганскій. Смерть его, какъ говорятъ, ускорена досадою на то, что Филиппъ не далъ ему такихъ наградъ, какихъ онъ ожидалъ. Филиппъ въ это время, снова бывшій вдовцемъ, предложилъ герцогинѣ свою руку, чтобы права браганской династіи на португальскій престолъ перешли къ нему. Но герцогиня хотѣла сохранить за своимъ сыномъ эти права и не согласилась выйти за Филиппа. — Въ іюль 1583 г. были покорены Азорскіе острова. По отъѣздѣ Антоніо ими правилъ отъ его имени Мануэль Сильва, наемники котораго держали въ страхѣ партію, желавшую покориться Филиппу. Число людей находившихъ примиреніе съ Филиппомъ необходимою увеличилось наперекоръ крутымъ мѣрамъ Сильвы. Санта-Крусъ приплылъ съ флотомъ, имѣвшимъ довольно большое десантное войско; Сильва былъ разбитъ близъ Ангры (главнаго города Терсейры и всего архипелага), ушелъ съ своими португальскими солдатами въ горы. Тайна его убѣжища была выдана невольницей негритянкой; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ (въ концѣ іюля). Испанцы выставили голову его на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была выставлена голова казненнаго имъ вельможи, преданнаго Филиппу. Французскимъ наемникамъ его было дозволено возвратиться на родину. Весь архипелагъ призналъ Филиппа королемъ.

Во время войны Испаніи съ Англіей, адмиралъ Фрэнсисъ Дрэкъ поплылъ въ 1589 году къ Лиссабону, взявъ съ собою Антоніо, вышелъ на берегъ въ Каскаэсъ, послалъ Антоніо въ предмѣстье Лиссабона. Англичане надѣялись, что лиссабонцы поднимутъ возстаніе, но этого не произошло. Дрэкъ и Антоніо уѣхали. Этой неудачей кончилась политическая роль Антоніо. Онъ поселился въ Парижѣ, прожилъ тамъ шесть лѣтъ въ бѣдности, въ постоянной боязни убійцъ, подсылаемыхъ Филиппомъ, и умеръ въ 1595 г., утомленный хлопотами у иностранныхъ государей, чтобъ они помогли ему возобновить войну; они пугали имъ Филиппа, но не оказывали ему помощи.

Воспоминаніями о прежней династіи была произведена молва, что Себастьянъ не погибъ, что онъ живъ и явился въ Португалію возстановить національную независимость. Этотъ слухъ возобновлялся нѣсколько разъ. Немногіе, возвратившіеся на родину участники алькасарской битвы почти все уже умерли. Некому было опровергать легенду о спасеніи Себастіана, и во все царствованіе Филиппа появ-

лялись одинъ за другимъ авантюристы, выдававшіе себя за Себастіана. Филиппъ при самомъ покореніи Португаліи въ 1580 г. велѣлъ привезти изъ Сеуты и похоронить въ родной землѣ тѣло Себастіана. Но любовь народа къ національной династіи, ненависть къ испанскому владычеству поддерживали въ массѣ убѣжденіе, что Себастіанъ еще живъ и возвратится. Въ продолженіе десяти лѣтъ (1585—1595) появились три обманщика, принимавшіе имя Себастіана; всѣ они были ремесленники; мятежи, подымаемые ими, не достигали большихъ размѣровъ. Они и ихъ сообщники, награждаемые отъ нихъ титулами графовъ и епископовъ, были наказываемы висѣлицей или ссылкой на галеры. Несравненно больше важности приобрѣлъ самозванецъ, явившійся въ Венеціи въ концѣ царствованія Филиппа. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей Европы, и многіе португальскіе патриоты вѣрили ему. Называя себя Себастіаномъ, спасшимся отъ смерти въ алькасарской битвѣ, онъ говорилъ, что былъ раненъ и выздоровѣвъ отъ ранъ, странствовалъ по Абиссиніи, Персіи, Грузіи, что наконецъ удалось ему пріѣхать въ Сицилію и что вотъ онъ бѣжалъ оттуда въ Венецію. По требованію испанскаго посланника венеціанское правительство арестовало его и черезъ нѣсколько времени выслало изъ государства. Онъ поѣхалъ въ Португалію; на пути туда былъ схваченъ во Флоренціи, выданъ неаполитанскому вице-королю, который отдалъ его подъ военный судъ. На допросахъ выяснилось его самозванство, его отвезли въ Испанію и онъ умеръ тамъ въ темницѣ, по однимъ слухамъ естественной смертью, по другимъ насильственной. Въ его разказахъ попадалось много подробностей, показывавшихъ близкое знакомство съ жизнью Себастіана и порядкомъ лиссабонскаго двора; лицомъ онъ походилъ на Себастіана, потому многіе вѣрили ему, составляли планы освободить его, издавали памфлеты, доказывавшіе, что онъ дѣйствительно Себастіанъ.

Непріязнь португальскаго народа къ испанскому владычеству раздражала Филиппа, увеличивала подозрительность и суровость его управленія Португаліей, а это въ свою очередь усиливало вражду португальцевъ къ нему. Въ Томарѣ онъ присягнулъ, что оставитъ неприкосновенной національную самостоятельность Португаліи, будетъ назначать администраторами въ ней исключительно португальцевъ, будетъ управлять ею по ея законамъ, что Лиссабонъ останется столицей Португальскаго государства, всѣ дѣла котораго будутъ рѣшаться тамъ, а не въ Мадридѣ; но не въ его характерѣ было бы соблюсти присягу. Онъ хотѣлъ распространить на Португалію кастильскую систему управленія, основаніемъ которой былъ произволъ короля. Онъ хотѣлъ обратить Португалію въ кастильскую провинцію, управлять ей посредствомъ своихъ личныхъ приказаній, брать съ нея какъ можно больше денегъ на расходы своихъ войнъ, не имѣвшихъ

никакого отношенія къ ея интересамъ. Для этого онъ поставилъ въ португальскихъ крѣпостяхъ кастильскія войска. Опираясь на нихъ, онъ распоряжался португальскими войсками, флотами, военными запасами, какъ испанской собственностью, вводилъ произвольные налоги, установилъ и въ Португаліи тѣ пошлины, которыя убивали благосостояніе Испаніи. Дѣла о назначеніи администраторовъ и судей рѣшалъ онъ въ своемъ мадридскомъ кабинетѣ, не стѣснялся давать должности въ Португаліи испанцамъ, и другимъ чужимъ для португальцевъ людямъ. По всѣмъ важнымъ дѣламъ лиссабонское правительство должно было спрашивать рѣшенія у Филиппа. Тѣ португальцы, которые не помогали Филиппу овладѣть ихъ отечествомъ или послѣ того навлекли на себя подозрѣніе въ національномъ патріотизмѣ, постоянно находились въ опасности подвергнуться преслѣдованію. Рыбаки вытаскивали своими сѣтями много труповъ, брошенныхъ ночью изъ башни Санъ-Жаго (San-Jago) въ море. Многіе португальцы эмигрировали. Народъ жадно вѣрилъ пророчествамъ о скоромъ возвращеніи счастливыхъ временъ. Лучшимъ орудіемъ для борьбы съ этими предсказаніями, тайно распространяемыми патріотической партіей, было духовенство; Филиппъ старался расположить его въ пользу испанскаго владычества.

Филиппъ велѣлъ составить сводъ португальскихъ законовъ на основаніи уложенія Эммануэля и слѣдующихъ постановленій; въ немъ былъ расширенъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ духовному суду. Уже и раньше того клерикализмъ усиливался въ Португаліи по вліянію тридентскихъ декретовъ и внушеніямъ іезуитовъ. Филиппъ далъ ему еще большее развитіе.

Другимъ средствомъ предотвратить возстановленіе независимости Португаліи было уменьшеніе могущества ея вельможъ. Филиппъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи осторожно. (Но преемникъ его поступалъ менѣе осмотрительно и раздражилъ португальскихъ вельможъ. Враги Филиппа покорили многія изъ португальскихъ владѣній, попавшихъ подъ его господство. Доходы, какіе прежде получала Португалія изъ Индіи и изъ Малайскаго архипелага, прекратились; страна бѣднѣла.

Португальцамъ и прежде стоило большихъ трудовъ удерживать за собой свои владѣнія въ Азіи. Это стало еще труднѣе, когда Филиппъ взялъ въ свое распоряженіе и обратилъ на войны въ Европѣ флотъ и войска Португаліи. Португальцы въ Азіи не получали подкрѣплений, а между тѣмъ Филиппъ требовалъ, чтобъ они доставляли ему доходы больше прежнихъ. Враги Филиппа мѣшали морской торговлѣ португальцевъ. Потомки завоевателей, поселившихся въ колоніяхъ, утратили энергію, предавались наслажденію въ изнѣживающемъ климатѣ тропическихъ земель. Ненависть къ испанскому пра-

вительству, которому должны были служить они, отнимала у нихъ заботу объ общественныхъ интересахъ, они думали только о личныхъ выгодахъ. Исторія португальскихъ колоній подъ испанскимъ владычествомъ представляетъ отвратительную картину хищничества. Администрація и судъ были продажны. Должности раздавались людямъ бездарнымъ или безсовѣстнымъ; изъ торговли исчезла честность; монополіи подавляли промышленность. Все дѣлалось по внушеніямъ духовенства, пользовавшагося покровительствомъ Филиппа. Число прелатовъ и монаховъ росло, богатства церкви увеличивались; фанатики, управлявшіе дѣлами, раздражали мусульманъ и послѣдователей браманизма. Въ Гоѣ и окрестностяхъ ея находилось 80 монастырей и церквей, больше 30.000 монаховъ. Инквизиція, введенная въ Гоѣ при Іоаннѣ III и расширившая свою дѣятельность на всѣ азіатскія владѣнія португальцевъ, превосходила своею жестокостью испанскую. Она мучила въ особенности «новыхъ христіанъ», эмигрировавшихъ изъ Португаліи въ азіатскія колоніи съ надеждой найти тамъ спокойствіе отъ религіознаго преслѣдованія и достигшихъ благосостоянія, благодаря своему трудолюбію. Филиппъ II безусловно покровительствовалъ инквизиціи, считая ее лучшимъ орудіемъ для истребленія недовольныхъ его системой управленія.

Но самый тяжелый ударъ португальскимъ колоніямъ нанесло то, что Филиппъ запретилъ нидерландскимъ торговымъ кораблямъ входить въ лиссабонскую гавань. Въ 1584 году онъ воспретилъ нидерландцамъ торговлю въ испанскомъ государствѣ, а черезъ десять лѣтъ послѣ того конфисковалъ 50 голландскихъ купеческихъ кораблей въ устьѣ Тахо; онъ воображалъ, что нанесетъ этимъ очень большой вредъ Нидерландамъ; но вмѣсто вреда принесъ имъ пользу. Какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ человекъ, находившійся въ португальской службѣ, открылъ Америку для испанцевъ, такъ теперь Португалія была школой, изъ которой вышли первые нидерландскіе моряки, научившіе своихъ соотечественниковъ плавать въ Индію. Это были Дитрихъ Герритсъ, уроженецъ Энкгейзена, находившійся въ службѣ у португальцевъ, ѣздившій въ Китай и Японію, шлифовальщикъ брилліантовъ Конингъ, жившій въ Гоѣ, торговецъ перцомъ Асгейзенъ, посѣщавшій Малакку, уроженецъ Гарлема, Гейгентъ Линсхотенъ и другіе люди, находившіеся въ службѣ у португальцевъ. Азіатскіе цари и народы, попавшіе въ зависимость отъ португальцевъ, ненавидѣли ихъ, потому помогали нидерландцамъ строить укрѣпленныя факторіи. Послѣ продолжительной борьбы нидерландцы прогнали португальцевъ и испанцевъ съ Молуккскихъ и Зондскихъ острововъ, отняли у нихъ выгодную торговлю перцемъ и другими пряностями, овладѣли и Малаккой, ключомъ индійскаго архипелага. Въ XVII вѣкѣ нидерландцы основали поселенія на Тернате, Тидорѣ, Бандскихъ островахъ, на Явѣ, Суматрѣ, Борнео, они тѣснили португальцевъ даже на Малабарскомъ берегу и при помощи царя кандійскаго прогнали ихъ съ Цейлона, захватили въ свои руки всю торговлю жемчугомъ, дорогими камнями; царь уступилъ голландцамъ мѣста для факторій и далъ много важныхъ привилегій. Вслѣдъ за ними стали плавать въ Индійскій океанъ и въ Малайское море англичане, отняли у испанскаго

короля многія португальскія владѣнія тамъ. При помощи англичанъ персидскій шахъ отвязалъ у португальцевъ Ормузь, одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ торговли Европы съ южной Азіей. Испанскіе короли не очень огорчались этими потерями подвластной имъ Португаліи; имъ было даже пріятно, что она бѣднѣетъ и ослабѣваетъ; они рассчитывали, что тѣмъ легче будетъ держать ее въ покорности. При заключеніи договора съ нидерландцами въ 1609 году они не включили въ это перемиріе свои владѣнія за океаномъ и такимъ образомъ португальская Индія осталась по прежнему открыта нападеніямъ нидерландцевъ.

IV. УПАДОКЪ МОГУЩЕСТВА ИСПАНИИ. — ЦВѢТУЩІЙ ПЕРІОДЪ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИВОПИСИ.

1. Царствованіе Филиппа III. Изгнаніе морисковъ.

Какъ ни безотрадно было состояніе испанской монархіи во время смерти Филиппа II, но въ 23-лѣтнее царствованіе его бездарнаго и вялаго сына Филиппа III благосостояніе Испаніи упало еще ниже. Филиппъ II душилъ Испанію своимъ бюрократическимъ деспотизмомъ; но государственныя дѣла все таки шли какъ нибудь при немъ; они совершенно разстроились при его сынѣ, лѣнливомъ, не имѣвшемъ собственной воли. Государствомъ стали править фавориты и духовники, не думавшіе ни о чемъ, кромѣ своихъ выгодъ, и успѣшно заботившіеся, чтобы вопли народа или слова патріотовъ не дошли до короля, не нарушили его дремоту.

Филиппъ III выросъ въ кругу монаховъ и женщинъ; когда онъ сталъ юношей и пора было дать ему придворный штатъ, чтобы приучить его къ нѣкоторой самостоятельности, отецъ выбралъ въ руководители ему небогатаго вельможу Франсиско Гомеса де Сандовалія-и-Рохоса, графа (впослѣдствіи герцога) Лерму. Это былъ хитрецъ, умѣвшій пріобрѣтать расположеніе людей и управлять ими. Онъ сталъ участвовать въ молитвахъ наслѣдника престола, которому нравилось каждый день присутствовать при богослуженіи; король не давалъ денегъ сыну, Лерма помогалъ ему своими деньгами и скоро сталъ необходимъ для него. Сближеніе сына съ Лермой не понравилось подозрительному королю; онъ назначилъ Лерму вице-королемъ Валенсіи, чтобъ удалить его отъ своего наслѣдника. Но во время предсмертной болѣзни отца, будущій король, не дожидаясь его смерти, вызвалъ своего любимца въ Мадридъ, и съ восшествіемъ Филиппа III на престолъ, графъ Лерма сталъ главнымъ лицомъ испанскаго правительства. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго короля было повелѣніе, что «подпись графа Лермы равносильна собственноручной

подписи короля». При нежеланіи Филиппа III заниматься государственными дѣлами, это повелѣніе сдѣлало Лерму фактическимъ государемъ Испаніи. Онъ скоро перемѣнилъ весь составъ государственнаго совѣта, удалилъ изъ него опытныхъ дѣловыхъ людей, замѣнилъ ихъ своими прислужниками; высшимъ правительствомъ сталъ королевскій кабинетный совѣтъ, называвшійся консультой; президентомъ ея былъ Лерма, получившій титулъ герцога; консульта управляла государствомъ съ неограниченной властью. Всемогушій фаворитъ такъ ревниво устранялъ всякое соперничество, что не дозволялъ даже королевѣ Маргаритѣ (австрійской принцессѣ) и вдовствующей императрицѣ (дочери Карла V, жившей въ Испаніи) говорить съ королемъ о государственныхъ дѣлахъ; чтобъ устранить отъ короля вдовствующую императрицу, онъ убѣдилъ Филиппа III перенести резиденцію въ Вальядолидъ; а когда королева однажды сказала мужу, что онъ самъ долженъ управлять дѣлами, фаворитъ подвергъ ее такому стѣснительному надзору, что она говорила: лучше быть монахиней въ Грацѣ (ея родномъ городѣ), чѣмъ испанской королевой. Филиппъ III передавалъ Лермѣ даже тѣ разговоры, какіе имѣлъ съ королевой по ночамъ въ спальнѣ. Вся Испанія негодовала на самовластіе Лермы, но онъ двадцать лѣтъ сохранялъ свое безграничное владычество надъ королемъ; оно было такъ удивительно, что суевѣрные люди объяснили его волшебствомъ. Однажды король вздумалъ противорѣчить Лермѣ, но такъ испугался своей дерзости, что задрожалъ всѣмъ тѣломъ, хотя противорѣчіе относилось къ мало-важному предмету. Такого всемогущества Лерма достигъ вовсе не тѣмъ, чтобъ имѣлъ таланты государственнаго человѣка; нѣтъ, онъ былъ какъ правитель бездаренъ, умѣлъ только повторять мысли о полезности миролюбивой политики, которыхъ наслушался отъ князя Эволи, своего бывшего покровителя; но онъ былъ очень ловкій царедворецъ, имѣлъ изящныя манеры, умѣлъ говорить такъ любезно, что очаровывалъ всѣхъ, въ комъ имѣлъ надобность, даже людей, завидовавшихъ ему; онъ думалъ только о внѣшнемъ эффектѣ, очень заботился о своей наружности, старался скрывать признаки приближавшейся старости, сѣдину въ волосахъ и бородѣ; точно также щеголялъ онъ и образованностью, любовью къ наукѣ, которыхъ вовсе не имѣлъ.

Онъ допускалъ къ сношеніямъ съ королемъ только людей, заслужившихъ полное довѣріе его. Первые мѣста между ними занималъ королевскій духовникъ Гаспардо да Кордова, ходившій въ изорванной одеждѣ, въ протоптанной обуви, глупецъ, не имѣвшій ни способностей, ни охоты вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, и Родриго Кальдеронъ, сынъ бѣднаго солдата, услужливый, хитрый, алчный человѣкъ, бывшій въ молодости пажомъ Лермы, выслужившій себѣ отъ него титулы графа Оливы и маркиза Сіэте Инглесиаса

и получавшій отъ королевскихъ пожалованій 100.000 піастровъ дохода при совершенномъ недостаткѣ денегъ въ казнѣ. Онъ, сдѣлавшійся маркизомъ, продолжалъ держать себя относительно Лермы какъ лакей. На всѣ важныя должности въ государствѣ и церкви Лерма посадилъ своихъ кліэнтовъ; такъ напримѣръ, архіепископомъ толедскимъ, т. е. первымъ сановникомъ испанской церкви, и великимъ инквизиторомъ, то есть начальникомъ государственной полиціи, имѣвшей форму религіознаго учрежденія, Лерма сдѣлалъ своего дядю Бернардо Сандовалю; предсѣдателемъ совѣта Кастиліи, завѣдывавшего дѣлами всей монархіи онъ назначилъ Миранду Суньигу, съ которымъ породнился (это былъ храбрый воинъ, отличавшійся въ войнѣ съ нидерландцами и женившійся на очень богатой невѣстѣ; чтобъ очистить для него мѣсто, Лерма удалилъ прежняго президента Родриго Веласкеса); секретаремъ государственнаго совѣта Лерма сдѣлалъ Франчессу (Franchezza), женившагося на наслѣдницѣ громаднхъ богатствъ, дѣльца, безусловно преданнаго своему покровителю. Начальниками провинцій, эскадръ и войскъ Лерма тоже дѣлалъ своихъ родственниковъ или кліэнтовъ. Онъ породнился съ Мендосами и Гусманами, знатнѣйшими изъ всѣхъ испанскихъ вельможъ; воспитательницами королевскихъ дѣтей онъ сдѣлалъ своихъ родственницъ. Замѣстивъ всѣ важныя придворныя и правительственныя должности преданными ему людьми, онъ упрочилъ свою власть такъ непоколебимо, что не боялся вельможъ, не принадлежавшихъ къ его партіи и могъ смягчить правила церемоніала, посредствомъ которыхъ Филиппъ II подавлялъ въ грандахъ всякую мысль о самостоятельности. Теперь вельможи уже не мечтали о ней, тѣмъ безопаснѣе было для Лермы устранить стѣсненія, которыми Филиппъ II держалъ ихъ вдаль отъ себя; Филиппъ III по внушенію Лермы выказывалъ привѣтливость къ вельможамъ. Этого было имъ достаточно; ихъ честолюбіе удовлетворялось пустыми почестями. Вся національная жизнь сосредоточилась въ королевскомъ дворцѣ; тамъ всякое движеніе было опредѣлено точными правилами этикета; государственное управленіе производилось отъ имени короля бюрократическимъ механизмомъ подъ надзоромъ Лермы и его креатуръ.

Такимъ образомъ при испанскомъ дворѣ выработался тотъ величавый этикетъ, которому дивились и стали подражать всѣ другіе европейскіе дворы. Обстановка королевской жизни была ослѣпительна; но блескъ ея прикрывалъ совершенный упадокъ народнаго благосостоянія подъ гнетомъ убійственной системы самовласти, доведенной Филиппомъ II до крайняго развитія; число его придворныхъ, имѣвшихъ громкіе титулы, постоянно росло; умственная жизнь націи изнемогала подъ давленіемъ свѣтскаго и церковнаго деспотизма и вмѣстѣ съ ней ослабѣвала вся національная дѣятельность. Испанія бѣднѣла, въ ней развивалось бродяжничество и нищенство. Земледѣліе,

промышленность, торговля падали; испанскіе ремесленники были вытѣсняемы иноземными. Называя себя владѣтелями восточной и западной Индій, собирая дань съ Италіи, испанцы становились націею бѣдняковъ; епископы и каноники кафедральныхъ храмовъ получали колоссальныя доходы, богатства монастырей постоянно росли; состояніе герцога Лермы оцѣнивалось въ 40.000.000 дукатовъ. Онъ имѣлъ столько серебряной посуды, что на перевозку ея надобно было 70 воевъ; кліенты его обогащались продажею должностей, взяточничествомъ, расхищеніемъ казны, а среднее и низшее сословія были раззорены, утратили надежду на улучшеніе своихъ дѣлъ; алькавала была увеличена, страна наполнилась нищими; флотъ оставался безъ ремонта, безъ матросовъ; войско, не получая жалованья, утрачивало усердіе къ службѣ, буйствовало. Подъ названіемъ кортесовъ были созываемы только депутаты нѣкоторыхъ городовъ, находившіеся въ полной зависимости отъ правительства, и собраніе ихъ служило только механизмомъ для установленія налоговъ по приказанію Лермы.

Счастьемъ было, что при такомъ разстройствѣ государственныхъ силъ Лерма держался миролюбивой политики. Наперекоръ желанію духовенства онъ прекратилъ войну съ еретической Англіей и заключилъ перемиріе на много лѣтъ съ нидерландцами, признавъ ихъ независимость. Онъ вступилъ въ переговоры и съ французскимъ правительствомъ, устроилъ два бракосочетанія между испанской и французской династіями; сближеніемъ съ Франціей испанская политика отдѣлилась отъ австрійской; графъ Кевенгюллеръ, императорскій посолъ при мадридскомъ дворѣ, утратилъ вліяніе, какимъ долго пользовался.

Но устраненный миролюбіемъ Лермы отъ вліянія на виѣшнюю политику, фанатизмъ испанскаго духовенства тѣмъ успѣшнѣе обратился на внутреннія дѣла: онъ нанесъ Испаніи тяжелое бѣдствіе безпощаднымъ преслѣдованіемъ морисковъ. Это дѣло возбуждено архіепископомъ валенсійскимъ, одобрено архіепископомъ толедскимъ, дядею Лермы, и если даже предположить, что самъ Лерма въ душѣ не одобрялъ его, то не могъ бы противиться дѣлу, которому сочувствовалъ король и котораго требовали все духовенство, вся масса народа, ослѣпленная племенной ненавистью къ людямъ мавританскаго происхожденія. Филиппъ III былъ воспитанъ монахами въ духѣ безпощаднаго фанатизма, котораго держался его отецъ, незадолго передъ смертью внушавшій сыну, что охраненіе истинной вѣры первая обязанность государя и что онъ долженъ поступать по примѣру своихъ предковъ, бывшихъ опорами римской церкви. Филиппъ III остался вѣренъ правиламъ своего воспитанія: никогда не пропускалъ ни одной религіозной обязанности безъ исполненія, никогда не лѣнился ходить къ литургіи, очень часто исповѣдывался, неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ ауто-да-фе; говорятъ, что на одномъ изъ этихъ инквизи-

ціонныхъ торжествъ онъ, почувствовавъ состраданіе къ осужденнымъ, ужаснулся этого чувства, показавшагося ему внушеніемъ діавола, велѣлъ тотчасъ же пустить себѣ кровь и отдалъ чашу съ ней слу- жителямъ инквизиціи, чтобъ они сожгли ее въ искупленіе его грѣ- ховнаго чувства. Такой государь не могъ пощадить морисковъ. Ис- торія ихъ страданій закончилась при немъ. Отецъ его преслѣдовалъ морисковъ съ безчеловѣчной жестокостью: бичи палачей и галеры ожидали каждого, говорящаго по арабски, моющагося въ банѣ по арабскому обычаю, танцующаго замвру, играющаго на мавританскомъ музыкальномъ инструментѣ, поющаго мавританскую пѣсню. Подсте- регаемые на каждомъ шагу шпіонами инквизиціи, мориски принуж- дены были исполнять требованія католической церкви, ходили къ ли- тургії, причащались, крестили дѣтей; но въ душѣ оставались вѣрны религіи и обычаямъ предковъ, старались по возможности уклоняться отъ исполненія ненавистныхъ имъ католическихъ обрядовъ. Мона- хамъ казалось, что мориски часто говорятъ на исповѣди насмѣшли- во; жены морисковъ скрывали новорожденныхъ, надѣясь избавить ихъ отъ крещенія; въ предсмертныя минуты, когда исчезаетъ страхъ земныхъ наказаній, многіе мориски произносили мусульманскія мо- литвы. Папа требовалъ, чтобъ испанское духовенство строило шко- лы, назначало миссіонеровъ для внушенія христіанскихъ вѣрованій морискамъ. Но содержать эти школы, этихъ миссіонеровъ духовен- ство должно было на свой счетъ; оно тяготилось расходами на дѣло, безуспѣшность котораго выказывалась все очевиднѣй.

Подать съ духовенства на содержаніе школъ и миссіонеровъ для морисковъ была причиной того, что скупой и жадный архіепископъ валенсійскій Хуанъ Ривера подалъ королю записку, совѣтовавшую изгнать изъ Испаніи всѣхъ морисковъ за исключеніемъ сильныхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ съ выгодой можно обратить въ раб- ство и сдѣлать гребцами на галерахъ или работниками въ рудни- кахъ, и дѣтей ниже семилѣтняго возраста, которыхъ можно отдать на воспитаніе благочестивымъ христіанамъ. Объясняя, какой великой заслугой передъ церковью будетъ такое распоряженіе короля, архі- епископъ валенсійскій указывалъ и на то, что казна получитъ очень большую выгоду отъ конфискаціи имущества изгоняемыхъ морисковъ, между которыми много зажиточныхъ людей. Узнавъ о проектѣ, пред- ставленномъ Риверою королю, мориски ужаснулись и въ отчаяніи стали, кажется, думать о сопротивленіи при помощи иноземцевъ. Го- ворятъ, что въ 1604 валенсійскіе мориски вступили черезъ беарн- скаго намѣстника въ сношенія съ Генрихомъ IV, просили его при- слать имъ пушекъ, ружей, хорошихъ генераловъ, обѣщая всѣми си- лами помогать ему въ войнѣ съ испанцами и ввести его войска въ нѣкоторыя испанскія крѣпости. Говорятъ, что такія же предложенія дѣлали они королю англійскому. Очень возможно, что это правда;

отчаяніе быть можетъ доводило морисковъ до желанія иностранной помощи; но если они вели переговоры съ Генрихомъ IV, задумававшимъ войну съ Габсбургской династіей, то дѣло не пошло дальше напрасныхъ просьбъ и пустыхъ обѣщаній. А король англійскій Іаковъ I, горячо желавшій женить своего сына на испанской принцессѣ, не захотѣлъ бы ни въ какомъ случаѣ помогать морискамъ. По подозрѣнію въ заговорѣ стали хватать морисковъ, подвергать пыткамъ и вынудили у нихъ показанія, что дѣйствительно существуетъ у нихъ намѣреніе взяться за оружіе, выбрать своего особаго царя или даже что царь уже выбранъ. Мудрено сказать, было ли сколько нибудь правды въ этихъ показаніяхъ о заговорѣ, о сношеніяхъ съ королями французскимъ и англійскимъ; но архіепископу валенсійскому и его сообщникамъ было достаточно вымученныхъ ими самообвиненій. Они стали доказывать, что необходимо для безопасности государства изгнать морисковъ. Ихъ мнѣніе было наконецъ одобрено королемъ. Въ государственномъ совѣтѣ, къ совѣщаніямъ котораго объ этомъ дѣлѣ были приглашены вельможи, имѣвшіе морисковъ арендаторами своихъ земель, многіе возражали противъ безчеловѣчнаго проекта Риверы; всѣ валенсійскіе гранды и дворяне умоляли короля пощадить трудолюбивыхъ бережливыхъ подданныхъ, безъ которыхъ совершенно упадетъ земледѣліе и промышленность королевства валенсійскаго; они говорили, что если проповѣдывать морискамъ христіанство кроткимъ способомъ, то оно будетъ принято ими искренно, и называли обвиненія въ заговорѣ клеветой. Но фанатизмъ и наслѣдственная ненависть къ потомкамъ мавровъ восторжествовали надъ всѣми протестами и просьбами.

Правительство рѣшило очистить святую апостольскую державу Испанію отъ оскверненія присутствіемъ невѣрныхъ; оставалось только опредѣлить, какимъ способомъ произвести это. Землевладѣльцы, предвидѣвшіе громаднѣйшій убытокъ себѣ отъ потери трудолюбивѣйшихъ своихъ арендаторовъ и лучшихъ ремесленниковъ, объясняли королю громадность потерь, какія понесутъ нація и казна отъ изгнанія морисковъ, говорили, что несчастные доведенные до отчаянія возьмутся за оружіе, и междоусобіе опустошитъ тѣ области, въ которыхъ живутъ мориски, что они уйдутъ въ Африку, съ желаніемъ мстить своимъ гонителямъ, что поэтому число африканскихъ корсаровъ увеличится тысячами и тысячами ожесточенныхъ людей, что испанское приморье будетъ раззоряемо ими. Римская курія, издавна бравшая взятки съ морисковъ и потому всегда совѣтовавшая испанскому правительству поступать съ ними кротко, была и теперь подкуплена ими, говорила, что должно внушать имъ христіанскія вѣрованія кроткой проповѣдью. Но доминиканецъ Вледа (Bleda), посланный королемъ въ Римъ, убѣдилъ своими фанатическими рѣчами Павла V и римскую курію одобрить

намѣренія испанскаго правительства. Королева Маргарета и прелаты желали, чтобъ Испанія была очищена отъ невѣрныхъ вся разомъ; но правительство нашло надобнымъ приводить дѣло въ исполненіе постепенно. Оно само понимало опасность принятаго имъ рѣшенія. Это мы видимъ изъ того, что король и королева давали обѣты Богоматери и апостолу Іакову, покровителю Испаніи, прося ихъ умолиť Бога, чтобъ онъ удержалъ морисковъ отъ вооруженнаго сопротивленія изгнанію. Маргарета обѣщала построить монастырь въ честь царицы небесной, Филиппъ—монастырь въ честь Іакова. До самаго обнародованія эдикта объ изгнаніи были дѣлаемы попытки отклонить правительство отъ рѣшенія гибельнаго для Испаніи. Валенсійское дворянство, не слушая запрещеній и угрозъ вице-короля, составило рѣзкій протестъ противъ ожидаемаго эдикта, а мориски предлагали дать въ казну большія суммы за дозволеніе оставаться на родинѣ.

Все было напрасно: 22 сентября 1609 г. герольды поѣхали по улицамъ Валенсіи провозглашать «милостивый эдиктъ короля». Въ немъ говорилось: мориски, какъ еретики и отступники, какъ измѣнники и оскорбители божественнаго и земнаго величества, всѣ должны были бы подвергнуться лишенію жизни; но милосердіе короля замѣнило для нихъ смертную казнь изгнаніемъ изъ государства на вѣчныя времена, изъ ихъ имущества остается имъ то, что могутъ они унести на себѣ; все прочее отдается владѣтелямъ земель, на которыхъ они жили; на сборы къ переселенію дается имъ трехдневный срокъ. Корабли для перевозки ихъ за море уже стоятъ въ гаваняхъ. — Архіепископъ толедскій желалъ, чтобъ изгнаны были всѣ мориски. Но наперекоръ его мнѣнію были допущены исключенія въ пользу морисковъ, женатыхъ на испанскихъ, морискихъ женщинахъ, бывшихъ въ бракѣ съ испанцами и тѣхъ людей, которые получаютъ отъ мѣстнаго духовенства удостовѣреніе, что неизмѣнно были искренними христіанами. Кромѣ того каждому землевладѣльцу дозволялось оставить по его выбору шесть изъ каждахъ ста семействъ, чтобы не исчезло искусство воздѣлывать рисъ и сахарный тростникъ и орошать поля; было также дозволено тѣмъ родителямъ, которые пожелаютъ, оставить въ Испаніи своихъ дѣтей, имѣющихъ менѣе четырехъ лѣтъ отъ роду.

Ужасъ овладѣлъ несчастными. Убѣдившись, что «милостивый эдиктъ» не будетъ смягченъ, они предпочли изгнаніе ренегатству. «Никто не захотѣлъ остаться», говоритъ Рохау: «Даже люди безнадежно больные, близкіе къ смерти просили родныхъ взять ихъ съ собою, чтобъ имъ умереть не на землѣ рабства. Твердость души усилилась до радостнаго энтузіазма: мориски шли изъ родной земли съ веселой музыкой, цѣловали со слезами восторга прибрежный песокъ моря, которое унесетъ ихъ въ землю чужую, но свободную. Свобода начиналась для нихъ уже на испанскомъ берегу: дошедши до него, они сбросили съ

себя тяжелую маску лицемѣрія, которую должны были носить цѣлые сто лѣтъ, стали громко молиться Единому Богу по мусульманской религіи, благодарить его за день избавленія отъ страданій вынужденнаго притворства; настала возможность для ихъ аль-факи (аскетовъ, совершавшихъ богослуженіе), открыто исполнять свои обязанности, и католическая Испанія имѣла униженіе услышать единодушное исповѣданіе мусульманства людьми, которыхъ сто лѣтъ принуждала она всяческими коварствами и жестокостями забыть прежнюю вѣру. Это былъ день великаго торжества мусульманской вѣры надъ католической».

Валенсійскіе землевладѣльцы остались вѣрны своимъ благороднымъ чувствамъ, не захотѣли обогатиться имуществомъ уходящихъ арендаторовъ, имѣвшихъ свои участки въ потомственномъ пользованіи, дозволили имъ продать поля, дома, скотъ, хлѣбъ, проводили ихъ до гаваней, чтобы охранять отъ обидъ со стороны фанатизированной черни. Правительствомъ ужь были собраны галеры и торговые суда въ южныхъ гаваняхъ. Немедленно были увезены 150,000 валенсійскихъ морисковъ; изъ одного только герцогства гандійскаго, очень небольшого, эмигрировало въ Оранъ 28,000 трудолюбивѣйшихъ его жителей; печалившійся объ этомъ герцогъ самъ провожалъ своихъ бывшихъ подданныхъ, снабдилъ ихъ съѣстными припасами. Вице-король валенсійскій, раздраженный сочувствіемъ вельможъ къ изгоняемому, запретилъ покупать землю и движимое имущество у морисковъ, дозволилъ фанатизированной черни нападать на изгоняемыхъ, грабить, убивать ихъ; тѣ мориски, которые шли позади другихъ, стали обороняться отъ гнавшихся за ними грабителей; испанскія войска, поставленные по дорогѣ, напали на оборонявшихся отъ грабежа, изрубилъ ихъ. Воинственное населеніе хукарской долины не хотѣло уходить; оно было выгнано войсками.

Можно было знать напередъ, что судьбѣ, которая постигла валенсійскихъ морисковъ, будутъ подвергнуты и всѣ другіе. Это было ясно изъ письма короля къ валенсійскимъ кортесамъ. Филиппъ говорилъ въ немъ: «Для сохраненія моихъ королевствъ и для спасенія моихъ добрыхъ подданныхъ отъ ужасныхъ опасностей ереси и ренегатства тѣхъ безбожныхъ людей, которые презираютъ нашего Господа и Спасителя, я, въ упованіи на Бога и въ славу его рѣшилъ, что всѣ мориски должны быть изгнаны изъ Испаніи». Многіе мориски южныхъ областей спѣшили эмигрировать, чтобы сохранить деньги и движимое имущество, которое было бѣ отнято у нихъ, еслибъ они дождались распоряженія объ ихъ изгнаніи. Такимъ образомъ добровольно уѣхали изъ Андалузій въ Фезъ 20.000 морисковъ, не дожидаясь повелѣнія объ изгнаніи. Вскорѣ король велѣлъ изгнать мурсійскихъ и андалузскихъ морисковъ. Правила, установленныя для нихъ, были еще

суровѣ валенсійскихъ. Это повелѣніе было обнародовано 9 декабря 1609 г.

Въ началѣ слѣдующаго года дѣйствіе «милостиваго эдикта» было распространено на Каталонію и Арагонію. Вице-король арагонскій маркизъ Айтона сгонялъ морисковъ въ толпы по 6 и 7 тысячъ человекъ, велѣлъ гнать ихъ за Пиренеи и оставлялъ по дорогамъ отряды войска, не пускавшіе ихъ возвратиться. Правитель французской Наварры и Беарна герцогъ Де ла Форсъ, имѣвшій сношенія съ морисками, просилъ у своего короля разрѣшенія быть милостивымъ къ нимъ, говорилъ, что не хорошо было бы оставлять въ бѣдственномъ положеніи безоружныхъ людей или доводить ихъ до отчаянія притѣсненіями. Они просили, чтобъ имъ было дозволено поселиться въ безлюдныхъ песчаныхъ частяхъ Гаскони. Французское правительство занялось вопросомъ, не слѣдуетъ ли согласиться на ихъ просьбу. Но они отвѣчали отказомъ на его требованіе, чтобъ они обѣщались исполнять обряды католической церкви, потому велѣно было отводить ихъ мелкими частями въ гавани Прованса и отправлять въ Африку. Они израсходовали на подарки французскимъ чиновникамъ и на плату за провозъ то, что уцѣлѣло у нихъ отъ испанскаго грабительства.

Такимъ же образомъ были изгнаны кастильскіе и эстремадурскіе мориски; а въ слѣдующемъ (1611) году были изгнаны тѣ валентійскіе мориски, которымъ прежнее распоряженіе дозволяло остаться на родинѣ, въ томъ числѣ и маленькія дѣти, оставленные родителями.—«Благодареніе Богу!» воскликнулъ король, когда ему было доложено, что теперь всѣ мориски изгнаны; онъ отпраздновалъ благополучное исполненіе своего прекраснаго дѣла великолѣпной церковной процессіей и установилъ на вѣчныя времена ежегодный церковный праздникъ въ память очищенія государства отъ невѣрныхъ.

Безчеловѣчное и безумное изгнаніе морисковъ ускорило упадокъ благосостоянія Испаніи. Число изгнанныхъ простиралось до 800.000 человекъ; ихъ земли были превосходно воздѣланы, а теперь обратились въ пустыни; сами они изъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ сдѣлались безпріютными скитальцами, принуждены были вести кочевую жизнь или, сдѣлавшись корсарами, мстили своимъ мучителямъ. Судьба ихъ въ Африкѣ была бѣдственна: испанцы изгнали ихъ, какъ тайныхъ приверженцевъ ислама, африканцы притѣсняли ихъ, какъ тайныхъ приверженцевъ христіанства. По ихъ изгнаніи запустѣли поля южной и западной Испаніи, бывшія при нихъ роскошными нивами и садами, упала промышленность, богатые селенія обратились въ развалины, города утратили большую часть населенія. Королевство валенсійское, бывшее житницей цѣлой Испаніи, стало терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ для собственнаго продовольствія, подверглось голоду; многіе изъ вельможескихъ фамилій Валенсіи обнищали. Исчезли съ рынковъ знаменитыя мурсійскія сукна, альмерійскія и гранадскія шелковыя ткани, кордовскія кожаныя издѣлія, валенсійскіе фрукты. Каналы, орошавшіе рисовыя поля, плантаціи хлопчатника и сахарнаго тростника, оставались безъ поправки, были затянуты иломъ; вода въ нихъ изсякла. Черезъ восемь лѣтъ

по изгнаніи морисковъ кастильскій совѣтъ докладывалъ королю: „Нпкогда Испанія не была такой запустѣвшей, какъ нынѣ. Если не поможетъ Богъ, то государство погибнетъ. Повсюду видны развалины жилищъ и никто не строитъ новыхъ; города и селенія стали пустынными“. Гибельные результаты изгнанія морисковъ ослабили Испанію на цѣлыя столѣтія.

Расходы казны на перевозку морисковъ за море были громадны и совершенно истощили ее. Выгоду отъ продажи и конфискаціи имущества морисковъ и отъ грабежа ихъ на пути къ гаванямъ получили только Лерма, его фавориты, чиновники и солдаты: они дѣйствительно обогатились. Но казна была истощена расходами на это дѣло и безумной расточительностью двора; государственные доходы уменьшились до такой степени, что король принужденъ былъ просить у духовенства и дворянства пособія на содержаніе своего двора. Лерма хотѣлъ вывести казну изъ затрудненія обмѣномъ прежней мѣдной монеты на новую, имѣвшую въ два раза меньше вѣса. Результатомъ этого было, что за границей стали чеканить такую же монету, платили ею за испанскіе товары и вымѣнивали на нее серебряную испанскую монету.

Къ прежнимъ своимъ титуламъ Лерма наконецъ присоединилъ вышешенный у папы санъ кардинала. Но вскорѣ послѣ того палъ. Новый королевскій духовникъ Алліага сталъ интриговать противъ него, помогать іезуитамъ и фанатичнымъ прелатамъ, сердившимся на него за прекращеніе войны съ еретиками англичанами, еретиками и мятежниками нидерландцами, сталъ внушать королю, что Лерма ввелъ его примиреніемъ съ еретиками въ грѣхъ передъ Богомъ. Подъ управленіемъ Лермы испанская линія Габсбургской династіи перестала дѣйствовать за одно съ австрійской линіей. Испанія помирилась съ Франціей, Англіей, Нидерландами; клерикальная камарилья хотѣла возстановить прежнее единодушіе испанскихъ Габсбурговъ съ австрійскими, возобновить политику Филиппа II. Ссоры католиковъ съ протестантами въ Германіи, предшествовавшія тридцатилѣтней войнѣ, служили для испанскихъ фанатиковъ предлогами доказывать королю, что необходимо вступить въ союзъ съ императоромъ. Въ случаѣ побѣды императора надъ нѣмецкими протестантами Испанія могла сдѣлать завоеванія на Рейнѣ, надѣяться на покореніе Нидерландовъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ, рассчитывавшій сдѣлаться и вскорѣ послѣ того дѣйствительно сдѣлавшійся императоромъ, обѣщалъ уступить королю испанскому австрійскія владѣнія на Рейнѣ. Камарилья, говорившая королю о расширеніи испанскихъ владѣній при содѣйствіи австрійскихъ Габсбурговъ, низвергла Лерму, державшагося миролюбивой политики. Королю тяжело было разстаться съ своимъ любимцемъ; но въ 1618 году камарилья одолѣла, и послѣ двухъ безуспѣшныхъ объясненій съ королемъ Лерма удалился отъ двора въ свои богатые имѣнья.

Филиппъ III сохранилъ расположеніе къ своему любимцу, оказывалъ ему знаки благосклонности, передалъ его должности сыну его, герцогу Уседѣ, и кажется, утратилъ прежнее спокойствіе души, раз-

ставшись съ нимъ. Говорятъ, что во время предсмертной болѣзни Филиппъ мучился совѣстью, припоминая бѣдствія, какимъ подвергъ свой народъ; умирая, онъ отчаявался въ полученіи прощенія отъ Бога и печально говорилъ: «Еслибъ я не былъ государемъ! О, еслибъ я родился простолюдиномъ или былъ монастырскимъ слугою, незаботящимся ни о чемъ, кромѣ своей обязанности привратника! О, еслибы приведены были къ моей постели всѣ короли, чтобъ увидѣть мою горестъ и понять, въ какомъ обольщеніи живутъ они!» Онъ послалъ за Лермой; но когда прежній любимецъ пріѣхалъ, то нашелъ короля уже умершимъ. Филиппъ III умеръ 31 марта 1621, принявъ передъ кончиной постриженіе въ монахи францисканскаго ордена. Ему наследовалъ 16 лѣтній сынъ Филиппъ IV. Фаворитъ новаго короля герцогъ Оливаресъ сталъ владычествовать надъ нимъ, какъ герцогъ Лерма владычествовалъ надъ его отцомъ, отъ котораго наследовалъ онъ слабость характера, любовь къ пышности и строгому соблюденію этикета. Оливаресъ началъ свое правленіе тѣмъ, что удалилъ Уседу и предалъ суду Лерму. Говорятъ, что только кардинальскій санъ спасъ Лерму отъ казни; пенсія, данная ему прежнимъ королемъ, была отнята у него и онъ былъ присужденъ уплатить казнѣ большую сумму денегъ. Клієнтъ Лермы Родриго Кальдеронъ, графъ Олива, обвиняемый молвой въ отравленіи королевы Маргареты (умершей задолго до мужа 3 октября 1611), былъ казненъ.

Любовь Филиппа III и Филиппа IV къ блеску произвела хорошій результатъ только въ одномъ отношеніи; подъ ея вліяніемъ оживились искусство, литература и въ особенности театръ. Изъ элементовъ прежней драматической литературы въ Испаніи развилась въ XVI вѣкѣ подъ покровительствомъ двора художественная драма, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Филиппъ III содержалъ двѣ труппы актеровъ и платилъ имъ за каждый спектакль по 300 реаловъ. Въ 1611 году въ Испаніи было 13 труппъ актеровъ. Театръ былъ самымъ любимымъ развлеченіемъ Филиппа III, которымъ овладѣвала тоска, когда на время поста или по случаю траура спектакли прекращались. Еще больше любилъ театръ Филиппъ IV. Подъ покровительствомъ этого короля и его двора развился талантъ Кальдерона. Любовь къ спектаклямъ была общая у всѣхъ сословій. Дворъ доставлялъ Кальдерону матеріалы для многихъ изъ его пьесъ. Лерма и Оливаресъ одинаково покровительствовали поэтамъ. Сервантесъ пользовался благосклонностью Лермы и посвятилъ своего «Дона-Кихота» одному изъ придворныхъ.

II. ЦВѢТУЩІЙ ПЕРІОДЪ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ, ВЪ ОСОБЕННОСТИ ДРАМЫ.

1. Сервантесъ и Кеведо.

Вліяніе итальянскихъ искусства и литературы на испанскую поэзію было очень велико, но не измѣнило основного національнаго характера ея. Въ испанской лирикѣ пріобрѣли господство итальянскіе размеры и строфы, итальянская идилия и буколика съ своими древними богами и мифами; въ этомъ вкусѣ писали даже замѣчательнѣйшіе лирическіе поэты Испаніи; но національные элементы оставались сильны и въ лирикѣ. Появлялось много пѣсенъ старинной національной формы. Романы объ Амадисахъ, порожденные испанскимъ и португальскимъ рыцарскимъ фантазерствомъ, оставались любимымъ чтеніемъ. Въ драматической поэзіи національные элементы совершенно господствовали. Народный характеръ сохранялъ въ XVI вѣкѣ прежнія черты: любовь къ рыцарскимъ приключеніямъ, къ войнѣ, преданность католичеству, доходившую до такого фанатизма, что свирѣпости инквизиціи была предметомъ прославляющаго изображенія въ спектакляхъ, нравившихся публикѣ. Искусство и поэзія были проникнуты религіознымъ чувствомъ; гidalго считали высшей своей обязанностью преданность королю, любили войну, всегда готовы были биться на поединкахъ; волокитство ихъ имѣло романтическій характеръ,—они давали серенады своимъ милымъ. Множество людей вели бродячую жизнь. Народъ толпился на улицахъ и площадяхъ, фокусники, музыканты, пѣвцы забавляли его. Эти черты національнаго быта дали главный матеріалъ для произведеній величайшихъ поэтовъ Испаніи, Сервантеса, Лопе де Веги и Кальдерона, и только ихъ произведенія, имѣющія національный характеръ, пріобрѣли прочную любовь народа; произведенія, написанныя въ подраженіе итальянскимъ, имѣли эфемерную славу.

Мигель Сервантесъ де Сааведра родился въ началѣ октября 1547 въ Алькалѣ де Генаресѣ. Родители его были бѣдны, но дали ему хорошее воспитаніе; онъ учился сначала въ своемъ родномъ городѣ, потомъ въ Мадридѣ и Саламанкѣ, обратилъ на себя любознательностью и поэтическимъ талантомъ вниманіе учителей. Въ предисловіи къ «Путешествію на Парнасъ» онъ говоритъ: «Съ дѣтства я любилъ милое искусство прекрасной поэзіи». Бѣдность заставила его искать счастья за границей. Кардиналъ Аквавива, пріѣзжавшій по порученію папы въ Мадридъ, взялъ его въ свою службу. Онъ черезъ Каталонію и Провансъ поѣхалъ съ Аквавивою въ Римъ, оста-

Сервантесъ
1547—1616.

вался тамъ нѣсколько времени на службѣ Аквавивы, потомъ поступилъ въ испанское войско, которое предназначено было плыть изъ Италіи на войну съ турками. Онъ, какъ мы говорили, храбро сражался въ битвѣ при Лепанто, потерялъ тамъ лѣвую руку, о чемъ часто упоминаетъ съ гордостью въ своихъ произведеніяхъ. Въ своей новеллѣ «Персилесъ и Сигизмунда» онъ говоритъ, что лучшіе воины тѣ люди, которые переходятъ на поле битвы изъ области науки: кто изъ ученаго сталъ воиномъ, всегда былъ храбрымъ солдатомъ. До выздоровленія отъ раны Сервантесъ жилъ въ Мессинѣ, потомъ снова отправился подъ начальствомъ Маркантоніо Колонны на войну съ турками и находился при штурмѣ Наварина. Послѣ того служилъ онъ на испанской эскадрѣ, поплывшей подъ начальствомъ Дона-Хуана въ Тунисъ, потомъ оставался годъ въ одномъ изъ отрядовъ, стоявшихъ гарнизонами въ Сициліи и Неаполѣ. Въ 1575 онъ отправился въ Испанію съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Дона-Хуана королю. Но корабль, на которомъ плылъ онъ, былъ захваченъ корсарами и уведенъ въ Алжиръ. Тамъ Сервантесъ провелъ пять лѣтъ въ рабствѣ у суровыхъ господъ. Нѣсколько разъ онъ съ другими взятыми въ рабство испанцами пытался бѣжать, выказывалъ въ этихъ попыткахъ непоколебимое мужество и высокое благородство; но всѣ онѣ кончались неудачно и съ каждымъ разомъ положеніе Сервантеса становилось хуже; его заковывали въ цѣпи, водили на допросы; мусульманская чернь ругала и била его; съ допросовъ отводили его въ темницу. Воспоминанія объ испытанномъ въ годы военной службы и рабства довольно часто встрѣчаются въ произведеніяхъ Сервантеса. Въ «Персилесѣ и Сигизмундѣ» отражаются впечатлѣнія его странствованій по Испаніи, Португаліи, Италіи; въ «Донѣ Кихотѣ» эпизодъ, образуемый новеллой о плѣнникѣ, изображаетъ его жизнь въ рабствѣ. Мать Сервантеса, бывшая въ то время уже вдовой, пожертвовала своимъ небольшимъ имуществомъ, чтобы выкупить сына, и онъ (въ 1580 году) возвратился на родину. Товарищи его по рабству печалились, разставаясь съ нимъ, потому что онъ былъ совѣтникомъ и утѣшителемъ ихъ. Не имѣя ни денегъ, ни покровителей, онъ не нашелъ себѣ никакой другой возможности жить, кромѣ поступленія опять на военную службу. Онъ былъ въ испанскомъ войскѣ, пошедшемъ въ Лиссабонъ, участвовалъ потомъ въ экспедиціи, поплывшей покорить Азорскіе острова; у него навсегда осталась любовь къ Португаліи. Возвратившись въ Испанію, онъ избралъ главнымъ своимъ занятіемъ поэзію; онъ писалъ съ молодости, — писалъ даже въ алжирскихъ темницахъ, но только теперь литературная дѣятельность стала его профессіей. Подъ вліяніемъ Монтемайора и «Діаны» Хилы Поло онъ написалъ пастушескій романъ «Галатею» и посвятилъ этотъ «первый плодъ своего слабаго ума» сыну того Колонны, подъ начальствомъ котораго сражался на востокѣ. Это произведеніе богато воспомина-

ніями изъ жизни автора и вставками стихотвореній въ испанскомъ и въ итальянскомъ вкусахъ; но оно имѣло мало успѣха. Въ «Донѣ Кихотѣ», когда цирюльникъ читаетъ заглавіе этой книги, священникъ говоритъ: «Сервантесъ съ давнихъ лѣтъ былъ моимъ другомъ и я знаю, что онъ болѣе искусенъ переносить бѣды, чѣмъ писать стихи.» Романъ остался не конченъ; но къ жизни автора онъ имѣетъ близкое отношеніе. Подъ именемъ Галатеи изображена, какъ полагаютъ, дѣвушка, которую любилъ Сервантесъ и на которой вскорѣ послѣ того (въ 1584 году) женился. Она была изъ хорошей фамиліи, жившей въ Эскивиасѣ (близъ Мадрида) и неизмѣнно оставалась любящей женой. Но у нея не было никакого приданого, потому Сервантесъ и она терпѣли бѣдность. Онъ сталъ писать для театра, надѣясь получать черезъ это средства къ жизни; написалъ, какъ мы знаемъ отъ него, 20 или 30 пьесъ. Но лишь двѣ изъ нихъ дошли до насъ; не сохранилась даже и комедія «Заблудившаяся», которую онъ въ «Путешествіи на Парнассъ» называлъ лучшей своей драмой. Тѣ двѣ пьесы, которыя дошли до насъ, были найдены и напечатаны только ужъ черезъ двѣсти лѣтъ по его смерти. Одна изъ нихъ, «Жизнь въ Алжирѣ» (*El trato de Argel*), заимствована изъ личной судьбы автора; другая, изображающая гибель Нуманціи, проникнута патріотическимъ чувствомъ; въ обѣихъ есть хорошія патетическія сцены, но въ цѣломъ ни та, ни другая не имѣетъ художественнаго достоинства. Сервантесъ не могъ быть соперникомъ Лопе де Веги; угнетаемый бѣдностью онъ уѣхалъ въ Севилью, гдѣ получилъ должность съ маленькимъ жалованьемъ по финансовому вѣдомству. Онъ хлопоталъ о должности въ Америкѣ, но безуспѣшно. Онъ прожилъ въ Севильѣ десять лѣтъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній о немъ за эти годы. Вѣроятно, онъ по прежнему терпѣлъ нужду, потому что доходы по его должности провіантскаго комиссара индійскаго флота были скудны и невѣрны, а кромѣ себя и жены онъ долженъ былъ содержать сестру, которая отдала свою маленькую долю отцовскаго наслѣдства на его выкупъ изъ африканскаго рабства. Онъ написалъ въ это время нѣсколько сонетовъ и другихъ стихотвореній; быть можетъ также тогда были написаны имъ новеллы «Испанка въ Англіи» и «Ринконетъ и Кортадилья». Но если и такъ, все-таки онъ очень мало написалъ въ эти десять лѣтъ. За то по всей вѣроятности сдѣлалъ много наблюденій надъ характерами людей въ Севильѣ, центрѣ сношеній Испаніи съ Америкой; авантюристы съѣзжались туда изъ всей западной Европы и можно было наслушаться отъ нихъ о множествѣ всяческихъ приключеній. Тогда же Сервантесъ изучилъ андалузскіе нравы, описанія которыхъ встрѣчаются въ слѣдующихъ его произведеніяхъ. Жизнь съ веселыми гражданами Севильи, любившими шутки, вѣроятно содѣйствовала развитію шутливости въ его произведеніяхъ. Въ началѣ XVII

столѣтія мы находимъ Сервантеса поселившимся въ Вальядолидѣ, гдѣ была тогда резиденція двора. Кажется, онъ продолжалъ нуждаться. Источниками его доходовъ были дѣловыя порученія частныхъ людей и литературная работа. Однажды близъ его дома произошла ночью дуэль, въ которой одинъ изъ бывшихъ между собою придворныхъ былъ убитъ; Сервантесъ былъ допрашиваемъ на судѣ по этому дѣлу и нѣкоторое время провелъ подъ арестомъ, какъ подозрѣваемый въ какомъ-то соучастествѣ или утайкѣ своихъ свѣдѣній о ходѣ ссоры. Въ это время началъ онъ писать свой романъ, давшій безсмертіе его имени. Въ 1605 году была напечатана въ Мадридѣ первая часть «Дона Кихота» и такъ понравилась публикѣ, что въ томъ же году вышло нѣсколько новыхъ изданій ея въ Мадридѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Въ слѣдующія пять лѣтъ вышло еще 11 изданій и еще при жизни Сервантеса появились переводы на другіе западные языки. Но, не смотря на блестящій успѣхъ своего романа, Сервантесъ провелъ и послѣднія десять лѣтъ своей жизни въ бѣдности, хотя слава доставила ему покровительство графа Лемоса и архіепископа толедскаго. Лопе де Вега, бывшій тогда предметомъ восхищенія испанской публики, смотрѣлъ, какъ должно предполагать, съ презрѣніемъ на бѣдняка Сервантеса, хотя не церемонился дѣлать много заимствованій изъ его драматическихъ произведеній. Сервантесъ вѣроятно оскорблялся надменностью Лопе де Веги; но по своему добродушію и благородству никогда не высказывалъ неудовольствія на него. Лопе де Вега съ своей стороны остерегался говорить о немъ непочтительно. Когда они упоминаютъ одинъ о другомъ, то всегда выражаются любезно, хотя холодно. Въ 1613 году Сервантесъ издалъ свои «Поучительныя новеллы», содержаніе которыхъ, какъ онъ самъ говоритъ, заимствовано изъ его собственныхъ воспоминаній. Онѣ менѣе завлекательны, чѣмъ «Декамеронъ», но богаты прекрасными описаніями нравовъ и природы; по живости этихъ изображеній Сервантесъ выше всѣхъ испанскихъ писателей.

„Мадридская цыганка“, содержаніе которой послужило матеріаломъ для либретто знаменитой оперы Вебера *Preziosa*, съ очаровательной живостью изображаетъ бытъ и вельможъ и простонародья. Въ этой новеллѣ вставлено много пѣсенъ; „Великодушный любовникъ“ воспроизводитъ впечатлѣнія алжирскаго рабства Сервантеса; дѣйствіе этой новеллы перенесено на Кипръ; „Ринконетъ и Кортадилья“ рядъ картинъ изъ жизни бродячихъ людей въ южной Испаніи. Таково же содержаніе „Разговора двухъ собакъ“, новеллы, представляющей испанское сочетаніе мошенническихъ продѣлокъ съ усерднымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. „Испанка въ Англіи“—разсказъ объ испанской дѣвушкѣ, захваченной англичанами при взятіи и грабежѣ Кадикса адмираломъ Гоуардомъ и графомъ Эссексомъ. Эти новеллы точно такъ же, какъ „Ревнивый эстремадурецъ“, „Сила крови“, „Ложный бракъ“, „Люценціатъ Видріэра“ и всѣ другіе рассказы сборника Сервантеса превосходно изображаютъ народную жизнь въ Анда-

дузія. Они были первыми испанскими новеллами и до сихъ поръ остаются не имѣющими равныхъ себѣ въ испанской литературѣ.

Послѣ сборника новеллъ Сервантесъ издалъ «Путешествіе на Парнасъ», сатирическую поэму, написанную терцинами; ея содержаніе—оцѣнка произведеній современныхъ поэтовъ; Сервантесъ говоритъ о себѣ съ веселымъ юморомъ и судить о своихъ произведеніяхъ очень правильно. Меркурій, высказывающій сужденіе о немъ, справедливо упоминаетъ, что достоинство его драмъ и новеллъ не были достаточно оцѣнены публикой. Сервантесъ хотѣлъ доказать ей, что напрасно она осталась равнодушной къ прежнимъ его пьесамъ, пристрастившись исключительно къ Лопе-де-Вега; онъ издалъ теперь восемь новыхъ драмъ и восемь интермедій. Почти всѣ драмы имѣютъ по три дѣйствія (Jornadas), въ каждой множество дѣйствующихъ лицъ, въ числѣ ихъ непремѣнно находится шутъ или какой нибудь другой забавникъ. Особенно «Жизнь въ Алжирѣ», «Храбрый испанецъ», «Султанша», «Счастливый злодѣй» (раскаивающійся въ тѣхъ дурныхъ дѣлахъ), «Лабиринтъ любви», въ нихъ много увлекательныхъ сценъ. Интермедіи—маленькія веселыя пьесы, разыгрывавшіяся въ антрактахъ; лучшіе изъ нихъ: «Внимательный караульный» и «Ревнивый старикъ» (передѣлка новеллы «Ревнивый эстремадурецъ»), «Саламанкская пещера»; но и всѣ другія интермедіи очень веселы и вѣрны природѣ. При всѣхъ достоинствахъ своихъ пьесъ Сервантесъ не приобрѣлъ какъ драматургъ славу у современниковъ.

Въ предисловіи къ сборнику новеллъ Сервантесъ говоритъ, что издаетъ вторую часть «Дона Кихота»; но пока онъ писалъ ее, вышла книга, имѣвшая своимъ заглавіемъ Вторая часть Дона Кихота, рыцаря «ламанчскаго». Авторъ ея назвалъ себя Алонсо Фернандо де Авельянеда; это псевдонимъ. Въ книгѣ Авельянеды есть хорошія мѣста, но она далеко уступаетъ достоинствомъ роману Сервантеса. Въ предисловіи Авельянеда грубо издѣвается надъ Сервантесомъ, говоритъ съ пошлыми насмѣшками о старости и бѣдности его, смѣется даже надъ его ранами, полученными на войнѣ съ невѣрными. Появленіе книги Авельянеды заставило Сервантеса усердно заняться окончательной отдѣлкой второй части своего романа. Онъ издалъ ее въ 1615 году. Замѣчанія о книгѣ Авельянды, высказываемыя Санчо Пансей свидѣтельствуютъ, что Сервантесъ негодовалъ на эту поддѣлку. Написанная больнымъ старикомъ вторая часть «Дона Кихота» равняется свѣжестью и силой геніальнаго творчества первой. Старикъ, писавшій этотъ рассказъ, въ которомъ такъ много шутокъ и веселости, страдалъ отъ болѣзней и отъ нищеты, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти. Вскорѣ послѣ второй части «Дона Кихота», Сервантесъ кончилъ свой романъ «Страданія Персилеса и Сигизмунды». Въ посвященіи этой книги графу Лемосу Сервантесъ говоритъ, что

ожидаетъ скорого появленія смерти, а шутливое предисловіе кончаетъ словами: «Прощайте шутки, прощайте веселые друзья; чувствую, что умираю; и единственное мое желаніе то, чтобы счастливо свидѣться съ вами въ другой жизни». Черезъ четыре дня послѣ того, какъ написалъ эти слова, онъ умеръ, 23 апрѣля 1616, на 69 году жизни. По цифрѣ числа мѣсяца это кажется тѣмъ же днемъ, въ который умеръ Шекспиръ; но англичане еще держались тогда стараго стиля, а въ Испаніи былъ уже введенъ новый; въ XVII вѣкѣ разница стилей составляла 10 дней; и такъ, англійскій поэтъ умеръ десятью днями позднѣе испанскаго. «Страданія Персилеса и Сигизмунды» — рядъ приключеній, происходящихъ въ разныхъ странахъ и на морѣ; географія и исторія въ этомъ романѣ представляетъ смѣсь фантазіи съ истиной. Книга была издана уже по смерти автора (въ 1517 году).

„Страданія Персилеса и Сигизмунды“, говоритъ Розенкранцъ, „рядъ рассказовъ объ удивительныхъ приключеніяхъ этихъ лицъ. Персилесъ, второй сынъ короля исландскаго; Сигизмунда—единственная дочь и наслѣдница королевы фрисландской. Она была обручена съ братомъ Персилеса Максимомъ, человѣкомъ грубымъ. Онъ не могъ нравиться кроткой, благородной красавицѣ; она полюбила Персилеса, они убѣгаютъ, хотятъ отправиться въ Римъ, упрости папу, чтобъ онъ освободилъ Сигизмунду отъ обѣщанія, даннаго ею прежнему жениху. Персилесъ называетъ себя Періандромъ, Сигизмунда Авристелой, чтобы погоня не нашла ихъ по истиннымъ именамъ; они выдають себя за брата и сестру; ихъ истинныя имена и отношенія открываются читателю только въ концѣ книгъ. На пути въ Римъ они терпятъ всяческія бѣды, попадаютъ въ разныя земли; не разъ берутъ ихъ въ плѣнъ дикари и хотятъ сожрать; злодѣи пытаются убить или отравить или Персилеса или Сигизмунду. Они нѣсколько разъ терпятъ кораблекрушеніе, много разъ судьба разлучаетъ ихъ. Но похитители ссорятся между собой за обладаніе ими, дерутся и погибаютъ всѣ. Наконецъ они достигаютъ Рима, получаютъ отъ папы разрѣшеніе сочетаться бракомъ. Баснословная географія и фантастическая исторія, служащая обстановкой приключеній Персилеса и Сигизмунды, подавала поводъ упрекать Сервантеса въ томъ, что онъ написалъ книгу подобную романамъ объ Амадисахъ, надъ которыми самъ смѣялся. Но это несправедливо. Фантастическая обстановка въ его романѣ элементъ второстепенный; существенное содержаніе состоитъ въ изображеніи чувствъ человѣческаго сердца, оно правдиво.

Со времени появленія «Дона Кихота» прошло больше двухъ съ половиною столѣтій и до сихъ поръ онъ остается одной изъ любимѣйшихъ книгъ у всѣхъ цивилизованныхъ націй; едва ли есть другой романъ, получившій такую прочную и широкую популярность. Нравы съ того времени совершенно измѣнились, а «Донъ Кихотъ» все еще сохраняетъ интересъ живой современности. Это потому, что подъ формою шутки онъ содержитъ въ себѣ изображеніе вѣчныхъ увлеченій человѣческаго сердца и вѣчной мудрости. Чтобы понять

форму этой книги, мы должны припомнить, что рыцарскія идеи, давно умершія въ другихъ странахъ, еще сохраняли жизненность въ Испаніи временъ Сервантеса, что завоеванія въ Новомъ Свѣтѣ поддерживали въ испанцахъ склонность къ фантастическимъ стремленіямъ, что романы объ Амадисахъ еще оставались любимымъ чтеніемъ испанцевъ, что не только испанцы, но и другіе народы еще вѣрили сказкамъ объ Эльдорадо и объ источникѣ, дающемъ вѣчную юность. Романы объ Амадисахъ и другихъ герояхъ, сражающихся съ великанами и злыми волшебниками, пользовались такою любовью въ Испаніи, что Карль V и Филиппъ II считали надобнымъ запрещать эти книги, кастильскіе кортесы въ 1555 году постановили, что должны быть уничтожаемы «Амадисы» и подобныя имъ «лживыя книги, которыми занимаются юноши и дѣвушки, считая правдой рассказываемыя въ нихъ нелѣпости, такъ что говорятъ и пишутъ слогомъ этихъ книгъ». Нуженъ былъ «Донъ Кихоть», чтобы прекратилось это средневѣковое фантазерство. И дѣйствительно онъ прекратилъ его. Новыхъ романовъ во вкусѣ Амадисовъ уже не являлось послѣ него, прежніе еще перепечатывались, но и это скоро кончилось.

Донъ Кихоть, гidalго, начитавшійся рыцарскихъ романовъ и доведенный ими до умственного разстройства, рѣшается сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ, защищать угнетаемыхъ, наказывать угнетателей. Онъ живетъ въ фантастическомъ мірѣ и разбѣзжая на своемъ Росинантѣ по дѣйствительному міру, видитъ не дѣйствительные факты, а свои мечты. Несообразность его мыслей съ дѣйствительностью составляетъ основную идею романа; она даетъ удобопримѣнимость ко всѣмъ временамъ; правда, мечты Дона Кихота имѣютъ формы, принадлежащія только фантазерству испанцевъ XVI вѣка, но контрастъ фантазерства съ дѣйствительностью проходитъ черезъ всю жизнь цивилизованныхъ націй; правда, представитель прозаической дѣйствительности, оруженосецъ Дона Кихота Санчо Панса имѣетъ черты, принадлежащія только испанскому простолудину того вѣка, но существенное содержаніе его житейской мудрости одно и то же у всѣхъ націй во всѣ вѣка. Донъ Кихоть принимаетъ каждую гостиницу за вельможескій замокъ, бѣдныхъ дѣвушекъ легкаго поведенія за знатныхъ дѣвицъ, принуждаетъ встрѣчаемыхъ на дорогѣ купцовъ признавать несравненную красоту владычицы его сердца Дульсиныи Тобосской и навлекаетъ этимъ на себя побой; желая защищать угнетенныхъ, наказывать угнетателей, онъ освобождаетъ преступниковъ и за это подвергается преслѣдованію полиціи; онъ принимаетъ стада барановъ за непріятельскія войска, вѣтряныя мельницы за великановъ; это формы фантазерства, принадлежащія его вѣку, его странѣ; но подъ ними лежитъ общій элементъ несообразности идеальныхъ фантазій съ дѣйствительностью. У всѣхъ цивилизованныхъ націй во всѣ времена были теоретики, не понимавшіе реальныхъ отношеній, увлекавшіеся мыслями непонятными для массы ихъ согражданъ. Будучи пародіей на рыцарскіе романы, романъ Сервантеса имѣетъ съ тѣмъ вмѣстѣ значеніе болѣе широкое. Донъ Кихоть вначалѣ только смѣшонъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше оказывается онъ человекомъ достойнымъ грустнаго уваженія. Своими нелѣпыми поступками онъ возбуждаетъ смѣхъ, но ближе знакомясь съ нимъ, мы видимъ, что стремленія его благородны. Онъ добросовѣстно исполняетъ всѣ правила, кото-

рыхъ должны держаться странствующие рыцари, а правила эти сами по себѣ возвышенны; онъ совершенно чуждъ эгоистическихъ желаній, онъ хочетъ добра и справедливости. Его идеи превосходны; онъ говоритъ совершенно разсудительно, пока рѣчь не коснется странствующихъ рыцарей, тогда онъ говоритъ фантастическій вздоръ. Спутникъ Дона Кихота оруженосецъ его Санчо-Панса, испанскій поселянинъ, говоритъ испанскими пословицами и простонародными афоризмами, но подъ этими національными чертами также лежитъ общечеловѣческое значеніе: онъ представитель прозаической житейской разсудительности.

Основная идея Дона-Кихота—изображеніе противоположности идеализма съ дѣйствительностью. Въ рассказъ о нелѣпомъ фантазерствѣ героя вплетено множество разнообразныхъ, живыхъ, завлекательныхъ сценъ, маленькихъ рассказовъ, романсовъ, другихъ стихотвореній, то грустныхъ, то веселыхъ.

Приключенія Дона-Кихота служатъ для Сервантеса поводами изображать жизнь южнаго народа, идущую подъ открытымъ небомъ, рисовать идиллическія картины жизни въ лѣсу и на лугахъ. Сервантесъ выводитъ множество лицъ всѣхъ состояній; всѣ они обрисованы вѣрно дѣйствительности; надъ шутливостью рассказа владеетъ элегическое чувство, возбуждаемое тѣмъ, что дѣйствительность такъ далека отъ сходства съ идеальными мыслями, которыя въ примѣненіи къ ней оказываются сумасброднымъ фантазерствомъ. Увлечшійся своими мечтами до нелѣпыхъ поступковъ, Донъ-Кихотъ превосходно говоритъ объ обязанностяхъ человѣка, о томъ, каковы должны быть правила политики и администраціи, контрастъ его благородныхъ понятій съ нелѣпыми поступками составляетъ существенную завлекательность романа, служить источникомъ смѣха, въ которомъ веселость соединяется съ грустью. Донъ-Кихотъ говоритъ: «Странствующій рыцарь не можетъ не имѣть дамы, потому что для него также естественно быть влюбленнымъ, какъ для неба имѣть звѣзды. Нѣтъ ни одного рассказа, въ которомъ странствующій рыцарь не былъ бы влюбленъ; а если бы и былъ такой рыцарь, то его слѣдовало бы признать не истиннымъ рыцаремъ, а самозванцемъ, который не вошелъ въ замокъ рыцарства черезъ дверь, а прокрался въ него какъ воръ или разбойникъ черезъ окно». Соотвѣтственно этому правилу странствующаго рыцарства Донъ-Кихотъ воспламеняетъ себя идеальной любовью къ несравненной красавицѣ Дульсинеѣ Тобосской. Но Санчо-Панса находитъ, что эта несравненная Дульсинея грубая сельская дѣвушка, которая не хуже мужчины навьючиваетъ мѣшки съ хлѣбомъ на осла.

Прежде чѣмъ перейти къ драматической поэзіи, достигшей въ этотъ періодъ высшаго своего развитія, мы сдѣлаемъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности писателя, произведенія котораго представляютъ вѣрное отраженіе всѣхъ направленій испанской литературы.

Франсиско Гомесъ де Кеведо-и-Вильегасъ родился въ сѣверо-западной Испаніи, происходилъ изъ знатной фамиліи; отецъ его занималъ важную должность при Филиппѣ II, потому онъ выросъ въ придворномъ кругу; ему было дано прекрасное воспитаніе, и таланты его выказались очень рано. Имѣя еще только 15 лѣтъ, онъ получилъ ученую степень по богословскому факультету въ алькальскомъ университетѣ; любознательность увлекла его къ занятію другими отдѣлами наукъ; онъ изучилъ юриспруденцію, медицину, математику, многія другія науки, пріобрѣлъ очень обширную ученость, которая часто наполняла его произведенія съ такимъ излишествомъ, что дѣлала слогъ его темнымъ отъ множества намековъ на мысли и факты мало извѣстные. Вступившись за оскорбленную даму, онъ вышелъ на дуэль съ вельможей, убилъ своего противника и принужденъ былъ бѣжать. Герцогъ Оссунья, бывший тогда вице-королемъ сицилійскимъ и неаполитанскимъ, принялъ его благосклонно, давалъ ему важныя порученія; успѣшнымъ исполненіемъ ихъ онъ возвратилъ себѣ милость короля и долго занималъ высокія должности то въ Неаполѣ, то при мадридскомъ правительствѣ; но въ 1620 г., когда подвергся немилости покровитель его герцогъ Оссунья, онъ былъ безъ суда сосланъ въ свое имѣніе Торре де Хуанъ Авадъ; его держали тамъ три года подъ полицейскимъ надзоромъ. Эта несправедливость отняла у него охоту служить; онъ рѣшился посвятить себя исключительно наукѣ и литературѣ. Доживъ до 54 лѣтъ, онъ женился, но жена его вскорѣ умерла и онъ сталъ по прежнему вести одинокую жизнь. Однажды на столъ королю Филиппу IV былъ положенъ пасквиль; авторъ его остался неизвѣстенъ, но королю было внушено, что его написалъ Кеведо. По этому подозрѣнію Кеведо былъ арестованъ ночью и брошенъ въ темницу. Четыре года держали его тамъ въ сырой комнатѣ. Онъ считалъ виновникомъ этой жестокости герцога Оливареса и кажется не ошибался. Зная его негодованіе на Оливареса, молва приписывала ему два пасквиля, направленные противъ этого всемогущаго министра. Когда Оливаресъ умеръ, Кеведо былъ признанъ невиннымъ и освобожденъ, но его здоровье было сломлено, состояніе расхищено, такъ что ему пришлось жить поддержкой друзей. Больной старикъ провелъ послѣдніе годы въ горахъ родной области и умеръ тамъ въ 1645 г. — Множество его произведеній погибло въ рукописи, но и количество уцѣлѣвшихъ очень велико. Онъ писалъ ученыя книги по разнымъ отраслямъ знаній, между прочимъ по богословію и философіи, писалъ рассказы изъ простонароднаго быта, написалъ множество произведеній во всѣхъ видахъ поэзіи. Черезъ много лѣтъ по его смерти племянникъ издалъ собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Испанскій Парнасъ, раздѣленный на двѣ вершины, съ девятью кастильскими музами». (Въ тѣ времена вычурныя заглавія были въ модѣ). Тутъ есть лирическія стихотворенія всяческихъ

формъ, особенно много сонетовъ, кансонъ, одъ въ итальянскомъ вкусѣ, идиллій, элегій, рондо и еще больше сатиръ. Несправедливости, отъ какихъ пришлось страдать Кеведо, развили въ немъ склонность къ желчнымъ сужденіямъ о человѣческой жизни. Въ его сатирахъ видно изученіе Персія и Ювенала; рѣзкость ихъ производила бы болѣе сильное впечатлѣніе, еслибъ не была затемнена мало понятными намеками. Таковы его «Жалоба на господствующіе нравы кастильянцевъ» и «Опасности брака». Онъ очень много нападалъ на изысканность слога культуристовъ, какъ назывались подражатели Гонгоры и Марини. Очень много хорошихъ стихотвореній находится въ сборникѣ, который издалъ онъ въ 1631 году. Онъ называетъ авторомъ ихъ Франсиско де ла Торре. Историки испанской литературы спорили о томъ, дѣйствительно-ли былъ на свѣтѣ Франсиско де ла Торре или это псевдонимъ самого Кеведо. Но едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что имя «Де ла Торре» — псевдонимъ, составленный изъ названія того имѣнья, въ которое сосланъ былъ Кеведо. Въ годы ссылки и тюремнаго заключенія онъ писалъ очень много; кажется, этому времени принадлежатъ его переводы Эпиктета, Анакреона, Сенеки, его трактаты «О божественномъ провидѣніи», «Божественная политика и правленіе Христова» (изложеніе правилъ политики, основанныхъ на примѣрѣ Христа), «Жизненная борьба христіанина». — Наибольшую знаменитость приобрѣлъ Кеведо своими прозаическими рассказами сатирическаго направленія; извѣстнѣйшій изъ нихъ называется «Исторія и жизнь великаго плута Паоло Сеговійскаго»; это романъ во вкусѣ «Ласарильо Тормесскаго» и «Гусмана Альфарачскаго».

Великій Сеговійскій плутъ рассказываетъ самъ свою исторію. Онъ началъ свои продѣлки въ самыхъ низшихъ классахъ общества и мало по малу подымается до высокаго общественнаго положенія, благодаря ловкости и удачѣ; наконецъ снова теряетъ все. Произведенія Кеведо вообще представляютъ смѣсь плохого съ очень хорошимъ; такъ и въ его романѣ рядомъ съ превосходными мѣстами есть неудачныя, и легкій слогъ рассказа часто портится натянутыми оборотами, изысканной игрой словъ. Исторія Паоло Сеговійскаго — желчная сатира на нравы всѣхъ сословій. Романъ Кеведо былъ переведенъ на всѣ языки западной Европы и повсюду приобрѣлъ такую популярность, что уступалъ въ этомъ отношеніи только „Дону Кихоту“.

Очень большой знаменитостью пользовались также «Сны» Кеведо — рядъ желчныхъ сатиръ; особенно сильно порицаетъ Кеведо безсовѣстный произволъ полиціи, отъ которой пришлось ему такъ много страдать. Онъ писатель съ очень сильнымъ талантомъ, но часто впадаетъ въ грубость и безвкусіе. Онъ понималъ всѣ недостатки господствующей литературной моды, но не всегда умѣлъ оставаться свободенъ отъ нихъ. Сатиры его, какъ мы говорили, вообще желчны, но есть у него и нѣкоторыя добродушныя, веселыя.

Матео Алеманъ, авторъ знаменитаго романа „Гусманъ Альфарачскій“, былъ нѣсколькими годами старше Кеведо, родился въ Севильѣ, служилъ по финансовому вѣдомству, былъ обвиненъ въ утайкѣ казенныхъ денегъ, содержался нѣсколько времени подъ арестомъ, бросилъ государственную службу, переселился въ Мехику и тамъ написалъ свой романъ, въ которомъ какъ Мендоса въ „Ласарильо Тормесскомъ“ рассказываетъ плутовскія продѣлки бродяги, приключенія этого авантюриста служатъ рамкой для изображенія быта всѣхъ сословій. Первая часть романа, напечатанная въ Мадридѣ въ 1599 г., имѣла такой успѣхъ, что меньше, чѣмъ въ шесть лѣтъ было сдѣлано 26 изданій ея. Она была переведена на всѣ западныя языки. Успѣхъ ея побудилъ адвоката Хуана Марти издать подложное продолженіе романа. Скрывъ свое имя, этотъ плагиаторъ назвалъ себя псевдонимомъ Матео Луханъ де Саяведра. Черезъ два года (въ 1605) Алеманъ напечаталъ продолженіе исторіи Гусмана Альфарачскаго. Въ немъ онъ рѣзко нападаетъ на обманщика Саяведру. „Гусманъ Альфарачскій“ далеко уступаетъ живостью рассказа „Ласарильо Тормесскому“; недостатокъ оригинальности Алеманъ старается восполнить богатствомъ подробностей въ изображеніяхъ быта. Подчиняясь господствовавшему тогда ханжеству, Алеманъ вставилъ въ свой оскорбляющій нравственность рассказъ длинныя нравственныя разсужденія. (Лесаажъ въ своей французской передѣлкѣ романа сократилъ ихъ).

2. Лопе де Вега и его современники.

Жизнь Лопе де Веги была не похожа на бѣдственную судьбу Сервантеса, моложе котораго былъ онъ пятнадцатью годами. Правда дѣтство онъ провелъ въ бѣдности, но скоро приобрѣлъ благосостояніе. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, имѣвшаго свой фамильный замокъ Вегу въ долину Корріэдо (въ Старой Кастиліи). Родители его были очень не богаты; отецъ его жилъ въ Мадридѣ. Тамъ онъ родился 25 ноября 1562 г. Полное имя его было Лопе Фелись де Вега Карпіо. Талантъ его развился очень рано; будучи 12 лѣтнимъ мальчикомъ, онъ написалъ пасторальную драму. Сильное желаніе странствовать по свѣту, видѣть разнообразіе жизни, проявилось у него еще въ школѣ: онъ убѣжалъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, его поймали, привели назадъ. Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ тунисской экспедиціи. Бѣдность заставила его принять пріютъ, который предложилъ ему въ своемъ домѣ Херонимо Маприке, епископъ авильскій (сдѣлавшійся впоследствии великимъ инквизиторомъ). Благодаря денежному пособію этого прелата, онъ отправился учиться въ Алькалу, потомъ учился въ Саламанкѣ; онъ хотѣлъ поступить въ духовное званіе, но отбросилъ это намѣреніе, влюбившись. По окончаніи курса, онъ возвратился въ Мадридъ; тамъ завязалъ другую любовную интригу. Онъ написалъ

Лопе де Вега
1562—1635.

тогда рассказъ въ разговорной формѣ, содержащій въ себѣ, какъ полагають, многія черты его жизни; эта повелла называется «Доротея». Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ поступилъ въ службу къ дону Антонио де Толедо, герцогу Альбѣ (кажется, внуку знаменитаго полководца). По желанію своего покровителя онъ написалъ пасторальный романъ, «Аркадію». Эта книга написана прозой, въ которую вставлено по тогдашнему обычаю много стихотвореній (манеру перемѣшивать прозу со стихами ввели въ моду Монтемайоръ и Саннацаро; написалъ такой романъ и Сервантесъ, какъ мы видѣли). Содержание «Аркадіи» аллегорическое: подъ вымышленными именами въ ней изображаются дѣйствительныя лица и подъ формой вымысла рассказываются въ прикрашенномъ видѣ факты. Около того времени Лопе де Вега женился на донѣ Исальде Урбина, милой женщинѣ, довольно знатной фамиліи; онъ воспѣвалъ ее въ прекрасныхъ романахъ подъ именемъ Велисы (Belisa). Но его спокойная семейная жизнь была непродолжительна. Написавъ сатиру на клеветника, Лопе де Вега имѣлъ дуэль съ нимъ, нанесъ ему смертельную рану, былъ за это посаженъ въ темницу. При содѣйствіи своего друга Клавдіо Конде онъ бѣжалъ въ Валенсію и долженъ былъ долго оставаться тамъ, какъ будто въ ссылкѣ. Онъ очень тяготился этимъ, но жизнь въ Валенсіи была благопріятна развитію его таланта, потому что Валенсія имѣла хорошихъ драматурговъ. Тамъ была академія поэзи, знаменитѣйшимъ членомъ которой былъ Гильенъ де Кастро, прославившійся драмами, заимствованными изъ народныхъ преданій. Одна изъ этихъ драмъ была «Сидъ». Кромѣ Гильена де Кастро валенсійская академія имѣла и другихъ хорошихъ поэтовъ; изъ нихъ очень извѣстны были Таррега, Акиваръ, Артиэга. Возвратившись черезъ нѣсколько лѣтъ въ Мадридъ, Лопе де Вега нашелъ свою жену умирающей. Онъ написалъ въ славу ея памяти эклогу, посвященную герцогу Альбѣ; но скоро влюбился въ другую красавицу; любовь его была отвергнута ею. Для развлеченія отъ этой печали онъ снова поступилъ въ военную службу, отправился съ своимъ другомъ Конде въ Лиссабонъ, гдѣ снаряжалась Великая Армада. Одинъ изъ его братьевъ, также служившихъ на этомъ флотѣ, былъ смертельно раненъ въ сраженіи съ голландцами и умеръ на его рукахъ. Во время этой экспедиціи Лопе де Вега написалъ большую часть своей поэмы «Красота Ангелики». По возвращеніи въ Испанію онъ дописалъ эту поэму, въ которой очень удачно подражалъ Аріосто. Она была напечатана въ 1602 году. Наши свѣдѣнія о его жизни, по возвращеніи изъ неудачной экспедиціи Великой Армады, отрывочны и разнорѣчивы. Кажется, онъ провелъ нѣсколько времени въ Кадиксѣ и въ Толедо, путешествовалъ по Италіи, но въ Римѣ не былъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ мы видимъ его секретаремъ маркиза Мальрики (Malrica), потомъ въ службѣ графа Лемоса, (который былъ покровите-

лемъ Сервантеса и впослѣдствіи, будучи вице-королемъ неаполитанскимъ, покровительствовалъ Архенсолъ, подражателю Горація, и его брату, писавшему тоже во вкусъ Горація). Находясь на службѣ Лемоса, Лопе де Вега женился на знатной дамѣ. Имя этой второй жены его было Хуана де Гуардіа. Съ того времени жизнь его шла спокойно. Онъ рѣдко уѣзжалъ изъ Мадрида. Въ посланіи къ Поррасу онъ восторженно описываетъ свое семейное счастье. У него родился сынъ Карлосъ, но черезъ семь лѣтъ умеръ; отецъ былъ очень опечаленъ смертью сына и съ глубокимъ чувствомъ описалъ въ одной изъ своихъ одъ борьбу между отцовской любовью и христіанской преданностью волѣ Божіей (кромѣ Карлоса былъ у Лопе де Веги другой сынъ, погибшій въ молодости при кораблекрушеніи). Вскорѣ по смерти Карлоса, Лопе де Вега подвергся еще болѣе тяжелому удару: жена его умерла, родивъ дочь (впослѣдствіи эта дочь, Фелисіана вышла за дона Луиса де Усатеги). Потерявъ вторую жену, Лопе де Вега сталъ жить съ Марією де Луханъ; отъ этой связи была у него дочь Марсела, поступившая въ монахини. Въ старости Лопе де Вега сталъ религіознымъ человѣкомъ, какимъ былъ его отецъ. Онъ занимался дѣлами благотворительности, посѣщалъ больницы, каждый день ходилъ къ литургіи, участвовалъ во всѣхъ религіозныхъ процессіяхъ и наконецъ въ 1609 году былъ рукоположенъ въ священническій санъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ поступилъ во францисканскій орденъ и былъ причисленъ къ такъ называемымъ помощникамъ инквизиціи (*familiar del Santo*), но это вовсе не значить, что онъ отказался отъ поэтической дѣятельности: духовное званіе считалось тогда въ Испаніи самымъ лучшимъ для людей, желающихъ спокойно заниматься литературой и науками. Тѣ годы, которые прожилъ Лопе де Вега въ монашествѣ, были періодомъ самой неутомимой литературной дѣятельности его. Онъ пересмотрѣлъ, поправилъ прежнія свои произведенія, написалъ много новыхъ. Онъ работалъ чрезвычайно легко и быстро, и количество его произведеній громадно. Въ эклогѣ, посвященной Клавдію, онъ говорилъ, что больше ста разъ ему случалось въ одни сутки написать и отдать на сцену піэсу. «Не происходило ни одного важнаго событія, по поводу котораго не написалъ бы онъ оду», говоритъ его біографъ Монтальванъ, «онъ писалъ эпиграммы для каждой свадьбы, поздравительную пѣсню при каждомъ рожденіи; элегію при каждой смерти въ вельможескомъ кругу, писалъ гимны каждому святому, день котораго праздновался въ Испаніи. При всякой побѣдѣ, при всякомъ другомъ общественномъ торжествѣ являлась ода его; во всякомъ литературномъ состязаніи онъ былъ или сопоскателемъ или судьей.» Плодовитость Лопе де Веги вошла въ пословицу; говорятъ, что его литературныя произведенія составляли 133.225 листовъ; его лирическія и эпическія стихотворенія составляютъ 20 томовъ. Онъ слагалъ стихи

такъ легко, что писецъ не успѣвалъ записывать ихъ подѣ его диктовку. (Испанцы по примѣру мавровъ приучали себя импровизировать стихи, это дѣло довольно легкое по характеру испанскаго языка). Мы не будемъ перечислять лирическія и эпическія произведенія Лопе де Веги, не будемъ перечислять и драмъ его, ограничимся краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ изъ нихъ, руководясь трудами Тикиора и Шака.—Постоянно занимаясь поэзіей, Лопе де Вега усердно исполнялъ и обязанности своего духовнаго званія. Въ старости настроеніе души его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе; подѣ конецъ жизни онъ писалъ почти исключительно религіозныя произведенія. Говорятъ, что однажды онъ былъ распорядителемъ на ауто-да-фе (осужденный на сожженіе за ересь былъ, какъ говорятъ, францисканскій монахъ). Въ началѣ августа 1635 Лопе де Вега чувствовалъ себя очень ослабѣвшимъ, но продолжалъ поститься, истязать себя бичеваніемъ; однажды, какъ говорятъ, онъ бичевалъ себя съ такой жестокостью, что стѣны комнаты были забрызганы кровью. Отъ этого самоистязанія онъ уже не оправился: въ слѣдующую ночь онъ занемогъ и 25 августа 1635 умеръ въ концѣ 73 года жизни, сожалея о томъ, что писалъ не одни только религіозныя произведенія. Это чувство выражалъ онъ и прежде; такъ на примѣръ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ: «Любознательность зевлекла меня въ продолжительное служеніе наукамъ и возвышеннымъ искусствамъ; но какой плодъ принесло мнѣ это? вмѣсто истины я находилъ вымыслы, вмѣсто свѣта туманъ; сердце мое оставалось пустымъ, бѣднымъ вѣрой и любовью. О тщета любознательности! Господи, дай мнѣ силу обратить взоръ на твой крестъ; на немъ я вижу высочайшую мудрость.» Лопе де Вега былъ любимцемъ всей націи, «фениксомъ Испаніи»; смерть его опечалила испанцевъ такъ, какъ едва ли печалились они о смерти королей.

Предметами своихъ произведеній Лопе де Вега любилъ брать темы религіознаго или патріотическаго содержанія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ тому: въ 1598 году король былъ боленъ; его исцѣленіе было приписано Исидору, покровителю Мадрида; Лопе де Вега по этому случаю написалъ эпопею „Исидоръ“. Черезъ двадцать лѣтъ этотъ подвижникъ былъ причисленъ къ лику святыхъ; на праздникахъ въ Мадридѣ въ славу новаго святого Лопе де Вега былъ судьей поэтическаго состязанія и были даны двѣ пьесы его на этихъ праздникахъ; кромѣ того онъ написалъ нѣсколько стихотвореній шутиваго характера для развлеченія народа отъ утомленія церковными церемоніями праздниковъ; эти стихотворенія были читаны толпѣ. „Красота Ангелики“—поэма, состоящая изъ 20 пѣсенъ, написана въ подражаніе „Сумасшедшему Роланду“ Аріосто. Лопе де Вега хотѣлъ превзойти Варагону де Сото, также написавшаго поэму въ подражаніе Аріосто. Эта эпопея Лопе де Веги не имѣла такого успѣха, какъ надѣялся онъ. И дѣйствительно она далеко не имѣетъ достоинствъ поэмы Аріосто. Неудачна была и попытка Лопе де Веги стать соперникомъ Тассо. Его эпопея „Завоеванный Іерусалимъ“ (Jerusalén conquistada) воспѣваетъ

не взятіе Іерусалима воинами перваго крестоваго похода, геройскіе подвиги Ричарда Львиное Сердце въ Палестинѣ. Но еще больше Ричарда прославляетъ она кастильскаго короля Альфонса VIII, который вовсе и не былъ въ Палестинѣ. Въ этой поэмѣ Лопе де Вега есть блестящія описанія, стихъ постоянно легокъ и прекрасенъ, но рассказъ многословенъ, единству поэмы вредитъ чрезмѣрное изобиліе эпизодовъ. Гонгора написалъ сонетъ, въ которомъ совѣтуетъ Лопе де Вега уничтожить эту поэму, „чтобъ Іерусалимъ, достаточно страдающій подъ игомъ турокъ, не подвергался бѣдствію быть предметомъ его пѣснопѣнія“. Насмѣшка была справедлива, Лопе де Вега очень сердился на нее и долго мстилъ Гонгорѣ и его подражателямъ рѣзкими сатирическими выходками. Другая поэма Лопе де Вега, „Драконтеа“, проникнута ненавистью испанца и католика къ еретической Англіи; ея заглавіе, значащее „Поэма о Драконѣ“, содержитъ въ себѣ злобный намекъ на англійскаго адмирала Дрека (Drake), отважныя нападенія котораго на Великую Армаду были главной причиной гибели этого флота. Поэма начинается молитвами прекрасной женщины, олицетворяющей собою христіанство; она молитъ Бога защитить Испанію, Италію и Америку отъ протестантскаго шотландскаго пирата. Драконъ погибаетъ, отравленный своими помощниками; поэма кончается праздникомъ въ Панамѣ по поводу его смерти и благодарственной молитвою прекрасной женщины, олицетворяющей христіанство; молитва прославляетъ Бога за то, что просьба христіанства услышана имъ и что побѣждена „кровавая вавилонская блудница“, то-есть Елизавета, королева Англійская. Въ томъ же фанатическомъ духѣ написана эпопея „Трагическая корона“; въ ней рассказывается страдальческая судьба мученицы Маріи Стюартъ, которую убила англійская „Іезавель“; поэма посвящена папѣ Урбану VIII; онъ наградилъ за нее автора титуломъ доктора богословія и саномъ рыцаря Іоаннитскаго ордена.—Комическая поэма „Готомакія“ („Война котовъ“), раздѣленная на шесть „лѣсовъ“ (то-есть пѣсень), описываетъ войну двухъ котовъ, влюбленныхъ въ одну кошку; рассказъ очень живъ и легокъ, потому поэма имѣла большой успѣхъ. „Пилигримъ въ отечествѣ“—прозаическій романъ, въ который вставлено много стихотвореній и нѣсколько драматическихъ пьесъ, рассказываетъ исторію любящей четы, подвергающейся множеству приключеній, разлукъ, плѣну и наконецъ соединяющейся въ Толедо.

Кромѣ эпическихъ поэмъ Лопе де Вега написалъ множество другихъ произведеній. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: „Виолеемскіе пастухи“, пасторальный романъ съ пѣснями, „Книга духовныхъ романсовъ“; собраніе духовныхъ пѣсень, многія изъ которыхъ еще поются народомъ; мифологическія поэмы „Филомена“ и „Андромеда“; „Аполлоновъ лавръ“, подражаніе „Путешествію на Парнасъ“ Сервантеса, поэма въ десяти лѣсахъ (пѣсняхъ); Лопе де Вега перечисляетъ болѣе 300 испанскихъ поэтовъ, являющихся на Геликонъ къ Аполлону просить себѣ лавроваго вѣнка; онъ написалъ нѣсколько новеллъ, далеко уступающихъ достоинствами новелламъ Сервантеса; очень много лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ вполне проявляется богатство его фантазіи; тѣ изъ нихъ, которыя написаны въ старомъ кастильскомъ вкусѣ, очень граціозны и далеко превосходятъ свѣжестю сонеты, кансоны и другія стихотворенія въ итальянскомъ тонѣ, написанныя въ угожденіе вкусу высшихъ сословій.

Но наиболѣе знаменитъ Лопе де Вега, какъ драматургъ. Число написанныхъ имъ комедій было больше 1.500; изъ нихъ напечатано больше 300. Сколько пьесъ, называвшихся Auto, Loa и Entremese,

написалъ онъ, мы не знаемъ съ точностью.—Въ 1609 онъ написалъ маленькую дидактическую поэму «О новомъ искусствѣ сочинять драмы», шутливымъ тономъ опровергающую упреки, какіе дѣлались ему за то, что онъ не слѣдуетъ правиламъ Аристотеля. Онъ говоритъ, что пишетъ такъ не по незнанію, а потому, что испанцамъ не нравятся драмы, написанныя по классическимъ правиламъ; онъ сообразуется съ волей публики; «цѣль комедіи», говоритъ онъ, «изображать дѣйствія людей и современные нравы». Теорія драмы, излагаемая имъ, очень скудна ясными понятіями, и самъ онъ мало соображался съ ней въ своихъ произведеніяхъ, руководясь вдохновеніемъ; но уже приведенныя нами немногія слова показываютъ, что онъ очень вѣрно понималъ сущность драматической поэзіи. Онъ былъ истиннымъ основателемъ испанской драмы. Піэсы его охватываютъ всѣ стороны жизни; онъ бралъ содержаніе для нихъ изъ всяческихъ матеріаловъ: изъ исторіи, преданій, вѣрованій, современныхъ нравовъ; изображалъ всѣ оттѣнки чувствъ, отъ мрачныхъ трагическихъ до самыхъ веселыхъ. Въ комедіяхъ его перемѣшаны серьезныя и смѣшныя сцены, какъ въ дѣйствительности; онъ выводитъ людей всѣхъ сословій; есть у него и аллегорическія фигуры и типическія лица простонародныхъ фарсовъ; разговоръ перерывается романсами въ старомъ кастильскомъ вкусѣ и пѣснями въ новомъ итальянскомъ стилѣ. Часто замѣтны у Лопе де Веги слѣды торопливости, съ какою писалъ онъ свои піэсы; но сила таланта видна неизмѣнно.

Мы говорили, что испанскія драматическія произведенія были очень разнообразны по формѣ и содержанію. Бутервекъ дѣлитъ испанскія драмы на два главные разряда: свѣтскія и духовныя; свѣтскія онъ дѣлитъ на героическія, историческія, міѳологическія и національныя (такъ называемыя комедіи съ плащомъ и шпагой); особымъ классомъ національных комедій считались у испанцевъ такъ называемыя фигуральныя; духовныя комедіи дѣлитъ Бутервекъ на церковно-историческія и на предназначенныя для спектаклей праздника тѣла Господня (*Autos sacramentales*). Особый разрядъ образуютъ *Loa* (прологи) и *Entremese* (интермедіи). Шакъ въ своей „Исторіи испанской драматической литературы“ говоритъ, что классификація Бутервека произвольна, что часто одна и та же піэса соединяетъ въ себѣ характеры разныхъ классовъ ея, и предлагаетъ другое дѣленіе; онъ находитъ въ испанской драматургіи четыре разряда піэсъ: комедіи, ауто, лоа, энтремесе. Къ комедіямъ онъ причисляетъ всѣ піэсы, имѣющія три акта (по тогдашнему испанскому выраженію три дня, *Jordana*) и написанныя стихами; въ нихъ всегда соединяется серьезный элементъ съ комическимъ; главнымъ представителемъ комического элемента служитъ обыкновенно типическая фигура *Грасіосо*; основной размѣръ комедій четырехстопный хорей, имѣющій иногда вмѣсто рима старинныя ассонаты, а иногда другія формы, одна изъ которыхъ—строфа, состоящая изъ четырехъ стиховъ, какъ въ редондильяхъ. Испанскія комедіи можно назвать романтическими въ томъ смыслѣ, что онѣ довольствуются соблюденіемъ единства дѣйствія, пренебрегая другими требованіями классической теоріи драмы, единствомъ времени и мѣста; сцены ихъ переносятся съ

мѣста на мѣсто, изъ одного времени въ другое. Испанцы дѣлили комедіи на разряды, но эта классификація была сбивчивая; ея термины не имѣли точности. Комедіями плаща и шпаги (*Comedias de capa y espada*) назывались піэсы, изображавшія современную частную жизнь, имѣвшія дѣйствующими лицами людей въ обыкновенномъ испанскомъ костюмѣ. Во многихъ изъ нихъ главный интересъ составляла замысловатость интриги; ихъ называли комедіями интриги. Тѣ драмы, въ которыхъ дѣйствующими лицами были государи и для которыхъ нужны были особые костюмы, великолѣпныя декорации, назывались театральными или сценическими, декорационными комедіями (*Comedias de teatro, de ruido, de cuerpo*). Къ нимъ принадлежали историческія, духовныя, міѳологическія, фантастическія драмы, также и тѣ, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ средневѣковыхъ преданій и тѣ, дѣйствіе которыхъ происходило въ отдаленныхъ странахъ. Въ нихъ преобладалъ серьезный и патетическій элементъ. Пародіи на ихъ содержаніе назывались вурлесками (*burlesca*); эти шутивыя комедіи были переполнены простонародными остротами, поговорками, пословицами. Комедіи, написанныя для представленія на придворномъ театрѣ въ праздничные дни, назывались праздничными (*fiesta*); содержаніе ихъ заимствовано или изъ міѳологіи, или изъ рыцарскихъ романовъ, итальянскихъ рыцарскихъ поэмъ; постановка ихъ была великолѣпна. Фигуральными комедіями (*Comedias de figura*) назывались піэсы, главное лицо которыхъ изображало собою въ каррикатурномъ видѣ какой-нибудь порокъ.

Ауто („акты“) были духовныя драмы, написанныя для народныхъ спектаклей, даваемыхъ въ церковные праздники. Онѣ обыкновенно имѣли аллегорическій элементъ; очень многія изъ нихъ были писаны для спектаклей въ день праздника тѣла Господня; ихъ называли *Autos Sacramentales*. Многія другія предназначались для спектаклей на рождество; ихъ называли рождественскими (*Autos al nacimiento*); предметомъ ихъ обыкновенно было поклоненіе пастуховъ. Ауто были остатками средневѣковыхъ мистерій и моралей. Они часто давались подъ открытымъ небомъ или въ церквахъ.

Лоа („похвалы“) были небольшіе прологи къ ауто и комедіямъ, очень часто не имѣвшіе близкаго отношенія къ нимъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ разговорную форму, другія монологическую.

Энтремесе (интермедіи, піэсы для антрактовъ) были маленькія шутивыя драмы; ихъ играли между актами комедій или между лоа и ауто. Содержаніе ихъ заимствовалось обыкновенно изъ простонароднаго быта; многія изъ нихъ написаны стихами, другія прозой.

Всѣ историкѣ литературы согласны въ томъ, что Лопе де Вега былъ геніальный драматургъ. Всѣ піэсы его очень живы; онъ глубоко изучилъ бытъ людей всѣхъ сословій, превосходно понимаетъ человѣческое сердце, умѣетъ обрисовывать игру страстей; богатство его фантазіи неистощимо; у него бываетъ иногда слишкомъ много метафоръ и сравненій, но это соотвѣтствуетъ тогдашнему испанскому вкусу. Стихъ его легокъ. Характеры у него не всегда очерчены опредѣлительно, но во многихъ піэсахъ они обрисованы превосходно; въ особенности должно сказать это о женскихъ характерахъ. Но больше всего правилось современникамъ искусство Лопе де Веги изображать бытъ простолюдиновъ; онъ дѣйствительно великій мастеръ въ этомъ. Сценъ изъ простонародной жизни у него очень много; онъ пользуется

всякимъ случаемъ вставлять ихъ въ свои драмы. Прелестны у него изображенія сельскихъ праздниковъ съ играми и пѣснями. Богатство его фантазіи удивительно, но, разумѣется, неизбѣжны были при чрезвычайной многочисленности его драмъ случаи повтореній. Часто рядомъ съ главной интригой идетъ у него второстепенная, служащая пародіей на нее.

Очень многія драмы Лопе де Веги изображаютъ событія или преданія изъ испанской исторіи. У него выведены на сцену всѣ герои національных пѣсенъ отъ готскаго короля Вамбы, отъ измѣнника Хуліана, призывающаго мавровъ и отъ погибающаго въ битвѣ съ ними короля Родриго до графа Фернандо Гонсалеса, ставшаго первымъ королемъ кастильскимъ, до Сида, Бернардо дель Карпио и дѣтей Лары, онъ изобразилъ всѣ великія событія позднѣйшей испанской исторіи: борьбу Петра Жестокаго съ Генрихомъ Трастамарой, легендарный героизмъ симанкасскихъ дѣвушекъ, освободившихъ родину отъ постыдной дани невѣрнымъ, паденіе Альваро де Луны, трагическую судьбу принца Віанскаго, обрученіе Фердинанда и Изабеллы, осаду Гранады, открытіе Америки, побѣды Гонсальво Кордовскаго и множество другихъ важныхъ фактовъ испанской исторіи. Во многихъ патріотическихъ піесахъ Лопе де Веги историческія событія представлены съ примѣсью романтическихъ элементовъ; таковы напримѣръ: „Севильская звѣзда“ (написанная въ прославленіе преданности королю). „Карбонера“ (сестра Петра Жестокаго, скрывающаяся у угольщиковъ въ лѣсу), „Нинья де Плата“.—Для многихъ драмъ Лопе де Вега бралъ содержаніе изъ легендъ или исторіи другихъ народовъ; такъ напримѣръ изъ португальской исторіи взята драма „Совершенный государь“ (Іоаннъ II), изъ римской „Сожженіе Рима“ (Нерону даны Лопе де Вегой черты испанскаго рыцаря). Изъ средневѣковой итальянской исторіи взята драма „Наказаніе безъ мщенія“ (это исторія любви герцогини Феррарской къ ея пасынку, рассказанная также Байрономъ въ поэмѣ „Паризина“); изъ нѣмецкой исторіи взята драма „Оттокаръ Богемскій“, изъ русской „Великій князь Московскій“ (Джедимитрій, исторію котораго Лопе де Вега зналъ по ошибочнымъ рассказамъ). Всѣмъ лицамъ, дѣйствующимъ въ этихъ драмахъ, приданы испанскія черты. Менѣе интересны мифологическія драмы, написанныя болышею частью для праздничныхъ спектаклей, въ которыхъ важнѣе содержанія піэсы была великолѣпная постановка ея; таковы „Персей“, „Критскій лабиринтъ“, „Адонисъ и Венера“; то же самое должно сказать о драмахъ, заимствованныхъ изъ поэмы Аріосто и средневѣковыхъ преданій, въ которыхъ дѣйствуютъ Карлъ Великій, Роландъ, другіе паладины Карла, прекрасная Магелона. Изъ сборника новеллъ Банделло (изъ котораго взялъ Шекспиръ драму „Ромео и Джульетта“) Лопе де Вега заимствовалъ драмы „Герцогиня Амальфійская“, „Кастельрины и Монтезе“, „Кинта Флорентійская“. Нѣкоторыя піэсы Лопе де Веги могутъ быть названы простыми переложеніями новеллъ въ разговорную форму; сцены въ нихъ слѣдуютъ одна за другой безъ связи; въ нихъ много удивительныхъ приключеній; дѣйствіе происходитъ въ далекихъ странахъ, географическій и историческій элементы не опредѣленны; содержаніе обыкновенно заимствовано изъ рыцарскихъ романовъ. Таковы „Новый Пифагоръ“ (піэса совершенно фантастическая) *La Octava maravilla* (мѣсто дѣйствія переносится изъ Бенгаліи на Канарскіе острова и въ Испанію); „*La donzella Teodor*“ (ученая дѣвушка, находящаяся въ рабствѣ); „*El Animal de Ungria*“ („Венгерскій звѣрь“, венгерская королева, прогнанная мужемъ, надѣвающаяся на

себя звѣриную шкуру и похищающая дѣтей измѣнившаго ей короля). Гораздо лучше этихъ драмъ „La fuerza lastimosa“, содержаніе которой взято изъ романа о графѣ Аларкосѣ, „Донъ Лопе де Кардона“ (изображеніе удивительныхъ любовныхъ и другихъ приключеній этого рыцаря); „Прекрасная Альфреда“, „Преслѣдуемая Лаура“; одна изъ знаменитѣйшихъ драмъ этого класса „Невольница возлюбленнаго“; она дѣйствительно превосходна; главное лицо въ ней великодушная женщина, жертвующая собою для спасенія любимаго человѣка.

Съ наибольшей силой раскрывается богатство фантазіи и могущество таланта Лопе де Веги въ тѣхъ драмахъ, которыя называются комедіями интриги или плаща и шпаги. Почти всѣ онѣ превосходны по легкости разговора, по тонкому анализу игры страстей, по занимательности интриги; Лопе де Вега писалъ ихъ очень быстро, но все-таки форма ихъ прекрасна; въ нихъ очень много веселости, остроумія. Любовныя приключенія занимаютъ въ нихъ много мѣста; Грасіосо дѣйствуетъ въ каждой изъ нихъ. До насъ дошло больше 100 этихъ веселыхъ драмъ; многимъ изъ нихъ подражали другіе поэты. Къ числу знаменитѣйшихъ принадлежатъ: „Валенсійская вдова“, очень веселая драма, въ которой много комическихъ положеній, возникающихъ изъ того, что молодую вдову сватаютъ нѣсколько жениховъ; „Мадридская сталь“, также очень веселая пѣса, интрига которой основана на употребленіи новоизобрѣтеннаго лекарства, помогающаго любовнымъ дѣламъ; нѣкоторыми чертами этой комедіи воспользовался Мольеръ въ своемъ „Невольномъ врачѣ“; „Ивановская ночь въ Мадридѣ“ (*La noche de San Juan en Madrid*) превосходная пѣса, основанная на запутанности отношеній, возникающихъ изъ двойной любовной связи; въ ней много намековъ на людей высокаго общественнаго положенія; она написана Лопе де Вегой, въ то время уже старикомъ, для великолѣпнаго праздника, даннаго графомъ Оливаресомъ Филиппу IV въ Ивановскую ночь 1631 года въ одномъ изъ мадридскихъ садовъ. „Дура для другихъ, умная для себя“ тоже превосходная комедія; главное дѣйствующее лицо ея герцогиня Урбинская, притворяющаяся глупой и благодаря тому возвращающая себѣ отцовское государство и достигающая возможности сдѣлать любимаго человѣка своимъ мужемъ. Въ „Наградъ за хорошую репутацію“, комедіи съ множествомъ любовныхъ приключеній, роль главнаго лица представляетъ, по мнѣнію историковъ литературы, нѣкоторыя черты изъ жизни самого Лопе де Веги. Многія комедіи его исключительно изображаютъ простонародный бытъ, какъ напримѣръ „Пошедшая за водой“, „Умный у себя дома“ (*El cuerdo en su casa*); „Алжирскіе плѣнники“, драма заимствованная изъ Сервантеса, въ ней много патетическихъ сценъ. Прекрасныя пасторальныя драмы „La pastoral de Iacinto“ и „La Arcadia“ написаны Лопе де Вегой въ молодости.

Чтобъ успокоить духовенство, порицавшее свѣтскія пѣсы съ ихъ любовными интригами, иногда выпрашивавшее у короля запрещенія спектаклей, Лопе-де-Вега писалъ много духовныхъ драмъ для представленія на церковныхъ праздникахъ; онѣ были рассчитаны на вкусъ простолюдиновъ, потому имѣютъ мало поэтическаго достоинства; во многихъ изъ тѣхъ, которыя изображаютъ жизнь святыхъ, даже нѣтъ единства дѣйствія, почти во всѣхъ религіозные элементы перемѣшиваются безвкуснымъ образомъ съ житейскимъ, реальныя лица съ аллегорическими, схоластическія разсужденія съ любовными сценами, ангелы, черти, символическія фигуры дѣйствуютъ рядомъ съ королями, поселянами, студентами, шутами.

Но отъ этихъ плохихъ пѣсѣ, написанныхъ для грубой толпы, должно отличать драмы, предназначенныя для спектаклей на праздникъ тѣла Господня и называющіяся Autos sacramentales. Основная мысль ихъ прославленіе

католическаго догмата пресуществленія; казалось-бы, что такое абстрактное содержаніе не могло допускать драматическаго изображенія; но эти драмы Лопе де Веги имѣютъ большое поэтическое достоинство. Дѣйствующія въ нихъ аллегорическія фигуры обрисованы такими живыми чертами, что перестаютъ быть только олицетвореніями абстрактныхъ понятій, кажутся лицами, взятыми изъ дѣйствительности. Лопе де Вега ставитъ ихъ въ положенія живыхъ людей, печалющихся и радующихся подобно дѣйствительнымъ людямъ, такъ что онѣ становятся интересны. Онѣ олицетворялъ по старинному обычаю добродѣтели, пороки, церковные символы, божественныя качества, стихіи, отдѣльные предметы неодушевленной природы, разныя страны, народы, религіи. Въ „Путешествіи души“ является у него душа, подъ формою дѣвушки въ бѣлой одеждѣ, воспоминаніе подъ формою стройнаго сильнаго юноши, воля въ одеждѣ поселянина, чортъ въ видѣ корабельщика, страсти являются его матросами. Въ „Приключеніяхъ человѣка“ изображается исторія рода человѣческаго отъ грѣхопаденія до искупленія. Въ драмѣ „Мостъ вселенной“ изображается сила божественной любви, побѣждающая Левіаѳана, князя тьмы.

Лоа (прологи) и энтресесе (интермедіи), которыхъ дошло до насъ тоже много, получаютъ занимательность, благодаря своей веселости и остроумію. Это маленькія шутливыя сцены изъ обыденной жизни или пародіи на романы (какъ напримѣръ „Мелисендра“) или фарсы (какъ напримѣръ „Обманутый отецъ“, который, думая, что заперъ свою дочь отъ любовника, самъ приводитъ ее переодѣтую къ нему). Подобно духовнымъ драмамъ лоа и энтресесе были принадлежностью парадныхъ спектаклей, сохранявшихся въ Испаніи изъ средневѣковаго театра.

Тирсо де Мо-
лина.

Мадридъ, сдѣлавшійся съ половины XVI вѣка столицей Испаніи, сталъ благодаря Лопе де Вегѣ центромъ всей испанской драматической дѣятельности. Увлекаясь общею любовью къ театру, писали драмы и люди духовнаго званія. Одинъ изъ нихъ Гавріэль Тельесъ, младшій современникъ Лопе де Веги, имѣлъ такой великій талантъ, что былъ его соперникомъ и приобрѣлъ прочную знаменитость подъ своимъ авторскимъ псевдонимомъ Тирсо де Молина; его драмы принадлежатъ къ числу прекраснѣйшихъ во всемирной литературѣ. Смѣлость его сатиры возбуждала порицаніе фанатиковъ; большинство монаховъ и сама инквизиція были непріязненны его драмамъ. Никто въ испанской литературѣ не нападалъ на придворныхъ, на церковныхъ сановниковъ, на монаховъ такъ сильно, какъ онъ. Въ изображеніи сладострастныхъ сценъ онъ перѣдко переходитъ границы приличія, а между тѣмъ онъ былъ монахъ. Въ его знаменитой драмѣ, „Севильскій оболститель и каменный гость“ въ первый разъ взята предметомъ сценическаго изображенія легенда о Донѣ Хуанѣ. Въ передѣлкѣ Саморы она распространилась въ Италію, оттуда во Францію и по всей Европѣ. У испанцевъ самой любимой драмой Тирсо де Молины была комедія „Донъ Хиль“; дѣйствительно, это одна изъ лучшихъ комедій интриги въ испанской литературѣ. Содержаніе другой драмы „Глупецъ во дворцѣ“ заимствовано изъ рассказовъ о португальскомъ регентѣ Педро. Въ „Сагрской поселянкѣ“ есть прелестныя идиллическія сцены. Драма „Подвиги Цисарро“ ярко изображаетъ приключенія завоевателя Перу. Достоинство драмъ Тирсо де Молины составляютъ разнообразіе и занимательность положеній, живость и свѣжесть характеристики лицъ, яркость картинъ, поэтичность языка, остроуміе; планъ нѣтъ у него вообще слабъ. Другой знаменитый монахъ драматургъ—Мира де Мескуа, въ молодости бывшій каноникомъ графа Лемоса, вице-короля неаполитанскаго, покровителя поэтовъ. Его духовныя и свѣтскія драмы имѣли такой успѣхъ, что являлось много подражаній имъ. Монахомъ былъ и Хосе де Вальдивіэльсо; онъ писалъ ду-

Мескуа.

ховиыя драмы. Театръ давалъ иногда громкую славу хорошимъ драматургамъ, потому писали драмы и вельможи. Хуанъ Руисъ де Аларконъ-и-Мендоса происходилъ изъ переселившейся въ Америку отрасли знаменитаго вельможескаго рода Мендосъ, занималъ въ Мадридѣ высокія должности и написалъ много драмъ, не получившихъ успѣха у массы публики, но превосходныхъ по достоинствамъ плана и языка. Многіе драматурги подражали имъ. „Другіе испанскіе драматурги, обыкновенно, берутъ завязкой піесъ условныя понятія испанскаго общества“, говоритъ Прельсъ: „у Аларкона завязка взята изъ общечеловѣческихъ мотивовъ. Онъ заботился больше всего о вѣрности развитія характеровъ, объ энергіи драматическаго мотивированія и о сильномъ выраженіи нравственныхъ идей“. Содержаніе своихъ піесъ онъ заимствовалъ, большею частью, изъ національных легендъ и историческихъ фактовъ, которымъ придавалъ яркій романтическій колоритъ. Его „Сеговійскій ткачъ“ кажется нѣкоторымъ историкамъ литературы чѣмъ то похожимъ на Шиллерова Карла Мора; „Подозрительная истина“ послужила образцомъ для „Лжеца“ Корнеля. Превосходная драма „Пріобрѣтатель друзей“ (*ganar amigos*) изображаетъ бурныя времена Петра Жестокаго; „Жестокость изъ-за чести“ передаетъ арагонскую легенду.

Аларконъ
† 1608.

Всѣ эти драматурги и множество другихъ были болѣе или менѣе подражателями Лопе де Веги. Благодаря его генію и многочисленности талантливыхъ поэтовъ, испанскій театръ во второй половинѣ XVI вѣка достигъ очень высокаго значенія. Театральныя зданія увеличивались или строились вновь не только въ большихъ, но и въ маленькихъ городахъ; по селеніямъ давали спектакли странствующие труппы; спектакли давались обыкновенно днемъ; публика не требовала великолѣпныхъ декорацій. Духовенство вообще не возставало противъ театра, потому что онъ обыкновенно находился въ собственности у благотворительныхъ учреждений, которыми завѣдывало оно, и давалъ доходъ имъ. Мы видѣли, что многіе монахи сами писали драмы. Филиппъ II порицалъ безнравственныя піесы; инквизиція смотрѣла на театръ подозрительно; потому онъ часто подвергался стѣсненіямъ; многія піесы были искажаемы духовной цензурой, нѣкоторыя вовсе запрещаемы. Но эти распоряженія не могли подавить народной любви къ театру, и по смерти Филиппа II правительство стало снисходительнѣе къ нему. Онъ оставался подъ надзоромъ инквизиціи, но пока общественная жизнь въ Испаніи не замерла, спектакли оставались необходимой и самой любимой принадлежностью народныхъ праздниковъ. Поклонники классицизма возмущались нарушеніемъ аристотелевскихъ правилъ драмы въ испанскихъ піесахъ; представители этого направленія Артиэга, Крестоваль де Меса, Вильегасъ, Архенсонола, Суаресъ де Фигеронъ изобличали художественныя недостатки національныхъ драмъ съ классической точки зрѣнія, осмѣивали историческія и географическія нелѣпости въ нихъ, перепутанность трагическаго элемента съ комическимъ, патетизма съ шутовствомъ; но народная склонность и привычка была сильнѣе доктринерства; испанская драма сохраняла свои національныя формы.

3. Кальдеронъ.

Дѣятельностью Лопе де Веги и его подражателей была подготовлена почва для возникновенія гениальныхъ произведеній величайшаго изъ испанскихъ драматурговъ, Кальдерона. Обстоятельства благопріятствовали успѣхамъ его: королемъ былъ Филиппъ IV, любитель театра, публика привыкла правильно судить о достоинствахъ піесъ, имѣя огромный репертуаръ, очень разнообразный. Въ королевской загородной резиденціи Вуэнъ Ретиро (Vuen Retiro) близъ Мадрида былъ построенъ новый великолѣпный театръ, спектакли на которомъ имѣли блистательную обстановку. По всѣмъ городамъ были театры; были они и во дворцахъ грандовъ. Авторы піесъ, нравившихся королю, двору или публикѣ, получали щедрыя награды. Благодаря всему этому, во времена упадка государственнаго могущества Испаніи драматическая поэзія достигла очень высокаго развитія. Формы ея оставались тѣ же, которыя были выработаны Лопе де Вегой. Драматурги слѣдующаго поколѣнія не создали новыхъ, но значительно улучшили прежнія. Только два разряда піесъ получили разработку, какой не имѣли прежде: фигуральная комедія, въ которой дѣйствовала каррикатурная фигура надменнаго и хвастливаго глупца, получила большую популярность и увеличилась въ объемѣ; точно такъ же расширился объемъ интермедій и занимательность ихъ была увеличена вставками пѣсенъ (сайнетъ) и костюмированными сценами.

Кальдеронъ
1600—1681.

Педро Кальдеронъ де ла Варка (Varca) родился 17 января 1600 въ Мадридѣ, гдѣ отецъ его занималъ маленькую должность въ казначействѣ; фамилія его была старая, знатная, имѣвшая нѣкогда свой замокъ въ долинѣ Корріэдо въ Бургосскихъ горахъ. Педро Кальдеронъ учился въ іезуитской школѣ, потомъ въ Саламанкскомъ университетѣ, гдѣ усердно занимался юриспруденціей и нѣкоторыми другими науками. Онъ сталъ писать драмы съ ранней молодости. Возвратившись въ Мадридъ, онъ выступилъ конкурентомъ въ поэтическомъ состязаніи на праздникѣ по поводу причисленія Исидора, покровителя Мадрида, къ лику святыхъ и заслужилъ похвалу Лопе де Веги, бывшаго судьей состязанія. По любви къ походной жизни онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ миланскомъ походѣ 1525 года и въ войнѣ съ нидерландцами. Въ этихъ страствованіяхъ онъ пріобрѣлъ большое знаніе жизни. Филиппъ IV вызвалъ его изъ войска ко двору, поручилъ ему завѣдываніе праздниками и спектаклями въ Вуэнъ Ретиро. Онъ посвятилъ себя драматической поэзіи. Его піесы имѣли такой успѣхъ, что когда ему было только еще 32 года, онъ уже славился по всей Испаніи, Филиппъ IV возвелъ

его въ санъ кавалера ордена Сантіаго. Въ 1640 году кавалеры всѣхъ рыцарскихъ орденовъ были приглашены участвовать въ походѣ для усмиренія возставшей Каталоніи. Кальдеронъ тоже вызвался идти въ походъ; король, чтобъ удержать его при дворѣ, поручилъ ему написать новую драму. Онъ написалъ ее очень быстро и отправился въ походъ; оставался въ войскѣ до полнаго усмиренія мятежа. Устройствомъ и описаніемъ праздниковъ при бракосочетаніи короля съ Анной-Маріей Австрійской (въ 1649 году) онъ приобрѣлъ еще большую благосклонность короля, получилъ значительную пенсію, а черезъ нѣсколько лѣтъ при поступленіи въ духовное званіе былъ назначенъ почетнымъ капелланомъ короля и кромѣ доходовъ этой должности получилъ еще нѣсколько бенефицій. Подобно Лопе де Вега онъ не стѣснялся своимъ монашескимъ званіемъ; большую часть драмъ онъ написалъ уже будучи монахомъ. Кромѣ множества ауто для представленія на большихъ церковныхъ праздникахъ и въ особенности на праздникѣ Тѣла Господня онъ написалъ въ монашествѣ очень много комедій, кансонъ, сонетовъ, романсовъ и другихъ лирическихъ стихотвореній. Онъ сохранилъ свѣжесть силъ до самой смерти (на 81 году жизни 25 мая 1681). Слава его была такъ громка, что торжественныя паннихиды по немъ были отслужены не только въ испанскихъ городахъ, но и въ Лиссабонѣ, Миланѣ, Римѣ, Неаполѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ смертью онъ поступилъ въ конгрегацію Св. Петра (San Pedro); свое состояніе, которое было велико, онъ завѣщалъ ей.—Еще при его жизни книгопродавцы издавали съ его именемъ много піесъ, не принадлежавшихъ ему; потому друзья просили, чтобъ онъ составилъ списокъ своихъ драмъ. Онъ исполнилъ ихъ желаніе. Въ этомъ списокѣ находится 73 ауто съ принадлежащими къ нимъ лоя (прологами) и 108 драмъ; но не всѣ они помѣщены въ изданіяхъ его сочиненій.

На Кальдерона переносятся всѣ тѣ похвалы, которыхъ заслуживаетъ не собственно онъ одинъ, а вся испанская драматическая поэзія. Онъ нашелъ ее уже доведенной до высокаго развитія, и главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ умѣлъ пользоваться результатами дѣятельности своихъ предшественниковъ, на плечахъ которыхъ стоитъ онъ, по выраженію Шака. Онъ продолжалъ писать въ томъ же духѣ, по тѣмъ же формамъ, какъ они, и только улучшалъ технику прежнихъ видовъ драматической поэзіи. Онъ бралъ у прежнихъ драматурговъ матеріалы для своихъ произведеній, заимствовалъ у нихъ цѣлыя сцены; но заимствуя, онъ перерабатывалъ и улучшалъ, такъ что драмы его принадлежатъ собственно ему. Планъ у него всегда хорошо обдуманъ, дѣйствіе развивается естественно; стихъ превосходенъ, размѣры его очень разнообразны, языкъ великолѣпенъ, описанія очень ярки. Кальдеронъ умѣетъ увеличивать интересность положеній контрастами; характеристика лицъ у него такая же типич-

ческая, какъ у другихъ испанскихъ драматурговъ; его фигуры имѣютъ мало индивидуальныхъ особенностей, въ нихъ преобладаютъ черты представителей разныхъ разрядовъ людей; есть у него и аллегорическія фигуры. Но типическимъ лицамъ онъ придаетъ нѣкоторую индивидуальность, ясно опредѣляя ихъ отношенія между собою. Правда этимъ не вполне устраняется монотонность: одинъ и тотъ же характеръ повторяется у него въ нѣсколькихъ драмахъ; винить въ этомъ должно отчасти вкусъ знатнаго общества, для котораго писалъ онъ. Точно также угожденіемъ вкусу объясняется изысканность многихъ выраженій у него, излишество метафоръ и другихъ украшеній слога, сухость дидактическихъ разсужденій. У Лопе де Веги больше свѣжести, натуральности, у Кальдерона много искусственности.

Драмы Кальдерона дѣлятся на духовныя и свѣтскія. Въ духовныхъ онъ, подобно Лопе де Вега, держится ортодоксальной католической точки зрѣнія, вполне принимаетъ всѣ ученія римской церкви, вѣритъ всѣмъ легендамъ ея; рѣдко проявляется у Кальдерона христіанская кротость, вообще властвуетъ у него такой суровый фанатизмъ, что справедливо называютъ его поэтомъ инквизиціи. Грубость и жестокость его понятій объясняется характеромъ общества, въ которомъ жилъ онъ и для котораго писалъ. Монахъ, придворный поэтъ, сочинявшій для церковныхъ праздниковъ піэсы съ аллегорическими фигурами, смотрѣвшій на ауто-да-фѣ, не могъ быть гуманнымъ. Подобно картинамъ Мурильо и Веласкеса религіозныя драмы Кальдерона писаны для служенія требованіямъ католической церкви. Но онѣ имѣютъ большое художественное достоинство. «Въ духовныхъ драмахъ Кальдерона», говоритъ Розенкранцъ, «много разнообразія, и поэтъ высказываетъ въ нихъ душевныя свои мысли. Всѣ величественныя стороны католичества изображены въ блистательнѣйшемъ вкусѣ съ необыкновеннымъ богатствомъ фантазіи, съ искренней горячностью чувства; онѣ переносятъ насъ въ міръ чудесъ.»

Наиболѣе сильнымъ религіознымъ энтузіазмомъ проникнуты тѣ духовныя драмы Кальдерона, которыя написаны для спектаклей на праздникъ тѣла Господня, въ прославленіе догмата пресуществленія. Намъ кажется странной господствующая въ нихъ смѣсь поэзіи, схоластики и теософіи, но должно удивляться искусству, съ какимъ Кальдеронъ умѣетъ соединять между собой эти разнохарактерные элементы. Его аллегорическія фигуры—Вѣра, Благодать, Грѣхъ, Природа, Язычество, Діаволъ—утомляютъ однообразіемъ своимъ, являясь каждая во множествѣ драмъ; но Кальдеронъ умѣетъ обрисовывать ихъ живыми чертами. Чтобы переносить зрителя изъ фантастическаго міра въ дѣйствительный онъ вставляетъ въ эти драмы народныя пѣсни, историческіе факты, черты національнаго быта; дѣйствіе сопровождается музыкой. Простонародной публикѣ очень нравилось смотрѣть на чорта. Кеведо говоритъ: „Діаволъ такъ возгордился своей славой, что держитъ себя на сценѣ, какъ полный господинъ ея“. Кальдеронъ угождалъ и этому вкусу своей публики; такъ напримѣръ, въ его драмѣ „Живописецъ собственнаго посрамленія“ выводится Люциферъ,

вовлекающій человѣческую природу въ псорченность, отъ которой избавляется она въ послѣдствіи таинствомъ Крестнымъ. Въ ауто „Вальтасаровъ пиръ“, изображающей нечестіе, тщеславіе и развратъ вавилонскаго царя, Даніилу, представителю суда Божія противопоставляется Мысль, олицетворенная въ фигурѣ шута. Въ драмѣ „Божественный Орфей“ князь тьмы, являющійся корсаромъ на черномъ кораблѣ, старается оболъстить и погубить человѣческую природу, изображаемую аллегорической фигурой; но Орфей одолеваетъ его святыми пѣснями и священной музыкой. „Мѣдный змій“, въ которомъ драматизированъ рассказъ, находящійся въ книгѣ Числъ, изображаетъ побѣду Креста надъ чувственными страстями, дѣйствующими по внушенію Веельфегора и Идолопоклонства, олицетвореннаго аллегорической фигурой. Знаменитѣйшія изъ духовныхъ драмъ Кальдерона, прославляющихъ церковь, мучениковъ и другихъ святыхъ: „Непоколебимый принцъ“, изображающій страданіе португальскаго инфанта Фердинанда въ плѣну (IX, 270), „Іосифъ-Женщина“ (*El Josef de las mugeres*), переложенная въ разговоры легенда объ ученой египетской дѣвушкѣ Евгеніи, о ея обращеніи въ христіанство и мученичествѣ; „Магъ чудотворецъ“—легенда о Кипріанѣ, продавшемъ свою душу діаволу для полученія любви благочестивой Юстины, потомъ раскаявшемся, обращающемся въ христіанство и вмѣстѣ съ Юстиной принимающемъ мученическую смерть въ Антиохіи; самъ сатана принужденъ возвестить побѣду истинной вѣры и блаженство Кипріана и Юстины на небесахъ. „Санъ-Патрисійское чистилище“, драма, написанная Кальдерономъ въ молодости, изображаетъ грѣховную жизнь и наказаніе за нее огнемъ чистилища въ ужасной пещерѣ, находящейся въ Ирландіи. „Воздвиженіе Креста“—исторія того, какъ похищенный персами животворящій крестъ былъ возвращенъ христіанскому міру императоромъ Иракліемъ и благочестивою Клодомирой, царицей газской; Кальдеронъ показываетъ, что человѣкъ, совершавшій всяческія преступленія, получаетъ вѣчное блаженство за благочестивое поклоненіе Кресту, какъ думали тогда испанцы. Грубое суевѣріе, прославляемое этой драмой и „Санъ-Патрисійскимъ чистилищемъ“ производитъ на людей нашего времени отталкивающее впечатлѣніе, и драма „Отпаденіе Англіи отъ церкви“ отталкиваетъ ихъ фанатической ненавистью къ кардиналу Уольси, Аннѣ Боливъ и другимъ лицамъ, которыхъ католики винили въ отторженіи Англіи отъ римской церкви. „Разсвѣтъ дня въ Копакаванѣ“ прославляетъ введеніе христіанства и паденіе язычества въ Перу; „Восточная Сивилла“ изображаетъ библейскій рассказъ о царицѣ савской и показываетъ, что ветхозавѣтныя событія прообразовали собою новозавѣтныя; „Жизнь—сонъ“ служитъ развитіемъ мысли, что земная жизнь лишь мечта, а истинная жизнь—загробная; содержаніе этой драмы составлено изъ разныхъ легендъ, передѣланныхъ фантазіей автора.

Въ большей части духовныхъ драмъ Кальдерона влетена какая нибудь любовная исторія; въ свѣтскихъ драмахъ его завязкой служатъ любовь и честь. Первая обязанность гidalго—охранять честь свою и своей фамиліи, мститъ кровью не только за нарушеніе ея, но и за всякое сомнѣніе въ ней. Дуэли и убійства чрезвычайно часты въ свѣтскихъ драмахъ Кальдерона. Онъ написалъ много историческихъ драмъ. Прошедшее изображено въ нихъ по современнымъ понятіямъ и правамъ; потому мы видимъ въ нихъ картины не прошлыхъ вѣковъ, а жизни испанскаго общества XVII вѣка. Характеристическая черта ихъ прославленіе абсолютной власти короля. У прежнихъ испанскихъ драматурговъ при всей преданности монархической системѣ не рѣдко выступаютъ правыми вассалы, отказывающіе въ повиновеніи королю; у Кальдерона король всегда и во всемъ

правъ; онъ выше всѣхъ законовъ; даже заблужденія и слабости его похвальны; ему должны быть приносимы въ жертву даже законы чести, во всѣхъ другихъ случаяхъ прославляемые Кальдерономъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ драмъ его „Врачъ своей чести“; въ ней донъ Гутіэрре, ошибочно предполагая, что его жена Масія имѣла любовное свиданіе съ пnfантомъ Генрихомъ Трастамарой, велитъ хирургу пустить ей кровь и не дозволяетъ остановить кровотеченіе. Масія умираетъ. Король Петръ предлагаетъ дону Гутіэрре жениться на Ленорѣ, которую онъ любилъ до женитьбы на Масіи и покинулъ по подозрѣнію въ измѣнѣ; Гутіэрре въ оправданіе убійства Масіи говоритъ, что честь омывается только кровью; Король и Ленора соглашаются съ этимъ; въ концѣ драмы Ленора выражаетъ желаніе, чтобы Гутіэрре поступилъ съ нею такъ же, какъ съ Масіею, если она подастъ ему поводъ къ подозрѣнію. А должно замѣтить, что Масія была невинна. Таковы правила чести, восхваляемыя Кальдерономъ. Другая драма его „Живописецъ своего позора“ основана на той же идее. Донъ Хуанъ, жена котораго, красавица Серафина, увезена въ Гаэту дономъ Альваро, переодѣвается живописцемъ, проникаетъ въ загородный домъ, гдѣ живутъ Альваро и Серафина, убиваетъ ихъ, и отцы убитыхъ благодарятъ его за мщеніе осквернителю и осквернительницѣ чести своихъ фамилій. Такова же идея драмы „Тайная месть за тайное оскорбленіе“. Португальскій дворянинъ въ ночь передъ отплытіемъ короля Себастьяна въ Африку топитъ въ Тахо прежняго любовника своей жены и зажигаетъ свой домъ, чтобы сжечь жену; она сгораетъ; когда эти тайныя дѣла его становятся извѣстными, король прощаетъ и хвалитъ его. Кальдеронъ говоритъ, что въ этой драмѣ изображено истинное событіе. Драма „Саламейскій алькальдъ“, также изображающая истинное событіе, представляетъ мщеніе отца оболъстителю дочери. Филиппъ II, узнавъ причины убійства, одобряетъ его. Мрачное содержаніе драмы разнообразится солдатскими шутками и пѣснями. „Любовь по смерти“ изображаетъ возстаніе морисковъ альпухаррскихъ горъ. Кальдеронъ отдаетъ справедливость храбрости враговъ и прославляетъ ихъ вождя Тизани, мстящаго человѣку, убившему его жену. „Осада Бреды“, написанная по порученію короля въ прославленіе Спиннолы, покорителя Бреды, проникнута ненавистью къ еретикамъ и мятежникамъ нидерландцамъ. „Волоса Авессалома“ — одна изъ лучшихъ драмъ Кальдерона; библейскій рассказъ переданъ въ ней съ сохраненіемъ его живости и вѣрности человѣческой природѣ. Въ „Великой Зеновіи“ превосходно изображено паденіе могущества царицы пальмирской. „Дочь воздуха“ передаетъ легенды о Семирамидѣ; эта драма раздѣлена на двѣ части; она и „Великая Зеновія“ принадлежатъ къ самымъ лучшимъ произведеніямъ Кальдерона.

Многія драмы его заимствованы изъ міеологій; онѣ предназначались для придворныхъ спектаклей, потому большую важность въ нихъ имѣло великолѣпіе обстановки; съ этой цѣлью Кальдеронъ выводитъ въ нихъ на сцену боговъ, вставляетъ разныя катастрофы, какъ напримѣръ землетрясенія и огненный дождь. Древніе міеы излагаются у него въ романтическомъ вкусѣ: боги и богини, греки и гречанки говорятъ и дѣйствуютъ какъ испанскіе гранды и знатныя дамы его времени. Одинъ изъ главныхъ мотивовъ дѣйствія—испанская ревнивость и мстительность. Многія драмы заимствованы изъ „Метаморфозъ“ Овидія, какъ напримѣръ „Эхо и Нарциссъ“, „Аполлонъ и Климена“, „Аполлоновъ лавръ“, „Андромеда и Персей“, „Фаэтонъ“. Въ драмѣ „Ni mor se libra de Amor“ изображается исторія Амура и Психеи. Подобно міеологическимъ драмамъ написаны для великолѣпной постановки тѣ произведенія Кальдерона, которыя заимствованы изъ рыцарскихъ поэмъ и романовъ.

Самыя интересныя драмы Кальдерона—такъ называемыя комедіи интриги или плаща и шпаги; онѣ почти все веселы; назовемъ знаменитѣйшія изъ нихъ. „Собственный тюремщикъ“; содержаніе этой комедіи, въ которой очень много комическихъ сценъ, состоитъ въ томъ, что Фридрихъ, принцъ сицилійскій, убившій на турнирѣ племянника короля неаполитанскаго, скрывается переодѣтый въ замкѣ его сестры и обязанъ тамъ стеречь мнимаго убійцу, поселянина, надѣвшаго на себя рыцарскую одежду, сброшенную имъ; „Госпожа и слуга“—прелестная комедія, интрига которой основана на томъ, что принцесса переодѣлась поселянкой, а поселянка одѣлась принцессой; „Шарфъ и цвѣтокъ“ имѣетъ своей интригой ошибки, происходящія отъ того, что дамы закрыли лица густыми вуалями; „Молчаніе“ (*Basta callar*), очень хорошая комедія, имѣетъ содержаніемъ то, что красавица Серафина, руки которой ищутъ три жениха, выходитъ наконецъ за любимаго человѣка. Похожа на нее характеромъ интриги комедія „Громкій тайный разговоръ“ (*El secreto à voces*), въ которой любовная интрига ведется посредствомъ условнаго языка. При всѣхъ своихъ достоинствахъ комедіи плаща и шпаги страдаютъ нѣкоторымъ однообразіемъ, такъ что почти все подходятъ подъ названіе одной изъ нихъ „Случайная запутанность“. Мотивы во всѣхъ одни и тѣ-же: любовь двухъ дѣвушекъ къ одному мужчине, влюбленность нѣсколькихъ мужчинъ въ одну дѣвушку, или двухъ друзей въ одну красавицу. Ревность, борьба обязанностей дружбы съ любовью, ошибка мужчинъ, происходящая отъ того, что дама закрылась густымъ вуалемъ, переодѣванье мужчинъ или женщинъ, ошибки, происходящія при серенадахъ, когда вмѣсто ожидаемаго мужчины приходитъ другой, столкновение обязанности гостепріимства съ долгомъ кровомщенія, дуэли, дома съ двумя входами, потайными дверями, подземными корридорами, ошибки въ названіяхъ домовъ. Но при всемъ однообразіи мотивовъ интриги, въ этихъ комедіяхъ талантъ Кальдерона выказывается въ полномъ блескѣ; онъ мастеръ изобрѣтать занимательныя положенія, неожиданные обороты дѣйствія, перепутывать нѣсколько интригъ, такъ что постоянно возбуждаетъ любопытство зрителя. Еще важнѣе другое достоинство этихъ его комедій: очень живо и вѣрно изображаютъ онѣ испанскіе нравы того времени, въ особенности мадридскіе нравы, эту смѣсь утонченнаго изящества съ средне-вѣковой грубостью, эти волокитства, серенады, поединки, хитрости влюбленныхъ, легкомысленную отвагу мужчинъ, нѣжную преданность, но и мстительность женщинъ.

„Сефало и Прокрида“,—единственная драма Кальдерона, принадлежащая къ разряду такъ называемыхъ *comedias burlescas*; шутливость въ ней не знаетъ никакихъ границъ и комизмъ усиливается тѣмъ, что нелѣпѣйшія фразы произносятся патетическимъ тономъ. Эта комедія Кальдерона напоминаетъ произведенія Аристофана смѣлостью своего сарказма.

Покровительство двора и любовь народа къ театру, блестящіе успѣхи Лопе де Веги и Кальдерона возбуждали множество людей писать драмы. Говорятъ, что самъ Филиппъ IV написалъ нѣсколько драмъ; ему приписывались тѣ, авторъ которыхъ скрывалъ свое имя подъ неопредѣленнымъ названіемъ „Придворный“. Подобно Лопе де Вега Кальдеронъ имѣлъ множество подражателей, въ числѣ которыхъ находятся люди очень даровитые. Таковъ напримѣръ Франсиско де Рохасъ, имѣвшій очень изобрѣтательную фантазію, но впадавшій иногда въ напыщенность, въ такъ называемый гонгоризмъ. Изъ его драмъ назовемъ „Никто кромѣ короля или Гарсія дель Кастаньяръ“ (Прославленіе преданности королю), „Кто король, тотъ не можетъ быть отцомъ“, „Бракъ по мщенію“ (содержаніе напоминаетъ драму Кальдерона „Врачъ своей чести“). Морето-и-Кабанья, принявшій въ старости подобно многимъ другимъ драматургамъ монашество, искусно

перерабатывалъ готовый матеріалъ и заслужилъ знаменитость своими историческими драмами, изъ которыхъ назовемъ одну, „Благородный судья Кастильскій“. (Этотъ судья Петръ Жестокій, король кастильскій, котораго многіе испанскіе поэты прославляли за строгое правосудіе); еще лучше его веселыя драмы „Милый Донъ Діаго“, „Донья Діана“ (послужившая образцомъ для „Принцессы Элидской“ Мольера). Характеры у Морето очерчены хорошо, нравы изображены вѣрно, комизмъ удаченъ. Хорошими подражателями Кальдерона были: Матось Фрагосо, португалець, писавшій по испански (изъ его драмъ назовемъ „Мудрецъ въ уединеніи и поселянинъ у себя дома“); Хуанъ Ваутиста Діаманте (авторъ драмы „Сынъ почтительный къ отцу“), Альваро Кувильо де Арагонъ (написавшій драму „Превосходная жена“), Хуанъ де ла Гесъ (авторъ драмы „Наказаніе скупости“), Антоніо де Солисъ (написавшій исторію Мексики и переложившій въ драматическую форму новеллу Сервантеса „Мадридская цыганка“).

Драма была самымъ любимымъ видомъ поэзіи у испанцевъ, потому очень многіе талантливые люди становились драматургами; эпическая и лирическая поэзія находились въ пренебреженіи. Напыщенные лирическія стихотворенія гонгористовъ не заслуживали любви публики. Замѣчательный лирическій поэтъ былъ въ то время одинъ, Эстебанъ Мануэль Вильегасъ († 1669 г.). Онъ прекрасно подражалъ Горацию, переводилъ и передѣлывалъ греческихъ лириковъ; его оды, пѣсни, элегіи, идилліи изящны, онѣ нравились высшему обществу и автора ихъ называли испанскимъ Анакреономъ.

4. Испанская живопись.

Въ испанской живописи національный элементъ довольно долго боролся съ итальянскимъ. Наконецъ итальянскій восторжествовалъ и при горячей религіозности народа, при покровительствѣ двора, одобрявшаго религіозное направленіе искусства, возникли въ Севильѣ, Мадридѣ, Валенсіи школы живописи, служившей интересамъ католичества. Въ концѣ XV вѣка, когда еще только начинала развиваться въ Испаніи живопись, она уже замѣтно подчинялась вліянію фламандской и брабантской школъ. Когда владѣтели Нидерландовъ стали королями испанскими, то и въ искусство, какъ въ политическую жизнь Испаніи проникло сильное вліяніе нидерландцевъ, потому что они превосходили испанцевъ образованностью. Картина Педро Кампаньи «Снятіе со креста» (находящаяся въ севильскомъ кафедральномъ храмѣ) еще имѣетъ старинный самостоятельный характеръ; но современники Кампаньи уже подражали итальянцамъ: Луисъ де Варгасъ—Рафаэлю (въ своихъ запрестольныхъ образахъ), Висенте Хоанесъ и Хуанъ Фернандесъ Наваррете—Тиціану. Съ развитіемъ ненависти къ протестантству и католическаго фанатизма въ Испаніи живопись

Кампанья
1503—1580.

Варгасъ
1502—1568.

Хоанесъ
1523—1579.

стала выразительницей религіозной экзальтаціи. Не было живописцевъ равныхъ испанскимъ въ изображеніи аскетизма, экстаза фанатической безпощадности. Подобно тому, какъ церковь въ Испаніи ослѣпляла народъ великолѣпными зрѣлищами процессій, живопись блистала яркостью красокъ, силой колорита, эффектноcтью стиля; испанцы подражали яркости колорита венеціанскихъ и фламандскихъ живописцевъ. Этотъ характеръ получила испанская живопись въ Севильѣ. Франсиско Пачеко еще слѣдовалъ прежнему направленію, но Хуанъ де Ласъ Роэласъ и его ученикъ Франсиско Сурваранъ (Zurbaran) даже любили изображать религіозный экстазъ и подражали колориту венеціанцевъ. Знаменитѣйшее произведеніе этого стиля — картина Сурварана «Томас Аквинатъ» (находящаяся въ Севильѣ).

Наваррете
1526 — 1579.

Пачеко
1571 — 1654.

Роэласъ
1558 — 1625.

Сурваранъ
1598 — 1662.

Но владычество религіознаго направленія не совершенно подавляло въ испанской живописи реализмъ. Діэго Веласкесъ де Сильва, долго жившій въ Италіи, писалъ кромѣ религіозныхъ картинъ жанровыя и наибольшую знаменитость пріобрѣлъ превосходными портретами, которыхъ писалъ много, будучи придворнымъ живописцемъ Филиппа IV; онъ умѣлъ прекрасно понимать характеры людей и передавать ихъ личныя особенности. Еще больше реализма у знаменитѣйшаго изъ испанскихъ живописцевъ Бартоломé Эстевана Мурильо. Онъ и Веласкесъ самые вѣрные представители господствовавшихъ направленій душевной жизни испанцевъ, фанатизма ихъ, гордившагося своею чистотою отъ всякихъ сомнѣній, безусловной преданности королю и беззаботнаго наслажденія веселымъ шумомъ народнаго быта въ обстановкѣ прекрасной природы. Веласкесъ въ портретахъ Филиппа IV, Иннокентія X, инфанты Маргареты и многихъ другихъ лицъ высокаго общественнаго положенія выказываетъ энтузіазмъ преданности людямъ, получившимъ отъ Бога величіе власти; онъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи драматургамъ. Мурильо въ своихъ Мадоннахъ, воссѣдающихъ на престолѣ, стоящемъ на облакахъ, и сіяющихъ свѣтомъ небеснымъ, проявляетъ религіозный энтузіазмъ, выраженіе котораго умѣетъ придавать лицамъ этихъ Мадоннъ, съ блаженнымъ чувствомъ обращающихъ взоры къ небу; но на другихъ его картинахъ съ такой же любовью изображена веселая праздная жизнь беззаботныхъ простолюдиновъ. Таковы его молодые уличные бродяги на картинѣ, находящейся въ мюнхенской Пинакотекѣ. У него много такихъ картинъ, изображающихъ жизнь простого народа, которую описывали Сервантесъ и авторы романовъ, имѣющихъ главными своими лицами бродягъ и плутовъ.

Веласкесъ
1599 — 1660.

Мурильо
1618 — 1682.

Но вообще говоря картины Мурильо производятъ тяжелое впечатлѣніе характеромъ тѣхъ понятій, выраженіемъ которыхъ служатъ. Для любителя психологіи очень занимательно изучать на его религіозныхъ картинахъ выраженіе экстаза, доходящаго до галлюцинацій; каждому знатоку искусства интересны эффектныя сцены на его кар-

Переда
1590—1669.
Миранда
1614—1685.
Ривальта
1551—1628.

тинахъ изъ простонародной жизни; но это жизнь людей праздныхъ, лѣнивыхъ, судьба которыхъ нищета; а энтузіазмъ въ религіозныхъ картинахъ Мурильо фанатиченъ, чуждъ человѣчности, безпощаденъ. Въ XVI вѣкѣ, когда Испанія была главной частью могущественной монархіи и находилась въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подвластными землями, имѣвшими болѣе высокую цивилизацію, умственная жизнь въ ней поддерживалась вліяніемъ этихъ чужихъ цивилизацій; тогда испанская живопись получила развитіе, на высотѣ котораго держалась довольно долго и въ XVII вѣкѣ; она имѣла въ первой половинѣ этого столѣтія много хорошихъ художниковъ. Таковы были живописцы: Антоніо Переда, Хуанъ Каренья де Миранда, валенсійскій живописецъ Франсиско Ривальта (Ribalta). Но у нихъ уже не было творческой геніальности; упадокъ національной жизни не давалъ силъ для нея; художники подражали своимъ болѣе сильнымъ предшественникамъ или современнымъ итальянскимъ живописцамъ, испорченный стиль которыхъ казался имъ хорошъ. Вообще говоря испанская живопись не имѣетъ такого высокаго значенія, какъ нидерландская; геній испанской націи проявилъ свое творчество въ поэзіи сильнѣе, чѣмъ въ живописи.

Въ эпоху Кальдерона литературная и художественная дѣятельность испанцевъ достигла своего апогея. Прекращеніе Габсбургской династіи нанесло ей тяжелый ударъ. Съ политическимъ паденіемъ падала и она, подчинилась вліянію Франціи, которая прежде находилась подъ литературнымъ вліяніемъ Испаніи.

У. ИТАЛІЯ.

1. Общій обзоръ.

Въ итальянскихъ владѣніяхъ Испаніи свобода, какъ мы говорили, была подавлена, общественная жизнь заглохла. То же самое происходило и въ независимыхъ итальянскихъ государствахъ, владѣтели которыхъ, пользуясь раздорами гражданъ, захватили себѣ неограниченную власть. О состояніи церковнаго государства мы уже говорили въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ этого тома. Въ Тосканѣ Медичи своимъ абсолютизмомъ подавили республиканскія чувства; Венеціей правила наслѣдственная аристократія, считавшая власть своей собственностью, державшая національную жизнь подъ надзоромъ, сковывавшая ее строгими законами, обращающая силы государства на служеніе своимъ интересамъ,—въ Генуѣ борьба старой аристократіи съ новой заглушала патріотизмъ и ставила государство въ зависимость отъ иноземныхъ вліяній; савойская династія стара-

лась укрѣплять свое могущество хитрой политикой и расчетливыми союзами; мелкіе владѣтели сѣверной и средней Италіи думали только о своихъ династическихъ выгодахъ, по расчету которыхъ обыкновенно угождали Габсбургамъ, такъ что вліяніе этого дома господствовало надъ всей Италіей. Этой политики держались Гонзаги, герцоги мантуанскіе и монферратскіе и младшія линіи ихъ фамиліи, владѣвшія маленькимъ областями; знаменитые блескомъ своего двора Эсте, герцоги феррарскіе и моденскіе; владѣтели Массы и Каррары, владѣтели Мирандолы и другіе мелкіе государи Средней Италіи. Гримальди, владѣвшіе Монако, сохраняли благодаря покровительству Габсбурговъ, свою независимость отъ герцоговъ савойскихъ и королей французскихъ, считаясь, подобно государямъ Средней Италіи, вассалами имперіи. Ленныя отношенія къ ней были не тяжелы для итальянскихъ государей, ограничиваясь тѣмъ, что тотъ или другой изъ нихъ давалъ иногда нѣсколько сотъ солдатъ императору, чтобы получить отъ него какую нибудь почесть. Тяжеле было государямъ Средней Италіи защищать свои владѣнія отъ нападеній папъ, желавшихъ расширить свое государство. Нѣкоторыя маленькія земли считались флорентійскими или испанскими ленами, оставаясь подъ верховной ленной властью императора.—Всѣ итальянскіе государи ввели у себя абсолютизмъ; отъ сеймовыхъ учрежденій оставалась лишь тѣнь, да и то не вездѣ; самоуправленіе въ городахъ существовало только по формѣ, на самомъ дѣлѣ городскіе правители были агентами государей. Содержаніе итальянской исторіи того времени составляютъ династическія и придворныя событія и споры между государями за титулы. Общественная жизнь сохранялась только въ придворныхъ праздникахъ, въ наслажденіи театромъ, музыкой; эти удовольствія должны были по системѣ абсолютизма служить вознагражденіемъ народу за утрату свободы и благосостоянія. Итальянское искусство еще оставалось на высотѣ, какой не достигало у другихъ націй. Испанская и французская литература еще заимствовала образцы для своихъ произведеній изъ итальянской; нѣмцы еще подражали Марини. Высшія сословія всѣхъ западныхъ націй еще подражали итальянскому свѣтскому обществу, старались усвоить себѣ его изящество; но жизнь итальянской націи замирала подъ гнетомъ деспотизма. Изъ прежняго кондотьерства развилось бандитство. Шайки разбойниковъ грабили по большимъ дорогамъ и даже по улицамъ городовъ. Бандиты служили орудіями деспотизма правителей и мщенія частныхъ людей. Они по найму убивали всякаго указаннаго имъ. Буйные владѣтели замковъ въ римской Кампаньѣ, въ тосканскихъ мареммахъ, въ южно-итальянскихъ горахъ держали на жаловань у себя сотни бандитовъ. Итальянскій народъ изнемогалъ подъ давленіемъ испанской и туземной тираніи, казался умирающимъ.

II. СѢВЕРНАЯ ИТАЛІЯ.

1. Савоія и Піэмонтъ.

Эмануэль
Филибертъ.
1559--1580

Эмануэль Филибертъ, полководецъ Карла V и Филиппа II, жилъ изгнанникомъ изъ своего государства, пока отцовское наслѣдство было возвращено ему като-камбрѣзійскимъ миромъ. Отецъ его умеръ въ 1553 году; но шесть лѣтъ онъ имѣлъ только титулъ герцога савойскаго. По заключеніи мира, Эмануэль Филибертъ женился на сестрѣ Генриха II, Маргаритѣ, которой братъ далъ богатое приданое. Съ возвращеніемъ государства ему, для герцогства савойскаго началось время политическаго возрожденія. Французскія войска нѣсколько лѣтъ оставались въ Туринѣ, Пиньеролѣ и нѣкоторыхъ другихъ крѣпостяхъ; наконецъ совершенно очистили герцогство. Филиберту Эмануэлю было бы пріятно овладѣть областями по Леману и восточной сторонѣ Юры, Женевы, Водской землею, нижнимъ Валлисомъ, которыя были утрачены его предками. Но онъ подчинялся расчетамъ благоразумія, не сталъ воевать съ швейцарцами. По договору, заключенному между Савоіей и Берномъ въ Лозаннѣ, въ октябрѣ 1564, границею была признана середина Женевского озера; такъ что Шабле и весь южный берегъ остались за Савоіей, Водская земля за Швейцаріей; Савоія признала независимость Женевы, за которой остался Шильонъ. Герцоги савойскіе долго мечтали о возвращеніи прежнихъ своихъ владѣній за Женевскимъ озеромъ, старались поддерживать симпатію, какую сохраняли къ прежнимъ своимъ государямъ дворяне этихъ земель и епископъ лозаннскій, возбуждали заговоры, возстанія. Но все оставалось напрасно.—Французскія междоусобія находили отголосокъ себѣ въ Савоіѣ и французской части Швейцаріи; Бернъ и французское правительство зорко наблюдали за этими движеніями, предупреждали волненія дипломатическимъ и военнымъ вмѣшательствомъ. Реформація, введенная при содѣйствіи Берна въ Водской землѣ и нижнемъ Валлисѣ, образовала крѣпкую духовную связь этихъ областей съ Женевой, и отдѣлила ихъ неодолимой преградой отъ герцоговъ савойскихъ, покровителей папизма. Французскіе гугеноты, считавшіе Женеву своей церковной столицей, и реформатскіе кантоны Швейцаріи находили чрезвычайно важнымъ для себя то, чтобы Женева не попала вновь подъ владычество герцоговъ савойскихъ. Потому всѣ попытки герцоговъ возвратить себѣ потерянные свои сѣверныя владѣнія оставались напрасны. Женева только находилась въ союзѣ съ швейцарскою федераціей, а не была включена въ составъ ея; на этомъ герцоги савойскіе основывали свою надежду покорить городъ; при ихъ помощи сосѣдніе дворяне дѣлали внезапныя нападенія на Женеву; но Франція выражала неудовольствіе на это;

еще важнѣе было то, что Бернъ угрожалъ за это войной; герцоги пугались, и Женева сохраняла свою независимость.

Эмануэль Филибертъ едва ли когда имѣлъ серьезное намѣреніе разрушить лозанскій миръ. У него было достаточно хлопотъ въ своемъ герцогствѣ: надобно было прежде всего упрочить тамъ свою власть, возстановить благосостояніе, разстроенное иноземнымъ господствомъ. Онъ научился въ изгнаніи многому, пригодившемуся для этой надобности. Онъ видѣлъ въ Нидерландахъ цвѣтущее состояніе земледѣлія, видѣлъ богатство, даваемое промышленностью и торговлей и, насколько могъ, старался о развитіи мирнаго труда въ своемъ государствѣ; а для развитія просвѣщенія, онъ основалъ университетъ въ Мопдови. Но онъ былъ враждебенъ свободнымъ учрежденіямъ, хотѣлъ уничтожить самоуправленіе городовъ, участіе сеймовъ въ управленіи государствомъ; онъ раздѣлялъ понятія Филиппа II, хотѣлъ ввести абсолютизмъ, требовалъ отъ подданныхъ безмолвнаго повиновенія. Подобно Филиппу онъ окружилъ себя государственнымъ совѣтомъ, членовъ котораго назначалъ по произволу; они безусловно исполняли его волю: но онъ слагалъ съ себя на нихъ отвѣтственность за мѣры, возбуждавшія неудовольствіе. Государственный совѣтъ устанавливалъ налоги, не спрашивая согласія сейма. Герцогъ освободилъ дворянъ отъ военной повинности, обложивъ ихъ взаимнѣе ея податью. Имѣя деньги, онъ содержалъ наемниковъ, которые были болѣе усердными слугами, чѣмъ феодальное ополченіе. Введеніе абсолютизма было облегчено раздорами вельможъ, дѣлившихся на французскую и габсбургскую партіи, участіемъ другихъ сословій въ этой борьбѣ; благопріятствовала герцогу и религіозная борьба: въ горахъ оставались вальдійцы, реформація пріобрѣла послѣдователей въ Піэмонтѣ; и религіозныя несогласія подданныхъ, подобно политическимъ, ослабляли ихъ сопротивленіе абсолютизму вводимому Эмануэлемъ Филибертомъ.—Въ иностранной политикѣ онъ проложилъ своимъ преемникамъ путь, которымъ успѣшно шли они: герцогъ искалъ дружбы могущественныхъ сосѣдовъ, не отказываясь изъ-за нея отъ свободы дѣйствій, руководясь только расчетомъ собственныхъ выгодъ. Онъ постоянно сохранялъ родственное расположеніе къ Габсбургской династіи. Онъ пріѣхалъ въ 1566 году на аугсбургскій сеймъ и далъ императору Максимилиану нѣсколько сотъ всадниковъ на войну съ турками; этимъ онъ показалъ, что желаетъ сохранить прежнюю связь Савойи съ нѣмецкой имперіей. Когда въ слѣдующемъ году Альба собралъ въ Ломбардіи войско для усмиренія Нидерландовъ, Эмануэль Филибертъ далъ ему свободный путь черезъ Піэмонтъ. Но любовь къ Габсбургамъ не мѣшала ему быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ французской династіей, онъ оказывалъ услуги Карлу IX и Катеринѣ Медичи въ ихъ войнахъ съ гугенотами; когда Генрихъ III возвращался изъ Польши во Францію черезъ сѣверную Италію, Эмануэль

Филибертъ принялъ его съ большой любезностью, устроивалъ въ удовольствіе ему великолѣпные праздники.

Такимъ образомъ, правленіе Эмануэля Филиберта, длившееся 21 годъ, было полезно для страны; правда, народъ былъ обремененъ тяжелыми налогами; но такъ было тогда вездѣ; правда, Эмануэль Филибертъ лишилъ народъ всякаго участія въ управленіи дѣлами,— рапортился всѣмъ самовластно, но всѣ государи держались тогда той же системы.

Карлъ
Эмануэль.
1580—1630.

Эмануэль Филибертъ умеръ въ 1580 году. Сынъ его, Карлъ Эмануэль, былъ достойнымъ преемникомъ отца, получилъ названіе «Великаго» и царствовалъ 50 лѣтъ.

При Эмануэлѣ Филибертѣ государство окрѣпло; новый герцогъ сталъ думать о его расширеніи. Женившись (въ августъ 1585) на Катеринѣ, дочери Филиппа II, онъ сталъ союзникомъ Габсбурговъ. Во Франціи шла тогда война лиги съ Генрихомъ III; Филиппъ думалъ, пользуясь этимъ междоусобіемъ, подчинить себѣ Францію. Въ Швейцаріи, гдѣ была учреждена Сикстомъ V нунціатура для объединенія папистовъ, католическіе кантоны заключили въ 1586 году Золотой (или, иначе, Борромейскій) союзъ, съ обѣщаніемъ «вѣчно оставаться при несомнѣнной древней апостольской римско-католической вѣрѣ». Въ слѣдующемъ году горные кантоны, Цугъ, Люцернъ и Фрейбургъ заключили союзъ съ Филиппомъ II; они обязались дозволить королю вербовку наемниковъ у нихъ и пропускать черезъ свои земли всякихъ идущихъ къ нему наемниковъ, а онъ обѣщался помогать имъ, если они подвергнутся войнѣ за свою вѣру. Карлъ Эмануэль надѣялся овладѣть при помощи Филиппа и Гизовъ маркграфствомъ салуццскимъ, которое по прекращеніи прежней династіи Генрихъ Наваррскій присоединилъ къ Франціи, называя его леномъ области Дофинне; герцогъ савойскій хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ нанести ударъ швейцарскимъ реформатамъ. Въ 1588 году онъ, при помощи вице-короля миланскаго, овладѣлъ Ченталло, Салуццо, Кастель-Дельфино, отвергая всякіе переговоры съ французскимъ дворомъ. Удача этого похода внушала ему надежду покорить Женеву и прежнія савойскія владѣнія въ Водской землѣ. Онъ увеличилъ свои гарнизоны въ Тононѣ, Жесѣ (Gex) и Нижнемъ Валлисѣ; поставилъ войско въ окрестностяхъ Женевы; савойская партія устроила въ Лозаннѣ заговоръ (который, впрочемъ, былъ открытъ). Въ Швейцаріи пропаганда Карла Борромейскаго, іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ снова разожгла фанатизмъ католиковъ; Люцернъ, горные кантоны, верхній Валлисъ и Фрейбургъ были бы рады покоренію еретическихъ городовъ по берегамъ Женевского озера католическимъ государемъ, который возвратилъ бы ихъ въ истинную церковь. Бернъ снова оказалъ тогда важную услугу Женевѣ. По приглашенію съ Генрихомъ Наваррскимъ, который сдѣлался около этого времени королемъ французскимъ, шультгейсъ бернскій Йоганнъ Ват-

тенвиль пошелъ на герцога савойскаго и побѣдой при Сень-Жуарѣ освободилъ Женеву отъ опасности нападенія; но она возобновилась, когда завидовавшая Женевѣ партія, главою которой былъ Ваттенвиль, приобрѣла (въ 1589) большое вліяніе на политику Берна, устроила примиреніе съ герцогомъ савойскимъ на основаніи лозаннскаго трактата и предоставила Женеву на волю судьбы. Женевцы не упали духомъ. Они знали, что герцогъ, выгнавшій протестантовъ изъ занятыхъ имъ земель, хочетъ поработить Женеву, возстановить въ ней католичество, и рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ. Генрихъ IV, досадовавшій на то, что герцогъ отнялъ у него Салуццо, помогалъ имъ и они отбивались отъ войскъ герцога. Война длилась три года; главныя свои силы герцогъ обращалъ противъ Генриха, надѣясь отнять пограничныя области у него, занятаго войной съ лигой и союзниками ея, испанцами. Франція казалась разпадающеюся, Гизы и другіе лигистскіе вельможи хотѣли стать государями областей, занятыхъ войсками ихъ; Филиппъ II распоряжался во Франціи, какъ покровитель лиги. Герцогу савойскому было повидимому не трудно овладѣть сосѣдней частью Прованса. Филиппо Эсте маркизъ Санъ-Мартино, родственникъ герцога Феррарскаго, находившійся на испанской службѣ, привелъ изъ Милана испанское войско Карлу Эмануэлю; при его помощи герцогъ овладѣлъ Антибомъ, Фрежюсомъ и въ ноябрѣ 1590 вступилъ въ Эсъ (Aix); провансальскіе лигисты принимали его съ радостью, помогали ему; занявъ Марсель, онъ поѣхалъ въ Мадридъ просить новыхъ подкрѣпленій у Филиппа. Но успѣхи его были непродолжительны. Генералы Генриха Ледигьеръ и герцогъ Эпернонъ вытѣснили его изъ Прованса, прогнали за Альпы, готовились идти въ его владѣнія. Когда Генрихъ принялъ католичество и Франція стала успокоиваться подъ его властью, герцогъ савойскій лишился надежды отнять что нибудь у него. Генрихъ былъ занятъ другими дѣлами. Война его съ герцогомъ шла вяло, была перерываема перемиріями и прекратилась по вервеннскому миру, заключенному Филиппомъ II съ Генрихомъ.

Но споръ о маркграфствѣ салуццкомъ не былъ разрѣшенъ этимъ договоромъ. Генрихъ не хотѣлъ отказаться отъ Салуццо; Карлъ Эмануэль не хотѣлъ возвратитъ ему область, которой владѣлъ ужъ больше десяти лѣтъ. Наконецъ при посредничествѣ Климента VIII было заключено въ январѣ 1601 соглашеніе, по которому Генрихъ уступилъ герцогу савойскому маркграфство салуццское и отказался отъ ленныхъ правъ надъ этой областью, а герцогъ уступилъ королю землю по Ронѣ отъ Женевы до Ліона, области Брессъ, Бюже, Вальроме и городъ Жесъ. Но Карлу Эмануэлю не хотѣлось бросить мысли о завоеваніяхъ. Онъ раскаивался въ заключеніи мира, надѣялся овладѣть Провансомъ, при содѣйствіи Бирона, задумавшаго измѣнить Генриху; еще больше было у него желанія и надежды овла-

дѣтъ Женевой. Во время войны съ Генрихомъ онъ заключилъ съ ней перемиріе, но рассчитывалъ при первой возможности возобновить нападеніе на нее. Женевскіе католики готовы были помогать ему. Въ тѣ времена религіозная вражда была сильнѣе патріотизма. Такъ на-примѣръ аппенцельскіе пастухи, жившіе согласно между собой много столѣтій, поссорились изъ-за религіи, начали междоусобіе и въ 1597 году центральная часть кантона, въ которой одолѣли католики, отдѣлились отъ остального, реформатскаго, кантона.—Въ Женевѣ составилъ католическій заговоръ для отдачи города подъ покровительство герцога савойскаго. Ночью съ 11 на 12 декабря 1602 савойскія войска тайно подошли къ Женевѣ, приставили лѣстницы къ стѣнамъ и уже взлѣзли на нихъ, когда протестантская масса населенія узнала, что на городъ нападаетъ врагъ; граждане взяли за оружіе и геройскимъ усиліемъ отогнали нападающихъ. Женевцы до сихъ поръ празднуютъ годовщину этого спасенія своего отъ порабожденія. Они усилили укрѣпленіе города, такъ что онъ сталъ безопасенъ отъ подобныхъ неожиданныхъ нападеній.

Незадолго передъ смертью герцога савойскій увидѣлъ случай пріобрѣсти маркграфство монферратское. По прекращеніи прежней династіи въ 1531 году оно досталось Фердинанду Гонзагъ, герцогу мантуанскому, усердному слугѣ Карла V, бывшему намѣстникомъ его въ Миланѣ. Почти сто лѣтъ герцоги мантуанскіе владѣли Монферратомъ, пріобрѣли въ это время Гвасталлу и нѣсколько другихъ мелкихъ владѣній. Родственникъ герцоговъ мантуанскихъ, Лодовико Гонзага, поступивъ на французскую службу, пріобрѣлъ герцогство немурское женитьбой на Генріэттѣ, дочери и наслѣдницѣ Франсуа, герцога неversaкого. Ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ. Старшая линия рода Гонзагъ, владѣвшая Мантуей, имѣвшая великолѣпные дворцы тамъ и въ Казале, дававшая въ обѣихъ этихъ резиденціяхъ блестящіе праздники и съ неизмѣнной вѣрностью сохранявшая преданность Габсбургскому дому, прекратилась въ 1627 со смертью герцога Виценція II. Карлъ Эмануэль заявилъ притязанія на граничившее съ его владѣніями маркграфство монферратское, выводя свои права изъ прежнихъ ленныхъ отношеній и родственныхъ связей. Это повело къ войнѣ, о которой мы будемъ говорить послѣ. Карлъ Эмануэль не дожилъ до конца ея, но сынъ и преемникъ его Викторъ Амадей получилъ въ 1631 году по Кіэраскому миру часть маркграфства монферратскаго.

2. Г е н у я.

Съ того времени какъ Андрей Дорія упрочилъ въ Генуѣ республиканскую форму правленія, это государство находилось въ тѣсней-

шемъ союзѣ съ Габсбургами; генуэзскія галеры составляли важнѣйшую часть императорскаго и испанскаго флотовъ, адмиралами которыхъ были генуэзцы, обыкновенно изъ фамиліи Доріи. Генуэзскіе матросы и морскіе солдаты служили на корабляхъ Карла V и Филиппа II. Дружба съ Габсбургами доставляла Генуѣ большія выгоды, отчасти вознаграждавшія ее за потерю владѣній въ Левантѣ и на Эгейскомъ морѣ. Турки отнимали одно за другимъ эти владѣнія, захватили наконецъ и островъ Хіосъ, послѣднее изъ нихъ. Торговля съ Испаніей была очень выгодна для генуэзцевъ. Въ испанской Италіи они захватили въ свои руки значительную часть и торговли и промышленности; служба въ габсбургскомъ флотѣ давала имъ кромѣ жалованья и наградъ много добычи. Полезна была Генуѣ дружба Габсбурговъ и въ политическомъ отношеніи. Вліяніемъ Карла V поддерживалась власть Андрея Доріи, охранявшаго Геную отъ прежнихъ междоусобій. Устанавливая республиканское устройство, Андрей Дорія расчетливо распредѣлилъ участіе въ управленіи между старой аристократіей, новыми вельможескими фамиліями и массой горожанъ, чтобъ успокоилась взаимная зависть между ними и развился патріотизмъ. Очень искусно были съ этой цѣлью разграничены права Большого и Малаго совѣтовъ и другихъ правительственныхъ коллегій. Но привычная вражда между знатными фамиліями продолжалась; было много недовольныхъ учрежденіями, введенными при содѣйствіи военной силы. Можно было называть ихъ наложенными на Геную произволомъ Карла V. Многіе завидовали могуществу, которымъ пользовались Доріи; всѣхъ тревожило опасеніе, что по смерти старика Андрея Доріи захватитъ въ руки власть племянникъ его, Джанеттино Дорія, надменный молодой человѣкъ. Андрей Дорія поручалъ начальство надъ флотомъ племяннику; Джанеттино удачно сражался съ Драгутомъ; императоръ оказывалъ большую благосклонность племяннику Андрея Доріи.

У молодого человѣка закружилась голова отъ гордости; своимъ высокомеріемъ онъ оскорблялъ другихъ вельможъ. Старая вражда рода Фіэски къ Доріямъ возобновилась; глава рода Фіэски, богатый, даровитый Жанъ Луиджи Фіэски, графъ Лаванья, получивъ личное оскорбленіе отъ Джанеттино, задумалъ низвергнуть его и ввести Геную въ лигу, которую стали формировать въ Италіи папа и агенты короля французскаго. Пієръ Луиджи, герцогъ пармскій и піаченцскій, племянникъ Павла III, сильно хлопоталъ въ пользу этой лиги враждебной Габсбургамъ.—Графъ Лаванья очень искусно велъ подготовку переворота. Онъ тайно набралъ много волонтеровъ изъ арендаторовъ своихъ имѣній; подъ предлогомъ экспедиціи противъ корсаровъ онъ набралъ нѣсколько сотъ наемниковъ. Недовольные вельможи и дворяне охотно вступили въ заговоръ, устраиваемый имъ. Въ ночь съ 1 на 2-ое января 1547 заговорщики подъ начальствомъ графа

Лаваньи и его братьевъ Джирольмо и Оттобуоно Фіэски. пошли захватить флотъ и овладѣть воротами Св. Антонія. Джанеттино былъ убитъ; Андрей Дорія бѣжалъ въ замокъ, принадлежавшій Спиноламъ. Заговорщики одержали, казалось, полный успѣхъ. Но случайность дала другой оборотъ дѣлу. Графъ Лаванья, идя на галеру, оступился въ темнотѣ, упалъ въ воду; на немъ были латы, онъ пошелъ ко дну. Онъ былъ душою заговора, съ его смертью исчезло единство дѣйствій, заговорщики смутились, утратили надежду на успѣхъ и положили оружіе, когда имъ было обѣщано прощеніе. Всѣ Фіэски бѣжали изъ города. Андрей Дорія убѣдилъ правительственный совѣтъ отмѣнить амнистію. Братья графа Лаваньи и другіе помощники его были изгнаны изъ генуэзскихъ владѣній, имѣнья его были конфискованы, прекрасный дворецъ его разрушенъ. — Андрей Дорія, достигнувъ глубокой старости, умеръ въ ноябрѣ 1560.

Жена графа Лаванья Элеонора Чибо, женщина очень умная, удалилась въ княжество Масса-Каррарское, принадлежавшее ея фамиліи, и чрезъ нѣсколько времени вышла за тосканскаго генерала Чиппино Вителли, который, поступивъ на испанскую службу, былъ убитъ въ 1576 при осадѣ Зирпкезе. Элеонора умерла въ 1594 во Флоренціи. Джумо Чибо вступилъ въ заговоръ противъ Андрея Доріи, составленный генуэзскими эмигрантами, былъ схваченъ въ Повтремоли и казненъ въ Миланѣ (въ 1548.)

Графъ Лаванья и его сообщники кромѣ личныхъ мотивовъ имѣли и политическую цѣль. Доріи и дружные съ ними Спинолы, также имѣвшіе очень сильное вліяніе на дѣла, были усердными приверженцами Габсбурговъ; заговорщики хотѣли возобновить прежній союзъ Генуи съ Франціей. Ихъ дѣло не удалось, но въ Генуѣ осталось много людей недовольныхъ союзомъ съ Габсбургами, расположенныхъ къ Франціи. Франція была тогда обезсилена религіознымъ междоусобіемъ, потому въ Генуѣ осталось господствующимъ испанское вліяніе. Въ 60-хъ годахъ поднялось возстаніе въ Корсикѣ, находившейся подъ генуэзской властью. Корсиканцы хотѣли отдать свой островъ подъ покровительство короля французскаго. Но при помощи испанскаго флота генуэзцы подавили возстаніе. Вскорѣ послѣ того, въ 1568 году, возникло междоусобіе въ самой Генуѣ. Новая аристократія, могущество которой постоянно росло чрезъ принятіе въ нее (аггрегацию) разбогатѣвшихъ простолюдиновъ, пріобрѣтало все больше и больше вліянія на дѣла; старая аристократія хотѣла сохранить власть, обратилась къ помощи короля испанскаго. Это раздражило новую аристократію; она взволновала народъ. Фамиліи старой аристократіи удалились изъ города, заняли отрядами своихъ наемниковъ сосѣднія укрѣпленія, просили помощи у короля испанскаго, императора, папы. Новая аристократія и масса гражданъ готовились къ войнѣ, просили помощи у короля французскаго. Въ это время, въ 1575 году, Донъ

Хуанъ Австрійскій, прославленный побѣдой при Лепанто, вошелъ съ флотомъ въ Спеційскій заливъ; онъ говорилъ, что приплылъ взять на свои корабли миланское войско для новой экспедиціи противъ турокъ. Но генуэзцы знали, что онъ желаетъ пріобрѣсти себѣ государство; они полагали, что онъ хочетъ при содѣйствіи эмигрантовъ овладѣть Генуей. Король французскій и великій герцогъ тосканскій, желавшіе уничтожить преобладаніе короля испанскаго въ Италіи, вступили въ сношенія съ генуэзцами, собирали войска. Филиппъ, обращающій главныя свои силы на покореніе Нидерландовъ, не хотѣлъ впутываться въ войну съ Франціей. Потому онъ вмѣстѣ съ императоромъ и папой сталъ убѣждать генуэзскія партіи примириться; собранныя на границахъ, французскія и тосканскія войска показывали генуэзцамъ, что въ случаѣ войны театромъ ея будетъ ихъ область; послѣ долгихъ споровъ партіи помирились въ мартѣ 1576 г., согласившись преобразовать конституцію; различіе правъ между старой и новой аристократіей было отмѣнено; обѣ онѣ слились въ одно сословіе; изъ него были избираемы 400 сенаторовъ; собраніе ихъ имѣло верховную власть. Вельможамъ было запрещено имѣть лавки для розничной торговли; они имѣли право вести только оптовую торговлю, мелочная продажа и ремесла были предоставлены простолюдинамъ, которымъ данъ былъ доступъ къ нѣкоторымъ второстепеннымъ должностямъ; ношеніе оружія было запрещено; по уголовнымъ дѣламъ былъ учрежденъ особый судъ (rota), членами котораго были три юриста, назначаемые изъ иностранцевъ. Для лучшаго примиренія ссоръ между разнородными элементами аристократіи былъ учрежденъ третейскій судъ. Въ составленіи этой благоразумной конституціи главнымъ дѣятелемъ былъ Маттео Сенарега, вельможа новой аристократіи. Благодаря ей Генуя долго пользовалась внутреннимъ миромъ и могла увеличить свою морскую торговлю, промышленность, банковыя дѣла. При нравственной поддержкѣ Генуи ввела у себя такую же конституцію Лукка и сохранила свою независимость отъ Флоренціи.

3. Парма.

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ неудачи заговора Фіэски, былъ убитъ (10 сентября 1547 г.), навлекшій на себя всеобщую ненависть своими злодѣйствами, Піеръ Луиджи Фарнезе, которому отецъ его папа Павелъ III доставилъ владѣтельство надъ Пармой и Піаченцей. Сынъ его Оттавіо Фарнезе, мужъ Маргареты, побочной дочери Карла V, наслѣдовалъ ему и черезъ нѣсколько времени убѣдилъ императора вывести изъ піаченцкой цитадели занимавшій ее испанскій гарнизонъ. Маргарета разошлась съ мужемъ. Отказавшись отъ управленія Нидерландами и возвратившись въ Италію, она стала жить въ неаполитанскихъ имѣніяхъ, подаренныхъ ей Филиппомъ. Она и мужъ

ея умерли оба въ 1586 году. Отцу наследовалъ Александръ Фарнезе, храбрый полководецъ, женатый на португальской принцессѣ. Для воинственнаго характера его не было дѣятельности въ маленькомъ его государствѣ, онъ предпочелъ быть правителемъ Нидерландовъ и прославился тамъ военнымъ талантомъ и политической хитростью. Онъ умеръ (въ Аррасѣ) 3 декабря 1592 г. Герцогомъ пармскимъ сталъ старшій сынъ его Рануччо, алчный и развратный тираннъ. Этотъ злодѣй въ 1612 году коварно вовлекъ нѣсколькихъ вельможъ въ заговоръ, чтобы казнить ихъ и конфисковать ихъ имѣнья. Родственники ихъ взялись за оружіе; но вмѣшательство Испаніи остановило междоусобіе. Рануччо умеръ въ 1622 году; ему наследовалъ сынъ его и Маргареты Альдобрандини, родственницы Климента VIII, Одоардо. Бракъ Рануччо съ нею долго оставался бездѣтнымъ, такъ что онъ назначилъ наследникомъ своего побочнаго сына Оттавіо. Когда родился законный сынъ, Рануччо сталъ опасаться, что отважный и любимый народомъ Оттавіо свергнетъ Одоардо, потому велѣлъ отвести его въ пармскую цитадель, изъ которой онъ уже и не вышелъ. Одоардо былъ даровитъ, краснорѣчивъ, но по тщеславію изнурялъ свое государство войнами.

Одоардо
1622—1646.

4. В е н е ц і я.

Соперница Генуи Венеція оставалась свободна отъ междоусобій, истощавшихъ силы генуэзцевъ. Замкнутая аристократія, державшая управленіе государствомъ въ желѣзныхъ рукахъ, предотвращала безпорядки внимательнымъ надзоромъ и террористическими мѣрами. Фамиліи новой аристократіи, получивъ съ 1582 года сильное вліяніе на дѣла, не произвели политическихъ реформъ, хотя держались либеральныхъ идей въ церковныхъ дѣлахъ. При всей энергіи, при всемъ искусствѣ своемъ, венеціанское правительство не могло поддержать прежняго могущества государства. Оно всякими способами: войнами, договорами, подарками старалось остановить турецкія завоеванія, сохранить свои владѣнія въ Морѣѣ и Архипелагѣ, свою торговлю съ Левантомъ; платило для этого даже дань туркамъ; но, какъ мы расскажемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, потеряло всѣ эти владѣнія, защищаемыя съ геройскимъ мужествомъ. Въ XVI столѣтіи турки завоевали Кипръ; въ XVII шла упорная борьба за Критъ. Въ Далмаціи, въ Истріи, въ юлійскихъ Альпахъ бродили толпы полудикихъ грабителей, нападавшихъ на венеціанскія владѣнія въ этихъ земляхъ.

Отъ древней Солоны до приморья, лежащаго на восточномъ берегу Адриатическаго моря противъ устій По, далматы и другіе славяне, бѣжавшіе отъ турокъ, составили военныя общины; этихъ людей называли ускоками (бѣглецами); они жили добычей. Пока они направляли свои морскія и сухопутныя нападенія на турокъ и мусульман-

скихъ корсаровъ, венеціанцы не мѣшали имъ, а императоръ покровительствовалъ имъ, какъ врагамъ турокъ. Но ускоки стали нападать и на венеціанскіе торговые корабли; при томъ султанъ требовалъ, чтобы венеціанцы, не пускавшіе турецкаго флота въ Адріатическое море, прекратили разбой на немъ; венеціанцы въ 1615 г. стали умирать ускоковъ, блокпировали ихъ гавани, старались совершенно отрѣзать ихъ отъ моря, осаждали ихъ крѣпости; ускоки оборонялись очень храбро, дѣлали набѣги на венеціанскую Истрію, захватили одну изъ венеціанскихъ галеръ. Австрійцы продолжали покровительствовать ускокамъ, врагамъ своихъ враговъ турокъ, пропускали ихъ черезъ свои земли; это повело къ войнѣ Венеціи съ императоромъ. Венеціанскія войска доходили до Гёрца и Градиски; австрійцы отмстили вторженіемъ во Фріуль; все гористое приморье по венеціанскому проливу было опустошаемо. Посредничество королей испанскаго и французскаго, великаго герцога тосканскаго и Карла Эмануэля савойскаго только раздражало воюющихъ. Венеціанцы въ 1617 г. на вербовали граубюнденскихъ наемниковъ и заключили союзъ съ нидерландцами.

Военныя тревоги возбудили въ нѣкоторыхъ честолюбцахъ мысль захватить власть надъ Венеціей и стать подъ покровительство Испаніи. Душою ихъ заговора былъ, кажется, герцогъ Оссунья, вице-король неаполитанскій, соучастниками его были испанскій посланникъ въ Венецію Алонсо де Куэва маркизъ Ведмаръ (Bedmar) и намѣстникъ миланскій Піэтро де Толедо; исполненіе дѣла было поручено французскимъ офицерамъ, находившимся въ венеціанской службѣ. Смерть дожа и послѣдовавшая скоро послѣ нея смерть новаго дожа, казались обстоятельствами, облегчавшими успѣхъ. Но Совѣтъ Десяти узналъ о заговорѣ и подавилъ его въ зародкѣ, схватилъ и казнилъ виновныхъ (въ маѣ 1618 г.).

По жалобѣ венеціанскаго посла при мадридскомъ дворѣ, испанское правительство отозвало маркиза Ведмара и Піэтро де Толедо, чтобы очистить себя отъ подозрѣнія въ соучастествѣ. Герцогъ Оссунья хотѣлъ воспротивиться отставкѣ, угрожавшей также ему, усиливалъ флотъ и войско; неаполитанцы роптали на увеличеніе налоговъ и на буйство солдатъ, стали жаловаться мадридскому правительству. Оссунья хотѣлъ упрочить свою власть демагогическими мѣрами, далъ нѣкоторыя облегченія простолюдинамъ, сталъ возбуждать ихъ противъ дворянства. Масса населенія приняла его сторону, отправила въ Мадридъ уполномоченнаго съ заявленіемъ Оссуньи и съ просьбой не отзывать его. Это не имѣло успѣха. Оссунья въ 1619 году взялъ на свою службу французскихъ и валлонскихъ наемниковъ, хотѣлъ, опираясь на массу народа, недовольную испанскимъ владычествомъ, отложиться отъ Испаніи, стать королемъ неаполитанскимъ. Дѣла Испаніи находились тогда въ такомъ разстройствѣ, что ему возможно было надѣ-

яться на успѣхъ; тѣмъ болѣе, что король французскій и герцогъ савойскій стали бы помогать ему, если бы предпріятіе его началось удачно. Вильгельмъ Оранскій, сдѣлавшись вождемъ народа, менѣе многочисленнаго, удержался противъ Испаніи, которая въ его время была гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Но теперь неаполитанцы были не голландцы; они слабо поддерживали Оссунью, робѣли, ждали пока французы и савойцы стануть помогать ему. Венеціанцы при всей своей непріязни къ испанцамъ находили, что узурпаторъ въ Неаполѣ будетъ опаснѣе для нихъ, чѣмъ король испанскій, и вообще не хотѣли переменъ въ положеніи дѣлъ; они стали дѣйствовать противъ Оссуньи; это окончательно разстроило его предпріятіе. Въ 1620 году приплылъ въ Гаэту новый вице-король; комендантъ неаполитанской цитадели Кастель Нуово тайно впустилъ его въ Неаполь; Оссунья увидѣлъ себя въ необходимости покориться, поплылъ въ Испанію, бросился къ ногамъ короля, увѣрялъ, будто своими демагогическими мѣрами хотѣлъ укрѣпить испанское владычество въ Неаполѣ, и былъ прощенъ.

5. Феррара и Модена.

Альфонсъ I
† 1535.

Геркулесъ I
1535—1555.

Когда Эсте, владѣвшіе имперскими ленами Моденой и Редджо, получили Феррару въ ленное владѣніе отъ папы, они стали сильнѣе и богаче другихъ мелкихъ государей средней Италіи, окружили себя великолѣпіемъ, стали покровителями искусствъ. Боярдо въ своей поэмѣ говоритъ, что родъ ихъ былъ предназначенъ сохранить на землѣ мужество, добродѣтель, изящество и веселье. Альфонсъ I и братъ его Ипполитъ прославились блескомъ своихъ дворовъ; принцессы ихъ семейства много содѣйствовали этому. Женою Альфонса была Лукреція Борджіа. Геркулесъ I слѣдовалъ отцовской системѣ, былъ приверженецъ Карла V, а жена его Рената (Ренé), дочь Людовика XII, дѣйствовала въ интересахъ Франціи. Мы говорили, что она была предана евангелическому ученію, что Марó, Кальвинъ и другіе дѣятели реформаціи находили покровительство у ней. Мужъ притѣснялъ ее за это, но она осталась вѣрна своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не измѣнила имъ и возвратившись во Францію, по смерти его.

Наибольшаго блеска достигъ феррарскій дворъ при сынѣ Геркулеса I Альфонсѣ II, покровителѣ и потомъ гонителѣ Торквато Тассо. Первою женою Альфонса была Лукреція Медичи; по ея ранней смерти онъ женился на эрцгерцогинѣ Барбарѣ; по этимъ бракамъ, онъ былъ въ дружбѣ съ великимъ герцогомъ тосканскимъ. Его сестра Лукреція, вышедшая за герцога Франциско урбинскаго, жила обыкновенно въ Феррарѣ; другая сестра Леонора, слабая здоровьемъ, вела тихую жизнь, но подобно Лукреціи была покровительница искусства и поэзіи, онѣ придали итальянскому придворному быту романтическую очар-

ровательность. Спектакли, дававшіеся при феррарскомъ дворѣ, какъ на примѣръ драмы *Castello di Gorgoferusa* и *Monte di Feronia*, и піэсы съ великолѣпными декораціями подготавливали возникновеніе оперы. Феррарскій театръ имѣлъ вліяніе на всю Италію. При дворѣ происходили состязанія поэтовъ, художниковъ, давались турниры, устраивались аллегорическія процессіи. Съ любовью къ великолѣпію въ Альфонсъ соединялось пламенное честолюбіе, увлекавшее его въ войны, которыя далеко превышали силы государства и обременяли народъ налогами; онъ былъ деспотъ, думавшій только объ удовлетвореніи своихъ страстей и прихотей. Въ 1566 онъ привелъ императору 4,000 человѣкъ войска; въ числѣ ихъ было 300 дворянъ съ прислугой. Черезъ два года, онъ послалъ такое же войско королю французскому. Феррара была очень сильной крѣпостью; милиція герцогства имѣла 27.000 человѣкъ. Много денегъ потратилъ Альфонсъ на хлопоты о выборѣ въ польскіе короли; по этому дѣлу ѣздилъ въ Краковъ посланникомъ отъ него Гуарини, знаменитый авторъ драмы *Pastor Fido*. Альфонсъ сильно тѣснилъ Болонью.

Онъ стремился увеличивать свои доходы не щадя благосостоянія народа. Онъ не заботился о поправкѣ плотинъ и каналовъ, которыми обуславливалось плодородіе земли; они разрушались; страна подвергалась наводненіямъ; онъ строго требовалъ уплаты податей отъ раззоренныхъ поселянъ. Съ каждаго контракта, онъ велѣлъ брать 10 процентовъ пошлины, бралъ десятую долю цѣны со всего, привозимаго въ городъ, взялъ себѣ монополію соли, установилъ новый налогъ на оливковое масло и, по совѣту своего финансиста Кристофана да-Фіуме, онъ взялъ въ монополію себѣ торговлю мукой и хлѣбомъ; сосѣдъ не смѣлъ дать въ заемъ сосѣду нѣсколько муки, ее надобно было покупать у герцога. Онъ дозволилъ охотиться лишь нѣсколько дней въ году и не больше какъ съ тремя собаками. Однажды онъ велѣлъ повѣсить шесть человѣкъ, и привѣситъ къ ногамъ ихъ убитыхъ ими фазановъ, въ знакъ того, что эти люди наказаны за воровство изъ герцогской фазановой рощи. Онъ велѣлъ убить на аудіенціи Эрколе Контаріо, послѣдняго потомка древнѣйшей и богатѣйшей фамиліи въ Феррарѣ, чтобы конфисковать его имѣнье.

Но блескъ и могущество герцоговъ феррарскихъ уже приближались къ концу. По смерти второй жены Альфонсъ вступилъ въ бракъ съ Маргеритой, дочерью герцога мантуанскаго, и отпраздновалъ свадьбу необыкновенно пышными придворными пирами и веселостями. Но и отъ третьей жены у него не было сына. Онъ просилъ своихъ сюзереновъ, императора и папу, о дозволеніи ему выбрать наслѣдника изъ числа родныхъ, кого ему будетъ угодно. Для этого онъ отправился въ Римъ съ такой свитой, какія были только у королей. Но папы умирали одинъ за другимъ очень быстро; это замедлило рѣшеніе дѣла; Альфонсъ, потерявъ терпѣніе, самовластно назначилъ своимъ наслѣдникомъ Цезаря (Чезаре), сына его дяди по отцу; но это дѣло должно было сохраняться въ тайнѣ; онъ не хотѣлъ имѣть со-

перника при жизни. Императоръ Рудольфъ утвердилъ это назначеніе; но римская курія отказала въ своемъ согласіи на него, выставляя предлогомъ то, что бабушка Цезаря была повѣнчана съ Альфонсомъ I уже только по рожденіи его отца. По смерти Альфонса II (27 октября 1597) Цезарь провозгласилъ себя герцогомъ; Климентъ VIII отлучилъ его отъ церкви, объявилъ Феррару выморочнымъ леномъ, возвращающимся подъ власть своего сюзерена папы, угрожалъ отлучить отъ церкви всѣхъ повинующихся отлученному, послалъ своего племянника кардинала Альдобрандини съ войскомъ овладѣть герцогствомъ феррарскимъ. Цезарь былъ не въ силахъ выдержать борьбу, потому что не имѣлъ денегъ, а народъ не былъ расположенъ защищать его; притомъ Лукреція была враждебна ему. Онъ поручилъ ей вести переговоры съ папой, надѣясь вѣроятно, что родственное чувство въ ней сильнѣе вражды, что она выпроситъ ему по возможности хорошія условія мира. Но она была расположена въ пользу папы и кардинала Альдобрандини и (12 января 1598) заключила съ папою договоръ, по которому Цезарь долженъ былъ отказаться отъ Феррары, Конаккіо и принадлежавшей ему части Романьи, а папа за это снималъ съ него отлученіе. Условія мира были очень тяжелы для него, но онъ принужденъ былъ принять ихъ и остался только герцогомъ моденскимъ. Феррарская часть его владѣній была присоединена къ папскому государству. Лукреція помогала установленію новой администраціи. Черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира, она умерла, назначивъ своимъ наследникомъ кардинала Альдобрандини; такимъ образомъ перешли въ собственность фамиліи Альдобрандини имѣнья, принадлежавшія ей въ герцогствѣ феррарскомъ. Городъ Феррара обѣднѣлъ. Папа велѣлъ сломать сотни домовъ, въ лучшей части его, для постройки цитадели; улицы опустѣли; знатныя фамиліи переселились въ Модену.

Цезарь умеръ въ 1628, ему наследовалъ сынъ, Альфонсъ III. Династія Есте навсегда утратила свое прежнее могущество. Но въ послѣдствіи времени къ герцогству модевскому были присоединены городъ Корреджо и находившееся болѣе двухъ вѣковъ подъ властью фамиліи Пико маленькое герцогство мирандольское съ принадлежавшимъ къ нему маркграфствомъ Конкордійскимъ.

3. Тоскана и Средняя Италія.

Козьма Медичи Карлъ V назначилъ герцогомъ тосканскимъ Козьму Медичи и по-
1537—1574. ставилъ въ Тосканѣ испанскія войска для охраненія его власти. Сначала ему пришлось вести тяжелую борьбу за нее: эмигранты, вождями которыхъ были богатые и могущественные Строцци, пыта-

лись, при помощи Франціи и тосканскихъ республиканцевъ, овладѣть Флоренціей, возстановить прежнюю форму правленія. Войско ихъ было побѣждено при Монтемурло, начальники его были взяты въ плѣнъ. Бартоломмео Валори и нѣкоторые другіе были подвергнуты мучительной казни, публично на площади или тайно въ темницѣ. Глава фамиліи Строцци, Филиппо, избавилъ себя отъ мученій пытки и казни самоубійствомъ въ темницѣ (въ 1538 году). Другіе вельможи старой аристократіи, оставшіеся во Флоренціи и подчинившіеся монархическому правленію, все-таки были устранены отъ должностей, и подозрительный герцогъ строго слѣдилъ за ними; одинъ за другимъ они умирали въ печали о погибели свободы и множества патріотовъ. Козьма, правитель очень хитрый, опытный въ интригантствѣ, неумоимо заботился объ упроченіи монархическаго порядка и о возвышеніи могущества государства. Онъ ловко и успѣшно пользовался соперничествомъ между Испаніей и Франціей, ссорами итальянскихъ государей и городовъ и при упадкѣ патріотизма въ Италіи пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ, удовлетворяя личнымъ, семейнымъ, сословнымъ интересамъ, которыми руководились тогда итальянцы. Онъ оставался усерднымъ приверженцемъ императора, покровительство котораго было необходимо ему для сохраненія власти, но дѣйствовалъ только по расчету своихъ выгодъ. Бурламакки, начальникъ милиціи въ Луккѣ, хотѣлъ основать федерацію городовъ въ той части Средней Италіи; французы благопріятствовали этому намѣренію.—Оно было опасно для герцога тосканскаго, онъ донесъ императору о замыслѣ Бурламакки, по распоряженію императора Бурламакки былъ схваченъ, привезенъ въ Миланъ и казненъ (въ 1545 году).

Въ Сіэнѣ стоялъ испанскій гарнизонъ, но граждане продолжали ссориться между собой; партія, желавшая возстановить независимость города, оставалась сильна; когда она бралась за оружіе, Козьма помогалъ комманданту сіэнскаго гарнизона подавлять попытки возстанія. Ненависть къ испанскому игу достигла наконецъ такой силы, что въ 1552 произошелъ взрывъ, противъ котораго не удержался испанскій гарнизонъ. Сіэнскіе республиканцы хотѣли при помощи короля французскаго сдѣлать свой городъ центромъ федераціи, поставленной подъ покровительство Франціи. Война длилась три года; Козьма усердно помогалъ испанцамъ, и его содѣйствію обязаны они были побѣдой. Онъ и тутъ дѣйствовалъ по расчету своихъ выгодъ. Начальникомъ войска, посланнаго Генрихомъ II на помощь Сіэнѣ, былъ Піетро Строцци (сынъ Филиппо). Еслибъ онъ удержался въ Сіэнѣ, туда собрались бы все тосканскіе республиканцы,—и когда Строцци двинулся бы съ ними въ Тоскану, масса населенія возстала бы противъ Козьмы. Понятно, что герцогъ не щадилъ никакихъ усилій для предотвращенія такой опасности. Въ январѣ 1554 онъ послалъ противъ Сіэны большое войско, начальникомъ котораго былъ

Джанъ Якопо Медичи, находившійся въ императорской службѣ, командовавший гарнизономъ въ замкѣ Муссо и сѣумѣвшій удержаться тамъ, когда французы одерживали побѣды въ Сѣверной Италіи; онъ имѣлъ теперь титулъ маркиза Мариньяно. Тосканское войско соединилось съ императорскимъ, сила этой арміи, шедшей на Сіэну, простиралась до 24.000 человѣкъ пѣхоты и 1.000 человѣкъ конницы. Граждане Сіэны сражались храбро; упорно защищали каждую позицію, удобную для обороны. Это ожесточило враговъ; испанцы и тосканскіе наемники обращали въ пустыню все пространство, по которому шли, убивали плѣнныхъ. Маркизь Мариньяно не зналъ жалости. Онъ самъ своимъ желѣзнымъ жезломъ убивалъ поселянъ, провозившихъ провіантъ въ Сіэну. Въ окрестностяхъ ея не было, по выраженію современниковъ, ни одного дерева, на которомъ не висѣлъ бы поселянинъ; говорятъ, Мариньяно повѣсилъ или зарѣзалъ 5.000 человѣкъ. Отрядъ французскихъ солдатъ и нанявшихся во французскую службу нѣмецкихъ ландескнехтовъ пошелъ въ тосканскія мареммы; это затруднило наступательныя дѣйствія противъ Сіэны. Но 2-го августа маркизь Мариньяно разбилъ непріятеля при Лучиньяно и окружилъ Сіэну, отрѣзалъ подвозъ провіанта въ нее, опустошалъ всю сіэнскую область. Изнуренные голодомъ граждане Сіэны согласились въ апрѣлѣ 1555 на требованія Козьмы; главнымъ было то, чтобъ они приняли въ свою цитадель испанскій гарнизонъ. Но 400 семействъ предпочли покинуть родной городъ; эти эмигранты соединились съ тосканскими, собравшимися въ Монтальчино подъ начальствомъ Піэтро Строцци. Французскій флотъ помогалъ имъ. Папою въ это время сдѣлался Павелъ IV, ожесточенный врагъ испанцевъ; тосканскіе и сіэнскіе патріоты рассчитывали на помощь его; но Альба принудилъ его, какъ мы видѣли, отказаться отъ войны съ королемъ испанскимъ. Въ іюлѣ 1557, Филиппъ II отдалъ Сіэну герцогу Козьмѣ въ вознагражденіе за помощь испанцамъ. Отрядъ эмигрантовъ, стоявшій въ Монтальчино, не могъ устоять одинъ противъ испанцевъ и войскъ Филиппа. Піэтро Строцци и другіе непримиримые противники Козьмы удалились изъ Средней Италіи; остальные эмигранты покорились Козьмѣ, согласившемуся простить ихъ.

По заключеніи като-камбрезійскаго мира и выступленіи французовъ изъ Италіи покорились герцогу флорентійскому тосканскіе города, сопротивлявшіеся ему; важнѣйшими изъ нихъ были Кіузи, Радикофани, Гроссетто, Монтенескали. Козьма сѣумѣлъ быстро упрочить свое владычество надъ Тосканой. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Сіэны ссора между графомъ Никколо Орсини, владѣтелемъ города Питильяно, и его сыномъ Алесандро, дала Козьмѣ случай овладѣть и питильянской областью. Для охраненія своего государства отъ нападений съ моря, онъ усилилъ укрѣпленія Гроссетто и Ливорно, построилъ сторожевыя башни по берегу мареммы и завелъ маленькій флотъ. Онъ дѣлалъ попытки населить пустынные мареммы, основывалъ колоніи въ нихъ.

Вскорѣ по заключеніи мира Павелъ IV умеръ, и Козьма своимъ дипломатическимъ искусствомъ доставилъ тіару брату маркиза Мариньяно, кардиналу, неимѣвшему до той поры важнаго значенія, но пользовавшемуся уваженіемъ за ученость и благотворительность. Новый папа, выбранный въ декабрѣ 1559 и принявшій имя Пія V, выразилъ свою признательность герцогу, сдѣлавъ его сына Джаванни кардиналомъ, и выражалъ готовность дать герцогу королевскій титулъ, чтобъ облегчить переговоры о женитьбѣ его старшаго сына Франциска на португальской принцессѣ. Но другіе короли протестовали противъ этого, и дѣло это разстроилось. Въ тѣ времена вопросы о титулахъ имѣли очень большую важность для государей, короли не хотѣли допустить, чтобы второстепенный государь сталъ равенъ имъ по титулу. Въ 1552 Козьма учредилъ орденъ рыцарей Святого Стефана, главною обязанностью которыхъ была, какъ у мальтійскихъ рыцарей, война съ невѣрными; это можно считать результатомъ дружбы герцога тосканскаго съ папой.

Мы говорили, что главнымъ предметомъ заботъ Козьмы было упроченіе монархической власти, подавленіе всѣхъ противниковъ ея, увеличеніе своихъ владѣній. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ заботился дать своему государству самостоятельность. При вступленіи его на престолъ, во Флоренціи, Пизѣ, Ливорно стояли испанскіе гарнизоны, такъ что онъ находился въ полной зависимости отъ короля испанскаго. По его просьбамъ, король согласился вывести эти гарнизоны изъ Тосканы. Мы говорили, что Филиппъ II отдалъ ему Сіену, что онъ выгналъ республиканцевъ изъ послѣдняго ихъ убѣжища Монтальчино. Достигнувъ этихъ успѣховъ, онъ занялся уничтоженіемъ всѣхъ остатковъ республиканской формы устройства установленіемъ абсолютизма. Онъ и его помощники въ этомъ дѣлѣ, Кампана и Торелли, не отступали ни передъ какими средствами; хитростью и насиліемъ они достигли большихъ успѣховъ. Козьма, походившій подозрительностью и суровостью на Филиппа II, слѣдовалъ во внутреннихъ дѣлахъ его примѣру. Онъ учредилъ особую слѣдственную комиссію съ судебной властью для истребленія мятежниковъ; назначилъ награды за ихъ головы, запретилъ гражданамъ носить оружіе, подъ страхомъ конфискаціи и смертной казни за ослушаніе. Для истребленія книгъ и памфлетовъ, враждебныхъ его политической системѣ или католичеству, онъ принялъ такія мѣры, которыя упичтожали книжную торговлю; она погибла бы въ Тосканѣ, если бы Торелли не убѣдилъ герцога смягчить эти распоряженія. Піи V, беспощадно преслѣдовавшій еретиковъ, находилъ усердное содѣйствіе себѣ со стороны Козьмы.

Козьма былъ деспотъ, но человѣкъ благоразумный; онъ возстановилъ въ Тосканѣ спокойствіе; тѣ дѣла, въ которыхъ не была замѣшана политика, были рѣшаемы его трибуналами безпристрастно; бла-

годаря тому, благосостояніе народа возросло. Населеніе Пизы утроилось; торговля и промышленность процвѣтали, доходы казны увеличивались. Построеніе крѣпостей, содержаніе войска и флота требовали очень большихъ издержекъ; кромѣ того, Козьма употреблялъ большія суммы на проведеніе каналовъ и дорогъ, постройку плотинъ; но у него оставалось столько денегъ, что онъ считался богатѣйшимъ государемъ Европы. Подобно своимъ предкамъ, онъ велъ банкирскія дѣла и оптовую торговлю. О земледѣліи онъ заботился меньше, чѣмъ о развитіи промышленности; но, какъ мы уже говорили, пытался осушить мареммы. Онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предковъ и въ томъ, что покровительствовалъ искусствамъ. Онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой и съ австрійской династіей, далъ 200.000 дукатовъ въ пособіе для турецкой войны императору Максимилиану; старшій сынъ его женился на эрцгерцогинѣ Іоаннѣ, сестрѣ Барбары, вышедшей за герцога феррарскаго; по дружбѣ съ Козьмою, императоръ Максимилианъ утвердилъ титулъ великаго герцога, данный ему въ 1569 году Піемъ V; благодаря тому, этотъ санъ удержался за нимъ, не смотря на сильные протесты другихъ государей. Въ 1570 году онъ былъ коронованъ въ Римѣ, какъ великій герцогъ; этотъ санъ давалъ ему первое мѣсто послѣ королей. Преемникъ его Францискъ, давъ 100.000 дукатовъ въ заемъ Максимилиану, получилъ за это въ январѣ 1567 г. императорскій дипломъ, соединявшій всѣ флорентійскія и сіэнскія владѣнія въ нераздѣльное государство, великое герцогство тосканское; этимъ были прекращены споры другихъ государей противъ повышенія сана тосканской династіи.

Козьму сравнивали съ Августомъ. Дѣйствительно между ними есть сходство по политическимъ правиламъ и покровительству искусствамъ; и въ семейной исторіи Козьмы были факты, напоминавшіе о семейныхъ несчастіяхъ Августа. Молва говорила, что герцогъ феррарскій отравилъ свою жену Лукрецію, дочь Козьмы, что князь Орсини убилъ ея сестру Изабеллу; что кардиналъ Джованни Медичи былъ въ спорѣ на охотѣ убить своимъ братомъ Гарчією (Гарчіей), что отецъ Джованни и Гарчіи, Козьма своей рукой убилъ Гарчію, что мать ихъ умерла отъ печали объ этихъ несчастіяхъ; что Козьма отравилъ свою старшую дочь за любовь, неприличную ея сану. Большая часть этихъ слуховъ были вымыслами; мы знаемъ, что Джованни и Гарчія умерли отъ маларіи въ мареммахъ; но остается достовѣрнымъ много дурного въ семейной исторіи Козьмы. Онъ былъ развратникъ. Одна изъ его любовницъ Элеонора Альбицци, принадлежавшая по своему происхожденію къ высшему кругу флорентійской аристократіи, пріобрѣла такое вліяніе на него, что Францискъ рѣзко упрекалъ отца за слѣдное исполненіе ея воли въ серьезныхъ государственныхъ дѣлахъ. Озлобленный упреками сына, Козьма своей рукой убилъ камердинера, отъ котораго сынъ узналъ факты, послужившіе предметомъ упрековъ. Съ

другой своей любовницей Камиллою Мартелли, онъ сочетался морганатическимъ бракомъ, уступая желанію папы дать этой связи законную форму. Францискъ, упрекавшій отца, держалъ себя такъ, что не имѣлъ права находить поступки его дурными. Передъ своей женитьбой на австрійской принцессѣ, Францискъ вступилъ въ связь съ венеціанской аристократкой Біанкою Капелло, бѣжавшей съ своимъ любовникомъ Піэтро Бонавентури отъ преслѣдованій своего семейства и правительства. Эта связь вовлекла Франциска въ большія непріятности.

По своей женитьбѣ на эрцгерцогинѣ Іоаннѣ, Францискъ получилъ участіе въ управленіи государствомъ. Въ 1574 году Козьма умеръ; Францискъ сталъ великимъ герцогомъ. Исторія придворной жизни въ его правленіи представляетъ много странныхъ и дурныхъ фактовъ. Бонавентури былъ убитъ; Біанка Капелло стала любовницей Франциска, пріобрѣла полное владычество надъ нимъ. По смерти Іоанны, она (1578 г.) сдѣлалась законной женой Франциска. Она покровительствовала искусствамъ и, какъ мы говорили, управляла государственными дѣлами по своему произволу.

Францискъ
1574—1587.

Францискъ не имѣлъ ума и осмотрительности своего отца; подобно Филиппу II, съ котораго бралъ примѣръ во всемъ, онъ совершенно отстранился отъ народа, жилъ исключительно въ придворномъ кругу, придавалъ важность государственныхъ дѣлъ вопросамъ этикета. При немъ возобновились попытки возстановить республиканскую форму правленія. Ораціо Пуччи составилъ въ 1575 году заговоръ съ молодыми людьми вельможескихъ фамилій низвергнуть великаго герцога, это было открыто; Пуччи былъ казнень, соучастники его замысла бѣжали; Францискъ воспользовался случаемъ удовлетворить свою алчность и жестокость, подвергъ преслѣдованію множество людей, конфисковалъ ихъ имѣнья. Попытка возстановить республику была безразсудствомъ, не имѣвшимъ никакой вѣроятности успѣха. Флорентійцы привыкли жить подъ неограниченной монархической властью, спокойствіе стало для нихъ дороже всякихъ мыслей о политическихъ правахъ. Притомъ они видѣли, что въ сосѣднихъ государствахъ управленіе не лучше или даже хуже тосканскаго; измѣнить этотъ порядокъ дѣлъ не было никакой надежды. Граждане Урбино протестовали противъ новаго налога, подобнаго испанской алькавалѣ, отправили депутатовъ съ жалобою къ папѣ, какъ сюзерену герцогства урбинскаго; Францискъ арестовалъ депутатовъ и казнилъ изъ двѣнадцати девятерыхъ, построилъ въ Урбино цитадель. Подобно отцу онъ покровительствовалъ промышленности и торговлѣ, самъ велъ оптовую торговлю и банкирскія дѣла, не считалъ унижительною для себя заниматься и розничной торговлей. Благодаря тому, онъ такъ разбогатѣлъ, что могъ оказывать большія денежныя услуги другимъ государямъ. Меркантильный характеръ его былъ полезенъ развитію флорентійской торговли и промышленности; но алчность и скупость его стали наконецъ тяжелы для подданныхъ. Администрація и судъ были при немъ дурны. Витторе Капелло, братъ Біанки, захватилъ въ свои руки управленіе государствомъ, раздавалъ должности своимъ кліентамъ; правосудіе не существовало, плутовство и грабежъ оставались безнаказанными. Ропотъ народа не доходилъ до Франциска, жившаго, какъ мы говорили, исключительно въ кругу придворныхъ. Въ семействѣ его происходили раздоры и злодѣйства. Братъ его Піэтро, много лѣтъ находившійся въ испанской службѣ, убилъ своей рукой жену, по подозрѣнію въ невѣрности, съ другимъ своимъ братомъ Кардиналомъ Фердинандомъ Францискъ жилъ во

враждѣ; молва объясняла ея смерть Франциска и Біанки. Онѣ и она умерли въ октябрѣ 1587; молва говорила, что Біанка хотѣла отравить Фердинанда, но отравленное кушанье было по ошибкѣ съѣдено ею самою и ея мужемъ.

Фердинандъ I 1587—1609. У Франциска былъ сынъ отъ первой жены, австрійской принцессы, но умеръ въ дѣтствѣ; Біанка Капелло не имѣла дѣтей, потому Франциску наследовалъ братъ, кардиналъ Фердинандъ. Онъ былъ человѣкъ привѣтливый, любилъ искусство, литературу, занимался, подобно отцу и старшему брату, банкирскими дѣлами и оптовой торговлей, но розничную торговлю, которой обогащался Францискъ, считалъ унизительною для себя. Очень много денегъ доставляло Фердинанду участіе въ дѣлахъ голландскихъ торговыхъ компаній; онъ не смотрѣлъ на то, что голландцы и враги короля испанскаго и еретики; кардиналъ и союзникъ короля испанскаго, онъ все таки вкладывалъ свои деньги въ ихъ торговые предпріятія, дававшія большую прибыль. Онъ имѣлъ и собственные торговые корабли, закупалъ испанскіе товары, продавалъ ихъ въ другихъ земляхъ, поставялъ хлѣбъ войскамъ воюющихъ государей, продавалъ хлѣбъ націямъ, у которыхъ бывалъ неурожай. Благодаря громаднымъ доходамъ отъ своей торговли, онъ имѣлъ въ казнѣ такія суммы, какихъ не было въ казначействахъ ни у кого изъ королей той эпохи. Отъ государственныхъ доходовъ великаго герцогства тосканскаго не могло бы оставаться такихъ большихъ излишковъ за покрытіемъ издержекъ на роскошь флорентійскаго двора. Населеніе и богатство Пизы и Ливорно увеличивались при Фердинандѣ; въ особенности много содѣйствовало развитію морской торговли Ливорно то, что Фердинандъ дозволилъ селиться въ этомъ городѣ изгнаннымъ изъ Испаніи и Португаліи евреямъ и такъ называемымъ новымъ христіанамъ, далъ также пріютъ тамъ людямъ бѣжавшимъ въ Тоскану изъ другихъ итальянскихъ государствъ. Онъ умѣлъ извлекать политическія выгоды изъ своего богатства, давая деньги въ заемъ или въ субсидію королямъ испанскому и французскому; онъ сблизился по расчету выгодъ то съ однимъ изъ этихъ королей, то съ другимъ; оба они дорожили его дружбой, потому что враждовали между собою. Во всемъ этомъ Фердинандъ слѣдовалъ примѣру отца и преданіямъ династіи. Система великихъ герцоговъ тосканскихъ была умна, политика ихъ хитра, говоритъ Шпиттлеръ. Они ловко лавировали между испанскимъ и французскимъ дворами, въ случаяхъ опасности со стороны Испаніи находили опору себѣ во Франціи, и наоборотъ. Фердинандъ сталъ въ дружескія отношенія къ Генриху IV; они сдѣлались очень близкими, когда племянница Фердинанда, Марія Медичи, стала королевой французской. Благодаря содѣйствію Генриха IV, Фердинандъ присоединилъ къ Тосканѣ графство пентильянское, пограничное съ папскимъ государствомъ. Черезъ годъ по вступленіи на престолъ, Фердинандъ съ согласія папы сложилъ съ себя духовное званіе и женился на Христинѣ, принцессѣ лотарингской; отъ этого брака родился 12 мая 1590 сынъ, которому дали въ честь дѣда имя Козьмы. Флорентійцы были очень рады его рожденію, потому что этимъ устранялся отъ наследства престола братъ Фердинанда Піетро, человѣкъ развратный и буйный, жившій большею частью за границей, и интриговавшій противъ Фердинанда при испанскомъ дворѣ. Смерть его въ 1604 году избавила великаго герцога отъ непріятностей со стороны испанцевъ, поддерживавшихъ этого авантюриста. Съ того времени правленіе Фердинанда шло спокойно. Онъ умеръ 7 февраля 1609. Народъ жалѣлъ о его смерти.

Козьма II 1609—1625. Онъ оставилъ великое герцогство тосканское своему сыну государствомъ богатымъ и самостоятельнымъ. Его сынъ, Козьма II оставилъ совѣтниковъ своего отца своими совѣтниками, имѣлъ большое довѣріе къ матери; потому дѣла при немъ шли прежнимъ порядкомъ. Торговля и промышленность

продолжали пользоваться спокойствіемъ, доставлять казнѣ большіе доходы, флотъ былъ увеличенъ; торговля Ливорно развилась такъ, что этотъ городъ сталъ однимъ изъ главныхъ коммерческихъ центровъ Европы; рыцари ордена Св. Стефана подъ начальствомъ Якопо Ингирами удачно сражались съ корсарами; тосканскіе торговцы стали въ Ливантѣ соперниками венеціанскихъ и генуэзскихъ. Въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ тосканское правительство слѣдовало прежнимъ правиламъ осторожности. Когда управленіе Франціей было отнято у Маріи Медичи, Козьма II сблизился съ королемъ испанскимъ. Онъ покровительствовалъ искусству и наукѣ. Галилеи, уроженецъ Пизы, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи; но Козьма убѣдилъ его возвратиться въ Тоскану, и онъ сталъ жить временами въ Пизѣ, временами во Флоренціи. Общественная жизнь Флоренціи пріобрѣла изящество, напоминавшее эпоху Лоренцо Медичи. Флорентійскіе купцы и банкиры, обогащавшіеся въ чужихъ земляхъ, возвращались на родину, покупали себѣ имѣнья. Великій герцогъ мало по малу устранился отъ банковскихъ и торговыхъ дѣлъ, вельможи слѣдовали въ этомъ отношеніи его примѣру.

Къ сожалѣнію народа правленіе Козьмы II было не очень продолжитель- Фердинандъ II
но, онъ умеръ 28 февраля 1621, когда старшій сынъ его Фердинандъ имѣлъ 1621—1670.
еще только десять лѣтъ. Это было несчастіемъ для Тосканы. Правда, дѣла нѣсколько времени шли прежнимъ порядкомъ, благодаря тому, что ими правили мать Козьмы, Христина, и супруга его эрцгерцогиня Магдалена, которыхъ онъ назначилъ опекунами малолѣтняго Фердинанда; но скоро стало замѣтно, что Тосканѣ угрожаютъ бѣдствія. Вліятельнѣйшіе министры, Пикена и Чоли враждовали между собой, мѣшали одинъ другому. Воспитаніе Фердинанда было ведено въ клерикальномъ духѣ; этимъ подготовлялось владычество обскурантизма.

VI. ОСМАНСКОЕ ЦАРСТВО.

1. Царствованіе Сулеймана.

Въ то время, когда нѣмецкіе протестанты добивались себѣ свободы исповѣданія, султаномъ турецкимъ былъ Сулейманъ, о завоеваніяхъ котораго въ первые десять лѣтъ его правленія мы уже рассказывали въ IX томѣ. Усердный мусульманинъ, покровительствовавшій священной Меккѣ и подобно халифамъ во времена ихъ могущества мечтавшій покорить христіанскій міръ, онъ въ своей «Мультекѣ» (книгѣ законовъ) настойчиво говорилъ, что война съ невѣрными священная обязанность мусульманъ и энергически нападалъ на сосѣднія христіанскія государства. Мы говорили, что онъ перешелъ Дунай, назначилъ королемъ венгерскимъ, вассаломъ своимъ, Яноша Заполю и осенью подступилъ къ Вѣнѣ, сталъ главной квартирой въ селеніи Земерингѣ. За годъ передъ тѣмъ, Фердинандъ предлагалъ платить ему въ видѣ «ежегодной пенсіи» дань въ 100.000 дукатовъ, если онъ прекратитъ войну; онъ отвергъ миръ: Ибрагимъ-паша въ отвѣтъ на предложеніе дани показалъ посланнику семь бѣлыхъ башенъ наполненныхъ сокровищами султана. Теперь Сулейманъ привелъ къ Вѣ-

нѣ 250.000 человекъ войска съ 300 пушекъ; онъ говорилъ, что на Михайловъ день будетъ обѣдать въ Вѣнѣ, потомъ пойдетъ на Линцъ, гдѣ стоитъ Фердинандъ, пойдетъ за убѣгающимъ Фердинандомъ въ Германію. На сколько было видно глазу, всѣ окрестности Вѣны были покрыты бѣлыми турецкими шатрами; 22.000 верблюдовъ шли по болотистому берегу Дуная съ провіантомъ для войска. Но вошедши въ нѣмецкую землю, султанъ увидѣлъ, что она не похожа на тѣ, по какимъ ходилъ онъ прежде, былъ удивленъ заботливой обработкой нивъ, множествомъ городовъ и селеній, укрѣпленныхъ замковъ, дивился прекрасному мѣстоположенію Вѣны на плодородной равнинѣ между виноградниками и горами. Онъ видѣлъ, что тутъ живетъ народъ болѣе образованный, чѣмъ тѣ, которыхъ побѣждалъ онъ. Венгры сами отдавались подъ власть ему, а нѣмцы, какъ онъ слышалъ, собирались изъ всей Германіи на защиту Вѣны; ихъ начальники были храбрые люди: Фридрихъ Пфальцскій, Филиппъ Баварскій, графъ Зальмъ, знаменитый полководецъ Гансъ Каціанеръ. Укрѣпленія Вѣны не были сильны: стѣна, окружавшая городъ, оставалась не поправлена, разрушить ее было не трудно; рвы не имѣли воды, легко было перейти ихъ; турки умѣли вести осадныя работы, подводить мины, подкапываться подъ стѣны. Казалось, не трудно будетъ взять Вѣну. Но гарнизонъ былъ храбръ, остороженъ, дѣятеленъ; всѣ жители Вѣны помогали ему, всѣ предпочитали смерть владычеству свирѣпыхъ варваровъ. Турки сожгли предмѣстья, стали штурмовать городъ; артиллерійскій и ружейный огонь съ башенъ и изъ амбразуръ отражалъ ихъ; противъ турецкихъ минъ осажденные вели контрмины; турки и христіане встрѣчались и рѣзались подъ землею; проломы въ стѣнахъ были задѣлываемы неутомимой работой. При вылазкахъ нѣмцы, одѣтые въ латы, вооруженные длинными широкими мечами, которыми рубили держа ихъ въ обѣихъ рукахъ, одолѣвали янычаръ, не имѣвшихъ латъ, вооруженныхъ легкими саблями. Три раза турки ходили на приступъ, каждый разъ теряли тысячи людей, и послѣ третьяго неудачнаго штурма, султанъ 14 октября (1529 года) пошелъ назадъ.

Защита Вѣны была однимъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ въ нѣмецкой исторіи XVI вѣка, но Фердинандъ не могъ вытѣснить турокъ изъ Венгріи. Послы, отправленные имъ къ султану въ слѣдующемъ году, нашли себѣ пріемъ не лучше прежняго. Турки знали, что христіанскіе государи враждуютъ между собой, а безъ помощи другихъ государей Фердинандъ не былъ страшенъ туркамъ; у него не было денегъ даже на то, чтобы дать защитникамъ Вѣны заслуженныя награды. Послы его возвратились изъ Константинополя съ оскорбительнымъ отказомъ султана. Яношъ Заполя остался государемъ Венгріи, Ибрагимъ откровенно говорилъ посламъ, что этотъ король лишь слуга султана.

Султанъ не пошелъ отмстить Фердинанду за поражение подъ Вѣной только потому, что боялся энергическаго сопротивленія народа въ Австріи; союза христіанскихъ государей съ Фердинандомъ онъ не опасался, онъ, какъ мы говорили, зналъ, что они враждуютъ между собой, и когда послы Фердинанда угрожали ему союзомъ ихъ, для войны противъ турокъ, онъ улыбался, ему было извѣстно, что король французскій не станетъ помогать Фердинанду и Карлу. Папа говорилъ о союзѣ всѣхъ христіанъ для войны съ турками, собиралъ деньги на эту войну, но употреблялъ ихъ на совершенно иныя дѣла: турки знали, что угрозы папы пустыя слова; такъ было и прежде, а теперь распространеніе реформациі сдѣлало папу еще слабѣе прежняго. Венеціанцы, о которыхъ папа говорилъ, что Богъ для нихъ—торговая выгода, не хотѣли раздражать султана, желали сохранять миръ съ нимъ, чтобы не потерять послѣднихъ своихъ владѣній въ восточной части Средиземнаго моря. Они считали честью для себя то, что султанъ пригласилъ ихъ прислать посольство, для участія въ блестящемъ праздникѣ, который готовился дать онъ на Гипподромѣ. Фердинандъ снова предлагалъ давать Сулейману „ежегодную пенсію“, если султанъ возвратитъ ему Венгрію или обѣщается возвратитъ ее по смерти Яноша Заполи. Султанъ не могъ не презирать государя, дѣлающаго ему такія предложенія. На угрозу пословъ Фердинанда, что императоръ пойдетъ войной противъ него, Сулейманъ насмѣшливо отвѣчалъ, что избавитъ императора отъ далекаго пути, самъ придетъ къ нему. Лѣтомъ 1532 Сулейманъ снова пошелъ на Вѣну, но геройская оборона крѣпости Гюнца малочисленнымъ гарнизономъ остановила турокъ, какъ мы говорили, въ X томѣ: Юришичъ, бывшій тогда коммендантомъ этой крѣпости, оплатилъ султану за униженіе, которому подвергался при своемъ посольствѣ въ Константинополь. Около того же времени, Дорія, адмиралъ императорскаго флота, разбилъ турецкій флотъ въ Лепантскомъ заливѣ, взялъ Коронъ и Патрасъ. Правда, эти побѣды не имѣли важныхъ послѣдствій: христіане не преслѣдовали турокъ на ихъ отступленіи отъ Гюнца, они опустошили Штирію, венеціанцы не помогали императорскому флоту, турки вскорѣ снова овладѣли Корономъ. Но все таки Сулейманъ видѣлъ, что австрійцы ободрились и что императорскій флотъ опасенъ для него, потому согласился на миръ съ Фердинандомъ. Великій везиръ Ибрагимъ Паша, при посредничествѣ Луиджи Гритти, искуснаго дипломата, заключилъ въ іюлѣ 1533 договоръ съ послами Фердинанда Иеронимомъ, уроженцемъ Цары, и Корнелиемъ Шенперомъ. Условія мира были унижительно для Фердинанда; но онъ радовался, что султанъ предоставилъ ему спокойно владѣть тою частью Венгріи, которая не была отнята у него въ прежніе походы турокъ.

Заключивъ миръ съ Фердинандомъ, Сулейманъ обратилъ свои силы на завоеванія въ Азіи. Селимъ, какъ мы говорили въ IX томѣ, отнялъ у шаха Измаила Курдистанъ и нѣкоторыя другія области. Сынъ и преемникъ Измаила шахъ Тахмаспъ надѣялся возвратитъ земли, утраченныя отцомъ, и не оказывалъ Сулейману того почтенія, какого султанъ требовалъ отъ него. Тахмаспъ, какъ шіитъ, не признавалъ турецкаго султана намѣстникомъ пророка; Сулейманъ уже давно угрожалъ шаху, что пойдетъ въ Тавризъ и Азербейджанъ, раскинетъ свой шатеръ въ Иранѣ и Туранѣ, въ Самаркандѣ и Хорасанѣ; но экспедиція противъ родосскихъ рыцарей и походы на Дунай долго отвлекали султана отъ войны съ Персіей. Теперь настала пора для завоеваній въ Азіи. Во время осады Гюнца, Сулейманъ получилъ извѣстіе, что Улама, персидскій правитель Багдада, признавшій его власть и приславшій ему ключи отъ прежней столицы халифовъ, подвергся нападенію шаха, что правитель Азербейджана, Суфалькаръ казненъ шахомъ за умыселъ отдать султану Тавризъ, что возмущившійся противъ

султана, ханъ бидлискій, Шерифбегъ принять подъ покровительство Тахмаспомъ. Сулейманъ былъ раздраженъ этимъ и по заключеніи мира съ Фердинандомъ пошелъ наказать хана бидлискаго, защитить Уламу, овладѣть Азербейджаномъ. Осенью 1533 г. Ибрагимъ съ турецкимъ авангардомъ переправился въ Малую Азію, и въ Коніи получилъ извѣстіе, что Улама разбилъ Шерифбега; вскорѣ послѣ того, голова Шерифбега была прислана Ибрагиму Уламой. Турецкое войско провело зимніе мѣсяцы въ Халербъ; весною 1534 Ибрагимъ покорилъ землю по берегамъ озера Вана, взялъ крѣпости Адиджувафъ Арджишъ (Ванъ) и Ахлатъ, пошелъ дальше на востокъ въ Азербейджанъ, потерпѣлъ въ горахъ нѣкоторый уронъ отъ нападеній воинственныхъ племенъ той мѣстности, но въ маѣ вступилъ въ Тавризмъ, покинутый шахомъ. Тамъ соединился съ нимъ султанъ, шедшій черезъ большіе города Анатолиі и отпраздновавшій въ Коніи извѣстіе о побѣдѣ Ибрагима. Они оба пошли черезъ Гамаданъ къ Багдаду. Путь былъ затруднителенъ; но персидскіе правители покорялись султану, онъ награждалъ ихъ. Знаменитая столица халифовъ безъ сопротивленія отворила ворота Сулейману. Онъ восхищался плодородіемъ окрестностей, покрытыхъ рисовыми плантаціями, рощами финиковыхъ пальмъ, апельсиновъ и лимоновъ; торжественно вступивъ въ Багдадъ въ декабрѣ 1534, пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и назначивъ турецкаго намѣстника въ багдадскую область, пошелъ обратно другимъ путемъ въ Тавризмъ. Свою власть надъ покоренными областями онъ упрочилъ раздачею земель въ нихъ туркамъ, составившимъ постоянное мѣстное войско. Въ январѣ 1536 онъ возвратился въ Константинополь и отпраздновалъ торжественнымъ въѣздомъ въ свою столицу пріобрѣтеніе прекрасныхъ персидскихъ областей, завоеванныхъ имъ такъ легко. Багдадъ сталъ такимъ же оплотомъ турецкаго царства на востокъ, какимъ былъ Бѣлградъ на сѣверѣ.

Сулейманъ зналъ, что Карлъ V велъ переговоры съ шахомъ Тахмаспомъ, что они условливались вмѣстѣ воевать противъ него. Побѣдивъ Тахмаса, онъ хотѣлъ теперь отмстить Карлу, сталъ увеличивать свой флотъ, чтобы нападать съ моря на его владѣнія. Для успѣшныхъ дѣйствій на морѣ, султану было надобно имѣть хорошаго Капудана-пашу, который могъ бы командовать въ битвахъ не хуже знаменитаго моряка Доріи, бывшаго адмираломъ Карла. Турки осадили Коронъ, принудили голодомъ эту крѣпость сдаться; но султанъ и великій везиръ понимали, что если императорскій флотъ присоединится къ венеціанскому, то турецкій флотъ при настоящемъ состояніи будетъ побѣжденъ. Сулейманъ назначилъ беглербегомъ моря, то есть главнокомандующимъ всѣхъ морскихъ силъ Турціи, Хайреддина Барбароссу, говорившаго, что тюрбанъ его воткнутый на шесть прогоняетъ христіанъ далеко отъ моря. Кромѣ того, султанъ заключилъ союзъ съ королемъ французскимъ. Мы видѣли, что нападеніе Сулеймана имѣло результатомъ экспедицію Карла въ Тунисъ и что все Средиземное море стало театромъ войны турокъ съ императоромъ: эскадры и корсары Хайреддина держали въ постоянномъ страхѣ всѣ христіанскіе берега и острова Средиземнаго моря. Венеціанское правительство увидѣло себя въ необходимости защищать отъ турокъ свои владѣнія и морскую торговлю. Война для него стала тѣмъ неизбѣжиѣе,

что погибли люди, вліяніе которыхъ склоняло султана поддерживать миръ съ венеціанцами: Луиджи Гритти, отправившійся уполномоченнымъ султана въ Венгрію, оскорбилъ своимъ высокомеріемъ національную гордость венгровъ, былъ схваченъ въ Трансильваніи и казненъ, а Ибрагимъ-паша, грекъ ренегатъ, бывшій рабомъ, музыкантомъ и сдѣлавшійся великимъ везиремъ, сталъ тягостенъ Сулейману своей надменностью и, вскорѣ послѣ персидскаго похода, былъ убитъ въ комнатѣ султана (15 марта 1536). Вліяніе французскаго посланника Лафоре возросло; онъ выставлялъ венеціанцевъ врагами его, союзниками императора. Сулейманъ пересталъ щадить ихъ торговлю и владѣнія.

Взятіе Туниса Карломъ увеличило раздраженіе мусульманъ; турки своими нападеніями вынуждали венеціанцевъ возобновить войну съ ними. Миръ, длившійся тридцать лѣтъ, сталъ невыгоденъ для венеціанцевъ; имъ приходилось держать и безъ войны такой же флотъ, какъ еслибъ война уже была объявлена. По совѣту Хайреддина, Сулейманъ поступилъ съ ними такъ, что имъ стало невозможно медлить рѣшительными дѣйствіями. Во время войны императора съ королемъ французскимъ, новый великій везиръ Аясъ паша осенью 1537 поплылъ къ Корфу, высадилъ войско на этотъ островъ, конница его опустошала селенія, а самъ онъ осадилъ городъ Корфу. вмѣстѣ съ тѣмъ, венеціанскіе подданные въ Турціи были схвачены, брошены въ темницы, а корабли и товары ихъ были конфискованы. — Крѣпость Корфу храбро оборонялась. Хайреддинъ опустошилъ и покорилъ Занте, Эгину, Черигу, Андросъ, Паросъ, Наксъ и другіе острова, находившіеся подъ непосредственной властью Венеціи или подъ владычествомъ венеціанскихъ вельможъ. Хайреддинъ взялъ приступомъ богатый городъ Эгину, турки перерѣзали всѣхъ мужчинъ, насиловали женщинъ, увезли 6.000 дѣвушекъ и мальчиковъ въ рабство, обратили въ пустыню островъ Эгину, находившійся въ цвѣтущемъ состояніи. Джованни Криспо, владѣтель Накса, называвшій себя герцогомъ Эгейскаго моря, покорился султану, обѣщался платить ему 5.000 дукатовъ дани; но турки все-таки ограбили Наксъ. Владѣтель Андроса, Курсенъ Соммарива, тоже сталъ вассаломъ султана. — Острова, покоренные турками, утратили благосостояніе; жители ихъ отвыкли отъ земледѣлія, перестали поддерживать свои виноградники и сады, оставили безъ поправокъ колодези и оросительные каналы.

Зимою 1537—1538 въ венеціанскомъ правительствѣ шла борьба между партіями мира и войны; вождемъ сторонниковъ мира былъ Франческо Фоскари, говорившій, что должно вступить въ переговоры съ султаномъ; вождь партіи войны Антоніо Корнаро доказывалъ, что слѣдуетъ вступить въ союзъ съ императоромъ и папой для обороны отъ турокъ. Его мнѣніе одержало верхъ, Венеція заключила союзъ

съ Карломъ V и Павломъ III, послала храбраго адмирала Капелло съ большимъ флотомъ помогать императорскому флоту, которымъ начальствовалъ Андрей Дорія. Но король французскій былъ въ союзѣ съ султаномъ, всѣми силами помогалъ ему; Дорія находилъ, что побѣды его послужили бы въ пользу венеціанцамъ ненавистнымъ ему, генуэзцу, потому дѣйствовалъ вяло, мѣшалъ и другимъ сдѣлать что нибудь важное; такимъ образомъ, турки одерживали успѣхи: ограбили окрестности Цары, опустошили острова Архипелага, оставшіеся подъ венеціанскою властью и завоевали почти всѣ ихъ. Барбаросса осадилъ венеціанскую крѣпость на восточномъ берегу Адріатическаго моря, Кастель-Нуово; испанскій генералъ Сарміанте храбро оборонялся въ ней, но Хайреддинъ взялъ ее штурмомъ. Насчастный ходъ войны заставилъ венеціанцевъ желать мира, но имъ надобно было дѣйствовать очень осторожно, чтобы не раздражить императора. Гуртадо Мендоса, искусный дипломатъ, бывшій тогда императорскимъ посланникомъ въ Венеціи, замѣтилъ, что венеціанцы стали думать о мирѣ съ турками, заговорилъ такъ грозно, что правительство нашло надобнымъ объявить молву о переговорахъ съ султаномъ ложной. Чтобъ предотвратить возобновленіе этой молвы, дѣло о заключеніи мира было отдано въ исключительное завѣдываніе Совѣта Десяти, высшей правительственной коллегіи, принимавшей на себя въ трудныхъ обстоятельствахъ неограниченную власть. Султанъ былъ расположенъ къ миру. Императоръ и король французскій помирились, видѣлись въ Эгмортѣ и потомъ въ Парижѣ; Сулейманъ догадывался, что Францискъ обѣщался помогать Карлу въ войнѣ съ нимъ. Потому венеціанцы могли надѣяться, что султанъ согласится возвратить имъ нѣкоторые острова. Въ этомъ смыслѣ были составлены инструкціи, которыя далъ Совѣтъ Десяти своему посланнику Луиджи Бадоаро. Но ему было дано полномочіе заключить миръ и безъ всякихъ уступокъ со стороны султана. Эта тайна была выдана французскому посланнику въ Константинополь венеціанцами Костантино и Никколó Гаваццо, находившимися на жалованіи у него. Онъ сообщилъ ее великому везирю. Турецкое правительство объявило венеціанскому послу, что не должно быть и рѣчи ни о какихъ уступкахъ со стороны султана, и венеціанцы принуждены были принять невыгодныя условія мира. По трактату, заключенному въ октябрѣ 1540, Венеція уступила султану всѣ завоеванные имъ острова и два важнѣйшіе города, оставшіеся у нея въ Морѣѣ, Наполи ди Романію и Мальвазію; кромѣ того, она заплатила 300.000 дукатовъ вознагражденія султану за военные расходы. (Черезъ два года предательство Костантино и Никколó Гаваццо было открыто, и Совѣтъ Десяти велѣлъ казнить ихъ).—Гарнизоны и жители Наполи ди Романіи и Мальвазіи были очень опечалены относившимся къ этимъ городамъ условіемъ мира, хотѣли противиться, про-

силь помощи императора, но покорились своей судьбѣ, когда въ ихъ гавани вошли венеціанскія галеры взять крѣпостную артиллерію и солдатъ. Многіе изъ жителей эмигрировали.—Французское вліяніе стало преобладающимъ и въ Константинополѣ и въ Венеціи.

Заклучивъ миръ съ венеціанцами, Сулейманъ сталъ готовиться къ новому походу на Фердинанда. На границахъ шли и во время перемирія непрерывныя военныя столкновенія; австрійскія и турецкія правительства не участвовали въ нихъ прямымъ образомъ, но пограничныя отряды съ обѣихъ сторонъ часто дѣлали набѣги. При одномъ изъ такихъ случаевъ, Каціанеръ, зашедшій слишкомъ далеко по Дравѣ, былъ оттѣсненъ съ большими потерями, и помощникъ его, храбрый тиролецъ, графъ Лодронъ получилъ смертельную рану; Каціанера обвинили въ трусости, въ измѣнѣ и посадили подъ стражу въ вѣнскомъ дворцѣ; онъ бѣжалъ на родину въ Кроацію, вступилъ въ измѣнническія сношенія съ турками; но при свиданіи съ нимъ, въ его замкѣ (27 октября 1539) графъ Зринни вонзилъ въ грудь ему кинжалъ, велѣлъ бросить его тѣло въ ровъ, а голову послалъ въ Вѣну. Такихъ кровавыхъ дѣлъ было много въ тѣ времена въ пограничныхъ земляхъ, и остались народныя пѣсни о нихъ.—Сношенія турокъ съ измѣнникомъ Каціанеромъ и убійство его слугою Фердинанда увеличили взаимное раздраженіе между австрійцами и турками. Сохраненіе мира стало невозможнымъ, когда умеръ (21 іюля 1540) Яношъ Заполя. Фердинандъ сталъ хлопотать, чтобы венгры признали его своимъ королемъ; венгерская національная партія, вождемъ которой былъ Мартинуцци, епископъ grosвардейскій, хотѣла отдать корону Яношу (Яну) Сигизмунду, сыну Яноша и его супруги Изабеллы, дочери короля польскаго, Сигизмунда Августа, родившемуся за десять дней до смерти отца; большинство венгровъ желало сохранить за собою право выбирать короля и политическую свободу, потому не расположено было къ австрійскому дому, представителю абсолютизма. Рѣшеніе дѣла зависѣло отъ Сулеймана; агенты Фердинанда и венгерскіе патріоты хлопотали въ Константинополѣ; не трудно было предвидѣть, чью сторону приметъ султанъ. Польскій авантюристъ Ласкій, поступившій на службу Фердинанда, доказывалъ Сулейману законность его правъ на венгерскій престолъ; но гораздо больше вѣса во мнѣніи султана имѣли предложенія національной партіи, соглашавшейся признавать верховную власть его надъ венгерскимъ королевствомъ и платить ему 100.000 дукатовъ дани. Фердинандъ тоже обѣщалъ платить султану дань подъ названіемъ пенсіи, послалъ подарки Сулейману и его сановникамъ. Но въ Константинополѣ было извѣстно, что австрійскій государь готовится къ войнѣ; это уничтожало довѣріе къ его обѣщаніямъ. При томъ султанъ хотѣлъ оставить подъ своей непосредственной властью столицу Венгріи Офенъ, а Фердинандъ требовалъ, чтобы турецкій гарнизонъ

былъ выведенъ оттуда. Вообще невозможно было, чтобы султанъ добровольно отказался отъ господства надъ Венгріей; національная партія не находила турецкое владычество опаснымъ для свободы; султанъ вовсе не желалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Венгріи, оставлялъ неприкосновенными венгерскія государственныя учрежденія; ему нужно было только, чтобы король венгерскій помогалъ ему въ войнахъ. Фердинандъ не могъ признать себя вассаломъ султана, потому Сулейманъ въ 1541 г. объявилъ ему войну и началъ враждебныя дѣйствія тѣмъ, что посадилъ Ласкаго въ темницу.

Межъ тѣмъ, какъ на аугсбургскомъ сеймѣ шли совѣщанія о «безотлагательной помощи» Фердинанду противъ «кровожаднаго намѣренія турка погубить и завоевать королевство венгерское и поставить свою ногу на нѣмецкую націю», Сулейманъ перешелъ Дунай. Онъ за три года передъ тѣмъ прогналъ молдавскаго господаря Петра Рароша, который былъ союзникомъ Фердинанда, напалъ на польскаго короля, друга турокъ, и помогъ убійству Гритти; на мѣсто Петра, Сулейманъ назначилъ господаремъ его брата Стефана, съ обязательствомъ каждые два года лично привозить дань въ Константинополь, и присоединилъ къ непосредственнымъ своимъ владѣніямъ восточную часть Бессарабіи между Прутомъ и Днѣстромъ, съ крѣпостями Аккерманомъ и Киліей. Теперь султанъ пошелъ въ глубину Венгріи. Графъ Иштванъ Майлатъ, казнившій Гритти, былъ отправленъ султаномъ въ Константинополь и провелъ остатокъ жизни въ темницѣ Семибашеннаго замка. Въ концѣ августа, Сулейманъ сталъ подъ Офеномъ, близъ котораго, незадолго передъ тѣмъ, паши боснійскій и семендрійскій разбили австрійскаго генерала Роггендорфа, получившаго въ этомъ сраженіи смертельную рану. Члены совѣта регентства, правившаго Венгріей отъ имени малютки, сына Яноша, признали султана леннымъ господиномъ Венгріи, но напрасно просили его оставить ей хотя тѣнь независимости. Сулейманъ 2 сентября (1541 г.); торжественно вступилъ въ Офенъ, поселился во дворцѣ, выгнавъ оттуда королеву Изабеллу, обратилъ главную церковь въ мечеть и объявилъ, что до совершеннолѣтія короля останется въ Офенѣ турецкій гарнизонъ и Венгріей будетъ управлять турецкій паша.—Австрійцы ждали, что турки снова подступятъ къ Вѣнѣ; Фердинандъ предложилъ султану миръ, послалъ подарки ему и его сановникамъ. Сулейманъ отвергъ предложеніе Фердинанда; но неудача прежней осады Вѣны отнимала у него охоту снова идти подъ этотъ городъ; думать объ осадѣ Вѣны было тѣмъ неудобнѣй ему, что время года было уже позднее. Нѣмцы понимали, что владычество турокъ надъ Венгріей угрожаетъ опустошеніемъ Германіи; потому нѣмецкій сеймъ исполнилъ просьбы императора и Фердинанда помогать имъ въ войнѣ съ Сулейманомъ. Іоахимъ, курфирстъ бранденбургскій, повелъ въ 1542 г. имперскую армію въ Венгрію; но, какъ мы говорили въ X томѣ,

не могъ сдѣлать тамъ ничего важнаго, потому что не было денегъ на содержаніе собраннаго имперіей войска и скоро пришлось распустить его. Экспедиція въ Алжиръ, предпринятая въ томъ же году императоромъ, была неудачна, какъ мы тоже говорили. Сулейманъ остался владыкой Офена и всей венгерской земли на востокъ оттуда; турецкіе и африканскіе корсары грабили побережья владѣній Карла; у императора возобновилась война съ королемъ французскимъ; Барбаросса съ турецкимъ флотомъ присоединился къ французскому, вмѣстѣ съ нимъ крейсировалъ вдоль сѣверо-западнаго берега Италіи; французы пустили его въ тулонскую гавань. Въ слѣдующемъ (1543) году, турки 10 августа взяли Гранъ, разграбили его, поправили и усилили его укрѣпленія и оставили въ немъ свой гарнизонъ; 4 сентября они взяли Штульвейсенбургъ. Султанъ раздавалъ своимъ спаги землю въ окрестностяхъ Офена и Грана; эти турецкія военныя поселенія показывали, что онъ хочетъ навсегда удержать Офенъ и Гранъ подъ непосредственной турецкой властью. Вскорѣ по взятіи Штульвейсенбурга, турки взяли Вышеградъ венгерскій. Шпейерскій сеймъ далъ императору много денегъ и войска; благодаря тому Карлъ и Фердинандъ могли безъ большихъ неудачъ одновременно вести войну съ турками и французами; Фердинандъ не одержалъ большихъ успѣховъ въ Венгріи, но по крайней мѣрѣ удержалъ Сулеймана на нѣсколько лѣтъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній.

Когда Францискъ заключилъ (въ Крепи) миръ съ императоромъ, султанъ снова сталъ опасаться, что король французскій будетъ помогать Карлу и Фердинанду въ войнѣ съ нимъ, потому менѣе рѣзко чѣмъ прежде отвѣчалъ на предложенія Фердинанда. Императоръ, задумавшій подавить нѣмецкихъ протестантовъ, желалъ имѣть всѣ свои силы свободными для этой войны, потому тоже вступилъ въ переговоры съ Сулейманомъ, и при французскомъ посредничествѣ, было заключено въ 1545 году перемиріе. По смерти Франциска и побѣдѣ Карла надъ протестантами, султанъ нашелъ надобнымъ желать, чтобы Карлъ и Фердинандъ не возобновили войны съ нимъ, потому согласился заключить окончательный миръ. Этотъ договоръ былъ подписанъ въ іюнѣ 1547; Фердинандъ обязался давать султану 30.000 дукатовъ ежегодной „пенсіи“, Сулейманъ обѣщался пять лѣтъ не нападать на владѣнія остававшіяся у Фердинанда въ Венгріи. Хайреддинъ Барбаросса умеръ за годъ передъ тѣмъ (4 іюля 1546), достигнувъ глубокой старости.

Сулейманъ стоялъ тогда на верху могущества. Карлъ и Фердинандъ въ слѣдующіе годы были совершенно заняты войнами въ Германіи, не могли думать о нападеніи на турокъ. Сулейманъ, пользуясь тѣмъ, упрочилъ свое владычество надъ Венгріей, началъ (въ 1548 году) войну съ Персіей, расширилъ походомъ этого и слѣдующаго годовъ свои владѣнія на Эвфратъ; мусульманскіе государи Индіи искали его благосклонности, просили его помощи противъ португальцевъ; онъ раздавалъ земли въ Венгріи туркамъ, обязаннымъ за то быть

постоянно готовыми къ походу, раздѣлилъ Венгрію на турецкіе санджаки, паши которыхъ были подчинены намѣстнику султана, комменданту Офена. Этотъ намѣстникъ Сулеймана, Халиль-паша, ввелъ въ Венгріи турецкую систему налоговъ. Она дѣйствовала нѣсколько десятковъ лѣтъ. Турецкіе администраторы и судьи самовластвовали въ Венгріи, обирая народъ. Дѣла нерѣдко рѣшались по турецкимъ, а не по венгерскимъ законамъ. Люди, принимавшіе исламъ, были награждаемы за отступничество отъ христіанства. Множество мальчиковъ было отправляемо въ Константинополь; тамъ воспитывали ихъ въ мусульманствѣ и дѣлали янычарами. Національность венгровъ находилась въ опасности быть подавленной; казалось, что Венгрія и Трансильванія подвергнутся судьбѣ Болгаріи и Сербіи, что и въ нихъ пріобрѣтеть преобладаніе мусульманство, укоренятся турецкіе обычаи и учрежденія. Венгрія спаслась отъ этой участи, сохранила подъ турецкимъ владычествомъ свою національность, благодаря отчасти тому, что сохранила нѣкоторую связь съ Австріей и Германіей, отчасти благодаря энергіи венгерскаго народа, отчасти благодаря тому, что турки стали вскорѣ ослабѣвать.

Легко было предвидѣть, что миръ между Фердинандомъ и Сулейманомъ продержится не долго. При неопредѣленности границъ, постоянно шли на нихъ драки; Фердинандъ не хотѣлъ отказываться отъ своихъ притязаній, Сулейманъ хотѣлъ сдѣлать новыя завоеванія на сѣверѣ и западѣ. До самой смерти этого султана, положеніе дѣлъ постоянно колебалось между войной и безуспѣшными переговорами. Война имѣла партизанскій характеръ: большихъ сраженій не было, но крови лилось много въ мелкихъ схваткахъ. Королева Изабелла съ малолѣтнимъ сыномъ жила въ трансильванскомъ городѣ Липпѣ; дворъ ея былъ центромъ интригъ, которыя вскорѣ по заключеніи мира привели къ его нарушенію. Однимъ изъ опекуновъ сына Изабеллы былъ Мартинуцци; человѣкъ надменный, онъ хотѣлъ править дѣлами самовластно; этого не допустили ни Изабелла, ни Сулейманъ; Мартинуцци вступилъ въ сношенія съ Фердинандомъ. Результатомъ его интригъ было то, что въ 1551 году Изабелла отказалась за своего сына отъ Трансильваніи, получивъ въ вознагражденіе большія имѣнья въ Силезіи; трансильванскій сеймъ, созванный въ Клаузенбургѣ, призналъ Фердинанда государемъ. Раздраженный этимъ Сулейманъ заперъ въ темницу австрійскаго посланника и велѣлъ беглербегу Румелии Мухаммеду Соколи идти въ Трансильванію. Мартинуцци, которому Фердинандъ доставилъ кардинальскій санъ и поручилъ управленіе Трансильваніей, возбудилъ въ народѣ патріотическое одушевленіе. Онъ велѣлъ носить по странѣ національные символы призыва къ оружію, копье и мечъ, облитые кровью, убѣждалъ народъ защищать вѣру и отечество. Собралось многочисленное ополченіе; соединившись съ австрійскимъ войскомъ, приведеннымъ

Кастальдо, трансильванцы прогнали турокъ, взяли Липпу. Но скоро Мартинуцци и Кастальдо поссорились; Кастальдо внушилъ Фердинанду подозрѣніе, что Мартинуцци имѣетъ сношенія съ султаномъ. Получилъ ли Кастальдо отъ Фердинанда приказаніе убить Мартинуцци или разсудилъ, что Фердинандъ одобритъ убійство, сдѣланное его полководцемъ безъ положительнаго приказанія, — такъ ли или иначе, но онъ 18 декабря 1551 убилъ Мартинуцци въ его собственномъ замкѣ. Это злодѣйство не принесло пользы Фердинанду. Оно возбудило негодованіе въ трансильванцахъ, они утратили охоту сражаться за Фердинанда, и въ слѣдующемъ (1552) году турки вновь овладѣли Липпой, взяли послѣ упорной обороны важную крѣпость Темешваръ. Австрійцы удержались только въ небольшой крѣпости Эрлау. Полководецъ Сулеймана Ахмедъ-паша окружилъ ее многочисленнымъ войскомъ; но гарнизонъ отбивался геройски; Морицъ курфирстъ саксонскій пошелъ на помощь Эрлау; приближалась зима, и Ахмедъ-паша отступилъ.

Война съ Франціей и неудачи въ Германіи заставляли Карла и Фердинанда желать мира съ Сулейманомъ; они посылали пословъ за послами въ Константинополь съ подарками везирямъ и другимъ вліятельнымъ сановникамъ съ обѣщаніемъ, что Фердинандъ будетъ платить большую «пенсію» султану, если Сулейманъ отдастъ ему Трансильванію и занятую турецкими войсками большую часть Венгріи. Но французскіе послы отклоняли Сулеймана отъ мира; посолъ Фердинанда нидерландецъ Бюсбекъ, человекъ очень умный, писалъ королю: «Продолжительное счастье сдѣлало турокъ такими надменными, что они считаютъ справедливымъ все, чего хотятъ, несправедливымъ все, чего не хотятъ». Сулейманъ не соглашался уступить Трансильванію. Нѣсколько разъ было заключаемо и нарушаемо перемиріе; Сулейманъ, снова ходившій въ Персію, жилъ зимою 1554—1555 годовъ въ Амасіи; Бюсбекъ, ѣздившій туда къ нему, видѣлъ на обратномъ пути цѣлыя толпы христіанъ, прикованныхъ къ длиннымъ цѣпямъ и уводимыхъ турками изъ Венгріи въ рабство. Нѣмцы были такъ заняты своими ссорами, что Фердинандъ не могъ получить отъ имперскаго сейма ни войска, ни денегъ; въ Германіи считали венгерскія дѣла чужими для нѣмцевъ, касающимися только Фердинанда. Предоставленный собственнымъ силамъ, онъ не могъ вытѣснить турокъ ни изъ Венгріи, ни изъ Трансильваніи; въ этихъ странахъ продолжала идти партизанская война, имѣвшая единственнымъ своимъ результатомъ опустошеніе. На Средиземномъ морѣ господствовали мусульманскіе корсары, грабили берега. Султанъ нерѣдко бросалъ пословъ Фердинанда въ темницы; тамъ нѣкоторые изъ нихъ были удушены.

II. ОСАДА МАЛЬТЫ. ОСАДА СИГЕТА.

Сулейманъ пережилъ Карла V. По смерти императора и по заключеніи като-камбрэзійскаго мира, положеніе дѣлъ въ юго-восточной Европѣ измѣнилось. Религіозныя междоусобія, начавшіяся во Франціи, ослабили ея вліяніе на другія государства. Филиппъ II не помогаль австрійскимъ Габсбургамъ въ ихъ венгерскихъ войнахъ; онъ заботился только о защитѣ своихъ береговъ отъ турецкихъ эскадръ и африканскихъ корсаровъ подвластныхъ султану; они опустошали приморья неаполитанскаго королевства и Сициліи, — помогали испанскимъ морискамъ; многіе изъ нихъ нападали на испанцевъ не только для пріобрѣтенія добычи, но и по національной ненависти, будучи потомками мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи. Іоанниты, которымъ Карль отдалъ Мальту, чтобъ она была аванпостомъ въ войнѣ съ корсарами, мужественно нападали на невѣрныхъ.

Эта непрерывная партизанская война на морѣ доставила матеріаль для множества произведеній испанской поэзіи, потому что въ ней было очень много отважныхъ подвиговъ, удивительныхъ приключеній; судьба захваченныхъ корсарами христіанъ представляла такой же богатый матеріаль для поэзіи: они страдали въ рабствѣ. ихъ заставляли быть гребцами на галерахъ у мучителей ихъ; многіе изъ этихъ мучителей были ренегаты; несчастные ждали, скоро ли заплаченъ будетъ выкупъ за нихъ и, утомившись напраснымъ ожиданіемъ, пытались спастись бѣгствомъ; ихъ ловили, и если не убивали, то мучили хуже прежняго. Бѣдствія и приключенія ихъ были изображаемы въ романахъ, новеллахъ, драмахъ. Понятно, что война противъ корсаровъ была очень популярна въ Испаніи. Матросы и солдаты Филиппа, испанцы, итальянцы не уступали храбростью корсарамъ и янычарамъ, но изъ христіанскихъ адмираловъ только Андрей Дорія и его родственники были искусные моряки, всѣ другіе вельможи, которымъ Филиппъ поручаль начальство надъ своими эскадрами, далеко не имѣли такой опытности, такого искусства, какъ начальники турецкихъ флотовъ и пиратскихъ эскадръ. Мусульмане господствовали на морѣ до самаго того времени, какъ Филиппъ назначилъ Дона Хуана главнокомандующимъ своего флота.

Большая экспедиція, посланная подъ начальствомъ герцога Медина Сели противъ Драгута (или Торгута) владѣтеля Триполи, была очень неудачна. Испанскіе солдаты подъ начальствомъ Альваро де Санде, оставленные въ полу-развалившейся крѣпости на маленькомъ островѣ Джербе, геройски защищались отъ корсаровъ и янычаровъ канудана паши Піали; они нѣсколько недѣль отражали штурмы; но въ концѣ іюля 1560 недостатокъ въ провіантѣ и водѣ принудилъ ихъ сдаться; 4,000 плѣнныхъ солдатъ были отвезены въ Константинополь на продажу въ рабство. Піали при торжественномъ вступленіи въ Константинополь велъ за собой плѣннаго

Санте. Такой исходъ экспедиціи, на которую возлагались большія надежды, сильно повредилъ христіанской торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Испанцы опасались, что корсары отнимутъ у нихъ Оранъ, завоеванный Хименесомъ. Въ 1562 изъ Малаги отплыла подъ начальствомъ Хуана Мендосы эскадра съ подкрѣпленіями оранскимъ испанцемъ; но буря утопила многіе изъ этихъ кораблей; Мендоса и 4.000 матросовъ и солдатъ его утонули. Гассемъ, дей алжирскій, пользуясь этимъ несчастіемъ испанцевъ, осадилъ фортъ Сантъ-Мигель, служившій защитой для портоваго города Мазаркивира. Войско его было многочисленно, но осажденные храбро оборонялись, отбили семь штурмовъ; ворвавшись въ укрѣпленіе, при восьмомъ штурмѣ, Гассемъ нашелъ только груды развалинъ. Съ такимъ же мужествомъ оборонялся гарнизонъ Мазаркивира. Мартинъ де Кордова, братъ графа Алонсо Алькаудете, комманданта крѣпости, потомокъ рода знаменитаго подвигами въ войнахъ противъ мавровъ, искусно руководилъ обороной. Осада длилась до іюня 1563. Гарнизонъ уже изнемогалъ отъ голода; но появилась испанская эскадра, состоявшая изъ 42 галеръ и принудила Гассема торопливо отступить. Послѣ того, положеніе испанцевъ въ Африкѣ улучшилось; торговля христіанъ въ западной части Средиземнаго моря ожила, населеніе европейскихъ береговъ его вздохнуло свободно.

Но радость была не продолжительна. Черезъ два года разнеслось ужасающее извѣстіе, что султанъ снаряжаетъ огромный флотъ; вскорѣ послѣ того было узнано, куда направятся турки. Сулейманъ, раздраженный тѣмъ, что іоаннитскіе рыцари захватили большой турецкій торговый корабль съ богатымъ грузомъ, рѣшилъ прогнать ихъ съ Мальты, какъ прежде прогналъ съ Родоса. Гросмейстеръ ордена Жанъ Паризо де Ла Валеттъ, потомокъ знатной провансальской фамиліи, бывшій въ молодости свидѣтелемъ покоренія Родоса турками, теперь будучи 68-лѣтнимъ старикомъ, сталъ готовиться къ оборонѣ Мальты. Онъ пригласилъ всѣхъ отсутствовавшихъ рыцарей пріѣхать на Мальту, вербовалъ наемниковъ, запасался провіантомъ и аммуницией. Мальтійскіе рыцари прониклись энтузіазмомъ и усердіе въ вѣрѣ привлекло на помощь имъ много волонтеровъ изъ романскихъ земель. Донъ Хуанъ хотѣлъ плыть съ кастильскими вельможами на Мальту; но не могъ исполнить своего намѣренія. При началѣ осады, число защитниковъ Мальты простиралось до 9.000 человекъ; въ томъ числѣ было 700 рыцарей ордена. Мѣстами особенно упорной борьбы сдѣлались замокъ Сантъ-Анджело, стоявшій на скалистомъ мысѣ сѣверовосточнаго берега, сосѣднія съ нимъ горы, Большая Гавань, стоявшій при ней маленькій городъ Борго и фортъ Сантъ-Эльмо, стоявшій на концѣ мыса, образовавшаго гавань.

Турецкій флотъ подплылъ къ Мальтѣ 18 мая 1565. Онъ состоялъ изъ 130 галеръ и 50 мелкихъ судовъ, имѣлъ многочисленную артиллерію, пушки которой были невиданной до того времени величины. Онъ привезъ 30.000 солдатъ, въ числѣ которыхъ находилось 7.000 янычаровъ и 6.000 спаги; такого громаднаго флота еще не бывало въ той части Средиземнаго моря. Главнокомандующимъ былъ кануданъ-паша Піали, искусный морякъ, побѣдитель испанскаго гар-

низона острова Джербе; войскомъ командовалъ Мустафа, 75-лѣтній старикъ, опытнѣйшій и знаменитѣйшій изъ полководцевъ Сулеймана. Вскорѣ прибылъ съ 13 галерами Драгутъ и сталъ помогать турецкимъ начальникамъ благоразумными совѣтами. Послѣ страшныхъ усилій, турки овладѣли передовыми верками форта Сантъ-Эльмо и стали бомбандировать желѣзными и мраморными ядрами стѣны форта. На военномъ совѣтѣ рыцарей слышались голоса, что должно сдать полуразрушенный фортъ, чтобы спасти отъ вѣрной гибели ослабѣвшій гарнизонъ его; но гросмейстеръ убѣдилъ членовъ совѣта отвергнуть это постыдное предложеніе; онъ надѣялся, что вице-король неаполитанскій Гарсіа де Толедо, обѣщавшій прислать ему помощь въ половинѣ іюня, сдержитъ слово. Своимъ геройствомъ гросмейстеръ ободрилъ рыцарей защищавшихъ Сантъ-Эльмо и при содѣйствіи присланнаго имъ небольшого подкрѣпленія, они съ неимовѣрной энергіей отразили упорный штурмъ 16 іюня. Рукопашная схватка была продолжительна; ни турки, ни христіане не просили и не давали пощады; по всему берегу гавани стояли турецкіе корабли и баттарей, бомбардировавшіе флотъ; защитники его бросили на штурмующихъ желѣзный обручъ, обвитый просмоленной и зажженной паклей; это новоизобрѣтенное средство обороны произвело смятеніе между янычарами, длиннополая одежда которыхъ загорѣлась отъ него. Штурмъ былъ отбитъ, Мустафа, съ бѣшенствомъ досады, подалъ сигналъ отступленія туркамъ, изнуреннымъ отъ тяжелой схватки и полуденнаго зноя; уронъ на обѣихъ сторонахъ былъ великъ, въ числѣ убитыхъ рыцарей находился Медранъ, геройство котораго глубоко уважалъ гросмейстеръ. Помощь обѣщанная вице-королемъ неаполитанскимъ не появлялась; гарнизонъ, отражая днемъ нападеніе турокъ, ночью долженъ былъ поправлять поврежденія, сдѣланныя ими въ стѣнахъ, не имѣлъ отдыха, изнурялся; положеніе его стало особенно тяжело, когда турки довели свои окопы до большой гавани и отрѣзали этимъ фортъ Сантъ-Эльмо отъ сообщенія съ фортомъ Сантъ-Анджело и Борго. При всемъ своемъ изнуреніи, гарнизонъ Сантъ-Эльмо отбилъ и второй штурмъ, сдѣланный 22 іюня, съ такимъ же упорствомъ, какъ первый. Турки хотѣли возобновить штурмъ на слѣдующее утро; защитники форта знали это, понимали, что будутъ не въ силахъ отразить новый штурмъ и ночью съ 22 на 23 іюня приготовились молитвой къ смерти, стали утромъ на свои мѣста не съ надеждой побѣдить, а только съ мыслью дорого продать свою жизнь. Почти всѣ они пали въ бою; уцѣлѣли только немногіе, спасшіеся случайно или пощаженные корсарами, желавшими взять за нихъ выкупъ. Орденскіе товарищи съ печалью увидѣли со стѣнъ Сантъ-Анджело, что поднялось знамя съ полумѣсяцемъ на мѣстѣ упавшаго знамени съ изображеніемъ Іоанна Предтечи; это былъ день праздника Іоанна Предтечи, покровителя ихъ ордена; празд-

никъ былъ теперь для нихъ днемъ печали. Мустафа велѣлъ воткнуть на колья головы знатнѣйшихъ убитыхъ рыцарей; тѣла другихъ онъ велѣлъ привязать къ доскамъ, сдѣлать на груди ихъ крестообразные разрѣзы и бросить ихъ въ гавань, чтобы вода принесла ихъ къ братьямъ, защищавшимъ Борго. Въ отмщеніе за это Ла Валеттъ велѣлъ бросить выстрѣлами изъ пушекъ въ турецкіе окопы отрубленныя головы нѣсколькихъ плѣнныхъ мусульманъ. — При оборонѣ Сантъ-Эльмо было убито 1.500 христіанъ, въ томъ числѣ 120 рыцарей; но потеря турокъ была еще больше. — Драгутъ во время этой осады получилъ въ голову рану, отъ которой умеръ вскорѣ по взятіи форта.

Ла Валеттъ отвергалъ требованія турокъ отдать имъ островъ; Мустафа осадилъ Борго и фортъ Сантъ-Анджело, отрѣзалъ ихъ отъ всякихъ сообщеній и съ суши и съ моря, бомбардировалъ ихъ, дѣлалъ приступы отдѣльными частями войска; осажденные отбивали ихъ; 15-го іюля онъ сдѣлалъ приступъ всѣми своими силами; христіане отбили и этотъ штурмъ; больше 3.000 мусульманъ были убиты на валахъ и стѣнахъ или утонули въ гавани; изъ своихъ убитыхъ товарищей рыцари жалѣли въ особенности объ итальянцѣ Цаногверрѣ и о Фадрике де Толедо, сынѣ вице-короля сицилійскаго, молодомъ человѣкѣ, котораго отецъ поручилъ заботамъ гротмейстера. Помощи осажденнымъ все еще не было; король испанскій и вице-король неаполитанскій обдумывали, слѣдуетъ ли испанцамъ вмѣшиваться въ эту войну, навлекать на испанскія владѣнія гнѣвъ турокъ. Люди низкой души говорили, что король испанскій не обязанъ помогать ордену не находящемуся подъ его властью. Но послѣ довольно долгаго колебанія, король склонился къ мнѣнію болѣе благородному, рѣшилъ, что оборона Мальты нужна для пользы испанскаго государства, потому что если турки овладѣютъ этимъ островомъ, то всѣ христіанскіе берега Средиземнаго моря будутъ подвергаться нападеніямъ ихъ флотовъ и африканскихъ корсаровъ. Папская булла провозглашала войну противъ турокъ крестовымъ походомъ, давала отпущеніе грѣховъ идущимъ на нее. Но рыцари все еще не получали помощи. Ла Валеттъ превосходно руководилъ обороной, поправлялъ разрушаемыя укрѣпленія, посылалъ на эту работу плѣнныхъ турокъ. Возобновивъ въ началѣ августа приступы, Мустафа и Шали встрѣтили упорное сопротивленіе. Но каждая побѣда уменьшала число христіанскихъ воиновъ. При штурмѣ 7 августа было убито много рыцарей. Осада продолжалась послѣ того еще нѣсколько недѣль. Турки строили подвижныя башни, христіане жгли ихъ; въ минахъ и контрминахъ не рѣдко происходили ожесточенныя схватки.

Мустафа зналъ, что неудача осады сильно прогнѣвитъ султана и упорно возобновлялъ нападенія; но много солдатъ и матросовъ его погибло отъ непріятельскаго оружія, кораблекрушеній, повальныхъ

болѣзней; суда, подвозившія провіантъ, часто были перехватываемы христіанскими крейсерами; осаждающіе истощили запасъ пороха и ядеръ, стали страдать отъ голода, появился испанскій флотъ, состоящій изъ 28 галеръ; онъ везъ кастильскихъ ветерановъ и храбрыхъ итальянскихъ и другихъ волонтеровъ; 6 сентября это войско вышло на западный берегъ острова. Мустафа сдѣлалъ попытку опрокинуть въ море это войско; она не удалась, турки упали духомъ, христіане оттѣснили ихъ къ берегу, гдѣ стоялъ ихъ флотъ: они садились на корабли подъ непріятельскими выстрѣлами и торопливо уплыли. Іоаннитское знамя было водружено на развалинахъ форта Санъ-Эльмо и день Рождества Богоматери (8-ое сентябрю) былъ отпразднованъ благодарственнымъ молебствіемъ за побѣду. Но въ борьбѣ съ турками, длившейся три мѣсяца, погибло двѣсти рыцарей, нѣсколько тысячъ солдатъ и жителей острова.

Оборона Мальты была блистательнѣйшимъ подвигомъ христіанъ въ XVI вѣкѣ; вся западная Европа радовалась побѣдѣ іоаннитовъ, государи запада заявляли свое уваженіе мужественному гротмейстеру. Онъ не долго пережилъ побѣду, но еще имѣлъ радость положить основной камень укрѣплений новаго портового города, которому было дано на память вѣкамъ имя его. Онъ занемогъ отъ неосторожности на соколиной охотѣ и умеръ 21 августа 1568. Своимъ участіемъ въ депантской битвѣ мальтійскіе рыцари отблагодарили короля испанскаго за помощь имъ.

Неудача экспедиціи противъ Мальты привела въ ярость Сулеймана, онъ запретилъ разбитому флоту показываться на глаза ему, велѣлъ этимъ кораблямъ не входить въ константинопольскую гавань, сталъ поспѣшно строить новые, хотѣлъ загладить стыдъ неудачи новыми побѣдами. Весною 1566 Піали поплылъ съ 70 кораблями покорить Хіосъ, послѣднее владѣніе генуэзцевъ въ Левантѣ; а Сулейманъ пошелъ за Дунай. Перемиріе 1562 года не прекратило партизанской войны по границамъ австрійскихъ владѣній съ турецкими: никакіе договоры не могли удержать проявленій національной вражды, она непрерывно производила набѣги пограничныхъ турецкихъ отрядовъ на австрійскія земли, нѣмецкихъ на подвластныя туркамъ венгерскія. Отношенія Фердинанда къ малолѣтнему королю венгерскому Яну Сигизмунду, вассалу султана, были непріязненны; притомъ султанъ сердился на неисправность Фердинанда въ платежѣ почетныхъ подарковъ, какъ называлась дань, которую обязался онъ давать султану. Новый императоръ Максимилианъ слѣдовалъ отцовскому примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ венгерскому королю и султану, платилъ дань несполна и не своевременно, ссорился съ Яномъ Сигизмундомъ, отнималъ у него города; Янъ Сигизмундъ жаловался султану, Сулейманъ находилъ своего вассала правымъ. Максимилианъ захватилъ токайскій округъ. Султанъ потребовалъ возвращенія этой земли королю вен-

герскому, императоръ отвѣчалъ отказомъ; въ отмщеніе за то, паша герсекскій (герцеговинскій) пошелъ въ Крайну, жжегъ Круппу и Нови, опустошилъ всю область. Эти ссоры кончились тѣмъ, что султанъ объявилъ войну императору.

Сулейманъ надѣялся взять Вѣну. Онъ былъ теперь старикъ и при томъ больной, но самъ повелъ свое войско. Онъ выступилъ изъ Константинополя 1 мая 1566 года, переправился 29 іюня изъ Бѣлграда въ Землинъ; туда явился къ нему съ подарками Янъ Сигизмундъ, онъ утвердилъ его во владѣніи Трансильваніей, обѣщалъ ему свое покровительство. Между тѣмъ Никласъ Зрини разбилъ при Никлошѣ пашу офенскаго Арслана, взялъ Веспримъ и Тату, приготовился оборонять отъ султана Сигетъ. Султанъ шелъ туда, хотѣлъ начать войну взятіемъ этого оплота австрійской границы, ему ненавистенъ былъ Сигетъ по воспоминанію о прежней храброй оборонѣ отъ его нападеній. Арсланъ паша былъ казненъ въ Фюнфкирхенѣ прогнѣвавшимся на него султаномъ. Сулейманъ 5 августа подступилъ къ Сигету. Великій везиръ Мухаммедъ Соколли помогалъ больному старику распоряжаться веденіемъ осады. Турки скоро овладѣли городомъ Сигетомъ, но трудно было взять стоявшую на горѣ цитадель, въ которой заперся Зрини, съ рѣшимостью биться до послѣдняго дыханія. Турки сильно бомбардировали цитадель, но стѣны ея остались крѣпки; обѣщанія и угрозы султана не дѣйствовали на ея защитниковъ, осада длилась нѣсколько недѣль; Зрини и воины его отбивали штурмы. Наконецъ турки подкопались подъ стѣны, взорвали мины; отъ пламени взрыва загорѣлось дерево укрѣпленій, уцѣлѣла лишь каменная часть стѣнъ и стоявшая въ срединѣ цитадели башня, въ которой былъ пороховой магазинъ. Невозможно было удержаться въ этихъ остаткахъ разрушенной и горящей цитадели; но Сулейманъ не дожидая до гибели Зрини: въ ночь съ 5 на 6 сентября онъ умеръ въ своемъ шатрѣ, при заревѣ горящихъ укрѣпленій цитадели. Великій везиръ скрылъ отъ войска смерть султана, чтобъ оно не упало духомъ и чтобы не кончился неудачей штурмъ, приказанія о которомъ онъ отдавалъ отъ имени умершаго султана. Когда турки пошли на приступъ, Зрини съ нѣсколькими воинами бросился на встрѣчу врагу и погибъ въ рукопашномъ боѣ. Турки положили его тѣло на большую пушку Каціанера и отрубили его голову. Воины, остававшіеся въ башнѣ, дали туркамъ войти въ нее, какъ совѣтовалъ Зрини, и подожгли пороховой складъ; башня взлетѣла на воздухъ съ 3.000 турокъ.

Шіали между тѣмъ сдѣлалъ важное пріобрѣтеніе безъ боя. Генуэзская вельможеская фамилія Джустиніани, занимавшаяся торговлей въ Левантѣ, оказывала услуги султанамъ; благодаря тому и покровительству королей французскихъ, она сохраняла издавна пріобрѣтенное ею владычество надъ Хіосомъ, за которое платила султану 10.000 дукатовъ дани. Хіосъ дѣлился теперь на 12 маленькихъ вла-

дѣній, принадлежавшихъ младшимъ членамъ фамиліи Джустаніани, а глава ея былъ непосредственнымъ владѣтелемъ города Хіоса и сюзереномъ удѣльныхъ владѣтелей. Всѣ они угнетали населеніе, оно ненавидѣло ихъ; потому они не могли разсчитывать на его содѣйствіе оборонѣ ихъ отъ турокъ. Они хотѣли подкупить капудана пашу; онъ взялъ ихъ сокровища, заковалъ ихъ въ цѣпи, отослалъ нѣкоторыхъ въ Каффу, другихъ въ Константинополь; тамъ заперли ихъ въ темницы; только черезъ четыре года была возвращена имъ свобода по ходатайству короля французскаго и папы. Хіосъ остался подъ непосредственной турецкой властью, и благосостояніе жителей его скоро упало подъ ней, какъ на другихъ островахъ Эгейскаго моря. Замолкли звуки пѣсень Гомера, слышавшіеся до той поры. Черезъ семь лѣтъ улицы города Хіоса были уже безлюдны, дворцы прежнихъ богачей его обращались въ развалины, говоритъ очевидецъ. Тѣ знатные люди, которые уцѣлѣли, покинули островъ; простолюдины приняли исламъ, чтобы сохранить личную свободу; но турки угнетали ихъ. Возвратившись въ Константинополь, Піали паша нашелъ тамъ уже новаго султана, Селима II, къ ногамъ котораго положилъ сокровища, взятые безъ труда.

Селимъ былъ второй сынъ Сулеймана и до 1533 года никто не предполагалъ, что онъ будетъ преемникомъ отца, потому что старшій сынъ Сулеймана, Мустафа, былъ храбръ, великодушенъ; турецкій народъ и янычары любили его; отецъ надѣялся, что онъ, наследовавъ царство, прославитъ свое имя; но гаремная интрига погубила его. Русская дѣвушка, взятая въ плѣнъ и ставшая женою султана, красавица Роксолана, получившая отъ султана имя «радующей» (Хасеки Хурремъ) желала доставить наследство престола своему сыну. При содѣйствіи великаго везира Рустема паши, за котораго была отдана султаномъ, по ея рекомендаціи, дочь ея, она оклеветала передъ Сулейманомъ Мустафу, внушила султану мысль, что, надѣясь на любовь народа и янычаръ, Мустафа хочетъ низвергнуть его. На персидскомъ походѣ 1553 года, когда войско пришло въ городъ Эрегли, Сулейманъ неожиданно велѣлъ позвать Мустафу въ свой шатеръ; вошедши, Мустафа увидѣлъ, вмѣсто отца, семь нѣмыхъ бывшихъ исполнителями смертныхъ приговоровъ султана. Они схватили его, набросили ему на шею шнурокъ; напрасно умолялъ онъ о пощадѣ, они удавили его. Султанъ смотрѣлъ на это изъ за-занавѣса. Мустафу похоронили въ Бруссѣ; удавили тамъ и его сына. Янычары пришли въ ярость отъ смерти Мустафы; султанъ съ трудомъ успокоилъ ихъ, отнятіемъ везирства у Рустема паши. Поэтъ Яхья написалъ пѣснь плача о Мустафѣ, который и самъ былъ поэтъ. Турки долго пѣли эту пѣснь.

Роксолана умерла черезъ пять лѣтъ послѣ убійства Мустафы и была похоронена въ Сулейманіе, великолѣпнѣйшей изъ мечетей, построенныхъ

Сулейманомъ. Еще при жизни Роксоланы, наслѣдникомъ престола былъ назначенъ старшій сынъ ея Селимъ, приученный къ пьянству и разврату своимъ воспитателемъ, португальскимъ евреемъ Хуаномъ Микезомъ. Черезъ три года по смерти Роксоланы, когда должно было ожидать, что одряхлѣвшій и болѣзненный Сулейманъ скоро умретъ, второй сынъ ея Баезидъ, менѣе суровый чѣмъ Селимъ, и болѣе любимый народомъ, погибъ жертвой придворной интриги. Это произошло въ 1561 году такимъ образомъ: Рустемъ, удаленный послѣ убійства Мустафы, былъ черезъ два года снова сдѣланъ великимъ везиремъ. Лалá Мустафа, довѣренный совѣтникъ Селима, желая занять мѣсто Рустема, сталъ ссорить Селима съ Баезидомъ, чтобы хвалиться своей преданностью къ Селиму; дѣло дошло до войны между братьями. Баезидъ, разбитый при Коніи, бѣжалъ къ персидскому шаху, но турки оклеветали его передъ шахомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ требовали его выдачи. Опасаясь мнимыхъ злоумышленій Баезида и боясь навлечь на себя гнѣвъ султана, шахъ велѣлъ бросить въ темницу и удавить Баезида и четырехъ его сыновей. У Селима не осталось соперниковъ и, по смерти Сулеймана подъ Сигетомъ, онъ сталъ султаномъ.

Съ именемъ Сулеймана осталось соединено у западныхъ европейцевъ понятіе о высочайшемъ развитіи турецкаго могущества; со смертью его начался упадокъ. Онъ былъ разрушитель городовъ, опустошитель земель, но даровитый управитель. Европейцы называли его Великимъ или Великолѣпнымъ. Онъ сдѣлалъ 13 походовъ, подчинилъ своему владычеству Багдадъ, Офенъ и Алжиръ, всѣ острова Іонійскаго и Эгейскаго морей, украсилъ свою столицу и многіе другіе города мечетями, дворцами; по его распоряженію былъ составленъ кодексъ («Мультека»), проникнутый воинственнымъ духомъ; было составлено много другихъ законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства. Онъ основывалъ школы. Но онъ былъ безжалостный тиранъ; ни заслуги, ни родство не спасали отъ его подозрительности и жестокости. Онъ принесъ сыновей и внуковъ въ жертву правилу, по которому султаны убивали всѣхъ членовъ своей династіи способныхъ стать опасными для нихъ; онъ убилъ множество своихъ полководцевъ и сановниковъ, по довѣрію къ клеветамъ. Въ послѣдніе годы жизни, онъ страдалъ меланхоліей и, подобно своему сопернику Карлу V, искалъ успокоенія душѣ въ строгомъ соблюденіи религіозныхъ обрядовъ. Когда усилившіеся припадки подагры сдѣлали невозможнымъ для него любимое удовольствіе, охоту въ анатолійскихъ рощахъ и адріанопольскихъ паркахъ, онъ сталъ слагать гимны въ славу Всемогушаго. Турецкіе историки хвалятъ его правосудіе и вѣрность слову.

Посланникъ Фердинанда Бюсбекъ, ѣздившій къ султану въ Амасію, описываетъ, какимъ онъ былъ тогда, за одиннадцать лѣтъ до смерти: „На его невеселомъ челѣ покоится суровость величія; достоинство осанки его тѣла и выраженіе лица соотвѣтствуютъ могуществу его государства. Онъ съ самой юности былъ воздерженъ; даже въ молодости не былъ преданъ ни вину, ни пороку, любимому турками. Онъ строго соблюдаетъ правила

своей вѣры и желаетъ ея распространенія такъ же горячо, какъ расширенія своего царства. Для своихъ лѣтъ (онъ теперь уже близокъ къ 60 годамъ), онъ пользуется довольно хорошимъ здоровьемъ; только недостатокъ свѣжести въ цвѣтѣ лица показываетъ какую-то внутреннюю болѣзнь; онъ старается поправить этотъ недостатокъ румянами на щекахъ, когда хочетъ отпустить пословъ съ мнѣніемъ, что онъ пользуется прекраснымъ здоровьемъ; потому что онъ полагаетъ, что другіе государи больше боятся его, когда думаютъ, что онъ здоровъ.“ Высокій ростъ Сулеймана, мужественное лицо, большіе черные глаза подъ широкимъ лбомъ производили воинственное впечатлѣніе, онъ выказывалъ щедрость и правосудіе, внушивши туркамъ любовь и страхъ.

3. Царствованія Селима II и Мурада III.

Селимъ II. Новый султанъ не былъ похожъ на своего предмѣстника, не имѣлъ 1566—1574. воинственности его, предпочиталъ гаремную нѣгу походамъ, проводилъ время въ пьянствѣ и праздности. Онъ зналъ, что янычары и военачальники не любятъ его; вскорѣ по восшествіи на престолъ, янычары взбунтовались, султанъ принужденъ былъ дать имъ денегъ, чтобъ они прекратили мятежъ. Съ того времени каждый новый султанъ давалъ подарки янычарамъ: «Довольно было взглянуть на Селима, чтобы видѣть, что онъ не воинъ и не полководецъ», говоритъ Ранке: «лицо его побагровѣло отъ кипрскаго вина, его низенькая фигура разжирѣла отъ обжорства и праздности; природа и привычка сдѣлали его непригоднымъ быть царемъ военнаго государства». Чтобъ уменьшить свою зависимость отъ войска, онъ продолжилъ перемиріе съ Максимиліаномъ II; по этому договору императоръ обязался ежегодно присылать «въ подарокъ» ему 30.000 венгерскихъ дукатовъ и призналъ Яна Сигизмунда воеводой (княземъ) трансильванскимъ. По смерти Яна Сигизмунда (въ 1571 году) трансильванскій сеймъ выбралъ воеводой Стефана (Иштвана) Батори. Императоръ призналъ и его владѣтелемъ Трансильваніи.—Такимъ образомъ Венгрія долго пользовалась миромъ.

Но на морѣ и въ Азіи турки вели войны. Йемень свергъ съ себя турецкую власть; Синанъ паша въ 1569 и 1570 годахъ взялъ Таафъ, Санаа, знаменитый своимъ здоровымъ климатомъ, и богатый городъ Кевгебанъ, покорилъ его плодородную область, и весь Йемень; тамъ снова стали упоминать на богослуженіи имя Селима; чеканить монету съ его именемъ. Султанъ потребовалъ отъ венеціанцевъ, чтобъ они отдали ему островъ Кипръ, вино котораго любилъ онъ. (Венеціанцы давно платили султанамъ дань за этотъ островъ, но не допускали турецкаго вмѣшательства въ свое управленіе имъ). Они отвергли требованіе Селима, онъ объявилъ имъ войну, и весной

1570 года Капуданъ паша Піали поплылъ съ 360 кораблями къ Кипру; онъ везъ 50.000-ное войско, которымъ начальствовали Лала Мустафа, любимецъ Селима, погубившій своими интригами Баезида, и алчный Донъ Микезъ, воспитатель султана, возбудившій его къ этой войнѣ. Турки вышли на берегъ, не встрѣчая сопротивленія; малочисленное венеціанское войско отступило въ крѣпости Никозію и Фамагусту. Венеціанское правительство просило помощи у христіанскихъ государей. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ король испанскій согласился помогать венеціанцамъ. Обѣщался помогать имъ и Пій V, считавшій войну съ невѣрными обязанностью своего сана. Король французскій (Карль IX) отказался присоеди­ниться къ этой лигѣ; онъ оставался вѣренъ политикѣ своихъ предшественниковъ, не задолго передъ тѣмъ заключилъ торговый договоръ съ султаномъ, не хотѣлъ лишить себя выгодъ дружбы съ турками и только предлагалъ склонять султана къ миру съ венеціанцами. Союзный флотъ, начальникомъ котораго былъ испанскій адмиралъ Андрей Дорія, поплылъ наконецъ на помощь осажденнымъ; но раньше чѣмъ появился онъ у Кипра, турки 6 сентября взяли Никозію; они перерѣзали ея жителей, въ досадѣ на геройскую оборону ихъ, длившуюся семь недѣль. Говорятъ, что число зарѣзанныхъ турками простиралось до 20.000 человекъ. Фамагуста, главная крѣпость острова, сопротивлялась дольше; гарнизонъ ея, начальникомъ котораго былъ Марко Антоніо Брагадино, состоялъ только изъ 7.000 человекъ, но отбивался геройски, отразилъ шесть приступовъ; осада затянулась до весны (1571 года). Мустафа весной получилъ подкрѣпленія, въ крѣпости не оставалось пороха; Брагадино вступилъ въ переговоры. Мустафа подписалъ условія сдачи крѣпости, дававшія свободный пропускъ гарнизону со всеѣмъ имуществомъ; но вошедши въ крѣпость, велѣлъ схватить Брагадино, содрать съ него кожу и четвертовать его, а солдатамъ своимъ дозволилъ грабить и рѣзать всѣхъ. Такихъ гнусныхъ вѣроломствъ мало бывало даже въ исторіи турокъ, наполненной злодѣйствами.

Король испанскій своимъ промедленіемъ и еще больше инструкціями, запрещавшими Доріи рѣшительныя дѣйствія, отдалъ Кипръ подъ владычество турокъ. Но злодѣйства ихъ возбудили такое негодованіе въ Испаніи, что Филиппъ увидѣлъ себя въ надобности вести войну серьезно. Онъ, папа и венеціанцы заключили между собой условіе о томъ, сколько кораблей и войска должно выставить каждому изъ трехъ союзныхъ правительствъ. Въ отрантской гавани собралось 200 галеръ и 100 мелкихъ судовъ; на нихъ было посажено 50.000 человекъ пѣхоты и 4.500 человекъ конницы. Экспедиція поплыла на востокъ и одержала (5 октября 1571) великую побѣду при Лепанто. Мы уже говорили о ней и видѣли, что она не принесла пользы христіанамъ: бездѣйствіе Филиппа дало туркамъ время

оправиться, союзъ его съ папой и венеціанцами разстроился; венеціанцы, покинутые Филиппомъ, принуждены были вступить при посредничествѣ Франціи въ переговоры съ турками; миръ былъ подписанъ 7 марта 1573; Венеція уступила султану Кипръ, обязалась уплатить 300.000 дукатовъ вознагражденія за военныя издержки и платить 1.000 дукатовъ дани за оставленный въ ея владѣніи островъ Занте. Въ слѣдующемъ году Улухъ Али и сераскиръ Синанъ паша поплыли къ Тунису, осадили Голетту. Гарнизонъ, состоявшій изъ испанцевъ и итальянцевъ подъ начальствомъ Габріо Цербеллони, оборонялся геройски, отбилъ четыре штурма, но былъ наконецъ подавленъ многочисленностью враговъ; 7.000 христіанъ было погребено подъ развалинами Голетты; 2.000 плѣнныхъ были проданы въ рабство.

Вскорѣ послѣ того, 12 октября 1574, Селимъ II умеръ отъ лихорадки, произведенной пьянствомъ. Его царствованіе составляетъ переходъ къ упадку турецкаго могущества. Упадокъ и при немъ шелъ бы быстро, если бы онъ не имѣлъ даровитаго везира; это былъ Мухаммедъ Соколли, взятый невольникомъ въ сераль и поднявшійся еще при Сулейманѣ до великаго везирства. Венеціанскій баило (правитель венеціанской колоніи въ Константинополѣ) говоритъ: «Онъ былъ единственное ухо, слушавшее, и единственная голова, рѣшавшая».

Утаивъ подъ Сигетомъ смерть Сулеймана и ловко удержавъ буйство янычаровъ, Мухаммедъ Соколли доставилъ престолъ нелюбимому войскомъ и народомъ Селиму и тѣмъ упрочилъ за собою навсегда его довѣріе, такъ что пттриги Піали и Мустафы, хотѣвшихъ низвергнуть великаго везира, оставались напрасны. Одинъ изъ итальянцевъ лично знавшихъ Мухаммеда Соколли говоритъ: „Ему были подаваемы всѣ просьбы и жалобы; онъ раздавалъ всѣ должности и почести, былъ послѣдней и высшей инстанціей во всѣхъ тяжбахъ и уголовныхъ дѣлахъ; его приговоры никогда не были отмѣняемы султаномъ; онъ одинъ велъ переговоры съ иностранными послами и заключалъ трактаты съ ними“. Другой итальянецъ того времени говоритъ: „Благородное, мужественное и съ тѣмъ вмѣстѣ пріятное, выраженіе его прекраснаго лица съ длинной бородой придавало высокой, стройной фигурѣ его величіе, можно сказать, царственное.“ Удивительно, что капризный, деспотичный Селимъ оставался неизмѣненъ въ своей благосклонности къ Мухаммеду Соколли. Въ его управленіи были дурныя стороны; при немъ развилось въ турецкой администраціи взяточничество; но онъ былъ гораздо лучше слѣдующихъ великихъ везирей. Все въ диванѣ рѣшалось его голосомъ, другіе шесть везирей, засѣдавшіе въ диванѣ, были только совѣтниками его.

Благодаря хитрости Мухаммеда Соколли, переходъ власти къ новому султану произошелъ спокойно. Великій везиръ поступилъ и теперь такъ, какъ подъ Сигетомъ: онъ скрывалъ смерть султана, пока пріѣхалъ по его извѣщенію въ Константинополь старшій сынъ Селима Мурадъ, бывший правителемъ Магнезін; онъ первый привѣт-

ствовалъ Мурада султаномъ. Мурадъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что велѣлъ убить пятерыхъ младшихъ братьевъ; всѣ они были еще дѣти, старшему изъ нихъ было только восемь лѣтъ. Есть разсказъ, будто Мурадъ хотѣлъ пощадить ихъ, но муфти убѣдилъ его въ необходимости послѣдовать обычаю османской династіи. Едва ли нуженъ былъ Мураду совѣтъ муфти. Новый султанъ купилъ признаніе своей власти у янычаровъ и спаги подарками и повышеніемъ жалованья.

Мурадъ вступилъ на престолъ, имѣя только еще 28 лѣтъ; турки ожидали, что онъ прославить себя побѣдами. Онъ любилъ спокойную жизнь, чтеніе религіозныхъ книгъ, занятіе поэзіей, имѣлъ склонность къ мечтательности; но говорили, что онъ человѣкъ храбрый, желающій военной славы. Однажды, слушая чтеніе исторіи своихъ предковъ, онъ спросилъ окружающихъ, которая изъ прежнихъ войнъ кажется имъ самой трудной. Они отвѣчали: «Безъ сомнѣнія персидская»; онъ сказалъ: «Ее я и хочу предпринять». Черезъ два года онъ дѣйствительно началъ войну съ персіянами; она длилась 14 лѣтъ, въ ней турки имѣли много побѣдъ и пораженій, расходы на нее были громадны.

Старикъ шахъ Тахмаспъ былъ низвергнутъ дворцовымъ переворотомъ и убитъ; изъ одиннадцати его сыновей десять погибли насильственной смертью, и на отцовскій престолъ вступилъ Мухаммедъ Ходабенде, человѣкъ слабого характера. Туркамъ казалось, что теперь легко будетъ навсегда ослабить персіянъ, мѣшавшихъ расширенію турецкаго государства на востокъ, входившихъ въ сношенія съ венеціанцами и другими христіанами, опасныхъ туркамъ въ особенности потому, что всѣ турецкіе шіиты были приверженцами персидскаго шаха, главы ихъ исповѣданія. Мустафа паша разбилъ персіянъ при Чилдирѣ, турки завоевали Грузію, раздѣлили ее на четыре пашалыка: ширванскій, тифлисскій, гурджистанскій, сухумскій; у рѣки Канака персіяне неожиданно напали на турецкій отрядъ, въ то время какъ солдаты жали хлѣбъ, тутъ было убито 10.000 турокъ, застигнутыхъ безоружными. Турки перешли потомъ черезъ Канакъ. Вообще они выказывали прежнюю храбрость; но султанъ не участвовалъ въ походахъ своихъ войскъ.

Мурадъ III не оправдалъ ожиданій турокъ; онъ еще больше отца предавался нѣгѣ, даже ѣздить на охоту казалось ему тяжело, онъ погружался въ мечты, молчалъ, рѣдко выходилъ изъ внутреннихъ отдѣловъ дворца, общество его составляли музыканты, танцовщицы, карлики, эвнухи, астрологи, толкователи сновъ. Въ началѣ онъ занимался государственными дѣлами, но скоро покинулъ ихъ, увлекшись распутствомъ и жадностью къ деньгамъ; распутство скоро истощило его силы, довело его до падучей болѣзни. А о жадности къ деньгамъ, наслѣдованной имъ отъ отца, разсказываютъ много анекдотовъ; все у него было продажно, онъ раздавалъ должности за подарки. Могущество государства не могло не падать при такомъ султанѣ.

Въ первые два года (1576—1577) война съ персіянами шла успѣшно, но потомъ результаты ея перестали соответствовать громадной тратѣ людей и денегъ на нее. Когда персіяне имѣли неудачу въ сраженіи, они уходили въ горы или въ глубину Персіи, опустошая мѣстности, изъ которыхъ отступали, турки не могли одолѣть ихъ въ горахъ, не могли настичь ихъ въ пустыняхъ; умирали отъ голода. Султанъ приписывалъ безуспѣшность походовъ неспособности или измѣнѣ главнокомандующихъ, смѣнялъ ихъ одного за другимъ. Мустафа паша, завоевавъ Грузію и построивъ крѣпость Карсъ, терпѣлъ неудачи въ слѣдующихъ походахъ; султанъ въ 1579 году отозвалъ его, назначилъ главнокомандующимъ Синана пашу. Въ 1582 Синанъ убѣждалъ султана принять участіе въ походѣ, говорилъ, что царя можетъ побѣдить только царь; Мурадъ отправилъ его въ ссылку, назначилъ главнокомандующимъ Ферхада пашу, беглербега румелійскаго. Ферхадъ укрѣпилъ Эриванъ и построилъ нѣсколько другихъ крѣпостей по восточной границѣ турецкаго царства, этимъ упрочилось владычество турокъ надъ Грузіей. Въ то же время Османъ паша прошелъ дербентскимъ проходомъ въ Дагестанъ, и (9 мая 1583) разбилъ персіянъ въ знаменитой битвѣ называющейся сраженіемъ при факелахъ и дѣйствительно длившейся при свѣтѣ факеловъ по наступленіи ночи. Покоривъ Дагестанъ, Османъ паша зимовалъ въ Каффѣ, пошелъ въ 1584 на крымскаго хана, отказавшагося послать войско султану, прогналъ его, назначилъ ханомъ Измаила, обѣщавшаго повиноваться султану. Въ 1585, пошедши на Тавризь, Османъ потерялъ въ битвахъ и отъ голода значительную часть войска. Взявъ Тавризь, турки безпощадно грабили и рѣзали жителей. Персіяне стали побѣждать турокъ; Османъ занемогъ, досада на неудачи усилила его болѣзнь, онъ умеръ. Если бы персіянамъ не мѣшали нападенія туркменовъ и династическія междоусобія, они вѣроятно отняли бы у турокъ всѣ ихъ завоеванія. Въ іюнѣ 1587 вялый и бездарный Мухаммедъ Ходабенде отказался отъ власти; шахомъ сдѣлался его сынъ Аббасъ, котораго въ послѣдствіи стали называть Великимъ, человекъ энергичный, привѣтливый, веселый, храбрый. Дѣла турокъ пошли еще хуже. Въ 1588 Ферхадъ паша одержалъ побѣду въ кровопролитной трехдневной битвѣ близъ Багдада; но въ это время уже велись переговоры о мирѣ, потому что оба государства были изнурены войной. Она стоила туркамъ громадныхъ потерь людьми и расходовъ; а шахъ Аббасъ желалъ обратить свои силы на востокъ, гдѣ узбеги овладѣли Гератомъ и подвигались дальше, истребляя все персидское населеніе на своемъ пути.

Весною 1590 былъ заключенъ миръ; шахъ уступилъ султану часть Азербейджана, въ которой находится Тавризь, Грузію и нѣкоторыя другія области, но удерживать эти завоеванія подъ турецкой властью было очень трудно, потому пріобрѣтеніе ихъ не увеличивало силы турецкаго государства. Подъ продолжительнымъ управленіемъ шаха Аббаса Персія оправилась отъ бѣдствій прежней войны; Аббасъ отнялъ у турокъ ихъ завоеванія и вошелъ въ сношенія съ западной Европой. При Мурадѣ и его преемникахъ турки были не страшны западу. По заключеніи мира съ Персіей, Мурадъ царствовалъ еще пять лѣтъ; онъ становился все апатичнѣе, тупоумнѣе, неспособнѣе къ дѣламъ; онъ только давалъ аудіэнціи, на которыхъ подносили ему подарки; смотрѣлъ тусклыми, печальными глазами на проходящихъ передъ нимъ людей и молча кивалъ головою въ отвѣтъ на ихъ при-

вѣтствія; по окончаніи церемоніи, онъ возвращался въ свои сады къ женщинамъ, карликамъ, шутамъ, смотрѣлъ на танцы, слушалъ пѣсни; иногда вступалъ въ нелѣпыя военныя игры съ нѣмыми: ни они, ни онъ не умѣли править лошадьми, владѣть оружіемъ, такъ что смѣшно было смотрѣть на эти неуклюжія игры; другимъ его развлеченіемъ были непристойныя комедіи, разыгрываемыя труппой евреевъ.

О войнахъ турокъ съ христіанами мы будемъ говорить въ исторіи западной Европы. Здѣсь обратимъ вниманіе только на внутреннюю жизнь турецкаго государства. Она шла по прежнему, съ той только разницей, что органы военнаго деспотизма, которымъ держалось все, разслабѣвали. Судьба гражданскихъ и военныхъ сановниковъ зависѣла отъ придворныхъ интригъ, которыя часто то возвышали, то низвергали ихъ; роскошь домашняго быта вельможъ увеличивалась; вмѣстѣ съ нею росли жажда денегъ, продажность, пороки правителей; грабежи и притѣсненія ихъ и обременительные налоги раззоряли покоренные турками народы, государство бѣднѣло, нравы грубѣли.

Мухаммедъ Соколли былъ такъ ловокъ и остороженъ, что держался въ должности великаго везира при трехъ султанахъ; онъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство, построилъ множество мечетей, общественныхъ бань, водопроводовъ, мостовъ, плотинъ, большихъ каравансераевъ. Боснякъ, у котораго онъ отнялъ ленное владѣніе, переодѣлся дервишемъ, сказалъ, что хочетъ подать великому везиру просьбу, былъ допущенъ къ нему и убилъ его. По смерти Соколли великіе везири были смѣняемы быстро одинъ за другимъ. Вторымъ его преемникомъ, былъ назначенъ Мустафа, свирѣпый завоеватель Кипра, старикъ съ суровыми чертами лица, но любезный и вкрадчивый въ обращеніи. Новый везиръ еще не успѣлъ вступить въ должность, какъ она уже была передана альбанцу Синану пашѣ. Человѣкъ надменнаго характера Мустафа съ досады умеръ; говорятъ, онъ отравилъ себя. Синанъ не долго оставался великимъ везиремъ; онъ навлекъ на себя гнѣвъ султана неудачами въ персидскомъ походѣ. Преемникомъ Синана былъ Чаушъ паша, плѣнный кроатъ, красивый собою, умный, любезный, добродушный. Онъ тоже не долго оставался великимъ везиремъ; послѣ него везири были смѣняемы такъ часто, что былъ составленъ церемоніаль объявленія отставки имъ. Мурадъ смѣнялъ ихъ отчасти по капризности характера, отчасти по жадности къ деньгамъ: за полученіе великаго везирства платилась большая пошлина. Въ свое 20-лѣтнее царствованіе онъ смѣнилъ одиннадцать великихъ везирей.

Великіе
везири: Мухаммедъ 1579.

4. Упадокъ турецкаго могущества.

Сынъ Мурада, Мухаммедъ III, началъ свое правленіе тѣмъ, что Мухаммедъ III послалъ нѣмыхъ убить братьевъ; это уже вошло въ правило у султановъ; число братьевъ Мухаммеда, убитыхъ по его приказанію, было

1595—1603.

Ахмедъ
1603—1617.

19. Ходъ дѣлъ при немъ не улучшился. Онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ велѣлъ убить великаго везира Ферхада пашу; это было дѣломъ интригъ Синана, который пять разъ получалъ и терялъ должность великаго везира. Синанъ умеръ черезъ годъ по убійствѣ Ферхада. — Мухаммедъ роздалъ янычарамъ 660.000 дукатовъ, но все таки его вступленіе на престолъ сопровождалось бунтомъ части войска; мятежниками на этотъ разъ были спаги. Мухаммедъ III самъ ходилъ на войну, чего не дѣлалъ его отецъ. Въ его присутствіи, турки въ 1596 одержали большую побѣду надъ австрійцами при Керезтешѣ (въ Венгріи); походомъ того года началось продолжительное опустошеніе венгерской земли. Мать Мухаммеда пользовалась большимъ вліяніемъ на сына во все его царствованіе, длившееся восемь лѣтъ. Онъ умеръ внезапно, 22 декабря 1603. Ахмедъ, сынъ его, ставшій султаномъ, имѣлъ только 14 лѣтъ. При Мухаммедѣ III и Ахмедѣ усилилось вліяніе женщинъ и эвнуховъ на управленіе государствомъ. Нечего и говорить о томъ, что гаремныя женщины и эвнухи были неспособны хорошо распоряжаться государственными дѣлами; но при бездарности султановъ и частой смѣнѣ сановниковъ даже гаремное правленіе было бы лучше совершенной неурядицы, которая владычествовала бы безъ него; оно придавало нѣкоторую послѣдовательность веденію дѣлъ. При Мурадѣ дѣлами распоряжался эвнухъ, занимавшій должность кану-агаси (хранителя дверей), начальника бѣлыхъ эвнуховъ, льстивый интригантъ, сѣумѣвшій пріобрѣсти и сохранять благосклонность султана угодливостью его капризамъ и подарками; по его рекомендаціи, Мурадъ назначалъ всѣхъ сановниковъ, его мнѣніе рѣшало всѣ внутреннія дѣла и вопросы внѣшней политики. При Мухаммедѣ III дѣлами правили мать султана (султанша-валиде по турецкому титулу) и кизляръ-ага, начальникъ черныхъ эвнуховъ, завѣдывавшій женской половиной дворца (гаремомъ); отъ него и султанши-валиде зависѣло все; они торговали своимъ покровительствомъ.

Частыя смѣны администраторовъ и судей, ненасытная алчность султана и вельможъ имѣли очень вредное вліяніе на судьбу христіанскихъ подданныхъ султанамъ. При Сулейманѣ деспотизмъ уже выказывался во всей своей наготѣ: христіанскихъ мальчиковъ брали въ янычары, дѣвушекъ въ гаремы и на продажу въ рабство; подданные турокъ были обложены поголовной податью; при преемникахъ Сулеймана къ этимъ бѣдствіямъ присоединились грабительство администраторовъ и судей, религіозное гоненіе, тираннія во всѣхъ ея видахъ.

Тяжеле всего было выносить турецкое иго грекамъ, сохранявшимъ остатки прежней образованности. Даже знатные люди, Палеологи и Кантакузены, жившіе въ самомъ Константинополѣ, Мамалы и Натаралы, жившіе въ Пелопоннесѣ, Хрисолоры, Ватазиды, Азаней,

жившіе въ городахъ черноморскаго побережья, не были избавлены отъ притѣсненій и оскорбленій, хотя старались заслужить милость султановъ раболѣпствомъ и принятіемъ турецкихъ обычаевъ и одежды. Михаилъ Кантакузенъ, льстивой угодливостью султану и подарками великому везирю Мухаммеду Соколлу, долго успѣвалъ охранять отъ конфискаціи богатство, которое пріобрѣлъ, арендуя ахіольскія солеварни (находившіяся на берегу Чернаго моря); но въ 1577 Мурадъ велѣлъ повѣсить его въ дверяхъ его дворца и перевезти въ сераль его сокровища. Остались греческія народныя пѣсни о его гибели. Масса греческаго населенія все больше и больше бѣднѣла и въ своихъ бѣдствіяхъ утрачивала образованность, языкъ портился примѣсью турецкихъ словъ; въ Пелопоннесѣ прекратились народные военные танцы; школы исчезли. Нѣкоторые греки, благодаря изворотливости характера и дарованіямъ, достигали болѣе или менѣе высокихъ должностей во флотѣ, войскѣ, администраціи, придворной службѣ, или по счастливымъ обстоятельствамъ пріобрѣтали богатство торговлей; но масса греческаго народа была повергнута турецкой тиранией въ самое бѣдственное состояніе. Народныя пѣсни высказывали задушевные чувства страдальцевъ. Но сохранялись и прежнія пѣсни, говорившія о любви и о красотѣ природы. Греки не сближались съ турками; національная и религіозная ненависть къ поработителямъ переходила у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Все православное населеніе турецкаго государства составляло религіозное общество, главою котораго былъ патріархъ константинопольскій; онъ и подчиненные ему церковные сановники были посредниками между турецкимъ правительствомъ и своими духовными дѣтьми. Дворецъ патріарха, стоявшій на одномъ изъ константинопольскихъ холмовъ, былъ святилищемъ для всѣхъ православныхъ подданныхъ султана. Церковная іерархія служила органомъ національной жизни грековъ.

Съ половины XVII вѣка греки стали пользоваться облегченіемъ отъ самаго мучительнаго для нихъ страданія: турецкое правительство въ это время стало пополнять число янычаровъ мусульманами и для него прекратилась надобность отнимать у христіанъ сыновей въ дѣтскомъ возрастѣ, воспитывать изъ нихъ янычаровъ. Но когда янычарское войско стало формироваться не изъ ренегатовъ и христіанскихъ дѣтей, воспитанныхъ въ мусульманствѣ, дисциплина его стала падать быстрѣе прежняго. Еще при Сулейманѣ отборная часть турецкой конницы, всадники которой назывались спаги, и отборная пѣхота, состоявшая изъ янычаровъ, отличались неодолимымъ мужествомъ. Спаги были искусные наѣзники, вооруженные пикой или лукомъ, имѣвшіе круглый щитъ; янычары были одѣты въ длинные кафтаны, вооружены саблями и большими ружьями, ставившимися при стрѣльбѣ на подпорки (аркебузами, какъ это называлось тогда въ западной Европѣ). Янычары были тогда люди съ дѣтства оторван-

ные отъ семействъ, воспитанные для своей службы, жившіе въ особыхъ кварталахъ или въ огромныхъ казармахъ; они были дѣти христіанъ, но воспитаніе въ мусульманской вѣрѣ дѣлало ихъ ожесточенными врагами христіанъ, усерднѣйшими слугами султана, воля котораго была для нихъ единственнымъ закономъ; военная служба была пожизненной ихъ профессіей; имъ было запрещено жениться; женщины не были допускаемы въ ихъ казармы. Деспотизму султановъ нужны были люди безусловно преданные имъ, не отвлекаемые отъ службы никакими семейными заботами, имѣющіе единственнымъ интересомъ своимъ военное ремесло. Мы говорили, что своими завоеваніями султаны были болѣе всего обязаны этой военной кастѣ. Но уже Сулейманъ отступилъ отъ правилъ своихъ предковъ относительно ея, дозволивъ жениться янычарамъ и спаги, ставшимъ неспособными къ походной жизни или поставленнымъ на границахъ; а въ концѣ своего царствованія онъ далъ это разрѣшеніе всѣмъ. Результатомъ было, что женатые воины захотѣли опредѣлять сыновей въ свою службу. При слабомъ Селимѣ II они подняли бунтъ, чтобы вытребовать себѣ это право; робкій султанъ далъ имъ его, и характеръ ихъ войска совершенно измѣнился: сыновья янычаровъ росли въ своихъ семействахъ, выросли непріученными къ дисциплинѣ, и она упала въ ихъ войскѣ; порча увеличилась, когда въ персидскую войну султанъ былъ принужденъ пополнять громадную убыль въ рядахъ янычаровъ отъ сраженій, голода и болѣзней, принятіемъ въ ихъ касту мусульманъ изъ всѣхъ сословій и всѣхъ племенъ; эти люди были вовсе непривычны къ дисциплинѣ и отъ нихъ склонность къ ослушанію распространилась на всѣхъ янычаровъ, развилось буйство, храбрость слабѣла. Дурные результаты отступленія отъ прежнихъ правилъ скоро обнаружились: корпоративный духъ исчезъ, янычары старыхъ частей войска презирали новыя части его; при Ахмедѣ янычары, поселенные въ городахъ, стали заниматься ремеслами, мелочной торговлей, разлюбили войну; когда имъ надобно было выступать въ походъ, они бунтовали, не желая покидать своихъ семействъ и промысловъ, дезертировали; на войнѣ они оказывались неопытными, трусливыми; случалось, что они убивали неравившихся имъ начальниковъ, принуждали султановъ выдавать пашей и дефтердаровъ (казначеевъ) на убійства имъ. Турецкое царство при преемникахъ Ахмеда представляло отвратительное зрѣлище наглости, алчности, грабительства, разбойничества солдатъ и грубаго деспотизма правителей. Въ это время уже было видно, что эпоха могущества турокъ безвозвратно миновала.

Мустафа и
Османъ II
1617—1623.

Ахмедъ отступилъ отъ династическаго правила, по которому новый султанъ убивалъ всѣхъ своихъ братьевъ, онъ пощадилъ одного изъ нихъ, Мустафу, казавшагося неопаснымъ по своему слабоумію. По смерти Ахмеда (22 ноября 1617) серальная интрига при помощи янычаровъ возвела на

престолъ не старшаго сына, какъ слѣдовало по закону, а оставшагося въ живыхъ слабоумнаго брата умершаго султана. Но черезъ три мѣсяца серальные сановники и начальники янычаровъ увидѣли, что невозможно оставлять султаномъ такого слабоумнаго человѣка, какъ Мустафа: онъ бросалъ въ Босфоръ золотыя монеты, чтобы у рыбъ были деньги на покупку необходимаго для нихъ; по крайней мѣрѣ, такъ рассказывала о немъ молва. Рѣшено было отвести его въ темницу и сдѣлать султаномъ Османа, старшаго изъ семи уцѣлѣвшихъ сыновей Ахмеда. Это было исполнено въ февралѣ 1618, Османъ былъ хорошій наѣздникъ, искусно стрѣлялъ изъ лука, былъ человѣкъ отважный, хотѣлъ быть завоевателемъ по примѣру Мухаммеда II и Сулеймана. Но воинственные замыслы его не понравились отвыкшимъ отъ войны янычарамъ. Въ 1621 году онъ повелъ ихъ въ Польшу. Они пошли съ большимъ неудовольствіемъ; походъ былъ трудный, они негодовали на султана, не хотѣли сражаться. Нападеніе на лагерь, въ которомъ стало польское войско на беребу Днѣстра, было отбито; Османъ со стыдомъ возвратился въ Константинополь, сталъ совѣтоваться съ великимъ везиремъ Дилаверомъ пашой и другими вѣрными своими слугами о томъ, какъ ему выйти изъ-подъ зависимости отъ буйныхъ янычаровъ. Ему посовѣтовали сформировать большой отрядъ тѣлохранителей изъ курдовъ, жившихъ въ Сиріи, людей воинственныхъ. Было придумано, что султанъ поѣдетъ въ Дамаскъ подъ предлогомъ намѣренія ѣхать въ Мекку, и останется жить въ Дамаскѣ или въ Каирѣ, пока не будетъ сформированъ отрядъ курдовъ. Но янычары узнали объ этомъ замыслѣ и грозно потребовали, чтобы султанъ выдалъ имъ великаго везиря и пятерыхъ другихъ сановниковъ. Османъ отказался отдать своихъ вѣрныхъ слугъ на смерть. Янычары (въ маѣ 1622 года) взбунтовались и три дня буйствовали, подступали съ угрозами къ стѣнамъ серала. По соглашенію съ султаншей валиде и боснійскимъ ренегатомъ Даудомъ пашой, они рѣшили снова посадить на престолъ Мустафу, вытащили его на веревкѣ изъ подземельной темницы, въ которой сидѣлъ онъ четыре года; онъ думалъ, что хотятъ убить его; они провозгласили его султаномъ. Османа они отвели въ Семибашенный замокъ; Даудъ паша велѣлъ убить его тамъ. Османъ былъ молодой человѣкъ, необыкновенной физической силы; убійцы едва могли сладить съ нимъ.—Мустафа сталъ дѣлать прежнія глупости. Въ провинціяхъ поднялись возстанія противъ разбойническаго владычества янычаровъ; въ Эрзерумѣ вождемъ возстанія былъ Абаза паша. Люди, правившіе государствомъ отъ имени Мустафы, увидѣли, что надобно обуздать буйство янычаровъ; дѣло было облегчено тѣмъ, что янычары перессорились; между ними составила партія, враждебная Дауду пашѣ; въ январѣ 1623 она одолѣла своихъ противниковъ и убила Дауда пашу. Побѣдители рѣшили, что султаномъ будетъ второй сынъ Ахмеда, 14-лѣтній Мурадъ, казавшійся даровитымъ; они возвели его на престолъ 30 августа. Мустафу они оставили въ живыхъ, заперли его въ отдаленную часть гарема, тамъ онъ прожилъ 16 лѣтъ и умеръ забытый всѣми въ 1639 году.

Мурадъ IV былъ похожъ на своего старшаго брата Османа и физической силой и храбростью и мастерствомъ, съ какимъ владѣлъ оружіемъ. Онъ былъ превосходный наѣздникъ, перепрыгивалъ на полномъ скаку съ лошади на лошадь; чрезвычайно вѣрно и сильно бросалъ джеридъ (длинную палку, замѣнявшую дротикъ въ военныхъ играхъ), свободно натягивалъ такой крѣпкій лукъ, что стрѣла съ тетивы летѣла дальше ружейной пули и, какъ говорятъ, пробивала на этомъ далекомъ разстояніи желѣзную доску въ четыре пальца толщиной. Онъ страстно любилъ охоту, въ войнахъ съ персіянами, самъ командовалъ войскомъ. Можно было ожидать, что онъ выкажетъ себя хорошимъ правителемъ: онъ былъ уменъ, пріобрѣлъ любовь

Мурадъ IV
1623—1640.

къ знаніямъ благодаря заботливому воспитанію, которое дала ему мать, образованная и добрая женщина, имѣвшая въ первые годы его царствованія благотворное вліяніе на него; онъ съ увлеченіемъ изучалъ исторію своихъ предковъ, любилъ поэзію, самъ писалъ стихи на персидскомъ языкѣ; говорятъ, что онъ велѣлъ перевести на турецкій языкъ сочиненія Макиавелли, желая ознакомиться съ политической мудростью; онъ писалъ очень красивымъ почеркомъ—искусство высоко цѣнимое на востокѣ. Говорили, что въ его характерѣ замѣтно человѣколюбіе.

Но всѣ надежды на него оказались ошибочны; тѣ качества его, которыя въ благоустроенномъ государствѣ получили бы хорошее направленіе, обратились въ пороки и дурныя страсти подъ дѣйствіемъ испорченной среды. Онъ утратилъ энергію, увлекшись чувственными наслажденіями; въ немъ развилась жестокость. Вскорѣ по его вступленіи на престолъ, турецкая эскадра, ходившая противъ козаковъ, возвратилась въ Константинополь; на ней были плѣнники. Мурадъ велѣлъ провести ихъ передъ нимъ, отрубить имъ головы, положить эти головы передъ нимъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ. Любовь къ охотѣ обратилась у него въ кровожадность: тысячи людей гнали къ нему облавою цѣлыя стада дикихъ животныхъ, ихъ рѣзали передъ его глазами; страсть къ женщинамъ дошла у него до распутства, быстро истощившаго силы его; онъ пилъ большими кубками самое крѣпкое кипрское вино и мальвазію, пока падалъ безъ чувствъ. Во время чумы, когда каждый день умирали въ Константинополѣ тысячи людей, онъ купилъ у торговцевъ въ Перѣ самые большіе кубки, какіе нашлись у нихъ и пировалъ по цѣлымъ ночамъ, при артиллерійскихъ салютахъ; отъ винограднаго вина онъ перешелъ къ водкѣ. Товарищами его пьянства были шуты, карлики, музыканты, восхищавшіе его своими грубыми остротами.

Мураду было ненавистно буйство янычаровъ и спаги, сначала онъ хотѣлъ пріобрѣсти ихъ расположеніе подарками и повышеніемъ жалованья; деньги на это онъ собралъ притѣсненіями, казнями, конфискаціями; но янычары и спаги вскорѣ послѣ того взбунтовались, потребовали головъ великаго везира Гурджи Мухаммеда, имѣвшаго теперь ужъ больше 90 лѣтъ, янычаръ-аги и любимѣйшаго султанскаго пажа; Мурадъ принужденъ былъ исполнить ихъ волю, но рѣшился наказать ихъ. Явнымъ образомъ не могъ онъ сдѣлать этого, потому тайно убивалъ зачинщиковъ мятежа. Много разъ бывало, что утромъ видѣли плавающими по морю трупы убитыхъ ночью янычаровъ. Имущество ихъ султанъ конфисковалъ. Склонность его къ жестокости развивалась, когда онъ былъ раздраженъ новымъ бунтомъ янычаровъ. До 1637 года, число убитыхъ его палачами или умерщвленныхъ его собственной рукой, составляло, какъ говорятъ, 25.000. Къ жаждѣ крови у него присоединялась жажда золота; многихъ сановниковъ онъ умертвилъ только для того, чтобы взять въ казну ихъ имущество. Другихъ онъ угрозами принуждалъ откупаться отъ смерти отдачей награбленнаго богатства ему. Онъ продавалъ должности, бралъ деньги съ людей, которыхъ назначалъ князьями подвластныхъ туркамъ мелкихъ царствъ. Должность великаго везира быстро переходила изъ рукъ въ руки, по расчету султана пріобрѣсти черезъ это деньги. Казнивъ Редлеба пашу, онъ пріобрѣлъ милліонъ дукатовъ конфискаціей его имущества.

Всѣ трепетали, когда морщился лобъ Мурада, насупливались его щетинистыя брови. Онъ два раза выгонялъ изъ дворца, въ которомъ жилъ, въ старый пустынный дворецъ свою мать, старавшуюся отклонить его отъ безразсудныхъ свирѣпостей. Безпощадными казнями онъ усмиривъ буйныхъ янычаровъ и спаги, возстановилъ у нихъ дисциплину; онъ запретилъ ихъ начальникамъ собираться на совѣщанія, издалъ строгіе законы противъ

ослушанія солдатъ; но не могъ одушевить войско прежней храбростью къ завоеваніямъ; оно одержало при немъ нѣсколько побѣдъ; подступивъ къ возставшему Багдаду, онъ саблей гналъ въ сраженіе бѣжавшихъ отъ непріятели солдатъ; убилъ везира, и войско взяло городъ; но прежнее могущество турокъ не возстановилось: христіанскія государства перестали бояться ихъ войска и флотовъ.—Мурадъ IV умеръ 9 февраля 1640 на рукахъ своего любимца Мустафы, осыпаннаго почестями и богатствами, бывшаго неразлучнымъ товарищемъ пьяныхъ пировъ его; Мустафа обнималъ умершаго друга, пока трупъ его похолодѣлъ.—Преемникомъ Мурада IV былъ братъ его Ибрагимъ, жившій въ гаремѣ подъ постояннымъ страхомъ смерти, челоуѣкъ вялаго и робкаго характера.

VII. ФРАНЦІЯ ВЪ ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВОЙНЪ.

Литература. Кромѣ книгъ, цитированныхъ въ X томѣ, назовемъ: *Serrani Commentarii de statu religionis et reipublicae in regno Gallico* (Genevae, 1570—1580); авторъ былъ реформатскимъ священникомъ въ Нимѣ; *Davila, istoria delle guerre civili in Francia* (Parigi, 1644); *Histoire de l'estat de France sous le règne de François II* (Paris, 1576); авторъ этой книги Ла Планшъ; *D'Aubigné, Histoire universelle* (3 тома, Amsterdam, 1616—1620) и другія историческія сочиненія этого гугенотскаго полководца; *La Popelinière, L'Histoire de France depuis l'an 1550* (2 тома, 1851); мемуары Кастельно, Брантома, Таванна, Пальма Кейе (Palma Cayet, учителя Генриха IV), Сюлли, Дюплесси-Морнѣ, Вилльруа; *Mémoires de Condé* (Paris, 1743); это сборникъ мемуаровъ; другіе старые сборники мемуаровъ и документовъ: *Mémoires de la Ligue* (Amsterdam, 1758); *Recueil des choses mémorables sous le règne de Henry II, François II, Charles IX, Henry III et IV*; новые сборники: *Collection de documents inédits sur l'histoire de France* (въ этомъ сборникѣ напечатаны между прочимъ письма Катерины Медичи); *Correspondance du duc de Mayenne* (2 тома, Rheims 1860, 1862). *Recueil de lettres missives de Henry IV* (Paris, 1843). Къ исторіи Генриха IV относятся: *Matthieu, Histoire de France sous Henry IV* (2 тома, Paris, 1606), *Perésixe, Histolre du roy Henry le Grand* (Amsterdam 1664); *Bury, Histoire de Henry le Grand* (4 тома, Paris 1766). Изъ трудовъ новыхъ историковъ назовемъ, кромѣ цитированныхъ въ X томѣ: *Capetigue, Histoire de la réforme, de la Ligue et.* (3 тома, Paris, 1831); *Lacretelle, Histore de France pendant les guerres de religion* (Paris, 1814); *Bouillé, Histoire des Ducs de Guise* (4 тома, Paris, 1849, 1850); *De Croye, Les Guises, les Valois et Philippe II* (2 тома, Paris, 1868); *Soldan, Geschichte des Protestantismus in Frankreich* (Leipzig, 1855); *Ebeling, Sieben Bücher französischer Geschichte* (Leipzig, 1869). По исторіи церковныхъ дѣлъ назовемъ, кромѣ сочиненій Безы, перечисленныхъ въ X томѣ, *Histoire de l'édit de Nantes* (Delft, 1693, авторъ этого труда Бенуа). *Polenz, Geschichte des französischen Calvinismus* (5 томовъ, Gotha, 1857—1869); *Perrrens, L'église et l'état en France sous le règne de Henry IV et sous la régence de Marie de Medicis* (2 тома, Paris, 1872) Изъ біографій назовемъ: *Delabord, Gaspard de Coligny* (3 тома, Paris, 1830—1832).

1. Царствованіе Франциска II.

Катерина Медичи послѣ довольно долгаго безплодія стала рождать дѣтей, и когда умеръ Генрихъ II, у нихъ было четыре сына и три дочери: Францискъ, Карлъ, Генрихъ, Францискъ младшій (герцогъ алан-

сонскій), Елизавета (королева испанская), Клавдія (герцогиня лотаринская) и Маргарета (выданная впослѣдствіи за Генриха Наварр-скаго). Всѣ четыре сына были воспитаны такъ дурно, что скоро истощили свои силы развратомъ и всѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ. Когда умеръ Генрихъ II, дофинъ, ставшій королемъ Францискомъ II, имѣлъ только 15 лѣтъ; по династическому закону онъ былъ уже совершеннолѣтнимъ; но никогда не достигъ самостоятельности ума и воли. Хилый, болѣзненный, онъ былъ женатъ на Маріи Стюартъ, они были повѣнчаны, когда были еще мальчикомъ и дѣвочкой; это устроили Гизы въ интересахъ своего честолюбія; Марія Стюартъ была ихъ племянница, они рассчитывали править Франціей при ея безхарактерномъ мужѣ.

Клодъ Гизъ, второй сынъ Рене герцога лотаринскаго, переселился съ шестью своими сыновьями изъ Лотариніи во Францію, гдѣ имѣлъ обширныя владѣнія: баронства жуанвильское, майенское, эльбѣфское, графства омальское и гизское; поступивъ на службу, онъ преданностью королю и побѣдами пріобрѣлъ большое довѣріе Франциска I; одной изъ наградъ ему былъ титулъ герцогства, данный королемъ фамиліи резиденціи его, замку Гизу съ принадлежащимъ къ замку имѣньемъ. Сыновья Клода, люди даровитые, честолюбивые, вошедшіе посредствомъ браковъ въ родство съ важнѣйшими французскими фамиліями и королевской династіей, заняли очень вліятельное положеніе при дворѣ, получили очень высокія должности. Старшій изъ нихъ, Франсуа, герцогъ Гизъ, защитникъ Меца, покоритель Калé, былъ при Генрихѣ II главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ Франціи. Братъ его Карлъ, архіепископъ реймскій, получившій санъ кардинала и обыкновенно называемый кардиналомъ лотарингскимъ (т. е. кардиналомъ лотарингской династіи), былъ вліятельнѣйшимъ изъ членовъ королевскаго совѣта и первымъ сановникомъ французской церкви. Сестра ихъ Марія была женою Іакова V, короля шотландскаго, матерью Маріи Стюартъ. Другіе сыновья Клода Гиза тоже занимали высокія должности въ войскѣ или церкви. Гизы были вождями партіи, поддерживавшей владычество католической церкви, непримиримыми врагами пробуждавшихся во Франціи демократическихъ стремленій. По фамиліи интересамъ и политическимъ привиламъ своимъ они были союзники папъ, руководители реакціонной партіи, опиравшейся на Филиппа II и на папу. Вмѣстѣ съ могуществомъ возросло ихъ честолюбіе; имъ нравились восхваленія древности ихъ рода; они производили себя отъ Каролинговъ, и были составлены генеалогическія таблицы въ подтвержденіе этого притязанія ихъ на права потомковъ Карла Великаго; они говорили, что по наслѣдству отъ Рене Анжуйскаго къ нимъ перешли права на владѣніе Провансомъ и Анжу; они могли при удобномъ случаѣ потребовать предоставленія имъ этихъ областей. Натурально было то, что младшая, бурбонская, линія коро-

левской династии и важнѣйшія фамиліи французской аристократіи— Монморанси, Шатильоны и другіе первоклассные вельможи смотрѣли съ непріязнью на людей иноземнаго происхожденія, захватившихъ въ свои руки высшія мѣста во Франціи. Лотарингія принадлежала тогда къ составу нѣмецкой имперіи; старшій братъ Клода Гиза былъ герцогомъ лотарингскимъ, вассаломъ императора, человѣкомъ совершенно чужимъ Франціи. Должно было полагать, что эти иноземцы, получившіе громадное вліяніе на французскія дѣла при Генрихѣ II, станутъ господами Франціи при наслѣдникѣ его Францискѣ, неспособномъ къ самостоятельности, женатомъ на ихъ племянницѣ, что они подавятъ политическую и религіозную свободу во Франціи, сдѣлаютъ Францію исполнительницею желаній короля испанскаго и папы.

Королева-мать раздѣляла непріязнь вельможъ къ Гизамъ. Катерина Медичи была еще очень молодой дѣвушкой повѣчана съ Генрихомъ, который былъ тогда дофиномъ; дядя ея, папа Климентъ VII, подъ опекою котораго росла она, самъ отвезъ ее во Францію. Она страстно любила мужа, но онъ предпочиталъ ей любовницъ, оскорблялъ ее. Жизнь ея при немъ была очень тяжела; мужъ предоставлялъ ей участіе только въ пустыхъ придворныхъ развлеченіяхъ; она была честолюбива, ей было горько не имѣть никакого значенія въ государственной жизни, она была одарена сильнымъ умомъ, глубоко прониклась правилами своего соотечественника Макиавелли, имѣла не только влеченіе, но и талантъ владычествовать надъ людьми, знала способы пріобрѣтать и сохранять власть; она не могла покорять себя мужчинамъ красотой: она была маленькаго роста, сухощава, ея смуглое лицо было некрасиво, и серьезность отнимала у него пріятность выраженія; ея любимыя удовольствія были не женскія, а мужскія: ѣзда на охоту, наслажденіе сытными блюдами, гастрономически приготовленными. Она не была такъ хорошо знакома съ классическими литературами, какъ Рене, дочь Людовика XII или Елизавета, королева англійская, не могла импонировать ученостью; но природный умъ, хитрость, неистощимая изобрѣтательность въ интригахъ давали ей средства управлять людьми. Она превосходно умѣла замѣчать ихъ слабости, пользоваться ихъ страстями для достиженія своихъ цѣлей. Она постоянно окружала себя красивыми дѣвушками и молодыми женщинами и говорила, что она держитъ ихъ при себѣ, чтобы приманивать людей, которыхъ хочетъ сдѣлать слугами своей воли, что она сама доставляетъ этимъ людямъ любовницъ, черезъ которыхъ вывѣдываетъ всѣ тайны и руководитъ поступками. Но не только при мужѣ оставалась она устраниена отъ государственныхъ дѣлъ, не могла она захватить власть и въ царствованіе старшаго своего сына: надъ Францискомъ II господствовали Гизы; они роздали важнѣйшія должности при дворѣ и въ провинціяхъ своимъ приверженцамъ, не давали участія въ управленіи государствомъ ни конне-

таблю Монморанси, ни принцамъ крови. Катерина принуждена была искать дружбы Гизовъ, угождать имъ; они обращались съ нею почитательно, чтобы она не перешла на сторону ихъ противниковъ.

Вождами партіи враждебной Гизамъ были Бурбоны и Шатильоны. Бурбоны, потомки одного изъ младшихъ сыновей Людовика IX, были первыми принцами крови, ближайшими наслѣдниками престола, въ случаѣ прекращенія линіи Валуа. Обширныя владѣнія старшей линіи дома Бурбоновъ, доставшіяся графу клермонскому, коннетаблю Карлу Бурбону, черезъ женитьбу на ихъ наслѣдницѣ, были конфискованы, когда этотъ новый герцогъ бурбонскій измѣнилъ королю; многое изъ нихъ было присоединено къ непосредственнымъ владѣніямъ короля; но часть была передана законнымъ наслѣдникамъ, Бурбонамъ младшей линіи. Глава этой линіи Антоній Бурбонъ, герцогъ вандомскій, женившись на Іоаннѣ д'Альбрѣ, приобрѣлъ ея обширныя владѣнія на югѣ Франціи и титулъ короля наваррскаго. Та часть королевства, которая находилась на испанской сторонѣ Перенейскаго хребта, была присоединена къ Испаніи; и королевство наваррское, въ собственномъ смыслѣ слова, было давно утрачено французской династіей, владѣвшей имъ въ прежнія времена, но подъ ея властью остались тѣ земли на французской сторонѣ Перенейскаго хребта, которыя прежде принадлежали къ королевству наваррскому, и государи ихъ сохранили титулъ королей наваррскихъ. Главной областью этихъ владѣній короля наваррскаго былъ Беарнъ, имѣвшій своею столицею городъ По (Пау). Ихъ наслѣдницей была Іоанна, дочь Генриха д'Альбрѣ и племянницы Франциска I Маргареты Валуа; женившись на ней, Антоній Бурбонъ сталъ государемъ ихъ. Въ войнахъ Франциска I и Генриха II, Антоній выказалъ себя человѣкомъ храбрымъ; но онъ не былъ искуснымъ полководцемъ. Добродушный, привѣтливый, щедрый, онъ приобрѣлъ любовь французскихъ вельможъ; но у него не было ни энергіи характера, ни талантовъ, надобныхъ вождю партіи; не имѣлъ онъ и того пламеннаго честолюбія, которое возбуждаетъ людей къ отважнымъ предпріятіямъ. Жена склонила его къ принятію кальвинизма; но у него не было твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, онъ не имѣлъ охоты подвергать себя опасности для защиты своего вѣроисповѣданія. Старшій изъ двухъ братьевъ Антонія, Карлъ Бурбонъ, поступившій въ духовное званіе и получившій санъ кардинала, былъ подобно ему человѣкъ добрый, но не даровитый; младшій братъ Людовикъ, принцъ Конде, былъ напротивъ того одаренъ всѣми тѣми качествами, которыя давали право на довѣріе и уваженіе французскихъ вельможъ. Онъ имѣлъ изящныя манеры, привѣтливый, веселый характеръ, былъ храбръ, энергиченъ, краснорѣчивъ. Вліяніе развратнаго двора вовлекло его въ легкомысленныя связи; но строгая мораль кальвинизма, къ которому получилъ онъ расположеніе съ молодости, поддерживала въ немъ серьезныя

благородныя стремленія.—Такимъ образомъ, по политическимъ интересамъ и по религіознымъ убѣжденіямъ Бурбоны были противниками Гизовъ. Коннетабль Монморанси также былъ врагомъ ихъ, но не по сочувствію къ кальвинизму; онъ былъ усердный католикъ, ненавидѣлъ еретиковъ; причиной его вражды къ Гизамъ было то, что они отняли у него участіе въ управленіи государствомъ. Сыновья его сестры Шатильоны были, напротивъ того, союзниками Бурбоновъ по одинаковости убѣжденій. Ихъ было трое; всѣ трое были люди благороднаго характера, сильнаго ума, имѣли всѣ дарованія, надобныя вождямъ партіи. Младшій изъ нихъ, Франсуа Шатильонъ сеньоръ д'Андело, человѣкъ отважный, занималъ высокое положеніе въ военной службѣ; второй братъ Гаспаръ Шатильонъ, графъ Колиньи, адмиралъ Франціи, былъ знаменитый полководецъ, прославившійся обороною Сень-Кантена. Онъ былъ человѣкъ задумчиваго характера, говорилъ медленно и мало. Будучи взятъ въ плѣнъ при покореніи Сень-Кантена испанцами, Колиньи довольно долго оставался въ плѣну у нихъ; онъ полюбилъ тогда читать Библію и проникся убѣжденіемъ въ истинѣ кальвинистскаго ученія; отъ него онъ обратилъ потомъ въ кальвинизмъ и свою жену, Шарлотту Лаваль. Человѣкъ прямодушный, онъ не любилъ придворной жизни, истинное мѣсто его было въ лагерѣ; онъ превосходно умѣлъ организовать войска, держать солдатъ въ дисциплинѣ, одушевлять ихъ мужествомъ; подъ его начальствомъ толпы людей, не знавшихъ военного дѣла, быстро становились хорошими воинами. Старшій братъ, Одѣ Шатильонъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ за благородство характера, былъ кардиналъ; но высокій духовный санъ не мѣшалъ ему раздѣлять религіозныя убѣжденія Колиньи и д'Андело.

Французскимъ кальвинистамъ угрожало по заключеніи като-камбрезійскаго мира безпощадное преслѣдованіе. Гизы, правившіе государствомъ отъ имени новаго короля, хотѣли исполнить то, чего не успѣлъ сдѣлать Генрихъ II. Они выставляли себя призванными отъ Бога сохранить Францію вѣрной католичеству. Служа папизму, увеличивали свое влѣніе, потому были непримиримыми врагами еретиковъ, усердными союзниками Филиппа II и папы. Они шли своимъ путемъ непоколебимо, потому что масса французскаго народа была на ихъ сторонѣ. Руководителемъ ихъ партіи былъ кардиналъ лотарингскій, вліятельнѣйшій изъ совѣтниковъ короля, человѣкъ очень умный, ученый, говорившій на нѣсколькихъ языкахъ. Мы видѣли, какую важную роль игралъ онъ на тридентскомъ соборѣ. Генрихъ II далъ ему участіе въ управленіи государствомъ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, онъ уже выказалъ себя искуснымъ администраторомъ и дипломатомъ. Сдѣлавшись архіепископомъ реймскимъ, онъ усердно исполнялъ обязанности своего сана и велъ такой образъ жизни, что не подавалъ повода къ злословію, хорошо управ-

лялъ имѣнными архіепископской кафедры, осушалъ болота, обращалъ ихъ въ луга и сады; строилъ зданія, основалъ высшее богословское училище. Онъ не имѣлъ соперниковъ въ краснорѣчіи; ученость его была обширна; величественная наружность его производила импонирующее впечатлѣніе; но онъ былъ честолюбецъ, не отступающій ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, и мотивомъ его дѣятельности былъ эгоизмъ. Гизы имѣли политическую программу совершенно опредѣленную; они хотѣли сдѣлать свою племянницу Марію, королеву шотландскую, королевой англійской, обратить на покореніе Англіи ей всѣ силы католическаго міра. Съ точки зрѣнія католиковъ Елизавета не была законной дочерью своего отца, потому что бракъ его съ ея матерью былъ нарушеніемъ законовъ римской церкви; не будучи законной дочерью, она не имѣла права наследовать отцу; а если право наследовать англійскій престолъ не принадлежало Елизаветѣ, то наследницей его была Марія Стюартъ; потому она и ея мужъ приняли титулъ королевы и короля англійскихъ и всѣ эмблемы королевской власти надъ Англіей. Католическіе фанатики мечтали о ссединеніи Шотландіи, Англіи, Франціи въ одно государство, въ которомъ не будетъ допускаемо никакого другаго вѣроисповѣданія кромѣ католическаго. Французская политика подъ управленіемъ Гизовъ была направлена къ тому, чтобы низвергнуть Елизавету, противозаконно овладѣвшую принадлежащимъ Маріи Стюартъ англійскимъ престоломъ.

Для этого надобно было прежде всего искоренить ересь во Франціи, какъ искоренена она была въ Испаніи и въ Италіи. Но кальвинизмъ ужь очень сильно распространился во Франціи; мы видѣли, что въ ней было основано 2.000 реформатскихъ общинъ; что даже въ парижскомъ парламентѣ были люди, требовавшіе смягченія эдиктовъ противъ еретиковъ. Французскіе кальвинисты надѣялись, что при новомъ королѣ правительство приметъ политику вѣротерпимости; но кардиналъ лотарингскій позаботился показать имъ, что они ошибаются. Онъ предложилъ Сорбоннѣ вопросъ, дозвоительно ли смягченіе законовъ противъ ереси; онъ впередъ зналъ, что богословы Сорбонны выскажутся самымъ рѣшительнымъ тономъ противъ всякаго отступленія отъ каноническихъ законовъ, воспреещающихъ снисхожденіе къ ересямъ. Такимъ образомъ, возобновляя преслѣдованіе еретиковъ, давая полную свободу дѣйствіямъ фанатиковъ, изъ которыхъ состояли палаты (отдѣлы) парламентовъ, судившіе еретиковъ, онъ могъ ссылаться на авторитетъ корпораціи, считавшейся въ католическомъ мірѣ высшей рѣшительницей богословскихъ дѣлъ.

И такъ при новомъ королѣ продолжалось преслѣдованіе еретиковъ. Одною изъ жертвъ фанатизма сталъ человѣкъ высокаго общественнаго положенія. Мы говорили, что Генрихъ II велѣлъ отвести въ темницу и предать суду двухъ членовъ парижскаго парламента, навлекшихъ на себя

его гнѣвъ рѣчами въ защиту кальвинистовъ; судъ надъ ними былъ порученъ особой комиссіей, составленной изъ фанатичныхъ членовъ парижскаго парламента, подъ предсѣдательствомъ архіепископа парижскаго. Когда Генрихъ II умеръ, эта комиссія еще не кончила производство слѣдствія; приверженцы вѣротерпимости, ободренные смертью Генриха, требовали, чтобы процессъ былъ прекращенъ. Президентъ парламента Минаръ, горячій противникъ кальвинизма, былъ убитъ на пути изъ парламента домой. Правительству и королевѣ-матери были подаваемы просьбы объ уничтоженіи комиссіи, судившей обвиненныхъ въ ереси членовъ парламента; курфирстъ пфальцскій назначилъ одного изъ нихъ, Дюбура, профессоромъ гейдельбергскаго университета, для того чтобы требовать освобожденія его. Если бы Дюбуръ согласился сдѣлать какую нибудь уступку требованію, чтобы онъ отрекся отъ ереси, судьи вѣроятно удовлетворились бы неопредѣленными выраженіями: такъ должно думать, потому что Дюфортъ, выказавшій уступчивость, былъ освобожденъ. Кардиналу лотарингскому вѣроятно не хотѣлось начинать правительственныя дѣйствія новаго царствованія казнью, которая вызоветъ ропотъ множества людей. Но Дюбуръ не соглашался ни на какія заявленія, противныя его убѣжденію, твердо призналъ себя держащимся понятій Кальвина, сказалъ, что считаетъ суевѣріемъ католическій догматъ пресуществленія, почитаніе иконъ назвалъ идолопоклонствомъ. Освободить его отъ наказанія значило бы дать свободу кальвинизму; Гизы не могли допустить такого нарушенія законовъ католической церкви. Дюбуръ былъ осужденъ на смерть; приговоръ былъ исполненъ 23 декабря 1559; Дюбура удавили, тѣло его сожгли на кострѣ. Кальвинисты прославляли страдальца, принявшаго смерть за вѣру. Они называли его первымъ мученикомъ своего вѣроисповѣданія во Франціи. Правда уже и раньше того было сожжено или повѣшено много кальвинистовъ; но въ то время реформаты еще не составляли одного цѣльнаго общества; только въ годъ смерти Генриха II всѣ они соединились въ общины, имѣющія кальвинитское устройство и всѣ ихъ общины соединились въ одну организованную реформатскую церковь. Дюбуръ былъ первымъ, пострадавшимъ за вѣру членомъ этой общей французской реформатской церкви, и мужество его стало примѣромъ для всѣхъ французскихъ реформатовъ; потому имя его и получило славу въ исторіи ихъ церкви.

Осужденіе Дюбура было началомъ борьбы новаго правительства противъ еретиковъ. Эдикты слѣдовали за эдиктами: тайныя собранія для богослуженія были запрещены подъ страхомъ наказанія смертью; дома, въ которыхъ происходили они, было велѣно разрушать; доносчикамъ была обѣщана половина конфискуемаго имущества осужденныхъ. Во всѣхъ постановленіяхъ о еретикахъ вѣялъ духъ, напоминавшій испанскую и римскую инквизицію. Много еретиковъ было осуждаемо на смерть. Монахи воспламеняли фанатизмъ толпы; появлялись листки, обвинявшіе кальвинистовъ въ безстыдномъ развратѣ. Правительство, парижскій университетъ, духовенство соединили свои силы на уничтоженіе гидры кальвинской ереси, при содѣйствіи возстановляемаго противъ еретиковъ невѣжественнаго и суевѣрнаго народа.

Но формировалась оппозиція Гизамъ и ихъ сообщникамъ, обращавшимъ власть на служеніе своимъ личнымъ интересамъ и мрачному

фанатизму; она состояла изъ разныхъ элементовъ, происходила изъ разныхъ мотивовъ, но цѣль у всѣхъ ея членовъ была одна. Какъ въ Нидерландахъ, по разнымъ политическимъ и религіознымъ тенденціямъ, соединились люди въ патріотическую партію противъ абсолютизма и папизма Гранвеллы, такъ теперь французскіе патріоты соединились противъ кардинала лотарингскаго, его братьевъ и союзниковъ, какъ во Фландріи вожди оппозиціи во Франціи были вельможи, основу ея составляли люди средняго сословія; но масса народа во Франціи не примкнула къ ней, какъ было во Фландріи.

Многіе французскіе вельможи негодовали, какъ мы говорили, на то, что молодымъ королемъ управляютъ Гизы, люди иноземнаго происхожденія. Мы также говорили, что финансовое положеніе Франціи сдѣлалось при Генрихѣ II очень трудно: государственный долгъ возросъ на суммы громадныя по тогдашнему экономическому состоянію Европы, много коронныхъ имѣній было продано или заложено; торговля и промышленность были обременены налогами; въ Нормандіи и Пикардіи опустѣли цѣлыя селенія, потому что поселяне ушли отъ чрезмѣрныхъ податей; казна была такъ пуста, что многимъ чиновникамъ не выдавалось жалованье и оставались безъ уплаты счета по поставкамъ на войну. Въ этомъ разстройствѣ винили кардинала лотарингскаго, уже много лѣтъ завѣдывавшаго государственнымъ финансами, а при такомъ положеніи финансовыхъ дѣлъ Гизы хотѣли воевать съ Англіей. Горожане сильно роптали, начали вспоминать о старинѣ, когда власть короля не была неограниченной и нельзя было установить налоговъ безъ согласія государственнаго сейма. Появлялось множество листовъ и брошюръ порицавшихъ злоупотребленія Гизовъ дѣйствующихъ отъ имени неопытнаго короля, руководящихся только своимъ честолюбіемъ, высказывалось требованіе, чтобы созванъ былъ государственный сеймъ для возстановленія законнаго порядка; народу объяснялось, что принцы крови и люди старинныхъ знатныхъ фамилій—истинныя опоры престола, что управленіе дѣлами должно быть поручено имъ.

Въ первые мѣсяцы 1560 Франція находилась въ тревожномъ состояніи. Много содѣйствовали этому шотландскія событія: кальвинисты, преслѣдуемые во Франціи, взяли тамъ за оружіе, устранили отъ регентства мать королевы, сестру Гизовъ, конфисковали церковныя имущества, отдали часть ихъ государству, другую—вельможамъ. Французскія войска были побѣждены тамъ шотландцами и англичанами. Естественнo было французскимъ противникамъ Гизовъ ободриться; нѣкоторые изъ нихъ составили планъ отнять правленіе у Гизовъ, доставить французскимъ вельможамъ и принцамъ крови, Бурбонамъ, вліяніе на дѣла, отмѣнить эдикты противъ еретиковъ, установить свободу богослуженія. Масса народа проявляла иногда жалость къ преслѣдуемымъ кальвинистамъ, сопротивлялась ихъ арестованію и казни, изъ этого могло возникнуть у нихъ мнѣніе, что и французскій народъ подобно англійскому и шотландскому расположенъ къ реформациі. Это казалось тѣмъ правдоподобнѣй, что онъ страдалъ отъ угнетенія правительствомъ, преслѣдовавшимъ ихъ; при-

томъ главные дѣятели реформатской церкви Кальвинъ и Беза, оба были французы, и сохраняли связи къ родинѣ. Французскіе реформаты надѣялись при ихъ содѣйствіи привлечь на свою сторону массу народа, одолѣть правительство, какъ удалось побѣдить шотландскимъ реформатамъ, при содѣйствіи Нокса.

Но люди ясно понимавшіе положеніе дѣлъ во Франціи видѣли, что оно не таково, какъ въ Шотландіи. Тамъ возстаніе было національнымъ дѣломъ, народъ и вельможи взялись за оружіе сами безъ чужого внушенія; а во Франціи политическая и религіозная оппозиція должна была дѣйствовать путемъ заговора. При общемъ недовольствѣ Гизами, внезапное нападеніе на нихъ могло произвести въ случаѣ успѣха переворотъ; потому, вѣроятно, одобряли замыселъ заговорщиковъ многіе люди высокаго положенія, сношенія которыхъ съ ними остались тайной. Справедливо-ль или нѣтъ это предположеніе, но былъ составленъ планъ внезапнаго нападенія, называемый амбуазскимъ заговоромъ. Душою его былъ человѣкъ довольно знатной перигорской фамиліи, Годафруа Барри, сеньоръ-де ла Реноди, отважный, краснорѣчивый, обворожительный въ обращеніи, смертельный врагъ Гизовъ, виновниковъ смерти близкаго родственника его. Онъ самъ тогда былъ въ опасности, но успѣлъ уѣхать въ Швейцарію, вошелъ тамъ въ сношенія съ другими, бѣжавшими изъ Франціи реформатами и черезъ нѣсколько времени выпросилъ себѣ разрѣшеніе пріѣхать во Францію для личнаго веденія процесса, который имѣлъ въ Дижонѣ. Онъ объѣхалъ нѣсколько городовъ, набирая сообщниковъ себѣ между реформатами и политическими противниками Гизовъ. Онъ говорилъ, что дѣйствуетъ по порученію «нѣмого вождя»; вступавшіе въ заговоръ полагали, что этотъ вождь принцъ Кондэ; принцъ утверждалъ потомъ, что не участвовалъ въ замыслѣ Реноди, но предположеніе, что Реноди его агентъ, придавало заговору видъ содѣйствія возстановленію законнаго порядка во Франціи: ближайшіе родные короля имѣли право низвергнуть иноземцевъ, захватившихъ власть; при неспособности короля къ управленію дѣлами, оно должно было по закону принадлежать имъ. Въ этомъ видѣ представили заговорщики свой замыселъ Кальвину и Безѣ, прося ихъ одобренія; но Кальвинъ, кажется, не повѣрилъ, что принцъ Кондэ—глава заговора; онъ говорилъ, что если Кондэ хочетъ возстановить свое право на участіе въ управленіи дѣлами, то долженъ публично заявить свое требованіе и вести дѣло черезъ парижскій парламентъ; заговора Кальвинъ не одобрялъ; но Реноди говорилъ своимъ сообщникамъ, что получилъ письменныя одобренія отъ нѣмецкихъ и французскихъ богослововъ и юристовъ. Вѣроятно, онъ полагалъ, что въ случаѣ успѣха не будетъ недостатка въ одобреніяхъ.

Реноди созвалъ соучастниковъ заговора въ Нантъ, они совѣщались тамъ 1 ноября; дали Реноди присягу, что возьмутся за оружіе, что-

бы освободить государство отъ тиранніи Гизовъ и передать управленіе дѣлами Бурбонамъ; планъ дѣйствія былъ принять такой: 500 дворянъ съѣдутся разными дорогами 10 марта въ Блуа, гдѣ жилъ тогда король съ дворомъ; другіе заговорщики должны были занять сосѣдніе города и селенія, чтобы не пропускать отрядовъ войска на помощь Гизамъ въ Блуа. Но Гизы узнали объ этомъ замыслѣ; число соучастниковъ его было такъ велико, что тайна не могла сохраняться. Шпіоны Филиппа II и приверженцы Гизовъ вывѣдали, что реформаты готовятся овладѣть Блуа, захватить короля и дворъ въ свои руки, низвергнуть Гизовъ. Кардиналъ лотарингскій испугался; онъ предположилъ, что въ заговорѣ участвуютъ Колиньи и Д'Андело, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ значительную часть войска. Король и дворъ уѣхали изъ Блуа въ замокъ Амбуазъ, Колиньи получилъ приглашеніе пріѣхать къ двору; правительство хотѣло посовѣтоваться съ нимъ и, если будетъ нужно, арестовать его. Онъ пріѣхалъ. По его совѣту процессы противъ еретиковъ были прекращены; правительство объявило, что будетъ преслѣдовать только мятежниковъ и реформатскихъ проповѣдниковъ. Король назначилъ Гиза генералъ-лейтенантомъ королевства, то есть правителемъ всего государства (замѣстителемъ своимъ во всѣхъ дѣлахъ); Гизъ принялъ военныя мѣры для подавленія мятежа. Когда заговорщики стали подъѣзжать къ Блуа мелкими отрядами, на нихъ неожиданно напали; многіе изъ нихъ были убиты, другіе захвачены въ плѣнъ. Отрядъ, состоявшій изъ 150 всадниковъ, направился къ Амбуазу, попытался 18 марта (1560 года) ворваться въ замокъ, но былъ отраженъ; лишь немногіе изъ этихъ отважныхъ людей спаслись отъ смерти или плѣна. Самъ Реноди былъ убитъ храбро сражаясь; плѣнные товарищи его всѣ были казнены.

Жители Амбуаза ужасались, видя множество тѣлъ плывущихъ по Луарѣ. Отрубленныя головы 18 офицеровъ бывшихъ соучастниками дѣла Реноди были воткнуты на колья, кругомъ головы Реноди. Придворные смотрѣли изъ оконъ замка на казни какъ на пріятное зрѣлище. Баронъ Кастельно, знаменитый воинъ, взошедшій на эшафотъ, призывалъ гнѣвъ Божій на Гизовъ. Канцлеръ Оливье, бывшій втайнѣ кальвинистомъ, не вынесъ казней, происходившихъ передъ его глазами: онъ умеръ 30 марта отъ печали. Черезъ нѣсколько времени, кальвинистъ Д'Обинье, храбрый воинъ, ѣхалъ съ девятилѣтнимъ сыномъ черезъ Амбуазъ; увидѣвъ воткнутыя на колья головы своихъ сотоварищей по прежнимъ войнамъ, онъ воскликнулъ: „Палачи! они обезглавили Францію!“ и заклиналъ сына, когда вырастетъ, быть мстителемъ за погибшихъ честныхъ людей.

Реноди и взятые въ плѣнъ товарищи его говорили, что не хотѣли дѣлать ничего во вредъ королю, что единственнымъ намѣреніемъ ихъ было устранить иноземцевъ отъ управленія государствомъ и склонить короля, чтобы онъ созвалъ государственный сеймъ для восстановле-

нія прежняго законнаго порядка. Но Гизы поддержали въ безхарактерномъ королѣ мнѣніе, что реформаты хотѣли уничтожить монархическую власть, раздѣлить Францію на мелкія республики по примѣру Швейцаріи, что они опаснѣйшіе враги государства и церкви. Гизамъ хотѣлось бы запутать принца Кондэ въ дѣло Реноди, выставить его главою заговора; но у нихъ не было никакихъ уликъ противъ него, потому имъ пришлось отложить до другого времени исполненіе своего замысла погубить его. Онъ при всемъ дворѣ объявилъ королю, что обвиненіе противъ него ложь, гнѣвно покинулъ дворъ и уѣхалъ къ своему брату Антонію.—Со времени амбуазскаго заговора стали называть реформатовъ гугенотами; это названіе употреблялось въ знакъ презрѣнія и вражды къ нимъ; смыслъ его былъ темень для толпы, она только понимала, что оно насмѣшка.

Свирѣпость наказанія участниковъ амбуазскаго заговора увеличила ненависть реформатовъ и патріотовъ къ Гизамъ. Реформаты не упали духомъ отъ неудачи, напротивъ стали держать себя отважнѣе прежняго. Правительство, казнивъ попавшихся ему въ руки, объявило амнистію другимъ реформатамъ, подѣ условіемъ, что помилованные будутъ исполнять католическіе обряды. Они не подчинились этому условію; напротивъ, стали открыто собираться на богослуженіе, чего не дозволяли себѣ раньше. Кардиналъ лотарингскій былъ въ ярости, хотѣлъ ввести инквизицію, подобную испанской или итальянской. Но даже Филиппъ II совѣтовалъ французскому правительству быть умѣреннымъ и осторожнымъ; онъ самъ былъ тогда принужденъ дѣлать уступки реформатамъ въ Нидерландахъ. Шотландскія событія показывали Гизамъ, какъ опасно было бы довести реформатовъ до необходимости обороняться. Сестра Гизовъ Марія, вдовствующая королева шотландская, правившая королевствомъ отъ имени дочери, была побѣждена реформатами, умерла въ концѣ того года отъ печали; реформаты прогнали изъ Шотландіи французскія войска. Во Франціи ходили по рукамъ рѣзкіе памфлеты противъ Гизовъ. Въ «Посланіи Тигру Франціи» кардиналъ лотарингскій изображался какъ второй Калигула. Типографщикъ, напечатавшій этотъ памфлетъ, былъ повѣшенъ. Кардиналъ лотарингскій былъ человѣкъ осмотрительный, видѣлъ, что нельзя доводить гугенотовъ до крайности; по его совѣту королемъ былъ обнародованъ (въ маѣ) эдиктъ, называемый роморантенскимъ по имени города, въ которомъ былъ подписанъ; онъ не отмѣнялъ запрещенія собраній для реформатскаго богослуженія, обѣщалъ награды доносчикамъ, предавалъ нарушителей уголовному суду; но предоставлялъ реформатамъ свободу вѣроисповѣданія, лишь бы не совершали они своего богослуженія. Рѣшеніе вопроса о томъ, долженъ ли кальвинизмъ считаться ересью, эдиктъ поручалъ представителямъ католической церкви во Франціи.

Роморантенскій эдиктъ давалъ реформатамъ только свободу совѣсти, не допускалъ реформатскаго богослуженія. Это было слишкомъ неудовлетворительно для кальвинистовъ, но все таки они стали жить спокойнѣе прежняго, преслѣдованіе ослабѣло и междоусобная война была предотвращена. Нація была обязана этимъ новому канцлеру, назначенному по рекомендаціи Катерины Медичи, Мишелю Л'Опйталю, юристу, изучившему древнихъ поэтовъ и мыслителей, проникнувшемуся ихъ мудрыми гуманными понятіями, челоуѣку справедливому, доброму, желавшему примиренія партій, успокоенія умовъ. Онъ былъ друженъ съ Гизами, пользовался за свою вѣротерпимость любовью реформатовъ, и сдѣлавшись канцлеромъ, онъ при поддержкѣ своей покровительницы королевы-матери старался сблизить реформатовъ съ правительствомъ.

Шаткое положеніе дѣлъ, не имѣвшее юридическихъ гарантій для реформатовъ, не могло держаться долго; всѣ дѣла государственной жизни находились въ такомъ разстройствѣ, что правительство не могло противиться всеобщему голосу, требовавшему созванія государственнаго сейма. Но оно хотѣло оттянуть это дѣло, въ надеждѣ уклониться отъ него, и попыталось замѣнить государственный сеймъ собраніемъ менѣе состоятельнымъ: оно въ августѣ (1560 года) созвало нотаблей, то есть сановниковъ войска, гражданскаго управленія и церкви. Нотабли собрались въ Фонтенблѣ во второй половинѣ августа; правительство съумѣло устроить такъ, что Бурбоны не пріѣхали въ Фонтенблѣ. Адмиралъ Колиньи отъ имени французскихъ реформатовъ подалъ записку, въ которой они, заявляя свою вѣрность королю, свое порицаніе амбуазскому заговору, вызывались доказать истину своего ученія по священному писанію и догматамъ первобытной христіанской церкви и просили дать имъ нѣсколько церквей для богослуженія. Гизы воспротивились ихъ требованію; признаніе правъ кальвинизма на формальную терпимость казалось кардиналу лотарингскому нарушеніемъ законовъ французскаго государства, проникнутыхъ католическими идеями. Онъ говорилъ, что король не можетъ безъ вреда своей душѣ согласиться на просьбу реформатовъ; но видѣлъ необходимость уступки общественному мнѣнію и не противился принятію рѣшенія, что на 20 декабря будетъ созванъ государственный сеймъ для приведенія финансовъ въ порядокъ, а на 20 января слѣдующаго (1561) года—національный соборъ для примиренія религіозныхъ несогласій. Было объявлено, что до рѣшенія собора не будутъ подвергаться судебному преслѣдованію тѣ люди реформатской религіи, которые будутъ мирно собираться для богослуженія. Это было уступкой необходимости; Гизы надѣялись выждать время, и когда можно будетъ употребить въ дѣло силу, то отмѣнить обязательство короля о созваніи національнаго собора. Они рѣшились не щадить ничего для сохраненія власти въ своихъ рукахъ и могли рассчитывать на побѣду: Франсуа, герцогъ Гизъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ Франціи, братъ его Карлъ, кардиналъ лотарингскій, владычествовалъ въ королевскомъ совѣтѣ (министерствѣ); въ большей части провинцій правителями были ихъ приверженцы.

Осенью 1560 были назначены выборы депутатовъ въ государственный сеймъ, который долженъ былъ собраться 10 декабря въ Орлеанѣ. Гизы и противники ихъ употребляли всѣ усилія склонить избирателей на свою сторону на областныхъ сеймахъ, патріоты раскрывали безпорядки и злоупотребленія трибуналовъ, администраціи, церковнаго управленія, требовали реформъ, раздавали памфлеты. Особенно сильна была ихъ агитація въ южной Франціи, гдѣ было больше реформатовъ, чѣмъ въ сѣверной, и гдѣ Бурбоны пользовались большимъ вліяніемъ. Кальвинъ принялъ горячее участіе въ борьбѣ: писалъ письма къ своимъ друзьямъ, давалъ имъ совѣты,

дозволилъ своему товарищу Безѣ, человѣку отважному, отправиться въ Беарнъ, чтобы при содѣйствіи королевы Іоанны ободрять нерѣшительнаго Антонія; для реформатовъ было очень важно, чтобы первый принцъ крови объявилъ себя защитникомъ ихъ; его имя перевѣсило бы авторитетъ Гизовъ; онъ могъ одолѣть ихъ при содѣйствіи своего брата, принца Кондэ, человѣка пылкаго и мужественнаго. Гизы понимали, какъ опасна будетъ для нихъ борьба съ Бурбонами, хотѣли запутать Антонія и Кондэ, дѣйствовали противъ нихъ коварствомъ, угрозами, готовились дѣйствовать военной силой. Катерина Медичи со времени амбуазскаго заговора была на сторонѣ Гизовъ. Монахи дѣйствовали на народъ по ихъ инструкціямъ; тѣ дворяне и должностные люди, которые считались расположенными къ кальвинизму, были окружены шпионами, многіе изъ нихъ подвергнуты суду, брошены въ темницы; правительство вело дѣятельную корреспонденцію съ папой, королемъ испанскимъ, Маргаретою, намѣстницею его въ Нидерландахъ, возбуждало герцога савойскаго напасть на Женеву, вербовало солдатъ въ Германіи, въ Швейцаріи.

Гизы рассчитывали, что большинство на государственномъ сеймѣ будетъ принадлежать ихъ приверженцамъ, хотѣли арестовать Бурбоновъ по пріѣздѣ ихъ въ Орлеанъ, подавить еретиковъ; опасались только, что Бурбоны не пріѣдутъ въ Орлеанъ, какъ не поѣхали въ Фонтенбло. Чтобы заманить ихъ въ подготовленную тамъ для нихъ гибель, Гизы склонили короля написать Бурбонамъ, что онъ проситъ ихъ принять участіе въ совѣщаніяхъ сейма. Друзья предостерегали Бурбоновъ; но многіе изъ ихъ приближенныхъ были подкуплены правительствомъ и убѣждали ихъ ѣхать въ Орлеанъ. Катерина Медичи тоже заманивала ихъ туда коварными письмами. Антоній и принцъ Конде въ концѣ октября поѣхали въ Орлеанъ. Герцога Гизъ принялъ мѣры нужныя для успѣха задуманнаго дѣла. Свита, сопровождавшая Антонія и принца Конде, была не велика. Немедленно по пріѣздѣ они явились къ королю съ заявленіемъ своей преданности; онъ сталъ рѣзкимъ тономъ дѣлать упреки принцу Конде, говорилъ, что знаетъ о его участіи въ амбуазскомъ заговорѣ, о намѣреніи отнять престолъ и жизнь у своего государя, велѣлъ арестовать Антонія и его, предалъ ихъ суду по обвиненію въ злоумышленіи противъ короля. Антоній былъ отведенъ въ домъ, гдѣ остановился, его держали тамъ подъ стражей; принца Конде отвели въ темницу. Онъ протестовалъ противъ компетентности комиссіи, назначенной для суда надъ нимъ, говорилъ, что онъ какъ пэръ Франціи подлежитъ только суду короля и пэровъ въ собраніи парижскаго парламента. Это было оставлено безъ вниманія; комиссія, назначенная королемъ, начала слѣдствіе по обвиненію принца въ измѣнѣ и мятежѣ; предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ Л'Опиталь. Конде на допросахъ говорилъ, что не принималъ участія въ амбуазскомъ заговорѣ, но фармально объявилъ себя кальвинистомъ. Большинство судей рѣшило, что онъ виновенъ, и приговорило его къ смертной казни. Гизамъ хотѣлось, чтобы приговоръ былъ немедленно

исполненъ. Если бъ это удалось, они убѣдили бы короля поступить точно такъ же съ Антоніемъ и съ адмираломъ Колиньи, который тоже пріѣхалъ въ Орлеанъ, обольщенный любезнымъ приглашеніемъ короля. Говорятъ, было уже рѣшено, что король призоветъ къ себѣ Антонія и убьетъ его своей рукой, чтобъ отвѣтственность за смерть перваго принца крови не падала на Гизовъ; говорятъ, что король обѣщался сдѣлать такъ, и не убилъ Антонія на назначенной для этого аудіенціи только потому, что въ рѣшительную минуту струсилъ. Такъ ли это или нѣтъ, но достоверно, что Гизы хотѣли принять безпощадныя мѣры для уничтоженія своихъ противниковъ. Планъ былъ таковъ: по открытіи государственнаго сейма будетъ предложено всѣмъ его членамъ подписать исповѣданіе католической вѣры; на кого не подѣйствуютъ угрозы, тѣхъ принудить силой; потомъ разослать этотъ документъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ съ требованіемъ подписи всѣхъ, занимающихъ какія бы то ни было должности; подкрѣплять это требованіе военной силой; тѣхъ, кто не согласится подписать, предать суду какъ еретиковъ и казнить.

Но исполненію этого плана помѣшало неожиданное событіе: король занемогъ, нарывъ бывшій у него въ ухѣ прорвался внутрь головы, гной заразилъ мозгъ, больной лишился сознанія, и приговоръ о казни принца Конде остался не подписанъ имъ. Катерина Медичи нашла опаснымъ для королевской династіи поддерживать Гизовъ, возбуждившихъ противъ себя общую ненависть и выказывавшихъ слишкомъ дерзкую рѣшительность не отступать ни передъ чѣмъ. Король умеръ 5 декабря 1560 года за пять дней до срока, назначеннаго для открытія государственнаго сейма.—Царствованіе Франциска II продолжалось годъ и 5 мѣсяцевъ. Имя его служило лишь прикрытіемъ для честолюбія Гизовъ, обращающихъ силу правительства на подавленіе кальвинизма и на упроченіе своего владычества надъ Франціей. Со смертью мужа ихъ племянницы, могущество ихъ упало. Правда, герцогъ Гизъ по сану королевскаго намѣстника во всемъ государствѣ (королевскаго генераль-лейтенанта) былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ во Франціи. Но онъ не могъ надѣяться, что французскіе вельможи, начальники частей войска, будутъ повиноваться ему въ дѣлахъ несогласныхъ съ интересами королевской династіи, допустятъ его казнить первыхъ принцевъ крови и знатѣйшихъ вельможъ Франціи теперь, когда онъ лишился возможности получать королевскую подпись на всякомъ надобномъ ему распоряженіи. Положеніе дѣлъ быстро измѣнилось.

2. Регентство Катерины Медичи.

Тѣло короля еще лежало непогребеннымъ, когда собрался тайный совѣтъ и въ его засѣданіе явилась Катерина Медичи, ведя за руку своего второго сына, Карла, которому принадлежалъ теперь престолъ. Карлу было только еще 11 лѣтъ, потому надобно было учредить регентство. Король-ребенокъ поблагодарилъ членовъ совѣта за ихъ вѣрную службу брату его и объявилъ имъ свою волю, чтобъ они повиновались повелѣніямъ его матери. Воля несовершеннолѣтняго не могла быть закономъ; но положеніе дѣлъ давало ей силу, и королева мать была признана опекуницей сына, правительницей государства. По закону право быть регентомъ принадлежало первому принцу крови, королю наваррскому; Кальвинъ и французскіе реформаты желали, чтобъ онъ заявилъ это право; но королева-мать уже вошла въ соглашеніе съ нимъ, во время болѣзни Франциска, когда онъ еще бо-ялся Гизовъ. Онъ удовольствовался саномъ общаго королевскаго намѣстника и тою долей власти, которую предложила ему Катерина Медичи; человекъ мягкаго характера, онъ не имѣлъ ни пылкаго честолюбія, ни сильной воли; притомъ поддавался внушеніямъ графини Монпансье, въ которую былъ влюбленъ и которую Катерина склонила на свою сторону, потому легко призналъ королеву-мать регентшей. Она немедленно освободила принца Конде. Онъ потребовалъ пересмотра своего процесса и согласился занять мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ только, когда парижскій парламентъ объявилъ лживымъ обвиненіе его въ измѣнѣ.

Гизы находили надобнымъ услуживать Катеринѣ Медичи; они надѣялись, что она будетъ по прежнему помогать имъ. Она была иностранка, имъ казалось, что имъ, людямъ не французскаго происхожденія, она будетъ больше довѣрять, чѣмъ французамъ; она была племянница папы, потому они рассчитывали, что она будетъ усердной защитницей католичества и во всякомъ случаѣ будетъ менѣе враждебна имъ, чѣмъ Бурбоны, принявшіе кальвинизмъ. Дѣйствительно, Катерина Медичи не захотѣла устранить ихъ отъ участія въ правленіи, она только передала Антонію санъ общаго королевскаго намѣстника, принадлежавшій при покойномъ королѣ герцогу Гизу; всѣ другія должности, какія занимали Гизы, она оставила за ними. Она не хотѣла отдаться въ руки Бурбоновъ и реформатовъ, рассчитывала, что власть ея будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ лучше сѣумѣетъ она поддержать равновѣсіе силъ между партіями. Потому ей было пріятно, что старикъ коннетабль Монморанси по извѣстіи о смерти Франциска немедленно пріѣхалъ въ Орлеанъ, вступить въ исполненіе своей должности главнокомандующаго; онъ былъ, подобно Гизамъ, усердный католикъ, а ближайшіе родственники его Шатильоны были реформаты; потому его положеніе между партіями было такое, что Катерина Медичи могла находить въ немъ сочувствіе своей политикѣ.

Засѣданія государственнаго сейма были открыты 13 декабря; канцлеръ, открывая ихъ по повелѣнію регентши, произнесъ рѣчь, въ ко-

торой обращался къ патриотизму представителей націи и къ ихъ чувству христіанскаго миролюбія; онъ говорилъ, что возникло по религіознымъ дѣламъ разногласіе, воспламенившее страсти, что государству угрожаетъ междоусобіе, которое можетъ быть предотвращено только вѣротерпимостью и человѣколюбіемъ, что должно изгнать изъ употребленія порожденныя враждой названія лютеранъ, гугенотовъ, папистовъ, держаться только названія христіанъ; что и въ матеріальномъ отношеніи положеніе государства затруднительно и можетъ быть улучшено только патриотизмомъ, готовностью къ пожертвованіямъ; что всѣ сословія должны единодушно содѣйствовать уплатѣ долговъ, обременяющихъ финансы высокими процентами, приведенію расходовъ и доходовъ въ должное равновѣсіе; что потому король, составляющій одно цѣлое съ націей, обращается къ законнымъ представителямъ ея, для полученія отъ нихъ предложеній, относительно наилучшихъ способовъ избавить государство отъ бѣдственнаго положенія. Сословія, составляющія государственный сеймъ: духовенство, дворянство и депутаты городовъ начали послѣ того свои совѣщанія, каждое сословіе въ своемъ особомъ залѣ, какъ это и слѣдовало по средневѣковому сеймовому порядку; результаты совѣщаній каждаго сословія были изложены письменнымъ образомъ; эти письменныя изложенія мѣстныя были вручены президентами сословій канцлеру для представленія правительству.

Документъ, излагавшій результаты совѣщаній сословія, назывался cahier („тетрадь“, записка). Во всѣхъ трехъ „тетрадяхъ“ перечислялись злоупотребленія и недостатки государственнаго управленія, высказывалось требованіе реформъ; особенной полнотой и силой отличалась тетрадь депутатовъ горожанъ или такъ называемаго третьяго сословія. Дворянство и третье сословіе рѣзко выставляли на видъ дурныя стороны церковнаго управленія и предлагали преобразовать устройство католической церкви во Франціи; фанатики католичества съ ужасомъ видѣли изъ этихъ предложеній, что реформатскія идеи широко распространены въ образованныхъ классахъ націи. Дворянство и третье сословіе рѣзко осуждали безнравственную жизнь католическаго духовенства и для улучшенія нравовъ его предлагали мѣры, противорѣчившія правиламъ католической церкви и прагматической санкціи. Они говорили, что священники должны быть избираемы прихожанами изъ лицъ, выдержавшихъ экзаменъ въ богословскихъ знаніяхъ, а епископы должны быть избираемы съѣздомъ духовенства, дворянства и представителей третьяго сословія епархіи; они требовали, чтобы третья часть церковныхъ доходовъ была обращена на пособіе бѣднымъ, другая треть на содержаніе школъ, госпиталей, на ремонтъ церквей, и только остальная треть была отдаваема духовенству; чтобы часть церковныхъ сокровищъ была употреблена на уплату государственныхъ долговъ и чтобы отмѣнены были аннаты, пошлины за папскія диспенсаци и всякіе другіе платежи въ Римъ. Тѣ области, въ которыхъ особенно распространенъ былъ кальвинизмъ, требовали, чтобы церковь была преобразована по чистому слову Божію, находящемуся въ Священномъ писаніи, и чтобы для этого созванъ былъ національный соборъ, къ участію въ которомъ должны быть допущены и послѣдователи женеваго вѣро-

исповѣданія. Этимъ требованіямъ свѣтскихъ сословій духовенство противупоставляло жалобы на распространеніе ереси, и требовало, чтобъ эдикты противъ еретиковъ были строго примѣняемы къ дѣлу. Реформаты также не пропустили случая публично заявить свои требованія: многія общины ихъ подали въ сеймъ просьбы о томъ, чтобъ имъ было разрѣшено открыто совершать свое богослуженіе; и стали совершать его, не дожидаясь разрѣшенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чиновники или грубые классы низшаго сословія пытались помѣшать этому; въ такихъ случаяхъ реформаты брались за оружіе для своей защиты.

Канцлеръ закрылъ 31 декабря засѣданія сейма. Катерина Медичи не просила сеймъ объ утвержденіи ея въ санѣ регентши. Это значило, что она считаетъ свою власть независимой отъ него. При закрытіи сейма было дано обѣщаніе созвать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новое собраніе, но не государственнаго сейма въ полномъ его составѣ, а лишь комитетъ уполномоченныхъ, число которыхъ будетъ очень не велико: отъ cadaго изъ трехъ сословій каждой изъ 13 провинцій королевства будетъ приглашенъ одинъ представитель; сословіе, посылающее его, дастъ ему инструкцію. Л'Опиталь старался упрочить власть регентши, благоразумными и энергическими распоряженіями успокоить умы, исполнить по возможности тѣ желанія, какія были высказаны сословіями сейма, облегчить тяжесть податей, лежавшихъ на третьемъ сословіи, поддерживать законный порядокъ. Онъ желалъ бы дать гугенотамъ право публичнаго богослуженія, но фанатичные католики были такъ сильны, что нельзя было ему сдѣлать этого; но онъ склонилъ регентшу на нѣкоторыя уступки кальвинистамъ; эдиктъ, дававшій ихъ, былъ обнародованъ въ іюль 1561; онъ постановлялъ, что смертная казнь еретиковъ замѣняется изгнаніемъ; воспрещалъ производить обыски въ домахъ реформатовъ безъ дозволенія хозяина. Катерина поддерживала канцлера въ его заботахъ о примиреніи партій; она понимала, что если начнется междоусобіе, то партія, которая одержитъ побѣду, захватитъ власть въ свои руки. Такимъ образомъ она, по своему происхожденію и воспитанію бывшая представительницей папизма, старалась теперь сдѣлать все возможное въ пользу реформатовъ, велѣла администраторамъ и судьямъ воздерживаться отъ суроваго исполненія эдиктовъ противъ еретиковъ, не слушала ни протестовъ парламентовъ, ни порицаній, присылаемыхъ ей Филиппомъ и папой.

Усердные католики видѣли надобность соединиться для противодѣйствія политикѣ снисходительности къ еретикамъ. Коннетабль подъ вліяніемъ своихъ сыновей и племянниковъ былъ нѣкоторое время защитникомъ этой снисходительности, сблизился съ Бурбонами; но теперь вторая жена его, завидовавшая вліянію своихъ пасынковъ, и старуха герцогиня Валантинуа склонили его на сторону католическихъ фанатиковъ. Въ апрѣль 1561, онъ заключилъ съ герцогомъ Гизомъ и маршаломъ Сентъ-Андре союзъ для охраны владычества

католической церкви; этотъ союзъ былъ прозванъ тріумвиратомъ. При Генрихѣ II герцогиня Валантипуа и коннетабль выпросили себѣ очень много конфискованныхъ имѣній осужденныхъ еретиковъ; они боялись теперь, что эти имѣнья будутъ возвращены законнымъ наследникамъ; такимъ образомъ личный интересъ заставлялъ ихъ принять сторону Гизовъ. Обѣщанное на орлеанскомъ сеймѣ вторичное собраніе представителей сословій было отложено до 1 августа (1561 года). Въ назначенный день собрались въ Понтуазѣ представители свѣтскихъ сословій, депутаты дворянства и городовъ 13 областей; ихъ было только 26 человѣкъ, но они были люди вліятельнаго положенія и умные; представители духовенства собрались въ Пуасси; они были гораздо многочисленнѣе: тутъ были всѣ высшіе сановники церкви; ихъ собраніе, будучи отдѣломъ государственнаго сейма, должно было съ тѣмъ вмѣстѣ имѣть значеніе національнаго собора, созванія котораго требовалъ орлеанскій сеймъ; потому что въ Пуасси пріѣхали шесть кардиналовъ, 36 епископовъ, большое число докторовъ богословія, пріѣхалъ генералъ іезуитскаго ордена Лайнесъ. Правительство дозволило реформатскимъ проповѣдникамъ объяснять и защищать передъ этимъ соборомъ свое вѣроученіе. Важнѣйшими изъ богослововъ, воспользовавшихся этимъ разрѣшеніемъ, были Беза и Мартиръ. Беза, человѣкъ ученый, краснорѣчивый, жившій прежде въ кругу вельможъ, имѣвшій изящныя манеры высшаго общества, изложилъ собору въ присутствіи короля и всего двора вѣроученіе реформатской церкви такъ хорошо, что рѣчь его произвела на придворныхъ и даже на многихъ епископовъ благопріятное впечатлѣніе. Кардиналъ лотарингскій, руководитель французскаго католическаго духовенства, важнѣйшій и умнѣйшій государственный человѣкъ во Франціи, принялъ на себя защиту римскаго ученія объ іерархическомъ устройствѣ церкви и о таинствѣ евхаристіи.

Всѣ три сословія сейма собрались 27 августа въ Сень-Жерменѣ, на засѣданіе въ присутствіи короля. На немъ представители свѣтскихъ сословій сдѣлали королю предложенія, шедшія гораздо дальше того, что было высказываемо въ Орлеанѣ, требовавшія совершеннаго преобразованія церковнаго и государственнаго устройства. Они требовали, чтобы эдикты противъ еретиковъ были отмѣнены, чтобы спорные религіозные вопросы были рѣшены національнымъ соборомъ по слову Божію и ученію первобытной христіанской церкви, чтобы до возстановленія религіознаго единства рѣшеніями собора послѣдователямъ новаго вѣроученія была предоставлена свобода проповѣди и богослуженія, и чтобы для богослуженія имъ была въ каждомъ городѣ отдана одна изъ церквей или было разрѣшено построить новую; чтобы отмѣненъ былъ конкордатъ, заключенный Францискомъ I съ Львомъ X, чтобы часть церковныхъ имѣній была взята въ собственность короля и дворянства, а священникамъ было назначено жалованье изъ казны, объясняя, что продажей или раздачей церковныхъ имѣній свѣтскимъ людямъ можно уплатить государственные долги и получить средства для основанія общепользныхъ учрежденій; требовали, чтобы

изъ тайнаго совѣта были исключены всѣ прелаты, какъ люди дающіе присягу повиновенія иноземному государю (напѣ). Вмѣстѣ съ требованіемъ преобразованія церкви свѣтскія сословія заявляли политическія требованія, не менѣе важныя; главныя изъ нихъ были: долженъ былъ постановленъ законъ о регентствѣ, опредѣляющій на вѣчныя времена, что въ случаѣ малолѣтства короля совѣтъ регентства назначается по соглашенію принцевъ крови съ государственнымъ сеймомъ; государственный сеймъ долженъ былъ созываемъ каждые два года; правительство должно представить настоящему сейму и представлять слѣдующимъ точный отчетъ о расходованіи государственныхъ доходовъ; число должностей должно быть уменьшено; судьи должны быть выборные, избираемые на три года. Такимъ образомъ свѣтскія сословія сейма требовали введенія конституціоннаго правленія съ періодическимъ созываніемъ государственнаго сейма, независимости судебной власти отъ правительства и подчиненія церкви государственнымъ законамъ.

Понятно, что такія предложенія привели въ негодованіе фанатичныхъ католиковъ и правительство. Регентша вступила въ сдѣлку съ духовенствомъ. Оно обязалось давать правительству шесть лѣтъ по 1.600.000 ливровъ на уплату процентовъ и на погашеніе государственныхъ долговъ и на выкупъ заложенныхъ коронныхъ имѣній, а Катерина Медичи обѣщалась оставить неприкосновенными имѣнья и права духовенства и защищать католичество. Парижъ, давшій большія суммы въ долгъ правительству, одобрялъ эту сдѣлку, обезпечивавшую ему платежъ процентовъ и возвратъ капитала. — Когда регентша вошла въ соглашеніе съ духовенствомъ, религіозный вопросъ получилъ новый оборотъ. Раньше того, по желанію регентши, соборъ назначилъ комиссію для соглашенія съ реформатами относительно важнѣйшаго спорнаго вопроса, догмата объ эвхаристіи, и выбралъ членами комиссіи наиболѣе миролюбивыхъ своихъ членовъ. Кардиналъ лотарингскій пытался перессорить между собою послѣдователей евангелическаго исповѣданія, рѣзко выставляя на видъ разницу лютеранскаго ученія объ эвхаристіи отъ кальвинистскаго, выражаясь одобрительно о лютеранскомъ, признававшемъ физическое присутствіе тѣла и крови Господнихъ въ хлѣбѣ и винѣ святыхъ даровъ, возбуждая лютеранъ къ порицанію кальвинистскаго ученія, несогласнаго съ этимъ; но попытка его не удалась. Комиссія составила такую формулу изложенія догмата объ эвхаристіи, которую нашли удовлетворительной реформатскіе богословы, даже и Мартиръ; но когда эта формула была представлена собору, было уже заключено соглашеніе между регентшой и духовенствомъ, и прелаты отвергли примирительную формулу своей комиссіи. Такимъ образомъ дѣло примиренія кальвинистовъ съ католиками кончилось (въ послѣднія числа сентября) неудачей, подобно нѣмецкимъ попыткамъ примиренія католичества съ лютеранствомъ. Иначе не могло быть, потому что основанія евангелическаго ученія были существенно различны отъ принциповъ католической церкви.

Впрочемъ религіозный диспутъ въ Пуасси былъ несовершенно безполезенъ для реформатовъ: онъ разсѣялъ клеветы фанатиковъ на ихъ вѣроученіе. Беза пріобрѣлъ уваженіе двора, вельможъ и народа; Катерина Медичи была любезна съ Мартиромъ, какъ флорентійцемъ; дворъ находилъ, что реформатское ученіе не такъ безбожно, какъ говорили католическіе фанатики; ему правилось, что реформатскіе богословы рѣзко осуждаютъ ученіе анабаптистовъ, отрицающее основы существующаго государственнаго и общественнаго устройства. Правительство дозволяло реформатамъ собираться на богослуженіе, не мѣшало и тому, что въ нѣкоторыхъ городахъ они получали или строили себѣ церкви. Въ Парижѣ и его окрестностяхъ, вооруженные реформатскіе дворяне сопровождали своихъ проповѣдниковъ на богослужебныя собранія, охраняя ихъ отъ нападеній фанатизированной парижской черни. Правительство собирало свѣдѣнія о числѣ реформатовъ во Франціи и когда оказалось, что они составляютъ 2.150 общинъ (приходовъ), регентша пригласила въ Сень-Жерменъ на общее засѣданіе всѣ восемь палатъ парижскаго парламента; Л'Опиталь объявилъ этому собранію, что законы противъ еретиковъ оказались не ведущими къ цѣли и что надобно найдти средства прекратить религіозную вражду. Огромное большинство членовъ парижскаго парламента были преданы католичеству, враждебны еретикамъ; потому отвергли предложеніе Л'Опиталя признать свободу совѣсти и передать нѣсколько церквей реформатамъ; но онъ успѣлъ склонить парижскій парламентъ къ такой снисходительности относительно кальвинистовъ, что процессы противъ нихъ почти совершенно прекратились и правительство могло сдѣлать первые шаги къ вѣротерпимости. Въ январѣ 1562 оно издало эдиктъ, называемый по времени своего обнародованія январскимъ: онъ разрѣшалъ французскимъ протестантамъ совершать богослуженіе повсюду за исключеніемъ городовъ, обведенныхъ стѣнами; требовалъ только, чтобъ они собирались на богослуженіе безъ оружія и чтобы проповѣдники ихъ давали присягу не учить несогласному съ священнымъ писаніемъ и никейскимъ символомъ вѣры, подчиняться государственнымъ законамъ, испрашивать дозволенія правительства для своихъ соборныхъ съѣздовъ и обязывалъ реформатовъ не работать внѣ своихъ домовъ въ тѣ праздничные дни, въ которые не работаютъ католики. Реформатскіе священники приняли январскій эдиктъ съ благодарностью; онъ освобождалъ ихъ отъ преслѣдованія. Парижскій парламентъ отказывался регистрировать этотъ эдиктъ, т. е. признать его законную силу, руководиться имъ и поставить тоже самое въ обязанность себѣ и всѣмъ другимъ трибуналамъ своего судебного округа. Ему трудно было отречься отъ системы, которой онъ усердно держался; но онъ принужденъ былъ покориться волѣ правительства.

Цвингли требовалъ отъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи только того,

чтобъ они дозволили проповѣдь евангелическаго ученія; онъ былъ убѣжденъ, что свободы будетъ достаточно для побѣды. Это идеальное мнѣніе не оправдалось; мы видѣли, что реформатское ученіе получило прочную организацію только тамъ, гдѣ правительство помогало этому, что гдѣ оно было враждебно реформаціи, тамъ она была подавлена. Январскій эдиктъ далъ гугенотамъ положеніе, открывавшее для нихъ возможность пріобрѣсти большіе успѣхи. На ихъ сторонѣ были могущественные вельможи, между которыми находились люди очень отважные и твердые, какъ напримѣръ Конде и Колиньи; правительство примирилось съ ними; горожане могли публично совершать реформатское богослуженіе, выходя за городскія стѣны; землевладѣльцы получили право основывать въ своихъ имѣніяхъ реформатскія общины. Кальвинизмъ уже имѣлъ много приверженцевъ во всѣхъ частяхъ Франціи, зажиточные классы горожанъ и низшее дворянство были расположены принять, очень многіе уже и приняли реформатское ученіе; во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ и во многихъ вельможескихъ имѣніяхъ были основаны реформатскія общины; правители нѣсколькихъ областей и многіе изъ другихъ областныхъ сановниковъ стали покровителями вѣроисповѣданія, пользовавшагося, какъ теперь казалось, благосклонностью правительства. Кальвинизмъ своими аристократическо-республиканскими формами церковнаго управленія, своею строгою моралью нравился французскому среднему сословію. Многіе вельможи и храбрые дворяне, какъ напримѣръ Д'Обинье Лану, прозванный желѣзнорукимъ, Колиньи, Конде уже выказали готовность рисковать жизнью за реформатское исповѣданіе; многіе другіе скоро стали достойными сподвижниками ихъ, какъ напримѣръ Сюлли, Дюплесси Морне. Но противники реформаціи фанатизировали простолюдиновъ, привыкшихъ вѣрить монахамъ; Гизы были энергичны и сильны, папа и король испанскій поддерживали ихъ; іезуиты наперекоръ сопротивленію парламентовъ укоренившіеся во Франціи и многіе вельможи, любившіе легкомысленную жизнь, ненавидѣли гугенотовъ; даже гуманисты, распространители новой цивилизаціи, были не расположены къ реформатамъ; мы видѣли, что большинство французскихъ писателей XVI вѣка были сторонниками католичества. Французскіе паписты возмущались январскимъ эдиктомъ; свобода совѣсти казалась имъ опасна для монархическаго и іерархическаго порядка дѣлъ во Франціи. Вожди ихъ совѣщались съ испанскимъ и папскимъ послами о средствахъ подавить ересь. Они нашли полезнымъ для этого привлечь на свою сторону Антонія наваррскаго: онъ былъ первый принцъ крови, общій королевскій намѣстникъ; регентша дала ему участіе въ правленіи; его вліяніе доставило гугенотамъ свободу исповѣданія; отвлечь его отъ гугенотовъ значило лишить ихъ опоры въ правительствѣ. Король испанскій опасался, что король наваррскій, желая возвратить

отнятую у его предшественниковъ южную половину королевства, вовлечетъ Францію въ войну съ нимъ. Это было легко для Антонія, главы гугенотовъ и главнокомандующаго всѣхъ французскихъ войскъ по сану общаго королевскаго намѣстника. Онъ могъ устроить такъ, чтобъ началась на границѣ война, отъ которой не могло бы отступить французское правительство. Французскіе паписты и король испанскій знали, что Антоній человѣкъ слабаго характера, потому надѣялись привлечь его на свою сторону. Во время совѣщаній собора въ Пуасси, кардиналъ лотарингскій дѣйствовалъ на Антонія со стороны религіозныхъ его мнѣній; онъ держался лютеранскихъ понятій о таинствѣ эвхаристіи; кардиналъ сумѣлъ выставить ему реформатское ученіе объ эвхаристіи достойнымъ сильнаго осужденія. Теперь французскіе паписты употребили въ дѣло политическія обольщенія; Гранвелла помогалъ имъ своими совѣтами; они говорили Антонію, что король испанскій въ вознагражденіе за южную часть королевства наваррскаго дастъ ему или островъ Сардинію, или Тунисъ, который завоюетъ для передачи ему. У Антонія была любовница; паписты дѣйствовали на него черезъ нее; папскій посланникъ говорилъ ему, что папа согласится расторгнуть его бракъ съ еретичкой Іоанной и устроить для него женитьбу на Маріи Стюартъ; онъ не устоялъ противъ такихъ приманокъ, вошелъ въ союзъ съ Гизами и Монморанси, продалъ, какъ писалъ Кальвинъ его супругѣ Іоаннѣ, свое право первородства за блюдо чечевицы.

Гизы уѣхали изъ Парижа провожать свою племянницу Марію Стюартъ, возвратившуюся въ Шотландію и проводивъ ее не поѣхали назадъ въ Парижъ, остались въ своихъ имѣніяхъ. Они видѣли, что кальвинская ересь распространяется повсюду во Франціи; даже въ своихъ имѣніяхъ, они встрѣчали сопротивленіе своимъ приказаніямъ прекратить реформатское богослуженіе. Должно полагать, что они уже тогда рѣшились дѣйствовать силой оружія. Герцогъ Гизъ и кардиналъ лотарингскій поѣхали въ февралѣ (1562 года) въ Цабернъ, на свиданіе съ Кристофомъ, герцогомъ вюртембергскимъ, лютераниномъ, врагомъ кальвинистовъ. Свиданіе длилось четыре дня (15—18 февраля). Очевидно было, что дѣло шло о вербованіи нѣмецкихъ наемниковъ. Кардиналъ лотарингскій объяснялъ Кристофу, что въ ученіи объ евхаристіи лютеране и католики очень близки между собою. Герцогъ Гизъ навѣстилъ свою мать, въ Жуанвиллѣ, потомъ вмѣстѣ съ кардиналомъ поѣхалъ въ Парижъ; уже давно, когда парижскій парламентъ отвергъ предложеніе смягчить законы противъ еретиковъ, герцогъ публично сказалъ, что будетъ поддерживать это рѣшеніе парламента своимъ мечомъ. Теперь онъ нашелъ, что пора начать дѣло. Потому, отправляясь въ Парижъ, онъ и кардиналъ взяли съ собой нѣсколько сотъ вооруженныхъ людей. Въ маленькомъ городѣ Васси, не подалеку отъ Жуанвилля, была основана наперекоръ

запрещенію вдовствующей герцогини Гизъ и епископа шалонскаго реформатская община. Когда герцогъ и кардиналъ ѣхали черезъ Басси, гугеноты совершали богослуженіе; оно происходило въ ригѣ, замѣнявшей имъ церковь. Герцогъ Гизъ послалъ нѣсколько человѣкъ своей свиты съ приказаніемъ имъ разойтись. Они, ссылаясь на январскій эдиктъ, отказались прекратить богослуженіе. Воины Гиза хотѣли разогнать ихъ оружіемъ; на шумъ пріѣхалъ герцогъ. Онъ послѣ говорилъ, что хотѣлъ только прекратить драку. Одинъ изъ камней попалъ въ него, свита его бросилась на безоружныхъ, рубила и колола ихъ; герцогъ смотрѣлъ на рѣзню, не останавливая своихъ воиновъ; 60 мужчинъ, женщинъ и дѣтей было убито, 200 ранено. Совершивъ такой подвигъ, герцогъ поѣхалъ дальше. Фанатизированная парижская чернь встрѣтила его съ восторгомъ; реформатское богослуженіе прекратилось въ Парижѣ; Кондэ уѣхалъ изъ Парижа потому, что не былъ готовъ къ борьбѣ. Монморанси ходилъ по Парижу ломать каѳедры и скамьи въ залахъ, гдѣ собирались на богослуженіе гугеноты; кардиналъ лотарингскій произносилъ пламенные рѣчи противъ еретиковъ. Въ Парижѣ сформировалась милиція изъ фанатичныхъ католиковъ; численность ея дошла до 24.000 человѣкъ; она отдала себя въ распоряженіе герцога Гиза, чтобъ онъ истребилъ враговъ Божіихъ съ лица земли, какъ велѣлъ Моисей. Парижъ попалъ подъ владычество фанатиковъ католичества, сталъ оплотомъ его. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ герцогъ Гизъ и его союзники объявили, что январскій эдиктъ не примѣняется къ Парижу и его окрестностямъ. Они хотѣли сдѣлать тоже и въ другихъ городахъ, потомъ подавить еретиковъ повсюду во Франціи.

3. Три первыя религіозныя войны. Сентъ-Жерменскій миръ.

Молва о произошедшемъ въ Басси взволновала всю Францію. Дворъ находился тогда въ Фонтенблѣ. Катерина Медичи опасалась, что Гизы нападутъ на Фонтенблѣ, захватятъ короля; обратилась къ принцу Кондэ съ просьбой защищать короля отъ насилія. Кондэ сталъ собирать войско, но Гизы не дали ему времени на это; они пришли съ войскомъ въ Фонтенблѣ, заставили (26 февраля) Катерину и короля отправиться съ ними въ Парижъ, Карлъ плакалъ отъ негодованія. Катерина, остановившись въ Мелёнѣ, обдумывала, возможно-ли для нее бѣгство; но увидѣла, что должна покориться обстоятельствамъ. Въ началѣ апрѣля дворъ пріѣхалъ въ Лувръ. По призыву Кондэ гугенотское дворянство съ вооруженными отрядами съѣзжалось изъ всей Франціи въ Орлеанъ. Принцъ, въ спокойное время слишкомъ увлекавшійся чувственными удовольствіями, былъ одинъ изъ людей,

для которыхъ военныя опасности привлекательнѣе наслажденій; дяди его супруги, Шатольоны, мужъ его сестры Франсуа герцога Ларош-фуко, могущественнѣйшій вельможа пуатусской области, мужъ его племянницы графъ Порсіанъ, могущественный бретанскій вельможа Виконтъ Рене Роанъ (Roan) привели къ нему своихъ воиновъ; изъ Нормандіи пришелъ Монгомери, тотъ вельможа, который по несчастію нанесъ на турнирѣ смертельную рану Генриху II, изъ Пуату Субизъ, изъ Гаскони графъ Грамонъ, изъ Пикардіи сеніоръ Санли. Въ Орлеанѣ собралось 3.000 дворянъ. Они 11 апрѣля обнародовали манифестъ, говорившій, что Гизы и ихъ сообщники насильно увезли короля и регентшу изъ Фонтенбло въ Парижъ и держатъ ихъ въ плѣну, что на каждомъ вѣрномъ подданномъ лежитъ обязанность взяться за оружіе для освобожденія короля и наказанія мятежниковъ; что они составили союзъ для защиты законовъ и короля и не положить оружія, не возвративъ власти королю, что они готовы жертвовать для этого своимъ имуществомъ и жизнью. Они выбрали принца Кондэ своимъ главнокомандующимъ, поклялись быть вѣрны и повиноваться ему. Изъ всѣхъ большихъ городовъ были присылаемы въ Орлеанъ заявленія реформатовъ о присоединеніи къ этому союзу, шли вооруженные отряды; въ тѣхъ городахъ, гдѣ реформатовъ было очень много, они взяли въ свои руки управленіе. Безапріѣхалъ въ Орлеанъ, сопровождалъ гугенотское войско въ походѣ, писалъ его прокламаціи. Гизы и союзники ихъ убѣждали короля обнародовать заявленіе, что онъ свободенъ и твердо намѣренъ не допускать въ государствѣ никакого богослуженія, кромѣ католическаго. Принцъ Кондэ вновь напечаталъ и распространялъ по Франціи январскій эдиктъ, какъ законъ королевства.

И паписты и гугеноты дѣйствовали отъ имени короля, законы были безсильны; вопросъ о томъ, установится ли во Франціи вѣротерпимость или исключительное владычество католичества, должна была рѣшить сила оружія. Вожди папистовъ собирали войско, обѣ партіи вербовали наемниковъ въ Германіи. Тѣ нѣмецкіе государи, которые были реформатскаго исповѣданія или держались правилъ вѣротерпимости, какъ напримѣръ курфюрстъ пфальцскій и ландграфъ гессенскій, приняли сторону гугенотовъ; уполномоченные гугенотовъ заключили съ Елизаветою договоръ, по которому обѣщались отдать ей Гавръ; она послала флотъ на помощь имъ, дала имъ денегъ. Люцернъ и горные кантоны приняли сторону Гизовъ, дозволили имъ вербовать волонтеровъ на службу въ войнѣ «для удержанія короля французскаго при старой религіи»; Филиппъ послалъ на помощь Гизамъ отрядъ испанскаго войска, состоявшій изъ нѣскольکو тысячъ человѣкъ; папа послалъ Гизамъ свое благословеніе и деньги. Война вспыхнула во всѣхъ частяхъ Франціи. Главныя силы обѣихъ партій сошлись осенью въ низовьѣ Сены; надобно было ждать, что скоро

произойдетъ рѣшительное сраженіе; но Антоній наваррскій былъ убитъ при осадѣ Руана. Сынъ его Генрихъ (родившійся 4 декабря 1553 въ По, столицѣ Беарна) былъ еще только девятилѣтнимъ ребенкомъ; потому весь тотъ авторитетъ, какой имѣла фамилія Бурбоновъ, перешелъ къ принцу Конде; онъ имѣлъ теперь право на участие въ управленіи государствомъ, какъ первый изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ крови. Паписты желали бы привлечь его на свою сторону, какъ привлекли его старшаго брата; но онъ былъ чело-вѣкъ прямодушный и твердый, не поддавался обольщеніямъ, остался вѣренъ своимъ товарищамъ по исповѣданію. Католики взяли Руанъ, убили въ немъ множество людей въ наказаніе за упорную оборону города и за смерть короля наваррскаго. Близъ Дре, на рѣкѣ Эрѣ (Eure), войска сошлись такъ близко, что битва была неизбежна, французскіе вельможи, сражавшіеся въ прежніе годы другъ подлѣ друга за короля и отечество, готовились къ сраженію одни противъ другихъ. Герцогъ Гизъ и Монморанси ставили въ ряды свое войско, чтобы двинуть его на войско, въ которомъ находились Колиньи и Д'Андело, племянники Монморансини, товарищи его по оборонѣ Сентъ Кантена отъ испанцевъ; связи родства и дружбы были разорваны убійствомъ, произведеннымъ въ Васси. Католики и гугеноты одинаково храбро сражались въ битвѣ при Дре, побѣда осталась нерѣшенной. Католики удержали за собой поле сраженія, но потеряли убитыми больше, чѣмъ гугеноты. Однимъ изъ убитыхъ былъ маршалъ Сентъ-Андре. Главнокомандующіе обоихъ войскъ попались въ плѣнъ противникамъ: Конде былъ взятъ въ плѣнъ католиками, Монморанси—гугенотами. Одновременно съ военными дѣйствіями главныхъ силъ въ Нормандіи происходили битвы на улицахъ почти во всѣхъ городахъ Франціи; особенно кровопролитна была эта борьба въ южныхъ городахъ. Гугеноты местили за убійства своихъ безоруженныхъ единовѣрцевъ, и гдѣ одолѣвали, уничтожали иконы въ церквахъ; гдѣ побѣждали паписты, убивали еретическихъ священниковъ, жгли библію, заставляли кальвинистовъ присутствовать при католической литургіи. Гугеноты считали виновникомъ войны герцога Гиза; онъ былъ имъ ненавистнѣй всѣхъ другихъ враговъ, на ихъ богослуженіи читались молитвы объ избавленіи вѣрующихъ отъ этого чело-вѣкоубійцы; его намѣстникъ въ городѣ Валансѣ, Ламотъ Гондренъ, свирѣпый преслѣдователь гугенотовъ, былъ теперь повѣшенъ ими на перекладниѣ въ его собственномъ домѣ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ сохранили владычество паписты, они сотнями убивали гугенотовъ; въ Сансѣ (Sens) эти убійства были произведены по приказанію кардинала лотарингскаго, въ Турѣ ихъ произвелъ герцогъ Бурбонъ-Монпансье, отступникъ отъ реформатскаго исповѣданія. Въ Тулузѣ городской совѣтъ былъ на сторонѣ принца Конде, парламентъ и чернь на сторонѣ папистовъ; схватки на улицахъ шли каждый день, число

убитыхъ было больше 3.000 человекъ. Въ Гіэни наемники Монлюка и присланные на помощь ему испанцы вѣшали и топили гугенотовъ; гугенотскій полководецъ Дезъ-Адре дѣлалъ то же съ католиками. Фанатичный католикъ маршалъ Таваннъ говорилъ, что кровопусканіе—спасительнѣйшее лекарство. По всей Франціи свирѣпствовало безпощадное междоусобіе; шайки разбойниковъ, прикрываясь именемъ людей, сражающихся за вѣру и короля, ходили по селеніямъ, грабили, жгли, рѣзали. Гдѣ торжествовали паписты, тамъ по окончаніи беспорядочныхъ убійствъ начинались казни гугенотовъ.

Всѣ эти бѣдствія были произведены холодной жестокостью, съ какою Гизы помѣшали примиренію партій на орлеанскомъ сеймѣ и убійствомъ безоружныхъ въ Васси. Потому, какъ мы говорили, Гизы были гугенотамъ ненавистнѣе всѣхъ другихъ враговъ; они называли герцога Гиза тиранномъ. Убійство тирана считалось у грековъ благороднымъ подвигомъ; рыцарскія понятія о безчестности убійства безъ вызова противника на поединокъ были забыты въ ожесточеніи страстей. Принцъ Конде, Колиньи, другіе вожди гугенотовъ не разъ подвергались нападеніямъ убійцъ; теперь подвергся такому нападенію герцогъ Гизъ. Послѣ сраженія при Дре, военныя дѣйствія перешли съ Сены на Луару. Главнокомандующимъ гугенотскаго войска, по взятіи Конде въ плѣнъ, сталъ Колиньи; онъ пошелъ на низовье Луары, а братъ его Д'Андело защищалъ Орлеанъ, осажденный герцогомъ Гизомъ. Польтро де Мерси, молодой человекъ изъ ангулемской дворянской фамиліи, прокрался 18 февраля 1563 въ лагерь осаждающихъ и нанесъ герцогу рану, отъ которой онъ умеръ черезъ шесть дней. Убійца былъ схваченъ, отвезенъ въ Парижъ, преданъ суду тамъ. Онъ былъ родственникъ Реноди, поступилъ на службу герцога Субиза, начальствовавшего гугенотами въ Ліонѣ; гугеноты часто посылали его шпиономъ къ непріятелю. Онъ не разъ говорилъ, что легко убить герцога Гиза, что это прекратило бы войну. Орлеанъ былъ сильнѣйшей крѣпостью гугенотовъ въ центральной Франціи. Когда паписты осадили его и должно было ожидать, что они скоро овладѣютъ имъ, Польтро сталъ думать, что Богъ избралъ его орудіемъ для спасенія главнаго оплота послѣдователей евангелія во Франціи. Онъ говорилъ Безѣ, говорилъ гугенотскимъ священникамъ въ Орлеанѣ, что имѣетъ особенное призваніе отъ Бога; имѣлъ разговоры съ Колиньи и Ларошфуко. Они отклоняли его отъ замысла слишкомъ опаснаго; но Колиньи не нашелъ надобнымъ предостеречь своего противника. Польтро на допросахъ назвалъ Колиньи и Безу людьми убѣдившими его убить герцога Гиза. Колиньи и Беза съ негодованіемъ отрицали это показаніе; Колиньи написалъ регентшѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что на очной ставкѣ съ Польтро докажетъ лживость показанія, которымъ оскорбляется его честь, и просилъ отложить казнь Польтро до заключенія мира, когда можно

будетъ дать эту очную ставку. Но просьба его не была уважена; Польшо, осужденный парижскимъ парламентомъ, былъ казненъ 18 марта.—Въ послѣдствіи Колиньи сдѣлалъ въ королевскомъ тайномъ совѣтѣ заявленіе, что не имѣлъ никакого участія въ убійствѣ герцога Гиза, и былъ признанъ свободнымъ отъ всякаго подозрѣнія.—Реформаты радовались смерти своего непримиримаго врага. Паписты были убѣждены, что убійца былъ посланъ адмираломъ Колиньи, и Гизы навсегда сохранили желаніе отмстить Колиньи за это убійство.

Смертью герцога Гиза было облегчено примиреніе, котораго желали регентша и плѣнные полководцы. Должно было опасаться, что если междоусобіе продлится, то Филиппъ II и Елизавета англійская овладѣютъ частями Франціи сосѣдними съ ихъ государствами. Потому регентша освободила Конде, а гугеноты освободили Монморанси; главнокомандующіе съѣхались на маленькомъ островѣ Луары близъ Орлеана для заключенія мира. Принцъ требовалъ возобновленія январскаго эдикта; коннетабль отвѣчалъ, что католики никогда не согласятся на это; Катерина Медичи, пріѣхавъ съ своими придворными дамами на островъ, гдѣ велись переговоры, убѣдила Конде согласиться на нѣкоторыя ограниченія правъ, данныхъ январскимъ эдиктомъ гугенотамъ, и въ мартѣ 1563 былъ заключенъ въ Амбюзѣ миръ, по которому за гугенотами осталось право совершать богослуженіе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершалось оно до 7 марта, только Парижъ былъ исключенъ изъ этого: фанатизмъ парижанъ, дававшихъ очень много солдатъ и денегъ на войну, не допускалъ мысли о возстановленіи реформатскаго богослуженія въ ихъ городѣ. Кромѣ того, что сохранялось реформатское богослуженіе тамъ, гдѣ оно совершалось при заключеніи трактата, было постановлено, что въ каждомъ административномъ округѣ (въ каждомъ бальяжѣ или сенешальствѣ) будетъ назначенъ городъ, въ которомъ можетъ совершаться реформатское богослуженіе; дворяне сохраняли право слушать съ своими семействами реформатское богослуженіе въ своихъ домахъ, а вельможи, имѣвшіе уголовную юрисдикцію въ своихъ владѣніяхъ, сохраняли право допускать своихъ подданныхъ къ присутствію на реформатскомъ богослуженіи въ своихъ замкахъ. Относительно всего остального, амбюзскій трактатъ повторялъ постановленія январскаго эдикта; правительство давало амнистію, обѣ стороны обязывались освободить плѣнниковъ и предать забвенію всѣ взаимныя обиды по церковнымъ дѣламъ. Елизавета англійская, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, согласилась возвратить Гавръ, осажденный французами, и прекратила войну.

Катерина Медичи была очень рада прекращенію междоусобія. Она и Л'Опиталь чрезвычайно усердно хлопотали о немъ; собственно она убѣдила Конде согласиться на него; она оболестила принца обѣщаніемъ дать ему санъ общаго королевскаго намѣстника, принадлежавшій его покойному брату Антонію; красивыя дѣвушки и молодыя дамы, которыхъ она

привезла съ собой, увлекали принца, онъ влюбился въ одну изъ нихъ, и Катерина Медичи дѣйствовала на него черезъ нее. Колинъи негодоваль на уступки, сдѣланныя принцемъ, предсказываль, что его довѣрчивость къ обѣщаніямъ регентши вовлечетъ реформатовъ въ бѣды. Кальвинъ тоже выражалъ негодованіе на уступчивость Конде, но паписты порицали условія мира еще рѣзче реформатовъ; они были раздражены тѣмъ, что за еретиками вновь признано право публично совершать свое богослуженіе. Нѣкоторые изъ парламентовъ отказывались регистрировать эдиктъ, къ формѣ котораго былъ обнародованъ договоръ. Особенно упорно было сопротивленіе парижскаго парламента; онъ долго не регистрировалъ эдикта. Въ Бургоніи областной сеймъ и парламентъ объявили, что допущеніе двухъ религій преступленіе противъ Бога и опасность для общественнаго спокойствія. Будучи принуждены регистрировать эдиктъ, парламенты давали его постановленіямъ натянутое толкованіе во вредъ реформатамъ, всячески ограничивали данныя имъ права, употребляли противъ нихъ даже военныя мѣры тамъ, гдѣ войсками начальствовали фанатики, соглашавшіеся исполнять притѣснительныя судебныя рѣшенія. Правитель Лангедока Анри Монморанси, графъ Данвилль (Damville), сынъ коннетабля, разгонялъ кавалерійскими отрядами реформатовъ, собиравшихся на богослуженіе; въ Турѣ реформатскій священникъ былъ убитъ на своей проповѣднической кафедрѣ. Миръ былъ только на бумагѣ; на дѣлѣ паписты преслѣдовали гугенотовъ, а гугеноты, гдѣ могли, платили имъ тѣмъ же.

Но положеніе правительства улучшилось заключеніемъ мира. До амбуазскаго договора регентша находилась въ зависимости отъ папистовъ, теперь она пріобрѣла самостоятельность. Чтобы не давать принцу Конде участія въ управленіи государствомъ, Катерина рѣшила объявить совершеннолѣтнимъ короля, которому 27 іюля исполнилось 13 лѣтъ. По ея приказанію Л'Опиталь сдѣлалъ это объявленіе 17 августа въ засѣданіи руанскаго парламента. Такимъ образомъ по формѣ вся власть перешла къ королю, регентство прекратилось; но на самомъ дѣлѣ Катерина осталась полновластной правительницей, потому что Карль IX былъ по уму еще совершеннымъ ребенкомъ, а по характеру преждевременно испорченнымъ юношей, думалъ только о забавахъ, разтѣзжалъ изъ рожи въ рощу охотясь за оленями; онъ не понималъ дѣлъ и не заботился о нихъ, соглашался на все, что считала надобнымъ мать. Смерть герцога Гиза и Антонія наваррскаго освободила Катерину Медичи отъ могущественнѣйшихъ изъ претендентовъ на участіе въ управленіи государствомъ. Отнятіе Гавра у англичанъ придало блескъ началу ея полновластнаго управленія государствомъ.

Цѣлью всѣхъ дѣйствій Катерины было сохраненіе и упроченіе власти, которой она достигла прекращеніемъ междоусобія, освободившимъ ее отъ владычества папистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она никогда не имѣла искренняго доброжелательства къ реформатамъ; но она считала полезнымъ для себя быть защитницей вѣротерпимости, чтобы гугеноты не были выведены изъ терпѣнія, не взялись за оружіе. Междоусобіе снова отдало бы правительство подъ власть папистовъ. Катерина хотѣла, не давая участія въ управленіи принцу Конде, главѣ гугенотовъ, оставаться независимой отъ Гизовъ. Она не отваживалась вступить въ открытую борьбу съ ними, возвратила кардиналу лотарингскому его прежнее мѣсто въ тайномъ совѣтѣ, льстила ему и его родственникамъ. Но исполнитель ея воли канцлеръ Л'Опиталь, ссылаясь на рѣшеніе парижскаго парламента, объявилъ постановленія Тридентскаго собора несогласными съ правами королевской власти и прерогативами галликанской церкви, поддерживалъ парламенты въ ихъ стремленіи подчинить духовенство своему суду. Паписты восторжествовали бы во Франціи, если бы декреты собора получили въ ней силу

закона; но Катерина Медичи, не желая подчиняться Гизамъ, вождямъ папистовъ, и союзнику ихъ, королю испанскому, оставляла управленіе дѣлами въ рукахъ своего усерднаго слуги Л'Опиталя, приверженца вѣротерпимости.

Легковѣрные люди могли воображать, что Катерина Медичи, охраняя права, данныя гугенотамъ по амбуазскому договору, руководится расположеніемъ къ реформатамъ. Но такое мнѣніе было совершенно ошибочно. Въ 1565 году Катерина поѣхала съ королемъ по южнымъ областямъ; во время этого путешествія уже можно было замѣтить, что она негодуетъ при видѣ разбитыхъ гугенотами распятій и образовъ. Въ началѣ 1566 она имѣла въ Байоннѣ свиданье съ своею дочерью, королевой испанской и герцогомъ Альбой. Гугеноты говорили потомъ, что она измѣнила свою политику подъ вліяніемъ совѣтовъ, данныхъ ей тогда Альбой. Это ошибка: Катерина Медичи не нуждалась въ чужихъ совѣтахъ для принятія жестокихъ мѣръ противъ гугенотовъ, а надменность испанскаго посланника отнимала у ней всякое расположеніе слѣдовать испанскимъ внушеніямъ. Она сама считала надобнымъ искоренить во Франціи ересь, потому что находила это единственнымъ средствомъ установить прочное спокойствіе въ государствѣ. Говорятъ, на совѣты, какіе давалъ ей Альба отъ себя и отъ имени короля, она отвѣчала, что скоро приведетъ въ порядокъ церковныя дѣла; если эти слова были сказаны, они выражали ея собственное давнее намѣреніе, а не были результатомъ перемѣны въ ея мысляхъ. Катерина и до байонскаго свиданія притѣсняла гугенотовъ, сколько могла дѣлать это безъ возбужденія мятежа; она не дозволяла совершать реформатское богослуженіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ останавливалась, дозволяла папистамъ мѣшать ему въ городахъ, допустила то истолкованіе амбуазскаго договора, что присутствовать при реформатскомъ богослуженіи въ замкахъ вельможъ могутъ только ихъ подданные. Она рассчитывала, что гугеноты, живущіе въ городахъ, отвыкнувъ отъ кальвинизма, не имѣя у себя богослуженія; запрещеніе подданнымъ католическихъ вельможъ и дворянъ ходить на реформатское богослуженіе устраняло массу поселянъ отъ гугенотской проповѣди. Лишась поддержки горожанъ, гугенотскіе вельможи и дворяне не могли бы бороться съ правительствомъ, поддались бы его обольщенію или были бы силой принуждены перейти въ католичество. Правительство запретило реформатскимъ священникамъ выѣзжать изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дозволено ихъ богослуженіе; съѣзды реформатскихъ священниковъ были запрещаемы. Катерина, какъ видимъ, притѣсняла гугенотовъ, на сколько могла дѣлать это, не возбуждая новаго возстанія ихъ. Слѣдовать опаснымъ совѣтамъ Филиппа, Альбы, французскихъ фанатиковъ она не хотѣла. Герцогъ Монпансье, хлопотавшій объ основаніи лиги французскихъ католиковъ, Блезъ, Монлюкъ и Строцци, генералы, желавшіе прославиться подвигами въ войнѣ съ гугенотами, кардиналъ лотарингскій и его приверженцы говорили Катеринѣ, что должно изгнать изъ Франціи всѣхъ реформатскихъ священниковъ, арестовать и держать въ темницѣ или казнить гугенотскихъ вельможъ; она отвергла эти мысли. Мотивомъ ея дѣйствій было не религіозное чувство, а желаніе упрочить свою власть, быть независимой и отъ папистовъ и отъ гугенотовъ. Для этого она старалась предотвращать междоусобіе. Созвавъ нотаблей въ январѣ 1566 въ Муленѣ, она на этомъ съѣздѣ убѣдила Гизовъ примириться съ Колиньи (разумѣется, примиреніе было только формальностью). Коннетабль Монморанси занималъ теперь нерѣшительное положеніе между партіями. По привычкѣ къ военному самовластію и по прежней враждѣ къ реформатамъ, онъ и теперь желалъ бы крутыхъ мѣръ противъ нихъ; но старшій сынъ его маршалъ Монморанси былъ на сторонѣ принца Конде, защищалъ реформатовъ; коннетабль любилъ сына, это склоняло его къ политикѣ вѣро-

терпимости. Такимъ образомъ Катерина Медичи имѣла опору въ немъ, она держала себя такъ ловко, что довольно долго предотвращала междоусобіе.

Но не все зависѣло отъ согласія вождей партій подчиняться миролюбивой системѣ Катерины Медичи. Масса народа была фанатизирована монахами, масса гугенотовъ раздражена притѣсненіями. Подъ вліяніемъ іезуитскаго ордена, католическое духовенство во Франціи привыкло выставлѣть истребленіе ересей священной обязанностью истинныхъ христіанъ; въ южной Франціи, подъ покровительствомъ папы и короля испанскаго, фанатичные паписты основали союзъ для охраненія владычества католической церкви; это былъ зародышъ той лиги, которая черезъ нѣсколько лѣтъ начала безпощадную войну противъ еретиковъ и своимъ фанатизмомъ привела Францію на край гибели; паписты распространяли въ массѣ народа памфлеты, требовавшіе искорененія ереси; все это усиливало взаимную неприязнь партій. Молва о нидерландскихъ и шотландскихъ дѣлахъ увеличивала волненіе умовъ во Франціи. Фанатики папизма совершали тайныя убійства гугенотовъ. Говорятъ, что въ тѣ четыре года, которые прошли отъ заключенія амбуазскаго мира до возобновленія войны, было убито 3.000 реформатовъ; законъ былъ безсиленъ охранять ихъ. Французы слышали, что Альба собралъ въ Испаніи войско, поведетъ его въ Нидерланды. Обѣ партіи полагали, что онъ пойдетъ черезъ Францію; паписты желали этого, гугеноты встревожились больше прежняго. Правительство на вербовало 6.000 наемниковъ въ католической части Швейцаріи; ему надобно было увеличить число войска для поддержанія порядка: католики хотѣли возобновить войну при содѣйствіи Альбы. Но гугеноты полагали, что правительство вербуетъ швейцарскихъ наемниковъ не для охраненія границы отъ войска Альбы, а для подавленія реформатовъ; быть можетъ это подозрѣніе было неосновательно; Катерина Медичи едва ли хотѣла дѣйствовать заодно съ Альбой; она не довѣряла своему чистолубивому зятю, покровителю французскихъ папистовъ, едва ли желала воспользоваться помощью его полководца. Но католическіе фанатики говорили, что швейцарскіе наемники на вербованы правительствомъ для подавленія гугенотовъ. Альба прошелъ въ Нидерланды черезъ Германію, опасность его вторженія во Францію миновала; но швейцарскіе наемники не были распущены, они шли въ Парижъ. Вожди гугенотовъ получали предостереженія отъ членовъ тайнаго совѣта, сообщавшихъ имъ, что Гизы совѣтуютъ Катеринѣ Медичи арестовать Конде и Колиньи, отмѣнить амбуазскій эдиктъ, поставить швейцарскихъ наемниковъ въ Парижѣ, Орлеанѣ и Пуатье. Король былъ неспособенъ къ занятію дѣлами, государствомъ правила его мать; она была искусная интригантка, дѣйствовала по расчетамъ династическихъ и личныхъ выгодъ; ея положеніе было затруднительно, она должна была сообра-

зоваться съ обстоятельствами; она не любила гугенотовъ; они знали, что если кардиналъ лотарингскій докажетъ ей выгоду союза съ папистами, она будетъ поступать по ихъ желанію.

Вожди гугенотовъ разсудили, что если будутъ бездѣйствовать, то враги захватятъ ихъ партію врасплохъ; они рѣшили не ждать, пока Альба, подавивъ нидерландскихъ кальвинистовъ и патріотовъ, поведетъ свое войско на помощь французскимъ папистамъ. Вліятельные люди гугенотской партіи собирались на тайныя совѣщанія. Имъ не хотѣлось бы навлечь на себя упрекъ, что междоусобіе поднято ими, но они знали, что если будутъ медлить, то паписты арестуютъ ихъ безоружныхъ и возобновятъ преслѣдованіе ихъ единовѣрцевъ. «Не мы зачинщики войны», сказалъ Д'Андело, «а тѣ люди, которые нарушили договоры, призвали иностранныхъ солдатъ на насъ. Если мы уступимъ имъ выгоду нанесенія первыхъ ударовъ, наша гибель будетъ неотвратима. Такимъ малодушіемъ мы навлекли бы на себя презрѣніе всѣхъ храбрыхъ людей». Такимъ образомъ вожди гугенотовъ рѣшили взяться за оружіе, пока французскіе паписты не могутъ получить помощи отъ Альбы, и около того времени, какъ онъ сталъ казнить нидерландскихъ вельможъ, гугеноты начали вторую войну за вѣру.

Въ первой войнѣ паписты имѣли ту громадную выгоду, что король и регентша находились въ ихъ рукахъ и потому всѣ начальства должны были исполнять ихъ приказанія, отдаваемые черезъ регентшу, принужденную повиноваться имъ. Теперь вожди гугенотовъ хотѣли отнять у папистовъ эту выгоду, захватить дворъ въ свою власть. Резиденціею его былъ тогда Монсо (близъ Мё); было рѣшено внезапно овладѣть этимъ замкомъ. Гугенотскіе дворяне и вельможи тайно готовились къ походу; при всей многочисленности соучастниковъ секрета, онъ былъ соблюденъ. Когда все было готово, Конде, Колиньи, Д'Андело, Ларошфуко пошли въ Руа-анъ-Бри (Roche en Bri); соединившись тамъ, они 27 сентября (1567 года) съ коннымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сотъ дворянъ, пошли къ Монсо, а другіе гугеноты повсюду взяли за оружіе, какъ было условлено. Катерина поручила маршалу Монморанси вступить въ переговоры съ Конде и Шатильонами; она рассчитывала задержать ихъ этимъ, пока придутъ швейцарскіе наемники, къ которымъ она носылала курьеровъ за курьерами, приказывая имъ идти къ Монсо, какъ можно быстрѣе. Внезапное возстаніе гугенотовъ изумило всѣхъ; никто не полагалъ, что они готовы къ войнѣ; опытные генералы придворной партіи удивлялись стратегическому искусству Конде и Колиньи, въ нѣсколько дней занявшихъ своимъ войскамъ всѣ окрестности Парижа и Сень-Дени. Но Катерина обманула гугенотовъ переговорами, швейцарцы пришли въ Мо. Войско Конде состояло изъ кавалеріи; она была безсильна опрокинуть ряды этой превосходной пѣхоты.

Подъ прикрытіемъ швейцарцевъ дворъ переѣхалъ въ Парижъ. Карлъ IX никогда не простилъ реформатамъ того страха, какимъ мучился тогда; онъ съ этого времени возненавидѣлъ ихъ. Кардиналъ лотарингскій также успѣлъ спастись отъ плѣна, уѣхалъ въ Реймсъ и, будучи безопасенъ тамъ, посылалъ Филиппу просьбы о помощи, велъ переговоры съ Альбой. Въ этой перепискѣ уже видна та мысль, которой потомъ слѣдовали его племянники: онъ готовъ былъ отдать Францію подъ власть Филиппа.

Кардиналъ лотарингскій писалъ Филиппу, чтобъ онъ отъ имени своей супруги Елизаветы заявилъ права на французскій престолъ и велѣлъ Альбѣ идти во Францію; кардиналъ обѣщался отдать Альбѣ нѣкоторыя изъ крѣпостей по нидерландской границѣ.

Конде и его друзья не потеряли надежды вытребовать у правительства тѣ уступки, какія были нужны для безопасности гугенотовъ. По отъѣздѣ кардинала лотарингскаго, вліяніе Л'Опиталя на Катерину Медичи усилилось; гугеноты были увѣрены, что онъ будетъ склонять ее къ удовлетворенію ихъ справедливымъ требованіямъ. Чтобы Катерина и король видѣли надобность въ уступкахъ, гугеноты блокировали Парижъ. Конде занялъ Сень-Дени и другія мѣстности, господствовавшія надъ Сеной и Марной, остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ по этимъ рѣкамъ въ Парижъ. Требованія гугенотовъ шли гораздо дальше возстановленія правъ, данныхъ имъ по амбуазскому эдикту. Они требовали полной свободы богослуженія безъ всякихъ ограниченій относительно мѣстъ и лицъ, кромѣ того требовали политическихъ реформъ: предоставленія имъ права занимать должности, уменьшенія налоговъ, созванія государственнаго сейма. Но скоро они замѣтили, что на политическія уступки правительство не согласится. Катерина Медичи оскорбилась тѣмъ, что они, доказывая возможность уменьшить налоги, говорили о чрезмѣрности выгодъ, даваемыхъ итальянскимъ банкирамъ за ихъ финансовыя услуги. Увидѣвъ, что правительство не согласится на политическія преобразованія, гугеноты ограничились требованіемъ свободы и равноправности своего вѣроисповѣданія съ католическимъ. Но правительство не согласилось и на это; переговоры были прерваны, возобновились военныя дѣйствія. Обѣ воюющія стороны просили помощи у иностранцевъ. Парижане, ожесточенные противъ гугенотовъ лишеніями, какимъ подвергла ихъ блокада, усердно помогали правительству и оружіемъ и деньгами. Къ войску гугенотовъ, блокировавшему Парижъ, постоянно приходили подкрѣпленія.

Къ началу ноября у правительства въ Парижѣ сформировалось большое войско. Коннетабль Монморанси принялъ начальство надъ нимъ. Оно было сильнѣе гугенотовъ числомъ и лучше ихъ вооружено; но коннетабль въ борьбѣ съ гражданами не выказалъ тѣхъ

талантовъ, которыми одерживалъ столько побѣдъ надъ иноземными врагами. Въ сраженіи 10 ноября у Сепъ-Дени, католики удержали за собой поле битвы, но потерпѣли такой уронъ, что побѣда была нерѣшительная, положеніе дѣлъ осталось послѣ нея прежнее. Коннетабль Монморанси черезъ два дня послѣ битвы умеръ отъ раны, полученной въ ней. Ему было тогда 70 лѣтъ; почти цѣлую половину столѣтія, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ французскихъ полководцевъ; его слава была выше достоинствъ, но онъ почти постоянно имѣлъ большое вліяніе на дѣла. Подобно герцогу Франсуа Гизу, Антонію наваррскому и маршалу Сентъ-Андре, онъ погибъ вскорѣ послѣ того, какъ сталъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Его похоронили съ королевскими почестями, но Катерина Медичи и дворъ мало жалѣли о его смерти: онъ стѣснялъ произволъ ихъ. Должность коннетабля осталась не замѣщена; по желанію матери, король назначилъ главнокомандующимъ любимаго ея сына, Генриха, герцога анжуйскаго, давъ ему санъ общаго королевскаго намѣстника.

Война длилась всю зиму, ни та, ни другая сторона не приобрѣла большихъ успѣховъ. Королева, раздраженная противъ гугенотовъ, больше слушалась совѣтовъ кардинала лотарингскаго, возвратившагося въ Парижъ послѣ сраженія при Сентъ-Дени и склонявшаго ее къ союзу съ королемъ испанскимъ, чѣмъ Л'Опиталю, старавшагося смягчить ея гнѣвъ на гугенотовъ и убѣждавшаго примириться съ ними. Л'Опиталь говорилъ, что они взялись за оружіе только для защиты правъ, данныхъ имъ по амбуазскому эдикту, что они вовсе не хотѣли и не хотятъ нарушать вѣрность королю, что они проникнуты этимъ чувствомъ, одушевляющимъ всѣхъ французскихъ дворянъ. Такъ понималъ возстаніе и Колиньи. Онъ взялся за оружіе не противъ короля, за котораго всегда готовъ былъ жертвовать жизнью, а противъ партіи, прикрывавшей свои противозаконныя дѣйствія королевскимъ именемъ. Въ январѣ Конде и Колиньи пошли въ Шампань и Лотарингію, на соединеніе съ нѣмецкими рейтарами и ландскнехтами, которыхъ велъ къ нимъ пфальцграфъ Іоаннъ Казимиръ, уже перешедшій Рейнъ. Соединившись съ нимъ, они осадили Шартръ, а гугеноты южной Франціи заняли Ла-Рошель. Этотъ укрепленный приморскій городъ сталъ съ того времени важнѣйшимъ оплотомъ гугенотовъ. Филиппъ II былъ бы радъ, если бы Катерина Медичи попросила помощи у него; онъ охотно велѣлъ бы Альбѣ идти изъ Нидерландовъ во Францію; но Катерина не рѣшилась послѣдовать совѣту кардинала лотарингскаго, потому что не хотѣла отдать французское королевство подъ власть короля испанскаго. Напротивъ того, пріятно ей было, что Людовикъ Гонзага, герцогъ Неверскій, привелъ во Францію наемниковъ, жалованье которымъ платилъ папа. Она вербовала новыхъ наемниковъ въ католическихъ кантонахъ; она имѣла деньги на это, благодаря усердію парижанъ. У гугенотовъ на-

противъ того не доставало денегъ; это и было главной причиной ихъ слабости. Принцъ Конде съ трудомъ собралъ небольшую часть той суммы, которую слѣдовало заплатить рейтарамъ и ландскнехтамъ Іоанна Казимира. Выгода на сторонѣ гугенотовъ была та, что они доказали свою храбрость въ сраженіи при Сень-Дени и довѣряли искусству своихъ полководцевъ, между тѣмъ, какъ королевское войско не могло ждать ничего хорошаго отъ распоряженій своего семнадцатилѣтняго главнокомандующаго. Видя это, Катерина склонилась къ мысли о надобности примириться съ гугенотами.

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ былъ подписанъ въ Лонгжюмо миръ, по которому возстановлялась сила амбуазскаго эдикта. Гугеноты требовали гарантій въ томъ, что правительство будетъ исполнять свои обѣщанія, не станетъ отнимать у нихъ данныхъ правъ софистическими истолкованіями условій мира, какъ дѣлало прежде. Но Катерина отвѣчала, что требовать гарантій, значитъ сомнѣваться въ добросовѣстности королевскаго правительства, а это оскорбительно для чести короля. Колиньи понималъ, что Катерина обманываетъ гугенотовъ, перестанетъ соблюдать условія мира, когда они распускаютъ свои войска, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ заключать мира, не получивъ гарантій; но гугенотскіе вельможи и дворяне были утомлены войной, не имѣли денегъ на жалованье наемникамъ, желали какъ можно скорѣе заключить миръ, потому не послушались совѣта Колиньи. Впрочемъ, они понимали, что миръ будетъ непроченъ и называли его хромымъ (поводомъ къ этой шуткѣ было то, что Гонто де Биронъ, ихъ уполномоченный для переговоровъ съ правительствомъ, былъ хромымъ). Отказъ правительства дать гарантіи служилъ яснымъ свидѣтельствомъ, что Катерина Медичи хочетъ возобновить притѣсненія гугенотовъ, какъ только распускаютъ они войска. Она охотно дала принцу Кондѣ деньги на уплату просроченнаго жалованья нѣмецкимъ наемникамъ, чтобъ онъ могъ отпустить ихъ.

Настроеніе папистовъ было тогда, въ 1568 году, таково, что не могли исполниться желанія Л'Опиталя, убѣждавшаго Катерину Медичи принять политику вѣротерпимости. Папою былъ тогда фанатикъ Пій V, возбуждавшій во всей западной Европѣ католиковъ къ подавленію ереси; монахи повсюду проповѣдывали въ этомъ духѣ; Филиппъ II одобрялъ свирѣпыя дѣйствія Альбы; въ Шотландіи Марія Стюартъ, побѣжденная кальвинистами, бѣжала изъ-подъ стражи, и возобновилось междоусобіе; повсюду католики жертвовали благомъ отечества для удовлетворенія своей ненависти къ еретикамъ. При такомъ положеніи дѣлъ не возможно было ожидать, чтобы Карлъ IX и его мать, раздраженные возстаніемъ гугенотовъ, захотѣли соблюдать условія мира, заключеннаго съ ними. Глава французскихъ папистовъ, кардиналъ лотарингскій, снова былъ теперь вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ Катерины Медичи. Филиппъ II и французскіе союзники его считали всякую уступку еретикамъ за оскорбленіе истинной религіи, за преступленіе противъ принципа королевской власти. Паписты говорили, что король отрекается отъ своихъ правъ и оскорбляетъ Бога договоромъ съ мятежными еретиками. „Лучше погубить государство войною, чѣмъ дозволить ему отступить отъ Бога и отъ короля, въ пользу сатаны и поклонниковъ его, еретиковъ“, говорилъ Альба. Пій V порицалъ договоръ съ гугенотами въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, говорилъ, что не должно быть никакого общенія у свѣта съ тьмой, у почитателя истиннаго Бога съ дьяволомъ. Іезуиты проповѣдовали, что католики не обязаны соблюдать обѣщанія, данныя еретикамъ.

Договоръ дѣйствительно остался неисполненнымъ. Правители католическихъ городовъ не допускали реформатскаго богослуженія, намѣстники областей держали себя враждебно къ гугенотамъ; тулузскій парламентъ бросилъ въ темницу человѣка, который предъявилъ ему экземпляръ договора, и подъ предлогомъ другого обвиненія велѣлъ казнить его. Гугеноты въ довѣріи къ договору положили оружіе; паписты, пользуясь этимъ, стали убивать ихъ. Каждый день были слухи о новыхъ убійствахъ. Въ Амьенѣ было убито 100 гугенотовъ, въ Осеррѣ (Auxerre) 150; въ двадцати другихъ городахъ тоже было много убійствъ; во Фрежюсѣ, одинъ изъ гугенотскихъ вельможъ съ тридцатью единовѣрцами былъ убитъ толпой фанатиковъ, которыхъ послалъ на убійство, какъ говорятъ, его родной братъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были при явномъ или тайномъ соучастіи намѣстниковъ основаны католическія общества, члены которыхъ обязывались соблюдать вѣрность королю и его династіи только подъ условіемъ, что онъ будетъ поддерживать католическую религію; если онъ будетъ мѣшать искорененію ереси, говорили члены этихъ обществъ, то надобно запереть его въ монастырь и посадить другого на его мѣсто. Они думали при этомъ о герцогѣ анжуйскомъ, который по внушенію матери выставлялъ себя горячимъ защитникомъ истинной церкви.

Французскій дворъ совершенно увлекся духомъ реакціи. Въ государственномъ совѣтѣ владычествовалъ кардиналъ лотарингскій, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ послѣ него былъ итальянецъ Бираго, ловкій интригантъ; Л'Опиталь, навлекшій на себя вѣротерпимостью ненависть папистовъ, утратилъ вліяніе. Успѣхи Альбы въ Нидерландахъ ободряли Катерину Медичи; она вспоминала совѣты, слышанные отъ него въ Байоннѣ; подавить гугенотовъ военной силой казалось легко: реформатскіе дворяне почти всѣ разѣхались по своимъ замкамъ; только на югѣ отъ Луары оставалось нѣсколько отрядовъ, опиравшихся на крѣпость Ла-Рошель; а правительство удержало свои войска въ сборѣ, вербовало новыхъ наемниковъ, поставило надежные гарнизоны въ важнѣйшихъ городахъ, раздавало административныя и судебныя должности горячимъ католикамъ; папа разрѣшилъ королю взять съ духовенства большую сумму налога подъ условіемъ, что эти деньги будутъ употреблены на войну съ еретиками. Л'Опиталь, жена, дочь и зять котораго держались реформатскаго исповѣданія, всѣми силами сопротивлялся намѣренію короля и его матери напасть на гугенотовъ. Катерина Медичи устранила его отъ участія въ совѣщаніяхъ государственнаго совѣта. Онъ сложилъ съ себя санъ канцлера, удалился въ свое маленькое имѣнье близъ Этанпа (Estampes) и провелъ тамъ въ мирныхъ ученыхъ занятіяхъ годы бурь, разразившихся надъ его отечествомъ (онъ умеръ 13 марта 1573).—Паписты всей южной и западной половины цивилизованной Европы приготовились къ войнѣ для истребленія ереси.

Катерина Медичи и фанатичные совѣтники ея восхищались ловкостью коварства, съ какой герцогъ Альба захватилъ въ свои руки двухъ изъ важнѣйшихъ вождей нидерландской оппозиціи, Этмонда и Горна; Катерина желала доказать, что она не менѣе ловка; ей очень пріятна была мысль захватить гугенотскихъ вождей Конде и Колиньи, державшихъ нѣсколько времени въ страхѣ ее и дворъ. Оба они съ своими семействами и небольшою свитой жили теперь въ замкѣ Нойерѣ (Noyers, близъ Осерра), наслѣдованномъ принцемъ Конде отъ жены, незадолго передъ тѣмъ умершей. Катерина дала графу Таванну, фанатичному паписту, тайное приказаніе окружить войсками этотъ замокъ, арестовать Конде и Колиньи; но у Таванна была привычка рыцарскаго уваженія къ членамъ королевской фамиліи; ему не хотѣлось арестовать принца крови; онъ косвеннымъ образомъ увѣдомилъ Конде о намѣреніи Катерины Медичи. Принцъ написалъ королю письмо, въ которомъ перечислялъ несправедливости дѣлаемые гугенотамъ, винилъ въ нихъ кардинала лотарингскаго, «тигра Франціи»; отправивъ это письмо, онъ и Колиньи съ своими семействами поѣхали на югъ къ единовѣрцамъ. Мосты черезъ Луару были уже заняты войсками Таванна; но спасавшіеся отъ ареста нашли бродъ, оставленный безъ караула и 25 августа (1568 года) перешли его; Конде самъ несъ своего маленькаго сына. Онъ и Колиньи пріѣхали въ Ла-Рошель, которую выбрали операціоннымъ базисомъ новой войны; граждане этой крѣпости, твердо преданные реформатскому ученію, отказались пустить въ нее королевскій гарнизонъ, ссылаясь на свои привилегіи. Черезъ нѣсколько времени пріѣхала въ Ла-Рошель мужественная Іоанна д'Альбре, вдовствующая королева наваррская, съ своимъ сыномъ Генрихомъ Бурбономъ. Она привела четыре или пять тысячъ гасконцевъ и беарнцевъ. Это небольшое войско счастливо пробралось черезъ землю, занятую войсками Монлюка. Д'Андело, братъ Колиньи, привелъ изъ Британи нѣсколько тысячъ человѣкъ, собранныхъ въ самой Бретани, Нормандіи и по низовью Луары.

Въ разсказѣ о нидерландскихъ дѣлахъ мы видѣли, каково было состояніе западной Европы въ 1568 и 1569 годахъ. Папа, король испанскій и Катерина Медичи, правившая Франціей, держались одной политики: національные интересы были заслонены церковными; іезуитскій духъ направлялъ мысли всѣхъ папистовъ; кто не хотѣлъ помогать искорененію ереси, считался у нихъ врагомъ Божіимъ, котораго слѣдуетъ убить вмѣстѣ съ еретиками. Папой былъ фанатикъ Пій V; королевѣ англійской, отлученной отъ церкви, угрожали кинжалы папистовъ, желавшихъ возвести на англійскій престолъ Марію Стюартъ, чтобъ искоренить ересь въ Англіи. Вильгельмъ Оранскій и принцъ Кондэ считались мятежниками противъ Бога и своихъ государей, убить ихъ было по мнѣнію папистовъ дѣломъ благочестія. Катерина Медичи и ея министры усвоили себѣ правила Филиппа и Альбы. Королевскій эдиктъ запретилъ всякое иное богослуженіе, кромѣ католическаго, подъ угрозой конфискаціи и казни за ослушаніе, велѣлъ реформат-

скимъ священникамъ удалиться изъ Франціи до истеченія 14-дневнаго срока. Но, чтобы предотвратить общее возстаніе реформатовъ, онъ обѣщалъ свободу совѣсти и покровительство короля тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ покорны; гугеноты были устраниены отъ всякихъ должностей, каждый занимающій какую нибудь должность обязанъ былъ дать присягу, что онъ вѣрующій католикъ и будетъ исполнять католическіе обряды. Папа возлагалъ на всѣхъ вѣрующихъ обязанность помогать искорененію ядовитаго растенія ереси, говорилъ, что если государи не выкажутъ усердія въ этомъ дѣлѣ, то ихъ постигнетъ судьба Саула, — такъ выражался онъ въ письмѣ къ Карлу IX и его матери: за то, что Саулъ противъ повелѣнія Божія пощадилъ невѣрныхъ амалекитовъ, онъ былъ отвергнутъ, и другой былъ призванъ на его мѣсто, поясняя папа Карлу IX. Пожертвованія благочестивыхъ католиковъ въ церковь были употреблены на войну противъ еретиковъ. Союзъ папистовъ всей западной Европы заставилъ кальвинистовъ всѣхъ земель ея понять необходимость соединенія для обороны общими силами. Гугеноты, какъ мы видѣли, помогали Вильгельму Оранскому; Елизавета стала мало по малу переходить отъ нейтралитета къ военнымъ дѣйствіямъ противъ папистовъ. Кардиналъ Шатильонъ, братъ Колиньи, уѣхавшій изъ Франціи и жившій при дворѣ Елизаветы, убѣждалъ ее помогать деньгами гугенотамъ; о томъ же просила ее Іоанна д'Альбрé; она исполнила эту просьбу. Но главную силу гугенотовъ составляло ихъ собственное усердіе къ защитѣ правъ, данныхъ имъ прежними договорами и отнимаемыхъ теперь; благодаря готовности всѣхъ зажиточныхъ гугенотовъ на денежные пожертвованія вожди ихъ имѣли средства содержать нѣсколько мѣсяцевъ 18.000 человекъ пѣхоты и 3.000 человекъ конницы, выдерживать борьбу съ королевскими войсками, поведенными на нихъ герцогомъ анжуйскимъ.

Осенью 1568 Конде занялъ своими войсками большую часть Пуату, Ангулемской области и Сентонжа. Королевскіе полководцы, между которыми особенной свирѣпостью отличались Таваннъ, Монпансье и Монлюкъ, не могли оттѣснить гугенотовъ съ ихъ позицій. Какъ за шесть лѣтъ когда, произведенное Гизомъ убійство безоружныхъ въ Басси, возбудило первую религіозную войну, такъ и теперь весь югъ Франціи отъ Роны до Атлантическаго океана былъ театромъ ожесточенной борьбы; большихъ битвъ не было, но повсюду происходили мелкія сраженія. Мать велѣла герцогу анжуйскому уклоняться отъ рѣшительной битвы, затягивать войну; она рассчитывала, что недостатокъ денегъ и продовольствія скоро принудитъ гугенотскія войска разойтись. Королевскіе полководцы старались стѣснить гугенотовъ въ небольшое пространство и не пропускать къ нимъ подкрѣпленій изъ другихъ французскихъ областей или изъ Германіи. Большимъ счастьемъ для гугенотовъ было то, что сильно укрѣпленный, богатый, портовый городъ Ла-Рошель былъ на ихъ сторонѣ. Черезъ него они имѣли сношенія съ Англіей, съ Нидерландами. Не только въ самомъ городѣ, но и въ его окрестностяхъ населеніе было усердно предано реформатскому ученію. Граждане Ла-Рошели, храбрые люди приняли комменданта, котораго прислалъ Конде, и не жалѣли никакихъ жертвъ для помощи своимъ единовѣрцамъ. Мюръ,

Сенъ-Жанъ-д'Анжели и нѣкоторые другіе сосѣдніе города были заняты гугенотами, надѣявшимися удержаться во всей юго-западной Франціи, сдѣлать ее убѣжищемъ для единовѣрцевъ, вытѣсняемыхъ изъ другихъ частей королевства. Они продавали церковныя имѣнья. Подобно нидерландскимъ инсургентамъ они говорили, что остаются вѣрными подданными своего государя, взяли за оружіе не противъ него, а только противъ дурныхъ его совѣтниковъ, которые хотятъ отнять у нихъ свободу исповѣданія. Если бы Вильгельмъ Оранскій, пошедшій во Францію, могъ соединиться съ гугенотами, война стала бы тяжела французскому правительству; но, какъ мы видѣли, Вильгельмъ не могъ пройти далеко въ глубину Франціи: наемники, не получая жалованья, перестали слушаться его, онъ принужденъ былъ уйти въ Германію, и сталъ собирать тамъ новое войско.

Послѣ множества мелкихъ стычекъ, королевское войско дало гугенотамъ рѣшительную битву 13 марта (1569 года) при Жарнакѣ. Гугеноты сражались храбро, но были побѣждены. Кондѣ, окруженный врагами, принужденъ былъ послѣ геройской обороны сдаться. Монтескью, служившій капитаномъ швейцарскихъ тѣлохранителей короля, коварно убилъ сдавагося принца выстрѣломъ сзади. Много гугенотскихъ дворянъ было убито въ сраженіи. Разсѣяныя толпы разбитыхъ гугенотовъ съ трудомъ бѣжали черезъ Коньякъ въ Сентъ. Туда пріѣхала королева наваррская, говорившая, что скорѣе бросить въ море свою корону, чѣмъ пойдеть къ католической литургіи. Она ободряла гугенотовъ, ухаживала за ранеными. Въ Сентѣ умеръ (27 мая) отъ заразы храбрый д'Андело. Но взамѣнъ погибавшихъ вождей гугеноты пріобрѣли новаго: королева наваррская привезла своего сына, Генриха наваррскаго; гугеноты назначили его и сына принца Кондѣ главнокомандующими; руководителемъ ихъ сталъ Колиньи. Таланты этого благороднаго человѣка, соединявшаго съ непоколебимымъ мужествомъ патриархальную чистоту жизни, выказались въ полномъ своемъ блескѣ теперь, послѣ тяжелаго пораженія гугенотскаго войска. Принцъ Кондѣ слушался его совѣтовъ. Парижскій парламентъ объявилъ его мятежникомъ, осужденнымъ на смертную казнь, назначилъ награду за его голову; но онъ непоколебимо вѣрилъ, что призванъ Богомъ спасти короля и народъ французскій отъ гибели. Благодаря его энергіи, гугеноты быстро оправились отъ пораженія, такъ что снова могли вести борьбу на открытомъ полѣ. Обѣ арміи получали подкрѣпленія изъ-за границы. Папа прислалъ во Францію 4.000 наемниковъ подъ начальствомъ своего племянника Санта Фіоре, которому запретилъ брать въ плѣнъ сдающихся еретиковъ, велѣлъ рѣзать всѣхъ, попадающихся въ руки; по просьбѣ папы, великій герцогъ тосканскій прислалъ еще 1.200 наемниковъ. Герцогъ Вольфгангъ Цвейбрюкенскій и братья Вильгельма Оранскаго повели къ Колиньи большой отрядъ нѣмецкихъ рейтаровъ

и ландскнехтовъ. Вольфгангъ былъ убитъ 14 іюня, но войско его подъ начальствомъ Вольфрада Мансфельда пробилося и пришло къ Колиньи. Гугеноты стали теперь такъ же сильны, какъ были до жарнакского пораженія. Колиньи одолѣлъ непріятеля въ двухдневной битвѣ (15 и 16 іюня) подъ Сентъ-Ирьеномъ (въ Лимузенѣ) и хотѣлъ идти на Парижъ; но этотъ планъ былъ отвергнутъ на военномъ совѣтѣ, и было рѣшено идти къ Пуатье. Гугеноты осадили эту крѣпость. Въ ней находилось много храбрыхъ католическихъ дворянъ; начальствовали въ ней герцогъ Анри Гизъ (старшій сынъ убитаго герцога Франсуа) и младшій братъ его герцогъ Майеннскій. Они оборонялись искусно и твердо; у осаждающихъ не доставало провіанта, денегъ, было мало пушекъ и они были принуждены отступить съ большимъ урономъ. Ихъ нѣмецкіе наемники, не получая жалованья, роптали, не слушались приказаній; надобно было опасаться, что все войско разсѣется. Колиньи нашелъ лучшимъ дать рѣшительное сраженіе, въ началѣ октября подошелъ къ непріятельской арміи, получившей новыя подкрѣпленія, и 3 октября вступилъ съ ней въ бой при Монконтурѣ. Получивъ рану, онъ продолжалъ командовать; гугенотскіе дворяне сражались очень храбро; но католики побѣдили и въ этомъ сраженіи. Нѣмецкіе ландскнехты были почти всѣ истреблены швейцарцами королевскаго войска, ненавидѣвшими ихъ по соперничеству въ ремеслѣ и по религіозному фанатизму. Генрихъ наваррскій, Кондѣ, гугенотскіе вельможи пробились въ Партенѣ. Они теперь уже не могли держаться въ открытомъ полѣ, должны были думать о защитѣ своихъ крѣпостей въ Пуату и Сентонжѣ. Оборорою Ла-Рошели завѣдывали Іоанна наваррская и Ла-рошфюко.

Маршалъ Таваннъ совѣтовалъ послѣ монконтурской побѣды быстро идти впередъ; если бъ его совѣтъ былъ принятъ, положеніе гугенотовъ стало бы безнадежнымъ; но правительство хотѣло дѣйствовать иначе. Катерина Медичи тяготилась союзомъ съ Филиппомъ, потому что онъ и Альба слишкомъ усердно предлагали ей совѣты и помощь, держали себя повелительно; она опасалась Гизовъ, считала ихъ готовыми продать Францію Филиппу по расчету своихъ выгодъ. Надменность Филиппа оскорбляла гордость Катерины; Карлъ IX завидовалъ своему брату Генриху, котораго паписты хвалили больше чѣмъ самого короля; итальянецъ Гонди, получившій во Франціи титулъ графа Реса (Retz) и вкравшійся въ довѣріе короля, раздражалъ его противъ брата по зависти къ Таванну, помощнику Генриха. Карлъ самъ отправился къ войску, и было рѣшено не дѣлать быстрыхъ наступательныхъ движеній, заняться осадой крѣпостей, и только взявъ всѣ другія, подступить къ Ла-Рошели, главному оплоту гугенотовъ. Католики осадили Сентъ-Жанъ-д'Анжели. Реформаты оборонялись храбро; королевская армія простояла полтора мѣсяца подъ

этой крѣпостью, гарнизонъ наконецъ сдалъ ее 2 декабря, получивъ свободный пропускъ съ оружіемъ; но королевское войско потеряло подъ ней 6.000 человѣкъ отъ сраженій и болѣзней. Одинъ изъ гугенотскихъ вельможъ, Лану, говорилъ: «Сенъ-Жанъ-д'Анжели загладилъ наши неудачи подъ Пуатье и Монконтуромъ». Король восхищался, что подъ его начальствомъ взята крѣпость. Пока королевское войско стояло подъ Сенъ-Жанъ-д'Анжели, гугеноты получили подкрѣпленія съ юга и снова заняли крѣпкія позиціи на Шарантѣ. Подъ глазами у Данвилля, собрались въ Монтобанъ и Нимъ большіе отряды ихъ, и слѣдующей весной они могли двинуться черезъ Дофине въ Бурбонъ, чтобъ идти оттуда къ Парижу, какъ совѣтовалъ въ предъидущемъ году Колиньи. Испанскій посланникъ Алава предложилъ Катеринѣ Медичи вопросъ, нельзя-ли покончить хлопоты съ гугенотами однимъ ударомъ, подославъ отважныхъ людей убить Колиньи. Она отвѣчала: «Прошу васъ, чтобы это слово никогда больше не сходило съ вашего языка». Колиньи выказалъ необыкновенный стратегическій талантъ. Лану и Ларошфуко остались охранять Ла-Рошель и успѣшно сражались съ королевскими войсками въ Пуату, а Колиньи въ іюнѣ (1570) отбросилъ съ своей дороги подъ Арнелле-Дюкомъ (нѣсколько выше Невера) маршала Коссе, командовавшего тогда королевской арміей по случаю болѣзни герцога анжуйскаго. Эта побѣда открывала ему путь къ Парижу; онъ шелъ туда, отвергая предложенія правительства заключить миръ съ разрѣшеніемъ для гугенотовъ совершать богослуженіе въ домахъ (но не въ церквахъ). Наученные опытомъ, реформаты требовали себѣ свободы богослуженія по всему государству и того, чтобъ имъ было отдано нѣсколько крѣпостей въ обезпеченіе соблюденія условій мира правительствомъ. Катеринѣ Медичи было непріятно отказаться отъ надеждъ, съ которыми начала она войну; но король хотѣлъ мира; война совершенно разстроивала государство, ослабляла обѣ религіозныя партіи, подвергала Францію опасности попасть въ зависимость отъ короля испанскаго; потому Катерина нашла надобнымъ помириться съ гугенотами. Миновало время ослѣплявшихъ ее успѣховъ Альбы въ Нидерландахъ, положеніе его стало тяжело, результаты его терроризма оказались таковы, что у Катерины исчезла охота подражать ему. Люди умѣреннаго образа мыслей между католиками сблизились между собой, составили партію, такъ называемыхъ «политиковъ», доказывали необходимость вѣротерпимости. Такимъ образомъ правительство рѣшило прекратить войну. Сами Гизы не требовали ея продолженія, потому что не имъ было поручено вести ее. Національное чувство взяло при французскомъ дворѣ верхъ надъ религіознымъ, фамилія Монморанси взяла верхъ надъ Гизами. Благодаря этой перемѣнѣ въ настроеніи двора и недостатку денегъ у правительства былъ въ августѣ 1570 заключенъ въ Сенъ-Жерменѣ миръ, под-

тверждавший права, предоставленные гугенотамъ по амбуазскому дикту, и дававший имъ залогомъ въ обезпеченіе противъ нарушенія этихъ правъ.

Сенъ-жерменскій договоръ, ставшій основаніемъ для всѣхъ переговоровъ о мирѣ въ слѣдующія религіозныя войны, предоставлялъ кальвинистамъ свободу совѣсти и право домашняго богослуженія во всемъ государствѣ, право публичнаго богослуженія въ сельскихъ резиденціяхъ гугенотскихъ вельможъ и дворянъ и въ нѣсколькихъ городахъ каждой провинціи; въ залогъ соблюденія этихъ обѣщаній правительство отдавало гугенотамъ на два года четыре укрѣпленные города: Ла-Рошель, Монтбанъ, Коньякъ и Ла-Шаритѣ. Такимъ образомъ гугеноты пріобрѣли четыре безопасныя пріюта, куда могъ переселяться каждый изъ нихъ подвергающійся притѣсненіямъ на мѣстѣ своего жительства. Король сдѣлалъ теперь эту уступку, которую во время лонжюмосскихъ переговоровъ объявлялъ обидной для себя. Но въ Парижѣ и его окрестностяхъ было запрещено всякое богослуженіе кромѣ католическаго. Такое же запрещеніе было переносимо на всякую мѣстность, въ которую пріѣзжалъ король. Всѣ распоряженія и приговоры во вредъ кальвинистамъ, сдѣланныя во время войны, были отмѣнены, конфискованныя имѣнья были возвращены имъ; за тѣ конфискованныя имущества, которыхъ уже нельзя было возвратить, правительство обязалось выдать вознагражденіе. Кальвинисты получили равное съ католиками право занимать всякія должности и равный съ католиками доступъ въ университеты, всякія другія школы, богадѣльни. Была объявлена амнистія. При тяжбахъ съ католиками кальвинисты получали право устранять изъ числа судей определенное число членовъ рѣшающей дѣло палаты парламента, въ нѣкоторыхъ случаяхъ четырехъ членовъ, въ другихъ шесть или восемь. Но они обязывались по прежнему платить десятину католическому духовенству и соблюдать внѣ своихъ домовъ католическое воспрещеніе работы по праздникамъ.

4. Варооломеевская ночь. Смерть Карла IX.

Еще никогда правительство не дѣлало реформатамъ такихъ большихъ уступокъ, какъ по «вѣчному и неотмѣнимому» сенъ-жерменскому эдикту. Крѣпости, отданныя гугенотамъ, давали имъ самостоятельность. Они могли быть довольны результатами войны. Очень доволенъ былъ ею прекращеніемъ и король; онъ называлъ сенъ-жерменскій договоръ «своимъ» миромъ, онъ имѣлъ надежду, что сталъ теперь могущественнымъ государемъ и воображалъ, что будетъ управлять дѣлами самостоятельно. Ему было теперь 20 лѣтъ; онъ женился на Елизаветѣ, второй дочери императора Максимилиана II (старшая сестра ея Анна, которую прежде сватали за него, была выдана за Филиппа II), онъ и дворъ надѣялись, что политическое преобладаніе въ Европѣ, отнятое у Франціи во время ея междоусобій королемъ испанскимъ, будетъ возвращено ею себѣ. Всѣ народы, угне-

таемые тиранством Филиппа II, всё государства, которымъ угрожалъ онъ, обращали свои надежды на Францію. Но Карлъ IX хилый, болѣзненный, какъ всё сыновья Катерины Медичи, воспитанный при порочномъ дворѣ и рано погрязшій въ развратѣ, истощившемъ его физическія и нравственныя силы, не былъ способенъ къ энергической дѣятельности. Онъ былъ отъ природы не бездаренъ; напротивъ, говорятъ, что онъ имѣлъ быстрое соображеніе, довольно большую проницательность ума, хорошую память; онъ говорилъ бойко и не дурно, любилъ поэзію, уважалъ Ронсара. Но онъ былъ плохо воспитанъ, имѣлъ очень мало знаній, не былъ приученъ къ серьезнымъ занятіямъ. Мать выучила его лицемерить, коварствовать но вспыльчивый характеръ его часто прорывался, такъ что все притворство пропадало понапрасну; въ припадкахъ гнѣва, онъ забывалъ приличія, произносилъ грубыя ругательства. Умственный трудъ былъ непріятенъ ему, но онъ былъ неутомимъ на охотѣ, въ верховой ѣздѣ, въ игрѣ мячемъ, въ танцахъ, любилъ слесарство, имѣлъ слесарную мастерскую во дворцѣ. Многіе историки считали его фанатикомъ; это не совсѣмъ такъ. Правда, онъ ненавидѣлъ реформатовъ, но не столько по религіозному чувству, сколько потому, что его приучили считать ихъ мятежниками и внушили ему, что онъ не можетъ быть королемъ, въ полномъ смыслѣ слова, пока въ государствѣ существуетъ религія, не одинаковая съ его собственной; не принимать ту религію, держаться которой велитъ онъ, это казалось ему дѣломъ ослушанія, а всякое сопротивленіе его волѣ приводило его въ ярость.

Мы говорили, что Карлъ былъ очень доволенъ собою, заключивъ сенъ-жерменскій миръ. Онъ завидовалъ своему брату Генриху, любимцу матери, восхваляемому папистами; теперь Генрихъ утратилъ силу, какую имѣлъ во время войны. Въ государственномъ совѣтѣ уже не владычествовали Гизы, въ немъ преобладала партія политиковъ, вождями которой были Монморанси; ея вліяніемъ была прекращена война, она приобрѣла довѣріе Карла, и онъ давалъ ей все больше и больше вліянія на дѣла. Примѣръ императора Максимилиана II, бывшаго теперь тестемъ Карла, склонялъ его къ мыслямъ о вѣротерпимости; фанатическія увѣщанія папы о томъ, что искорененіе ереси составляетъ священнѣйшую обязанность государя, утратили вліяніе на Карла. По жалобамъ реформатовъ на то, что нѣкоторыя условія мира получаютъ неправильное истолкованіе во вредъ имъ, другія вовсе не исполняются, Карлъ послалъ расположеннаго къ реформатамъ маршала Коссѣ въ Ла-Рошель, гдѣ были тогда королева наваррская, ея сынъ, принцъ Конде и Колиньи, чтобъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ ними по этимъ жалобамъ; депутація гугенотовъ, главными членами которой были Лану и Шелиньи, тестъ Колиньи, была принята Карломъ очень любезно. Онъ велѣлъ наказывать католиковъ, позволявшихъ себѣ въ нѣкоторыхъ городахъ обижать гугенотовъ;

по его желанію были смягчены суровые приговоры парламентовъ противъ кальвинистовъ; онъ велѣлъ съ точностью исполнять всѣ условія мира, дозволилъ кальвинистскимъ проповѣдникамъ изъ всей Франціи собраться на такъ называемый синодъ (съѣздъ для рѣшенія дѣлъ по церковной администраціи), дозволилъ Безѣ быть предсѣдателемъ этого синода. При дворѣ возникъ проектъ выдать Маргарету, младшую сестру короля, красавицу, даровитую, но легкомысленную дѣвушку, за Генриха наваррскаго, чтобъ упрочить примиреніе съ Катериной Медичи и королемъ. Катерина согласилась на этотъ проектъ.

Многіе историкъ говорили, что любезность двора къ гугенотамъ была только коварнымъ притворствомъ, что дворъ хотѣлъ успокоить ихъ ею, чтобы тѣмъ успѣшнѣй истребить ихъ въ расплохъ, что замыселъ убійства, произведеннаго въ Варооломеевскую ночь, былъ составленъ за долгое время до нее, что дворъ заманивалъ гугенотскихъ вельможъ и дворянъ въ Парижъ съ намѣреніемъ перерѣзать ихъ, что Варооломеевская ночь была результатомъ байоннскаго свиданья, исполненіемъ совѣта Альбы убить вождей гугенотскаго мятежа. Это мнѣніе едва ли справедливо. Карлъ IX не былъ способенъ дѣйствовать по зрѣло обдуманному плану, онъ былъ человѣкъ вспыльчивый, дѣлавшій въ ярости буйства и злодѣйства и снова впадавшій въ апатію; у него не было ни дальновиднаго ума, ни твердой воли. Говорятъ, что умыселъ заманить гугенотовъ въ Парижъ и перерѣзать ихъ принадлежалъ не Карлу, а его матери, которую считаютъ обладавшей всѣми качествами, нужными для исполненія совѣтовъ Макиавелли, рекомендующаго пріобрѣтать и упрочивать власть вѣроломствомъ, коварствомъ, злодѣйствами; говорятъ, что она была безсовѣстна и безжалостна. Если и дѣйствительно такъ, то должно разсмотрѣть, какой же пользы могла она ожидать отъ своего коварнаго замысла, для чего было ей нужно истребить гугенотскихъ вельможъ и дворянъ. Изъ всѣхъ ея дѣйствій до Варооломеевской ночи видно, что фанатизмъ вовсе не былъ мотивомъ ея политики, что во всѣхъ своихъ поступкахъ она руководилась холодными соображеніями о собственномъ интересѣ и выгодахъ своихъ дѣтей. А при такихъ цѣляхъ не было ей разчета отдавать себя во власть папистовъ и короля испанскаго. Въ бурныя времена, когда люди глубоко взволнованы, они дѣйствуютъ больше по инстинктивнымъ порывамъ, по впечатлѣніямъ минуты, чѣмъ по обдуманнымъ планамъ. Масса французскаго народа была непріязненна гугенотамъ, ихъ сектантская замкнутость, ихъ гордость чистотою своей нравственности, ихъ рѣзкія порицанія католическому богослуженію, обряды котораго называли они суевѣріемъ, ихъ пренебреженіе къ монахамъ—все это раздражало противъ нихъ народъ, а войны, въ которыхъ много католиковъ было убито ими, возбуждали желаніе отмстить имъ; монахи проповѣдывали искорененіе ереси, тому же учили на исповѣди. При такомъ раздраженіи масса націи не могла допустить равноправности, предоставленной гугенотамъ; народъ готовъ былъ броситься на нихъ, рѣзать ихъ по первому сигналу отъ правительства.

Мы говорили, что по заключеніи мира преобладало при дворѣ вліяніе маршала Монморанси, его родственниковъ и партіи политиковъ; они желали разорвать союзъ съ королемъ испанскимъ и папой, дать самостоятельность французской политикѣ во внѣшнихъ дѣлахъ. Кар-

лу было досадно, что Франція въ европейской политикѣ играетъ роль исполнительницы инструкцій, даваемыхъ королемъ испанскимъ; Карлу хотѣлось слѣдовать примѣру дѣда и отца, бороться съ Габсбургами за первенство. Для этого необходимо было вступить въ союзъ съ врагами Филиппа II, нидерландцами и Елизаветой англійской. На перекоръ увѣщаніямъ папы, французское правительство начало въ Лондонѣ переговоры о томъ, чтобы Елизавета отдала свою руку Генриху анжуйскому; когда это сватовство разстроилось, французскій дворъ предложилъ въ женихи Елизаветѣ герцога алансонскаго, третьяго сына Катерины Медичи. Этотъ бракъ долженъ былъ служить залогомъ примиренія французскаго правительства съ реформатами въ его собственномъ государствѣ и за границей. Паписты составили, какъ мы говорили, планъ, чтобы побѣдитель въ лепантской битвѣ, Донъ Хуанъ, былъ посланъ освободить плѣнную Марію Стюартъ и женившись на ней покорилъ Англію; предложеніе Елизаветѣ выйти за герцога анжуйскаго было явнымъ знакомъ, что французскій дворъ хочетъ вступить въ борьбу съ королемъ испанскимъ и съ папой. Въ Луврѣ шли разсужденія о томъ, не слѣдуетъ ли воспользоваться междоусобіемъ въ Нидерландахъ, чтобы присоединить ихъ къ французскому королевству или образовать изъ нихъ государство для младшей линіи французской династіи. Мы говорили, что французскіе волонтеры ходили въ Геннегау сражаться съ Альбой; правительство рассчитывало, что если поддержать ихъ, то они проложатъ путь къ пріобрѣтенію Нидерландовъ для французской династіи. Карлъ съ почетомъ принялъ Людовика нассаускаго, далъ ему интимную аудіенцію, обѣщалъ помогать старшему брату, Вильгельму оранскому. Гугеноты, находившіеся въ дружбѣ съ Вильгельмомъ и нидерландскими патріотами, могли стать превосходнымъ орудіемъ для замѣны испанскаго владычества надъ Нидерландами французскимъ. Они желали идти во Фландрію, въ Брабантъ на помощь Вильгельму. Особенно полезно могло стать французскому правительству содѣйствіе Колиньи, уважаемаго всѣми реформатами Европы, пользовавшагося довѣріемъ нидерландскихъ патріотовъ. Флорентійскій посланникъ Петруччи, интимный совѣтникъ Катерины Медичи, дружный съ гугенотами, взялъ на себя переговоры съ Колиньи, чтобы онъ пріѣхалъ къ двору. Посланникъ великаго герцога тосканскаго въ Римѣ убѣждалъ папу одобрить проектъ бракосочетанія Маргареты съ Генрихомъ наваррскимъ; но Пій V упрямо порицалъ эту мысль и говорилъ, что королю не слѣдуетъ допускать къ себѣ Генриха и Колиньи, пока они не отрекутся отъ ереси. Друзья предостерегали Колиньи, совѣтовали ему не ѣхать въ Парижъ, говорили о ненависти парижскихъ простолудиновъ къ еретикамъ, о невозможности довѣряться коварному двору, при которомъ онъ имѣетъ столько явныхъ и тайныхъ враговъ; но Колиньи, съ любовью вспоминав-

шій о годахъ, когда воевалъ съ испанцами, о своей геройской оборонѣ Сень-Кантена, страстно желавшій идти въ Нидерланды отмстить Филиппу и Альбѣ, пренебрегъ предостереженіями, принялъ приглашеніе короля, поѣхалъ склонять его къ войнѣ съ испанскимъ тиранномъ, къ рѣшенію послать помощь нидерландцамъ. Адмиралъ пріѣхалъ въ Парижъ въ сентябрѣ 1571, король принялъ его съ величайшимъ уваженіемъ; Гизы негодовали, видя, что ихъ врагъ, имя котораго еще недавно было прибито къ висѣлицѣ, постоянно ѣздитъ бесѣдовать съ королемъ; Карлъ строго запретилъ парижанамъ оскорблять гугенотовъ, далъ Колиньи отрядъ тѣлохранителей, попросилъ его составить записку о войнѣ съ Испаніей, называлъ его своимъ отцомъ, спрашивалъ его мнѣнія о способностяхъ и добросовѣстности членовъ своего совѣта, разсуждалъ, что если французы не помогутъ нидерландцамъ, то помогутъ англичане, Нидерланды попадутъ подъ ихъ вліяніе, и это будетъ очень опасно для Франціи, послалъ графа Шомберга склонять нѣмецкихъ государей къ союзу съ Франціей, вербовать въ Германіи наемниковъ. Министры Карла медлили одобрить проектъ войны; старикъ Колиньи, съ юношеской горячностью желавшій поскорѣе начать ее, досадовалъ на ихъ нерѣшительность, но не сомнѣвался, что французскій патріотизмъ, политическій интересъ, желаніе возвратить Франціи преобладаніе въ Европѣ восторжествуютъ въ душѣ короля надъ всѣми возраженіями, мечталъ о побѣдахъ, которыя одержитъ надъ испанцами, говорилъ, что легко будетъ присоединить къ Франціи Артуа и Фландрію.

Осторожная королева наваррская не устояла противъ приглашеній короля и Катерины Медичи; она угадывала, что цѣль приглашенія—желаніе опутать ея сына лестью, какъ опутанъ былъ ея мужъ, убѣдить его принять католичество; но она разсчитывала, что сынъ останется твердъ, что въ такомъ случаѣ женитьба на сестрѣ короля дастъ ему силу охранять своихъ единовѣрцевъ. Въ этой надеждѣ она весною поѣхала съ своимъ сыномъ, принцемъ Кондѣ, и многочисленной свитой гугенотскихъ дворянъ къ двору, жившему тогда въ Блуа; была принята съ почестями, и въ маѣ переѣхала съ дворомъ въ Парижъ. Не задолго передъ тѣмъ умеръ Пій V, приславшій въ послѣднее время легата Алессандрино и іезуитскаго генерала Борджію, убѣждать Катерину Медичи и короля, чтобы они не выдавали Маргарету за еретика. Черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ въ Парижъ, королева наваррская умерла отъ воспаленія легкихъ (9 іюня 1572), а за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ кардиналъ Шатильонъ, ѣздившій вести переговоры съ Елизаветой, внезапно умеръ на обратномъ пути. При ненависти католическихъ фанатиковъ къ еретикамъ естественно возникло у гугенотовъ предположеніе, что Шатильонъ и королева наваррская были отравлены. Молва говорила, что королева наваррская умерла отъ ядовитаго дѣйствія отравленныхъ перчатокъ,

доставленныхъ ей придворнымъ парфюмеромъ. Гугеноты потеряли въ ней крѣпкую опору, потому что она была непоколебима въ преданности вѣроученію, воспринятому ею отъ матери; она воспитала въ немъ обоихъ своихъ сыновей; обыкновеннымъ обществомъ ея были кальвинистскіе священники; отъ постоянныхъ бесѣдъ съ ними ея мысли и разговоры получили богословскій оттѣнокъ; жизнь ея была безукоризненна,—обстановка жизни проста. Подобно Кальвину она выразила желаніе, чтобъ ее похоронили безъ всякой пышности. Смерть королевы наваррской заставила нѣсколько отстрочить бракъ ея сына съ Маргаретой. Невѣста не любила жениха: она любила герцога Гиза, молодого красавца, и считала себя жертвой политическаго разчета.

Въ эти недѣли отсрочки свадьбы произошла въ настроеніи двора переменѣна. Гизовъ не было тогда въ Парижѣ: кардиналъ лотарингскій уѣхалъ въ Римъ, участвовать въ выборѣ папы; другіе Гизы жили въ своихъ имѣніяхъ; Катерины Медичи тоже не было въ Парижѣ,—она уѣхала въ Лотарингію навѣстить свою старшую дочь. Давняя непріязнь ея и короля къ Филиппу II была увеличена теперь досадой на надменность его посланника Алавы, державшаго себя такъ оскорбительно, что правительству пришлось требовать, чтобы Филиппъ отозвалъ его; Филиппъ не хотѣлъ, но принужденъ былъ уступить требованію. Отношенія короля къ Колиньи становились все интимнѣе: Карлу нравился старикъ, сохранившій юношескую энергію, внушавшій почтеніе благородствомъ характера, нравственною чистотой въ эпоху глубокой испорченности нравовъ, горячій патріотъ, страстно желавшій блага и славы отечеству. Карлъ еще ничего не сдѣлалъ ни для своей славы, ни для пользы націи, былъ до сихъ поръ игрушкою въ чужихъ рукахъ. Теперь онъ видѣлъ перваго человека, который указываетъ ему высокую цѣль и путь къ ея достиженію, къ установленію мира между французами, къ тому, чтобъ обратить силы націи на увеличеніе могущества государства, на пріобрѣтеніе славы королю. Мысль о войнѣ съ Испаніей, о присоединеніи Нидерландовъ къ Франціи овладѣвала душой Карла. Онъ оказывалъ тайное содѣйствіе вторженію гугенотскихъ волонтеровъ въ Нидерланды, одобрилъ переговоры, начатые Колиньи съ Вильгельмомъ оранскимъ и другими вождями нидерландскихъ патріотовъ, обѣщалъ имъ помощь Франціи. Война съ Испаніей занимала всѣ мысли Колиньи; онъ пытался черезъ гугенотовъ, эмигрировавшихъ въ южную Америку, поднять даже и тамъ войну противъ Филиппа. Теперь ему казалось, наступало время борьбы Франціи съ ненавистнымъ ему представителемъ фанатизма и тиранніи, Филиппомъ II.

Но ходъ событій пошелъ другимъ путемъ. Катерина Медичи и Гизы возвратились въ столицу; они нашли, что готовится война съ Испаніей, что Карлъ руководится совѣтами Колиньи, что управленіе

дѣлами переходить въ руки этого интимнаго совѣтника короля. Катерина Медичи возненавидѣла Колиньи, отнимающаго у нея власть; она и Гизы имѣли сильные доводы противъ его плана войны съ Испаніей; борьба съ могущественнѣйшимъ изъ европейскихъ государей, располагавшимъ всѣми силами всѣхъ папистовъ, могла быть выставлена слишкомъ опасной для Франціи, ослабленной раздорами. Альба еще держалъ Нидерланды въ покорности. Пошедши на него, французскіе волонтеры были 17 іюля разбиты подъ Монсомъ. Елизавета давала понять, что французская власть на фламандскомъ берегу кажется ей опаснѣе испанской, что она не согласится на эту перемѣну; переговоры съ султаномъ кончились тѣмъ, что французскій посланникъ въ Константинополѣ, Ноаль, прислалъ настойчивый совѣтъ не нападать на Испанію. Содѣйствіе нѣмецкихъ государей было сомнительно. Въ казнѣ не было денегъ. Послѣ совѣщаній въ двухъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта (6 и 9 августа) было рѣшено не нарушать миръ. Колиньи горячо и краснорѣчиво защищалъ свое мнѣніе; но королева и герцогъ анжуйскій высказались противъ него. Въ досадѣ онъ отвѣчалъ, что онъ и его друзья не остановятся отказомъ правительства отъ войны, пойдутъ на Альбу и что если король уклоняется отъ войны, обѣщающей выгоду ему, то можетъ вспыхнуть другая, отъ которой нельзя будетъ ему уклониться. Катерина увидѣла въ этихъ словахъ угрозу новымъ возстаніемъ гугенотовъ, ей сталъ страшенъ Колиньи. Обольстить этого прямодушнаго, твердаго человѣка было нельзя; Катеринѣ показалось надобнымъ уничтожить страшнаго врага коварно подготовленной смертью.

На родинѣ Катерины Медичи убійство было обыкновеннымъ средствомъ избавиться отъ опаснаго противника. Кромѣ политическихъ мотивовъ у Катерины Медичи была и личная злоба на Колиньи: она не могла забыть его нападенія на дворъ въ Мо. Вдова герцога Франсуа Гиза, бывшая теперь герцогиней немурской, была тоже итальянка, принцесса Эсте. Кровь ея мужа оставалась еще не отмщена. Гизы, не смотря на наружное примиреніе, не забывали, что Колиньи считался виновникомъ или соучастникомъ убійства Франсуа Гиза подъ Орлеаномъ. Одинаковость интересовъ и чувствъ сблизила ихъ и Катерину Медичи. Прежде бывали между ними ссоры по соперничеству за власть, теперь они имѣли общаго врага. Герцогъ анжуйскій и папскій нунцій Сальвіати были приглашены въ соучастники ихъ замысла; они рѣшили убить Колиньи. Катерина Медичи не возражала противъ брака Маргареты съ Генрихомъ Бурбономъ, королемъ наваррскимъ. Папа пересталъ тоже возражать; говорятъ, что это было результатомъ сообщенія отъ нунція о готовящемся важномъ событіи. У Катерины были два главные соображенія; примиреніе партій правило ей, подъ условіемъ, чтобы власть осталась въ ея рукахъ и чтобы не было войны съ Испаніей; но для этого необходима была,

по ея мнѣнію, смерть Колиньи; потому-то, рѣшившись убить вождя гугенотовъ, она одобряла женитьбу ихъ представителя на ея дочери. Генрихъ и Маргарета были повѣнчаны 17 августа, и начались свадебные праздники. Колиньи 22 августа, возвращаясь изъ Лувра, ѣхалъ мимо дома, принадлежащаго Гизамъ; изъ окна, задернутаго занавѣсью, выстрѣлилъ въ адмирала наемный убійца, Моревель; пуля только поранила руку Колиньи; раненаго отвезли домой, Моревель имѣлъ время скрыться. «Если-бъ адмиралъ умеръ въ ту же минуту», писалъ папскій нунцій, «то не стали бы убивать другихъ; но такъ какъ онъ не умеръ и Катерина опасалась большой бѣды, то она посовѣтовалась съ королемъ, и они рѣшили отбросить стыдъ и убить его вмѣстѣ съ другими». Этотъ рассказъ по всей вѣроятности правильно передаетъ истинный ходъ дѣла. Катерина хотѣла убить только того человѣка, который былъ ненавистенъ ей, отнималъ у ней власть, увлекалъ государство въ войну съ королемъ испанскимъ. Относительно другихъ вождей гугенотской партіи она надѣялась, что жизнь при дворѣ соблазнить ихъ и они мало по малу бросятъ кальвинизмъ, сдѣлаются хорошими придворными. Но выстрѣлъ въ Колиньи не убилъ его, а только ранилъ, это сдѣлало необходимою принять рѣшеніе болѣе широкое. Опасность для людей, желавшихъ убійствомъ избавиться отъ Колиньи, стала больше прежней; король, услышавъ о попыткѣ убить Колиньи, вскрикнулъ съ гнѣвомъ: «Чтожь! или никогда не дадутъ мнѣ покоя?»—разразился угрозами противъ Гизовъ, велѣлъ произвести строгое слѣдствіе о покушеніи на убійство адмирала. Гугенотскіе дворяне, которыхъ очень много съѣхалось въ Парижъ на свадебные праздники, требовали наказанія виновнымъ, говорили, что виновные занимаютъ очень высокія положенія; они хотѣли немедленно уѣхать изъ Парижа, взять съ собой Колиньи; только по довѣрію къ обѣщаніямъ короля они оставили это намѣреніе, которое, вѣроятно, повело бы къ новому междоусобию. Для лучшей охраны раненаго были даны имъ помѣщенія близъ дома, гдѣ жилъ онъ. Карлъ самъ, въ сопровожденіи матери и братьевъ, пріѣхалъ къ Колиньи, повторилъ увѣреніе, что строжайшимъ образомъ накажетъ виновныхъ. Говорятъ, при этомъ посѣщеніи адмиралъ шопотомъ убѣждалъ короля взять въ свои руки управленіе дѣлами, захваченное его матерью и ея союзниками. Катерина понимала, что если Колиньи выздоровѣетъ отъ раны, она утратитъ всякое вліяніе, враги ея восторжествуютъ. Она рѣшилась не отступать ни передъ чѣмъ для сохраненія власти. Гордость, мщеніе, фанатизмъ дѣлали ее безпощадной. Она собрала къ себѣ своихъ друзей; на это совѣщаніе были приглашены ею Гизы, герцогъ анжуйскій, хранитель большой печати, итальянецъ Бираго, другой итальянецъ Людовикъ Гонзага, герцогъ неверскій, Альберъ Гонди, герцогъ Ресъ (Retz), и маршалъ Таваннъ; всѣ они были горячіе паписты. Результатомъ совѣщанія

было рѣшеніе, что для безопасности королевы-матери и государства необходимо убить вождей гугенотской партіи. Оставалось только получить согласіе короля; исполненіе дѣла можно было съ увѣренностью предоставить фанатизму парижскаго простолюдинъ, цеховъ и другихъ корпорацій его.

Такъ было рѣшено то, что стало называться Вартоломеевскою ночью. Вечеромъ 23 августа королева-мать съ нѣкоторыми изъ соучастниковъ ея рѣшенія пошла къ королю, настойчиво объяснила, что гугеноты хотятъ по поводу выстрѣла въ Колинъ поднять новое возстаніе, что теперь ихъ угрозы направляются ужъ не противъ королевскихъ совѣтниковъ, а противъ ея самой и другихъ членовъ королевской фамиліи, что они хотятъ низвергнуть престолъ и церковь; что адмиралъ вербуетъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, гугенотскіе дворяне въ провинціяхъ собираютъ отряды, хотятъ, какъ однажды ужъ было, идти на Парижъ; что вѣрные подданные католики, раздраженные возстаніями гугенотовъ, ихъ враждой къ церкви, рѣшились приняться за дѣло сами, не дожидаясь короля, хотятъ образовать лигу, выбрать ея главнокомандующимъ надежнаго человѣка, что тогда король увидитъ себя лишеннымъ всякой власти, одинокимъ между двумя лагерями воюющихъ партій, что только смерть адмирала и нѣкоторыхъ другихъ гугенотскихъ вождей можетъ избавить государство отъ междоусобія, престолъ отъ паденія, что теперь можно исполнить это безъ всякой опасности для себя, но если дать льву вырваться изъ клѣтки, то онъ надѣлаетъ ужасныхъ опустошеній; что уже назначенъ день, къ которому гугенотскія войска должны собраться въ Меленъ. Соумышленники, приведенные королевой-матерью, подтвердили ея слова; но король цѣлый часъ отказывался дать свое согласіе. Мать и братъ грозили уѣхать изъ Парижа, онъ все еще отвергалъ ихъ требованіе, наконецъ Катерина взяла, какъ всегда, верхъ, убѣдила Карла принять ея мнѣніе; съ обыкновеннымъ своимъ восклицаніемъ «Клянусь смертью Божіей!» Карлъ сказалъ, что пусть убьютъ адмирала, въ порывѣ своего бѣшенства прибавилъ, что надобно убить всѣхъ гугенотовъ, чтобъ не осталось никого дѣлать упреки; взволнованный пошелъ изъ зала и сталъ отдавать приказанія; поручилъ исполненіе дѣла Гизамъ и своему побочному брату, герцогу ангулемскому. Они отправились переговорить съ купеческимъ старшиной (городскимъ головой парижскимъ) Шаррономъ и съ его мѣстникомъ въ этой должности Марселемъ, поручили имъ поднять народъ; вся надежда Гизовъ и королевы матери была на фанатизмъ парижскаго простолюдинъ. Гизы и герцогъ ангулемскій велѣли раздать оружіе парижскимъ милиціонерамъ, запереть ворота города, распредѣлили между собой роли. Королева-мать рѣшила пощадить только Бурбоновъ, короля наваррскаго и принца Кондэ; нѣкоторые хотѣли убить съ гугенотами и всѣхъ Монморанси; но старшаго изъ Монмо-

ранси не было тогда въ Парижѣ; потому мысль убить его братьевъ была отброшена: иначе онъ поднялъ бы возстаніе. Катерина Медичи говорила впоследствии, что беретъ на свою душу кровь только шести убитыхъ, но главная виновница всего убійства была она, потому что она вытребовала у короля приказаніе, давшее волю фанатизму черни; границъ дѣйствию этого фанатизма нельзя было опредѣлить; онъ произвелъ тѣ ужасы, которые называются Варооломеевской ночью, составляютъ одну изъ самыхъ черныхъ страницъ въ исторіи Франціи и ставятъ имя Карла IX въ одинъ рядъ съ именами Суллы, Маріи, Нерона, Домиціана.

Распоряженія объ исполненіи рѣшеннаго были сдѣланы съ сатанинской обдуманностью и ловкостью. Поставленнымъ у дворца швейцарскимъ и французскимъ тѣлохранителямъ короля было сказано, что гугеноты составили заговоръ убить короля и что онъ хочетъ предупредить исполненіе ихъ умысла, отвратить опасность убійствомъ ихъ. Городская милиція и вооруженныя толпы черни взялись помогать тѣлохранителямъ; для того, чтобъ узнавать другъ друга, католики сдѣлали себѣ бѣлую перевязь на рукавѣ и нашили крестъ на шляпы. Въ 12 часовъ ночи съ субботы на воскресенье 24 августа (1572 года) раздался набатный звонъ съ колокольни Сенъ-Жерменской церкви, сигналъ начинать дѣло; толпы убійцъ ринулись въ тѣ кварталы, гдѣ жили гугеноты; эти вооруженныя массы вламывались въ дома, убивали гугенотовъ въ ихъ жилищахъ, убивали убѣгавшихъ на улицахъ. Колинъи былъ первой жертвой; Гизы и герцогъ ангулемскій сами отправились распорядиться его убійствомъ. Когда убійцы ворвались въ его комнату, онъ читалъ объясненія Кальвина на книгу Іова. Они закололи его; онъ еще дышалъ, когда они подтащили его къ окну и выбросили во дворъ, гдѣ стояли Гизы и герцогъ ангулемскій; онъ охватилъ лѣвой рукой колонну и держался; ему нанесли новые удары, онъ потерялъ сознаніе, упалъ уже недышащій къ ногамъ Гизовъ. Отрубили голову убитаго, поволокли тѣло по улицамъ, привязали на висѣлицу. Черезъ нѣсколько времени Монморанси выпросилъ разрѣшеніе снять тѣло съ висѣлицы, похоронить въ фамильной гробницѣ Шатильоновъ.

Когда былъ убитъ Колинъи, толпы убійцъ подъ предводительствомъ Гизовъ, герцога неверскаго, Таванна, Монпансье ринулись убивать другихъ гугенотовъ; одушевляемые криками, что король велитъ убивать заговорщиковъ, они ходили по всему городу, оставляя за собой груды тѣлъ въ домахъ, по улицамъ, на мостахъ. Всѣ храбрые сподвижники адмирала, всѣ вѣрные приверженцы принцевъ крови, приѣхавшіе въ Парижъ на свадьбу Генриха Бурбона — Ларошфуко, Телиньи, Брикмонъ, Лафорсъ, другіе вельможи и дворяне были зарѣзаны безоружные, поплатились жизнью за довѣріе къ приглашенію короля. Въ самомъ дворцѣ Карла IX были зарѣзаны дворяне свиты

Генриха наваррскаго. Безстыжія дамы и дѣвушки придворнаго шта-та любовались на красоту обнаженныхъ убитыхъ. Фанатизмъ и лич-ная злоба свирѣпствовали съ коварствомъ и безчеловѣчіемъ, другой примѣръ которому едва ли найдется въ исторіи. На узкихъ улицахъ тогдашняго Парижа раздавался непрерывный трескъ ружейныхъ вы-стрѣловъ, сверкали шпаги и кинжалы, ревѣлъ крикъ убійць, хри-пѣли стоны умирающихъ. Толпы черни подъ предводительствомъ вельможъ врывались въ дома, кололи и рѣзали безоружныхъ, гна-лись за убѣгающими. Говорятъ, что самъ король стрѣлялъ съ бал-кона или изъ окна Лувра въ бѣгущихъ гугенотовъ и ободрительны-ми криками возбуждалъ чернь къ убійству. При безумной горячности его въ часы раздраженія это очень вѣроятно.

Въ Варѳоломеевскую ночь и три слѣдующіе дня въ Парижѣ было убито никакъ не меньше, вѣроятно, больше 2.000 человѣкъ. Многіе безсовѣстные люди пользовались безнаказанностью злодѣйствъ въ эти дни, чтобъ убивать своихъ личныхъ враговъ. Такъ на примѣръ преобразователь университетска-го преподаванія Тьеръ Ла-Раме (или какъ его обыкновенно называютъ по латинизированной формѣ имени, Петръ Рамъ), спрятавшійся отъ черни, былъ отысканъ другимъ профессоромъ, Шарпантье, невѣжество котораго онъ изобличалъ; нашедши его, Шарпантье выдалъ наемнымъ убійцамъ. Лишь немногіе изъ гугенотскихъ вождей уцѣлѣли. Карлъ IX послѣ долгаго совѣ-щанія съ матерью и братомъ, герцогомъ анжуйскимъ, рѣшилъ пощадить короля наваррскаго и принца Конде, увелъ ихъ отъ убійць въ свой ап-партаментъ и далъ имъ жизнь подъ условіемъ, что они отрекутся отъ ере-си, которая уже не будетъ терпима во Франціи. Принцъ Конде, какъ и Генрихъ наваррскій, былъ еще юноши; они оробѣли и отреклись.—Мон-гомери, нанесшій на турнирѣ смертельную рану Генриху II, успѣлъ уйти въ эти дни отъ убійць, но вскорѣ послѣ того былъ схваченъ и казненъ, какъ мятежникъ. Катерина Медичи не отказала себѣ въ удовольствіи смо-трѣть на его казнь.—То, что произошло въ Парижѣ, было повторено по всему государству. Курьеры, передавая пзустныя приказанія короля, ска-кали изъ Парижа по всеѣмъ дорогамъ. Лишь немногіе изъ областныхъ и городскихъ правителей имѣли мужество отвѣчать, что они не убійцы. Въ Мо, Орлеанѣ, Анжерѣ, Труа, Буржѣ, Ла-Шарите, Ліонѣ, Тулузѣ, Руанѣ, многихъ другихъ городахъ фанатизмъ произвелъ такія же звѣрства, какъ въ Парижѣ. По наименьшему счету число убитыхъ гугенотовъ было 20.000. Въ Ліонѣ былъ убитъ Клодъ Гудимель, написавшій мелодіи къ псалмамъ Безы и Маро. Даже когда правительство велѣло прекратить убійства, оны возобновлялись; долго нельзя было обуздать злобу фанатизма, вызванную къ дѣйствию правительствомъ.

Катерина Медичи и ея совѣтники сначала хотѣли выставить зло-дѣйства Варѳоломеевской ночи дѣломъ фамильнаго мщенія Гизовъ Шатильонамъ. Но нельзя было скрыть, что приказанія отдавалъ самъ король; потому рѣшено было возвратиться къ вымыслу о заговорѣ гугенотовъ. Въ торжественномъ засѣданіи парижскаго парламента Карлъ объявилъ, что Колigny и его сообщники имѣли намѣреніе истребить всю династію Валуа, чтобы сдѣлать королемъ гугенота,

что онъ принужденъ былъ употребить крайнія мѣры для предотвращения гибели своей династіи и что онъ повелѣваетъ парламенту начать процессъ по дѣлу о преступномъ замыслѣ Колиньи и его сообщниковъ. Въ такомъ же видѣ было изложено дѣло въ манифестахъ, разосланныхъ по государству. Въ нихъ говорилось, что гугеноты наказаны смертью за преступный заговоръ. Правительство объявило, что эдиктъ вѣротерпимости сохраняетъ свою силу относительно тѣхъ послѣдователей реформатскаго ученія, которые будутъ держать себя мирно, но что общественное кальвинисское богослуженіе воспрещается. Иностраннымъ правительствамъ дѣло было представляемо въ неодинаковомъ видѣ, каждому сообразно его религіознымъ правиламъ. Королю испанскому и папѣ Карль IX сообщилъ, что велѣлъ убивать гугенотовъ, какъ враговъ церкви, и ставилъ это въ честь себѣ. Елизаветѣ и Максимилиану II дѣло было изложено въ такомъ видѣ, что гугеноты хотѣли начать новое междоусобіе, и для предотвращения его правительство предоставило Гизамъ свободу дѣйствія. Это двоедушіе было почти также отвратительно, какъ то гнусное дѣло, которое оправдывалось имъ. Въ Парижѣ было совершено благодарственное молебствіе Богу, избавившему государство и короля отъ гибели, и успокоивая уцѣлѣвшихъ гугенотовъ лживыми обѣщаніями безопасности, правительство казнило захватываемыхъ имъ мнимыхъ заговорщиковъ.

Впечатлѣнія, произведенныя извѣщеніями французскаго правительства о событіяхъ Вароломеевской ночи, были такъ же не одинаковы, какъ и эти сообщенія. Филиппъ II, никогда не улыбавшійся, радостно улыбнулся при этомъ извѣстіи: убійство гугенотовъ избавляло его отъ опасности войны съ Франціей. Переговоры съ гугенотами объ этой войнѣ были, какъ увѣряло его французское правительство, только средствомъ обольстить ихъ, чтобы тѣмъ легче истребить; онъ принялъ или сдѣлалъ видъ, будто принялъ это объясненіе за правду и хвалилъ искусство, съ какимъ были обмануты гугеноты, предложилъ свою помощь для совершеннаго истребленія ереси. Альба тоже радовался, надѣясь, что Франція будетъ теперь вполне слѣдовать испанской политикѣ; но ему не нравилось, что французское правительство дало народу волю дѣйствовать. Еще больше была радость въ Римѣ. Кардиналъ лотарингскій, жившій тогда тамъ, далъ 100 дукатовъ курьеру, который привезъ ему извѣстіе объ убійствѣ гугенотовъ. Григорій XIII, сдѣлавшійся папой незадолго передъ тѣмъ, отпраздновалъ извѣстіе о побѣдѣ церкви благодарственнымъ молебствіемъ, съ торжественной процессіей и увѣковѣчилъ картиной и медалью славное дѣло, которымъ ознаменовалось начало его управленія церковью. Совершенно иное впечатлѣніе было произведено этимъ дѣломъ на протестантовъ. Въ тѣ времена религіозныхъ преслѣдованій люди были привычны къ свирѣпостямъ; но такого ужаснаго дѣла еще не бывало. Само правительство возбудило чернь убивать безоружныхъ согражданъ—этого еще никогда не случалось. Въ это время французскій дворъ хлопоталъ о доставленіи польскаго престола Генриху анжуйскому, потому упорно продолжалъ ту ложь, будто убійство гугенотовъ было не истребленіемъ еретиковъ, а дѣломъ обороны отъ заговорщиковъ, враговъ монархическаго правленія. Монлюкъ, епископъ ва-

ланскій, посланный въ Польшу, увѣрялъ въ этомъ поляковъ; Шомбергъ, нѣмецъ, бывшій на французской службѣ, объѣзжалъ дворы нѣмецкихъ протестантскихъ государей, стараясь возстановить ихъ прежнюю дружбу съ Франціей; особенно хлопоталъ онъ при дворахъ курфирстовъ пфальцскаго и саксонскаго. Продажные писатели составляли по найму лживые рассказы въ извиненіе Варѣоломеевской ночи. Шарпантье, называвшій себя кальвинистомъ, ѣздившій въ Женеву и жившій тамъ у Безы, написалъ теперь и напечаталъ письмо къ одному изъ тогдашнихъ филологовъ Порту, доказывая, что король не хотѣлъ стѣснять свободу совѣсти реформатовъ, но что между ними существовала политическая партія, отъ которой отвращались частные реформаты, что люди этой партіи, руководимые атеистомъ, живущимъ въ Швейцаріи, говорили даже объ убійствѣ короля, что когда мѣра ихъ преступности исполнилась, они нашли наказаніе себѣ и увлекли съ собою въ погибель много невинныхъ. Портъ въ своемъ отвѣтѣ заклеилъ лжеца позоромъ; но дворъ радовался, что изъ среды гугенотовъ послышался голосъ въ его пользу и распространялъ письмо Шарпантье по Англіи и Германіи. Скоро явились и другіе защитники правительства: Дюфоръ де Пибракъ (богословъ бывшій на тридентскомъ соборѣ) написалъ изящной латинью апологію королевской фамиліи, искажая факты; величайшій юристъ того времени, Куяцій (Кюжасъ) обезславилъ себя лживымъ такимъ же памфлетомъ; краснорѣчивый Муретъ (Мюре) написалъ панегирикъ Карлу IX, очищавшій церковь и короля отъ всякаго упрека за Варѣоломеевскую ночь. Ни одно изъ этихъ сочиненій не осталось безъ отвѣта. Гугеноты, бѣжавшіе изъ Франціи, возвышали голосъ противъ клеветы; опровергали ее и другіе протестанты, такъ что полемическая литература по поводу Варѣоломеевской ночи составляетъ большую массу.

Скоро оказалось, что слѣпое мщеніе дурной совѣтницъ. Династія Валуа погубила себя Варѣоломеевской ночью; религіозная вражда, вновь пробужденная ею, нанесла французскому народу тяжелыя раны, отъ которыхъ очень долго не могъ онъ исцѣлиться. Злодѣйство не достигло своей цѣли: въ первомъ ужасѣ многіе гугеноты бѣжали изъ обогрѣнной кровью родной страны въ Швейцарію, Пфальцъ, Нидерланды; нѣкоторые малодушные, запуганные іезуитами и другими монахами, притворились принявшими католичество; но огромное большинство реформатовъ сохранило непоколебимую твердость. Они ушли въ крѣпости и замки южной Франціи, рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ, поклялись погибнуть въ бою, и не дать убійцамъ рѣзать ихъ безоружныхъ. Въ замкахъ Севенскихъ горъ, въ горныхъ частяхъ Лангедока, въ Ла-Рошели, Нимѣ, Монтобанѣ, Сансеррѣ, городахъ сильно укрѣпленныхъ, извѣстіе о произведенныхъ по приглашенію правительства убійствахъ сдѣлало гражданъ героями, которыхъ не могли одолѣть войска правительства. Какъ въ Германіи во время Интерима протестантскіе священники бѣжали въ Магдебургъ и оттуда распространяли воззванія, укрѣплявшія протестантство въ Сѣверной Германіи, такъ теперь во Франціи кальвинистскіе священники нашли себѣ въ южныхъ крѣпостяхъ бозопасность отъ кинжаловъ папистовъ и пламенными проповѣдями зажигали въ сердцахъ слушателей огонь религіознаго энтузіазма; они убѣждали вѣрить въ

правосудіе Божіе, которое дастъ силу вѣрующимъ и сокрушитъ тиранновъ.

Французскій дворъ отвѣчалъ отказомъ на предложенную Филиппомъ помощь для искорененія ереси; Катерина Медичи не хотѣла подчинить Францію королю испанскому, стать въ зависимость отъ Гизовъ, его союзниковъ. Но она и Карлъ рѣшили не допускать во Франціи публичнаго реформатскаго богослуженія, потому послали войска усмирить непокорные города. Въ Бордо и Кастрѣ по внушенію іезуитовъ были произведены новыя убійства гугенотовъ; наученные этими примѣрами граждане Ла Рошели не пустили къ себѣ назначеннаго правителемъ къ нимъ Бирона, хотя онъ считался у гугеновъ человѣкомъ добросовѣстнымъ. Королевское войско осадило Ла-Рошель, флотъ блокировалъ ее съ моря. Правительство предлагало гражданамъ свободу вѣроисповѣданія, они требовали права публично совершать богослуженіе. Ихъ примѣру послѣдовали граждане небольшого укрѣпленнаго города Сансерра; его осадило другое королевское войско. Почти цѣлый годъ эти два города, не имѣя ни откуда помощи, сопротивлялись войскамъ правительства. Многіе католики уклонялись отъ сношеній съ Гизами и ихъ сообщниками; молва говорила, что играющіе съ герцогомъ Гизомъ въ кости видѣли слѣды крови подъ костями, которыя бросалъ онъ. Увеличивалось число людей, поддерживавшихъ умѣренную партію, желавшую прекратить междоусобіе. Къ ней присоединился братъ короля, герцогъ алансонскій (надѣявшійся стать мужемъ королевы англійской); присоединились къ ней Генрихъ наваррскій, принцъ Конде, Виконтъ Тюреннъ (ставшій впослѣдствіи герцогомъ Бульонскимъ); крѣпкой опорой ея былъ мужественный и осмотрительный Данвилль (Damville), братъ маршала Монморанси, правитель Лангедока; онъ съумѣлъ приобрести такую силу, что держалъ себя очень самостоятельно. Прежде онъ былъ суровымъ преслѣдователемъ гугенотскихъ проповѣдниковъ, теперь выказывалъ вѣротерпимость. Такимъ образомъ въ королевскихъ войскахъ было распаденіе на двѣ партіи; оно мѣшало успѣшности дѣйствій противъ гугенотовъ. Смерть герцога Омальскаго, одного изъ братьевъ Гиза, считалась дѣломъ суда Божія. Граждане Ла-Рошели надѣялись, что имъ поможетъ Елизавета, имѣли тайныхъ союзниковъ въ королевскомъ войскѣ; они мужественно отбивали приступы, дѣлали удачныя вылазки, захватывали непріятельскія знамена, ставили ихъ на своихъ стѣнахъ; старики, женщины помогали оборонѣ своего города.

Мужество гугенотовъ получило справедливый успѣхъ. Положеніе дѣлъ въ Европѣ заставило французскій дворъ желать прекращенія междоусобія, и въ іюнѣ 1573 оно заключило съ гугенотами договоръ, уничтожившій всю пользу, какую получили паписты отъ Варѣоломеевской ночи. Эдиктъ, обнародованный на основаніи этого договора, далъ свободу богослуженія

городамъ Ла-Рошели, Ниму, Монтобану и вельможамъ, имѣвшимъ уголовную юрисдикцію въ своихъ владѣніяхъ, а всѣмъ другимъ реформатамъ свободу совѣсти и право молиться въ своихъ домахъ по обрядамъ своего вѣроисповѣданія. Польскіе послы, пріѣхавшіе предложить герцогу анжуйскому корону своего королевства, выпросили для Сансерра, геройски оборонявшагося съ января до августа, такія условія мира, которыя давали гражданамъ безопасность отъ злобы папистовъ.

Гугеноты скоро стали такъ же сильны, какъ были до Варѣоломеевской ночи; утраты, какія потерпѣли они отъ убійствъ и отъ измѣны малодушныхъ людей своему исповѣданію, были вознаграждены переходомъ многихъ горожанъ въ кальвинизмъ; гугеноты пріобрѣли уваженіе многихъ католиковъ твердостью, выказанною въ ужасное для нихъ время.

Результаты Варѣоломеевской ночи скоро проявились возникновеніемъ новыхъ понятій о границахъ власти государя и о правахъ подданныхъ; злоупотребленіе королевскою властью въ дѣлѣ убійства привело къ мыслямъ о томъ, что верховная власть должна принадлежать не королю, а народу, и о необходимости ограничить законными предѣлами власть короля; борьба съ государемъ, отнимавшимъ у подданныхъ свободу совѣсти, необходимо принуждала рассмотреть отношенія между правами короля и народа, порождала демократическія и республиканскія идеи; появилось много сочиненій, стремившихся опредѣлить справедливую границу между правами короля и народа, властью правительства и свободой.

Знаменитый юристъ Франсуа Оттоманъ (Hottomann), бѣжавшій отъ убійствъ Варѣоломеевской ночи въ Швейцарію, въ своемъ посвященномъ курфирсту пфальцскому трактатѣ „Francogallia“ доказывалъ разборомъ фактовъ французской исторіи, что королевская власть во Франціи первоначально не была наследственной, что король былъ избираемъ народомъ, что государственный сеймъ имѣлъ право низлагать короля. Такія же понятія излагались въ книгѣ „Юлій Брутъ противъ тиранновъ“. Въ ней говорилось, что король имѣетъ свою власть только съ утвержденія народа, что право выбирать короля неотъемлемо принадлежитъ народу. Въ прежнія религіозныя войны борьба считалась идущей только между партіями, обѣ онѣ говорили, что сохраняютъ вѣрность королю; теперь гугенотамъ представилась необходимость рѣшить вопросъ, должно ли признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подданные имѣютъ право подымать оружіе противъ короля. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно посредствомъ различенія понятія о государствѣ отъ понятія о королѣ, и опредѣленія границъ между правами націи и правами короля. Гугенотскіе писатели стали говорить, что если король велитъ или допускаетъ убивать своихъ подданныхъ и безъ суда и закона, то имъ дозвоительно обороняться; что дозвоительно сопротивляться тираннамъ, совершающимъ или повелѣвающимъ совершать несправедливыя и нечестивыя дѣла. При такихъ идеяхъ должны были у французскихъ протестантовъ развиваться республиканскіе элементы кальвинистскаго вѣроученія и церковнаго устройства, какъ мы видѣли, рассматривая (въ X томѣ) книгу Ла Боэти. На съѣздѣ въ Мильо (Milhau) въ іюлѣ 1574 реформаты южной Франціи дали себѣ организацію, дѣлавъ

шую ихъ религіозное общество демократической конфедераціею. Эта организація придала имъ такую увѣренность въ своихъ силахъ, что они потребовали религіозной свободы для всѣхъ реформатовъ и равноправности съ католиками. Они назначили въ каждой области военнаго начальника, дали ему денежныя средства для завѣдыванія обороной, сформировали въ каждой области милицію, заключили съ правителемъ Лангедока Давиллемъ договоръ, по которому онъ обязался не стѣснять ихъ богослуженія и управлять Лангедокомъ при содѣйствіи совѣта, состоящаго изъ людей обоихъ вѣроисповѣданій. Это было нѣчто подобное тому устройству, какое черезъ нѣсколько времени дали себѣ нидерландцы сѣверныхъ областей, заключивъ между собою такъ называемую унію.

Правительство получило себѣ только вредъ отъ Варооломеевской ночи; въ особенности сильно повредила она слабому и раздражительному Карлу. Катерина Медичи стала предметомъ всеобщей ненависти, политическіе памфлеты приписывали ей намѣреніе ввести во Франціи турецкій деспотизмъ, находили владычество женщины противорѣчащимъ салійскому закону; національное чувство возмущалось тѣмъ, что государствомъ правятъ иностранка и ея совѣтники иностранцы. Дворъ жилъ въ постоянномъ страхѣ заговоровъ. Катерина опасалась своего зятя Генриха наваррскаго и даже своего сына герцога алансонскаго; держала нѣсколько времени ихъ обоихъ подъ арестомъ. Принцъ Кондэ спасся отъ ареста бѣгствомъ въ Германію. Два буйные вельможи Ла Моль и графъ Коконъ (уроженецъ Піэмонта), одинъ изъ главныхъ злодѣевъ Варооломеевской ночи, были заподозрѣны въ заговорѣ противъ королевы-матери и самого короля и казнены; маршалы Монморанси и Коссэ, вожди умѣренной партіи, защищавшей гугенотовъ, были отданы подъ стражу. Дворъ тревожили слухи о чародѣйствахъ, отъ которыхъ ослабѣваютъ силы короля, обреченнаго ими на медленную смерть; при тогдашнемъ суевѣріи этимъ слухамъ придавали большое значеніе; чародѣемъ, убивающимъ короля, считали астролога Козимо Рудджеро, итальянца.

Не нужно было чародѣйствъ, чтобы Карлъ IX изнемогалъ, быстро приближался къ смерти; онъ былъ отъ природы хилаго здоровья, истощилъ себя раннимъ развратомъ, а со времени Варооломеевской ночи мучился душевными страданіями; онъ не могъ смотрѣть никому прямо въ глаза; изсохшій, съ осунувшимся ястребинымъ носомъ, блѣдный, онъ ходилъ сгорбившись, устремляя взглядъ неподвижно то въ одну сторону, то въ другую. По ночамъ ему снились ручьи крови, груды труповъ, слышались стоны умирающихъ; и на яву видѣлись ему тѣни убитыхъ. Однажды онъ въ полночь вскочилъ съ постели, пробужденный криками, разбудилъ Генриха наваррскаго; Генриху тоже показалось, что онъ слышитъ вдали вопли, проклятія, стоны, какъ въ Варооломеевскую ночь. Король полагалъ, что въ городѣ снова идетъ рѣзня, но вдругъ все затихло; это были галлюцинаціи человѣка, мучимаго угрызеніями совѣсти; онъ, какъ видимъ,

приобрѣли у него такую силу, что тревога его разстроила нервы и у Генриха. Въ послѣднія недѣли жизни, онъ постоянно дрожалъ, не могъ ни стоять, ни сидѣть, ни лежать спокойно; рыдая говорилъ, что послѣдовалъ дурному совѣту, умолялъ Бога о прощеніи. Только музыка нѣсколько успокоивала его. Отъ изнуренія силъ и отъ душевныхъ мученій онъ умеръ на 24 году жизни 30 мая 1574. Умирая онъ поручилъ матери управленіе государствомъ до пріѣзда его брата Генриха изъ Польши. Отъ своей супруги Елизаветы австрійской, постоянно плакавшей отъ печали по злодѣйствахъ, свидѣтельницами которыхъ была она, и о бѣдствіяхъ собственной жизни, онъ имѣлъ дочь.

5. Царствованіе Генриха III.

Не задолго до смерти Карла IX, французское правительство громадными подарками склонило поляковъ выбрать королемъ второго сына Катерины Медичи, Генриха, герцога анжуйскаго. Получивъ извѣстіе о смерти старшаго брата, онъ тайкомъ уѣхалъ изъ Польши, не отказавшись отъ польской короны. Черезъ Венецію, гдѣ приняли его съ большими почестями, онъ пріѣхалъ на родину править государствомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ Польша, и наслаждаться изысканными удовольствіями, какихъ не было въ ней. Онъ нашелъ Францію въ состояніи близкомъ къ междоусобию. Катерина въ союзъ съ Гизами и фанатичными парламентами притѣсняла гугенотовъ; общественное мнѣніе негодовало на регентшу и ея иноземныхъ совѣтниковъ, не дающихъ странѣ отдохнуть; оппозиція усиливалась. Благоразумные патріоты и усердные кальвинисты соединились и во Франціи, какъ въ Нидерландахъ, чтобъ общими силами прекратить тираннію, передать управленіе такимъ людямъ, для которыхъ спокойствіе и благосостояніе отечества дороже папизма, основать такое государственное устройство, при которомъ нація жила бы спокойно, не было бы гоненій за вѣру и междоусобій. Сыновья покойнаго коннетабля Монморанси, освобожденный отъ ареста маршалъ и Данвилль были вождями партіи людей умѣреннаго образа мыслей, которымъ паписты дали названіе политиковъ. Фамилія Монморанси оставалась католической, но издавна боролась противъ фанатизма, потому была ненавистна папистамъ. Партія политиковъ полагала, что теперь по смерти Карла IX можно будетъ установить спокойствіе въ государствѣ на основаніи вѣротерпимости. Данвилль поспѣшилъ на встрѣчу новому королю, ѣхавшему во Францію черезъ Италію, увидѣлся съ нимъ въ Піемонтѣ, говорилъ ему о необходимости успокоить Францію; Генрихъ выразилъ готовность созвать государствен-

ный сеймъ для устройства политическихъ и религіозныхъ дѣлъ сообразно справедливости. Данвилль радостно говорилъ своимъ друзьямъ на югѣ Франціи о добрыхъ намѣреніяхъ короля. Гугеноты, уже утратившіе надежду на то, что будетъ созванъ національный соборъ, который преобразуетъ французскую церковь въ духъ ихъ ученія, охотно согласились поддерживать планъ Данвилля, заключили съ нимъ и его старшимъ братомъ, маршаломъ Монморанси, союзъ на основаніи религіозной и политической ревностности кальвинистовъ съ католиками. Данвилль былъ назначенъ главнокомандующимъ союза; онъ долженъ былъ править дѣлами союза, по согласію съ собраніями депутатовъ избираемыхъ гугенотами; мѣстами засѣданій этихъ депутатовъ были назначены сильно укрѣпленные города Монтобанъ и Нимъ.

Партія политиковъ, вступившая въ союзъ съ гугенотами, приобрѣла новыя силы, когда къ ней присоединились герцогъ алансонскій, братъ короля, находившійся въ ссорѣ съ нимъ, и Бурбоны, отказавшіеся отъ принадлежности къ католической церкви. Принцъ Кондѣ объявилъ себя реформатомъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ заключилъ съ Іоанномъ Казиміромъ Пфальцскимъ союзъ для похода во Францію. Король наваррскій, бѣжавшій изъ-подъ надзора, возвратился къ реформатскому исповѣданію по пріѣздѣ въ Ніюръ. Оба они объявили, что отреченіе отъ реформатской церкви, вынужденное у нихъ посредствомъ угрозъ смертію, не имѣло силы связывать ихъ совѣсть.

Надежда на то, что Генрихъ III будетъ править дѣлами въ духъ примиренія, исчезла по его пріѣздѣ въ Парижъ: онъ подчинился вліянію матери, Гизовъ и парижскихъ фанатиковъ. Онъ всегда былъ любимымъ сыномъ Катерины Медичи, привыкъ руководиться ея внушеніями, усвоилъ себѣ ея политическія правила, смотрѣлъ на религіозные вопросы съ ея точки зрѣнія. Онъ не могъ отказаться отъ понятій, которымъ привыкъ слѣдовать, отъ политики, по которой былъ вождемъ убійцъ въ Варооломеевскую ночь; мечта патріотовъ и кальвинистовъ, что онъ перемѣнился, скоро разсѣялась. По пріѣздѣ въ Парижъ, Генрихъ III объявилъ, что не можетъ быть допущено во Франціи никакое богослуженіе, кромѣ католическаго, но что онъ предоставляетъ свободу совѣсти мирнымъ гражданамъ. Намѣреніе правительства воспретить реформатское богослуженіе неизбежно вело къ новому междоусобию. Но возстаніе, начавшееся теперь, имѣло не столько религіозный характеръ, сколько политическій. Это видно изъ того, что главнокомандующимъ гугенотскаго войска былъ герцогъ алансонскій, католикъ. Пфальцграфъ Іоаннъ Казиміръ привелъ на помощь инсургентамъ отрядъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Инсургенты обѣщали за это сдѣлать его администраторомъ Меца, Туля и Вердена (т. е. вассальнымъ государемъ областей, въ которыхъ находились эти города). Итакъ царствованіе Генриха III началось новымъ междоусобіемъ, въ которомъ братъ короля былъ на сторонѣ инсург-

гентовъ. Король и его мать въ союзѣ съ Гизами выставили войска противъ гугенотовъ, нѣмецкихъ ландскнехтовъ, герцога алансонскаго, короля наваррскаго, принца Кондѣ, которымъ помогала деньгами Елизавета. Но военная борьба не имѣла ожесточеннаго характера, боевыя столкновенія ограничивались незначительными схватками. Въ небольшомъ сраженіи при Дорманѣ (въ Шампани), происходившемъ 10 августа 1575, Генрихъ Гизъ былъ раненъ. Въ Дофинѣ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Греноблѣ, какъ мятежникъ, гугенотскій полководецъ Монбрёнъ; но преемникъ его Ледигьеръ, въ то время еще молодой человекъ, дѣйствовалъ такъ искусно, что отнялъ у королевскихъ войскъ пріобрѣтенные ими успѣхи. Придворные говорили о Генрихѣ III, какъ о великомъ полководцѣ, напоминая побѣды его при Жарнакѣ и Монконтурѣ; но онъ не выказалъ энергіи, какой ожидали отъ него паписты; онъ тяготился неудобствами походной жизни, ему хотѣлось поскорѣе возвратиться къ парижскимъ наслажденіямъ. Человекъ безхарактерный, лишенный чувства чести, онъ воображалъ, что одолѣетъ противниковъ обольщеніями, коварствами, къ которымъ съ молодости пріученъ былъ матерью; у него не было серьезныхъ политическихъ стремленій, онъ только старался выпутаться изъ любого затрудненія, не соображая послѣдствій, къ какимъ приведутъ его хитрости; лучшими способами дѣйствія онъ считалъ обманъ, притворство, вѣроломство. Онъ былъ плохой руководитель военныхъ дѣйствій, войска его не пріобрѣтали успѣховъ; Катерина Медичи вступила въ переговоры съ инсургентами, она желала выиграть время, набрать больше войска, пересорить между собою вождей возстанія; потому гугенотамъ были сдѣланы такія уступки, какихъ казалось бы нельзя было ожидать черезъ четыре года послѣ Варооломеевской ночи. Правительство дало реформатамъ свободу богослуженія повсюду въ государствѣ, кромѣ Парижа и его окрестностей, право занимать всякія должности, въ томъ числѣ и быть членами парламентовъ, учредило въ парламентахъ для разбора ихъ тяжбъ особую палату, состоящую изъ членовъ обоихъ вѣроисповѣданій, отдало гугенотамъ для обезпеченія своей вѣрности условіямъ мира нѣсколько крѣпостей въ Гиѣни, Оверни и Лангедокѣ, дозволило имъ сѣзжаться на синоды (собранія по церковнымъ дѣламъ), подъ условіемъ, чтобы на засѣданіяхъ присутствовалъ уполномоченный правительства. Оно дало вознагражденіе принцамъ, стоявшимъ во главѣ оппозиціи: герцога алансонскій получилъ въ управленіе Берри, Туренъ и Анжу и пенсію въ 100.000 экю; принцъ Кондѣ—былъ назначенъ правителемъ Пикардіи; пфальцграфу Іоанну Казиміру была дана большая сумма денегъ, и правительство уплатило жалованье его наемникамъ. Французы называютъ этотъ договоръ «миромъ королевскаго брата (monsieur)», потому что главную роль въ переговорахъ о немъ игралъ братъ короля, имѣв-

шій прежде титулъ герцога алансонскаго, а теперь получившій титулъ герцога анжуйскаго, принадлежавшій Генриху до вступленія на престолъ. (Французы говорили вмѣсто «братъ короля» или, если братьевъ было нѣсколько, то вмѣсто «старшій изъ братьевъ короля» просто *monsieur*).

Партія политиковъ, соединившись съ гугенотами и принцами крови, заставила правительство принять ея требованія; король обѣщалъ созвать государственный сеймъ, для окончательнаго примиренія прежнихъ раздоровъ; маршалъ Монморанси, его братъ Данвилль и ихъ друзья надѣялись, что сеймъ будетъ поддерживать ихъ, доставить имъ преобладающее вліяніе на дѣла. Они рассчитывали, что сеймъ приметъ ихъ предложеніе преобразовать французскую церковь. Но Данвилль, его союзники, реформаты и благоразумные католики, преувеличивали свою силу. Ихъ примѣръ показалъ папистамъ, какимъ способомъ должно дѣйствовать, чтобы господствовать надъ правительствомъ. По примѣру гугенотской ушіи, паписты основали лигу. Кардиналъ лотарингскій, умершій 24 декабря 1574, въ послѣднее время жизни уже хотѣлъ основать союзъ папистовъ, надѣялся, что, получивъ организацію, объединяющую ихъ силы, они заставятъ правительство поддерживать владычество католической церкви во Франціи, отнять права у еретиковъ. Теперь въ негодованіи на сдѣланныя гугенотамъ уступки, паписты горячо принялись за осуществленіе мысли своего покойнаго вождя. Іезуиты и капуцины фанатизировали народъ, выставя католичество во Франціи подвергшимся великой опасности. Гизы владычествовали надъ массой парижскаго населенія, потому дѣло шло тамъ успѣшно; но формальнымъ образомъ основаніе лиги было положено въ Пикардіи. Правитель ея Жакъ д'Юмберъ, горячій папистъ, имѣвшій много приверженцевъ и съ давняго времени находившійся во враждѣ съ фамиліей Монморанси по тяжбному дѣлу, раздражилъ населеніе этой области и въ особенности города Перонны противъ того условія мира, по которому Пикардія и Перонна были отданы въ управленіе принца Кондэ; они не хотѣли допустить, чтобы поселились между ними еретики и распространяли ересь. Дворяне, духовенство и горожане Пикардіи заключили между собою тайный союзъ, по примѣру котораго стали основываться союзы папистовъ въ другихъ городахъ. Развитіе этого дѣла было очень быстрое. Члены лиги, какъ назывался союзъ папистовъ, давали клятву не щадить никакихъ усилій для того, чтобы католическая церковь осталась господствующей во Франціи, чтобы не было допускаемо никакихъ уклоненій отъ вѣроученія и іерархическаго устройства, установленныхъ тридентскимъ соборомъ, чтобы ересь была подавлена; они клялись помогать другъ другу, преслѣдовать всѣхъ уклонявшихся отъ католичества и безусловно повиноваться лицамъ, которыхъ выберутъ правителями своего союза.

Католическое духовенство и въ особенности монахи горячо пропагандировали въ проповѣдяхъ и на исповѣди обязанность вѣрующихъ присоединяться къ лигѣ; она, какъ мы уже говорили, быстро охватила всю Францію. Король сначала покровительствовалъ ей: фанатичный католикъ, онъ тяготился уступками, которыя принужденъ былъ сдѣлать коалиціи политиковъ и гугенотовъ, надѣялся, что лига дастъ ему силу отмѣнить эти уступки и удержитъ государственный сеймъ отъ принятія программы политиковъ. Онъ не понималъ, что, покровительствуя лигѣ, помогаетъ развитію такой силы, которая станетъ могущественнѣе его, принудитъ его повиноваться ей. Результаты лигистской агитаціи скоро проявились ярко. Фанатизированный народъ часто нападалъ на реформатовъ, собравшихся на богослуженіе; условія мира во многихъ мѣстностяхъ остались неисполненными; выборы на сеймъ, созванный королемъ въ Блуа, происходили подъ давленіемъ лиги и восторжествовали кандидаты папистовъ. Реформаты и политики видѣли, что огромное большинство членовъ сейма будетъ враждебно имъ, и не поѣхали въ Блуа. Сеймъ, начавшій свои засѣданія въ декабрѣ, сталъ дѣйствовать такъ, что у патриотовъ исчезла всякая надежда на сохраненіе мира.

Комитетъ избранный тремя сословіями (палатами) сейма для выработки проекта преобразованій, составилъ этотъ проектъ въ духѣ фанатизма. На первомъ планѣ стояло требованіе (или, какъ это называлось, просьба), чтобы король возстановилъ безусловное владычество католической церкви во всемъ государствѣ, запретилъ всякое другое богослуженіе, кромѣ католическаго, отмѣнилъ эдикты, благопріятные „такъ называемой реформатской религіи“, изгналъ всѣхъ кальвинистскихъ проповѣдниковъ изъ Франціи. Королю и его матери было очень пріятно, что государственный сеймъ требуетъ отъ нихъ нарушенія договора, заключеннаго съ коалиціей гугенотовъ и политиковъ; они и не желали соблюдать его, заключили миръ только для того, чтобъ удалить изъ государства нѣмецкія войска, призванныя коалиціей, и разстроить ее. Но скоро они увидѣли, что сеймъ хочетъ ограничить королевскую власть. Онъ постановилъ, что предложенія, принятія всѣми тремя сословіями, получаютъ силу закона, не нуждаясь въ королевскомъ утвержденіи; что только тѣ проекты законовъ, по которымъ не всѣ три сословія согласны, отдаются на разсмотрѣніе королевскаго совѣта. На сеймѣ произносились рѣзкія рѣчи о разстроенномъ положеніи финансовъ, возростаніи государственныхъ долговъ, раззореніи народа, о политическихъ потребностяхъ націи. Паписты, согласные съ правительствомъ въ религіозныхъ дѣлахъ, оказались противниками его въ политическихъ. На сеймѣ слышались голоса, требовавшіе, чтобы онъ участвовалъ въ назначеніи чиновъ тайнаго совѣта (т. е., по нынѣшней терминологіи, министровъ). Трактаты о государственномъ устройствѣ, вызванныя Вареоломеевскою ночью, развили политическія понятія общества; значительная часть его желала ограничить королевскую власть.

Король и его мать видѣли, что ихъ самовластію угрожаетъ опасность. Возобновленіе войны съ гугенотами отвлекло бы вниманіе папистовъ отъ мыслей объ ограниченіи королевской власти. Но немед-

ленно начать ее было неудобно для короля и его матери. Партия политиковъ еще оставалась въ союзѣ съ гугенотами, войска коалиціи еще стояли въ полѣ; нѣмецкіе ландскнехты еще не были распущены, и легко было гугенотамъ призвать ихъ назадъ. Катерина Медичи разсудила, что если коалиція уменьшить свои требованія, то можно было опираясь на нее начать борьбу съ лигой. Генрихъ Гизъ, глава католическихъ обществъ, не требовалъ немедленнаго возобновленія войны; онъ желалъ прежде всего привлечь на свою сторону короля, который по своей женѣ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ лотарингскому дому. Герцогъ хотѣлъ сдѣлать Генриха орудіемъ исполненія своихъ плановъ. Король выказывалъ себя усерднымъ католикомъ, одобрялъ фанатичныя требованія сейма, пріобрѣлъ этимъ довѣріе папистовъ, а сеймъ при всей своей враждѣ къ гугенотамъ, не желалъ обременять націю расходами на новую войну. Такимъ образомъ паписты не мѣшали Катеринѣ вступить въ переговоры съ коалиціей; успѣхъ этого дѣла былъ облегченъ тѣмъ, что союзъ политиковъ съ гугенотами начиналъ разстроиваться: Данвилль горячо желалъ примиренія съ правительствомъ; Кондѣ, которому Катерина въ вознагражденіе за Перонну оставшуюся въ рукахъ лигистовъ, отдала крѣпость Сень-Жанъ-д'Анжели, сердился на гражданъ Ла-Рошели, не согласившихся впустить его съ войскомъ въ свой городъ; мелкія сраженія, происходившія въ послѣднее время, были неудачны для коалиціи. Все это привело къ тому, что она и правительство согласились прекратить войну уступками, и въ сентябрѣ 1577 были обнародованы въ формѣ королевскаго эдикта условія мира, который у французовъ называется пуатьерскимъ, или бержеракскимъ. Онъ предоставлялъ гугенотамъ тѣ права, какія получили они по сенъ-жерменскому миру. Главныя условія мира были: реформатское богослуженіе допускается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно существуетъ въ настоящее время; въ каждомъ бальяжѣ или сенешальствѣ (административномъ округѣ) должно быть назначено предмѣстье какого нибудь города или какое нибудь селеніе, въ которомъ могутъ собираться гугеноты для публичнаго богослуженія; вельможи и дворяне пользуются прежнимъ правомъ имѣть реформатское богослуженіе въ своихъ резиденціяхъ. Реформатамъ были отданы на шесть лѣтъ девять крѣпостей въ залогъ соблюденія условій мира правительствомъ, было постановлено, что въ бордосскомъ, гренобльскомъ, эсскомъ (Aix) и тулузскомъ парламентахъ реформаты получаютъ четыре изъ двѣнадцати судейскихъ мѣстъ, что имъ открывается доступъ ко всѣмъ должностямъ. Такимъ образомъ правительство снова отступило отъ той политики, которая привела къ Варѣоломеевской ночи и была принята лигой. Генрихъ III былъ въ восторгѣ, что возстановилъ миръ, онъ назвалъ его своимъ миромъ, королевскимъ миромъ; онъ даже принудилъ себя высказывать порицанія Варѣоломеевской ночи,

въ злодѣйствахъ которой игралъ такую дѣятельную роль. Ему хотѣлось спокойно отдаться наслажденіямъ и казалось, что теперь они будутъ длиться ненарушимо.

Въ прежніе годы, когда Генрихъ былъ еще только герцогомъ анжуйскимъ, онъ выказывалъ по внушенію своей матери такой фанатизмъ, что паписты вполне полагались на него. Мы говорили, что онъ былъ любимцемъ матери, что она и паписты сообщали ему свои намѣренія, что Карлъ IX завидовалъ ему. Чтобы удалить изъ Франціи этого соперника, Карлъ не жалѣлъ денегъ на подкупъ польскихъ вельможъ при его кандидатурѣ на польскій престолъ. Генрихъ имѣлъ большія личныя преимущества надъ старшимъ братомъ: хотя былъ тоже слабаго тѣлосложенія, но все таки былъ самый здоровый и сильный изъ сыновей Катерины Медичи, имѣлъ изящныя манеры, былъ любезенъ въ обращеніи; но подъ внѣшнимъ лоскомъ скрывались у него злыя и гадкія наклонности, которыя скоро и перестали скрываться, совершенно овладѣли имъ. Онъ выросъ при развратномъ дворѣ, съ дѣтства былъ пріученъ матерью лицемѣрить, съ очень раннихъ лѣтъ погрязъ въ порокахъ, изнѣжился, разслабилъ себя. У него не было склонности къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя нравились тогда сильнымъ и дѣятельнымъ мужчинамъ, къ охотѣ, верховой ѣздѣ, военнымъ играмъ; онъ совершенно отдался изнѣженному разврату; умные и энергичные люди были непріятны ему, онъ окружилъ себя молодыми людьми, не имѣвшими никакихъ достоинствъ, тщеславными, навлекшими на себя всеобщее презрѣніе и ненависть своимъ высокомѣріемъ и пошлостью; честное общество съ пренебреженіемъ называло ихъ королевскими любимцами, *mignons*; онъ утратилъ всякую способность понимать серьезныя дѣла, всякій интересъ къ нимъ; забавляясь во дворцѣ съ своими любимцами, постельными собачками, попугаями, обезьянами, онъ забывалъ о государствѣ, о бѣдствіяхъ націи, объ опасностяхъ, угрожавшихъ ему самому. Временами въ немъ пробуждался страхъ попасть въ адъ за свои пороки; тогда онъ искалъ успокоенія въ обрядахъ благочестія, устраивалъ церковныя процессіи, изнурялъ себя продолжительными молитвами, бичевалъ себя. Совершенно неспособный управлять государствомъ, волнуемымъ заговорами, междоусобіями, онъ мечталъ упрочить свою власть интригами, къ которымъ пріученъ былъ матерью, поручалъ борьбу съ энергическими, даровитыми противниками бездарнымъ любимцамъ, съ которыми наслаждался пошлыми удовольствіями, и которыхъ осыпалъ почестями. Одного изъ нихъ, Арка, онъ сдѣлалъ герцогомъ Жойёзомъ и правителемъ Нормандіи, другого, Комона, герцогомъ Эпернономъ, адмираломъ и правителемъ нѣсколькихъ областей.

Сначала казалось, что Франція будетъ успокоена бержеракскимъ эдиктомъ; препятствія исполненію условій этого мира были легко устранены,

исполнявшими ихъ эдиктами неракскимъ и флесскимъ (Fleix). Нація начинала привыкать къ мысли, что могутъ мирно существовать рядомъ два вѣроисповѣданія. Она была изнурена междоусобіями, поняла изъ тяжелаго опыта, что они губятъ ея благосостояніе, казалась расположена обуздывать фанатиковъ. Быть можетъ миръ продержался бы довольно долго, если бы дремавшія страсти не были пробуждаемы событіями, происходившими въ другихъ странахъ, интригами короля испанскаго и папы. Альба былъ отозванъ изъ Нидерландовъ, тамъ шла борьба патріотовъ и кальвинистовъ съ иноземнымъ войскомъ и папизмомъ, Франція была вовлекаема въ эту борьбу. Младшій братъ Генриха, Франсуа, имѣвшій прежде титулъ герцога алансонскаго, а теперь герцога анжуйскаго, человѣкъ безпокойнаго характера, владѣвшій во Франціи пятью герцогствами и четырьмя графствами съ правами почти независимаго государя, игралъ важную роль въ нидерландскихъ дѣлахъ; надѣясь стать государемъ Нидерландовъ и получить руку Елизаветы, онъ сталъ помогать противникамъ короля испанскаго. Французское правительство не поддерживало его прямымъ образомъ, но всѣ знали, что Генрихъ III и Катерина оказываютъ ему тайное пособіе; французскіе волонтеры сражались подъ его знаменемъ съ испанскими войсками, и всѣмъ было видно, что парижскій дворъ сочувствуетъ нидерландцамъ и союзницѣ ихъ Елизаветѣ. Филиппъ твердо рѣшился возстановить свою власть надъ Нидерландами; представитель абсолютизма и папизма, онъ не могъ спокойно смотрѣть на то, что въ государствѣ, лежащемъ между Испаніей и Нидерландами, пріобрѣтаетъ господство вѣротерпимость, что французская династія поддерживаетъ враговъ его и католической церкви. Когда при Карлѣ IX во Франціи начинала устанавливаться вѣротерпимость и возникало стремленіе помогать нидерландцамъ, эта опасность для Филиппа была устранена Варооломеевской ночью, теперь возобновлялось тоже самое съ большей вѣроятностью успѣха; Филиппу надобно было позаботиться, чтобы развилась во Франціи сила враждебная вѣротерпимости и чтобы силы Франціи снова были заняты междоусобіемъ. Католическій союзъ уже существовалъ во Франціи, ему покровительствовали въ Парижѣ Гизы, въ провинціяхъ правители, преданные папизму; монахи завлекли уже очень многихъ католиковъ въ это общество. Генрихъ III воображалъ, что подчинить себѣ лигу, усвоивъ ея тенденціи, заявилъ себя во время блуасскаго сейма усерднымъ католикомъ, прекратилъ междоусобіе бержеракскимъ и неракскимъ эдиктами, остановившими распространеніе кальвинизма, не исполнилъ обѣщаніе отдать принцу Конде Пикардію и Перонну; казалось бы, паписты могли успокоиться; но они сохранили свою организацію, находившуюся подъ тайнымъ управленіемъ Гизовъ и ихъ приверженцевъ; фанатизмъ легко могъ быть пробужденъ къ новой страшной дѣятельности. Были и другія отношенія, изъ которыхъ легко могло возникнуть междоусобіе. Вельможескія фамиліи, которымъ прежде исключительно принадлежали высшія должности областныхъ правителей, считавшіяся почти наслѣдственными, негодовали, видя, что любимцы короля, ничтожные люди, возвысившіеся угожденіемъ изнѣженному разврату Генриха, захватили въ свои руки управленіе государствомъ и должности областныхъ правителей; безумная расточительность двора, подарки королевскимъ любимцамъ, междоусобіе, расхищеніе государственныхъ денегъ административными и финансовыми сановниками, всяческія безразсудства двора и короля довели финансы до совершеннаго разстройства; всѣ тѣ безпорядки въ государственномъ хозяйствѣ, которые изнуряли Францію при Генрихѣ II, постоянно росли послѣ него и достигли теперь невыносимаго размѣра: правительство произвольно уменьшало проценты государственныхъ долговъ или вовсе не платило ихъ, не платило жалованья чиновникамъ,

продавало государственныя имущества, продавало административныя и судебныя должности, увеличивало число ихъ, чтобы получать больше денегъ отъ продажи. Такимъ образомъ накоплялся горючій матеріалъ, который легко могъ вспыхнуть страшнымъ пожаромъ. Французское общество уже говорило, что династія Валуа не способна управлять государствомъ, что надобно замѣнить ее другою, болѣе энергичной династіей. Взрывъ всеобщаго неудовольствія задерживался только нежеланіемъ націи снова испытать бѣдствія междоусобной войны, Филиппъ II злился на французскую династію, склонявшуюся къ принципамъ партіи политиковъ, злился на то, что португальскій претендентъ Антоніо нашелъ себѣ во Франціи хорошій пріемъ и помощь, получилъ флотъ и войско для обороны Азорскихъ острововъ, не покорявшихся завоевателю Португаліи; но Катерина Медичи, при вялой безпечности Генриха III, правившаго государствомъ, дѣйствовала такъ ловко, что одолѣвала интриги Филиппа II, сдерживала фанатизмъ папистовъ, успѣвала уклоняться отъ войны съ Испаніей и охранять внутреннее спокойствіе государства.

6. Лига. Смерть Генриха III. Прекращеніе династіи Валуа.

Такимъ образомъ Франція пользовалась послѣ бержеракского эдикта пять лѣтъ миромъ, если можно назвать такъ положеніе дѣлъ, когда войны не было, но не рѣдко происходили небольшія схватки и въ душѣ у всѣхъ владычествовало недовѣріе, недовольство, вражда. Непріязненные партіи собирали силы для новой страшной борьбы. Елизавета, державшая въ темницѣ Марію Стюартъ, Генрихъ наваррскій, думавшій основать протестантскую унію для противодѣйствія испанской—папистской пропагандѣ, Вильгельмъ Оранскій, соединившій въ республику сѣверныя, кальвинистскія провинціи Нидерландовъ, были предметами ненависти папистовъ, постоянно устроивавшихъ попытки убить ихъ. Вильгельмъ дѣйствительно былъ убитъ фанатикомъ, исполнявшимъ волю короля испанскаго; Елизавета была спасаема отъ такой же судьбы только преданностью народа, зорко охранявшаго ее; папа уже готовилъ буллу, обрекавшую Генриха наваррскаго на смерть. При такомъ ожесточеніи противъ кальвинистовъ, фанатики папизма не могли быть довольны вялымъ управленіемъ Генриха III; они не хотѣли допустить, чтобы во Франціи установилась вѣротерпимость, которую Филиппъ и папа называли, какъ и они, грѣхомъ противъ Бога. Въ концѣ первой половины 1584 произошелъ случай, возбудившій фанатичныхъ католиковъ къ усиленной дѣятельности: герцога Франсуа анжуйскій умеръ 10 іюня этого года. У него не было дѣтей; Генрихъ III не имѣлъ ихъ, и всѣ знали, что не будетъ имѣть. Такимъ образомъ, смерть герцога анжуйскаго дѣлала Генриха наваррскаго наслѣдникомъ французскаго престола. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, извѣстіе, что гугенотъ, принцъ Кондэ, получитъ въ свое управленіе Пикардію, заставило папистовъ образовать лигу,

для сопротивленія этому. Понятно, что еще гораздо сильнѣе должны были они вознегодовать при мысли, что вождь гугенотовъ взойдетъ на престолъ по смерти хилаго короля. Гизы не могли примириться съ этимъ: возшествіе Генриха наваррскаго на престолъ отняло бы у нихъ то могущество, которое пріобрѣли они безпощаднымъ истребленіемъ еретиковъ. Они знали, что Генрихъ наваррскій не будетъ такимъ слабымъ правителемъ, какъ Генрихъ III: онъ былъ человѣкъ энергическій и храбрый. На содѣйствіе короля въ борьбѣ противъ его права на престолъ нельзя было надѣяться: при извѣстїи о смерти брата Генрихъ III послалъ своего любимца Эпернона сказать Генриху наваррскому, что онъ будетъ признанъ наслѣдникомъ престола, если возвратится къ двору и приметъ католичество. Должно было полагать, что, по слабости характера, король согласится объявить Генриха наваррскаго своимъ наслѣдникомъ даже и безъ принятія католичества имъ. Филиппъ II и папа, подобно Гизамъ, ужаснулись мысли, что королемъ Франціи станетъ еретикъ, который соединитъ тогда всѣхъ кальвинистовъ въ союзъ для борьбы съ королемъ испанскимъ; одинаковость интересовъ соединила папу съ Филиппомъ на помощь Генриху Гизу, наслѣдовавшему всю энергію своего отца. Папа далъ ему свое благословеніе на задуманное дѣло и сказалъ іезуиту Матьё, агенту Гиза: «Я совершенно одобряю намѣреніе французскихъ принцевъ поднять оружіе противъ еретиковъ; устраняю всѣ сомнѣнія совѣсти, какія могутъ имѣть они; вѣроятно самъ король одобритъ ихъ намѣреніе; но если бы было не такъ, то все-таки они должны исполнять свой планъ, чтобы достигъ важнѣйшей изъ всѣхъ цѣлей, состоящей въ истребленіи еретиковъ». Герцогъ Гизъ приступилъ къ исполненію своего плана. Въ январѣ 1585, въ замкѣ Жуанвиллѣ было заключено между королемъ испанскимъ и Гизами соглашеніе, получившее знаменитость подъ именемъ Священной лиги.

Ближайшей цѣлью этого союза было выставлено искорененіе ереси во Франціи и въ Нидерландахъ и устраненіе Генриха наваррскаго отъ французскаго престола; союзники рѣшили перенести право престолонаслѣдія на кардинала Бурбона, дядю Генриха наваррскаго; уполномоченный кардинала присутствовалъ на этомъ совѣщаніи. Король испанскій обязался давать Гизамъ ежемѣсячно 50.000 пистолей (испанскихъ золотыхъ монетъ) на военные расходы и помогать имъ своими войсками въ войнѣ съ французскими противниками; они обязались помогать ему въ покореніи Нидерландовъ и завоеваніи владѣній короля наваррскаго.

О Генрихѣ III не упоминалось въ договорѣ Гизовъ и ихъ друзей съ королемъ испанскимъ; старикъ кардиналъ Бурбонъ служилъ лишь куклой, прикрывавшей замыселъ Гизовъ пріобрѣсти своей династіи французскую корону побѣдой надъ еретиками, уступкой Беарна и другихъ владѣній Генриха наваррскаго королю испанскому и обязательствомъ исполнять желанія своего покровителя. Средствомъ для

подавленія своихъ противниковъ герцогъ Гизъ хотѣлъ употребить фанатизмъ французскихъ папистовъ, соединивъ ихъ въ общество, называемое Священной лигой; оно было за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ основано въ Пикардіи, распространилось на Парижъ, но дальнѣйшее развитіе его было тогда остановлено ходомъ событій. Такимъ образомъ религіозные интересы французскихъ папистовъ должны были служить Гизамъ для пріобрѣтенія французской короны, Филиппу II для покоренія королевства наваррскаго и Нидерландовъ и для установленія своего протектората надъ Франціей.

Первой надобностью Гизовъ было создать во Франціи для служенія себѣ силу такую могущественную, чтобы всякое сопротивленіе было подавлено ею. Мы видѣли, что династическіе интересы Гизовъ были соединены съ интересами католической церкви; возобновленіе и разширеніе Священной лиги упрочивало эту связь. Еще при жизни кардинала лотарингскаго одинъ изъ его ученыхъ кліентовъ Франсуа де Розьеръ написалъ генеалогическій трактатъ, доказывавшій, что династія Гизовъ происходитъ отъ Каролинговъ, что потому Капетинги узурпаторы. Герцогъ Генрихъ Гизъ былъ человѣкъ способный примѣнить къ дѣлу этотъ генеалогическій выводъ: онъ былъ высокій, стройный, сильный мужчина, величественной наружности, храбръ, уменъ, одаренъ талантомъ привлекать къ себѣ людей и наследовалъ ту привязанность, какую имѣли паписты къ его отцу, герцогу Франсуа, убитому за вѣру подъ Орлеаномъ. Свое генеалогическое право на французскій престолъ онъ могъ обратить не только противъ Генриха наваррскаго, но въ случаѣ успѣха и противъ Генриха III. Новый папа Сикстъ V отлучилъ отъ церкви Генриха наваррскаго и принца Кондэ, какъ еретиковъ, возвратившихся къ ереси по отреченіи отъ нея, и объявилъ ихъ лишенными всѣхъ владѣній и правъ. Эта булла придавала борьбѣ Гизовъ противъ Генриха наваррскаго характеръ святого дѣла.

Гизы подняли сильную агитацію. Опасность, что на престолъ взойдетъ еретикъ и подавить католичество, пугала папистовъ, дѣлала ихъ расположенными слушать іезуитовъ и другихъ монаховъ, описывавшихъ самыми яркими красками преслѣдованіе католиковъ въ Англіи, говорившихъ, что при королѣ-еретикѣ то же самое будетъ во Франціи. Испанскія и папскія деньги помогали проповѣдямъ и внушеніямъ на исповѣди. Вельможи, оскорбленные тѣмъ, что король предпочитаетъ имъ своихъ любимцевъ, присоединялись къ союзу, обѣщавшему обогатить ихъ имѣніями, отнятыми у гугенотовъ. Опытныхъ воиновъ было тогда много между французскими папистами. Подъ управленіемъ энергическаго Генриха Гиза, лига стала грозной силой; герцогъ былъ человѣкъ не только храбрый, но и умный; онъ внушалъ довѣріе къ себѣ своими дарованіями, любовь своею привѣтливостью и щедростью, главными помощниками его были братья: герцогъ майеннскій и кардиналъ Луи Гизъ; усердными приверженцами его были многочисленные родственники и недовольные королемъ вельможи; къ числу родственниковъ его принадлежали могуществен-

ные герцоги омальскій и немурскій, герцогъ Эльбёфъ, герцогъ меркёрскій и братъ королевы Луизы, кардиналъ Водемонъ; по враждѣ къ двору союзниками его были Луи Гонзага, герцогъ неверскій, и честолюбивый графъ Бриссакъ; къ лигѣ присоединились многіе изъ вліятельнѣйшихъ членовъ парижскаго парламента, въ томъ числѣ президенты Ле Метръ и Жанненъ. Какъ во время Варѳоломеевской ночи, парижане выказывали пламенный фанатизмъ. Лига продолжала существовать у нихъ, когда разстроилась въ остальной Франціи. Шарль Оттоманъ, отличавшійся чрезвычайнымъ усердіемъ къ католичеству, какъ его близкій родственникъ (двоюродный или родной братъ) Франсуа преданностью кальвинизму, держалъ въ католическомъ союзѣ довольно много парижскихъ гражданъ. Теперь къ нимъ примкнули массы ремесленниковъ, торговцевъ, адвокатовъ, писцовъ. Къ фанатизму присоединялись у парижанъ и другіе мотивы: парижскіе горожане гнушались развратомъ двора, осуждали его расточительность.

Нидерландцы предлагали тогда королю французскому стать ихъ государемъ; вѣроятно они дѣлали это по расчету, что, истощившій свои силы распутствомъ, Генрихъ III проживетъ не долго и преемникомъ его станетъ Генрихъ наваррскій. Король принялъ ихъ посольство съ почестями, отпустилъ съ любезнымъ отвѣтомъ. Вѣроятно, онъ еще не замѣчалъ, что власть его надъ собственнымъ государствомъ уже колеблется, что король, съ которымъ онъ хочетъ бороться въ Нидерландахъ, сталъ сильнѣе его въ самой Франціи. Черезъ нѣсколько недѣль по отъѣздѣ нидерландскихъ пословъ былъ (1 апрѣля 1585) обнародованъ отъ имени кардинала Бурбона манифестъ, говорившій: вотъ уже 24 года государство страдаетъ отъ религіознаго раздора и бѣдствіе увеличится, если наслѣдникомъ престола будетъ человекъ, отрекшійся отъ католичества; если не будетъ оказано сопротивленіе этому, то католическая вѣра подвергнется опасности уничтоженія; невозможно допустить, чтобы еретикъ сталъ королемъ Франціи, потому что въ коронаціонной присягѣ король обѣщаетъ защищать католическую религію, и только подъ этимъ условіемъ подданные присягаютъ на вѣрность ему; довѣріемъ царствующаго короля пользуются и занимаютъ важнѣйшія должности въ государствѣ люди, выказавшіе себя врагами католической церкви; у вельможъ отнято то положеніе въ государствѣ, которое принадлежитъ имъ по праву; всѣ сословія обременены новыми налогами; правительство ведетъ церковь и государство къ гибели; потому первые люди французской націи, составляющіе лучшую и чистѣйшую часть государства, дали клятву возстановить вооруженной рукой честь единственной истинной католической религіи, возвратитъ вельможамъ ихъ права, облегчить положеніе народа, отмѣнить новые налоги, охранить законную власть парламентовъ и другихъ трибуналовъ, установить, чтобы государственный сеймъ былъ созываемъ каждые три года для доставленія всѣмъ полной свободы къ заявленію ихъ неудовольствій и требованій; если король отмѣнитъ то дурное управленіе, которое угрожаетъ гибелью службѣ Божіей и всѣмъ честнымъ людямъ, то давшіе эту клятву положить оружіе и возвратятся къ повиновенію.—Одновременно съ обнародованіемъ этого манифеста, вожди лиги овладѣли многими крѣпостями; дѣло произошло по одному заявленію ихъ воли, потому что комменданты этихъ

крѣпостей были члены лиги, а городскія власти почти повсюду были на сторонѣ ея. Герцогъ Гизъ занялъ своими войсками Туль, Вердёнъ, Шалонъ, кардиналъ Бурбонъ занялъ Суассонъ, герцогъ майеннскій подчинилъ лигѣ всѣ власти въ Бургони, герцогъ Меркёръ—въ Бретани, герцогъ Омальскій—въ Пикардii.

Если бы Генрихъ III былъ человѣкъ разсудительный и энергическій, онъ принялъ бы вызовъ, соединилъ бы на борьбу съ лигой всѣ враждебные ей элементы, собралъ бы вокругъ себя гугенотовъ и роялистовъ. При всемъ могуществѣ Гизовъ, при всемъ множествѣ папистовъ, вошедшихъ въ лигу, преданность королю сохраняла громадную силу надъ массой французской націи и велико было число патріотовъ; всѣ они порицали противузаконныя дѣйствія Гизовъ, отвращались отъ мысли о подчиненіи Франціи королю испанскому, покровителю лиги. Мятежническій характеръ ея дѣйствій отталкивалъ отъ нея очень многихъ католическихъ вельможъ и дворянъ; фанатизмъ не овладѣлъ большинствомъ католиковъ съ такой силой, чтобы заглушить всѣ другія чувства. Въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ идея вѣротерпимости укоренилась уже довольно прочно; потому значительная часть дворянства и городского сословія въ нихъ чуждалась лиги, ненавидѣла фанатичныхъ вождей ея.—Сначала Генрихъ III думалъ вступить въ союзъ съ Генрихомъ наваррскимъ, опереться на гугенотовъ; но онъ привыкъ ненавидѣть ихъ, былъ слабъ характеромъ, давно ослабѣлъ умомъ отъ распутства, былъ не способенъ дѣйствовать самостоятельно, потому послѣдовалъ совѣту своей матери, предпочитавшей Гизовъ гугенотамъ и озлобленной на своего зятя, жившаго въ несогласіи съ ея дочерью Маргаретой. Катерина желала бы, чтобы наслѣдникомъ престола былъ назначенъ ея внукъ, сынъ другой дочери ея, герцогъ лотарингскій, родственникъ и другъ Гизовъ. Она, какъ говорятъ, сказала герцогу Гизу: «Я думаю, что вы будете опорой моей старости». Въ манифестѣ, обнародованномъ лигой отъ имени кардинала Бурбона, находилось воззваніе къ королевѣ-матери, «безъ мудрости которой государство давно разрушилось бы», манифестъ убѣждалъ ее содѣйствовать возстановленію государственнаго благоустройства. Это понравилось ей. Такимъ образомъ она съ одобренія сына вступила въ переговоры съ вождями лиги; взявъ съ собою весь свой придворный штатъ, она отправилась въ Эперне на свиданіе съ ними и заключила тамъ договоръ, совершенно отдававшій короля въ ихъ власть.

По соглашенію съ вождями лиги былъ обнародованъ немурскій эдиктъ, регистрированный 18 іюля парижскимъ парламентомъ по личному повелѣнію короля. Онъ отнималъ у гугенотовъ всѣ права, предоставленныя имъ договорами правительства съ ними и постановлялъ: во Франціи воспрещается всякое иное вѣроисповѣданіе, кромѣ католическаго; кальвинистскіе проповѣдники должны удалиться изъ Франціи до истеченія мѣсячнаго срока, всѣ другіе

кальвинисты, которые не отрекутся отъ своего вѣроученія, должны удалиться до истеченія полугодичнаго срока; кто не исполнитъ этого повелѣнія, подвергается смертной казни, а имущество его конфискуется; далѣе, король объявлялъ, что даетъ одобреніе и утвержденіе всему, сдѣланному лигистами по усердію къ католической вѣрѣ, оставлялъ ихъ во владѣніи крѣпостями, которыя заняли они, разрѣшалъ ихъ вождямъ имѣть тѣлохранителей, брать на содержаніе этихъ отрядовъ деньги съ провинцій, находящихся подъ ихъ управленіемъ, принималъ на себя уплату недоданнаго жалованья ихъ наемникамъ.—Онъ лишилъ себя этимъ эдиктомъ послѣднихъ остатковъ чести и власти, выставилъ себя передъ націей человекомъ измѣнившимъ слову, дѣлающимъ то, что предписывается ему другими. Немурскій эдиктъ отнималъ у гугенотовъ право молиться дома у себя по своей вѣрѣ, которое было оставлено имъ даже послѣ Вареоломеевской ночи; жестокія постановленія католической церкви противъ еретиковъ были сдѣланы теперь государственными законами Франціи, и притомъ не по рѣшенію законныхъ органовъ національной воли, а по требованію партіи, находившейся подъ покровительствомъ иностраннаго государя, получавшей отъ него деньги, отдавшей въ жертву ему національную независимость.

Немурскій эдиктъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе иначе какъ войною съ гугенотами. Генрихъ III самъ повелѣлъ на нихъ войско; онъ не стыдился вѣроломства, былъ радъ, что можетъ дать волю своей враждѣ къ еретикамъ; въ началѣ царствованія онъ согласился дать имъ вѣротерпимость лишь по невозможности отказать въ ней; теперь онъ съ удовольствіемъ отмѣнилъ ее. Гугеноты взяли за оружіе для защиты своей вѣры, Генрихъ наваррскій и для защиты своего права престолонаслѣдія. Онъ обнародовалъ манифестъ, говорившій, что никогда не стѣснялъ ни чьей свободы совѣсти и, когда станетъ королемъ, не будетъ дѣлать ничего во вредъ католической религіи; что онъ имѣлъ преданность другому вѣроученію, но что онъ не еретикъ, какъ лживо называютъ его папская булла и манифестъ лигистовъ; онъ всегда готовъ покориться рѣшеніямъ законнаго собора, къ участію въ которомъ должны быть допущены и его единовѣрцы: лигисты ввергли Францію въ новое междоусобіе не по усердію къ вѣрѣ, а для удовлетворенія своему властолюбію; говорилъ онъ и объявлялъ, что готовъ доказать справедливость своего дѣла поединкомъ съ герцогомъ Гизомъ и отдаетъ свои права на рѣшеніе суду пэровъ.—Агенты его прибили на стѣнѣ Ватикана протестъ его противъ буллы объ отлученіи. Герцогъ Монморанси, отвергнувъ всѣ предложенія Гизовъ, принялъ сторону Генриха наваррскаго; сталъ на его сторонѣ и принцъ Конде. Всѣ трое они обнародовали прокламацію, въ которой называли Гизовъ виновниками эдикта, нарушающаго договоры, заключенные королемъ съ его подданными, и говорили, что подъ личиною усердія къ вѣрѣ Гизы хотятъ отнять престолъ у французской династіи, овладѣть имъ.

Войну, начавшуюся теперь, французы называли войною трехъ Генриховъ, потому что король и оба вождя сражавшихся партій, герцогъ Гизъ и законный наслѣдникъ престола, носили это имя. Ненавидя гугенотовъ, король былъ расположенъ къ Генриху наваррскому и признавалъ его право наслѣдовать престолъ, не довѣрялъ герцогу Гизу, угадывая измѣнническія сношенія его съ Филиппомъ и опасаясь его побѣдъ. Такимъ образомъ Генрихъ III велъ войну про-

тивъ человѣка, котораго желалъ бы имѣть другомъ, имѣлъ союзникомъ человѣка, котораго считалъ измѣнникомъ; потому его дѣйствія были перѣшительны, онъ не зналъ, какъ выпутаться изъ своего положенія. Но принужденный угождать лигистамъ онъ обнародовалъ прокламаціи, угрожавшія конфискаціей и смертию каждому, кто не отречется отъ ереси и не положитъ оружіе. Войско Генриха наваррскаго далеко уступало числомъ соединеннымъ войскамъ короля и лиги, но противники его пріобрѣли мало успѣховъ. Ихъ дѣйствія въ 1586 году ограничивались мелкими схватками и взятіемъ нѣсколькихъ крѣпостей. Не разъ начинались переговоры; въ декабрѣ того года Катерина сама ѣздила на свиданье съ Генрихомъ наваррскимъ въ Сенъ-Бри (близъ Коньяка); но примиреніе оказывалось невозможнымъ пока правительство не возвратитъ гугенотамъ прежнія права ихъ. Въ февралѣ слѣдующаго (1587) года была казнена Марія Стюартъ; это усилило вражду французскихъ папистовъ къ реформатамъ, и вліяніе герцога Гиза на массу католиковъ увеличилось; папа сравнивалъ его съ Іудею Маккавеемъ, паписты видѣли въ немъ своего спасителя. Филиппъ II готовилъ громадную экспедицію противъ Англіи; лигисты хотѣли отдать ему Булонь, чтобъ она служила базисомъ для вторженія войска его въ Англію; но королю было сообщено о ихъ намѣреніи, и были приняты мѣры, не допустившія ихъ исполнить его.—Военныя дѣйствія въ этомъ году стали энергичнѣе. Герцогъ Жойёзъ, одинъ изъ королевскихъ любимцевъ, пошелъ въ Гіэнь, гдѣ были собраны силы Генриха наваррскаго и принца Конде, онъ хотѣлъ помѣшать ихъ соединенію съ наемниками, шедшими на помощь имъ изъ Пфальца и протестантскихъ кантоновъ Швейцаріи. Правительства этихъ кантоновъ сначала не хотѣли позволять Генриху наваррскому вербовку наемниковъ, не желая ссориться съ французскимъ правительствомъ, въ дружбѣ съ которымъ они были издавна; но опасность, угрожавшая всѣмъ реформатамъ отъ побѣды папистовъ, заставила ихъ согласиться на желаніе гугенотовъ. Наемники ихъ соединились съ нѣмецкими ландскнехтами графа Фабіана Доны, котораго курфирстъ пфальцскій назначилъ начальникомъ этого войска; они дошли до Луары; но смутились, узнавъ, что противъ нихъ идетъ самъ король; они полагали, что война ведется только между реформатами и лигистами, Бурбонами и Гизами; при томъ графъ Дона оказался плохимъ полководцемъ; войско его утратило отвагу. Король и герцогъ майеннскій задерживали его на Луарѣ, а Жойёзъ пошелъ, какъ мы говорили, съ большимъ войскомъ на Генриха наваррскаго, но въ сраженіи при Кутра (въ низовьѣ Дордоньи) 20 октября (1587 года) потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ. Это была первая побѣда гугенотовъ въ открытомъ полѣ. Но Генрихъ не воспользовался ею. Онъ пошелъ въ Беарнъ, положить, какъ говорила молва, взятые у непріятеля знамена къ ногамъ своей лю-

бовницы, графини Граммонъ, а принцъ Конде пошелъ въ Сентъ-Жанъ-д'Анжели и скоро умеръ тамъ отъ отравы, данной ему, какъ предполагали, женой; другіе гугенотскіе вожди разошлись по своимъ замкамъ. Такимъ образомъ побѣда гугенотовъ при Кутра осталась безполезна для нихъ. Швейцарцы и ландскнехты соединились съ войскомъ герцога бульіонскаго, подвигались внизъ по Луарѣ на соединеніе съ Генрихомъ наваррскимъ, еще стоявшимъ тогда на Дордонѣ; но герцогъ Гизъ неожиданно напалъ на Дону при Оно и такъ разстроилъ войско его, неуважавшее своего начальника, что онъ рѣшился идти назадъ; Генрихъ III обѣщался не мѣшать его отступленію; но Гизъ не стѣснился обѣщаніемъ короля; онъ преслѣдовалъ отступающихъ, шедшихъ въ свои родныя мѣста разными дорогами и нанесъ имъ большой уронъ. Изъ французовъ, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ ними, часть, поведенная сыномъ адмирала Колиньи къ главному гугенотскому войску на югъ, пробилась къ нему; остальные разсѣялись. Гильіомъ Роберъ герцогъ бульіонскій, подобно своему отцу усердный реформатъ, уѣхалъ въ Женеву и умеръ тамъ на 25 году жизни; его владѣнія наслѣдовала сестра Шарлотта Ла Маркъ, вышедшая впослѣдствіи за Анри Латуръ-д'Оверна, виконта Тюренна.

Генрихъ III, по ненависти къ реформатскому ученію соединившись съ Гизами и лигой на войну противъ Генриха наваррскаго, полагалъ, что они будутъ признательны ему; но скоро увидѣлъ, что они презираютъ его. Гизъ нападалъ на нѣмецкихъ наемниковъ, которымъ далъ онъ свободный пропускъ; лигисты превозносили всѣ дѣйствія герцога Гиза, о дѣйствіяхъ короля и его любимцевъ говорили съ пренебреженіемъ и недовѣріемъ. Жойёзъ выказалъ бездарность при Кутра и былъ убитъ, Гизъ побѣдилъ еретиковъ, прогналъ за Рейнъ, говорили лигисты, упрекали короля въ сочувствіи гугенотамъ, утверждали, что онъ постоянно мѣшалъ герцогу Гизу, котораго въ своихъ памфлетахъ и пѣсняхъ прославляли, какъ незыблемую опору католичества, какъ второго Гедеона; безъ его мужества ковчегъ завѣта, говорили они, попалъ бы въ руки филистимлянъ. Уцѣлѣвшій любимецъ короля герцогъ Эпернонъ былъ предметомъ ожесточенной ненависти ихъ. Онъ не одержалъ никакихъ успѣховъ; а король отдалъ ему ставшую вакантною по смерти Жойёза должность правителя Нормандіи, которой желалъ Гизъ; это усилило вражду Гиза и лигистовъ къ нему.

Отношенія между королемъ и лигой становились все хуже; Генриху III приходилось желать успѣха тѣмъ, противъ которыхъ онъ велъ войну, бояться тѣхъ, союзникомъ которыхъ былъ онъ. Вожди лиги въ январѣ 1588 сѣхались на совѣщаніе въ Нанси и потребовали усиленія суровыхъ мѣръ противъ еретиковъ, заявили королю, что онъ долженъ продать имущества эмигрировавшихъ или осужденныхъ гугенотовъ, употребить вырученныя деньги на продолженіе войны, учредить въ каждой провинціи

инквизиціонный трибуналъ, отдать лигѣ нѣсколько крѣпостей. Въ Парижѣ монахи фанатизировали народъ до горячечнаго волненія; лига владычествовала въ Парижѣ, учредила тамъ террористическое правленіе, подобное парижской коммуны 1793 года. Изъ числа членовъ городского совѣта, старшинъ цеховъ и начальниковъ милиціи былъ выбранъ Совѣтъ Шестнадцати (по числу округовъ, на которые дѣлился тогда Парижъ). Онъ былъ органъ лиги, руководилъ агитаціей; собиралъ народъ въ залахъ рынковъ, въ монастыряхъ, на площадяхъ, разжигалъ его пзувѣрство пламенными рѣчами. Парижскій парламентъ и Сорбонна поддерживали агитаторовъ, которые осыпали ругательствами короля, его любимцевъ, партію политиковъ, говорили, что снисходительность правительства къ еретикамъ подвергаетъ опасности религію, оскорбляетъ величіе Божіе. Верховнымъ руководителемъ этой агитаціи былъ герцогъ Гизъ; Совѣтъ Шестнадцати дѣйствовалъ по его инструкціямъ; приверженцы его были начальниками шестнадцати отрядовъ, на которые раздѣлялась парижская милиція по числу частей города; его слово было въ Парижѣ сильнѣе повелѣній короля. На тайныхъ совѣщаніяхъ вождей лиги уже говорилось, что должно низложить послѣдняго Валуа, какъ былъ низложенъ послѣдній Меровингъ. При одной изъ процессій, въ которыхъ любилъ участвовать Генрихъ III, руководители лиги хотѣли схватить его, отвести подъ стражу, формально назначить правителемъ Парижа Герцога Гиза; дальнѣйшій ходъ дѣла долженъ былъ состоять въ томъ, что герцогъ созветъ государственный сеймъ и при его содѣйствіи возьметъ на себя управленіе королевствомъ. Кажется, сама Катерина, раздосадованная тѣмъ, что сынъ пересталъ слушаться ея, вступила въ соглашеніе съ Гизами. Женщины, всегда играющія важныя роли въ религіозныхъ движеніяхъ, были усерднѣйшими покровительницами или агентками лиги; герцогиня Монпансье, сестра герцога Гиза, говорила, что языкомъ народныхъ ораторовъ она одерживаетъ болѣе важныя побѣды, чѣмъ ея братъ оружіемъ. Король, которому замыселъ лиги былъ выданъ измѣнчившимъ ей членомъ, Пуленомъ, принялъ мѣры для огражденія своей безопасности. Лига приводила отовсюду въ Парижъ фанатиковъ, изувѣрскій видъ которыхъ показывалъ королю, что дѣйствительно угрожаетъ ему опасность быть низвергнутымъ; страхъ заставилъ его выйти изъ своей вялой безпечности, онъ призвалъ въ Сень-Дени 4.000 швейцарцевъ, стоявшихъ въ Ланьи и увеличилъ число своихъ тѣлохранителей. Заговорщики встревожились; они предположили, что король хочетъ поступить съ ними, какъ въ Варооломеевскую ночь онъ и они поступили съ гугенотами; они послали герцогу Гизу приглашеніе пріѣхать въ Парижъ. Король запретилъ ему ѣхать; но призывъ лигистовъ былъ для него важнѣе королевскаго запрещенія.

9 мая 1588 Генрихъ Гизъ вѣхалъ верхомъ на конѣ въ Парижъ черезъ Сень-Денискіе ворота. Свита его состояла только изъ семи человекъ; но на пути отъ городскихъ воротъ къ дворцу возросла до 30.000. Онъ отправился прежде всего къ королевѣ-матери; она въ испугѣ и удивленіи спросила его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ; онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ оправдаться отъ лживыхъ обвиненій и защитить католиковъ отъ коварства враговъ ихъ. Первое свиданіе короля съ нимъ было у королевы-матери, онъ сказалъ королю то же, что ей. Парижане взялись за оружіе; герцога повсюду сопровождали массы вооруженныхъ людей; онъ былъ истиннымъ владыкой Парижа; дво-

рець его постоянно былъ окруженъ тысячами его приверженцевъ. Королю стало страшно за себя, онъ обнародовалъ повелѣніе, чтобы всѣ непринлежащіе къ числу постоянныхъ жителей Парижа были удалены изъ города, послалъ стоявшимъ въ предмѣстьяхъ швейцарцамъ и надежнымъ французскимъ войскамъ приказаніе идти въ центральную часть города, расположиться кругомъ Лувра. Число ихъ не превышало 6.000 человекъ, — войско лиги въ Парижѣ было въ пять разъ многочисленнѣе; и однако же лигисты говорили, что король хочетъ напасть на католиковъ, убить герцога Гиза и всѣхъ вождей лиги, какіе попадутся въ руки солдатамъ его; по городу ходили списки людей, которыхъ хочетъ убить король; тутъ были имена всѣхъ агитаторовъ, любимыхъ народомъ. Лигисты рѣшили помѣшать соединенію королевскихъ войскъ. Организациа, данная парижскому населенію учрежденіемъ Совѣта Шестнадцати, объединяла всѣ военныя силы Парижа; они были поставлены подъ начальство главнокомандующаго, которымъ былъ назначенъ Шарль Бриссакъ, безусловно преданный герцогу Гизу; роялисты были устранены отъ всѣхъ должностей парижскаго городского управленія, замѣщены папистами; фанатичные лигисты захватили управленіе городомъ и черезъ три дня по приѣздѣ Гиза, въ такъ называемый «День баррикадъ», 12 мая подняли возстаніе. Въ этотъ день швейцарцы двинулись въ городъ; граждане въ страхѣ и ярости заперли дома и подъ звонъ набата перегородили улицы бочками, бревнами, всякими другими громоздкими тяжелыми вещами, протянули поперекъ ихъ цѣпи; дѣло это велось по такому правильному плану и такъ усердно, что въ нѣсколько часовъ ходъ по улицамъ былъ перегороденъ на каждаго тридцати шагахъ; часть королевскихъ войскъ, начальникомъ которыхъ былъ опрометчивый Крильонъ, была заперта на Моберовской площади (Place Maubert), а недобравшіеся до нея были отрѣзаны отъ сообщеній съ этой площадью и между собой. Лигистамъ удалось сдѣлать это тѣмъ легче, что королевскимъ войскамъ было запрещено нападать, велѣно только обороняться. Они не могли развернуться боевымъ строемъ въ тѣсныхъ клочкахъ улицъ между баррикадъ; войска Бриссака напали на нихъ. Послѣ непродолжительной обороны отряды ихъ сдавались одинъ за другимъ. Возстаніе народа становилось все грознѣе и грознѣе, масса вооруженныхъ гражданъ передъ Лувромъ росла съ каждой минутой, держала его въ блокадѣ; роялисты говорили, что Бриссакъ хочетъ штурмовать королевскій дворецъ. Герцогъ Гизъ оставался въ своемъ дворцѣ, получалъ извѣстія о ходѣ дѣла, былъ, какъ говорятъ, въ радостномъ настроеніи духа. Къ нему явился посолъ отъ короля съ просьбой о посредничествѣ. Судьба государства была въ эти минуты въ его рукахъ: если бы онъ оставилъ вооруженныхъ парижанъ дѣйствовать по ихъ волѣ, король былъ бы лишенъ престола. Но Гизъ не далъ дѣлу дойти до этого. Безъ пан-

цыря, безъ оружія, только съ тростью въ рукѣ, онъ сѣлъ на коня, поѣхалъ къ бушевавшему народу, былъ встрѣченъ съ восторгомъ, убѣдилъ народъ успокоиться, велѣлъ возвратить швейцарцамъ и королевскимъ тѣлохранителямъ ихъ оружіе. Онъ забылъ, что зашедшій такъ далеко, какъ онъ, погибнетъ, если остановится. Онъ полагалъ, что король совершенно отдастъ себя въ его власть, будетъ дѣйствовать по его волѣ, спасъ короля и погубилъ себя, потому что Генрихъ III не простилъ ему страха и униженія, какому подвергся въ этотъ день.

Въ королевскомъ дворцѣ долго совѣщались о томъ, что теперь дѣлать; передъ вечеромъ король послалъ свою мать къ Гизу узнать, чего онъ требуетъ. Улицы были перегорожены баррикадами; королевѣ-матери надобно было останавливаться передъ каждой, пока отпрутъ оставленный въ ней проходъ; понадобилось два часа, чтобы добраться изъ Лувра во дворецъ герцога Гиза. Онъ потребовалъ, чтобы король назначилъ его общимъ намѣстникомъ королевства, съ такими же полномочіями, какія далъ Францискъ II отцу его, чтобы немедленно созванъ былъ государственный сеймъ для утвержденія его въ этомъ санѣ, чтобы Генрихъ наваррскій былъ объявленъ лишеннымъ всякихъ правъ на престолъ, чтобы Эпернонъ, Биронъ, Ресъ и другіе ненавистные лигистамъ совѣтники короля были удалены отъ двора, лишены всѣхъ должностей, чтобы веденіе войны противъ гугенотовъ было поручено ему. Утромъ Катерина Медичи снова отправилась во дворецъ герцога просить о смягченіи этихъ требованій, и преднамѣренно затягивала разговоръ съ нимъ. Король переодѣтый пробрался въ это время изъ Лувра съ той стороны дворца, которая одна оставалась свободна, ускакалъ изъ Парижа, уѣхалъ въ Шартръ. За нимъ послѣдовалъ туда дворъ, пошли швейцарцы и тѣлохранители. Катерина Медичи и супруга короля, родственница Гизовъ, остались въ Парижѣ, чтобы сохранялся видъ, будто городъ еще повинуется приказаніямъ, отдаваемымъ отъ имени короля.— И такъ Генрихъ III при всей горячности своего фанатизма, оказался вынужденнымъ бѣжать изъ столицы, потому что лигисты находили его слишкомъ уступчивымъ къ еретикамъ. Онъ уѣхалъ съ проклятіемъ неблагодарности парижанъ и уже не возвратился въ столицу.

По отѣздѣ короля Парижъ остался совершенно въ рукахъ лигистовъ и главы ихъ, герцога Гиза. Герцогъ принялъ такія мѣры обороны, что Парижъ сталъ безопасенъ отъ всякаго нападенія. Комменданты Бастиліи и другихъ фортвъ или укрѣпленныхъ зданій Парижа принуждены были отдать ихъ ему; онъ замѣстилъ всѣ городскія должности людьми своей партіи, занялъ всѣ важные пункты въ окрестностяхъ Парижа, чтобъ охранять свободу подвоза съѣстныхъ припасовъ въ городъ. Онъ продолжалъ говорить, что остается вѣренъ королю, что пріѣхалъ въ Парижъ только для того, чтобъ защитить

вѣру и удалить отъ управленія дурныхъ совѣтниковъ короля, что возстаніе въ день баррикадъ возникло только изъ негодованія народа на уступчивость правительства къ гугенотамъ, что парижане не имѣли никакихъ намѣреній враждебныхъ королю. Генрихъ III притворился, будто вѣрить словамъ герцога; онъ научился у матери мастерству въ притворствѣ. Ему и ей казалось надобнымъ, чтобъ онъ примирился съ лигой, принялъ ея принципы; онъ отвѣчалъ ласково безъ всякаго слѣда неудовольствія на оправданія герцога Гиза и лигистовъ, утвердилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя Гизомъ въ Парижѣ, далъ утвержденіе въ должностяхъ людямъ, назначеннымъ лигистами и герцогомъ, велѣлъ съ выраженіями немилости удалиться отъ двора герцогу Эпернону, навлекшему на себя всеобщую ненависть и въ іюль (1588 г.) обнародовалъ эдиктъ, соотвѣтствовавшій религіознымъ принципамъ лиги; этотъ актъ говорилъ: во Франціи должна существовать только католическая церковь; всѣ подданные короля обязываются дать присягу, что по кончинѣ его не признаютъ королемъ лицо, исповѣдующее ересь или покровительствующее исповѣдующимъ ее; король не положитъ оружія, пока не искоренить ересь: онъ даетъ лигистамъ амнистію, потому что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ они руководились усердіемъ къ вѣрѣ; онъ только повелѣваетъ имъ прекратить всякія сношенія съ иноземными государями и вступить съ нимъ въ унію (соединеніе); этотъ союзъ дастъ католической націи единодушіе съ католическимъ королемъ въ стремленіи къ одной цѣли. Этотъ манифестъ получилъ названіе эдикта уніи. Король съ ненавистью въ душѣ назначилъ герцога Гиза общимъ королевскимъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ всѣхъ войскъ съ титуломъ дворцоваго гросмейстера, напоминавшимъ о майордомахъ Меровинговъ.

Герцогъ Гизъ имѣлъ всѣ качества, нужныя для владыки государства: высокій ростъ, благородная осанка, прекрасное мужественное лицо внушали къ нему уваженіе каждому при первомъ взглядѣ на него; рубецъ отъ раны, полученной имъ въ щеку подъ Шато-Тьерри не безобразилъ его красоту, а только усиливалъ впечатлѣніе мужества, производимое его лицомъ; по этому рубцу его называли Balafre (имѣющимъ рубецъ); гордый, пронзательный взглядъ, въ которомъ выражались величавость и твердость характера, покорялъ ему всѣхъ. Онъ выросъ въ наслажденіяхъ, подобно Генриху III, но оставался чуждъ женоподобной изнѣженности короля, славился искусствомъ въ верховой ѣздѣ, фехтованьѣ, плаваньѣ, во всѣхъ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ; на походахъ онъ раздѣлялъ всѣ труды и лишенія своихъ солдатъ; онъ не имѣлъ такого стратегическаго таланта, какъ его отецъ; но блисталъ личной храбростью, и отважностью плановъ. Обдумывать, долго готовить дѣло было не въ его характерѣ, онъ слѣдовалъ внушеніямъ минуты и дни опасности были наслажденіемъ ему. Онъ славился щедростью, привѣтливостью, горячо сочувствовалъ печалямъ и радостямъ всѣхъ близкихъ къ нему, былъ безкорыстенъ; все это привлекало къ нему народъ. При томъ онъ былъ неизмѣнно вѣренъ наслѣдственнымъ правиламъ политики своей династіи, и пайисты знали, что могутъ безусловно довѣрять ему.

Бѣгство Генриха III изъ Парижа и обнародованіе эдикта уніи совпало по времени со снаряженіемъ того громаднаго флота, который получилъ названіе Непобѣдимой Армады и былъ предназначенъ нанести смертельный ударъ всему протестантству. Подъ впечатлѣніемъ надежды, которую внушала папистамъ эта экспедиція, и рѣшился Генрихъ III обнародовать эдиктъ уніи, заявлявшій его согласіе съ политикой короля испанскаго. Чтобы доказать Филиппу II свою твердую преданность католичеству, Генрихъ III продолжалъ угождать герцогу Гизу: далъ ему первое мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ, устранилъ отъ должностей тѣхъ людей; которые были непріятны ему; во всѣхъ важныхъ вопросахъ слѣдовалъ его мнѣнію. Такъ прошло до 16 октября, дня открытія засѣданій государственнаго сейма, созваннаго въ Блуа. Если Генрихъ III надѣялся найти въ сеймѣ поддержку себѣ для выхода изъ-подъ владычества герцога Гиза, то скоро увидѣлъ, что ошибался: сеймъ состоялъ почти исключительно изъ приверженцевъ лиги; сословныя отдѣленія сейма выбрали своими предсѣдателями вождей ея: духовенство—кардинала Гиза, дворянство—графа Бриссака, командовавшаго парижанами въ День баррикадъ; третье сословіе—Ла-Шатель-Марто, городского голову Парижа (*prévôt des marchands*). Король открылъ засѣданія рѣчью, приглашавшею сеймъ соединиться съ нимъ для искорененія ереси, отмѣны всего дурного въ государственномъ бытѣ, устраненія безпорядка въ финансахъ и администраціи благотворными преобразованіями, утвердить эдиктъ уніи, чтобъ онъ сталъ однимъ изъ основныхъ законовъ государства, содѣйствовать укрѣпленію королевской власти, восстановленію всеобщаго повиновенія ей по старымъ основаніямъ государственнаго устройства, упроченію правъ короля и государственныхъ сеймовъ въ законныхъ границахъ. Эта рѣчь такъ не понравилась папистамъ, что король не отважился обнародовать ее въ подлинномъ видѣ, она была напечатана съ передѣлками и безъ тѣхъ мѣстъ, которыя особенно непріятны были папистамъ. На сеймѣ стала формально высказываться іерархическая теорія, говорившая, что король получаетъ свою власть не по праву наслѣдства, а чрезъ санкцію даваемую церковью, что онъ долженъ править государствомъ не по произволу, а по основнымъ законамъ государства и въ согласіи съ сеймомъ. Сообразно правиламъ, развившимся изъ политической полемики, которая была вызвана, долгими междоусобіями, сеймъ хотѣлъ замѣнить прежнюю, почти неограниченную власть короля такимъ государственнымъ устройствомъ, въ которомъ король подчиненъ церкви и верховной власти народа, сеймъ имѣетъ право контроля надъ тѣмъ, какъ пользуется король правами полученными чрезъ освященіе его власти церковью; предложенія, вносимыя въ сеймъ, не подлежатъ предварительному разсмотрѣнію правительства и рѣшенія сейма не нуждаются въ утвержденіи чрезъ регистрацию ихъ парламентами.

Сеймъ требовалъ, чтобы король наваррскій, какъ еретикъ, былъ со всѣмъ своимъ потомствомъ лишенъ права престолонаслѣдія; чтобы война съ гугенотами была ведена до совершеннаго истребленія ересп, чтобы все имущество еретиковъ было конфисковано; съ тѣмъ вмѣстѣ сеймъ хотѣлъ подчинить своему контролю государственный бюджетъ, требовалъ, чтобы налоги были устанавливаемы, война была объявляема и миръ былъ заключаемъ не иначе, какъ съ согласія государственныхъ сеймовъ. Всю правительственную власть блуасскій сеймъ хотѣлъ передать герцогу Гизу. Сравненіе герцога съ Пинциномъ, Генриха Валуа съ послѣднимъ меровингскимъ королемъ Хильперихомъ показывало, чего именно желаютъ паписты. Когда герцогъ Гизъ по должности гросмейстера сидѣлъ у подножія трона въ залѣ сейма, онъ видѣлъ передъ собою собраніе преданныхъ ему людей; когда онъ ѣхалъ по городу, за нимъ слѣдовали массы его приверженцевъ; его свита не рѣдко вступала въ драку съ королевскими солдатами; въ государственномъ совѣтѣ никто не отваживался противорѣчить ему.

Положеніе Генриха III было очень дурно: враждебный ему государственный сеймъ, отказывая въ деньгахъ на содержаніе двора и необходимыя надобности, требовалъ энергическаго веденія войны съ гугенотами; герцогъ Гизъ казался желающимъ захватить всю власть въ государствѣ и потомъ взойти на престолъ. Генрихъ III рѣшилъ убить своего соперника; ему не трудно было стать убійцей: онъ ужъ былъ убійцей въ Варооломеевскую ночь. Когда герцогъ утромъ 23 декабря пріѣхалъ въ засѣданіе королевскаго совѣта, ему сказали, что король проситъ его въ свой кабинетъ; при входѣ въ эту комнату бросились на него королевскіе тѣлохранители и убили его. Подобно Цезарю, онъ получалъ предостереженія и пренебрегъ ими. Онъ былъ отваженъ и надѣялся, что при его популярности король, человѣкъ трусливый, не рѣшится на убійство, и на слова своихъ друзей, что король хочетъ убить его, онъ отвѣчалъ: «не посмѣетъ». Въ тѣ минуты, какъ убивали его, былъ арестованъ его братъ кардиналъ Луи Гизъ. Король, не стѣсняясь саномъ кардинала, велѣлъ на слѣдующій день казнить его. Другіе вожди лиги, въ томъ числѣ и кардиналъ Бурбонъ, были отведены въ темницы.

Въ это время Катерина Медичи лежала больная въ одной изъ комнатъ нижняго этажа дворца. Въ заботѣ о сынѣ она собрала послѣднія силы, пошла переговорить съ арестованнымъ кардиналомъ Бурбономъ. Онъ сказалъ ей, что всѣ бѣдствія этого гибельнаго времени надутъ на ея преступную голову, что она заманила Гизовъ на смерть. Она умерла меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли, 5 января 1589. Она не дожила до развязки ужасной драмы, въ которой играла такую важную роль, но предвидѣла послѣдствія убійства герцога Гиза. Когда сынъ пришелъ сказать ей, что убилъ его, и что теперь снова сталъ королемъ Франція, убивъ короля Парижа, она въ ужасѣ отвѣчала: „Дай Богъ, чтобы ты не сталъ королемъ ничтожества“.

Убійство герцога Гиза взволновало всю Францію; лозунгомъ лигистовъ стало отмщеніе нечестивому, богоотступному королю, новому Ироду, низвергшему опору католической церкви. Извѣстіе о смерти

герцога пришло въ Парижъ наканунѣ Рождества. Ярость народа не знала границъ; жадно слушалъ онъ негодующія проповѣди фанатиковъ въ церквахъ, рѣчи своихъ ораторовъ на площадяхъ. Въ Парижѣ былъ центръ лиги, жило семейство убитаго герцога. Городской совѣтъ предложилъ Сорбоннѣ высказать свое мнѣніе о поступкѣ короля; молодые профессеры, воспитанные въ ученіи іезуитовъ, взяли верхъ надъ стариками, и Сорбонна рѣшила: «такъ какъ король поступилъ вѣроломно во вредъ католической религіи, то французскій народъ освобождается отъ данной ему присяги вѣрности и имѣетъ право соединиться и вооружиться противъ него». Одинъ изъ главныхъ ораторовъ папистской демократіи лиги, монахъ Буше, написалъ разсужденіе, въ которомъ доказывалъ, что Генрихъ Валуа долженъ быть низложенъ. Парижскій парламентъ прогналъ тѣхъ своихъ членовъ, которые были за короля, замѣстилъ ихъ лигистами; парижане послали герцогу майеннскому приглашеніе пріѣхать къ нимъ, назначили своимъ правителемъ до его пріѣзда младшаго брата его, герцога Омальскаго. Многіе другіе города также объявили, что перестаютъ повиноваться королю. Орлеанъ возсталъ противъ короля; его примѣру послѣдовали Шартръ, Ле-Мансъ, почти всѣ города Пикардіи и Нормандіи. Въ Тулузѣ президентъ парламента, стоявшій за короля, былъ убитъ; народъ таскалъ по грязи изображеніе короля; лига захватила власть въ Бретани, правителемъ которой былъ герцогъ Меркёръ, въ Ліонѣ, въ Бургони, гдѣ находился тогда герцогъ майеннскій. Лишь немногіе города, важнѣйшими изъ которыхъ были Блуа, Туръ, Сомюръ, Амбуазъ, остались вѣрны королю. Переворотъ почти повсюду сопровождался назначеніемъ новаго городского совѣта, смѣной другихъ городскихъ властей, убійствами кальвинистовъ. Генрихъ III хотѣлъ опираться на сеймъ, но члены его такъ настойчиво выражали намѣреніе разойтись, что король принужденъ былъ (16 января 1589) распустить его. Желая успокоить католиковъ, король объявилъ эдиктъ уніи государственнымъ закономъ и обнародовалъ рѣзкія распоряженія о преслѣдованіи еретиковъ. Но паписты не могли имѣть довѣрія къ вѣроломному убійцѣ своего вождя. Они въ противоположность той уніи, главою которой провозглашалъ себя король, основали новую унію, члены которой давали клятву жертвовать имуществомъ и жизнью за католическую вѣру и бороться противъ всякаго, подвергающаго ее опасности. Въ Парижѣ былъ выбранъ и взялъ мѣстомъ своихъ засѣданій ратушу совѣтъ уніи, состоявшій изъ самыхъ горячихъ лигистовъ безъ различія сословій: тутъ были и монахи, и вельможи, и профессеры Сорбонны, и горожане. Генрихъ III пытался вступить въ переговоры съ герцогомъ майеннскимъ; герцогъ отвергъ всякое примиреніе съ нимъ, организовалъ лигистское управленіе въ Ліонѣ, въ Бургони, въ Шампани, и 15 февраля пріѣхалъ въ Парижъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ священной уніи.

Въ его рукахъ было теперь могущество, дѣлавшее его рѣшителемъ судьбы Франціи. Часть той привязанности, какую масса народа имѣла къ герцогу Гизу, перешла на него и дала ему значеніе далеко превышавшее размѣръ личныхъ его талантовъ. Осталось мало людей повинующихся королю. Послы Филиппа II и папы (Сикста V) покинули его дворъ. Въ большей части городовъ королевское управленіе было замѣнено городскимъ совѣтомъ, выбраннымъ изъ лигистовъ, Парижемъ управлялъ Совѣтъ Шестнадцати; эти городскіе совѣты набирали войска, назначали на всѣ городскія должности.

Король увидѣлъ себя почти одинокимъ между двухъ воюющихъ партій. Лига была непримиримо враждебна ему; это заставило его искать примиренія съ Генрихомъ наваррскимъ, вождемъ гугенотовъ, малочисленное, но храброе войско которыхъ стояло въ Гиѣни. При посредничествѣ Дюплесси Морне былъ 3 апрѣля (1589 года) заключенъ въ формѣ перемирія договоръ, по которому король обѣщался въ вознагражденіе за помощь Генриха наваррскаго дать гугенотамъ свободу богослуженія повсюду въ государствѣ и отдать имъ Сомюръ. По заключеніи перемирія король и Генрихъ наваррскій поѣхали на свиданье, мѣстомъ его былъ паркъ замка Плесси (близъ Тура). Генриху III было трудно подавить въ себѣ привычную ему ненависть къ гугенотамъ; но онъ нашелъ въ нихъ старыя французскія чувства вѣрности королю и патріотизма, забытыя ихъ противниками. Католики оставшіеся на сторонѣ короля соединились теперь съ гугенотами на борьбу противъ папистовъ, возставшихъ противъ короля.

Война приняла широкій размѣръ. Наемники, на вербованные въ Бернѣ и Женевѣ, пошли на Луару; они считали войну съ французскими папистами защитой интересовъ самой Швейцаріи, потому что герцогъ савойскій, союзникъ Гизовъ и Филиппа II, хотѣлъ покорить Женеву. Счастіе было теперь на сторонѣ Генриха наваррскаго и короля, отдавашагося подъ его покровительство. Генрихъ III сталъ выказывать храбрость, какой отличался въ молодости. Онъ оттѣснилъ герцога майеннскаго въ сраженіи подъ Туромъ, а Генрихъ наваррскій и историкъ Лану разбили герцога Омальскаго подъ Санли и въ нѣсколькихъ другихъ сраженіяхъ, перешли Луару, подвигались къ Сенѣ. Многіе дворяне, сохранявшіе вѣрность королю, присоединялись къ нимъ. Генрихъ III шелъ на Парижъ, имѣя 40.000 человекъ въ своемъ войскѣ; онъ говорилъ, что должно поразить врага въ самое сердце. Папа объявилъ, что если онъ до истеченія десятидневнаго срока не освободитъ кардинала Бурбона и другого арестованнаго имъ епископа и не оправдается передъ римскимъ престоломъ отъ взводимыхъ на него обвиненій, то будетъ отлученъ отъ церкви. Онъ смутился этимъ, но Генрихъ наваррскій сказалъ ему: «Если мы побѣдимъ, отлученіе не будетъ ничего значить.» Оно дало новый матеріалъ для проповѣдей фанатиковъ лиги; въ церквахъ стали мо-

литься «за нашихъ благочестивыхъ принцевъ», то есть, за Карла Бурбона и Гизовъ. Сорбонна провозгласила, что «дозволительно частному человѣку убійство тиранна, вредящаго общему благу и религіи».

Но по мѣрѣ приближенія королевскаго войска къ Парижу, воинственность демагоговъ охладѣвала, и когда король взялъ Понтуазъ, Пуасси, Сень-Клу, обложилъ Парижъ со всѣхъ сторонъ, лигисты оробѣли. Они знали, что имъ не будетъ пощады отъ раздраженнаго, мстительнаго короля; говорятъ, что, взошедши на холмъ близъ Сень-Клу и посмотрѣвъ на Парижъ, онъ сказалъ: «Скоро на этой равнинѣ будутъ искать стѣнъ и строеній Парижа и найдутъ развалины». Прежде онъ любилъ парижанъ и тѣмъ сильнѣе злился теперь на нихъ за неблагодарность. Но Парижъ былъ избавленъ отъ угрожавшей ему судьбы убійствомъ Генриха III. Убійцей былъ доминиканскій монахъ Жакъ Клеманъ, молодой человѣкъ, слабый разсудокъ котораго былъ доведенъ до сумасбродной экзальтаціи ученіемъ фанатиковъ, что убійство, совершаемое для защиты религіи, не имѣетъ въ себѣ грѣха. Говорятъ, что его возбудила къ убійству короля герцогиня Монпансье, сестра убитаго Генрихомъ III герцога Гиза. Ему дали письмо къ королю, онъ спряталъ подъ одежду отравленный ножъ, пошелъ въ непріятельскій лагерь и попросилъ разговора съ королемъ. Его ввели (1 августа 1589) въ комнату короля, и онъ нанесъ Генриху III смертельный ударъ въ животъ. Король вырвалъ ножъ изъ раны, бросилъ имъ въ голову убійцы, который въ ту же минуту былъ убитъ стоявшими подлѣ короля. Черезъ осемнадцать часовъ Генрихъ III умеръ, назначивъ своимъ наслѣдникомъ Генриха наваррскаго. Смертью Генриха III 2 августа 1589 года на 32 году жизни, на 16 году его царствованія, прекратилась династія Валуа. Только монахъ могъ убить недовѣрчиваго Генриха III, потому что онъ довѣрялъ монахамъ», говоритъ Де Ту.

7. Война за престолъ до принятія католичества Генрихомъ IV.

Смерть Генриха III ободрила парижанъ. Проповѣдники лиги прославляли Жака Клемана, какъ мученика за вѣру. Герцогъ майенскій былъ владыкой Парижа; сестра герцога, герцогиня Монпансье, женщина горячаго характера, и друзья Гизовъ уговаривали его оставить въ пренебреженіи кардинала Бурбона, котораго лига прежде объявляла наслѣдникомъ престола, провозгласить королемъ себя самого. Всѣ парижане надѣли перевязи зеленого лотарингскаго цвѣта. Испанскій посланникъ Бернардино Мендоса, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гизами и хорошо знавшій мысли своего государя, давалъ увѣренія, что король его употребитъ всѣ силы своихъ

государствъ на устраненіе Генриха наваррскаго отъ французскаго престола. Но герцогъ майеннскій нашелъ надобнымъ соблюсти прежнее обѣщаніе лиги Карлу Бурбону, провозгласилъ его королемъ Карломъ X. Парижскій парламентъ, совѣтъ уніи, городскія начальства признали Карла X.—Въ лагерь осаждающихъ смерть Генриха III произвела споры, разъединила ихъ. Многіе католическіе вельможи уѣхали отъ войска, въ томъ числѣ герцогъ Эпернонъ; другіе роялисты были готовы признать волю покойнаго короля, сообразную съ французскими законами о наслѣдствѣ престола, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Генрихъ наваррскій перешелъ въ католичество. Онъ, принявъ титулъ Генриха IV, далъ увѣреніе, что послѣдователи реформатскаго исповѣданія не получаютъ отъ него никакихъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія опредѣлены по договору съ покойнымъ королемъ, что онъ созоветь государственный сеймъ и соборъ французскаго католическаго духовенства и отдастъ на ихъ разсмотрѣніе свое исповѣданіе вѣры; все это было очень умно. Онъ убѣдилъ швейцарскихъ наемниковъ не уходить; они сказали, что въ ожиданіи рѣшенія своихъ правительствъ будутъ продолжать службу при немъ, признавая его законнымъ королемъ Франціи.

Рыцарская любезность, истинно французская черта въ характерѣ Генриха IV, привлекала къ нему людей. Онъ провелъ дѣтство въ горахъ своей родины, Беарна; тамъ физическія силы его окрѣпли въ играхъ и военныхъ упражненіяхъ, а мать внушала ему благородныя понятія, дала серьезное образованіе, одушевила его преданностью реформатскому вѣроученію; женитьба на даровитой, но легкомысленной дочери Катерины Медичи сдѣлала его участникомъ предосудительныхъ удовольствій французскаго двора, и для спасенія жизни въ Варѣолмеевскую ночь онъ принужденъ былъ отречься отъ своего исповѣданія. Нѣсколько времени казалось, что онъ подобно братьямъ своей жены погрязнетъ въ порокахъ до забвенія о серьезныхъ дѣлахъ; онъ совершенно увлекся волокитствами, игралъ въ мячъ, охотился и повидимому не думалъ ни о чемъ, кромѣ женщинъ и веселостей. Но черезъ нѣсколько времени пробудились въ немъ стремленія, внушенныя ему благородной, серьезной, умной матерью. Онъ тайно уѣхалъ отъ парижскаго двора и объявилъ себя вѣрнымъ реформатскому ученію, сталъ вождемъ гугенотовъ и, получивъ такимъ образомъ большое вліяніе на ходъ событій, постоянно дѣйствовалъ въ духѣ примиренія. Давно исчезла мысль первыхъ послѣдователей реформаціи, что ихъ религія можетъ стать государственной во Франціи; гугеноты желали теперь только религіозной и гражданской равноправности съ католиками. Генрихъ IV былъ одаренъ качествами надобными для осуществленія этого желанія: онъ умѣлъ примирять съ собою, привлекать къ себѣ людей. Онъ говорилъ своимъ единовѣрцамъ, что ихъ мужество доставило ему французскій престолъ и

что онъ вознаградитъ ихъ за это; католиковъ онъ примирялъ съ собою уваженіемъ къ ихъ духовенству и религіи и указаніемъ на возможность своего перехода въ католичество; горожанамъ и поселянамъ онъ подавалъ надежду на то, что возстановитъ миръ, и тогда улучшится ихъ жизнь, уменьшатся налоги; вельможъ онъ очаровывалъ любезностью, государственный совѣтъ привлекъ къ себѣ готовностью оставить ему прежнее вліяніе на управленіе государствомъ. Для всѣхъ у него были ласковыя слова, прямодушный разговоръ, веселость обращенія.

По смерти Генриха III невозможно было и думать о продолженіи осады Парижа. Герцогъ майеннскій, намѣстникъ отсутствующаго короля лигистовъ, имѣлъ 25.000 французскихъ солдатъ и католическихъ швейцарцевъ намербованныхъ на деньги, данныя Филиппомъ II. Это войско было въ три раза многочисленнѣе тѣхъ воиновъ, на вѣрность которыхъ могъ разсчитывать Генрихъ IV. Онъ долженъ былъ уйдти отъ Парижа; онъ отступилъ на сѣверъ, но остался въ такомъ разстояніи отъ Парижа, съ котораго могъ угрожать ему новымъ нападеніемъ. Коммендантъ Діеппа, хотя и католикъ, отдалъ ему эту крѣпость; онъ выбралъ ее базисомъ своихъ военныхъ дѣйствій и опираясь на нее, занялъ Нормандію. Окопавшись въ позиціи подъ Аркомъ, онъ отразилъ нападеніе враговъ. Александръ Фарнезе пришелъ на помощь лигистамъ, и герцогъ майеннскій говорилъ, что опрокинетъ беарнца или поведетъ его въ цѣпяхъ по Сентъ-Антуанской улицѣ; но встрѣтилъ противника, который превосходилъ его стратегическимъ талантомъ и подавалъ своимъ воинамъ примѣръ храбрости. Генрихъ IV былъ увѣренъ въ томъ, что раньше или позже восторжествуетъ надъ противниками. Это убѣжденіе давало ему твердость въ тяжелой борьбѣ. На слова друзей о числительномъ превосходствѣ непріятеля, онъ отвѣчалъ: «Надобно принимать въ расчетъ и силу своихъ союзниковъ, Бога и права». Герцогъ майеннскій принужденъ былъ отступить, и въ ноябрѣ парижане со страхомъ увидѣли Генриха у своихъ воротъ. Но онъ скоро пошелъ на югъ, установить свою власть надъ областями по берегамъ Луары. Елизавета прислала ему нѣсколько войска. Венеція и протестантскіе кантоны въ Швейцаріи признали его королемъ французскимъ. Онъ держалъ себя какъ представитель вѣротерпимости; въ его лагерѣ совершалось и католическое богослуженіе подъ такимъ же покровительствомъ его, какъ реформатское. Этимъ Генрихъ надѣялся привлечь къ себѣ всѣхъ роялистовъ-католиковъ. Стало обнаруживаться, что Филиппъ II хочетъ воспользоваться междоусобіемъ во Франціи для присоединенія части ея къ своему государству и для подчиненія французскаго королевства своему протекторату; фанатики папизма своими дѣйствіями показывали, что предпочтутъ еретику такого короля, который будетъ подвластенъ Филиппу; это возмущало противъ

нихъ и Филиппа патріотизмъ французскихъ дворянъ католическаго исповѣданія; они переходили на сторону Генриха.

Въ февралѣ (1590 года) онъ подступилъ къ Дрё; герцогъ майеннскій не могъ допустить его безъ сраженія овладѣть этимъ городомъ, находящимся такъ недалеко отъ Парижа, пошелъ на него съ большимъ войскомъ, часть котораго составляли испанцы, итальянцы, валлоны Александра Фарнезе, но потерпѣлъ полное пораженіе въ битвѣ 14 марта подъ Иври. Военное искусство и личная храбрость Генриха блистательно выказались въ этомъ сраженіи: онъ составилъ планъ битвы съ осмотрительностью римскаго полководца, говоритъ Анри Мартенъ, и бросился въ бой съ отвагой средневѣковаго рыцаря. Дворяне, составлявшіе конницу его, медлили идти въ атаку, боясь многочисленности непріятельской конницы, начали отступать, но были увлечены смѣлостью своего короля; они видѣли бѣлыя перья шляпы его развѣвающимися надъ густыми рядами враговъ. Когда непріятель обратился въ бѣгство, и побѣдители, преслѣдуя бѣгущихъ, рубили ихъ, Генрихъ воскликнулъ: «Щадите французовъ, бейте иностранцевъ». Швейцарцы католическихъ кантоновъ, бывшіе у герцога майеннскаго, сдались еще до пораженія другихъ частей войска его. «Богъ показалъ, что любитъ правое дѣло больше, чѣмъ силу», писалъ Генрихъ Лану. Герцогъ майеннскій пошелъ къ сѣверу на соединеніе съ Александромъ пармскимъ, Генрихъ снова подступилъ къ Парижу, овладѣлъ всѣми важными стратегическими пунктами по Сенѣ и впадающими тутъ въ нее Марнѣ и Уазѣ, занялъ предмѣстья Парижа, отрѣзалъ отъ подвоза провіанта ту центральную укрѣпленную часть столицы, которая называлась собственно Парижемъ. Онъ полагалъ, что голодъ скоро принудитъ парижанъ сдаться; но въ нихъ еще силенъ былъ фанатизмъ; корпораціи, называвшіяся духовными братствами, ходили процессіями по улицамъ города; проповѣди монаховъ собравшихся въ Парижъ изъ всей Франціи поддерживали экзальтацію. Однимъ изъ агитаторовъ былъ папскій легатъ Гаэтано, помогавшій интригамъ испанскаго посланника Мендосы съ безграничнымъ усердіемъ, какого далеко не имѣлъ самъ папа; Мендоса велъ дѣло къ тому, чтобы лига отдала Францію подъ покровительство Филиппа. Одною изъ опоръ фанатизма была Сорбонна, объявившая, что Генрихъ Бурбонъ, отлученный отъ церкви какъ еретикъ и отступникъ, не можетъ быть признанъ королемъ французскимъ никогда и ни въ какомъ случаѣ, хотя бы даже папа снялъ съ него отлученіе. Фанатики лиги не жалѣли ничего для поддержанія твердости духа въ массѣ населенія; ухаживали за больными, помогали бѣднымъ, раздавали даромъ пищу; всѣ должностныя лица, всѣ граждане снова дали клятву никогда не признавать королемъ еретика или покровителя ереси. Смерть кардинала Бурбона, находившагося въ плѣну у своего племянника, не произвела никакой перемѣны въ мысляхъ лигистовъ.

Этотъ старикъ былъ лишь орудіемъ Гизовъ; то, что онъ умеръ (8 мая 1590), только дало фанатикамъ больше свободы говорить о признаніи Филиппа II покровителемъ Франціи, а въ самомъ Филиппѣ усилилась надежда подчинить себѣ французское государство.

Но Парижъ уже страдалъ отъ голода; нужна была помощь ему или онъ скоро покорился бы Генриху. Мадридскій государственный совѣтъ увидѣлъ надобность, чтобы двинулось противъ Генриха большое испанское войско. Александру пармскому было непріятно приказаніе, чтобъ онъ со всѣмъ своимъ войскомъ шелъ на помощь Парижу; это давало нидерландцамъ время собраться съ силами для борьбы съ нимъ. Но онъ былъ наконецъ принужденъ покоряться повелѣніямъ короля. Парижскіе лигисты радовались извѣстіямъ, что онъ вошелъ во Францію, соединился близъ Мо съ герцогомъ майеннскимъ. Это ободрило массу населенія, начинавшую падать духомъ отъ страданій голода. Генрихъ пошелъ дать битву врагу; при Шеллѣ на (Марнѣ) войска сошлись (въ концѣ августа) такъ близко, что съ каждымъ днемъ должно было ждать рѣшительнаго сраженія. Но Александръ пармскій не любилъ рисковать: онъ одерживалъ успѣхи способомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ битвы: занималъ крѣпкія позиціи, дѣлалъ искусные переходы, бралъ города; этой системѣ слѣдовалъ онъ и теперь: держалъ Генриха въ надеждѣ, что дастъ битву и не давалъ ея, тянулъ время, пока лигистамъ удалось 6 сентября овладѣть городомъ Ланьи на Марнѣ и провезти этой рѣкой съѣстные припасы въ Парижъ. Генрихъ возвратился къ Парижу, сдѣлалъ приступъ, но былъ отбитъ. Дворяне южной Франціи, составлявшіе главную силу войска его, были утомлены продолжительностью непрерывныхъ военныхъ дѣйствій. Многіе просили, чтобы Генрихъ отпустилъ ихъ домой до весны, обѣщались возвратиться тогда къ нему. Онъ не могъ противиться ихъ желанію и при немъ осталось лишь небольшое войско. Онъ разставилъ его по крѣпостямъ. Герцогъ пармскій удовлетворился тѣмъ, что освободилъ Парижъ отъ осады. Онъ не хотѣлъ даже торжественной встрѣчи себѣ въ немъ, уклонился отъ нея и, захавъ лишь не надолго въ Парижъ, пошелъ назадъ въ Нидерланды. Генрихъ шелъ слѣдомъ за нимъ, но не могъ сильно нападать на него.

Зимою 1590—1591 годовъ Франція находилась въ такой анархіи, что государству повидимому угрожало распаденіе. Испанскій посланникъ Мендоса, искусный дипломатъ, велъ въ Парижѣ дѣло къ тому, чтобы лига признала Филиппа покровителемъ Франціи или даже формально королемъ французскимъ. Карлъ X, какъ называли лигисты кардинала Бурбона, былъ признанъ Филиппомъ за короля французскаго; но онъ умеръ, и Филиппъ могъ теперь заявлять притязанія на французскій престолъ. Сорбонна, вожди лиги, главнокомандующій парижскаго ополченія графъ Бриссакъ, многіе другіе вельможи, старшины цеховъ и другіе правители парижскаго населенія сочувствовали намѣренію Филиппа; герцогъ майеннскій и другіе

Гизы дѣйствовали въ томъ же направленіи: помощь Филиппа была необходима для нихъ, чтобы побѣдить Генриха наваррскаго; безъ нея самый Парижъ былъ бы покоренъ Генрихомъ, державшимся неподалеку отъ него, выжидавшимъ случая къ нападенію. — Въ Орлеанѣ, Сансѣ, Суассонѣ, Шартрѣ, Мо, Пероннѣ тоже владычествовали приверженцы Филиппа; они были многочисленны почти во всѣхъ областяхъ Франціи. Въ декабрѣ 1590 Сорбонна послала францисканскаго монаха Маттео Агирре въ Мадридъ предложить Филиппу протекторатъ надъ Франціей, просить его, чтобы онъ защитилъ преданные ему города отъ враговъ католической вѣры. Покореніе Франціи облегчалось тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ проявлялось желаніе возстановить свою прежнюю независимость или даже совершенно отдѣлиться отъ французскаго государства. Провансъ, какъ мы видѣли, призналъ своимъ государемъ Эммануэля Филиберта савойскаго; герцогъ Меркёръ, жена котораго происходила отъ герцоговъ бретанскихъ, приписывалъ себѣ, какъ ея мужу, право быть герцогомъ бретанскимъ, независимымъ государемъ, и надѣялся отдѣлить Бретань отъ Франціи при содѣйствіи Филиппа, подъ покровительство котораго отдался. Вождь лигистовъ въ Гаврѣ, Вильяръ, и вождь ихъ въ Руанѣ, Таваннъ, были готовы отдать Нормандію подъ покровительство короля испанскаго; находясь вообще во враждѣ между собой, они были согласны въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ майеннскій надѣялся стать государемъ Парижа и сосѣдней части Франціи; фанатичные лигисты были недовольны тѣмъ, что онъ не былъ фанатикъ; но онъ справедливо рассчитывалъ, что они все таки подчинятся ему; герцогъ немурскій, имѣвшій своей резиденціей Ліонъ, дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, не спрашивая согласія ни у Гизовъ, ни у лиги; въ Лангедокѣ Монморанси боролся съ полководцемъ лиги герцогомъ Жюйезомъ и держалъ себя тоже, какъ человѣкъ независимый ни отъ кого. Могущественнѣйшіе изъ вельможескихъ фамилій вообще проявляли стремленіе раздѣлить Францію на свои фамильныя государства; для этого онѣ готовы были отдаться подъ покровительство Филиппа. Сорбонна вела разсужденія о томъ, не должно ли выбрать короля; по мнѣнію однихъ для этого слѣдовало созвать государственный сеймъ; другіе находили, что могутъ выбрать его сами начальники войска и вожди лиги. Никакой другой католическій претендентъ на французскій престолъ не могъ заявить такого благовиднаго права на него, какъ Филиппъ, мужъ дочери Генриха II, сестры Генриха III. Филиппъ присоединилъ къ своему государству Португалію, какъ представитель правъ женской линіи португальской династіи. Такое же право могъ онъ заявить и на французскій престолъ. Правда, по такъ называемому салійскому закону не признавалось за женщинами право и престолонаслѣдія. Но этотъ законъ можно было отмѣнить; іезуиты и францисканцы доказывали, что должно сдѣлать такъ. Совѣтъ Шестнадцати былъ на сторонѣ Филиппа. Чтобы сохранить на словахъ независимость Франціи, былъ составленъ планъ признать королевою французскою дочь Филиппа, Евгенію, и выбрать мужемъ ей французскаго вельможу; онъ сталъ бы управлять государствомъ. Женихъ для Евгеніи былъ уже выбранъ; это былъ молодой герцогъ Гизъ. Убивъ его отца, Генрихъ III арестовалъ его, держалъ подъ стражей въ турецкой цитадели, но онъ успѣлъ бѣжать. Наслѣдникъ правъ отца и дѣда, убитыхъ за вѣру, онъ былъ предметомъ любви всѣхъ французскихъ папистовъ. При ослабленіи королевской власти легко могли расшириться права областныхъ и государственныхъ сеймовъ, получить больше свободы національная жизнь. Паписты желали этого; они хотѣли, обезпечивъ религіозное единство государства, дать широкое основаніе политическимъ правамъ націи, произволъ, владычествовавшій надъ нею, замѣнить законнымъ порядкомъ, ограждающимъ свобо-

ду народа. На блуасскомъ сеймѣ съ религіозными элементами соединялись демократическіе; это соединеніе было характеристической чертой лиги; свободное государственное устройство было основной идеей политической теоріи лигистовъ. Они доходили до мыслей о федеративной республикѣ, хотѣли дать городамъ самоуправленіе, подобное тому, какое было въ нидерландскихъ городахъ; мечтали о томъ, чтобы французскія области свободно управляли каждая своими дѣлами, какъ швейцарскіе кантоны, чтобы центральная власть федераціи этихъ областей не стѣсняла ихъ свободу, чтобы она была подобна швейцарскому сейму и, какъ онъ, ограничена точными, узкими предѣлами. Въ книгѣ „О власти христіанской республики“ Буше доказывалъ, что нація принадлежитъ право выбирать своего правителя. Въ ослѣпленіи фанатизма паписты не видѣли, до какой степени упало благосостояніе испанскаго государства и подвластныхъ ему земель подъ гнетомъ деспотизма Филиппа II; они просили Филиппа поставить въ Парижѣ испанскій гарнизонъ; одинъ изъ членовъ Совѣта Шестнадцати говорилъ, что съ противниками Филиппа должно поступать какъ съ мятежниками; два члена парижскаго парламента и одинъ изъ членовъ парижскаго городского суда, отклонявшіе народъ отъ террористическихъ мѣръ, убиты были имъ.

Казалось, что Франція станетъ подвластна Филиппу. Герцогъ пармскій снова вошелъ съ большимъ войскомъ во Францію; разсѣяныя войска лиги присоединялись къ нему; Гизы, которымъ помогалъ теперь родственникъ ихъ, герцогъ лотарингскій, напрягали всѣ свои силы на устраненіе Генриха наваррскаго отъ французскаго престола; Григорій XIV сталъ усерднымъ исполнителемъ воли Филиппа II, союзникомъ лиги, объявилъ, что церковь никогда не признаетъ еретика и отступника королемъ французскимъ, призывалъ горячимъ тономъ духовенство и всѣхъ вѣрующихъ во Франціи всѣми силами противиться герцогу Вандомскому, какъ называлъ онъ Генриха наваррскаго по одному изъ второстепенныхъ титуловъ, не признавая его даже и королемъ наваррскимъ, употреблялъ на пособіе лигѣ громадныя сокровища, собранныя Сикстомъ V: набировавъ наемниковъ, послалъ съ ними своего племянника во Францію, убѣждалъ короля испанскаго не жалѣть ни денегъ, ни войска на святую войну съ французскимъ еретикомъ. Реформатскія государства не могли бездѣйственно смотрѣть на эту войну; они сами подверглись бы порабощенію Филиппа, еслибъ онъ подчинилъ себѣ Францію. Елизавета отбросила мысль оставаться нейтральной, нашла необходимымъ помогать Генриху IV противъ общаго врага, стала посылать ему деньги, аммуницію, корабли, войско, выказывала нѣжную дружбу къ нему, послала ему перевязь, вышитую, какъ она говорила, ею самою, и просила надѣвать эту перевязь въ знакъ дружбы къ ней, когда онъ даетъ битву. Сначала она требовала, чтобы онъ отдалъ ей Кале, но удовольворилась неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, что ей будетъ дано другое вознагражденіе въ Нормандіи Швейцарскіе, голландскіе, нѣмецкіе кальвинисты стали помогать Генриху; даже курфирстъ саксонскій забылъ свою ненависть къ кальвинистамъ и другіе лютеранскіе государи Германіи не мѣшали Латуру, виконту Тюренну, вербовать на англійскія деньги наемниковъ въ ихъ владѣніяхъ; Фабіанъ Дона, водившій нѣмецкихъ наемниковъ на помощь Генриху III противъ лиги, повелъ это новое войско, перешелъ въ сентябрѣ 1591 Рейнъ, вступилъ въ Лотарингію; тамъ присоединился къ нему съ своимъ войскомъ Тюреннъ, ставшій теперь черезъ женитьбу на наследникѣ герцогства бульонскаго государемъ этого владѣнія и крѣпости Седана, считавшейся въ то время неприступной. Главное начальство надъ соединеннымъ войскомъ принялъ Христіанъ, князь ангальтскій.

Генрихъ IV еще до вступленія Христіана ангальтскаго во Францію велъ войну довольно успѣшно; онъ лишился одного изъ лучшихъ своихъ помощниковъ, Лану, умершаго въ августѣ 1591 при осадѣ Ламбалля (въ Бретани). Но дворяне и вельможи патріотической партіи приняли его сторону; въ числѣ ихъ находились могущественный герцогъ Монморанси и очень искусный полководецъ Ледигьеръ. Особенно многочисленны были патріоты между дворянами и вельможами южной половины Франціи до самой Луары. Патріотамъ католическаго исповѣданія не нравилось то, что Генрихъ IV не принимаетъ католичества, но онъ не отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на ихъ требованіе присоединиться къ католической церкви, и они, хотя съ нѣкоторой досадой, все-таки помогали ему; переходили на его сторону даже многіе изъ дворянъ и вельможъ, принадлежавшихъ прежде къ лигѣ. Кромѣ того, росло число людей, державшихся партіи политиковъ. Она имѣла друзей и между лигистами и между приверженцами Генриха IV; она признавала ненарушимость законнаго порядка престолонаслѣдія; но съ тѣмъ вмѣстѣ требовала, чтобы законный наслѣдникъ престола принялъ католичество. Нѣкоторое время она хотѣла перенести право престолонаслѣдія съ Генриха наваррскаго на другого Бурбона, это былъ младшій братъ принца Кондэ, умершаго не задолго передъ тѣмъ; онъ послѣ Варѣоломеевской ночи принялъ католичество, и по смерти своего дяди, кардинала Карла Бурбона, претендента на престолъ, получилъ санъ кардинала; этотъ новый кардиналъ Бурбонъ былъ такой же безхарактерный и бездарный человѣкъ, какъ прежній. Партія политиковъ скоро увидѣла, что надобно бросить сношенія съ нимъ. Политическія соображенія были для нея важнѣе религіозныхъ, но все-таки она считала необходимымъ, чтобы король былъ католикъ. Сила ея была такъ велика, что всѣмъ было видно: если Генрихъ IV приметъ католичество, то она дастъ ему рѣшительный перевѣсъ въ борьбѣ противъ фанатиковъ. Даже герцогъ майеннскій, предвидя это, думалъ о примиреніи съ Генрихомъ, хотя по своимъ родственнымъ связямъ принадлежалъ къ партіи, ставшей подъ покровительство Филиппа и, будучи главнокомандующимъ лиги, находился въ полной зависимости отъ короля испанскаго и его посланника въ Парижѣ, Мендосы. Герцогъ не рѣдко противился террористическимъ мѣрамъ парижскихъ фанатичныхъ лигистовъ и старался разстроить интриги Мендосы. Онъ былъ человѣкъ храбрый, но любилъ спокойствіе, не имѣлъ горячаго честолюбія, потому и не выказывалъ энергіи, увлекающей толпу. Поставивъ надежный гарнизонъ въ Бастилію, онъ былъ въ безопасности отъ фанатиковъ и презиралъ болтовню демагоговъ.

Вся Франція была въ началѣ 1592 года театромъ войны. Въ Парижѣ Совѣтъ Шестнадцати и агенты его, демагоги, старались упрочить свое владычество свирѣпыми мѣрами, обрекали на смерть всѣхъ

политиковъ, убивали, кого могли; въ другихъ городахъ или тоже владычествовали фанатичные лигисты, убивавшіе противниковъ, или шли схватки на улицахъ; отряды противниковъ и сторонниковъ Генриха IV дрались по всѣмъ областямъ. Генрихъ IV старался упрочить свою власть въ Нормандіи; это было очень важно для него, потому что въ нормандскія гавани удобнѣе всего могъ онъ получать помощь Елизаветы и голландцевъ; при томъ, держась въ Нормандіи, онъ постоянно угрожалъ Парижу. Онъ осадилъ столицу Нормандіи, Руанъ; осада длилась нѣсколько мѣсяцевъ; скоро должна была наступить для жителей Руана необходимость покориться Генриху; но герцогъ пармскій, соединившись въ Лаферъ съ герцогомъ майеннскимъ, пришелъ на выручку осажденнымъ; войско его было многочисленно: солдаты Генриха были изнурены зимнимъ походомъ и трудной осадой. Отважно давъ сраженіе непріятелю, превосходившему его числомъ, онъ былъ принужденъ (въ апрѣлѣ 1592) отступить въ Діеппъ. Герцогъ пармскій хотѣлъ занять всю Нормандію, отрѣзать Генриха отъ его союзниковъ; но имѣлъ дѣло съ противникомъ не менѣе его самого искуснымъ и болѣе отважнымъ. Межъ тѣмъ, какъ онъ осаждалъ Кодебекъ, Генрихъ призвалъ къ себѣ подкрѣпленія, заперъ испанско-лигистское войско близъ Ивето въ округѣ Ко, стѣснилъ его въ небольшую мѣстность; отрѣзанное отъ подвоза провіанта, оно страдало отъ голода и мучилось жаждой (оно стояло на берегу Сены, но это было близъ устья, и вода въ ней тамъ уже смѣшана съ морской, такъ что не пригодна для питья). Казалось, что все войско герцога пармскаго должно будетъ сдаться въ плѣнъ или погибнуть; но онъ увелъ его отъ непріятеля мастерскимъ манеромъ. Онъ былъ раненъ подъ Кодебекомъ и еще былъ слабъ отъ раны, но самъ руководилъ всѣмъ этимъ движеніемъ. Подъ прикрытіемъ густого тумана, онъ незамѣтно для непріятеля перешелъ Сену, и ушелъ черезъ Сень-Клу въ Шампань, оттуда отступилъ въ Нидерланды. Онъ готовился къ новому походу въ Парижъ, но умеръ.

Смерть этого великаго полководца, пользовавшагося довѣріемъ короля испанскаго, потому располагавшаго большими средствами, была счастьемъ и для нидерландцевъ и для Генриха. Походомъ въ Парижъ герцогъ пармскій далъ бы такую сильную опору сторонникамъ короля испанскаго, что они провозгласили бы Филиппа королемъ французскимъ. Герцогъ майеннскій по соглашенію съ уполномоченнымъ присланнымъ отъ Филиппа созвалъ въ Лувръ на 26 января (1593 года) государственный сеймъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о наслѣдствѣ престола. Взаимное ожесточеніе партій дошло до ярости. Во время выборовъ паписты провозглашали, что по основнымъ законамъ государства во Франціи должно существовать только одно вѣроисповѣданіе, еретикъ или покровитель еретиковъ не можетъ быть королемъ, что Генрихъ Бурбонъ, если даже приметъ католичество, все таки останется лишеннымъ права на престолъ, потому что онъ еретикъ, возвратившійся къ ереси по отреченіи отъ нея, отлученный и лишенный правъ папой, и притязанія его на престолъ от-

вергнуты прежнимъ сеймомъ. Въ этомъ тонѣ говорилъ и легатъ папы, хотя новый папа Климентъ VIII не былъ такимъ безусловнымъ преверженцемъ Филиппа II, какъ Григорій XIV уроженецъ Милана, то есть, бывший подданный короля испанскаго. Генрихъ IV объявилъ противозаконнымъ распоряженіе о созваніи сейма, потому что оно сдѣлано не королемъ, а право созывать сеймъ принадлежитъ исключительно королю; снова заявилъ, что всегда готовъ выслушать доводы въ пользу католичества и сдѣлать то, что внушитъ ему Богъ во благо ему; совѣтовалъ французамъ не обольщаться интригами иноземцевъ, прикрывающихъ своекорыстные расчеты личиною усердія къ вѣрѣ, напоминалъ, что салійскій законъ—основной законъ престолонаслѣдія во Франціи; въ доказательство своего миролюбія онъ говорилъ, что дозволить своимъ приверженцамъ поѣхать на свиданье съ уполномоченными государственнаго сейма для совѣщанія о томъ, какимъ способомъ надобно возстановить миръ и обезпечить интересы католической церкви, что онъ покорится этому рѣшенію. Переговоры испанскаго посланника съ герцогомъ майеннскимъ и съ государственнымъ сеймомъ шли успѣшно; дѣло было уже близко къ тому, чтобы признать наслѣдницей французскаго престола дочь Филиппа, Изабеллу. Герцогъ майеннскій держалъ, казалось, въ своихъ рукахъ судьбу Франціи; но онъ сильно повредилъ себѣ эгоизмомъ и встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе въ патріотизмѣ большинства дворянъ и вельможъ. Филиппъ предлагалъ ему очень большія выгоды за содѣйствіе признанію правъ Изабеллы государственнымъ сеймомъ; обѣщалъ сдѣлать его правителемъ Бургонии и Пикардій съ правами почти независимаго государя, поручить ему управленіе Франціей съ саномъ общаго королевскаго намѣстника до пріѣзда Изабеллы въ Парижъ, обѣщалъ кромѣ того большую денежную награду. Герцогъ сначала выказывалъ расположеніе удовольствоваться этимъ, говорилъ, что сеймъ, состоящій почти исключительно изъ усердныхъ католиковъ, легко согласится признать Изабеллу королевой, если получить увѣреніе, что мужемъ ея отецъ выберетъ француза. О томъ, за кого хочетъ отдать дочь, Филиппъ молчалъ. У него было намѣреніе отдать ее за эрцгерцога Карла, брата императора Рудольфа. Если бъ это сбылось, габсбургская династія стала бы полновластной владычицей всего континента западной Европы. Герцогъ майеннскій зналъ мысль Филиппа и не могъ допустить ея. По смерти брата онъ сталъ надѣяться, что французскій престолъ достанется ему. Когда открылось, что Филиппъ хочетъ сдѣлать иностранца мужемъ Изабеллы, королемъ французскимъ, это не понравилось и лигистамъ, потому Филиппъ отказался отъ своего перваго плана, и начались переговоры о проектѣ давно существовавшемъ у лигистовъ, о томъ, чтобы Изабелла вышла за герцога Гиза, бывшаго въ то время еще юношей, и чтобы по совершеніи этого бракосочетанія сеймъ выбралъ герцога Гиза королемъ. Филиппъ согласился, лигисты были въ восторгѣ. Проповѣдники ихъ возвѣщали народу радость, что Богъ наконецъ указалъ будущаго короля, юношу добраго рода, никогда не уклонявшагося отъ истинной вѣры, новаго Давида. Но герцогъ майеннскій хотѣлъ, чтобы мужемъ Изабеллы сталъ его сынъ, и мѣшалъ успѣху дѣла о бракѣ Изабеллы съ его племянникомъ.

Между тѣмъ проявлялись симптомы перемѣны въ настроеніи общественнаго мнѣнія. Парижскій парламентъ былъ вовлеченъ народнымъ движеніемъ и своей ненавистью къ гугенотамъ въ союзъ съ лигой; но скоро съ ужасомъ увидѣлъ, что подвергаются опасности паденія коренные законы государства, на которыхъ основана и собственная его власть. Еще зимой съ 1592 на 1593 годъ многіе члены парламента стали уклоняться отъ содѣйствія лигистамъ; два изъ нихъ были, какъ мы уже говорили, умерщ-

влены за это фанатиками. Герцогъ майеннскій нашелъ надобнымъ остановить террористовъ и повѣсилъ главныхъ виновниковъ этого убійства. Съ того времени въ парламентѣ стала усиливаться реакція противъ фанатиковъ лиги, агентовъ папы и короля испанскаго. Парламентъ сталъ защищать права галликанской церкви противъ самовластныхъ распоряженій папы, напоминалъ о государственныхъ законахъ сторонникамъ проекта о признаніи государственнымъ сеймомъ правъ Изабеллы на престолъ, говорилъ, что государственный сеймъ не имѣетъ власти располагать престоломъ, что Франція наследственная монархія, что по салійскому закону женщины не имѣютъ права наследовать престолъ. Въ католическихъ вельможахъ и дворянахъ пробуждалась, какъ мы говорили, національная гордость. Очевидно было, что Филиппъ хочетъ поработить Францію, что если его дочь станетъ королевой французской, то будетъ лишь прикрывать своимъ плечемъ самовластныя распоряженія отца, что Франція утратитъ независимость, что все въ ней будетъ дѣлаться по приказаніямъ присылаемымъ изъ Мадрида. Одно мѣшало католическимъ патріотамъ перейти на сторону Генриха, онъ былъ еретикъ.

Это затрудненіе для католиковъ признать Генриха наваррскаго королемъ было устранено. Межь тѣмъ какъ государственный сеймъ велъ свои совѣщанія, шедшія медленно и съ перерывами, нѣсколько вельможъ и прелатовъ обѣихъ партій съѣхались для переговоровъ въ Сюрентъ, селеніи близъ Сенъ-Клу. Приверженцы Генриха объявили, что король рѣшился учиться католической вѣрѣ и приметъ ее, если католики захотятъ признать его права. Антипатія католиковъ къ нему была еще такъ велика, что они не были обрадованы этой возможностью примиренія съ нимъ и успокоенія Франціи; они разсуждали о томъ, что едва ли можно вѣрить искренности обращенія человѣка, который разъ ужъ отступилъ отъ католичества, и находили, что во всякомъ случаѣ сеймъ не можетъ признать его королемъ, пока отлученіе не будетъ снято съ него папой. Фанатики шли дальше; они повторяли, что ни въ какомъ случаѣ нельзя признать Генриха королемъ. Споры могли бы длиться много времени, если бы событія не сдѣлали для католиковъ необходимою примириться съ Генрихомъ. По смерти Александра пармскаго, Генрихъ сталъ побуждать войска лиги и Гизовъ, занялъ крѣпкія позиціи по Сенъ и ея притокамъ, овладѣлъ переправами черезъ эти рѣки, могъ снова подступить къ Парижу, осадить его. Въ іюлѣ 1593 онъ взялъ городъ Дрѣ; оттуда онъ могъ каждый день подойти къ Парижу, возобновить блокаду. Лига не могла удержаться противъ него, безъ энергической помощи Филиппа; но король испанскій послалъ во Францію Карла Мансфельда только съ 5.000 солдатъ и уполномочилъ своего посланника герцога Ферію дать герцогу майеннскому 25.000 дукатовъ. Такая помощь была слишкомъ мала. Филиппъ не довѣрялъ герцогу майеннскому, потому и не захотѣлъ поддерживать власть его болѣе значительными пособіями. Еще важнѣе нежеланія Филиппа сильно помогать герцогу майеннскому было то, что народъ хотѣлъ мира; общей потреб-

ностью всѣхъ сословій было прекращеніе военныхъ опустошеній и непрерывныхъ тревогъ. На время переговоровъ въ Сюренѣ было заключено перемиріе и по истеченіи срока продлено. Пользуясь ими, парижане пожелали упрочить спокойствіе. Вся Франція была утомлена междоусобіемъ, хотѣла вновь воздѣлывать покинутыя нивы, возобновить прерванную торговую и промышленную дѣятельность. Появились серьезные памфлеты въ пользу мира, являлись сатиры, изобличавшія нелѣпость и недобросовѣстность дѣйствій фанатиковъ, гибельность интригъ агентовъ и сторонниковъ короля испанскаго. Знаменитая «Менипповская сатира» ѣдко осмѣивала интриги испанцевъ подъ формою исторіи двухъ шарлатановъ, выдающихъ себя за врачей.

Гугеноты сильно порицали короля за намѣреніе отречься отъ своего вѣроисповѣданія. Они говорили, что въ этомъ нѣтъ надобности ему, что онъ и оставаясь реформатомъ побѣдитъ своихъ противниковъ, что католики утомленные войной примирятся съ нимъ, для спасенія Франціи отъ утраты независимости; что постыдно отрекаться отъ прошлаго, подчиняться требованіямъ побѣжденныхъ. Быть можетъ они были правы, думая, что Генриху не было надобности въ отреченіи. Но религія не имѣла для него такой важности, какъ политическій интересъ и патріотизмъ; онъ шутливо говорилъ: «Корона Франціи стоитъ католической литургіи»; потому послѣ многихъ разговоровъ съ перешедшимъ на его сторону лигистомъ Жакомъ Дави Дюперрономъ и католическими сановниками умѣреннаго образа мыслей, онъ цѣлое утро слушалъ изложеніе католическаго вѣроученія и 25 іюля 1593 въ Сень-денисскомъ соборномъ храмѣ присоединился къ католичеству. Онъ полагалъ, что если останется при вѣроисповѣданіи, которому враждебно большинство націй, то сеймъ провозгласитъ королевой Изабеллу, Филиппъ станетъ всѣми силами помогать его противникамъ, герцогъ майеннскій помирится съ своимъ племянникомъ и борьба станетъ очень тяжела, затянется на долго, можетъ кончиться раздробленіемъ Франціи; потому-то онъ и рѣшился принять католичество, принося, какъ говорилъ друзьямъ, свое религіозное убѣжденіе въ жертву обязанности. Онъ надѣялся, что гугеноты перестанутъ досадовать на него, получивъ равноправность съ католиками, что прежніе друзья его помирятся съ прежними своими врагами, забывая раздоры по его патріотическому примѣру.

8. Прекращеніе междоусобія. Примиреніе Генриха съ папой. Вервенскій миръ. Нантскій эдиктъ.

Присоединеніе Генриха IV къ католической церкви рѣшило судьбу Франціи. Если бъ онъ отрекся отъ кальвинизма нѣсколькими годами

раньше, это не принесло бы ему пользы, потому что паписты еще надѣялись тогда побѣдить его; но теперь нація была, какъ мы говорили, утомлена войной. Многіе лигисты радостно воспользовались возможностью отдѣлиться отъ партіи отдававшей Францію подъ владычество короля испанскаго. Но усердные члены лиги рѣшили продолжать войну, не щадя никакихъ усилій. Гизы, Совѣтъ Шестнадцати, многіе сановники католической церкви обѣщались не заключать мира съ Генрихомъ наваррскимъ, просить Филиппа, чтобъ онъ прислалъ какъ можно больше войска на помощь имъ и рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи по соглашенію съ нимъ. Климентъ VIII не захотѣлъ вступить въ переговоры съ Генрихомъ, выжидалъ, какой оборотъ примутъ дѣла. Легатъ его въ Парижѣ оставался союзникомъ враговъ Генриха. Папа не принялъ герцога неверскаго, посланнаго къ нему Генрихомъ IV, но далъ понять герцогу, что если Генрихъ выкажетъ себя хорошимъ католикомъ, то съ него будетъ снято отлученіе.—Желаніе мира было такъ сильно во Франціи, что лига не могла остановить примиренія. Масса націи видѣла, что подъ личиною усердія къ вѣрѣ скрываются эгоистическіе расчеты Гизовъ, измѣна родинѣ; потому, когда съ концомъ 1593 года прекратился послѣдній срокъ перемирія и Генрихъ IV возобновилъ военныя дѣйствія, всѣ патріоты перешли на его сторону. Первый примѣръ этого подалъ Витри, коммендантъ города Мо, бывшій прежде очень горячимъ лигистомъ; онъ сдалъ Генриху эту крѣпость, очень важную по своему стратегическому значенію и поступилъ на службу къ нему. Орлеанъ, Буржъ, Шартръ признали Генриха королемъ. Граждане Ліона арестовали герцога немурскаго, пытавшагося подчинить ихъ своей власти, и приняли сторону Генриха. Папа все еще отказывался примириться съ Генрихомъ, но французскіе епископы галликанскаго образа мыслей еще до формальнаго присоединенія Генриха къ католичеству сняли съ него отлученіе собственной властью; итакъ онъ могъ короноваться, не дожидаясь примиренія папы съ нимъ. Реймсъ былъ въ рукахъ Гизовъ; потому Генрихъ короновался въ Шартръ (27 февраля 1594). Городъ за городомъ, область за областью признавали его королемъ. Климентъ VIII, кажется, былъ радъ этому: онъ желалъ найти себѣ въ королѣ французскомъ опору противъ Филиппа II и рассчитывалъ сослаться на единодушное требованіе французовъ въ оправданіе своему примиренію съ нимъ. Герцогъ майеннскій съ испанскимъ посланникомъ и папскимъ легатомъ уѣхалъ изъ Парижа, назначивъ главнокомандующимъ тамъ Бриссака. Парижане уже раскаивались въ своемъ увлеченіи. Монахи, проповѣдывавшіе противъ Генриха, бѣжали; парижане уже не повторяли прежнихъ выраженій вражды къ Генриху, напротивъ признавали его храбрость, превозносили любезность и кротость его. Совѣтъ Шестнадцати разошелся; городскія власти вступили въ соглашеніе съ Бриссакомъ, которому

Генрихъ обѣщалъ маршалскій жезлъ, и было рѣшено отворить ворота Парижа Генриху.

Въ сопровожденіи множества вельможъ и дворянъ Генрихъ торжественно вступилъ 22 марта въ Парижъ. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Онъ велѣлъ главнымъ дѣятелямъ лиги удалиться изъ столицы, всѣмъ другимъ своимъ парижскимъ противникамъ далъ амнистію. Лигистскіе проповѣдники замѣнились въ церквахъ роялистскими, называвшими покорность королю первой обязанностью христіанина. Сорбонна, изъ которой удалились друзья лиги, объявила, что по христіанскому ученію каждый долженъ повиноваться власти и что королевская власть установлена самимъ Богомъ.—Вильяръ, храбрый коммендантъ Руана, покорился королю, получилъ санъ адмирала (въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ въ сраженіи съ испанцами у Дурлана). Когда прекратилось сопротивление Руана, большая часть сѣверной Франціи покорилась Генриху; вельможи, бывшіе на сторонѣ лиги, спѣшили примириться съ нимъ. Самъ герцогъ Гизъ, котораго лигисты думали сдѣлать королемъ, покорился Генриху, получивъ въ вознагражденіе за то санъ правителя Прованса съ обширными полномочіями.

Но оставалось еще много людей враждебныхъ Генриху; междоусобіе, длившееся столько лѣтъ, не могло быстро затихнуть. Фанатики лиги продолжали называть узурпаторомъ Генриха, съ котораго еще не снялъ отлученія папа. Король испанскій, считавшій прекращеніе междоусобія во Франціи вредомъ для себя, не хотѣлъ слышать о мирѣ съ Генрихомъ, убѣждалъ герцога майеннского и другихъ вождей лиги продолжать войну. Комменданты многихъ крѣпостей сѣверной Франціи находились на жалованьи у него. Очень много мѣшали примиренію усердныхъ католиковъ съ Генрихомъ іезуиты; по уставу ордена главною обязанностью ихъ было проповѣдывать безусловное повиновеніе папѣ, и они говорили, что пока Генрихъ не получитъ прощенія папы, должно бороться съ нимъ, врагомъ церкви. Эти внушенія доводили нѣкоторыхъ горячихъ католиковъ до мыслей убить Генриха. Еще въ 1593 году составилъ заговоръ убить его, но былъ открытъ. Теперь 19-лѣтній юноша Жанъ Шатель, сынъ парижскаго суконщика, учившійся у іезуитовъ, вздумалъ получить отъ Бога прощеніе за свои грѣхи, убивъ Генриха. Онъ 27 декабря 1594 пробрался въ тотъ залъ Лувра, гдѣ Генрихъ давалъ аудіенцію вельможамъ, бросился на короля и ударилъ его кинжаломъ въ лицо; кинжалъ разсѣкъ верхнюю губу; Шателя схватили. На допросѣ онъ сказалъ, что въ іезуитскомъ коллегіумѣ много разъ слышалъ разсужденія на тему о томъ, какую великую заслугу передъ Богомъ составляетъ убійство государя, отлученнаго отъ церкви, еретика, врага истинной вѣры. При обыскѣ у іезуитовъ нашлись бумаги и книги опаснаго государству направленія; потому парижскій парламентъ по-

становилъ изгнать іезуитовъ изъ Франціи. Это было исполнено. Шатель былъ казнень, домъ его былъ разрушенъ до основанія.

Королевскія войска сражались съ лигой и съ испанскимъ полководцемъ Фуэнтесомъ въ Пикардіи, гдѣ успѣшно дѣйствовалъ другъ Генриха IV герцогъ бульіонскій. Въ Бургони хотѣлъ стать независимымъ государемъ герцогъ майеннскій. На него пошелъ самъ Генрихъ IV; Майеннъ получилъ помощь отъ Филиппа, имѣлъ большое войско. Третьимъ театромъ военныхъ дѣйствій было Франшъ-Конте, гдѣ Ледигьеръ, гугенотскій Ахиллесъ, какъ называли его, сражался съ герцогомъ немурскимъ, ушедшимъ изъ темницы, въ которую запертъ былъ гражданами Ліона. Но вездѣ военныя дѣйствія шли вяло. Генрихъ выказалъ обыкновенную свою отвагу въ сраженіи при Фонтенъ-Франсезѣ: съ небольшимъ коннымъ войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ дворянъ, онъ напалъ тамъ на испанскую армію; но начальникъ ея Веласко дѣйствовалъ очень осторожно, успѣшно оборонялся въ своихъ позиціяхъ. Герцогъ немурскій умеръ, герцогъ маеинскій выжидалъ только случая заключить съ Генрихомъ миръ на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Климентъ VIII былъ давно расположенъ примириться съ Генрихомъ, но вліяніе короля испанскаго и каноническія затрудненія задерживали это дѣло. Надобно было найти такую форму примиренія, которая оставляла бы ненарушенными и авторитетъ папской власти и независимость французской націи въ политическихъ дѣлахъ отъ папы. Прежнія папскія буллы въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ объявляли Генриха Бурбона лишеннымъ правъ на французскій престолъ, что Клименту VIII нельзя было примириться съ нимъ безъ какой нибудь формальной уступки его римскому каноническому праву. Но французскіе законы не признавали за папой власти вмѣшиваться въ вопросы о престолонаслѣдіи: оно опредѣлялось правилами династическаго наслѣдованія, а не рѣшеніями папы; французскіе роялисты считали Генриха IV законнымъ королемъ и безъ согласія папы на это. Продолжать борьбу съ Генрихомъ значило бы для папы подвергать себя опасности, что французская церковь будетъ объявлена независимой отъ негс. Подобная ссора папъ съ Генрихомъ VIII англійскимъ привела къ тому, что Англія отдѣлилась отъ католической церкви. Опасеніе, что можетъ произойти это и съ Франціей, заставило римскую курію принять тѣ условія мира, какія были предложены Дю-Перрономъ и другимъ уполномоченнымъ короля французскаго. Въ сентябрѣ 1595 передъ храмомъ Петра была исполнена церемонія снятія отлученія съ Генриха и принятія его въ лоно церкви. Онъ обѣщался ввести католическое богослуженіе въ Беарнѣ, обнародовать какъ законы королевства постановленія тридентскаго собора, на сколько согласны они съ правами галликанской церкви и общественнымъ спокойствіемъ, воспитать въ католическомъ вѣро-

ученіи принца Кондэ, который былъ наслѣдникомъ престола при бездѣтности Генриха. Эти уступки французскаго короля папѣ были велики; но велики были и уступки папы ему: Климентъ VIII отказался отъ требованія, чтобы декреты тридентскаго собора были признаны Франціею во всемъ ихъ объемѣ; тѣ изъ нихъ, которые ставили свѣтскую власть въ зависимость отъ церковной, остались отвергнуты Франціей. Іезуиты были въ этомъ дѣлѣ защитниками уступчивости и проложили себѣ тѣмъ путь къ возвращенію во Францію.

Герцогъ майеннскій утратилъ надежду стать при содѣйствіи короля испанскаго независимымъ государемъ, увидѣлъ себя въ надобности покориться Генриху. Король далъ ему почетныя и выгодныя условія мира: объявилъ его и всѣхъ Гизовъ невиновными въ убійствѣ Генриха III, оставилъ подъ его управленіемъ тѣ города и округа, которые еще были заняты его войсками, отдалъ въ управленіе ему герцогство Иль-де-франское, принялъ на себя уплату его долговъ. Примѣру герцога майеннскаго послѣдовали въ томъ же (1596) году другіе вожди лиги; выгодныя условія, данныя имъ Генрихомъ, помогли успокоенію умовъ. Лишь немногіе вельможи, особенно тѣсно сблизившіеся съ королемъ испанскимъ, упорствовали въ сопротивленіи Генриху; важнѣйшіе изъ нихъ были: герцогъ омальскій, служившій въ испанскомъ войскѣ, герцогъ Эпернонъ, не хотѣвшій уступить управленіе Провансомъ герцогу Гизу, и герцогъ Меркёръ, надѣявшійся стать при помощи короля испанскаго независимымъ государемъ Бретани. Герцогъ савойскій еще не отказался отъ надежды завоевать сосѣднюю съ его владѣніями часть Франціи. При новомъ намѣстникѣ короля испанскаго въ Нидерландахъ, эрцгерцогѣ Альбрехтѣ, испанскія войска одержали довольно важные успѣхи, взяли весною 1596 года Калé и Амьенъ; это ободрило французскихъ противниковъ Генриха; но заставило сблизиться съ нимъ Елизавету, которая по переходѣ его въ католичество чуждалась его. Голландцы послѣдовали ея примѣру. Политическіе интересы становились тогда уже важнѣе религіозныхъ, Елизавета и голландцы въ маѣ 1596 заключили съ Генрихомъ IV союзъ противъ короля испанскаго, стали помогать ему деньгами, флотомъ, войскомъ. Даже въ Италіи онъ нашелъ союзниковъ себѣ: венеціанцы уже раньше того признали его королемъ французскимъ, теперь открыто сталъ помогать ему великій герцогъ тосканскій, котораго до примиренія Генриха съ папой удерживало отъ союза съ королемъ французскимъ нежеланіе возставать противъ римской церкви.

Благодаря примиренію съ большинствомъ лигистовъ и союзу съ Елизаветой и голландцами, Генрихъ получилъ средства вести войну съ королемъ испанскимъ такъ энергично, что Филиппъ II склонялся на совѣтъ Климента VIII помириться съ нимъ. Филиппъ чувствовалъ, что здоровье его ослабѣваетъ и не хотѣлъ оставить въ на-

слѣдство своему несовершеннолѣтнему сыну войну при недостаткѣ денегъ на нее. Онъ утратилъ надежду стать владыкой всей западной Европы, думать о протекторатѣ надъ Франціей стало невозможно по упроченіи власти энергичнаго Генриха IV; послѣдній сильный союзникъ Филиппа во Франціи герцогъ Меркёръ желалъ примириться съ Генрихомъ; герцогъ савойскій терпѣлъ неудачи. Генрихъ осадилъ Амьенъ; въ его войскѣ были англичане, послѣ упорной обороны крѣпость была взята. Генрихъ готовился идти въ Нидерланды; графъ Эссексъ сжегъ испанскій флотъ въ кадикской гавани, овладѣлъ самимъ Кадиксомъ. Филиппъ увидѣлъ себя въ надобности принять посредничество, предлагаемое ему папой. Онъ выразилъ готовность отдать Генриху всѣ тѣ крѣпости, какія еще были заняты войсками его во Франціи; потому переговоры на съѣздѣ уполномоченныхъ его, Генриха и папы въ Вервенѣ (однимъ изъ городовъ Вермандуаской области) не представляли бы затрудненій, если бы дѣло шло о мирѣ только между королями испанскимъ и французскимъ; Елизавета и голландцы отказались прислать своихъ уполномоченныхъ въ Вервенъ, говорили Генриху, что честь и выгода требуютъ отъ него вѣрности союзникамъ. Папа съ своей стороны убѣждалъ Генриха заключить союзъ съ Филиппомъ противъ еретиковъ англичанъ и голландцевъ. Генрихъ остался глухъ и къ тѣмъ и другимъ убѣжденіямъ, не поддавался іезуитско-макіавелліевскимъ доводамъ о дозволенности и обязанности измѣнить союзникамъ, не принялъ и доводовъ Елизаветы и голландцевъ объ обязанности продолжать войну съ королемъ испанскимъ. Онъ руководился только интересами Франціи; они требовали мира. Французскія нивы были опустошены, города обѣднѣли, администрація была въ разстройствѣ; французскому народу былъ необходимъ отдыхъ. Такимъ образомъ 2 мая 1598 былъ заключенъ въ Вервенѣ миръ между Испаніей и Франціей. Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ былъ возстановленіемъ условій като-камбресійскаго договора и возвратилъ французскому королевству прежнія его границы.

Теперь покорился королю и герцогъ Меркёръ. Генрихъ женилъ своего побочнаго сына, герцога Вандома, на его дочери; этимъ бракомъ были прекращены тѣ притязанія на санъ независимаго герцога бретанскаго, которыя заявлялъ герцогъ Меркёръ, основываясь на происхожденіи его жены отъ прежнихъ герцоговъ бретанскихъ. Война съ герцогомъ савойскимъ продолжалась нѣсколько времени; мы уже говорили о ней и о томъ, чѣмъ кончилась она по ліонскому трактату. Карлъ Эммануель просилъ Генриха отдать на рѣшеніе папы вопросъ, за кѣмъ должны остаться земли по Ронѣ завоеванныя савойскими войсками въ первое время войны, просилъ заступничества у Габріэли д'Этрэ, любовницы Генриха; все осталось напрасно, онъ принужденъ былъ отказаться отъ этихъ завоеваній. Габріэль умерла еще до заключенія ліонскаго мира; она была умная женщина, ободряла Генриха въ прежнія тяжелыя для него времена. Онъ хотѣлъ сдѣлать ее своей законной женой. Смерть ея глубоко опечалила его.

Вліяніе Габрієли д'Этрé доставило высокое положеніе въ управленіи дѣлами Максимиліану Бетюну, маркизу Рони (Rosny), получившему въ послѣдствіи титулъ герцога Сюлли. Онъ былъ гугеноть, усердный помощникъ Генриха въ войнѣ съ лигой, сохранялъ во всѣхъ бѣдствіяхъ его неизмѣнную преданность ему. Пользуясь полнымъ довѣріемъ своихъ единовѣрцевъ гугенотовъ, онъ былъ очень полезнымъ посредникомъ между ними и перешедшимъ въ католичество Генрихомъ. Они досадовали на короля за это отступничество, Рони убѣдилъ ихъ примириться съ нимъ, помогъ ему установить религіозный миръ, на основаніи гражданской равноправности вѣроисповѣданій. Онъ самъ совѣтовалъ Генриху принять католичество; но большинство гугенотовъ оставалось раздражено противъ католиковъ, не могло забыть злодѣйствъ Вареоломеевской ночи, постоянныхъ вѣроломствъ прежнихъ королей, фанатическое неистовство лиги. У гугенотскихъ писателей Агриппы д'Обинье, Ла-Бозти, Дюплесси Морнэ мы видимъ непримиримую неприязнь къ папистамъ. Дюплесси въ очеркѣ исторіи папства доказываетъ, что къ папѣ относятся пророчества апокалипсиса о человѣкѣ грѣха, сидящемъ на звѣрѣ, покрытомъ порфирой. Перешедши въ католичество, Генрихъ утратилъ любовь многихъ изъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ и самъ сталъ держать себя далеко отъ нихъ, въ особенности послѣ примиренія съ папой. Онъ каждый день ходилъ къ католической литургіи, заставлялъ гугенотовъ оказывать знаки религіознаго уваженія католическимъ святынямъ проносимымъ въ процессіяхъ по улицамъ. Не удивительно, что у многихъ изъ нихъ патріотическое чувство было заглушено негодованіемъ на отступника. Это выказалось, между прочимъ, когда Генрихъ пошелъ возвратить Франціи Амьенъ. Взятіе этого города испанцами опечалило всѣхъ патріотовъ, и однако же лишь немногіе гугеноты пошли помогать Генриху въ осадѣ его. Они считали надобнымъ даже принять мѣры обороны противъ новыхъ преслѣдованій со стороны папистовъ. На съѣздѣ вліятельныхъ людей гугенотской партіи было рѣшено учредить верховный совѣтъ для управленія дѣлами всей гугенотской партіи; онъ былъ составленъ изъ четырехъ вельможъ, четырехъ горожанъ и двухъ священниковъ. Это было какъ будто началомъ осуществленія мыслей Ла-Тремуля, герцога бульюнскаго, и нѣкоторыхъ другихъ горячихъ кальвинистовъ о федеративномъ кальвинистскомъ государствѣ. На съѣздахъ гугенотовъ въ Монтобанѣ, Луденѣ, Сомюрѣ были приняты мѣры для подготовленія вооруженной обороны отъ папистовъ. Генрихъ старался успокоить гугенотовъ: отмѣнилъ, какъ мы говорили, враждебные имъ эдикты прежняго короля, далъ имъ обѣщаніе установить религіозный миръ на такихъ основаніяхъ, которыми они будутъ довольны. Благодаря тому, въ гугенотской партіи сохранили перевѣсъ умѣренные люди, и Генрихъ избавился отъ печальной надобности сражаться съ своими прежними единовѣрцами.

Онъ честно сдержалъ обѣщаніе. Пошедши въ Бретань принудить герцога Меркёра къ покорности, онъ 13 апрѣля 1598 въ Нантѣ подписалъ знаменитый эдиктъ, называемый по имени этого города нантскимъ. Обнародованный эдиктъ имѣлъ 92 статьи: онъ пополнялся 58 тайными статьями и тремя жалованными грамотами (brevet). Эти акты дали гугенотамъ права болѣе широкія, чѣмъ договоры прежнихъ королей съ ними. Генрихъ не далъ гугенотской церкви равноправности съ католической, которая осталась государственной церковью, сохранила свои имѣнья и доходы, такъ что лица непринадлежащія къ ней были по прежнему обязаны платить ей десятину и другія пошліны; но все таки нантскій эдиктъ могъ показаться удовлетворительнымъ большинству гугенотовъ: онъ подтверждалъ и расширялъ постановленія прежнихъ договоровъ съ гугенотами о свободѣ ихъ проповѣди, школьнаго преподаванія и богослуженія, далъ имъ гражданскую равноправность съ католиками, и они получили нѣсколько крѣпостей въ обезпеченіе вѣрности правительства своимъ обязательствамъ относительно ихъ.

Нантскій эдиктъ оставилъ въ силѣ прежнее запрещеніе реформатскаго богослуженія въ Парижѣ о его окрестностяхъ на пять льё разстоянья. Но не только вельможамъ, имѣющимъ уголовную юрисдикцію, а также и владѣльцамъ, имѣющимъ только низшую (полицейскую) юрисдикцію, было разрѣшено имѣть въ своихъ замкахъ, городахъ и селеніяхъ публичное реформатское богослуженіе съ колокольнымъ звономъ; на этомъ богослуженіи было разрѣшено присутствовать не только ихъ подданнымъ, но и постороннимъ лицамъ; кромѣ того нантскій эдиктъ постановлялъ, что сохраняется реформатское богослуженіе во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовало оно во время его обнародованія и сверхъ того назначается въ каждомъ изъ административныхъ округовъ (бальяжѣ или сенешальствѣ) предмѣстье какого нибудь города или мѣстечко для совершенія реформатскаго богослуженія, на которомъ могутъ присутствовать всѣ люди этого исповѣданія. Правительство не приняло на себя расходовъ по церковнымъ дѣламъ реформатовъ; они сами на свои средства должны были содержать свои церкви, школы, покрывать издержки своихъ сѣздовъ по церковнымъ дѣламъ синодовъ, давать жалованье своимъ священникамъ и вообще расходы реформатской церкви остались лежащими на самихъ реформатахъ, между тѣмъ какъ католическая церковь владѣла громадными доходами, предоставленными ей правительствомъ. Но король обязался давать изъ казны опредѣленную ежегодную сумму въ пособіе реформатамъ для ихъ церковныхъ надобностей. Гражданскія права были даны реформатамъ въ полномъ размѣрѣ: они получили право занимать всякія должности государственной и городской службы; при каждомъ парламентѣ учреждалась для разбора тяжбъ между католиками и реформатами особая такъ называемая смѣшанная или половинная палата, состоящая изъ равнаго числа католическихъ и реформатскихъ членовъ. Всѣ эдикты, административныя распоряженія и судебные приговоры, постановленные противъ реформатовъ во время гоненій, были объявлены недействительными; изгнанникамъ и эмигрантамъ съ ихъ рожденными за границей дѣтьми были возвращены гражданскія права и конфискованные имущества. Въ залогъ безопасности отдавались гугенотамъ на восемь лѣтъ нѣсколько крѣ-

постей, въ томъ числѣ укрѣпленные города Ла-Рошель, Монтюбанъ, Нимъ; они получили право имѣть въ этихъ крѣпостяхъ свои гарнизоны; часть расходовъ по содержанію гарнизоновъ король принималъ на свой счетъ. Гугенотамъ было разрѣшено имѣть сѣзды для совѣщаній по политическимъ ихъ надобностямъ; выбираемые на этихъ сѣздахъ два уполномоченные имѣли право защищать ихъ интересы при дворѣ и въ государственномъ совѣтѣ.

Нантскій эдиктъ раздражилъ папистовъ. Парламенты или совершенно отказывались регистрировать его или для своего согласія на регистрацію требовали такихъ измѣненій въ немъ, которыми отнималось у него всякое дѣйствительное значеніе. Агитація противъ него была очень сильна; монахи возобновили въ своихъ проповѣдяхъ ожесточенныя нападенія на гугенотовъ, — устраивали процессіи съ молебствіями о спасеніи церкви отъ угрожающей ей гибели; возобновились заговоры для истребленія еретиковъ, умыслы убить короля. Но Генрихъ остался твердъ; онъ считалъ нантскій эдиктъ необходимымъ для установленія спокойствія въ государствѣ. Благодаря его настойчивости, мало по малу прекратилось сопротивленіе парламентовъ, и одинъ за другимъ они регистрировали эдиктъ, съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями.

Особенно сильно было сопротивленіе парижскаго парламента. Генрихъ пригласилъ вліятельнѣйшихъ членовъ его къ себѣ и сдѣлалъ имъ такое строгое и благоразумное внушеніе, что возраженія замолкли. Приводимъ рассказъ Ранке объ этомъ. „Генрихъ принялъ членовъ парламента въ простой домашней одеждѣ, показывая этимъ, что желаетъ бесѣдовать съ ними интимнымъ тономъ, началъ свою рѣчь напоминаніемъ объ ужасѣ Варееоломеевской ночи и продолжалъ: если они хотятъ возобновить такія убійства, то пусть возбуждаютъ народъ къ мятежу, какъ дѣлали капуцины лиги, опоясывавшіеся мечомъ; но онъ хочетъ быть мирнымъ королемъ и не станетъ проливать кровь своего народа; ему грозятъ, что парламентъ подыметъ возстаніе въ Парижѣ; онъ этого не боится, перейдетъ черезъ парижскія барикады, какъ переходилъ черезъ стѣны многихъ крѣпостей; усердіе къ вѣрѣ не извиняетъ ослушанія; напротивъ буйное усердіе заслуживаетъ наказанія; напаста отлучить отъ церкви непокорныхъ ему; государство не можетъ существовать безъ католической религіи, онъ знаетъ это; но ясно и то, что ни государство, ни католическая религія не могутъ устоять безъ него, получившаго управленіе государствомъ отъ Бога по наследственному праву; и въ особенности члены парижскаго парламента не должны бы сопротивляться ему, потому что только благодаря ему они сидятъ на своихъ мѣстахъ: одни возвращены имъ изъ изгнанія, другіе отъ него получили свободу исповѣдывать свою вѣру; нельзя насиліемъ обращать людей; различіе между католиками и гугенотами должно прекратиться; тѣ и другіе должны быть хорошими французами, онъ давно обдумываетъ еще другое дѣло — прибавилъ онъ — и приведетъ его въ исполненіе: онъ хочетъ преобразовать католическую церковь во Франціи“.

Климентъ VIII сначала очень сердился на то, что Генрихъ далъ такія большія права реформатамъ. Но союзъ съ королемъ француз-

скимъ былъ такъ выгоденъ для папы, что онъ не захотѣлъ ссориться, пересталъ спорить противъ того, чему не могъ помѣшать. Дружба папы съ Генрихомъ стала еще крѣпче, когда Климентъ исполнилъ желаніе короля по дѣлу о расторженіи его брака съ Маргаретой Валуа. Генрихъ уже давно жилъ врознь съ ней и хотѣлъ вступить въ новый бракъ, чтобы имѣть наследника престола. Въ 1599 году папа расторгъ его бракъ съ Маргаретой, какъ незаконный по причинѣ родства между ними въ степени воспрещенной каноническими законами. Вскорѣ послѣ того Генрихъ женился на Маріи Медичи, дочери Франциска, великаго герцога тосканскаго и австрійской принцессы Іоанны. Королева родила 27 сентября 1601 наследника престола; радость народа была безгранична. Но и Марія Медичи имѣла вредное вліяніе на судьбу Франціи, какъ Катерина Медичи.

9. Царствованіе Генриха IV по заключеніи вервенскаго мира. Смерть его.

Генрихъ IV примирилъ съ собою гугенотовъ, покорилъ вождей лиги, примирился съ римскою церковью, заключилъ миръ съ королемъ испанскимъ. Власть его была теперь прочна; но государство послѣдніе годы XVI столѣтія еще оставалось въ разстроенномъ состояніи. Междоусобія, длившіяся болѣе тридцати лѣтъ, расшатали всѣ основы общественной жизни, заглушили чувства справедливости и нравственныя понятія; энергичнѣйшая часть французскаго населенія погибла въ сраженіяхъ и убійствахъ, національное благосостояніе было уничтожено; исцѣлить эти раны, возстановить благоустройство въ государствѣ, избавленномъ отъ междоусобій и внѣшнихъ враговъ, дать націи возможность оправиться отъ бѣдствій было дѣломъ не менѣе труднымъ, чѣмъ освободить ее отъ иноземныхъ вторженій и внутреннихъ раздоровъ.

Великимъ счастьемъ для Франціи было то, что король, желавшій добра своему народу, любившій его, имѣлъ помощника, въ которомъ сила и ясность ума соединялись съ твердостью характера и неутомимой дѣятельностью и что этотъ человѣкъ при всей рѣзкости своихъ противорѣчій слабостямъ и ошибочнымъ мыслямъ короля пользовался непоколебимымъ довѣріемъ его наперекоръ всѣмъ интригамъ соперниковъ. Это былъ, какъ мы уже говорили, герцогъ Сюлли, неизмѣнный приверженецъ Генриха наваррскаго въ годы его бѣдствій, прошедшій всю ту школу тяжелаго житейскаго опыта, въ которой развился умъ короля. Они были соединены дружбой, которая осталась крѣпка на всю жизнь. Сюлли часто поступалъ противъ желаній

короля, оскорблялъ своей суровой гордостью и военнымъ прямодушіемъ и короля, и любовницъ, и его придворныхъ; но Генрихъ умѣлъ цѣнить великія заслуги своего помощника, честность, преданность и въ особенности безкорыстіе его, защищалъ его отъ всѣхъ враговъ и не разъ жертвовалъ своими желаніями упорной волѣ своего совѣтника. По своей слабости къ женщинамъ, Генрихъ часто давалъ имъ обѣщанія, исполненію которыхъ противился Сюлли, когда они открывались. Генрихъ обѣщалъ Габріэли д'Этрé, что женится на ней, узаконить ея дѣтей; далъ потомъ такое же обѣщаніе своей второй любовницѣ, Анріеттѣ д'Антрагъ, маркизѣ Вернёль. Сюлли оба раза заставилъ его принести эти намѣренія въ жертву политическимъ и династическимъ интересамъ. Чтобы свободно вести всѣ стороны возсозданія государственнаго благоустройства, Сюлли взялъ лично на себя управленіе всѣми отраслями государственныхъ дѣлъ, кромѣ дипломатическихъ, которыми завѣдывалъ Вильруа. Помощникомъ Вильруа былъ Жанненъ, сынъ отѣнскаго ремесленника, перешедшій изъ службы герцога майеннскаго въ королевскую службу, мастеръ распутывать многосложные дипломатическіе вопросы; цѣня его таланты, король далъ ему нѣкоторую самостоятельность. — Завѣдуя всѣми внутренними дѣлами государства, Сюлли преобразовалъ всѣ отрасли управленія.

Самымъ важнымъ и труднымъ дѣломъ новаго правительства было привести въ порядокъ финансы. Они, какъ мы говорили, были разстроены еще со времени Генриха II, и при его сыновьяхъ положеніе ихъ дѣлалось все хуже и хуже. Государственные сеймы требовали возстановленія порядка въ нихъ, но все оставалось напрасно. Злоупотребленія и безпорядки росли. Талья (taille) поземельная подать, лежавшая главной своей тяжестью на горожанахъ и поселянахъ, была увеличена до невыносимаго размѣра, а между тѣмъ доставляла казнѣ очень мало, потому что безсовѣстная администрація расхищала ее. Непрерывныя войны, жалованье иноземнымъ наемникамъ, расточительность двора, подарки любимцамъ, пенсіи имъ увеличивали дефицитъ съ каждымъ годомъ. Правительство дѣлало займы по высокимъ процентамъ, увеличивало прежніе налоги, вводило новыя, брало у капиталистовъ деньги подъ залогъ своихъ доходовъ, отдавало въ залогъ или продавало государственныя имѣнья за незначительныя суммы, учреждало новыя должности, чтобы продавать ихъ, продавало дипломы на дворянство, на титулы и этимъ уменьшало свои доходы, потому что дворяне были освобождены отъ податей; число этихъ привилегированныхъ увеличивалось въ той же пропорціи, какъ уменьшалось число платящихъ подати. Генрихъ IV принялъ финансы въ этомъ хаотическомъ состояніи; междоусобія первыхъ лѣтъ его царствованія не позволяли ему улучшить ихъ, напротивъ принуждали увеличивать обременительность налоговъ и запутываться въ новыя финансовыя затрудненія. Онъ сдѣлалъ займы у своихъ приверженцевъ; надобно было уплатить недоданное жалованье швейцарскимъ наемникамъ; суммы обѣщанныя вождямъ лиги въ вознагражденіе за покорность составляли много милліоновъ. Когда Сюлли взялъ на себя управленіе финансами, государственные долги простырались до 345 милліоновъ ливровъ; это была по тогдашнему времени колоссальная сумма, и на-

добно было платить по нѣкоторымъ изъ этихъ долговъ 8 процентовъ, по другимъ больше, до 10 процентовъ. Въ 1596 году, когда междоусобіе еще не совершенно прекратилось, Генрихъ по мысли, которую подалъ ему Дюплесси Морне, учредилъ финансовый совѣтъ, предсѣдателемъ котораго назначилъ Арле (Harlay) де Санси, и созвалъ въ Руанѣ собраніе нотаблей для восстановленія порядка въ финансахъ. Нотабли предложили ему отмѣнить дурные способы полученія денегъ, въ особенности продажу должностей, уменьшать войско, уничтожить ненужныя крѣпости, требовавшія лишнихъ издержекъ, вообще вести въ расходахъ экономію; эти мѣры могли улучшить финансы съ теченіемъ времени, но не давали средствъ выйти изъ затрудненія въ настоящемъ. Всякія мысли о пониженіи процентовъ были отвергнуты нотаблями, потому что оно было не выгодно имъ, большею частью кредиторамъ государства; была мысль обложить акцизомъ предметы первой необходимости, но противъ нея возставали горожане и землевладѣльцы.

На мѣсто Санси Генрихъ назначилъ министромъ (главнымъ интендантомъ) финансовъ Сюлли. Репутація честности, которой пользовался новый министръ, облегчила ему трудную задачу привести въ порядокъ финансы крутыми преобразованиями, достать деньги на надобности настоящаго, предотвратить возобновленіе разстройства въ будущемъ. Въ мемуарахъ, написанныхъ имъ или отъ его имени, онъ больше всего говоритъ о своихъ финансовыхъ реформахъ. Онъ назначилъ комиссію для изслѣдованія безпорядковъ во взиманіи податей, въ расходованіи государственныхъ денегъ; финансовая администрація испугалась, такъ что предложила ему за прекращеніе слѣдствія ежегодный взносъ по 1.200.000 экю (3.600.000 ливровъ). Онъ согласился. Сумма взноса была собираема посредствомъ раскладки на всѣхъ занимавшихъ должности по финансамъ безъ разбора виноватыхъ и невинныхъ, и даже на наслѣдниковъ умершихъ должностныхъ людей. Этотъ доходъ облегчилъ денежныя затрудненія казны. Много денегъ стало давать преобразование въ продажѣ парламентскихъ должностей. Сюлли согласился сдѣлать ихъ наслѣдственными подъ условіемъ ежегоднаго платежа одной шестидесятой части продажной цѣны ихъ. Эта пошлина съ судейскихъ должностей, называвшаяся полеттой, создала наслѣдственную судебную аристократію, уравнивавшую своимъ могуществомъ прежнее преобладаніе старой поземельной и военной аристократіи, ставшую опорой королевской власти. Одновременно съ этимъ Сюлли производилъ преобразования въ бюджетѣ приходовъ и расходовъ. Онъ не могъ уменьшить талю, но увеличилъ доходность этого налога, подвергнувъ пересмотру патенты на дворянство и отмѣнивъ освобожденіе отъ тали во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ притязанія на эту привилегію оказались неосновательны. Онъ заботливо охранялъ поселянъ отъ грабежа солдатъ, отъ поборовъ судей и откупщиковъ. Онъ проложилъ себѣ дорогу къ уменьшенію государственнаго долга и увеличенію дохода казны, подвергнувъ разбору основательность притязаній кредиторовъ, устранивъ неосновательныя требованія, понизивъ проценты, прекративъ продажу и залогъ государственныхъ имуществъ и пожалованіе ихъ въ награду, отобравъ обратно въ казну тѣ, которыя были пріобрѣтены неправильными путями, подвергнувъ разбору долговыя обязательства казны, преобразовавъ отношенія государства къ откупщикамъ. Это были крутыя мѣры, отнимавшія у многихъ часть того, что считали они своей законной собственностью; но государственная надобность дѣлала ихъ необходимыми, и рука производившая суровыя денежныя взысканія была чиста. И французы, и иностранцы дивились тому, что человѣкъ сравнительно незнатнаго рода сильнѣе всѣхъ вельможъ, что кальвинистъ управляетъ католическимъ государствомъ, что министръ рѣзко противорѣчитъ тѣмъ желаніямъ короля, которыя нахо-

дить вредными государству. Въ архивѣ Арсенала, служившаго жилищемъ и мѣстомъ финансовыхъ работъ Сюлли, хранится желѣзный сундукъ, въ которомъ берегъ онъ королевскую казну, мраморный столъ, за которымъ писалъ онъ; они стоятъ въ низенькой комнатѣ, гдѣ жилъ онъ: стѣны и потолокъ ея одѣты по тогдашней модѣ панелями, очень изящной старинной работы; все въ ней осталось, какъ было при немъ, есть въ ней статуи, и есть зеркала толстаго венеціанскаго стекла; вся мебель въ ней хорошая, солидная.

Подъ видимымъ спокойствіемъ еще таились злыя страсти; люди того поколѣнія привыкли къ убійству, вѣроломству. Неумолимая строгость, съ какою Сюлли отбиралъ имѣнья у многихъ вельможъ, самовластіе, къ которому приучила Генриха война, его стремленіе поставить волю короля выше всѣхъ законныхъ учрежденій пробуждали неудовольствіе въ вельможахъ, привыкшихъ руководиться только своимъ произволомъ. Генрихъ всячески старался поддерживать чувство военнаго товарищества и личнаго довѣрія въ своихъ прежнихъ сподвижникахъ, привлекать къ себѣ всю аристократію любезностью, готовностью исполнять просьбы. И дѣйствительно онъ очаровывалъ своими рыцарскими качествами, своимъ истинно французскимъ характеромъ, веселымъ, привѣтливымъ, доброжелательнымъ, онъ приобрѣталъ себѣ любовь народа, а военная слава его льстила національному честолюбію.

И однако жъ онъ имѣлъ огорченіе видѣть, что возникаютъ заговоры между его прежними сподвижниками, что одинъ изъ нихъ, отважный полководецъ его, маршалъ Биронъ, сталъ главою злоумышленниковъ, хотѣвшихъ возобновить смуты временъ лиги. Биронъ находилъ себя недостаточно вознагражденнымъ за услуги, оказанныя имъ и его отцомъ Генриху, вступилъ въ сношеніе съ герцогомъ савойскимъ и нѣкоторыми недовольными вельможами, желавшими низвергнуть Сюлли, отмѣнить убыточные имъ финансовыя мѣры. Сторонники Генриха говорятъ, что Биронъ и его сообщники задумывали даже убить короля. Одинъ изъ бывшихъ приближенныхъ Бирона донесъ королю о его злоумышленіи; Генрихъ призвалъ къ себѣ обвиненнаго, желая личнымъ разговоромъ склонить его къ сознанію, раскаянію; но честолюбивый и упрямый маршалъ не захотѣлъ признаться въ своей виновности, просить прощенія; король велѣлъ отвести его въ темницу, предать суду парижскаго парламента. Нашедши обвиненія основательными, парламентъ приговорилъ Бирона къ смертной казни за измѣну и намѣреніе произвести мятежъ. Всѣ просьбы родныхъ и друзей его остались напрасны. Храбрый полководецъ, имѣвшій еще только 38 лѣтъ, былъ казненъ на внутреннемъ дворѣ Бастиліи 31 іюля 1602. Въ процессъ его были запутаны, какъ знавшіе о его заговорѣ, нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вельможъ, въ томъ числѣ маршалъ Монморанси. Генрихъ велѣлъ прекратить всякое дальнѣйшее производство дѣла; ему довольно было и одной

жертвы, онъ не хотѣлъ вредить суровостью своей политикѣ примиренія. Въ заговорѣ противъ короля участвовалъ даже братъ второй любовницы его, маркизы Вернёль, графъ Овернскій, побочный сынъ Карла IX, и сама она была въ сношеніяхъ съ Бирономъ. Графъ Овернскій, вступившій въ новыя сношенія съ королемъ испанскимъ, былъ въ 1604 году заключенъ въ Бастилію, а маркиза Вернёль была на нѣкоторое время удалена отъ двора. Она и отецъ ея, Франсуа Бальзакъ д'Антрагъ, были въ неудовольствіи на короля за то, что сынъ ея, родившійся отъ связи съ Генрихомъ, не получилъ легитимациі, какъ обѣщаль Генрихъ до своего вступленія во второй бракъ. Когда родился дофинъ, маркиза и ея отецъ утратили надежду, что король сдержитъ обѣщаніе и сблизился съ его врагами. Но Генрихъ оставался влюбленъ въ маркизу и скоро вызвалъ ее снова ко двору.

Она и графъ Овернскій были горячо преданы католичеству, дружны съ іезуитами. Опасаясь вражды папистовъ, Генрихъ нашелъ удобнымъ строго наказать реформатскихъ вельможъ, выказавшихъ неприязнь къ нему; онъ боялся, что снисходительность къ нимъ подала бы папистамъ поводъ обвинять его въ сохраненіи склонности къ реформатскому вѣроисповѣданію. Герцогъ бульёнскій, энергически помогавшій Генриху во времена лиги, задумалъ при содѣйствіи кальвинистовъ южной Франціи отложиться отъ Франціи, обратить свое герцогство въ независимое государство; онъ надѣялся получить помощь или отъ короля испанскаго, или отъ голландцевъ. Это открылось; Генрихъ предалъ его суду смѣшанной палаты парламента, заседавшей въ Кастрѣ. Онъ отправился туда, рассчитывая, что, увидѣвъ его явившимся на судъ въ сопровожденіи множества лимузенскихъ гугенотовъ, палата оправдаетъ его. Но король перенесъ процессъ въ парижскій парламентъ, герцогъ нашелъ себя въ опасности подвергнуться такой же судьбѣ, какъ Биронъ, бѣжалъ въ Женеву, оттуда поѣхалъ въ Германію. Многіе изъ нѣмецкихъ государей обѣщались помогать ему. Надѣясь на нихъ, онъ возвратился въ Седанъ и готовился къ возстанію. Но весною 1606 Генрихъ по совѣту Сюлли собралъ небольшое войско, пошелъ къ Седану, осадилъ его. Никто не явился на помощь герцогу; онъ не имѣлъ такого безразсуднаго упрямства, какъ Биронъ, попросилъ прощенія, обѣщался вѣрно служить королю. Генрихъ принялъ его милостиво, пригласилъ ко двору и впослѣдствіи поручалъ ему высокія должности; но поставилъ въ Седанѣ свой гарнизонъ. Зная, что герцогъ Эпернонъ также интригуетъ, Генрихъ послалъ своего уполномоченнаго наблюдать за нимъ.

Генрихъ старался успокоить умы справедливостью и вообще держалъ себя благоразумно. Онъ щедро награждалъ вѣрныхъ ему вельможъ, но энергически подавлялъ всякую попытку возобновить мятежи, зорко слѣдилъ за интригами недовольныхъ и въ особенности за сношеніями ихъ съ

королемъ испанскимъ. Гизы еще сохраняли большое вліяніе на массу народа, оставались вождями папистовъ; но мало по малу становились сильнѣе ихъ принцы крови, герцогъ суассонскій принцъ Кондэ и младшій братъ его принцъ Конти. Храбрый воинъ, человекъ большой физической силы, но бездарный, принцъ Кондэ женился на дочери герцога Генриха Гиза, убитаго Генрихомъ III; этотъ бракъ много содѣйствовалъ примиренію партій. Маргарета Валуа жила послѣдніе годы жизни въ Парижѣ; король оказывалъ своей бывшей женѣ тѣ почести, на какія имѣла она право по своему сану. Генрихъ превосходно исполнялъ свое высокое призваніе успокоителя націи измученной междоусобіями. Главнымъ министромъ его былъ гугенотъ Сюлли, но другіе важнѣйшіе сановники государственнаго управленія были усердные католики Вильруа, Жанвентъ, Сплери. Римская курія внесла въ списокъ запрещенныхъ книгъ приговоръ парижскаго парламента противъ Шателя; Генрихъ протестовалъ и требовалъ, чтобъ въ изданіи слѣдующаго года запрещеніе было вычеркнуто. Кальвинисты продолжали называть папу антихристомъ, католичество идолослуженіемъ; чтобъ уменьшить ихъ надменность, Генрихъ устроилъ въ Фонтенбло диспутъ вліятельнѣйшаго ихъ оратора Дюплесси Морнэ съ епископомъ Дюперрономъ; епископъ доказалъ, что Дюплесси неправильно приводитъ нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ въ пользу кальвинистскаго понятія о значеніи эвхаристіи. Генрихъ постоянно увѣрялъ папу и французскихъ епископовъ въ своей преданности католичеству, но поддерживалъ права галликанской церкви противъ притязаній Климента VIII, Павла V, твердо отвергалъ требованія французскаго доховенства, чтобы декреты тридентскаго собора были приняты правительствомъ.

Благодаря заботливости Генриха о примиреніи партій, возродился патриотизмъ, заглушенный междоусобіями; французы снова стали видѣть въ королѣ представителя націи. Генрихъ чрезвычайно хорошо умѣлъ смягчать вражду, привлекать къ себѣ людей; онъ былъ чуждъ мстительности, охотно предавалъ забвенію прошлое, заботясь о настоящемъ и будущемъ. Трудна была его задача поднять французскую націю изъ ея упадка. При вступленіи на престолъ, онъ нашелъ страну опустошенную междоусобіями, народъ утратившимъ бодрость духа. Надобно было изгладить слѣды раззоренія, пробудить въ народѣ энергію. Онъ поправлялъ разрушенныя мосты, попортившіяся дороги, облегчилъ положеніе земледѣльцевъ, заботился о развитіи сельскаго хозяйства, въ которомъ Сюлли видѣлъ основу народнаго благосостоянія, поощрялъ промышленность, строилъ въ обѣднѣвшихъ городахъ на мѣстѣ развалинъ прекрасныя зданія, чтобы дать работу толпамъ обнищавшихъ людей, пріученныхъ междоусобіями къ бродяжничеству и грабежу, обуздаль привычку къ самоуправству законами противъ поединковъ. Его желаніе дать благосостояніе народу выражается знаменитыми его словами, что онъ хочетъ достигъ того, чтобъ у каждаго поселяннина за обѣдомъ въ воскресенье была на столѣ курица. Онъ покровительствовалъ шелководству, фабрикаціи сукна и полотна, желая, чтобъ эти товары были у французовъ свои, а не привозные изъ Фландріи, покровительствовалъ сухопутной и морской торговлѣ. Марсель при немъ начала становиться центромъ большихъ торговыхъ сношеній съ Левантомъ; изъ Опфлёра и Гавра отправлялись экспедиціи для открытій въ Сѣверной Америкѣ, были дѣлаемы попытки колонизовать Канаду, гугенотъ Дюмонъ основалъ французское поселеніе у того озера, которое по имени одного изъ товарищей колонизатора стало называться Шампленовымъ (Чемпленовымъ, какъ зовутъ его теперь по англійскому выговору). Повсюду во Франціи возникала новая жизнь, благодаря уму короля и любви его къ народу. Въ Парижѣ было построено при Генрихѣ много великолѣпныхъ

зданій. Науки и искусство поднялись изъ упадка, которому подвергли ихъ междоусобіе и обскурантство папистовъ.

Но при всей своей заботливости объ установленіи внутренняго и внѣшняго мира Генрихъ не могъ ни примирить фанатиковъ папизма съ гугенотами, ни смягчить ихъ ненависть къ нему и непріязнь короля испанскаго къ Франціи. Не только Филиппъ II, но и преемникъ его Филиппъ III не хотѣлъ отбросить злобу противъ Франціи. Дружескія отношенія Генриха IV къ голландцамъ, съ которыми продолжала воевать Испанія, расширение испанскаго вліянія въ Италиі, попытка подчинить ему Граубюнденъ, возбужденіе недовольныхъ французскихъ вельможъ къ мятежамъ и всяческія другія интриги испанскаго правительства производили непрерывныя непріятности между нимъ и Генрихомъ. Въ отдѣлѣ объ исторіи Голландіи мы расскажемъ, что поддержка, оказываемая голландцамъ французскимъ правительствомъ, много содѣйствовала принятію королемъ испанскимъ рѣшенія заключить съ ними продолжительное перемиріе, ставшее основой ихъ независимости. Потомъ мы расскажемъ и о спорѣ за юлихъ-клевское наслѣдство, о томъ, какъ вмѣшался въ это дѣло Генрихъ, чтобы защитить интересы нѣмецкихъ протестанскихъ государей и Нидерландовъ, помѣшавъ захвату спорнаго наслѣдства Габсбургами. Испанцы увидѣли въ этомъ новое доказательство враждебности Генриха; готовилась война, которая должна была охватить не только всю Германію, но и Богемію, Венгрію. Католики и протестанты собирали силы для рѣшительной борьбы. Габсбурги снова мечтали подчинить себѣ весь континентъ западной Европы. Нѣмецкіе католики уже соединились въ лигу, протестанты въ унію; въ герцогствѣ клеве-бергскомъ уже началась война, которая должна была рѣшить, Габсбурги или Гоэнцоллерны будутъ владѣть въ нижней части нѣмецкаго Рейна, католичество или протестанство восторжествуетъ тамъ.

Генриху казалось, что настало время ему исполнить великую историческую миссію, основать въ политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ Западной Европы порядокъ, который обезпечивалъ бы всѣмъ народамъ ея миръ и свободу. Сюлли въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ, что онъ и его король хотѣли преобразовать политическія отношенія государствъ Западной Европы, сокрушить преобладаніе Габсбурговъ, ограничить владѣнія короля испанскаго въ Европѣ Пиренейскимъ полуостровомъ; что по этому плану Европа должна была состоять изъ 15 независимыхъ государствъ; нѣкоторыя изъ нихъ были бы наслѣдственными монархіями, другія избирательными, третьи республиками; споры между ними рѣшались бы международнымъ третейскимъ судомъ, и соединенныя силы ихъ были бы обращены противъ турокъ. Справедливо говорятъ, что такой планъ христіанской федераціи съ полной вѣротерпимостью для католиковъ, лютеранъ и кальвини-

стовъ, съ вѣчнымъ миромъ между всѣми членами федераціи никогда не могъ быть серьезной мыслью Генриха. Но достовѣрно то, что онъ передъ концомъ своей жизни имѣлъ обширные политическіе замыслы, хотѣлъ соединить всѣхъ нѣмецкихъ, нидерландскихъ, скандинавскихъ, итальянскихъ противниковъ испанско-австрійскаго владычества на общую борьбу съ Габсбургами, сокрушить могущество этой династіи, представительницы католичества и абсолютизма, навсегда избавить Европу отъ опасности порабощенія ею.

Въ это время Генрихъ получилъ новыя доказательства тому, что Испанія постоянно старается возбуждать мятежи во Франціи, что всѣ недовольные вельможи разсчитываютъ на помощь ея, что всѣ попытки ихъ возстаній возникаютъ по внушеніямъ и при содѣйствіи мадридскаго двора или испанскаго намѣстника въ Нидерландахъ, что прежніе лигисты и всѣ фанатики папизма, продолжавшіе ненавидѣть короля бывшаго еретикомъ, сочувствуютъ испанской династіи, покровительницѣ истинной вѣры.

Генрихъ держалъ себя очень милостиво съ двоюроднымъ братомъ своимъ принцемъ Конде, осыпалъ его почестями, хотя этотъ легкомысленный и честолюбивый человѣкъ мало заслуживалъ благосклонности. По желанію короля за него была выдана младшая дочь коннетабля Монморанси Маргарета, очаровательная красавица. Вскорѣ послѣ ихъ свадьбы Генрихъ, хотя ему было уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ, влюбился въ принцессу Конде; она благосклонно принимала выраженія его чувства, считая ихъ рыцарскими, какія изображались въ средневѣковой поэзіи, воображала себя дамой его сердца; но любовь Генриха была совершенно иного рода; страсть вовлекла его въ предосудительные поступки. Конде увезъ жену въ одну изъ своихъ сельскихъ резиденцій въ Пикардіи. Генрихъ попытался переодѣтый пробраться туда. Принцъ уже давно, бывший въ династической оппозиціи королю, заявлявшій права на французскій престолъ, былъ доведенъ оскорбительнымъ для него искательствомъ Генриха до рѣшенія взяться за оружіе, бѣжалъ въ Брюссель и вступилъ въ сношенія съ королемъ испанскимъ. Свою жену онъ удерживалъ противъ ея воли при себѣ; она хотѣла возвратиться во Францію, переписывалась съ королемъ, поддерживая его страсть къ ней. Генрихъ былъ озлобленъ на Конде и раздраженіе усилилось сообщеннымъ ему извѣстіемъ, что въ разговорѣ съ нунціемъ принцъ говорилъ, что бракъ Генриха съ Маріей Медичи незаконенъ и потому наследникъ престола онъ, а не сынъ этого брака; Конде часто говорилъ при множествѣ людей, что съ помощью своихъ друзей произведетъ переворотъ во Франціи, если король испанскій дастъ ему денегъ и войско. Изъ Брюсселя онъ поѣхалъ въ Миланъ и велъ тамъ переговоры съ вице-королемъ; все это увеличивало вражду Генриха къ нему.

Интриги принца Конде въ Брюсселѣ и сношенія его съ мадридскимъ дворомъ привели Генриха къ мысли, что ему нельзя долѣе

отлагать задуманную имъ войну съ Испаніей. Онъ заключилъ договоръ съ протестантскими государями Германіи, склонялъ герцога савойскаго напасть на испанцевъ въ Ломбардіи, вербовалъ наемниковъ въ Граубюнденѣ и другихъ швейцарскихъ кантонахъ; Венеція давно была въ дружбѣ съ нимъ; тосканская династія была соединена родствомъ съ нимъ черезъ Марію Медичи; папу легко было вовлечь въ союзъ обѣщаніемъ увеличить его ленныя права надъ Неаполемъ и Сициліей; арагонскіе и валенсійскіе мориски вошли въ сношенія съ Генрихомъ, какъ мы говорили. Такимъ образомъ онъ могъ разсчитывать, что у него будетъ много союзниковъ. Войска его собирались въ Мезьерѣ, Мецѣ, Шалонѣ; онъ готовился ѣхать къ нимъ начать походъ. Но передъ самымъ отъѣздомъ погибъ.

Онъ на время своего отсутствія назначилъ для управленія государствомъ совѣтъ регентства, предсѣдательницей котораго сдѣлалъ королеву. Чтобы придать въ глазахъ народа блескъ и силу своему сану правительницы, Марія просила мужа передъ отъѣздомъ короновать ее. Прежде онъ не хотѣлъ дѣлать этого, теперь согласился на ея желаніе, самъ порицая себя. Коронація королевы была назначена на 12 мая, а на 16 число былъ назначенъ торжественный въѣздъ королевы и короля въ Парижъ. Коронованіе было совершено съ большимъ великолѣпіемъ въ храмъ Сенъ-денисскаго аббатства. Король 14 мая поѣхалъ въ Парижъ осмотрѣть приготовленія къ торжественному въѣзду и посѣтить герцога Сюлли, который лежалъ больной въ Арсеналѣ (гдѣ жилъ). Король ѣхалъ по Парижу въ открытомъ экипажѣ, съ нимъ сидѣли герцоги Эпернонъ и Монбазонъ, нѣкоторые придворные сопровождали его. Въ улицѣ Лаферроннери, проѣздъ по которой былъ стѣсненъ маленькими лавками, экипажъ короля былъ задержанъ встрѣтившимися телѣгами и остановился. Король внимательно слушалъ дѣловое письмо, читаемое ему Эпернономъ. На заднее колесо вскочилъ человѣкъ и ударилъ короля въ грудь кинжаломъ. «Я раненъ», воскликнулъ король и въ тотъ же мигъ ножъ снова ударилъ его въ грудь. Кровь хлынула у него изъ горла такъ, что онъ захлебывался ею. Убійцу схватили, имя его было Френсуа Равальякъ. Онъ былъ родомъ изъ Ангулема, находился нѣсколько времени въ службѣ Бирона, часто видѣлся съ монахами и другими фанатиками папизма. Теперь ему было 23 года. На допросѣ онъ сказалъ, что давно рѣшился убить короля за то, что онъ не заставилъ гугенотовъ обратиться къ католичеству и хочетъ вести войну съ папой, а это то же самое, что вести войну противъ самого Бога. Его подвергли мучительнѣйшимъ пыткамъ, онъ остался въ нихъ вѣренъ своимъ первымъ словамъ, что не имѣлъ сообщниковъ, и что не былъ никѣмъ возбужденъ къ своему дѣлу. Парламентъ осудилъ его на смерть; онъ былъ преданъ мучительной казни 27 мая. По смерти его распространились слухи, что у него

были сообщники. Молва говорила, будто въ день убійства монахиня въ Нормандіи громко возвѣстила, что Генрихъ убитъ, а изъ Нидерландовъ наканунѣ этого дня было уже послано письмо, говорившее, что убитъ король французскій. Былъ также слухъ, что когда Равальякъ находился въ темницѣ, приходилъ къ нему іезуитъ и спрашивалъ его не выдавать «честныхъ людей». Французы были убѣждены, что Равальякъ дѣйствовалъ по внушенію испанскаго правительства. Когда извѣстіе объ убійствѣ пришло въ мадридскій государственный совѣтъ, архіепископъ толедскій воскликнулъ: «когда Богъ съ нами, кто противъ насъ?» Какъ бы ни судить обо всемъ этомъ, но ясно, что злодѣйство Равальяка было результатомъ фанатизма лиги, такъ долго разгорячавшаго народъ, результатомъ той же политики злодѣйствъ, которая произвела Варѳоломеевскую ночь и безчеловѣчныя дѣла слѣдующихъ лѣтъ.

Ножъ Равальяка пресѣкъ жизнь одного изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ государей новой исторіи, пресѣкъ ее въ годы, когда онъ еще сохранялъ всю полноту своихъ силъ. Правда волосы его уже давно посѣдѣли, но лицо и осанка еще показывали, что онъ совершенно крѣпокъ и физически и нравственно. Изъ баскскихъ горъ онъ вынесъ сильное физическое здоровье, дававшее ему возможность легко выдерживать всѣ труды и лишенія многолѣтнихъ бѣдствій; онъ постоянно поддерживалъ свѣжесть физическихъ силъ развлеченіями, полезными здоровью: верховой ѣздой, охотой. Онъ выросъ въ лагерѣ, съ ранней молодости велъ военную жизнь, да и по природной склонности былъ воинъ. Сосчитано было, что онъ бился болѣе чѣмъ въ 200 сраженіяхъ. Въ рѣшительныя минуты битвы, онъ увлекалъ войско своей отвагой, бросаясь впереди всѣхъ въ ряды непріятеля, и это давало ему побѣду. Но съ личной храбростью въ немъ соединялся талантъ полководца: онъ умѣлъ управлять общимъ ходомъ битвы и хорошо составлялъ планы сраженій. Александръ Пармскій сравнивалъ его съ орломъ, издали видящимъ свою добычу, прямо и быстро бросающимся на нее. Пренебрегая личной опасностью, Генрихъ, какъ мы говорили, бился съ геройствомъ, увлекавшимъ другихъ. Крѣпкое здоровье давало ему возможность выносить всякія лишенія: онъ могъ долго голодать, спать на голой землѣ, не боялся ни холода, ни зноя, дѣлалъ труды похода съ простыми солдатами, былъ первый въ атакахъ, послѣдній въ отступленіи. Онъ любилъ разговаривать съ солдатами, ѣлъ съ ними черный хлѣбъ. Всѣмъ этимъ онъ приобрѣлъ ту популярность, которой былъ обязанъ значительной частью своихъ успѣховъ. Въ немъ соединялись всѣ достоинства и недостатки французскаго національнаго характера: легкомысліе и добродушіе, страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ и любовь къ простымъ, скромнымъ удовольствіямъ, веселость, общительность, разговорчивость, шутовство, разсудительность, ясное пониманіе выгодъ, вспыльчивость и способность прощать, не мстить. Онъ былъ достоинъ народной любви и приобрѣлъ ее; благодаря тому, возстановилось въ народѣ уваженіе къ королевской власти, навлекшей на себя презрѣніе при послѣднихъ Валуа, и нація объединилась въ преданности законному монарху, получила привязанность къ его династіи. Даже въ годы блеска, когда своей расточительностью, волокитствомъ, страстью къ игрѣ, онъ навлекалъ на себя упреки суроваго Сюлли, Генрихъ оставался вѣренъ привычкамъ своей молодости, любилъ непринужденные разговоры съ горожанами, поселянами; сохранял-

лось много анекдотовъ о томъ, какъ онъ бывалъ въ ихъ обществѣ, спрашивалъ объ ихъ дѣлахъ, шутилъ съ ними, торговался, покупая у нихъ что нибудь, слушалъ ихъ игру на волынкѣ, на дудкѣ, игралъ съ ихъ дѣтьми. Даже важнѣйшая его слабость, вводившая его въ большія ошибки и непріятности, страсть къ женщинамъ, не была порокомъ непростительнымъ во мнѣніи французовъ; и должно сказать, что онъ не давалъ своимъ любовницамъ вліянія на государственныя дѣла. Министровъ и другихъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ не по рекомендаціи женщинъ, а по заслугамъ и дарованіямъ, слѣдовалъ хорошимъ совѣтамъ, не забывалъ о дѣлахъ изъ-за удовольствій, и управление государствомъ шло при немъ хорошо, дипломатическія сношенія велись искусно, внутренняя администрація дѣйствовала разсудительно, успѣшно. Во внутренней и въ иностранной политикѣ онъ былъ такой же великій человекъ, какъ на войнѣ, и съ послани онъ разговаривалъ такъ же искусно, какъ весело болталъ съ пріятелями.

VIII. АНГЛІЯ И ШОТЛАНДІЯ ВЪ ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Литература. Къ списку книгъ, приведенному въ началѣ XV отдѣла X тома, прибавимъ: *Camden, Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elisabetha* (Amstelodami, 1677); *Georg Weber, Zur Geschichte des Reformationszeitalters. Zweite Abtheilung. Zur Geschichte Englands und Schottlands während der Reformation* (Leipzig, 1874); *Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart, publiées par le prince Alex. Labanoff* (7 томовъ, Londres, 1844); дополнение къ этому изданію: *Supplément etc. par Teulet* (Paris, 1859); *Mignet, Histoire de Marie Stuart* (2 тома, Paris, 1851); *Gädcke, Maria Stuart* (Heidelberg, 1879). Гедке еще принимаетъ за доказанный фактъ то, что Марія Стюартъ виновна въ убійствѣ мужа; это положительно отрицаютъ новѣйшіе изслѣдователи: Беккеръ, Опицъ, Гердесъ: *Ernst Bekker, Maria Stuart* (Giessen, 1881); *Opitz, Maria Stuart* (2 тома, Freiburg, 1879, 1882); *Gerdes, Geschichte der Königin Maria Stuart* (2 тома, 1885 и слѣд. годы). Вопросъ о письмахъ, выданныхъ за найденныя въ шкатулкѣ Ботуэля, внимательно разобралъ Бреслау въ *Historisches Taschenbuch* за 1882 годъ и въ *Historische Zeitschrift* Зибеля за 1884 годъ, № LII.

1. Характеры Елизаветы и Маріи Стюартъ.

Въ ноябрѣ 1558 года Елизавета перешла изъ Тоуэра на англійскій престолъ; въ слѣдующемъ году она присоединилась къ като-камбре-зійскому миру и потомъ ввела въ Англіи законодательнымъ путемъ, т. е. съ одобренія парламента, англиканскую церковь. Вражда папы, поддерживавшаго интересы французской династіи, Гизовъ и притязанія Маріи Стюартъ на англійскій престолъ, принуждала Елизавету принять сторону реформатовъ. Законность ея рожденія, право ея на престолъ основывались на принципахъ отвергаемыхъ папой; для нея былъ только одинъ выборъ: отдать свои права на рѣшеніе папы съ увѣренностью, что онъ рѣшитъ дѣло въ пользу Маріи Стюартъ, или идти въ согласіи съ націей путемъ своихъ отца и брата. Она пред-

почла этотъ путь, хотя ей нравились пышные обряды католическаго богослуженія. Сообразно ея политическимъ принципамъ, англиканская церковь получила іерархическое устройство. Ей не нравились были демократическія идеи возвратившихся въ Англію кальвинистскихъ проповѣдниковъ, порицавшихъ зависимость церкви отъ государства, аристократическое положеніе и широкую власть епископовъ, предоставленіе имъ исключительнаго права рукополагать священниковъ, сходство англиканскаго богослуженія съ католическимъ. Борьба съ послѣдователями этого ученія, получившими названіе пуританъ («чистыхъ», т. е. чистыхъ кальвинистовъ), продолжалась все царствованіе Елизаветы и становилась все тяжелѣе для нея.

Соперница Елизаветы, Марія Стюартъ, была подобно ей проникнута очень высокими понятіями о своихъ правахъ; обѣ онѣ были образованы, даровиты, но Марія Стюартъ была женщина увлекающаяся порывами чувства, у Елизаветы преобладала холодная разсудительность; Марія получила болѣе изящное воспитаніе, Елизавета имѣла болѣе сильный умъ, и ея образованіе было солиднѣе: она хорошо изучила древнія литературы; характеръ ея выработался въ школѣ опасностей и притѣсненій; въ царствованіе суровой сестры, она была окружена шпионами. Молодость Маріи Стюартъ была очень счастлива: величіе сана, красота, любезность, изящныя манеры, поэтическія и музыкальныя дарованія, все соединялось въ ней, привлекало къ ней сердца; непрерывно слышала она похвалы искренняго восторга и лести. Мы имѣемъ ея французскія стихотворенія; они выказываютъ теплоту ея чувствъ и мастерское умѣніе владѣть языкомъ. Уѣзжая изъ милой для нея Франціи, она выражала свою печаль трогательными пѣснями; она предчувствовала, что разстанется со всѣми радостями жизни. Елизавета не имѣла поэтическаго таланта; она тоже писала стихи, но въ нихъ нѣтъ поэтическаго чувства, они произведенія холоднаго соображенія; не было у Елизаветы и красоты, которой очаровывала сердца Марія Стюартъ. Исторія молодости этихъ соперницъ объясняетъ различіе ихъ характеровъ и послѣдующей судьбы. Бѣдствія молодости развили въ Елизаветѣ разсудительность, серьезность, сдержанность, осмотрительность; ученныя занятія и размышленія рано дали зрѣлость ея уму; шпионство, слѣдившее за каждымъ ея поступкомъ, каждымъ словомъ, приучило ее къ двоедушію, фальшивости, подготовило къ коварнымъ изворотамъ въ политическихъ дѣлахъ; счастливая молодость развила въ Маріи Стюартъ любезность, веселость, легкомысленную склонность къ удовольствіямъ, привычку беззаботно отдаваться своимъ влеченіямъ. Интересы Елизаветы были соединены съ протестантствомъ: папа отлучилъ ее отъ церкви, іезуиты клеветали на нее, фанатики папизма угрожали ей кинжалами. Живое воображеніе Маріи, любовь къ блеску дѣлали ее горячей покровительницей католичества; по родству съ Гизами и по

своимъ притязаніямъ на англійскій престолъ она была союзницей папы; смѣлая, предприимчивая, она хотѣла править государствомъ по своимъ личнымъ склонностямъ и по интересамъ своихъ родныхъ; Елизавета руководилась соображеніями своихъ выгодъ и государственнаго могущества; она имѣла надъ своею соперницею то преимущество, что ея личный интересъ совпадалъ съ интересами націи и потому англійскій народъ усердно защищалъ ее; Марія Стюартъ ставила свои пристрастія выше блага націи, была защитницей католичества среди суроваго народа, гнушавшагося католическимъ богослуженіемъ, какъ идолопоклонствомъ; она хотѣла жить въ суровой Шотландіи съ французскимъ легкомысленнымъ веселіемъ; она отказалась утвердить эдинбургскій договоръ; она вела тайныя сношенія съ Римомъ и съ своими дядями, Гизами; это открылось, и шотландцы увидѣли, что она хочетъ возстановить католичество. Суровый Ноксъ выступилъ противъ нея, какъ выступали пророки противъ идолослужащихъ царей израильскихъ; произносилъ ей въ самомъ дворцѣ ея рѣзкія изобличительныя проповѣди, не смягчаясь ея слезами, не пугаясь ея угрозъ. Елизавета часто дѣйствовала наперекоръ желаніямъ народа, но во всѣхъ важныхъ вопросахъ государственной жизни поступала согласно съ мыслями господствующихъ сословій своей націи; у нея была отцовская склонность къ самовластію: она правила государствомъ сурово, но не жертвовала благомъ его своимъ страстямъ и капризамъ, имѣла такую силу характера, что подчиняла свои личные чувства его интересамъ; она старалась отнять политическую и религіозную свободу у націи; подавляла всякое противорѣчіе волѣ ея и въ парламентѣ, и на церковной каѳедрѣ, и въ печати, но дѣйствовала по твердымъ политическимъ правиламъ, а не по своимъ прихотямъ и уважала честность. Во времена очень большой опасности она верхомъ на конѣ являлась къ своему войску, но не принимала участія въ походахъ, какъ дѣлала Марія Стюартъ; она не брала на себя роль полководца, оставалась только правительницей дипломатическихъ дѣлъ, государыней, руководящей дѣйствіями противниковъ испанско-папистской реакціи. Она вступила на престолъ, имѣя уже зрѣлый политическій умъ и при самомъ началѣ царствованія выказала его выборомъ своихъ совѣтниковъ, первыя мѣста между которыми занимали опытный, неутомимый въ работѣ дѣлецъ, государственный секретарь и великій казначей Сесиль лордъ Борли (Burleigh), даровитый юристъ канцлеръ и хранитель печати Ничолэсъ Бэконъ и ловкій интригантъ, мастеръ вывѣдывать чужія тайны, искусный дипломатъ Фрэнсисъ Уольсингэмъ. Привычка къ лишеніямъ, пріобрѣтенная въ молодости, дѣлала Елизавету бережливой, и въ старости это дошло у нея до скупости; хорошимъ веденіемъ государственнаго хозяйства она пріобрѣтала возможность не нуждаться при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ просьбахъ денегъ у парламента, а мало нуждаясь

въ его пособіяхъ, легко держала его въ повиновеніи; но она понимала, что самой прочной опорой власти ея служить сочувствіе народа и его представителей, потому уважала права парламента и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ спрашивала одобренія у него. Даже враги признавали ее искусной правительницей; развитіе морской торговли, промышленности, земледѣлія, литературы при ней показываетъ, что она хорошо умѣла заботиться о благѣ государства. Англія подъ ея управленіемъ извлекла себѣ большія выгоды изъ войнъ, возбужденныхъ на континентѣ деспотизмомъ и фанатизмомъ Филиппа II. Елизавета была союзницей протестантства, всѣхъ государствъ и партій боровшихся за него.

Англичане очень желали, чтобы Елизавета вышла замужъ. При ея безбрачїи англійская династія прекращалась съ ея смертію, престолъ наследовала шотландская; англичане не хотѣли этого. Всѣ сословія просили Елизавету вступить въ бракъ, чтобъ имѣть дѣтей; но Елизавета не хотѣла выйти замужъ, потому что по тогдашнимъ обычаямъ мужъ королевы сталъ бы отнимать у ней управленіе дѣлами. Депутаціи парламента, просившей ее вступить въ бракъ, она дала уклончивый отвѣтъ, что посвятить всю жизнь свою благу государства и, если Богъ вложитъ въ сердце ей намѣреніе сочетаться бракомъ, то при выборѣ мужа она будетъ больше всего руководиться интересами націи; но если останется въ безбрачїи, то позаботится о выборѣ наследника и будетъ считать славой своей то, что на памятникѣ ея будетъ написано: «Елизавета жила и умерла королевой-дѣвственницей».

Елизавета держала себя уклончиво относительно иностранныхъ принцевъ, искавшихъ ея руки. Пока она была въ такихъ лѣтахъ, что можно было сватать ее, у ней было много жениховъ и хлопоты иностранныхъ правительствъ въ пользу ихъ кандидатовъ волновали всю западную Европу. Филиппъ II сильно желалъ возобновить брачную связь испанской династіи съ англійской: сначала онъ самъ выступалъ женихомъ Елизаветы; когда убѣдился, что она не пойдетъ за него, прїискивалъ другихъ жениховъ для нея. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что говорится при дворѣ Елизаветы о ея замужествѣ. Испанскіе посланники въ Англіи герцогъ Феріа и его преемникъ Альваресъ Куадра, епископъ аквильскій, зная страсть своего государя вывѣдывать секреты, сообщали ему все, что удавалось имъ услышать, передавали всякія мелочи жизни лондонскаго двора. Филиппъ предлагалъ Елизаветѣ выйти за его родственника, эрцгерцога Карла (сына императора Фердинанда). Супружество Елизаветы съ Габсбургомъ казалось ему вѣрнѣйшей гарантіей союза Англіи съ Испаніей, было бы полезно и для успѣха хлопотъ о восстановленіи католичества въ Англіи. Филиппъ надѣялся на согласіе Елизаветы, зная, что она очень высоко цѣнитъ династическую знатность. Отецъ жениха и старшій братъ его Максимилианъ (сдѣлавшійся впоследствии императоромъ) были менѣе враждебны реформаци, чѣмъ другіе католическіе государи; англичане могли полагать, что Карлъ будетъ держаться правилъ вѣротерпимости; англиканская церковь имѣла аристократическое устройство подобное католиче-

скому; епископы ея и огромное большинство вельможъ держались понятій на половину родственныхъ католическимъ, они могли находить, что Карлъ близокъ къ нимъ по своимъ религіознымъ правиламъ. Филиппъ рассчитывалъ, что подъ вліяніемъ Карла, если не произойдетъ возвращенія Англіи къ католичеству, то по крайней мѣрѣ будетъ остановлено развитіе реформатскаго элемента въ англиканской церкви, потому убѣждалъ папу не поддаваться внушеніямъ Гизовъ, враговъ Елизаветы, не раздражать ее, терпѣливо выжидать хода событій; онъ продолжалъ отклонять папу отъ ссоры съ Елизаветой даже и послѣ того, какъ она выказала свое рѣшеніе сохранять протестантскую церковь въ Англіи, отрекшись принять папскаго посланника. Елизавета, ея ловкіе министры и другіе приближенные поддерживали въ королѣ испанскомъ надежду на осуществленіе его проекта устроить бракъ ея, королевы, съ эрцгерцогомъ Карломъ; испанскій посланникъ получалъ отъ Елизаветы неопредѣленные, любезные отвѣты. Переговоры о бракѣ королевы съ эрцгерцогомъ Карломъ длились до того времени, когда ходъ событій разорвалъ ихъ.

Подобнымъ образомъ держала себя Елизавета и относительно другихъ жениховъ; переговоры съ ними служили ей средствами для достиженія политическихъ цѣлей и были пріятны ея тщеславію: ей воображалось, что женихи влюблены въ нее за ея красоту. Но нѣтъ сомнѣнія, что она не имѣла серьезнаго намѣренія выйти ни за одного изъ нихъ. Она, какъ мы увидимъ, очень долго обольщала французскій дворъ переговорами о бракѣ съ братомъ короля французскаго. Она любезно принимала и этого принца, и пфальцграфа рейнскаго и другихъ жениховъ, пріѣзжавшихъ къ ея двору; осыпала ихъ подарками, давала въ честь ихъ праздники; ей нравилось, что они ухаживаютъ за ней, какъ за очаровательной красавицей, но безъ борьбы съ собою она давала, наконецъ, отказъ каждому изъ нихъ. Переговоры о бракѣ съ французскимъ принцемъ она вела очень долго не потому, что трудно было ей рѣшиться на отказъ, а только по желанію удерживать Францію въ дружбѣ съ Англіей. На самомъ дѣлѣ она была чужда мысли вступить въ бракъ съ принцемъ династіи ненавистной англичанамъ и по національной и по религіозной враждѣ. Во время борьбы шотландскихъ реформатовъ съ католиками возникъ проектъ соединить Шотландію съ Англіей посредствомъ брака Елизаветы съ графомъ Эррэнномъ (Arran), имѣвшимъ ближайшія послѣ Маріи Стюартъ права на шотландскій престолъ. Шотландскіе кальвинисты и англійскіе вельможи горячо желали этого брака; онъ удовлетворялъ бы и личной ненависти Елизаветы противъ Маріи Стюартъ, отнимая у этой соперницы всякую силу въ Шотландіи. Но Елизавета рѣшительно отвергла и этотъ проектъ замужества.

Англичане долго объясняли отказы Елизаветы иностраннымъ женихамъ намѣреніемъ ея отдать руку англійскому вельможѣ, котораго она любила и осыпала почестями, Роберту Додли (Dudley), графу Лестеру. Онъ родился въ одинъ годъ съ Елизаветой (въ 1533 году), былъ младшій сынъ герцога нортумбэрлэндскаго, казненаго Маріей Тюдоръ; эта королева держала и Роберта Додли, какъ Елизавету, подъ стражей въ Тоуэрѣ; Елизавета полюбила его, когда была еще молодой дѣвушкой, и сохранила любовь къ нему до самой его смерти; она давала ему самыя важныя правительственныя и военныя порученія; неизмѣнно имѣла величайшее довѣріе къ нему. Онъ былъ красавецъ, имѣлъ изящныя манеры, гибкій характеръ, превосходно умѣлъ угож-

дать и льстить Елизаветѣ, придворныя дамы восхищались его красотой, любезностью; онъ танцевалъ лучше всѣхъ молодыхъ англійскихъ вельможъ; вообще былъ самымъ блистательнымъ человѣкомъ въ придворномъ кругу. Но тѣмъ и ограничивались его достоинства: онъ не имѣлъ ни административныхъ, ни дипломатическихъ, ни военныхъ талантовъ; поручаемыя ему дѣла онъ велъ плохо; словомъ, былъ совершенно неспособенъ къ той политической роли, которую дала ему Елизавета. Трудно было понять, какъ женщина, имѣющая мужскую энергію характера, привязалась къ человѣку совершенно ничтожному; но Елизавета смотрѣла на Лестера глазами влюбленной женщины и поддавалась женскому тщеславію: ей нравились безусловная преданность любовника, лесть его, слѣпое повиновеніе всякому ея желанію; въ восхищеніи его красотой, изящными манерами, работливой угодливостью она забывала слабость его ума и характера, его политическое ничтожество. Вельможи и народъ мало любили Лестера; при всей горячности своего желанія, чтобы королева вышла замужъ, они тревожились мыслию, что она выйдетъ за своего любимца. Его отецъ оставилъ по себѣ дурную память и самъ онъ дѣлалъ очень много дурного; будучи еще юношей, онъ женился на Эми (Аму), дочери сэра Джона Робсэрта; скоро онъ сталъ тяготиться этимъ бракомъ, мѣшавшимъ его тщеславной надеждѣ получить руку королевы; молодая жена жила, покинутая въ одномъ изъ имѣній мужа, въ графствѣ Оксфордскомъ, печальная, ослабѣвавшая отъ горя.—Она была 8 сентября 1560 года найдена мертвой внизу высокой лѣстницы. Всѣми овладѣло подозрѣніе, что смерть ея—дѣло мужа. Онъ былъ въ Уиндсорѣ, когда произошло это; услышавъ о смерти жены, не поѣхалъ самъ видѣть и похоронить тѣло ея; но велѣлъ произвести слѣдствіе о причинѣ ея смерти. Слѣдствіе не открыло ничего о томъ, какъ и кѣмъ была она убита; судьи объявили графа Лестера свободнымъ отъ всякой вины; однако же всѣ продолжали думать, что графиня убита по его приказанію, что люди, посланные имъ, столкнули ее съ лѣстницы, что побужденіемъ къ убійству была у него надежда получить руку королевы. Но Елизавета при всей своей любви къ нему вовсе не хотѣла сдѣлать его своимъ мужемъ. Причиной нежеланія вѣроятно было то, что она не хотѣла ни съ кѣмъ дѣлиться властью. Ей нравилось быть, по выраженію ея льстецовъ, королевой дѣвственницей, говорить, что она вступила въ бракъ съ англійскимъ государствомъ и не хочетъ другого брака, что семейство ея англійскій народъ. Общая увѣренность, что Лестеръ убійца своей жены, не повредила ему во мнѣніи Елизаветы; она хотѣла думать, что онъ не виновенъ.

Впослѣдствіи Елизавета предлагала Лестера въ женихи Маріи Стюартъ, но при ея двоедушій трудно судить, серьезно-ли было это предложеніе съ ея стороны. Любовь ея къ Лестеру оставалась непоколебима; онъ игралъ

двусмысленную роль въ политическихъ дѣлахъ, рѣшавшихъ судьбу Маріи Стюартъ; выражаемое имъ желаніе жениться на ней ни мало не огорчало Елизавету; она сама рекомендовала его своей соперницѣ; потому должно полагать, что все это дѣло было коварной комедіей. Но очень разсердилась Елизавета, узнавъ, что Лестеръ тайно вступилъ въ бракъ съ Летиціей Нользъ (Knollys), мужъ которой незадолго передъ тѣмъ (въ 1577 г.) умеръ въ Ирландіи внезапною смертію; молва приписывала смерть его яду. Но при всей досадѣ на измѣну Лестера Елизавета отвергла предложеніе, сдѣланное ей тогда герцогомъ Францискѣмъ анжуйскимъ, и скоро возвратила свою благосклонность Лестеру, умолявшему ее о прощеніи. По любви къ нему она дала высокія должности Генри Сидни, мужу его сестры, и Филиппу сыну Генри (прославившемуся своими поэтическими произведеніями). Генри Сидни былъ посланъ ею упрочить англійское владычество и ввести англійскіе законы въ Ирландію.

II. ШОТЛАНДСКІЯ ДѢЛА ПО ВОЗВРАЩЕНІИ МАРІИ СТЮАРТЪ.

1. Отношенія Маріи Стюартъ къ шотландскому народу.

По возвращеніи Маріи Стюартъ въ Шотландію, тамъ тоже сталъ важнымъ политическимъ дѣломъ вопросъ о бракѣ королевы. Марія Стюартъ не имѣла дѣтей отъ своего перваго мужа, Франциска II, короля французскаго, и, когда овдовѣвъ, она возвратилась (въ 1561 году) въ Шотландію, ей было еще только 19 лѣтъ. По смерти мужа она перестала употреблять титутъ королевы англійской, но никакія усилія хитраго и краснорѣчиваго Трогмортонъ, посланника Елизаветы въ Парижѣ, не убѣдили Марію Стюартъ утвердить эдинбургскій договоръ и никакими доводами не склонили Елизавету ее подписать актъ признанія шотландской реформациіи и отреченія отъ правъ на англійскій престолъ. Согласіе на это было бы противно убѣжденіямъ Маріи Стюартъ, политическимъ и религіознымъ понятіямъ ея родственниковъ Гизовъ. Она объявила, что подпишетъ эдинбургскій договоръ только тогда, когда Елизавета объявитъ ее своею наслѣдницею въ случаѣ, если не будетъ имѣть дѣтей. Но признать Марію Стюартъ наслѣдницею англійскаго престола, значило бы для Елизаветы произнести смертный приговоръ себѣ, говоритъ Фроудъ, потому что въ ея дворцѣ, въ ея спальнѣ были тайные приверженцы Гизовъ, фанатичные паписты, сторонники Маріи Стюартъ, готовые ядомъ или книжаломъ ускорить время соединенія Англіи съ Шотландіей подъ властью избранницы папы и всѣхъ усердныхъ католиковъ. Въ тѣ времена убійство для пользы церкви считалось у фанатиковъ папизма высокимъ подвигомъ благочестія.—По такому же опасенію Елизавета отказала Маріи въ дозволеніи проѣхать изъ Франціи въ Шотландію черезъ Англію. Паписты сѣверныхъ графствъ дѣлали бы при проѣздѣ Маріи Стюартъ шумныя манифестаціи въ заявленіе своей преданности ей; ихъ было много тамъ; увидѣвъ это,

она стала бы сильнѣе дѣйствовать противъ Елизаветы. Такимъ образомъ Марія принуждена была сдѣлать весь путь въ Шотландію моремъ. Побочный сынъ ея отца Джемсъ Стюартъ приплылъ за нею въ Калѣ; всѣ пять дядей проводили ее до гавани, трое отправились провожать ее въ Эдинбургъ. Она отплыла на французскомъ кораблѣ 17 августа 1561 года, прощаясь съ «прекрасной Франціей» грустными пѣснями. Англійская эскадра, крейсировавшая подъ предлогомъ очищенія моря отъ пиратовъ, плыла за кораблемъ Маріи, кружилась около него. Если бы адмиралъ захватилъ этотъ корабль, говорить одинъ изъ современниковъ, то безъ сомнѣнія заслужилъ бы благодарность Елизаветы и Катерины Медичи.

Но онъ не имѣлъ отъ королевы формальнаго приказанія сдѣлать это. Такимъ образомъ Марія благополучно приплыла (19 августа) въ Литъ, гавань Эдинбурга; народъ встрѣтилъ ее звуками дудокъ и волынокъ; эта музыка была не похожа на ту, какую Марія слушала въ Луврѣ; но королева любезно приняла выраженія любви своихъ подданныхъ, хотя и грубыя; ей хотѣлось пріобрѣсти расположеніе народа; она умѣла очаровывать людей, она весело шутила надъ плохой отдѣлкой и меблировкой комнатъ голирудскаго дворца, въ которомъ не было сдѣлано приготовленій для жизни королевы въ немъ; скрыла свое неудовольствіе, когда на слѣдующее утро граждане Эдинбурга привѣтствовали ее пѣніемъ протестантскихъ псалмовъ, и объявила, что не будетъ дѣлать никакихъ переменъ въ шотландской церкви до рѣшенія созываемаго ею парламента, что католическое богослуженіе будетъ совершаться только въ дворцовой капеллѣ для нея и ея свиты. Въ слѣдующемъ году сыновья лорда канцлера Гонтли подняли мятежъ въ Эдинбургѣ; онъ кончился смертью отца и казнью главнаго агитатора. Королева назначила канцлеромъ своего побочнаго брата, Джемса Стюарта, получившаго титулъ графа Мурре (Murray), и выказывала довѣріе другимъ вельможамъ, считавшимся сторонниками Елизаветы. Эта благоразумная политика принесла ей пользу. Мысль о вѣротерпимости была такъ же чужда ей, какъ ея дядямъ Гизамъ; но она полагала, что любезностью, хитростью вѣрнѣе чѣмъ казнями достигнетъ своей цѣли—возстановленія католичества въ Шотландіи; она твердо рѣшилась произвести этотъ переворотъ, но понимала, что необходимо ей дѣйствовать осмотрительно. Пламенные проповѣди Нокса и его товарищей противъ папизма, или, какъ они называли, идолопоклонства, нравились народу; нужно было время, чтобы смягчить ненависть массы шотландцевъ къ католичеству, ободрить малочисленныхъ шотландскихъ католиковъ, подготовить англійскихъ католиковъ къ возстанію противъ Елизаветы; только сдѣлавъ все это, можно было при наступленіи благопріятнаго случая начать при помощи французовъ и Филиппа II борьбу съ протестантами въ Шотландіи и Англіи.

Марія дѣйствовала такъ ловко, что скоро привлекла на свою сторону очень многихъ шотландскихъ вельможъ: они, какъ мы знаемъ, стали приверженцы реформациі главнымъ образомъ по желанію захватить церковныя имѣнья; теперь они уже были владѣльцами ихъ, потому не имѣли надобности выставять себя усердными кальвинистами; они стали разсчитывать свои выгоды съ другой точки зрѣнія. Государственный секретарь, Метлэндъ лордъ Летингтонъ, въ письмѣ къ своему другу Сесилю рѣзко говоритъ о равнодушіи шотландскихъ вельможъ къ религіи, объ ихъ привычной симпатіи къ Франціи, желаніи угождать королевѣ, невѣжествѣ. Любовь къ шумнымъ пирамъ и грубымъ развлеченіямъ издавна соединялась у шотландскихъ вельможъ съ рыцарской любезностью къ прекраснымъ дамамъ; прежде они находили выгоднымъ разыгрывать изъ себя ревнителѣй строгой кальвинистской нравственности, но надобность въ этомъ миновала, они снова стали любезными рыцарями; съ восхищеніемъ смотрѣли они на прекрасную даму, страстную любительницу псовой и соколиной охоты, скакавшую на конѣ по горамъ и ущельямъ подъ осенними непогодами, говорившую, что желала бы быть мужчиной, чтобы проводить день и ночь въ лѣсахъ и на поляхъ; а въ зимніе вечера она развлекала себя и шотландскую аристократію блестящими балами, маскарадами, и шотландскіе вельможи восхищались парижскимъ великолѣпіемъ ихъ, любезностью королевы, первой между всѣми красавицами. Разумѣется, въ этихъ веселостяхъ не всегда соблюдалось нравственное приличіе; его не могла считать своею обязанностью пылкая красавица, воспитанная при дворѣ Катерины Медичи. Въ 1563 году былъ казненъ въ Сентъ-Эндрюсѣ французскій дворянинъ Шателляръ, поэтъ и музыкантъ, за то, что два раза прокрадывался въ спальню королевы, прятался подъ ея кровать и, когда она оставалась одна, хотѣлъ обнимать ее. Восхищеніе мужчинъ красотою Маріи правилось ей, и благосклонность, съ какой принимала она его, легко могла привести смѣлаго человѣка къ мысли, что она желаетъ имѣть его своимъ любовникомъ. Шателляръ взошелъ на эшафотъ съ пѣніемъ грустнаго любовнаго стихотворенія.

Если бы религіозныя дѣла зависѣли только отъ вельможъ, Марія Стюартъ легко успѣла бы въ своемъ стремленіи возстановить владычество католической церкви. Въ сессіи парламента 1563 года уже не было повторено предложеніе утвердить прежнія парламентскія постановленія о религіи. Но кромѣ аристократіи была другая сила—кальвинистское духовенство, вождемъ котораго былъ Ноксъ. Мы говорили въ предъидущемъ томѣ о демагогическомъ характерѣ проповѣди этого кальвинистскаго фанатика и его товарищей; языкомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ онъ призывалъ народъ истребить служеніе Ваалу, какъ называлъ онъ католичество; теперь ожесточеніе его обратилось противъ королевы, возстановляющей язычество и похоти его среди народа Божія.

Ноксъ не хотѣлъ потерпѣть, чтобы въ дворцовой капеллѣ совершалась католическая литургія: „Если шотландская земля снова осквернится идолослуженіемъ“, говорилъ онъ, „то рука Божія не далека отъ нея“. Марія призвала Нокса, чтобы высказать ему порицаніе за дерзкія рѣчи и велѣть ему быть скромнѣе; но онъ, по его выраженію, „постучался въ ея сердце“ такъ, что она расплакалась. Она упрекала его въ томъ, что онъ возбуждаетъ народъ къ мятежу; онъ отвѣчалъ: „Богъ призвалъ меня изобличать ничтожество папской религіи, лживость, надменность и тиранство римскаго антихриста, дать народу познаніе истины, а въ дѣлѣ вѣры подданные должны болѣе повиноваться Богу, чѣмъ своимъ государямъ, часто совершенно не знающимъ вѣры, и ни сколько не обязаны сообразовать свое исповѣданіе и богослуженіе съ произволомъ своихъ владыкъ; иначе евреи должны были бы принять религію фараона, Даніиль и его сотоварищи—вѣру Навуходоносора, а первые христіане—религію римскихъ императоровъ“. На замѣчаніе королевы, что первые христіане не подымали меча противъ своихъ государей, онъ отвѣчалъ: „Богъ не далъ имъ силы и средствъ“.—„И такъ если подданные имѣютъ на то силу“, спросила Марія, „то они по вашему мнѣнію могутъ сопротивляться своимъ государямъ вооруженною рукой?“—„Конечно“, отвѣтилъ Ноксъ, „если государи преступаютъ поставленныя имъ границы, потому что повиновеніе подданныхъ королямъ или государямъ не больше того, какимъ обязаны дѣти относительно родителей; если отецъ облятый безуміемъ подниметъ мечъ, чтобы убить своихъ дѣтей, а они предупредятъ его, отнимутъ у него мечъ, свяжутъ его и будутъ до выздоровленія держать подъ надзоромъ, то думаете-ли вы, что дѣти поступать несправедливо? То же самое относительно государей, которые хотятъ убивать подвластныхъ имъ дѣтей божіихъ. Слѣпая горячность ихъ не иное что, какъ безуміе; итакъ отнять у нихъ мечъ, связать имъ руки и взять ихъ подъ стражу до той поры, пока они образумятся, не повинновеніе власти, а истинное повиновеніе, потому что оно согласно съ волей божіей“. Королева поблѣднѣла и нѣсколько времени смотрѣла неподвижнымъ взглядомъ, молча; оправившись отъ изумленія и страха, она продолжала разговоръ и когда сказала, что будетъ охранять римскую церковь, которую считаетъ истинною церковью, Ноксъ возразилъ: „Ваша воля, королева, не основаніе и ваше мнѣніе не сдѣлаетъ римскую блудницу чистой и непорочною невѣстой Христовой, не удивляйтесь, что я называю Римъ блудницей, потому что эта церковь вся осквернена всякимъ духовнымъ блудомъ, какъ въ ученіи, такъ и въ нравахъ“. На возраженіе Маріи, что совѣсть говоритъ ей иное, онъ отвѣчалъ: „Ваша совѣсть требуетъ познанія, а истиннаго познанія вы имѣете не больше, чѣмъ іудеи, распявшіе Христа“.—Марія велѣла сдѣлать приготовленія къ торжественному служенію литургіи въ своей капеллѣ на день всѣхъ святыхъ. Ноксъ въ своей проповѣди воззвалъ къ Богу: „Господи, обрати сердце королевы, закоснѣвшее противъ Тебя и истины Твоей или, если твоя святая воля рѣшила иначе, то укрѣпи сердца и руки избранныхъ твоихъ, чтобы они твердо воспротивились ярости тиранновъ“. Литургія была торжественно совершена, и придворная святая вода, по выраженію кальвинистовъ, дѣлала реформатскую аристократію все болѣе и болѣе уступчивой. Ноксъ и три другіе проповѣдника Ро (Row), Ге (Hay) и Гэмилтонъ собрались съ нѣсколькими горячими мірянами своего исповѣданія въ домѣ одного изъ эдинбургскихъ гражданъ на совѣщаніе о томъ, позволительно ли подданнымъ силою отмѣнять идолослуженіе своихъ государей, распространяющееся ко всеобщей гибели, и возвратить въ законныя границы власть, преступающую предѣлы своихъ правъ. Но вельможи не имѣли теперь прежней охоты взяться за оружіе противъ пра-

вительства: любовь къ роскоши, къ наслажденію придворными балами, маскарадами развилась у нихъ, увлекла даже графа Морре, котораго кальвинистскіе проповѣдники выставляли образцомъ „человѣка, имѣющаго въ себѣ образъ божій“. Ноксъ раздражался сильнѣй и сильнѣй, все рѣзче нападалъ въ своихъ проповѣдяхъ на „Іезавель“, причину этого нечестія вельможъ, слѣдующихъ обольстительному голосу сирены, и на грѣховный народъ не истребляющій ученія антихриста. Подобно ему и другіе кальвинистскіе проповѣдники постоянно нападали на „мірскую суету, придворные праздники, танцы и блудъ“. Всякое веселье называли они грѣховнымъ, противнымъ смиренному унынію, котораго требуетъ испорченность человѣческой природы. Въ противоположность придворнымъ праздникамъ они назначали дни покаянія, говоря о веселой музыкѣ и пѣніи, напоминали о томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ „плачь и скрежетъ зубовъ“; изящество одежды и образа жизни называли они языческой гордыней, сѣтями сатаны. По идеямъ этой аскетической морали судили они о молодой веселой королевѣ, о вельможахъ и народѣ; они при всемъ собраніи вѣрующихъ обращались съ порицаніями къ отступникамъ отъ ихъ суровыхъ правилъ, призывали судъ божій на строптивыхъ, проклинали увлекающихъ своимъ примѣромъ людей слабой души.

2. Бракъ Маріи съ Дэрли.

Реформатскіе проповѣдники были правы, не довѣряя Маріи: она выказывала вѣротерпимость, а между тѣмъ вела съ дядями и папой переписку о способахъ искоренить ересь. Въ январѣ 1563 г. она писала папѣ, что всѣ заботы ея направлены къ возвращенію на истинный путь ея народа, вовлекшагося въ печестивыя заблужденія, но что при его испорченности труды ея имѣли до сихъ поръ мало успѣха; потому папа не долженъ приписывать недостатку ея усердія то, что ея подданные еще не имѣютъ должнаго благоговѣнія къ святой римской церкви; она разослала по государству прелатовъ распространять въ народѣ истинныя понятія и твердо намѣрена не щадить ничего ни даже своей жизни для достиженія этой цѣли. Кардиналу лотарингскому она писала, что твердо намѣрена скорѣе подвергнуться смерти, чѣмъ согласиться на что-нибудь вредное для святой церкви.

Во Франціи шла тогда первая религіозная война. Королева англійская заключила союзъ съ вождями гугенотовъ, посылала имъ флотъ, войско, деньги, хотя была скупа и по своимъ убѣжденіямъ была сторонницей безусловной власти государей надъ подданными; помогая мятежникамъ, она оправдывала себя словами, что они вовсе не мятежники, что они не ведутъ войну противъ короля, а только защищаются отъ папистовъ, которые хотятъ истребить ихъ. Она надѣялась овладѣть Кале, но ей не удалось это. Погибель 200 англичанъ, убитыхъ приштурмѣ Руана, не доставила ей пріобрѣтеній во Франціи. Когда гугеноты заключили миръ съ королемъ и англійскій посланникъ въ Парижѣ, Трогмортонъ, былъ арестованъ, Елиза-

вета принуждена была возвратить королю французскому мѣстности, занятыя войсками ея въ его государствѣ; она прикрыла свою досаду увѣреніемъ, что воевала только для защиты реформатовъ отъ Гизовъ; но долго сердилась на гугенотовъ и отказывала имъ въ помощи при слѣдующемъ ихъ возстаніи.

Въ Единбургѣ между тѣмъ шли переговоры о новомъ бракѣ Маріи. Она сильно желала, чтобъ Елизавета признала ея право наследовать англійскій престолъ; но Елизавета упорно отвергала это требованіе. Марія раздумывала, какъ поступить по вопросу о выборѣ мужа: соединиться ли родствомъ съ какимъ-нибудь могущественнымъ королевскимъ родомъ, чтобы при помощи его принудить Елизавету признать ея право, или просить совѣта Елизаветы, сказать, что выйдетъ за того жениха, котораго рекомендуетъ англійская королева и ставить условіемъ этого признаніе права ея наследовать англійскій престолъ. Могущество короля испанскаго и дружба его съ Гизами возбуждали въ Маріи надежду, что выгоднѣе будетъ породниться съ нимъ, чѣмъ искать дружбы Елизаветы. Филиппъ II былъ очень радъ устроить бракъ, который доставилъ-бы Габсбургскому дому владѣтельство надъ Шотландіей. Оно имѣло-бы огромную важность для Филиппа при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при войнѣ во Франціи и Нидерландахъ, союзъ Елизаветы съ врагами Испаніи. Филиппъ сначала думалъ женить на Маріи своего старшаго сына, Дона Карлоса, будущаго короля испанскаго. Марія очень обрадовалась этому предложенію: породнившись съ Филиппомъ такъ близко, она могла, казалось ей, отмѣнить ненавистный единбургскій договоръ, возстановить въ Шотландіи католичество, принудить Елизавету къ признанію права ея на наследованіе англійскаго престола. Но Филиппъ скоро передумалъ, нашелъ, что сынъ его не годится быть мужемъ Маріи, предложилъ ей эрцгерцога Карла, котораго прежде предлагалъ въ женихи Елизаветѣ. Но у Карла было мало владѣній,—Марія нашла, что бракъ съ такимъ незначительнымъ государемъ не увеличитъ ея силъ. Пока шли эти переговоры, междоусобіе во Франціи прекратилось. Марія разсудила, что теперь хорошо будетъ войти въ дружбу съ Елизаветой: и шотландцамъ и англичанамъ нравилась мысль о такомъ соединеніи Шотландіи съ Англіей, при которомъ обѣ эти страны оставались бы особыми государствами; сравнительно съ шотландскимъ кальвинизмомъ англиканская церковь, имѣющая епископовъ, могла казаться похोжей на католическую, и для Маріи возможно было присоединиться къ ней на словахъ. Елизавета объявила, что станетъ въ непримиримую вражду къ Маріи, если она выйдетъ за принца Габсбургской династіи. Марія полагала, что отказъ ея отъ этого непріятнаго Елизаветѣ жениха пріобрѣтетъ ей расположеніе англійской королевы, стала говорить о своемъ уваженіи къ Елизаветѣ и англичанамъ, нила тосты за здоровье Елизаветы, увѣряла, что смот-

ритъ на нее съ такимъ почтеніемъ и любовью, какъ на свою старшую сестру. Начались переговоры о свиданіи между ними, было назначено мѣсто и время его, говорилось, что на немъ будетъ достигнуто соглашеніе по всѣмъ прежнимъ вопросамъ, установлена дружба. Елизавета отложила свиданіе до болѣе поздняго времени, чѣмъ было условлено, потомъ вовсе отказалась отъ него, объявила, что никогда не согласится формально признать Марію наслѣдницей англійскаго престола; но и послѣ всего этого Марія продолжала искать ея дружбы, просить ея совѣта о выборѣ мужа. Елизавета предложила ей выйти за Лестера. Ей показалось очень обидно, что въ женихи ей предложенъ подданный и любовникъ Елизаветы; но она согласилась даже и на это унижительное предложеніе подъ условіемъ, что англійская королева формально объявитъ ее своей наслѣдницей и признаетъ дѣтей ея отъ брака съ Лестеромъ имѣющими полныя династическія права наслѣдованія. Морре объявилъ, что и онъ согласенъ на бракъ Маріи съ Лестеромъ подъ этими условіями. Но Елизавета на хотѣла дать требуемаго обѣщанія, ограничивалась неопредѣленнымъ увѣреніемъ, что если Марія «будетъ имѣть довѣріе къ ней» и выйдетъ за Лестера, то «не раскается». Марія была опечалена неговорчивостью Елизаветы, плакала, сердилась и разорвала переговоры; она полагала теперь, что Елизавета только обманывала ее предложеніемъ выйти за Лестера, хотѣла только помѣшать этимъ выбору другого жениха, выиграть время. Эта ссора была окончательная: Марія выбрала себѣ мужа, не спрашивая одобренія Елизаветы.

Въ Англіи уже довольно давно жило бѣжавшее изъ Шотландіи семейство, родственное съ шотландской династіей и оставшееся вѣрнымъ католицизму; это были графъ Ленноксъ, потомокъ Стюартовъ, и его жена Маргарета, дочь сестры Генриха VIII отъ ея второго мужа, шотландскаго вельможи графа Энгоса (Angus). Графиня Ленноксъ, честолюбивая интригантка, ненавидѣла Елизавету; въ замкѣ ея собирались англійскіе паписты. Она воспитала своего сына Генри-Дэрли (Darnley) въ своихъ понятіяхъ. За нѣсколько времени передъ ссорой съ Елизаветой Марія дала прощеніе графу Ленноксу, возвратила ему отнятые титулы и конфискованныя владѣнія. При неопредѣленности правъ престолонаслѣдія возникла мысль прекратить споры бракомъ Маріи съ сыномъ Леннокса, бывшаго соперникомъ ея; совѣтники королевы и графиня Ленноксъ одобрили эту мысль. Дэрли, подъ предлогомъ поѣздки къ отцу, находившемуся теперь въ сѣверной Шотландіи, тайно уѣхалъ изъ Англіи, пріѣхалъ въ Эдинбургъ, явился къ двору Маріи. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ высокаго роста, имѣлъ всѣ качества, нравящіяся влюбчивымъ женщинамъ. Марія полюбила его; всѣ увидѣли, что она хочетъ выйти за него. Елизавета рѣзко высказалась противъ этого брака, потребовала, чтобы Ленноксъ и Дэрли, во время жизни въ Англіи признававшіе

ее своей государыней, немедленно возвратились въ Англію, говорила, что они обязаны исполнить это приказаніе, будучи ея подданными. Морре отчасти по зависти, отчасти по внушенію англійскаго посланника Рэндольфа и самого Сесия, главнаго совѣтника Елизаветы, вошелъ въ тайныя сношенія съ другими шотландскими вельможами, тоже завидовавшими счастію Дэрнли; они поддавались интригамъ Рэндольфа и Сесия, заключили съ Морре союзъ, чтобы силою оружія помѣшать браку Маріи съ Дэрнли; Ноксъ и другіе фанатичные кальвинистскіе проповѣдники провозглашали, что Богъ накажетъ Марію, если она выйдетъ за паписта Дэрнли. Но Марія пренебрегла всѣмъ. Морре и соучастники его заговора взяли за оружіе; Марія подавила ихъ мятежъ: войско ихъ было разбито; они бѣжали въ Англію. Марія пригласила возвратиться въ Шотландію графа Ботуэлля (Bothwell), который за два года передъ тѣмъ хотѣлъ убить Морре и долженъ былъ бѣжать изъ Шотландіи послѣ неудачной этой попытки; возвратился по ея приглашенію и другой врагъ графа Морре, сынъ казненнаго имъ канцлера, Гонтли. Упрочивъ свою власть, Марія повѣнчалась съ Дэрнли. Бракосочетаніе было совершено по обряду католической церкви 29 іюля 1565 года. По окончаніи обряда герольдъ провозгласилъ Генри Дэрнли королемъ; это было заявленіемъ, что Марія дѣлаетъ мужа своимъ соправителемъ.

Марія стала дѣйствовать смѣлѣе прежняго, она обѣхала верхомъ на конѣ часть государства, бывшую театромъ возстанія, подавляя послѣдніе остатки мятежа; она выказывала такое гордое сознаніе своего могущества, что была ясна ея рѣшимость покинуть политику осторожности, уступчивости. Король испанскій выразилъ одобреніе ея браку съ Дэрнли, обѣщалъ ей свою помощь для возстановленія католичества въ Шотландіи и для вынужденія Елизаветы признать ея права на англійскій престолъ. Мы видѣли, что въ эти годы паписты всей западной Европы соединяли свои силы для искорененія ереси. Катерина Медичи поѣхала въ Байонну на свиданіе съ представителемъ мнѣній Филиппа, герцогомъ Альбой, сопровождавшимъ туда дочь ея супругу Филиппа; современники преувеличивали значеніе этого свиданія, но справедливо то, что, согласившись выслушать совѣты Альбы, Катерина ужь этимъ самымъ выразила свое намѣреніе искоренить ересь во Франціи. Король испанскій, фанатикъ Пій V и французское правительство вошли въ соглашеніе дѣйствовать общими силами противъ еретиковъ; Марія Стюартъ присоединилась къ этому союзу, вела дѣятельную переписку съ его членами. Посредникомъ ея въ сношеніяхъ съ ними былъ Риччо, уроженецъ Піемонта, пріѣхавшій въ Эдинбургъ за два года передъ тѣмъ въ свитѣ савойскаго посланника Моретты; онъ хорошо пѣлъ, игралъ на цитрѣ, былъ человѣкъ умный, образованный, съ хорошими манерами, горячій католикъ; всѣмъ этимъ онъ понравился королевѣ; онъ бывалъ каждый

день во дворцѣ; увидѣвъ, что онъ человѣкъ надежный, Марія поручила ему вести ея секретную политическую корреспонденцію и нерѣдко онъ сидѣлъ до полночи въ ея кабинетѣ за этой работой.— Шотландскіе кальвинисты видѣли, что готовятся крутыя мѣры противъ нихъ.

Англійскіе паписты ободрились; чтобы успокоить ихъ Елизавета въ присутствіи новаго испанскаго посланника Гусмана Сильвы и французскаго посланника сдѣлала пріѣхавшему въ Лондонъ графу Морре строгій выговоръ за его мятежъ противъ государыни, заставила его засвидѣтельствовать, что она и ея совѣтники не возбуждали его и другихъ шотландскихъ вельможъ къ бунту. Вѣроятно эта сцена была комедіей, разыгранной по предварительному соглашенію съ Морре. Переписка англійскаго правительства показываетъ, что оно знало обо всѣхъ приготовленіяхъ Морре и его друзей къ возстанію. Елизавета считала надобнымъ выставять себя доброжелательницей Маріи, но ея посланникъ въ Шотландію, Рэндольфъ, и другіе агенты находились въ интимныхъ сношеніяхъ съ враждебными Маріи шотландскими вельможами и реформатскими проповѣдниками.

3. Убіѣйство Риччо.

Дэрнли былъ еще юноша; ему было только 20 лѣтъ, когда Марія повѣнчалась съ нимъ, но онъ уже имѣлъ грубыя привычки, находилъ удовольствіе только въ буйныхъ веселостяхъ невѣжественныхъ шотландскихъ вельможъ,; охотился, пировалъ съ ними, былъ наглъ, безхарактеренъ, чуждъ всякихъ интересовъ образованнаго общества. Марія скоро утратила расположеніе къ нему. Въ февралѣ 1566 черезъ полгода послѣ ихъ свадьбы Рэндольфъ уже доносилъ своему правительству: «Я достовѣрно знаю, что королева раскаивается въ своемъ бракѣ, ненавидитъ Дэрнли и всѣхъ его пріятелей. Еще недавно въ официальныхъ документахъ имя его стояло на первомъ мѣстѣ, теперь стоитъ на второмъ, и онъ называется въ нихъ уже не королемъ, а только супругомъ королевы. Было выбито нѣсколько монетъ съ изображеніемъ короля и королевы вмѣстѣ; теперь эта монета отбирается и идетъ въ переплавку». Дэрнли былъ раздраженъ униженіемъ. Онъ женился на королевѣ для того, чтобы удовлетворить своей алчности и властолюбію, хотѣлъ добиться формальнаго предоставленія ему равной власти съ женой. Марія не хотѣла и слышать объ этомъ. Онъ полагалъ, что ее возстановляетъ противъ него Риччо. Королева и ея совѣтники не сообщали ему тайнъ своей политики, потому что онъ не умѣлъ хранить секретъ, поступалъ неосторожно и, хотя считался католикомъ, былъ равнодушенъ къ религіознымъ спорамъ, даже ходилъ иногда слушать проповѣди Нокса.

«Я знаю, что отецъ (Ленноксъ) и сынъ (т. е. Дэрнли) готовятся дѣйствовать силой, чтобъ сынъ получилъ корону, хотя бы противъ воли королевы», писалъ 13 февраля 1566 Рэндольфъ Лестеру: «Если этотъ планъ исполнится, то я убѣжденъ, что не пройдетъ десяти дней, какъ будетъ съ согласія короля перерѣзано горло Давиду Риччо. Доходили до моихъ ушей вещи и хуже этого». Предсказаніе Рэндольфа скоро исполнилось. Дэрнли смертельно ненавидѣлъ Риччо, считая его виновникомъ того, что не получаетъ корону, и кромѣ того съ бѣшеной ревностью думая, что Марія имѣетъ связь съ нимъ. Друзья Дэрнли усиливали его подозрѣнія насмѣшками, по враждѣ къ Риччо, какъ главному дѣятелю папистскаго заговора. Дэрнли въ разговорахъ съ пріятелями прямо утверждалъ, что Риччо любовникъ королевы. Вѣроятно, это подозрѣніе было ошибочно, потому что Риччо былъ некрасивъ и хилъ здоровьемъ, какъ старикъ; но легкомысленные нравы двора и надменность Риччо подавали Дэрнли поводъ къ ревности. Шотландскіе вельможи, бывшіе членами ковенанта, друзья Морре и другіе изгнанники, жившіе въ Англіи, раздѣляли вражду Дэрнли къ Риччо. Должно было ожидать, что Филиппъ II скоро начнетъ войну съ Елизаветой и папа будетъ возбуждать англійскихъ католиковъ къ возстанію; въ такомъ случаѣ Единбургъ сталъ бы центромъ заговора противъ Елизаветы, если Марія сохранитъ власть и Риччо останется живъ. Филиппъ уже послалъ изъ Нидерландовъ агента съ большими деньгами для Маріи, но корабль потерпѣлъ крушеніе на пути въ Шотландію; Филиппъ сообщилъ Маріи, что снова пошлетъ ей денегъ и готовъ помогать ей войскомъ. Папа говорилъ, что пока останется у него хоть одна церковная серебряная чаша, онъ будетъ помогать королевѣ шотландской. Въ надеждѣ на помощь Филиппа и папы Марія хотѣла подавить протестантскихъ вельможъ въ Шотландіи и вынудить у Елизаветы признаніе своихъ правъ на наслѣдство англійскаго престола.

Противники Маріи видѣли необходимость принять мѣры обороны. Лордъ Ротвенъ (Ruthven) и графъ Мортонъ, люди смѣлые, буйные и нѣкоторые другіе реформатскіе вельможи, опасавшіеся за свою жизнь въ случаѣ успѣха папистскихъ замысловъ и желавшіе возвращенія Морре и другихъ изгнанниковъ, предложили себя Дэрнли въ исполнители его желанія отмстить Риччо. Ноксъ и другой вліятельный эдинбургскій проповѣдникъ, Крегъ, были посвящены въ тайну этого заговора, убѣждали кальвинистовъ поститься и молиться объ отвращеніи опасностей угрожающихъ благочестивымъ. Въ началѣ марта королева созвала парламентъ; видно было, что она хочетъ получить отъ него отмѣну рѣшеній парламента 1560 года. Она пригласила епископовъ занять свои прежнія мѣста въ палатѣ лордовъ; своими представителями въ парламентѣ (лордами статей, какъ это называлось) она назначила католиковъ или людей лично ей предан-

ныхъ, выказывала особенную благосклонность гордому графу Гонтли и другимъ вельможамъ, подвергавшимся гоненію за роялизмъ или усердіе къ католичеству; первой своей надобностью она считала достигъ того, чтобы парламентъ объявилъ мятежниками графа Морре и его сообщниковъ, конфисковалъ ихъ имѣнья. Друзья ихъ не могли допустить этого, потому условились съ Дэрнли убить Риччо передъ открытіемъ парламента, чтобы запугать парламентъ. Временемъ убійства былъ назначенъ вечеръ 9 марта.

XVI столѣтіе богато всяческими злодѣйствами, но мало въ немъ равныхъ наглостью тому, какъ былъ убитъ Риччо. Въ тѣсныхъ и мрачныхъ апартаментахъ Голирудскаго дворца находилась подлѣ спальни королевы небольшая комната, въ которую уходила она, когда желала удалиться отъ шума придворнаго общества; къ двери этой комнаты вела узкая лѣстница изъ комнаты короля, находившейся въ нижнемъ этажѣ. Вечеромъ 9 марта королева съ нѣсколькими дамами и мужчинами, въ числѣ которыхъ былъ и Риччо, сидѣла за ужиномъ въ этой комнатѣ. Вошелъ Дэрнли, сѣлъ подлѣ жены, обнялъ и сталъ ласкать ее. Расхлопнулась дверь и показались нѣсколько человѣкъ въ латахъ, шлемахъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Первымъ вошелъ Ротвенъ, страдавшій лихорадкой, блѣдный какъ мертвецъ. Королева, бывшая въ седьмомъ мѣсяцѣ беременности, вскочила въ испугѣ, спросила Ротвена, по какой надобности онъ здѣсь въ этотъ слишкомъ поздній для аудіенціи часъ. Онъ глухимъ голосомъ, отъ котораго застывала кровь въ жилахъ, сказалъ: «Давайте сюда этого человѣка, онъ слишкомъ долго занимаетъ мѣсто, на которомъ не слѣдуетъ быть ему: мы не хотимъ, чтобы нами управлялъ слуга». Всѣ бывшіе съ королевой вскочили, вытолкать дерзкаго; но вошли Мортонъ, Дугласъ, Фокусейдъ и другіе заговорщики. Риччо опустился къ ногамъ королевы, прикрывался ея платьемъ. Дугласъ, нагнувшись черезъ плечо королевы, ударилъ его кинжаломъ, другіе заговорщики, расталкивая останавливавшихся, схватили несчастнаго, умолявшаго о пощадѣ, вытащили его изъ комнаты, стали колоть его кинжалами, мечами; онъ умеръ; ему было нанесено 56 ранъ. Пока это дѣлалось, Дэрнли держалъ королеву. Одинъ изъ кинжаловъ, оставшихся вонзенными въ тѣлѣ убитаго, былъ кинжалъ самого Дэрнли. Ясно было, что убійство сдѣлано было по его приказанію; потому убійцы были безопасны отъ наказанія. Марія хотѣла вѣрить словамъ мужа, что онъ не былъ соучастникомъ убійцы. Но когда Ротвенъ сказалъ ей, что онъ и его товарищи убили Риччо съ согласія Дэрнли, она воскликнула: «Прекратитесь же слезы, будемъ думать о мщеніи». Дэрнли и его сообщники захватили въ свои руки власть. Они держали королеву подъ арестомъ; Дэрнли принялъ на себя управленіе государствомъ, распустилъ парламентъ, велѣлъ администраціи зорко смотрѣть за католиками, успокоилъ эдинбургскихъ

гражданъ, хотѣвшихъ вступить за королеву, увѣрилъ ихъ, что дѣлаетъ все въ ея интересахъ. Заговорщики предполагали убить кромѣ Риччо нѣсколькихъ другихъ приближенныхъ Маріи, помогавшихъ ей готовить католическую реакцію и установленіе абсолютной королевской власти. Но эти люди спрятались или успѣли бѣжать. Ботуэлль, Гонтли, Джемсъ Мельвилль и нѣкоторые другіе приверженцы Маріи тоже бѣжали, благодаря ночной темнотѣ. На слѣдующій день пріѣхали Морре и товарищи его изгнанія. По совѣщанію съ ними заговорщики рѣшили отвезти королеву въ Стирлингскую цитадель и держать тамъ подъ стражей, формально поручить Дэрнли управленіе государствомъ, возстановить во всей строгости законы противъ католиковъ; но этотъ планъ не осуществился. Марія съумѣла дать другое направленіе мыслямъ безхарактернаго мужа: притворилась вѣрящей, что онъ не былъ соучастникомъ убійцы Риччо, обращалась съ нимъ нѣжно, очаровательно, внушила ему недовѣріе къ его сообщникамъ, говоря, что они хотятъ только пользоваться его именемъ для захвата власти въ свои руки, просила его увезти ее изъ дворца, ставшаго для нея ужаснымъ отъ слѣдовъ крови, воображающихся ей въ этихъ мрачныхъ комнатахъ, увѣряла, что тогда она проститъ ему все. Онъ поддался ей, убѣдилъ заговорщиковъ удалить изъ дворца караулы, освободить королеву отъ стражи, ручался имъ за ихъ безопасность. Они повѣрили, оставили Марію подъ его надзоромъ безъ всякой стражи. Она въ полночь сѣла на лошадь, уѣхала съ мужемъ и однимъ слугой изъ Эдинбурга; пріѣхала въ замокъ Донберъ (Dunbar); укрывшись за стѣнами замка, она обнародовала воззваніе къ вѣрноподданнымъ, чтобы они помогли ей вернуть въ свои руки измѣнически отнятую ея власть и наказать мятежниковъ. Отвсюду повели къ ней свои отряды роялистскіе вельможи, первыми изъ которыхъ были Гонтли, Этоль (Athol), Ботуэлль. Скоро собралось у нея 8.000 воиновъ; она пошла съ ними въ Эдинбургъ; сопротивленія не было; она съ торжествомъ вступила въ столицу; мужъ ѣхалъ подлѣ нея. Ротвенъ, Мортонъ, Бронстонъ, Кэръ (Car) и другіе убійцы Риччо бѣжали въ Англію; Ноксъ спрятался въ глухое уединеніе въ Кейлѣ и молчалъ.

Марія назначила Гонтли лордомъ-канцлеромъ; Ботуэлль женился на его сестрѣ Дженѣ и сталъ могущественнѣйшимъ послѣ него человекомъ. Марія удержалась отъ всякихъ крутыхъ мѣръ, дозволила Морре остаться въ Эдинбургѣ, старалась успокоить и примирить съ собой вельможъ. Въ Шотландіи установилось спокойствіе; но подъ нимъ таились опасенія и вражда. Бѣжавшіе убійцы Риччо и оставшіеся на родинѣ друзья ихъ были раздражены измѣной Дэрнли, онъ возбудилъ ихъ убить Риччо, клятвенно и письменно обѣщалъ имъ безнаказанность, а теперь, будто человекъ посторонній дѣлу, жилъ во дворцѣ у королевы, которую обвинялъ прежде въ супруже-

ской измѣнѣ; между тѣмъ его сообщники стали нищими, изгнанниками. Они прислали королевѣ письменныя улики, показывавшія, что ея мужъ главный виновникъ убійства Риччо. Она уже и прежде думала такъ, но увѣренія Дэрли въ своей невинности и услуга оказанная имъ ей заставляли ее колебаться въ своемъ предположеніи; теперь сомнѣніе стало невозможно: улики были неопровержимы; Марія стала чуждаться мужа, отказала ему въ просьбѣ о королевскомъ титулѣ, назначила на мѣсто Давида Риччо своимъ секретаремъ брата его Джозефа (Джузеппе). Она хотѣла расторгнуть свой бракъ съ Дэрли; но по правиламъ католической церкви расторженіе брака имѣло форму объявленія его незаконнымъ; а это значило бы отнять право престолонаслѣдія у сына, котораго Марія родила 19 іюня этого, несчастнаго для нея, 1566 года. Извѣстіе о рожденіи сына у Маріи сильно опечалило Елизавету. Прежде чѣмъ посолъ Маріи Джемсъ Мельвилль явился къ ней съ официальнымъ извѣщеніемъ, Сесиль сообщилъ ей эту новость на балѣ въ Гринвичѣ; она заплакала и, положивъ голову на руки, сказала окружавшимъ ее дамамъ: «Королева шотландская—мать прекраснаго ребенка, а я бесплодная, изсохшая вѣтвь». Но и чувства Маріи были не радостныя: отецъ ея дитяти былъ оскорбителъ ея чести, убійца вѣрнаго ея слуги, ставшій ненавистнымъ ей. Дэрли совершенно потерялъ голову: льстилъ папистамъ, писалъ папѣ, что королева недостаточно усердна къ дѣлу возстановленія католической церкви, клеветалъ на вельможъ, сваливалъ всю вину въ убійствѣ Риччо съ себя на нихъ, хотѣлъ бѣжать изъ Шотландіи, отдаться подъ покровительство французскаго короля. Марія была очень печальна; болѣзнь, которой занемогла она въ октябрѣ, приписывали печали; Дэрли во время этой тяжелой болѣзни ни разу не вошелъ въ ея комнату. Сынъ ихъ былъ 17 октября крещенъ по католическому обряду; восприемницей была герцогиня Эргейль (Argyle), какъ представительница Елизаветы. Дэрли не присутствовалъ при крещеніи, хотъ находился въ Стирлингскомъ дворцѣ, гдѣ оно происходило.

4. Убіѣство Дэрли.

Въ это время душевнаго волненія мыслями о гнусномъ поступкѣ мужа Марія полюбила человѣка, имѣвшаго тѣ качества, какія она уважала въ мужчинѣ: отвагу, твердость характера, вѣрность въ любви; это былъ Джемсъ Гэпборнъ графъ Ботуэлль, могущественный вельможа, стройный, сильный, храбрый, игравшій выдающуюся роль въ междоусобіяхъ; онъ былъ реформатъ; но непоколебимый роялистъ, сражался за регентшу, мать королевы, сражался потомъ за

королеву, не щадилъ ни имущества, ни жизни въ борьбѣ за нихъ, не разъ подвергался изгнанію, жилъ эмигрантомъ во Франціи, или въ Англіи. Въ послѣднее время онъ ходилъ по порученію королевы возстановить спокойствіе въ пограничной съ Англіей части государства, гдѣ постоянно дрались между собой вельможи и бродили разбойничьи шайки; усмиряя ихъ, онъ получилъ тяжелую рану и, ослабѣвшій отъ потери крови, лежалъ теперь въ своемъ замкѣ Гэрмитеджѣ; королева пріѣхала навѣстить его, онъ былъ удивленъ и обрадованъ. Королева полюбила его. Много было въ Шотландіи храбрыхъ вельможъ, не было храбрѣе его, но и не было болѣе безсовѣстнаго; съ буйствомъ привычнымъ шотландскому дворянству въ немъ соединялись пороки изящной французской аристократіи, въ кругу которой онъ жилъ изгнанникомъ. Для удовлетворенія своимъ страстямъ онъ не отступалъ ни передъ какими злодѣйствами.

Королева горячо полюбила этого отважнаго человѣка: она видѣла въ немъ своего хранителя отъ злоумышленій Дэрли, который, какъ носился слухъ, составилъ съ отцомъ своимъ планъ отнять внезапнымъ нападеніемъ власть у королевы и принять на себя управленіе государствомъ отъ имени малютки-сына. Въ тревогѣ чувствъ Марія надѣялась пріобрѣсти безопасность подъ защитой Ботуэлля. Онъ, хотя не задолго передъ тѣмъ женился, отвѣчалъ на ея любовь, впрочемъ не столько по влеченію сердца, сколько по властолюбію, рассчитывая получить участіе въ управленіи государствомъ. Для достиженія этой цѣли ему необходимо было уничтожить Дэрли; онъ вовлекъ нѣсколькихъ вельможъ въ заговоръ убить мужа королевы. Она, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ родовъ, жила въ замкѣ Крегмиллэрѣ близъ Эдинбурга. Въ это время сэръ Джемсъ Бэльфоръ (Balfour) написалъ, Ботуэлль, Гонтли, Летингтонъ, Мортонъ, Эргейль подписали обязательство (bond) помогать другъ другу. Послѣ крещенія сына королева дозволила возвратиться бѣжавшимъ за границу соучастникамъ убійства Риччо. Они смертельно ненавидѣли Дэрли, измѣнившего имъ; потому Ботуэлль рассчитывалъ, что они примутъ участіе въ его заговорѣ. Эгоистическую цѣль свою онъ прикрывалъ заботой о благѣ государства, желаніемъ разрушить пагубные замыслы враговъ королевы. На сколько былъ посвященъ въ тайну заговора графъ Морре, вопросъ темный; самъ онъ говорилъ впослѣдствіи, что вовсе не участвовалъ въ немъ. Еще труднѣе опредѣлить, на сколько знала или догадывалась о намѣреніи своихъ друзей королева. Достоверно только то, что она горячо желала избавиться отъ Дэрли.

Въ началѣ новаго (1567) года Дэрли жилъ у своего отца въ Глэсго. Заговорщики, находившіеся при дворѣ, полагали, что онъ и Ленноксъ составляютъ тамъ планъ нападенія на королеву и ея защитниковъ; Дэрли заболѣлъ; молва говорила, что онъ отравленъ;

но оказалось, что онъ боленъ корью. Чувства королевы къ нему какъ будто измѣнились: она поѣхала въ Глэсго, провела четыре дня (23—26 января) у постели больного. Онъ былъ тронутъ внимательностью жены, просилъ ее простить ему оскорбленія, возвратить ему прежнюю любовь; произошла сцена примиренія. Марія сказала мужу, что возьметъ его въ Эдинбургъ, чтобы можно было ей ухаживать за нимъ, пока онъ совершенно выздоровѣтъ, повезла его; они ѣхали три дня, пріѣхали 30 января въ Эдинбургъ. Историки, защищающіе Марію, говорятъ, что она искренно желала тогда жить въ согласіи съ мужемъ, что возвращающаяся любовь къ нему одолѣвала въ ея сердцѣ любовь къ Ботуэллю; что исполненіе замысла Ботуэлла было ускорено опасеніемъ его, что онъ будетъ покинутъ Маріей, если Дэрнли не будетъ немедленно убитъ. Другіе историки находятъ болѣе вѣроятнымъ, что Марія лицемѣрила, коварно заманивала мужа въ такое мѣсто, гдѣ заговорщикамъ, замыселъ которыхъ она знала или по крайней мѣрѣ угадывала, легче будетъ убить Дэрнли, чѣмъ въ домѣ его отца.

Враги Маріи впоследствии обнародовали восемь писемъ, относящихся къ этому времени и написанныхъ, по ихъ словамъ, ею. Эти бумаги не подлинники, а или списки, или поддѣлки; но существенное содержаніе ихъ не вымыселъ; оно показываетъ, что Марія, увозя мужа изъ Глэсго, дѣйствовала по соглашенію съ заговорщиками. Сильнѣе всего компрометируетъ ее второе письмо; но оно поддѣлка, составленная гораздо позднѣе того времени и, какъ должно думать, Томасомъ Крофордомъ, на основаніи замѣтокъ, находившихся въ бумагахъ Маріи и показаній свидѣтелей въ процессѣ противъ нея. Въ этомъ письмѣ говорится о горячей любви и вѣрной вѣрности Маріи къ лицу, для котораго предназначено письмо, т. е. къ Ботуэллю: Мы соединены узамъ брака съ дурными людьми; да соединить насъ Богъ въ вѣрнѣйшую чету, какая когда либо существовала. Она говоритъ, что готова для него на все: „Чтобъ угодить и повиноваться вамъ я не посмотрю ни на честь, ни на совѣсть, ни на опасность, ни на величіе сава“. — Защитники Маріи называютъ факты относящіеся къ убійству Дэрнли вымыслами враговъ Маріи, клеветами и поддѣлками. Потому безпристрастный историкъ едва ли можетъ придти къ опредѣленному рѣшенію вопроса о виновности или невинности Маріи въ этомъ дѣлѣ.

За стѣнами Эдинбурга стоялъ запустѣвшій доминиканскій монастырь, полуразрушенный кальвинистами; подлѣ него былъ домъ, въ которомъ прежде жили монахи. Эти зданія, называвшіяся «Церковью на полѣ» (Kirk of Field), были окружены огородами и лугами. Марія привезла мужа въ этотъ домъ, похожій на темницу; такъ просилъ ее отъ имени Ботуэлла Бэльфордъ, выѣхавшій на встрѣчу ей. Она заняла комнату въ этажѣ ниже того, гдѣ положила мужа; она провела въ этомъ домѣ нѣсколько дней, заботливо ухаживая за мужемъ, еще не вполне выздоровѣвшимъ. Вечеромъ, 9 февраля, нѣжно простившись съ мужемъ, она поѣхала въ Голирудъ на свадьбу одной изъ

дѣвушекъ ея штата съ музыкантомъ придворной капеллы. Когда она уѣхала, Ботуэлль съ нѣсколькими слугами внесъ въ ея комнату мѣшки съ порохомъ. Послѣ полночи, въ началѣ того числа, которое было уже 10 февраля, раздался въ Эдинбургѣ трескучій отголосокъ сильнаго взрыва. Когда начался разсвѣтъ, то стало видно, что домъ «Церкви на полѣ» взорванъ на воздухъ; люди, побѣжавшіе туда, увидѣли, что въ огородѣ у развалинъ этого дома лежатъ тѣла Дэрнли и его пажа; на нихъ были явные слѣды того, что они удушены.

Ужасная вѣсть быстро разнеслась по государству. Общій голосъ говорилъ, что виновникъ этого злодѣйства Ботуэлль; но онъ не только оставался безнаказанъ, а даже выступилъ искателемъ руки королевы. Графъ Ленноксъ, отецъ Дэрнли, внесъ въ палату лордовъ обвиненіе противъ Ботуэлля. Но нѣкоторые лорды были товарищами Ботуэлля по Крегмиллэрскому союзу, другіе боялись человѣка, находящагося въ милости у королевы. Въ день, назначенный для процесса по обвиненію противъ него, 12 апрѣля онъ поѣхалъ въ судъ съ вооруженной свитой; онъ ѣхалъ на любимой лошади Дэрнли, подаренной ему королевой. Судъ оправдалъ его. Парламентъ утвердилъ это рѣшеніе: кто отважился бы осудить человѣка, который при открытіи парламента несъ передъ королевой корону и скипетръ, котораго она назначила великимъ адмираломъ и сдѣлала лордомъ Донбэрромъ? Многіе изъ важнѣйшихъ вельможъ на пиру у Ботуэлля 19 апрѣля подписали актъ, которымъ просили королеву избрать мужемъ «благороднаго и могущественнаго лорда Донбэра». Онъ ослѣпленный честолюбіемъ и она ослѣпленная страстною любовью не видѣли бездну, къ которой шли. Друзья Маріи, французскіе и англійскіе паписты тревожились за нее, въ горячкѣ страсти забывавшую даже интересы своего вѣроисповѣданія: думая упрочить свое положеніе она подписала теперь актъ, которымъ давала свое утвержденіе, кальвинистскому устройству шотландской церкви.—Елизавета снова вмѣшалась въ шотландскія дѣла. Лестеръ во второй разъ выступилъ искателемъ руки Маріи. Мельвилль усердно защищалъ интересы своей государыни передъ Елизаветой; но Марія неудержимо стремилась къ гибели. Она, какъ увѣряють, говорила, что скорѣе утратить Францію, Англію и свое отечество, уйдетъ въ одномъ бѣльѣ на край свѣта съ Ботуэллемъ, чѣмъ покинетъ его. Сентъ-эндрусскій духовный судъ расторгъ 24 апрѣля бракъ Ботуэлля на основаніи близкаго родства его съ женой; и апрѣль еще не кончился, когда Ботуэлль съ вооруженной свитой поѣхалъ на встрѣчу королевѣ, выѣхавшей изъ Эдинбурга, и какъ будто насильно увезъ ее въ Донбэрръ; тамъ она дала ему формальное обѣщаніе выйти за него. Черезъ три мѣсяца послѣ смерти Дэрнли, 15 мая, дядя Ботуэлля Адамъ, архіепископъ оркнейскій, повѣнчалъ въ Голирудскомъ дворцѣ по протестантскому обряду Марію и Ботуэлля. Она дала мужу санъ герцога оркнейскаго

и шотландскаго. Никакія просьбы и предостереженія друзей не отклонили Марію отъ этого брака, губившаго ее.

5. Низложеніе Маріи. Бѣгство ея въ Англію.

Ботуэлль былъ такъ честолюбивъ и наглъ, что не могъ довольствоваться долей власти, которую давала ему жена, хотѣлъ быть полновластнымъ королемъ, подавить самостоятельность вельможъ, устранить Марію отъ управленія государствомъ. Королева страдала отъ тиранства человѣка, которому опрометчиво отдалась. Государство волновалось интригами, заговорами, путаницу которыхъ трудно разобрать. Вскорѣ послѣ брака Маріи составилъ новый заговоръ вельможъ противъ нея и Ботуэлла. Соучастники его хотѣли объявить бракъ королевы недѣйствительнымъ, предать Ботуэлла суду за убійство Дэрнли, отнять власть у Маріи, назначить регентство для управленія дѣлами до совершеннолѣтія ея сына, Іакова. Они опасались тиранніи Ботуэлла, считали его способнымъ даже убить Іакова. Многіе изъ участниковъ этого заговора были соучастниками заговора Ботуэлла противъ Дэрнли, подписи ихъ находились подъ крегмиллэрскимъ обязательствомъ; но переходить съ одной стороны на другую было привычно имъ; они видѣли, что весь народъ негодуетъ на Ботуэлла и Марію, находили выгоднымъ загладить вину соучастія въ прежнемъ заговорѣ низверженіемъ Ботуэлла, прикрыть свои эгоистическіе мотивы личиною патріотизма, заботы о благѣ націи. Въ заговорѣ противъ Ботуэлла одинаково участвовали и католики, и кальвинисты; главными членами его были Гонтли, Этоль, Мортонъ, Эргейль, Юмъ (Hume), одинъ изъ отважнѣйшихъ бароновъ Границы (пограничной съ Англіей полосы, имѣвшей военную организацію) Гленкэрнъ и Метлэндъ, лордъ Летингтонъ, не стѣснявшійся тѣмъ, что получилъ отъ Маріи должность секретаря (министра). Главнокомандующими возстанія были выбраны Мортонъ и Уильямъ Кэркэльдъ (Kirkaldy), лордъ Грэнджъ (владѣтель замка Грэнджа), лучшій шотландскій полководецъ.—Графъ Морре не участвовалъ въ заговорѣ: онъ былъ тогда во Франціи.

Враги Ботуэлла сообщали Сесилю о своемъ намѣреніи. Онъ передавалъ эти свѣдѣнія Елизаветѣ. Она ненавидѣла Марію, но едва ли можно сказать, что она возбуждала шотландскихъ вельможъ къ возстанію; по своимъ политическимъ правиламъ она была противницей мысли о правѣ подданныхъ возставать противъ государей; она совѣтовала шотландскимъ вельможамъ не подымать мятежа.

Ботуэлль и Марія послѣ свадьбы жили въ Бортвикъ-Кеслѣ. Ночью 10 іюня Мортонъ, Юмъ и Кэркэльдъ окружили этотъ замокъ вой-

скомъ тайно собраннымъ на границѣ. Ботуэлль успѣлъ уйдти изъ замка черезъ небольшую дверь незамѣченную въ темнотѣ нападающими и уѣхалъ въ Донбэръ. Марія послѣдовала за нимъ туда. Она ѣхала туда въ латахъ. Въ народѣ еще сохранилась преданность къ царствующему лицу: на призывъ королевы, чтобы вѣрные подданные защитили ее отъ мятежниковъ, привели къ ней свои отряды многіе вельможи. Она и Ботуэлль пошли съ ними на враговъ. Войска встрѣтились 15 іюня у Кэрберри-Гилля. Французскій посланникъ Де Крокъ пытался примирить партіи, — это было напрасно; лордъ Линдсе, родственникъ Дэрнли, вызывалъ Ботуэлля на поединокъ; Марія не дозволила Ботуэллю принять вызовъ. Войска ея ненавидѣли Ботуэлля, отрядъ за отрядомъ стали переходить къ инсургентамъ. Ботуэлль ускакалъ. Марія отдалась въ плѣнъ инсургентамъ, они пошли въ Эдинбургъ, вступили въ него торжественной процессіей, везя съ собой Марію. Впереди несли знамя, на которомъ были изображены лежащій подъ деревомъ убитый Дэрнли и стоящій подлѣ него на колѣняхъ маленькій сынъ. Подъ этими фигурами были написаны слова: «накажи и отмсти за меня, о Господи». Народъ, въ особенности женщины, сопровождали проклятіями Марію на пути по улицамъ города къ ратушѣ; тамъ оставили ее ночевать. Когда утромъ подошла она къ окну, первый взглядъ ея упалъ на ужасное знамя: оно было поставлено передъ ея окномъ. Вожди возстанія собрались на совѣщаніе въ Голирудъ и рѣшили отвезти Марію въ замокъ Локлевенъ, стоявшій на островѣ озера. Владѣтелю его, одному изъ членовъ могущественнаго рода Дугласовъ, было поручено стеречь плѣнницу. Въ тотъ же вечеръ Ротвенъ и Мортонъ повезли ее туда. Владѣтель замка, сэръ Уильямъ Дугласъ, былъ братъ графа Морре. Мать ихъ Маргарета, женщина очень гордая, утверждала, что она была повѣнчана съ Іаковымъ V, что Морре законный сынъ короля. Она жила въ Локлевенѣ. Инсургенты полагали, что изъ-подъ надзора ея и сэра Уильяма королева не можетъ уйдти; они хотѣли заставить Марію отречься отъ короны въ пользу сына и назначить регентство для управленія государствомъ до совершеннолѣтія короля.

Ботуэлль убѣжалъ въ сѣверную Шотландію; видя себя небезопаснымъ въ ней, онъ уѣхалъ на Оркнейскіе острова, гдѣ было много пріютовъ для преслѣдуемыхъ людей, набралъ толпу ихъ, сталъ пиратомъ, былъ взятъ въ плѣнъ датчанами и умеръ въ темницѣ въ 1577 году. При бѣгствѣ его попала въ руки Мортонъ серебряная шкатулка, въ которой находились сонеты, писанные рукой Маріи и, какъ говорили ея обвинители, тѣ письма ея къ Ботуэллю, которыя имѣли гибельное вліяніе на ея судьбу; мы приводили отрывки изъ этихъ писемъ, дѣйствительно-ли писанныхъ ею или поддѣланныхъ врагами ея.

Шотландія была теперь въ такомъ же состояніи, какъ при низложеніи регентши, матери Маріи. Строгіе законы противъ католиковъ не исполнялись, пока власть оставалась въ рукахъ Маріи. Мы ви-

дѣли, какъ злобно жаловались Ноксъ и его сподвижники на увеличеніе «идолопоклонства». При убійствѣ Риччо уже дѣйствовала ненависть къ католикамъ. Но оно не принесло реформатскимъ фанатикамъ ожидаемой пользы: Марія тогда съумѣла возстановить свою власть, и Ноксъ принужденъ былъ скрыться; теперь онъ возвратился въ Единбургъ и снова ораторствовалъ. Когда Марію повезли въ Лок-левенъ, Гленкернъ съ нѣсколькими фанатичными кальвинистами ворвался въ дворцовую капеллу, изломалъ всѣ принадлежности «идолослуженія». Но католики еще оставались сильны. Гэмилтоны, имѣвшіе ближайшее послѣ Стюартовъ право на шотландскій престолъ, находили побѣду инсургентовъ опасною для ихъ династическихъ интересовъ; могущественнѣйшіе изъ шотландскихъ вельможъ, они не могли спокойно допустить, чтобы Морре, сынъ не жены, а любовницы короля, или какой нибудь другой вельможа захватилъ власть; Морре уже ѣхалъ въ Шотландію. Гэмилтонамъ нельзя было терять времени. Глава ихъ фамиліи, имѣвшій во Франціи владѣнія и титулъ герцоговъ Шательэро (Chatelherault), жилъ тогда тамъ, потому организаторомъ возстанія былъ его братъ архіепископъ сентъ-эндрусскій. Многіе лорды присоединились къ Гэмилтонамъ или по преданности католичеству, или по личнымъ неудовольствіямъ на инсургентовъ, не давшихъ мѣста имъ на тайномъ совѣтѣ, назначенномъ для управленія государствомъ. Сильнѣйшими изъ этихъ лордовъ были Эргейль, Гонтли, Ситонъ. Большимъ вліяніемъ на Гэмилтоновъ и ихъ союзниковъ пользовался вождь католиковъ, епископъ Лесли. Они надѣялись, что Гизы доставятъ имъ помощь французскаго правительства. Ихъ противники опирались на реформатскихъ проповѣдниковъ; тайный совѣтъ обѣщался Ноксу и его товарищамъ, что по учрежденіи регентства будутъ примѣняемы во всей своей строгости постановленія парламента 1560 года, католическое богослуженіе будетъ повсюду уничтожено, будутъ основаны школы и отданы въ завѣдываніе реформатскимъ священникамъ. Воспитаніе малолѣтняго короля было поручено человѣку «благочестивому», т. е. горячему кальвинисту, знаменитому ученому Бьюкэнэну (Buchanan), другу Нокса. Реформатскіе проповѣдники въ замѣнъ того убѣждали народъ поддерживать партію, управлявшую теперь дѣлами. Ноксъ фанатизировалъ единбургцевъ, проповѣдуя языкомъ Ветхаго Завѣта низверженіе и истребленіе язычниковъ. Шотландская нація распалась на два лагеря: съ одной стороны были приверженцы королевы и католичества, надѣющіеся на французскую помощь, съ другой инсургенты, побѣдившіе Марію, и реформатскіе проповѣдники, рассчитывающіе на помощь Англіи. Если бы борьба затянулась, въ нее замѣшались бы иностранцы, какъ въ 1560 году; но реформаты были гораздо сильнѣе католиковъ, и побѣда ихъ была значительно ускорена неожиданнымъ событіемъ.

Уступая угрозамъ и насилію, Марія отеклась отъ престола въ пользу своего сына и назначила регентомъ графа Морре. Черезъ нѣсколько дней послѣ того (25 іюля) ребенокъ-король былъ съ обыкновеннымъ церемоніаломъ коронованъ въ Стирлингѣ архіепископомъ оркнейскимъ, а черезъ мѣсяцъ (22 авг.) Морре принялъ на себя управленіе государствомъ. Онъ созвалъ парламентъ, который далъ утвержденіе произшедшему перевороту, установилъ законнымъ образомъ реформатское вѣроученіе и церковное устройство въ Шотландіи, формально возстановилъ силу законовъ противъ католичества, составленныхъ парламентомъ 1560 г. Реформатская церковь, господствовавшая до того времени только фактически, теперь получила законное владычество въ Шотландіи. Но Марія нашла возможность уйдти изъ плѣна. Ея красота очаровала Джорджа Дугласа, младшаго сына графини Маргареты; при его содѣйствіи она въ маѣ (1568 года) тайно ушла изъ замка, сѣла въ лодку, переплыла черезъ озеро, скрылась отъ своихъ преслѣдователей. Нашедши безопасный пріютъ себѣ, она объявила, что беретъ назадъ свое вынужденное отреченіе отъ престола и призываетъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ своихъ собраться къ ней на защиту ея правъ. Гэмилтоны повели къ ней своихъ многочисленныхъ вассаловъ, графы Эргейль, Кэсильсъ, Эглинтонъ, Ротсъ, лорды Сомервиль, Ливингстонъ, Геррисъ присоединились къ нимъ; Гонтли, Огильви двинулись къ нимъ съ сѣвера. Скоро собралось у Маріи 8.000 человекъ войска. Морре не успѣлъ собрать столько воиновъ, но стратегическое искусство Кэркэлды и отвага Мортонна рѣшили въ пользу регента битву 13 мая при Ленгсейдѣ (на берегу Клейда). Въ одинъ часъ войско королевы было разсѣяно, многіе изъ помогавшихъ ей вельможъ попались въ плѣнъ. Число убитыхъ у побѣжденныхъ было не велико: Морре велѣлъ щадить согражданъ. Марія смотрѣла съ сосѣдняго холма на пораженіе и бѣгство роялистовъ; она не хотѣла снова попасть въ руки противниковъ, сѣла на своего боевого коня и помчалась къ англійской границѣ, скакала безъ отдыха день и ночь; она ѣхала пустынными полями и лѣсами, три дня не находя другой пищи кромѣ шотландскихъ овсяныхъ лепешекъ и сыворотки, достигла залива Сольуэ, переправилась 16 мая въ лодкѣ черезъ него, и пріѣхала въ англійскую пограничную крѣпость Карлейль. Она надѣялась, что Елизавета вступится за нее, потому что англійская королева, какъ она знала, высказывала въ рѣзкихъ словахъ свое неудовольствіе на мятежническія дѣйствія шотландскихъ вельможъ и грозила отмстить имъ за оскорбленіе королевскаго сана.

III. АНГЛІЙСКІЯ И ШОТЛАНДСКІЯ ДѢЛА ВО ВРЕМЯ ПЛѢНА МАРІИ.

1. Интриги герцога Норфолка. Возстаніе сѣверныхъ вельможъ.

Марія написала изъ Карлейля Елизаветѣ, что, изгнанная своими подданными, она проситъ гостепріимства своей сестры. Елизавета велѣла снабдить ее въ изобиліи всѣмъ надобнымъ ей по ея сану и оказывать ей королевскія почести. Но она желала не этого только; она просила, чтобъ Елизавета дала ей войско для возстановленія ея власти или эскадру для отъѣзда во Францію, просила свою сестру по королевскому сану о личномъ свиданіи. Елизавета и ея совѣтники были въ затрудненіи, какъ имъ поступить. Правда, Елизаветѣ очень не нравились мятежныя дѣйствія шотландскихъ вельможъ, казались ей оскорбленіемъ Бога и королевскаго сана; но для нея невыгодно было стать во враждѣ къ людямъ, постоянно бывшимъ союзниками Англіи, защищавшимъ реформацію отъ папистовъ. Альба свирѣпствовалъ тогда въ Нидерландахъ. Французское правительство подъ вліяніемъ Гизовъ вело войну съ гугенотами; Филиппъ II возбуждалъ повсюду католиковъ противъ протестантовъ, англійскіе католики были врагами Елизаветы; могла ль она послать противъ шотландскихъ реформатовъ войско для возвращенія власти племянницѣ Гизовъ, подвергнуть этимъ протестантскую церковь новымъ опасностямъ? Говорятъ, что Елизавета ненавидѣла Марію какъ женщина женщину по зависти къ ея красотѣ; но нѣтъ надобности объяснять этимъ чувствомъ ея отвѣтъ, что она не можетъ имѣть личнаго свиданія съ Маріей, пока Марія не оправдается отъ лежащаго на ней обвиненія въ смерти мужа. вмѣстѣ съ тѣмъ Елизавета велѣла перевезти Марію изъ Карлейля въ Больтонъ-Кесль, дальше отъ моря, чтобъ ей нельзя было тайкомъ уѣхать во Францію; это распоряженіе было исполнено 12 іюня.

Письма Маріи къ Филиппу II, кардиналу лотарингскому и другимъ вождямъ папистовъ, инструкціи ея агентамъ наполнены выраженіями страстнаго желанія возвратиться въ Шотландію и отмстить противникамъ. Она требовала, чтобъ Елизавета считала ее государыней, живущей въ Англіи только по собственной волѣ. Мысль, что на нее смотрятъ какъ на плѣнницу, была не выносима ей, она не хотѣла переселиться изъ Карлейля въ далекій отъ моря и Шотландіи Больтонъ Кесль; чтобъ увести ее изъ Карлейля, пришлось употребить такія принудительныя мѣры, которыя были близки къ физическому насилию. Елизавета нѣсколько времени колебалась, какъ поступить съ Маріей; имѣла мысль возвратить ей престолъ, но сдѣлать ее королевой только по имени, оставивъ правителемъ государства графа Морре, и ввести въ Шотландію англиканскую церковь; условіями помощи Елизавета хотѣла поставить, чтобы Марія подписала эдинбургскій договоръ, обѣщалась не заключать союзовъ съ другими государствами, не вступать въ бракъ безъ ея согласія. Совѣтники Елизаветы

возражали ей на это, что когда Марія вновь займетъ престолъ, то объявить обѣщанія вынужденными и откажется исполнять ихъ.

Такимъ образомъ было рѣшено отложить мысль о возвращеніи престола Маріи, назначить судъ для разбора жалобы на нее, представленной шотландскими вельможами. Мѣстомъ суда былъ выбранъ Йоркъ; Елизавета объявила, что опредѣлитъ свои отношенія къ Маріи сообразно тому, каково будетъ рѣшеніе суда. Онъ начался въ октябрѣ. Герцогъ Норфолькъ, назначенный предсѣдателемъ его, былъ католикъ, другіе два члена были: графъ Соссексъ, человекъ умѣренныхъ мнѣній, твердаго характера, общепризнанной добросовѣстности и справедливости, и сэръ Рэльфъ Сэдлеръ, хорошо знавшій шотландскія дѣла, усердный протестантъ. Поддерживать обвиненіе передъ судомъ пріѣхалъ самъ Морре, взявшій съ собой Мортонна, Линдсе и Бьюкэнэна; у него были письма и сонеты Маріи, найденныя, какъ онъ говорилъ, въ серебряной шкатулкѣ Ботуэлла. Защитниками Маріи на судѣ были епископъ Лесли, союзникъ Гизовъ и нѣсколько другихъ роялистовъ и католиковъ. Обвинители утверждали, что Марія была соучастницей убійства Дернли. Защитники обвиняли возставшихъ противъ нея вельможъ въ мятежѣ. Процессъ, производившійся въ Йоркѣ, затрогивалъ такіе важные интересы, что вся западная Европа внимательно слѣдила за нимъ, а судьи неохотно приняли на себя свою обязанность и желали уклониться отъ рѣшительнаго приговора. Главными уликами противъ Маріи были тѣ письма, которыя Морре называлъ найденными въ серебряной шкатулкѣ; защитники Маріи утверждали, что они подложныя. Судьи дѣйствовали не какъ судьи, а какъ политическіе дѣятели; для нихъ важность дѣла состояла въ томъ, что если произнести приговоръ, что Марія виновна и своими преступленіями заслужила утрату власти и жизни, то престолонаслѣдіе и въ Шотландіи и въ Англіи становилось шаткимъ: въ случаѣ смерти ребенка, называвшагося королемъ шотландскимъ, престолъ наслѣдовалъ глава фамиліи Гэмилтоновъ, враговъ регента; королева англійская была дѣвушка, ея смертью прекращалась прямая линія престолонаслѣдія, и это могло вести къ междоусобию. Соображая все это, Елизавета желала, чтобы приговоръ о виновности Маріи былъ сдѣланъ въ туманныхъ выраженіяхъ, которыя допускали бы сохранить за нею санъ царствующей королевы, но не хотѣла, чтобы Марія была оправдана, потому что тогда возстановленіе власти ея дѣлалось бы обязанностью монархической чести для королевы, вмѣшавшейся въ ея ссору съ подданными. Предсѣдатель суда герцогъ Норфолькъ имѣлъ, кромѣ необходимости сообразоваться съ волей Елизаветы, личный интересъ склонять другихъ судей въ пользу Маріи: онъ выставлялъ себя реформаторомъ, но въ душѣ былъ католикъ. Овдовѣвъ не задолго передъ тѣмъ, онъ считалъ смерть жены зна-

комъ воли Божіей, чтобы онъ женился на Маріи Стюартъ и помогъ ей возстановить католичество. Но каковъ бы ни былъ приговоръ суда, всякій поставилъ бы Елизавету въ очень затруднительное положеніе; потому она остановила дѣйствія суда, когда они еще ограничивались вступительными формальностями и перенесла продолженіе процесса въ Лондонъ. Тамъ она присоединила къ прежнимъ тремъ судьямъ членовъ своего тайнаго совѣта; чѣмъ дальше вела процессъ эта комиссія, засѣдавшая въ Уэстминстерѣ, тѣмъ больше затемнялось дѣло. Въ декабрѣ (1568) комиссія признала подлинными письма, которыя служили уликами противъ Маріи (они были представлены суду шотландскими послами), но не согласилась показать обвиняемой не только подлинниковъ, даже и копій съ нихъ. Елизавета скрывала свои намѣренія, держала себя такъ, чтобъ оставалась за ней свобода повернуть дѣло, какъ захочетъ. Она смущала обѣ стороны тѣмъ, что называла основательными и обвиненія противъ Маріи и тѣ обвиненія, которыя представляла Марія противъ вельможъ, обвинявшихъ ее. Впрочемъ по поступкамъ Елизаветы было видно, какъ она рѣшитъ дѣло: она упорно отказывала Маріи въ свиданіи, держала ее подъ стражей, а графа Морре, пріѣхавшаго въ Лондонъ, приняла на формальной аудіенціи (10 января 1569) и дозволила ему возвратиться въ Шотландію. Человѣкъ ловкій и энергичный, онъ тамъ подавлялъ всѣ попытки противниковъ низвергнуть ее.

Елизавета въ это время уже оказывала покровительство гугенотамъ и Вильгельму Оранскому. Мы говорили, что она удержала у себя деньги посланныя Филиппомъ Альбѣ. Это раздражило Филиппа: видно было, что готовится война между Испаніей и Англіей. Филиппъ отдалъ подъ стражу англійскаго посла въ Мадридѣ; тоже сдѣлала Елизавета съ испанскимъ посломъ въ Лондонѣ, дономъ Герау де Эспесомъ. Эта ссора возбудила въ Маріи Стюартъ и англійскихъ католикахъ большія надежды. У англиканской церкви, введенной недавно, еще оставалось много противниковъ. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ фамилій—Гоуарды, Тэльботы, Стэнли, Перси, Невили оставались вѣрны католичеству, считали англиканство нарушеніемъ старыхъ законовъ; эти вельможи тайно совѣщались между собой о средствахъ бороться противъ церковныхъ реформъ, произведенныхъ Елизаветой по совѣту Сесия. Марія передала испанскому посланнику въ Лондонѣ, что, если Филиппъ поможетъ ей, она въ три мѣсяца станетъ королевой англійской. Черезъ руки Герау шло множество тайныхъ писемъ и денегъ. Англійскіе католики составляли неудобноисполнимые планы низвергнуть Сесия, отмѣнить англиканскую церковь, возстановить католичество.

Глава фамиліи Гоуардовъ, Томасъ герцогъ Норфолькъ, не имѣлъ большого значенія въ католической партіи, хотя былъ богатѣйшимъ и могущественнѣй-

шимъ изъ всѣхъ англійскихъ вельможъ; онъ не имѣлъ твердости въ убѣжденіяхъ, былъ безхарактерный эгоистъ, потому не пользовался довѣріемъ усердныхъ папистовъ; они не сочувствовали его мысли жениться на Маріи. Онъ въ послѣдствіи утверждалъ, что никогда не имѣлъ намѣреній враждебныхъ Елизаветѣ, дѣйствовалъ всегда въ интересахъ ея, что надѣялся оказать политическую пользу ей, женившись на Маріи, что онъ убѣдилъ бы Марію утвердить эдинбургскій договоръ и тогда попросилъ бы у Елизаветы войско возстановить власть шотландской королевы, переставшей быть враждебной протестанству и Елизаветѣ, что онъ ввелъ бы въ Шотландію англиканскую церковь и это упрочило бы союзъ Шотландіи съ Англіей; тогда эти королевства общими силами легко побѣждали бы всякаго иностраннаго врага. Паписты сами полагали, что онъ, женившись на Маріи, не сталъ бы помогать имъ; потому и не находилъ онъ у нихъ искренней поддержки своему плану, онъ давалъ имъ обѣщанія, но слишкомъ неопредѣленные, и они не вѣрили ему. Испанскій посланникъ и агенты Маріи только пользовались его честолюбіемъ для своихъ цѣлей. Не имѣли успѣха и его переговоры съ Морре и шотландскими вельможами; эти вельможи заявили коллективный протестъ противъ возстановленія власти Маріи. Норфолькъ успѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ членовъ англійскаго тайнаго совѣта; это повредило ему, потому что дѣлалось по секрету отъ Елизаветы: секретъ обнаружился и Елизавета сильно разсердилась на то, что Норфолькъ и ея совѣтники разсуждаютъ безъ ея вѣдома о такихъ важныхъ вопросахъ; она сказала Норфольку, чтобъ онъ внимательно смотрѣлъ, на какую подушку кладетъ голову. Тѣ члены тайнаго совѣта, которые одобряли планъ Норфолька, перепугались, выдали Елизаветѣ всѣ подробности проекта, увѣряя, что не одобряли его; тогда она послала Норфольку приказаніе пріѣхать въ Лондонъ. Онъ послѣ нѣкотораго колебанія повиновался призыву; Елизавета въ октябрѣ 1569 г. велѣла отвести его подъ стражу въ Тоуэръ.

Католическіе вельможи сѣвера Англіи—Перси нортomberландскіе, Невилы уестморландскіе, Клиффорды комберландскіе увидѣли, что дѣло Норфолька подвергаетъ ихъ большой опасности. Правда, они не поддерживали его плана жениться на Маріи, но Елизаветѣ было извѣстно, что они противники ея политической системы. Отецъ графа Нортomberланда былъ казненъ за участіе въ католическихъ заговорахъ; Ричардъ Нортонъ, другъ Невилей, былъ помощникомъ Роберта Эска; вмѣстѣ съ отцомъ сражались тогда его сыновья; теперь онъ, сѣдой старикъ, снова взялся за оружіе и, какъ тридцать три года тому назадъ, передъ войскомъ его несли распятіе, символъ католичества. Перси, Невилы, Клиффорды подняли населеніе тѣхъ графствъ, главными землевладѣльцами которыхъ были; возстаніе охватило весь сѣверъ Англіи отъ Йорка до Доргэма; инсургенты хотѣли освободить Марію, принудить Елизавету къ признанію ея наслѣдницей англійскаго престола, низвергнуть министровъ Елизаветы, окружить ее другими. Во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ господствовали инсургенты, они отмѣняли англиканское и возстановляли католическое богослуженіе, отбирали и жгли англійскій переводъ Библіи: они надѣялись, что и въ остальной Англіи католики возмутся за оружіе, что Альба сдѣлаетъ нашествіе на Англію.

Дѣйствительно онъ уже прислалъ Вителли, одного изъ храбрѣйшихъ своихъ генераловъ, разузнать о положеніи дѣлъ, разсмотрѣть возможность высадки. Испанскій посланникъ отправлялъ депеши за депешами въ Брюссель и Мадридъ, убѣждая спѣшить помощью. Инсургенты двинулись къ Тотбери (Tutbury), гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ Марія, жившая тамъ подъ надзоромъ графа Шрусбери. Графъ и его жена, родственница шотландской династіи, были католики, имѣли личное расположеніе къ Маріи; но онъ былъ усердный слуга Елизаветы, не хотѣлъ измѣнить принятой на себя обязанности держать Марію подъ стражей и, когда инсургенты приблизились, онъ увезъ Марію въ Ковентри. Еслибъ инсургенты продержались нѣсколько мѣсяцевъ, возстаніе приняло бы размѣръ, опасный для Елизаветы, но они дѣйствовали безъ опредѣленнаго стратегическаго плана; католики средней и южной Англіи видѣли, что они скоро будутъ подавлены и не взялись за оружіе; начальникъ войскъ Елизаветы на сѣверѣ, Томасъ Ретклифъ графъ Соссексъ, храбрый и усердный патріотъ, дѣйствовалъ отважно. Не получая помощи отъ Филиппа и Альбы, вожди инсургентовъ робѣли, мѣняли свои стратегическіе планы. Соссексъ, хотя имѣлъ мало войска, тѣснилъ ихъ; услышавъ, что къ нему идутъ подкрѣпленія, они бѣжали въ Шотландію. Въ народной балладѣ того времени говорится: «Золоторогій быкъ Невилей, серебряный полумѣсяцъ Перси исчезли съ полей битвъ». Войска ихъ разсѣялись, суровый судъ, казнившій множество соучастниковъ мятежа, запугалъ католиковъ; власть Елизаветы окрѣпла. Бѣжавшіе вожди возстанія были заочно осуждены на смерть. Графъ Уэтстморлэндъ, глава фамиліи Невилей, Нортонъ и его сыновья, Ленэрдъ Дакерсъ (Dacres) уѣхали во Фландрію и присылали оттуда убѣжденія католикамъ составлять новые заговоры, чтобы быть готовыми къ возстанію, когда Альба сдѣлаетъ высадку въ Англію. Глава фамиліи Перси графъ Нортмберлэндъ былъ схваченъ и выданъ за деньги регенту шотландскому однимъ изъ дворянъ шотландской границы, Эрмстронгомъ. Морре отослалъ его подъ стражу въ Локлевенъ. Норфолькъ въ слѣдующемъ году получилъ свободу униженнымъ раскаяніемъ и согласіемъ дать письменное обѣщаніе, что безъ вѣдома и согласія Елизаветы не будетъ ни искать руки Маріи, ни вообще начинать какихъ бы то ни было политическихъ дѣлъ.

Подавивъ возстаніе, Елизавета обнародовала манифестъ, перечислявшій услуги, оказанныя ею государству: на континентѣ свирѣпствуютъ междоусобія, говорила она, между тѣмъ какъ Англія подъ ея управленіемъ пользовалась миромъ и снова пользуется имъ теперь; налоги легки; правосудіе смягчается милосердіемъ; государство безопасно отъ внѣшнихъ враговъ, церковь устроена по священному писанію и національнымъ обычаямъ; никто не подвергается стѣсненію за свою вѣру, пока остается покоренъ законамъ; она всегда

желала и теперь хочет управлять своимъ народомъ посредствомъ любви и милости, — но мятежниковъ необходимо наказывать. Эти угрожающія слова, которыми кончался манифестъ, были предостереженіемъ для католиковъ, чтобъ они уклонялись отъ заговоровъ, въ которые вовлекаютъ ихъ иноземные враги королевы. Елизавета знала, что будутъ возникать новые заговоры, потому что около того времени Пій V формально выступилъ врагомъ ея. У него уже давно была готова булла объ отлученіи Елизаветы; политическіе расчеты принуждали его медлить ея обнародованіемъ. Теперь, 25 августа 1570 г., она была обнародована. Отлучая Елизавету отъ церкви, папа объявлялъ, что она лишается государства, королевой котораго называетъ она себя, освобождалъ подданныхъ ея отъ присяги ей ими данной, воспрещалъ подъ страхомъ церковныхъ наказаній англичанамъ повиноваться преданной проклятію женщинѣ и ея законамъ. Булла эта была обнародована для того, чтобы поддержать возстаніе католиковъ сѣвера Англіи; но она запоздала. Вожди инсургентовъ уже бѣжали тогда изъ Англіи, и письма папы, восхвалявшія ихъ, дошли до нихъ, когда они уже были изгнанниками.

Отважный папистъ Фельтонъ сталъ распространять буллу въ Лондонѣ. Онъ былъ арестованъ, подвергнутъ продолжительнымъ пыткамъ и казнень. Попался также въ руки англійскаго правительства и былъ казнень докторъ Стори, бывшій въ правленіе Маріи Тюдоръ свирѣпымъ преслѣдователемъ протестантовъ и послѣ того дѣятельнымъ агентомъ иностранныхъ враговъ Елизаветы.

2. Шотландскія дѣла.

Французское правительство горячо просило Елизавету объ освобожденіи Маріи. Елизавета высказывала готовность исполнить эту просьбу, если Марія дастъ обѣщаніе не предпринимать ничего враждебнаго ей, не вступать въ бракъ безъ ея согласія, принять въ крѣпость Домбэртонъ и эдинбургскую цитадель англійскіе гарнизоны, отдать своего сына на воспитаніе Елизаветѣ. Но невозможно было полагать, чтобы гордая Марія, надѣющаяся на помощь своихъ друзей, захочетъ купить освобожденіе принятіемъ такихъ условій; а если бъ она и подписала ихъ, то не стала бы соблюдать: папа далъ бы ей формальное право нарушить обѣщанія, объявивъ, что освобождаетъ ее силою своей власти отъ соблюденія ихъ. Притомъ въ Шотландіи шли тогда такія волненія, что Елизавета могла говорить: жизнь Маріи въ Шотландіи будетъ подвергаться большей опасности, чѣмъ подъ ея охраной въ Англіи.

Гэмилтоны отмстили графу Морре. Регентъ ѣхалъ 23 января 1570 черезъ маленькій городъ Линлитго; Джемсъ Гэмилтонъ Ботуэльго, племянникъ архіепископа Сентъ-Эндрюскаго, выстрѣлилъ въ него изъ окна. Рана была смертельна. Регенту было тогда еще только 35 лѣтъ. Ноксъ произнесъ надгробную рѣчь: „доброму регенту, въ которомъ такъ прекрасно

сіялъ образъ божій“. Масса народа сожалѣла о гибели усерднаго защитника шотландской церкви и предчувствовала, что съ его смертью возобновятся междоусобія. Весь католическій міръ радовался его убійству. Епископы русскій, испанскій посланникъ Герау и другіе дѣятели католическихъ заговоровъ, агенты Филиппа и Альбы находили, что должно пользоваться временемъ, чтобы возстановить власть Маріи. Гамильтоны и другіе католическіе вельможи взялись за оружіе; имъ помогали прежніе ожесточенные враги Маріи, ставшіе теперь ея приверженцами, Метлендъ Летингтонъ и комендантъ эдинбургской цитадели Кэркэдьди Грэнджъ; большинство дворянъ было на ихъ сторонѣ. Король испанскій и французское правительство обѣщали имъ свою поддержку. Они хотѣли отвезти короля-ребенка въ Парижъ для предохраненія его отъ опасностей.

Если бы сторонники Маріи восторжествовали въ Шотландіи, она стала бы пріютомъ враговъ Елизаветы. Сесиль послалъ въ Эдинбургъ искуснаго интриганта Рэндольфа, хорошо знавшаго людей и дѣла въ Шотландіи, поручилъ ему ободрить оробѣвшихъ враговъ Маріи, помогать имъ въ выборѣ членовъ совѣта регентства. Соссексу было велѣно вести войско изъ Беруика въ Шотландію. Началось ожесточенное междоусобіе; владѣнія возставшихъ вельможъ были опустошены, замокъ Гамильтоновъ въ іюлѣ 1570 г. былъ сожженъ. Противники Маріи, главою которыхъ былъ честолюбивый, хитрый, привычный къ безжалостному веденію борьбы графъ Мортонъ, одолѣли и назначили графа Леннокса (отца Дэрнли) главнокомандующимъ, потомъ регентомъ. По женѣ онъ былъ родственникъ Елизаветы и могущественной фамиліи Дугласовъ. Не имѣя денегъ на содержаніе войска, новый регентъ находился въ полной зависимости отъ Елизаветы; ей было тѣмъ легче управлять имъ, что онъ былъ человѣкъ безхарактерный. Онъ былъ назначенъ регентомъ, благодаря покровительству Соссекса, и держался только благодаря тому, что Соссексъ остался съ своимъ войскомъ въ Шотландіи. Гамильтоны не могли подчиниться правителю, слушавшемуся Дугласовъ, издавна находившихся въ родовой враждѣ съ ними; католики Гонтли, Этоль, Эргейль не могли примириться съ кліентомъ Елизаветы. Междоусобіе продолжалось. Англійскій генералъ Крофордъ овладѣлъ Домбэртономъ, захватилъ въ плѣнъ находившихся тамъ сторонниковъ Маріи. Въ числѣ ихъ былъ архіепископъ Сентъ-Эндрусскій, ненавистный шотландскому народу. Онъ былъ преданъ суду какъ соучастникъ въ убійствахъ Дэрнли и Морре и казненъ. Народъ считалъ его казнь наказаніемъ ему отъ Бога.

Ленноксъ и Мортонъ созвали парламентъ (въ Стирлингѣ). Гофмейстеръ короля, графъ Мэръ (Mar), привелъ его въ парламентъ; 5-лѣтній ребенокъ прочелъ рѣчь. Парламентъ (въ августѣ) объявилъ мятежниками вождей инсургентовъ. Черезъ нѣсколько дней, 3 сент. 1571 г., отрядъ 300 отважныхъ людей, посланный комендантомъ эдинбургскимъ Кэркэдьди, неожиданно напалъ на Стирлингъ. Мортонъ, Мэръ и большинство членовъ парламента спаслись бѣгствомъ; но Ленноксъ былъ убитъ. Правительственная партія назначила регентомъ графа Мэра. Черезъ годъ съ небольшимъ (28 окт. 1572 г.) онъ умеръ. Ожесточеніе вражды между католиками и кальвинистами было въ это время сильнѣе прежняго, по вліянію произведенному Вареоломеевскою ночью. Шотландія находилась въ состояніи полной анархіи.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ графа Мэра умеръ Ноксъ. Въ послѣднее время жизни его подвергалась опасности въ Эдинбургѣ; по просьбѣ друзей онъ уѣхалъ въ Сентъ-Эндрусъ; тамъ новыя интриги и клеветы враговъ довели больного старика до унынія, какъ видимъ изъ всего, что было написано имъ тогда. Онъ часто выражаетъ желаніе избавиться отъ пе-

чалей жизни, называетъ себя утомленнымъ ею, жаждущимъ смерти; подѣ представленной на разсмотрѣніе ему проповѣдью Фергюсона онъ написалъ: „Джонъ Ноксъ умирающею рукою, но радостнымъ сердцемъ восхваляетъ Бога и милость его, что онъ возжегъ такой свѣтъ въ нашей тьмѣ“. Только на проповѣднической кафедрѣ къ нему возвращалась прежняя энергія. Джонъ Мельвилль, одинъ изъ его тогдашнихъ слушателей, ставшій впоследствии знаменитымъ богословомъ и проповѣдникомъ, говоритъ: „Въ началѣ проповѣди онъ былъ спокоенъ съ полчаса, но когда доходилъ до примѣненія разъясненныхъ мыслей къ дѣламъ общества, онъ говорилъ такъ, что я дрожалъ и не могъ владѣть перомъ, которое приносилъ съ собою для записыванія его проповѣди. Онъ былъ очень слабъ. По воскресеньямъ я видѣлъ его идущимъ изъ аббатства, гдѣ жилъ онъ, въ церковь; на немъ всегда была кунья шуба, онъ едва двигался, опираясь на посохъ и на своего добраго, благочестиваго слугу Ричарда Боллендена, помогавшаго ему идти; на кафедре его вводили двое подѣ руки. Въ началѣ проповѣди онъ опирался на кафедру, но передѣ концомъ такъ оживлялся, что казалось разобьетъ кафедру въ куски и выскочитъ изъ нея“. Въ іюлѣ 1572 г., былъ заключенъ договоръ, по которому дозволялось изгнаннымъ или бѣжавшимъ изъ Эдинбурга возвратиться туда. Эдинбургскіе кальвинисты послали къ Ноксу депутацію съ просьбой возвратиться къ своей паствѣ и снова поучать ее. Онъ принялъ приглашеніе подѣ условіемъ, что „не будетъ налагаемо никакой узды на его ротъ“, и выѣхалъ съ семействомъ изъ Сентъ-Эндруса 17 августа. Множество народа собралось проводить его. Въ слѣдующее воскресенье онъ вошелъ на прежнюю свою эдинбургскую кафедру; но голосъ его былъ такъ слабъ, что только половина собравшихся слышала его слова. Потому онъ сталъ проповѣдывать въ другой, небольшой церкви; въ ней онъ произнесъ ту проповѣдь, которая передавала чувства, возбужденныя въ немъ извѣстіями о Вареоломеевской ночи (пришедшими въ началѣ сентября). Собравъ всѣ свои силы, призывалъ онъ мщеніе Божіе на „свирѣпаго убійцу и вѣроломнаго предателя“, короля французскаго, говорилъ, что проситъ французскаго посланника Лекрока передать своему государю, „что приговоръ надѣ нимъ произнесенъ въ Шотландіи, что мщеніе Божіе не отступитъ отъ него и дома его, что имя его проклято въ потомствѣ, что не будетъ мирно царствовать во Франціи никто произшедшій отъ чреслъ его“. Последнимъ публичнымъ дѣйствіемъ Нокса было то, что онъ представилъ (9-го ноября) въ эдинбургскомъ кафедральномъ храмѣ своей паствѣ своего преемника, Лосона. Чувствуя близость смерти, онъ простился съ своими слушателями, убѣждая ихъ быть твердыми въ вѣрѣ и именемъ Бога, которому скоро отдастъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ, свидѣтельствовалъ, что шелъ путемъ правды, проповѣдывалъ чистое Евангеліе Христово во всей простотѣ, никогда не хотѣлъ угождать людямъ и служить своимъ выгодамъ. По окончаніи богослуженія онъ пошелъ домой колеблющимися шагами, опираясь на слугу; по обѣ стороны улицы стоялъ народъ, проводилъ его до дома, изъ котораго онъ уже не выходилъ послѣ того. Онъ умеръ 24 ноября 1572 г. на 65 году жизни, послѣ продолжительной, тяжелой дѣятельности, во время которой „никогда не убоился передѣ лицомъ человѣческимъ“, какъ говоритъ надпись, сдѣланная на его гробницѣ Мортономъ.

Мортонъ былъ съ самаго времени смерти Морре истиннымъ правителемъ Шотландіи; по смерти графа Мэра онъ и формально получилъ власть регента; онъ былъ человѣкъ честолюбивый, отважный, коварный, участвовавшій во всѣхъ заговорахъ и крутыхъ мѣрахъ противъ Маріи Стюартъ и папистовъ; назначеніе его регентомъ заставило ненавидѣвшихъ его шотландскихъ папистовъ усерднѣе прежняго просить помощи у короля испан-

скаго; они надѣялись, что Донъ Хуанъ, подавивъ нидерландскихъ инсургентовъ, приплыветъ въ Англію, освободить Марію. Мортонъ далъ дѣйствіямъ правительства энергію, которой издавна славился. Елизавета, опасаясь заговоровъ англійскихъ католиковъ, нашла надобнымъ открыто помогать шотландскимъ врагамъ Маріи; при ея поддержкѣ Мортонъ сталъ одолѣвать Гэмильтоновъ, осадилъ эдинбургскую цитадель, все еще остававшуюся въ рукахъ папистовъ, гарнизономъ которыхъ командовали тамъ Метлэндъ и Кэркэльдъ, кастильцы (т. е. слуги короля испанскаго), какъ называли ихъ кальвинисты. Они и помощники ихъ знали мстительность Мортонъ, потому оборонялись очень храбро. Мортонъ, въ войскѣ котораго былъ англійскій отрядъ, присланный Елизаветой, вытѣснилъ ихъ изъ тѣхъ частей города, которыя занимали они прежде. Послѣ того они нѣсколько недѣль оборонялись въ цитадели; когда запасы аммуниціи и провіанта были истощены, и солдаты, страдая отъ голода, стали мятежничать, Метлэндъ и Кэркэльдъ заключили (въ маѣ 1573 г.) капитуляцію съ Друри, начальникомъ англійскаго отряда; но Мортонъ былъ непреклоненъ въ своей мстительности, требовалъ отъ Друри выдачи ихъ. Они умоляли Елизавету спасти ихъ, обѣщали быть покорными ея волѣ; но она велѣла Друри выдать ихъ Мортону. Онъ хотѣлъ казнить ихъ; Метлэндъ умеръ въ темницѣ раньше дня казни; предполагали, что онъ отравилъ себя. Кэркэльдъ и его братъ были 3 августа казнены. Родственники и сотни друзей предлагали большую сумму за пощаду Кэркэльдъ, но мстительность Мортонъ была сильнѣе его жадности. Со взятіемъ эдинбургской цитадели кальвинистами исчезла для сторонниковъ Маріи всякая надежда возстановить ея власть. Въ горной Шотландіи укрывались люди, плакавшіе о ней; но масса народа стала забывать ее.

Мортонъ получилъ санъ регента при содѣйствіи Елизаветы и, чтобы сохранить власть, долженъ былъ исполнять ея волю; онъ старался въ угожденіе ей придать шотландской церкви устройство подобное англиканскому, возстановить епископальную организацію, онъ хотѣлъ, чтобы капитулы кафедральныхъ храмовъ выбрали епископовъ по соглашенію съ нимъ, то есть по его указанію; эти протестантскіе епископы должны были имѣть нѣкоторую власть по церковнымъ дѣламъ своихъ епархій и быть членами палаты пэровъ. Но кальвинистское духовенство сильно возстало противъ этого. На соборѣ (общемъ собраніи, *general assembly*) шотландской церкви, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ котораго былъ ученый и краснорѣчивый сентъ-эндрусскій проповѣдникъ Мельвилль, напоминавшій Нокса твердостью характера, было отвергнуто епископальное устройство; общее собраніе постановило, что церковь должна быть совершенно зависима отъ свѣтскаго правительства. Мельвилль говорилъ, что духовная власть не должна имѣть никакихъ юридическихъ отношеній къ свѣтской, что обѣ онѣ одинаково происходятъ непосредственно отъ Бога. Подобно Ноксу онъ долго жилъ въ Женевѣ и твердо держался женевского принципа, что церковью должны управлять независимыя отъ правительства коллегии, избираемыя вѣрующими отчасти изъ священниковъ, отчасти изъ мірянъ. У Мортонъ было много враговъ, въ особенности ненавидѣли его Гэмильтоны, другіе католическіе вельможи и нѣкоторые вельможи сѣверной Шотландіи, въ томъ числѣ Этоль и Эргейль. Несовершеннолѣтній король по ихъ внушенію созвалъ въ Стирлингъ собраніе вельможъ; оно предложило королю отнять регентство у Мортонъ. Регентъ увидѣлъ себя не въ страхѣ бороться и (въ 1578 г.) сложилъ съ себя санъ, получивъ отъ короля письменное удостовѣреніе, что не будетъ подвергнутъ никакой отвѣтственности за свои дѣйствія. Для управленія государствомъ былъ учрежденъ совѣтъ регентства. Мортонъ удалился въ одинъ изъ своихъ замковъ; но не долго оставался

въ бездѣйствіи: по тайному соглашенію съ графомъ Мэромъ (сыномъ покойнаго регента), комендантомъ Стирлингскаго дворца, гдѣ жилъ король, онъ пріѣхалъ къ двору, занялъ санъ президента тайнаго совѣта (т. е. министерства). Онъ показывалъ видъ, что хочетъ примириться съ своими противниками, пригласилъ ихъ на обѣдъ; на этомъ обѣдѣ умеръ внезапною смертію Этоль; молва говорила, что онъ былъ отравленъ. Мортонъ сталъ мстить своимъ врагамъ. Гэмилтоны были объявлены мятежниками; войска правительства опустошили ихъ владѣнія; главные лица ихъ фамиліи были принуждены бѣжать. Король былъ въ 1579 г. объявленъ совершеннолѣтнимъ; парламентъ, созванный имъ въ Единбургъ, утвердилъ приговоръ произнесенный надъ Гэмилтонами. Но это было послѣднимъ торжествомъ Мортонна.

Іаковъ VI съ ранней молодости сталъ выказывать тѣ дурныя качества, которыми впослѣдствіи навлекалъ на себя презрѣніе англичанъ; имѣя чрезвычайно высокія понятія о величіи своего сана и тщеславясь своей ученостію, онъ однако же постоянно поддавался владычеству того или другого молодого человѣка, понравившагося ему красивою наружностію и изящными манерами. Первымъ его фаворитомъ былъ Эсмъ Стюартъ, сынъ младшаго брата графа Леннокса, имѣвшій во Франціи владѣнія, по названію которыхъ носилъ титулъ Д'Обинье. Онъ родился во Франціи, воспитывался тамъ, пріобрѣлъ изящныя манеры, искусство развлекать людей, былъ веселаго характера; этими достоинствами онъ пріобрѣлъ благосклонность короля, дальнимъ родственникомъ котораго былъ. Іаковъ далъ ему высокія должности, возстановилъ въ его пользу титулъ графа Леннокса (угасшій по смерти прежняго графа). Онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла; кальвинисты и вообще сторонники союза съ Англіею стали опасаться его, потому что онъ былъ католикъ, воспитанникъ іезуитовъ, другъ Гизовъ. Кальвинистскіе или, какъ назывались они въ Шотландіи, пресвитеріанскіе проповѣдники, стали говорить народу объ опасности, которая угрожаетъ отъ него церкви Божіей. Англійское правительство находило, что подъ его покровительствомъ могутъ начаться интриги и заговоры противъ Елизаветы. Король убѣдилъ своего любимца принять пресвитеріанское исповѣданіе; но это не успокоило кальвинистовъ: они знали, что папа допускаетъ, іезуиты оправдываютъ притворное принятіе протестантства для удобнѣйшаго служенія интересамъ католической церкви. Черезъ нѣсколько времени Іаковъ нашелъ себѣ еще одного молодого любимца; это былъ Джемсъ Стюартъ, получившій конфискованныя имѣнія Гэмилтоновъ и титулъ графа Эррэна (Arran). Онъ былъ развратникъ, презираемый честными людьми; но Іаковъ VI слушался его совѣтовъ, имѣвшихъ цѣлю возстановить католическую церковь и ввести въ Шотландіи абсолютизмъ. Властолюбивый Мортонъ, старавшійся сохранить въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами, былъ ненавистенъ молодымъ любимцамъ короля, самовластію которыхъ мѣшалъ. Не нравился онъ этимъ и королю. Ленноксъ и Эррэнъ рѣшили низвергнуть его; имъ надобно было спѣшить дѣломъ, потому что англійскій посланникъ въ Единбургъ потребовалъ удаленія Леннокса изъ тайнаго совѣта и прекращенія интригъ папистовъ; разнесся даже слухъ, что Мортонъ хочетъ увезти короля въ Англію. Эррэнъ въ январѣ 1581 г. бросился къ ногамъ короля съ просьбой наказать Мортонна за участіе въ убійствѣ Дэрнли. Джемсъ Бальфоръ (Balfour), не менѣе самого Мортонна учествовавшій въ заговорахъ и злодѣйствахъ прежнихъ лѣтъ, представилъ актъ союза противъ Дэрнли, подписанный въ Крегмиллэрѣ вельможами, въ числѣ которыхъ находился и Мортонъ. Король велѣлъ арестовать Мортонна и предалъ его суду комиссіи, которую составилъ изъ вельможъ враждебныхъ ему. Елизавета вступилась за вождя

англійской партіи, отправила Рэндольфа заявить ея требованія Іакову, двинула войско къ шотландской границѣ; но злоба папистовъ и молодыхъ фаворитовъ Іакова на Мортонѣ была такъ велика, что они пренебрегли угрозами Елизаветы. Человѣкъ, болѣе десяти лѣтъ правившій государствомъ, былъ въ февралѣ казненъ въ Единбургѣ; онъ умеръ мужественно.

Чтобъ успокоить кальвинистское духовенство, король по внушенію своихъ фаворитовъ утвердилъ правила устройства шотландской церкви, составленныя на соборѣ ея духовныхъ и свѣтскихъ представителей. Этотъ основной законъ ея отмѣнилъ епископскій санъ, ввелъ правильную организацію ея по приходамъ, пресвитеріямъ и округамъ. (Представители нѣсколькихъ приходовъ составляли пресвитерію, управлявшую общими дѣлами ихъ; группы приходовъ, состоявшія изъ нѣсколькихъ пресвитерій, назывались округами или діѳцезами; дѣлами общими этимъ пресвитеріямъ завѣдывало также собраніе представителей приходовъ). Такимъ образомъ было упрочено демократическое устройство шотландской церкви и, благодаря тому, духовенство ея сохранило тѣсную связь съ народомъ, дававшую ему громадную силу.

3. Заговоры англійскихъ папистовъ. Казнь Норфолька.

Шотландскія событія находились въ тѣсной связи съ ходомъ дѣлъ въ Англіи. Онъ принималъ направленіе все болѣе и болѣе опасное для Маріи Стюартъ. Ея примиреніе съ Елизаветой было невозможно, потому что она упорно объявляла себя имѣющей право наследовать англійскій престолъ послѣ Елизаветы, которая съ такимъ же упорствомъ отказывалась дать законное рѣшеніе вопросу о престолонаслѣдіи, полагая, что жизнь ея подвергнется опасности, если Марія будетъ объявлена ея наслѣдницей. Шрусбери зорко наблюдалъ за Маріей отданной подъ стражу ему; но до нея все-таки доходили свѣдѣнія объ интригахъ и заговорахъ ея друзей. Были историки, утверждавшіе, что Марія ни мало не участвовала въ замыслахъ враждебныхъ Елизаветѣ; но въ тѣ времена католическая церковь признавала хорошимъ все полезное для нея; папа могъ освобождать вѣрующихъ отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей для достиженія цѣлей, къ которымъ стремились паписты. Объясняютъ судьбу Маріи Стюартъ ненавистью Елизаветы къ ней; правда, Елизавета поступала съ нею коварно, но не столько по личной враждѣ, сколько по необходимости самообороны отъ фанатизма папистовъ. Та мрачная сила, которая произвела Варѳоломеевскую ночь и направляла кинжалы на Вильгельма Оранскаго, Генриха IV, привела Елизавету къ мысли, что для ея безопасности нужна смерть соперницы.

Между англійскими вельможами было много людей непріязненныхъ Елизаветѣ. Паписты рассчитывали на ихъ содѣйствіе. Старинныя аристократическія фамиліи, управлявшія англійскими дѣлами въ прежнія столѣтія, были недовольны новымъ порядкомъ вещей. Прежде они

были почти независимыми династіями въ своихъ владѣніяхъ и часто принуждали королей подчиняться ихъ волѣ; теперь должны были повиноваться приказаніямъ государыни, имѣвшей почти неограниченную власть, и распоряженіямъ ея энергичныхъ министровъ; переходъ государственнаго быта отъ средневѣковаго феодализма къ монархическому устройству возбуждалъ неудовольствіе въ этихъ вельможахъ; и монархическая власть приняла сторону реформациі, потому многіе изъ нихъ по враждѣ къ ней держались католичества. Они боролись противъ духа времени и тѣмъ ускорили свое паденіе; среднее сословіе и массы народа были преданы новому ученію, потому прониклись враждой къ тѣмъ вельможамъ, которые оставались защитниками католичества. Это помогло Елизаветѣ подавить ихъ.

Вражда къ католикамъ сильно проявилась въ парламентѣ, созванномъ Елизаветой въ маѣ 1571 г. Елизавета не любила вмѣшательства парламента въ управленіе государствомъ, созывала его рѣдко, только въ случаѣ необходимости. Обыкновенно это была неизбѣжная надобность просить у него денегъ; теперь Елизавета созвала парламентъ, чтобы получить его согласіе на мѣры, казавшіяся ей необходимыми для борьбы съ пропагандой фанатиковъ папизма, ссылавшихся на то, что она лишена престола папской буллой. Вражда къ папистамъ проявилась въ палатѣ общинъ съ такой силой, что правительству оставалось только сдерживать ея ожесточеніе, простиравшееся дальше границъ его надобности. Парламентъ постановилъ, что долженъ быть признаваемъ мятежникомъ всякій, называющій королеву еретичкой или схизматичкой, отрицающій ея право на престолъ или приписывающій это право какому нибудь другому лицу, что подвергается наказанію, какъ виновный въ государственной измѣнѣ, всякій, ввозящій въ Англію или распространяющій въ ней папскія буллы, склоняющій англійскихъ подданныхъ обратиться въ римское вѣроисповѣданіе, привозящій изъ Рима грамоты отпущенія грѣховъ или освященныя по римскимъ обрядамъ вещи; кромѣ того парламентъ расширилъ власть королевы надъ англійскою церковью, постановилъ конфисковать имущества тѣхъ эмигрантовъ, которые не послѣдуютъ вызову возвратиться въ Англію. Королева съ трудомъ отклонила принятіе «билля о причащеніи», вводившаго въ Англію такое стѣсненіе свободы совѣсти католиковъ, которое было подобно стѣсненію гугенотовъ французскими эдиктами противъ еретиковъ. Сила, съ какою высказалась вражда массы націи противъ католичества, не отклонила папистовъ отъ интригъ и заговоровъ; постоянно находились ловкіе агенты, доставлявшіе Маріи возможность продолжать сношенія съ папой, Филиппомъ, Альбой, находились вельможи, соглашавшіеся принимать участіе въ заговорахъ, устраиваемыхъ фанатиками или авантюристами. Въ тѣ годы душою испанско-папской пропаганды былъ Роберто Ридольфи, итальянскій банкиръ, долго жившій въ Англіи,

человѣкъ очень ловкій, поддерживавшій деньгами возстаніе, происшедшее за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на сѣверѣ Англіи. Теперь онъ разѣзжалъ по Европѣ въ хлопотахъ о томъ, чтобы папа и Филиппъ II помогли новой попыткѣ освободить Марію и устроить бракъ ея съ Норфолькомъ. Человѣкъ слабого характера, герцогъ поддавался внушеніямъ папистовъ и снова сталъ думать о женитьбѣ на Маріи. Кажется, онъ былъ даже влюбленъ въ нее; въ послѣдствіи онъ говорилъ, что и при этой второй попыткѣ руководился патріотическимъ намѣреніемъ, что хотѣлъ женитьбой на Маріи упрочить союзъ Шотландіи съ Англіей, предотвратить будущую войну за наследство престола. Но съ этими его оправданіями было не согласно то, что онъ черезъ Ридольфи просилъ у папы одобренія и денежной помощи, убѣждалъ Филиппа прислать флотъ съ войскомъ въ Ламаншъ. Ридольфи говорилъ Альбѣ и министрамъ Филиппа, что когда испанское войско выйдетъ на берегъ Англіи, а шотландскіе и англійскіе сторонники Маріи возьмутся за оружіе, то въ Англіи произойдетъ такое смятеніе, при которомъ легко будетъ захватить Елизавету и ея министровъ, часто живущихъ въ какой-нибудь изъ загородныхъ резиденцій: тамъ Елизавету охраняютъ лишь маленькіе караулы; а захвативъ ее, легко будетъ возвести Марію на англійскій престолъ. Въ предполагаемомъ возстаніи англійскихъ католиковъ первый долженъ былъ взяться за оружіе герцогъ Норфолькъ, примѣръ котораго увлечетъ другихъ; при его могуществѣ и высокомъ значеніи его имени возстаніе охватитъ всю Англію, такъ говорилъ Ридольфи Альбѣ; но Альба, мало вѣрившій въ успѣшность такого дѣла, отвѣчалъ, что пошлетъ флотъ и войско, только узнавъ объ арестованіи Елизаветы, а Норфолькъ не хотѣлъ подымать возстаніе раньше, чѣмъ услышитъ, что Альба послалъ войско въ Англію.

Заговорщики вели очень дѣятельную переписку; агенты ихъ ѣздили изъ Англіи въ Нидерланды къ Альбѣ, въ Мадридъ и Римъ, ходили переодѣтые по Англіи; центрами ихъ были дома епископа русскаго въ Шотландіи, испанскаго посланника Герау въ Лондонѣ. Въ то время велись переговоры о бракѣ Елизаветы съ Францискомъ герцогомъ анжуйскимъ, младшимъ братомъ Генриха III; паписты всячески старались разстроить это дѣло. Но шпіоны Сесилия были очень зорки, продавшіеся ему эмигранты и авантюристы увѣдомляли его о ходѣ заговора; онъ арестовалъ нѣсколькихъ заговорщиковъ, обѣщаніями или пытками вывѣдалъ отъ нихъ все, и въ то время, какъ Филиппъ и Альба ожидали извѣстій о возстаніи въ Англіи, герцогъ Норфолькъ былъ арестованъ.

Розысками было обнаружено, что Норфолькъ находился въ перепискѣ съ Маріей, зналъ объ интригахъ Ридольфи, что папа, Альба, Филиппъ II посылали ему много денегъ на поддержку англійскихъ и шотландскихъ сторонниковъ Маріи. Въ сентябрѣ 1571 г., онъ былъ

привезенъ въ Лондонъ, посаженъ въ Тоуэръ, преданъ суду по обвиненію въ измѣнѣ. Испанскій посланникъ Герау былъ высланъ изъ Англіи; Шрусбери получилъ приказаніе строже стеречь Марію и перемѣнить ея прислугу. Марія была въ негодованіи на новыя стѣсненія, говорила, что она королева, добровольно пріѣхавшая въ Англію, и никто не имѣетъ права поступать съ ней, какъ съ плѣнницей. Испанскій посланникъ, передъ отъѣздомъ изъ Лондона устроившій заговоръ убить Сесиля, ждалъ нѣсколько времени въ Дуврѣ, не получить ли извѣстія объ удачѣ этого дѣла; но услышавъ, что задумавшіе его открыты и посажены въ темницу, торопливо уѣхалъ въ Брюссель, чтобы продолжать интриги тамъ съ большей безопасностью для себя. Коммиссія, назначенная для суда надъ Норфолькомъ, состояла изъ 26 перовъ подъ предсѣдательствомъ Шрусбери; она нашла Норфолька виновнымъ и въ январѣ 1572 г. приговорила къ смерти. Онъ твердо оставался при своемъ увѣреніи, что дѣйствовалъ въ интересахъ королевы и государства; но не могъ отрицать того, что нарушилъ обѣщаніе данное королевѣ, зналъ о переговорахъ, которые были ведены отъ его имени съ папой и королемъ испанскимъ относительно отправленія испанскаго войска въ Англію, что, выказывая себя держащимся англиканскаго вѣроисповѣданія, называлъ себя папѣ и Филиппу католикомъ; онъ принужденъ былъ признать фальшивыми многія изъ показаній, сдѣланныхъ имъ на допросахъ. Елизавета долго не утверждала смертнаго приговора. Малодушіе Норфолька, его мольбы о прощеніи, увѣренія въ невинности возбуждали въ ней жалость. Три мѣсяца онъ прожилъ между надеждой и страхомъ смерти. Но Сесиль требовалъ его казни. Въ Шотландіи шло опасное для Елизаветы междоусобіе: Джорджъ Бьюкенэнъ возбудилъ новый взрывъ негодованія на Марію и ея приверженцевъ своимъ памфлетомъ: «Разоблаченіе дѣлъ Маріи по убійству ея мужа; заговора ея и прелюбодѣйной связи съ Ботуэллемъ». Паписты составляли за границей новые планы поднять возстаніе въ Англіи. Ожесточеніе парламента и народа противъ нихъ росло, и Елизавета согласилась наконецъ на казнь Норфолька. На Тоуэрскомъ холмѣ 2 іюня палачъ отрубилъ голову могущественнѣйшему изъ вельможъ Англіи. Въ парламентѣ и конвокаціи (соборъ англиканскаго духовенства) было сдѣлано предложеніе осудить Марію на смерть помимо формальнаго процесса рѣшеніемъ парламента (такъ называемымъ биллемъ смертной казни «Bill of Attainder»). Елизавета не согласилась внести въ парламентъ этотъ билль. Но былъ казненъ (въ Йоркѣ 22 августа) Нортонберлэндъ, выданный за большое денежное вознагражденіе Дугласомъ Локлевенскимъ коменданту Беруика. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе о Варооломеевской ночи; голосъ народа требовалъ отмщенія за это злодѣйство друзей Маріи казнью ея; но Елизавета устояла и на этотъ разъ противъ взрыва народной ненависти къ папистамъ.

4. Новые заговоры папистовъ.

Послѣ Варѳоломеевской ночи вражда между католиками и протестантами усилилась повсюду въ западной Европѣ; новый папа Григорій XIII не уступалъ въ фанатизмъ своему предшественнику Пію V. Римская курія провозглашала непримиримую борьбу противъ еретиковъ священной обязанностью каждаго вѣрующаго; Филиппъ II не щадилъ никакихъ жертвъ, не отступалъ ни передъ какими средствами для искорененія ереси. Французскіе паписты, вождями которыхъ были Гизы, родственники Маріи, стремились истребить еретиковъ во Франціи. Борьба нидерландцевъ съ Филиппомъ поддерживала ожесточенную непріязнь между папистами и реформатами въ другихъ земляхъ; Нидерланды были ареной дипломатической и отчасти военной борьбы между сосѣдними государствами, пріютомъ для изгнанниковъ всякихъ вѣроисповѣданій, центромъ заговоровъ. По обнародованіи буллы, низлагавшей Елизавету, королева англійская стала предметомъ ненависти всѣхъ папистовъ. Филиппъ II и французское правительство не начинали открытой войны противъ нея только по неудобству обстоятельствъ и по взаимному недовѣрію; но тѣмъ дѣятельнѣе велась тайная война: Филиппъ возбуждалъ папистовъ составлять заговоры для освобожденія Маріи, поднятія мятежа въ Англіи; находился въ сношеніяхъ съ католическими вельможами Ирландіи. Французскій дворъ старался вовлечь Шотландію въ прежній союзъ съ Франціей и возстановить тамъ владычество католиковъ. Папа и іезуиты помогали этимъ интригамъ Филиппа и французскаго правительства, воспитывая фанатиковъ для исполненія ихъ плановъ. Смерть Елизаветы была предметомъ горячаго желанія папистовъ, потому что законной наслѣдницей англійскаго престола была Марія Стюартъ. Папа охотно далъ бы отпущеніе грѣха убійцамъ Елизаветы; булла о ея низложеніи показывала это; а если бы покусившійся на убійство былъ схваченъ, онъ зналъ бы, что умираетъ мученикомъ за вѣру. За эту тайную войну, которая велась противъ Елизаветы уже болѣе десяти лѣтъ, англійская королева мстила, помогая нидерландцамъ, поддерживая гугенотовъ, преслѣдуя въ своемъ государствѣ сторонниковъ Маріи. Нація была въ этой борьбѣ на ея сторонѣ и роптала только на то, что она по скупости, политическимъ расчетамъ, не любви къ мятежникамъ не достаточно энергически помогаетъ нидерландцамъ и гугенотамъ. Въ это время развилась въ Англіи та ненависть къ папизму, которая больше столѣтія владычествовала надъ умами и оказывала сильное вліяніе на ходъ событій. Сесиль лордъ Борли выражалъ желаніе огромнаго большинства націи, совѣтуя королевѣ удалить католиковъ отъ всякихъ должностей.

Англичанъ особенно сильно раздражало то, что отважнѣйшіе агенты и орудія католической реакціи были люди англійскаго происхожденія; какъ

прежде сильнымъ горячимъ врагомъ возникавшей національной англійской церкви былъ кардиналъ Поль, такъ при Елизаветѣ многіе молодые люди знатныхъ фамилій и ученаго образованія посвящали свою жизнь на службу папизму. Въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ, въ которыхъ господствовала богословская партія, стремившаяся развить въ англиканской церкви католическіе элементы, многіе студенты становились такими горячими католиками, что покидали отечество, уѣзжали во Фландрію. Уильмъ Элленъ (Allen), получившій впослѣдствіи санъ кардинала, основалъ для нихъ коллегіумъ (или по другому названію семинарію) въ Дуэ (впослѣдствіи, при распространеніи нидерландскаго возстанія, перенесенную въ Реймсъ); она воспитывала католическихъ священниковъ англійской національности подъ покровительствомъ и при поддержкѣ папы, короля испанскаго, французскихъ папистовъ. Число ея воспитанниковъ было велико; они проникались въ ней фанатическимъ духомъ. Вскорѣ по ея основаніи возникло другое такое учрежденіе въ Римѣ. Тамъ существовала англійская богадѣльня; Григорій XIII обратилъ ее въ семинарію, которую послѣ нѣкотораго колебанія отдалъ въ завѣдываніе іезуитамъ. Воспитанники ея давали обѣщаніе посвятить всѣ свои силы на распространеніе католичества въ Англіи. Эти двѣ семинаріи стали центрами, изъ которыхъ выходила фанатическая пропаганда. Эмиссары папы, іезуиты и другіе монахи постоянно пробирались въ Англію подъ разными переодѣваньями, были укрываемы тамъ явными или тайными католиками, исповѣдывали, совершали католическое богослуженіе, руководили дѣйствіями англійскихъ папистовъ; усердные приверженцы провожали ихъ изъ одного пріюта въ другой, охраняя отъ поисковъ правительства. Тайныхъ католиковъ было много въ Англіи; чтобъ быть безопасными отъ преслѣдованій правительства, они ходили на англиканское богослуженіе. Но посѣщая его, легко было привыкнуть къ англиканскимъ обрядамъ, сдѣлаться изъ притворныхъ протестантовъ искренними. Эмиссары, пріѣзжавшіе съ континента, старались предотвращать ихъ отпаденіе отъ католичества. Пропаганда шла успѣшно. Въ концѣ 1578 г. испанскій посланникъ сообщалъ своему правительству, что число католиковъ въ Англіи удивительно увеличивается.

Пропаганда дѣйствовала и посредствомъ тайной печати; она распространяла по Англіи памфлеты, доказывающіе, что Елизавета, будучи рождена отъ незаконной связи, не имѣетъ права на англійскій престолъ, что онъ принадлежитъ Маріи, осыпавшіе ругательствами Елизавету, ея министровъ и англиканское духовенство; эти памфлеты становились все болѣе и болѣе рѣзкими. Печатались и большія сочиненія, рассказывавшія въ самомъ враждебномъ тонѣ исторію отпаденія англійской церкви отъ римской, клеветавшія на всѣхъ ея дѣятелей; такова, напримѣръ, книга Сэндерса „О происхожденіи и развитіи англійской схизмы“. Сэндерсъ при Маріи Тюдоръ былъ безпощаднымъ гонителемъ протестантовъ, потомъ жилъ въ Римѣ и Мадридѣ, возбуждая папу и Филиппа энергически дѣйствовать противъ Елизаветы. Книга его, напечатанная въ 1577 г., произвела сильное впечатлѣніе рѣзкостью тона и скандальными рассказами, большею частью лживыми. Борнетъ черезъ цѣлое столѣтіе послѣ ея изданія еще нашелъ надобнымъ написать опроверженіе ея.

Сэндерсъ лично участвовалъ въ экспедиціи ирландскаго вельможи Физмориса, который набралъ при пособіи папы довольно много солдатъ въ церковномъ государствѣ и поплылъ въ Ирландію освободить ее отъ ненавистныхъ англійскихъ церковныхъ законовъ, присоеди-

нить къ монархіи Филиппа II. Онъ взялъ съ собою нѣсколько монаховъ. Дѣло не удалось; Филиппъ II, занятый тогда покореніемъ Португаліи, не послалъ помощи Физморису; англичане разбили его: онъ погибъ въ сраженіи, Сэндерсъ тоже погибъ. Правительство казнило много ирландцевъ обольстившихся увѣреніями Физмориса, что Филиппъ пришлетъ войско въ Ирландію.

Но ирландцы продолжали надѣяться на Филиппа; онъ посылалъ къ нимъ тайныхъ агентовъ поддержать ихъ симпатіи къ нему. Девять десятыхъ частей населенія Ирландіи горячо желали, чтобы онъ принялъ Ирландію подъ свое покровительство. Ирландскіе кельты всегда ненавидѣли англійскихъ завоевателей; національная вражда ихъ была усилена насильственнымъ введеніемъ англиканскаго богослуженія, запрещеніемъ католическаго. Ирландія находилась въ непрерывномъ волненіи; каждый врагъ Англіи могъ разсчитывать на сочувствіе ирландцевъ, тѣмъ больше Филиппъ, защитникъ католичества. Могущественнѣйшіе изъ ирландскихъ вельможъ, бывшихъ прежде областными государями, Физъ-Джерольды продолжали и при Тюдорахъ дѣлать попытки возстаній. Елизавета не могла подавить возстаній въ Ирландіи; ей какъ и отцу ея повиновались только тѣ мѣстности, которыя были заняты англійскими войсками.

Экспедиція въ Ирландію была только частью обширнаго нападенія задуманнаго папой, надѣявшимся осуществить свой планъ при содѣйствіи іезуитовъ и священниковъ, воспитанныхъ въ англійскихъ семинаріяхъ. Около этого времени пріѣхалъ, какъ мы говорили, въ Эдинбургъ Д'Обинье, воспитанникъ іезуитовъ, обратитъ молодого короля въ католичество. Товарищи Эллена и Сэндерса, фанатики, воспитывавшіеся въ реймской семинаріи, Робертъ Пэрсонсъ и Эдмондъ Кэмпіэнъ приплыли въ Англію устроить заговоръ. Пэрсонсъ, одѣтый офицеромъ, пробрался весною 1580 г. въ Глосстеръ и Герифордъ, Кэмпіэнъ, одѣтый купцомъ, посѣтилъ Оксфордъ и Нортэмптонъ. Булла объ отлученіи Елизаветы мѣшала пропагандистамъ своей чрезмерной горячностью: она отлучала отъ церкви и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ повиноваться повелѣніямъ Елизаветы; это дѣлало для искреннихъ католиковъ невозможнымъ жить въ Англіи. Іезуиты, отправившіеся въ Англію, убѣдили папу ограничить отлученіе только Елизаветой и протестантскими сановниками, запрещеніе католикамъ повиноваться ей отсрочить до времени успѣха заговора. Папа сдѣлалъ это, прибавивъ къ буллѣ объясненіе, что повиновеніе существующей власти не составляетъ грѣха, пока нѣтъ возможности свергнуть ее; но когда настанутъ обстоятельства могущія низвергнуть отлученную отъ церкви государыню, напримѣръ, вспыхнетъ возстаніе и произойдетъ вторженіе иностраннаго войска въ Англію, тогда католики обязываются помогать дѣлу оружіемъ. Агенты папистовъ любили приводить въ примѣръ притворство Юдиѳи, освободившей Израиля отъ Олоферна.

Послѣ того, какъ Герау былъ высланъ изъ Англіи, мѣсто испанскаго посланника къ Лондонѣ шесть лѣтъ оставалось незанято; теперь Филиппъ отправилъ въ Англію своимъ посломъ гранда первой степени дона Вернардино Мендосу, горячаго паписта (дѣйствовавшаго впослѣдствіи во Франціи); онъ сталъ усердно помогать іезуитскимъ пропагандистамъ и радостно писалъ своему королю, что сѣверные вельможи и дворяне, родственники и приверженцы Норфолька и Нортумберланда, готовы жертвовать жизнью за истинную вѣру. Но правительство замѣтило агитацію папистовъ; Елизавета поручила слѣдить за иностранными монахами Уольсингѣму, даровитѣйшему изъ ея совѣтниковъ послѣ лорда Борли; онъ скоро разыскалъ агитаторовъ; они были арестованы, преданы суду и казнены на основаніи закона о наказаніи за измѣну, установленнаго парламентомъ въ маѣ 1571 г. По найденнымъ у нихъ бумагамъ правительство увидѣло, что папа позволяетъ католикамъ повиноваться королевѣ только до наступленія возможности возстанія; это давало правительству право подвергать ихъ суду за измѣну. Кэмпіэнъ, Шеруинъ, Брейентъ и нѣсколько другихъ агитаторовъ были казнены въ ноябрѣ 1581 г.

Они были первые католическіе священники, казненные при Елизаветѣ, какъ мятежники. Елизавета не стѣсняла свободу совѣсти; но былъ постановленъ законъ, воспрещавшій отрицать право ея на престолъ, признавать власть папы надъ Англіей, публично совершать католическое богослуженіе. Въ оправданіе дѣйствій правительства лордъ Борли писалъ: „Если папы имѣютъ власть освобождать подданныхъ отъ вѣрности государямъ, то никакое королевство не можетъ существовать иначе какъ съ согласія папы“. Англичанамъ было запрещено поступать въ заграничныя семинаріи, въ которыхъ открыто проповѣдуется, что убійство государей—дѣло богоугодное. Мендоса писалъ, что гоненіе уничтожаетъ церковь. Въ послѣдующіе годы были казнены многіе папистскіе агитаторы и вовлечены ими въ заговоры англійскіе католики. По открытіи умысла убить Елизавету семь монаховъ, сознавшихся на пыткѣ въ этомъ заговорѣ, были казнены (въ январѣ 1584 г., нѣкоторые на Тейборнѣ, другіе въ Йоркѣ). Процессъ ихъ обнаружилъ, что центромъ заговоровъ служитъ домъ испанскаго посланника; потому и Мендоса получилъ приказаніе выѣхать изъ Англіи.

5. Шотландія въ правленіе Іакова VI.

Заговоръ папистовъ имѣлъ свои развѣтвленія и въ Шотландіи: два священника, учившіеся въ римской семинаріи, Кричтонъ и Гольдъ, приняли на себя порученіе произвести въ Шотландіи католическую реакцію и вторженіе оттуда въ Англію. Король находился тогда подъ владычествомъ своихъ любимцевъ Леннокса и Эррэна; оба они приняли эмиссаровъ благосклонно, потому что ненавидѣли пресвитеріанскую церковь и суровыхъ ея проповѣдниковъ; Іаковъ тоже тяготился игомъ этихъ строгихъ моралистовъ; дворъ сталъ выказывать расположеніе къ католичеству. Пресвите-

ріанскіе проповѣдники негодовали на то, что король, едва достигнувъ юношескихъ лѣтъ, уже погрязъ въ порокахъ, не терпѣть подлѣ себя никого кромѣ льстецовъ, выказываетъ надменность. Вельможи были враждебны владычеству фаворитовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ испанскимъ и французскимъ правительствами, при томъ людей дурныхъ въ частной своей жизни: Ленноксъ былъ воспитанникъ папистовъ, а Эррэнъ развратникъ. Вельможи узнали, что эмиссары папы составляютъ заговоръ, цѣль котораго—возстановленіе власти Маріи; заговорщики предполагали устроить это такъ: Марія откажется отъ права на англійскій престолъ въ пользу сына; сынъ сдѣлаетъ ее за это своей соправительницей въ Шотландіи. Агитаторы вели большую переписку объ этомъ своемъ планѣ, неудовлетворявшемъ ни одной партіи, составленномъ только для прикрытія интригъ іезуитовъ.

Въ это время былъ открытъ заговоръ папистовъ въ Англіи. Шотландскіе протестанты увидѣли, что угрожаетъ большая опасность имъ. Вельможи, преданные протестантству и союзу съ Англіей, съѣхались въ августѣ 1582 г. въ замкъ Ротвена, графа Гоурн, и заключили союзъ для низверженія любимцевъ короля. Вельможи, подписавшіе актъ этого союза, называемаго ротвенскимъ мятежемъ (Raid of Ruthven), —Гленкернъ, Линдсе, Глэмисъ и другіе еще оставались въ гостяхъ у Ротвена; когда Іаковъ, возвращаясь съ охоты, ѣхалъ мимо замка, хозяинъ пригласилъ его заѣхать; онъ, ничего не зная, принялъ приглашеніе, но вошедши въ замокъ испугался, видя, что въ залъ входятъ много людей; однакоже сѣлъ за обѣдъ. По окончаніи стола онъ хотѣлъ уѣхать; ему подали записку, требовавшую, чтобъ онъ немедленно удалилъ отъ себя любимцевъ; онъ попытался уйти изъ зала; Глэмисъ взялъ его за руку, остановилъ; онъ заплакалъ. Глэмисъ сказалъ: „Лучше плакать дѣтямъ, чѣмъ людямъ ужъ имѣющимъ бороды“. Вельможи оставили его въ плѣну у себя. Ленноксъ пошелъ съ отрядомъ войска освободить короля, но былъ отбитъ, бѣжалъ во Францію (и скоро умеръ тамъ, къ большой печали Іакова). Члены ротвенскаго союза обнаруживали оправданіе своихъ поступковъ, заставили короля подписать одобреніе и обѣщаніе безнаказанности всему, что они сдѣлали. Замыселъ сдѣлать Марію соправительницей сына рушился. Французскій посланникъ Ламоттъ-Фенелонъ уѣхалъ изъ Шотландіи. Эррэнъ и другой соумышленникъ Фенелона Джорджъ Дугласъ (тотъ вельможа, который помогъ Маріи бѣжать изъ Локлевена) были арестованы; іезуитскіе эмиссары бѣжали. Протестанты стали править государствомъ.

Они были союзники Англіи; руководились совѣтами Уольсингэма и лорда Борли, обращались съ королемъ сурово; пресвитеріанскіе проповѣдники говорили въ церквахъ оскорбительныя для него рѣчи. Онъ думалъ только о томъ, чтобъ уйти изъ-подъ надзора, успѣлъ бѣжать при помощи французскаго посланника, агента Гизовъ, уѣхалъ въ Сентъ-Эндрусскую цитадель; французская партія стала руководить его дѣйствіями. Эррэнъ снова получилъ преобладающее вліяніе на дѣла, былъ назначенъ канцлеромъ (первымъ министромъ) и военнымъ помощникомъ короля (генералъ-лейтенантомъ), т. е. главнокомандующимъ. Іаковъ благодарилъ своихъ родственниковъ Гизовъ, увѣрялъ ихъ въ своей преданности ихъ правиламъ, просилъ ихъ ходатайствовать за него передъ папой. Онъ объявилъ ротвенскій союзъ государственной измѣной, велѣлъ предать суду соучастниковъ его. Они бѣжали. Дьюри и Мельвилль проповѣдники, съ особенной силой нападавшіе на папизмъ и епископскую власть, тоже уѣхали (въ декабрѣ 1583 г.) изъ Эдинбурга и Сентъ-Эндруса. Ротвенъ и нѣкоторые изъ его союзниковъ взяли за оружіе, чтобы низвергнуть французско-католическую партію, главными людьми которой были Эррэнъ и Уильямъ Стюартъ;

инсургенты надѣялись на англійскую помощь, но, не получивъ ея, были разбиты. Ротвенъ, взятый въ плѣнъ, былъ казненъ въ Стирлингѣ. Уольсингэмъ, посланникъ Елизаветы, предостерегавшій Іакова отъ безрасудныхъ поступковъ, былъ высланъ королемъ. Парламентъ, собравшійся подъ давленіемъ реакціи, утвердилъ въ маѣ 1584 г. приговоры надъ обвиненными въ измѣнѣ вельможами, возстановилъ епископальное устройство церкви, стѣснилъ ея свободу суровыми законами. На континентѣ паписты въ союзѣ съ Филиппомъ испанскимъ готовились тогда подавить кальвинизмъ; Вильгельмъ Оранскій былъ убитъ агентомъ Филиппа II; заговоры папистовъ волновали Англію; шотландскіе реакціонеры считали свое владычество прочнымъ. Эррэнъ, презираемый націей развратникъ, и его креатуры правили дѣлами въ духѣ Гизовъ. Паписты рассчитывали, что во Франціи захватятъ власть союзники Филиппа и что при содѣйствіи Франціи онъ возстановитъ католичество въ Англіи и Шотландіи. Пресвитеріанскіе проповѣдники бѣжали изъ Шотландіи въ Англію. Переодѣтые іезуиты пользовались благосклоннымъ приемомъ въ Голирудѣ; эмиссаръ папистовъ Кричтонъ плылъ въ Шотландію; въ Ламаншѣ голландцы захватили этотъ корабль; Кричтонъ разорвалъ и бросилъ въ море бывшія при немъ бумаги; онъ были пойманы на водѣ; въ нихъ нашелся проектъ папистскаго возстанія съ точнымъ опредѣленіемъ мѣстъ нападенія и силъ, какими будетъ сдѣлано оно.

Въ Іаковѣ VI удивительнымъ и нелѣпымъ образомъ соединялись надменность съ безсиліемъ, высокое мнѣніе о своемъ умѣ съ бездарностью, дерзость съ трусостью; неуклюжій педантъ, онъ вовсе не былъ похожъ на короля; человекъ, дрожавшій при видѣ обнаженнаго меча, онъ не годился для управленія суровой націей, вельможи которой были воинственны, постоянно готовы взяться за оружіе, по враждѣ или любви къ Маріи Стюартъ и по страсти къ военнымъ приключеніямъ. Совершенно неспособный управлять дѣлами самъ, онъ по тщеславію не терпѣлъ подлѣ себя людей умныхъ и самостоятельныхъ, расточалъ свои милости пошлымъ любимцамъ, восхищавшимъ его красотой и изящными манерами, представлявшими прямую противоположность его неуклюжей фигурѣ и смѣшной жестикуляціи; онъ оставлялъ безъ вниманія ропотъ народа на этихъ любимцевъ, считавшихся виновниками всего дурного въ его дѣйствіяхъ; народъ желалъ успѣха вельможамъ, бравшимся за оружіе для низверженія этихъ бездарныхъ льстецовъ и развратниковъ. Іаковъ ненавидѣлъ пресвитеріанскую церковь за ея демократическое устройство, за суровость ея проповѣдниковъ, рѣзко изобличавшихъ пороки двора; но у него не было мужества прямо высказывать свою вражду къ ней; со злобой въ душѣ онъ покорялся ея игу, восхвалялъ ее, какъ самую чистую, самую вѣрную устройству и ученію церкви апостольскихъ временъ, принималъ участіе въ богословскихъ диспутахъ, съ восхищеніемъ выставляя на показъ свое педантство. Онъ старался притворяться преданнымъ этой ненавистной ему церкви, но всѣ видѣли его дѣйствительныя чувства по его усиліямъ ввести епископальное устройство, ненавистное народу и духовенству, по его благосклонности къ шотландскимъ и пріѣзжимъ изъ-за границы католикамъ, многіе изъ которыхъ находились въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, по его постояннымъ попыткамъ стѣснить свободу строгихъ пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ, которые видѣли его лицемеріе, негодовали на его фальшивость и въ ожесточеніи говорили языкомъ, неслыханнымъ въ другихъ монархическихъ государствахъ. Неуклюжесть Іакова, дѣлавшая его смѣшнымъ, при его тщеславіи, увеличивала презрѣніе народа къ нему. Самое отвратительное впечатлѣніе производитъ то, какъ Іаковъ держалъ себя относительно матери и Елизаветы. Онъ не любилъ мать, съ дѣтства былъ

приученъ считать ее убійцей его отца, идолопоклонницей, повергнувшей своимъ суевѣрнымъ нечестіемъ государство въ бѣдствія; ему пріятно было, что Елизавета держитъ ее подъ стражей, потому что ея возвращеніе лишило бы его власти; и если когда пробуждалось въ немъ сыновнее чувство или упреки католическихъ правительствъ принуждали его стыдиться за свою холодность къ матери, то Елизавета, державшая его на своемъ жалованьи, безъ труда заставляла его отказаться отъ просьбъ за мать.

6. Репрессивныя мѣры Елизаветы противъ заговоровъ.

Враждебныя намѣренія короля испанскаго и папистовъ заставляли Елизавету принять мѣры обороны: готовить войска къ отраженію нашествія, укрѣплять гавани, заботиться объ увеличеніи военнаго и торговаго флота, помогать нидерландцамъ, борьба съ которыми мѣшала Филиппу II обратить всѣ свои силы противъ Англіи. Елизавета послала своего любимца Лестера съ отрядомъ войска оборонять отъ испанцевъ Влиссингенъ. Покровительство нидерландцамъ приносило прямую выгоду англійской промышленности: въ Англію переселялись фландрскіе ремесленники и фабриканты. Борли былъ очень радъ этому; развитіе англійской промышленности соотвѣтствовало его политической системѣ: онъ желалъ увеличить значеніе горожанъ въ общественной жизни, потому что они были преданы правительству, и Борли, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ вельможами, поддававшимися внушеніямъ папистовъ и вовлекавшимися въ заговоры. Онъ и Елизавета зорко наблюдали за этими недовольными вельможами, вступаясь при всякомъ случаѣ за ихъ подданныхъ. Но Елизавета и Борли полагали, что не будутъ безопасны отъ заговоровъ до тѣхъ поръ, пока остается жива Марія Стюартъ, которую паписты называютъ законной королевой Англіи. Парламентъ установилъ тяжелыя наказанія за распространеніе памфлетовъ враждебныхъ Елизаветѣ, объявилъ государственной измѣной за укрывательство папистскихъ эмиссаровъ и вообще всѣхъ католическихъ священниковъ или монаховъ, пріѣзжающихъ въ Англію изъ-за границы. Правительство сурово примѣняло эти законы; но по его мнѣнію нельзя было устранить отъ королевы опасности, пока агенты короля испанскаго и папы выставляютъ священной обязанностью англійскихъ католиковъ помогать заговорамъ составляемымъ для убійства Елизаветы, освобожденія Маріи, возстановленія папской власти и пока находятся фанатики, готовые подвергать себя мучительной смерти для исполненія этой обязанности. Въ Англіи непрерывно устраивались заговоры убить Елизавету; исторія восьмидесятихъ годовъ въ Англіи наполнена политическими процессами; казни виновныхъ не удерживали другихъ фанатиковъ отъ новыхъ заговоровъ.

Въ 1584 былъ казненъ въ Англіи Фрэнсисъ Трогмортонъ за свое участіе въ заговорѣ шотландскихъ папистовъ. Въ слѣдующемъ году былъ казненъ Уильямъ Пэрри (Parry), долго находившійся въ придворномъ штатѣ Елизаветы и пользовавшійся ея довѣріемъ. Онъ уѣхалъ за границу; римскіе и французскіе іезуиты обольстили его, и онъ возвратился въ отечество съ намѣреніемъ убить Елизавету. Долго скрывалъ онъ свой замыселъ, такъ что считался по прежнему вѣрнымъ подданнымъ, былъ даже выбранъ членомъ парламента. Но въ парламентѣ онъ выказалъ себя папистомъ; правительство произвело обыскъ у него, нашло въ его бумагахъ письмо епископа комскаго (Como), говорившее, что папа даетъ свое благословеніе дѣлу, полезному церкви, и отпущеніе грѣховъ предпринимающему его. Пэрри былъ преданъ суду и казненъ.

Эти замыслы убить Елизавету ужаснули англійскій народъ, видѣвшій, что удалась попытка убить Вильгельма Оранскаго. Пользуясь этимъ настроеніемъ націи, Борли и Уольсингемъ разослали по всему государству «обязательство» (Bond), говорившее, что подписывающій его обѣщается именемъ Всемогущаго Бога, словомъ и дѣломъ, даже и оружіемъ бороться съ замышляющими что нибудь противъ жизни или безопасности королевы и не отступаться отъ борьбы до совершеннаго истребленія беззаконниковъ и всѣхъ приверженцевъ ихъ; если же злоупотребленіе предпринимается въ намѣреніи—осуществить чьи нибудь притязанія на англійскій престолъ, то подписывающій обязывается, какъ вмѣстѣ съ другими подписавшими, такъ и независимо отъ содѣйствія другихъ, никогда не признавать такого притязанія и мстить лицу виновному въ такой попыткѣ; если кто нибудь, по какой бы то ни было причинѣ, отступить отъ этого союза, то всѣ другіе обязаны будутъ преслѣдовать и подавить его, какъ клятвопреступника. Этотъ актъ былъ выставленъ во всѣхъ церквахъ для подписи. Люди всѣхъ сословій подписывали его. Въ мартѣ 1585 парламентъ въ пополненіе этому акту союза постановилъ: «тѣ лица, въ пользу которыхъ производится попытка мятежа или предпринимается покушеніе на жизнь королевы, лишаются своихъ правъ на престолъ; если же сами участвовали въ чемъ либо подобномъ, то лишаются жизни». Парламентъ далъ королевѣ полномочіе учредить для суда и постановленія приговоровъ по такимъ дѣламъ комиссію, члены которой, числомъ не менѣе 24, должны быть назначены королевой изъ членовъ государственнаго совѣта, пэровъ и судей. Такимъ образомъ Елизавета для огражденія своей безопасности поставила права престолонаслѣдія въ зависимость отъ приговора судебной комиссіи, подчинила законодательной власти парламента принципъ наследственности престола.

Всѣмъ понятно было, противъ кого направлены эти угрозы лишеніемъ правъ на престолъ и лишеніемъ жизни. Елизавета и ея совѣтники хотѣли, чтобы Марія ожидала гибели себѣ отъ всякой попытки ея приверженцевъ составить заговоръ противъ Елизаветы.

Правда, Марія съ негодованіемъ отвергала подозрѣніе о соучастіи ея въ замыслахъ на жизнь Елизаветы и вызывалась присоединиться къ союзу для охраны ея жизни, подписать этотъ актъ; но было достоверно извѣстно, что она знала о заговорахъ папистовъ, о проектахъ убить Елизавету, не была чужда попыткамъ низвергнуть Елизавету, освободить и возвести на англійскій престолъ ее. Она не была смиренной страдальцей: изъ множества писемъ ея мы видимъ, что она принимала живое участіе въ ходѣ событій. Она писала не какъ плѣнница, а какъ полноправная государыня къ Елизаветѣ, къ иностраннымъ государямъ, къ вліятельнымъ лицамъ, гордо говорила, что основной вопросъ всей европейской политики—вопросъ о принципѣ наслѣдственного права государей и о владычествѣ католической церкви. Она говорила надзирателю за ея тюремщиками: «Остаются еще двѣ вещи, которыхъ вы не можете отнять у меня: королевская кровь, дающая мнѣ право на престолонаслѣдіе и вѣрность, привязывающая мое сердце къ религіи предковъ». Эти двѣ идеи были основными мотивами всѣхъ ея дѣйствій.

Марія была живого характера, увлекалась впечатлѣніями минуты; въ письмахъ такой женщины, разумѣется, не могло быть неизмѣнной послѣдовательности мыслей; онѣ у нея мѣнялись по волненіямъ чувства. Ранке говоритъ: „Марія ни на минуту не была спокойна; она и въ темницѣ сопровождала мыслью ходъ событій; ея голова постоянно работала; она раздумывала о своемъ положеніи, о средствахъ выйдти изъ него, осуществить свои надежды; бывали у нея и минуты покорности судьбѣ, но только мимолетныя. Она передаетъ въ своихъ письмахъ все, что думаетъ; они страстные изліянія чувствъ, воображеніе преобладаетъ въ нихъ надъ разсудкомъ“. Но при всей измѣнчивости душевныхъ настроеній непрерывно сохраняла Марія убѣжденіе въ своемъ наслѣдственномъ правѣ на шотландскій и англійскій престолы, привязанность ея къ католической религіи увеличивалась съ годами, потому что въ помощи католическаго міра видѣла она единственную возможность достигъ принадлежащихъ ей престоловъ. Она сильно сердилась на сына за то, что онъ холодно принялъ мысль раздѣлить съ нею власть, не сталъ помогать этому проекту, считалъ себя имѣющимъ право на престолъ независимое отъ ея права. Въ годы несовершеннолѣтія Іакова Марія говорила, что онъ только тогда будетъ имѣть право на шотландскій престолъ, когда присоединится къ католической церкви, совѣтовала отвезти его въ Испанію или Францію, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ истинной вѣрѣ, говорила, что скорѣе передастъ свои права на шотландскую корону Филиппу II, чѣмъ потерпитъ, чтобъ ея неблагодарный сынъ, еретикъ, сталъ королемъ;—такъ велика была ея преданность католичеству.

Она вела дѣятельную переписку, потому что надзоръ за нею былъ не такъ строгъ, какъ полагали многіе историки, а приверженцевъ у нея было много. Долго съ ней обращались, какъ съ гостьей Елизаветы, окружали ее обстановкой, соотвѣтствовавшей сану ея, дозволяли ей ѣздить на охоту. Лордъ Шрусбери, много лѣтъ бывший

надзирателемъ за нею, имѣлъ расположеніе къ католичеству, жена его была другомъ Маріи, пока онѣ не перессорились по личнымъ мотивамъ и не стали винить одна другую передъ Елизаветой. Большинство людей, назначенныхъ для прислуги, было ей предано; она умѣла привлекать къ себѣ становившихся близкими къ ней; ея депеши, писанныя шифромъ, были доставляемы и въ Римъ, и въ Мадридъ; изустныя и письменныя увѣдомленія извѣщали ее обо всемъ, что происходило въ Европѣ. Фантазія мечтателей, фанатизмъ папистовъ, рыцарская преданность приверженцевъ законнаго порядка престолонаслѣдія были живо заинтересованы ея судьбой, — ея освобожденіе было предметомъ желанія всѣхъ усердныхъ католиковъ. Она была увѣрена, что если Елизавета будетъ убита, то она взойдетъ на престолъ, и когда она вызывалась подписать актъ обязательства охранять жизнь Елизаветы, она знала, что составляется новый заговоръ убить Елизавету.

7. Заговоръ Бэбингтона.

Въ 1586 году паписты надѣялись, что ересь скоро будетъ искоренена въ Европѣ, которая вся подчинится волѣ Филиппа II: Александръ Фарнезе одерживалъ большіе успѣхи въ войнѣ съ нидерландцами; лига захватывала власть во Франціи; шотландскіе и англійскіе католики готовились къ возстанію. Оплотомъ ереси была Елизавета, и только ея сопротивленіе затрудняло окончательную побѣду католичества. Потому паписты, агенты Филиппа и Гизовъ дѣятельнѣе прежняго занялись исполненіемъ мысли, поднять возстаніе католиковъ въ Шотландіи и Англіи и убійствомъ Елизаветы доставить Маріи англійскій престолъ. Возстанію хотѣлъ помогать Филиппъ II; онъ готовился послать въ Англію войско. Побѣдивъ протестантовъ при его помощи, англійскіе католики отдали бы подъ его покровительство Англію, какъ отдавали Францію лигисты. Войско Александра Фарнезе было готово плыть въ Англію; Мендоса, назначенный посланникомъ въ Парижъ, былъ посредникомъ между Филиппомъ и англійскими заговорщиками. Паписты имѣли много отважныхъ фанатиковъ, способныхъ идти на смерть, чтобы убить Елизавету; въ реймской семинаріи внушалось, что убить враждебную церкви, отлученную отъ нея похитительницу англійскаго престола будетъ дѣломъ угоднымъ Богу, вводящимъ въ царство небесное. Англійскій эмигрантъ Сэведжъ, служившій въ арміи Александра пармскаго, потомъ поступившій въ реймскую семинарію, задумалъ исполнить это святое дѣло; черезъ нѣсколько времени составилъ съ той же цѣлью заговоръ, въ которомъ участвовали вліятельнѣйшіе англійскіе эми-

гранты; планъ ихъ былъ обширенъ: они хотѣли поднять въ Англіи возстаніе, чтобы готовы были у нихъ силы воспользоваться убійствомъ Елизаветы; на помощь инсургентамъ должно было приплыть испанское войско. Главою этого заговора былъ Бэбингтонъ. Дѣло было внимательно обдумано; паписты считали успѣхъ его вѣрнымъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ Маріи во Франціи Моргэнъ сообщилъ ей въ довольно ясныхъ выраженіяхъ объ этомъ замыслѣ ея друзей.

Убить Елизавету взялъ на себя Энтони Бэбингтонъ, богатый и образованный молодой человѣкъ, имѣвшій рыцарскую преданность къ Маріи. Онъ былъ пажемъ при ней въ Шеффилдѣ и, подобно всѣмъ близкимъ къ ней, былъ очарованъ ею. Отъ Джона Боллэрда, іезуита, пріѣзжавшаго въ Англію вмѣстѣ съ Кэмпіэномъ, онъ слышалъ, что многіе изъ знатнѣйшихъ и сильнѣйшихъ вельможъ явно или тайно остаются вѣрны католичеству и готовы взяться за оружіе для его возстановленія. Съ нѣсколькими другими заговорщиками Бэбингтонъ приплылъ въ Англію и въ іюлѣ 1586 г. нашелъ случай переслать шифрованное письмо къ Маріи, которая была переведена изъ Тотбэри въ замокъ Чэртли и отдана подѣ стражу сэра Эмейэса Полета (Amias Poulet), суроваго пуританина. Бэбингтонъ говорилъ Маріи въ этомъ письмѣ, что имѣетъ сто храбрыхъ товарищей, при помощи которыхъ освободить ее. Она прониклась новой надеждой; ея секретари Ноу (Nau) и Корль (Curl) сообщали ея приверженцамъ, что скоро произойдутъ важныя событія. Бэбингтонъ получилъ шифрованный отвѣтъ, выражавшій одобреніе задуманному имъ дѣлу, просившій исполнить его. Впослѣдствіи было много споровъ, знала ли Марія, что съ планомъ ея освобожденія соединено намѣреніе убить Елизавету и относилось ея одобреніе и къ этому намѣренію, или она не знала его и давала одобреніе только замыслу освободить ее.

Но правительство уже знало о заговорѣ. Число соучастниковъ было такъ велико, что невозможно было не найдтись между ними предателю. Дѣятельный и хитрый Уольсингэмъ подкупилъ католическаго агитатора Джильберта Гиффорда, имя и жизнь котораго казались эмигрантамъ несомнѣнной порукой за его преданность Маріи и папизму; онъ воспитывался въ реймской школѣ, былъ другъ Моргэна и Эллена, былъ посвященъ во всѣ тайны папистскихъ заговоровъ; Бэбингтонъ и его соумышленники вполнѣ довѣряли Гиффорду, вели черезъ него свою корреспонденцію; его семейство жило въ графствѣ Стэффордскомъ; онъ имѣлъ много знакомствъ тамъ, потому и считался у заговорщиковъ человѣкомъ, черезъ котораго наиболѣе удобно имъ имѣть сношенія съ Маріей. Продавшись Уольсингэму, Гиффордъ сообщилъ ему всѣ письма къ Маріи и отъ нея. Другой измѣнникъ Филиппъ дешифровалъ ихъ, потомъ они возвращались Гиффорду, и онъ пересылалъ ихъ по адресамъ.

Между тѣмъ какъ Марія со дня на день ждала своего освобожденія, Бэбингтонъ, Боллэрдъ, Сэведжъ, Тичборнъ и нѣсколько другихъ соучастниковъ заговора были арестованы, отвезены въ Тоуэръ, преданы суду. Однажды въ августѣ Марія каталась верхомъ въ сопровожденіи Полета по парку; подѣхали вооруженные всадники; она думала, что это ея освободители, обрадовалась; но это была полицейская команда, посланная отвезти ее въ сосѣдній замокъ. Полицейскіе отвезли ее туда. Ея комнаты въ Чэртли были обысканы, всѣ ея бумаги забраны; ея секретари Ноу и Корль увезены въ темницу. Когда было обнаружено объ открытіи заговора, Англію охватила тревога, молва говорила, что уже вышло на берегъ непріятельское войско; правительство укрѣпляло гавани, собирало войска, арестовали нѣсколько сотъ католиковъ. Тайный совѣтъ каждый день собирался въ Уиндсорѣ. Елизавета раздумывала, какъ поступить съ Маріей; послѣ долгаго колебанія велѣла (въ сентябрѣ) отвезти ее подъ строгую стражу въ замокъ Фотеринге (въ графствѣ Нортемптонскомъ). Судебная коммиссія дѣятельно вела процессъ надъ заговорщиками. Онъ былъ непродолжителенъ: улики были такъ ясны, что обвиненные сознались въ своемъ намѣреніи убить отлученную отъ церкви государыню, считая это заслугой передъ Богомъ. Они были повѣшены, тѣла ихъ были четвертованы.

Тайный совѣтъ сталъ совѣщаться о томъ, какъ рѣшить судьбу Маріи Стюартъ; Ноу и Корль сознались, что письма, писанныя ими отъ имени Маріи, были составляемы по ея приказаніямъ и что она прочитывала всѣ ихъ передъ отправленіемъ къ Бэбингтону. Надобно было узнать, не станетъ ли король шотландскій протестовать противъ смертнаго приговора его матери. Шотландскій посланникъ Гре (Gray), выставившій себя усерднымъ приверженцемъ католичества и Гизовъ, поддался подкупу англійскихъ министровъ, содѣйствовалъ низверженію Эррэна, возвращенію правъ изгнаннымъ шотландскимъ вельможамъ; когда они вернулись на родину, король подчинился ихъ требованію слѣдовать волѣ англійскаго правительства. Эррэнъ, какъ мы говорили, былъ удаленъ отъ двора. Іаковъ тщеславный и капризный заключилъ союзъ съ Елизаветой и предоставилъ судьбу матери на ея произволъ.

Іаковъ, какъ мы говорили, никогда не любилъ матери; проявленія участія къ ней, какія иногда выказывались у него въ прежніе годы, давно исчезли: онъ сердился на мать за упреки въ неблагодарности, за напоминаніе, что шотландская корона принадлежитъ ей, что всѣ права его—лишь права ея сына; онъ зналъ, что она высказывала намѣреніе назначить наслѣдникомъ шотландскаго престола короля испанскаго, если сынъ не возвратится къ католичеству. Пользуясь раздраженіемъ Іакова противъ матери, англійское правительство сдѣлало его слугой своихъ желаній. Елизавета отправила посломъ въ Эдинбургъ ловкаго дѣльца Эдуарда Уоттона; онъ предложилъ отъ имени ея Іакову 5 тысячъ фунтовъ въ годъ, далъ ему

увѣреніе, что приговоръ надъ его матерью ни мало не повредитъ его правамъ на англійскій престолъ, подалъ ему надежду, что Елизавета формально признаетъ его своимъ наслѣдникомъ, если онъ заслужитъ эту милость преданностью ей. Онъ согласился на все. Такимъ образомъ англійское правительство могло быть увѣрено, что онъ не будетъ дѣлать серьезныхъ возраженій противъ казни матери.

8. Казнь Маріи Стюартъ.

Письма и другія бумаги, найденныя у Маріи Стюартъ, давали достаточное основаніе предать ее суду по парламентскому статуту 1584 года; надобно было только разсмотрѣть вопросъ, можетъ ли примѣняться этотъ англійскій статутъ къ ней, иностранной королевѣ, независимой отъ Англіи. Члены тайнаго совѣта и юристы, которымъ Елизавета поручила рѣшить это, нашли, что законъ 1584 года примѣняется къ Маріи Стюартъ, потому что, будучи лишена короны своимъ народомъ и принуждена бѣжать, она не можетъ считаться государыней и подлежить законамъ страны, въ которой живетъ. На основаніи этого рѣшенія Елизавета назначила комиссію для суда надъ Маріей Стюартъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ канцлеръ лордъ Борли, членами—вельможи и судьи по выбору Елизаветы. Осенью (1586 г.) комиссія начала свои засѣданія въ замкѣ Фотеринге.

Марія сначала отказывалась признать себя подсудной этому трибуналу, давать отвѣты ему; но ей сказали, что въ такомъ случаѣ будутъ принуждены судить ее заочно; она согласилась давать отвѣты, но съ оговоркой, что этимъ она не отступаетъ отъ своей королевской прерогативы, по которой она неподсудна англійскому трибуналу. Въ числѣ судей были католики, были люди въ прежніе годы выказывавшіе преданность ей; надѣясь на нихъ, она ожидала благопріятнаго рѣшенія дѣла. Ей помнилось также, что ея граціозность, привѣтливость, умъ, краснорѣчіе очаровывали всѣхъ; она надѣялась, что и теперь можетъ подѣйствовать на рыцарскія чувства вельможъ, судившихъ ее; и вѣроятно между ними дѣйствительно были люди, желавшіе оправдать ее. Но ни одинъ не отважился противиться волѣ королевы и настроенію общественнаго мнѣнія. Всѣхъ менѣе хотѣли вступаться за нее тѣ, которые прежде были въ сношеніяхъ съ ней, и боялись, что при малѣйшемъ проявленіи сочувствія къ ней сами будутъ преданы суду. Въ извиненіе себѣ судьи могли говорить, что улики противъ нея были ясны. Марія сама признала на судѣ вѣрность большей части того, что ставили въ вину ей; она твердо отрицала только то обвиненіе, что она одобряла умыселъ убить Елизавету; она утверждала, что никогда не давала согласія ни на какой

замысль этого рода. Судъ рѣшилъ, что произвести въ Англіи переворотъ, который по собственному признанію Маріи Стюартъ желала произвести она, было невозможно «безъ вреда власти и жизни королевы англійской». Марія требовала очной ставки съ своими секретарями Ноу и Корлемъ. Въ этомъ судъ отказалъ ей. Послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія онъ 25 октября постановилъ приговоръ, что Марія Стюартъ виновна въ преступленіи, за которое по парламентскому статуту 1584 г. назначено наказаніе смертию.

Приговоръ былъ отданъ на рѣшеніе парламента, собравшагося 8 ноября. Онъ, разсмотрѣвъ акты процесса, постановилъ: «Такъ такъ королева шотландская считаетъ англійскую корону законно принадлежащею ей, то она никогда не прекратитъ попытокъ пріобрѣсти незаконно, по ея мнѣнію, отнятое у нея; она злонамѣренная женщина, постоянно думающая о томъ, чтобы погубить ея величество, зараженная ядомъ папизма и пылающая желаніемъ истребить Евангеліе (евангельскую религію); пока она остается жива, никогда не будетъ въ безопасности королева, а если королева будетъ убита, то король испанскій сдѣлаетъ нашествіе на государство, нація станетъ рабынею иноземцевъ, право располагать короной—добычею итальянскаго монаха; съ самаго своего прибытія въ Англію Марія Стюартъ старалась завлечь народъ въ невѣрность государынѣ и религіи страны; состраданіе къ ней было бы жестокостью ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ; потому парламентъ проситъ королеву дать для сохраненія религіи, для спокойствія государства и для безопасности ея особы должный ходъ правосудію, чтобы за справедливымъ приговоромъ послѣдовало справедливое наказаніе».

Елизавета находилась въ тревожномъ состояніи. Говорятъ, что она желала смерти своей соперницы; если и такъ, то ей должно было представляться много соображеній противъ казни Маріи. Съ ея высокимъ понятіемъ о королевской власти было трудно соединить казнь коронованнаго лица. Она долго не могла придти ни къ какому рѣшенію. Нѣсколько разъ она выражала мысль, что если Марія раскается, попроситъ прощенія, обѣщается держать себя мирно, то можно оставить ей жизнь; просила парламентъ «найти другое средство»; этимъ средствомъ могло быть то, чтобъ объявить осужденную лишенной правъ на корону, объявить мятежемъ, если она впослѣдствіи снова заявитъ эти права, держать ее въ темницѣ, постановить наказаніе смертию за всякую попытку освободить ее. Но парламентъ нашелъ, что все это недостаточно для обезпеченія спокойствія государства, что ни Марія, ни иностранные государи, покровительствующие ей, не будутъ удержаны этимъ отъ умысловъ противъ Елизаветы, что только смертию Маріи Стюартъ будутъ предотвращены заговоры и мятежи, что щадить противницу королевы значило бы подвергать опасности вѣрныхъ подданныхъ, что справедливое наказаніе угодно Богу.

Недѣли шли за недѣлями. Елизавета все еще не рѣшалась, послѣдовать ли совѣту Борли и Уольспингэма, желанію огромнаго большинства націи или уважить ходатайства королей шотландскаго, французскаго и другихъ государей за Марію. Впрочемъ эти ходатайства не могли производить большого впечатлѣнія на Елизавету. Она знала, что Генрихъ III, приславшій къ ней Бельевра съ просьбой пощадить Марію, сдѣлалъ это не по собственному желанію, а только въ угожденіе Гизамъ, которыхъ боялся; а король шотландскій отдалъ свою мать на произволъ Елизаветы. Посолъ его Гре далъ понять англійскимъ министрамъ, что согласіе Іакова легко можно купить увеличеніемъ жалованья ему и признаніемъ его права наслѣдовать англійскій престолъ. Гонтли, Мэксуэль и нѣкоторые другіе шотландскіе католики хотѣли спасти жизнь Маріи силою оружія при помощи короля испанскаго, котораго просили послать войско въ Англію; но протестантскіе вельможи, союзники Елизаветы, подавили ихъ попытку возстанія, а пресвитеріанскіе проповѣдники снова раздражали массу народа противъ папистки, убійцы и прелюбодѣйки. Іаковъ для соблюденія приличія просилъ Елизавету пощадить его мать, но она знала, что онъ опасается матери, потому не будетъ огорченъ ея казнью.

Елизавета 6 декабря обнародовала приговоръ судебной комиссіи и рѣшеніе парламента; народъ принялъ это объявленіе съ большимъ сочувствіемъ. Елизавета снова предложила Маріи принять тѣ условія, на которыхъ можетъ пощадить ея жизнь, но она твердо отвергла ихъ; выразить раскаяніе, признать себя виновной она считала униженіемъ своего сана и предпочитала униженію смерть.

Елизавета долго отлагала казнь Маріи; вѣроятно, отлагала бы и дольше, если бы голосъ народа и вновь возникшая опасность не ускорили ея рѣшенія: въ народѣ разнесся слухъ, что открытъ новый заговоръ убить Елизавету, что въ немъ участвовалъ французскій посолъ графъ Обепень де Шатонёфъ, приверженецъ Гизовъ; одинъ изъ его слугъ, какъ говорила молва, выкупилъ паписта сидѣвшаго въ долговой темницѣ и уговорился съ нимъ взорвать порохомъ спальню королевы. Этотъ слухъ былъ фальшивъ; но онъ произвелъ свое дѣйствіе, возбудилъ тревогу въ легковѣрной массѣ. Около того же времени пришло извѣстіе, что начальники англійскихъ войскъ, стоявшихъ въ Девентерѣ и Цютфенѣ, сдали эти города испанцамъ; народъ повсюду видѣлъ злоумышленія католиковъ и требовалъ смерти Маріи Стюартъ. Елизавета стала высказываться рѣшительнѣе. «Я питаю ядовитую змѣю, жалящую меня», воскликнула она однажды: «Чтобы спасти ее, они готовы отнять у меня жизнь; должна ли я отдавать себя въ жертву каждому злодѣю?» Посѣтивъ Гринвичъ, она 1 февраля (1587 г.) имѣла тамъ разговоры съ лордомъ адмираломъ Гоуардомъ; онъ сказалъ ей, что народъ ожидаетъ рѣшенія. Она позвала статсъ-секретаря Дэвисона, твердою рукою подписала уже довольно давно заготовленный смертный приговоръ и отдала его Дэвисону, чтобы онъ велѣлъ отъ ея имени приложить къ этому акту государственную печать и снова спросилъ о ея волѣ прежде, чѣмъ исполнить приговоръ; такъ это обыкновенно дѣлалось.

Подписавъ приговоръ, Елизавета снова стала раздумывать о томъ, какъ ей поступить; она считала надобной для себя смерть своей соперницы, но ей не хотѣлось принять на себя отвѣтственность за казнь. День и ночь она раздумывала, какимъ упрекамъ подвергнетъ себя казнью Маріи. Ей хотѣлось бы, чтобы чья нибудь услужливость избавила ее отъ отвѣтственности, исполнивъ казнь безъ предварительнаго ея согласія. Сэръ Эмейэсъ Полетъ получилъ намекъ, что хорошо сдѣлаетъ, тайно казнивъ Марію; но прямодушный пуританинъ съ негодованіемъ отвергъ это желаніе королевы. Борли рѣшилъ, какъ слѣдуетъ сдѣлать; переговоривъ съ Лестеромъ, Уольсингэмомъ, Гоуардомъ, Дэвисономъ и нѣкоторыми другими членами тайнаго совѣта, онъ велѣлъ исполнить приговоръ, не спрашивая окончательнаго согласія у королевы: онъ находилъ, что это будетъ согласно съ ея желаніемъ. Дѣйствительно она, отдавая Дэвисону подписанный приговоръ, сказала: «желаю, чтобы не было больше упоминаемо объ этомъ прискорбномъ дѣлѣ». Лорды Шрусбери и Кентъ были посланы въ Фотеринге исполнить приговоръ. Марія вздрогнула, услышавъ, что пріѣхали казнить ее, но быстро оправилась отъ волненія, и твердость души возвратилась къ ней. Она была казнена 8 февраля стараго стиля, еще сохранявшагося въ Англіи, т. е. 18 числа новаго стиля 1587 года. Эшафотъ былъ поставленъ въ томъ самомъ залѣ, гдѣ засѣдала коммиссія, судившая ее. Марія вышла изъ своей комнаты въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ распятіемъ въ рукѣ, твердой поступью, сохраняя величіе осанки, она взошла на эшафотъ и спокойно приняла смертный ударъ, на 19 году своего темничнаго заключенія, на 45 году жизни.

Извѣстіе о смерти Маріи Стюартъ было принято въ Лондонѣ съ колокольнымъ звономъ; народъ зажигалъ по улицамъ праздничные огни. Онъ чувствовалъ себя избавившимся отъ опасенія мятежей и испанскаго нашествія. Елизавета плакала и гнѣвно жаловалась, что тайный совѣтъ велѣлъ исполнить приговоръ съ нарушеніемъ ея повелѣнія; она выказывала нѣсколько времени немилость лорду Борли; Дэвисона она велѣла отвести въ Тоуэръ и предала суду, который, угождая ея желанію, рѣшилъ конфисковать его имущество и держать его въ темницѣ за то, что онъ отдалъ приговоръ для исполненія. Срокъ содержанія его въ темницѣ былъ предоставленъ на усмотрѣніе королевы. Елизавета воображала, что наказаніемъ Дэвисона убѣдитъ Европу въ своемъ нежеланіи казнить Марію Стюартъ, что всѣ согласятся считать эту казнь дѣломъ излишней услужливости ея министровъ.

Елизавета имѣла правиломъ слагать съ себя во всѣхъ дурныхъ дѣлахъ отвѣтственность на другихъ; министры исполняли ее желанія; она показывала видъ, будто они поступали самовластно. По дѣлу о казни Маріи Стюартъ министры приняли въ соображеніе это правило своей королевы:

они знали, что ей не хочется дать прямое приказаніе, и были увѣрены, что заслужать ея благодарность, избавивъ ее отъ надобности дать его. Эта манера Елизаветы слагать на другихъ порицаніе за дѣлаемое по ея волѣ одна изъ очень дурныхъ сторонъ ея характера. Коварство, съ какимъ она дѣйствовала противъ Маріи, представляетъ очень невыгодный для нея контрастъ мужеству Маріи.

Главной заботой Елизаветы было убѣдить короля шотландскаго, что мать его казнена противъ ея воли. Конечно, онъ зналъ, что такое дѣлаетъ, заключая за полгода передъ тѣмъ (въ іюлѣ 1586 г.) оборонительный и наступательный союзъ съ Елизаветой и поступая на жалованье къ ней; онъ нашелъ надобнымъ выразить негодованіе на казнь матери, но оно не было серьезнымъ. „Король не могъ скрыть своего внутренняго удовольствія, хотя по внѣшности былъ печаленъ“, говоритъ одинъ изъ писателей того времени. Англійскій посланникъ безъ труда уладилъ дѣло съ нимъ: онъ взялъ предложенную ему плату за смерть матери, 2.000 фунтовъ, и замолчалъ. Но для приличія подвергъ изгнанію своего посланника Гре за то, что онъ не старался отклонить Елизавету отъ казни матери своего государя.

VI. НЕПОВѢДИМАЯ АРМАДА.

Передъ смертью Марія Стюартъ послала черезъ вѣрнаго слугу Филиппу II дорогой брильянтъ и просьбу не отлагать задуманную имъ экспедицію противъ Англіи. Просьба была лишняя: онъ и безъ того хотѣлъ произвести сильное нападеніе на еретичку Елизавету, противницу его. Уже нѣсколько лѣтъ испанцы и англичане дрались на морѣ, хотя нормальнаго объявленія войны и не было. Испанскіе крейсера захватывали англійскіе торговые корабли, англійскіе моряки нападали на берега испанскихъ владѣній въ Америкѣ, захватывали испанскіе корабли съ богатыми грузами. Елизавета и Филиппъ показывали видъ, будто это дѣлается безъ ихъ воли; притворство было удобно, потому что эти крейсера дѣйствовали безъ формальнаго разрѣшенія своихъ правительствъ. Когда Елизавета вступила въ союзъ съ нидерландцами, военныя дѣйствія на морѣ получили большой размѣръ. Сэръ Фрэнсисъ Дрекъ (Drake), сэръ Уольтеръ Рели (Raleigh), Джонъ Гокинсъ, пиратъ и торговецъ неграми, отважные моряки, поплыли къ американскимъ берегамъ, дѣлали высадки на Санъ-Доминго, на Панамскій перешеекъ, разграбили Картахену; Дрекъ желалъ пріобрѣсти славу человека, показавшаго своимъ соотечественникамъ путь въ Тихій океанъ; Уольтеръ Рели, человекъ очень даровитый и образованный, написавшій замѣчательный трактатъ о всеобщей исторіи, вошелъ въ Чизапикскій заливъ, основалъ на берегу поселеніе, которое назвалъ въ честь королевы-дѣвственницы Виргиніей; это была первая англійская колонія въ Америкѣ. Дрекъ и Гокинсъ привезли изъ Америки въ Европу картофель. Эти отважные

люди, дѣйствовавшіе обыкновенно безъ формальнаго согласія правительства, грабили испанскіе города въ Америкѣ, подстерегали плывущіе оттуда въ Испанію корабли, преслѣдовали ихъ до самыхъ гаваней Испаніи. Дрекъ захватилъ въ кадиксской гавани много торговыхъ кораблей, нанесъ большой уронъ стоявшимъ въ ней военнымъ кораблямъ. Онъ и товарищи хотѣли поколебать испанское владычество надъ Америкой, основать тамъ англійскія колоніи. Борьба съ Филиппомъ развила въ англичанахъ патріотизмъ: они предчувствовали, что могутъ приобрести владычество на морѣ. Филиппъ II не могъ понимать, какое могущество даетъ народу патріотизмъ.

Но если забывать эту нравственную силу, непонятную Филиппу, то онъ дѣйствительно былъ правъ, находя, что теперь настали обстоятельства благопріятныя для нападенія на Англію. Португалія была покорена; Франція ослаблена междоусобіемъ, лигисты повиновались инструкціямъ Филиппа; въ большей части Нидерландовъ была восстановлена испанская власть. Герцогъ пармскій надѣялся скоро покорить сѣверныя области. Всѣ паписты желали успѣха нападенію Филиппа на Англію въ отмщеніе Елизаветѣ за убійство Маріи Стюартъ. Сикстъ V, энергичный и набравшій очень много денегъ, потому полезный союзникъ, вновь провозгласилъ Елизавету лишенной престола, освободилъ подданныхъ ея отъ вѣрности ей, убѣждалъ всѣхъ католиковъ помогать королю испанскому и герцогу пармскому, заключилъ съ Филиппомъ договоръ, по которому обязался давать ему субсидіи для войны съ Елизаветой, а Филиппъ обѣщался по завоеваніи Англіи признать ее папскимъ леномъ; онъ заявилъ теперь право на англійскій престолъ, основывая его на томъ, что Марія Стюартъ назначила его своимъ наслѣдникомъ. Сикстъ V накопилъ въ своемъ казначействѣ, въ Замкѣ Святого Ангела, столько денегъ, сколько не было тогда ни у кого изъ государей; благодаря его денежному пособію, Филиппъ могъ вести въ лиссабонской и кадиксской гаваняхъ снаряженіе экспедиціи въ громадномъ размѣрѣ. Паписты не сомнѣвались въ томъ, что онъ завоюетъ Англію. Элленъ писалъ ему: «Мечомъ Бога и Гедеона, которымъ ты сокрушилъ турокъ и восторжествовалъ надъ твоими мятежниками, ты накажешь и англійскихъ еретиковъ, нечестивую, ненавистную Богу и людямъ женщину, возвратишь нашу благородную націю къ прежней ея славѣ и свободѣ». Элленъ считалъ уже близкимъ тотъ день, когда онъ, сдѣланный кардиналомъ и назначенный архіепископомъ кэнтерберійскимъ, коронуетъ новаго короля Англіи. Прокламація, написанная имъ и Пэрсонсомъ, призывала англійскихъ католиковъ возстать противъ низложенной папой королевы, которую осыпала ругательствами. Уронъ, нанесенный Дрекомъ испанскому флоту въ кадиксской гавани, былъ съ излишкомъ покрытъ построеніемъ новыхъ кораблей. Флотъ, снаряженный теперь для экспедиціи въ Англію, имѣлъ больше 130 ко-

раблей такой величины, которая считалась въ тѣ времена громадной. Онъ былъ въ изобиліи снабженъ артиллеріей, аммуниціей, всѣмъ другимъ надобнымъ, матросы были хороши. Какъ во времена войнъ съ маврами, молодые вельможи съ энтузіазмомъ отправлялись совершать подвиги на войнѣ за вѣру. Огромный флотъ, получившій названіе «Непобѣдимой Армады» (морской экспедиціи), былъ такъ силенъ числомъ и величиною кораблей, что подобнаго еще не бывало на европейскихъ моряхъ. Въ подвластной Филиппу части Нидерландовъ производились громадныя приготовленія къ содѣйствію экспедиціи: по валлонскимъ провинціямъ, по Фландріи шли къ морю отряды за отрядами, чтобы сѣсть на корабли, когда придетъ Непобѣдимая Армада. Въ Антверпенѣ, Ньюпортѣ, Дюнкирхенѣ ганзейскіе и генуэзскіе мастера строили транспортныя суда для войскъ, на вербованныхъ изъ всѣхъ католическихъ земель. Многіе принцы итальянскихъ династій пошли волонтерами на эту войну. Паписты, какъ мы говорили, не сомнѣвались, что Англія будетъ быстро покорена: гавани ея были плохо укрѣплены, войско и флотъ гораздо малочисленнѣе испанскихъ, потому что Елизавета скупилась заблаговременно увеличить ихъ; казалось, что страна, такъ мало приготовленная къ оборонѣ и ослабляемая религіознымъ раздоромъ, не можетъ устоять противъ могущественной экспедиціи, при появленіи которой у британскихъ береговъ подымется всеобщее возстаніе католиковъ въ Ирландіи, Шотландіи, Англіи. Филиппу и его приверженцамъ хотѣлось, чтобы Непобѣдимая Армада отплыла осенью того же года, весною которато была казнена Марія Стюартъ; но Санта-Крусъ, назначенный адмираломъ экспедиціи, опытный морякъ, доказалъ королю, что плаваніе въ позднее время года было бы очень опасно: флотъ могъ бы сильно пострадать отъ бурь; Филиппъ съ досадой согласился отложить экспедицію до весны; досадно это было и всѣмъ папистамъ; они и онъ были рады, что осторожный старикъ Санта-Крусъ умеръ зимой. Премникомъ его Филиппъ назначилъ герцога Медина-Сидонію, храбро сражавшагося при нападеніи англичанъ на Кадиксъ и выказавшаго уступчивость нетерпѣливымъ требованіямъ фанатиковъ. Отсрочка экспедиціи принесла большую выгоду Англіи: зимою на ея верфяхъ дѣятельно строились корабли; города и торговыя корпораціи дали много ихъ правительству; лордъ-адмиралъ Гоуардъ Эффингэмъ и знаменитые моряки Гокинсъ и Дрекъ присоединили къ королевскому флоту свои корабли. Королева пріѣхала въ лагерь у Тильбери ободрить матросовъ и солдатъ. Католическіе вельможи въ патріотическомъ одушевленіи одинаково съ протестантскими посылали своихъ сыновей въ войско. Лордъ Монтегью, усердный католикъ, говорилъ, что будетъ не щадя жизни защищать королеву отъ испанскаго ли короля, отъ папы ли, все равно; патріотическій энтузіазмъ овладѣлъ всѣми. Сынъ Норфолька лордъ Эрондель (Arundel)

del) находился подъ стражей въ Тоуэрѣ по обвиненію въ измѣнѣ, и все-таки братъ его и другіе родственники отдали себя въ распоряженіе адмирала; даже Лестеръ, котораго королева назначила главно-мандующимъ всѣхъ войскъ, проникся общимъ одушевленіемъ и выказывалъ мужество, какого не замѣчали въ немъ никогда. Землевладельцы вели своихъ фермеровъ на войну, какъ въ старыя феодальныя времена.

Во второй половинѣ мая (1588 года) Непобѣдимая Армада отплыла изъ лиссабонской гавани. Весна и лѣто въ томъ году были дурныя: бури задерживали плаваніе такъ, что только въ іюлѣ флотъ поплылъ изъ Бискайскаго залива въ Ла-Маншъ. Большіе корабли, называвшіеся тогда «галеонами», были необыкновенной величины; на флотѣ соблюдалась строжайшая дисциплина. На немъ плыло обращать еретиковъ множество іезуитовъ и другихъ монаховъ; англійскіе, ирландскіе, шотландскіе эмигранты участвовали въ экспедиціи, предназначенной дать ихъ партіи владычество въ Англіи.

Въ Мадридѣ сорокъ дней совершались молебствія о дарованіи успѣха священной войнѣ. Въ маргетской гавани испанскій флотъ долженъ былъ соединиться съ транспортными судами, на которыхъ поплывутъ туда изъ Нидерландовъ войска, собранныя герцогомъ пармскимъ. Соединившись съ ними, Медина-Сидонія хотѣлъ войти въ устье Темзы; герцогъ пармскій, высадивъ на берегъ свои войска, повелъ бы ихъ прямо на Лондонъ. На высотѣ Плимута 31 іюля Непобѣдимая Армада была окружена небольшими, быстрыми на ходу кораблями Гоуарда; Медина-Сидонія имѣлъ вдвое больше кораблей, чѣмъ онъ, но уклонился отъ сраженія, слѣдуя принятому для экспедиціи плану не вступать въ битву до соединенія съ нидерландскимъ транспортнымъ флотомъ; англичане съ удивительною ловкостью и быстротой кружились около громадныхъ испанскихъ кораблей, давая залпы въ нихъ, успѣли даже взять одинъ изъ этихъ большихъ кораблей, увели его; но не могли остановить испанскаго флота; онъ проплылъ Булонь и вошелъ 6 августа въ Па-де-Кале.

Медина-Сидонія сталъ на якорь нѣсколько восточнѣе Калé у Дюнкирхена. Сдѣлать нападеніе на англійскій берегъ онъ не могъ безъ содѣйствія герцога пармскаго: ему нужны были пушки большого калибра для того, чтобы отогнать англійскіе корабли, защищавшіе свой берегъ; такими пушками были вооружены корабли, снаряженные герцогомъ пармскимъ. Медина-Сидонія два раза посылалъ просить у него этихъ кораблей, но правитель Нидерландовъ думалъ больше о своихъ надобностяхъ и планахъ, чѣмъ о содѣйствіи флоту пришедшему изъ Испаніи: онъ не хотѣлъ подвергать своихъ транспортных судовъ нападенію быстрыхъ на ходу, хорошо маневрирующихъ англійскихъ кораблей. А весь планъ экспедиціи былъ основанъ на томъ, что герцогъ пармскій будетъ помогать ей; нежеланіе его прислать

свой флотъ отнимало у нея всякую возможность успѣха. И такъ Непобѣдимая Армада стояла близъ Кале, ожидая флота и войска герцога пармского. Англичане употребили противъ нея способъ нападенія, предложенный Гоуарду, какъ говорятъ, самой королевой. Они обратили въ брандеры самые ветхіе изъ своихъ судовъ, потерять которые было не жаль, и въ темную ночь съ 7 на 8 августа восемь брандеровъ поплыли изъ Дувра къ непріятельскому флоту. Начальники его испугались, снялись съ якоря, что бы уйдти отъ пламени, хотѣли возвратиться на прежнее мѣсто утромъ, когда минуетъ опасность; но въ это время была сильная буря, она погнала испанскіе корабли къ землѣ и на разсвѣтѣ они оказались разсѣянными вдоль гравелингенскаго побережья. Утромъ поднялся сильный югозападный вѣтеръ, — онъ не далъ имъ возвратиться на прежнюю позицію. При томъ многіе изъ нихъ сѣли на мель, не двигались съ мѣста, другіе вѣтеръ погналъ въ Нѣмецкое море. Англичане воспользовались этимъ разстройствомъ; привычныя къ маневрамъ, они направляли свои корабли, легко слушавшіе руля, въ промежутки разбросанныхъ частей испанскаго флота, мѣшали имъ соединиться; тяжелые испанскіе корабли почти вовсе не могли пользоваться своей артиллеріей; англичане и помогавшіе имъ голландцы нападали то на одинъ корабль, то на другой, гнали ихъ на песчаныя отмели Зеландіи, топили ихъ, захватывали въ плѣнъ. Многіе изъ начальниковъ испанскаго флота были убиты или попались въ плѣнъ; число погибшихъ испанскихъ матросовъ простиралось до 4.000.

Такимъ образомъ въ одинъ день была совершенно разстроена и отчасти уничтожена Непобѣдимая Армада, изумлявшая Европу своей громадностью. Когда вѣтеръ измѣнилъ направленіе и уцѣлѣвшіе корабли ея могли отойти отъ мелководья, нельзя уже было и думать повернуть назадъ въ Па-де-Кале. Съ согласія военнаго совѣта Медина-Сидонія рѣшилъ возвратиться въ Испанію Нѣмецкимъ моремъ, кругомъ Шотландіи и западнаго берега Ирландіи; на этомъ далекомъ пути по незнакомымъ морямъ испанскій флотъ очень сильно страдалъ отъ жестокихъ бурь и разныхъ несчастныхъ случайностей; большая часть кораблей, уцѣлѣвшихъ отъ брандеровъ, абордажей и нидерландскихъ мелей, разбилась у Гебридскихъ и Шетлэндскихъ острововъ или о скалистые берега Ирландіи. Унавішій духомъ Медина-Сидонія привелъ въ Испанію лишь жалкіе остатки Непобѣдимой Армады, не сдѣлавшей ровно ничего удачнаго; лучшіе моряки Испаніи Вальдесъ, Рекальде, Монсада, Окендо, Лейва погибли.

Громадный уронъ, который потерѣла Непобѣдимая Армада, былъ роковымъ ударомъ могуществу Испаніи. Это понималъ и самъ Филиппъ, успокоившій трепещущаго Медина-Сидонію словами, что послалъ его сражаться съ людьми, а не съ бурями и скалами. Король думалъ снарядить вторую экспедицію противъ Англіи; она должна была состоять изъ кораблей

менѣе громадныхъ. Кастильскіе фанатики требовали отмищенія еретикамъ и отлученной отъ церкви королевѣ ихъ. Но Филиппъ увлекся желаніемъ подчинить себѣ терзаемую междоусобіемъ Францію. Елизавета мѣшала ему и въ этомъ, какъ въ покореніи Нидерландовъ; благодаря деньгамъ, кораблямъ и войскамъ, присылаемымъ ею, Генрихъ IV одолѣлъ лигу и покровителя ея, Филиппа. Елизавета продолжала помогать и голландцамъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы расскажемъ, какъ облегчено было дѣло основанія Батавской республики неудачей Непобѣдимой Армады. Справедлива была надпись на медали, выбитой голландцами въ память о погибели ея: „Духъ Божій разсѣялъ ихъ“.

Но еще больше голландцевъ выиграли отъ погибели Непобѣдимой Армады англичане: они стали теперь соперниками испанцевъ во владычествѣ на моряхъ, и скоро оно перешло къ нимъ и голландцамъ. Они предчувствовали, что начинается для нихъ эпоха могущества, когда встрѣчали свой флотъ, возвращающійся изъ Нѣмецкаго моря въ Темзу. Елизавета была скупа на награды своимъ адмираламъ и матросамъ, и народъ порицалъ ее за это; но все-таки, когда она, торжествуя побѣду, ѣхала на бѣломъ иноходцѣ съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ по улицамъ Лондона, толпившаяся на нихъ масса встрѣчала ее криками восторга; нація была одушевлена патріотическимъ энтузіазмомъ. Адмиралъ Гоуардъ, Фрэнсисъ Дрекъ, Джонъ Гокинсъ и другіе отважные моряки положили начало владычеству Англіи на морѣ, которое должно было сдѣлаться главнымъ элементомъ ея могущества и славы: морская торговля ея стала развиваться. Дрекъ, совершившій знаменитое плаванье кругомъ свѣта, поплылъ отмстить испанцамъ за ихъ нападеніе нападеніемъ на ихъ собственные гавани; при унынїи, овладѣвшемъ ими, онъ дѣйствовалъ очень успешно: уничтожилъ запасы, собранные въ Корунѣ для снаряженія новой экспедиціи, ворвался въ кадикскую гавань, овладѣлъ самымъ Кадиксомъ и нѣсколько времени этотъ городъ оставался въ рукахъ англичанъ; мы уже говорили, что Дрекъ привезъ въ Португалію претендента Антоніо, занялъ одно изъ предмѣстій Лиссабона; нѣсколько разъ плавалъ онъ въ Америку, захватывалъ испанскіе корабли съ богатыми грузами, бралъ контрибуціи съ испанскихъ городовъ. Сэръ Уольтеръ Рели, задумавшій сдѣлать страной англійской колонизаціи сѣверную Америку, основалъ первое населеніе тамъ; онъ ясно понималъ, что основаніемъ могущества Англіи должны служить колонизація, морская торговля и развитіе промышленности, которому сильно содѣйствовало переселеніе множества фландрскихъ искусныхъ работниковъ въ Англію. Побѣда англійскаго протестантства была вмѣстѣ и побѣдой Англіи надъ Испаніей въ морской торговлѣ.

Когда Елизавета по избавленіи Англіи отъ Непобѣдимой Армады имѣла торжественный въѣздъ въ Лондонъ, Лестеръ дѣлилъ съ ней честь торжества: онъ ѣхалъ рядомъ съ нею; это было послѣднее его наслажденіе блескомъ: вскорѣ послѣ того онъ умеръ (въ сентябрѣ 1588 г.). Молва говорила, что онъ хотѣлъ избавиться отъ своей второй жены тѣмъ же способомъ, какимъ прежде устранилъ препятствіе къ своей женитьбѣ на ней: тогда онъ отравилъ перваго мужа ея, графа Эссекса, теперь хотѣлъ отравить ее, но она предупредила его.—До самой смерти онъ пользовался неизмѣнною и безграничною благосклонностью королевы. Съ небольшимъ черезъ полтора года послѣ него, въ апрѣлѣ 1590 г., умеръ Уольсингемъ, которому послѣ Борли наиболѣе была обязана Англія правительственными мѣрами, содѣйствовавшими развитію могущества ея. Скупая Елизавета слишкомъ мало вознаграждала его за службу ей: онъ умеръ бѣднякомъ въ своемъ маленькомъ имѣніи.

У. АНГЛІЯ, ІРЛАНДІЯ И ШОТЛАНДІЯ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
ЕЛИЗАВЕТЫ.

1. Религіозна́я борьба въ Англіи.

Историкъ царствованія Елизаветы, Фроудъ говоритъ, что погибелю Непобѣдимой Армады рѣшена была въ пользу англійской короны и національной независимости борьба съ папизмомъ за полную церковную и государственную независимость Англіи. Дѣйствительно, послѣ того было уже безвозвратно рѣшеннымъ дѣломъ отпаденіе Англіи отъ Рима, владычество англиканской, епископальной церкви въ ней. Война съ Испаніей и папизмомъ перестала быть оборонительной, сдѣлалась наступательной. Эту войну съ Испаніей на морѣ англичане вели мелкими партизанскими эскадрами, какъ прежде; но уже не по надобности мѣшать нападеніямъ испанцевъ, а только для пріобрѣтенія добычи и могущества. Они помогали французскимъ и нидерландскимъ противникамъ испанской политики, и съ тѣмъ вмѣстѣ правительство подавляло въ своемъ государствѣ всѣ враждебные ему элементы. Въ 1596 году сынъ второй жены Лестера отъ перваго брака ея, графъ Эссексъ, храбрый молодой человѣкъ, напалъ на испанскій флотъ въ кадикесской гавани по примѣру Дрека, сжегъ или потопилъ множество кораблей. Англійскіе корсары наносили много вреда испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ, часто захватывали галеоны, шедшіе съ грузами серебра изъ Америки въ Испанію. Когда Генрихъ IV-й, союзникъ Елизаветы, заключилъ миръ съ Филиппомъ, графъ Эссексъ, глава военной партіи, одолѣлъ осторожнаго Борли, совѣтовавшаго Елизаветѣ тоже заключить миръ, убѣдилъ королеву продолжать войну. Вскорѣ послѣ того, 4 августа 1598, умеръ великій государственный человѣкъ, 40 лѣтъ бывший главнымъ помощникомъ Елизаветы въ управленіи государствомъ; его вліянію на дѣла Англія больше всего была обязана развитіемъ своего могущества; онъ пользовался уваженіемъ всѣхъ патріотовъ за честность, умъ и неутомимую дѣятельность. Королева въ благодарность за его преданность и великія услуги назначила своимъ тайнымъ секретаремъ младшаго его сына, Роберта Сесилия, человѣка даровитаго, хотя и далеко уступавшаго отцу проникательностью ума и осмотрительностью. Въ послѣдніе годы жизни королева поручала важнѣйшія дѣла Роберту Сесилию. Черезъ полтора мѣсяца послѣ лорда Борли, 13 сентября 1598 г. умеръ Филиппъ II; но и при его преемникѣ англійскія войска продолжали сражаться вмѣстѣ съ голландскими противъ испанскихъ во Фландріи и Брабантѣ. По смерти Елизаветы англійская политика стала менѣе враждебна Испаніи; но ненависть англичанъ къ Испаніи и папизму долго сохраняла прежнюю силу.

Если бы Непобѣдимая Армада покорила Англію, тамъ возобновилась бы свѣрѣная реакція, какая была при Маріи Тюдоръ; всѣ паписты сочувствовали этому нападенію Филиппа на Англію; естественно было, что англійскіе патріоты прониклись ненавистью къ католикамъ; притомъ и самъ папа былъ ожесточеннымъ врагомъ Елизаветы; потому масса англичанъ считала признаваніе папской власти несовмѣстнымъ съ вѣрностью королевѣ, полагала, что когда католикъ называетъ себя вѣрнымъ подданнымъ, то или обманываетъ, или находится въ самообольщеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было принятіе строгихъ мѣръ противъ католиковъ, установленіе законовъ, увеличивавшихъ суровость наказаній эмиссарамъ, пріѣзжавшимъ въ Англію изъ заграничныхъ семинарій, гдѣ воспитывались англійскіе эмигранты въ духѣ фанатизма. Такія семинаріи были кромѣ Франціи и Рима основаны въ Вальядолидѣ, Севильѣ, Лувенѣ, Гентѣ. За распространеніе возмутительныхъ памфлетовъ, за укрывательство іезуитовъ и другихъ иноземныхъ монаховъ были назначены денежные штрафы, темница, изгнаніе. Переписка съ заграничными католическими агитаторами была объявлена государственной измѣной. Католическій вельможа графъ Эрндель былъ за переписку съ кардиналомъ Элленомъ осужденъ на смерть палатою пэровъ и казненъ въ Тоуэрѣ. Во всѣхъ графствахъ были составляемы списки людей неходившихъ на англиканское богослуженіе, непричаставшихся у англиканскихъ священниковъ; эти рекузанты (отказывающіеся быть членами государственной церкви) были обложены податью въ наказаніе за то, что не исполняютъ англиканскихъ обрядовъ. За отказъ признать супрематство (верховную власть короны по церковнымъ дѣламъ) многіе были бросаемы въ темницы, нѣкоторые были даже казнены. Лингардъ говоритъ, что число католиковъ казненныхъ за вѣру при Елизаветѣ было больше ста человѣкъ. Должно впрочемъ помнить, что этотъ историкъ—горячій папистъ. Католики подвергались наказаніямъ при Елизаветѣ только за нарушеніе законовъ; собственно за вѣру она не преслѣдовала; правда, законы были очень стѣснительны для католиковъ и наказанія жестоки; но все-таки церковная политика Елизаветы была несравненно мягче того, какъ поступали съ протестантами католическія правительства.

Преслѣдованію Елизаветы подвергались не одни католики; не менѣе сурова была она къ пуританамъ, особенно въ послѣдніе годы своего правленія. По характеру и политическимъ понятіямъ своимъ она была враждебна кальвинистской церкви, имѣвшей демократическое устройство, признававшей общество вѣрующихъ имѣющимъ власть самостоятельно завѣдывать своими религіозными дѣлами; но довольно долго Елизавета выказывала снисходительность къ тѣмъ членамъ англиканской церкви, которые хотѣли очистить ее отъ остатковъ римскаго идолопоклонства, какъ называли они обряды ея, имѣвшіе сходство съ католическими; въ особенности снисходительна стала Елизавета къ этой партіи, когда по смерти строгаго формалиста Пэркера (въ 1575 г.) архіепископомъ кентерберійскимъ сдѣланъ былъ Гриндэль, человѣкъ умѣренныхъ мнѣній. Этотъ періодъ терпимости къ кальвинизму продолжался до смерти Гриндэля (умершаго въ 1583 году). Пуритане имѣли тѣмъ больше правъ на терпимость со стороны Елизаветы, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ нарим., Джонъ Фоксъ, выказали себя горячими защитниками ея, когда она подвергалась преслѣдованію сестры. Собственно говоря, въ пуританствѣ не было ничего непріязненнаго королевской власти надъ церковью; пуритане не возставали ни противъ подчиненія церкви коронѣ, ни противъ догматовъ ея; они спорили только противъ нѣкоторыхъ принадлежностей англиканскаго богослуженія, какъ наримѣръ противъ пышнаго облаченія священниковъ, колѣнопреклоненія на литургіи и противъ другихъ остатковъ католическихъ обрядовъ. Пуритане

танство было только стремленіемъ дать полное развитіе англійскому протестантству въ духѣ кальвинизма, уменьшить стѣснительность, съ какой требовалось отъ ея членовъ безусловное соблюденіе формъ, установленныхъ англиканскимъ служебникомъ. Даже въ тайномъ совѣтѣ королевы находились люди, защищавшіе пуританъ; къ числу ихъ принадлежали Лестеръ, Ноллисъ, Ничолэсъ Бэконъ (отецъ знаменитаго Бэкона), но Пэркеръ, приверженецъ іерархическихъ понятій и съ тѣмъ вмѣстѣ услужливый царедворецъ, требовалъ точнаго соблюденія формъ установленныхъ для богослуженія государственною властью; это принудило, цорицавшую пѣкоторые изъ нихъ партію отдѣлится отъ англиканской церкви. При Пэркерѣ были лишены должностей многіе священники, не хотѣвшіе соблюдать тѣ обряды англиканской церкви, которые назывались у нихъ остатками папистскаго идолопоклонства. Они собрали около себя тѣхъ мірянъ, которые сочувствовали ихъ понятіямъ; ихъ не допускали совершать богослуженіе въ церквахъ, они стали совершать его въ домахъ. Это началось около 1597 года. Разногласіе этихъ приверженцевъ чистаго кальвинизма съ англиканской епископальною церковью, имѣвшей аристократическій характеръ, получило рѣзкій тонъ; они назывались на офиціальномъ языкѣ диссентерами (несогласными съ государственною церковью) и понконформистами (несообразующимися въ богослуженіи съ ея обрядами). Результатомъ отдѣленія пуританъ отъ государственной церкви была полемика: въ ней со стороны пуританъ было мало научнаго достоинства и гуманности, но за то выработались понятія о справедливыхъ отношеніяхъ государственной власти къ религіи, о свободѣ совѣсти, о правѣ cadaго держаться тѣхъ обрядовъ, какіе кажутся ему хорошими.

Въ 1570 году былъ удаленъ отъ своихъ должностей профессоръ оксфордскаго университета Томасъ Кэртрейтъ (Cartwright; родился въ 1535 г., умеръ въ 1603 г.), сильно возстававшій противъ іерархическаго устройства англиканской церкви; его отставка повела къ полемикѣ, увеличившей рѣзкость разногласія между диссентерами и англиканцами. Событія, происходившія въ сосѣднихъ государствахъ, содѣйствовали развитію пуританства въ Англіи: диссентеры ободрялись, видя, что въ Шотландіи восторжествовали кальвинисты, что во Франціи гугеноты храбро сражаются за свою вѣру, что голландцы свергли съ себя власть короля испанскаго. Шотландскіе кальвинисты возставали противъ попытокъ дать протестантской церкви въ ихъ землѣ епископальное устройство, установили въ ней пресвитеріанское. Англійскіе пуритане подобно шотландскимъ ввели и у себя пресвитеріальное устройство, при которомъ завѣдываніе общими дѣлами церкви принадлежало собранію священниковъ и мірянъ, называвшемуся синодомъ; они ввели у себя самую простую форму богослуженія, устранили изъ него всѣ художественные и поэтическіе элементы, установили у себя строгую нравственную дисциплину, по которой всякое веселье считалось дѣломъ грѣховнымъ. Преслѣдованіе, которому подвергали пуританъ церковные суды и Верховная Коммиссія при Гуитгифтѣ (Whitgift) и слѣдующихъ архіепископахъ кентерберійскихъ, усиливало суровость ихъ ученія; благодаря уваженію, какое внушала строгость ихъ нравственныхъ правилъ, она наперекоръ гоненію пріобрѣтала послѣдователей себѣ, и твердость убѣжденій дала имъ большое вліяніе на исторію Англіи. Пуританство было протестомъ противъ развивавшейся въ англиканской церкви тенденціи къ нетерпимости, къ принужденію всѣхъ подчиняться офиціальнымъ формамъ богослуженія и произволу свѣтской власти; своею нетерпимостью англиканская церковь стала наконецъ походить на католическую.

Изъ пуританства развилась въ 80-хъ годахъ секта, получившая въ послѣдствіи времени громадную историческую важность подъ названіемъ

индепендентства“. Основаніемъ религіозныхъ понятій этихъ сектантовъ, называвшихся первоначально броунистами, была религіозная свобода каждаго лица и каждой группы лицъ, соединившихся въ религіозное общество по одинаковости понятій. Тенденціи этой секты казались такими опасными, что вскорѣ по возникновеніи правительство подвергло ее безпощадному преслѣдованію; въ 1583 году были уже казнены два броуниста.

Исходя изъ принципа, что всякое предписаніе относительно формы богослуженія стѣсняетъ свободу совѣсти, броунисты отвергали не только епископальное устройство англиканской церкви, но и синодальную форму управленія пресвитеріанской церкви; защищая религіозную свободу, они дошли до ученія, что каждая религіозная община должна имѣть совершенную независимость; это былъ тотъ принципъ, который въ послѣдствіи получилъ господство въ сѣверной Америкѣ.—Итакъ Броунъ и его послѣдователи отвергали всякую зависимость религіозной общины отъ свѣтскихъ или церковныхъ властей; они учили, что люди, собирающіеся по одинаковости религіозныхъ понятій для общаго богослуженія, образуютъ совершенно самостоятельную корпорацію, всѣ члены которой—„братья“; всѣ они пользуются одинаковыми правами; всѣ церковныя дѣла рѣшаются въ ней большинствомъ голосовъ; она имѣетъ власть исключать изъ своего состава тѣхъ членовъ, которыми недовольна; она избираетъ своихъ проповѣдниковъ, которымъ поручаетъ совершать богослуженіе; но они не составляютъ особаго духовнаго сословія; она выбираетъ своимъ проповѣдникомъ, кого хочетъ, не стѣсняя свою свободу требованіемъ какой нибудь ученой подготовки къ проповѣднической должности; она можетъ и удалять своихъ проповѣдниковъ съ должности. Когда число членовъ общины въ одной мѣстности становилось такъ велико, что неудобно было имъ всѣмъ собираться въ одной комнатѣ, община дѣлилась на двѣ общины, остававшіяся въ сношеніяхъ между собой, но независимыя одна отъ другой. По ученію броунистовъ никакая община не имѣетъ никакой власти надъ другими; но когда члены какой нибудь общины ведутъ дурную жизнь или отступаютъ отъ основныхъ истинъ религіи, то всякая другая община имѣетъ право дѣлать внушенія заблудшимъ; если они не исправляются, то должны быть исключаемы изъ общества истинныхъ христіанъ. Права избираемаго проповѣдника ограничиваются отпращиваніемъ своихъ обязанностей въ своей общинѣ. Проповѣдникъ одной общины не имѣетъ права совершать богослуженіе въ другой. Броунисты отвергали всякія постановленія о формѣ богослуженія; въ ихъ собраніяхъ каждый членъ общины имѣлъ право произносить рѣчь, и послѣ проповѣди обыкновенно бывало, что нѣкоторые члены предлагали вопросы и начинался общій разговоръ о предметахъ, которыхъ касалась проповѣдь. Броунисты совершенно отвергали вмѣшательство свѣтской власти въ религіозныя дѣла; по основному ученію своему о совершенной независимости каждой общины они получили въ послѣдствіи названіе индепендентовъ (независимыхъ, independent).

2. Шотландскія дѣла. Борьба Іакова съ пресвитеріанами.

Погибель Непобѣдимой Армады произвела переменъ и въ ходѣ шотландскихъ дѣлъ. Филиппъ II надѣялся сдѣлать Іакова своимъ союзникомъ, обѣщалъ ему руку своей дочери; Мэксуэль графъ

Мортонъ находился на жалованьѣ у Филиппа; Гонтли, Эрроль, Крофордъ и другіе сѣверные бароны готовились къ войнѣ; іезуиты и шотландскіе эмигранты, поступившіе въ монахи, разѣзжали по Шотландіи, привлекая католиковъ къ участию въ нашествіи на Англію для содѣйствія нападенію Филиппа. Къ числу этихъ эmissаревъ принадлежалъ Джонъ Дьюри, Джемсъ Ситонъ, Кричтонъ, Эдмондъ Ге (Нау), очень ловкій интригантъ, и Джемсъ Гордонъ, членъ могущественной вельможеской фамиліи Гордоновъ, дядя Гордона, графа Гонтли. Шотландскіе католики готовились къ новой борьбѣ съ кальвинистами. Иноземные паписты помогали имъ. Кальвинисты видѣли опасность, принявъ мѣры обороны, заключили между собою союзъ для подавленія папизма; союзъ, назывался ковенантомъ, какъ тотъ, который составилъ для борьбы съ регентшею, матерью Маріи Стюартъ. Члены его давали клятву дѣйствовать единодушно. Повсюду совершались молебствія Богу о помощи. Іаковъ не отважился дѣйствовать наперекоръ національному чувству, проявлявшемуся такъ сильно; онъ отступился отъ мысли о союзѣ съ Филиппомъ тѣмъ легче, что Елизавета дала ему денегъ, возобновила обѣщаніе признать его своимъ наслѣдникомъ. Возстаніе католиковъ было подавлено въ самомъ зародыщѣ. Эмиссары Филиппа и Александра пармскаго бѣжали изъ Шотландіи. Шотландцы разграбили корабли Непобѣдимой Армады, потерпѣвшіе крушеніе у ихъ береговъ.

Составляя планы новаго нападенія на Англію, Филипъ останавливался на мысли послать войско въ Шотландію, чтобъ оно шло оттуда на Англію. Этотъ способъ нападенія съ суши казался ему представляющимъ больше вѣроятности успѣха, чѣмъ экспедиція, направленная прямо къ англійскому берегу; — потому его эмиссары продолжали пробираться въ сѣверную Шотландію, гдѣ католики были сильнѣе, чѣмъ на югѣ. Филипъ не жалѣлъ денегъ на подкупъ. Эмиссары его обольщали шотландскихъ католиковъ всяческими средствами.

Въ это опасное для короля время онъ дѣйствовалъ за одно съ пресвитеріанами, хотя новый любимецъ его Фрэнсисъ Стюартъ, побочный потомокъ Іакова V, получившій отъ своего покровителя титулъ графа Ботуэлла и должность адмирала, склонялъ его на сторону папистовъ. Женитьба на протестантской принцессѣ укрѣпила союзъ короля съ кальвинистами. Онъ хотѣлъ жениться на старшей дочери короля датскаго, но Елизавета, желавшая, чтобъ онъ женился на сестрѣ Генриха IV, разстроила его переговоры съ датскимъ королемъ, и принцесса, которую сваталъ Іаковъ, была выдана отцомъ за герцога брауншвейгскаго. Іаковъ сталъ сватать младшую ея сестру Анну; это дѣло пошло успѣшно: отецъ помолвилъ младшую дочь за Іакова; она готовилась плыть въ Эдинбургъ на датскомъ кораблѣ. Іаковъ, принужденный пресвитеріанскимъ духовенствомъ вести воздержную жизнь, нетерпѣливо ждалъ невѣсту, но бури помѣщали

отъѣзду ея; онъ былъ отложенъ до весны. Іаковъ боялся, что и это сватовство разстроится, рѣшился самъ ѣхать къ невѣстѣ, поплылъ осенью въ Норвегію, гдѣ находилась она, и свадьба была отпразднована 23 ноября 1589 года въ Опсло (Христіаніи, по нынѣшнему имени этого города). Плыть назадъ при зимнихъ буряхъ было опасно; Іаковъ остался на зиму у своего тестя; поѣхалъ съ женой черезъ покрытыя снѣгомъ горы въ Данію, переплылъ Зундъ, привезъ жену пожить у матери въ Копенгагенъ и въ маѣ 1590 возвратился съ нею въ Единбургъ. Это былъ единственный романтическій эпизодъ въ жизни неуклюжаго педанта, и онъ всю жизнь съ гордостью вспоминалъ о своей поѣздкѣ за невѣстой. Женитьба на датской принцессѣ породнила Іакова съ многими изъ нѣмецкихъ протестантскихъ династій и отняла возможность успѣха у хлопотъ папистовъ вовлечь его въ союзъ съ королемъ испанскимъ. Анна была коронована въ Единбургъ.

Епископскій санъ былъ уничтоженъ въ шотландской церкви, какъ противный духу кальвинизма, и было дано церкви окончательное устройство по плану Мельвилля. Низшею степенью церковнаго управленія были пресвитеріи, среднею областныя сѣѣзды (синоды), высшимъ церковнымъ правительствомъ былъ общій шотландскій синодъ (general assembly, „общее собраніе“ шотландской церкви). Іаковъ сталъ говорить, что шотландская церковь самая чистая, самая сообразная съ словомъ Божиимъ и пересталъ покровительствовать защитнику епископальной системы, Патрику Эдемсону (Adamson).

Но при склонности шотландцевъ къ мятежамъ безхарактерный Іаковъ не могъ прочно установить спокойствіе въ государствѣ; интриги папистскихъ эмиссаровъ увлекали католическихъ лордовъ сѣверной Шотландіи въ попытки возстановить господство католической церкви силою оружія; Іаковъ воевалъ съ ними; совершенно побѣдить ихъ онъ не могъ, принужденъ былъ довольствоваться ненадежными обѣщаніями ихъ держать себя мирно. Даже его любимецъ Ботуэлль перешелъ на сторону инсургентовъ и неожиданно напалъ на замокъ Фоклэндъ (Falkland), гдѣ жилъ тогда король. Тяжелый молотъ, которымъ Ботуэлль билъ въ ворота, былъ въ послѣдствіи прикрѣпленъ къ нему въ память объ этомъ; инсургенты хотѣли арестовать Іакова и держать его подъ стражей по примѣру того, какъ было сдѣлано съ его матерью, провозгласить королемъ малолѣтняго сына его и Анны и поручить управленіе государствомъ регентству. Одинъ изъ клановъ горной Шотландіи, пошедшій на защиту короля, былъ почти совершенно истребленъ инсургентами. Но ихъ нападеніе на Фоклэндъ было отражено. Іаковъ самъ повелъ войско на нихъ (въ 1594 г.) и одержалъ рѣшительную побѣду, взялъ и на половину разрушилъ Стрэдбоджи (Strathbogie) великолѣпную резиденцію графа Гонтли, Сленсъ, главный замокъ графа Эрроля, и замки графа Ангоса (Angus). Эти вельможи и эмиссаръ папистовъ Гордонъ бѣжали изъ Шотландіи.

Но при безхарактерности и трусости Іакова побѣда его осталась почти напрасна. Слѣдующей весной бѣжавшіе лорды обратились къ нему съ просьбой о прощеніи, обѣщались повиноваться; онъ возвратилъ титулы и владѣнія всѣмъ имъ кромѣ своего прежняго любимца, Фрэнсиса Стюарта, на измѣну котораго особенно сердился; Стюартъ умеръ въ изгнаніи. Мятеж-

ники, которыхъ простилъ онъ, были прокляты пресвитеріанскимъ синодомъ; духовенство было раздражено пренебреженіемъ Іакова къ его проклятію, называло короля измѣнникомъ протестанству, тайнымъ католикомъ. Это обвиненіе было напрасно, но дѣйствительно онъ ненавидѣлъ пресвитеріанъ за ихъ демократическія тенденціи, но не хотѣлъ подавлять въ Шотландіи католичество, чтобъ не раздражить противъ себя англійскихъ католиковъ, потому что Елизавета еще не объявила его своимъ наслѣдникомъ, и помощь англійскихъ католиковъ могла въ случаѣ смерти ея понадобится ему, чтобы поддержать свое право на англійскій престолъ. Его тайные агенты даже говорили по секрету католикамъ, что онъ можетъ, подобно Генриху IV, обратиться въ католичество. Коварство его раздражало пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ: они говорили о немъ въ церквахъ и на синодальныхъ сѣздахъ, какъ Ноксъ о Маріи, назначили комиссаровъ для наблюденія за интригами папистовъ и прекращенія ввоза папистскихъ памфлетовъ изъ-за границы. Вліятельный эдинбургскій проповѣдникъ Робертъ Брусъ сказалъ въ лицо королю, что онъ долженъ сдѣлать выборъ, что нельзя ему имѣть друзьями вмѣстѣ и графа Гонтли и Роберта Бруса; другой проповѣдникъ говорилъ, что мечъ мщенія не далекъ отъ короля. Въ мартѣ 1596 года пресвитеріане снова заключили ковенантъ, испрашивали благословеніе отъ Бога ему, такъ называемымъ, днемъ покаянія, въ который всѣ вѣрующіе постились и молили Бога о прощеніи грѣховъ ихъ; проповѣдники перечисляли бѣдствія церкви и государства, находили причиною всему то, что остается въ Шотландіи идолопоклонство, постановили просить короля, чтобъ онъ смягчилъ гнѣвъ Божій строгимъ наказаніемъ католическихъ лордовъ. Іаковъ напрасно возражалъ имъ, что строгія мѣры противъ этихъ вельможъ принудятъ ихъ по примѣру Оемистокла и Коріолана перейти на сторону враговъ отечества; эти фанатики, назначившіе комитетъ съ неограниченными полномочіями для охраненія интересовъ церкви, не слушали ничего, рѣзко требовали искорененія идолопоклонства, волновали народъ проповѣдями. Пресвитеріанскій священникъ Блэкъ (Black) прибавилъ на богослуженіи къ молитвѣ за королевскую фамилію оговорку, что милость Божія призывается на нее только по предположенію о вѣрности короля истинной религіи. Тайный совѣтъ (совѣтъ министровъ) потребовалъ его къ отвѣту за это; онъ отвѣчалъ, что неподвластенъ никакому свѣтскому суду въ этомъ дѣлѣ, что по своимъ священническимъ дѣламъ онъ обязанъ отчетомъ только своему духовному начальству, что Христосъ далъ обществу вѣрующихъ собственный ихъ судъ и право свободно собираться. Король съ одобренія тайнаго совѣта выслалъ Блэка изъ столицы, велѣлъ (въ ноябрѣ 1596) разойтись избранному пресвитеріанамъ постоянному комитету и издалъ распоряженіе, запрещающее употреблять во зло свободу проповѣди. Пресвитеріане видѣли въ этомъ начало католической реакціи, говорили, что Гонтли ведетъ войско на Эдинбургъ, что онъ уже близко; Эдинбургъ волновался.

Робертъ Брусъ сказалъ въ декабрѣ проповѣдь, описавшую опасность, угрожающую истинной вѣрѣ и пригласилъ слушателей поднять руки въ знакъ обязательства защищать настоящее устройство церкви. Они съ восторгомъ подняли руки и тотчасъ же отправили депутацію въ ратушу, гдѣ происходило совѣщаніе министровъ въ присутствіи короля, просить короля объ удаленіи нѣкоторыхъ министровъ. Брусъ прочелъ оставшимся въ церкви исторію Амана и Мордохея. Когда явилась въ залъ засѣданія совѣта депутація, Іаковъ быстро ушелъ въ другую комнату и заперъ за собою дверь. По слуху, что король не захотѣлъ слушать депутаціи, столпился народъ, слышались восклицанія: „мечъ Господа и Гедеона“. Король съ трудомъ пробрался въ голирудскій дворецъ и на другой день уѣхалъ въ Лицлитго.

Уличный шумъ въ Единбургѣ скоро прекратился; но по предложенію проповѣдниковъ граждане послали королю просьбу, чтобъ онъ удалилъ своихъ совѣтниковъ, возстановилъ постоянный комитетъ, выбранный синодомъ, изгналъ католическихъ лордовъ изъ государства.

Іаковъ пришелъ въ ярость, считая просьбу единбургцевъ нарушеніемъ его правъ, собралъ преданныхъ ему дворянъ и воиновъ южной границы и 1 января (1597 г.) возвратился съ многочисленной военной свитой въ Единбургъ, хотѣлъ наказать Бруса и его товарищей; они успѣли бѣжать. Опъ заставилъ единбургскій городской совѣтъ дать новую присягу на вѣрность ему и обѣщаніе не допускать въ проповѣдяхъ никакихъ оскорбленій королю, его семейству и совѣтникамъ, постановилъ, что выборы на городскія должности и на священническія мѣста должны быть представляемы на утвержденіе правительства. Оно называло происшедшій въ Единбургѣ шумъ бунтомъ, выводя изъ этого необходимость крутыхъ мѣръ. Іаковъ рѣшилъ преобразовать устройство церкви, велѣлъ напечатать и распространить въ народѣ списокъ вопросовъ о правахъ короля по управленію церковными дѣлами, о предѣлахъ власти общаго синода по церковному законодательству, о правилахъ, коимъ должны быть подчинены проповѣди, объявилъ что для рѣшенія этихъ вопросовъ созывается общій синодъ въ Пертѣ. Строгіе пресвитеріане говорили, что этотъ соборъ уничтожитъ свободу шотландской церкви. Дѣйствительно онъ исполнилъ желаніе Іакова. По приглашенію короля съѣхалось въ Пертъ множество священниковъ изъ сѣверныхъ графствъ; они были люди необразованные, привыкшіе угождать правительству и приняли предложеніе короля, имѣвшее цѣлью только благо церкви, какъ говорили Іаковъ и его агенты, нѣкоторые изъ депутатовъ, выбранныхъ духовенствомъ южныхъ графствъ, перешли на сторону короля, другихъ правительство не пустило ѣхать въ Пертъ. Такимъ образомъ соборъ самъ постановилъ законы, отнимавшіе у него инициативу по дѣламъ объ управленіи церковью и, въ частности, запрещавшіе духовенству созывать общій соборъ, давши королю такое вліяніе на назначеніе проповѣдниковъ въ большихъ городахъ, что они стали въ зависимость отъ него, какъ патрона (господина, назначающаго священниковъ въ своихъ имѣніяхъ по своему произволу). На слѣдующихъ двухъ общихъ соборахъ была еще болѣе расширена власть короля по управленію церковью и отлученные отъ церкви лорды были освобождены отъ отлученія, признаны вѣрными вассалами короля на основаніи ихъ заявленія, что они считают шотландскую церковь истинной.

Пресвитеріанскіе проповѣдники наносили королю много обидъ, теперь онъ усмирилъ ихъ: по его требованію общій соборъ назначилъ постоянный комитетъ для пособія королю въ заботахъ его о благѣ церкви и сохраненіи мира. Членами комитета были выбраны люди, угождавшіе во всемъ Іакову. При ихъ содѣйствіи онъ подготовилъ осуществленіе своей любимой мысли: введеніе епископскаго сана въ шотландскую церковь. Пристрастіе къ этой мысли погубило его сына, наслѣдовавшаго ее; но теперь она была осуществлена безъ затрудненій. Угождая волѣ Іакова, общій соборъ шотландской церкви въ 1600 г. предложилъ ему шесть кандидатовъ для того, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ двухъ епископовъ, которымъ поручить попеченіе о церковныхъ дѣлахъ; онъ далъ епископамъ санъ пожизненныхъ пэровъ; они стали представителями его желаній въ палатѣ лордовъ.

Этимъ кончился тотъ періодъ шотландской церкви, о которомъ одинъ изъ старыхъ пресвитеріанскихъ писателей говоритъ, что она была тогда: «прекрасна, какъ утро, чиста, какъ солнце, грозна, какъ войско, идущее въ битву подъ однимъ знаменемъ».

3. Ирландскія дѣла. Казнь Эссекса. Смерть Елизаветы.

При Елизаветѣ было положено основаніе могуществу Англіи, но сама Елизавета не принадлежала къ числу счастливыхъ людей: она имѣла много блестящихъ качествъ, но они не были соединены у нея въ цѣльный, гармоническій характеръ; она часто противорѣчила самой себѣ. Въ ея продолжительное правленіе англійскій народъ приобрѣлъ высокое политическое значеніе въ Европѣ; она окончательно установила устройство англиканской церкви; при ней упрочились права парламента, и участіе его въ государственныхъ дѣлахъ дало англійскому политическому быту характеръ законности и благоустройства, противоположный разстройству національной жизни въ государствахъ, гдѣ владычествовалъ произволъ; среднее сословіе при Елизаветѣ приобрѣло сильное вліяніе на государственныйя дѣла; промышленность и морская торговля стали при ней основными элементами національной жизни. Но нельзя сказать, что Елизавета сознательно стремилась къ этимъ цѣлямъ, и на сколько желала идти къ нимъ, не всегда умѣла выбирать истинные пути. Мы видѣли, что она была нерѣшительна, непостоянна въ своихъ желаніяхъ; не умѣла своевременно принимать рѣшеній и, принявъ ихъ, не употребляла достаточныхъ средствъ для того, что находила выгоднымъ себѣ и государству, часто портила дѣло полумѣрами, скупостью; часто она выказывала себя неблагодарной къ людямъ, усердно и успѣшно служившимъ ей. Частная жизнь ея давала много матеріала для порицаній. Панегиристы ея называютъ клеветой молву о ея любовныхъ связяхъ съ Лестеромъ, съ вице-камергеромъ Гэттономъ, съ другими красивыми придворными; оставляя это въ сторонѣ, но уже во всякомъ случаѣ неоспоримо, что въ выборѣ людей, которымъ оказывала величайшее довѣріе, она руководилась женскими прихотями; она была тщеславна, воображала себя красавицей, любила похвалы своей красотѣ, сохранила эту слабость даже въ старости; склонность къ самовластію, наслѣдованная ею отъ отца, усиливалась по мѣрѣ успѣховъ, приобретаемыхъ при ней Англіей; въ ея лицѣ, осанкѣ высказывалось самодовольство; слышать льстивыя похвалы было потребностью ея; она любила затмѣвать всѣхъ дамъ и дѣвушекъ своего двора блескомъ нарядовъ; ей нравились похвалы великолѣпно ихъ. Но эти слабости, о которыхъ такъ рѣзко говорили ея враги, не должны заставлятъ насъ

забывать о великихъ ея качествахъ: во всѣхъ важныхъ случаяхъ она выказывала себя достойной высокаго положенія, даннаго ей судьбой; она была тверда и энергична въ борьбѣ съ папизмомъ и абсолютизмомъ, и когда дѣло шло о существенныхъ интересахъ государства, она умѣла подавлять въ себѣ личныя симпатіи и антипатіи, съ величественнымъ забвеніемъ своихъ пристрастій руководиться интересами государства.

Торжество надъ Непобѣдимой Армадой было началомъ новаго періода и въ личной жизни Елизаветы, какъ въ исторіи Англіи; Елизавета была глубоко опечалена смертью Лестера; онъ правился ей ловкостью, съ какою угождалъ ея вкусамъ; цѣнила она и то, что онъ не тщеславился ея благосклонностью, не позволялъ себѣ самовольныхъ поступковъ. Ей была тѣмъ тяжеле утрата его, что она тогда уже начинала сознавать себя старухой, видѣла, что авторитетъ ея слабѣетъ. Одинъ за другимъ умирали люди, помогавшіе ей во времена великой религіозной и политической борьбы. Новое поколѣніе не имѣло къ бездѣтной старухѣ той преданности, какъ прежнее. Она чувствовала, что становится одинокой среди измѣнившагося общества, что придворные оказываютъ ей лишь вынужденное уваженіе, въ которомъ не участвуетъ ихъ сердце; это печалило ее, и вотъ въ старости она увидѣла себя принужденной казнить послѣдняго человѣка, котораго полюбила за его молодую мужественную красоту, рыцарскія качества, пылкость, преданность; это былъ Робертъ Деверѣ (Devereux), графъ Эссексъ, пасынокъ Лестера. Этотъ новый любимецъ былъ не похожъ на своего гибкаго, льстиваго вотчима: онъ былъ смѣлый воинъ, заслужившій славу нападеніемъ на Кадиксъ и отважными дѣлами въ походахъ Генриха IV, на помощь которому былъ посланъ; Елизавета избаловала его своею любовью: она не могла ни въ чемъ отказать блестящему молодому человѣку, то льстившему ей, то выказывавшему упрямство. Она съ нѣжностью старалась сдерживать его дерзкія выходки; говорятъ, однажды въ порывѣ гнѣва на его дерзость она дала ему пощечину, и онъ схватился за шпагу, — отмстить обидчицѣ. Въ письмахъ къ ней онъ то превозносилъ ее лестью, превосходящей всякіе предѣлы, то язвилъ ее колкими насмѣшками.

Счастье покинуло графа Эссекса въ Ирландіи. Англійское правительство не забыло, что масса ея населенія, преданная католичеству, была въ годы опасности для Англіи на сторонѣ ея враговъ; Елизавета хотѣла наказать измѣнниковъ, упрочить англійское владычество надъ Ирландіей, ввести повсюду въ ней реформацію. Англійскіе враги католичества ссылались на Моисея, велѣвшаго сынамъ израилевымъ истребить хананеянъ и раздѣлить между собою земли ихъ. Большинство англичанъ, занимавшихъ должности въ Ирландіи, навлекало на себя ненависть ирландскаго народа жестокостью и гра-

бительствомъ (такъ держалъ себя и знаменитый поэтъ Спенсеръ); правительство хотѣло упрочить англійское господство надъ Ирландіей кровавыми мѣрами; объявило всѣ земли мятежниковъ конфискованными, роздало ихъ въ ленное владѣніе, нѣкоторыя въ аренду ирландцамъ, измѣнившимъ своему народу, другія отдало въ полную собственность англійскимъ колонистамъ, большею частью авантюристамъ или солдатамъ; отняло власть у князей племенъ и другихъ наслѣдственныхъ національных старшинъ; одинъ изъ могущественнѣйшихъ ирландскихъ князей, графъ Десмондъ, былъ убитъ англичанами и голова его была выставлена на Лондонскомъ мостѣ; Горли (Hurley), котораго папа назначилъ архіепископомъ дублинскимъ, былъ безъ суда повѣшенъ. Правительство рѣшило ввести англійскіе законы и въ тѣхъ трехъ областяхъ Ирландіи, въ которыхъ было мало англичанъ, въ Монстерѣ, Коннотѣ, Ольстерѣ; стало назначать исключительно англичанъ не только на высшія правительственныя должности, но и на судебныя и низшія административныя; основало въ Дублинѣ университетъ для пропаганды реформаціи и англійскихъ понятій. Пока лордомъ-намѣстникомъ ирландскимъ былъ Перротъ, человѣкъ суровый, но осторожный воинъ и разсудительный правитель, дѣло преобразованія хотя и велось путемъ насилія, но осмотрительно, такъ что не возбуждало возстанія; но когда Елизавета отозвала его и назначила лордомъ намѣстникомъ Физъ-Уильяма, англійскіе землевладѣльцы и администраторы стали безжалостно угнетать народъ; всякое сопротивленіе имъ считалось бунтомъ; у обвиняемыхъ отнимали земли, раздавали угнетателямъ; это служило поощреніемъ къ угнетенію; ненависть къ англичанамъ была доведена деспотизмомъ до того, что заглушила страхъ; эмиссары Филиппа и папы убѣждали ирландцевъ взяться за оружіе, обѣщали имъ помощь короля испанскаго. Надобенъ былъ только искусный вождь, чтобы поднялось сильное возстаніе; онъ нашелся. Это былъ Гью О'Ниль (O'Neill), графъ Тэйронъ (Tyrone) по титулу, данному Генрихомъ VIII главѣ династіи О'Нилей, опытный полководецъ, узнавшій военное искусство въ англійской службѣ.

Гью О'Ниль обнародовалъ манифестъ, призывавшій ирландцевъ къ оружію — «для войны за Бога и несчастное отечество». Онъ былъ человѣкъ очень даровитый, склонный къ суровости и самовластію, но дѣйствительно энергичный, способный быть хорошимъ руководителемъ возстанія. Папа далъ ему санъ князя ольстерскаго; іезуиты и другіе монахи говорили народу, что онъ освободитъ Ирландію отъ еретиковъ, ея притѣснителей; Филиппъ обѣщалъ прислать войско. Возстаніе получило размѣръ, какого не имѣли прежніе мятежи; къ О'Нилю присоединились Мэкъ-Гейръ (Mac Guire), владѣтель ферманаскій, воинъ знаменитый испоинской силой, О'Доннель, графъ Тирконнель, молодой человѣкъ блистательной храбрости. Въ

августъ 1598 г. англичане потерпѣли сильное пораженіе при Блэкуотерѣ; двѣ трети Ирландіи были освобождены отъ англичанъ; надобно было начинать вновь ея покореніе. Графъ Тэйронъ успѣшно выдерживалъ борьбу съ англійскими полководцами. Должно было опасаться, что Ирландія станетъ операціоннымъ базисомъ для новаго нападенія испанцевъ на Англію.

Елизавета рѣшила послать въ Ирландію большое войско, чтобы нанести инсургентамъ рѣшительный ударъ; главнокомандующимъ она назначила Эссекса; онъ самъ просилъ ее объ этомъ, въ надеждѣ увеличить свою военную славу новыми побѣдами, упрочить ими за собою начинавшую ослабѣвать привязанность королевы къ нему. Министры Елизаветы съ радостью поддерживали его просьбу, желая удалить изъ Лондона надменнаго фаворита, порицавшаго ихъ распоряженія и въ особенности приписывавшаго ихъ ошибкамъ дурной ходъ войны съ ирландскими инсургентами; вѣроятно они предвидѣли, что самонадѣянный, опрометчивый Эссексъ не въ силахъ будетъ преодолѣть затрудненія, представляемые болотами, рѣками, твердымъ рѣшеніемъ инсургентовъ обороняться до послѣднихъ силъ, стратегическимъ искусствомъ О'Нила, что онъ потерпитъ такую неудачу, которая окончательно уронитъ его во мнѣніи королевы.

Дѣйствительно онъ потерпѣлъ неудачу. Онъ говорилъ въ Лондонѣ, что для побѣды надъ О'Нилемъ надобно идти на сѣверъ, въ Ольстеръ, въ тѣ горы, которыя служатъ оплотомъ инсургентовъ; а вмѣсто того пошелъ на востокъ, въ Ленстеръ и на югъ, въ Монстеръ, истратилъ въ этихъ походахъ запасы аммуниціи, провіанта, не достигнувъ никакихъ успѣховъ; разнеслась молва, что плыветъ испанскій флотъ съ войскомъ; только тогда Эссексъ пошелъ на сѣверъ, удержать Тэйрона отъ соединенія съ испанцами, которые приплывутъ на помощь ему. Но вмѣсто извѣстія о побѣдѣ надъ Тэйрономъ въ Лондонъ пришло увѣдомленіе, что Эссексъ заключилъ съ нимъ перемиріе на условіяхъ невыгодныхъ для англійской власти надъ Ирландіей; эти условія должны были служить основаніемъ для окончательнаго мира. По договору съ Эссексомъ постановлялось: О'Нили, Десмонды, О'Доннели и другія династіи ирландскихъ князей получаютъ обратно въ свое владѣніе тѣ области, какія принадлежали ихъ предкамъ, въ Ирландіи возстановляется католичество; на всѣ административныя и судебныя должности назначаются исключительно ирландцы; только лорда-намѣстника королева выбираетъ изъ англичанъ; онъ будетъ имѣть титулъ вице-короля; половина войска въ Ирландіи должна состоять изъ ирландцевъ. Понятно, что договоръ, уничтожавшій всѣ результаты вѣковыхъ усилій Англіи покорить Ирландію, произвелъ очень дурное впечатлѣніе на королеву и ея министровъ. Та статья его, что англійскій правитель Ирландіи будетъ имѣть титулъ вице-короля, прямо возбуждала мысль о честолюбивыхъ замыслахъ Эссекса,

занимавшаго должность, которой присвоивался такой высокій санъ; можно было думать, что Эссексъ хочетъ, опираясь на ирландскихъ патріотовъ, объявить себя королемъ ирландскимъ. Елизавета отказала договору въ своемъ утвержденіи. Эссексъ хотѣлъ отправиться съ войскомъ въ Лондонъ, принудить королеву утвердить договоръ и, только достигнувъ этого, возвратиться въ Ирландію на борьбу съ испанцами. Но друзья отклонили его отъ этой безразсудной мысли. При всей своей преданности ему войско не захотѣло бы идти противъ королевы. Эссексъ рѣшился смягчить гнѣвъ Елизаветы личнымъ объясненіемъ съ ней; не испросивъ ея согласія, онъ передалъ начальство надъ войскомъ Чарльзу Бленту лорду Моунтджою, и поѣхалъ съ небольшой свитой въ Лондонъ; немедленно по пріѣздѣ въ дорожномъ платьѣ вошелъ безъ доклада въ комнату королевы, засталъ ее причесывающей волосы, бросился на колѣна передъ ней; прежняя нѣжность пробудилась въ Елизаветѣ; она дала ему поцѣловать свою руку; черезъ нѣсколько часовъ дозволила ему снова говорить съ ней; но гордость ея взяла верхъ надъ нѣжностью; вечеромъ она велѣла лорду хранителю печати держать Эссекса подъ надзоромъ. Любовь къ нему еще оставалась въ ней; услышавъ, что онъ занемогъ, она посылала ему лѣкарства, приготовленные ею самою. Но она считала обязанностью своего сана подвергнуть дѣйствія Эссекса въ Ирландіи суду комиссіи, членами которой назначила нѣсколькихъ пэровъ. Вельможи и министры были тогда раздѣлены на партіи. Елизавета оставляла нерѣшеннымъ вопросъ о престолонаслѣдіи; она была уже старуха; неизвѣстность, что будетъ по ея смерти, тревожила всѣхъ; была опасность, что тогда произойдетъ возстаніе католиковъ и новое нападеніе испанцевъ: въ книгѣ, которую напечаталъ іезуитъ Пэрсонсъ подъ псевдонимомъ Дольмана, доказывалось, что законная наслѣдница англійскаго престола—дочь короля испанскаго; католики сочувствовали этой мысли; протестанты дѣлились на англиканцевъ и пуританъ; Эссексъ былъ покровителемъ пуританъ, какъ прежде вотчимъ его Лестеръ; подобно Лестеру онъ вступался за Кэтрейта.

При взаимной враждѣ католиковъ, англиканцевъ и пуританъ, до королевы доходили слухи, которыми увеличивались ея подозрѣнія противъ Эссекса; она не мѣшала врагамъ его, составлявшимъ судебную комиссію, дать процессу противъ него дурной оборотъ; комиссія постановила приговоръ, что онъ лишается всѣхъ должностей и остается подъ домашнимъ арестомъ, пока королева благоволитъ освободить его. Сначала казалось, что Эссексъ покоряется своей судьбѣ: нѣсколько времени онъ смиренно жилъ подъ стражей въ своемъ домѣ; вѣроятно, онъ надѣялся, что королева скоро возвратитъ ему свою благосклонность; но время шло, прощенія не было; у Эссекса не достало терпѣнія ждать; онъ вновь поддался безразсуднымъ мыслямъ. У него было много друзей; горожане любили его за прямо-

душіе, солдаты за храбрость; надѣясь на свою популярность въ Лондонѣ и на преданность своихъ сослуживцевъ въ прежнихъ походахъ, онъ вздумалъ низвергнуть министровъ Елизаветы, своихъ враговъ; вступилъ въ сношенія съ своимъ другомъ Моунтджоемъ, которому передалъ начальство надъ войскомъ въ Ирландіи, съ нѣкоторыми другими вельможами, съ шотландскимъ правительствомъ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ окружить своими приверженцами дворецъ Елизаветы, войти къ ней, вынудить у нея согласіе на удаленіе прежнихъ министровъ, на замѣну ихъ другими и на провозглашеніе короля шотландскаго наследникомъ англійскаго престола. Онъ полагалъ, что Елизавета, увидѣвъ его, снова будетъ увлечена нѣжностью къ нему и согласится на всѣ его желанія; важнѣе всего казалось ему убѣдить ее удалить изъ министерства Роберта Сесилія: онъ полагалъ, что, по отставкѣ этого министра, королева будетъ снова имѣть безграничное довѣріе къ нему. Утромъ 8 февраля 1601 года нѣсколько лордовъ съ толпою народа пошли къ его дому; королева послала лорда-хранителя печати съ нѣсколькими другими сановниками узнать, что это такое. Когда они вошли къ Эссексу, онъ арестовалъ ихъ и съ своей вооруженною свитой, къ которой присоединилъ нѣсколько солдатъ, пошелъ по Лондону, призывая гражданъ и лондонскую милицію къ оружію. Но народъ только съ изумленіемъ смотрѣлъ на его странное дѣло, въ испугѣ расходился; граждане запирались въ домахъ. Королевскія войска шли на встрѣчу ему, заставили его вернуться домой, окружили его дворецъ. Онъ былъ принужденъ сдаться. Онъ не думалъ дѣлать ничего враждебнаго королевѣ, хотѣлъ только низвергнуть министровъ; но, будучи преданъ суду, былъ на основаніи закона 1584 года объявленъ мятежникомъ, осужденъ на смертную казнь и 25 февраля (1601 года) казненъ на площади внутренняго пространства Тоуэра. Ему было тогда только еще 33 года. Его безразсудная попытка была послѣднимъ проявленіемъ прежняго обычая вельможъ низвергать правительство, производить перевороты.

Вѣрнѣйшій другъ Эссекса лордъ Сотэмптонъ былъ избавленъ отъ смерти; наказаніе его ограничилось тѣмъ, что онъ довольно долго оставался въ темницѣ. Лордъ Моунтджой былъ виновенъ только тѣмъ, что зналъ и не донесъ о замыслѣ Эссекса; Елизавета простила ему эту вину за его заслуги въ Ирландіи. Договоръ, заключенный Эссексомъ съ инсургентами, былъ, какъ мы говорили, отвергнутъ королевой; война возобновилась; на помощь инсургентамъ приплыло испанское войско, но было отражено. Тэйронъ въ январѣ 1602 г. былъ разбитъ у Кинселя, оттѣсненъ въ горы и лѣса Ольстера; голодъ принудилъ его покориться на предложенныхъ ему условіяхъ. Извѣстіе о совершенномъ прекращеніи ирландскаго возстанія было получено Елизаветой уже близкой къ смерти.

Елизавета имѣла бодрый, веселый характеръ, умѣла сохранять спокойствіе въ самые тяжелые годы жизни; при дворѣ ея были раз-

влеченья: она любила наряжаться и танцевать; на 69 году она еще открыла балъ танцемъ съ герцогомъ Неверскимъ. Но послѣ казни Эссекса она утратила спокойствіе духа: она видѣла, что жители Лондона охладѣли къ ней съ того времени, и вѣроятно сама упрекала себя въ излишней жестокости къ Эссексу. Не могло не печалить ее и то, что войска ея не могли совершенно одолѣть О'Ниля и пришлось ей заключить договоръ съ мятежникомъ; тяжело ей было знать, что Сесиль и другіе ближайшіе къ ней люди ведутъ тайныя сношенія съ королемъ шотландскимъ, видѣть, что они не оказываютъ ей прежняго уваженія; понятно, что ея настроеніе стало мрачно.

Говорятъ, что однажды въ часы интимнаго свиданія съ Елизаветой, Эссексъ грустно говорилъ о женскомъ непостоянствѣ, и она дала ему перстень съ обѣщаніемъ, что когда онъ покажетъ ей этотъ перстень, она исполнитъ его просьбу, о чемъ бы онъ ни попросилъ; рассказъ продолжается такъ: будучи арестованъ, Эссексъ далъ этотъ перстень графинѣ Ноттингэмъ, чтобъ она передала его королевѣ; но мужъ графини, врагъ Эссекса, убѣдилъ ее не показывать перстня королевѣ, и это было причиной того, что Елизавета казнила Эссекса (по досадѣ, что онъ не хочетъ просить милости у нея); но вскорѣ послѣ того графиня тяжело занемогла; передъ смертью она рассказала Елизаветѣ, что не исполнила порученія Эссекса и подала ей перстень; при видѣ его королева чрезвычайно опечалилась, и горе ускорило ея смерть.

Разсказъ о перстнѣ королевы, данномъ Эссексу, не имѣетъ историческаго основанія: онъ изобрѣтеніе молвы. Но жизнь Елизаветы послѣ казни Эссекса была очень печальна, въ послѣднія недѣли она день и ночь плакала, бросаясь на подушки, разложенныя по полу, не говорила, отказывалась отъ лѣкарствъ. Нѣсколько опомнившись отъ личнаго горя, она велѣла позвать Сесиля, хранителя печати Эджертона, великаго адмирала Гоуарда и нѣсколькихъ другихъ сановниковъ и объявила имъ, что назначаетъ наследникомъ англійскаго престола короля шотландскаго. Въ послѣдніе часы ея читалъ молитвы, стоя на колѣнахъ у ея постели, Гуитфордъ, архіепископъ кентерберійскій. Она умерла 24 марта 1603, на 70 году жизни, на 45 году царствованія; съ нею прекратилась династія Тюдоровъ. Не было другой государыни, дѣятельность которой имѣла бы такое громадное значеніе во всемірной исторіи и которая такъ счастливо вела бы тяжелую борьбу съ врагами. Воспоминанія о Елизаветѣ нераздѣльно соединены съ могуществомъ Англіи.

VI. АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ВѢКЪ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Литература. О Шекспирѣ написано очень много книгъ, особенно въ Германіи, написаны груды ихъ о немъ. Это потому, что онъ имѣлъ громадное вліяніе на нѣмецкую литературу. Гёте и Шиллеръ воспитывались на немъ. Подъ его вліяніемъ нѣмецкая литература освободилась отъ подражанія французскому псевдо-классицизму. Лучшее изданіе Шекспира

выполнено Коллеромъ, основателемъ Шекспировскаго общества, сдѣлавшаго много изслѣдованій для разъясненія жизни и твореній великаго поэта. Есть Шекспировское общество и въ Германіи. Важнѣйшіе изъ новыхъ англійскихъ трудовъ по изученію Шекспира принадлежатъ Чарльзу Нейту, Дейсу, Стонтону, Сингеру, Голливелю, Клэрку, Рейту; изъ нихъ назовемъ: Charles Knight, Studies of Shakespeare (London, 1868) и Halliwell, Life of Shakspeare (London, 1882). Изъ нѣмецкихъ изслѣдованій назовемъ трактатъ Гервинуса Shakspeare (4 изд. j Leipzig, 1872) и книгу Зимрока Die Quellen des Shakspeare in Novellen, Märchen und Sagen (2 изд. Bonn, 1870); въ противоположность безусловнымъ панегиристамъ, каковъ, напримѣръ, Гервинусъ, строго судить о художественныхъ недостаткахъ драмъ Шекспира Рюмелинъ (Rümelin, Shakspeare-Studien (2 изд., Stuttgart 1874). Обзоръ изслѣдованій и сужденій о Шекспирѣ въ нѣмецкой литературѣ составленъ Унфладомъ (Unflad, Die Shakespeare — Litteratur in Deutschland 1880).

1. Поэзія.

Мы довели въ X томѣ обзоръ развитія англійской поэзіи до того времени, когда англійскій языкъ выработался на столько, что сталъ органомъ національной поэзіи. Это время, совпадающее съ началомъ правленія династіи Тюдоровъ, отдѣляется только однимъ столѣтіемъ отъ времени высшаго развитія англійской поэзіи, отъ эпохи Шекспира, совпадающей съ прекращеніемъ этой династіи. Имя Шекспира говоритъ о драмѣ; но драмой не исчерпывалось поэтическое творчество этого блестящаго періода англійской поэзіи, называемаго вѣкомъ Елизаветы. Еще при Генрихѣ VIII были вельможи и государственные сановники, прославившіеся своими литературными талантами: Томасъ Моръ—великій мыслитель; графъ Сорре, казненный въ 1547 г. свирѣпымъ Генрихомъ VIII, и другъ его Томасъ Уайетъ (Wyat), умершій какъ и онъ въ молодости (за пять лѣтъ до его казни), перенесли итальянскую лирическую поэзію въ Англію и открыли путь широкому вліянію итальянской литературы на англійскую. Сановникъ Елизаветы Бэконъ Веруламскій пріобрѣлъ знаменитость какъ философъ; при дворѣ ея было много вельможъ высоко образованныхъ и любившихъ поэзію; лучшимъ представителемъ ихъ былъ любезный, добрый, очень даровитый Филиппъ Сидни (1554—1586); многіе другіе пріобрѣли славу сонетами и другими стихотвореніями во вкусѣ Петрарки, которыя писали по примѣру графа Сорре. Сидни ввелъ въ англійскую литературу пасторальную поэзію, бывшую тогда модной въ Испаніи и въ Италіи; образцовымъ произведеніемъ ея былъ романъ «Аркадія», посвященный имъ сестрѣ графинѣ Пемброкъ. Преемникомъ его въ пасторальной поэзіи былъ Эдмондъ Спенсеръ (1553—1599), котораго по преимуществу должно назвать придворнымъ поэтомъ Елизаветы. Свой «Пастушескій календарь», собраніе двѣнадцати эклогъ во вкусѣ древнихъ и итальянскихъ по-

этовъ (изданное въ 1579 году), Спенсеръ посвятилъ своему покровителю Сидни; знаменитѣйшую свою поэму «Царицу фей» (Fairie Queen) самой Елизаветѣ, которую прославляетъ подъ именемъ Глоріаны, царицы фей; по плану автора эта поэма должна была состоять изъ двѣнадцати пѣсенъ, но онъ успѣлъ написать только шесть. Несчастная развязка его суровыхъ дѣйствій по должности, которую онъ занималъ въ Ирландіи, опечалила его такъ, что онъ утратилъ охоту писать стихи. Первые шесть пѣсенъ «Царицы фей» написаны имъ въ 1590—1596 годахъ; онѣ чрезвычайно правились благозвучіемъ стиха, нѣжностью тона, яркостью картинъ; но аллегорическій характеръ отнимаетъ у этой поэмы свѣжесть чувства: она утомляетъ монотонностью пышныхъ описаній.

Одновременно съ поэзіей развилась и прозаическая литература. Сэмьюэль Дэніель (Daniel) и Уольтеръ Рэли (Raleigh), писавшіе превосходные сонеты, написали также первые историческіе труды, возвышавшіеся надъ хрониками достоинствомъ изложенія и яснымъ пониманіемъ связи между событіями.—Интересъ къ литературѣ не ограничивался придворнымъ кругомъ, распространился и въ среднемъ сословіи, начавшемъ тогда сознавать свое политическое призваніе; оно живо сочувствовало всѣмъ тѣмъ научнымъ стремленіямъ, отъ которыхъ можно было ожидать пользы для промышленности и торговли; исторія, математика, философія также занимали любознательныхъ людей, и Фрэнсисъ Бэконъ, на основаніи положительныхъ знаній, создалъ систему философскихъ понятій, которая составила эпоху въ исторіи развитія нравственныхъ и естественныхъ наукъ, получила такое значеніе въ умственной жизни человѣчества, которое напоминаетъ своею громадностью философію Аристотеля.

Но высшимъ проявленіемъ творческихъ силъ Англіи въ эпоху Елизаветы была драматическая поэзія. Она и въ Англіи, какъ въ другихъ европейскихъ земляхъ, развилась изъ средневѣковыхъ мистерій и изъ моралей, начавшихъ въ XV вѣкѣ замѣнять мистеріи. Морали были аллегорическія піэсы, содержанія болѣе широкаго, чѣмъ повтореніе библейскихъ рассказовъ, которымъ ограничивались мистеріи; въ мораляхъ высказывались общія нравственныя идеи; онѣ были переполнены афоризмами; вліяніемъ ихъ объясняется то, что у драматурговъ вѣка Елизаветы очень много сентенцій и даже длинныхъ нравственныхъ разсужденій. У Шекспира кромѣ этого очень много шутливости, остротъ, юмора, грубаго комизма; все это общіе элементы англійской драмы XVI вѣка и англійскаго народнаго характера любящаго веселый реализмъ; Англію того времени называютъ веселой старой Англіей (merry old England). Уже въ мистеріяхъ у англичанъ было больше простонароднаго комизма, чѣмъ у другихъ западныхъ народовъ; въ святочныхъ фарсахъ онъ преобладаетъ; англичане вводили и въ морали все больше и больше простонароднаго

комизма. Главными представителями его были Вейсъ (Vice—по первоначальному значенію слова порокъ, но по драматическому характеру своему весельчакъ, шутъ) и чортъ, котораго всегда бьетъ Вейсъ; въ антрактахъ моралей игрались фарсы, въ концѣ морали тоже разыгрывался фарсъ. Любимцами публики были грубыя простонародныя лица, одаренныя природнымъ юморомъ и называвшіяся клоунами (Klownz—неотесанными людьми, мужиками); шутки ихъ имѣли грубый характеръ; этимъ отличались они отъ придворныхъ шутовъ, людей болѣе или менѣе образованныхъ, дурачившихся по ремеслу, между тѣмъ какъ они дѣлали свои смѣшныя выходки не преднамѣренно. Въ послѣднія времена среднихъ вѣковъ около государей, любившихъ искусство и поэзію, собирались толпы рассказчиковъ, пѣвцовъ, фокусниковъ, людей, разыгрывавшихъ разныя роли; это продолжалось, но въ болѣе изящномъ видѣ, и при дворѣ Генриха VIII, любителя пышности, Елизаветы, любившей развлеченія, и ея преемника Іакова, воображавшаго себя ученымъ. При дворѣ Генриха VIII уже находилась труппа актеровъ; подобно ему и Елизаветѣ держали труппы актеровъ при своихъ дворахъ и вельможи. Любовь ко всевозможнымъ зрѣлищамъ была тогда всеобщей. Изъ Франціи перешли въ Англію интермедіи или интерлюдіи—небольшія піэсы, въ которыхъ аллегорическія лица или разыгрывали мимическія роли, или разговаривали. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVI вѣка драматическая поэзія и спектакли уже достигли въ Англіи довольно большого развитія. Изъ пѣвчихъ капеллы Генриха VIII вышелъ драматургъ Джонъ Гевудъ (Heiwood), жившій до 1565 года и еще съ 1520 года начавшій писать интерлюдіи, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ обыденной жизни. Ихъ должно назвать первыми опытами замѣны абстрактнаго аллегорическаго содержанія въ англійскихъ серьезныхъ драмахъ изображеніемъ дѣйствительной жизни. Но эти интерлюдіи представляли только ряды сценъ, несвязанныхъ въ драматическое цѣлое. Со времени Гевуда такія піэсы постоянно игрались при дворѣ. Въ нихъ были къ серьезнымъ сценамъ примѣшаны комическія, обыкновенно не имѣвшія близкаго отношенія къ ходу основного дѣйствія піэсы; характеръ комизма былъ грубый. Піэсами этого рода славился придворный шутъ Елизаветы Тэрльтонъ, человѣкъ очень даровитый; онъ жилъ до 1588 года. Филиппъ Сидни въ своей «Апологін поэіи» возставалъ противъ обычая вставлять въ серьезные драмы комическія сцены, выводилъ, какъ онъ выражался, шутовъ рядомъ съ королями; онъ говорилъ, что въ древней драматической поэіи этого не было, совѣтовалъ слѣдовать примѣру древнихъ.

Еще въ первые годы Елизаветы была сдѣлана попытка дать англійскому народу драму въ классическомъ вкусѣ. Лприческіе, аллегорическіе, пасторальные виды французской и итальянской поэіи были уже пере-

несены въ Англію; теперь изученіе Плавта и Теренція, Эврипида и Сенеки дало матеріалы для того, чтобы уничтожить грубость англійской драмы, сдѣлать ее изящной; публикѣ понравились сюжеты въ классическомъ родѣ; люди высшаго общества заинтересовались театромъ, получавшимъ классическій характеръ. Вельможа, занимавшій важныя государственныя должности, Томасъ Сэквилъ, въ послѣдствіи получившій титулы лорда Бокгорста и графа Дорсета (р. 1530, ум. 1608), поставилъ на сцену въ 1561 году трагедію, написанную имъ и Томасомъ Нортонъ во вкусѣ Сенеки. Эта трагедія «Феррексъ и Поррексъ» считается первымъ произведеніемъ англійской драматической поэзіи, между прочимъ, потому, что она написана пятистопнымъ ямбомъ безъ римовъ, размѣромъ, которымъ уже писалъ лирическія произведенія графъ Сорре и который послѣ сталъ съ появленія этой трагедіи господствующимъ въ англійской драматической поэзіи. Съ 1580 года владѣлъ на придворномъ театрѣ Джонъ Лилли; онъ писалъ почти исключительно комедіи или комическія драмы. Онъ считается предшественникомъ Шекспира въ комедіи, какъ Марло въ трагедіи; онъ перенесъ на сцену поэтически-игривый тонъ разговора тогдашняго свѣтскаго общества; сравненія его изысканы; кстати и некстати онъ дѣлаетъ картинныя описанія, большею частью безвкусныя. Его романъ «Эвфуэсъ» сталъ главнымъ источникомъ вошедшаго тогда въ моду изысканнаго слога, называвшагося по заглавію этого романа эвфуизмомъ. Такой слогъ, переполненный сравненіями, имѣющими претензію на остроуміе, напыщенными патетическими тирадами, сентиментальными описаніями уже довольно давно былъ моднымъ въ свѣтскомъ обществѣ Испаніи и Франціи, вошелъ въ моду и въ англійскомъ свѣтскомъ обществѣ. Почти всѣ сюжеты драмъ Лилли заимствованы изъ классической древности; но классическаго духа въ нихъ нѣтъ, и вообще попытка ввести въ англійскую поэзію классическія формы не удалась. Произведенія Сэмьюэля, Дэннэля, Брэндона и другихъ послѣдователей Филиппа Сидни были безжизненные упражненія въ изящномъ слогѣ и исчезли безъ слѣда. Привычка къ непринужденному языку и къ прежнимъ сюжетамъ не дала подражанію древней поэзіи удержаться въ Англіи. Публика продолжала читать заимствованныя изъ Италіи и Франціи новеллы, рыцарскіе романы и англійскія подражанія имъ. Тѣ поэты, которые придали высокую обработку англійской драмѣ въ годы, предшествовавшіе дѣятельности Шекспира, лишь слегка смягчали прежнюю грубость тона, по образцамъ древнихъ. Иноземное вліяніе проявляется у нихъ въ патетизмъ, въ щегольствѣ ученостью, но въ сущности они оставались вѣрны характеру поэзіи привычному англичанамъ. Романтическія драмы и вошедшія не задолго до Шекспира въ моду историческія драмы, изображавшія обыкновенно по «Хроникѣ» Голиншеда подвиги королей англійскихъ, вообще лишены строгаго единства: дѣйствіе въ нихъ

переносится съ мѣста на мѣсто: одинъ актъ отдѣляется отъ другого цѣлыми годами, десятками лѣтъ; въ нихъ множество дѣйствующихъ лицъ, сцены очень разнообразны; онѣ переполнены приключеніями; въ нихъ ручьями течетъ кровь; одинъ изъ обыкновенныхъ мотивовъ дѣйствія—мщеніе, на которомъ основана и трагедія «Феррексъ и Поррексъ»; въ нихъ владычествуетъ утрированный патетизмъ, замѣшанный отчасти у Сенеки; слогъ ихъ—напыщенъ; страсти представлены съ преувеличеніемъ; почти въ каждой происходитъ множество злодѣйствъ. Всѣ эти характеристическія особенности школы предшественниковъ Шекспира замѣтны и у него; но если могла изъ ихъ драмъ выработаться поэзія Шекспира, то ясно, что при всей своей грубости ихъ произведенія должны были имѣть большія достоинства, Шекспиръ далъ художественную форму драмѣ, сохранявшей у его предшественниковъ остатки грубой формы моралей.

„Мы видимъ тогда въ Англіи фабрикацію піесъ для театра, говорятъ Гервинусъ: „Онѣ писались по заказу, небрежно, торопливо; платили за нихъ хорошо; онѣ были составляемы по вкусу публики; между книгопродавцами были руководители этой фабричной работы, какъ напримѣръ, Энтони Монде, который и самъ въ товариществѣ съ двумя или тремя другими написалъ дюжину піесъ. Авторы были живые, даровитые люди, угождавшіе грубому вкусу публики рѣзкими эффектами; между ними не было художниковъ, создающихъ произведенія по требованіямъ идеала. Всѣ піесы этихъ драматурговъ написаны энергическимъ, непринужденнымъ тономъ; истина въ нихъ утрирована; форма уродлива. Въ противоположность французскому театру, англійскій пренебрегалъ всякими правилами: комедіи наполнялись ужасами, трагедіи имѣли счастливую развязку; авторы ихъ искали энергіи въ преувеличеніяхъ трагизма, въ злодѣйствахъ; ходъ дѣйствія у нихъ безсвязенъ; характеры утрированы до каррикатуры“.

Даровитѣйшій изъ драматурговъ, писавшихъ передъ временемъ Шекспира и отчасти въ первые годы его дѣятельности, былъ Кристофоръ Мэрло (Marlowe), родившійся въ 1564 г., убитый въ дракѣ на 30-мъ году жизни (въ 1593 г.),—человѣкъ очень сильнаго таланта; но и въ поэзіи, какъ въ жизни, губившій себя безразсудствомъ. Первая его драма „Тамерланъ“ (написанная въ 1586 г.) богата сильными сценами, но и чрезвычайными преувеличеніями. Таковы же „Мальтійскій еврей“, „Эдуардъ II“, „Фаустъ“. Крейсигъ говоритъ: „На всѣхъ трагедіяхъ Мэрло лежитъ печать таланта, силы котораго разстроены безразсудствомъ и слишкомъ торопливой работой; дарованіе его было велико, и характеръ его произведеній — дѣйствительно трагическій; сила патетическаго языка въ нихъ очень велика и ходъ дѣйствія идетъ прямо къ цѣли“. Еще знаменитѣе его былъ очень даровитый драматургъ, писавшій много, Робертъ Гринъ (умершій въ 1592 г.), также портившій и свою жизнь и свои произведенія безразсудствами. Изъ драмъ Грина замѣчательна благородствомъ и естественностью „Патеръ Бэконъ“; она рѣзко отличается отъ массы тогдашнихъ трагедій отсутствіемъ утрированныхъ ужасовъ. Еще больше драмъ славилась моральныя сочиненія Грина. Другомъ его и Мэрло былъ Джоромъ Пиль (род. 1558, ум. 1598); въ своей драмѣ „Обвиненіе Париса“ онъ прославляетъ Елизавету; въ драмахъ „Царь Давидъ и Вирсавія“ и „Разсказъ старухи“ у него есть проблески поэзіи любви, за которые можно назвать его пред-

шественникомъ Шекспира. Джорджъ Чэпмэнъ (1557—1634 г.) и очень пло-
довитый писатель Томасъ Гевудъ, умершій въ 1633 г., писали ужь подъ
вліяніемъ Шекспира. У Гевуда много веселости. Сюжеты драмъ его очень
разнообразны, и всякому сюжету онъ умѣлъ придать сценическую эффек-
тность; знаменитѣйшая изъ его піесъ—„Жена убитая добродушіемъ“. Одно-
временно съ Шекспиромъ и по его образцу писали два драматурга, Фрэн-
сисъ Бьюмонтъ (1585—1616) и Джонъ Флечеръ (1576—1625). Всѣ ихъ піесы
писаны ими обоими вмѣстѣ. Сотрудничество было тогда въ обычаѣ у дра-
матурговъ. Подражая Шекспиру, Бьюмонтъ и Флечеръ хотѣли превзойти
его смѣлостью, и слишкомъ угождали вкусу публики, требовавшей силь-
ныхъ эффектовъ; потому въ ихъ драмахъ много утрировки и сладостраст-
ныя сцены изображаются у нихъ чертами яркими до неприличія. У Фле-
чера было, кажется, болѣе сильное воображеніе, чѣмъ у его сотрудника,
а у Бьюмонта преобладала способность давать разработку мыслямъ. Со-
временники ставили Бьюмонта и Флечера выше Шекспира, а еще выше
ихъ ставили Бена Джонсона (1574 — 1637), слава котораго совершенно
затмѣвала тогда славу Шекспира. Бенъ Джонсонъ провелъ молодость
бурно; при Іаковѣ онъ получилъ титулъ „увѣнчаннаго поэта“ (poëta laureatus),
съ которымъ было соединено довольно значительное жалованье. Онъ былъ
человѣкъ очень даровитый, трагедіи его не имѣли особеннаго успѣха, но
чрезвычайно нравились публикѣ его комедіи; у него было больше остро-
умія и искусства изображать комическія положенія, чѣмъ чувства и во-
ображенія. Недостатокъ изобрѣтательности онъ старался пополнить изу-
ченіемъ древнихъ драматурговъ; по произведеніямъ ихъ онъ составилъ
свою теорію драматическаго искусства, которой держался съ педантиче-
ской точностью. Онъ сталъ главою школы драматурговъ, писавшихъ во
вкусѣ древней драмы, чуждавшихся народнаго театра. Но превосходство
таланта было на сторонѣ національной драмы, служившей свободнымъ
выраженіемъ энергической жизни общества.

2. Англійскій театръ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ драматической поэзіи улучшалась и сцени-
ческая постановка піесъ. Великое значеніе драмъ Шекспира даетъ
интересъ свѣдѣніямъ объ устройствѣ театра въ его время. Значеніе
сценической обстановки необходимо для пониманія драмъ Шекспира,
какъ драмы Софокла и Эврипида становятся понятны только при
знаніи устройства греческаго театра. Мы видѣли, что англійская
драма подобно греческой произошла изъ религіозныхъ спектаклей.
Католическая церковь допускала въ мистеріяхъ и мораляхъ коми-
ческій элементъ; реформація не терпѣла его. Англія приняла каль-
винизмъ въ смягченной формѣ, данной ему правительствомъ; король
и аристократія, по понятіямъ которыхъ были установлены учрежде-
нія англиканской церкви, не имѣли ничего противъ театра, даже по-
кровительствовали ему; благодаря готовности ихъ расходовать деньги
на спектакли прежнія труппы любителей замѣнились труппами арти-
стовъ по профессіи. Пѣвчіе королевской капеллы давали спектакли

при дворѣ Елизаветы. Подъ покровительствомъ вельможъ сформировались другія труппы актеровъ, дававшихъ спектакли въ большихъ городахъ и въ сельскихъ дворцахъ аристократіи; нѣкоторыя труппы получали право называться королевскими; онѣ давали спектакли въ гостинницахъ, утверждая, что это разрѣшается имъ по привилегіи ихъ титула. Около актеровъ собирались въ гостинницахъ люди безпорядочной жизни; они составляли значительную часть публики, особенно въ лондонскихъ театрахъ. Лондонъ уже и тогда превосходилъ всѣ города Европы многолюдствомъ и богатствомъ; въ немъ были тысячи холостыхъ людей, не имѣвшихъ недостатка ни въ досугѣ, ни въ деньгахъ на развлеченія. Ремесленники, работники верфей и фабрикъ наполняли дворъ, на которомъ стояла сцена англійскаго театра. Публика еще болѣе бѣднаго класса занимала галлерею; это были матросы, слуги, уличныя женщины. Театръ былъ мѣстомъ собранія всѣхъ классовъ англійскаго общества. Для простого народа было въ Лондонѣ много плохихъ театровъ; но кромѣ ихъ было нѣсколько другихъ для высшихъ классовъ; тамъ въ первомъ ряду партера впереди актеровъ, свободныхъ отъ игры въ тотъ вечеръ, поэтовъ и критиковъ сидѣли знатные покровители драматическаго искусства, большею частью молодые не женатые вельможи, пріѣзжавшіе смотрѣть на сценѣ то, что занимало ихъ въ жизни: военные подвиги, любовныя приключенія, придворныя интриги; эти молодые вельможи не интересовались піэсами изъ исторіи реформациі, которыя любило среднее сословіе. Они дружились съ актерами, не забывая въ кругу ихъ своего превосходства надъ ними по общественному положенію. Были такіе покровители и у Шекспира; они держали себя дерзко не только съ актерами, которыхъ удостаивали своего пріятельства, но и съ публикой. Для многихъ изъ нихъ ставились кресла на самой сценѣ и между кулисами; нѣкоторые не сидѣли тамъ на креслахъ, а лежали на коврахъ, разостланныхъ для нихъ. Публика курила, пила пиво, ѣла яблоки, грызла орѣхи, а въ антрактахъ играла въ карты, развлекалась и волокитствомъ. На нижней изъ двухъ галлерей театра Глобусъ сидѣли тѣ женщины легкаго поведенія, которыя были на содержаніи у богатыхъ и знатныхъ людей; эти дамы держали себя очень безцеремонно; позади ихъ садились и нѣкоторыя жены фабрикантовъ, купцовъ, но закрывъ лица масками. Вообще посѣщать театръ считалось неприличнымъ для честныхъ женщинъ. Актрисъ не было, женскія роли играли подроставшіе юноши. Надобно знать это, чтобы понимать, почему у Шекспира часто употребляются неприличные выраженія даже героини драмъ; да и многія черты содержанія его драмъ объясняются отсутствіемъ скромныхъ женщинъ. Для знатной публики онъ выводилъ на сцену государей, государынь, знатныхъ господъ и дамъ, говорящихъ изящнымъ языкомъ; а для массы публики вставлены въ его драмы грубыя коми-

ческія сцены. Люди средняго сословія—бургомистры, учителя, ученые, священники, врачи—выводятся у Шекспира обыкновенно только въ комическихъ сценахъ, служатъ предметами шутокъ для знатныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Среднее сословіе чуждалось тогда театра, было даже непріязненно ему; эти солидные, зажиточные горожане, преданные реформаціи, расположенные къ суровому пуританскому взгляду на жизнь, отцы героевъ Долгаго Парламента и республиканцевъ, не посѣщали театра и оставлены безъ вниманія Шекспиромъ. А между тѣмъ этотъ классъ общества былъ самый важный въ политической жизни Англіи и самый почтенный; его энергія подготовляла великую будущность англійской націи; онъ состоялъ изъ торговцевъ и промышленниковъ, священниковъ, людей занимавшихъ второстепенныя административныя и судебныя должности, изъ землевладѣльцевъ, не принадлежавшихъ къ аристократіи, изъ богатыхъ фермеровъ; онъ уже начиналъ приобретать преобладаніе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ восьмидесятихъ годахъ люди пуританскаго направленія уже составляли большинство въ палатѣ общинъ; управленіе городскими дѣлами уже принадлежало имъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ тогдашнихъ драмъ почти вовсе нѣтъ этихъ людей и вообще мало людей безупречной нравственности.

Они были непріязненны театру, требовали стѣсненія его свободы, даже совершеннаго запрещенія спектаклей; въ правленіе первыхъ Стюартовъ, любившихъ театръ едва ли даже не больше, чѣмъ Тюдоры, онъ былъ постояннымъ предметомъ спора между королями и среднимъ сословіемъ; ссоры изъ-за него образовали какъ будто подготовленіе къ политической борьбѣ. Во времена Елизаветы непріязнь массы солидныхъ людей средняго сословія къ театру была такъ велика, что, не смотря на покровительство королевы, Лестера, Сотэмптона, Пемброка, Ротлэнда, сословіе актеровъ находилось въ пренебреженіи: честное общество отдѣляло его отъ себя непреодолимой преградой. Это подтверждается многими мѣстами сонетовъ Шекспира. Законы того времени ставятъ актеровъ на одну линію съ фокусниками, канатными плясунами, бродягами; тѣ права, какія хотѣло давать имъ правительство, оно покупало для нихъ тяжелой борьбой съ господствующимъ предубѣжденіемъ. Елизавета въ началѣ своего царствованія запретила публичные спектакли; позднѣе, когда она любила аллегорическія представленія, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и драмы Шекспира, все-таки она принуждена была подвергать театръ стѣснительнымъ мѣрамъ въ угожденіе ропоту противъ него. Епископы были уступчивы къ пристрастію королевы, но сельскіе священники постоянно проповѣдывали противъ нечестивой любви къ театру; еще упорнѣе ихъ возставали противъ театра лордъ-мэръ и ольдермэны лондонскаго Сити, дѣйствовавшіе не по личному желанію, а по требованію гражданъ, подававшихъ имъ просьбы и адреса; они

закрыли театры, возникавшіе въ Сити; труппы актеровъ принуждены были перенести свои спектакли въ предмѣстья. Имъ запрещено было и тамъ играть по воскресеньямъ, велѣно начинать спектакли въ три часа по полудни. Такимъ образомъ театръ могли посѣщать только люди, не имѣвшіе занятій, а трудящаяся часть населенія была лишена возможности предаваться суетному развлеченію и воскресный день былъ избавленъ отъ оскверненія грѣховнымъ удовольствіемъ. Эти стѣснительныя мѣры были проявленіемъ пуританскаго воззрѣнія на жизнь, постоянно распространявшагося въ среднемъ сословіи и при Карлѣ I достигшаго такой силы, что спектакли были совершенно воспрещены.

Городской совѣтъ лондонскаго Сити возставалъ не только противъ того, что было дурно въ тогдашнихъ драмахъ и комедіяхъ, но противъ самого театра, называлъ спектакли служеніемъ діаволу. Когда въ Лондонѣ стали строиться постоянные театры, городской совѣтъ подвергъ тѣхъ актеровъ, которые не находились на службѣ пэровъ, наказаніямъ, назначеннымъ для бродягъ; въ 1572 г. онъ отказалъ графу Соссексу въ разрѣшеніи построить театръ, а въ 1573 г. заставилъ труппу графа Лестера удалиться изъ Сити. Она стала давать спектакли за предѣлами Сити, устроила театръ въ бывшемъ монастырѣ доминиканцевъ или, какъ они назывались въ Англіи, Черныхъ Монаховъ, Black Friars (онъ по уничтоженіи монашества служилъ складомъ машинъ). Въ этомъ театрѣ игралъ Борбеджъ; въ немъ игралъ сначала и Шекспиръ. Дѣла Блэкъ-фрейерскаго театра шли блистательно на перекоръ враждѣ пуританъ. Въ 1589 г. труппа, игравшая въ немъ, получила разрѣшеніе называться королевской; въ 1594 г. она построила другой театръ Глобусъ (на югѣ отъ Лондонскаго моста). Кромѣ этой труппы, находившейся подъ покровительствомъ Лестера, была труппа лорда адмирала; спектаклями ея управляли Филиппъ Генсло (Henslowe) и Эдуардъ Элленъ (Allan). Ихъ спектакли въ театрахъ, открытыхъ для публики, считались репетиціями для спектаклей во дворцѣ королевы, и подъ этимъ предлогомъ были изъяты отъ запрещенія. По поводу безпорядковъ, произведенныхъ въ 1579 г. труппой лорда адмирала, тайный совѣтъ велѣлъ сломать театры; но это распоряженіе было сдѣлано только для формы и осталось безъ исполненія; тайный совѣтъ защищалъ театры отъ вражды городского совѣта.

Объ устройствѣ лондонскихъ театровъ того времени мы уже говорили. Наше описаніе относилось въ частности къ театру Глобусъ, одному изъ лучшихъ. До начала семидесятыхъ годовъ постоянныхъ театровъ не было въ Лондонѣ; для спектаклей наскоро устраивалась сцена подъ открытымъ небомъ или въ залѣ гостинницы; по окончаніи ряда представленій ломали эту постройку, сколоченную изъ ряда досокъ. Дворы большихъ гостинницъ лондонскаго Сити были первыми театрами. Фасы гостинницы, обращенные во дворъ, имѣли галлерей, служившія помѣщеніемъ для публики, какъ теперь ярусы ложъ. Когда начали строить постоянные театры, этимъ зданіямъ давалось названіе „занавѣсъ“; называли ихъ и театрами; у cadaго театра было, разумѣется, и свое особенное имя; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „Лебедь“, „Роза“, „Фортуна“. При Елизаветѣ число театровъ дошло до одиннадцати, при Іаковѣ I до семнадцати. Денежныя дѣла ихъ шли, вообще говоря, хорошо; довольно многіе антрепренеры и актеры наживали себѣ хорошее состояніе, даже богатство, какъ напримѣръ, Эдуардъ Эл-

лень (ум. 1626 г.), Ричардъ Борбеджъ (ум. въ томъ же году) и самъ Шекспиръ. Это было возможно тогда только въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, который превосходилъ многолюдствомъ и богатствомъ всѣ другія столицы Европы, имѣлъ тысячи богатыхъ людей, любившихъ развлеченія. Кругъ вліянія спектаклей въ Англіи ограничивался Лондономъ и собственно только нѣкоторыми классами населенія въ самомъ Лондонѣ. Театры были плохія, деревянные постройки, большею частью остававшіяся некрытыми. Время начала спектакля обозначалось, какъ теперь въ ярмарочныхъ театрахъ тѣмъ, что выѣшпвалось знамя и музыканты трубили; когда публика сходилась, музыканты, сидѣвшіе на верхнемъ балконѣ, снова играли, объявляя этимъ, что начинается представленіе; послѣ третьяго ригурнея выступалъ актеръ въ черномъ бархатномъ платьѣ и произносилъ прологъ; въ антрактахъ и по окончаніи пьесы шуты играли маленькіе фарсы и пѣли. Но собственно конецъ спектакля составляла молитва актеровъ за королеву, служившая доказательствомъ ихъ благочестія и вѣрноподданническаго чувства. Костюмы были довольно роскошны; актеры тщеславились богатствомъ ихъ; но сценическая обстановка была очень скудна. Доска съ надписью обозначала, въ какомъ мѣстѣ происходитъ дѣйствіе; воображенію публики предоставлялось рисовать себѣ этотъ пѣйзажъ или эту площадь, этотъ залъ; когда дѣйствіе переносилось въ другое мѣсто, выставлялась доска съ другою надписью. Такимъ образомъ безъ всякой перемѣны вида сцены дѣйствіе переносилось изъ одной страны въ другую; этимъ и объясняется частое перемѣщеніе дѣйствій въ драмахъ Шекспира: оно не требовало никакихъ хлопотъ. Выступъ въ серединѣ задней стѣны сцены означалъ смотря по надобности или окно, или башню, балконъ, крѣпостной валъ, корабль. Свѣтлоголубые ковры, подвѣшенные къ потолку сцены означали, что дѣйствіе происходитъ днемъ, а для обозначенія ночи спускались темные ковры. Только на придворной сценѣ обстановка была менѣе скудна; при Іаковѣ I были на ней ужъ подвижныя декорачіи.

Такова была сценическая постановка пьесъ предшественниковъ и современниковъ Шекспира. Бенъ Джонсонъ, порицавшій неправильность формы англійскихъ драмъ, хотѣлъ ввести въ англійскую драматическую поэзію классическое единство времени и мѣста дѣйствія. Придворная труппа, состоявшая изъ пѣвчихъ королевской капеллы, разыгрывала его драмы, написанныя по классической теоріи. Но жизненность имѣлъ только репертуаръ, соотвѣтствовавшій національному вкусу; въ Блэкъ-фрейерскомъ театрѣ, Глобусѣ, Фортунѣ и другихъ частныхъ театрахъ продолжали появляться новыя пьесы національной формы; ихъ было очень много. Правда, — почти всѣ онѣ были произведенія фабричной работы. Авторъ или часто два сотрудника вмѣстѣ, даже три, четыре торопливо писали драму, главную привлекательность которой составляло изображеніе какого нибудь современнаго событія, интересовавшаго публику. Прежнія драмы при новой постановкѣ передѣлывались безъ вниманія къ правамъ автора; впрочемъ, авторы обыкновенно и не имѣли никакого права спорить, потому что продавали свои манускрипты въ собственность антрепренерамъ или труппамъ; такъ дѣлалъ и Шекспиръ. Пьесы вообще писались по заказу, исключительно для той труппы, которая ставила ихъ на сцену. Печатныхъ драмъ, которыя можно было давать на всѣхъ театрахъ, было очень мало. Репертуаръ состоялъ почти весь въ каждомъ театрѣ изъ рукописей, принадлежащихъ собственно ему; онъ не печаталъ ихъ, чтобы не могли воспользоваться ими другіе театры. Такимъ образомъ при каждомъ большомъ театрѣ находилось маленькое общество писателей, работавшихъ только для него; главная задача ихъ состояла въ томъ, чтобы у труппы не было недостатка въ новыхъ пьесахъ. Одинъ изъ сатирическихъ писате-

лей того времени Томасъ Нэтъ говоритъ: „Сочинители такихъ піесъ исполняютъ свое дѣло легко: крадутъ отовсюду, гдѣ находятъ украсть, переводятъ, передѣлываютъ, отдаютъ на сцену небо, землю, словомъ сказать—все, что попадаетъ имъ подъ руки—вчерашнія происшествія, старыя хроники, сказки, романы“. Конкуренція между театрами и драматургами не стѣснялась ничѣмъ: одинъ хотѣлъ перещеголять другого. Молодые вельможи, составлявшіе самую внимательную и образованную часть публики, хвалили хорошее, постоянно требовали новаго, которое было бы еще лучше. Понятно, что эта конкуренція при всѣхъ вредныхъ сторонахъ своихъ имѣла и хорошую; драматическая поэзія, благодаря ей, быстро достигла такого развитія, что получилъ полный просторъ для своей дѣятельности геній Шекспира. Понятно, что не могла держаться она на той высотѣ, на какую онъ поднялъ ее, потому что геніи, равные ему, рождаются очень рѣдко; упадокъ ея послѣ него былъ ускоренъ перемѣной хода общественной жизни.

3. Ш е к с п и р ь.

а) жизнь и произведенія Шекспира.

Уильямъ Шекспиръ, крещенный 26 апрѣля 1564 года и родившійся, вѣроятно, лишь за нѣсколько дней до этого числа, былъ старшій сынъ зажиточнаго и энергическаго горожанина, имѣвшаго много дѣтей и жившаго въ Стрэтфордѣ, называющемся въ отличіе отъ другихъ мѣстечекъ или маленькихъ городовъ того же имени Стрэтфордъ на Эвонѣ, въ графствѣ Уорвикскомъ. Мать Уильяма Шекспира была изъ дворянской фамиліи Эрденовъ (Arden); Уильямъ Шекспиръ получилъ нѣкоторое школьное образованіе, очень невысокое, но гуманистическое, давшее ему возможность понимать римскую исторію и латинскую поэзію. Едва достигнувъ юношескихъ лѣтъ, онъ попался въ охотѣ за дичью въ паркѣ сэра Томаса Льюси; по англійскимъ законамъ охота на чужой землѣ считалась однимъ изъ самыхъ преступныхъ видовъ кражи; юноша былъ арестованъ и преданъ суду; онъ отмстилъ сэру Томасу пасквилемъ въ стихахъ, который прибилъ на воротахъ его парка. Очень можетъ быть, что непріятности, произошедшія изъ этого дѣла, были причиной рѣшенія Шекспира покинуть Стрэтфордъ; можетъ быть также, что онъ слышалъ объ удачѣ, найденной нѣкоторыми его знакомыми на лондонскихъ сценахъ; возможно и то, что повело его въ Лондонъ желаніе помогать деньгами, какія онъ зарабатываетъ тамъ, отцу, которому угрожала продажа имущества за долгъ и которое, судя по этому, находилось въ стѣсненномъ положеніи; какъ бы то ни было, онъ въ 1587 году покинулъ Стрэтфордъ, отправился въ Лондонъ, поступилъ тамъ въ актеры. Онъ женился за пять лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1582 году) на Аниѣ Гэтэуэ (Hathaway), которая была семью или восемью годами старше его, и

когда уѣхалъ отъ нея, имѣлъ трехъ дѣтей. Въ 1589 году черезъ два года по переселеніи въ Лондонъ онъ былъ ужь членомъ товарищества, которому принадлежалъ Блэкъ-фрейерскій театръ. Онъ вздумалъ самъ писать драмы для сцены, на которой игралъ. Предполагаютъ, что онъ еще въ Стрэтфордѣ писалъ довольно большія произведенія въ стихахъ: его поэмы «Венера и Адонисъ» и «Похищеніе Лукреціи» имѣютъ такой страстный характеръ, что должно считать ихъ произведеніями юношескихъ годовъ. Обѣ онѣ написаны въ господствовавшемъ тогда вкусѣ подражанія итальянской поэзіи; въ нихъ много гиперболъ, картинъ южной природы, тѣхъ оборотовъ съ притязаніями на остроуміе, которые назывались у итальянцевъ *concetti*; вмѣсто сжатого разсказа, какой былъ бы у него, если бъ онъ уже достигъ тогда самостоятельности, мы видимъ въ этихъ поэмахъ длинные монологи, утомительное многословіе, риторическую разрисовку сладострастныхъ положеній.

Но именно эти поэмы и сонеты доставили Шекспиру извѣстность въ кругу образованной публики; онъ приобрѣлъ ее въ первые годы XVII в. Нэшъ, о которомъ мы уже упоминали, говоритъ, что Шекспиръ могъ бы сдѣлаться великимъ поэтомъ, если бъ остался вѣренъ итальянскому вкусу, а не занялся сочиненіемъ драмъ для денегъ; но что и въ томъ родѣ поэзіи онъ «не лишенъ достоинствъ и приобрѣлъ себѣ изъ всего множества современныхъ драматическихъ писателей наибольшую славу». И такъ въ эти годы ставили Шекспира еще въ разрядъ обыкновенныхъ драматурговъ, считали его только болѣе даровитымъ, чѣмъ другіе, не находили его великимъ поэтомъ; это понятно, потому что первыя его драмы одинаковы съ драмами Мэрло, Грина и другихъ тогдашнихъ драматурговъ; сходство такъ велико, что о нѣкоторыхъ драмахъ трудно рѣшить, Шекспиромъ написаны они, или нѣтъ.

Есть цѣлый рядъ драмъ, въ которыхъ находятся черты, напоминающія драмы Шекспира и которыя однако же не принадлежатъ ему. Таковы: «Сэръ Джонъ Ольдкесль», «Эдмонтонскій весельчакъ», «Лондонскій блудный сынъ», «Лордъ Кромвель», «Король Эдуардъ III», «Йоркширская трагедія». Быть можетъ, сначала былъ онъ сотрудникомъ другихъ драматурговъ. Съ болѣею вѣроятностью приписывается ему «Титъ Андроникъ» — драма, содержаніе которой заимствовано изъ современной баллады; въ ней онъ старается превзойти своихъ соперниковъ ужасами, нравившимися тогда публикѣ или, какъ онъ называетъ это въ Гамлетѣ, «переипродствовать Ирода». И «Титъ Андроникъ» и «Периклъ князь Тирскій» были, вѣроятно, только передѣлки прежнихъ драмъ, написанныхъ другими. Содержаніе «Перикла» заимствовано изъ греческаго романа. Должно думать также, что безсвязная драма, называемая теперь первой частью «Генриха VI», написана Шекспиромъ въ содружествѣ съ другими. Но вто-

рая и третья части «Генриха VI» — одна цѣльная драма, раздѣленная на двѣ части, потому что была бы слишкомъ длинна для одного спектакля (она имѣетъ 10 актовъ). Въ ней Шекспиръ тоже слѣдовалъ тогдашней новой модѣ перелагать хроники въ драмы. Мы находимъ во второй и третьей частяхъ «Генриха VI» выписки изъ рассказовъ Голля и Голиншеда даже въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ никакъ нельзя бы предполагать этого. Относительно «Перикла» не всѣ изслѣдователи согласны, что онъ писанъ Шекспиромъ въ молодости; нѣкоторые относятъ его къ болѣе поздней порѣ; но всѣ другія, перечисленные нами драмы, написаны до конца восьмидесятыхъ годовъ; онѣ еще работы начинающаго поэта, не достигшаго самостоятельности, и далеко не такъ хороши, какъ позднѣйшія его драмы. Въ началѣ девяностыхъ годовъ Шекспиръ написалъ драмы «Два Веронца» и «Комедія ошибокъ»; сюжетъ обѣихъ любовная интрига; «Комедія ошибокъ» — передѣлка прежней драмы, имѣвшей то же названіе и бывшей въ свою очередь передѣлкой комедіи Плавта — «Менехмы». Родственна имъ комедія «Укрощеніе строптивой»; она, быть можетъ, написана позднѣе, но тоже передѣлка прежней комедіи, написанной по итальянскимъ образцамъ. Языкъ Шекспира въ этихъ трехъ драмахъ еще не мастерской. Мысль о правдоподобіи дѣйствія должна быть отброшена при сужденіи о нихъ; онѣ писаны для публики, которой нравилось видѣть на сценѣ крикливыхъ женщинъ, мужей подъ башмакомъ женъ и т. п. Комедія «Потерянный трудъ любви» тоже переполнена каррикатурными лицами для смѣха публикѣ; истиннаго комизма въ ней мало. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Шекспиръ еще стоитъ на одномъ уровнѣ съ Мэрло и Гриномъ; форма ихъ неуклюжа; сюжеты выбраны въ угожденіе грубому вкусу публики; самостоятельности нѣтъ; все — сплошь подражаніе; много щегольства лоскутами латинскаго, французскаго и итальянскаго языковъ; и владычество модной склонности къ утрировкѣ, къ погонѣ за остротами; напыщенная риторика, натянутая иронія — отличительныя черты этихъ драмъ; вскорѣ послѣ того геній Шекспира съ удивительной быстротой развился въ борьбѣ съ даровитыми соперниками: ученикъ сталъ мастеромъ. Средине девяностыхъ годовъ была для него временемъ невозмутимой свѣтлости духа; онъ создавалъ легко, съ увѣренностью въ своихъ силахъ. Тогда онъ написалъ знаменитый циклъ своихъ историческихъ драмъ, драматическую эпопею, какой не имѣетъ ни одна изъ остальныхъ націй. Впрочемъ, Шекспиръ великъ въ этихъ драмахъ лишь какъ поэтъ, а не какъ знатокъ исторіи или судья ея дѣятелей и событій; вся исторія Англіи состоитъ у него лишь въ побѣдахъ и пораженіяхъ королей и могущественныхъ вельможъ. Видно однако же, что онъ въ Лондонѣ имѣлъ досугъ прочесть кромѣ англиканскаго перевода Библіи въ изданіи 1568 года, много англійскихъ поэтовъ и историковъ, переводовъ съ древнихъ и новыхъ языковъ.

Продолженіемъ «Генриха VI» по времени событій служить «Ричардъ III», первая безспорно самостоятельная трагедія Шекспира; она не передѣлка какой нибудь изъ прежнихъ драмъ, имѣвшихъ то же заглавіе; черты сходства съ ними въ ней маловажны. Отъ изображенія чело-вѣка очень дурного, сознающаго свое превосходство надъ другими по уму и силѣ характера, поэтъ перешелъ къ совершенно инымъ ти-памъ въ «Ричардѣ II», двухъ частяхъ «Генриха IV» и въ «Генрихѣ V». Эти четыре драмы образуютъ тетралогію, изображающую ходъ возвы-шенія Ланкастерской династіи, какъ прежнія четыре составляютъ тетралогію возвышенія Йоркской династіи;—въ первой изъ нихъ мы видимъ законнаго, но бездарнаго короля Ричарда II и его слабыхъ умомъ и характеромъ совѣтниковъ, погибающими въ борьбѣ съ его даровитымъ преемникомъ и энергическими помощниками этого силь-наго чело-вѣка; но хотя Генрихъ IV умѣлъ ловко придавать хорошій видъ злодѣйствамъ, низверженіе и убійство законнаго короля произ-водитъ новыя междоусобія; въ нихъ главные лица—блестящіе моло-дые люди—Генри Перси и принцъ Уэльзскій Генрихъ, юношескія шалости котораго изображены въ безсмертныхъ сценахъ изъ быта грубыхъ классовъ; безчисленны были подражанія англійскихъ драма-турговъ комическимъ фигурамъ этихъ драмъ, пошлымъ пріятелямъ принца Уэльзскаго, изъ которыхъ до сихъ поръ памятенъ всѣмъ тол-стякъ Фальстафъ (играющій роль и въ комедіи «Уиндсорскія веселыя женщины», въ которой попадаетъ въ срамъ этотъ волокита). Принцъ Уэльзскій, возбуждавшій опасенія своими дурачествами, сталъ вели-кимъ чело-вѣкомъ, Генрихомъ V; блистательно выказывается творчес-кая сила поэта въ томъ, что онъ, заставляя насъ все больше и больше интересоваться Генрихомъ V, преодо-лѣваетъ въ насъ любовь къ Генри Перси, который съ самаго появленія своего привлекъ насъ къ себѣ. Прологъ къ этому циклу драмъ образуетъ написанная одно-временно съ ними, драма «Король Іоаннъ», которой поэтъ увѣко-вѣчилъ свой патріотизмъ; по содержанію она передѣлка драмы другого автора, имѣвшей то же заглавіе.

Неодолимо увлекающій насъ трагизмъ этихъ историческихъ драмъ происходитъ въ значительной степени отъ желѣзной послѣдователь-ности, съ какой примѣняется въ нихъ къ одному дѣйствующему лицу за другимъ мысль—«всякое преступленіе наказывается». Шекспиръ въ этомъ остается неуклонно вѣренъ морали хроники, служащей ис-точникомъ ему, и простонароднымъ понятіямъ о карающей судьбѣ. Всякій содѣйствовавшій возбужденію междоусобія погибаетъ отъ него. Сынъ Генриха IV, умершій рано, не подвергся мщенію судьбы за злодѣйства своего отца, но она совершила мщеніе надъ слабымъ вну-комъ преступника. Йоркская династія, побѣдившая Ланкастерскую, заключала въ себѣ чудовище, которое мститъ за ея преступленія своимъ родственникамъ и наконецъ на полѣ босуортской битвы со-

вершается судъ Божій надъ этимъ злѣмъ, противники котораго укрѣпляются на бой сознаніемъ, что сражаются за справедливость Божию и оскорбленные права человѣчества; поэтъ, вообще говорящій только о земной жизни, показываетъ въ этомъ дѣйствіе небесныхъ силъ, правящее ходомъ ея.

Одновременно съ этими трагедіями Шекспиръ создалъ рядъ драмъ, въ которыхъ величественно изображается страсть любви. Нѣкоторыя изъ комедій прежняго времени его, перечисленныхъ нами, уже были посвящены этому чувству; теперь онъ въ комедіи «Хорошо все кончающееся хорошо» изображаетъ величіе любви, отвергнутой сословнымъ тщеславіемъ; мы видимъ превосходство ея надъ вѣроломствомъ (эта комедія основана на одной изъ новеллъ Боккаччіо); въ «Венеціанскомъ купцѣ» изображаются рядомъ двѣ исторіи, основаніемъ которыхъ служитъ любовь; мы видимъ тутъ бѣдственность жизни человѣка, въ сердцѣ котораго всѣ человѣческія чувства заглушены корыстолюбіемъ, а сила страстной любви губитъ саму себя мщеніемъ; трагизмъ завязки и грусть Антоніо, главнаго лица піэсы, уравновѣшиваются отрадностью второстепенныхъ сценъ и неожиданной развязки. «Сонъ въ Иванову ночь» (или по обыкновенному неточному переводу «въ лѣтнюю ночь») дивная аллегорія, озаренная волшебнымъ сіяніемъ сказочнаго міра, изображаетъ ошибки слѣпой безразсудной любви, подвергающей человѣка неразумной мечтательной жизни; изумительная сила воображенія, выказывающаяся въ сценахъ изъ волшебнаго міра, прелестно сочетается съ изображеніемъ нелѣпаго занятія пошлыхъ людей искусствомъ. Но высочайшая изъ драмъ этого ряда, классическая драма любви—«Ромео и Джуеллетта». Артуръ Брукъ въ своей поэмѣ, имѣющей то же названіе, пересказалъ итальянскую новеллу, нѣсколько очистивъ ее отъ риторической мишуры; на основаніи его поэмы Шекспиръ создалъ драму, проникнутую южной пламенностью любви, возникающей на почвѣ ожесточенной вражды двухъ семействъ, вѣчную исторію всякой сильной любви, непризнающей никакихъ силъ жизни кромѣ самой себя, презирающей разсудительность и погибающей отъ силъ, возбужденныхъ ею на борьбу съ нею. Къ концу этого періода принадлежатъ тѣ комедіи, въ которыхъ владычествуетъ веселость и остроуміе гораздо болѣе изящныя, чѣмъ въ прежнихъ піэсахъ Шекспира; эти комедіи: «Какъ вамъ угодно» (піэса, содержаніе которой взято изъ пасторальнаго романа Лоджеса), «Много шума изъ пустяковъ» (содержаніе заимствовано изъ итальянской новеллы); «Крещенскій вечеръ или какъ хотите», (комедія подобно «Комедіи ошибокъ» напоминающая «Менехмовъ»—Плавта); увлекательный юморъ этихъ комедій до сихъ поръ очаровываетъ фантазію публики во всей Европѣ.

Въ 1598 г., когда былъ написанъ этотъ рядъ комедій, Мирсъ (Meres), чьи замѣтки служатъ главнымъ источникомъ нашихъ

свѣдѣній о хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ проявлялись произведенія Шекспира, называетъ его лучшимъ изъ англійскихъ драматурговъ и въ трагедіи и въ комедіи. Нападенія приверженцевъ Бена Джонсона на національный театръ и его представителя Шекспира оставались тогда безуспѣшны; только по смерти Елизаветы, когда характеръ двора измѣнился, Бенъ Джонсонъ восторжествовалъ на придворной сценѣ: Шекспиръ не нравился педанту, ставшему преемникомъ Елизаветы, хотя написалъ маленькое стихотвореніе въ славу его, вставилъ комплименты ему въ свои драмы «Генрихъ VIII» и «Макбетъ». При восшествіи Іакова на англійскій престолъ труппа Флечера, Шекспира и Борбеджа была признана королевской и денежныя дѣла Шекспира шли очень хорошо; но въ 1604 г. онъ удалился со сцены, на которой явились новые таланты. Прежніе покровители его утратили силу и, вѣроятно, въ его личной жизни было много мрачныхъ впечатлѣній; по крайней мѣрѣ такъ должно думать по грустному характеру наилучшихъ произведеній его, написанныхъ въ послѣдніе годы XVI и въ первые годы XVII столѣтій; для примѣра достаточно будетъ привести Гамлета. Содержаніе этой драмы, заимствованное изъ датской легенды, рассказываемой Саксономъ Грамматикомъ, уже было переложено въ драматическую форму однимъ изъ предшественниковъ Шекспира; онъ пользовался этой прежней драмой. Саксонъ Грамматикъ, употребляя выраженія изъ рассказа Тита Ливія о Брутѣ, освободителѣ Рима отъ Тарквинія, передаетъ легенду о датскомъ королевичѣ Гамлетѣ, который притворился сумасшедшимъ, чтобъ успокоить подозрѣнія узурпатора, убившаго его отца, но, забывая временами свою роль сумасшедшаго, выказывалъ великій умъ. Эта черта легенды послужила Шекспиру поводомъ вложить глубокій смыслъ въ слова и поступки Гамлета, кажушіеся поверхностному взгляду бессмысленными. Въ «Титѣ Андроникѣ» онъ уже изображалъ подобную смѣсь помѣшательства и проглядывающихъ сквозь него уловокъ притворства; то была юношеская работа, еще незрѣлая, утрированная; теперь Шекспиръ написалъ великое произведеніе. Онъ въ своемъ Гамлетѣ изобразилъ человѣка съ очень благородной душой и великимъ умомъ. Фигура Гамлета служитъ до нѣкоторой степени отраженіемъ душевной жизни самого Шекспира, мудреца, писавшаго комедіи, игравшаго комическія роли.—Вѣроятно, почти одновременно были написаны драмы, содержаніе которыхъ взято Шекспиромъ изъ итальянскаго сборника повеллъ Джиральди: «Отелло»—мрачная трагедія ревности, и драма «Мѣра за мѣру», содержаніе которой производитъ тяжелое впечатлѣніе, напоминаетъ кальвинистское ученіе о справедливости и благодати. Содержаніе «Макбета» взято изъ хроники Голиншеда; многія подробности цѣликомъ перенесены изъ нея въ драму, какъ напр., разговоръ Мэкдофа съ Мэлькольмомъ; и однако же по художественности плана—это одно изъ лучшихъ произведеній Шек-

спира. Онъ переносится въ мифологическія времена и потому вводитъ въ дѣйствіе сверхестественныя силы; но во всемірной поэзіи нѣтъ произведенія, въ которомъ такъ правдиво изображался бы естественный переходъ понравившейся злой мысли въ злое дѣло и то, какъ изъ перваго злого дѣла возникаетъ рядъ другихъ злодѣйствъ: отважный человѣкъ, возбужденный словами злой волшебницы, вступаетъ въ борьбу съ нравственными силами, борьба становится для него все тяжеле и тяжеле, такъ что душевныя мученія доводятъ его до сумасшествія. Въ баснословныя времена Британіи переносятъ насъ также «Король Лиръ» и «Цимбелинъ»; въ обѣихъ этихъ драмахъ соединены два источника: Голиншедъ и итальянская новеллистика. «Король Лиръ» — потрясающая трагедія, въ которой безжалостный эгоизмъ дочерей подвергаетъ страданіямъ старика, ослѣпленнаго безразсуднымъ пристрастіемъ къ нимъ. Содержаніе Цимбелина очень фантастично; это — рядъ очень живыхъ и разнообразныхъ картинъ, соединенныхъ между собою почти только интересомъ, какой возбуждаютъ въ насъ Постумъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ, идеальнѣйшихъ мужскихъ характеровъ у Шекспира, и королева Имогена.

Особый циклъ составляютъ драмы Шекспира изъ римской исторіи. Онъ читалъ Плутарха въ переводѣ Норта; ему нравились здравый смыслъ этого историка и простота разсказа, ясность развитія однихъ событій изъ другихъ. — Онъ съ геніальной простотой разрѣшалъ въ заимствованныхъ изъ Плутарха драмахъ трудную задачу соединить почти полную вѣрность историческому источнику съ величайшей свободой поэтическаго творчества, обращать исторію въ драму. «Коріоланъ» ужь и по одной силѣ изложенія заслуживалъ бы считаться созданіемъ великаго художника. Главное лицо драмы — аристократъ колоссальной гордости и энергіи, для котораго тѣсны границы, налагаемыя на людей законами общественнаго устройства старыхъ временъ римской республики, когда шла борьба демократіи съ аристократіей. Въ «Юліѣ Цезарѣ» и «Антоніѣ и Клеопатрѣ» изображаются междоусобія, изъ которыхъ возникла имперія. Въ «Юліѣ Цезарѣ» главное лицо не онъ, а Брутъ; ходъ дѣйствія имѣетъ такую стройность и ясность, какія едва ли находятся даже у Шекспира въ какойнибудь другой трагедіи. Но въ «Антоніѣ и Клеопатрѣ» дѣйствіе очень многосложно, такъ что легко потерять изъ виду развитіе главной завязки, закрываемое множествомъ эпизодическихъ элементовъ; живость изображенія увлекательна: Шекспиръ дѣйствительно переноситъ насъ въ волшебныя сады Клеопатры, умѣющей высказывать всякія чувства, какія нужно по ея разсчетамъ. Рѣзко отличается отъ геніальной кокетки Клеопатры обыкновенная вѣроломная красавица въ комедіи «Троилъ и Крессида», написанной въ тѣ же годы и представляющей капризную пародію гомеровскаго міра; по прихоти юмора привлекательныя сцены перемѣшаны въ ней съ отталкивающими.

Послѣдними драмами, написанными Шекспиромъ до его удаленія изъ Лондона въ 1612 году, были «Тимонъ аѳинскій», «Буря», «Зимняя сказка» и «Генрихъ VIII», эпилогъ историческихъ драмъ, изображающій время, когда свирѣпыя междоусобія прекратились, погибаетъ феодализмъ, возникаетъ новое время, когда будутъ господствовать заслуги и добродѣтель и будетъ при Елизаветѣ «Богъ познанъ во истинѣ». Шекспиръ въ эти годы уже предчувствовалъ, что приближается конецъ его жизни; въ послѣднихъ его произведеніяхъ преобладаетъ глубокая серьезность мысли, оставляющая мало мѣста комизму, тѣни сгущаются, и въ «Тимонѣ» уже наступаетъ ночь. «Все на свѣтѣ криво»—это основная мысль исторіи мизантропа Тимона, удаляющагося въ уединеніе отъ обманчиваго свѣта. Но и въ эти грустные годы гений Шекспира проявляется во всемъ своемъ величій, всей прелести картиннымъ разнообразіемъ изображеній въ «Бурѣ», драмѣ изъ волшебнаго міра, идея которой возбуждена была открытіемъ Бермудскихъ острововъ и, быть можетъ, «Прекрасною Сидеею» Джемса Эрера (Auger); въ исторіи Фернандо и Миранды Шекспиръ снова рисуетъ невинную любовь юности, заставляющую насъ забывать всѣ грустныя мысли. Но какъ Просперо, въ концѣ драмы, зарываетъ въ землю свой волшебный жезлъ, такъ и чародѣй, создавшій всѣ эти образы, кончилъ этой драмой свои чары. Онъ поселился съ своимъ семействомъ въ прекрасномъ имѣньи, которое купилъ близъ Стрэтфорда; муза его замолкла; онъ прожилъ тамъ только четыре года. Онъ умеръ 23 апрѣля 1616 г., какъ говорятъ, отъ послѣдствій пира, на которомъ веселился съ Беномъ Джонсономъ и Дретономъ.

в) подробности.

При жизни Шекспира были печатаемы только отдѣльныя піэсы его и притомъ безъ согласія автора. Первое изданіе собранія сочиненій Шекспира было сдѣлано черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти въ 1623 г., прежнимъ противникомъ его, Беномъ Джонсономъ. Предисловіемъ служитъ великолѣпный гимнъ, прославляющій Шекспира и дѣлающій честь Джонсону: „Сладкозвучный эвонскій лебедь, какимъ наслажденіемъ было бы видѣть тебя, восхищавшаго Елизавету и Іакова; но ты теперь перенесенъ уже на небо, сіяй тамъ, звѣзда поэтовъ, и управляй оттуда съ любовью и строгостью нашимъ театромъ, который падалъ бы и находился бы въ отчаяніи по смерти твоей, оставался бы во мракѣ ночи, если бы не освѣщался оставленными тобой твореніями“. Самъ Шекспиръ печаталъ только тѣ свои произведенія, которыя не принадлежали къ драматической поэзіи: рассказы въ стихахъ, двѣ небольшія прико-эпическія поэмы—„Влюбленный пилигримъ“ и „Жалоба влюбленнаго“, и 154 сонета. Собраніе сонетовъ, напечатанное въ 1609 году безъ согласія Шекспира, содержитъ въ себѣ вѣрное отраженіе всѣхъ настроеній его души; тонкій анализъ чувствъ, доходящій до игры изображеніемъ оттѣнковъ ихъ, и гениальный колоритъ картинъ даютъ имъ очень высокое мѣсто въ англійской лирической поэзіи. Въ большей части сонетовъ Шекспиръ обращается

съ рѣчью къ одному изъ молодыхъ вельможъ, бывшихъ покровителями театра; по общепринятому мнѣнію этотъ меценатъ Шекспира былъ графъ Сотэмптонъ (род. 1573, ум. 1624 г.), по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, — Уильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ; дружба этого вельможи служила Шекспиру, какъ постоянно говоритъ самъ онъ, облегченіемъ грустнаго чувства, производимаго презрѣніемъ общества къ сословію актеровъ; но очевидно, что поэтъ въ признательности къ своему покровителю слишкомъ превозноситъ душевные достоинства его. Эта льстивость тона извиняется обычаемъ того времени, и нерѣдко Шекспиръ говоритъ языкомъ болѣе достойнымъ поэта, сознающаго свои умственные и нравственные слпы. Изрѣдка онъ высказываетъ увѣренность, что его произведенія переживутъ его. Общій характеръ сонетовъ Шекспира грустный; они говорятъ о несчастномъ, неудовлетворенномъ чувствѣ; съ необыкновенной силой высказывается это наприм. въ 120 сонетѣ; начало 110 сонета также содержитъ мрачную характеристику душевной жизни автора, но заключеніе этого обзора ошибокъ отрадно: „Правда, я заблуждался, считалъ жизнь игрушкой, наносилъ раны душѣ моей, пренебрегалъ наилучшимъ въ жизни, увеличивалъ прежнія ошибки новыми увлеченіями; правда, чужда мнѣ была истина, не умѣлъ я прямо взглянуть на нее; но паденія только обновляли мое сердце“. Всѣ стороны жизни привлекали Шекспира; онъ умѣлъ находить интересъ въ людяхъ и положеніяхъ, которыя скоро наскучили бы другимъ, видѣлъ человѣческое достоинство и въ тѣхъ людяхъ, у которыхъ хорошія качества лишь изрѣдка и слабо выказываются изъ-подъ дурного и грубаго, закрывающаго ихъ; но онъ понималъ превосходство истинно прекрасныхъ людей надъ тѣми мелкими или дурными, которымъ извинялъ ихъ слабости. Такъ въ 85 сонетѣ онъ говоритъ: „Мое сердце не скупится на похвалы я, когда возвышенная душа поетъ прекрасную пѣснь, оно вторитъ ей“. Человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ не можетъ не испытывать много огорченій, потому обыкновенное настроеніе Шекспира грустно; оно господствуетъ въ его сонетахъ, слышится во всѣхъ его драмахъ и преобладаетъ въ тѣхъ, которыя принадлежатъ послѣднимъ годамъ его дѣятельности.

Нѣтъ сомнѣнія, что печали въ жизни Шекспира было больше, чѣмъ радости; но мы ошиблись бы, если бы предположили, что его недовольство происходило отъ излишней требовательности; напротивъ, современники хвалятъ его кротость. Бенъ Джонсонъ прибавляетъ, что онъ всегда держалъ себя, какъ истинный джентльменъ. Онъ очень тяготился пренебреженіемъ общества къ его профессіи актера, и даже сознаніе своего достоинства мало утѣшало его: онъ рѣдко говоритъ о своихъ произведеніяхъ и какъ будто не дорожитъ ими; это беззаботность истиннаго гения о созданіяхъ своего творчества. — Нѣкоторые видятъ мелочность души въ томъ, что Шекспиръ посовѣтовалъ и далъ своему отцу средства купить патентъ на дворянство. Но положеніе актеровъ при дворѣ было унижительно; они причислялись къ придворной прислугѣ наравнѣ съ трубачами: дворянство должно было служить Шекспиру охраной отъ оскорбленій. Актеры не принимались въ кругъ людей почетнаго званія, какъ равные; потому Шекспиръ мало знаетъ жизнь не только высшаго сословія, но и средняго. Знатные люди вели пріятельство съ нимъ, но не знакомили его съ своими семействами: онъ не былъ допускаемъ въ общество свѣтскихъ женщинъ. Отъ этого происходятъ многія неправдоподобныя, даже невозможныя положенія въ его драмахъ; характеры всегда очерчены у него вѣрно, но поступки и разговоры не всегда. Въ драмахъ у него нѣтъ тѣхъ смягченій энергіи поступковъ и словъ, какія налагаются свѣтскими обычаями; но тѣмъ сильнѣе обрисовываются характеры и страсти. Рюмелинъ, сильно выставляющій на видъ недостатки драмъ Шекспира, гово-

ритъ: „У него нѣтъ слабыхъ, вялыхъ мѣстъ, какія бываютъ почти во всѣхъ большихъ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, служатъ проявленіемъ потребности ихъ отдохнуть и даютъ отдыхъ читателю или зрителю; энергія его неутомима“. Языкъ Шекспира постоянно силенъ, мысли выражаются кратко, богатство ихъ неистощимо; потому такъ завлекательно чтеніе драмъ его и такъ много разсужденій о его идеяхъ; припомнимъ для примѣра безчисленные анализы характера Гамлета.

Достовернѣе всѣхъ разсужденій о системѣ нравственныхъ понятій Шекспира то, что въ построеніи своихъ драмъ онъ очень заботливо соображался съ требованіями сцены; цѣлью ихъ былъ сценическій успѣхъ, и нѣтъ драматическаго поэта равнаго Шекспиру сценической техникой. Онъ умѣетъ краткими разговорами быстро кончить такъ называемую экспозицію отношеній дѣйствующихъ лицъ, вполнѣ ознакомить публику съ дѣйствіемъ, начинающимся передъ нею, ясно и завлекательно вести завязку, придать полную силу эффекта развязкѣ. Нѣтъ поэта равнаго Шекспиру драматическимъ искусствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Много содѣйствовалъ этому его опытъ актера, режиссера, помогала жизнь въ кругу актеровъ. Онъ понималъ, какіе моменты дѣйствія должны быть развиты, какіе лишь кратко очерчены, по условіямъ сценическаго эффекта. Были историкъ литературы, спорившіе о томъ, въ комедіяхъ или трагедіяхъ проявляется геній Шекспира съ наибольшей силой; должно сказать, что онъ драматургъ одинаково сильный и въ комизмѣ, и въ трагизмѣ; въ его піесахъ соединены оба эти элемента; почти всѣ его драмы имѣютъ трагическую завязку и счастливую развязку.

Знатоки согласны въ томъ, что Шекспиръ неизмѣримо превосходитъ всѣхъ современныхъ ему драматурговъ. Любовь, какой пользуется онъ теперь, свидѣтельствуетъ, что онъ поэтъ новыхъ временъ. Онъ жилъ въ началѣ ихъ и ему еще вполнѣ понятно погибающее средневѣковое устройство общества; онъ изображаетъ блескъ и величіе феодальнаго міра съ такою же вѣрностью, какъ и возникающую новую жизнь общества, которое будетъ имѣть закономъ своимъ разумъ и нравственную самостоятельность человека. Много было говорено о религіозности Шекспира; но религія, живущая въ сердцѣ его,—поэзія; католическіе историки литературы говорили, что Шекспиръ сохранялъ въ глубинѣ души вѣру своего отца Джона, отказавшагося ходить въ стрѣтфордскую протестантскую церковь; протестантскіе историки называли исповѣданіемъ его собственной вѣры враждебную католичеству программу Генриха VIII. Эти споры напрасны. Еще нелѣпѣе предположеній объ усердіи Шекспира къ тому или другому вѣроисповѣданію—желаніе нѣкоторыхъ дилеттантовъ доказывать, что подъ именемъ Шекспира писалъ драмы Фрэнсисъ Бэконъ.

Историкъ, чуждающійся пустыхъ гипотезъ, долженъ довольствоваться тѣми сужденіями о Шекспирѣ, что онъ былъ поэтъ, обладавшій въ полнѣйшемъ размѣрѣ существеннѣйшимъ качествомъ драматурга, способностью изображать характеры людей, такъ что каждое дѣйствующее лицо его—живое лицо. Откуда бы ни заимствовалъ онъ содержаніе своихъ драмъ: изъ историческихъ ли хроникъ, изъ итальянскихъ ли новеллъ, онъ все равно съ дивнымъ мастерствомъ представляетъ живыхъ людей, и дѣйствіе естественно развивается у него изъ качествъ, понятій, страстей дѣйствующихъ лицъ; жизнь человѣческаго сердца изображается у него съ поразительной истиной. Такія драмы могъ писать только человекъ, душевная жизнь котораго была очень энергична и полна, который чувствовалъ самъ всѣ влеченія и волненія человѣческой природы. Неистощимое разнообразіе характеровъ и положеній въ драмахъ Шекспира свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ богатствѣ его фантазіи. Въ мастерствѣ вла-

дѣтъ языкомъ онъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ временъ; онъ одинаково умѣетъ выражать энергическія, возвышенныя, граціозныя и нѣжныя чувства; общественное положеніе, степень образованности, особенности характера каждаго дѣйствующаго лица выражаются у Шекспира характеромъ его рѣчи. Обыкновенный размѣръ въ его драмахъ пятистопный ямбъ безъ риѣма; но въ лирическихъ мѣстахъ онъ нерѣдко употребляетъ другіе размѣры, а когда надобно по характеру содержанія, замѣняетъ стихи прозой. Блескъ языку Шекспира сообщается дивнымъ богатствомъ его фантазіи. Мысли и образы являются его воображенію въ такомъ изобиліи, что онъ едва успѣваетъ выразить ихъ, и собственно по сжатости языка, происходящей отъ этого, бываетъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теменъ, часто гиперболиченъ; но тамъ, гдѣ нѣтъ у него преувеличеній, онъ по прелести и силѣ языка—поэтъ, которому едвали есть равный во всемірной литературѣ.

VII. ОСНОВАНІЕ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

1. Нидерланды подъ управленіемъ Рекесенса *).

Преемникъ Альбы, донъ Луисъ де Рекесенсъ-и-Суньига, казался человѣкомъ способнымъ возстановить упавшее довѣріе нидерландцевъ къ государю: онъ выказалъ себя храбрымъ воиномъ въ войнѣ съ морисками и при Лепанто; пріобрѣлъ правительственную опытность, будучи намѣстникомъ миланскимъ, и пользовался полнымъ довѣріемъ своего короля, потому что искусно умѣлъ усвоивать себѣ его планы, показывалъ себя вполне раздѣляющимъ всѣ его понятія и правила. Очень благопріятствовало хорошему пріему его въ Нидерландахъ то, что всѣ тамъ ненавидѣли Альбу и полагали, что смѣна этого тирана означаетъ рѣшимость Филиппа перейти къ примирительной, кроткой системѣ управленія, что Рекесенсъ является представителемъ ея; мадридскій дворъ своими заявленіями возбуждалъ эту надежду въ нидерландцахъ.

Но Филиппъ и его министры притворялись; они хотѣли только обмануть нидерландцевъ переменой лица, исполняющаго въ Нидерландахъ волю Филиппа; отступаться отъ своихъ прежнихъ намѣреній Филиппъ вовсе не хотѣлъ; какъ при своемъ восшествіи на престолъ, такъ и теперь онъ имѣлъ твердую рѣшимость установить въ Нидерландахъ ту самую систему управленія, какая господствовала въ другихъ его владѣніяхъ. Онъ не могъ примириться ни съ національными учрежденіями нидерландцевъ, ограничивавшими его произволъ, ни съ свободой совѣсти; непоколебимыми основаніями его политики

*) Motley, The Rise of the Dutch Republic (3 тома, London, 1856); History of the United Netherlands (4 тома, London 1860—1867); The Life and death of John of Barneveldt (2 тома, London 1874); Groen van Prinsterer, Maurice et Oldenbarneveldt (Utrecht, 1875).

оставались: безграничная власть короля, исключительное господство католической религіи; разница съ прежнимъ была лишь та, что онъ хотѣлъ дѣйствовать способами менѣе свирѣпыми, чѣмъ тѣ, какими думалъ достичь своей цѣли, посылая въ Нидерланды Альбу; цѣль оставалась прежняя, но средства къ ея достиженію были выбраны теперь менѣе жестокія. Этой переменѣ требовали отношенія испанскаго государства къ другимъ державамъ и въ особенности къ Франціи: Филиппъ зналъ, что парижское правительство возвратилось къ намѣренію воевать съ нимъ, помогать нидерландскимъ инсургентамъ, какъ рѣшалось передъ Варооломеевской ночью.

Когда Рекесенсъ пріѣхалъ въ Нидерланды, война шла въ большомъ размѣрѣ и положеніе испанскихъ дѣлъ было затруднительно. Армія, состоявшая изъ 62.000 солдатъ, большею частью наемниковъ, требовала недоданнаго жалованья, исправной уплаты его впередъ, а казна была пуста. Миддельбургъ, единственный городъ на Вальхеренѣ, остававшійся подъ испанской властью, былъ осажденъ инсургентами; коммандантъ его Мандрагонъ оборонялся храбро; но отъ продолжительности осады запасы провіанта истощились; не только горожане, но и солдаты голодали. Надобно было идти на выручку крѣпости какъ можно скорѣе. Приготовленія къ тому были уже сдѣланы. Рекесенсъ отправился въ Бергенъ-опъ-Зомъ; Ромеро, смѣлый генералъ, повелъ войско къ Миддельбургу. Но флотъ, который долженъ былъ отогнать нидерландскіе корабли, заграждавшіе путь, былъ отраженъ съ большимъ урономъ, и Мандрагонъ увидѣлъ себя въ необходимости сдать крѣпость (21 февраля 1574); Вильгельмъ Оранскій далъ гарнизону свободный пропускъ. Нидерландскіе роялисты, Вигліусъ, Аршотъ, Нуаркормъ желали прекращенія войны, всячески склоняли Вильгельма Оранскаго къ примиренію съ Филиппомъ; Альдегондъ, упавшій духомъ въ плѣну, совѣтовалъ Вильгельму примириться, но онъ не довѣрялъ Филиппу, зналъ, что король испанскій никогда не приметъ тѣхъ условій, безъ которыхъ невозможно возстановленіе спокойствія, не согласится вывести иностранныя войска, возстановить законныя учрежденія Нидерландовъ, допустить свободу вѣроисповѣданія, что онъ оставилъ бы реформатамъ только одинъ выборъ: эмигрировать или принять католичество. Вильгельмъ не хотѣлъ отдать на такую судьбу голландцевъ, ставшихъ для защиты вѣры изъ торговцевъ и рыбаковъ воинами. Положеніе его было очень тяжело; но онъ не хотѣлъ примириться съ Филиппомъ иначе, какъ на условіяхъ, обезпечивающихъ политическую и религіозную свободу нидерландцамъ; потому отвергъ переговоры, продолжалъ войну. Но бѣдныя, изнуренныя Фрисландія, Голландія, Зеландія не могли защититься одниѣми своими силами отъ испанскаго могущества. Правда, ихъ населеніе было одушевлено геройской рѣшимостью. Рекесенсъ писалъ королю: «До моего пріѣзда сюда я не понималъ,

какъ могутъ мятежники содержать такіе большіе флоты, когда ваше величество не можете собрать большого флота. Но теперь я вижу, что люди, сражающіеся за свою жизнь, за свои семейства, собственность и свою ложную религію, словомъ за свое собственное дѣло, довольны уже и тѣмъ, когда получаютъ только пищу, не получая жалованья». Однако жъ и при такой готовности на всякія жертвы, силы инсургентовъ были слишкомъ малы сравнительно съ непріятельскими. Вильгельму необходима была помощь другихъ противниковъ испанскаго владычества; онъ велъ переговоры съ Елизаветой, французскимъ правительствомъ, нѣмецкими протестантскими государами. Большую пользу принесло ему то, что его братъ Людовикъ оставался въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ людей французскаго двора; не только вожди гугенотовъ, но и нѣкоторые члены королевскаго семейства сочувствовали нидерландскимъ инсургентамъ, находя вреднымъ для Франціи испанское владычество надъ Нидерландами. Елизавета была заинтересована ходомъ дѣлъ въ Нидерландахъ; но осторожная и скупая, она не рѣшалась послать помощь инсургентамъ; императоръ Максимилианъ и нѣмецкіе протестантскіе государи ограничивались совѣтами Филиппу, чтобы онъ смягчился. Но во Франціи Людовикъ нассаускій получалъ тайныя денежныя пособія; многіе французы поѣхали на сѣверо-востокъ подъ предлогомъ, что сопровождаютъ герцога анжуйскаго въ Польшу, королемъ которой онъ былъ избранъ, и поступили на службу Вильгельма оранскаго. Людовикъ собралъ большое войско, и какъ началось весеннее время, можно стало идти въ походъ, онъ пошелъ съ Рейна къ Маасу, чтобы соединиться съ братомъ и въ третій разъ вторгнуться въ Нидерланды. Но и эта попытка оказалась неудачна, какъ прежняя. На рѣкахъ еще былъ ледъ, плыть оказалось невозможно, а ледъ былъ уже такъ слабъ, что не держалъ людей; это замедлило походъ, дало Авилѣ время войти въ Лимбургъ; построивъ наскоро мостъ на лодкахъ черезъ Маасъ, испанскій генералъ перешелъ рѣку и на равнинѣ у селенія Мока онъ 14 апрѣля (1574 года) далъ шедшему съ юга Людовику битву, кончившуюся послѣ нѣкотораго колебанія побѣдой испанцевъ. Армія Людовика, сила которой была подорвана пренебреженіемъ наемниковъ къ начальству, потерпѣла полное пораженіе; много наемниковъ было убито, много потонуло въ Маасѣ, было сожжено съ хижинами поселянъ, гдѣ прятались или оборонялись побѣжденные; всѣ уцѣлѣвшіе разбѣжались или были взяты въ плѣнъ. Когда сраженіе было проиграно, Людовикъ, его братъ Генрихъ и сынъ пфальцграфа Фридриха II Кристофъ бросились въ ряды непріятеля, чтобы задержать погоню за бѣгущими и умерли геройской смертью.

Главной причиной пораженія Людовика нассаускаго было, какъ мы сказали, непослушаніе солдатъ. Побѣдители скоро ослабили себя

тѣмъ же самымъ. Испанское войско, состоявшее изъ наемниковъ разныхъ національностей, три года не получало жалованье; выведенное изъ терпѣнія, оно отказало въ повиновеніи начальству, выбрало себѣ главнокомандующаго и овладѣло Антверпеномъ. Укрѣпивъ свой лагерь окопами, солдаты расселились по домамъ гражданъ, заставляли ихъ угрозами и побоями дѣлать все, что хотѣли, пьянствовали, грабили, насиловали женщинъ. Рекесенсъ обѣщалъ уплатить имъ недоимку частями по опредѣленнымъ срокамъ. Они требовали больше денегъ. Гарнизонъ антверпенской цитадели начиналъ тоже не слушаться начальства. Горожане собрали 400.000 кронъ, отдали Рекесенсу на уплату жалованья; недостающую сумму замѣнили сукномъ, другими тканями. Получивъ жалованье, солдаты возвратились къ повиновенію. Примѣру этого мятежа стали часто подражать испанскія войска въ Нидерландахъ; когда они теряли терпѣніе, не получая жалованье, они прогоняли начальство, выбирали себѣ новое, овладѣвали городами, селились по домамъ, брали все, что хотѣли у горожанъ, пьянствовали, безчинствовали. Правительство всяческими средствами собирало деньги, платило имъ жалованье, давало безнаказанность за все сдѣланное. Эти буйные наемники были мучителями областей, оставшихся подвластными испанцамъ; потому населеніе постоянно требовало, чтобъ они были выведены.

Еще до сраженія на мокской равнинѣ испанцы осадили Лейденъ. Когда вошелъ въ Нидерланды Людовикъ нассаускій, Авила отозвалъ на подкрѣпленіе своему войску отрядъ, осаждавшій этотъ городъ. Лейденцы въ это время запаслись провіантомъ, но не въ такомъ количествѣ, какъ могли бы; вѣроятно они надѣялись, что Людовикъ нассаускій побѣдитъ и что осада не возобновится. Но послѣ побѣды надъ Людовикомъ Вальдесъ съ большимъ отрядомъ, главную часть котораго составляли испанскіе ветераны, снова подступилъ къ Лейдену и, построивъ укрѣпленія на плотинахъ, окружавшихъ городъ, отрѣзалъ его отъ всякихъ сообщеній.

Рекесенсъ дѣйствовалъ примирительно, отмѣнилъ пошлину съ продажи товаровъ, остановилъ свирѣпую дѣятельность Совѣта мятежей, такъ что если не формально, то фактически уничтожилъ его и 6 іюня обнародовалъ прокламацію короля, обѣщавшую прощеніе и забвеніе всего тѣмъ мятежникамъ, которые покорятся и примутъ католичество; папская булла обѣщала имъ прощеніе католической церкви. Но голландцы хотѣли остаться реформатами и ненавидѣли испанскую власть, потому амнистія была отвергнута ими. „Пока остается у насъ хотя одинъ человѣкъ способный сражаться, мы будемъ стоять за слово Божіе и свою свободу“, отвѣчали лейденцы на объявленіе амнистіи. Число вооруженныхъ гражданъ и наемниковъ въ Лейденѣ составляло лишь нѣсколько тысячъ человѣкъ, но они рѣшились обороняться противъ испанской арміи, надѣясь на Бога и на Вильгельма Оранскаго.

Вильгельмъ во время осады Лейдена собиралъ въ Дельфтѣ и въ Роттердамѣ флотъ и войско, дѣлалъ все возможное, чтобъ исполнить обѣща-

ніе, что до истеченія трехъ мѣсяцевъ придетъ на помощь Лейдену. Этотъ городъ стоялъ на равнинѣ, отнятой у моря искусствомъ и трудомъ человека; она была покрыта теперь роскошными лугами, нивами, огородами, садами, на ней было много богатыхъ селеній, прекрасныхъ загородныхъ домовъ. Тотъ рукавъ Рейна, называющійся старымъ Рейномъ, на которомъ стоитъ Лейденъ, дѣлится въ этомъ мѣстѣ на каналы, образующіе множество мелкихъ острововъ. На искусственномъ возвышеніи въ серединѣ города между фруктовыхъ деревьевъ и дубовъ стояла башня, построенная, какъ говорило преданіе, еще римлянами. Граждане смотрѣли съ нея, не приближается ли обѣщанная помощь. Она могла прійти къ нимъ только, если будутъ прорѣзаны плотины, охраняемыя испанскими укрѣпленіями, хлынетъ въ прорѣзы море, зальетъ все кругомъ города, принудитъ испанцевъ отступить, дастъ голландской флотиліи съ съѣстными припасами путь къ стѣнамъ города.

Въ исторіи мало дѣлъ равныхъ геройству гражданъ Лейдена, выдерживавшихъ осаду съ весны до осени 1574 года. По совѣту Вильгельма Оранскаго лейденцы согласились открыть шлюзы, прорѣзать плотины, хотя наводненіе должно было уничтожить посѣвы того года, надолго испортить почву, и потеря эта отнимала все у множества семействъ. Они очень берегли запасы провіанта, брали ихъ маленькими раціонами; когда пшеничная мука вышла, стали питаться лепешками изъ солода; такимъ образомъ прожили три мѣсяца, до истеченія которыхъ обѣщался подать имъ помощь Вильгельмъ; но наводненія не было и не было кораблей Вильгельма. Изнуренный заботами и трудами, онъ занемогъ; но и лежа въ постелѣ неутомимо занимался распоряженіями о прорѣзываніи плотинъ, о приготовленіи флотиліи къ пути по мѣстности, которую зальетъ море. Оно залило равнину на три мили; 2.500 опытныхъ моряковъ и солдатъ, въ томъ числѣ 800 голландскихъ матросовъ, грубыхъ и сильныхъ людей, подъ начальствомъ адмирала Буазо съ нетерпѣніемъ ожидали возможности плыть къ Лейдену. Но нѣкоторые изъ концентрическихъ круговъ, которыми опоясанъ былъ городъ для защиты отъ моря, еще оставались больше фута на высоту незалитые водой, это были плотины называвшіяся Раздѣлъ, Зеленая дорога, Церковная дорога; противный вѣтеръ не давалъ морю подняться на столько, какъ рассчитывали Вильгельмъ и голландцы, — было множество и другихъ препятствій мѣшавшихъ сдѣлать все, что нужно было для необходимой высоты наводненія. Испанскія пушки, поставленныя на плотинахъ, разбивали корабли Вильгельма; погибало много матросовъ и солдатъ его, а въ Лейденѣ голодъ достигъ крайняго предѣла: всѣ припасы были съѣдены до послѣдняго куска; посаженные вѣли собакъ, кошекъ, крысъ, мышей, траву, листья съ деревьевъ; къ голоду присоединились болѣзни, люди умирали цѣлыми семействами. Но оставшіеся въ живыхъ не хотѣли сдаваться. Однажды собралась толпа утратившихъ бодрость духа; Ванъ деръ Верфъ, лейденскій бургомистръ, сказалъ имъ: „Я поклялся не сдавать городъ и прошу у Бога силы сдержать мою клятву“. Его твердость ободрила унылыхъ, они сказали, что лучше чѣмъ сдаться отрубятъ себѣ и съѣдятъ лѣвыя руки, а правыми будутъ защищаться. Зарево зажженныхъ селеній показало осажденнымъ, что приближается помощь имъ; прилетѣлъ голубъ съ запиской, говорившій это. Но день проходилъ за днемъ, вѣтеръ все дулъ съ востока, отгонялъ море, наводненіе не поднималось до высоты необходимой для флотиліи Вильгельма.

Наконецъ, въ самомъ началѣ октября вѣтеръ перемѣнился; море хлынуло черезъ прорѣзы плотинъ; по пушечнымъ выстрѣламъ ночью испанцы на сторожевыхъ судахъ поняли, что приближается флотилія Вильгельма, повѣстили войску; солдаты Вальдеса въ паническомъ страхѣ бѣжали изъ

редутовъ на западную плотину, которая вела въ Гагу. Но сотни ихъ были захвачены растущимъ наводненіемъ или убиты преслѣдовавшими ихъ морскими гезами. Въ ночь съ 3 на 4 октября испанцы покинули и Ламменъ, самое сильное изъ своихъ укрѣпленій, грозное и городу и флоту; морскіе гезы проплыли къ стѣнамъ города; при радостныхъ крикахъ спасенныхъ горожанъ Буазо и его матросы вошли въ Лейденъ, четыре мѣсяца выносившій мученія голода; исхудавшіе какъ скелеты лейденцы пошли съ своими избавителями въ соборный храмъ, благодарить Бога; но хораль ихъ внезапно прервался, всѣ они заплакали отъ умиленія. На другой день пріѣхалъ Вильгельмъ Оранскій, не послушавъ своихъ друзей, опасавшихся, что онъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, заразится мѣазмами, развившимися въ Лейденѣ. По его предложенію было рѣшено въ память о геройской оборонѣ лейденцевъ основать въ ихъ городѣ университетъ. Въ слѣдующемъ году было отпраздновано открытіе лейденскаго университета; дипломъ о его основаніи былъ написанъ отъ имени Филиппа, поручившаго, какъ говорить дипломъ, исполненіе своей воли вѣрному своему намѣстнику, Вильгельму, князю Оранскому.—Послѣ того какъ наводненіе спасло городъ, лейденцы увидѣли новое чудо благодати Божіей къ нимъ; снова поднялся сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, отогналъ волны наводненія назадъ въ море, такъ что въ нѣсколько дней земля обсохла и можно стало приняться за поправку плотинъ.

Славное освобожденіе Лейдена возвысило авторитетъ князя Оранскаго, и подъ вліяніемъ этого торжества надъ врагомъ были приняты рѣшенія, опредѣлявшія устройство голландской республики, взаимныя права и обязанности ея сейма и ея правителя, Вильгельма. Голландскій сеймъ съ недовѣріемъ смотрѣлъ на то, что Вильгельмъ распоряжается, какъ диктаторъ; и уже тогда начали возникать споры о томъ, каковы должны быть отношенія между правительствами городовъ, имѣвшими аристократическій характеръ и намѣстникомъ (статгоудеромъ), пользовавшимся любовью простоядиновъ. Впослѣдствіи борьба между голландскимъ сеймомъ и статгоудерами получила очень рѣзкій характеръ. Теперь, благодаря благоразумію Вильгельма, разсѣялись подозрѣнія, что онъ обратитъ въ личную свою пользу ввѣренную ему почти неограниченную власть.

Вильгельмъ составилъ записку, въ которой оправдывался отъ обвиненій, жаловался на то, что патріотизмъ начинаетъ ослабѣвать, уменьшается готовность на пожертвованія для борьбы за свободу, и говорилъ, что готовъ отказаться отъ управленія дѣлами, передать его вполнѣ сейму. Представители народа испугались ответственности, которая ляжетъ на нихъ, если онъ удалится; и когда Вильгельмъ на собраніи голландскаго сейма въ Дельфтѣ повторилъ свое предложеніе отказаться отъ управленія, сеймъ (12 ноября 1574) постановилъ: пока продолжается война, необходимъ правитель, имѣющій обширныя полномочія; потому сеймъ проситъ князя Оранскаго оставаться «регентомъ и правителемъ», и завѣдывать дѣлами при содѣйствіи «состоящаго при немъ совѣта». Сеймъ далъ ему неограниченную власть надъ войскомъ и флотомъ, отдалъ въ его распоряженіе всѣ государственныя имуществы и доходы, доставляемые налогами, назначилъ ему содержаніе, принялъ на свой счетъ расходы по содержанію отряда его тѣлохранителей и вообще далъ ему такія права, что онъ могъ дѣйствовать почти какъ неограниченный государь. Было постановлено, что согласіе сейма необходимо только для перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, для введенія новыхъ налоговъ и при назначеніяхъ на важнѣйшія судебныя и административныя должности. Былъ выбранъ совѣтъ, на одобреніе котораго долженъ былъ предлагать Вильгельмъ свои распоряженія, но этотъ совѣтъ существовалъ недолго. Вильгельмъ и сеймъ присягнули

быть вѣрными другъ другу. На оборону страны сеймъ назначилъ 45.0000 гульденовъ въ мѣсяцъ; по тогдашнему времени это была большая сумма. Такія же постановленія были приняты зеландскимъ сеймомъ въ Дордрехтѣ: онъ 4 іюня 1575 объявилъ, что «будетъ повиноваться князю Оранскому». Вильгельмъ далъ обѣщаніе соблюдать законы, уважать права народа Голландіи и Зеландіи, охранять въ нихъ реформатскую религію. Обѣщаніе относительно религіи далъ онъ неохотно, лишь по настойчивому требованію сеймовъ. Онъ былъ искренно преданъ реформатской церкви и лично согласенъ съ «Исповѣданіемъ евангелическо-реформатской вѣры», которое было составлено во время осады Лейдена дордрехтскимъ соборомъ, первымъ соборомъ національной нидерландской церкви; но ему не нравилось, что устанавливается официальное вѣроисповѣданіе; онъ держался идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти, потому желалъ бы, чтобы всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ была предоставлена равноправность. Духъ того времени не допускалъ этого.

Единодушіе было необходимо нидерландцамъ, защищавшимъ свою свободу, потому что испанское правительство старалось обольстить ихъ притворными уступками. Рекесенсъ находился въ затруднительномъ положеніи: у него не было денегъ; сеймы областей, занятыхъ испанскими войсками, отвергали его денежныя требованія; войска не получали жалованья, роптали, буйствовали; надобно было заключить миръ или по крайней мѣрѣ продолжительное перемиріе съ инсургентами, чтобы выйти изъ этихъ затрудненій. Потому Рекесенсъ обрадовался извѣстію, что король принялъ предложеніе императора Максимилиана быть посредникомъ между нимъ и нидерландскими инсургентами. Максимилианъ былъ родственникъ Филиппа, но пользовался довѣріемъ Вильгельма, какъ человекъ, держащійся правилъ вѣротерпимости. По его желанію съѣхались въ мартѣ 1575 года въ Бредѣ уполномоченные Филиппа и Вильгельма для переговоровъ о мирѣ. Вліятельнѣйшимъ изъ уполномоченныхъ короля испанскаго былъ юристъ, называвшійся по латинской формѣ имени Эльбертомъ Леонинъ; въ числѣ уполномоченныхъ Вильгельма находились личные друзья его, Альдегондъ и Буазо. Вильгельмъ предвидѣлъ, что переговоры будутъ безуспѣшны; онъ давно потерялъ всякое довѣріе къ Филиппу и справедливо полагалъ, что если бы даже сдѣлалъ Филиппъ тѣ уступки, какія были необходимы для примиренія, то сдѣлалъ бы это лишь по невозможности подавить возстаніе силой оружія и съ намѣреніемъ нарушить договоръ, при первой возможности; папа устранилъ бы религіозное затрудненіе, освободивъ короля испанскаго отъ обязанности соблюдать обѣщанія, данныя еретикамъ. Нидерландцы, сражавшіеся съ Филиппомъ, были въ глазахъ его мятежники, относительно которыхъ дозволительны всякія коварства и вѣроломства. Вильгельмъ твердо зналъ это и въ письмѣ къ своему брату Іоанну говорилъ, что рѣшительно порицаетъ мысль о мирѣ, который былъ бы «противенъ почитанію Бога и свободѣ страны, и притомъ былъ бы непроченъ, быть-можетъ обманчивъ». Но онъ не желалъ подвергаться

упреку, что не хочетъ мира, не желалъ дать императору поводъ къ мнѣнію, что личные интересы для него дороже блага страны; поэтому онъ согласился на переговоры, и уполномоченные его вели ихъ нѣсколько мѣсяцевъ; но съ самаго начала было видно, что испанцы не имѣютъ серьезной мысли о примиреніи, хотятъ только выиграть время хитростями, чтобы возобновить войну, когда пріобрѣтутъ возможность подавить голландцевъ.

На требованіе удалить иностранныя войска, уполномоченные Филиппа отвѣчали, что король не будетъ удерживать этихъ наемниковъ въ Нидерландахъ, когда прекратится надобность въ нихъ; обѣщали, что по прекращеніи мятежа будетъ созванъ общій нидерландскій сеймъ; на требованіе свободы вѣроисповѣданія они прямо не соглашались, говорили только, что король дастъ реформатамъ нѣкоторый срокъ для продажи ихъ имуществъ и отъѣзда за границу. Они отвергли даже то предложеніе, чтобы король или далъ свободу исповѣданія безъ открытаго богослуженія, или предоставилъ рѣшеніе религіознаго вопроса общему нидерландскому сейму. Поэтому конференціи въ Бредѣ прекратились 14 іюля, не подвинувъ дѣло къ примиренію. Сѣверныя провинціи выбили медаль съ надписью, говорившей, что онѣ предпочитаютъ открытую войну обманчивому миру.

Такимъ образомъ война, шедшая въ Голландіи, Фрисландіи, Гельдернѣ, получала все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ непримиримости и сопровождалась жестокостями, какія всегда бываютъ принадлежностью религіозныхъ междоусобій. Гержъ (Hierges), сынъ Барлемона, безпощадно убивалъ реформатовъ въ сѣверо-западной части Нидерландовъ, Сонси поступалъ такъ же безпощадно съ католиками въ западной Голландіи. Подъ предлогомъ, будто составилъ заговоръ католиковъ, былъ учрежденъ въ сѣверной Голландіи трибуналъ, подобно брюссельскому Совѣту мятежей мучившій пытками и казнившихъ обвиняемыхъ. Но Вильгельмъ велѣлъ прекратить это. Въ семейныхъ отношеніяхъ Вильгельма произошли около этого времени перемѣны, вліяніемъ которыхъ увеличилось взаимное ожесточеніе католиковъ и реформатовъ. Анна саксонская сначала страстно любила мужа; но характеръ ея былъ капризный, вспыльчивый; она стала отравлять жизнь Вильгельма своими несносными выходками, безразсудствами и наконецъ возбудила всеобщее порицаніе пороками, которымъ предалась; молва винила ее въ любовной связи съ бѣжавшимъ въ Голландію изъ Антверпена Яномъ Рюбенсомъ (отцомъ знаменитаго живописца). По желанію Вильгельма бракъ былъ расторгнутъ; онъ отослалъ Анну въ Саксонію и вступилъ въ бракъ съ Шарлоттою Бурбонъ, принцессою французской королевской династіи, дочерью герцога Монпансье; она была монахиня, но обратилась въ кальвинизмъ, отецъ отрекся отъ нея за это, она нашла пріютъ себѣ у курфюрста пфальцскаго. Вильгельмъ послалъ Альдегонда передать ей его предложеніе; оно было принято, Альдегондъ проводилъ ее изъ Гейдельберга въ Бриль; тамъ она (въ іюнѣ 1575) повѣнчалась съ княземъ Оранскимъ и они переѣхали въ Дордрехтъ дать тамъ свадебный праздникъ. Этотъ бракъ Вильгельма возбудилъ неудовольствіе французскаго двора, а курфюрстъ саксонскій и ландграфъ тессенскій, дяди Анны, поссорились съ Вильгельмомъ за разводъ съ нею. Она вскорѣ по возвращеніи на родину подверглась разстройству ума, и курфюрстъ держалъ ее въ отдаленной комнатѣ своего дворца; тамъ и умерла она (18 декабря 1577). Родственники не хотѣли принимать въ соображеніе, что своимъ порочнымъ образомъ жизни она принудила Вильгельма къ разводу, считали

расторженіе брака съ ней оскорбленіемъ своимъ династіямъ и вознегодовали на Вильгельма еще сильнѣе, когда онъ женился на кальвинисткѣ: лютеране тогда ненавидѣли всѣхъ исповѣдывавшихъ кальвинистское ученіе. Курфирстъ саксонскій едва не объявилъ войны курфирсту пфальцскому по подозрѣнію, что онъ помогалъ сватовству Вильгельма на Шарлоттѣ Бурбонъ, и по враждѣ къ нему, какъ кальвинисту. Такимъ образомъ Вильгельмъ утратилъ всякую надежду на помощь лютеранскихъ государей Германіи.

А между тѣмъ иноземная помощь была тогда необходима ему; войско Рекесенса, состоявшее изъ испанцевъ, валлоновъ, нѣмецкихъ ландскнехтовъ, въ сентябрѣ отважно перешло въ лунную ночь отмели, отдѣлявшія Дѣйвеландъ и Схоувенъ отъ материка и овладѣвъ этими островами отрѣзало Голландію отъ Зеландіи; Мондрагонъ осадилъ крѣпость Зирикзе. Вильгельмъ и сеймы голландскій и зеландскій рѣшили наконецъ отбросить фикцію, будто продолжаютъ признавать власть Филиппа. Въ октябрѣ 1575 г. они объявили, что отказываютъ Филиппу, королю испанскому, въ повиновеніи. Этимъ они отняли у себя всякую возможность примиренія съ нимъ, и должно было ждать, что онъ употребитъ всѣ свои силы на покореніе мятежниковъ, провозгласившихъ, что рѣшились образовать независимое отъ него государство. Двѣ небольшія области, конечно, не могли надѣяться, что собственными силами выдержатъ борьбу съ могущественнѣйшимъ изъ европейскихъ государей. Голландцы были тогда еще далеки отъ мысли о республикѣ; они и слѣдовавшіе примѣру ихъ зеландцы готовы были отдаться подъ власть королевъ англійской или принять государя, котораго дастъ имъ король французскій. Они сначала предложили Елизаветѣ стать ихъ государыней; главнымъ изъ пословъ отправленныхъ ими къ ней былъ другъ Вильгельма, Альдегондъ. Но она отпустила посольство, не давъ опредѣленнаго отвѣта, ограничившись любезными увѣреніями въ своемъ расположеніи. А во Франціи снова шло междоусобіе, отнимавшее надежду на помощь ея короля; потому Вильгельмъ Оранскій и сѣверныя области Нидерландовъ должны были рассчитывать только на свои собственные силы. При невозможности получить себѣ помощь отъ сосѣднихъ монархій нидерландскіе инсургенты рѣшили принять республиканскую форму устройства; они были принуждаемы къ тому боязнью монархическихъ правительствъ принять ихъ подъ свою власть или хотя бы защиту.

Рекесенсъ не дожилъ до конца осады Зирикзе. Душевные волненія отъ мыслей о затруднительности положенія изнурили его; извѣстіе о мятежѣ испанскаго гарнизона, стоявшаго въ Гарлемѣ, нанесло ему послѣдній ударъ, съ нимъ сдѣлалась горячка; онъ умеръ 5 марта 1576, на 51 году жизни. Человѣкъ лично храбрый, но не даровитый, онъ былъ не способенъ успѣшно вести трудное дѣло, за которое взялся.

2. Буйство испанскихъ войскъ. Гентскій договоръ.

Съ согласія Филиппа брюссельскій государственный совѣтъ принялъ на себя управленіе дѣлами до прибытія новаго намѣстника. Изъ людей, бывшихъ членами совѣта, при Маргаретѣ оставались теперь только Аршотъ, Барлемонъ и Вигліусъ. (Нуаркормъ умеръ за два года передъ тѣмъ). Король назначилъ четырехъ новыхъ членовъ совѣта; трое изъ нихъ были нидерландцы, четвертый испанецъ Де Рода. Главное начальство надъ войсками принялъ графъ Мансфельдъ. Король испанскій долго колебался, кого назначить намѣстникомъ въ Нидерландахъ, и мѣсяць за мѣсяцемъ длилось временное управленіе ими; прочной власти не было. При Рекесенсѣ ужъ трудно было поддерживать дисциплину въ буйномъ наемномъ войскѣ; временное правительство, шаткое, робкое, получавшее отъ фландрскаго и брабантскаго сеймовъ отказы въ деньгахъ, не могло поддержать ея. Власть брюссельскаго совѣта была тѣмъ слабѣе, что члены его ссорились между собою и нѣкоторые изъ нихъ были тайными приверженцами Вильгельма Оранскаго. Примѣру мятежа, поданному при Рекесенсѣ гарлемскимъ гарнизономъ, послѣдовали теперь войска, стоявшія въ другихъ мѣстностяхъ; государственный совѣтъ увидѣлъ себя въ необходимости примѣнить то же средство усмиренія, которое было употреблено Рекесенсомъ: онъ далъ областнымъ сеймамъ и городскимъ властямъ право обуздывать буйство солдатъ собственными силами, призывать вѣрныхъ подданныхъ короля къ оружію для усмиренія мятежнаго войска.

Крѣпость Зирикзе послѣ девятимѣсячной осады сдалась 21 іюня 1576 на капитуляцію, дававшую свободный пропускъ гарнизону. При одной изъ попытокъ освободить Зирикзе отъ осады утонулъ адмиралъ Буазо, спаситель Лейдена. Испанское войско, стоявшее на островѣ Схоувенѣ, терпѣло лишенія, не получая жалованья, и наконецъ потребовало отъ своего начальника Мондрагона вознагражденія за свою тяжелую службу. Онъ отвѣчалъ обѣщаніями, солдаты не вѣрили имъ, перешли отъ угрозъ къ мятежу, ограбили Схоувенъ, пошли изъ Зеландіи въ Брабантъ и уже приближались къ Брюсселю. Графъ Мансфельдъ пытался успокоить ихъ, они отвѣчали ему крикомъ «денегъ или городъ»!

Ихъ было отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ; это были старые солдаты. Не получая денегъ, они пошли во Фландрію на богатый городъ Аlostъ, взяли его штурмомъ, перерѣзали всѣхъ оборонявшихся, расположились въ городѣ, какъ хозяева. Сосѣдніе города опасались такого же нападенія; жители ихъ вооружились, чтобъ отражать разбойниковъ, если они подойдутъ. Государственный совѣтъ принужденъ былъ уступить требованію народнаго негодованія, объявилъ эдиктами отъ 26 іюля и 2 августа мятежниковъ лишенными покровительства законовъ,

далъ городамъ и областямъ право обороняться отъ нихъ. Брюссельскіе граждане вооружились; правительство оробѣло, не смѣло ни приказывать, ни запрещать ничего. Королевская власть сохранила силу только въ Антверпенѣ, гдѣ правителемъ города былъ Шампаньи, братъ Гранвеллы, а коммендантомъ цитадели Санчо д'Авила. Въ Брюсселѣ государственный совѣтъ не зналъ, что ему дѣлать: онъ боялся прогнѣвить Филиппа уступками народу, боялся негодующихъ вооруженныхъ гражданъ, боялся угрозъ мятежныхъ солдатъ. Негодование на испанцевъ охватило всѣ области; народъ требовалъ, чтобъ объявлена была, лишенной покровительства законовъ, вся армія, хотѣлъ истребить или прогнать иноземныхъ наемниковъ, составлявшихъ ее. Послѣ десятилѣтняго угнетенія испанская власть надъ Нидерландами ограничивалась тѣмъ, что Де Рода, бѣжавшій отъ народной ненависти изъ Брюсселя въ Антверпенъ, писалъ тамъ отъ имени короля эдикты и прокламаціи, на которые никто не обращалъ вниманія.

Видя всеобщее негодование противъ себя, отряды испанскихъ войскъ, стоявшіе гарнизонами по цитаделямъ, вошли въ соглашеніе между собою; всѣ они объявили, что присоединяются къ дѣлу ветерановъ, занявшихъ Алость. Правитель Антверпена Авила формально принялъ сторону алосткаго войска, пренебрегая тѣмъ, что правительство поставило этихъ мятежниковъ внѣ покровительства законовъ; примѣру Авилы послѣдовали комменданты войскъ въ Валансьенѣ, Гентѣ, Утрехтѣ, Кёйленбургѣ, Віанѣ, Мастрихтѣ, другихъ городахъ и цитаделяхъ. Каждый отрядъ арміи, состоявшей изъ испанцевъ, валлоновъ, нѣмцевъ, поступалъ, какъ хотѣлъ, отвѣчалъ на ненависть народа грабежемъ, всяческими насиліями, убійствами, презиралъ безсильное брюссельское правительство, требовавшее прекращенія буйствъ, призывавшее городскія власти и народное ополченіе обуздать ихъ. Повсюду было анархическое военное состояніе; почти ежедневно происходили схватки солдатъ съ народнымъ ополченіемъ. У Тинака (Tisnacq) между Лувеномъ и Тирльмономъ произошло формальное сраженіе на открытомъ полѣ; горожане и поселяне, пошедшіе туда подъ начальствомъ сосѣднихъ дворянъ, потерпѣли пораженіе, потому что испанскія войска сохранили боевую храбрость и, когда дѣло доходило до сраженія, дѣйствовали по командѣ своихъ выборныхъ начальниковъ.

Отрядъ нѣмецкихъ наемниковъ принялъ въ Мастрихтѣ сторону гражданъ; при его помощи они выгнали изъ города испанскій гарнизонъ. Испанцы стали близъ города, въ селеніи Вейкѣ, окопались тамъ и потомъ пошли штурмовать Мастрихтъ, гоня передъ собой захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ, чтобы горожане не стрѣляли, жалѣя ихъ; штурмъ удался; овладѣвъ Мастрихтомъ, испанцы стали свирѣпствовать тамъ съ такимъ звѣрствомъ, какому мало было примѣровъ даже въ тѣ ужасныя времена; мужчинъ рѣзали и изнасиловывъ жен-

щину, они рѣзали и ее вмѣстѣ съ мужемъ; мучили тѣхъ, которымъ оставляли жизнь, такъ что пощаженные люди завидовали убитымъ, говоритъ одинъ изъ писателей того времени.

Но въ Антверпенѣ произведены были звѣрства въ размѣрѣ еще болѣе ужасномъ. Аlostъ, городъ небольшой, не могъ удовлетворить жадности мятежниковъ, они вздумали ограбить Антверпенъ, дворцы и магазины котораго были наполнены богатствами всемірной торговли. Авила, коммендантъ антверпенской цитадели, объявилъ себя на сторонѣ мятежниковъ, былъ признанъ главнокомандующимъ всей арміи; по его приглашенію испанскіе отряды пошли изъ разныхъ стоянокъ къ Антверпену и одинъ за другимъ пробирались въ цитадель, стараясь быть незамѣченными въ городѣ. Къ нимъ присоединилось и нѣсколько нѣмецкихъ наемниковъ. Шампаньи, правитель города Антверпена, догадался о намѣреніи испанцевъ, и чтобы спасти городъ отъ грабежа, пригласилъ жителей вооружиться; стоявшіе въ городѣ нѣмцы и валлоны присоединились къ городскому ополченію; пришло на помощь ему нѣсколько войска изъ Брюсселя. Число защитниковъ города было достаточно велико, но они были слабы по несогласію между собой, по недостатку хорошихъ офицеровъ; притомъ были между ними трусы, были измѣнники. Горожане стали укрѣплять городъ со стороны обращенной къ цитадели, но еще не успѣли дать надобную высоту брустверу, когда испанцы, собравшіеся въ цитадели, напали на городъ. Защитники его оборонялись храбро, но артиллерійскій огонь изъ цитадели и военная опытность нападающихъ скоро одолѣли сопротивленіе; 4 ноября (1576 года) грабители прорвались черезъ окопы, ринулись въ улицы, убивали всѣхъ сопротивляющихся, гнали за бѣгущими; улицы и площади покрылись убитыми, умирающими; кровь текла ручьями. На площади передъ ратушей былъ послѣдній упорный бой; испанцы одолѣли и въ немъ, и началось дѣло грабежа, разрушенія, звѣрства. Испанцы зажгли великолѣпную ратушу; огонь быстро охватилъ сосѣдніе дома, стремительно распространялся по городу; множество жителей погибло въ немъ; испанцы убивали бѣгущихъ отъ него. Три дня длились эти ужасныя сцены. Число убитыхъ испанцами простиралось, какъ говорятъ, до 10.000. Въ числѣ ихъ находились многіе изъ членовъ городского совѣта и другихъ городскихъ правителей. Когда прекратилось сопротивленіе и остановился пожаръ, испанцы занялись по всей своей волѣ грабежемъ; они пытали жителей, принуждая сказать, гдѣ спрятаны деньги, насиловали дѣвушекъ и женщинъ, предавались всѣмъ неистовствамъ звѣрскихъ страстей.

Эти неистовства называются у нидерландскихъ историковъ того времени испанской яростью. Городъ, бывшій однимъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, былъ на половину сожженъ и весь разграбленъ; повсюду лежали груды тѣлъ.

Много разъ Антверпенъ подвергался прежде грабежу враговъ, но оправлялся послѣ бѣдствій; испанская ярость опустошила его такъ, что онъ уже не оправился отъ нея никогда.

Неистовства испанской арміи возбудили во всѣхъ нидерландскихъ областяхъ такую ненависть къ Филиппу, что Вильгельмъ Оранскій увидѣлъ возможность склонить всѣхъ нидерландцевъ къ единодушному сопротивленію тиранніи, надѣясь, что одинаковая ненависть къ испанскому деспотизму заглушитъ всѣ прежнія несогласія. Самое главное препятствіе соединенію всѣхъ провинцій для общей обороны отъ тиранства и анархіи представляла разница языка и вѣроисповѣданій. Въ южныхъ провинціяхъ преобладала валлонская національность, французская цивилизація и католическая религія; населеніе этой половины Нидерландовъ смотрѣло съ недовѣріемъ, непріязнью на голландскій еретическій сѣверъ и на кальвиниста Вильгельма. Проявленія сочувствія реформаціи, происходившія лѣтъ за десять передъ тѣмъ во Фландріи, Брабантѣ, Геннегау, Люттихѣ, имѣли своимъ источникомъ не столько религіозное убѣжденіе, сколько вражду къ испанскому деспотизму, ненависть къ инквизиціи. Тѣ люди въ этой части Нидерландовъ, которые были дѣйствительно преданы реформаціи, были истреблены казнями въ правленіе Альбы или бѣжали. Католичество снова пріобрѣло господство тамъ. Вильгельмъ зналъ это и не могъ надѣяться, чтобы населеніе южной части Нидерландовъ приняло реформацію, установившуюся въ сѣверной части; потому главной цѣлью своихъ заботъ поставилъ примиреніе между католиками и реформатами, убѣждалъ тѣхъ и другихъ, что разница вѣроисповѣданій не должна мѣшать имъ соединиться для обороны своей независимости отъ общихъ враговъ, говорилъ о патріотизмѣ, о свободѣ, о защитѣ законныхъ учрежденій, дѣйствовалъ на патріотизмъ, внушалъ голландцамъ и зеландцамъ идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти, обнародовалъ манифесты, объяснявшіе нидерландцамъ, что въ дѣлахъ вѣры не должно быть принужденія.

Внушенія Вильгельма голландцамъ и зеландцамъ не остались напрасны. Въ новомъ актѣ уніи (соединенія) принятомъ зеландскимъ и голландскимъ сеймами 25 апрѣля 1576 года и постановлявшемъ, что они будутъ единодушно съ княземъ Оранскимъ защищать свою независимость, опредѣлявшемъ отношенія между нимъ и сеймами, былъ до нѣкоторой степени принятъ принципъ свободы вѣроисповѣданія. Этотъ актъ возлагалъ на князя Оранскаго обязанность „защищать богослуженіе реформатской евангелической религіи и не допускать богослуженія всякихъ другихъ противныхъ евангелію религій“, но прибавлялъ, что князь Оранскій „долженъ при этомъ однако же не позволять, чтобы было производимо разузнаваніе о чьей либо вѣрѣ или чтобы кто былъ подвергаемъ за вѣру какимъ либо обидамъ или притѣсненіямъ“. Мы уже говорили, что Вильгельмъ неутомимо старался смягчать и сдерживать склонность къ религіозному деспотизму, бывшую такой же сильной и у фанатическихъ кальвинистовъ въ Голландіи, Фрисландіи, Зеландіи, какъ у католическихъ фанатиковъ юга. Въ своихъ циркулярахъ онъ горячо убѣждалъ област-

ные сеймы отложить всякія несогласія, имѣть въ виду только общую цѣль, восстановление свободы и законныхъ учрежденій для блага отечества, говорилъ, что теперь у всѣхъ патріотовъ должна быть одна забота о томъ, чтобы свергнуть съ себя испанскую тираннію; они не должны вѣрить Филиппу, говорящему, что, возстановивъ владычество католической религіи и свою неограниченную власть, онъ окажетъ себя милостивымъ къ усмирленнымъ нидерландскимъ провинціямъ; это обѣщаніе обманъ; нидерландцы должны помнить, что Филиппъ не забываетъ и не прощаетъ сопротивленія ему; если возстановится испанское владычество, то оно будетъ угнетеніемъ еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде; эшафотъ и висѣлица несомнѣнно будутъ судьбою нидерландцевъ, если они отдадутъ себя во власть врага.

Буйства испанской арміи заставляли населеніе южныхъ провинцій склоняться на убѣжденія Вильгельма. Правда, положеніе Голландіи и Зеландіи было тяжело; владѣя Амстердамомъ, Гарлемомъ, Зирикзе, испанцы постоянно угрожали нападеніями всѣмъ другимъ городамъ этихъ областей, опустошеніемъ всему пространству ихъ; для обороны своей голландцы и зеландцы прорѣзали плотины, произвели наводненіе; плотины были еще не вполне возстановлены, море еще покрывало многія мѣстности; плодородіе другихъ пострадало отъ наводненія; число скота уменьшалось, хлѣба было мало и не было безопасности отъ новыхъ опустошеній; но положеніе южныхъ провинцій было еще хуже. На сѣверѣ былъ заботливый правитель, которому довѣрялъ народъ и сеймы дали большія полномочія; онъ неутомимо старался облегчить бѣдствія, возстановить благосостояніе; а южныя провинціи были жертвой грабежа и звѣрства возмущившихся солдатъ. Брюссельскіе граждане произвели 5 сентября возстаніе противъ государственнаго совѣта, представителя испанской тиранніи; нѣкоторые изъ его членовъ были арестованы, другіе бѣжали; управленіе въ Брабантѣ было передано областному сейму и городскимъ властямъ; но они были слабы, не могли усмирить буйство солдатъ, владычествовавшихъ въ Аlostѣ, Мастрихтѣ, Антверпенѣ и державшихъ въ постоянной опасности весь югъ. Эти свирѣпыя грабители не слушались никого; начальники ихъ были выбраны ими самими, раздѣляли ихъ желанія, должны были исполнять ихъ волю. Областные сеймы и городскія власти не могли надѣяться на содѣйствіе со стороны испанскаго правительства; напротивъ, должны были ожидать, что Филиппъ объявитъ одобреніе дѣйствіямъ арміи, предастъ ихъ наказанію за сопротивленіе ей. Она только смѣнила тѣхъ начальниковъ, которыми была недовольна, и оставалась вѣрна королю; она грабила народъ, который или возставалъ противъ него или ропталъ на его распоряженія. Испанское правительство вполне довѣряло ей, преданность ея королю была надежнѣй покорности нидерландскихъ областныхъ сеймовъ и городскихъ властей, жаловавшихся на нее.

При такихъ отношеніяхъ испанскаго правительства къ южнымъ провинціямъ, единственнымъ спасеніемъ для нихъ было, по мнѣнію Вильгельма Оранскаго, то, чтобы онѣ соединились въ одну конфедерацію съ сѣверными. Онъ полагалъ, что если убѣдить Фландрію, Брабантъ и другія католическія провинціи вступить въ союзъ съ Голландіей и Зеландіей, то общими силами Нидерландовъ можно будетъ ему освободить всѣ области отъ испанской тиранніи, упрочить независимость Нидерландовъ на основаніи старыхъ учрежденій, улучшенныхъ сообразно новымъ потребностямъ. Важнѣйшими условіями этого дѣла были удаленіе иноземныхъ войскъ, предоставленіе верховной власти общему нидерландскому сейму, подъ контролемъ котораго сталъ бы завѣдывать дѣлами конфедераціи Вильгельмъ, и признаніе равноправности вѣроисповѣданій. Вильгельмъ старался разсѣять религіозныя опасенія католиковъ, укрѣпить въ нихъ патріотическое чувство, пробудить братское довѣріе къ реформатамъ сѣвера, доказывалъ имъ, что единственное средство

избавиться отъ испанскаго деспотизма состоитъ въ соединеніи всѣхъ областей, безъ различія вѣроисповѣданія и языка, для общей обороны. Убѣжденія его не остались напрасны; онъ не достигъ такого полнаго успѣха, какъ желалъ, и съ теченіемъ времени проявилось разногласіе между югомъ и сѣверомъ, но сначала результатъ, пріобрѣтенный его заботами о примиреніи католиковъ съ реформатами, былъ довольно хорошъ, могъ даже назваться блистательнымъ: онъ разсудительностью своихъ совѣтовъ и безграничной преданностью благу отечества заслужилъ довѣріе католическихъ областей, и на конгрессѣ представителей всѣхъ нидерландскихъ провинцій въ Гентѣ былъ заключенъ договоръ о соединеніи всѣхъ провинцій въ одно федеративное государство. Вильгельмъ говорилъ депутатамъ, что если вся нація будетъ единодушна въ своихъ требованіяхъ, то король испанскій не посмѣетъ сопротивляться. Они понимали, что слова эти справедливы.

Въ началѣ ноября, подъ впечатлѣніемъ злодѣйствъ, произведенныхъ испанцами въ Антверпенѣ и побѣдъ патріотовъ въ Зеландіи, гдѣ они снова овладѣли крѣпостью Зирикзе и прогнали испанцевъ съ острововъ Схоувена и Дейвиланда, подъ впечатлѣніемъ еще болѣе важнаго успѣха пріобрѣтеннаго патріотами въ Антверпенѣ, гдѣ осажденные войсками ихъ испанцы сдали цитадель, былъ заключенъ на конгрессѣ въ Гентѣ „Актъ примиренія“, подписанный Альдегондомъ и другими правителями Вильгельма Оранскаго и уполномоченными южныхъ провинцій. Подписавшіе его обѣщали другъ другу прощеніе и забвеніе всего прошлаго, взаимную вѣрность въ будущемъ, обязывались помогать другъ другу въ дѣлѣ изгнанія иноземныхъ войскъ изъ отечества. По религіознымъ дѣламъ они постановляли, что Голландія и Зеландія не будутъ дѣлать ничего враждебнаго католической церкви, а во всѣхъ другихъ провинціяхъ будетъ остановлено дѣйствіе эдиктовъ Альбы противъ еретиковъ и конфискованныя имѣнья будутъ возвращены своимъ прежнимъ владѣльцамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ. Конгрессъ призналъ Вильгельма князя Оранскаго намѣстникомъ (статгоудеромъ, правителемъ) Голландіи и Зеландіи, до того времени, когда по изгнаніи испанцевъ общій нидерландскій сеймъ установитъ форму правленія. Конгрессъ рѣшилъ собрать войска и принять всѣ другія мѣры, надобныя для исполненія установленнаго имъ договора на всемъ пространствѣ Нидерландовъ. Договоръ этотъ былъ обнародованъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ нидерландскихъ провинцій.—Елизавета выразила одобреніе ему.

3. Управленіе Дона Хуана.

Около времени заключенія гентской уніи нидерландцы слышали, что Донъ Хуанъ, знаменитый побѣдитель въ Лепантской битвѣ, переодѣтый пріѣхалъ съ небольшою свитой испанскихъ и итальянскихъ дворянъ въ Люксембургъ, чтобы принять должность намѣстника въ Нидерландахъ. Филиппъ далъ ему большія полномочія для заключенія мира, но только подъ условіемъ признанія правъ государя и владычества католической церкви. Вильгельму былъ чрезвычайно непріятенъ пріѣздъ Дона Хуана, подвергавшій гентскую унію опасности распаденія. Донъ Хуанъ, имѣвшій тогда еще только 31 годъ, былъ человекомъ блестящихъ дарованій, сражавшійся за короля и вѣру съ усердіемъ испанскаго крестоносца; онъ хотѣлъ, усмиривъ Нидерланды,

плыть въ Англію, освободить Марію Стюартъ и женившись на ней сдѣлаться королемъ англійскимъ, возстановить въ Англіи и Шотландіи господство католической церкви. Отважный воинъ, онъ привыкъ быстро одерживать побѣды. Противникъ его былъ человѣкъ совершенно иного рода. Вильгельмъ былъ двѣнадцатью годами старше Дона Хуана; сухой, изнуренный заботами, онъ казался старѣе своихъ лѣтъ; у него оставалось ужь мало волосъ, лицо его покрытое морщинами было всегда серьезно, и стремительной отвагѣ Дона Хуана онъ противопоставилъ обдуманность дѣйствій человѣка разсудительнаго отъ природы и опытнаго. Узнавъ о пріѣздѣ Дона Хуана въ Люксембургъ, Вильгельмъ, занимавшійся въ Миддельбургѣ приготовленіями къ войнѣ, написалъ нидерландскому сейму свое мнѣніе о томъ, на какихъ условіяхъ сеймъ можетъ признать Дона Хуана правителемъ Нидерландовъ; эти условія были: немедленное удаленіе испанскихъ войскъ изъ страны, признаніе гентской уніи, предоставленіе права нидерландскому сейму собираться два или три раза по опредѣленнымъ срокамъ и кромѣ того во всякое время, когда сеймъ найдетъ надобнымъ; участіе сейма въ управленіи государствомъ, обязанность намѣстника испрашивать его согласія на всѣ важныя мѣры и въ частности обязательство не дѣлать безъ его одобренія никакихъ военныхъ распоряженій. На основаніи этихъ главныхъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ условій сеймъ вступилъ въ переговоры съ Дономъ Хуаномъ, остававшимся въ Люксембургѣ. Сеймъ далъ увѣреніе, что не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ государя и католической церкви; Донъ Хуанъ выказалъ готовность заключить съ нимъ договоръ на предлагаемыхъ условіяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями ихъ, выразилъ согласіе удалить изъ Нидерландовъ войска, если сеймъ уплатитъ имъ недоданное жалованье, но говорилъ, что отправить ихъ изъ Нидерландовъ моремъ, и требовалъ на это трехъ мѣсяцевъ срока; сухимъ путемъ можно было удалить ихъ скорѣе, и сеймъ требовалъ, чтобъ они были выведены сухимъ путемъ немедленно. Намѣреніе Дона Хуана плыть съ войскомъ въ Англію не осталось тайной; нидерландскій сеймъ, противясь отправленію испанскихъ войскъ моремъ, пріобрѣлъ благодарность Елизаветы; былъ доволенъ этимъ затрудненіемъ для экспедиціи Дона Хуана и самъ Филиппъ, не желавшій ея. Вторымъ требованіемъ сейма было признаніе гентской уніи. Уполномоченные сейма представили Дону Хуану письменныя мнѣнія нидерландскаго католическаго духовенства и лувенскаго университета, что въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего противнаго достоинству католической церкви; по желанію Дона Хуана были пересмотрѣны тѣ выраженія гентской уніи, которыя относились къ правамъ католической церкви и было придано имъ больше опредѣлительности; этотъ исправленный договоръ, получившій названіе брюссельской уніи, былъ въ январѣ (1577 г.) подписанъ наскоро созванными представителями дворянства, духовенства и город-

ского сословія; при посредничествѣ посольства отправленнаго въ Нидерланды новымъ императоромъ Рудольфомъ II, брюссельская унія была въ февралѣ подписана Дономъ Хуаномъ; и онъ обнародовалъ отъ имени Филиппа «Вѣчный эдиктъ», утверждавшій ее.

Вѣчный эдиктъ утверждалъ гентскую унію съ той оговоркой, что утверждение дается ей подъ предположеніемъ, что ничто заключающееся въ ней не нарушаетъ правъ государя и католической церкви; далѣе Вѣчный эдиктъ заявлялъ, что будутъ удалены иностранныя войска сухимъ путемъ по уплатѣ сеймомъ жалованья имъ, что будетъ вновь созванъ общій нидерландскій сеймъ, будутъ освобождены плѣнные, будутъ сохраняемы права, данныя нидерландцамъ грамотами прежнихъ государей. Черезъ нѣсколько недѣль было получено согласіе Филиппа на этотъ эдиктъ.

Нидерландцы радовались. Донъ Хуанъ перенесъ свою резиденцію изъ Люксембурга въ Лувенъ, сказавъ, что поселится въ Брюсселѣ по удаленіи испанскихъ и итальянскихъ солдатъ. Онъ ходилъ по городу безъ тѣлохранителей, разговаривалъ съ простолюдинами, пріѣзжалъ на праздники обществъ стрѣльбы въ цѣль. Привѣтливость его очаровывала брабантцевъ; они полагали, что возвратились времена спокойствія, какими пользовались они при Карлѣ V. Только Вильгельмъ Оранскій не раздѣлялъ ихъ надеждъ. Онъ печалился, видя, что южные нидерландцы поддались испанскому коварству. „Вы вложили голову въ пасть льва“, писалъ онъ имъ и скоро испытаете слѣдствія этого. Донъ Хуанъ давалъ Вильгельму обѣщанія, писалъ ему любезности, убѣждая его принять Вѣчный эдиктъ; но онъ твердо отвергалъ актъ, возстановлявшій господство католической церкви, противорѣчившій гентской уніи; голландцы и зеландцы были на его сторонѣ. Въ южныхъ провинціяхъ укоренялось довѣріе къ Дону Хуану; онъ казался искренно расположеннымъ исполнять свои обѣщанія, принималъ мѣры, подготовлявшія удаленіе иноземныхъ войскъ. Это дѣло было и непріятно ему и затруднительно: онъ отнималъ у себя средства къ исполненію своего любимаго плана отправиться съ войскомъ въ Англію; солдаты, десять лѣтъ пробывшіе въ Нидерландахъ, привыкли жить тамъ, роптали на то, что удаляютъ ихъ изъ земли, покоренной ими королю испанскому. „Мы думали о престолѣ“, писалъ Пересу секретарь Дона Хуана, Эсковедо, „а теперь мы похожи на больныхъ, у которыхъ отнята послѣдняя надежда на выздоровленіе“. Эсковедо говорилъ, что надобно вести эти войска на гугенотовъ, чтобы долѣе задержать ихъ въ сосѣдствѣ съ Нидерландами. Но какъ ни тяжело было Дону Хуану разставаться съ иноземными войсками, онъ одолѣлъ это чувство и самъ далъ сейму впередъ часть денегъ, надобныхъ на уплату жалованья имъ, чтобы устранить задержку, происшедшую отъ трудности собрать надобную сумму съ обѣднѣвшей страны. Такимъ образомъ въ концѣ апрѣля графъ Мансфельдъ повелъ испанскія и итальянскія войска изъ Нидерландовъ въ Ломбардію. Солдаты скрежетали зубами отъ ярости, видя, какъ радуется народъ ихъ удаленію. Авила отказался отъ должности главнокомандующаго, чтобы не быть исполнителемъ приказанія о передачѣ антверпенской цитадели герцогу Аршоту, назначенному коммендантомъ ея. Въ Нидерландахъ были оставлены только 10.000 нѣмецкихъ наемниковъ, на уплату жалованья которымъ не достало денегъ; Донъ Хуанъ обѣщалъ, что отошлетъ и ихъ, когда деньги будутъ собраны.

По удаленіи испанскихъ войскъ Донъ Хуанъ 1 мая (1577 года) торжественной процессіей пріѣхалъ въ Брюссель; въ сопровожденіи множества вельможъ, дворянъ, почетныхъ людей городского

сословія; онъ ѣхалъ по улицамъ, украшеннымъ флагами и гирляндами цвѣтовъ. Черезъ три дня онъ далъ присягу соблюдать Вѣчный эдиктъ и былъ торжественно признанъ правителемъ Нидерландовъ. Народъ радовался наступленію спокойнаго, счастливаго времени. Но скоро стали возникать затрудненія, опасенія. Человѣкъ воспитанный въ идеяхъ абсолютизма, считавшій единственнымъ законнымъ порядкомъ дѣль безусловное господство королевской власти и католической церкви, не признававшій ни народныхъ правъ, ни свободы совѣсти, не могъ удовлетвориться положеніемъ, въ которое принужденъ былъ стать; ему стѣснительна была надобность уважать законы, досаденъ былъ ревнивый надзоръ сейма за вѣрностью его имъ; онъ увидѣлъ себя окруженнымъ опасностями, сталъ бояться и за свободу свою и за жизнь. Много содѣйствовалъ развитію недовѣрія къ нему Вильгельмъ Оранскій, разъяснявшій нидерландцамъ коварство его замысловъ, предостерегавшій ихъ отъ сѣтей, которыя хочетъ накинута на нихъ черезъ своего новаго намѣстника Филиппъ. Вѣчный эдиктъ, по словамъ Вильгельма, былъ только средствомъ успокоить, обольстить ихъ, выиграть время для приготовленія средствъ къ ихъ порабощенію. Понятно, что Вильгельмъ не могъ не быть враждебенъ Дону Хуану, пріѣздъ котораго разстроилъ все сдѣланное имъ для основанія независимаго федеративнаго государства. Онъ, жертвуя всѣмъ своимъ состояніемъ, создалъ гентскую унію, которою обезпечивалась свобода его отечества. Теперь эта унія рушилась; обманутые Дономъ Хуаномъ говорили, что Вѣчный эдиктъ служить достаточною замѣною ея. Но Вильгельмъ не вѣрилъ льстивымъ обѣщаніямъ Дона Хуана, видѣлъ, что намѣстникъ Филиппа хочетъ истребить кальвинизмъ, даже и въ сѣверныхъ областяхъ возстановить исключительное владычество католической церкви и абсолютизмъ. Вильгельмъ указывалъ факты, изобличающіе этотъ замыселъ: Донъ Хуанъ удерживаетъ нѣмецкихъ наемниковъ, не разрушаетъ цитаделей, которыя обѣщался уничтожить, не созываетъ общаго нидерландскаго сейма.

Донъ Хуанъ съ досадою увидѣлъ, что нидерландцы болѣе вѣрятъ князю Оранскому, чѣмъ ему, что и дворянство и горожане расположены къ Вильгельму, что даже между членами государственнаго совѣта есть тайные приверженцы его. По желанію Дона Хуана Вильгельмъ прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Гертрейденбургъ для переговоровъ съ его уполномоченными. Эта конференція была открыта 13 мая; дѣло шло о томъ, чтобы Вильгельмъ призналъ Вѣчный эдиктъ и объявилъ себя покоряющимся Филиппу. Главнымъ уполномоченнымъ Дона Хуана былъ Леонинъ, преемникъ Вигліуса, умершаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ (8 мая). Переговоры остались безуспѣшны. Черезъ мѣсяцъ былъ казненъ въ Мехельнѣ кальвинистъ Панисъ, не виновный ни въ чемъ, кромѣ того, что былъ кальвинистъ; Донъ Хуанъ лично присутствовалъ при казни. Этотъ фактъ показалъ, какъ справедливы были слова Вильгельма о томъ, какую систему управленія намѣренъ ввести Донъ Хуанъ.

Положеніе Дона Хуана въ Нидерландахъ стало невыносимо. Онъ писалъ въ Мадридъ, что необходимо выбрать одно изъ двухъ: или править Нидерландами по желанію народа, исполнять волю нидерландскаго сейма, или начинать новую войну; если король приметъ первую систему, то онъ совѣтуетъ поручить управленіе Нидерландами женщинѣ, напримѣръ, герцогинѣ пармской или вдовствующей императрицѣ; женщина пригоднѣе для такой роли, нежели онъ; а если будетъ принята вторая система, то надобно дать ему войско, флотъ, денегъ. Филиппъ медлилъ рѣшеніемъ, какъ всегда; оставлялъ Дона Хуана безъ денегъ, въ безпомощномъ положеніи, въ какое поставленъ былъ онъ удаленіемъ испанскихъ и итальянскихъ войскъ. Власть его начала колебаться. Онъ упрашивалъ короля дать ему другое назначеніе, потому что въ Нидерландахъ онъ потеряетъ честь, утратитъ и жизнь, видитъ себя въ опасности погубить и душу свою снисходительностью къ еретикамъ. То же самое писалъ онъ Пересу, умѣвшему управлять Филиппомъ; писалъ это Пересу и Эсковедо, секретарь Дона Хуана. Въ письмахъ къ Пересу Донъ Хуанъ высказывалъ свои намѣренія, прося Переса, чтобы они оставались секретомъ отъ короля; Пересъ показывалъ письма королю и отвѣчалъ по его инструкціямъ. Однимъ изъ намѣреній Дона Хуана было пріѣхать въ Мадридъ, взявъ съ собой своего совѣтника Эсковедо; онъ надѣялся, что при содѣйствіи друзей пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе на государственный дѣла; другой планъ его былъ выпросить у короля согласіе на походъ во Францію; онъ пошелъ бы на помощь католикамъ противъ гугенотовъ, взявъ 6.000 человекъ пѣхоты и 2.000 человекъ конницы; открытаго согласія короля не было бы надобно; Донъ Хуанъ, не впутывая его въ войну, пошелъ бы какъ будто самовольно. Въ своихъ мысляхъ о нидерландскихъ дѣлахъ Донъ Хуанъ колебался: то требовалъ войска для усмиренія нидерландцевъ, то совѣтовалъ королю помириться на какихъ бы то ни было условіяхъ съ Вильгельмомъ Оранскимъ, потому что истинный повелитель въ Нидерландахъ Вильгельмъ. Филиппъ сталъ не довѣрять Дону Хуану, подозрѣвалъ, что онъ готовъ пожертвовать интересами своего государя для завоеванія Англіи или части Франціи, чтобы стать независимымъ государемъ, или хочетъ занять въ Испаніи слишкомъ высокое положеніе. Подозрѣнія Филиппа усиливались тѣмъ, что Донъ Хуанъ велъ секретную отъ него переписку съ папой и Гизами. Пересъ поддерживалъ Дона Хуана и Эсковедо въ увѣренности, что переписка ихъ съ нимъ остается неизвѣстна королю и даже, по собственнымъ инструкціямъ Филиппа, бранилъ короля въ своихъ письмахъ къ нимъ. Такимъ образомъ Филиппъ опутывалъ Дона Хуана сѣтями своего коварства. Положеніе Дона Хуана въ Нидерландахъ становилось такъ тяжело, что по его словамъ лучше было-бъ ему уйти въ отшельническую келью; онъ мучился опасеніями заговоровъ, покушеній на его жизнь;

Вильгельмъ Оранскій возбуждалъ противъ него нидерландцевъ, велъ съ Елизаветой и французскимъ правительствомъ переговоры о помощи для войны съ нимъ, а Филиппъ выжидалъ только случая отозвать его и лишить всякой дѣятельности.

Опасаясь брюссельскихъ гражданъ, Донъ Хуанъ уѣхалъ изъ Брюсселя въ Мехельнъ, переѣзжалъ потомъ изъ одной крѣпости въ другую. Онъ раскаявался, что отослалъ испанскія войска, просилъ Филиппа возвратить ихъ въ Нидерланды. Патріоты требовали, чтобъ онъ вывелъ свои гарнизоны изъ крѣпостей; онъ, напротивъ, хотѣлъ овладѣть и тѣми, которыя оставались въ рукахъ нидерландцевъ. Онъ неожиданно и вѣроломно напалъ на намюрскую цитадель и, захвативъ ее, сдѣлалъ операціоннымъ базисомъ другихъ нападеній, хотѣлъ вѣроломно овладѣть и антверпенской цитаделью, въ которую не соглашался пустить его герцогъ Аршотъ; но успѣху нападенія помѣшали приплывшіе къ Антверпену корабли Вильгельма. Нидерландцы видѣли, что Донъ Хуанъ дѣйствуетъ у нихъ, какъ въ непріятельской землѣ, хочетъ сбросить съ себя стѣсненія, наложенныя на него Вѣчнымъ эдиктомъ, ввести въ Нидерландахъ деспотизмъ. Блестящій пріемъ, какой сдѣлалъ онъ Маргаретѣ Валуа, пріѣхавшей лѣтомъ на минеральныя воды въ Спа, усилилъ подозрѣнія противъ него и въ нидерландцахъ и въ Филиппѣ: всѣмъ было извѣстно, что желаніе пользоваться минеральными водами было у Маргареты только предлогомъ для этой поѣздки, что она пріѣзжала хлопотать въ пользу честолюбивыхъ плановъ брата ея Франциска, герцога анжуйскаго, какъ назывался онъ теперь.

Вильгельмъ досталъ письма, доказывавшія, что Донъ Хуанъ хочетъ принять военныя мѣры для порабоженія Нидерландовъ, проситъ Филиппа прислать ему денегъ и войска. Вильгельмъ сообщилъ содержаніе этихъ писемъ брабантскому сейму, прибавляя: „Не заставляйте нашихъ потомковъ говорить, что по нашему малодушію лишились они свободы, которую пріобрѣли и оставили въ наслѣдство намъ и имъ наши предки“. Вліяніе Вильгельма въ южныхъ Нидерландахъ росло; лѣтомъ 1577 сеймы ихъ дѣйствовали по его совѣтамъ. Донъ Хуанъ, мечтавшій о блестящихъ побѣдахъ, о томъ, что станетъ королемъ англійскимъ, мучился своимъ безсиліемъ, писалъ оправдательныя записки, велъ безуспѣшныя переговоры, раздражался, видя, что вражда нидерландцевъ къ нему усиливается. Захвативъ обманомъ и насиліемъ намюрскую цитадель, онъ воображалъ сдѣлать ее оплотомъ своей власти, а нидерландцы требовали, чтобы онъ удалилъ всѣхъ иностранцевъ своей свиты, всѣ иностранныя войска, еще остававшіяся у него, назначилъ членами государственнаго совѣта людей, пользующихся довѣріемъ ихъ, то есть лишилъ себя послѣднихъ опоръ своей власти; требовали, чтобъ онъ созвалъ общій нидерландскій сеймъ, не стѣснялъ свободы выборовъ, исполнялъ всѣ постановленія, какія приметъ этотъ сеймъ. Они послали Филиппу просьбу, чтобъ онъ отозвалъ Дона Хуана, который и самъ желаетъ этого, и назначилъ своимъ намѣстникомъ лицо, принадлежащее къ королевскому роду по законному рожденію. Граждане Гента, слѣдуя совѣту Вильгельма, разрушили цитадель, угрожавшую городу ихъ, граждане Антверпена съ криками вос-

торга разрушили ту сторону цитадели, которая была обращена къ городу, разбили въ куски статую Альбы, сдѣлали изъ этой бронзы пушки и 17 сентября радостно встрѣтили пріѣхавшаго къ нимъ Вильгельма.

Оранская партія взяла перевѣсъ въ Брюсселѣ надъ испанской; наперекоръ враждѣ фанатиковъ и сторонниковъ Филиппа къ мятежнику и кальвинисту, брабантскій сеймъ послалъ Вильгельму приглашеніе пріѣхать въ Брюссель и помогать своими совѣтами и личнымъ присутствіемъ дѣйствіямъ сейма. Въ числѣ пословъ, отправленныхъ передать Вильгельму это приглашеніе, находились Шампаньи, братъ Гранвеллы, и Леонинъ; они требовали отъ него большихъ гарантій относительно католической религіи, но удовольствовались увѣреніемъ, что онъ будетъ соблюдать правила вѣротерпимости, установленныя гентской уніей. Послѣ одиннадцатилѣтняго изгнанія Вильгельмъ 23 сентября 1577 возвратился въ Брюссель. Онъ торжественно вступилъ въ столицу Нидерландовъ, привѣтствуемый восторгомъ народа, и ѣхалъ по улицамъ сопровождаемый радостными криками.

Пріѣздъ Вильгельма въ Брюссель былъ равнозначителенъ объявленію войны намѣстнику короля испанскаго; такъ это понимали и нидерландцы и Донъ Хуанъ. Манифесты брабантскаго сейма, перечислявшіе въ оправданіе дѣйствіямъ его интриги и коварства Донъ Хуана и отвѣты Донъ Хуана, изобличавшіе лицемеріе увѣреній сейма въ преданности королю и католической религіи, были началомъ новой вооруженной борьбы. Нидерландскія дѣла были главнымъ предметомъ вниманія Европы, переговоровъ и интригъ всѣхъ правительствъ. Донъ Хуанъ вербовалъ итальянскихъ и другихъ католическихъ наемниковъ; Филиппъ II велѣлъ своимъ миланскимъ войскамъ и находившемуся въ его службѣ генуэзскому флоту быть готовыми къ отправленію въ Нидерланды. Вильгельмъ искалъ опоры себѣ у Елизаветы, имѣвшей собственную надобность помогать ему, потому что Донъ Хуанъ не отказался отъ мысли о нападеніи на Англію. Вмѣшивались въ нидерландскія дѣла и французы: Гизы вели дѣятельныя сношенія съ Дономъ Хуаномъ, а Францискъ, герцогъ анжуйскій, надѣялся, что нидерландскіе патріоты провозгласятъ его государемъ своей страны. Многосложность интригъ увеличилась пріѣздомъ въ Нидерланды эрцгерцога Матѳея. Аршотъ, Шампаньи, Авре (Наврè), Де Эзъ (Нèze) и нѣкоторые другіе католическіе вельможи, служившіе Филиппу по расчетамъ своего эгоизма, ненавидѣли Вильгельма, могущество котораго отнимало у нихъ прежнее вліяніе на дѣла; принять сторону Дона Хуана казалось опасно имъ при общемъ раздраженіи противъ него; вздумали поставить соперникомъ Вильгельму эрцгерцога Матѳея. По своему династическому положенію Матѳей былъ несравненно выше Дона Хуана; онъ былъ братъ импе-

ратора Рудольфа, родственникъ Филиппа; вельможи, приглашавшіе его, надѣялись, что Филиппъ согласится передать ему свои права. Онъ переодѣтый уѣхалъ тайкомъ изъ Вѣны и явился въ Нидерланды.

Вильгельмъ не сталъ противиться кандидатурѣ Матѳіа на санъ правителя Нидерландовъ. Общій нидерландскій сеймъ дѣйствовалъ по совѣтамъ Вильгельма; пока это оставалось такъ, Матѳій не могъ имѣть никакой дѣйствительной власти и еслибъ онъ попытался сдѣлать что нибудь противное мнѣнію Вильгельма, то увидѣлъ бы свое безсиліе. Держать эрцгерцога въ полной зависимости отъ себя было Вильгельму тѣмъ легче, что брабантскій сеймъ далъ ему санъ руварта. Въ прежнія времена рувартъ былъ помощникомъ правителя Брабанта, бывшаго съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ правителемъ всѣхъ Нидерландовъ; но при могуществѣ Вильгельма санъ руварта получалъ самостоятельное значеніе, давалъ ему формальную возможность оставить Матѳію только номинальную власть, сохраняя дѣйствительную за собой. Такимъ образомъ въ Нидерландахъ шла теперь борьба между представителемъ короля испанскаго, Дономъ Хуаномъ, родственникомъ Филиппа Матѳіемъ и принцемъ французской династїи; но оба эти претендента только интриговали, дѣйствительнымъ противникомъ Филиппа оставался Вильгельмъ, вождь патріотовъ. Аршотъ, правитель Фландріи, раздражилъ народъ крутыми мѣрами, былъ съ согласія Вильгельма низвергнутъ и арестованъ; но Вильгельмъ убѣдилъ фламандцевъ возвратить управленіе ему. Черезъ мѣсяць послѣ того былъ подписанъ (10 декабря 1577) и католиками и кальвинистами актъ брюссельской уніи, служившій пополненіемъ къ акту гентской. Послѣдователи обоихъ вѣроисповѣданій обязывались соблюдать вѣротерпимость и защищать другъ друга. Реформаты южныхъ провинцій стали открыто совершать свое богослуженіе. Но и брюссельская унія скоро рушилась. Въ тѣ времена идея вѣротерпимости еще оставалась неосуществимой.

Въ январѣ слѣдующаго (1578 года) эрцгерцогъ Матѳій пріѣхалъ въ Брюссель и былъ принятъ съ почестями. Общій нидерландскій сеймъ объявилъ Дона Хуана виновнымъ въ вѣроломствѣ, нарушителемъ мира, лишеннымъ сана правителя Нидерландовъ, и передалъ этотъ санъ эрцгерцогу Матѳію. Новый правитель долженъ былъ дать присягу, содержаніе которой отнимало у него всякую самостоятельность. Общій нидерландскій сеймъ постановилъ, что верховное управленіе дѣлами принадлежитъ ему, а генераль-губернаторъ (намѣстникъ) долженъ исполнять его рѣшенія при содѣйствіи государственнаго совѣта, члены котораго назначаются сеймомъ. Истиннымъ правителемъ Нидерландовъ былъ Вильгельмъ; нидерландскій сеймъ слѣдовалъ его совѣтамъ; да и по формѣ всѣ дѣла проходили черезъ его руки, потому что онъ былъ рувартъ брабантскій и помощникъ (генераль-лейтенантъ) генерала-губернатора (намѣстника). Народъ называлъ Матѳіа письмоводителемъ (*greffier*) князя Оранскаго.

Нидерландцамъ предстояла тяжелая борьба и опытъ скоро показалъ, что вмѣшательство Матѳіа въ дѣла очень много вредить имъ. Еще не кончились праздники въ честь эрцгерцога и его руварта, когда Донъ Хуанъ началъ наступательныя дѣйствія. Другъ его, со-

товарищъ по алькальскому университету, Александръ Фарнезе, герцогъ пармскій, сынъ Маргареты, бывшей правительницей Нидерландовъ, привелъ ему изъ Италіи ветерановъ, превосходныхъ солдатъ и офицеровъ школы Альбы; Мансфельдъ привелъ ему другое войско изъ Германіи; у Дона Хуана было теперь 20.000 солдатъ.—Александръ пармскій испугался, увидѣвъ своего друга: величаяя осанка молодого человѣка замѣнилась одряхлѣніемъ отъ заботъ и огорченій послѣдняго времени. Но теперь возвратилась къ Дону Хуану прежняя отвага. Въ концѣ январѣ 1578 онъ обнародовалъ манифестъ, требовавшій, чтобы нидерландцы покорились власти законнаго государя, и папскую буллу, призывавшую вѣрующихъ къ войнѣ противъ враговъ церкви. Испанское войско двинулось въ походъ. Армія нидерландскаго сейма, ставшая у Жемблуръ (въ нѣсколькихъ миляхъ на сѣверъ отъ Намюра), была числомъ не меньше испанской; но вельможи, начальствовавшіе ею, почти всѣ были враждебны Вильгельму, сражались не охотно и далеко уступали испанскимъ полководцамъ военными талантами. Потому въ битвѣ при Жемблурѣ 31 января войско нидерландское потерпѣло полное пораженіе. Дѣло было рѣшено атаккой съ фланга, произведенной Александромъ пармскимъ, гениальнымъ полководцемъ. Вся нидерландская армія была истреблена или разсѣяна.

Въ Брюсселѣ съ часа на часъ ожидали появленія непріятеля подъ стѣнами города; но Донъ Хуанъ ограничился взятіемъ нѣсколькихъ второстепенныхъ брабантскихъ крѣпостей.—Амстердамъ при посредничествѣ Утрехта заключилъ съ Вильгельмомъ трактатъ, называемый „Договоромъ удовлетворенія“ (т. е. удовлетворенія Амстердама условіями акта, по которому Голландія признавала Вильгельма Оранскаго своимъ правителемъ). Черезъ нѣсколько времени кальвинисты взяли въ свои руки управленіе дѣлами и въ Амстердамѣ и въ Гарлемѣ. Въ этихъ городахъ еще держались прежніе правители, назначенные испанцами; теперь они были низвергнуты, монахи прогнаны, Амстердамъ и Гарлемъ прочно присоединились къ остальной Голландіи.

Весной и лѣтомъ 1578 года бельгійскія области Нидерландовъ были «смутнымъ хаосомъ», какъ называлъ ихъ тогда Вильгельмъ, ландграфъ Гессенскій. Между Намюромъ и Брюсселемъ стояли двѣ арміи, обѣ имѣвшія очень разноплеменный составъ. У Дона Хуана кромѣ испанцевъ были итальянцы, въ арміи нидерландскихъ штатовъ, кромѣ нидерландцевъ, англичане и шотландцы; въ обѣихъ арміяхъ были нѣмцы; въ обѣихъ были французы, въ одной приверженцы Гизовъ, въ другой гугеноты; запутанность отношеній стала многосложнѣе, когда герцогъ анжуйскій вступилъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ въ Геннегау и занялъ Монсъ, благодаря сторонникамъ, которыхъ прибрѣла ему Маргарета, останавливавшаяся въ этой крѣпости при своей поѣздкѣ въ Спа. Безхарактерный и безсовѣстный интригантъ, герцогъ анжуйскій, желая стать государемъ Нидерландовъ или

хотя части ихъ, велъ переговоры то съ Вильгельмомъ, то съ нидерландскимъ сеймомъ, то съ католическими вельможами, враждебными Вильгельму, дѣйствовалъ и обманомъ и силой.—Не желая, чтобы французскій принцъ захватилъ владычество надъ Нидерландами и зная, что если Донъ Хуанъ покорить Нидерланды, то нападетъ на Англію, Елизавета стала усерднѣе прежняго помогать Вильгельму, давала ему деньги, дозволила англичанамъ и не мѣшала шотландцамъ поступать въ армію нидерландскаго сейма; но не могла преодолѣть своего отвращенія отъ людей воевавшихъ противъ государя; по своей привычкѣ къ двоедушію, помогая Вильгельму, вела переговоры съ Филиппомъ и съ Дономъ Хуаномъ; она прикрывала свою недобросовѣстность увѣреніями, что желаетъ примирить законнаго государя съ его подданными; и въ то же время притворялась расположенной принять предложеніе принца анжуйскаго, сватавшаго ее.—Нидерландцы въ это время приобрѣли довольно важнаго союзника: пфальцграфъ Іоаннъ Казимиръ, авантюристъ, много разъ ходившій во Францію помогать гугенотамъ, привелъ нѣсколько тысячъ наемниковъ на помощь нидерландскимъ патріотамъ. Донъ Хуанъ самоувѣренно началъ войну, не имѣлъ денегъ на жалованье своимъ наемникамъ, умолялъ Филиппа скорѣе прислать ему денегъ.

Филиппъ оставался холоденъ къ просьбамъ Дона Хуана, потому что проникся непріязнью къ нему. Антоніо Пересъ, бывшій тогда предсѣдателемъ мадридскаго государственнаго совѣта, опуталъ, какъ мы говорили, Дона Хуана и его совѣтника Эсковедо сѣтью интригъ, велъ съ ними переписку, вызывавшую ихъ на откровенность, завлекалъ ихъ въ опрометчивые планы. Пользуясь полнымъ довѣріемъ Филиппа, этотъ хитрецъ по его желанію увѣрялъ Дона Хуана въ своей дружбѣ, раздражалъ его противъ короля по порученію самого же короля и передавалъ Филиппу тѣ неосторожныя письма, на которыя вызвалъ его. Въ досадѣ на свое затруднительное положеніе Донъ Хуанъ высказывалъ мысли, которыя не могли быть пріятными Филиппу, Пересъ выставялъ передъ королемъ каждую мимолетную вспышку досады Дона Хуана за серьезное измѣнническое намѣреніе. Мы говорили, что Дону Хуану хотѣлось приобрести какое нибудь государство; это честолюбивое желаніе возбуждало въ подозрительномъ Филиппѣ преувеличенныя опасенія. Донъ Хуанъ пользовался любовью испанцевъ, былъ человѣкъ отважный, хорошій полководецъ; Филиппу воображалось, что онъ имѣетъ замыселъ овладѣть испанскимъ престоломъ, Филиппъ вѣдь считалъ же сына злоумышленникомъ, задумавшимъ отнять престолъ у него и принесть сына въ жертву этому своему подозрѣнію. Тѣмъ легче было ему дойти до такого же подозрѣнія относительно своего побочнаго брата.

Въ одномъ изъ писемъ Эсковедо было мимоходомъ упомянуто, что Сантандеръ и Пенья де Морго—важные стратегическіе пункты, и что владѣя ими легко можно овладѣть всей Кастиліей; Пересъ выставилъ Филиппу это замѣчаніе доказательствомъ, что Донъ Хуанъ и его совѣтникъ заняты мыслями о томъ, чтобы овладѣть Мадридомъ. Черезъ нѣсколько времени Эсковедо прислалъ мадридскому государственному совѣту письмо, въ которомъ совѣтовалъ укрѣпить Пенью и просилъ назначить его коммендантомъ Сантандера. Филиппъ увидѣлъ въ этомъ подтвержденіе мысли о злоумышленіи Эсковедо и

Дона Хуана. Король узналъ кромѣ того, что Эсковедо имѣлъ тайныя свиданія съ герцогомъ Генрихомъ Гизомъ, имѣлъ сношенія съ папскимъ посланникомъ. Это убѣдило Филиппа, что секретарь Дона Хуана составляетъ обширный заговоръ. Въ это самое время Эсковедо пріѣхалъ въ Мадридъ просить по порученію Дона Хуана о присылкѣ денегъ и войскъ и, въ случаѣ отказа, передать королю его просьбу объ отставкѣ. Пересъ принялъ Эсковедо дружески; Филиппъ подъ разными предлогами задерживалъ его въ Мадридѣ (какъ прежде задерживалъ Монтиньи), шпионы слѣдили за каждымъ шагомъ его. Донъ Хуанъ настойчиво просилъ скорѣе отпустить Эсковедо къ нему; нѣсколько разъ употреблялъ выраженія въ родѣ „пршлите денегъ и Эсковедо, и больше денегъ“. Это увеличивало подозрѣніе Филиппа. Эсковедо, находившійся прежде на службѣ Руи Гомеса, бывалъ у его жены, княгини Эволи; человѣкъ проницательный, онъ скоро замѣтилъ, что княгиня, любовница короля, находится въ любовной связи съ Пересомъ, красивымъ и ловкимъ. Пересъ догадался, что Эсковедо узналъ эту тайну; онъ и княгиня Эволи должны были погибнуть, если Эсковедо откроетъ королю измѣну любовницы; Пересъ увидѣлъ себя въ необходимости, какъ можно скорѣе избавиться отъ Эсковедо, объяснилъ королю, что удерживать его далѣе въ Мадридѣ было бы опасно, значило бы возбудить подозрѣніе Дона Хуана, а еще опаснѣе отпустить его изъ Мадрида и потому надобно убить его. Филиппъ согласился, но велѣлъ устроить дѣло такъ, чтобы подозрѣніе не могло упасть на него. Пересъ хотѣлъ отравить Эсковедо; это не удалось; надобно было прибѣгнуть къ другому средству, и вечеромъ на второй день Пасхи (31 марта 1578 года) Эсковедо былъ убитъ на улицѣ тремя каталонцами, соотечественниками Переса. Пересъ былъ тогда въ Алькалѣ, но все таки подозрѣніе упало на него и княгиню Эволи. Жена Эсковедо потребовала отъ короля наказанія виновнымъ, сынъ Эсковедо открылъ королю, что любовница обманываетъ его, находится въ связи съ довѣреннѣйшимъ его министромъ. Ночью 28 іюля былъ арестованъ Пересъ въ ту минуту, какъ возвратился домой отъ короля, съ которымъ занимался дѣлами; въ ту же ночь была арестована и княгиня Эволи. Въ рассказѣ о царствованіи Филиппа мы говорили о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла.

Извѣстіе, что Эсковедо убитъ, нанесло послѣдній ударъ измучившемуся Дону Хуану; ясно было, что Пересъ измѣнилъ; всѣ надежды Дона Хуана исчезли: онъ понялъ, что король сталъ врагомъ его. Положеніе его въ Нидерландахъ становилось все тяжеле, заботы и огорченія истощали его силы. Онъ сталъ думать, что лучше всего будетъ ему удалиться въ монастырь по примѣру отца, выбралъ и монастырь, въ которомъ будетъ жить отшельникомъ; онъ будетъ служить Богу въ монсерратскомъ монастырѣ; Богъ будетъ милостивѣе къ нему, чѣмъ его братъ. Въ іюнѣ онъ былъ обрадованъ: король прислалъ ему денегъ и 4.000 ветерановъ; съ ними пріѣхалъ Гавріо Сервельіони, прежній сподвижникъ Дона Хуана, пріѣхали другіе знаменитые воины: Лопе де Фигероа, Антоніо Лейва. Противъ совѣта Александра пармскаго Донъ Хуанъ напалъ 1 августа на армію нидерландскаго сейма, стоявшую подъ начальствомъ графа Боссю въ укрѣпленномъ лагерѣ у Мехельна, атака была отбита, испанцы принуждены были отступить въ Намюръ. Эта неудача была приписана Филиппомъ опрометчивости Дона Хуана. Король не посылалъ

ему денегъ, хотя зная, что у него нѣтъ ихъ. Явился новый врагъ: герцогъ анжуйскій повелѣлъ изъ Ганнегау довольно большое войско на помощь нидерландской арміи; печали такъ разстроили Дона Хуана, что онъ казался умирающимъ; молва говорила, что онъ отравленъ. Во второй половинѣ сентября онъ отправился къ войску въ лагерь устроенный Сервельіони по его порученію на холмѣ надъ Маасомъ въ одномъ часѣ пути отъ Намюра; въ лагерь была эпидемія; Донъ Хуанъ заразился ею; его перенесли изъ лагеря въ сосѣднее сельское строеніе, положили въ помѣщеніи, которое было прежде конюшней. Тамъ онъ, передавъ начальство надъ войскомъ герцогу пармскому, умеръ 1 октября 1578. Передъ смертью онъ говорилъ: «Желаю скорѣе перейти въ просторъ небесный, потому что нѣтъ у меня ни клочка земли». Сердце его было найдено какъ будто высохшимъ, кожа его была какъ будто опаленная огнемъ; это подкрѣпило молву, что онъ былъ отравленъ.

Онъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ въ Эскориалѣ подлѣ отца. Въ слѣдующемъ году тѣло его было перевезено изъ намюрской церкви въ Испанію, погребено въ Эскориалѣ.—Донъ Хуанъ имѣлъ двухъ дочерей. Одна изъ нихъ, матерью которой была Діана Сорренто, пошла въ монахини; другая, матерью которой была Марія Мендоса, была выдана за Франсиско Бранкафорте, князя Вутеру (Butera).—Донъ Хуанъ былъ предметомъ любви и гордости испанцевъ; начало его дѣятельности было прославлено блистательной побѣдой при Лепанто; но послѣдніе годы его непродолжительной жизни были печальны. Холодная рука брата душила его.

Отъ дѣятельности Дона Хуана не осталось никакихъ слѣдовъ. Всѣ замыслы его рушились. Но и Вильгельмъ оранскій не достигъ той цѣли, къ которой казался близкимъ во время смерти Дона Хуана. Онъ управлялъ дипломатическими сношеніями Нидерландовъ, но былъ не до такой степени господиномъ положенія, чтобы устроить дѣла по своимъ идеямъ. Ему очень хотѣлось прекратить религіозные раздоры установленіемъ вѣротерпимости; но католическіе вельможи противились этому; прежде они призвали эрцгерцога Матѳіа, чтобъ уменьшить вліяніе Вильгельма на дѣла, а теперь по ихъ внушенію нидерландскій сеймъ заключилъ договоръ съ герцогомъ анжуйскимъ, прикрывавшимъ свои честолюбивые замыслы личиной освободителя, далъ ему титулъ охранителя нидерландской свободы противъ испанской тиранніи, обѣщался при выборѣ государя предпочесть его всѣмъ другимъ кандидатамъ. Такимъ образомъ Нидерланды становились добычей честолюбцевъ. Католическая партія, главными людьми которой были Аршотъ и Шампаньи, искала союзниковъ себѣ противъ Вильгельма; отдаться подъ власть Филиппа она не могла, потому что онъ былъ слишкомъ ненавистенъ народу; эрцгерцогъ Матѳій былъ безсиленъ, потому она вступила въ союзъ съ герцогомъ анжуйскимъ, надѣясь, что Катерина Медичи и Генрихъ III будутъ по-

могать ему. Вильгельмъ видѣлъ, что его вліяніе въ южныхъ провинціяхъ ослабѣваетъ, что привязанность народа къ нему неизмѣнна только въ сѣверныхъ областяхъ, и что главной заботой его должно быть упроченіе политическаго единства ихъ. Онъ занялся устройствомъ этой маленькой конфедераціи сѣверныхъ областей, важнѣйшими изъ которыхъ были Голландія и Зеландія, совершенно очищенные отъ испанскихъ войскъ. Значительнымъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ было то, что онъ убѣдилъ гелдернцевъ назначить правителемъ ихъ области единственного оставшагося въ живыхъ брата его, Іоанна нассаускаго. Но напрасны были его усилія пріобрѣсти поддержку лютеранскихъ государей Германіи. Онъ послалъ краснорѣчиваго Альдегонда въ Вормсъ, гдѣ засѣдалъ тогда нѣмецкій сеймъ, объяснить имъ, что собственные ихъ интересы требуютъ, чтобъ они помогали ему въ борьбѣ съ королемъ испанскимъ. Они не захотѣли понять, что побѣда испанцевъ въ Нидерландахъ подвергала бы ихъ самихъ опасности, и дали Вильгельму совѣтъ «просить предвѣчнаго Бога отъ глубины сердца о помощи противъ силы и ввѣрить ему дѣло свое».

4. Борьба Александра пармскаго съ Вильгельмомъ.

Мы говорили, что Донъ Хуанъ, умирая, передалъ начальство надъ войскомъ своему родственнику Александру Фарнезе, герцогу пармскому, съ которымъ подружился въ алькальскомъ университетѣ (Александръ, былъ сынъ побочной дочери Карла V, Маргареты, племянникъ Дона Хуана по счету побочнаго родства; но они были почти однихъ лѣтъ и учились вмѣстѣ). Александръ былъ однимъ изъ помощниковъ Дона Хуана въ лепантской битвѣ, выказалъ въ ней блистательную храбрость, отличался храбростью въ жемблурской и во всѣхъ другихъ битвахъ, обнаружилъ въ нихъ таланты искуснаго, отважнаго и вмѣстѣ осмотрительнаго полководца. Король утвердилъ распоряженіе Дона Хуана, назначилъ Александра пармскаго своимъ намѣстникомъ. Этотъ выборъ Дона Хуана былъ превосходенъ. Отважностью и стратегическимъ искусствомъ Александръ равнялся своему умершему другу и превосходилъ его умѣньемъ понимать людей и политическія отношенія, искусствомъ обращаться съ людьми, пользоваться обстоятельствами. Дурное положеніе испанскихъ дѣлъ въ Нидерландахъ не испугало его, онъ надѣялся одолѣть всѣ затрудненія. Раздоры между нидерландцами, ослаблявшіе Вильгельма, благопріятствовали успѣху Александра пармскаго, соединившаго въ себѣ итальянскую дипломатическую ловкость съ испанской твердостью воли, непоколебимую преданность католичеству съ пониманіемъ вред-

ности фанатизма. Иноплеменные наемники обѣихъ армій, ходившіе тогда по Фландріи, Брабанту, Геннегау, Люттихской области, грабили поселянъ и жителей неукрѣпленныхъ городовъ, роптали на неплату жалованья, бунтовали. Населеніе такъ страдало отъ нихъ, что готово было предпочесть этой раззорительной анархіи всякую власть, способную оградить безопасность имущества и жизни.

Вильгельмъ Оранскій не могъ обуздать авантюристовъ, называвшихъ себя патріотами. Вождь патріотической партіи въ Гентѣ, Рейгове (Ryhowe) опозорилъ дѣло національной и религіозной свободы убійствами и новымъ опустошеніемъ католическихъ церквей. Вильгельмъ былъ такъ опечаленъ, что хотѣлъ удалиться въ сѣверныя области, предоставивъ югъ на волю судьбы. Друзья отклонили его отъ этого намѣренія, убѣдили отправиться въ Гентъ для восстановленія порядка. Ему удалось примирить гентскихъ кальвинистовъ съ католиками; 27 декабря (1578 года) они заключили между собою договоръ, устанавливавшій вѣротерпимость, и нѣсколько времени послѣ того Гентъ пользовался спокойствіемъ.

Александръ пармскій умѣлъ пользоваться раздорами противниковъ. Пфальцграфъ Іоаннъ Казимиръ, надѣявшійся получить управленіе Фландріей, не имѣлъ денегъ на жалованье своимъ наемникамъ, поѣхалъ въ Лондонъ просить пособія у Елизаветы, но она дала ему только орденъ подвязки. Александръ пармскій далъ денегъ его наемникамъ, чтобы они ушли изъ Нидерландовъ; они возвратились въ Германію. У герцога анжуйскаго также не достало денегъ на содержаніе войска, а надежды его завоевать себѣ Геннегау и Артуа оказывались неисполняющимися; онъ возвратился во Францію. Мы говорили, что онъ также ѣздилъ въ Лондонъ, но не просить денегъ у Елизаветы, а сватать ее, что ошибся и въ этой надеждѣ. Такимъ образомъ число войскъ, сражавшихся съ испанцами, уменьшилось. Въ концѣ 1578 года умеръ лучший полководецъ нидерландской арміи, графъ Боссю, ученикъ Альбы въ военномъ искусствѣ. Испанцы стали побѣждать войска нидерландскаго сейма. Католическіе вельможи, враждебные кальвинисту Вильгельму, стали склоняться на сторону сына Маргареты, мастерски умѣвшаго пробуждать старыя симпатіи, дѣйствовать на религіозныя страсти, покупать продажныхъ людей. Духовенство и роялисты усердно помогали ему. Возстаніе патріотовъ въ Аррасѣ было подавлено; вождь ихъ Госсонъ, умѣвшій увлекать народъ своимъ популярнымъ краснорѣчіемъ, былъ казненъ, три помощника его были повѣшены. Число католическихъ вельможъ и дворянъ, возвращавшихся подъ власть короля испанскаго, постоянно увеличивалось.

Гентская унія оставалась только на бумагѣ, на дѣлѣ перестала существовать. Основатель ея Вильгельмъ оранскій видѣлъ, что погибаетъ лучшая его надежда, рушится созданная имъ на основаніи національной свободы и религіозной равноправности конфедерация

всѣхъ нидерландскихъ областей; религіозный миръ, объ установленіи котораго заботился онъ, не нравился ни большинству католиковъ, ни большинству протестантовъ. Въ Гентѣ шло религіозное междоусобіе. Вильгельмъ хотѣлъ спасти свободу по крайней мѣрѣ тѣхъ областей, которыя можно было удержать отъ обольщенія испанскимъ вѣроломствомъ. Въ началѣ 1579 по приглашенію Іоанна нассаускаго собрались въ Утрехтѣ депутаты Голландіи, Зеландіи, Гельдерна, Цютфена, Утрехтской области, областей фризскаго племени для составленія договора о соединеніи всѣхъ этихъ земель въ федеративное государство. Конференція была созвана по мысли Вильгельма, но онъ велъ дѣло не прямо самъ, а черезъ своего брата, чтобъ отклонить отъ себя упрекъ въ расторженіи гентской уніи. Фактически эта унія, какъ мы говорили, уже перестала существовать, но ни одна партія не хотѣла признаться въ томъ, что перестала исполнять ея условія. Результатомъ конференціи, созванной Іоанномъ нассаускимъ, была утрехтская унія, актъ которой былъ подписанъ 23 января 1579. Этотъ договоръ положилъ первое основаніе федераціи сѣверныхъ нидерландскихъ областей.

Тѣ условія, на которыхъ заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ сѣверныя области, имѣвшія почти исключительно реформатское населеніе, были такъ просты, что трудно было предвидѣть, какое великое значеніе получить актъ этого союза. Области, вступившія въ него, не отдѣляясь отъ гентской уніи, составили „посредствомъ вѣчнаго соединенія“ особую унію для взаимной обороны и помощи. По надобности защищаться отъ врага они обязались сформировать вербовкой на общій счетъ общее войско и учредить общую военную кассу для его содержанія; пропорція взносовъ каждой изъ семи соединявшихся областей опредѣлялась посредствомъ раскладки. Онѣ обязывались совѣщаться на общемъ сеймѣ обо всѣхъ дѣлахъ, касающихся всѣхъ ихъ, рѣшать на этихъ сеймахъ всѣ дѣла такъ, какъ бы всѣ семь областей составляютъ одно государство; общій сеймъ ихъ долженъ былъ состояться изъ депутатовъ, присылаемыхъ областными сеймами по вызовамъ на него. Каждая вступающая въ эту унію область обязывалась не заключать никакихъ отдѣльныхъ союзовъ или договоровъ съ сосѣдними государствами. Для завѣдыванія текущими дѣлами уніи учреждался комитетъ, избираемый общимъ сеймомъ. Вступающія въ унію области сохраняли самостоятельное управленіе своими внутренними дѣлами по своимъ законамъ; города и корпораціи этихъ областей тоже сохраняли прежнее самоуправленіе; въ частности каждая область и каждый городъ оставляли за собою право рѣшать церковныя дѣла по своему усмотрѣнію. Общій сеймъ былъ обязанъ удерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ членовъ, такъ что они оставались по этимъ дѣламъ независимыми, между тѣмъ какъ по внѣшнимъ дѣламъ образовали одно государство. Общій сеймъ имѣлъ право принимать въ унію другія области и города, и сосѣднихъ владѣтелей. Подобно гентскому договору, утрехтская унія постановляла, что каждый можетъ свободно и безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и имѣть свое богослуженіе и что никто не можетъ быть подвергаемъ суду, допросу или какому либо стѣсненію по дѣламъ религіи. Въ 13 статьѣ утрехтской уніи говорится: „Относительно богослуженія Голландія и Зеландія должны поступать по собственному усмотрѣнію; остальные члены уніи

должны держаться правилъ религіознаго мира постановленныхъ въ предъидущемъ году или установить такіе порядки, какихъ требуетъ сохраненіе спокойствія и благосостоянія въ каждой области или каждомъ городѣ; каждый можетъ свободно и безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру, исполнять свое богослуженіе; не должно быть никакого изслѣдованія о вѣрѣ, совѣсть должна быть свободна“. Католическимъ священникамъ и монахамъ было опредѣлено содержаніе. Подъ условіемъ согласія на эти правила былъ открытъ доступъ въ унію и другимъ областямъ и городамъ, какъ положительно говорила дополнительная статья, прибавленная 1 февраля къ акту уніи. Такимъ образомъ, объемъ новой конфедераціи могъ, благодаря правилу о свободѣ вѣроисповѣданія, расшириться до объема всей гентской уніи.

Правда, впрочемъ, что при настроеніи умовъ господствовавшемъ въ южныхъ областяхъ было мало надежды на то, что онѣ присоединятся къ утрехтской уніи. Актъ ея, подписанный 3 мая Вильгельмомъ оранскимъ, отдѣлялъ протестантскій сѣверъ отъ католическаго юга. Онъ былъ написанъ съ соблюденіемъ привычной формы заявленія вѣрности государю и съ фикціей его согласія; но невозможно было ожидать, чтобы согласился признать свободу вѣроисповѣданія государь, который самъ говорилъ, что скорѣе сойдетъ съ престола, чѣмъ согласится царствовать надъ еретиками. Потому утрехтскій договоръ, постановленія котораго, сначала неопредѣленные, пріобрѣтали мало по малу точную опредѣлительность, сдѣлался основаніемъ федеративнаго государства соединенныхъ нидерландскихъ штатовъ (государствъ). Черезъ два года по его заключеніи эта конфедерація при исполнѣ раскрывшейся невозможности мирнаго соглашенія съ королемъ испанскимъ, формально объявила, что перестаетъ признавать его власть, основываясь въ этомъ на принципѣ, что «народу и его представителямъ неотъемлемо принадлежитъ естественное право, послѣ напрасныхъ убѣжденій тиранну, нарушающему свои обязанности, объявлять, что и съ своей стороны слагаетъ съ себя обязанности относительно его».

Это объявленіе, подписанное 26 іюля 1581 въ Гагѣ, говоритъ: „Не народъ созданъ для государя, а государь для народа, потому что безъ народа не было бы государя. Государь существуетъ для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости и любить ихъ, какъ отецъ дѣтей, охранять ихъ, какъ пастухъ стадо. Еслижъ онъ поступаетъ съ ними не такъ, а какъ съ рабами, то перестаетъ быть государемъ и становится тиранномъ; а подданные, когда не остается другого средства, когда никакими представленіями о своихъ страданіяхъ не могутъ получить отъ тиранна никакого обезпеченія свободы жизни и собственности для себя и своихъ семействъ, имѣютъ право по законному рѣшенію своихъ представителей, сословіи сейма, покидать его. Таково положеніе Нидерландовъ. Съ давнѣйшихъ временъ они были управляемы по условіямъ, соблюдать которыя присягаль государь и нарушеніе которыхъ дѣлало его лишеннымъ власти. Подъ предлогомъ религіи, король испанскій старался ввести въ нашей странѣ тираннію и, не слушая никакихъ представленій страны, нарушалъ ея привилегіи, преступалъ присягу, которою клялся сохранять ихъ. И потому общій сеймъ объявляетъ теперь

короля испанскаго лишеннымъ всякаго права на власть въ Нидерландахъ, перестаетъ отнынѣ признавать его государемъ, и настоящимъ актомъ освобождаетъ всѣхъ должностныхъ людей, начальниковъ, господъ, вассаловъ и жителей отъ присяги повиновенія и вѣрности, данной ими Филиппу II, королю испанскому“.

Межь тѣмъ какъ въ сѣверныхъ провинціяхъ общественный порядокъ упрочивался на основаніи утрехтской уніи, и Вильгельмъ оранскій правилъ военными и дипломатическими дѣлами по переданной ему власти государя, югъ оставался терзаемъ ожесточенною борьбою партій. Герцогъ пармскій, такой же искусный дипломатъ, какъ и полководецъ, очаровывавшій людей привѣтливостью свѣтскаго чловека, мастерски пользовался предубѣжденіями, слабостями, страстями, закоренѣлымъ партикуляризмомъ областей, народностей, городовъ и корпорацій, возбуждалъ ссоры между ними, заключалъ договоры съ этими отдѣльными членами общаго сейма и, отнимая у него ихъ содѣйствіе, лишалъ его силы. Сѣверная унія еще продолжала нѣкоторое время, какъ мы видѣли, дѣйствовать отъ имени короля. Герцогъ пармскій сообразно этому показывалъ видъ, что продолжаетъ признавать гентскую унію и желаетъ соединить представителей всѣхъ областей для ея сохраненія. Онъ прикрывалъ молчаніемъ то, что фанатизмъ католическихъ вельможъ и сторонниковъ испанской власти фактически отвергъ основное условіе этой уніи, религіозную равноправность всѣхъ членовъ ея, какъ требованіе противное истинной вѣрѣ. Благодаря этой политикѣ, герцогъ совершилъ мастерское дѣло дипломатическаго искусства, склонилъ валлонскія провинціи Артуа, Геннегау, Намюрскую и Люттихскую область заключить съ нимъ отдѣльный договоръ, по которому онѣ отлагались отъ общаго дѣла и возвращались подъ испанскую власть. Весь католическій міръ радовался такому торжеству политической ловкости. Въ Брабантѣ и Фландріи тоже усиливались симпатіи къ испанскому королю и католической церкви. Лаленъ сеньёръ Монтиньи, Мелёнъ, Ламоттъ и другіе вельможи, участвовавшіе прежде въ сопротивленіи испанскому владычеству, перешли въ испанскій лагерь, выторговавъ денежныя награды и должности за свое отступничество; даже Филиппъ Эгмондъ, сынъ казненаго полководца, облобызалъ руку обогренную кровью его отца. Онъ хотѣлъ неожиданно ввести войско въ Брюссель и подавивъ сопротивленіе отдать столицу страны герцогу пармскому. Но это не удалось и онъ былъ выгнанъ изъ Брюсселя. Герцогъ Аршотъ уже раздумывалъ, не пора ли ему помириться съ Филиппомъ, стать тоже предателемъ отечества. Только благодаря патріотическому содѣйствію Вильгельма, все еще остававшагося въ Брабантѣ, безсильный сеймъ южныхъ областей и эрцгерцогъ Матей сохранили тѣнь власти. Но напрасны остались всѣ усилія Вильгельма сформировать въ южныхъ областяхъ войска для освобожденія Мاستрихта, осажденнаго герцогомъ

пармскимъ. Этотъ вѣрный патріотизму городъ послѣ четырехмѣсячной геройской обороны былъ въ іюнѣ 1579 года взятъ буйными, озлобленными солдатами Александра пармскаго и подвергся всѣмъ неистовствамъ звѣрства ихъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ злодѣйствъ, произведенныхъ испанскими наемниками въ Мاستрихтѣ, собрался въ Кѣльнѣ конгрессъ, на который прислали уполномоченныхъ Филиппъ, папа, императоръ и общій нидерландскій сеймъ. Цѣлью его было найти условія примиренія Нидерландовъ съ королемъ испанскимъ. Нидерландцы были утомлены войною, длившейся уже столько лѣтъ, желали отдыха. Только Вильгельмъ оранскій оставался твердымъ сторонникомъ свободы. Филиппъ охотно далъ бы ему большое вознагражденіе за согласіе на миръ, за отступничество отъ дѣла нидерландцевъ, доставилъ бы ему при содѣйствіи императора высокое положеніе въ Германіи; но его патріотическая душа была недоступна обольщенію, и пришлось совѣщаться о мирѣ безъ его участія. Невозможно было какое-либо соглашеніе между непреклонной волей Филиппа возстановить исключительное господство католической церкви и свою безграничную власть и требованіемъ нидерландцевъ, чтобъ основными условіями примиренія была ненарушимость ихъ законовъ и отмѣна всѣхъ эдиктовъ противъ еретиковъ. Посланникъ императора предлагалъ принять за основаніе мира возстановленіе того порядка дѣлъ, какой былъ при Карлѣ V; это было бы нѣчто среднее между требованіями Филиппа и сѣверныхъ Нидерландовъ; но и на это реформаты не могли согласиться: при Карлѣ ужъ были «плакаты», тѣ эдикты противъ еретиковъ, изъ-за которыхъ возникло недовольство во всѣхъ нидерландскихъ областяхъ. Такимъ образомъ конгрессъ, израсходовавъ много денегъ на пиры, разошелся безъ всякаго успѣха. — Фландрскій и брабантскій сеймы еще не рѣшались послѣдовать примѣру валлонскихъ сеймовъ, и продолжалась война, продолжались звѣрства испанскихъ наемниковъ и коварства герцога пармскаго.

Судьба Нидерландовъ зависѣла отъ исхода борьбы между Вильгельмомъ и Александромъ пармскимъ, людьми противоположныхъ понятій, правилъ, характеровъ, но похожихъ одинъ на другого яснымъ пониманіемъ своихъ цѣлей, тоже совершенно противоположныхъ: одинъ хотѣлъ религіозной и политической свободы своего отечества, другой возстановленія безусловнаго владычества короля испанскаго и католичества. И тотъ и другой еще надѣялись тогда, что снова объединятся всѣ нидерландскія области. Удивительна терпѣливость и неутомимость Вильгельма въ заботахъ о поддержаніи патріотизма во Фландріи и Брабантѣ, о содѣйствіи ихъ ему и безсильно жившему въ Брюсселѣ эрцгерцогу Матѳію, отъ имени котораго велъ онъ великую борьбу за свободу. Но и его соперникъ былъ очень дѣятеленъ. Вильгельмъ искалъ опоры себѣ въ горожаняхъ, Александръ пармскій обольщалъ вельможъ. Большимъ торжествомъ для Александра, глубокимъ огорченіемъ для Вильгельма было то, что поддался соблазнамъ испанско-итальянской политической ловкости герцога пармскаго графъ Жоржъ Лаленъ Реннебергъ, пра-

витель Фрисландіи, человекъ изящныхъ, привлекательныхъ манеръ, но эгоистъ, завидовавшій Вильгельму, принесшій общее благо въ жертву своему честолюбію и алчности. Въ мартѣ 1580 онъ коварно отдалъ Фрисландію испанцамъ, получилъ за предательство деньги и титулы. Герцогъ пармскій надѣялся, что Фрисландія станетъ прочнымъ операціоннымъ базисомъ для его интригъ въ другихъ сѣверныхъ провинціяхъ. Но гарнизонъ и жители Гронингена лишили его этой выгоды своей мужественной обороной. Они выдерживали осаду, пока явились голландскія и англійскія войска и освободили ихъ. Младенецъ лишь съ небольшимъ годъ прожилъ послѣ своей измѣны; онъ умеръ 23 іюля 1581.

Въ открытой войнѣ герцогъ пармскій приобрѣлъ мало успѣховъ. Въ одномъ изъ сраженій былъ взятъ въ плѣнъ испанцами Лану, гугенотскій полководецъ, воинъ необыкновенной физической силы, съ одинаковымъ мастерствомъ владѣвшій перомъ и мечомъ. Испанцы пять лѣтъ держали его въ чрезвычайно суровомъ заключеніи въ лимбургской темницѣ. Въ одномъ изъ сраженій подъ стѣнами Гронингена былъ убитъ Бартольдъ Энтесъ, прославившійся отвагой при взятіи Бриля гезами. Положеніе нидерландскихъ дѣлъ казалось тогда такъ безнадежно, что братъ Вильгельма Іоаннъ нассаускій, утомленный спорами съ гельдернскимъ сеймомъ, отказался отъ должности намѣстника и возвратился въ Германію, а эрцгерцогъ Матѣй, наскучивъ ролью фигуранта, которую игралъ четыре года, сложилъ съ себя санъ правителя Нидерландовъ, сталъ говорить объ отъѣздѣ, въ слѣдующемъ году и уѣхалъ.

Мелкіе успѣхи, приобретаемые герцогомъ пармскимъ, не вели къ цѣли, пока оставался вождемъ сопротивленія Вильгельмъ оранскій. Попытки подкупить его оказались напрасны, потому король испанскій обратился къ другому средству избавиться отъ противника. Въ мартѣ 1580 года Филиппъ, по совѣту Гранвеллы, рекомендовавшаго выгоду итальянской системы устранять враговъ, велѣлъ написать прокламацію, объявлявшую Вильгельма лишеннымъ покровительства законовъ; она осыпала яростными ругательствами «измѣнника» и «врага рода человѣческаго», перечисляла преступленія, въ какихъ былъ виновенъ съ точки зрѣнія Филиппа Вильгельмъ и кончалась словами: «до истеченія мѣсячнаго срока всѣ приверженцы князя Вильгельма оранскаго должны подъ страхомъ лишенія дворянства, чести, имущества и жизни, покинуть его, чтобъ онъ былъ предоставленъ на волю всякому, какъ объявленный находящимся внѣ закона. Кто выдастъ его живого или мертвого, иноземецъ ли то будетъ или подданный короля, или кто лишитъ его жизни, тотъ получитъ или наслѣдники его получатъ немедленно по исполненіи этого награду въ 25.000 золотыхъ кронъ деньгами или земельнымъ имуществомъ, по собственному желанію, и если сдѣлавшій это былъ виновенъ въ какомъ нибудь, хотя бы самомъ тяжеломъ преступленіи, получаетъ полное прощеніе, и если не дворянскаго происхожденія, то со всѣми помогавшими ему въ этомъ возводится въ дворянство». Въ іюнѣ эта прокламація была обнародована герцогомъ пармскимъ. Она возбудила негодованіе во всѣхъ патріотахъ. Вильгельмъ обнародовалъ отвѣтную

прокламацію, въ которой опровергалъ взведенныя на него обвиненія, обращалъ ихъ на Филиппа, единственного виновника беспорядковъ и возстанія, называлъ прокламацію Филиппа нарушающей всѣ законы христіанства и человѣческія права, выставлялъ деспотизмъ Филиппа во всей его наготѣ. Эта отвѣтная прокламація, называвшаяся «Апологіею князя оранскаго» была написана имъ при содѣйствіи его придворнаго проповѣдника Вильера, обнародована на фламандскомъ и французскомъ языкахъ и разослана нидерландскимъ областнымъ сеймамъ, городскимъ властямъ и всѣмъ дворамъ западной Европы.

Она написана съ поразительнымъ краснорѣчіемъ и раскрывала всю живость самохвальства Филиппа, не оставляла ему даже похвалы высокостью своего происхожденія; она говорила объ этомъ: „Когда предки Филиппа были еще только графами габсбургскими, мелкими швейцарскими владѣтелями, предки графовъ пассаусскихъ уже были графами гельдернскими“ (т. е. государями владѣнія гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ мелкія разбросанныя владѣнія графовъ габсбургскихъ). Постыдная для Филиппа противоположность его образа дѣйствій патріотизму князя Оранскаго выказывалась тѣмъ, что на обѣщаніе награды и прощенія всѣхъ преступленій убійцѣ Вильгельму, онъ отвѣчалъ заявленіемъ своей готовности купить миръ и счастье Нидерландамъ удаленіемъ ли изъ нихъ или кровью своею.

Въ первое время прокламація Филиппа оставалась безсильна повредить Вильгельму. Сеймъ утрехтской уніи увеличилъ число тѣлохранителей князя Оранскаго, Филиппъ утратилъ права государя въ провинціяхъ утрехтской конфедераціи, провозгласилъ Вильгельма государемъ ея. Брабантскій и фландрскій сеймы объявили, что согласны съ актомъ утрехтской уніи, низлагающимъ Филиппа, и члены ихъ подписали этотъ актъ. Но большинство населенія Фландріи и Брабанта исповѣдывало католичество, потому эти важнѣйшія области Нидерландовъ не ввѣрили управленія своими дѣлами реформату Вильгельму. Сеймы ихъ отправили уполномоченныхъ къ герцогу анжуйскому и заключили съ нимъ въ Бордо договоръ, по которому передавали ему санъ своего государя; этимъ договоромъ опредѣлялись отношенія новаго государя къ общему нидерландскому сейму и къ Вильгельму, какъ руварту брабантскому. Сеймы брабантскій и фландрскій учредили постоянный правительственный совѣтъ, которому ввѣрили ту административную власть, какая принадлежала общему нидерландскому сейму. Они думали, что, признавъ своимъ государемъ герцога анжуйскаго, получатъ помощь Франціи. Осенью 1581 эрцгерцогъ Матѳій, игравшій въ Нидерландахъ жалкую роль, но не запятнавшій себя никакими безсчастными поступками, возвратился въ Вѣну. Нидерланды были раздѣлены тогда на три части: сѣверныя области, опредѣливъ права народа и новаго своего государя Вильгельма добросовѣстными договорами, упрочили свою свободу; валлонскія области

отдались на произволъ испанскому абсолютизму; среднія области, въ которыхъ благосостояніе и образованность прежде достигали высокаго развитія, колебались между принципами свободы и рабства, автономіей протестантскаго сѣвера и безусловной покорностью католическаго юга; онѣ раздробили правительственную власть по разнымъ рукамъ, хотѣли выбрать государемъ Матѳіа, теперь выбрали герцога анжуйскаго, дали ему титулъ и связали ему руки, стали ареной борьбы между честолюбцами; не желая возвратиться подъ испанскую власть, которую свергли съ себя и не рѣшаясь присоединиться къ сѣвернымъ областямъ, онѣ истощали свои силы въ безплодной борьбѣ и между тѣмъ, какъ утрехтская конфедерація выработала себѣ самобытную государственную жизнь, Фландрія и Брабантъ, бывшіе съ давнихъ временъ сильнѣйшей, богатѣйшей и образованнѣйшей частью Нидерландовъ, вновь подпали подъ испанское владычество, утративъ и благосостояніе и самостоятельное участіе въ исторической жизни.

Въ тѣ два года, которые слѣдовали за провозглашеніемъ Вильгельма государемъ сѣверной конфедераціи, герцога анжуйскаго государемъ Брабанта и Фландріи, военныя событія не представляли ничего особенно важнаго. Герцогъ пармскій, взявъ Турнѣ и призвавъ обратно иноземныхъ наемниковъ, отпущенныхъ Дономъ Хуаномъ, упрочивалъ испанское владычество на югѣ; герцогъ анжуйскій пировалъ зимою въ Лондонѣ, мечтая получить руку Елизаветы, не желавшей дѣлить власть ни съ кѣмъ и, въ частности, не имѣвшей мысли принять предложеніе этого жениха, некрасиваго, хилаго и бездарнаго; она угощала его нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ отпустила съ любезными словами на прощанье, послала провожать его большую свиту вельможъ, главою которой былъ ея любовникъ, блестящій красавецъ графъ Лесстеръ. Въ мартѣ 1582 герцогъ анжуйскій пріѣхалъ изъ Англіи въ Нидерланды, былъ съ почестями встрѣченъ во Влissingенѣ; пышная свита проводила его въ Антверпенъ; тамъ онъ далъ ту присягу, какую давали государи по законамъ Брабанта и Фландріи, и получилъ титулъ государя, не понимая того, что онъ выбранъ государемъ лишь по надеждѣ фламандцевъ и брабантцевъ, что Елизавета отдастъ ему свою руку и будетъ всѣми силами помогать ему. Вильгельмъ Оранскій при облаченіи герцога анжуйскаго въ регалии герцога брабантскаго, застегивая герцогскую мантию его, сказалъ: «Я застегиваю ее крѣпко, чтобъ никто не могъ сорвать ее съ плечъ вашего высочества».

Вильгельмъ едва не погибъ въ это время. Альдегондъ, ѣздившій посланникомъ во Францію, узнавъ тамъ о наградѣ, назначенной Филиппомъ за убійство князя Оранскаго, воскликнулъ: „Князь погибъ!“ Онъ предвидѣлъ, что фанатики не дадутъ себѣ покоя, пока не убьютъ его. И дѣйствительно еще во время праздниковъ въ честь герцога анжуйскаго Хуанъ

Хауреги, слуга испанскаго купца Гаспаро Анастро, жившаго въ Антверпенѣ, вошелъ 18 марта въ домъ Вильгельма, выхватилъ пистолетъ и нанесъ Вильгельму тяжелыя раны въ шею, ротъ и щеку. Хауреги былъ молодой человѣкъ, фанатикъ, подкупленный на убійство Вильгельма своимъ хозяиномъ, при содѣйствіи Венеро, бухгалтера фирмы Анастро и доминиканскаго монаха. Окружавшіе Вильгельма убили Хауреги въ ту же минуту. Анастро успѣлъ бѣжать; Венеро и доминиканскій монахъ были казнены. Раны Вильгельма были такъ тяжелы, что жизнь его долго находилась въ опасности; только черезъ полтора мѣсяца, въ началѣ мая, увидѣли, что онъ останется живъ и отслужили благодарственное молебствіе. — Черезъ пять дней послѣ того умерла любящая жена Вильгельма Шарлотта Бурбонъ; тревога за жизнь мужа и изнуреніе отъ заботъ о раненомъ довели ее до смертельной болѣзни. — По окончаніи года траура, Вильгельмъ женился на дочери адмирала Колиньи, Луизѣ, вдовѣ, первымъ мужемъ которой былъ Телинъ.

Анастро, подкупившій Хауреги убить Вильгельма, былъ ласково принятъ герцогомъ пармскимъ; онъ думалъ, что злодѣйство удалось и сообщилъ эту увѣренность герцогу; Александръ пармскій написалъ циркуляръ, приглашавшій города Брабанта, Фландріи и Голландіи примириться теперь, по смерти виновника мятежей, съ королемъ, который доброжелателенъ къ нимъ и будетъ милостивъ къ покорившимся. Герцогъ анжуйскій тоже хотѣлъ воспользоваться временемъ бездѣйствія раненаго Вильгельма, захватить неограниченную власть въ признавшей его своимъ государемъ части Нидерландовъ. Французскіе дворяне, пріѣхавшіе съ нимъ, считали унизительною для брата своего короля зависимость отъ нидерландскаго сейма и другихъ законныхъ властей, потому охотно согласились помогать его намѣренію; оно состояло въ томъ, чтобъ овладѣть фландрскими и брабантскими крѣпостями; поставивъ въ нихъ свои гарнизоны, онъ сталъ бы повластнымъ господиномъ тѣхъ областей. Планъ отчасти удался: французы коварными нападеніями захватили Дюнкирхенъ, Остенде, Аlostъ, Вильворде и нѣкоторые другіе укрѣпленные города, жители которыхъ впустили ихъ въ ворота, не подозрѣвая вѣроломнаго замысла. Но нападеніе на Брюгге (сдѣланное въ половинѣ января 1583) было отбито, а въ Антверпенѣ французы потерпѣли большой уронъ. Герцогъ анжуйскій подошелъ съ 4.000 человѣкъ къ этому городу, овладѣлъ воротами и важнѣйшими укрѣпленными пунктами, пользуясь тѣмъ, что жители не ожидали нападенія; но когда они увидѣли въ чемъ дѣло, то взялись за оружіе; французы уже раздробились тогда на безпорядочныя толпы, занявшись грабежомъ лавокъ. Граждане напали на нихъ; они бѣжали изъ города, оставляя по улицамъ убитыхъ и раненыхъ товарищей; 250 французскихъ дворянъ были убиты въ этой схваткѣ.

Своимъ коварнымъ нападеніемъ на Антверпенъ герцогъ анжуйскій окончательно испортилъ свое дѣло. Онъ старался оправдать нападеніе, выставляя его то порывомъ досады на обиды, то результатомъ случайной

ссоры, возникшей изъ недоразумѣнія, но нидерландцы утратили всякое довѣріе къ нему. Они выгнали бы его, если бъ не опасались оскорбить этимъ французское правительство; притомъ онъ въ раздраженіи могъ бы вступить въ союзъ съ герцогомъ пармскимъ; потому нидерландцы приняли совѣтъ Вильгельма помириться съ нимъ и опредѣлили новыми договорами его положеніе въ Нидерландахъ. Эти договоры отнимали у него возможность успѣха въ новыхъ попыткахъ коварнаго насилія; онъ увидѣлъ, что не можетъ захватить произвольную власть и въ іюнѣ (1583 года) уѣхалъ во Францію. Черезъ годъ (10 іюня 1584 года) онъ умеръ тамъ (въ Шато Тырри). Герцогъ пармскій искусно пользовался бездѣйствіемъ Вильгельма отъ раны и разстройствомъ дѣлъ патріотовъ отъ коварныхъ нападеній герцога анжуйскаго, онъ овладѣлъ нѣсколькими крѣпостями, изъ которыхъ ушли захватившіе ихъ французы, склонилъ на свою сторону многихъ вельможъ остававшихся католиками: въ числѣ этихъ новыхъ его союзниковъ находились Шампаньи и князь Шимé, сынъ герцога Аршота. Благодаря ихъ содѣйствію, герцогъ пармскій вошелъ во Фландрію, покорилъ Брюгге, окружилъ своими войсками Гентъ. Вильгельмъ Оранскій увидѣлъ, что невозможно удержать югъ въ соединеніи съ сѣверомъ, что надобно думать только объ упроченіи независимости областей, составлявшихъ сѣверную конфедерацію, и занялся съ ихъ общимъ сеймомъ разработкой формъ устройства ихъ общаго управленія.

Попытка убить князя Оранскаго и бездѣйствіе его во время продолжительныхъ страданій отъ ранъ показали народу сѣверной конфедерации, что опасно оставлять ея устройство въ неопредѣленномъ временномъ положеніи, при которомъ ея существованіе обуславливалось дѣятельностью Вильгельма; она распалась бы въ случаѣ его смерти; надобно было дать ей прочное устройство. Утрехтская унія была наскоро составлена для общей обороны противъ могущественнаго врага; главной заботой вступавшихъ въ нее было устройство военного управленія, приготовленіе военныхъ силъ, нужныхъ для защиты страны; эта цѣль была достигнута предоставленіемъ Вильгельму диктаторской власти по военнымъ дѣламъ; но другія стороны федеративнаго устройства оставались еще неопредѣленны; притомъ диктаторская власть главнокомандующаго была несовмѣстна съ характеромъ федеративнаго государства. Пока находилась она въ рукахъ князя Оранскаго, не было отъ нея опасности для свободы, а неутомимая дѣятельность его поддерживала порядокъ въ гражданскомъ управленіи даже при недостаткѣ опредѣленныхъ формъ федеративной организаціи: народъ по довѣрію къ Вильгельму исполнялъ его совѣты, а онъ не злоупотреблялъ безграничной преданностью народа, держалъ себя умѣренно, честно. Съ рѣдкимъ самообладаніемъ онъ удерживался отъ всего такого, что могло бы возбудить опасеніе, что онъ хочетъ быть господиномъ государства; онъ желалъ быть только защитникомъ отечества. Сначала онъ называлъ себя наместникомъ Филиппа, потомъ подчинился эрцгерцогу Матѳію, а когда государемъ Нидерландовъ былъ провозглашенъ герцогъ анжуйскій, Вильгельмъ усердно убѣждалъ всѣ области признать его власть. Она

была ограничена условіями, дѣлавшими ее безопасной для свободы Нидерландовъ, и авторитетъ Вильгельма оставался прежній; но всѣ правительственныя распоряженія дѣлались отъ имени новаго государя, и Вильгельмъ склонялъ даже Голландію и Зеландію признать герцога государемъ, хотя тотъ не скрывалъ своей зависти къ вождю патріотовъ. Непріязнь герцога была такъ очевидна, что покушеніе на жизнь Вильгельма было сначала приписано ему. Теперь провинціи утрехтской уніи увидѣли необходимость выйти изъ прежняго неопредѣленнаго положенія; общій сеймъ ея убѣдилъ Вильгельма принять предложеніе, дававшее ему власть главнокомандующаго на все время войны,—и далъ ему (14 августа 1582) санъ графа голландскаго, чтобы фактическое преобладаніе его авторитета получило юридическій характеръ. Послѣ того общій сеймъ утрехтской уніи занялся составленіемъ конституціи, опредѣлявшей права и обязанности областей и положеніе главы союзнаго правительства, въ особенности власть его по военнымъ дѣламъ. Трудна была задача соединить въ конституціи монархическій элементъ съ республиканскимъ, найти правила, которыми наслѣдственная правительственная власть, предоставляемая Вильгельму и его династіи, была бы приведена въ согласіе съ правами областей и городовъ, съ политической свободой конфедерации и всѣхъ составныхъ ея частей. Вильгельмъ выказалъ и въ этомъ дѣлѣ такую скромность, такое самообладаніе, что общій сеймъ нашелъ удобнымъ предоставить ему и его династіи власть, имѣвшую монархическій характеръ.

При содѣйствіи Вильгельма союзный сеймъ составилъ конституцію, по которой онъ получалъ титулъ графа голландскаго и наслѣдственную власть управленія войскомъ и флотомъ, съ правомъ назначать всѣхъ военныхъ начальниковъ; завѣдываніе дипломатическими дѣлами было также вполне ввѣрено ему и его преемникамъ; по всѣмъ другимъ правительственнымъ дѣламъ онъ былъ обязанъ поступать согласно рѣшеніямъ общаго сейма, когда дѣло относилось ко всей конфедерации, а когда оно касалось одной области, то сообразно рѣшеніямъ ея областного сейма. Онъ долженъ былъ править дѣлами при содѣйствіи государственнаго совѣта, состоящаго изъ двѣнадцати членовъ, избираемыхъ союзнымъ сеймомъ. Законы не могли быть постановляемы иначе какъ рѣшеніями союзнаго сейма, который назначалъ время своихъ засѣданій по собственному усмотрѣнію, независимо отъ правителя государства. Согласіе союзнаго сейма было необходимо для объявленія войны, заключенія мира, установленія налоговъ, измѣненій монетной системы. На высшія должности правитель государства не могъ назначать никого, кромѣ кандидатовъ, списокъ которыхъ представлялъ ему при каждой вакансіи союзный сеймъ. Судъ былъ независимъ отъ правительства, оно было только обязано устранять всѣ препятствія законному дѣйствію трибуналовъ; никто не могъ быть арестованъ безъ соблюденія законныхъ формъ, и никакой процессъ не могъ быть переданъ никакому другому учрежденію, кромѣ того трибунала, рѣшенію котораго подлежалъ по закону. Истолкованіе законовъ принадлежало судебнымъ властямъ, а не правительству. Словомъ правитель государства былъ только

защитникомъ его и охранителемъ законовъ. Далѣе, постановлялись: въ случаѣ, если графъ голландскій нарушитъ условія, на которыхъ поручается ему власть, союзный и областные сеймы объявляютъ его лишеннымъ власти и принимаютъ управленіе дѣлами въ свое непосредственное завѣдываніе или назначаютъ другого правителя; по смерти графа голландскаго союзный сеймъ избираетъ графомъ того изъ его сыновей, котораго найдетъ наиболѣе достойнымъ.

Мы говорили, что трудно было соединить въ конституціи сѣверной конфедерации монархическій элементъ съ республиканскимъ, установить условія, которыми предотвращались бы столкновенія между правителемъ, имѣющимъ верховное начальство надъ всѣми военными силами, ведущимъ дипломатическія дѣла, и союзнымъ сеймомъ, имѣющимъ законодательную власть и исключительное право устанавливать налоги; неизбежна была въ будущемъ борьба между наслѣдственнымъ правителемъ и союзнымъ сеймомъ; въ династии правителей должно было возникнуть стремленіе къ расширенію своей власти, подавленію свободы, у сейма—стремленіе стѣснить, потомъ и уничтожить власть правителя, обратить государство въ республику; но при всѣхъ опасностяхъ для будущаго, какія заключала въ себѣ конституція, устанавливаемая теперь, большимъ счастіемъ для федерации сѣверныхъ областей было установленіе конституціи, дававшей опредѣлительность и прочность федеративному государству. Въ послѣдній день декабря 1583 актъ этой конституціи былъ подписанъ Вильгельмомъ Оранскимъ и союзнымъ сеймомъ. Но пока шли приготовленія къ торжественному принятію графскаго сана Вильгельмомъ, принесенію имъ присяги на вѣрность конституціи и принесенію сеймомъ присяги на вѣрность ему, жизнь его была прервана убійцей.

Со времени назначенія награды отъ Филиппа за убійство князя Оранскаго происходили непрерывныя покушенія на жизнь Вильгельма. Герцогъ пармскій давалъ деньги фанатикамъ или негодяямъ вызывавшимся убить его. Нѣсколько этихъ отчаянныхъ людей было схвачено передъ исполненіемъ ихъ замысла; они были подвергаемы казни; но надежда получить награду завлекала другихъ на опасное дѣло. Лѣтомъ 1584 Вильгельмъ жилъ въ маленькомъ городѣ Дельфтѣ, гдѣ праздновалъ 12 іюня крещеніе своего сына Фридриха Генриха. Туда пробрались, не зная другъ о другѣ, пять негодяевъ разныхъ націй, чтобъ убить его. Одинъ изъ нихъ былъ Бальтазаръ Жераръ или по голландскому выговору его фамилія Герардзъ (Gerardz), уроженецъ бургонскаго города Доля, фанатичный католикъ, писецъ по профессіи. Онъ открылъ свое намѣреніе герцогу пармскому и двумъ іезуитамъ; они похвалили его, помогли ему деньгами и всѣмъ, что было нужно. Въ Дельфтѣ онъ наканунѣ того, какъ идти на убійство, молился съ часъ времени въ церкви. Онъ выдавалъ себя за кальвиниста, говорилъ, что его отецъ потерпѣлъ смерть за кальвинистскую вѣру. Онъ привезъ Вильгельму извѣстіе о смерти герцога анжуйскаго и, передавая ему это, имѣлъ случай высмотрѣть расположеніе комнатъ во дворцѣ; 10 іюля, когда Вильгельмъ съ женою и нѣсколькими друзьями сошелъ изъ своихъ комнатъ въ нижній этажъ, въ столовую завтракать, Герардзъ подошелъ къ нему, попросилъ паспорта; супругѣ

Вильгельма показалось подозрительнымъ дурное, мрачное лицо этого человѣка, но Вильгельмъ держалъ себя безъ всякаго подозрѣнія, велѣлъ приготовить паспортъ. Герардъ ушелъ изъ столовой и спрятался въ нишѣ корридора, въ которомъ была лѣстница изъ нижняго этажа въ верхній. Когда послѣ завтрака Вильгельмъ пошелъ по корридору, возвращаясь въ свои комнаты, Герардъ подскочилъ къ нему и выхвативъ изъ подъ плаща пистолетъ, заряженный тремя пулями, выстрѣлилъ въ грудь ему; его перенесли въ ближайшую комнату; черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Послѣднія слова его были «Боже мой, Боже мой, помилуй меня и бѣдный народъ!» У его тѣла молилась на колѣнахъ жена. Ея отецъ и первый мужъ ея погибли отъ руки убійцы, это была третья такая же потеря ея.—Убійца бѣжалъ, былъ схваченъ, называлъ свое дѣло богоугоднымъ, черезъ четыре дня онъ былъ преданъ мучительной смерти. Голова его воткнутая на колъ была унесена усердными папистами и до половины слѣдующаго вѣка была въ Кельнѣ предметомъ благоговѣйнаго почитанія, какъ святыня, часть мощей мученика.—По донесенію герцога пармскаго, Филиппъ выдалъ обѣщанную награду родителямъ человѣка, совершившаго «похвальное дѣло». Вильгельмъ былъ похороненъ съ королевскими почестями и при рыданіяхъ народа 3 августа въ Дельфтѣ. Голландская народная пѣсня влагаетъ въ уста его слова: «Я Вильгельмъ нассаускій, остаюсь вѣренъ отечеству до смерти». Онъ былъ убитъ на 52 году жизни.

Вильгельмъ, князь Оранскій, былъ однимъ изъ величайшихъ людей богатаго великими людьми XVI вѣка, и сдѣлалъ бы еще много блага нидерландскому народу, если бы рука убійцы, подкупленнаго Филиппомъ, не пресѣкла его жизни. Враги нидерландскаго народа называли освободителя его честолюбцемъ. Но, когда онъ продавалъ въ Нассау свою серебряную посуду, бралъ деньги на войну подъ залогъ своихъ имѣній, у него не могло быть надежды основать въ Нидерландахъ государство для своей династіи; а когда онъ во время кельнскаго конгресса отказывался отъ всего предлагаемаго ему королемъ испанскимъ и императоромъ, чтобы дѣлать бѣдствія голландскаго народа, то о своихъ ли выгодахъ думалъ онъ? Онъ защищалъ права человѣчества. Вильгельмъ не былъ геніаленъ собственно, какъ полководецъ; но не безуспѣшно выдерживалъ борьбу съ превосходившими его числомъ войска такими великими полководцами, какъ Альба, Донъ-Хуанъ и Александръ пармскій; это потому, что онъ былъ человѣкъ великаго ума и геніальный правитель. Онъ былъ красно-рѣчивый ораторъ, манифесты и апологіи его написаны съ увлекательной убѣдительностью. Онъ былъ необыкновенно искусный дипломатъ; проницательный умъ его разгадывалъ всѣ коварства враговъ. Единственнымъ мотивомъ его политической дѣятельности было желаніе освободить свое отечество отъ испанскаго и римскаго рабства. Самоотверженно подчинялся онъ тѣмъ государямъ, которые обѣщались помогать избиравшему ихъ народу, въ борьбѣ за свободу. До самой смерти герцога анжуйскаго Вильгельмъ оставался въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ, приглашалъ его возвратиться въ Нидерланды. Санъ графа голландскаго онъ принялъ

только послѣ долгаго сапротивленія этому требованію народа сѣверныхъ Нидерландовъ и самъ помогаль союзному сейму установить такія границы власти графа голландскаго, чтобы сохранились неприкосновенными права народа.—Смерть Вильгельма превратила нидерландскую конфедерацію въ республику, если не по формѣ, то на дѣлѣ. Морицъ, сынъ Вильгельма отъ второй жены, Анны саксонской, былъ только избраннымъ правителемъ республиканской конфедераціи, представители которой по благодарности къ отцу передали сыну права, принадлежавшія основателю ихъ государства. Морицу былъ данъ титулъ статгоудера, „намѣстника“, привычный нидерландскому народу, со временъ присоединенія Нидерландовъ къ испанскому государству. По сану статгоудера Морицъ былъ главнокомандующимъ военныхъ силъ и органомъ исполнительной власти, какъ председатель государственнаго совѣта. Впослѣдствіи времени по ходу историческихъ событій оранская династія прибрѣла нидерландскій престолъ; но это было результатомъ событій позднѣйшаго времени, а не цѣлью дѣятельности Вильгельма. Одно изъ благороднѣйшихъ достоинствъ характера его—широкая вѣротерпимость; въ вѣкъ ожесточенной вражды между разными вѣроисповѣданіями, онъ непоколебимо защищалъ свободу совѣсти.

5. Отдѣленіе нидерландскаго сѣвера отъ юга.

Со смертью Вильгельма Оранскаго исчезла, какъ и рассчитывали Филиппъ и герцогъ пармскій, опасность, что Фландрія и Брабантъ будутъ отняты у испанцевъ. Событія скоро показали, что въ управленіи дѣлами нидерландцевъ уже нѣтъ той проницательности и энергіи, какую получало оно отъ Вильгельма. Герцогъ пармскій сталъ быстро одерживать военные и дипломатическіе успѣхи. Гентъ три раза спасенный Вильгельмомъ былъ черезъ два мѣсяца по его смерти взятъ испанцами (17 сентября). Герцогъ пармскій поступилъ съ покореннымъ городомъ милостиво, чтобы внушить другимъ сопротивлявшимся городамъ довѣріе къ своимъ обѣщаніямъ кротости. Онъ далъ амнистію гражданамъ Гента; все наказаніе ихъ за мятежъ ограничилось небольшою контрибуціею. Реформатамъ, не желающимъ принять католичество, было дано два года срока на продажу имущества и отъѣздъ. Покоривъ Гентъ, герцогъ пармскій подступилъ къ Брюсселю и взявъ Вильворденъ совершенно отрѣзалъ столицу Брабанта отъ подвоза сѣстныхъ припасовъ; голодъ принудилъ гражданъ сдаться (10 марта 1585) на тѣхъ же условіяхъ, какія герцогъ далъ Генту. Вскорѣ онъ покорилъ Мехельнь и взявъ Нимвегенъ (Nimwegen, Неймегенъ), открылъ себѣ путь въ Гельдернъ и сѣверныя области. На югѣ только Антверпенъ еще оставался непокоренъ ему. Онъ обратилъ всѣ свои силы на этотъ городъ, чтобъ овладѣть имъ, пока снова не! вмѣшаются въ нидерландскія дѣла иностранныя державы.

Въ особенности близкимъ казалось вмѣшательство короля французскаго. Нидерландскіе противники испанской власти отправили къ Генриху III посольство съ просьбой о помощи, обѣщаясь повиноваться тому изъ принцевъ французской династіи, котораго назначить онъ своимъ намѣстникомъ у нихъ. Катерина Медичи, не любившая Филиппа, одобряла это предложеніе и Генрихъ III былъ расположенъ принять его. Начаты были переговоры объ условіяхъ провозглашенія Генриха III государемъ нидерландскимъ. Но положеніе Франціи было разстроенное; лига уже подымалась противъ короля; она повиновалась инструкціямъ Филиппа. Генрихъ III не имѣлъ возможности послать войско въ Нидерланды; послы воротились отъ него съ пустыми обѣщаніями помощи въ будущемъ. Нидерландцы обратились съ просьбой о помощи къ Елизаветѣ. Борли доказывалъ королевѣ, что если Филиппъ совершенно покорить Нидерланды, то нападетъ на Англію. Но Елизавета по обыкновенію колебалась, и пока она медлила, судьба Брабанта и Фландріи была рѣшена взятіемъ Антверпена.

Осада Антверпена одно изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ событій того вѣка. Герцогъ пармскій еще въ 1584 окружилъ городъ, перерѣзалъ очень широкую въ этомъ мѣстѣ Шельду мостомъ, наведеннымъ на судахъ, отнялъ этимъ путь съ моря къ осажденному городу. Антверпенцы мужественно оборонялись подъ начальствомъ Альдегонда, занимавшаго должность бургомистра; геніальный военный инженеръ Джанибелли (или, по упрощенному выговору этой фамиліи, Джамбелли) дѣлалъ дивныя изобрѣтенія для защиты города, для прорыва плотинъ и моста, отрѣзывавшихъ путь голландцамъ и зеландцамъ, приплывшимъ для освобожденія Антверпена. Онъ прорвалъ мостъ, но ни антверпенцы, ни сѣверный флотъ, стоявшій въ устьѣ Шельды, не произвели одновременнаго нападенія на испанцевъ; Александръ пармскій, едва не погибшій при взрывѣ моста, возобновилъ его, и 17 августа 1585 Антверпенъ покорился Филиппу. Во всѣхъ церквахъ было возстановлено католическое богослуженіе; гражданамъ была дана амнистія, реформатамъ былъ предоставленъ четырехлѣтній срокъ для продажи имущества и отъѣзда. Политическая дѣятельность Альдегонда кончилась славной обороной Антверпена. Туда пріѣхали іезуиты и скоро были уничтожены всѣ слѣды ереси. Торговое величіе Антверпена погибло, тысячи богатыхъ семействъ переселились оттуда въ Голландію и Зеландію; вмѣсто Антверпена центромъ всемірной торговли сдѣлался Амстердамъ.

Межъ тѣмъ какъ герцогъ пармскій покорялъ Фландрію, Брабантъ и другія южныя области, сѣверная конфедерація упрочивала свое устройство на полу-монархическомъ, полу-республиканскомъ основаніи, созданномъ при содѣйствіи Вильгельма. По смерти Вильгельма, монархическій элементъ въ ней ослабѣвалъ, республиканскій усиливался. Герцогъ пармскій надѣялся отчасти силой, отчасти обольщеніемъ подчинить королю испанскому и сѣверную часть Нидерландовъ. Между областями сѣверной конфедераціи возникли несогласія, города ссорились съ областными своими сеймами и союзнымъ правительствомъ; войска герцога пармскаго стояли на границахъ Гельдерна и Зеландіи; казалось, что угрозы и лести-

выя обѣщанія герцога получаютъ успѣхъ; но жители сѣвера не могли отречься отъ реформатскаго вѣроисповѣданія; преданность ихъ ему укрѣплялась вліяніемъ горячихъ реформатовъ, переселявшихся къ нимъ съ юга. Потому они остались при рѣшимости защищать свою независимость.

По вліянію мудраго патріота Яна Ольденбарневельда, бывшаго тогда пенсіонаріемъ (завѣдующимъ дѣлами городского совѣта) въ Роттердамѣ, голландцы вызвали изъ лейденскаго университета учившагося тамъ, Морица, сына Вильгельма, и назначили его статгоудеромъ своей области. Ему было тогда только семнатцать лѣтъ; казалось большимъ рискомъ ввѣрять управленіе военными дѣлами неопытному юношѣ; но выборъ оправдался успѣхами. Съ тѣмъ вмѣстѣ голландцы согласились искать иноземной помощи, чтобъ не разсердить другія области сѣверной конфедераціи, требовавшія того. Она ужъ и раньше просила Елизавету принять власть надъ нею; теперь просьба была возобновлена. Но осторожная, нерѣшительная Елизавета не приняла и теперь предлагаемой власти; не хотѣла однако и допустить покоренія сѣвера королемъ испанскимъ или перехода Нидерландовъ подъ власть короля французскаго; потому стала помогать нидерландцамъ: послала своего любимца, графа Лесстера съ отрядомъ войска во Влиссингенъ. Дрекъ поплылъ туда съ авангардомъ экспедиціи Лесстера, занялъ Влиссингенъ. Союзный сеймъ сѣверной конфедераціи назначилъ Лесстера верховнымъ правителемъ (статгоудеромъ) государства (въ декабрѣ 1585). Онъ оставался въ Нидерландахъ два года, но игралъ тамъ по своей безхарактерности и бездарности жалкую роль: Морицъ, походившій на отца силой ума и воли, хорошій полководецъ, быстро упрочилъ за собою довѣріе голландцевъ и зеландцевъ; и управленіе сѣверной конфедераціей находилось фактически въ его рукахъ. Въ областныхъ сеймахъ и городскихъ правительствахъ развивался аристократическій элементъ.

Постановленія союзнаго договора не могли бытъ такъ опредѣлительны, чтобы не допускать значительной свободы истолкованія въ вопросахъ о разграниченіи власти союзнаго сейма и статгоудера; пользуясь этимъ, Ольденбарневельдъ и его друзья убѣждали союзный сеймъ расширять свои права, и онъ принялъ на себя верховную власть, предоставивъ статгоудеру, кромѣ управленія военными силами, лишь очень ограниченный кругъ дѣйствія. Когда Морицъ Оранскій почувствовалъ свои силы окрѣпшими, онъ вступилъ въ борьбу съ союзнымъ сеймомъ и начались раздоры, ослабившіе государство. Главнымъ источникомъ ихъ было то, что статгоудеръ, главнокомандующій войска и флота, желалъ продолженія войны, когда союзный сеймъ и торговое сословіе уже находили ее излишней; она была нужна ему для пріобрѣтенія такого вліянія на массу народа, которое дало бы ему возможность подчинить себѣ и союзный и областные сеймы.

Бездарный, но властолюбивый Лесстеръ хотѣлъ расширить свою власть; по договору, на основаніи котораго сѣверная конфедерація признала его правителемъ, онъ обязанъ былъ дѣйствовать подъ кон-

тролемъ назначеннаго сеймомъ государственнаго совѣта; онъ хотѣлъ сбросить съ себя это стѣсненіе, окружилъ себя совѣтниками, не пользовавшимися довѣріемъ народа, а въ борьбѣ съ герцогомъ пармскимъ терпѣлъ неудачи, не могъ помѣшать герцогу овладѣть крѣпостями Граве (въ сѣверномъ Брабантѣ), Венло (въ Гельдернѣ), Слѣйсомъ (на морскомъ берегу близъ границы Зеландіи). Племянникъ Лесстера, Филиппъ Сидни (знаменитый поэтъ), получилъ смертельную рану въ сраженіи близъ Цютфена. Въ началѣ 1587 Лесстеръ уѣхалъ въ Англію; въ его отсутствіе англійскіе комменданты Девентера и Цютфена, Стэнли и Йоркъ, сдали ихъ испанскому генералу Тассису при такихъ обстоятельствахъ, что было видно всѣмъ: они продали ихъ. Возвратившись въ Нидерланды, Лесстеръ нашелъ свою власть унавшей и вздумалъ возстановить ее коварнымъ насиліемъ (какъ прежде дѣлалъ герцогъ анжуйскій на югѣ). Онъ хотѣлъ арестовать Морица, генерала Гоэнло (Hohenlohe), бывшаго помощникомъ Морица, арестовать ненавистнаго ему патріота Ольденбарневельда, отправить ихъ въ Англію, овладѣть Лейденомъ и покорить сѣверъ Нидерландовъ Елизаветѣ. Но этотъ замыселъ обнаружился; силы Лесстера были не достаточны для подавленія патріотовъ, принявшихъ мѣры обороны; увидѣвъ, что дѣло не удалось, Лесстеръ выпросилъ себѣ у Елизаветы дозволеніе отказаться отъ управленія сѣверной конфедераціей, сложилъ съ себя въ декабрѣ 1587 санъ статгоудера и возвратился въ Англію.

Нидерландцы были теперь предоставлены только собственнымъ силамъ, которыя притомъ ослаблялись раздорами: областные сеймы не охотно подчинялись союзному, вельможи и городскія правительства тоже ревниво охраняли свою независимость; Сонси и другіе генералы не исполняли приказаній главнокомандующаго, а онъ былъ неопытный юноша. Таково было положеніе дѣлъ сѣверной конфедераціи, когда Филиппъ II готовился нанести рѣшительный ударъ ереси покореніемъ Англіи и подчинить своему произволу всю западную Европу. Общая опасность заставила Елизавету и нидерландскихъ патріотовъ отбросить непріязнь, произведенную между ними неудачами и отставкой Лесстера. Герцогъ пармскій вступилъ въ переговоры съ Елизаветой и уже надѣялся заключить съ нею миръ, который отнялъ бы у нидерландскихъ патріотовъ послѣднюю иноземную помощь; но въ это время обнаружилось, что въ гаваняхъ западнаго берега Пиренейскаго полуострова снаряжается колоссальная экспедиція для завоеванія Англіи. Елизавета немедленно возобновила союзъ съ нидерландской конфедераціей. Голландцы много содѣйствовали побѣдѣ англичанъ надъ Непобѣдимой Армадой. Они выбили въ память о погибеліи ея медаль, надпись на которой приписывала побѣду помощи всемогущаго Бога, разсѣявшаго враговъ дуновеніемъ своимъ; но и они, какъ англичане, выказали во время великой опасности такую энергію, что увѣренность въ своихъ силахъ возросла и у нихъ, какъ у англичанъ.

Испанія не могла оправиться отъ удара, нанесеннаго ей погибелю Непобѣдимой Армады; изнуренное самовластіемъ Филиппа государство изнемогло и могущество его стало падать; но онъ упрямо напрягалъ послѣднія силы, чтобы покорить себѣ терзаемую междоусобіями Францію. Для этого онъ заставилъ герцога пармскаго почти совершенно прекратить военныя дѣйствія противъ нидерландцевъ. Оставивъ Петера Эрнста Мансфельда защищать Фландрію и Брабантъ, герцогъ по приказанію Филиппа пошелъ во Францію помогать лигѣ противъ гугенотовъ и Генриха III. Другое испанское войско пошло покорять архіепископство кельнское кліенту Филиппа, курфирсту Эрнсту (принцу баварской династіи); тамъ былъ убитъ генераль испанской службы Тассисъ. Войска Филиппа не получали жалованья, мятежничали; итальянцы, служившіе въ нихъ, ссорились съ испанцами. Въ войскѣ и при мадридскомъ дворѣ строились интриги противъ герцога пармскаго; подозрительный Филиппъ вѣрилъ клеветамъ. Онъ уже и прежде хотѣлъ ослабить власть герцога, пославъ своею намѣстницею въ Нидерланды мать его Маргарету, прежнюю правительницу страны, такъ чтобы власть была раздѣлена между нею и герцогомъ. Но герцогъ отвѣчалъ, что скорѣе сложить съ себя власть, чѣмъ согласится на ея ослабленіе, и Филиппъ отказался отъ своего намѣренія. Послѣ погибели Непобѣдимой Армады, завистники Александра пармскаго винили его въ неудачѣ экспедиціи, говорили Филиппу, что герцогъ не захотѣлъ помогать ей, и что собственно отъ этого погибла она; они говорили, что Елизавета обольстила его обѣщаніемъ выдать за него Арабеллу Стюартъ, объявивъ ее своей наслѣдницею, что онъ, увлекшись надеждой стать королемъ англійскимъ, измѣнилъ своему государю и собственно поэтому медлил посадить войско на транспортныя суда чтобы плыть подъ прикрытіемъ Непобѣдимой Армады въ Англію. Когда онъ въ слѣдующемъ (1589) году занемогъ и лечился минеральными водами въ Спа, молва говорила, что причина его болѣзни постоянное волненіе досады на интриги враговъ и неблагодарность Филиппа.

Морицъ между тѣмъ возмужалъ; старые солдаты Вильгельма дивились искусству его сына въ командованіи войсками и флотомъ. Онъ изучалъ его въ разсказахъ древнихъ историковъ, учился у знаменитаго математика и военного инженера Симона Стевина (уроженца Брюгге); занимался всѣми отраслями военныхъ наукъ и гидравликой, важной для военныхъ дѣйствій на голландскихъ низменностяхъ. Будучи по сану статгоудера Голландіи и Зеландіи главнокомандующимъ войскъ и флота ихъ, онъ далъ военнымъ силамъ прекрасную организацію, превосходно выбиралъ мѣста для укрѣпленій, ввелъ строгую дисциплину въ войскѣ, получившемъ отъ нея удвоенную силу. Сначала онъ не могъ вести большихъ наступательныхъ дѣйствій, долженъ былъ ограничиваться обороной сѣверныхъ областей. Онъ былъ такъ искусенъ, что умѣлъ устранять надобности въ дробленіи войска на малочисленные отряды, держалъ ихъ сосредоточенными. Ему чужда была великая мысль отца соединить въ одну федерацію всѣ нидерландскія области; онъ былъ человѣкъ сухой, желалъ только удободостижимаго и старался упрочить единство сѣверныхъ областей, связанныхъ между собою одинаковостью религіи, обычаевъ, языка.

Онъ былъ строгій кальвинистъ, потому имѣлъ на своей сторонѣ духовенство и народъ. Торговля Амстердама и Энкгейзена росла, благосостояніе сѣверной федераціи увеличивалось; разсудительностью своего управленія Морицъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе. Въ 1590 году онъ былъ назначенъ статгоудеромъ въ Гельдернѣ, Утрехтѣ, Оверѣ-Эйселѣ. Онъ пріобрѣлъ сильный стратегическій пунктъ въ сѣверномъ Брабантѣ, овладѣвъ крѣпостью Бредой и ея цитаделью (въ февралѣ 1590 года). Это важное пріобрѣтеніе было сдѣлано отчасти силой, отчасти хитростью: воины Морица, спрятанные въ купеческомъ кораблѣ, привозившемъ въ Бреду торфъ, внезапно напали на гарнизонъ и одолѣли его. Въ маѣ слѣдующаго (1591) года Морицъ овладѣлъ Цютфеномъ и Девентеромъ. Граждане ихъ радовались, что освобождены отъ буйныхъ испанскихъ гарнизоновъ. Въ іюлѣ покорился ему Неймегенъ, шесть лѣтъ остававшійся подъ испанской властью. Александръ пармскій утратилъ здоровье и предпримчивость, видѣлъ, что сѣверные Нидерланды удержатъ свою независимость. Когда онъ пошелъ къ Руану противъ Генриха IV, Морицъ и его двоюродный братъ Людвигъ нассаускій, статгоудеръ Фрисландіи, подступили къ Кувордену (на границѣ Дренте). Вердуго, испанскій коммендантъ Гронингена, пошелъ, по приказанію Александра пармскаго, на помощь гарнизону этого города, но былъ разбитъ Морицомъ; это было первое пораженіе испанцевъ въ открытомъ полѣ со времени гентской уніи. Гарнизонъ Гронингена былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сообщеній съ испанскими войсками и очевидно было, что онъ скоро сдастъ крѣпость.

Александръ пармскій не дожилъ до этого. Готовясь къ третьему походу во Францію, онъ 3 декабря 1592 года умеръ въ Аррасѣ отъ болѣзни, которой страдалъ ужъ нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ послѣдній великій полководецъ Филиппа II и пріобрѣлъ въ Нидерландахъ такіе успѣхи, какихъ нельзя было ждать; но Филиппъ поступалъ и съ нимъ неблагодарно, какъ съ Дономъ Хуаномъ; досада на неблагодарность короля, ускорившая смерть Дона Хуана, много содѣйствовала сокращенію жизни и Александра пармскаго. Онъ умеръ на 47 году.

Съ его смертью военныя дѣйствія испанцевъ въ Нидерландахъ пошли дурно. Бездарные полководцы ихъ не пользовались уваженіемъ своихъ солдатъ, не могли держаться противъ отважнаго и даровитаго Морица. Видно было, что силы Испаніи изнурены. По смерти Александра пармскаго, главнокомандующимъ былъ до пріѣзда новаго статгоудера, эрцгерцога Эрнста, графъ Мансфельдъ, уже старикъ; по смерти Эрнста (умершаго въ молодости) главнокомандующимъ сталъ испанецъ графъ Фуэнтесъ. Военныя дѣйствія испанцевъ въ эти годы ограничивались грабежомъ. Солдаты, не получая жалованья, не слушались начальниковъ, добывали себѣ средства существованія грабительствомъ. Порядокъ нѣсколько возстановился только, когда пріѣхалъ

другой племянникъ Филиппа, братъ Эрнста Альбрехтъ; Филиппъ былъ хорошо расположенъ къ нему, потому менѣе скупился на присылку денегъ для войны, чѣмъ въ прежніе годы.

Морицъ одержалъ блистательные успѣхи. Онъ осадилъ Гертрёйденбургъ (въ южной Голландіи), велъ осаду очень искусно; 24 іюня 1593 года крѣпость сдалась ему; 22 іюля слѣдующаго года сдался упорно оборонявшійся гарнизонъ Гронингена. Такимъ образомъ не осталось непріятельскихъ войскъ въ областяхъ сѣверной конфедераціи. Убійство Вильгельма не принесло пользы Филиппу, но онъ не отставалъ отъ коварныхъ пріемовъ своей политики. Мы говорили, что старшій сынъ Вильгельма Оранскаго, графъ Бюренъ, учившійся въ Лувенѣ, былъ по приказанію Филиппа увезенъ въ Испанію. Отецъ во всѣхъ переговорахъ требовалъ возвращенія сына; но Филиппъ не выпустилъ его изъ своихъ рукъ, далъ ему такое воспитаніе, что онъ сдѣлался фанатичнымъ католикомъ, врагомъ своихъ родственниковъ, сохранялъ нѣкоторое уваженіе только къ памяти отца: Филиппъ обѣщался возвратить ему отцовскія имѣнья во Франшъ-Конте, отданныя родственникамъ Герарда, убійцы Вильгельма; условіемъ возвращенія ихъ Филиппъ ставилъ то, чтобы графъ обязался выдавать пенсію этимъ людямъ; онъ съ негодованіемъ отказался. Въ 1595 г. Филиппъ послалъ графа Бюрена въ Нидерланды, надѣясь, что нѣкоторые изъ приверженцевъ отца перейдутъ къ старшему сыну и патриоты перессорятся. Бюренъ поѣхалъ въ Римъ, принялъ благословеніе папы и явился въ Нидерланды съ притязаніями наследовать права отца, отнять ихъ у Морица, сына не его матери, а другой жены Вильгельма. Дѣло не удалось: сѣверная конфедерація запретила въѣздъ въ свои области сыну Вильгельма, ставшему католикомъ, слугой короля испанскаго. Онъ послѣ того жилъ большею частью во французскихъ владѣніяхъ своей династіи. Ненависть его къ Морицу мало по малу ослабѣла, и умирая бездѣтнымъ (въ 1618 году), онъ назначилъ Морица своимъ наследникомъ.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ, пріѣхавшій въ 1596 году намѣстникомъ Филиппа въ Нидерланды, былъ человѣкъ миролюбивый; но при жизни Филиппа II миръ былъ не возможенъ, потому продолжалась война Испаніи съ Нидерландами, Англіей и гугенотами. Въ 1596 Альбрехтъ покорилъ Кале, въ слѣдующемъ году взялъ хитростью Амьенъ и нѣсколько времени удержалъ его за собою; но англичане и голландцы въ томъ году уничтожили испанскій флотъ въ кадиксской гавани и сожгли Кадиксъ. Въ слѣдующемъ (1597) году Морицъ одержалъ при Тюрнгоутѣ блистательную побѣду надъ частью испанскаго войска; 1.200 испанцевъ были убиты, столько же ихъ было взято въ плѣнъ. За этой побѣдой слѣдовалъ рядъ другихъ успѣшныхъ дѣйствій. Въ этомъ походѣ при Морицѣ находился 13-лѣтній братъ его по отцу, Фридрихъ Генрихъ, сынъ четвертой

жены Вильгельма, дочери Колиньи. Морицъ взялъ нѣсколько крѣпостей по Рейну, овладѣлъ Лингеномъ, главнымъ городомъ графства, принадлежавшаго его династіи и конфискованнаго Филиппомъ, прогналъ изъ Гельдерна и Оверъ-Эйсея послѣдніе остатки испанскихъ войскъ. Послѣ смерти отца, Морицъ, въ надеждѣ на будущія побѣды, помѣстилъ въ свой гербъ изображеніе пня, изъ котораго вырастаетъ молодое дерево, съ подписью: *Tandem fit surculus arbor!* «Отпрыскъ становится наконецъ деревомъ». Этотъ гордый девизъ оправдывался теперь: слава Вильгельма возрождалась въ Морицѣ.

Филиппъ видѣлъ истощеніе силъ своего государства, хотѣлъ прекратить войну, чувствуя, что проживетъ недолго и желая, чтобы сынъ не имѣлъ враговъ. Онъ обѣщался возвратить королю французскому Кале и всѣ другія завоеванія; Ольденбарневельдъ, посланникъ союзнаго нидерландскаго сейма, отклонялъ Генриха IV отъ мира, но Генрихъ принялъ предложеніе Филиппа и заключилъ съ нимъ вервенскій миръ. Франція не меньше Испаніи нуждалась въ отдыхѣ. Помирившись съ Филиппомъ, Генрихъ оставался однако же другомъ нидерландцевъ. (Съ Ольденбарневельдомъ пріѣзжалъ въ Парижъ 15-лѣтній юноша, Гуго Гроцій; Генрихъ предугадалъ въ немъ будущаго великаго ученаго, подарилъ ему свой портретъ и золотую цѣпь).—Филиппъ хотѣлъ отдѣлить Нидерланды отъ Испаніи и, выдавъ свою дочь Изабеллу Клару Евгенію за Альбрехта, дать въ приданое ей государство, правителемъ котораго былъ Альбрехтъ; въ случаѣ, если у нихъ не будетъ дѣтей, государство ихъ должно было снова стать владѣніемъ короля испанскаго. Сеймы Фландріи, Брабанта и другихъ южныхъ областей, подвластныхъ Филиппу, повиновались волѣ его и объявили, что, хотя и прискорбно имъ выходить изъ-подъ власти справедливаго и милостиваго короля, но по обязанности послушанія ему они присягнутъ на вѣрность его дочери и зятю. Сѣверная конфедерація отвергла предложеніе Филиппа послѣдовать этому примѣру. Дочери Филиппа былъ тогда уже 31 годъ, Альбрехтъ былъ десятию годами старше ея; должно было полагать, что у нихъ не будетъ дѣтей. Альбрехтъ, имѣвшій духовный санъ, сложилъ его съ себя. Свадьба была отпразднована уже по смерти Филиппа; она происходила въ сентябрѣ 1599, въ Валенсіи. Изабелла и Альбрехтъ отправились въ Нидерланды и приняли власть надъ южной частью ихъ и надъ Франшъ-Конте.

Новые государь и государыня южныхъ Нидерландовъ хотѣли ознаменовать начало своего владычества блестящими подвигами. Испанское войско, состоявшее изъ разноплеменныхъ наемниковъ, опытныхъ солдатъ, сочувствовало ихъ желанію. Оно было многочисленнѣе нидерландскаго, которое должно было выдерживать борьбу исключительно своими силами: Елизавета отозвала свои войска, Генрихъ находился теперь въ мирѣ съ Филиппомъ. Но благодаря военнымъ

талантамъ Морица нидерландцы дѣйствовали успѣшно. Онъ пошелъ во Фландрію, думая овладѣть Остенде и Дюнкирхеномъ, и стоялъ подъ Ньепортомъ, когда Альбрехтъ двинулся на него со всѣмъ своимъ войскомъ. Испанцы и итальянцы Альбрехта роптали на неисправность въ уплатѣ жалованья; не слушались приказаній; Изабелла пріѣхала къ нимъ въ Гентъ, успокоила ихъ милостивыми обѣщаніями; они прогнали графа Эрнста Казимира нассаускаго, занимавшаго крѣпкую позицію на ихъ пути, приблизились къ войску Морица, и желая загладить усердіемъ свое прежнее ослушаніе, требовали немедленной битвы, не хотѣли даже подождать подкрѣпленія, шедшаго къ нимъ, будучи увѣрены въ побѣдѣ. Но Морицъ занялъ такую позицію, что солнце и вѣтеръ были въ лицо непріятелю и велѣлъ флоту отплыть въ море, чтобы воинамъ его не оставалось другого спасенія кромѣ побѣды. Битва при Ньепортѣ (2 іюля 1600) была упорна; въ рѣшительную минуту Морицъ произвелъ кавалерійскую атаку и нанесъ непріятелю полное пораженіе. Нидерландцы взяли 100 знаменъ, всю артиллерію, обозъ Альбрехта; тысяча побѣжденныхъ пали въ сраженіи, въ томъ числѣ два знатные итальянца изъ фамиліи Бентиволью; въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ изъ первыхъ вельможъ Испаніи, адмиралъ Мендоса.

Побѣдой при Ньепортѣ была отвращена опасность испанскаго нашествія на нидерландскую конфедерацію. Союзный сеймъ пріобрѣлъ сознаніе своего могущества и твердо подавилъ сопротивленіе сбору союзныхъ налоговъ, выказавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фрисландіи. Патріотизмъ нидерландцевъ укрѣпился. Когда передъ ньепортской битвой Морицъ хотѣлъ отослать на корабль своего брата Фридриха Генриха, бывшаго въ то время 16-лѣтнимъ юношей, чтобы онъ не подвергался опасности, юноша твердо сказалъ, что будетъ жить или умереть съ братомъ. Чувство подобное этому одушевляло всѣхъ. Нидерландцы привыкли жить въ войнѣ. Она дала имъ энергію и они терпѣливо выносили ея продолженіе. Походы слѣдующихъ годовъ не имѣли большого вліянія на развязку дѣла, но имѣютъ очень важное значеніе въ исторіи развитія военнаго искусства. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи осада Остенде. Гарнизонъ крѣпости, состоявшій изъ голландцевъ и англичанъ, получая иногда подкрѣпленія съ суши и съ моря, три года мужественно оборонялся противъ многочисленнаго испанско-итальянскаго войска. Альбрехтъ и его супруга нѣсколько разъ пріѣзжали въ лагерь осаждающихъ, долго жили тамъ, дѣлили всѣ неудобства и лишенія своихъ солдатъ. Осада Остенде была школой, въ которой научился военному дѣлу одинъ изъ геніальнѣйшихъ полководцевъ слѣдующаго времени, генуэзскій вельможа, маркизь Амброджо Спинола. Гарнизонъ потерялъ больше половины своего прежняго числа солдатъ; городъ былъ почти весь обращенъ въ развалины, когда защитники его сдались на ка-

питуляцію (2 сентября 1604). Граждане, исповѣдывавшіе кальвинизмъ, переселились въ завоеванный передъ тѣмъ временемъ Морицомъ городъ Слейсъ. Оборона Остенде была послѣднимъ дѣломъ, въ которомъ англичане помогали нидерланцамъ. Елизавета умерла во время осады, ея преемникъ поспѣшилъ помириться съ королемъ испанскимъ.

Но теперь голландцы (какъ называютъ весь народъ сѣверной нидерландской конфедераціи, по имени важнѣйшей области ея) ужь не нуждались въ чужой помощи. Напротивъ, испанцами овладѣвало желаніе примириться съ ними. Филиппъ II оставилъ государство своему преемнику Филиппу III въ разстроенномъ состояніи; война поглощала громадныя суммы; ни денегъ собираемыхъ обременительными налогами, ни американскаго серебра не доставало на жалованье солдатамъ; они мятежничали, не получая его. Гордый и безкорыстный Спинола употреблялъ на покрытіе военныхъ расходовъ и деньги свои, и свой кредитъ; но не получалъ благодарности за это отъ Филиппа III и управлявшаго королемъ герцога Лермы. Голландцы при содѣйствіи туземцевъ овладѣвали присоединенными къ Испаніи португальскими завоеваніями въ южной Азіи. Альбрехтъ и Изабелла желали прекращенія войны, вредившей ихъ государству. Голландцы менѣе желали мира. Ихъ адмиралъ Гемскеркъ одержалъ блестящую побѣду надъ испанскимъ флотомъ въ Гибралтарскомъ заливѣ (впрочемъ, онъ самъ былъ убитъ въ ней). Морицъ и его партія опасались, что миръ ослабитъ энергію и патріотизмъ народа, что власть ихъ упадетъ по прекращеніи войны. Амстердамскіе негоціанты боялись, что тогда возстановится прежнее значеніе Антверпена, что они утратятъ торговое преобладаніе; голландская ость-индская компанія не хотѣла, чтобы миръ остановилъ ея завоеванія; голландцы думали основать вестъ-индскую компанію для завоеванія Бразиліи. Но все таки начались переговоры о мирѣ; они были ведены въ Гагѣ. Война дѣлала большой вредъ голландскимъ купцамъ: испанскіе корсары захватывали у нихъ много кораблей у берега Фландріи; налоги для содержанія войска и флота были тяжелы.

Генрихъ IV желалъ прекращенія нидерландской войны, вовлекшей его въ затрудненія; по его инструкціи Жанненъ, искусный дипломатъ, убѣждалъ Ольденбарневельда, Морица и нидерландскій союзный сеймъ помириться съ Испаніей. Въ маѣ 1607 испанскіе уполномоченные пріѣхали въ Гагу; однимъ изъ нихъ былъ Спинола. Тутъ онъ познакомился съ Морицомъ; величайшіе полководцы своего времени, они уважали другъ друга. Король испанскій соглашался признать нидерландскую конфедерацію независимымъ государствомъ и открыть нидерландцамъ испанскія гавани, но они требовали свободы плаванія и въ американскія гавани, въ этомъ король отказывалъ имъ. (Гуго Гроцій написалъ тогда трактатъ „свободное море“ *Magis liberum*, то есть, „свобода моря“, опровергая притязанія испанцевъ на исключительную торговлю съ ихъ владѣніями за океаномъ. Эта книга вызвала много возраженій, знаменитѣйшее изъ которыхъ было написано англійскимъ ученымъ Сольденомъ). Король испанскій требовалъ, чтобы нидерландская конфедерація допустила въ своихъ областяхъ свободу католическаго богослуженія; на это она не согласилась; нидерландскіе кальвинисты еще чуждались тогда вѣротерпимости; они были въ этомъ отношеніи не лучше лютеранъ. Несогласіе по этимъ и нѣкоторымъ другимъ вопросамъ помѣшало заключенію окончательнаго мира; но благодаря посредничеству Женнена и вліянію Ольденбарневельда на нидерландскій союзный сеймъ, было заключено 9 апрѣля 1609 перемиріе на 12 лѣтъ; основаніемъ его было принято существующее положеніе дѣлъ; Изабелла и Альбрехтъ признали независимость нидерландскаго федеративнаго государства.

VIII. ВОЗВЫШЕНИЕ МОГУЩЕСТВА НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

1. Устройство нидерландскаго федеративнаго государства. Торговля нидерландцевъ.

Во время войны съ Испаніей выработалось устройство Республики Соединенныхъ Нидерландовъ, какъ называлось государство, независимость котораго была фактически признана Испаніей по гагскому перемирію. Временныя правила, принятые по совѣтамъ Вильгельма сѣверной конфедераціей, получили опредѣлительность и прочность въ восьми десятыхъ и девяностыхъ годахъ подъ вліяніемъ честнаго патріота, великаго государственнаго человѣка Ольденбарневельда, бывшаго теперь ратсъ-пенсіонаріемъ (завѣдующимъ дѣлами областного сейма) Голландіи. Морицъ въ то время еще слѣдовалъ его совѣтамъ, потому опредѣленіе границъ власти статгоудера и установленіе законнаго порядка въ управленіи федеративнымъ государствомъ было произведено безъ сопротивленія статгоудера. Ольденбарневельдъ, назначенный союзнымъ канцлеромъ, завѣдывалъ дѣлами нидерландскаго государства. Человѣкъ высокаго ученаго образованія и душевнаго благородства, онъ неутомимо заботился о величіи, свободѣ и благосостояніи отечества, о введеніи гуманности въ законы и администрацію; онъ ясно понималъ, что надобно дѣлать для достиженія этой цѣли. Всѣ патріоты уважали вождя своего, имѣвшаго величественную осанку, высокій ростъ, густые волосы, отпущенные довольно длинно; выраженіе лица его было серьезно до строгости; при взглядѣ на него было видно, что это человѣкъ, сказавшій во времена опасности: «Лучше намъ быть раззоренными, чѣмъ поработченными». Онъ хотѣлъ, чтобы нидерландская республика стала могущественной морской державой, властвовала въ морской торговлѣ, имѣя форты и конторы повсюду, откуда идутъ въ Европу продукты тропическаго пояса. По отдѣленіи сѣверной части Нидерландовъ отъ Испаніи не оставалось тамъ такой власти, которая пользовалась бы авторитетомъ давняго общепризнаннаго существованія; надобно было опредѣлять основные принципы государственнаго порядка, сообразуясь съ привычками народа, областными и городскими учрежденіями; такимъ образомъ сформировалось устройство, имѣвшее своимъ назначеніемъ примирить условія сильной центральной власти съ требованіями областной и городской самостоятельности и свободой народа. Было безъ формальнаго опредѣленія отношеній между статгоудеромъ, областными сеймами и союзнымъ сеймомъ признано, что верховная власть принадлежитъ союзному сейму, собранію представителей областей, составлявшихъ конфедерацію; преобладающимъ вліяніемъ въ немъ пользовались представители Голландіи и державшейся вообще

за одно съ нею Зеландіи. Избираемый этими двумя областями правитель, которому были переданы права прежнихъ графовъ голландскихъ, получилъ титулъ статгоудера, «намѣстника», въ томъ смыслѣ, что власть дается ему черезъ избраніе его союзнымъ сеймомъ и что онъ, какъ правитель нидерландской конфедераціи, только «намѣстникъ», агентъ союзаго сейма. Ему были даны права необходимыя для единства государственнаго управленія всѣми областями союза. Онъ былъ избираемъ; но кругъ выбора былъ ограниченъ постановленіемъ, что статгоудеръ избирается исключительно изъ членовъ нассау-оранской династіи и что санъ этотъ пожизненно дается Морицу, а послѣ него Фридриху Генриху.

При всѣхъ заботахъ Ольденбарневельда и другихъ приверженцевъ законности, опредѣлить границы власти статгоудера, отношенія его къ союзному сейму и областнымъ сеймамъ оставались шатки и служили предметомъ споровъ; представители областей и городовъ сопротивлялись стремленію Морица расширить свою власть, хотѣли дать развитіе республиканскому элементу федеративнаго устройства. Статгоудеръ былъ, какъ мы говорили, верховный начальникъ всѣхъ войскъ федеративной республики. Въ этомъ качествѣ своемъ онъ назывался генераль-капитаномъ (главнокомандующимъ); онъ былъ также главнымъ начальникомъ флота, назначалъ членовъ адмиралтейства, управлявшаго морскими дѣлами, ему была поручена забота объ охраненіи государственной церкви; онъ былъ глава гражданскаго управленія, какъ президентъ государственнаго совѣта, состоявшаго изъ членовъ, избираемыхъ областями. Но власть его была ограничена множествомъ постановленій, опредѣлявшихъ права союзаго сейма и постоянного комитета, избираемаго этимъ сеймомъ, ограничена также правами областныхъ сеймовъ и городскихъ правительствъ, основанными на договорахъ съ прежними государями. Эта запутанность вела къ спорамъ, къ враждѣ. Союзный сеймъ, постоянной резиденціей котораго была съ 1609 г. Гага, имѣлъ верховную власть въ союзномъ государствѣ; онъ устанавливалъ союзные законы и налоги; но областные сеймы ревниво охраняли право располагать своими финансами и не допускать чужого вмѣшательства въ судебныя дѣла; союзаго трибунала не было. Всѣ должностныя лица, бывшія представителями статгоудера въ областномъ управленіи, были назначаемы имъ изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ городскими правительствами и областными сеймами. Союзный сеймъ имѣлъ верховный контроль надъ дѣйствіями статгоудера по управленію церковными дѣлами, и въ частности по завѣдыванію конфискованными церковными имѣньями; по гражданской администраціи союзный и областные сеймы также подчиняли статгоудера своему контролю. Коммиссары союзаго сейма сопровождали статгоудера на войну; онъ обязанъ былъ объяснять имъ свои планы и операціи. Нѣкоторые города имѣли право изгонять людей, казующихся имъ опасными для общественнаго спокойствія. Каждая изъ семи областей и важнѣйшіе города, въ особенности Амстердамъ, нерѣдко заключали свои особые договоры съ иностранными государствами. При такой запутанности отношеній согласіе между факторами государственной жизни могло держаться только, пока патріотизмъ властвовалъ надъ всѣми другими чувствами, необходимость защищаться отъ враговъ соединяла всѣхъ людей, любившихъ родину. Когда опасность миновала, стали проявляться разногласія по вопросамъ о правахъ властей, возникли ссоры между статгоудеромъ, союзнымъ сеймомъ, областными сеймами.

Энергія населенія нидерландской республики дала громадное развитіе торговлѣ и мореплаванію ея. Мы говорили, что Филиппъ II самъ заставилъ сѣверныхъ нидерландцевъ предпринимать торговыя экспедиціи въ южную Азію и Малайскій архипелагъ, закрывъ для нихъ лиссабонскій рынокъ, гдѣ сосредоточивались продукты этихъ земель и острововъ. Голландцы надѣялись сначала найти путь туда по Ледовитому океану, мимо сѣвернаго берега Азіи. Въ семидесятыхъ годахъ голландскіе моряки и торговцы Брюнелъ и Янъ Ванъ де Валле проникли въ Бѣлое море, вошли въ устье Сѣверной Двины, основали факторію, вокругъ которой выросъ городъ Архангельскъ, и получили отъ Ивана Грознаго дозволеніе торговать съ Москвой. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ того Гемскеркъ и Барентсъ, искавшіе сѣверовосточнаго пути въ Китай, открыли Шпицбергенъ, зимовали, подвергаясь ужасамъ холода, на Новой Землѣ и 29 октября 1597 возвратились въ отечество послѣ плаванія, изумившаго то поколѣніе своей отвагой. Въ слѣдующемъ столѣтіи нидерландская республика вошла въ дружескія отношенія съ русскими царями, получала отъ этого большія торговыя выгоды, Россія стала житницей Голландіи. — Когда, по завоеваніи Португаліи, Филиппъ воспретилъ сѣвернымъ нидерландцамъ торговлю съ Лиссабономъ, они стали плавать въ моря юговосточной Азіи. Амстердамскій торговецъ Корнеліусъ Гоутманъ, членъ торговаго Общества дальнихъ плаваній (Общества отдаленія, *van verre*), долго жившій въ Лиссабонѣ, и собравшій тамъ свѣдѣнія о морскомъ пути въ Остъ-Индію, поплылъ туда и дальше, и въ 1596 совершилъ первое плаваніе кругомъ всего острова Явы, получившаго впослѣдствіи такое громадное значеніе для голландской торговли. Снова поплывъ въ 1598 году въ Индію, Корнеліусъ Гоутманъ былъ предательски убитъ въ Ачинѣ. Но это не испугало другихъ: Общество дальняго плаванія приобрѣло новыхъ членовъ въ большихъ торговыхъ городахъ и получило средства снаряжать болѣе сильныя экспедиціи. Отважные люди, для которыхъ обыкновенная война казалась вялой, скучной, стали искать приключеній на морѣ. Ванъ Некъ и Ванъ Варвейкъ поплыли съ восьмью кораблями въ Малайскій архипелагъ, приобрѣли довѣріе туземцевъ Явы и Молуккскихъ острововъ, пользуясь непріязнью ихъ къ португальцамъ, и возвратились съ богатыми грузами. Голландскіе моряки стали плавать и къ берегамъ Америки, отнимать тамъ богатства у испанцевъ; они проплыли черезъ Магеллановъ проливъ, зимовали въ Огненной Землѣ, потеряли тамъ отъ холода и болѣзней 300 товарищей и учредили во время этой зимовки орденъ Неукротимаго Льва (названный по изображенію льва въ гербѣ нидерландской республики). Они поклялись въ неизмѣнной вѣрности другъ другу и непримиримой враждѣ къ испанцамъ, написали свои имена на колоннѣ и назвали эту мѣстность Огненной Земли Заливомъ Рыцарей. Ихъ экспедиція состояла изъ пяти кораблей; только одинъ возвратился домой; другіе были захвачены испанцами или японцами. На границѣ XVI столѣтія съ XVII Ванъ Нордъ поплылъ черезъ Магеллановъ проливъ съ четырьмя кораблями, снаряженными обществомъ амстердамскихъ торговцевъ. Экспедиція подверглась тяжелымъ страданіямъ при остановкѣ въ бухтѣ, которую назвала голодной гаванью; но перенесла ихъ, проплыла въ Тихій океанъ, оказала помощь арауканамъ въ борьбѣ съ испанцами, и поплыла черезъ Тихій океанъ на западъ. У Филиппинскихъ острововъ большой испанскій корабль напалъ на корабль Норда, отдѣлившійся отъ другихъ, у Норда было только 53 человекъ экипажа, у непріятеля 300, но голландцы пробили, потопили испанскій корабль. Совершивъ кругосвѣтное плаваніе, Нордъ благополучно возвратился въ 1601 году.

Испанцы сильно досадовали на появленіе голландцевъ въ Индійскомъ океанѣ. При Филиппѣ III были изданы новыя распоряженія объ изгнаніи ихъ оттуда. Это повело къ войнѣ и въ тѣхъ моряхъ. Голландцы объявили непріятельскими кораблями всѣ тѣ, которые везутъ грузъ въ испанскія и фландрскія гавани или изъ нихъ, дѣлали нападенія на Канарскій архипелагъ, на острова Зеленаго мыса, дѣлали высадки на гвинейскій берегъ, овладѣли нѣкоторыми поселеніями португальцевъ въ Остѣ-Индіи; въ началѣ XVII вѣка овладѣли Амбоиной (однимъ изъ Молуккскихъ острововъ), заключили торговые договоры съ могущественнымъ царемъ острова Тернате, называвшимъ себя владыкой 72 острововъ, съ другими малайскими царьками, отражали при ихъ содѣйствіи португальцевъ и испанцевъ, захватили въ свои руки всю торговлю гвоздикой и мушкатнымъ орѣхомъ, дѣлали высадки на Зондскихъ островахъ, на Малабарскій берегъ, хотѣли завоевать всѣ азіатскія владѣнія Португаліи, присоединенной къ государству ихъ врага короля испанскаго; въ особенности важнымъ находили они овладѣть Зондскимъ проливомъ. Вольфгардъ Германсъ, имѣвшій пять кораблей, далъ близъ Бантама удачное сраженіе португальско-испанскому флоту Гуртадо Мендосы, состоявшему изъ 30 кораблей. Жители той части берега Явы заключили договоръ съ Германсомъ, дозволили ему основать поселеніе на этомъ берегу. Бантамъ сталъ складочнымъ мѣстомъ голландскихъ товаровъ. Впослѣдствіи торговое значеніе его перешло къ Батавіи. Посольство изъ Суматры явилось въ 1602 къ статгоудеру Морицу въ его лагерь подъ Граве и возвратившись внушало туземцамъ уваженіе къ голландскому народу разсказами о его дивныхъ городахъ и верфяхъ. Сингалезскій царь Цейлона, имѣвшій своей столицей Канди и воевавшій съ португальцами, радостно принялъ голландца Спильбергена, который привезъ ему изображеніе Морица, какъ побѣдителя испанцевъ подъ Ньёпортомъ; царь сказалъ ему: «Если вашъ царь захочетъ построить въ моей землѣ крѣпость, то я самъ, съ женой и дѣтьми буду носить камни для нея». Голландцы получили надежду прогнать португальцевъ съ острова, богатаго корицей, слоновой костью и дорогими камнями. Около того же времени они совершенно прогнали португальцевъ изъ Молуккскихъ острововъ.

Громадны были успѣхи, пріобрѣтенные экспедиціями, которыя снаряжались частными людьми. Дѣло приняло еще болѣе обширный размѣръ, когда союзный сеймъ сталъ помогать ему, принявъ подъ свое покровительство Соединенную Остѣ-Индскую компанію, основанную по совѣту и при содѣйствіи Ольденбарневельда торговцами и городскими правительствами голландской республики. Дѣлами этой компаніи завѣдывалъ комитетъ, состоявшій изъ 17 членовъ; городъ Амстердамъ назначалъ въ него восемь членовъ; остальные девять были назначаемы другими участниками компаніи, дѣлившимися

на семь камеръ. Остъ-Индская компанія получила права государственной власти по своимъ дѣламъ въ Индійскомъ океанѣ, была уполномочена заключать тамъ союзы для военныхъ дѣйствій и торговые договоры отъ имени нидерландской республики, управлять своими владѣніями тамъ черезъ своихъ агентовъ, содержать войско и флотъ. Она быстро приобрѣла обширныя владѣнія, дѣйствуя тѣми же средствами, какъ португальцы во времена Альбукерке, соединяя силу съ хитростью. Гуманности было тогда еще мало въ понятіяхъ людей. Нидерландцы въ Индійскомъ океанѣ заботились только о своихъ выгодахъ. Туземцы по ненависти къ португальцамъ помогали имъ. При содѣйствіи этихъ своихъ союзниковъ они основали поселенія и форты въ Остъ-Индіи, на Цейлонѣ, въ Зондскомъ архипелагѣ (впослѣдствіи основали колонію на мысѣ Доброй Надежды). Ихъ вѣротерпимость относительно языческихъ религій и мусульманства происходила не изъ гуманности, а изъ эгоистическихъ расчетовъ. Черезъ нѣсколько времени, по изгнаніи португальцевъ изъ Индійскаго океана, явились туда соперниками голландцевъ англичане, и началась тамъ свирѣпая война между народами, родственными по происхожденію, державшимися одного вѣроисповѣданія. Убійства англичанъ, произведенныя голландцами въ 1621 на Ланторе и Амбоинѣ, были возмутительны даже для грубаго чувства людей того вѣка.

Передъ тѣмъ временемъ, когда заключено было 12 лѣтнее перемиріе между Испаніей и нидерландской республикой, дѣйствіями голландцевъ въ Индійскомъ океанѣ управлялъ знаменитый морякъ Корнелиусъ Мателифъ. Онъ разрушалъ владычество подвластныхъ испанцамъ португальцевъ въ Малайскомъ архипелагѣ, заключалъ союзы съ туземцами, строилъ форты. Онъ первый обратилъ вниманіе голландцевъ на чай, собралъ подробныя свѣдѣнія о Японіи; вскорѣ послѣ того голландцы поплыли въ Японію, получили право поселиться тамъ и большія привилегіи. Мателифъ привезъ изъ Сіама и другихъ земель юговосточной Азіи подарки Морицу. По его плану Петеръ Ботъ, первый генераль-губернаторъ нидерландскихъ владѣній въ Индійскомъ океанѣ, выбралъ (въ 1610 году) своей резиденціей яванскій городокъ Баятамъ. Преемникомъ Бота, былъ Реаль, поэтъ и храбрый воинъ. Генераль-губернаторъ правилъ нидерландскими владѣніями при содѣйствіи комитета, называвшагося совѣтомъ Индіи.—Индійскіе цари враждебныя португальцамъ охотно заключали съ нидерландцами торговые договоры, предоставлявшіе имъ важныя выгоды. По порученію одной изъ голландскихъ торговыхъ компаній Схоутенъ, уроженецъ Горна, обогнулъ южный конецъ Америки, которому далъ по имени своего родного города названіе мыса Горна. Онъ открылъ на Тихомъ океанѣ множество острововъ, отъ которыхъ голландцы стали впослѣдствіи получать большія торговые выгоды. Во время тридцатилѣтней войны генераль-губернаторъ Ванъ денъ Брукъ основалъ Батавію; она стала центромъ управленія и торговли нидерландскихъ владѣній на моряхъ Азіи и скоро сдѣлалась многочисленнымъ городомъ.—Замѣтимъ, что уже въ первой половинѣ XVII вѣка англичане стали опасными соперниками голландцевъ на моряхъ южной Азіи.—Нидерландцы думали о поселеніяхъ и въ Сѣверной Америкѣ. Генри Годсонъ (Gudson; Гюдсонъ, какъ произносили его фамилію голландцы; Гудсонъ, какъ обыкновенно пишутъ ее по-русски), англичанинъ, поступив-

пій въ голландскую службу, основалъ на восточномъ берегу Сѣверной Америки колонію Новые Нидерланды, которую англичане, овладѣвъ ею въ 1664, назвали Нью-Йоркомъ (Новымъ Йоркомъ). Открывъ заливъ, названный по его имени Гудсоновымъ, этотъ отважный морякъ, покинутый въ пустынѣ своими матросами, умеръ отъ голода. По окончаніи 12 лѣтняго перемирія и возобновленіи войны нидерландцы основали (въ 1621 году) Вестъ-Индскую компанію; она не приобрѣла такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ Остъ-Индская, но построила форты и факторіи въ Бразиліи и на нѣсколькихъ вестъ-индскихъ островахъ. Адмиралъ Петеръ Геймъ захватилъ въ 1628 году испанскій такъ называемый серебряный флотъ-эскадру, которая везла въ Испанію годовую добычу серебра американскихъ рудниковъ. Онъ привезъ въ казну 11 милліоновъ флориновъ. Нидерландскій народъ долго вспоминалъ эту удачу. Голландцы основали торговые пункты на бразильскомъ берегу и въ 1634 овладѣли на Карибскомъ морѣ островомъ Кюрасао, навсегда оставшимся за ними. Вестъ-индская компанія послала въ Бразилію Іоанна Морица нассаускаго (родственника статгоудера), дала ему много кораблей и войска; онъ покорилъ Багію, Пернамбуко, Парагибу, Ріо Гранде; на мѣстѣ разрушеннаго города Олинде онъ построилъ Морицштадъ. Впрочемъ успѣхи нидерландцевъ въ Бразиліи вскорѣ оказались непрочными.

Перемиріе было отдыхомъ для нидерландцевъ послѣ 40 лѣтней войны. Они, какъ мы говорили, занялись въ это время своими внутренними дѣлами, строили торговые корабли, разширяли свою промышленность. Реформаты, бѣжавшіе изъ другихъ земель, селились въ голландскихъ и зеландскихъ портовыхъ городахъ, оживляли своими знаніями промышленную дѣятельность. Приморское населеніе занялось ловлею сельдей и китоловствомъ; это давало большія выгоды. Голландцы осушали озера и болота, обращали ихъ подъ пастбища, подъ посѣвъ конопли, подъ другія сельскія дѣла. Амстердамъ, Роттердамъ, Миддельбургъ стали богатыми рынками торговли хлѣбомъ, другими европейскими продуктами, колониальными товарами; голландцы сдѣлались посредниками во всемірной торговлѣ, Голландія центромъ ея. Амстердамскій банкъ былъ первый по времени основанія въ сѣверной Европѣ и скоро сталъ самымъ важнымъ въ цѣломъ свѣтѣ; въ его подвалахъ въ эпоху вестфальскаго мира лежали на храненіи 300 милліоновъ гульденовъ серебромъ и золотомъ.

2. Наука и литература.

Въ заботахъ о матеріальномъ благосостояніи голландцы не забывали труда для приобретенія нравственныхъ благъ, усердно занимались литературой и искусствомъ. Патріотизмъ ввелъ въ ихъ литературу родной языкъ; политическая свобода была матерью національной литературы. Какъ въ Германіи, литература у голландцевъ имѣла два направленія, гуманистическое и простонародное. Лейденскій универси-

тетъ сталъ центромъ умственной дѣятельности ихъ. Мы говорили, что учрежденіе его въ Лейденѣ было наградой городу за геройскую оборону; профессоры и студенты его занимались наукой съ патріотическимъ одушевленіемъ; скоро онъ сталъ лучшимъ центромъ филологической дѣятельности въ Европѣ, прославился этимъ еще до прекращенія войны; въ числѣ профессоровъ его находились такіе филологи, какъ Юстъ Липсій, Герардъ Воссій, Исаакъ Воссій, Скалигеръ, Мерсій, Даніэль Гейнзій; ихъ изданія классическихъ писателей и комментаріи до сихъ поръ служатъ рудникомъ классической учености. Первый попечитель университета Доуза, владѣтель Нердвейкскій, храбрый боецъ за независимость, былъ латинскій поэтъ и занимался изслѣдованіями по отечественной исторіи; занимался ими и сынъ его Фредерикъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ. Въ 1597 году получилъ въ лейденскомъ университетѣ степень доктора, 14 лѣтній Гуго Гроцій (Де Гротъ), сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ и ученымъ, поэтомъ и историкомъ, основателемъ науки государственнаго и международнаго права по принципамъ разума и человѣческой природы. Черезъ десять лѣтъ былъ основанъ университетъ во фрисландскомъ городѣ Франекерѣ; въ слѣдующемъ столѣтіи затмилъ его сосѣдній гронингенскій университетъ. Соперникомъ лейденскаго сталъ новый университетъ, основанный въ Утрехтѣ; во все продолженіе XVII вѣка эти два университета были центрами развитія классической филологіи. Типографское искусство, вскорѣ послѣ изобрѣтенія перенесенное въ Голландію или даже, по мнѣнію голландскихъ изслѣдователей, изобрѣтенное въ ней, достигло высокаго совершенства, благодаря въ особенности Эльзевирамъ, имѣвшимъ свои типографіи въ Лейденѣ и Амстердамѣ. Курсы наукъ, читавшіеся безъ всякихъ стѣсненій университетскими формальностями въ амстердамскомъ Атенеѣ, приносили очень много пользы наукѣ и литературѣ. Въ Амстердамѣ провелъ свою дѣятельную старость Герардъ Воссій, всѣ сыновья и дочери котораго пріобрѣли знаменитость талантами и ученостью.

Гуго Гроцій, родившійся 10 апрѣля 1583 въ Дельфтѣ, сынъ зажиточнаго отца, возбуждалъ съ ранней молодости вниманіе замѣчательныхъ людей Голландіи своими необыкновенными дарованіями и обширностью знаній; еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ пріобрѣлъ европейскую знаменитость. Въ его время не было равнаго ему знатока классическихъ литературъ, не было человѣка съ такой полнотой усвоившаго себѣ всѣ тогдашнія знанія. Онъ былъ юристъ, философъ, государственный человѣкъ, историкъ, поэтъ. Большую часть своихъ сочиненій онъ писалъ на латинскомъ языкѣ, но хорошо писалъ и на родномъ. Сначала онъ пользовался расположеніемъ Морица и вмѣстѣ съ статгоудеромъ сдѣлалъ по берегу Схевенингена ту поѣздку въ экипажѣ, ѣхавшемъ на парусахъ, которую описалъ стихами. Но вскорѣ Морицъ сталъ ожесточеннымъ врагомъ Гуго Гроція; объ этомъ мы расскажемъ послѣ. Здѣсь упомянемъ, что, будучи ратсъ-пенсіонаріемъ (завѣдующимъ дѣлами) городско-

го совѣта въ Роттердамѣ, онъ началъ писать свою знаменитую исторію войны за независимость, доведенную до перемирія 1609 года. Онъ писалъ ее по порученію союзнаго сейма, которому и посвящена она, и улучшалъ свой трудъ до конца жизни, такъ что эта работа его была напечатана только уже по смерти автора. Взявъ себѣ Тацита за образецъ формы изложенія, Гуго Гроцій называлъ по его примѣру рассказъ о событіяхъ до своего времени Лѣтописью (*Annales*, лѣтописями), а рассказъ о событіяхъ своего времени собственной исторіей (*Historiae*, „исторіи“). Подражаніе Тациту дѣлаетъ слогъ этого историческаго труда тяжелымъ, часто изысканнымъ, нерѣдко темнымъ; но по безпристрастію сужденій и по искусству соединять въ рассказѣ факты, имѣвшіе внутреннюю связь, историческій трудъ Гуго Гроція не уступаетъ ни одному изъ лучшихъ сочиненій того времени. Находясь въ темницѣ крѣпости Лувестена, Гроцій усердно продолжалъ свою литературную дѣятельность, и было разрѣшено доставлять ему книги изъ его библіотеки. Отъ времени до времени ему приносили большой ящикъ съ книгами; онъ отсылалъ въ немъ обратно тѣ, которыя уже не были нужны ему. Стража такъ привыкла къ этому, что пропускала ящикъ безъ осмотра. Жена Гроція Марія Рейгерсбергъ, выпросившая дозволеніе раздѣлять темничное заключеніе съ мужемъ, положила въ мартѣ 1621 въ ящикъ вмѣсто книгъ самого мужа, и онъ былъ вынесенъ изъ темницы, былъ привезенъ въ Горкюмъ, оттуда черезъ Антверпенъ уѣхалъ въ Парижъ.—Бѣгство во Францію произвело перемѣну въ характерѣ дѣятельности Гуго Гроція. Лишившись всего состоянія конфискованнаго Морицемъ, онъ жилъ въ бѣдности; незначительное пособіе, назначенное ему Людовикомъ XIII, и ничтожный тогдашній гонораръ за литературную работу, были недостаточны для безбѣднаго существованія ему съ семействомъ. Онъ принужденъ былъ заботиться о томъ, чтобъ избавиться отъ бѣдности, и сталъ выказывать образъ мыслей, существенно различный отъ прежняго: изъ республиканца, защитника свободы, онъ сталъ придворнымъ, сдѣлался слугою государей и нерѣдко бывалъ льстецомъ ихъ; изъ усерднаго протестанта онъ сдѣлался человѣкомъ уступчивымъ въ религіозныхъ мнѣніяхъ, старающимся примирить протестантовъ съ католичествомъ. Онъ держался далеко отъ гугенотовъ, съ которыми воевалъ тогда Ришельё. Причиной отчужденія его отъ нихъ было отчасти то, что они признали рѣшенія дордрехтскаго собора, враждебныя той религіозной партіи, которую защищалъ онъ; но отчасти и чуждался онъ гугенотовъ по расчету, чтобы не прогнѣвить Людовика XIII. Онъ составлялъ планъ примирить всѣ христіанскія исповѣданія, формулировавъ спорные догматы такъ, чтобы всѣ могли принять ихъ; онъ писалъ работы по порученію короля, даваемаго ему за это пенсію. Въ эти годы онъ написалъ знаменитѣйшій свой трудъ, трактатъ „О правѣ войны и мира“ (*De jure pacis ac belli*), ставшій основаніемъ международнаго и государственнаго права, принципы котораго онъ изложилъ и разработалъ по идеямъ древнихъ писателей. Гроцій писалъ этотъ трудъ въ тишинѣ сельскаго дома близъ Санли. Понятія, изложенныя въ немъ, принадлежатъ атмосферѣ возникавшаго во Франціи абсолютизма и представляютъ рѣзкій контрастъ съ тѣми, которыхъ держался онъ въ исторіи Нидерландовъ, будучи защитникомъ свободы: онъ выставялъ тогда верховную власть народа источникомъ власти государей, доказывалъ, что она выше всякой иной власти, называлъ возстаніе нидерландцевъ справедливой борьбою угнетенныхъ противъ угнетателей. А въ трактатѣ „О правѣ войны и мира“ онъ защищаетъ абсолютизмъ, который пытались тогда ввести въ Англіи Стюарты и ввели во Франціи Бурбоны; народъ у него тутъ—толпа малолѣтнихъ, нуждающихся въ опекунѣ; нація имѣетъ право отдать себя подъ безусловную власть одного лица, какъ отдѣльный человѣкъ имѣетъ право отдать себя въ рабство. Подымать оружіе противъ государя не дозвоительно ни при какихъ обстоятельствахъ; даже

преслѣдованіе религіи не даетъ права на это. Если государь заключаетъ съ своими подданными договоры, то по справедливости и по обязанности передъ Богомъ онъ долженъ соблюдать ихъ; но если не соблюдаетъ, то никто не можетъ принуждать его къ этому. Натураленъ упрекъ, дѣлаемый Гуго Гроцію приверженцами свободы, въ томъ числѣ Руссо, говорящими, что онъ выставилъ такіе принципы государственнаго права въ угожденіе Людовику XIII, которому посвятилъ свой трактатъ.—По смерти Морица Гуго Гроцій, надѣясь на то, что у новаго статгоудера сохранилось прежнее расположеніе къ нему Фридриха Генриха, возвратился въ Голландію, рассчитывалъ получить должность въ Амстердамскомъ Атенеѣ; но одиннадцатилѣтнее отсутствіе не смягчило ненависти враговъ его; они опасались, что онъ приобрѣтетъ вліяніе на статгоудера, дастъ другое направленіе политикѣ и потребовали, чтобъ онъ былъ изгнанъ на всю жизнь. Агитація противъ него приняла такой грозный видъ, что онъ рѣшился уѣхать, и въ апрѣлѣ 1632 покинулъ во второй разъ родину. Онъ отправился въ Гамбургъ. Густавъ Адольфъ хотѣлъ пригласить его въ свою службу; но былъ убитъ до окончанія этого дѣла; Оксенширна исполнилъ намѣреніе своего государя, назначилъ Гуго Гроція членомъ шведскаго государственнаго совѣта и отправилъ его посломъ во Францію. Онъ былъ представленъ французскому двору 6 марта 1635 и десять лѣтъ (до 1645) оставался посланникомъ при французскомъ королѣ; Оксенширна и потомъ королева Христина были очень довольны успѣхомъ, съ какимъ онъ поддерживаетъ во французскомъ правительствѣ вѣрность союзу со Швеціей. Между тѣмъ ненависть къ нему на родинѣ затихла. Когда онъ при поѣздкѣ изъ Парижа въ Стокгольмъ заѣхалъ въ Амстердамъ, его приняли тамъ съ величайшимъ почетомъ. Онъ увидалъ возможность провести остатокъ жизни на родинѣ. Приѣхавъ въ Стокгольмъ, онъ попросилъ отставки; получивъ ее, отправился моремъ въ Голландію, но на пути занемогъ, буря прибила корабль къ померанскому берегу; больного перенесли въ Ростокъ; онъ умеръ тамъ 28 августа 1645. Тѣло его было перевезено въ Дельфтъ.—Своими учеными трудами Гуго Гроцій произвелъ сильное вліяніе на понятія людей. Онъ переработалъ юриспруденцію съ высокой философской точки зрѣнія, ввелъ въ юридическія ученія о религіи и государственномъ устройствѣ гуманныя понятія.

Развивалась въ голландскомъ федеративномъ государствѣ и литература на родномъ языкѣ. Мы уже говорили о такъ называемыхъ камерахъ реторики, или по голландскому редерейки,—обществахъ, устроенныхъ по образцу цеховъ для занятій поэзіей; она у этихъ редерейковъ (реторовъ, людей знающихъ искусство быть краснорѣчивыми) имѣла очень мало поэтическаго достоинства, какъ и у нѣмецкихъ мейстерзингеровъ; но она служила выраженіемъ общественнаго мнѣнія, органомъ политической и религіозной оппозиціи, потому ей принадлежитъ важное историческое значеніе. Камеры редерейковъ возникли во времена спокойствія, благосостоянія, веселья и сохранили характеръ веселости; въ ихъ стихотвореніяхъ властвуетъ простонародный юморъ, осмѣивающій дурныхъ правителей и вредныя распоряженія. Въ нихъ возникла простонародная драма, вплетавшая сцены изъ современнаго быта въ историческіе или библейскіе сюжеты піесъ. Эти простонародные спектакли имѣли политическую и патріотическую тенденцію; потому при Альбѣ были запрещены. Иногда

спектакли ставила на сцену одна камера; иногда нѣсколько камеръ соединялись для устройства «камерной игры», какъ назывались эти спектакли. Въ началѣ XVII вѣка драматурги Гербрандъ, Бредеро и Костеръ придали новое развитіе народной драмѣ. Костеръ основалъ въ Амстердамѣ драматическое общество, которое стало давать спектакли въ опредѣленные сроки, какъ давала ихъ въ Парижѣ базоша. Съ драматическимъ обществомъ соединилась амстердамская камера редерейковъ, называвшаяся Процвѣтающимъ въ любви Обществомъ. Образовавшееся изъ этого сліянія соединенное драматическое общество основало театръ, спектакли котораго начались 3 января 1638 представленіемъ драмы Ванделя «Гейсбрехтъ ванъ Амстель» (то-есть Гейсбрехтъ Амстельскій, Гейсбрехтъ амстердамецъ); эта драма такъ хороша, что остается до сихъ поръ въ любви у нидерландцевъ и дается каждый годъ на святки.

Содержаніе „Гейсбрехта ванъ Амстеля“ заимствовано изъ народнаго разсказа о дѣйствительномъ или вымышленномъ событіи начала XIV вѣка; драма одушевлена патріотизмомъ, прославляетъ Амстердамъ, предсказываетъ будущее величіе нидерландской республики и Амстердама.

Составъ амстердамскаго драматическаго общества увеличивался и улучшался; оно стало называться академіей. Къ числу его членовъ принадлежали писатели, оказавшіе большія услуги литературному развитію голландскаго языка: Дитрихъ Корнгертъ и Гендрикъ (Генрихъ) Спигель.—Корнгертъ, неустрашимый никакими преслѣдованіями, противникъ и католическаго и кальвинистскаго фанатизма, благочестивый христіанинъ, говорившій о ничтожности догматическихъ разногласій и не принимавшій вполнѣ никакого вѣроисповѣданія, перевелъ на родной языкъ трактатъ Цицерона «Объ обязанностяхъ» и книгу Боэтія «Утѣшеніе философіи». Гендрикъ Спигель, амстердамскій купецъ, католикъ, положилъ основаніе грамматической обработки голландскаго языка своимъ написаннымъ въ разговорной формѣ трактатомъ «О ниже-нѣмецкой грамматикѣ» (ниже-нѣмецкимъ языкомъ называли голландскій). Онъ между прочимъ возстаетъ въ немъ противъ порчи языка чужими словами. Въ своемъ «Зеркалѣ сердца» онъ сдѣлалъ опытъ излагать на голландскомъ языкѣ философскія мысли. Онъ заклиналъ голландцевъ во имя подвиговъ ихъ предковъ заботиться о развитіи своего языка, чтобы пріобрѣсти въ умственной жизни независимость, какъ пріобрѣли ее въ политической.

Членами Процвѣтающаго въ любви Общества были также Марнисъ де Сентъ-Альдегондъ, помогавшій Вильгельму Оранскому перомъ, совѣтомъ и мечомъ, и Румеръ Вишеръ, богатый купецъ, авторъ «Комическихъ фантазій» очень веселыхъ. Сентъ-Альдегондъ прожилъ послѣдніе годы старости въ своемъ замкѣ Вестсубюргѣ (близъ Влиссингена), занимаясь литературными трудами. Его пѣсня Wilhelmus

van Nassouwen (Вильгельмъ Нассаускій) стала народной, до сихъ поръ поется по всей Голландіи. Его сатирическая книга *Вуекорф* («Улей») стала образцомъ хорошей голландской прозы. Въ богатомъ амстердамскомъ домѣ Румера Вишера собирались друзья искусства, поэзіи, науки; одушевителницами благородныхъ бесѣдъ этого многочисленнаго общества были даровитыя дочери Вишера Анна и Тессала.— Голландская литература имѣла сначала религіозное направленіе; таковъ былъ духъ времени; характеръ ея былъ кальвинистскій; въ ней отражались тенденціи гугенотовъ и реформатской Швейцаріи.

Однимъ изъ собесѣдниковъ въ обществѣ, собиравшемся у Румера Вишера, былъ даровитѣйшій и дѣятельнѣйшій членъ Процвѣтающаго въ любви Общества сынъ амстердамскаго бургомистра Петеръ Корнелисъ Гофтъ (род. 1581, умеръ 1647). Будучи еще молодымъ человекомъ, онъ поѣхалъ въ Италію, родину классицизма; прелесть звуковъ языка и красота формъ итальянской поэзіи очаровали его и, возвратившись въ отечество, онъ старался сообщить голландской поэзіи классическій характеръ. Но классицизмъ итальянской поэзіи страдалъ тогда испорченностью вкуса; въ ней владычествовалъ Марини. По образцамъ Марини и подражателей его Гофтъ написалъ множество эротическихъ стихотвореній, писалъ пасторальные драмы (извѣстнѣйшая изъ нихъ «Гранида») и трагедіи въ классической формѣ съ хорами («Баэто» и «Герардъ ванъ Вельзенъ»). Современники восхищались благозвучіемъ и изяществомъ его поэзіи, но справедливо находили, что въ ней нѣтъ простоты и живости, которыми богата была поэзія, оставшаяся вѣрной національному характеру.— Гофтъ написалъ исторію войны за независимость; подобно Гуго Гроцію онъ въ этомъ трудѣ подражалъ Тациту и подобно Гроцію и другому историку этой эпохи славныхъ подвиговъ, Бору, является выразителемъ патріотизма воодушевлявшаго нидерландскій народъ.

Въ замкѣ Мейденѣ, гдѣ проводилъ лѣто Гофтъ, собиралось общество образованныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, наслаждаться музыкой, пѣніемъ, читать стихи, говорить о литературѣ. Къ этому богатому и знатному обществу принадлежалъ молодой человекъ бѣднаго сословія, заслужившій уваженіе блескомъ ума и поэтическимъ талантомъ, Йостъ ванъ денъ Вондель, о драмѣ котораго, «Гейсбрехъ ванъ Амстель», мы говорили. Она составила эпоху въ развитіи голландскаго театра, а онъ сталъ знаменитѣйшимъ поэтомъ Голландіи. Отецъ его былъ анабаптистъ, ремесленникъ, чулочный мастеръ, бѣжавшій отъ гоненія въ Кельнъ. Йостъ Вандель родился тамъ, но былъ еще ребенкомъ, когда родители возвратились въ Амстердамъ; онъ провелъ въ этомъ городѣ всю свою жизнь съ раннихъ лѣтъ дѣтства. Онъ не имѣлъ ученаго образованія; но недостатокъ школьныхъ знаній пополнилъ впослѣдствіи самостоятельными занятіями. Сначала онъ былъ горячимъ приверженцемъ арминіанства, смягчавшаго суровость

кальвинистской догматики и представлявшего нѣкоторое сходство съ рационализмомъ. Въ это время онъ написалъ политическую сатиру «Паламедъ» и превосходное лирическое произведеніе, проникнутое глубокимъ чувствомъ, «Трость Ольденбарневельда», но въ послѣдствіи пылкость фантазіи вовлекла его въ мистицизмъ и въ 1639 году онъ обратился въ католичество. Гофтъ и собиравшееся у Гофта общество, въ которомъ находились такіе люди, какъ Гейгенсъ (отецъ великаго натуралиста), Реаль, Барлей и душою котораго была Тессала, дочь Румера Вишера, даровитая переводчица Тассо, разорвало дружбу съ прозелитомъ католичества. Отступничествомъ отъ національной религіи онъ навлекъ на себя общее неудовольствіе; его принадлежность къ партіи амстердамскихъ коммерческихъ аристократовъ возбудила противъ него вражду оранской партіи.

Вондель писалъ оды, сатиры, переводилъ псалмы, переводилъ Виргилія и Овидія; лирическія стихотворенія и его эпиграммы восхищали современниковъ своею непринужденной граціозностью; никто не умѣлъ придавать такого благозвучія и изящества голландскому языку; знаменитъ его лирическій панегирикъ Гуго Гроцію; въ другомъ стихотвореніи онъ прославляетъ сѣверный вѣтеръ, задержавшій въ Амстердамѣ Гуго Гроція на пути изъ Парижа въ Стокгольмъ. Но наиболѣе знаменитъ Вондель своими драмами, свѣтскими и духовными, написанными въ формѣ древнихъ, съ хорами. Ихъ прославляли за богатство мыслей, за лирическій и за драматическій патетизмъ; эти достоинства заставляли прощать имъ слабость плана и монотонность длинныхъ монологовъ. Наибольшей славою пользовались его драмы библейскаго содержанія: „Іефѳай“, „Изгнаніе Адама изъ рая“, „Люциферъ“. Въ этой послѣдней драмѣ, изображающей возмущеніе Люцифера, позавидовавшаго будущему величію людей, паденіе этого архангела и ангеловъ, вовлеченныхъ имъ въ мятежъ противъ Бога, обольщеніе Евы Люциферомъ, мстящимъ Богу за свое наказаніе, Вондель былъ предшественникомъ Мильтона: въ 6-ой пѣсни „Потеряннаго Рая“, напечатаннаго послѣ „Люцифера“, разсказывается о томъ же самомъ. Духовенство считало профанаціею религіи эту драму, дѣйствіе которой происходитъ на небѣ, и по требованію фанатиковъ было запрещено ставить ее на сцену.

Богатствомъ своей фантазіи Вондель увлекалъ читателей или зрителей своихъ произведеній въ далекія страны и давнія времена, или совершенно за предѣлы дѣйствительности; другой знаменитый поэтъ того времени, ратсъ-пенсіонарій областного голландскаго сейма и потомъ хранитель большой печати (канцлеръ союзнаго правительства), Якобъ Катсъ говорилъ своимъ читателямъ о родной странѣ, вводилъ ихъ въ скромное, честное общество ихъ соотечественниковъ. Онъ былъ главою литературнаго общества, собиравшагося въ Дордрехтѣ у Анны, дочери Тессалы Катсъ, былъ истинно національный голландскій поэтъ, разсудительный, занимательный разсказчикъ, не боявшійся быть многословнымъ; онъ былъ любимецъ почтенныхъ горожанъ, находившихъ и пріятное развлеченіе и нравственную пользу себѣ въ чтеніи его веселыхъ и вмѣстѣ поучительныхъ разсказовъ, говоривъ-

шихъ, что душевное счастье соединено съ чистотою жизни, умѣренностью желаній, разсудительностью. «Книга отца Катса» (то есть: книга «старика» или «дяди» Катса), сборникъ дидактическихъ стиховореній, рассказовъ, аллегорій, примѣровъ, подтверждающихъ нравственныя истины, болѣе столѣтія оставалась у голландцевъ любимымъ чтеніемъ въ семейномъ кругу, пользовалась въ Голландіи такою популярностью, какъ во Франціи «Басни» Лафонтена. Набожный, честный, добрый гражданинъ, отецъ и другъ, Катсъ былъ во мнѣніи соотечественниковъ мудрецомъ, примѣромъ самообладанія, наставникомъ семейныхъ добродѣтелей, путеводителемъ къ честной жизни, украшенной сообразно съ нравственностью, удовольствіями, невозмущаемою страстями. Изъ дидактическихъ поэмъ Катса самыми лучшими считались «Обручальное кольцо» и «Бракъ». Онъ самъ превосходно знакомитъ читателей съ своею душевною жизнью въ автобіографіи, написанной стихами: мы видимъ изъ нея, что искренняя религіозность его была соединена съ разсудительностью, практичностью.

Изъ другихъ поэтовъ того времени пользовались большимъ уваженіемъ: Де Декеръ (писавшій элегіи и сатиры), Константинъ Гейгенсъ (отецъ великаго натуралиста, писавшій остроумныя эпиграммы и памятный тѣмъ, что онъ насадилъ прекрасную аллею между Гагою и Схевенингеномъ), Ансло (путешествовавшій по Италіи и, подобно Вонделю обратившійся въ католичество, авторъ превосходной поэмы „Чума въ Неаполѣ“), Камигейзенъ (поэтическія произведенія котораго проникнуты строгой нравственностью), Ванъ деръ Гусъ (Goes), авторъ хорошихъ описательныхъ поэмъ. Въ концѣ XVII вѣка въ голландскую литературу проникло вліяніе французской, и публика перестала читать этихъ поэтовъ; сохранили свою славу только Вондель и Катсъ.

3. Религіозный раздоръ. Дордрехтскій соборъ.

Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ лейденскаго университета былъ Якобъ Арминій, родившійся въ южной Голландіи, сынъ зажиточнаго горожанина, изучавшій богословіе въ своемъ отечествѣ, въ Германіи, въ Женевѣ, ѣздившій въ Римъ и нашедшій тамъ «тайну зла» еще худшей того, чѣмъ воображалъ; человѣкъ кроткаго характера, онъ изслѣдованіемъ Св. Писанія и размышленіемъ былъ приведенъ къ мыслямъ менѣе суровымъ, чѣмъ господствовавшія у кальвинистовъ, склонялся къ понятіямъ Цвингли, желалъ тѣсной связи церкви съ государствомъ, смягчалъ жестокое ученіе Кальвина о предопредѣленіи, о независимомъ отъ нравственныхъ качествъ человѣка избраніи однихъ къ вѣчному блаженству, осужденіи другихъ на вѣчное мученіе, видоизмѣнялъ этотъ кальвинистскій догматъ соображеніями о свободѣ человѣческой воли и о благодати божіей ко всѣмъ людямъ. Патриціи,

какъ назывались богатые негоціанты, составлявшіе главную опору республиканской партіи, приняли сторону Арминія, по сочувствію сравнительной гуманности его ученія и по политическому разсчету: фанатики кальвинизма требовали преслѣдованія не только католиковъ и миролюбивыхъ меннонитовъ, но и лютеранъ; ихъ нетерпимость вредила хорошимъ отношеніямъ республики къ католическимъ и лютеранскимъ государствамъ; кроткое ученіе Арминія было сообразнѣе съ политическими и торговыми надобностями голландцевъ; нравилось республиканцамъ и то, что онъ хотѣлъ подчинить церковь государству. Вожди республиканской партіи, Ольденбарневельдъ и Гуго Гроцій, стали покровителями Арминія, поддерживали его мнѣніе, что должно смягчить кальвинистское вѣроученіе, передѣлать въ этомъ духѣ излагавшія его книги, «Гейдельбергскій катехизисъ» и «Бельгійское исповѣданіе». Другой лейденскій профессоръ, Франсъ Гомаръ, уроженецъ Брюгге, воспитывавшійся въ Гейдельбергѣ, защищалъ противъ Арминія суровое кальвинистское ученіе о предопредѣленіи и независимость церкви отъ государства. Большинство духовенства, учившееся богословію въ Женевѣ или у профессоровъ, учившихся тамъ, приняло сторону Гомара; подъ вліяніемъ духовенства, возненавидѣла ученіе Арминія и масса народа, считавшая всякое отступленіе отъ кальвинистскихъ понятій о предопредѣленіи возвращеніемъ къ католичеству. Морицъ, солдатъ, не имѣвшій никакихъ богословскихъ знаній и равнодушный къ религіи, ненавидѣлъ коммерческую аристократію, сопротивлявшуюся его стремленію къ расширенію своей власти, потому сталъ врагомъ Арминія. Богословскій споръ усиливался; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходили волненія, народъ прогонялъ арминіанскихъ священниковъ, или мѣстныя власти наказывали ихъ за непризнаваніе истины ученія Гомара. Арминіане подали союзному областному сейму Голландіи «Ремонстранцію» (представленіе); они въ ней излагали свое ученіе, доказывали основательность пяти положеній, въ которыхъ излагалось оно, просили о созваніи синода (собора), который установилъ бы свободу совѣсти. Гуго Гроцій краснорѣчиво доказывалъ, что спорные вопросы не относятся къ сущности христіанскаго вѣроученія, и что можно держаться неодинаковыхъ мнѣній по нимъ, не разрывая взаимной христіанской любви, не нарушая церковнаго единства и спокойствія. Но Морицъ и масса народа были враждебны «ремонстрантамъ», какъ были названы арминіане по представленному ими изложенію вѣры. Гомаристы отвѣчали на него, «контраремонстранціей» и требовали подавленія ереси. Кальвинистскіе богословы другихъ земель писали противъ арминіанства; Іаковъ I, король англійскій, воображавшій себя очень ученымъ богословомъ, тоже называлъ ремонтстрантовъ еретиками и угрожалъ, что запретить своимъ подданнымъ учиться въ лейденскомъ университетѣ.

Волненіе массы народа дошло до того, что становилось опаснымъ для общественнаго порядка. Голландскій областной сеймъ, по совѣту Ольденбарневельда, постановилъ сформировать въ городахъ отряды вооруженныхъ охранителей порядка (Waardgelders) для защиты арминіанскихъ священниковъ и предотвращенія безпорядковъ. Сообразно этому постановленію во многихъ городахъ Голландіи и въ Утрехтѣ, были набраны отряды вартгельдеровъ; войско, находившееся подъ начальствомъ статгоудера, и неподчиненное городскимъ властямъ, было отстранено отъ вмѣшательства въ дѣла городской полиціи. Морицъ объявилъ это нарушеніемъ своихъ правъ и формально принялъ сторону контраремонстрантовъ, имѣвшихъ рѣшительное преобладаніе повсюду, кромѣ большей части городовъ Голландіи и города Утрехта. Онъ распустилъ въ Утрехтѣ вартгельдеровъ, отставилъ прежнихъ членовъ городского управленія, назначилъ новыхъ и предложилъ союзному сейму созвать соборъ для рѣшенія религіознаго спора; Ольденбарневельдъ противился этому; но союзный сеймъ большинствомъ голосовъ постановилъ созвать соборъ и назначилъ мѣстомъ его Дордрехтъ. Были посланы приглашенія англійскимъ, шотландскимъ, нѣмецкимъ реформатскимъ, швейцарскимъ богословамъ пріѣхать на этотъ соборъ. Морицъ 26 августа (1618 года) арестовалъ Ольденбарневельда, въ то время ужъ 72-лѣтняго старика, Гуго Гроція, вождя республиканской партіи Гогербетса (бывшаго адвокатомъ, т. е. юридическимъ совѣтникомъ лейденскаго городского правительства) и еще двухъ изъ важнѣйшихъ помощниковъ Ольденбарневельда въ управленіи республиканской пертіей. Этотъ крутой самовластный поступокъ ужаснулъ республиканцевъ; пользуясь ихъ смущеніемъ, сторонники Морица захватили власть во всѣхъ городахъ Голландіи, смѣнили прежнихъ правителей, заняли ихъ мѣста; Морицъ ввелъ въ эти враждебные ему города свои войска. Онъ былъ теперь владыкой государства. Въ засѣданіяхъ союзаго сейма принимали участіе только его сторонники; союзный сеймъ постановилъ учредить особый трибуналъ для суда надъ Ольденбарневельдомъ и его арестованными друзьями; трибуналъ былъ составленъ изъ ихъ враговъ. Масса простолюдиновъ была возстановлена противъ Ольденбарневельда, покровителя еретиковъ; на судѣ, однимъ изъ обвиненій противъ него было выставлено покровительство арминіанамъ, отрицающимъ предопредѣленіе. «Не знаю, что это такое предопредѣленіе, и какого цвѣта оно, сѣраго или синяго, сказалъ онъ, однажды: «Знаю только, что флейта адвоката (правительственнаго адвоката, бывшаго обвинителемъ) составляетъ рѣзкій диссонансъ съ моею».

Дордрехтскій соборъ началъ свои засѣданія 13 ноября (1618 года); онъ состоялъ изъ фанатиковъ; они желали не примиренія церкви, а гибели противниковъ. Соборъ постановилъ, что арминіане будутъ не членами его, а

только обвиняемыми которых онъ будетъ призывать для суда надъ ними, Самого Арминія въ то время ужъ не было въ живыхъ. Главою послѣдователей его былъ преемникъ его по профессорской кафедрѣ, Эпископъ. Арминіанскіе богословы протестовали противъ рѣшенія, отнявшаго у нихъ право быть членами собора, дѣлавшаго ихъ обвиненными, судимыми на соборѣ; но объявили, что готовы защищать на немъ свое ученіе. По предложенію леварденскаго проповѣдника (священника) фанатика Богермана, котораго соборъ выбралъ своимъ предсѣдателемъ, арминіане были удалены изъ засѣданій, соборъ рѣшилъ не допускать ихъ для личной защиты ихъ ученія, судить его по ихъ сочиненіямъ. Понятно, что было впередъ рѣшено осудить ихъ. Соборъ объявилъ еретичными всѣ пять пунктовъ ихъ демонстраціи, постановилъ, что всѣ тѣ арминіанскіе проповѣдники, которые не откажутся отъ должностей добровольно и не подпишутъ акта, на основаніи котораго дается имъ по ихъ просьбѣ пенсія, должны быть удалены отъ должностей безъ всякой пенсіи. Лишь немногіе изъ нихъ приняли пенсію, дававшуюся имъ подъ условіемъ обязательства молчать; большинство сохранило вѣрность своему убѣжденію; тѣ, которые не были изгнаны, остались при своихъ послѣдователяхъ, составившихъ маленькія общины; малочисленныя общины не могли давать хорошаго вознагражденія своимъ священникамъ; они жили въ бѣдности, но до самой смерти проповѣдывали своимъ послѣдователямъ вѣру въ благодѣ Божію, спасающую всѣхъ людей. Многіе были изгнаны или принуждены бѣжать отъ преслѣдованій. Лейденскій университетъ былъ очищенъ отъ арминіанской ереси. Врагъ арминіанъ, и въ особенности Ольденбарневельда, Іаковъ I былъ въ восторгѣ. Онъ смертельно ненавидѣлъ Ольденбарневельда, который убѣдилъ его отозвать англійскіе гарнизоны, поставленные въ нидерландскихъ городахъ Елизаветой; Іаковъ скоро увидѣлъ, что лишилъ себя этимъ вліянія на нидерландскую республику и озлобился на человѣка, котораго послушался тогда.

Финаломъ дордрехтскаго собора, закончившаго свои засѣданія въ маѣ 1619 года, было юридическое убійство. Въ мартѣ начался судъ надъ арестованными вождями партіи, сопротивлявшейся самовластію Морица. Одинъ изъ нихъ, Ладенбергъ, лишилъ себя жизни, чтобъ избавиться отъ пытокъ, которыми агенты Морица надѣялись вынудить у него показанія противъ его друзей. Въ маѣ трибуналъ, судившій ихъ, постановилъ приговоръ: онъ осудилъ Ольденбарневельда на смертную казнь, какъ виновнаго въ нарушеніи законовъ нидерландскаго федеративнаго государства, въ стремленіи разрушить эту конфедерацію, въ смущеніи спокойствія церкви Божіей, въ самовластныхъ распоряженіяхъ по политическимъ и судебнымъ дѣламъ. Морицъ имѣлъ право помилованія. Ольденбарневельдъ не захотѣлъ просить у него милости; не захотѣла унижить себя и мужа такой просьбой и жена Ольденбарневельда, женщина героической души. Ольденбарневельдъ, немедленно по объявленіи ему приговора, 24 мая былъ поведенъ на эшафотъ. Послѣднія слова его были, что онъ жилъ и умираетъ, какъ честный патріотъ. Морицъ навѣки обезчестилъ свое имя убійствомъ человѣка, раздѣлившаго съ его отцомъ славу основателя нидерландскаго государства. Гуго Гроцій и Гогер-

бетсъ, также отказавшіеся просить помилованія, были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе въ замкѣ Лувестенѣ; другіе прежніе члены областного сейма Голландіи были изгнаны.—О томъ, какъ освободился изъ темницы Гуго Гроцій, мы ужъ говорили.

Контраремонстранты безпощадно преслѣдовали арминіанъ. Морицъ, равнодушный къ религіи, отдавалъ свою власть въ ихъ распоряженіе, чтобъ они поддерживали его деспотизмъ, въ политическихъ дѣлахъ. Ремонстранты были изгнаны изъ всѣхъ церквей, принуждены совершать свое богослуженіе подъ открытымъ небомъ; фанатизированный народъ ругалъ, билъ ихъ. Впослѣдствіи ненависть къ нимъ улеглась, нидерландское правительство приняло принципъ вѣротерпимости; тогда прекратилось и преслѣдованіе арминіанъ. Но это было ужъ по смерти Морица.—Гоненіе, которому подвергъ онъ противниковъ его самовластиа, отняло у Нидерландовъ лучшихъ патріотовъ, даровитѣйшихъ государственныхъ людей, оттолкнуло отъ Морица коммерческое сословіе, обезсилило страну въ такое время, когда возобновилась война и Спинола обратилъ свои силы на покореніе нидерландскаго государства испанскому владычеству.—Все имущество Ольденбарневельда было конфисковано. У него было два сына. Они и ихъ мать жили въ нищетѣ. Оба сына вступили въ заговоръ, составившійся противъ Морица. Заговоръ былъ открытъ; нѣкоторые изъ соучастниковъ его, въ томъ числѣ младшій сынъ Ольденбарневельда, были схвачены и казнены. Старшій сынъ успѣлъ бѣжать, перешелъ въ католичество, поступилъ въ испанскую службу, сражался противъ отечества.—Морицъ умеръ на 58 году жизни, 23 апрѣля 1625. Говорятъ, что совѣсть мучила его за убійство Ольденбарневельда. Преемникомъ его въ санѣ статгоудера сталъ сынъ Вильгельма отъ другой жены, Фридрихъ Генрихъ, подобно Морицу хорошій полководецъ, но притомъ человекъ добрый и честный. Онъ прославился взятіемъ Гертогенбосха (или, какъ часто называютъ эту крѣпость по нѣмецкой формѣ ея имени, Герцогенбуша), но еще больше славы заслужилъ своей примирительной политикой въ управленіи внутренними дѣлами. По его вліянію прекратилось преслѣдованіе ремонстрантовъ, было дозволено бѣжавшимъ и изгнаннымъ возвратиться; однимъ изъ возвратившихся былъ Эпизкопій. Арминіанскіе богословы были люди просвѣщеннаго образа мыслей, и вѣроисповѣданіе ихъ пріобрѣло уваженіе образованнаго общества.

4. Нидерланды въ XVII столѣтіи. Эпоха процвѣтанія нидерландскаго искусства.

Великая война, имѣвшая главнымъ мѣстомъ своимъ Германію, распространяла свое дѣйствіе и на Нидерланды; подъ ея вліяніемъ возобновилась борьба между католическимъ югомъ и протестантскимъ сѣверомъ этой земли. Испанцы не могли надѣяться покорить нидерландскую республику, которую почти всѣ европейскія державы фактически ужъ признали независимымъ государствомъ (впрочемъ, только фактически, черезъ вступленіе въ дипломатическія сношенія и въ договоры съ нею; формальнымъ образомъ независимость ея была признана

лишь впоследствии, по вестфальскому миру). Но было много ссоръ между правительствомъ юга и сѣверной республикой, и оно имѣло мысли о завоеваніи ея. Онѣ получили преобладаніе, когда по смерти бездѣтныхъ Альбрехта и Изабеллы (въ 1633 году) бельгійскія области возвратились подъ непосредственную власть короля испанскаго. Онѣ назначилъ правителемъ ихъ кардинала-инфанта Фердинанда, совершенно раздѣлявшаго общія желанія габсбургской династіи. Фридрихъ Генрихъ, сынъ принцессы бурбонскаго дома, находился въ дружбѣ съ французскимъ правительствомъ, воевавшимъ съ Испаніей; это повело къ войнѣ нидерландскаго юга съ сѣверомъ. Вскорѣ послѣ того нидерландская республика подверглась внутреннему раздору по поводу англійскихъ дѣлъ. Карлъ I, выдавшій дочь (Марію) за Фридриха Генриха, просилъ у зятя помощи въ своей борьбѣ съ парламентомъ; а нидерландцы сочувствовали англійскимъ республиканцамъ. Другія обстоятельства усиливали раздоръ. Въ войнѣ на сушѣ статгоудеръ не одерживалъ такихъ побѣдъ, какія пріобрѣталъ флотъ въ морской войнѣ. Мы ужъ говорили объ успѣхахъ голландцевъ на Явѣ и на другихъ островахъ малайскаго архипелага; оттуда шли въ Амстердамъ и Роттердамъ богатые грузы, Голландія стала всемірнымъ рынкомъ торговли товарами тропическаго пояса; голландская вестъ-индская компанія основывала факторіи на берегу Бразиліи, на многихъ островахъ Атлантическаго океана. Въ 1639 году адмиралъ Мартинъ Тромпъ одержалъ надъ испанскимъ флотомъ въ Ла-Маншѣ такую блистательную побѣду, что англичане завидовали ей: онѣ взялъ, сжегъ или потопилъ 40 непріятельскихъ кораблей, взялъ 4.000 человекъ въ плѣнъ. Микіэль (Михаилъ) Андріансзонъ де Рейтеръ, сынъ влиссингенскаго простолюдина, уже начиналъ выказывать тѣ качества ума и характера, которыя сдѣлали его знаменитѣйшимъ изъ адмираловъ Европы XVII вѣка, однимъ изъ благороднѣйшихъ государственныхъ людей своего времени. Богатые торговцы, представители которыхъ господствовали въ союзномъ сеймѣ, желали увеличенія флота и морской торговли, неохотно давали деньги на сухопутную войну, служившую источникомъ силы для статгоудера, желали мира, котораго не хотѣлъ онъ; непріязнь между ними и оранской партіей, какъ назывались приверженцы статгоудера, росла. Пользу отъ войны получала не нидерландская республика, а Франція; для нидерландскаго государства было бы опасно, если бъ бельгійскія области перешли изъ-подъ власти ослабѣвшей Испаніи подъ власть Франціи, могущество которой увеличивалось и правительство которой жаждало завоеваній. Сталъ наконецъ склоняться къ миру и статгоудеръ; голландцы послали уполномоченныхъ на конгрессъ въ Мюнстеръ; но Фридрихъ Генрихъ не дожилъ до заключенія мира. Онѣ умеръ 14 марта 1647, имѣя 63 года. Онѣ пользовался всеобщей любовью за добрый и благородный характеръ. Ему наследовалъ во всѣхъ долж-

ностяхъ сынъ, Вильгельмъ II, пылкій 20-лѣтній юноша. По вестфальскому миру была формально признана независимость нидерландской республики. Раздоръ между монархической и республиканской партіями продолжался въ ней. Вильгельмъ готовился подавить сопротивление Амстердама его произволу, но умеръ (въ 1650 году).

Не всѣ патріотическія желанія Вильгельма 1, основателя нидерландской республики, осуществились. Но области, соединенныя имъ въ независимое государство, достигли могущества и благосостоянія, какого, вѣроятно, и не надѣялся онъ. Страна хлѣбопашцевъ, поселянъ и матросовъ, бывшая почти чуждой историческому движенію, имѣвшая мало связей съ образованными землями, стала первокласснымъ государствомъ, приобрѣла вліятельный голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, часто примиряла воюющія державы своимъ посредничествомъ, имѣла сильнѣйшій въ Европѣ флотъ, господствовала во всемирной торговлѣ; ея негоціанты соперничали съ португальцами въ Остъ-Индіи, съ испанцами въ Америкѣ, основывали тамъ поселенія, вытѣсняли генуэзцевъ и венеціанцевъ изъ владычества въ левантской торговлѣ, стали опасными соперниками ганзейскихъ городовъ въ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, вывозили изъ Россіи хлѣбъ, шкуры и мѣха. Искусно пользуясь положеніемъ дѣлъ въ тотъ періодъ, когда Испанія ослабѣла, а французское могущество еще не достигло развитія, какое приобрѣло во второй половинѣ XVII вѣка, нидерландская республика приобрѣла большую силу; народъ обращалъ всѣ свои средства и таланты на патріотическую дѣятельность для возвеличенія отечества.

Еще во времена борьбы за свою независимость, народъ нидерландскаго государства ужь усердно занялся умственнымъ трудомъ; по упроченіи національной самостоятельности, торговые и политическіе интересы не отвлекли его отъ любви къ умственнымъ и нравственнымъ благамъ; онъ дѣятельно и успѣшно занимался наукой и искусствомъ. Классическая филологія достигла тогда въ нидерландскомъ государствѣ развитія, болѣе высокаго, чѣмъ во всей остальной Европѣ; мы ужь упоминали о знаменитыхъ голландскихъ филологахъ того времени; въ концѣ его къ ряду ихъ именъ присоединилось имя Перизонія, который въ своихъ «Историческихъ замѣткахъ», написанныхъ съ необыкновенной проницательностью, доказалъ недостоверность рассказовъ о первыхъ вѣкахъ римской исторіи, далъ первый образецъ свободной критики преданій. Съ такимъ же успѣхомъ, какъ филологію, разработывали голландцы точныя науки: Симонъ Стевинъ (учитель Морица) оказалъ большія услуги развитію чистой и прикладной математики; Биллибрордъ Снеллій (Снелъ) первый сдѣлалъ правильное измѣреніе дуги меридіана, открылъ законъ преломленія лучей, разрѣшилъ многіе важные математическіе вопросы; въ Зеландіи былъ изобрѣтенъ телескопъ; Галилеи сталъ устраивать телескопы лишь по извѣстію о зеландскомъ изобрѣтеніи; говорятъ, что и термометръ былъ изобрѣтенъ въ Голландіи; при осушеніи сѣверно-голландскихъ озеръ примѣнялись къ дѣлу открытія въ механикѣ и гидравликѣ.

Съ особеннымъ успѣхомъ голландцы занимались изящными искусствами, развитію которыхъ благопріятствуетъ возростаніе народнаго богатства. Великолѣпную амстердамскую ратушу, построенную Яномъ ванъ Кампеномъ, называли восьмымъ чудомъ свѣта; мавзолей Вильгельма, основателя нидерландской конфедераціи, — превосходное произведеніе архитектуры и ваянія. Живопись въ Нидерландахъ не имѣла итальянскаго идеальнаго направленія, но достигла рѣдкаго совершенства въ подражаніи природѣ, въ вѣрномъ воспроизведеніи дѣйствительности. Этимъ достоинствомъ отличаются жанровыя картины Яна Стена, Давида Теньерса-отца и еще болѣе знаменитаго Давида Теньерса-сына, и нѣмцевъ по происхожденію, но голландцевъ по національности, Адріана и Исаака ванъ Остаде. Нидерландцы издавна любили натурализмъ въ искусствѣ, какъ показываютъ возникшая у нихъ поэма о Рейнеке Лисицѣ, лирическія стихотворенія и драмы поэтовъ ихъ обществъ реторики. Въ сѣверныхъ областяхъ, долго жившихъ въ отчужденіи отъ передовыхъ народовъ, національная склонность къ реализму сохранилась прочнѣе, чѣмъ во Фландріи и Брабантѣ, имѣвшихъ большое участіе въ общихъ дѣлахъ Европы. Кальвинизмъ своимъ практическимъ характеромъ, чуждымъ фантазерства, содѣйствовалъ развитію реализма въ голландскомъ искусствѣ. Даже въ картинахъ религіознаго содержанія у голландскихъ живописцевъ владычествуетъ реальный элементъ, онъ изображаютъ не идеальныя сцены, а историческія событія.

Натурализмъ находимъ ужь и у Луки Лейденскаго (родившагося въ 1494, умершаго въ 1533); онъ жилъ во времена реформаціи, когда религіозное чувство было очень горячо; на своемъ Страшномъ судѣ и другихъ религіозныхъ картинахъ онъ дѣлалъ жанровыя изображенія предметовъ, а не идеальныя. (Онъ знаменитъ и какъ граверъ на мѣди и на деревѣ). Величайшій изъ голландскихъ живописцевъ этого періода, Поль Рембрандъ ванъ Рейнъ въ своихъ религіозныхъ картинахъ вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь. Смѣлая фантазія его подымалась выше портретной и жанровой живописи, преобладающей у голландцевъ; его картины, въ которыхъ господствуютъ рѣзкіе контрасты свѣта и тѣни, выражаютъ своимъ характеромъ мрачное положеніе души, страстное поэтическое увлеченіе; но природа и человѣческая жизнь изображены въ нихъ реалистически. Рембрандъ, родившійся въ 1606, умершій въ 1674 году, былъ свободенъ отъ католическихъ преданій; онъ бралъ предметы своихъ религіозныхъ картинъ не изъ легендъ о святыхъ, а изъ Священнаго Писанія, и въ особенности изъ Ветхаго завѣта, близкаго суровому духу кальвинистовъ того времени. Фигуры Рембранда имѣютъ восточный характеръ и по одеждѣ, и по позамъ, и по чертамъ лица. Въ картинахъ изъ Новаго завѣта у него также преобладаетъ историческій элементъ, чисто человѣческій. Его Христосъ — іудейскій мудрецъ. Оригинальный геній Рембранда, пренебрегающій обычными понятіями о формахъ красоты, увлекающійся эффектами свѣто-тѣни, порывающійся въ область фантастичнаго, вообще чуждъ характеру голландской національности; но и онъ находился подъ вліяніемъ голландскаго реализма.

Реализмъ національнаго характера голландцевъ нашель полное выраженіе себѣ въ жанровой живописи. Голландцы были разсудительные, практичные люди и любили хорошій порядокъ въ домашнемъ быту, говоритъ Любке; это выражается въ ихъ жанровой живописи; но есть въ ней и поэтический элементъ, придаваемый натурализму любовью къ изображаемому быту. Ихъ жанровая живопись имѣетъ два направленія, простонародное и высокое. Наболѣе знамениты картины перваго направленія. Назовемъ важнѣйшихъ представителей его. Петеръ Брѣгель (род. 1510, ум. 1570), былъ прозванъ „Брѣгелемъ мужицкимъ“; картины его, изображающія грубыя нравы и манеры поселянъ, одушевлены самымъ веселымъ комизмомъ. Сынъ его, имѣвшій одинаковое съ нимъ имя, Петеръ (род. 1565, ум. 1625), получилъ названіе „Брѣгеля Адскаго“, за свои картины, изображающія въ эффектномъ освѣщеніи огнемъ фантастическія ночныя сцены, предметы которыхъ взяты изъ простонародныхъ повѣрій въ чертей и мертвецовъ. Еще болѣе знаменитъ Давидъ Тенъерсъ младшій (род. 1610, ум. 1690), изображавшій полныя жизни сцены протонародности, въ особенності сельскаго быта, происходящія на рынкахъ, улицахъ, на свадьбахъ и пирушкахъ. Подобно отцу, онъ написалъ нѣсколько картинъ, въ которыхъ искушеніе св. Антонія служить предлогомъ для юмористическихъ сценъ. Адрианъ Броуверъ (род. 1608, ум. 1640) и Янъ Стенъ Лейденскій (род. 1636, ум. 1689) любили изображать сцены, происходящія въ шинкахъ. Ихъ современникъ Исаакъ ванъ Остаде чаще всего изображалъ сцены изъ сельскаго быта подъ открытымъ небомъ. Петеръ ванъ Ларъ (Laer; род. 1613, ум. 1674), долго жившій въ Италіи, писалъ сцены того же рода изъ быта итальянскаго протонародія; итальянцы дали ему прозвание Бамбоччо (большой ребенокъ, т. е. шалунъ) и картины въ его вкусѣ стали называться бамбоччадами.—Жанровая живопись высшаго направленія изображала богатыхъ гражданъ въ ихъ изящной одеждѣ, среди блестящей обстановки ихъ домашней жизни. Знаменитѣйшій представитель ея—Герардъ Тербюръ (род. 1608, ум. 1681); въ картинахъ его выказывается большое богатство фантазіи, эффекты красокъ и освѣщенія искусны. Такимъ же уваженіемъ пользовался Герардъ Доу (род. 1613, ум. 1680), ученикъ Рембранда, отъ котораго заимствовалъ любовь къ свѣто-тѣни. У него нѣтъ такого богатства фантазіи, какъ у Тербюрга, онъ рѣже писалъ сцены изъ жизни коммерческой аристокраціи; но съ теплотой изображалъ скромное благосостояніе семейнаго быта горожанъ средняго сословія. Того же направленія, какъ Тербюръ и Доу, держались живописцы менѣе геніальные, но все-таки очень хорошіе: Габріэль Метсю, Франсъ Міэрисъ (род. 1635, ум. 1681) и его сынъ Виллемъ (Вильгельмъ), Каспаръ Нечеръ (уроженецъ Гейдельберга). Портретная живопись также достигла въ нидерландскомъ государствѣ высокаго развитія; знаменитыми представителями ея были тогда Франсъ Гальсъ (род. 1584, ум. 1666) и Бартоломеусъ ванъ деръ Гельстъ (р. 1613, ум. 1670); на ихъ портретахъ семействъ коммерческихъ вельможъ (патриціевъ) лица фигуръ въ великолѣпныхъ одеждахъ выражаютъ свѣтлое довольство жизнью. Высокаго совершенства достигла голландская живопись въ ландшафтахъ, въ изображеніи животныхъ и цвѣтовъ.

У итальянскихъ живописцевъ классическаго періода ландшафтъ былъ только обстановкою сценъ человѣческой жизни; у голландцевъ онъ сдѣлался самостоятельнымъ предметомъ картинъ. У нидерландцевъ издавна была любовь къ природѣ, тонкая наблюдательность ея. Голландская живопись изображала и ее съ такою же вѣрностью дѣйствительности, какъ человѣческую жизнь. Ландшафты у нихъ очень разнообразны по характеру. Рембрантъ и его ученикъ Артюсъ де Неръ (род. 1619, ум. 1683) любили изображать бурныя сцены съ эффектами свѣто-тѣни. Величайшій ланд-

шафтный живописец голландской школы, Якобъ ванъ Рейсдаль (Ruysdael, род. 1635, ум. 1681) изображалъ простую природу своей родины съ такой силой поэзіи, что она привлекаетъ душу; одинаково превосходно изображалъ онъ тихіе пустынные лѣса и бури. Спокойствіе преобладаетъ въ картинахъ лѣсной жизни у Антона Ватерло (р. 1618, ум. 1660) и въ идиллическихъ ландшафтахъ Гоббема. Альбертъ ванъ Эвердингенъ (р. 1621, ум. 1675), величайшій послѣ Рейсдаля ландшафтный живописецъ Голландіи, любилъ изображать дикіе горные виды съ пѣнящимися лѣсными ручьями и мрачными еловыми лѣсами ущелій. Понятно, что и морская живопись получила высокое развитіе въ странѣ, обязанной морю своимъ благосостояніемъ и могуществомъ. Картины Бакгейзена (р. 1631, ум. 1709) и Ванъ де Вельде (р. 1633—1707), на которыхъ изображаются корабли въ бурю, были писаны съ натуры, это очевидно. Знатные люди любили изображенія военныхъ сценъ, охоты, скачущихъ всадниковъ; такія картины превосходно рисовалъ Воуверманъ (р. 1620, ум. 1668). Картины, изображающія животныхъ, тоже не могли не быть любимыми въ отечествѣ Рейнеке Лисицы и заботливаго скотоводства. Превосходны пастухи и стада Кейпа (Сур), Берхема, Яна Роса и его сына Филиппа; Поль Поттеръ знаменитъ своими корсвами въ ландшафтной обстановкѣ. Братъ Петера Брегеля Адскаго, Янъ Брегель (род. 1569, ум. 1625) такъ прекрасно рисовалъ цвѣты, что получилъ названіе Брегеля Цвѣточнаго. Послѣдователями его были его ученики Сегерсъ и Де Гемъ.

Война за независимость дала благосостояніе, могущество, высокую образованность нидерландской республикѣ; иной судьбѣ подверглись южныя нидерландскія области, отказавшіяся отъ защиты своей независимости. Фландрія и Брабантъ, прежніе центры промышленности и образованности, утратили самостоятельную жизнь подъ игомъ испанцевъ и монаховъ. Лувенскій университетъ оцѣпенѣлъ въ своемъ средневѣковомъ характерѣ, держался фанатической схоластики; національная литература заглохла; всемірная торговля перешла изъ Антверпена въ Амстердамъ. Только одна отрасль умственной дѣятельности оставалась свѣжей, искусство; въ немъ сосредоточилось все творчество замиравшихъ бельгійскихъ областей.

Янъ Эйкъ возвелъ еще въ XV вѣкѣ религіозную, портретную и миньятюрную живопись въ южныхъ Нидерландахъ на высоту, почти равную, какъ мы говорили, тогдашней итальянской. Изъ школы его и старшаго брата его, Гюберта, вышли многочисленные ученики, въ картинахъ которыхъ отражается все разнообразіе жизни большихъ торговыхъ городовъ. Нидерландцы тогда были чужды религіозной экзальтаціи, умѣли подчинять религію практическимъ надобностямъ жизни; а въ религіозныхъ картинахъ преобладаетъ реализмъ, подчиняющій мистическіе элементы изображаемыхъ сценъ житейскимъ, человѣческимъ. Даже у Рожье ванъ деръ Вейдена и Ганса Мемлинка нѣтъ религіознаго энтузіазма: достоинства ихъ религіозныхъ картинъ—хорошая группировка многочисленныхъ фигуръ и правильность рисунка, вѣрная природѣ до мелочей. Въ началѣ XVI этотъ реализмъ былъ нѣсколько ослабленъ вліяніемъ итальянскаго идеализма; одинъ изъ первыхъ представителей этого, такъ называемаго, академическаго направленія былъ Квинтинъ Массисъ (род. 1460, ум. 1530), бывшій первоначально кузнецомъ, какъ говоритъ преданіе; вліяніе итальянскаго идеализма осо-

бенно замѣтно у него въ средней картинѣ запрестольнаго образа одной изъ иновѣрческихъ церквей; этотъ средній отдѣлъ изображаетъ положеніе Христа во гробѣ. Школа Эйка впала тогда въ маньеризмъ; чтобъ избавиться отъ него, Янъ ванъ Мабюзе (род. 1470, ум. 1532), Барденъ ванъ Орлей (род. 1471, ум. 1541) и другіе живописцы, желавшіе улучшенія стиля, стали изучать итальянцевъ: голландскіе живописцы чаще прежняго ѣздили въ Римъ довершать свое образованіе; оттуда они привозили склонность къ стилю эпохи возрожденія; примѣромъ тому можетъ служить ученикъ Мабюзе, утрехтскій каноникъ Янъ ванъ Схорель (род. 1495, ум. 1562). Это переходное время совпадало съ войною за независимость, которая произвела и въ искусствѣ распаденіе Нидерландовъ на двѣ части. На сѣверѣ получилъ преобладаніе реализмъ, а на католическомъ югѣ искусство возвратилось къ религіозному направленію. Изъ бельгійскихъ живописцевъ бравшихъ предметами своихъ картинъ католическія легенды, особенно замѣчательны: Михаэль ванъ Кокси (род. 1499, ум. 1592), картина котораго на стеклѣ, находящаяся въ брюссельской церкви Св. Гудулы, имѣетъ превосходное освѣщеніе, Франсъ де Вріендъ (род. 1520, ум. 1570), получившій названіе Франса Флориса (цвѣтушаго), а у Вазари называемый фламандскимъ Рафаэлемъ; и Мартинъ де Вась, знаменитый, кромѣ достоинствъ своихъ, и многочисленностью ихъ. Но въ это время академическое направленіе ужь ослабѣвало, начиналось возвращеніе къ національному натурализму, составляющему общій характеръ бельгійской живописи XVII вѣка.

Отто ванъ Венъ (род. 1558, ум. 1629), соединившій въ своихъ произведеніяхъ всѣ элементы итальянскаго стиля, былъ послѣднимъ замѣчательнымъ представителемъ идеализма. Адамъ ванъ Нордъ, современникъ его (род. 1557, ум. 1641), доставилъ торжество натурализму. Ученикомъ ихъ обоихъ былъ величайшій изъ бельгійскихъ художниковъ, Петеръ Поль Рубенсъ (или какъ пишутъ его фамилію Rubens по ошибочному чтенію, Рубенсъ род. 1577, ум. 1640), вложившій энергію своей души въ свои созданія, дышашія жизнью, увлекающія зрителя смѣлой группировкой фигуръ, драматизмомъ дѣйствія и красотой колорита. Онъ долго жилъ въ Италіи, изучалъ въ особенности Тиціана и другого великаго художника венеціанской школы, Паоло Веронезе и соединилъ ихъ эффектную группировку фигуръ и блестящій колоритъ съ натурализмомъ національнаго нидерландскаго искусства. Богатствомъ фантазіи онъ почти равенъ Тиціану. Соборный храмъ и другія церкви Антверпена украшены множествомъ картинъ Рубенса; всѣ большія галлерей Европы имѣютъ его картины религіознаго міеологическаго, аллегорическаго и жанроваго содержанія, потому что онъ создалъ ихъ очень много, или одинъ или при помощи учениковъ. Онъ писалъ картины по всѣмъ отраслямъ живописи. Рубенсъ жилъ въ знатномъ кругу, былъ приближеннымъ государей, и много разъ ѣздилъ посломъ отъ одного короля къ другому по важнымъ дѣламъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ учениковъ Рубенса былъ Антонъ ванъ Дейкъ (род. 1599, ум. 1641), довершившій свое художественное образованіе прямымъ изученіемъ венеціанцевъ. Человѣкъ мягкаго, впечатлительнаго характера, онъ былъ болѣе расположенъ къ нѣжной грусти, чѣмъ къ бурной энергіи Рубенса. Наболѣе знаменитъ онъ какъ портретистъ. Его портреты англійской королевской фамиліи и аристократіи, итальянскихъ и другихъ государей, вельможъ и знатныхъ дамъ очаровываютъ благородствомъ концепціи и красотой исполненія.—Якобъ Йордансъ, писавшій жанровыя картины, былъ также ученикъ Рубенса.

Академическое направленіе возвело нидерландскую живопись на высоту почти равную итальянской въ лучшую ея эпоху. Нидерландцы научились

отъ итальянцевъ художественному изображенію человѣческихъ фигуръ, перспективѣ и другимъ вспомогательнымъ знаніямъ. Это направленіе проложило путь для гениальной дѣятельности Рюбенса и Ванъ Дейка. Такимъ образомъ Бельгія, утратившая другія блага національной жизни, сохранила жизнь по крайней мѣрѣ въ области искусства.

с) ГЕРМАНІЯ И ГОСУДАРСТВА НА СѢВЕРѢ И ВОСТОКѢ ОТЪ НЕЯ.

І. ГЕРМАНІЯ ПРИ ФЕРДИНАНДѢ І И МАКСИМИЛИАНѢ ІІ.

Литература. Кромѣ книгъ, перечисленныхъ въ прежнихъ обзорахъ, назовемъ: K o s c h - Quellen zur Geschichte Kaiser Maximilians II. (2 тома, Leipzig, 1857—1861); R a n k e, Zur deutschen Geschichte. Vom Religionsfrieden bis zum Dreissigjährigen Krieg (Leipzig, 1869); R e i t z e s, zur Geschichte der religiösen Wandlung Maximilians II. (Leipzig, 1870); H e p p e, Geschichte des deutschen Protestantismus (2 изд. 4 тома, Marburg. 1865—1866); F r a n k, Geschichte der protestantischen Theologie (3 тома, Leipzig, 1862—1875); B r a n d e s, Der Kanzler Krell (Leipzig, 1873); P r e g e r, Matthias Flacius illyricus und seine Zeit (2 тома, Leipzig, 1859—1861); O r t l o f f, Geschichte der grumbachschen Händel. (4 тома, Jena, 1868—1870); G e b l e r, Galileo Galilei und die römische Curie (Stuttgart, 1876); R e u s c h, Der Prozess Galileis (Bonn, 1879); H e l l e r, Das Leben und die Werke Albrecht Dürers (2 тома, Leipzig, 1827—1831); T h a u s i n g, Dürer. Geschichte seines Lebens und seiner Kunst (Leipzig, 1876); W o l t m a n n, Holbein und seine Zeit (2 изд., Leipzig, 1874); L i n d a u, Lukas Kranach (Leipzig, 1883).

1. Состояніе Германіи послѣ Аугсбургскаго мира.

а) ПОЛОЖЕНІЕ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ДѢЛЪ ПРИ ФЕРДИНАНДѢ І-МЪ.

Въ жизни народовъ, какъ и отдѣльныхъ людей, мы видимъ періодическую смѣну повышенія и пониженія энергіи; такъ и въ исторіи Германіи за періодами энергической дѣятельности слѣдовали времена бездѣйствія, когда вмѣсто великихъ дѣлъ нація занималась мелочными спорами, и созданное творческой силой народа уничтожалось или искажалось; такую смѣну энергіи безсиліемъ представляетъ намъ исторія Германіи во второй половинѣ XVI вѣка.—Аугсбургскій миръ не далъ окончательнаго успокоенія религіознымъ раздорамъ: оставались не разрѣшены очень важные вопросы: они были только отсрочены и заключали въ себѣ зародыши будущихъ ссоръ. Всѣ нѣмецкіе государи признали тотъ принципъ, что каждый членъ нѣмецкой имперіи имѣетъ свободу вѣроисповѣданія; но это не было признаніемъ принципа вѣротерпимости. Имперскій законъ далъ свободу исповѣданія только государямъ и правительствамъ имперскихъ городовъ; аугсбургскій миръ не принималъ подъ защиту закона тѣхъ подданныхъ, которые не хотятъ принимать вѣроисповѣданіе своего государя или своихъ городскихъ властей; онъ предоставлялъ имъ только

право эмигрировать. Фердинандъ объявилъ, что протестантскіе подданные католическихъ государей будутъ пользоваться свободой богослуженія; но это было только деклараціею императора, а не имперскимъ закономъ, и католики не признавали обязательнымъ для себя исполнять простое обѣщаніе императора. Еще больше практической важности имѣлъ споръ относительно церковныхъ владѣній, конфискованныхъ протестантскими государями. Аугсбургскій миръ утвердилъ тѣ изъ этихъ секуляризацій, которыя были произведены до пассаускаго договора; относительно позднѣйшихъ онъ выражался неопредѣленно. Въ протестантскихъ государствахъ находилось много владѣній, принадлежавшихъ епископамъ или аббатамъ, бывшимъ членами нѣмецкой имперіи. Протестанты говорили, что только къ этимъ владѣніямъ независимыхъ государей относится постановленіе, ограждающее неприкосновенность католическаго исповѣданія церковныхъ владѣній, а другія церковныя имѣнія, лежація въ ихъ государствахъ, находятся подъ полною властью ихъ и потому могутъ быть секуляризованы ими. Сѣверныя епископства, владѣтелями которыхъ сдѣлались протестанты, имѣли во время пассаускаго договора множество имѣній, еще остававшихся принадлежащими монастырямъ; тоже самое было во Пфальцѣ, Баденѣ и другихъ протестантскихъ государствахъ южной Германіи. Впослѣдствіи эти церковныя имѣнія были куплены или конфискованы протестантскими государями, во владѣніяхъ которыхъ находились. Католики называли это нарушеніемъ аугсбургскаго мира, говорили, что по его условіямъ противозаконны всѣ секуляризаціи, произведенныя послѣ пассаускаго договора (т. е. послѣ 1552 года). Но важнѣйшимъ предметомъ спора было право протестантовъ занимать церковныя должности, съ которыми соединялось владѣніе государствами. Католики говорили, что протестантъ не можетъ принимать на себя санъ епископа или аббата; протестанты возражали, что епископы и аббаты, бывшіе государями, правили своими владѣніями какъ князья нѣмецкой имперіи, а не какъ церковные сановники; потому вопросъ о вѣроисповѣданіи тутъ не относится къ дѣлу. При составленіи условій аугсбургскаго мира споръ этотъ былъ оставленъ нерѣшеннымъ; императоръ собственною властью прибавилъ къ постановленіямъ сейма, такъ называемое, «Изъятіе относительно церковныхъ владѣній», говорившее, что церковный князь, отступая отъ католичества, утрачиваетъ санъ и владѣнія; но не будучи утверждено сеймомъ, это императорское рѣшеніе не имѣло законной силы, и въ слѣдующее время наперекоръ ему епископскія и аббатскія должности были во всей сѣверной Германіи заняты протестантами. Такъ произошло относительно архіепископства магдебургскаго (управленіе которымъ взялъ на себя курфирстъ бранденбургскій), относительно архіепископства бременскаго, епископствъ верденскаго, минденскаго, оснабрюкскаго, гальберштадскаго. Аббатства

и должности канониковъ въ сѣверной Германіи тоже перешли въ руки протестантовъ. Императоры признавали протестантскихъ епископовъ и аббатовъ законными государями ихъ владѣній; администра-торы, назначаемые протестантскими государями на должности другихъ церковныхъ владѣтелей, были также признаваемы императорами за ихъ законныхъ правителей; даже папы давали утвержденіе многимъ протестантамъ, овладѣвавшимъ епископскими каѳедрами; а если нельзя было получить утвержденіе отъ папы, то давалъ утвержденіе импера-торъ. Католическіе государи Германіи роптали на то, что сторона ихъ на сеймѣ ослабѣваетъ отъ этихъ захватовъ церковныхъ кня-жескихъ должностей протестантами. Но дѣло не доходило до войны, благодаря отчасти отвращенію отъ нея Германіи, утомленной преж-ними междоусобіями, отчасти—миролюбивому характеру императоровъ Фердинанда и Максимилиана. Павелъ IV, какъ мы говорили, сердился на Фердинанда за его уступчивость протестантамъ, не признавалъ аугсбургскаго мира, не хотѣлъ признать за Фердинандомъ санъ импе-ратора, данный ему нѣмецкимъ сеймомъ безъ папскаго участія, и не принялъ посла его. Но въ особенности тревожилъ римскую курію сынъ Фердинанда Максимилианъ своимъ очевиднымъ расположеніемъ къ протестанству. Онъ былъ друженъ съ Кристофомъ—герцогомъ вюртембергскимъ, Августомъ—курфирстомъ саксонскимъ, переписы-вался съ Меланхтономъ, назначилъ своимъ дворцовымъ священни-комъ женатаго человѣка, т. е. явнаго протестанта, уклонялся отъ участія въ католическихъ процессіяхъ. Нельзя было римской куріи не опасаться за будущее при такихъ религіозныхъ правилахъ чело-вѣка, который наследуетъ всѣ владѣнія Фердинанда и, безъ сомнѣ-нія, императорскій санъ его, и который уже былъ коронованъ въ санъ короля богемскаго. Папа сравнивалъ Фердинанда съ первосвя-щенникомъ Іліемъ, не умѣвшимъ удержать своихъ сыновей въ бла-гочестіи. Фердинандъ разсердился на папу, пересталъ обращать вни-маніе на его жалобы.

Воспитанный въ Испаніи, Фердинандъ долго оставался въ Германіи фанатичнымъ врагомъ протестантовъ, но мало по малу понялъ не-обходимость дружбы съ ними: безъ ихъ помощи онъ не могъ защи-тить своихъ владѣній отъ турецкихъ нашествій; Фердинандъ пере-сталъ угождать старшему брату, когда Карлъ выказалъ намѣреніе хлопотать о томъ, чтобы преемникомъ его въ императорскомъ санѣ былъ выбранъ сынъ его, Филиппъ, а не братъ, привыкшій думать, что этотъ санъ перейдетъ къ нему. Разсердившись на Карла, Фер-динандъ вошелъ въ дружбу съ Морицемъ саксонскимъ, поддерживалъ дружбу и съ его преемникомъ Августомъ. Такимъ образомъ еще при жизни Карла произошелъ разрывъ между испанской и австрійской линіями Габсбурговъ. Фердинандъ, выбранный императоромъ напе-рекоръ желанію Карла, не захотѣлъ отправить пословъ на като-

камбрезійскій конгрессъ. Отъ жизни въ Германіи измѣнились не только политическія правила, но и личныя привычки Фердинанда: онъ отсталъ отъ испанскихъ обычаевъ, усвоилъ себѣ нѣмецкіе, отбросилъ скучный испанскій этикетъ, далъ волю своей склонности къ веселью; каждый день приглашалъ на обѣдъ къ себѣ много гостей, держалъ себя съ ними запросто; у него шли веселые разговоры, играла музыка; заботу о дѣлахъ онъ предоставилъ министрамъ. «Фердинандъ былъ вспыльчивъ, но добродушенъ, разговорчивъ; готовъ былъ говорить съ кѣмъ угодно о чемъ угодно; былъ щедръ», говоритъ Ранке; «онъ нравился народу своею привѣтливостью, отсутствіемъ тщеславныхъ претензій, готовностью смягчать наказанія виновнымъ». Онъ оставался католикомъ, но не хотѣлъ возстановлять католичества въ протестантскихъ частяхъ Германіи; даже своимъ австрійскимъ подданнымъ не мѣшалъ имѣть протестантское богослуженіе. Важнѣйшимъ интересомъ своимъ онъ находилъ поддерживать въ Германіи миръ, чтобы нѣмцы имѣли свободу помогать ему въ войнахъ съ турками.

Благодаря вѣротерпимости Фердинанда, въ австрійскихъ земляхъ распространялось протестанство. Многіе дворяне посылали своихъ сыновей учиться въ виттенбергскій университетъ; возвратившись, эти молодые люди становились протестантскими священниками въ замкахъ вельможъ. Въ архіепископствѣ зальцбургскомъ тоже распространялось протестанство. Герцогъ Альбрехтъ, зять Фердинанда, позволялъ протестантское богослуженіе въ Баваріи, ходилъ со всѣмъ своимъ дворомъ слушать, пріѣхавшаго въ Баварію, лютеранскаго пастора Пфаузера, долго жившаго во дворцѣ Максимилиана; многіе баварскіе вельможи приняли протестанство. Распространялось оно и въ другихъ католическихъ частяхъ Германіи. Католики привыкли къ вѣротерпимости, сближались съ протестантами, отбрасывая тѣ догматы, которые особенно рѣзко противорѣчили протестантскому ученію, какъ, напр., догматъ о чистилищѣ; у нихъ выходили изъ обычая процессіи, хожденіе къ святымъ мѣстамъ; женатыхъ священниковъ было въ католическихъ земляхъ уже такъ много, что народъ пересталъ осуждать ихъ; развивалось отвращеніе отъ монашества; упало уваженіе къ папской власти. Одинъ изъ итальянцевъ, посѣщавшихъ тогда Германію, говоритъ, что уже только десятая часть нѣмцевъ остается вѣрующими католиками и что въ недалекомъ будущемъ католичество исчезнетъ въ Германіи.

Тѣ владѣнія Фердинанда, которыя не принадлежали къ нѣмецкимъ землямъ, тоже пользовались вѣротерпимостію. Въ Венгріи горячіе противники протестантства погибли въ битвѣ при Могачѣ; послѣ нея наступило анархическое состояніе; не было власти, достаточно сильной для преслѣдованія еретиковъ. Венгры, учившіеся въ Виттенбергѣ, становились на родинѣ распространителями протестантства; однимъ изъ такихъ пропагандистовъ былъ Девай. Въ нѣмецкихъ войскахъ, приходившихъ въ Венгрію сражаться за Фердинанда, было множество лютеранъ; они также распространяли свою вѣру между венграми. Многіе магнаты приняли протестанство: правда, оба соперника, сражавшіеся за венгерскій престолъ, были враждебны реформаціи (Фердинандъ еще былъ тогда гонителемъ ея); но вельможи, почти независимые въ своихъ владѣніяхъ, не обращали вниманія на

волю королей. Фердинандъ разсудилъ, что уменьшаетъ въ Венгріи число своихъ приверженцевъ враждой къ протестантамъ и прекратилъ гоненіе. Въ восточной Венгріи, остававшейся подъ властью Заполи, гоненіе тоже прекратилось по его смерти, когда турки взяли на себя управленіе этой землей. Такимъ образомъ, въ Венгріи стали образоваться лютеранскія общины; но перешли въ нее и догматическіе споры между протестантами. Девай въ ученіи объ эвхаристіи предпочиталъ понятія Кальвина и Меланхтона мнѣнію Лютера. Венгерскіе нѣмцы вообще держались лютеранства: венгры, принимавшіе реформацію, вообще становились кальвинистами. Фердинандъ далъ венгерскимъ вельможамъ и городамъ свободу вѣроисповѣданія, убѣждалъ папу разрѣшить католическимъ священникамъ вступленіе въ бракъ и причащеніе по протестантскому обряду. Протестантъ Томашъ Надашди получилъ санъ палатина; вторую важнѣйшую должность, санъ главнокомандующаго, Фердинандъ тоже далъ протестанту, Лазарю Швенди. При Максимилианѣ были расширены права венгерскихъ протестантовъ и получили равноправность съ лютеранами реформаты, рѣшившіе въ 1570 на соборѣ въ Гёнсѣ присоединиться къ женевскому (гельветскому) вѣроисповѣданію. Говорятъ, что въ концѣ правленія Максимилиана только три магнатскія фамиліи оставались католическими. Венгерское дворянство почти все приняло реформацію; въ городахъ она властвовала. Епископы не отваживались выказывать непріязнь противъ реформаціи, ограничивались миролюбивыми убѣжденіями въ своихъ хлопотахъ удержать католиковъ отъ перехода въ протестантство; съ реформаціей стала распространяться образованность, увеличивалось число училищъ, основывались типографіи.

Въ Трансильваніи ходъ дѣла былъ такой же; но реформація пріобрѣла тамъ еще больше успѣха: въ этой землѣ были издавна признаны политическія права за „тремя націями“: венгерской, секлерской и саксонской. Трансильванскіе нѣмцы, сохранявшіе самоуправленіе, имѣли сношенія съ Германіей; потому въ первые же годы борьбы Лютера съ папой протестантство стало распространяться между ними. Германштадскіе купцы привезли съ лейпцигской ярмарки сочиненія Лютера; вслѣдъ за ними появились два лютеранскіе проповѣдники, уроженцы Силезіи, Амбросій и Георгъ; германштадскій капитуль и ординаріатъ (административный судъ) архіепископа гранскаго, къ митрополіи котораго принадлежала саксонская нація въ Трансильваніи, не могли остановить дѣятельность этихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ. Еще успѣшнѣе ихъ проповѣдывалъ Гонтеръ, уроженецъ Кронштада, долго учившійся въ заграничныхъ университетахъ, много путешествовавшій и въ іюлѣ 1533 возвратившійся изъ Базеля съ большимъ количествомъ книгъ въ „свою милую Трансильванію“; онъ имѣлъ тогда уже тридцать пять лѣтъ, былъ знаменитый поэтъ, ораторъ, философъ, математикъ, хорошо рисовалъ, превосходно рѣзалъ на деревѣ. Человѣкъ энергическій и отважный, онъ основалъ типографію, писалъ учебники, проповѣдывалъ реформацію, печаталъ реформатскія книги. Его „Книжка о реформаціи“, изданная на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, была принята за основаніе вѣроисповѣданія трансильванскихъ нѣмцевъ, принимавшихъ протестантство. Епископская власть въ Трансильваніи никогда не была сильна, потому не было препятствій дѣятельности протестантскихъ проповѣдниковъ, и въ нѣсколько лѣтъ всѣ трансильванскіе нѣмцы приняли протестантское исповѣданіе. Католическое богослуженіе было отмѣнено, введено лютеранское, и на медіашскомъ соборѣ (1545 года) было провозглашено, что вся саксонская нація держится аугсбургскаго исповѣданія. Соборъ назначилъ суперъ-интендента для управленія церковными дѣлами. Вдовствующая королева Изабелла и ея сынъ Янъ Сигизмундъ не противились этому, и на клаузенбургскомъ сеймѣ въ 1556 году утвердили полную свободу богослуженія; а 10 іюня 1559 дали

протестантскому духовенству право получать всѣ доходы, принадлежавшіе католической церкви, и предоставили ему тѣ юридическія права, какія имѣло католическое. Фердинандъ тоже не сопротивлялся протестантской пронагандѣ, чтобы не раздражать противъ себя трансильванцевъ, не протестовалъ противъ уничтоженія епископства трансильванскаго и обращенія доходовъ его на другія надобности. Послѣ того до конца XVII вѣка не было въ Трансильваніи епископовъ. Вначалѣ и у трансильванскихъ нѣмцевъ и у секлеровъ распространялось лютеранство; но потомъ и у нихъ, какъ у венгровъ въ собственной венгерской землѣ, восторжествовалъ надъ лютеранствомъ кальвинизмъ. Послѣ долгихъ споровъ три трансильванскія націи рѣшили на энедскомъ соборѣ раздѣлиться: нѣмцы остались при аугсбургскомъ исповѣданіи; трансильванскіе нѣмцы приняли гельветское исповѣданіе (во второмъ его изданіи) и учредили свое особое суперъ-интендентство. Проникло въ Трансильванію и ученіе соцініанъ или унитаріевъ; преслѣдуемое почти во всей остальной Европѣ, оно получило свободу въ этой землѣ и скоро приобрѣло много послѣдователей въ дворянствѣ и простомъ народѣ. Въ Трансильваніи владычествовалъ принципъ свободы совѣсти, сообразно общему убѣжденію, высказанному на медіашскомъ сеймѣ: „Вѣра у всѣхъ христіанъ одна, хотя церковные обычаи не одинаковы“. На всѣхъ собраніяхъ трехъ трансильванскихъ націй было принимаемо основнымъ правиломъ то, что всѣ христіанскія вѣроисповѣданія должны считаться одной вѣрой и пользоваться свободой, что ни одно изъ нихъ не должно быть угнетаемо другими, что каждый можетъ принадлежать къ тому изъ нихъ, которое предпочитаетъ, что въ религіозныхъ дѣлахъ не должно быть никакого насилія, что люди разныхъ исповѣданій не должны оскорблять одни другихъ насмѣшками. Большинство трансильванскихъ валаховъ принадлежало къ греческому исповѣданію; оставалось въ Трансильваніи много католиковъ; находились протестанты всѣхъ исповѣданій, и однако же не было религіозной вражды при такой многочисленности вѣроисповѣданій.

Въ 1577 году Фердинандъ сдѣлалъ попытку примирить католиковъ съ протестантами; онъ надѣялся достигъ этого, пригласивъ богослововъ обѣихъ партій на совѣщаніе въ Вормсѣ; оно было продолжительно; начавшись въ сентябрѣ, длилось до декабря. Но въ это время даже послѣдователи аугсбургскаго исповѣданія враждовали между собой; тѣмъ меньше могла прекратиться непріязнь между католиками и протестантами. Въ мартѣ 1558 курфирсты пфальцскій, саксонскій и бранденбургскій, герцогъ вюртембергскій, ландграфъ гессенскій и нѣкоторые другіе протестантскіе государи, принимая вредъ, происходящій отъ богословскихъ споровъ, рѣшили, что будутъ держаться аугсбургскаго исповѣданія въ той примирительной редакціи, какую далъ ему Меланхтонъ, и воспретятъ фанатикамъ оскорблять богослововъ, имѣющихъ болѣе вѣротерпимости, чѣмъ они. Но фанатики лютеранства, вождемъ которыхъ былъ Флацій, напали на франкуфуртское соглашеніе, склонили на свою сторону герцога веймарскаго и его братьевъ. Эти государи обнародовали изложеніе вѣры, называвшееся у лютеранскихъ фанатиковъ единственнымъ истиннымъ, и воспретили въ Тюрингіи всякое отступленіе отъ него, какъ ересь. Герцогъ вюртембергскій и курфирстъ пфальцскій пригласили герцога веймарскаго въ Наумбургъ, надѣясь отклонить его отъ преслѣдованія священниковъ, несогласныхъ съ фанатиками. Онъ остался упоренъ и уѣхалъ, не простившись съ пригласившими его государями.

На это совѣщеніе протестантскихъ государей въ Наумбургъ, происходившее въ январѣ 1561, пріѣхали императорскіе послы въ сопровожденіи двухъ папскихъ пословъ убѣждать ихъ, чтобы они от-

правили уполномоченныхъ на тридентскій соборъ. Разумѣется, протестанты отвергли это приглашеніе, сказавъ, что не могутъ признавать законнымъ соборъ созванный папой. Мы уже говорили о томъ, что тридентскій соборъ въ этомъ новомъ періодѣ своихъ засѣданій далъ католическому вѣроученію форму безусловно враждебную протестантству и сдѣлалъ все возможное для возбужденія католическихъ государей къ искорененію протестантской ереси; но нѣмецкіе католическіе государи видѣли невозможность примѣненія декретовъ его, потому не пытались и говорить на имперскихъ сеймахъ о принятіи тридентскихъ постановленій. Итакъ, фанатизмъ тридентскаго собора остался, повидимому, безъ вліянія на нѣмецкія дѣла. Но въ послѣдствіи времени обнаружилось иное: Тридентскій соборъ отдалъ католическую церковь подъ безусловное владычество папы; римская курія при содѣйствіи іезуитовъ соединила нѣмецкихъ католическихъ государей на борьбу противъ протестантовъ, ссорившихся въ Германіи между собою.

в) исторія нѣмецкихъ протестантовъ.

1. Богословскіе споры.

Благодаря примирительному вліянію Фердинанда, долго не было въ Германіи рѣзкихъ столкновеній между католиками и протестантами; но протестантскіе богословы ссорились между собою и впутывали государей въ свои раздоры. Мы говорили, что лейпцигскій интеримъ, составленный Меланхтономъ, возбудилъ негодованіе фанатичныхъ лютеранскихъ богослововъ, находившихъ измѣной протестантству тѣ уступки относительно индифферентныхъ формальностей, на какія согласился Меланхтонъ для предотвращения гибели, которой угрожалъ протестанству гнѣвъ императора, ставшаго послѣ мюльбергской побѣды полновластнымъ владыкой Германіи. Побѣда Морица саксонскаго уничтожила надобность въ интеримѣ; онъ былъ отмѣненъ: но лютеранскіе фанатики сохранили ненависть за него къ Меланхтону. Еще больше ненавидѣли они Меланхтона за то, что въ новой редакціи аугсбургскаго исповѣданія онъ далъ догмату объ эвхаристіи такую форму, которую могли принять кальвинисты. Центромъ фанатической полемики противъ Меланхтона былъ университетъ, основанный въ 1548 году въ Іенѣ. Низложенный курфирстъ саксонскій Іоаннъ Фридрихъ былъ тогда въ плѣну у императора. Та часть прежняго государства, въ которой находился Виттенбергъ, была отнята у него и его династіи, отдана врагу его Морицу. Онъ рѣшилъ основать университетъ въ той части государства, которая была оставлена его сыновьямъ, въ Тюрингіи. Сыновья исполнили волю плѣннаго отца, и новый университетъ, основанный въ Іенѣ, сталъ „оплотомъ истиннаго лютеранства“ въ противоположность виттенбергскому, въ которомъ господствовали „филипинисты“, богословы менѣе фанатичныхъ понятій, послѣдователи Меланхтона (личное имя котораго было Филиппъ). Вражда іенскаго университета къ виттенбергскому была отраженіемъ вражды эрнестинской линіи къ альбертинской, отнявшей у нея курфирстскій санъ и большую часть владѣній. Главой іенскихъ фанатиковъ былъ Флацій. Когда по устраненіи интерима утратилъ важность споръ о, такъ называемыхъ,

„безразличных“ для религіи дѣлахъ (adiaphora), въ которыхъ, по мнѣнію Меланхтона, можно было дѣлать уступки ради христіанской любви между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, іенскіе богословы подняли противъ Меланхтона полемику по ученію объ оправданіи человѣка передъ Богомъ вѣрою и объ эвхаристіи. Этотъ споръ уже раньше того волновалъ богослововъ герцогства прусскаго. Озіандеръ, профессоръ кенигсбергскаго университета, пользовавшійся личной дружбой герцога Альбрехта, пришелъ по вопросу объ оправданіи человѣка передъ Богомъ къ понятіямъ различнымъ отъ ученія Лютера. Онъ говорилъ, что человѣкъ оправдывается не просто вѣрой въ Искушителя грѣховъ, а тѣмъ, что вѣра освящаетъ его сердце и онъ старается жить сообразно заповѣдямъ Христа. Товарищи, завидовавшіе милости, въ которой находился Озіандеръ у герцога, возстали противъ этого ученія, называли его возвращеніемъ къ католическому догмату объ оправданіи человѣка дѣлами благочестія. Герцогъ защитилъ Озіандера, изгналъ двухъ главныхъ его противниковъ. По смерти Озіандера зять его Функъ, придворный проповѣдникъ, сталъ злоупотреблять довѣріемъ герцога, рекомендовать своихъ друзей на хорошія должности. Герцогъ слушался его рекомендацій; духовенство разсердилось на незаслуженныя награды пріятелямъ Функа, пожаловалось прусскому сейму: сюзерень герцогства король польскій принялъ сторону сейма, послалъ комиссаровъ изслѣдовать дѣло. Они предали Функа суду; по приговору суда онъ и двое его товарищей были (въ октябрѣ 1566) казнены, какъ измѣнники. Прусское духовенство объявило ученіе Озіандера ересью.

Вскорѣ послѣ того, какъ началась полемика между Озіандеромъ и другими прусскими богословами, поднялся по тому же вопросу ожесточенный споръ между іенскими и виттенбергскими богословами. Георгъ Майоръ, послѣдователь Меланхтона и, подобно ему, человѣкъ классическаго образованія, сталъ говорить, что добрыя дѣла необходимы для полученія блаженства; іенскіе фанатики, ненавидѣвшіе его, какъ гуманиста и друга Меланхтона, увидѣли въ этомъ уступку католическимъ понятіямъ. Амсдорфъ, товарищъ Флація, возсталъ противъ „дерзкаго нечестиваго ученія“ Майора; оно было выставляемо фанатиками лютеранства за уступку католичеству, потому что римская церковь говорила о необходимости дѣлъ благочестія; терминъ былъ у Майора тотъ же самый, но имѣлъ совершенно другой смыслъ: католическіе богословы называли дѣлами благочестія, необходимыми для спасенія, посты, другіе подвиги аскетизма, исполненіе обрядовъ и главнымъ образомъ пожертвованія въ церковь; Майоръ говорилъ о необходимости соблюденія законовъ нравственности, добродѣтели. Лютеранскіе фанатики не хотѣли замѣчать этой разницы, винили Майора, всѣхъ другихъ богослововъ школы Меланхтона и самого Меланхтона въ склонности къ католичеству; горячность полемики довела Амсдорфа до того, что онъ сталъ называть дѣла благочестія вредными для спасенія. Майоръ, подобно Меланхтону, человѣкъ миролюбивый, отказался, наконецъ, отъ своего мнѣнія, чтобы прекратить раздоръ, вредившій протестантству.

Нападенія іенскихъ фанатиковъ на виттенбергскихъ богослововъ стали еще ожесточеннѣе, когда Флацій объявилъ ересью ученіе Меланхтона, смягчавшее принятое Лютеромъ понятіе Августина о благодати и предопредѣленіи. Меланхтонъ и ученикъ его Пфеффингеръ говорили, что благодать получается человекомъ по влеченію его сердца получить ее, что поэтому воля человѣка имѣетъ силу, содѣйствующую благодати. Іенскіе богословы возстали противъ этого ученія о содѣйствіи или, какъ это называлось на богословскомъ языкѣ, о синергизмѣ человѣческой воли полученію благодати. Веймарскій дворянинъ принялъ ихъ сторону; правительство потребовало отъ священниковъ своего государства заявленія согласія съ ними, лишало должностей, изгоняло отка-

звивавшихся подписать формулу называвшую синергизмъ „ученіемъ гибельнымъ для души“; Викторинъ Штригель былъ брошенъ за это въ темницу замка Гримменштейна. Фанатики вывели наконецъ изъ терпѣнія веймарскій дворъ своей жестокостью, возбуждавшею ропотъ. Правительство (въ 1561 году) изгнало Флація и его товарищей изъ іенскаго университета. Флацій скитался по Германіи, навлекая на себя повсюду непріятности своими нападеніями на другихъ лютеранскихъ богослововъ, бѣдствовалъ въ нищетѣ двадцать пять лѣтъ и умеръ въ богадѣльнѣ во Франкфуртѣ (въ 1575 г.). Но вражда іенскихъ богослововъ къ виттенбергскимъ продолжалась.

Много шуму надѣлали іенскіе богословы своею полемикою противъ, такъ называемаго, антиномизма, представителемъ котораго былъ виттенбергскій профессоръ Іоганнъ Агрикола. Лютеръ и Меланхтонъ въ первой горячности спора противъ католическаго ученія о необходимости соблюденія обрядовъ отвергли обязанность закона Моисеева для христіанъ. Увидѣвъ свою ошибку, они стали дѣлать оговорку, что нравственныя заповѣди, изложенныя въ законѣ Моисеевомъ, сохраняютъ свое значеніе. Агрикола нашелъ это противорѣчащимъ ученію, что оправданіе дается человѣку единственно вѣрой, сталъ рѣзко говорить, что весь законъ Моисеевъ утратилъ всякую силу для христіанъ, что нравственныя заповѣди должны быть заимствуемы только изъ Евангелія, т. е. изъ Новаго Завѣта, а „законъ“, т. е. законъ Моисеевъ и весь ветхій завѣтъ не долженъ считаться у христіанъ „словомъ Божиимъ“. Эти неосторожныя выраженія навлекли на него ожесточенныя нападенія. Онъ отказался отъ своего ученія; но полемика противъ него продолжалась.

Лютеранскіе фанатики отравили своей враждой послѣдніе годы жизни Меланхтона. Мы говорили, что онъ горячо желалъ примирить лютеранъ съ кальвинистами. Кальвинъ, съ которымъ онъ былъ друженъ, сдѣлалъ всѣ возможныя уступки лютеранамъ по главному предмету спора, по способу объясненія таинства эвхаристіи; нѣкоторое время казалось, что вражда лютеранскихъ богослововъ затихнетъ. Но компрометировавъ себя уступчивостію требованіямъ Морица саксонскаго по дѣлу объ интеримѣ, Меланхтонъ утратилъ прежнее господство надъ лютеранскими богословами, сталъ самъ предметомъ ожесточенной вражды фанатиковъ, и нападенія ихъ на кальвинизмъ возобновились; самого Меланхтона они винили въ тайной склонности къ кальвинизму или, какъ это называлось у нихъ, въ криптокальвинизмъ. Іоахимъ Вестфаль, гамбургскій главный пасторъ и суперъ-интендентъ, соединилъ всѣхъ лютеранскихъ богослововъ сѣверной Германіи на борьбу съ кальвинистами и филиппистами. Въ Бременѣ лютеранскіе фанатики, вождемъ которыхъ былъ Гесгусъ, предавали церковному суду всѣхъ несогласныхъ съ ними; Гесгусъ отлучилъ отъ церкви филипписта Гарденберга и его послѣдователей, говоря, что Господь воспретилъ повергать святыню собакамъ и жемчугъ свиньямъ. Бременскіе граждане были наконецъ выведены изъ терпѣнія неистовствами фанатиковъ, выгнали ихъ; другіе ганзейскіе города и многіе сосѣдніе государи, возбужденные клеветами прогнанныхъ изъ Бремена фанатиковъ, объявили, что разрываютъ свои торговые договоры съ Бременомъ; это увеличило непріязнь бременскихъ гражданъ къ лютеранскому фанатизму и по ненависти къ нему они стали склоняться на сторону кальвинистовъ; дѣло кончилось тѣмъ, что въ городѣ Бременѣ и его области было введено кальвинистское вѣроисповѣданіе и богослуженіе.

2. Церковныя дѣла во Пфальцѣ и курфиршествѣ саксонскомъ; смерть Меланхтона.

Гесгусъ подымалъ ссоры вездѣ, куда приводилъ его неуживчивый характеръ; до приглашенія въ Бременъ онъ былъ суперъ-интендентомъ и профессоромъ богословія въ Гейдельбергѣ. Пфальцграфъ Оттонъ Генрихъ далъ ему эти должности по рекомендаціи Меланхтона. До того времени реформація не была введена во Пфальцѣ официальнымъ образомъ, хотя большинство населенія уже приняло ее. Оттонъ Генрихъ формально установилъ въ своемъ государствѣ лютеранское богослуженіе, конфисковалъ множество монастырей, пригласилъ въ гейдельбергскій университетъ лютеранскихъ богослововъ. Съ его смертью (12 февраля 1599) старшая линія пфальцской династіи прекратилась; ей наследовала младшая, зиммернская. Первый курфирстъ этой линіи, Фридрихъ III, продолжалъ дѣло своего предмѣстника, окончательно ввелъ во Пфальцѣ лютеранство. Гесгусъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у правительства, возсталъ противъ своего прежняго покровителя Меланхтона за то, что онъ въ новой редакціи Аугсбургскаго исповѣданія смягчилъ въ изложеніи догмата объ эвхаристіи тѣ выраженія, которыя мѣшали принятію этого исповѣданія кальвинистами. Гесгусъ требовалъ восстановления прежней формулы, рѣзко противоположной кальвинистскому ученію, преслѣдовалъ сторонниковъ примиренія, не слушался курфирста, запретившаго ему нападать на людей миролюбивыхъ; курфирстъ былъ принужденъ прогнать его изъ Пфальца. Вражда лютеранскихъ фанатиковъ къ принятому во Пфальцѣ примирительному истолкованію догмата эвхаристіи отталкивала пфальцскихъ богослововъ отъ лютеранства; дворъ и университетъ мало по малу склонялись къ реформатскому ученію подъ вліяніемъ соседства съ Женевой и Страсбургомъ, въ которомъ также было принято реформатское исповѣданіе. Въ 1563 году Урсинъ и Олевіанъ составили по порученію Фридриха III „Гейдельбергскій катехизисъ“ въ духѣ кальвинистскаго вѣроученія. По его обнародованіи были введены и кальвинистскія формы богослуженія; церковное управленіе получило такой же суровый характеръ, какъ въ Женевѣ: церковный совѣтъ и соборы (синоды) строго преслѣдовали всякое нарушеніе кальвинистской нравственной дисциплины, называвшей всякое, даже невиннѣйшее, веселье грѣховнымъ дѣломъ. На имперскомъ сеймѣ 1566 года лютеране требовали, чтобы Фридрихъ III, какъ отступникъ отъ аугсбургскаго исповѣданія, былъ исключенъ изъ числа государей, которымъ по аугсбургскому миру гарантирована защита отъ нападений религіозныхъ враговъ. Но сеймъ не отнялъ покровительство имперіи у курфирста пфальцскаго, пренебрегъ жалобами лютеранскихъ фанатиковъ на его кальвинскую ересь.

Отпаденіе курфиршества пфальцскаго отъ лютеранства раздражило лютеранскихъ фанатиковъ остальной Германіи, усилило реакцію противъ примирительной школы Меланхтона. Онъ въ послѣдніе годы жизни подвергался такимъ нападеніямъ, что часто высказывалъ желаніе умереть. Въ одномъ изъ писемъ онъ сравниваетъ себя съ Прометеемъ, прикованнымъ къ скалѣ и терзаемымъ коршунами. За нѣсколько дней передъ смертью онъ написалъ автобіографическую замѣтку о томъ, почему онъ желаетъ смерти; онъ говоритъ, обращаясь къ самому себѣ: „Ты освободишься отъ всѣхъ огорченій и отъ ярости богослововъ.“ Въ этомъ настроеніи духа онъ умеръ 19 апрѣля 1560, тихо молясь до послѣдняго дыханія. Тѣло его было погребено въ виттенбергской дворцовой церкви. Онъ былъ схороненъ подлѣ Лютера.

Зять его, Каспаръ Пейцеръ, профессоръ медицины въ виттенбергскомъ университетѣ, былъ вліятельнымъ человѣкомъ при дрезденскомъ дворѣ и въ курфиршескомъ тайномъ совѣтѣ (министерствѣ). Онъ держался мнѣній теста, сталъ главою филиппистовъ. Они приобрѣли силу при дворѣ, стали давать направленіе дѣйствіямъ правительства по религіознымъ дѣламъ, но должны были скрывать истинныя свои мнѣнія отъ курфирста Августа, который, не понимая ничего въ богословскихъ спорахъ, твердо зналъ одно то, что держится вѣроученія, которое проповѣдывалъ Лютеръ; потому противники Пейцера и его друзей называли ихъ „скрытными кальвинистами“, криптокальвинистами. Болѣе десяти лѣтъ они управляли церковными дѣлами въ курфиршествѣ саксонскомъ. Августъ далъ силу церковнаго закона книгъ, излагавшей вѣроученіе Меланхтона (*Corpus doctrinae Philippicum sive Misnicum „Вѣроученіе Филиппово или Мейсенское“*). Въ латинскомъ катехизисѣ изданія 1571 г. ученіе объ эвхаристіи было изложено очень близко къ понятіямъ кальвинистовъ. Лютеранскіе фанатики, главою которыхъ былъ теперь брауншвейгскій священникъ Мартинъ Кемницъ, подняли ожесточенную полеміку противъ виттенбергскихъ богослововъ, которыхъ уличали въ криптокальвинизмъ. Но курфирстъ Августъ, не понимая дѣла, считалъ это клеветою личной ненависти людей, завидовавшихъ выгодному матеріальному положенію виттенбергскихъ профессоровъ, которые пользуются его покровительствомъ; гордясь этими своими учеными профессорами, онъ сохранилъ довѣріе къ нимъ. Когда по смерти Іоанна Вильгельма веймарскаго, которому младшіе братья ввѣрили управление всей Тюрингіей, курфирстъ Августъ былъ назначенъ правителемъ владѣній своихъ тюрингскихъ родственниковъ до ихъ совершеннолѣтія, то по внушенію виттенбергскихъ богослововъ выгналъ изъ іенскаго университета лютеранскихъ фанатиковъ Виганда и Гесгуса. Ободряемые такими успѣхами, филипписты стали отважнѣй.

Въ 1584 году появилась на латинскомъ языкѣ книга „Точное объясненіе спора о таинствѣ эвхаристіи;“ она выставяла кальвинистское ученіе объ этомъ догматѣ единственнымъ правильнымъ, лютеранское ошибочнымъ. На ней не было обозначено ни имени автора, ни мѣста печатанія; но видно было, что она имѣетъ виттенбергское происхожденіе. Ссылаясь на нее, лютеранскіе фанатики растолковали Августу, что богословы, которымъ покровительствуетъ онъ, хотятъ вовлечь его въ кальвинизмъ. Въ ужасѣ отъ гибели душевной, которой подвергалъ его ядъ лжеученія, онъ вознегодовалъ на филиппистовъ тѣмъ сильнѣе, что ему стыдно было за глупость, съ какою столько лѣтъ не замѣчалъ онъ обмана. Въ ярости онъ подвергъ филиппистовъ безпощадному преслѣдованію, сажалъ въ темницы болѣе виновныхъ по его мнѣнію, выгонялъ изъ государства другихъ, подвергъ пыткамъ покровителя ихъ канцлера, Кракова; мученія были такъ ужасны, что Краковъ избавилъ себя отъ нихъ голодною смертію. Придворный проповѣдникъ Штёсель былъ брошенъ въ отвратительную камеру подземной темницы крѣпости Зенфтенберга; тамъ мучили его нравственно и физически, пока онъ полупомѣшанный былъ избавленъ смертію отъ страданій. Пейцера Августъ держалъ двѣнадцать лѣтъ въ грязной темной тюремной кельѣ безъ чернилъ, бумаги и книгъ. Императоръ Максимилианъ, уважавшій Пейцера, просилъ курфирста облегчить его судьбу; Августъ отвѣчалъ: „Я хочу имѣть только такихъ слугъ, которые имѣютъ и исповѣдуютъ вѣру, какую имѣю и исповѣдую я“, и отказалъ императору въ просьбѣ. Жена Пейцера умерла отъ печали о мужѣ; все его состояніе было зачтено за расходы на его содержаніе въ тюрьмѣ и конфисковано. Августъ безпощадно очищалъ свое государство отъ кальвинскаго яда, велѣлъ священникамъ подписывать формулу, излагавшую ученіе объ эвхаристіи въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ лютеранской ортодоксальности.

Всѣхъ, отказавшихся подписать ее, онъ или сажалъ въ темницы, или выгонялъ изъ государства. Въ курфиршествѣ саксонскомъ водворилась безжизненная ортодоксальность лютеранскаго фанатизма.

Кальвинисты во Пфальцѣ ссорились между собою подобно саксонскимъ лютеранамъ. Суровая нравственная дисциплина, которую налагалъ на людей церковный совѣтъ, имѣвшій своимъ предсѣдателемъ Олевіана, возбуждала сильный ропотъ. Фанатики подвергали своему надзору даже домашнюю жизнь, семейныя отношенія, наказывая за всякое веселье. Одинъ изъ профессоровъ гейдельбергскаго университета, уважаемый врачъ Эрастъ возсталъ въ защиту человѣческихъ правъ противъ этого изувѣрства; его мнѣніе нашло сильный отголосокъ себѣ въ Англіи и Шотландіи, такъ что фанатики тамъ называли эрастіанцами протестантовъ, порицавшихъ чрезмерную суровость официальной церковной дисциплины. Недовольство деспотизмомъ Олевіана повело многихъ реформатскихъ священниковъ во Пфальцѣ къ уклоненію отъ кальвинизма. Адамъ Нейзеръ, пасторъ гейдельбергской петровской церкви, лауденбургскій инспекторъ (старшій священникъ) Йоганнъ Сильванъ и два сельскіе священника были обвинены въ антитринитарской или аріанской ереси; обвинители говорили, что Бландрата, лейб-медикъ трансильванскаго князя Яна Сигизмунда, знаменитый послѣдователь Социна, ѣздившій посломъ своего государя на шпейерскій сеймъ, останавливаясь по пути во Пфальцѣ, распространялъ тамъ социніанское ученіе, отвергающее догматъ троицы. Вскорѣ къ первому обвиненію противъ Сильвана и Нейзера прибавилось другое: фанатики говорили, что эти отступники хотѣли войти черезъ Бландрату въ сношенія съ султаномъ, что нашлось письмо ихъ къ Селиму, показывающее, что они понимаютъ ученіе о единомъ Богѣ одинаково съ мусульманами. Они были арестованы, преданы суду, главными членами котораго были составители „Гейдельбергскаго катехизиса“, Олевіанъ и Урсинъ. Судъ постановилъ приговоръ такого содержания: „Нейзеръ и Сильванъ хулили Бога, а хулящій Бога долженъ умереть смертію, говорится въ Писаніи; кромѣ того они вошли въ сношенія съ врагомъ христіанства“. Свѣтскіе судьи, на разсмотрѣніе которыхъ былъ переданъ приговоръ, просили курфирста смягчить наказаніе, чтобъ обвиненные имѣли возможность исправиться и возвратиться отъ своего заблужденія. Но курфирстъ утвердилъ приговоръ церковнаго суда. Нейзеръ бѣжалъ изъ темницы. Сильванъ былъ 22 декабря 1572 г. казненъ на главной площади Гейдельберга. Нейзеръ уѣхалъ въ Трансильванію, оттуда въ Турцію. Молва говорила, что онъ принялъ тамъ мусульманство и погибъ бѣдственной смертію. Тѣ два сельскіе священника, которые также подверглись обвиненію въ социніанской ереси, были изгнаны изъ государства.

с) отношенія максимиліана къ религіознымъ спорамъ. дѣло грумбаха.

Императоръ Фердинандъ до конца жизни требовалъ отъ папы и тридентскаго собора, чтобы разрѣшено было католическимъ священникамъ вступать въ бракъ и давать мірянамъ святое причащеніе подъ обоими видами. Освободившись отъ тяготѣвшей надъ нимъ воли старшаго брата, онъ добросовѣстно старался поддержать миръ между католиками и протестантами Германіи.—Онъ умеръ 25 іюля 1564. Сынъ его Максимиліанъ былъ уже за два года передъ тѣмъ выбранъ въ санъ короля нѣмецкаго,—потому немедленно по смерти отца вступилъ въ управленіе дѣлами нѣмецкой имперіи. Теперь было ему 37 лѣтъ (онъ родился 1 августа 1527). Онъ былъ женатъ на Ма-

ріи, дочери Карла V; но всегда держалъ себя самостоятельно относительно тестя; а брата своей жены Филиппа II онъ не любилъ, и постоянно, но напрасно убѣждалъ принять систему примиренія въ Нидерландахъ. Испанскій фанатизмъ не нравился ему; онъ удалилъ всѣхъ испанцевъ изъ своего придворнаго штата и уменьшилъ число испанцевъ въ штатѣ своей жены.

При жизни Фердинанда Максимилианъ считался приверженцемъ протестантства, терпѣлъ за это много непріятностей отъ отца. Въ 1560 г. онъ писалъ Фридриху, курфирсту пфальцскому, что вѣроятно въ скоромъ времени пріѣдетъ къ нему изгнанникомъ и проситъ пріюта у него. Дворцовымъ священникомъ у Максимилиана былъ тогда лютеранинъ; Фердинандъ грозилъ лишить его правъ наслѣдства, если онъ не удалитъ отъ себя этого священника; онъ отвѣчалъ, что повинуется отцу во всемъ кромѣ дѣлъ вѣры, и скорѣе откажется отъ всѣхъ своихъ правъ, удалится служить Богу въ уединеніи, чѣмъ отступить отъ своей вѣры. Потому, когда онъ наслѣдовалъ отцу, католики опасались, протестанты надѣялись, что онъ формально приметъ лютеранство. Въ началѣ казалось, что это предположеніе исполнится: Максимилианъ не мѣшалъ протестантству распространяться въ австрійскихъ владѣніяхъ; земледѣльцы вводили у себя лютеранское богослуженіе, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ. Большинство вельможъ центрального и важнѣйшаго изъ австрійскихъ владѣній, эрцгерцогства австрійскаго, ввело въ своихъ имѣніяхъ лютеранское богослуженіе. Но дальше вѣротерпимости Максимилианъ не пошелъ: совѣты католиковъ удержали его отъ формальнаго покровительства протестантству. Папскій нунцій, знаменитый польскій богословъ и проповѣдникъ, Станиславъ Гозій (или, какъ пишется по польски эта латинизированная форма его фамиліи, Гозиушъ) и папскій легатъ Коммендоне внушили императору, что отступление отъ католичества ведетъ къ религіознымъ раздорамъ, доказывали это войнами католиковъ съ протестантами въ Германіи, враждой между лютеранами и кальвинистами. Максимилианъ видѣлъ, что это такъ. Ненависть лютеранъ къ кальвинистамъ доходила до того, что кальвинисты говорили: „Папское иго было деревянное, а лютеранское иго — желѣзное“. Максимилианъ согласился, что лучше ему остаться католикомъ; но до конца жизни сохранялъ расположеніе къ аугсбургскому исповѣданію и старался поддерживать религіозный миръ въ Германіи. Онъ писалъ Лазарю Швенди: „Религіозныхъ дѣлъ нельзя рѣшать мечомъ; ни одинъ честный, богобоязненный, миролюбивый человѣкъ не скажетъ, что можно; мечомъ апостоловъ была проповѣдь и христіанская жизнь. Къ сожалѣнію, дѣла на свѣтѣ идутъ такъ, что людямъ мало радости и спокойствія“. Выдавъ свою дочь Анну за Филиппа II, Максимилианъ сблизился съ нимъ и измѣнилъ свой образъ дѣйствій по религіознымъ дѣламъ; но все таки не сдѣлался гонителемъ протестантства; онъ только колебался между прежней своей вѣротерпимостью и покровительствомъ католической церкви; вліяніе испанскаго посланника, папскаго нунція и въ особенности императрицы Маріи боролось при его дворѣ съ вліяніемъ приверженцевъ протестантства, къ числу которыхъ принадлежали Швенди, Лангэ (Languet) и Крато; въ сущности Максимилианъ только поддерживалъ тогда династическіе интересы Габсбурговъ, не переставая быть въ душѣ лютераниномъ. Прежде онъ вовсе не ходилъ на католическое богослуженіе, теперь иногда ходилъ къ католической литургіи и не запрещалъ ревнителямъ католичества говорить ему о надобности для него обратиться къ римской церкви; но никогда не причащался онъ по католическому обряду, всегда только по протестантскому.

Максимилианъ II былъ однимъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ государей своего времени, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ императоровъ Габсбургской династіи; человѣкъ любознательный, онъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія; онъ свободно говорилъ на всѣхъ главныхъ языкахъ народовъ австрійскаго государства и умѣлъ съ людьми каждой народности держать себя по ихъ обычаямъ: былъ въ разговорахъ любезенъ съ итальянцами, шутливъ и прямодушенъ съ нѣмцами, уступчивъ съ чехами, быстръ въ словахъ съ венграми, церемоненъ съ испанцами; онъ живо интересовался начинавшимся тогда развитіемъ естественныхъ наукъ, любилъ музыку, далъ вѣнскому двору характеръ благородной непринужденности въ обращеніи, велъ разговоры привѣтливо, ловко и краснорѣчиво, усердно занимался государственными дѣлами, былъ храбръ; онъ негодовалъ на то, что турки владычествуютъ въ Венгріи, что австрійскій государь обязанъ платить дань султану и сталъ готовиться къ походу на Сулеймана. Султанъ самъ первый пошелъ въ походъ; но умеръ при осадѣ Сигета. Преемникъ его Селимъ II возобновилъ миръ съ австрійскимъ государемъ и, какъ мы уже говорили, обратилъ свои силы на морскую войну.

Безуспѣшность венгерскаго похода Максимилиана объясняется отчасти тѣмъ, что силы нѣмцевъ были парализованы, такъ называемымъ, мятежомъ Грумбаха. Иоаннъ Фридрихъ, герцогъ веймарскій, которому братья предоставили управленіе всѣмъ отцовскимъ наслѣдствомъ, не могъ примириться съ тѣмъ, что младшая линія, альбертинская, отняла у старшей, эрнестинской, большую часть прежняго ея государства и курфиршерскій санъ, хотѣлъ возвратить себѣ все потерянное отцомъ. Человѣкъ бездарный, онъ имѣлъ очень высокое понятіе о своихъ способностяхъ, надѣялся стать не только курфирстомъ, даже императоромъ. Французское правительство, всегда считавшее выгоднымъ для себя возбуждать междоусобія въ Германіи и враждебное Габсбургамъ, обѣщало помощь ему.

Онъ укрѣпился въ своемъ намѣреніи, слушая совѣты Вильгельма Грумбаха, отважнаго франконскаго вельможи, рассчитывавшаго воспользоваться слабоуміемъ и лековѣріемъ его для достиженія личныхъ цѣлей. Грумбахъ былъ сподвижникомъ Альбрехта и получилъ свою часть добычи, когда Альбрехтъ побѣдилъ епископа вюрцбургскаго, Мельхіора Цобеля: епископъ далъ Грумбаху, своему вассалу, много земли и денегъ. Но когда Альбрехтъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ во Францію, Цобель отнялъ у Грумбаха все. Обремененный долгами Грумбахъ думалъ о мщеніи, подстерегалъ Цобеля на дорогахъ, чтобы захватить его въ плѣнъ; два раза епископъ избѣгалъ опасности, при третьемъ нападеніи Грумбаха (15 апрѣля 1558) на его свиту былъ убитъ. Грумбахъ говорилъ, что не хотѣлъ убить Цобеля, что это произошло противъ его воли. И, дѣйствительно, этому можно было вѣрить: выгода Грумбаха состояла въ томъ, чтобы захватить Цобеля живымъ, вынудить къ возвращенію отнятаго. Грумбахъ бѣжалъ отъ суда за убійство, пріѣхалъ во Францію; Генрихъ II охотно принялъ храбраго авантюриста въ свою службу, далъ ему денегъ вербовать наемниковъ въ Германіи. Набирая ихъ, Грумбахъ вошелъ въ сношеніе съ герцогомъ веймарскимъ, обѣщалъ ему помощь короля французскаго, если онъ начнетъ войну для возвращенія себѣ курфиршества. Рейнскіе государи,

испуганные тѣмъ, что готовится новое междоусобіе, хотѣли отвлечь Грумбаха отъ этого дѣла, обѣщали, что новый епископъ вюрцбургскій, Фридрихъ Вирсбергъ, дастъ удовлетвореніе его притязаніямъ. Но на аугсбургскомъ сеймѣ (въ 1559 году) послы епископа отвѣчали Грумбаху. „Мы отбились отъ большой птицы (т. е. отъ Альбрехта), такъ не побоимся маленькой. Убіицу епископа Мельхіора надобно наказать, а не награждать“. Грумбахъ вошелъ въ соглашеніе съ своими прежними военными товарищами, франконскими вельможами Штейномъ, Мандельсло, Розенбергомъ, Цетвицемъ, имѣвшими неудовольствіе на епископа; многіе дворяне той части Германіи сочувствовали имъ. Они рѣшили силой взять себѣ то, на что, по ихъ мнѣнію, имѣли право. Герцогъ веймарскій собралъ войско для нападенія на курфюрста саксонскаго. Грумбахъ и его франконскіе союзники пошли на Вюрцбургъ, взяли городъ (4 октября 1563). Епископъ, бѣжавшій во Фрауенбергъ, и вюрцбургскій капитулъ подписали договоръ, по которому согласились на всѣ требованія Грумбаха и его товарищей. Но когда эти вельможи ушли изъ Вюрцбурга, то епископъ, разумѣется, не захотѣлъ исполнить обѣщаній. Областной сеймъ франконскаго округа не могъ одобрить самоуправство Грумбаха и его товарищей; императоръ тоже не могъ допустить безнаказанности нарушенія мира, объявилъ виновныхъ въ немъ мятежниками, лишенными покровительства законовъ. Грумбахъ ушелъ изъ Вюрцбурга къ герцогу веймарскому; императоръ послалъ герцогу повелѣніе на давать пріюта преступнику. Іоаннъ Фридрихъ не послушался; продолжалъ набирать войска; это было еще при Фердинандѣ. Въ іюль слѣдующаго (1556) года Фердинандъ умеръ. Новый императоръ, Максимилианъ, на аугсбургскомъ сеймѣ возобновилъ распоряженіе отца, угрожавшее герцогу веймарскому, что съ нимъ будетъ поступлено какъ съ мятежникомъ, если онъ не покорится. Онъ презиралъ всѣ угрозы. Тестъ Іоанна Фридриха, курфюрстъ пфальцскій, Фридрихъ III, убѣждалъ его бросить опасное дѣло. Онъ отвѣчалъ, что было бы противно его чести и совѣсти выдать невинно преслѣдуемаго злымъ врагамъ. Курфюрстъ Августъ говорилъ, что Іоаннъ Фридрихъ подсылаетъ злодѣевъ убить его. Вѣроятно, это было правда. Младшій братъ герцога веймарскаго Іоаннъ Вильгельмъ видѣлъ, что онъ губитъ себя и, чтобы не погибнуть съ нимъ, отдѣлился отъ него, взялъ въ собственное управленіе свою долю наслѣдства, Кобургскую область.

Герцогъ веймарскій былъ объявленъ 12 декабря 1556 мятежникомъ. Собралась имперская армія, двинулась на него; онъ заперся въ Готѣ. Горожане и наемники, утомленные лишеніями осады, окружили (4 апрѣля 1567) дворецъ герцога, требовали выдачи Грумбаха; герцогъ отвергъ ихъ требованіе; они обыскали дворецъ, нашли спрятавшагося Грумбаха, принудили герцога подписать заявленіе, что онъ отдастъ себя на волю императора и сейма. Курфюрстъ саксонскій, начальствовавшій имперскимъ войскомъ, торжественно вступилъ въ Готу 13 апрѣля; черезъ два дня герцогъ былъ отвезенъ въ Дрезденъ, оттуда въ Вѣну. Императоръ послалъ его на вѣчное заключеніе въ замокъ города, называющагося вѣнскимъ Нейштадтомъ.

Въ Готѣ между тѣмъ производились допросы и казни людей, вовлекшихъ слабоумнаго герцога въ мятежъ. Грумбахъ, подвергнутый пыткѣ, признался, что готовился помогать намѣренію герцога Іоанна Фридриха отнять курфюршество саксонское у Августа, и былъ приговоренъ къ мучительной казни; она была исполнена 18 апрѣля. Той же казни былъ подвергнутъ канцлеръ герцога, Брюкъ. Герцогство веймарское было передано младшему брату заключеннаго въ темницу мятежника, Іоанну Вильгельму. Въ послѣдствіи императоръ возвратилъ сыновьямъ Іоанна Фридриха ту часть Тюрингіи,

которая составляла удѣль ихъ отца (округи Кобургскій, Эйзенахскій и нѣкоторые другіе сосѣдніе съ ними).

Вскорѣ послѣ того онъ дозволилъ женѣ Іоанна Фридриха Елизаветѣ жить вмѣстѣ съ мужемъ въ замкѣ вѣнскаго Нейштадта; она прожила тамъ двадцать два года, и скончалась 8 февраля 1574. Іоаннъ Фридрихъ умеръ въ маѣ слѣдующаго года въ Штейерскомъ замкѣ, куда былъ перевезенъ, когда турки пошли на Вѣну.

Въ послѣдніе годы правленія Максимилиана было видно, что религіозный миръ въ Германіи не продержится долго. Католики ободрились, готовились къ нападенію на протестантовъ. Максимилианъ II умеръ 11 октября 1556 года; онъ былъ человѣкъ благонамѣренный, но по вялости характера далъ фанатикамъ католичества и агентамъ короля испанскаго пріобрѣсти вліяніе на католическихъ государей Германіи, возбудить въ нихъ мысли о подавленіи протестантства.

d) исторія протестантскихъ государствъ германіи. формула конкордіи.

КАЗНЬ КРЕЛЯ.

Въ сильнѣйшемъ изъ протестантскихъ государствъ Германіи курфиршествѣ саксонскомъ владычествовали фанатики лютеранской ортодоксальности. Курфирстъ пфальцскій Фридрихъ III, усердный кальвинистъ, умеръ 26 октября 1576 года. Старшій сынъ и преемникъ его, Людвигъ, былъ фанатичный лютеранинъ и наслѣдовавъ отцу сталъ насильственно искоренять во Пфальцѣ кальвинизмъ, вводить лютеранство. Всѣ тѣ священники, которые не захотѣли отречься отъ кальвинизма, были выгнаны, замѣнены лютеранскими, вызванными изъ курфиршества саксонскаго. Въ гейдельбергскомъ университетѣ кальвинистскіе профессоры были замѣнены лютеранскими. Изгоняемые бѣжали въ ту часть Пфальца, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна и досталась тогда въ удѣль младшему брату новаго курфирста Іоанну Казиміру.

Такимъ образомъ почти во всей протестантской Германіи пріобрѣли владычество фанатики лютеранской ортодоксальности; они задумали навсегда упрочить господство ея составленіемъ оффиціального изложенія вѣры, принятіе котораго будетъ поставлено въ обязанность всѣмъ преподавателямъ и священникамъ. Руководителемъ этого дѣла былъ профессоръ и канцлеръ тюбингенскаго университета Якобъ Андреэ; онъ разъѣзжалъ по лютеранской Германіи, убѣждая государей и вліятельныхъ богослововъ въ необходимости рекомендуемой имъ мѣры. Исполненіе дѣла было поручено комиссіи богослововъ разныхъ государствъ; главою ея былъ Андреэ; усерднѣйшими помощниками его Зельнецеръ и Кемницъ. Изложеніе вѣры, написанное ими въ духѣ строжайшей лютеранской ортодоксальности и называвшееся «Формулой Конкордіи» (согласія), было разослано на утвержденіе лютеранскимъ государямъ. Курфирстъ саксонскій поручилъ Андреэ и Зельнецеру

объявлять его государство, требуя отъ всѣхъ священниковъ и преподавателей, чтобъ они подписывали «Формулу Конкордіи». За отказъ въ подписи непокорный волъ курфюрста лишился своей должности. Но непокорныхъ почти вовсе не нашлось. То же самое сдѣлалъ курфюрстъ Августъ въ Тюрингіи, находившейся тогда подъ его опекунскимъ управленіемъ. Дѣло тамъ было кончено въ 1578 году. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали по примѣру курфюрста саксонскаго другіе государи и, подъ ихъ вліяніемъ, правительства лютеранскихъ имперскихъ городовъ. Только Людвигъ, курфюрстъ пфальцскій, при всей горячности своего фанатизма, нѣсколько времени колебался поступить по примѣру курфюрста саксонскаго, предвидя, что въ его государствѣ, гдѣ довольно долго господствовало реформатское ученіе, окажется много людей, которые не согласятся подписать формулу, рѣзко осуждающую кальвинизмъ, потомъ и онъ сталъ вводить «Формулу Конкордіи»; но это дѣло встрѣчало большія препятствія себѣ и осталось не доведеннымъ до конца. Людвигъ дѣйствовалъ робко, потому что боялся младшаго брата, покровительствовавшего въ своемъ удѣлѣ кальвинизму. Въ части Пфальца, находившейся подъ управленіемъ Іоанна Казимира, сохранилось реформатское вѣроученіе. Въ большей части протестантской Германіи были лишены должностей не только всѣ, сочувствовавшіе кальвинизму, но и всѣ сколько нибудь уклонявшіеся отъ безжизненной лютеранской ортодоксальности. Вирочемъ, не повсюду восторжествовали фанатики: нѣкоторые изъ второстепенныхъ государей отказались ввести у себя «Формулу Конкордіи». Важнѣйшіе изъ нихъ были, кромѣ Іоанна Казимира пфальцскаго, Вильгельмъ, ландграфъ гессенскій, герцоги померанскіе, герцогъ брауншвейгскій, герцогъ гольштейнскій. Изъ имперскихъ городовъ отвергли Формулу Конкордіи Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Нюрнбергъ, Страсбургъ и нѣкоторые другіе. Формула Конкордіи была издана въ Дрезденѣ 25 марта 1580 года съ подписями 86 государей и городскихъ правительствъ, принявшихъ ее. Въ 1583 года Людвигъ, курфюрстъ пфальцскій, умеръ; наслѣднику его Фридриху IV было только 9 лѣтъ; Іоаннъ Казимиръ сталъ регентомъ курфюршества пфальцскаго до совершеннолѣтія племянника и возстановилъ тамъ реформатское ученіе. Самъ Августъ, курфюрстъ саксонскій, ослабѣлъ въ своемъ усердіи къ Формулѣ Конкордіи, женившись по смерти первой жены на дочери князя ангальтскаго, отвергнувшаго эту формулу. По просьбѣ невесты и ея отца онъ освободилъ Пейцера. Лютеранскіе фанатики злились теперь на Августа и выбили медаль, изображавшую Адама, преступающаго по совѣту Евы заповѣдь Божию.

Августъ умеръ 11 февраля 1586. Сынъ его Христіанъ I, наслѣдовавшій отцу, былъ чуждъ фанатизма, имѣлъ безусловное довѣріе къ своему воспитателю, юристу Николаю Крелю, назначилъ его своимъ докладчикомъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ. Крель въ молодости

путешествовалъ по Франціи, сблизился тамъ съ гугенотами, жилъ въ Женевѣ, подружился съ Безой, освободился отъ узкаго лютеранскаго фанатизма, сталъ держаться понятій Меланхтона; но при Августѣ скрывалъ это. Теперь онъ сталъ дѣйствовать противъ фанатиковъ. Въ августѣ 1588 Христіанъ по его внушенію велѣлъ прекратить преслѣдованіе людей за несогласіе съ «Формулой Конкордіи», чтобы не было религіозной вражды между его подданными. Фанатики подняли шумъ объ измѣнѣ истинному лютеранству; придворный проповѣдникъ Мирусъ на упреки Христіана за ругательства противъ священниковъ, чуждавшихся фанатизма, отвѣчалъ: «Вы, господинъ курфирстъ, не зажмите ротъ святому духу». Курфирстъ велѣлъ отвести наглеца подъ стражу въ крѣпость Кёнигштейнъ. Ропотъ фанатиковъ усилился, когда Христіанъ назначилъ Креля канцлеромъ. Курфирстъ былъ слабаго здоровья, мало занимался дѣлами; государствомъ управлялъ Крель, и при всей своей осторожности, при всей снисходительности къ фанатикамъ былъ предметомъ ожесточенной ненависти ихъ. Они распространяли въ народѣ пaskвилы противъ «душеубійцы», «ядовитаго кальвиниста». Въ Лейпцигѣ они взволновали простолюдиновъ такъ, что произошли уличные безпорядки.

Многіе другіе лютеранскіе государи начинали понимать, что протестантамъ не слѣдуетъ ссориться между собою, когда Филиппъ II и его союзники готовятся искоренить протестантство, что поэтому надобно примириться съ кальвинистами. Они перестали покровительствовать лютеранскимъ фанатикамъ, поддерживать Формулу Конкордіи. Но надежды на примиреніе лютеранъ съ кальвинистами были разрушены смертью могущественнѣйшаго изъ лютеранскихъ государей, расположенныхъ къ примиренію, Христіана I, курфирста саксонскаго. Онъ совершенно разстроилъ пьянствомъ и обжорствомъ свое отъ природы слабое здоровье и умеръ 25 сентября 1591 г. Опекунами его малолѣтняго сына, курфирста Христіана II, были назначены ближайшій родственникъ по мужской линіи Фридрихъ Вильгельмъ, герцогъ альтенбургскій, и Іоаннъ Георгъ, курфирстъ бранденбургскій; оба они были фанатики; фанатичное усердіе къ лютеранской ортодоксальности имѣла и мать малолѣтняго курфирста саксонскаго. Герцогъ альтенбургскій былъ назначенъ регентомъ и подвергъ гоненію отступниковъ отъ истиннаго лютеранства. Крель былъ 23 октября отвезенъ въ Кёнигштейнъ и преданъ суду; назначенные имъ суперъ-интенденты и придворные проповѣдники были изгнаны изъ государства; священникъ Гундерманъ, посаженный въ темницу, подписалъ требуемое отъ него строго-лютеранское исповѣданіе вѣры, чтобы не ухудшилась болѣзнь печалившейся о немъ жены; но раньше, чѣмъ сдѣлалъ онъ это, она въ отчаяніи лишила себя жизни; онъ, узнавъ о ея смерти, сошелъ съ ума. Мирусъ съ тремя другими комиссарами поѣхалъ по государству, требуя отъ всѣхъ священниковъ, преподавателей, чиновниковъ, чтобы они подписали актъ согласія съ Формулой Конкордіи и осужденія кальвинистской ереси. Отказывавшіеся подписать были изгоняемы изъ государства. Дворянство поддерживало фанатиковъ по сословной ненависти къ Крелю, простолюдину, управлявшему государствомъ; масса народа по невѣжеству. Въ Лейпцигѣ народъ разграбилъ и разрушилъ го-

стинницы и складъ товаровъ, принадлежавшіе человѣку, подозрѣваемому въ кальвинизмъ, заставилъ городское правительство выгнать изъ города людей, имена которыхъ были внесены въ списокъ еретиковъ, составленный фанатиками.

При безжалостномъ преслѣдованіи всѣхъ криптокальвинистовъ, «скрытныхъ кальвинистовъ», какъ называли фанатики людей не во всемъ согласныхъ съ ними, имѣвшихъ нѣкоторую вѣротерпимость, невозможно было ожидать пощады Крелю. Но прошло шесть лѣтъ прежде, чѣмъ враги сѣумѣли найти юридическіе предлоги для казни его; онъ томился въ тѣсной грязной темничной камерѣ, въ которой не было ни порядочной постели, ни печи. Имперскій камеральный судъ, у котораго просила защиты мужу жена Креля, послалъ саксонскому правительству строгій выговоръ за промедленіе въ оказаніи правосудія и требовалъ освобожденія Креля. Но саксонское правительство отказалось исполнить распоряженіе имперскаго суда, ссылаясь на привилегію курфирстовъ не быть зависимыми отъ него въ отправленіи правосудія. Сеймъ курфиршества саксонскаго попросилъ регента апеллировать отъ имперскаго камеральнаго суда къ императорскому придворному суду; и произошло неслыханное въ тѣ времена дѣло, что протестантскій государь отдалъ подъ контроль трибунала, состоявшаго исключительно изъ католиковъ, ходъ процесса, предметомъ котораго было протестантское вѣроученіе. Регентъ пошелъ даже дальше въ этомъ направленіи: онъ отправилъ акты процесса на разсмотрѣніе не императорскому придворному суду, считавшемуся все-таки учрежденіемъ нѣмецкой имперіи, а пражскому апелляціонному суду, то есть, трибуналу богемскаго государства. Пражскій апелляціонный судъ рѣшилъ, что «обвиняемый, своими многочисленными злыми поступками и различными коварными и вредными дѣлами, какъ это достаточно доказано актами процесса, заслужилъ быть подвергнутъ лишенію жизни и потому въ устрашеніе другимъ долженъ быть казненъ мечомъ». Это рѣшеніе было обращено въ приговоръ постановленный регентомъ и объявлено Крелю 22 сентября 1601. Онъ изумился, но отъ него не приняли никакихъ возраженій. Фанатичные лютеранскіе священники отравили ему послѣдніе дни жизни требованіями, чтобъ онъ призналъ себя виновнымъ и покался. Несчастнаго, изнуреннаго десятилѣтнимъ заключеніемъ въ отвратительной темничной камерѣ, привезли изъ Кёнигштейна въ Дрезденъ. Онъ утверждалъ, что невиненъ, просилъ правосудія у Христіана II, который въ это время принялъ на себя управленіе государствомъ; но курфирстъ рѣшилъ, что рѣшеніе, постановленное трибуналомъ, дѣйствующимъ отъ имени его императорскаго величества, должно быть исполнено, и 9 октябрю 1601 Крель былъ казненъ. Вдовствующая супруга Христіана I, прославляемая лютеранскими фанатиками за свое благочестіе, смотрѣла изъ галле-

реи на казнь. Палачъ поднялъ и показалъ народу отрубленную голову Креля, провозглашая: «это былъ негодяй кальвинистъ; пусть остерегаются его чертовскіе товарищи, потому что здѣсь не пощадятъ никакого».—На мечѣ, которымъ палачъ отрубилъ голову, была надпись: *Cave Calviniane*,—«остерегайся, кальвинистъ».—Христіанъ II умеръ на 28-мъ году жизни, бездѣтнымъ; ему наслѣдовалъ братъ, Іоаннъ Георгъ, своей тупой ортодоксальностью навлекшій въ Тридцатилѣтнюю войну много бѣдъ на Саксонію.

е) исторія нѣмецкихъ государствъ.

Съ Максимилианомъ II была погребена въ Германіи идея вѣротерпимости. Религіозный миръ принесъ много пользы Германіи; она наслаждалась спокойствіемъ; благосостояніе націи росло.—Августъ, курфирстъ саксонскій, фанатикъ, преслѣдовавшій всякое отступленіе отъ мертвой лютеранской ортодоксальности, оставилъ однако по себѣ хорошую память, потому что въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ былъ недурной правитель: онъ заботился о развитіи сельскаго хозяйства, въ особенности садоводства и скотоводства; онъ и его жена Анна были очень бережливы въ своемъ частномъ быту. Дозволивъ нидерландскимъ эмигрантамъ селиться въ Саксоніи, онъ принесъ пользу промышленности ея: они основали суконныя и хлопчатобумажныя фабрики. Человѣкъ дѣятельный и краснорѣчивый, Августъ пользовался большимъ вліяніемъ на имперскомъ сеймѣ.—Курфирстъ пфальцскій Оттонъ Генрихъ и его преемникъ Фридрихъ III заслужили признательность своихъ подданныхъ, прочно установивъ принятую почти всѣмъ населеніемъ реформацію, и обогатили казну конфискаціею церковныхъ имѣній. Гейдельбергскій университетъ при нихъ былъ очень хорошъ. Фридрихъ III усердно заботился о благѣ подданныхъ; передъ смертію онъ сказалъ окружающимъ его постель: «Я достаточно жилъ для васъ; должно мнѣ теперь жить для себя».—Курфирстъ бранденбургскій Іоахимъ II любилъ роскошь; его царствованіе было непрерывнымъ рядомъ пышныхъ поѣздокъ на охоту, турнировъ, баловъ. При немъ бранденбургская линія Гоэнцоллерновъ получила право наслѣдовать прусской; онъ отпраздновалъ великолѣпными торжествами пріобрѣтеніе этой надежды на увеличеніе могущества своей династіи. Постоянно дѣлая долги для удовлетворенія своей страсти къ роскоши, онъ покупалъ большими уступками правъ согласіе бранденбургскаго сейма принимать на себя уплату ихъ. Онъ обязался не дѣлать ничего важнаго безъ одобренія сейма. Деньги, собираемыя налогами, установленными для уплаты долговъ курфирста, оставались въ завѣдываніи уполномоченныхъ сейма; Іоахимъ не могъ брать себѣ ничего изъ этой кассы. Долги его были такъ велики, что уплата ихъ тяжело обременяла народъ, и по смерти его

все-таки остался на немъ большой долгъ. Область архіепископства магдебургскаго была при немъ прочно присоединена къ бранденбургскому государству; ею управляли назначаемые имъ администраторы (замѣстители архіепископа). Онъ умеръ въ 1571 году. Наслѣдовавшій ему сынъ, Іоаннъ Георгъ, прогналъ совѣтниковъ (министровъ) отца, предалъ суду банкира, управлявшаго при немъ всѣми дѣлами, еврея Липпольда; несчастнаго обвинили въ чародѣйствѣ, замучили продолжительными истязаніями до смерти; курфирстъ конфисковалъ все его имущество, ввергнувъ въ нищету жену его съ девятью дѣтьми, изгналъ изъ государства всѣхъ евреевъ, которыхъ народъ считалъ своими раззорителями. А между тѣмъ Іоаннъ Георгъ назывался добрымъ человѣкомъ, хорошимъ правителемъ; и дѣйствительно онъ заботился о развитіи земледѣлія, привелъ въ порядокъ финансы. Нидерландскіе эмигранты селились тогда въ курфиршествѣ бранденбургскомъ, основывали суконныя и красильныя фабрики. Кюстринскій удѣлъ присоединился къ курфиршеству по смерти Ганса, дяди Іоанна. Курфирстъ заключилъ съ своимъ родственникомъ, герцогомъ померанскимъ, договоръ, по которому бранденбургская династія наследовала владѣнія померанской въ случаѣ ея прекращенія.—Миръ держался и на югѣ, хотя католическіе государи были тамъ сильнѣе протестантскихъ. Много содѣйствовалъ его сохраненію герцогъ вюртембергскій Кристофъ, человѣкъ храбрый, миролюбивый и пользовавшійся дружбой императора Максимилиана.—Герцогъ баварскій Альбрехтъ не былъ фанатикъ.

2. Культура.

а) о в щ і й о в з о р ъ.

Въ протестантской Германіи было гораздо больше умственной дѣятельности, чѣмъ въ католической. Гансъ Заксъ, Йоганнъ Фишартъ и Альбрехтъ Дюреръ были протестанты. Нѣмецкій народъ сохранялъ во второй половинѣ XVI прежнее благосостояніе, благодаря религіозному миру. Гамбургъ, Любекъ, Ростокъ продолжали вести обширную морскую торговлю. Данцигъ былъ главнымъ центромъ обмѣна товаровъ между востокомъ и западомъ Европы; въ данцигской гавани бывало временами по 400, по 500 кораблей. Черезъ Нюрнбергъ и Франкфуртъ шелъ торговый путь между Дунаемъ и Рейномъ; оба города богатѣли посредничествомъ въ этой торговлѣ и обработкой сырья, шедшаго этимъ путемъ. Богатѣли и другіе имперскіе города; даже итальянскіе путешественники говорили съ удивленіемъ объ ихъ благоустройствѣ и благосостояніи. Въ особенности разбогатѣлъ Аугсбургъ. Фуг-

геры, Вельсеры, Баумгартнеры, граждане его, принадлежали къ числу главныхъ дѣятелей всемірной торговли. Франкфуртская ярмарка была однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ ея.—Совершенствовалось земледѣліе. Нѣмцы стали воздѣлывать маисъ и клеверъ. Барщина начинала замѣняться отдачей земли въ аренду; особенно въ конфискованныхъ церковныхъ имѣніяхъ. Горное дѣло развилось очень сильно. Къ нему стали примѣнять новыя способы добыванія и переплавки руды, открытые быстро совершенствовавшимся естествознаніемъ. «Космографія» Мюнстера изображаетъ тогдашнюю Германію страной дѣятельнаго труда и цвѣтущаго благосостоянія.

Но по смерти Максимилиана II сталъ пріобрѣтать вліяніе на католическихъ государей Германіи фанатизмъ папъ и агентовъ папской политики, іезуитовъ. Преемникъ Альбрехта, Вильгельмъ баварскій отдалъ въ руки іезуитамъ баварскія школы; они овладѣли школами и во всѣхъ другихъ католическихъ государствахъ Германіи; католическіе государи стали слѣдовать ихъ совѣтамъ, и подготовлялась война, погубившая благосостояніе и просвѣщеніе нѣмецкаго народа.

а) Ф и ш а р т ъ.

Эльзасу, въ особенности главному городу его, Страсбургу, принадлежало очень большое значеніе въ развитіи нѣмецкаго просвѣщенія. Страсбургъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ типографскаго дѣла въ Германіи; тамъ дѣйствовали важнѣйшіе представители народной литературы; тамъ жилъ Бучеръ, главный представитель того направленія протестантскаго богословія, которое стремилось примирить лютеранство съ кальвинизмомъ. Въ Эльзасѣ провелъ большую часть жизни и даровитѣйшій нѣмецкій писатель второй половины XVI вѣка, Иоганнъ Фишартъ. Уроженецъ или Страсбурга или Майнца, онъ прожилъ много лѣтъ въ Страсбургѣ, былъ нѣкоторое время адвокатомъ при шпейерскомъ имперскомъ судѣ и умеръ въ концѣ 1589 года городскимъ начальникомъ въ Форбахѣ. Ему было тогда только еще лѣтъ 40 или немногимъ больше. Онъ былъ человѣкъ многосторонней учености. Нѣкоторыя изъ его произведеній написаны въ наивномъ простонародномъ вкусѣ; но время было не таково, чтобы просвѣщенный патріотъ могъ выдерживать простодушный, незлобивый тонъ прежнихъ шутокъ; потому у Фишарта господствуетъ горькая сатира, направленная противъ враговъ нѣмецкаго народа, фанатиковъ и интригантовъ, возбуждавшихъ католическую Германію къ войнѣ съ протестантской для искорененія ереси. Остроуміе Фишарта неистощимо; онъ мастерски владѣетъ языкомъ и куетъ множество новыхъ словъ по капризамъ своего юмора. Въ переводѣ романа Раблэ онъ превосходно передаетъ юмористическія оригинальности французскаго подлинника такими же словами и оборотами рѣчи, созданными имъ самимъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Представимъ обзоръ важнѣйшихъ произведеній Фишарта.

„Счастливыя цюрихскія корабли“, поэма въ честь счастливаго плаванія цюрихскихъ гражданъ на праздникъ стрѣлковъ въ Страсбургъ 21 іюня 1576. Цюрихцы похвалились, что сдѣлаютъ въ одинъ день путь по Лиммату, Аару, Рейну до Цюриха, требовавшій обыкновенно четырехъ дней, и привезутъ сваренную въ Цюрихѣ пшеничную кашу еще теплой къ своимъ

цюрихскимъ друзьямъ въ свидѣтельство того, какъ быстро могутъ приплыть на помощь имъ противъ враговъ, когда понадобится. Они исполнили свое обѣщаніе. Память объ этомъ долго хранилась и въ цюрихскомъ и въ страсбургскомъ народѣ.

Еще замѣчательнѣе другой трудъ Фишарта, переводъ романа Раблѣ съ превосходной передачей всѣхъ оригинальностей языка подлинника соотвѣствующими новыми капризными словами и оборотами рѣчи, шутками и каламбурами на нѣмецкомъ языкѣ. Примѣромъ тому служить уже и самое заглавіе перевода, составленное изъ юмористическихъ передѣлокъ нѣмецкихъ словъ; вмѣсто „необыкновенная“ исторія „Гаргантюа, *abenteuerliche*, Фишартъ пишетъ *Affenteuerliche*, „Обезьяно - подобная“ исторія. Онъ называетъ себя, какъ переводчика, псевдонимомъ Гульдрихъ Эллопосклеронъ Рецнемъ; „Гульдрихъ“ значитъ „Доброжелательный; имя „Эллопосклеронъ“ составлено изъ греческихъ словъ *ellops* рыба и *scleros* жесткій; и должно имѣть значеніе жесткій какъ рыба, чешуйчатый, колючій; „Рецнемъ“ — прочтенное съ конца къ началу слово Менцеръ; а „Менцеръ“ — передѣлка слова „Менторъ“ на простонародную манеру произношенія иностранныхъ словъ; такимъ образомъ смыслъ псевдонима переводчика; „Доброжелательный, но колючій наставникъ“. Фишартъ не просто переводитъ романъ Раблѣ, а передѣлываетъ его для примѣненія къ нѣмецкому быту. Имена дѣйствующихъ лицъ тоже передѣланы такъ, что становятся каламбурами или характеристическими прозвищами; на примѣръ имя Гаргантюа Фишартъ передѣлываетъ въ Гургелантуа, вводя въ него звуки нѣмецкаго слова *Gurgel* горло, и нѣмецкая передѣлка значитъ „человѣкъ, въ горлѣ у котораго булькаетъ, человѣкъ, способный выпить очень много вина“. Передѣлка Фишарта кончается основаніемъ и описаніемъ аббатства Телемы, въ которомъ каждый пользуется полной свободой жить, какъ ему нравится. Продолженіе романа Раблѣ осталось не переведено Фишартомъ; но онъ перевелъ прибавленіе къ роману, называющееся у Раблѣ „Пантагрюэлевская прогностика“. Фишартъ далъ своей передѣлкѣ названіе „Бабушка всякой практики“, продолжая это заглавіе нѣмецкими каламбурами, сдѣланными изъ словъ французскаго заглавія. Въ передѣлкѣ этой книги онъ называетъ себя „Аристофанъ Небельштатъ“, Аристофанъ Туманный, то есть загадочный, выражающій серьезныя мысли игрой словъ. Его „Бабушка всякой практики“ приобрѣла большую популярность у нѣмцевъ, имѣла много изданій въ разныхъ новыхъ передѣлкахъ. Общій фонъ ея образуетъ осмѣяніе астрологическихъ суевѣрій. Фишартъ замѣняетъ предсказанія судьбы по гороскопу предвѣщаніями, которыя непременно сбудутся, въ такомъ родѣ: Когда дураки не станутъ ѣсть хлѣба, онъ будетъ дешевъ; а теперь еще находится въ дороговизнѣ чертополохъ и останется дорогъ по причинѣ того, что на свѣтѣ много ословъ съ короткими ушами. — „Ротозѣи, напрасно болтаете руками, не поймаете раковъ въ воздухѣ, подумайте лучше о томъ, что нужнѣе для васъ“. — „Время цвѣта и въ нынѣшнемъ году будетъ предшествовать, какъ всегда плоду; вашъ пустоцвѣтъ, какой дастъ плодъ?“

Самымъ любимымъ у нѣмцевъ изъ всѣхъ произведеній Фишарта была передѣлка написанной на голландскомъ языкѣ сатирической книги знаменитаго полководца и государственнаго человѣка Сентъ-Альдегонда „Улей священной римской церкви“. Она въ передѣлкѣ Фишарта сохранила свое остроуміе.

„Улей“ — сатира противъ панизма и служителей его, іезуитовъ. Фишартъ самъ написалъ рядъ сатиръ того же направленія. Популярнѣйшей изъ нихъ была „Іезуитская шапочка“. Длинное заглавіе этой поэмы кончается псевдонимомъ автора, имѣющимъ тотъ смыслъ, что онъ защищаетъ Христа отъ іезуитовъ; онъ называетъ себя *Jesuwalt Pickhart*; употребленное въ зна-

ченіи личнаго имени автора, слово Jesuwalt составлено через прибавленіе слова walt защитникъ къ имени Христа, а слово Pickhart, служащее фамиліей, составлено изъ словъ picken клевать и hart жестоко, сильно; такимъ образомъ смыслъ псевдонима соотвѣтствуетъ тому, какой по русски имѣли бы слова: Христозащитъ Клевака. Слово іезуиты у Фишарта передѣлано такъ, что получаетъ смыслъ „противники Христа“; вмѣсто jesuiter онъ пишетъ jesuwi-der.—Передадимъ содержаніе „Іезуитской шапочки“ словами Гервинуса. „Когда владычество Люцифера начало падать, онъ призываетъ своихъ помощниковъ и совѣтуется съ ними, что надобно сдѣлать для возстановленія роговъ, сломанныхъ Христомъ; безъ роговъ не можетъ держаться власть его, но онъ придумалъ прикрыть ихъ такъ, чтобъ они имѣли видъ святыни. Онъ дѣлаетъ одинъ рогъ и называетъ его монашескимъ клобукомъ (у католическихъ монаховъ были конусообразные клобуки). Потомъ онъ дѣлаетъ шапку съ двумя рогами и называетъ ее епископской митрой (католическая митра состоитъ изъ двухъ заостренныхъ половинокъ сходящихся вмѣстѣ). Послѣ того онъ дѣлаетъ головной уборъ, идущій кверху тремя рогами, соединяющимися въ одну острую вершину (это папская тіара, съ ея тремя коронами, имѣющая тоже заостренную вершину); Люциферъ велитъ вшить въ этотъ уборъ кошелекъ Іуды, продажу церковныхъ должностей папами, продажу индульгенцій. Наконецъ Люциферъ дѣлаетъ лучшее свое изобрѣтеніе, создавая четырехрогую іезуитскую шапочку, лучшее украшеніе четырехкратно злодѣевъ, ходящихъ въ овечьей шкурѣ свиной и козловъ, прикрывающихъ эти имена именемъ Іисуса. Она будетъ помогать трехроговому (то-есть папѣ, носящему тіару, тройную корону), когда его могущество начнетъ хромать, потому что она родилась однимъ сквернымъ рогомъ выше его. Чортова бабушка и ея гнусныя дочери шьютъ эту шапочку, зашиваютъ въ нее всякіе пороки, хитрости и злодѣйства; Люциферъ даетъ свое освященіе шапочкѣ и сообщаетъ ей свою силу“. Эта поэма Фишарта была передѣлкой французской сатиры, напечатанной незадолго передъ тѣмъ и называющейся „Сказаніе о четырехугольной шапкѣ и ея описаніе“ (La légende et description du Bonnet Carré).

с) КЕПЛЕРЪ И ГАЛИЛЕИ.

Съ началомъ XVII вѣка начинается блестящее развитіе науки, ознаменованное великими открытіями людей, заслужившихъ безсмертную славу. Въ Германіи это развитіе соединено съ дѣятельностью человѣка, которымъ гордится теперь нѣмецкій народъ, Йоганна Кеплера.

Онъ родился въ 1571 году въ маленькомъ Вейлѣ-Городѣ (Weil die Stadt). Семейство его жило въ бѣдности; отецъ и мать не могли доставить хорошаго воспитанія сыну. Благодаря пособію герцога вюртембергскаго мальчикъ получилъ возможность учиться въ школѣ сосѣдняго города Леонберга, потомъ юноша учился въ тюбингенскомъ университетѣ. Онъ занимался сначала богословіемъ. Но Местлинъ, бывшій тогда въ Тюбингенѣ профессоромъ математики и астрономіи, превосходный спеціалистъ по этимъ отраслямъ знанія, внушилъ ему любовь къ нимъ, ознакомилъ его съ системой Коперника. Въ 1593 году Кеплеръ поѣхалъ по приглашенію въ Грацъ быть профессоромъ математики и нравственной философіи тамъ. Въ Грацѣ онъ сталъ пріобрѣтать извѣстность своими учеными трудами; они обратили на него вниманіе знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ астрономовъ, Тихо Браге. Но недолго пришлось ему спокойно жить въ Грацѣ. Фанатизмъ католиковъ не допустилъ усерднаго протестанта прочно поселиться въ католической землѣ. Повелѣніе эрцгерцога Фердинанда, изгонявшее всѣхъ протестан-

товъ изъ Штиріи, принудило удалиться и Кеплера, уже бывшего тогда семейнымъ человекомъ; Тихо Браге пригласилъ его къ себѣ въ Прагу, гдѣ жилъ тогда. „Въ началѣ августа больше тысячи человекъ, въ числѣ ихъ и я, были изгнаны изъ Граца“, писалъ Кеплеръ одному изъ своихъ друзей въ Швабію;—„Браге пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Прагу; я хочу перевезти свое семейство въ Линцъ и оттуда ѣхать въ Прагу одинъ, чтобы переговорить объ условіяхъ; если представятся слишкомъ большія неудобства, я возьму свое семейство и изъ Линца пріѣду къ вамъ; буду учиться медицинѣ; быть можетъ, у васъ найдется мѣстечко для меня; потому что я очень обѣднѣлъ. Моя жена происходитъ изъ зажиточнаго семейства; но все ея состояніе — земельная собственность, а земля теперь совершенно потеряла цѣну,—даже вовсе не можетъ быть продана, потому что для продажи дано намъ (изгоняемымъ протестантамъ) только полтора мѣсяца срока, по окончаніи котораго запрещено отдавать наши земли въ аренду (то есть онѣ конфискуются). Это большое несчастье. Но я знаю теперь, какъ сладко вмѣстѣ съ братьями (по религіи) терпѣть за вѣру во славу Божию раззореніе, разставаться съ домомъ и друзьями. Если мученичество имѣетъ такое свойство, что съ размѣромъ несчастія растетъ и радость, то легко идти за вѣру на смерть“. Въ Прагѣ положеніе Кеплера устроилось не такъ хорошо, какъ онъ сначала надѣялся. По просьбѣ Браге, ему былъ данъ титулъ императорскаго математика; но онъ былъ только помощникомъ Тихо Браге, холоднаго и надменнаго человека. Жалованье ему выдавалось очень неисправно, такъ что часто онъ съ семействомъ терпѣлъ крайнюю нужду. Зато онъ имѣлъ въ Прагѣ средства работать для науки: въ его распоряженіи находились великолѣпные инструменты и многочисленныя наблюденія Тихо Браге. По смерти этого начальника, положеніе Кеплера стало еще тяжелѣе. Наконецъ, въ 1613 году, онъ былъ приглашенъ на кафедру математики въ Линцъ; избавленный этимъ отъ нужды, онъ могъ спокойно заняться трудами, результатомъ которыхъ было его великое открытіе. Мать его, жившая на родинѣ, подверглась обвиненію въ колдовствѣ; онъ поѣхалъ защищать ее. Все населеніе было убѣждено въ основательности обвиненія; духовенство возбуждало народъ противъ обвиненной, судьи вѣрили обвиненію. Когда пріѣхалъ Кеплеръ, процессъ находился ужъ въ такомъ положеніи, что обвиненной предстояла пытка и смерть. Кеплеръ добился пересмотра процесса и оправданія матери. Онъ любилъ родину и желалъ поселиться тамъ; нѣсколько разъ начиналъ хлопоты о полученіи тамъ должности. Но какъ католическій фанатизмъ изгналъ его изъ Штиріи, такъ лютеранскій не допустилъ его жить въ родной области: Кеплеръ не соглашался подписать осужденіе кальвинистскаго вѣроисповѣданія и не принималъ лютеранскаго ученія объ эвхаристіи; потому вюртембергское правительство отвѣчало на его просьбу, что не дастъ ему никакой должности. Онъ не могъ возвратиться на родину и умеръ въ Регенсбургѣ 15 ноября 1630 года.

У Кеплера было сильное поэтическое воображеніе, какъ видимъ по гипотезамъ, которыя дѣлаетъ онъ въ своихъ великихъ астрономическихъ твореніяхъ. Но онъ различалъ свои предположенія отъ положительныхъ истинъ, открытыхъ имъ. Нѣтъ ни одного отдѣла тогдашнихъ математическихъ наукъ, котораго не подвинулъ бы онъ впередъ. Онъ съ любовью принималъ всякое открытіе, всякую новую дѣльную мысль другихъ ученыхъ, и превосходно умѣлъ отдѣлять истину отъ примѣси ошибокъ. Онъ правильно оцѣнилъ всю важность логарифмовъ, изобрѣтенныхъ въ началѣ XVII вѣка шотландскимъ математикомъ лордомъ Непиромъ; онъ понялъ, что при помощи ихъ легко производить вычисленія, которыя безъ нихъ были неудобноисполнимы по своей многосложности; потому сдѣлалъ новое

изданіе логариѳмовъ съ объяснительнымъ вступленіемъ; благодаря тому логариѳмы быстро вошли во всеобщее употребленіе. Въ геометріи Кеплеръ сдѣлалъ открытія, подвинувшія ее много впередъ. Онъ выработалъ понятія и методы, которыми разрѣшались многія задачи, неразрѣшимыя до него, и былъ проложенъ путь къ открытію дифференціального исчисленія. Онъ увидѣлъ надобность изслѣдовать нѣкоторые вопросы оптики для очищенія астрономическихъ наблюденій отъ неточности, вводимой въ нихъ преломленіемъ лучей свѣта въ атмосферѣ, и для разъясненія законовъ дѣйствія изобрѣтеннаго тогда телескопа; онъ далъ рѣшенія этихъ вопросовъ въ оптической части своего астрономическаго трактата и въ „Діоптрикѣ“. Онъ открылъ истинный ходъ процесса зрѣнія нашего глаза. Онъ положилъ правильное основаніе теоріи дѣйствія телескопа. Ему не удалось найти точный законъ преломленія лучей, но онъ нашелъ понятіе о немъ, настолько близкое къ истинѣ, что оно было достаточно для разъясненія дѣйствія оптическихъ инструментовъ. Опираясь на эти изслѣдованія, Кеплеръ нашелъ новое устройство телескопа, которое должно было, по его соображеніямъ, быть самымъ лучшимъ для астрономическихъ наблюденій; телескопъ этого устройства, называемый Кеплеровымъ, остается до сихъ поръ въ употребленіи (изобрѣтеніе телескопа было, по всей вѣроятности, результатомъ случайности; рассказы о немъ различны, но всѣ сходятся въ томъ, что оно было сдѣлано въ Миддельбургѣ, въ Голландіи. Галилеи былъ первый, примѣнившій телескопъ къ астрономическимъ наблюденіямъ; но законы дѣйствія этого инструмента стали понятны только благодаря изслѣдованіямъ Кеплера).

Величайшее изъ безсмертныхъ открытій Кеплера то, сущность котораго формулирована имъ въ выводахъ, называемыхъ по его имени Кеплеровыми законами. Они раскрыли идею Коперника въ полномъ ея значеніи и показали основательность ея; они составили въ исторіи астрономіи фазисъ перехода отъ простаго знанія фактовъ къ объясненію ихъ; этотъ фазисъ, черезъ который прошли, или должны со временемъ пройти всѣ отрасли естествознанія, состоитъ въ томъ, чтобы найти основныя общія черты въ запутанномъ ходѣ явленій. Коперникъ далъ истинное понятіе объ устройствѣ солнечной системы; Кеплеръ нашелъ основныя черты фактовъ круговращенія планетъ. Коперникъ самъ ужъ замѣтилъ, что въ движеніи планетъ есть неровности, не объясняемыя принятіемъ планетныхъ орбитъ за круги, въ центрѣ которыхъ находится солнце; но онъ считалъ необходимымъ принимать за форму орбитъ круговую линію, и объяснялъ неравенства въ движеніи планетъ по ихъ орбитамъ предположеніемъ, что солнце находится не въ центрѣ этихъ круговъ. Кеплеръ по наблюденіямъ Тихо Браге увидѣлъ, что неравенства въ движеніи особенно велики у Марса, занялся изслѣдованіемъ ихъ, нашелъ, что предположеніе Коперника не вполне объясняетъ ихъ; рядомъ глубокихъ изслѣдованій и геніальныхъ соображеній онъ открылъ наконецъ, что истинная форма орбиты Марса эллипсъ. Это открытіе, оказавшееся справедливымъ и относительно всѣхъ другихъ планетъ, называется первымъ закономъ Кеплера. Онъ выражается формулой: планеты обращаются около солнца по эллипсу, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце. Второй законъ Кеплера опредѣляетъ разницы быстроты движенія планеты по орбитѣ въ разныхъ частяхъ этого пути; онъ говоритъ, что площади, описываемыя вращеніемъ линіи, идущей отъ солнца къ планетѣ, и называющейся въ эллипсѣ радіусомъ-векторомъ, въ равныя времена равны. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше будетъ планета отъ фокуса, въ которомъ стоитъ солнце, тѣмъ меньше будетъ длина пути, проходимого ею въ продолженіе извѣстнаго времени, на примѣръ часа, потому что, чѣмъ длиннѣе треугольникъ, тѣмъ меньше ширина его по сравненію съ треугольникомъ, имѣ-

ющимъ такую же величину поверхности при меньшей длинѣ. Третій законъ Кеплера опредѣляетъ пропорцію между временами обращенія планетъ вокругъ солнца и разстояніями ихъ отъ него. Онъ изложенъ въ другомъ сочиненіи Кеплера, называющемся „Гармонія вселенной“, и выражается словами: квадраты временъ обращенія разныхъ планетъ находятся въ такой же пропорціи между собою, какъ кубы тѣхъ линій ихъ орбитъ, которыя называются большими полу-осями этихъ эллипсовъ. Та часть астрономіи, которая состоитъ въ вычисленіи наблюденій, тоже чрезвычайно много продвинута впередъ трудами Кеплера; онъ сдѣлалъ это составленіемъ такъ называемыхъ Рудольфовыхъ таблицъ, изданныхъ имъ въ 1627 году и названныхъ Рудольфовыми въ честь царствовавшего тогда императора. Эти таблицы—сводъ наблюденій, сдѣланныхъ Тихо Браге и самимъ Кеплеромъ, и вычисленій, сдѣланныхъ по нимъ Кеплеромъ; эта работа требовала огромнаго количества времени и желѣзной силы воли для своего исполненія.

Изумительны своей геніальностью соображенія Кеплера о причинѣ, производящей движенія планетъ по законамъ, которые найдены имъ: онъ уже предугадывалъ то, что было впослѣдствіи доказано Ньютономъ, объяснялъ круговращеніе планетъ сочетаніемъ силы движенія ихъ по тангенсу съ силой, влекущей ихъ къ солнцу, и достигъ убѣжденія, что эта центростремительная сила тождественна съ тѣмъ, что называется тяжестью; такимъ образомъ, у него только не было матеріаловъ, чтобы найти законъ дѣйствія силы всеобщаго тяготѣнія, и подтвердить свое мнѣніе точными доказательствами, какъ это было впослѣдствіи сдѣлано Ньютономъ; но онъ ужъ нашелъ, что причина круговращенія планетъ—сила всеобщаго тяготѣнія. Онъ говоритъ: „Тяжесть только взаимное влеченіе тѣлъ сблизаться. Тяжелыя тѣла на землѣ стремятся къ центру шарообразнаго тѣла, части котораго составляютъ они, и если бы земля не была шарообразна, то тѣла не падали бы вертикально къ ея поверхности. Если бы луна и земля не удерживались на настоящемъ своемъ разстояніи стремленіемъ луны двигаться по тангенсу своей орбиты, то онѣ упали бы другъ на друга;—луна прошла бы около трехъ четвертыхъ долей этого пути, а земля четвертую долю, если предположить, что обѣ онѣ имѣютъ одинаковую плотность“.—Кеплеръ разгадалъ также, что причина приливовъ и отливовъ—притяженіе луны, измѣняющее уровень океана. Эти мысли показываютъ въ немъ необыкновенную силу ума.

При чрезвычайно высокомъ научномъ достоинствѣ сочиненій Кеплера, проходитъ по нимъ и вѣяніе поэтическаго духа. Кеплеръ любитъ, подобно пифагорейцамъ и Платону, соединять результаты серьезнаго изслѣдованія съ фантастическими мыслями о гармоніи чиселъ и разстояній; эта склонность вовлекала его иногда въ мнѣнія, оказавшіяся несообразными съ истинной, но служить новымъ доказательствомъ творческой силы его воображенія. Фантастическія мысли развиты у него особенно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя называются „О тайнствѣ устройства вселенной“, „Гармонія вселенной“ и „Сонъ Кеплера“.—Должностныя обязанности заставляли Кеплера заниматься астрологическими выкладками. По должности профессора математики въ Грацѣ, онъ былъ обязанъ ежегодно составлять календарь; а календарь по тогдашнему обычаю долженъ былъ давать астрологическія предсказанія о погодѣ, о войнѣ и мирѣ. Кеплеръ исполнялъ эту обязанность очень умно: онъ хорошо изучилъ правила астрологіи, такъ что могъ придавать своимъ предсказаніямъ требуемую отъ нихъ форму, а предсказанія дѣлалъ по внимательному соображенію вѣроятностей и при проницательности своего ума часто предсказывалъ удачно. Это доставило ему какъ астрологу большую славу, и многіе изъ важнѣйшихъ людей Австріи поручали ему дѣлать гороскопы ихъ. Въ концѣ жизни Кеплеръ состоялъ астро-

логомъ при Валленштейнѣ, вѣрившемъ въ астрологию. Впрочемъ онъ самъ говорилъ о недостоверности своихъ предсказаній, и въ письмахъ его есть много мѣстъ, показывающихъ, что онъ правильно думалъ о господствовавшемъ въ его время астрологическомъ суевѣріи. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ: „Господи Боже, что было бы съ разумной астрономіей, еслибъ она не имѣла при себѣ свою глупую дочь астрологию. Жалованья математиковъ такъ малы, что мать навѣрное терпѣла бы голодъ, если бы ничего не приобрѣтала дочь“.

Современникомъ Кеплера жилъ другой геніальный человѣкъ, сдѣлавшій не менѣе важныя открытія въ естествознаніи и тоже главнымъ образомъ въ астрономіи, но еще больше Кеплера пострадавшій отъ католическаго фанатизма, Галилео Галилеи. Онъ родился въ Пизѣ въ 1564 году. Семейство его было флорентійскаго происхожденія и притомъ довольно знатнаго. Отецъ его Винченцо Галилеи былъ хорошій математикъ и далъ ему основательное воспитаніе. Онъ съ ранней молодости выказалъ большую склонность къ математикѣ, отличался наблюдательностью и проницательнымъ умомъ, находившимъ элементы одинаковости въ запутанныхъ явленіяхъ, кажущихся совершенно различными, открывавшимъ законы дѣйствія этихъ одинаковыхъ элементовъ. Въ пизанскомъ соборѣ еще цѣла мѣдная лампа, качанія которой навели, какъ говорятъ, молодого наблюдателя на открытіе законовъ маятника. Двадцатилѣтнимъ юношей, въ 1584, Галилеи уже занималъ должность профессора въ своемъ родномъ городѣ; но уже и тогда подвергался непріятностямъ отъ товарищей, державшихся рутинны. Когда онъ публично сдѣлалъ опытъ, показывавшій неосновательность понятій Аристотеля о паденіи, приверженцы старинны стали такъ враждовать противъ него, что онъ принужденъ былъ покинуть Пизу. Онъ отправился въ Падую, долго былъ профессоромъ тамъ, приобрѣлъ такую славу, что великій герцогъ тосканскій въ 1610 году пригласилъ его возвратиться въ Пизу, назначивъ ему жалованье въ 1000 скуди. Съ переселенія его въ Пизу начинается эпоха величайшихъ его открытій. По слухамъ онъ узналъ, что въ Голландіи изобрѣтенъ телескопъ; не зная, какъ устроенъ этотъ инструментъ, онъ самъ сдѣлалъ себѣ такой же и при помощи новаго инструмента сталъ наблюдать небо и сдѣлалъ открытія, распространившія славу его по всей Европѣ.—Человѣкъ свободный отъ предразсудковъ, любившій истину, какъ Галилеи, не могъ не быть приверженцемъ системы Коперника. Онъ тѣмъ сильнѣе защищалъ ее, что его собственныя открытія служили доказательствами ея истинны. Онъ заявлялъ и въ лекціяхъ и въ книгахъ своихъ, что держится мысли Коперника, сдѣлалъ даже многихъ людей духовнаго званія послѣдователями ея. Однимъ изъ нихъ былъ бенедиктинецъ Кастелли, къ которому написано письмо Галилеи отъ 21 декабря 1613. Это знаменитое письмо, въ которомъ Галилеи объясняетъ отношенія своего ученія къ Священному писанію, разошлось во множествѣ списковъ и утвердило представителей церковной власти въ мысли, что ученіе Галилеи опасно для догматики. Удары направились сначала на книгу Коперника; ее осудили и велѣли, чтобы въ новыхъ изданіяхъ ея были передѣланы тѣ мѣста, въ которыхъ положительно говорится, что земля движется. Квалификаторы (редакторы приговоровъ) священной инквизиціи осудили 23 февраля 1616 ученіе о движеніи земли вокругъ солнца какъ ересь, а ученіе о вращеніи земли около своей оси объявили хотя и не еретическимъ, но ошибочнымъ и опаснымъ. Приѣхавъ въ 1615 году въ Римъ, Галилеи нашелъ инквизицію ужь занимающейся процессомъ о его сочиненіяхъ. Но римская курія ограничилась тогда тѣмъ, что одна изъ ея постоянныхъ комиссій, такъ называемая конгрегація Индекса (то-есть составленія списка осуждаемыхъ книгъ), передала Галилеи черезъ кардинала Беллармина рѣшеніе квалифи-

каторовъ, утвержденное ею. Онъ, человѣкъ благочестивый, не возражалъ, и послѣ того излагалъ систему Коперника не какъ достовѣрную истину, а лишь какъ предположеніе. Ту же покорность церкви онъ выказалъ, издавая въ 1620 сочиненія Коперника. Въ 1629 онъ написалъ трактатъ въ формѣ разговора между тремя лицами, изъ которыхъ одно защищаетъ систему Коперника, другое—систему Птолемея, и третье оцѣниваетъ ихъ доводы въ такихъ выраженіяхъ, что оставляетъ, повидимому, вопросъ не рѣшеннымъ, а въ сущности выставляетъ справедливымъ ученіе Коперника. Во вступленіи Галилеи говорилъ, что этимъ своимъ сочиненіемъ онъ хочетъ защитить систему Птолемея противъ системы Коперника, которая справедливо осуждена святой конгрегаціей Индекса. Римская курія заявила теперь протоколъ о допросѣ, сдѣланномъ Галилеи 26 февраля 1616. Этотъ протоколъ безъ сомнѣнія фальшивый, написанный не тогда, въ 1616 году, а только теперь, въ 1632 году, когда понадобилось лживое обвиненіе, говорилъ, что Галилеи далъ тогда въ присутствіи Беллармина формальное обѣщаніе никогда не упоминать въ какой бы то ни было формѣ объ осужденной системѣ. Папѣ Урбану VIII было внушено, что подъ именемъ Симпличіо, защитника системы Птолемея, осмѣялъ онъ, бывшій до своего выбора въ папы другомъ Галилеи и въ разговорахъ съ нимъ излагавшій такіе же доводы противъ системы Коперника, какіе излагаетъ Симпличіо. Такимъ образомъ инквизиція въ 1632 вытребовала Галилеи въ Римъ, угрожала ему 21 іюня пыткой; и на слѣдующій день онъ въ церкви *María sopra Minerva*, преклонивъ колѣна, отрекся отъ своего мнѣнія о движеніи земли, какъ отъ ошибочнаго и противнаго Священному писанію. Говорятъ, что въ негодованіи на насиліе онъ тихо произнесъ: *E pur si muove* (А все-таки она движется). Онъ до конца жизни оставался подъ надзоромъ инквизиціи въ загородномъ домѣ близъ Флоренціи, и она постоянно угрожала отвести его въ темницу. Онъ умеръ подъ этимъ домашнимъ арестомъ 8 января 1642.

Слава Галилеи между современниками была основана главнымъ образомъ на великихъ открытіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ при помощи телескопа. Дѣйствительно они дали много очень важныхъ новыхъ знаній о небесныхъ свѣтилахъ, и почти каждое изъ нихъ служило новымъ доказательствомъ истины системы Коперника. Пятна на освѣщенной части луны, изломанные очертанія на краю освѣщенной части ея, разсматриваемыя въ телескопъ, оказались неровностями на ея поверхности, и Галилеи уже сравнилъ ихъ съ горами нашего земного шара. Наблюдая солнце, Галилеи открылъ на немъ пятна, по движенію которыхъ стало очевидно, что солнце вращается около своей оси. Наблюдая Венеру, Галилеи увидѣлъ, что она имѣетъ такіе же фазы, какъ луна. (Коперникъ уже говорилъ, что необходимо должно быть такъ). Галилеи открылъ спутниковъ Юпитера, и дѣлалъ очень много наблюденій надъ ними, чтобъ опредѣлить законъ ихъ вращенія около ихъ планеты; онъ понялъ, что разницы времени, какое показываютъ часы подъ разными долготами при наблюденіи затмѣнія того или другого спутника Юпитера, могутъ служить для опредѣленія разницъ этихъ долготъ, и старался составить такіе таблицы движеній спутниковъ Юпитера, которыя имѣли бы точность, надобную для этого опредѣленія; голландское правительство понимало важность этого пособія для мореплаванія и просило Галилеи не покидать работы, пока она не будетъ доведена до конца; но смерть прекратила ее раньше окончанія.—Галилеи открылъ кольцо Сатурна. (При слабости телескоповъ, посредствомъ которыхъ дѣлалъ онъ свои наблюденія, оно казалось составляющимъ часть самой планеты; то, что оно отдѣлено отъ нея разстояніемъ, увидѣлъ ужъ только Гейгенсъ). Открытіями Галилеи были также приобрѣтены новыя важныя знанія и о неподвижныхъ звѣздахъ. Онъ увидѣлъ, что млечный путь состоитъ изъ звѣздъ, слабое

сіяніе которыхъ сливается для простаго глаза въ свѣтлую полосу; точно также многія изъ туманныхъ пятенъ оказались состоящими изъ звѣздъ.— Но какъ ни блистательны астрономическія открытія Галилеи, не менѣе важны его открытія въ механикѣ; только его труды возвели ее на степень науки. Онъ разсѣялъ прежнія ошибочныя понятія о законѣ движенія, нашелъ истинныя понятія о немъ. Ложныя мнѣнія Аристотеля о сущности движенія, оставаясь господствующими, сильно мѣшали раскрытію законовъ движенія. Понятія Архимеда были единственными основаніями для вывода истины. Гвидо Убальди и голландскій математикъ Стевинъ ужъ взяли за основаніе своихъ трудовъ положенія Архимеда и расширили нѣкоторыя изъ нихъ. Но сбивчивыя, совершенно ошибочныя понятія о движеніи продолжали господствовать; до Галилеи почти вовсе не было попытокъ разсматривать факты движенія съ математической точки зрѣнія. Галилеи положилъ прочныя основанія механикѣ своими изслѣдованіями о движеніи падающихъ и взброшенныхъ тѣлъ, о качаніяхъ маятника, о паденіи тѣла по наклонной плоскости; законы движенія, найденные имъ, стали исходными истинами для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій механическаго порядка явленій природы. Безъ открытій Галилеи въ механикѣ едвали были бы возможны открытія Ньютона.

Ученики Галилеи продолжали его работы. Одинъ изъ нихъ, Кастели (род. въ 1577, ум. 1644), успѣшно примѣнилъ къ движенію воды выработанныя Галилеи понятія объ общихъ законахъ движенія и благодаря тому успѣшно исполнилъ данное ему Урбаномъ VIII порученіе регулировать теченіе рѣкъ папскаго государства. Другой ученикъ Галилеи, Торичелли (род. въ 1618, ум. въ 1647) знаменитъ открытіемъ, что воздухъ имѣетъ тяжесть; этимъ было устранено ошибочное мнѣніе, что природа не терпитъ пустоты (*horror vacui*).

d) нѣмецкое искусство.

1. Ваяніе.

Какъ гуманизмъ, проникнувъ изъ Италіи въ Германію, не пріобрѣлъ въ ней владычества, какое имѣлъ въ своей родинѣ, такъ и итальянское искусство только оживило своимъ вліяніемъ нѣмецкое, а не измѣнило его прежняго направленія. Нѣмцы стали строить зданія въ итальянскомъ стилѣ эпохи возрожденія, но продолжали и въ XVI вѣкѣ рядомъ съ ними строить зданія готическаго стиля; точно также продолжалось національное направленіе въ пластикѣ и въ живописи; только техника этихъ искусствъ улучшилась черезъ изученіе итальянской. Какъ въ Нидерландахъ, изъ которыхъ заимствовали мотивы и образцы своихъ произведеній нѣмецкіе художники, такъ и въ Германіи сохранялъ владычество реализмъ. Особенно ясно проявляется это въ тѣхъ отрасляхъ ваянія, которыя наиболѣе развились у нѣмцевъ, въ рѣзбѣ по камню. Въ IX томѣ мы говорили о превосходныхъ произведеніяхъ средневѣковой нѣмецкой рѣзбы на деревѣ, объ алтаряхъ церковной южной Германіи, въ особенности Швабіи и Франконіи; эти области и теперь оставались главными центрами прекрасной рѣзбы по дереву и по камню. Знаменитѣйшіе мастера этихъ искусствъ жили въ Нюрнбергѣ; находились они также и въ другихъ городахъ югозападной Германіи, и въ Вѣнѣ. Но по искусству въ литейномъ дѣлѣ ни одинъ городъ не могъ соперничать съ Нюрнбергомъ. Этой славой онъ обязанъ Герману Фишеру, жив-

шему въ концѣ XV столѣтія, его сыновьямъ и ученикамъ; изъ сыновей его особенно знаменитъ Петръ. Въ первыхъ произведеніяхъ Германа Фишера владычествуетъ реализмъ, потомъ онъ усвоилъ себѣ итальянскій стиль.

2. Живопись.

Нѣмецкая живопись въ XV вѣкѣ находилась подъ господствомъ нидерландской, улучшенной Эйками. Подъ вліяніемъ ихъ школы развилась живопись сначала въ сосѣднихъ съ Нидерландами рейнскихъ областяхъ, потомъ и въ югозападной Германіи. Нѣмцы научились у нидерландцевъ придавать лицамъ выразительность, фигурамъ красоту, композиціи картинъ гармонію; но хотя не шли въ реалистической отдѣлкѣ подробностей такъ далеко какъ ихъ учителя, всетаки подобно имъ заботились о выразительности больше, чѣмъ о красотѣ; потому и нѣмецкая живопись того времени подобно нидерландской остается по идеальному достоинству далеко ниже итальянской. Въ ней много простонароднаго юмора; съ особенной силой выражается онъ въ „Пляскахъ смерти“; эти изображенія сценъ человѣческой жизни очень долго оставались любимыми предметами картинъ и рисунковъ, угождавшихъ вкусу массы; Гольбейнъ далъ имъ въ своихъ рисункахъ, рѣзанныхъ на деревѣ, окончательную форму и высокое художественное достоинство.

Вліяніе нидерландской живописи проявилось первоначально, какъ мы говорили, въ областяхъ Нижняго Рейна. Художественной столицей ихъ былъ Кельнъ; потому возникшая подъ нидерландскимъ вліяніемъ школа нѣмецкой живописи, называется кельнской. Во второй половинѣ XV вѣка нидерландское вліяніе преобразовало живопись и на Верхнемъ Рейнѣ и въ Швабіи. Однимъ изъ центровъ художественной дѣятельности тамъ былъ Ульмъ, но еще гораздо важнѣе Ульма былъ Аугсбургъ. Высокое развитіе искусству живописи тамъ дали Гансъ Гольбейнъ Старшій и одинъ изъ его сыновей знаменитый Гансъ Гольбейнъ Младшій (род. 1497, умеръ 1543). Отецъ не умѣлъ вести своихъ денежныхъ дѣлъ, они такъ разстроились, что онъ и его сыновья принуждены были уѣхать изъ Аугсбурга. Все семейство поселилось въ Базелѣ. Тамъ Гансъ Гольбейнъ Младшій усвоилъ себѣ народный юморъ, а въ Люцернѣ ознакомился съ картинами итальянскихъ художниковъ. Народный и итальянскій элементы соединяются въ его произведеніяхъ. Онъ горячо сочувствовалъ реформаціи; въ своихъ рисункахъ на деревѣ онъ осмѣивалъ продажу индульгенцій; въ рисункахъ къ Лютерову переводу Библии онъ выказалъ свою способность создавать сцены серьезнаго, возвышеннаго характера. Въ Базелѣ Гансъ Гольбейнъ Младшій или какъ мы будемъ называть его просто Гольбейнъ, окончилъ свою серію рисунковъ на деревѣ, изображающихъ пляску смерти. Съ конца XV вѣка нѣмецкіе художники любили, какъ уже и упоминалось у насъ, эти изображенія, представлявшія мимолетность и ничтожество всѣхъ благъ жизни и часто заключавшія въ себѣ насмѣшку надъ могущественными людьми. Рисунки „Пляски смерти“ дѣлалъ и Альбрехтъ Дюреръ, но рядъ рисунковъ Гольбейна на эту народную тѣму затмилъ всѣ прежнія Пляски смерти. Число этихъ рисунковъ Гольбейна больше четырехъ десятковъ; они были напечатаны первоначально въ Ліонѣ. Въ Базелѣ Гольбейнъ написалъ знаменитую такъ называемую Мейерскую Мадонну. (Подлинникомъ ея должна быть признаваема по всей вѣроятности та картина, которая находится въ Дармштадтѣ, а находящаяся въ Дрезденѣ одинаковая съ нею должна считаться вѣроятно копіей). Также въ Базелѣ Гольбейнъ написалъ знаменитый портретъ Эразма Роттердамскаго. Въ 1526 Гольбейнъ поѣхалъ въ Лондонъ;

Эразмъ рекомендовалъ его своему другу Томасу Мору, бывшему тогда канцлеромъ. Онъ былъ хорошо принятъ королемъ и аристократіей, написалъ много портретовъ; изъ тѣхъ, которые приписываются ему, несомнѣнно принадлежатъ ему портреты Генриха VIII, королевской фамиліи, Томаса Мора (у котораго онъ часто жилъ подолгу), архіепископа Уоргэма. Въ 1528—1530 годахъ Гольбейнъ опять жилъ въ Базелѣ; тогда были написаны имъ: „Ровоамъ“ и „Самуилъ и Саулъ“. Волненія, произошедшія въ Базелѣ, заставили и Эразма и его удалиться оттуда. Онъ поѣхалъ опять въ Англію и тоже написалъ много портретовъ лицъ королевской фамиліи и вельможескаго круга. Онъ также писалъ аллегорическіе рисунки для праздниковъ и процессій Генриха VIII; ему было поручено написать тотъ портретъ Анны Клевской, по которому Генрихъ VIII влюбился въ нее. Въ 1542 году въ Лондонѣ была эпидемія убившая множество людей; отъ нея умеръ Гольбейнъ.

Швабская живопись, лучшимъ представителемъ которой былъ Гольбейнъ, смягчала нидерландскій реализмъ идеальными формами итальянской живописи; франконская школа, центромъ которой былъ Нюрнбергъ, сохраняла прежнюю манеру исключительной заботы о выразительности лицъ и мелочной вѣрности природѣ. Однимъ изъ хорошихъ художниковъ ея былъ Вольгемутъ, ученикомъ котораго былъ человѣкъ, считающійся истиннымъ представителемъ всей нѣмецкой живописи той эпохи, Альбрехтъ Дюреръ (род. 1471, умеръ 1528). Сынъ горожанина, имѣвшаго много дѣтей, онъ съ раннихъ лѣтъ долженъ былъ самъ кормить себя, и забота о пропитаніи не покидала его всю жизнь. Въ годы своей знаменитости онъ не былъ бѣднякомъ; рассказы объ этомъ возникли изъ недоразумѣнія; но его положеніе было очень незавидно по сравненію съ роскошью, въ какой жили знаменитые итальянскіе художники. Онъ былъ человѣкъ гениальный, очень образованный, умѣлъ наблюдать природу; воображеніе его богато, рисунокъ у него чрезвычайно хорошъ. Онъ писалъ и альфреско и маслянными красками, и гуашью и акварельными красками, рисовалъ перомъ, углемъ, мѣломъ, съ рѣдкимъ мастерствомъ гравировалъ рѣзцомъ на мѣди, на оловѣ, желѣзѣ, мѣди, дѣлалъ гравюры крѣпкой водкой, рѣзалъ на деревѣ и на известковомъ шиферѣ; словомъ, техника его была чрезвычайно разнообразна. Но при всей своей гениальности, онъ не достигъ идеальной красоты формъ и колорита итальянской живописи. Онъ два раза посѣтилъ Италію, въ 1494 и въ 1506 годахъ, но его натура оказалась не воспріимчива къ впечатлѣніямъ итальянскаго искусства. Въ 1520 году онъ ѣздилъ въ Нидерланды; тамъ онъ научился многому. За исключеніемъ этихъ поѣздокъ, Дюреръ провелъ всю жизнь въ родномъ городѣ. Работалъ онъ неутомимо; число его картинъ, рисунковъ, гравюръ очень велико. Поощреній онъ не получалъ, источникомъ его усердія къ работѣ было только душевное влеченіе. Суровость и угловатость его житейской обстановки отразилась и въ его произведеніяхъ; матеріаломъ для нихъ онъ бралъ ее, и заботился не о красотѣ, а только о выразительности, которая у него часто переходитъ въ грубость. Характеръ нѣмецкой жизни тѣхъ временъ превосходно передается его произведеніями. Въ религіозныхъ картинахъ обыкновенно властвуетъ и у него, какъ у нидерландцевъ, реализмъ. Къ числу лучшихъ между ними принадлежатъ „Праздникъ четокъ“ (въ Прагѣ), „Поклоненіе волхвовъ“ (во Флоренціи въ Palazzo degl' Uffizi) „Мученичество 10,000 христіанъ“ (при персидскомъ царѣ Сапорѣ), „Троица“ (въ Вѣнѣ). Дюреръ написалъ много портретовъ; изъ нихъ особенно извѣстны портреты его учителя Вольгемута, императора Максимилиана и превосходный по технике портретъ Геронима Гольцшюэра. Рисунки Дюрера очень разнообразны и по изображаемымъ предметамъ и по способамъ исполненія. Гравюры его на мѣди и рисунки на деревѣ расходились по всей

Европѣ и содѣйствовали развитію этихъ видовъ искусства. У него было много хорошихъ учениковъ, такъ что слава нюрнбергской школы долго держалась послѣ него.

Курфирсты саксонскіе Фридрихъ Мудрый, братъ его Іоаннъ и сынъ Іоанна Фридрихъ покровительствовали искусству. Лука Кранахъ (род. 1472, ум. 1553) былъ у нихъ придворнымъ живописцемъ. Мы говорили, что онъ сопровождалъ курфирста Іоанна Фридриха, отданнаго подъ стражу, добровольно дѣлилъ съ нимъ темничную жизнь и возвратился на свободу только вмѣстѣ съ нимъ. У Кранаха не было геніальности Гольбейна и Дюрера, но въ его картинахъ много душевнаго чувства и наивности. Онъ былъ усердный лютеранинъ, потому его религіозныя картины отступаютъ отъ католическихъ правилъ этой живописи. Такъ напримѣръ на его запрестольномъ образѣ собственно такъ называемой городской виттенбергской церкви нарисованы фигуры Лютера, Меланхтона и Бугенгагена, проповѣдующихъ и крестящихъ, а на знаменитѣйшей религіозной картинѣ его (доконченной по его смерти сыномъ) на запрестольномъ образѣ веймарской церкви нарисованы стоящими у распятія Христова Лютеръ и самъ Кранахъ; изъ прободеннаго бока Спасителя льется на Кранаха струя крови „очищающей отъ всѣхъ грѣховъ“, по выраженію Священнаго писанія. Нидерландскій реализмъ достигъ въ Германіи наибольшей силы у Кранаха: Мадонны и святые семейства этого живописца изображаютъ намъ саксонскій домашній бытъ. Главное достоинство Кранаха — вѣрное изображеніе дѣйствительности; потому лучшія картины его портреты, на которыхъ онъ превосходно передаетъ индивидуальный характеръ изображаемыхъ людей; на всѣхъ картинахъ хороши у него нагія женскія фигуры, благодаря вѣрности рисунка и прекрасному колориту. Число его картинъ очень велико; онъ работалъ какъ ремесленникъ, принималъ всяческіе заказы и очень быстро исполнялъ всѣ ихъ при помощи цѣлой толпы учениковъ. — Есть у него и юмористическія картины, какъ напримѣръ „Рыцарь Самсонъ у принцессы Далилы“; „Принцъ Парисъ и господинъ Меркурій“ съ тремя дамами въ самой легкой одеждѣ; „Кавалеръ Геркулесъ у ликійскихъ красавицъ“, „Источникъ молодости“. Въ гравюрахъ на мѣди и рисункахъ на деревѣ у Луки Кранаха много сатирическихъ намековъ на современныя событія.

е) музыка въ эпоху возрожденія и во время реформаціи *)

Тенденціи гуманизма, создавшія эпоху возрожденія, проявились въ музыкѣ цѣлымъ столѣтіемъ позднѣе, чѣмъ въ другихъ искусствахъ. Въ то время какъ скульптура и живопись возвращались къ идеаламъ древности, музыка занималась исключительно развитіемъ гармоніи. — Центромъ этого обновленія ея былъ Римъ, долго противившійся введенію гармоніи въ пѣніи; но участвовали въ усовершенствованіи музыки всѣ тѣ западные народы, у которыхъ существовало прежде не одно только простое народное пѣніе съ аккомпанементомъ такой же музыки, а уже были и художественныя формы этихъ искусствъ.

*) Продолженіе статьи г. Крисандера, начало которой помѣщено въ томѣ Х.

Англичане первые одѣли свободную мелодію непринужденной гармоніей; главный представитель этого ранняго фазиса развитія гармоніи былъ Джонъ Донстэбль, жившій въ первой половинѣ XV вѣка; лучшими композиторами этой школы были Теллисъ (Tallis) и Бёрдъ (Bird) во второй половинѣ и въ концѣ XVI вѣка.

Лишь немногимъ позднѣе, чѣмъ въ Англіи, стала развиваться гармонія въ сѣверной Франціи, Нидерландахъ и рейнской Германіи. Наибольшихъ успѣховъ въ ней достигали тогда нидерландцы; они господствовали въ музыкѣ континента въ XV столѣтіи и въ значительной части XVI вѣка. Этотъ періодъ называется нидерландскимъ вѣкомъ музыки. Онъ характеризуется полнѣйшимъ развитіемъ гармоническихъ приемовъ контрапункта на основаніи діатонической гаммы. Это искусство было доведено тогда до такого совершенства, что величайшіе композиторы слѣдующихъ временъ не находили нужнымъ производить въ немъ улучшенія. Дурную сторону тогдашней нидерландской музыки составляло чрезмѣрное изобиліе искусственности, доходившей до того, что слова пѣнія часто становились совершенно безсмысленными отъ повторенія слоговъ и половинокъ словъ. Дурно было и то, что изъ-за гармоническихъ украшеній пренебрегали свободнымъ ходомъ мелодіи. Нидерландскіе композиторы были исключительно гармонисты, то есть заботились только о переложеніи мелодій на полифоническое пѣніе, такъ что сами по себѣ тѣмы не интересовали ихъ и часто заимствовались ими изъ общезвѣстныхъ церковныхъ и мірскихъ пѣсень. Ихъ стиль искусства господствовалъ во всей музыкѣ, во всемъ пѣніи. Изъ множества даровитыхъ композиторовъ этого періода величайшіе были Жокенъ (Josquin), Виллартъ (Willaert) и Орlando Лассо.—Жокенъ де Пре (род. 1450, умеръ 1521) былъ любимецъ Лютера, говорившаго: „Жокенъ господи́нь нотъ, онѣ у него дѣлають, что онъ хочетъ, а другіе композиторы должны дѣлать, какъ хотять ноты“. Произведенія его и другихъ замѣчательнѣйшихъ нидерландскихъ композиторовъ дошли до насъ въ большемъ числѣ, потому что въ то время (именно въ 1502 году) Оттавіо Петруччо изобрѣлъ искусство составлять нотный наборъ изъ отдѣльныхъ металлическихъ нотъ, какъ набирается текстъ книги, и этимъ способомъ печаталъ лучшія музыкальныя произведенія своей эпохи. Адрианъ Виллартъ (род. 1490, ум. 1563), занимавшій въ послѣднія 36 лѣтъ жизни должность капельмейстера соборнаго храма св. Марка въ Венеціи, былъ основателемъ венеціанской школы композиціи; онъ ввелъ двойные хоры, каждый по четыре голоса; это было возобновленіемъ древняго христіанскаго антифональнаго пѣнія въ болѣе развитой музыкальной формѣ и содѣйствовало усовершенствованію свѣтскаго пѣнія, такъ называемаго мадригала, выработаннаго венеціанской школой. Виллартъ имѣлъ на музыку болѣе продолжительное вліяніе, чѣмъ Жокенъ, композиціи котораго были скоро вытѣснены изъ моды произведеніями композиторовъ, далеко превосходившихъ его талантомъ, Орlando Лассо и Палестрины.

Роланъ де Латтръ, имя котораго получило у итальянцевъ форму Орlando ди Лассо (род. въ 1520, ум. въ 1595), пріобрѣлъ въ ранней молодости славу какъ пѣвецъ и композиторъ, провелъ много лѣтъ въ артистическихъ поѣздкахъ по Европѣ, былъ въ 1557 году приглашенъ занять должность придворнаго капельмейстера въ Мюнхенѣ; капелла, которой управлялъ онъ тамъ, была самая многочисленная и лучшая въ цѣлой Европѣ; она состояла изъ 60 пѣвцовъ и 30 музыкантовъ (въ числѣ пѣвцовъ находилось нѣсколько такъ называемыхъ сопранистовъ, кастратовъ, исполнявшихъ партіи сопрано). Лассо оставался въ Мюнхенѣ всю жизнь, — пользуясь высокимъ почетомъ при дворѣ. Главныя произведенія его были изданы (въ Мюнхенѣ, въ 1604 году) его сыновьями при денежномъ пособіи правительства; собранію ихъ

было дано названіе „Великое музыкальное твореніе“, *Magnum opus musicum*. Его составляютъ 516 мотетовъ (какъ назывались симфоніи для церковнаго пѣнія, написанныя на слова гимновъ католической литургіи). Они имѣютъ отъ двухъ до двѣнадцати голосовъ. Число музыкальныхъ произведеній Орландо Лассо очень велико. Онъ писалъ во всѣхъ формахъ тогдашней композиціи. Вся музыка, все пѣніе, написанныя имъ, одушевлены живымъ и глубокимъ чувствомъ, прекрасны по мелодіи. Но сильнѣйшая сторона его таланта состоитъ въ искусствѣ, тѣсно и превосходно соединять разныя партіи полифонической гармоніи въ одно музыкальное цѣлое, и въ полнѣйшемъ своемъ блескѣ талантъ его выказывается въ мотетахъ для шести голосовъ. Вся Франція, вся Германія восхищались его произведеніями. Но школы въ собственномъ смыслѣ слова онъ не основалъ: знаменитѣйшіе нѣмецкіе композиторы учились въ Венеціи у Вилларта и у Андреа и Джованни Габріэлли, учениковъ Вилларта, а Италія, кромѣ Венеціи, находилась подъ владычествомъ Палестрины.

Замѣчательно, что нидерландская школа, долго господствовавшая на всемъ континентѣ западной Европы, не имѣла почти никакого вліянія въ отечествѣ своихъ великихъ композиторовъ. Они уѣзжали за границу искать себѣ славы и богатства, дѣятельность ихъ была почти совершенно чужда ихъ родинѣ. Въ концѣ XVI вѣка прекратился рядъ великихъ нидерландскихъ композиторовъ, и нидерландская музыка съ той поры обѣднѣла. Единственнымъ результатомъ дѣятельности нидерландской школы въ ихъ отечествѣ осталось то, что нидерландскіе издатели музыкальныхъ произведеній выказывали очень большую коммерческую дѣятельность, печатали произведенія композиторовъ всей Европы, хотя бы право изданія было продано авторами другимъ издателямъ. (То, что называется теперь контрафакціей, не считалось тогда нигдѣ хищничествомъ).

Во время Жокена нидерландцы безъ всякаго соперничества владычествовали надъ всею Европой; во время Вилларта взяли въ Римѣ перевѣсъ надъ ними испанскіе композиторы, а современникомъ Лассо былъ Палестрина, основатель владычества итальянской музыки.—Испанцы около 1540 были лучшими пѣвцами папской капеллы и другихъ придворныхъ капеллъ; пріобрѣли тогда знаменитость и нѣкоторые испанскіе композиторы. Они и ихъ преемники пользовались уваженіемъ во всей Европѣ во второй половинѣ XVI и въ первыя десятилѣтія XVII столѣтія. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ около 1540 года Крестовано Моралесъ, уроженецъ Севильи. Но вообще объ Испаніи можно сказать то же самое, что о Нидерландахъ, бывшихъ тогда подвластными ей. Испанскіе композиторы не пошли дальше первой формы развитія новой музыки. Ихъ вліяніе въ періодъ ея господства было незначительно по сравненію съ нидерландскимъ. У испанцевъ до сихъ поръ сохранились тогдашнія формы церковной музыки.

Итальянцы не участвовали въ дѣятельности перваго періода развитія новой музыки и считались до половины XVI вѣка, подобно англичанамъ и испанцамъ, націей, не имѣющей музыкальнаго таланта. Но Римъ, центръ церковной музыки, привлекалъ къ себѣ лучшія музыкальныя силы изъ всей католической Европы. Онѣ соединялись въ папской или, какъ вообще называется она, сикстинской капеллѣ. Папская капелла была учреждена во времена Григорія VII и почти безъ вреда себѣ пережила средневѣковыя бури, совершенствуясь сообразно обстоятельствамъ. Сначала она строго сохраняла древнее пѣніе въ унисонъ и долго по изобрѣтеніи нынѣшнихъ нотъ держалась тѣхъ значковъ для изображенія тоновъ, которые назывались невмами; отъ нея научалась хорошему унисональному пѣнію вся Европа. Она до конца XIV вѣка упорно отвергала гармонію; но допустивъ наконецъ полифоническое пѣніе, довела искусство гармоніи до высочайшаго

совершенства. Это было дѣломъ почти исключительно одного человѣка, великаго Палестрины. Фамилія Палестрины была Санте. Онъ былъ уроженецъ города Палестрины (древняго Пренесте); прибавляемое къ фамиліи обозначеніе родины *da Palestrina*, „палестринецъ“ или „палестринскій“, вытѣснило изъ употребленія фамилію. Полное имя Палестрины было Джованни Піерлунджи Санте да Палестрина; въ латинскихъ заглавіяхъ своихъ произведеній онъ замѣнялъ итальянское названіе родного города древнимъ латинскимъ и называлъ себя *Praenestinus*, „Пренестинскій“. Онъ родился въ 1524, учился композиціи у сѣвернаго француза или нидерландца Клода Гудимеля (убитаго, какъ мы упоминали въ Варѣоломеевскую ночь въ Ліонѣ). Вѣроятно онъ никогда не выѣзжалъ изъ Италіи. Въ 1544 онъ уже былъ органистомъ и капельмейстеромъ кафедральнаго храма своего родного города. Въ 1551 онъ сталъ капельмейстеромъ въ Римѣ, въ 1555—папскимъ пѣвцомъ. (Этой должности черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишилъ его, какъ человѣка женатаго, новый папа, фанатикъ, Павелъ IV). Вскорѣ онъ сталъ капельмейстеромъ при латеранскомъ храмѣ Іоанна Предтечи, въ 1561 перешелъ оттуда капельмейстеромъ въ Большую церковь Богоматери (*Santa Maria Maggiore*), въ 1574 возвратился на прежнюю должность въ папскую капеллу. Въ 1565 Пій IV учредилъ собственно для него новую почетную должность, соединенную съ большимъ жалованьемъ. Названіе этой должности было композиторъ папской капеллы. Палестрина былъ неутомимо дѣятелемъ до самой смерти, умеръ знатнымъ и богатымъ человѣкомъ 2 февраля 1594 и былъ погребенъ въ храмѣ Петра.

Палестрина—величайшій композиторъ не только своего времени, но и слѣдующихъ двухъ столѣтій, до Генделя. Онъ доставилъ итальянской музыкѣ владычество во всей Европѣ, и ему обязана католическая церковь тѣмъ, что въ ея богослуженіи сохранилось полифоническое пѣніе. На тридентскомъ соборѣ фанатики сильно возставали противъ этого пѣнія, говорили, что мотивами для его фугъ берутся напѣвы уличныхъ пѣсень, что тотъ способъ сочетанія голосовъ, который господствуетъ въ немъ и называется канонъ, то-есть повтореніе нѣкоторыми голосами прежнихъ словъ текста въ то время, какъ другіе голоса поютъ слѣдующія слова, производитъ въ текстѣ путаницу, отнимающую смыслъ у него и часто смѣшную. Они хотѣли, чтобы полифоническое пѣніе было выброшено изъ богослуженія. Оно было ненавистно имъ, какъ нововведеніе; тѣ дурныя стороны его, на которыя указывали они, служили для нихъ только предлогами. Но сами по себѣ эти жалобы ихъ были справедливы, и чтобы сохранить полифоническое пѣніе въ церкви, надобно было показать, что оно можетъ быть очищено отъ этихъ упрековъ. Пій IV далъ Палестринѣ порученіе написать такую миссу (музыку литургіи), которая доказала бы, что полифоническое пѣніе не имѣетъ необходимой принадлежностью тѣ дурныя стороны, противъ которыхъ возстаютъ фанатики. Палестрина блистательно доказалъ это своей знаменитой миссой Папы Марцелла, *Missa Papae Marcelli*. Одновременное пѣніе разныхъ словъ текста разными голосами не мѣшало въ ней тексту сохранять возвышенный смыслъ. Это качество принадлежит и всѣмъ слѣдующимъ произведеніямъ Палестрины. Многія изъ нихъ даже превосходятъ миссу Папы Марцелла искуснымъ сочетаніемъ словъ текста въ одновременномъ пѣніи разными голосами. Таковы импроперіи (пѣсни обличеній Господа народу израильскому) и гимны, мотеты, магнификаты (композиціи на гимнъ „Величитъ душа моя“), и миссы, написанныя Палестриной для четырехъ или пяти голосовъ полифоническаго пѣнія. Его произведенія очень многочисленны и по всей вѣроятности до сихъ поръ не всѣ собраны и изданы. На первый взглядъ трудно отличать ихъ отъ произведеній другихъ геніальныхъ композиторовъ того времени, потому что и тек-

сты и приемы композицій одинаковы у него и у нихъ. Нѣкоторыя композиціи Орландо Лассо, Жокена, Вилларта не хуже или даже лучше нѣкоторыхъ композицій Палестрины на тѣ же тексты; но когда обозрѣваемъ произведенія его въ общемъ ихъ составѣ, то видимъ, что не было и нѣтъ равнаго ему композитора церковнаго пѣнія. Оно было въ то время главной частью дѣятельности композиторовъ, и въ немъ они дѣйствительно превосходили, другія направленія музыки и пѣнія оставались тогда менѣе развиты. Полифоническая гармонія того времени имѣла своей формой фугу и канонъ, гамма ея была діатоническая, мотивы ея были подведены подъ ряды церковныхъ напѣвовъ (подъ такъ называемые голоса церковнаго пѣнія) съ ихъ характеристичными финалами; искусство, съ какимъ сочетаются голоса полифоническаго пѣнія по этимъ формамъ и правиламъ, удивительно хорошо у гениальныхъ композиторовъ той эпохи, ихъ произведенія дѣйствительно осуществляютъ собою идеаль богослужебнаго пѣнія по мелодіямъ, издавна принятымъ для него церковью. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ музыкѣ ничего равнаго искусству, съ какимъ Палестрина выражаетъ характеръ чувствъ, соединенныхъ съ пѣснями католическаго богослуженія. Пѣніе каждаго гимна у него совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ ощущеніямъ, которыя должно возбуждать богослужебное дѣйствіе, сопровождаемое этимъ гимномъ, и сильно помогаетъ возбужденію этихъ ощущеній. Для церковныхъ композицій нѣтъ задачи выше этой, съ удивительнымъ искусствомъ исполняемой Палестриной. Характеръ его композицій сталъ обозначеніемъ наилучшаго стиля церковнаго пѣнія. Палестриновскимъ стилемъ *stilo alla Palestrina* называется діатоническая гармоника и мелодика, то-есть стиль всей церковной музыки того періода. Вліяніе Палестрины было тѣмъ продолжительнѣе, что онъ самъ позаботился дать ему прочность: при содѣйствіи Джованни Гвидетти онъ, по порученію Григорія XIII, пересмотрѣлъ и улучшилъ весь кругъ грегорианскаго богослужебнаго пѣнія. Сдѣланная имъ переработка стала канонической въ католической церкви. Этотъ его трудъ—выполненное имъ изданіе Антифонарія.—Другой основой прочности его вліянія было то, что онъ преподавалъ искусство композиціи въ знаменитой школѣ музыки, которую основалъ въ Римѣ Джованни Марія Нанини, учившійся вмѣстѣ съ нимъ у Гудимеля. Эта школа и синтинская капелла стали хранительницами стиля Палестрины. — Итальянцы сдѣлались въ XVI вѣкѣ первой націей въ музыкальномъ искусствѣ; оно развивалось у нихъ главнымъ образомъ въ двухъ школахъ—венеціанской и римской; эти школы дали музыкальнымъ силамъ Италіи ту стройную организацію, которая помогла итальянской музыкѣ приобрести владычество во всей Европѣ.

Полифоническое пѣніе было примѣняемо къ свѣтскимъ текстамъ также съ большою заботливостью и создало произведенія свѣтскаго характера, едва ли уступающія церковнымъ своими достоинствами. Маленькія композиціи, подобныя пѣснямъ, мы пройдемъ молчаніемъ, потому что равняются достоинствами съ церковными гимнами только тѣ свѣтскія пѣсни этого періода, которыя имѣютъ форму такъ называемаго мадригала; это довольно большія пѣсни любви, имѣющія торжественный характеръ. Названіе мадригалъ первоначально давалось пастушескимъ пѣснямъ, но потомъ приобрѣло болѣе широкое значеніе всякой величественной пѣсни любви. Мотетъ и мадригалъ были важнѣйшими формами композиціи до конца XVI вѣка; въ нихъ

проявляются лучшія силы композиторовъ того періода, ими охватываются тѣ двѣ области содержанія, которыя были главными въ тогдашней музыкѣ и рѣзко разграничивались одна отъ другой: мотетъ имѣлъ исключительно религіозное содержаніе, мадригалъ — исключительно эротическое.

Мадригалъ возникъ, кажется, въ XVI вѣкѣ; эта форма композиціи была первоначально разрабатываема въ Венеціи. Всѣ великіе композиторы того времени писали мадригалы; Орландо Лассо и Палестрина тоже писали ихъ и писали превосходно; но величайшій композиторъ этой области музыкальнаго искусства былъ Лука Маренціо, котораго современники называли „сладкогласнѣйшимъ лебедемъ Италіи“. Онъ родился близъ Брешии неизвѣстно въ какомъ году, но раньше 1550, дѣлалъ довольно много поѣздокъ и долго жилъ въ чужихъ земляхъ, жилъ нѣкоторое время даже въ Польшѣ при королевскомъ дворѣ, а въ послѣдніе годы жизни былъ пѣвцомъ папской капеллы и умеръ въ 1599. Онъ писалъ и церковную музыку, но эти произведенія его менѣе хороши, чѣмъ свѣтскія. Изъ его мадригаловъ знаменитѣйшими были квинтеты; онъ напечаталъ девять книгъ ихъ; о нѣкоторыхъ говорили, что сами музы были бы рады, если бы написали ихъ.

Итальянскому мадригалу подражали во всей Европѣ; но только одному народу удалось вполне усвоить его себѣ, англійскому. Исторія того, какъ мадригалъ сдѣлался національной формой музыки у англичанъ, представляетъ большой интересъ. Итальянскій мадригалъ уже довольно долго имѣлъ много поклонниковъ въ Лондонѣ, но въ Англіи не было печатаемо изданій итальянскихъ композицій этой формы до 1588. Йонгъ, хозяинъ одной изъ лондонскихъ гостинницъ, перевелъ на англійскій языкъ текстъ мадригаловъ, особенно нравившихся лондонскимъ любителямъ музыки и напечаталъ ноты этихъ мадригаловъ вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ текста въ 1588 подъ заглавіемъ *Musica Transalpina*, „Заальпійская музыка“. Немедленно по напечатаніи этого изданія стали писать англійскіе мадригалы Бёрдъ (Bird), Морли, Доулэндъ, Уильксъ, Уильби и нѣкоторые другіе изъ хорошихъ композиторовъ, которыми богата была тогда Англія. Ихъ мадригалы и по тексту и по музыкѣ равняются лучшимъ итальянскимъ. Полифоническое пѣніе было тогда такъ привычно въ дружескихъ собраніяхъ англійскихъ семействъ, что хозяйка дома, по окончаніи обѣда, приказывала подавать гостямъ и гостьямъ ноты, зная, что всѣ будутъ пѣть. Это рассказываетъ намъ Морли. Такой высоты музыкальнаго образованія едва ли достигало въ послѣдующія времена просвѣщенное общество какой нибудь націи, едва ли можно сказать это и о настоящемъ времени.

Мотетъ и мадригалъ вполне удовлетворяли высшимъ музыкальнымъ потребностямъ того времени и остались бы удовлетворяющими ихъ въ слѣдующія столѣтія, если бы человечество сохранило желаніе строго разграничивать свѣтскую музыку отъ церковной. Но еще при жизни Палестрины произошла великая перемѣна, результаты которой преобразовали всю музыку. Дѣло началось съ того, что восторженные поклонники древняго міра хотѣли возстановить греческую трагедію во всемъ ея поэтическомъ и музыкальномъ блескѣ; но какъ стремленіе достигъ древней Индіи повело къ открытію новой

Индіи на западѣ, такъ изъ стремленія возстановить древнюю трагедію возникли опера и ораторія, основныя формы музыки послѣдующихъ столѣтій.

Центромъ стремленія возстановить греческую трагедію была Флоренція. Въ собраніяхъ художниковъ и образованныхъ людей у Джованни Барди, графа Верніо и у Якопо Корси постоянно разсуждали о томъ, въ чемъ же именно состояло могущественное дѣйствіе, которое производила, по словамъ грековъ, на сердца людей сценическая музыка ихъ, и почему нынѣшняя музыка не имѣетъ такой силы возбуждать и успокоивать страсти. Изъ этихъ разсужденій возникалъ вопросъ, нельзя ли придать нынѣшней музыкѣ такую же силу дѣйствія на сердца, если преобразовать должнымъ образомъ форму ея. Участники этихъ разговоровъ дѣлали лѣтъ двадцать пять опыты писать такія драмы и такую музыку къ словамъ ихъ, чтобы производить ими желаемое дѣйствіе. Винченцо Галилеи, отецъ великаго астронома, написалъ трактатъ, въ которомъ сравнивалъ новую музыку съ древней, отдавая древней предпочтеніе, написалъ патетическія сцены и ноты пѣнія этихъ сценъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ одного инструмента (содержаніе одного изъ текстовъ этихъ сценъ было взято изъ того эпизода поэмы Данте, въ которомъ разсказывается судьба Уголино; другой текстъ былъ переложеніемъ Плача Іереміи въ стихотворную форму). Онъ хотѣлъ рѣшить вопросъ о томъ, какъ надобно писать для сцены пѣніе соло. Опыты его были неудачны. Барди, въ 1589 году, имѣя порученіе написать драму для придворной сцены по поводу прозника свадьбы въ семействѣ великаго герцога, написалъ текстъ драмы для пѣнія и знаменитѣйшій тогдашній композиторъ мадригаловъ, Лука Маренціо написалъ по его просьбѣ большую часть музыки къ ней; это были не соло, а хоры, совершенно сходные съ мадригалами; другія части музыки были написаны композиторами, тоже знаменитыми. Почти всѣ тѣ композиторы, которые впослѣдствіи создали оперу, участвовали въ исполненіи этой драмы, какъ музыканты или пѣвцы. Почти всѣ они стали впослѣдствіи писать оперы; но Маренціо, ставившій свою славу въ композиціи мадригаловъ, не писалъ оперъ. Потому должно полагать, что мадригальный характеръ драмы оказался непригоднымъ для сценическаго эффекта, и на представленіи ея композиторы увидѣли, что для достиженія желанной цѣли надобно искать другой формы музыкальной драмы; они стали съ удвоеннымъ усердіемъ искать такой формы, которая годилась бы для сцены. Оттавіо Ринуччини переработалъ въ цѣлую драму свое интермеццо „Дафна“, Якопо Пери написалъ музыку къ ней; она была дана въ 1594 году въ собраніи ученыхъ и образованныхъ людей у Корси; всѣ рѣшили, что теперь найдена форма древней греческой драмы. Пери для этой первой оперы изобрѣлъ речитативъ. Вторая опера, имѣвшая ужь болѣе выработанную форму, написана также Ринуччини и Пери; это была „Эвридика“, данная во Флоренціи въ 1600 году на праздникъ въ честь брака Маріи Медичи и Генриха IV; постановка ея на сцену была великолѣпна, успѣхъ громаденъ. Музыка „Эвридики“ была напечатана и сохранилась.—Итакъ, основателемъ оперы былъ Пери.

Въ томъ же году, когда дана была „Эвридика“, въ 1600, явилась и другая форма драматической музыки—ораторія. Эта первая ораторія „Душа и тѣло“ *L'anima e corpo*, была написана также флорентійцемъ, Эмилио дель Каваліере и была дана въ ораторіи (молитвенномъ залѣ) римскаго монастыря Маріи Валличелльской. Для нея была устроена въ этомъ залѣ сцена, исполнители пѣли ее въ костюмахъ своихъ ролей. То, что первое музыкальное произведеніе этого рода было дано въ ораторіи, послужило ново-

домъ къ тому, что симфоніи драматической формы получили названіе ораторій. Кстати замѣтимъ, что названіе „опера“ сокращеніе полнаго итальянскаго названія *opera per musica*, музыкальнос произведеніе.—Въ операхъ Пери было очень много речитатива; Каваліэре въ своей ораторіи употребилъ гораздо меньше эту сухую форму музыкальной рѣчи, далъ преобладаніе формѣ художественныхъ пѣсенъ, арій, слѣдуя примѣру римскаго пѣвца и преподавателя пѣнія Джуліо Каччини, принадлежавшаго къ литературному обществу Барди. Каччини писалъ ряды сценъ для пѣнія соло. Въ 1601 онъ напечаталъ свои соло подъ названіемъ „Новыя музыки“ *Nuove musiche*; они въ томъ же родѣ, какъ написанные Винченцо Галилеи, ряды сценъ для пѣнія соло, но эта форма разработана у Каччини лучше. Произведенія Пери, Каваліэре и Каччини дали тѣ элементы, развитіемъ которыхъ занялись композиторы драматической музыки слѣдующаго времени; но не были такими хорошими образцами ея, которымъ можно было бы подражать безъ улучшеній.

Музыкальные спектакли, данные во Флоренціи, стали даваться и въ другихъ европейскихъ столицахъ на придворныхъ театрахъ. Скоро композиторы другихъ народовъ стали подражать итальянскимъ, писавшимъ для сцены. Композиція стремилась тогда вездѣ принять драматическую форму и въ свѣтской и въ церковной музыкѣ; потому то всѣмъ націямъ и понравились новыя итальянскія формы музыки, осуществлявшія это стремленіе. Подражаніе состояло не только въ томъ, что композиторы другихъ націй усвоили себѣ формы арій и соло, но что еще гораздо важнѣе, они усвоили себѣ и самый характеръ музыки, какого требовали эти формы. Въ прежней полифонической, церковной и въ мадригальной музыкѣ всѣ голоса имѣли и мелодическое и гармоническое значеніе; основную мелодію велъ тотъ голосъ, который называется теноромъ (его названіе, значащее «поддерживатель», опора», произошло именно изъ того, что мелодія держалась собственно на немъ). Теперь, когда стали искать мелодій новаго характера, соотвѣтствующаго условіямъ пѣнія соло, сама собою возникла надобность въ аккомпанементѣ для нихъ, удовлетворяющемъ потребности пѣнія въ гармоніи. Такимъ образомъ, мелодія отдѣлилась отъ гармоніи, вознеслась надъ нею какъ голосъ высшаго діапазона, пѣніе котораго опредѣляется характеромъ текста и объемомъ человѣческаго органа пѣнія, а гармонія нашла опору себѣ въ голосѣ противоположнаго, низшаго діапазона, въ басѣ, и выработалась та форма настроенія музыкальныхъ произведеній, которая называется генераль-басомъ. Благодаря всему этому, тѣ стремленія, какія имѣла въ музыкѣ эпоха возрожденія, получили осуществленіе себѣ.

Отдѣленіе мелодіи отъ гармоніи послѣдовательно проведено въ „Духовныхъ концертахъ“ композитора церковной музыки Лодовико Виаданы (род. въ 1565, умершаго послѣ 1644). Этотъ сборникъ его произведеній напечатанъ въ 1602 году, около того же времени, когда появились первыя оперы. Концерты Виаданы имѣли очень важное вліяніе на выработку формы новой

музыки. Подобно композиторамъ оперъ, онъ старался удовлетворить потребности музыки въ выработкѣ формы для пѣнія соло, и лучше ихъ удовлетворилъ этому стремленію новой музыкой.

Въ знаменитомъ предисловіи къ своимъ „Духовнымъ концертамъ“, Виадана говоритъ: „Когда канторы (капельмейстеры церковныхъ хоровъ) хотѣли, чтобы пѣніе исполнялось тремя или двумя голосами или однимъ голосомъ подъ аккомпаньементъ органа, они и должны были выбирать эти тріо, дуэты или соло изъ мотетовъ, написанныхъ для многихъ голосовъ, изъ квартетовъ, квинтетовъ, секстетовъ или даже болѣе многосложныхъ полифоническихъ формъ пѣнія. А избираемые ими голоса были очень тѣсно связаны съ другими формою фугъ черезъ повтореніе одной мелодіи въ разныхъ діапазонахъ или посредствомъ контрапункта; потому избираемая партія, при отдѣленіи отъ другихъ голосовъ, оказывались неполными, имѣющими множество длинныхъ паузъ, лишенными каденцъ (финальныхъ нотъ, финаловъ) и всякой пріятности; гармонія совершенно изувѣчивалась, утрачивала привлекательность, текстъ разрывался на разрозненные клочки, лишился смысла; все это дѣлало столько же неудовольствія слушателямъ, сколько хлопотъ канторамъ дѣлать трудъ составленія такихъ тріо, дуэтовъ или соло“.

Потому Виадана написалъ піэсы для пѣнія состоящія изъ соло, дуэтовъ и тріо. Церковная музыка имѣла тогда форму, выработанную лучше, чѣмъ успѣли быть выработаны новыя формы свѣтской музыки; потому Виадана имѣлъ возможность придать своимъ композиціямъ художественную отдѣлку, болѣе законченную, чѣмъ какую имѣли первыя оперы и ораторіи. Аккомпаньементомъ церковнаго пѣнія былъ органъ; Виадана писалъ для этого аккомпаньементъ основной басъ, идущій непрерывно черезъ всю композицію, и потому называемый постояннымъ (непрерывнымъ) басомъ, *basso continuo*; онъ служилъ у Виаданы основой гармоніи и съ того времени сдѣлался необходимою для всѣхъ полифоническихъ произведеній, какъ основа всего хода музыки и пѣнія. Это было великимъ прогрессомъ. Прежде, органисты соединяли, для аккомпаньементъ пѣнію, разные голоса въ партитуру своей игры на органѣ, какъ умѣли, безъ хорошихъ правилъ для этого дѣла; теперь было принято, что основой всего аккомпаньементъ, образующаго гармонію, долженъ быть основной басъ; это правило дало композитору ясное руководство для стройной обработки полифоническаго аккомпаньементъ, прочную норму для хода гармоніи, облегчило ему обзоръ соотношеній между разными партіями ея; благодаря тому онъ свободнѣе прежняго могъ отдаваться полету своего творческаго воображенія, многосложная гармонія разныхъ голосовъ и инструментовъ пріобрѣла стройность, какой не могла получить прежде. Для обозначенія новой музыки, возникшей черезъ это усовершенствованіе, было принято названіе „концертъ“, то есть стройное соревнованіе разныхъ голосовъ и инструментовъ, и слѣдующій періодъ композиціи имѣетъ характеръ концертной музыки. Онъ былъ противоположенъ стилю Палестрины, который и былъ вытѣсненъ имъ изъ моды. Піэтро делла Валле около 1640 года писалъ: „Сочиненія Палестрины должны быть съ почетомъ—не употребляемы для пѣнія, а сохраняемы въ архивѣ“.

Важнѣйшій композиторъ эпохи возникновенія новаго, концертнаго стиля музыки—Клавдіо Монтеверде, родившійся въ 1568, въ Кремонѣ, и умершій въ 1643, въ Венеціи, гдѣ былъ капельмейстеромъ соборнаго храма Св. Марка. Собственно онъ долженъ считаться создателемъ концертной музыки. Сначала онъ писалъ квинтетные (имѣвшіе пять голосовъ) мадригалы; но скоро стали раздѣлять стремленія людей, желавшихъ возстановить греческую музыкальную драму, освободить музыку отъ прежнихъ стѣснительныхъ правилъ, расширить область содержанія музыкальных произведеній.

Въ пятой книгѣ своихъ мадригаловъ, написанной около 1597 года, онъ ввелъ въ композицію свободное употребленіе такихъ диссонансовъ, которые у прежнихъ великихъ композиторовъ были употребляемы только послѣ заботливаго подготовленія къ нимъ переходами посредствующихъ аккордовъ: онъ возбудилъ этимъ много порицаній; однимъ изъ осуждавшихъ его за неудачное нововведеніе былъ Артузи, напечатавшій въ 1598 книгу противъ него; онъ защищался; но дѣйствительно, измѣненія, сдѣланныя имъ въ формѣ мадригаловъ, были неумѣстны въ этомъ родѣ произведеній. Онъ нашелъ лучшее поле для нихъ, сдѣлавшись капельмейстеромъ въ Мантуѣ. Ринуччини въ 1607 году написалъ для спектакля на придворномъ праздникѣ либретто оперы „Орфей“, въ 1608 для спектакля при женитьбѣ Франческо Гонзаги на Маргаритѣ савойской либретто оперы „Аріадна“ и сценарій балета: *Un ballo delle ingrate* („Танецъ неблагодарныхъ“); Монтеверде написалъ музыку этихъ оперъ и балета. Она отличается отъ музыки прежнихъ оперъ оригинальностью, которой не доставало музыкѣ ихъ. „Аріадна“ имѣла очень большой успѣхъ: проникнутая отчаяніемъ арія покинутой Аріадны *Lasciatem morire* („Дайте мнѣ умереть“) произвела глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ; она—первое, дѣйствительно самостоятельное произведеніе новой драматической музыки въ формѣ соло; и нѣсколько десятковъ лѣтъ оставалась знаменитѣйшей аріей.

Теперь найдены были истинные принципы „новой практики музыки“, какъ называлъ свои нововведенія Монтеверде въ возраженіи на порицанія Артузи; но эти принципы были примѣнены пока еще только къ мелодіи; къ инструментальной музыкѣ они еще не были приложены; надобно было преобразовать и ее, потому что въ прежней своей формѣ она оказывалась неудовлетворяющей новымъ надобностямъ. Не то, чтобы прежній оркестръ былъ слабъ числомъ инструментовъ; напротивъ, оркестровка часто бывала очень богатой; недостатокъ состоялъ въ томъ, что партія каждаго инструмента была слишкомъ независимой отъ другихъ партій; инструменты только играли одновременно, производили сильную массу звуковъ, но между ихъ звуками не было существенной связи, такъ что не было оркестра въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, были только музыканты, играющіе одновременно. Потому не было инструментальнаго аккомпаньмента, постоянно соотвѣтствующаго своимъ характеромъ чувству, выражаемому пѣніемъ, которое сопровождается игрой инструментовъ. Монтеверде пополнилъ и этотъ недостатокъ. Въ 1624 году онъ написалъ драматическій концертъ „Бой Танкреда съ Клориндой“, *Combattimento di Tancredi e Clorinda*. Этотъ концертъ былъ данъ въ Венеціи (гдѣ Монтеверде былъ съ 1613 года капельмейстеромъ). Въ этомъ музыкальномъ воспроизведеніи сцены боя, заимствованной изъ поэмы Тассо, даже и при простомъ речитативѣ живо передаются оркестромъ чувства сражающихся между собою героя и красавицы. Въ предисловіи къ изданію своего концерта Монтеверде говоритъ, что музыканты были смущены тѣми требованіями, которымъ должны были удовлетворить своей игрой. Но успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; и открылся для музыки новый міръ. Можно сказать, что Монтеверде создатель оркестра, который сначала только аккомпанировалъ пѣнію, но впослѣдствіи получилъ самостоятельность, такъ что возникла инструментальная музыка, исполняемая безъ пѣнія.

Дѣятельностью Монтеверде завершается тотъ періодъ развитія музыки, который можно назвать ея эпохой возрожденія: были воссозданы формы музыки, существовавшія у грековъ. Завершая дѣло ея

возрожденія, Монтеверде является съ тѣмъ вмѣстѣ ужь и представителемъ перехода къ слѣдующему періоду, имѣющему своей характеристикой чертой то, что композиторы стали писать свои произведенія по собственному влеченію къ содержанію, избираемому ими для выраженія музыкой, а не просто по восхищенію греческими формами ея.

Сначала только образованнѣйшіе дворы понимали и любили новую музыку; мало по малу любовь къ ней распространилась въ публикѣ; это началось съ Венеціи, гдѣ много лѣтъ дѣйствовалъ величайшій изъ создателей ея. Еще при жизни Монтеверде, въ 1637 году, былъ построенъ въ Венеціи театръ для оперы, вскорѣ послѣ того второй, а въ 1640 третій, самый лучшій, спектакли котораго открылись оперою Монтеверде «Аріадна».

II. НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ПРИ РУДОЛЬФѢ II.

Литература. *Theatrum Europaeum, oder Beschreibung aller denkwürdigen Geschichten von 1617 — 1709* (18 томовъ, Frankfurt, 1639—1720): K h e v e n h ü l l e r, *Annales Ferdinande* (Вѣна, 1640 и слѣд. годы); B e l l u s, *Laurea Austriaca*, Франкфуртъ 1627; C h e m n i t z, *Königlich Schwedischen Kriegs Erster Theil* (Stettin, 1648; три слѣдующія части, Stockholm, 1653—1655); Пуфендорфъ, *Commentariorum de rebus Suecicis libri XXVI* (Ultrajecti, 1686); еро же, *De rebus gestis Frederici Wilhelmi Commentariorum libri XIX* (Lipsiae et Berolini 1733); L a n d o r p i i, *Der Römischen Kaiserlichen Majestät und des heiligen Römischen Reichs Acta publica* (2 изд., 17 томовъ, Франкфуртъ, 1668—1719), M e y e r, *Landorpius continuatus* (2 изд., Тюбингенъ, 4 тома, 1739 — 1741); L a n d o r p i i, *Bellum sexennale civile germanicum* (Francofurti, 1622); новый сборникъ писемъ и актовъ, относящихся къ тридцатилѣтней войнѣ: R i t t e r, *Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges* (2 тома, München, 1870, 1874). — R i c h t e r, *Geschichte des Dreissigjährigen Krieges* (5 томовъ, Leipzig, 1840 — 1858); D u J a r r y s v o n l a R o c h e, *Der Dreissigjährige Krieg vom militärischen Standpunkt* (3 тома, Schaffhausen, 1848—1852); B a r t h o l d, *Geschichte des grossen deutschen Kriegs vom Tod Gustav Adolfs* (2 части, Stuttgart, 1842, 1843); R i t t e r, *Geschichte der deutschen Union* (2 части, Schaffhausen, 1868, 1873); G i n d e l y, *Rudolf II* (2 тома, Prag, 1868); еро же, *Geschichte der Erteilung des böhmischen Majestätsbriefs* (Prag, 1858); еро же, *Geschichte des Dreissigjährigen Krieges* (4 тома, Prag, 1869 — 1880); C h l u m e c k y, *Karl von Zierotin* (Brünn, 1862); H a m m e r - P u r g s t a l l, *Khesls des Kardinal Leben* (4 тома, Wien, 1847 — 1851); K e r s c h b a u m e r, *Kardinal Klesel* (Wien, 1865); B r e n d e l, *Die Schlacht am Weissen Berg* (Halle, 1875); P e s c h e k, *Geschichte der gegen reformation in Böhmen* (2 тома, Dresden und Leipzig, 1844); O p e l, *Der niederlächsisch-dänische Krieg* (2 тома, Halle, 1872, 1878); H u r t e r, *Geschichte Kaiser Ferdinands II* (11 томовъ, Schaffhausen, 1850 — 1864), K o c h, *Geschichte des Deutschen Reichs unter Ferdinand III* (2 тома, Wien, 1865); R a n k e, *Geschichte Wallensteins* (въ *Sämmtliche Werke* томъ 23); F ö r s t e r, *Wallenstein* (Potsdam, 1834); еро же, *Wallensteins Prozess* (Leipzig, 1843); еро же, *Wallensteins ungedruckte vertrauliche Briefe* (3 тома, Berlin, 1828, 1829); D u d i k, *Waldstein* (Wien, 1858); H u r t e r, *Wallensteins vier letzte Lebensjahre* (Wien, 1861); H u n z i k e r, *Wallenstein als Landesfürst* (Zürich, 1874); G ä d e k e, *Wallensteins Verhandlungen mit den Schweden und Sachsen* (Frankfurt, 1885), H a l l w i g, *Wallensteins Ende* (Leipzig, 1879); еро же, *Gestalten aus Wallensteins Lager* (Leipzig, 1885); D r o y s e n, *Gustav Adolf* (2 тома, Leipzig, 1869, 1870); C r o n h o l m, *Gustav Adolf in Deutschland*; нѣмецкій переводъ, Leipzig,

1875); Helbig, Gustav Adolf (Leipzig, 1854); Heising, Die Politik Gustav Adolfs in Deutschland (Berlin, 1854); Aretin, Geschichte des Kurfürsten Maximilian I (Passau, 1842); Klop p, Tilly (2 тома, Stuttgart, 1861); Villermont, Ernest de Mansfeld (Bruxelles, 1866); Uetterodt zu Scharffenberg, Ernest Graf zu Mansfeld (Gotha, 1867); Droysen, Bernhard von Weimar (2 тома, Leipzig, 1885); Gärtner, Westfälische Friedens-Kantzley (9 томовъ, Leipzig, 1731—1738); Meiern, Acta pacis Westphalicae publica (Göttingen und Hannover, 1734 — 1736); его же: Acta pacis executionis publica (2 тома, Hannover und Göttingen 1736, 1737); Odhner, Die Politik Schwedens im Westphälischen Friedenskongress (Gotha, 1877); Hanser, Deutschland nach dem Dreissigjährigen Krieg (Leipzig und Heidelberg, 1862); Perthes, Das deutsche Staatsleben vor der Revolution (Hamburg und Gotha, 1845).

1. Религіозная вражда. Первые сеймы въ правленіе Рудольфа.

Фердинандъ I и Максимилианъ II старались поддерживать религіозный миръ въ Германіи. Преемникъ Максимилиана Рудольфъ. II, былъ неспособенъ держаться этой благоразумной политики своихъ предмѣстниковъ въ санѣ императора. Онъ не былъ фанатикъ, но былъ бездаренъ и апатиченъ; вялость его характера была такъ велика, что ни фанатизмъ матери, ни воспитаніе при дворѣ Филиппа II не могли вложить въ него усердія къ католичеству. Онъ скучалъ исполнять католическіе обряды, ходить на богослуженіе. Чувствуя самъ свое безсиліе, онъ мрачно устранился отъ государственныхъ дѣлъ, досадовалъ, когда возставали противъ него подданные, обижался тѣмъ, что имперскій сеймъ пренебрегаетъ его просьбами о помощи противъ турокъ, занимаясь спорами по религіознымъ дѣламъ; но апатично покорялся своей судьбѣ, заперся въ своемъ дворцѣ и паркѣ, проводилъ тамъ время въ пустыхъ забавахъ. Онъ жилъ обыкновенно въ пражскомъ градшинскомъ дворцѣ и собиралъ въ одномъ изъ большихъ заловъ его коллекцію всяческихъ рѣдкостей. Тутъ были книги, рукописи, картины, мозаики; металлическія вещи домашняго быта, оружіе, монеты, дорогіе камни, всяческіе антики. Рудольфъ не жалѣлъ никакихъ денегъ на покупку диковинокъ, восхищался, пересматривая ихъ. Онъ вѣрилъ въ алхимию, въ астрологию; изъ-за любви къ нимъ покровительствовалъ химіи, астрономіи, принадлежностью которыхъ считались эти любимыя его волшебныя науки. Благодаря тому, онъ далъ Тихо Браге средства продолжать астрономическія занятія. Послѣ того, какъ этотъ вельможа раззорился на свою обсерваторію близъ Копенгагена, Рудольфъ пригласилъ его въ Прагу, далъ ему денегъ на устройство новой обсерваторіи; Тихо Браге пригласилъ къ себѣ Кеплера; такимъ образомъ астрологическое суевѣріе Рудольфа обратилось въ пользу для астрономіи. Бездарный, вялый и досадующій на свое безсиліе, Рудольфъ не хотѣлъ заниматься правительственными дѣлами; но долженъ былъ давать какія нибудь

рѣшенія по нимъ и давалъ такія, какія были подсказываемы ему любимцами. Онъ ходилъ по своимъ садамъ, конюшнямъ, сидѣлъ въ залѣ своей коллекціи, любуясь ея диковинками, или въ алхимической лабораторіи, обращая простые металлы въ золото, разсматривалъ гороскопы, а фавориты его правили государствомъ. Въ припадкѣ досады на свое порабощеніе онъ отъ времени до времени прогонялъ прежнихъ, замѣнялъ новыми, худшими прежнихъ. Такъ онъ прогналъ своего оберъ-камергера Вольфганга фонъ Румфа, правившаго дѣлами больше 20 лѣтъ, и оберъ-гофмаршала графа Траутсона; вмѣсто нихъ сталъ слушаться людей еще болѣе низкой души, и подъ конецъ могущественнѣйшими людьми въ государствѣ стали его камердинеры Лапгъ, Маховски, Руцки, безсовѣстные, продажные, наглые; безъ ихъ ходатайства нельзя было получить ничего отъ императора. Нѣмецкіе государи были принуждены имѣть дѣло съ этими гнусными плутами. Отчужденіе Рудольфа отъ людей дошло до болѣзненности. Въ пожилыхъ лѣтахъ распутство совершенно растроило его физическія и умственныя силы, онъ боялся измѣнниковъ, убійцъ; лакеи, господствовавшіе надъ нимъ, развивали въ немъ этотъ страхъ, и онъ сталъ мизантропомъ. Трудно было теперь даже самимъ лакеямъ уговорить его, чтобъ онъ далъ аудіэнцію какому нибудь вельможѣ, посланнику или нѣмецкому государю. Но когда рѣшался дать аудіэнцію, онъ надѣвалъ пышный старинный испанскій костюмъ, выходилъ въ залъ аудіэнціи, становился у стола, опирался рукой на него или на шпагу, стоялъ съ важнымъ видомъ, воображая себя величественнымъ, хотя былъ маленькаго роста и держалъ голову понуренной, а глаза пряталъ подъ насупленными, щетинистыми бровями; впрочемъ онъ понималъ то, что ему говорили, и отвѣчалъ со смысломъ.

Рудольфъ, сдѣлавшись императоромъ, шесть лѣтъ не собиралъ имперскаго сейма, созвалъ наконецъ въ 1582 году лишь по необходимости просить у имперіи помощи противъ турокъ. Этотъ сеймъ важенъ тѣмъ, что на немъ было опредѣлено, сколько голосовъ на сеймѣ принадлежитъ каждой династіи. Прежде это число мѣнялось сообразно тому, сколько царствующихъ линій имѣла династія въ данное время. На сеймѣ 1582 года было рѣшено, что за каждой династіей останется столько голосовъ, сколько имѣла она членовъ, пріѣхавшихъ присутствовать на сеймѣ въ этотъ разъ. Послѣ того, вымирали-ль нѣкоторыя изъ царствующихъ линій династій, или число ихъ увеличивалось, все равно оставалось неизмѣннымъ число голосовъ, принадлежащихъ ей на имперскомъ сеймѣ.

Гораздо больше, чѣмъ просьбой императора о помощи, сеймъ 1582 года занимался религіозными спорами. Главными поводами къ нимъ были дѣла, возникавшія изъ такъ называемой церковной резерваціи, то-есть изъ защищаемаго католиками, отвергаемаго протестантами правила, что въ тѣхъ церковныхъ государствахъ, которыя были католическими во время аугсбургскаго религіознаго мира, государями должны быть только католики, а если будетъ выбранъ въ санъ владѣтельнаго аббата, епископа или архіепископа протестантъ, то выборъ этотъ не дѣйствителенъ, и на мѣсто протестанта

долженъ быть выбранъ католикъ, и что противозаконны тѣ захваты церковныхъ владѣній, которые сдѣланы протестантскими государями послѣ религіознаго мира. — Важнѣйшій поводъ къ спору объ этомъ вопросѣ на сеймѣ 1582 года состоялъ въ томъ, что фанатичные католики не хотѣли признать голоса за протестантскимъ администраторомъ архіепископства магдебургскаго, Іоахимомъ Фридрихомъ Бранденбургскимъ, родственникомъ курфюрста бранденбургскаго, давшаго ему эту должность правителя магдебургской области, сохранявшей названіе архіепископскаго владѣнія. Католики говорили, что протестантъ не можетъ быть государемъ магдебургскимъ вмѣсто католическаго архіепископа, не хотѣли признавать Іоахима Фридриха администраторомъ. Протестанты требовали признанія его законнымъ владѣтелемъ магдебургской области. Этотъ споръ произвелъ формальное раздѣленіе членовъ сейма на католическую и протестантскую партіи. По всякому дѣлу, хотя бы не относившемуся къ религіи, всѣ католики стали подавать голоса заодно, протестанты точно также. Споръ объ архіепископствѣ магдебургскомъ остался не рѣшеннымъ. Другой поводъ къ спору представляло ахенское дѣло. Во время аугсбургскаго мира Ахенъ былъ католическимъ городомъ, но вскорѣ послѣ того большинство его гражданъ приняло протестантство и отмѣнили прежнее правило, по которому въ члены городского совѣта и на другія должности были избираемы только католики. Управление перешло въ руки протестантовъ, католики просили защиты у императора. Онъ прислалъ комиссара для возстановленія прежняго порядка. Протестанты взялись за оружіе, побѣдили католиковъ. Фанатичные вожди католической партіи и комиссаръ императора уѣхали изъ Ахена. Это было въ маѣ 1581. Созывая въ слѣдующемъ году сеймъ, императоръ не отправилъ Ахену приглашенія прислать своего уполномоченнаго на сеймъ. Всѣ города возстали противъ этой попытки отнять у имперскаго города право голоса на сеймѣ. Этотъ споръ остался тоже не рѣшеннымъ.

Скоро поднялось дѣло, получившее еще больше важности, чѣмъ споръ объ архіепископствѣ магдебургскомъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ архіепископовъ кѣльнскихъ ужь имѣли желаніе стать протестантскими государями. Мы говорили, что Германъ фонъ Видъ былъ за это лишенъ власти. Теперь архіепископомъ кѣльнскимъ былъ Гебгардъ Трукзесъ фонъ Вальдбургъ. Въ 1582 онъ рѣшился жениться на любимой женщинѣ, графинѣ Агнесѣ фонъ Мансфельдъ; для этого надобно было ему принять протестантство. Но ни капитулъ кѣльнской каѳедры, ни большинство населенія кѣльнскаго государства не сочувствовало намѣренію курфюрста. Лютеранскіе государи не захотѣли помогать ему отчасти по трусости, отчасти потому, что онъ раздражилъ ихъ, пригласивъ не лютеранскаго, а реформатскаго священника повѣнчать его съ Агнесой. Папа отлучилъ отъ церкви и низложилъ его, Эрнстъ баварскій былъ выбранъ капитуломъ на его мѣсто, повелъ противъ него войско; другое войско двинулось на него изъ испанскихъ Нидерландовъ: король испанскій не хотѣлъ, чтобы государство сосѣднее съ ними было подъ властью протестанта. Августъ, курфюрстъ саксонскій, объявилъ поступокъ Гебгарда противозаконнымъ; другіе лютеранскіе государи ограничились вялыми заявленіями желанія, чтобъ императоръ и сеймъ защитили Гебгарда. Оставаясь

безъ помощи, онъ не могъ выдержать борьбы, былъ въ 1584 выгнанъ изъ кёльнскаго государства, уѣхалъ въ Голландію, оттуда въ Страсбургъ, жилъ тамъ, продолжая называть себя архіепископомъ кёльнскимъ и умеръ въ 1601 году.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по его изгнаніи сдѣлалась вакантною страсбургская кафедра. Большинство членовъ капитула было протестантское; оно выбрало епископомъ Іоанна Георга, принца бранденбургской династіи. Католическое меньшинство выбрало кардинала Карла лотарингскаго. Они стали воевать между собой. Сосѣдніе государи вмѣшались въ войну. Она длилась много лѣтъ; наконецъ въ 1604 году Іоаннъ Фридрихъ отказался отъ своихъ притязаній, взявъ съ кардинала Карла денежное вознагражденіе.

На сеймѣ, созванномъ въ 1594 году, продолжались горячіе споры католиковъ съ протестантами. Тоже самое было на сеймѣ, засѣдавшемъ зимою 1597 и 1598 годовъ. Кромѣ прежнихъ причинъ спора были тутъ и новыя жалобы протестантовъ на несправедливость имперскаго камеральнаго суда. По закону въ немъ должно было засѣдать равное число католическихъ и лютеранскихъ судей; при Рудольфѣ католическіе государи взяли преобладаніе въ назначеніи членовъ и католики образовали подавляющее большинство въ составѣ суда. Онъ сталъ рѣшать спорныя дѣла между вѣроисповѣданіями во вредъ протестантамъ. Они объявили, что не хотятъ признавать власть его, и прибавили, что на самомъ сеймѣ католическое большинство не имѣетъ права рѣшать религіозные споры противъ ихъ заявленій; что по этимъ дѣламъ должно быть признано за протестантскимъ меньшинствомъ равенство власти съ католическимъ большинствомъ такъ, чтобы религіозные вопросы были рѣшаемы только по соглашенію между католическимъ и протестантскимъ отдѣлами сейма.

Межъ тѣмъ какъ нѣмцы спорили между собой по религіознымъ дѣламъ, адмиралъ (то есть главнокомандующій) Мендоса въ сентябрѣ 1598 повелъ большое испанское войско черезъ католическія и нѣмецкія земли внизъ по Рейну на войну съ нидерландцами. На пути онъ опустошилъ протестанскія герцогства юлихское и клевское, взялъ крѣпость Бергъ и остановился зимовать въ той части Германіи. Его наемники, не получая жалованья, ходили тамъ, повсюду грабили, дѣлали всякія безчинства. Сильнѣйшіе лютеранскіе государи, курфирсты саксонскій и бранденбургскій, бездѣйственно смотрѣли на разореніе своихъ единовѣрцевъ. Сосѣдніе протестанскіе государи нѣмецкой имперіи собрали наконецъ войско прогнать иноземцевъ, опустошающихъ имперскія области. Не получая жалованья, наемники этого войска разошлись. Въ концѣ 1599 испанцы ушли въ нидерланды, но только по надобности помогать находившемуся тамъ своему войску въ войнѣ съ голландскимъ государствомъ, а не по принужденію со стороны императора, сейма или протестантскихъ государей Германіи.

2. Политика нѣмецкихъ протестантскихъ государей. Пфальцская династія. Максимилианъ Баварскій.

Императоръ и имперскій сеймъ оказывались неспособны поддержать религіозный миръ. Протестантскіе государи поняли, что должны надѣяться только на свои силы для защиты себя отъ нападеній католиковъ, находившихся въ крѣпкой связи между собою, должны тоже вступить въ союзъ для обороны общими силами. Кальвинисты, положеніе которыхъ было особенно опасно и которые притомъ имѣли больше политическаго смысла, чѣмъ лютеране, дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы всѣ нѣмецкіе протестанты заключили между собою союзъ. Это дѣйствительно было необходимо, потому что католики явно готовились подавить протестантство въ Германіи. Главнымъ дѣятелемъ въ переговорахъ кальвинистовъ съ лютеранами былъ сильнѣйшій изъ реформатскихъ государей Германіи, курфирстъ пфальцскій; но важнѣйшіе изъ лютеранскихъ государей предпочитали дружбу съ императоромъ союзу съ кальвинистами, воображали себя безопасными. Представительницей этой политики была саксонская курфиршеская династія, сильнѣйшая въ цѣлой Германіи. По смерти курфирста Августа нѣсколько времени казалось, что саксонское правительство согласится съ доводами курфирста пфальцскаго: преемникъ Августа Христіанъ I выказывалъ расположеніе къ мысли о протестантскомъ союзѣ; но въ октябрѣ 1591 онъ умеръ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ 1592, умеръ и энергичнѣйшій изъ членовъ пфальцской династіи, пфальцграфъ Іоаннъ Казиміръ; переговоры разстроились; сильнѣйшіе изъ лютеранскихъ государей отдались внушеніямъ своей ненависти къ кальвинистамъ.

Но у курфирста пфальцскаго оставался между мелкими лютеранскими государами очень дѣятельный помощникъ, Христіанъ, князь ангальтскій. Онъ хлопоталъ о союзѣ съ нидерландской республикой; велъ сношенія съ протестантскими членами областныхъ сеймовъ австрійскаго государства, съ венграми, съ вождемъ моравскимъ протестантовъ Жеротиномъ, съ вождемъ чешскихъ протестантовъ Розенбергомъ. Генрихъ IV, желавшій разрушить могущество габсбургской династіи, владѣвшей Австріей, Испаніей, половиною Нидерландовъ, большею частью Италіи, съ удовольствіемъ принималъ предложенія Христіана ангальтскаго и желавшаго опираться на Францію, Морица, ландграфа гессенскаго.

Христіанъ ангальтскій былъ человѣкъ очень дѣятельный. Прежде онъ много путешествовалъ, былъ въ Константинополѣ, ѣздилъ во Францію, Данію, Италію, изучилъ бытъ и языки нѣсколькихъ націй, пріобрѣлъ свѣтское изящество манеръ, котораго были чужды почти всѣ нѣмецкіе государи того времени, такъ что умѣлъ правиться людямъ. Въ 1591 онъ принялъ начальство надъ войскомъ, посы-

лаемымъ нѣмецкими государями на помощь Генриху IV и приобрѣлъ въ этомъ походѣ репутацію хорошаго полководца. Черезъ нѣсколько лѣтъ курфирстъ пфальцскій назначилъ его правителемъ той половины своего государства, которая занимала часть прежней баварской земли и называлась Баварскимъ (или Верхнимъ, то есть горнымъ) Пфальцомъ. Съ того времени онъ былъ вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ курфирста и душою всѣхъ переговоровъ между протестантскими государями. Но дѣло шло плохо, по трусости и недальновидности большинства лютеранъ.

Въ 1583, по смерти Людовика VI, вводившаго во Пфальцъ лютеранство, братъ его и опекунъ его малолѣтняго сына, Фридриха, Іоаннъ Казиміръ возстановилъ реформатское богослуженіе. Пфальцъ былъ единственнымъ большимъ реформатскимъ государствомъ въ Германіи; при враждѣ лютеранъ къ кальвинизму, не имѣя надежныхъ союзниковъ между сильными нѣмецкими государями, пфальцская династія принуждена была искать опоры себѣ въ союзахъ съ королемъ французскимъ, съ королевой англійской. Фридрихъ IV достигъ совершеннолѣтія и принялъ на себя управленіе государствомъ въ 1592 году, онъ былъ усердный кальвинистъ и человѣкъ дѣятельный, успѣлъ склонить нѣкоторыхъ второстепенныхъ государей юго-западной Германіи къ заключенію союза съ нимъ для обороны отъ католиковъ; но вскорѣ послѣ того умеръ (16 сентября 1610). Жена его Луиза Юліана, дочь Вильгельма оранскаго, была женщина умная, образованная, заботившаяся о воспитаніи дѣтей. Старшій сынъ Фридриха IV, Фридрихъ V, имѣлъ при смерти отца только 14 лѣтъ; регентомъ сталъ родственникъ его Іоаннъ II, пфальцграфъ цвейбрюкенскій. Въ августъ 1614 Фридрихъ V достигъ совершеннолѣтія, считавшагося съ 18 лѣтняго возраста, и сталъ самъ править государствомъ. Онъ любилъ роскошь, блескъ. При гейдельбергскомъ дворѣ, до того времени скромномъ, патриархальномъ, начались пышные праздники, истощавшіе казну; молодой курфирстъ увлекался ими до забвенія о государственныхъ дѣлахъ. Онъ былъ человѣкъ довольно даровитый, получилъ основательное образованіе, хорошо зналъ богословіе; приобрѣлъ изящныя манеры, живши въ Седанѣ у герцога бульионскаго и въ Голландіи у Морица оранскаго: но легкомысленное тщеславіе дѣлало его плохимъ правителемъ. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ, дочери Іакова I, короля англійскаго. Люди, управлявшіе юншей курфирстомъ, устроили его женитьбу на дочери англійскаго короля по политическому расчету, чтобы приобрести государству могущественнаго защитника. Расчетъ оказался ошибочнымъ, но молодые супруги полюбили другъ друга и впослѣдствіи, при несчастіяхъ, постигшихъ мужа, Елизавета выказывала неизмѣнную героическую преданность ему.

Глава одной линіи дома Виттельсбаховъ былъ вождемъ протестантовъ, готовившихся къ оборонѣ отъ католиковъ; глава другой линіи этого дома, владѣвшій Баварією, сталъ вождемъ католиковъ, готовившихся къ подавленію протестантства въ Германіи. Максимилианъ I, герцогъ баварскій, родившійся 17 апрѣля 1573, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей временъ Тридцатилѣтней войны. Съ дѣтства онъ воспитывался въ духѣ католическаго фанатизма, учился въ ингольштадскомъ университетѣ у іезуитовъ и проникся ихъ правилами, двадцати лѣтнимъ юношей поѣхалъ въ Римъ—бесѣдовать съ папой, остался на всю жизнь государемъ наиболѣе любимымъ римской куріей, предвидѣвшей, что онъ станетъ передовымъ бойцомъ католичества въ Германіи; онъ и по убѣжденію и по политическому разсчету взялъ на себя эту роль. Отецъ его Вельгельмъ V уже началъ дѣлать Баварію оплотомъ католичества въ Германіи, преобразовывать ее по правиламъ іезуитовъ; Максимилианъ довершилъ это. Съ ранней молодости онъ выказалъ себя человѣкомъ проницательнаго политическаго ума и сильнаго характера. Въ 1597 отецъ передалъ ему управленіе государствомъ; онъ преобразовалъ весь порядокъ администраціи, поправилъ бережливостью и новыми налогами разстроенные финансы; сформировалъ войско изъ своихъ подданныхъ, чтобы менѣе нуждаться въ наемникахъ, преобразовалъ все военное дѣло въ Баваріи; велѣлъ передѣлать по его понятіямъ баварскіе законы; сводъ ихъ въ этой передѣлкѣ, обнародованный въ 1616, называется «Мѣстное государственное право, полицейскій судебный и уголовный уставъ», *Landrecht, Polizei-, Gerichts-und Malefiz-Ordnung*. Этотъ сводъ законовъ регламентируетъ до самыхъ мелочныхъ подробностей всѣ дѣла промышленной дѣятельности и общественной жизни, даже одежду, праздники въ частныхъ домахъ, число и качество блюдъ на праздничныхъ обѣдахъ; за всякое нарушеніе каждаго изъ этихъ правилъ опредѣлено наказаніе, и вся частная жизнь людей отдана подъ полицейскій надзоръ. Впрочемъ Максимилианъ улучшалъ больницы, богадѣльни, школы; но должно и тутъ сказать, что все это имѣло цѣлью расширить опеку іезуитовъ надъ баварцами. Ту же цѣль имѣли распоряженія Максимилиана объ исправленіи нравственности приходскихъ священниковъ и о возстановленіи дисциплины въ монастыряхъ, не принадлежавшихъ къ іезуитскому ордену. Онъ самъ занимался всѣми административными дѣлами до самыхъ мелкихъ. Совѣтниками своими (то есть министрами) онъ назначалъ людей опытныхъ, умныхъ и ученыхъ. Подчинивъ своему произволу всю внутреннюю жизнь Баваріи, онъ пріобрѣлъ преобладающее вліяніе и на общій ходъ дѣлъ въ Германіи. Безсильный императоръ утратилъ авторитетъ. Мѣсто его въ управленіи католической частью Германіи занялъ Максимилианъ.

3. Основаніе уніи и лиги. Споръ за юлихское наследство.

Опасенія протестантовъ были усилены дѣломъ, показавшимъ, что католическая партія начинаетъ наступательныя дѣйствія противъ нихъ. Городъ Донаувёртъ принадлежалъ нѣкогда герцогамъ баварскимъ, но получилъ отъ императора Альбрехта I права имперскаго города, то-есть сдѣлался независимымъ отъ областного государя той части Германіи. Подобно почти всѣмъ другимъ имперскимъ городамъ онъ принялъ реформацію; но въ немъ остался католическій монастырь, находившійся подъ покровительствомъ епископа аугсбургскаго и сохранившій независимость отъ городскихъ властей. Когда католическая реакція стала подымать голову, аббатъ этого монастыря возобновилъ процессіи по улицамъ и за городъ, которыя были прекращены его миролюбивымъ предмѣстникомъ для предотвращенія столкновеній съ горожанами. Имперскій придворный судъ, находившійся въ Вѣнѣ и вполне зависимый отъ императора, но имѣвшій притязанія быть такимъ же полновластнымъ трибуналомъ по всѣмъ дѣламъ нѣмецкой имперіи, какъ имперскій камеральный судъ, послалъ городскому правительству приказаніе не мѣшать этимъ процессіямъ, угрожая наказаніемъ за ослушаніе какъ за бунтъ противъ нѣмецкой имперіи. Но при процессіи, устроенной аббатомъ въ апрѣлѣ 1606, дѣло дошло до драки горожанъ съ католиками, собравшимися изъ окрестностей для участія въ этой процессіи. Имперскій придворный судъ объявилъ городъ Донаувёртъ мятежнымъ и поручилъ усмиреніе его герцогу баварскому. Максимилианъ съ радостью воспользовался случаемъ возстановить прежнюю власть герцоговъ баварскихъ надъ Донаувёртомъ, собралъ войско и въ декабрѣ 1607 покорилъ Донаувёртъ. Исполнивъ распоряженіе имперскаго придворнаго суда, онъ не вывелъ своихъ войскъ изъ города, какъ обязанъ былъ сдѣлать по закону, поставилъ въ Донаувёртъ свой гарнизонъ.

Въ январѣ слѣдующаго (1608) года собрался въ Регенсбургъ имперскій сеймъ. Своимъ комиссаромъ (представителемъ) на немъ Рудольфъ назначилъ эрцгерцога Фердинанда, наследовавшаго Штирію и искоренившаго въ ней протестантство. Это назначеніе уже показывало, что императоръ подчинялся католическимъ фанатикамъ и что готовятся мѣры враждебныя протестантству, что занятіе Донаувёрта баварскимъ войскомъ составляетъ начало ихъ. Понятно, что вопросы внутренней политики занимали сеймъ гораздо больше, чѣмъ просьба (или какъ это называлось предложеніе) императора о томъ, чтобъ имперія поставила войско на турецкой границѣ. Сеймъ совѣщался по коллегіямъ, одну изъ которыхъ составляли курфирсты, другую остальные государи, третью имперскіе города. Совѣщанія объ императорскомъ предложеніи, которымъ открытъ былъ сеймъ, начались въ

коллегіи курфирстовъ; протестантскіе члены ея объявили: «Не возможно дать помощь императору, пока религіозный миръ не будетъ возобновленъ и утвержденъ новыми гарантіями, потому что обязательность его, какъ всѣ слышать и читають, отрицается іезуитами; и евангелическая часть сейма должна знать, чего ожидать ей». Еще болѣе горячи были совѣщанія въ коллегіи государей, когда и въ ней протестанты потребовали утвержденія религіознаго мира. Католическіе фанатики, главою которыхъ былъ герцогъ баварскій, яснѣе и яснѣе говорили, что должны быть возвращены церкви тѣ ея владѣнія, которыя захвачены протестантами послѣ аугсбургскаго мира. Протестанты не хотѣли возвращать ихъ. Горячность спора дошла до того, что протестантскіе члены сейма стали опасаться за свою свободу и жизнь; они думали, что фанатикъ Фердинандъ можетъ тайно призвать войско въ Регенсбургъ и коварно арестовать или даже и убить ихъ. Они внесли въ общее засѣданіе сейма записку, излагавшую ихъ жалобы и требованія, и 27 апрѣля уѣхали изъ Регенсбурга. Это былъ явный разрывъ.

Обѣ партіи стали готовиться къ борьбѣ.хлопоты Христіана ангальтскаго и его друзей о соединеніи протестантовъ въ оборонительный союзъ получили теперь успѣхъ, потому что опасность была очевидна. Христіанъ, человѣкъ, умѣвшій хорошо соображать выгоды, какія можно извлечь изъ обстоятельствъ, думалъ, что протестанты должны воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Рудольфа и объявить себя защитниками императора противъ его брата, Матѳея, отнимавшаго у него всѣ наслѣдственныя владѣнія. По убѣжденію Христіана, весной 1608 съѣхались въ монастырь Аугаузенъ (близъ Ансбаха) курфирстъ пфальцскій, маркграфъ Георгъ Фридрихъ баденскій, герцогъ Іоаннъ Фридрихъ вюртембергскій и нѣкоторые другіе протестантскіе государи, заключили между собою 14 мая союзъ на десять лѣтъ, и выбрали курфирста пфальцкаго директоромъ и главнокомандующимъ союза. Въ томъ же году присоединились къ этому союзу Страсбургъ, Ульмъ, Нюрнбергъ, потомъ еще нѣкоторые имперскіе города, а въ январѣ 1610 ландграфъ Морицъ гессенъ-кассельскій и курфирстъ бренденбургскій Іоаннъ Сигизмундъ. Цѣлью союза была поставлена оборона отъ нападеній. Онъ назывался протестантской уніей или просто уніей.

Одновременно съ основаніемъ протестантской уніи Максимилианъ баварскій велъ съ сосѣдними духовными государями переговоры объ основаніи католическаго союза. На мюнхенскомъ съѣздѣ 10 іюля 1609 былъ заключенъ союзъ между Максимилианомъ, владѣтельными епископами аугсбургскимъ, вюрцбургскимъ, констанцскимъ, нассаускимъ, регенсбургскимъ и аббатами кемптенскимъ и эльвангенскимъ, которые также были владѣтелями государствъ не совершенно ничтожныхъ. Этотъ союзъ принялъ названіе католической лиги или просто лиги. Черезъ полтора мѣсяца (30 августа) присоединились

къ нему три духовные курфирста (майнцискій, кёльнскій и трирскій). Первоначально Максимилианъ былъ выбранъ полнымъ распорядителемъ лиги, потому что другіе государи, подписавшіе договоръ 10 іюля, были очень слабы сравнительно съ нимъ. Но духовные курфирсты были довольно сильны и очень горды, потому онъ долженъ былъ раздѣлить съ ними управленіе лигой, и курфирстъ майнцискій былъ назначенъ товарищемъ его по управленію. Однако же всѣ три духовные курфирста вмѣстѣ были слабѣе герцога баварскаго, и фактически онъ остался единственнымъ распорядителемъ силъ лиги. Допустить австрійскихъ Габсбурговъ къ участию въ ней онъ не желалъ, потому что ихъ могущество отняло-бъ у него исключительную власть надъ союзомъ. Но ему необходимо было обезпечить себѣ помощь короля испанскаго, а для этого надобно было выказывать себя другомъ нѣмецкихъ Габсбурговъ; потому онъ согласился на требованіе короля, чтобы принять былъ въ лигу Фердинандъ штипрійскій; 14 августа 1610 былъ подписанъ договоръ, по которому король испанскій обязался на три года давать лигѣ субсидію въ 30.000 дукатовъ ежемѣсячно и принять на себя протекторство надъ ней. Но фактически правителемъ дѣлъ лиги остался все-таки Максимилианъ.

Незадолго передъ тѣмъ какъ основана была лига, возникъ новый поводъ къ борьбѣ нѣмецкихъ католиковъ съ протестантами. Іоаннъ Вильгельмъ, владѣтель государства, состоявшаго изъ герцогствъ юлихскаго, клевскаго и бергскаго и графствъ маркскаго и равенсбергскаго, умеръ 25 марта 1609. Онъ былъ бездѣтенъ; съ нимъ прекратилась его династія. То, что она прекратится съ его смертью, было извѣстно ужь съ давняго времени и уже давно шли споры, давно заключались мировыя сдѣлки между династіями, имѣвшими притязанія наслѣдовать ему. Эти притязанія имѣли разныя основанія. Отецъ Іоанна Вильгельма, герцогъ Вильгельмъ получилъ въ 1546 году согласіе императора Карла V на то, чтобы въ случаѣ прекращенія юлихской династіи по мужской линіи право наслѣдованія перешло къ дочерямъ герцога Вильгельма, и чтобы государство оставалось не раздѣльнымъ и въ этомъ случаѣ. Потому герцогъ Вильгельмъ, выдавая въ 1572 старшую свою дочь Марію Элеонору, назначилъ ее своей наслѣдницей. Младшія дочери его, Анна и Магдалена и ихъ мужья, пфальцграфы Филиппъ Людвигъ нейбургскій и Іоаннъ цвейбрюкенскій, дали свое согласіе на это. У старшей сестры, Маріи Элеоноры, были только дочери, не было сыновей; возникъ споръ о томъ, переходитъ ли къ дочерямъ ея право наслѣдованія, данное ей. Въ брачномъ договорѣ, предоставившемъ ей право наслѣдованія, не говорилось объ этомъ ничего. Мужья младшихъ ея сестеръ стали говорить, что по общему нѣмецкому закону дочери не имѣютъ права престолонаслѣдія, что привилегія, данная Маріи Элеонорѣ и составляющая отступленіе отъ общаго закона, принадлежала только лично

ей и не переходитъ къ ея дочерямъ. Кромѣ того саксонская династія заявляла притязанія наслѣдовать герцогу юлихскому на основаніи прежнихъ договоровъ, предоставлявшихъ ей это право.

Императоръ хотѣлъ взять юлихское наслѣдство въ свое управленіе до рѣшенія споровъ о немъ. Узнавъ это, курфирстъ бранденбургскій и маркграфъ нейбургскій вступили 10 іюня 1609 въ соглашеніе съобща управлять спорнымъ наслѣдствомъ; ихъ уполномоченные стали управлять имъ. Младшій братъ Фердинанда эрцгерцога Леопольдъ, имѣвшій епископскій санъ, но желавшій пріобрѣсти себѣ свѣтское государство, убѣдилъ Рудольфа наложить на юлихское наслѣдство секвестръ до рѣшенія споровъ между претендентами и поручить управленіе ему. Переодѣтый пріѣхалъ онъ въ Юлихъ; коммендантъ этой крѣпости призналъ его власть. Онъ послалъ просить помощи у духовныхъ курфирстовъ и у короля испанскаго. Они обѣщались прислать ему свои войска. Ясно было, что онъ хочетъ стать государемъ юлихскаго наслѣдства. Унія и король французскій не могли допустить такого увеличенія силы Габсбурговъ и 11 февраля 1610 заключили между собою союзъ. Къ уніи присоединились курфирстъ Іоаннъ Сигизмундъ Бранденбургскій и, какъ мы говорили, ландграфъ Морицъ гессенскій, Страсбургъ, Ульмъ, Нюрнбергъ, нѣкоторые другіе имперскіе города, потому что понимали, какой опасностью угрожаетъ протестантству захватъ юлихскаго наслѣдства габсбургской династіей, а курфирстъ бранденбургскій кромѣ того хотѣлъ защищать свои права на это наслѣдство. Генрихъ IV надѣялся разрушить могущество обѣихъ линій габсбургской династіи, онъ имѣлъ союзниками герцога савойскаго, голландцевъ; даже Іаковъ I хотѣлъ послать войско на помощь ему. Началась война. Маркграфъ ансбахскій, курфирстъ пфальцскій, маркграфъ баденскій напали на сосѣднихъ духовныхъ государей, французскія войска пошли въ герцогство юлихское. Генрихъ IV хотѣлъ съ большой арміей идти самъ въ Германію; но передъ отъѣздомъ изъ Парижа къ войску былъ убитъ. Вдовствующая королева Марія Медичи, сдѣлавшись правительницей Франціи при малолѣтствѣ сына, должна была бороться съ внутренними врагами; притомъ по своему усердію къ католичеству, не хотѣла помогать протестантской уніи. Іаковъ былъ трусъ и человѣкъ вѣроломный. На обѣщанную имъ помощь унія не могла рассчитывать. При томъ глава ея, курфирстъ пфальцскій Фридрихъ IV, умеръ (6 сентября 1610). Лига и унія заключили перемиріе, военныя дѣйствія прекратились. Курфирстъ бранденбургскій и пфальцграфъ нейбургскій остались въ общемъ владѣніи юлихскимъ наслѣдствомъ. Императоръ объявилъ, что отдаетъ его курфирсту саксонскому; они пренебрегли этимъ произвольнымъ распоряженіемъ безсильнаго Рудольфа.

4. Исторія австрійской линіи Габсбурговъ.

Фердинандъ I оставилъ завѣщаніе, по которому раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями: Максимилиану II онъ отдалъ Венгрію, Богемію и эрцгерцогство австрійское, Фердинанду—Тиролю и габсбургскія владѣнія въ юго-западной Германіи, младшему сыну Карлу—Штирію, Каринтію, Крайну и Гёрцъ *). Всѣ владѣнія Максимилиана наслѣдовалъ старшій сынъ его императоръ Рудольфъ II, потому что эта основная часть владѣній австрійскихъ Габсбурговъ должна была оставаться нераздѣльной; братья его получили вмѣсто удѣловъ другія вознагражденія: Эрнстъ былъ назначенъ правителемъ эрцгерцогства австрійскаго; по смерти Эрнста эту должность получилъ слѣдующій братъ Матей; четвертый братъ Максимилианъ былъ, по прекращеніи тирольской линіи, сдѣланъ правителемъ Тироля и габсбургскихъ владѣній юго-западной Германіи въ качествѣ уполномоченнаго всей династіи; младшій братъ Альбрехтъ былъ назначенъ правителемъ испанскихъ Нидерландовъ.

Мы говорили, что протестантство сильно распространилось въ австрійскихъ владѣніяхъ. При вступленіи Рудольфа II на престолъ почти все дворянство и почти всѣ города обѣихъ половинъ эрцгерцогства австрійскаго, называвшихся Нижней и Верхней Австріей, исповѣдывали протестантскую вѣру; огромное большинство вельможъ и горожанъ въ Богеміи и Моравіи также принадлежало къ ней (принятіе ея тамъ было подготовлено гуситствомъ). То-же самое было въ Силезіи и другихъ австрійскихъ земляхъ. Въ Венгріи также было очень распространено протестантство,—у нѣмецкихъ жителей королевства въ лютеранской формѣ, у венгровъ въ реформатской. — Максимилианъ въ 1571 далъ дворянству и рыцарству верхняго и нижняго эрцгерцогствъ австрійскихъ положительное удостовѣреніе въ ненарушимости свободы богослуженія по аугсбургскому исповѣданію; точно также призналъ онъ формальнымъ актомъ свободу богослуженія чешскихъ вельможъ и городовъ, слѣдовавшихъ утравистскому (гуситскому) вѣроисповѣданію или вѣроученію моравскихъ братьевъ. Братъ Максимилиана, эрцгерцогъ Карлъ, также призналъ формальнымъ актомъ свободу протестантскаго богослуженія въ своихъ владѣніяхъ (Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Гёрцѣ). Но съ восшествія Рудольфа II на престолъ, протестантство въ австрійскихъ владѣніяхъ подверглось гоненію; вмѣстѣ съ религіозной свободой была стѣсняема и гражданская: началась борьба абсолютизма съ областными сеймами и самоуправленіемъ городовъ.

*) Генеалогія австрійской линіи Габсбурговъ.

Ф е р д и н а н д ъ I.

Максимилианъ II † 1576.

Фердинандъ
Тирольскій.

Карлъ штирійскій
былъ женатъ на Иза-
беллѣ баварской.

Рудольфъ II † 1612.	Эрнстъ † 1594	Матей † 1619	Максими- лианъ † 1618	Аль- брехтъ † 1621	Анна, же- на Филип- па II.	Изабелла, жена Карла IX.	Анна, жена Матеія.	Ферди- нандъ II † 1637	Леопольдъ † 1632.	Карлъ † 1624
------------------------	------------------	-----------------	-----------------------------	--------------------------	----------------------------------	--------------------------------	--------------------------	------------------------------	----------------------	-----------------

Повсюду на правительственныя должности были назначаемы католики іезуитскаго направленія. Въ Богеміи дѣлами правилъ Адалбертъ Попель фонъ Лобковицъ, занимавшій должность канцлера; онъ и его родственники, которымъ были поручены другія высокія должности, усердно вели католическую реакцію; въ 1603 году было издано королевское повелѣніе, что членами городскихъ правительственныхъ совѣтовъ могутъ быть только католики и уtrakвисты, что разрѣшается исполнять богослуженіе, кромѣ католическихъ священниковъ, только уtrakвистскимъ; былъ даже вновь обнародованъ забытый законъ Владислава, повелѣвавшій казнить священниковъ чешскихъ братьевъ и было объявлено, что уtrakвисты обязаны соблюдать пражскіе компактаты, по которымъ они должны были не уклоняться отъ католичества ни въ чемъ, кромѣ причащенія мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами.

Еще болѣе нагло дѣйствовала реакція въ Моравіи. Душею партіи, подавлявшей протестантство, былъ тамъ епископъ ольмюцкій, кардиналъ Францъ Дитрихштейнъ, человекъ сильнаго ума и неумолимый фанатикъ; онъ руководилъ оберъ-камергеромъ Владиславомъ фонъ Беркою и другими моравскими сановниками. Было объявлено, что только католики могутъ приниматься въ число гражданъ, только они могутъ быть избираемы въ члены городского совѣта, что протестантскіе священники изгоняются изъ городовъ. Начавъ съ подавленія протестантства въ городахъ, реакція ободрилась успѣхомъ, стала притѣснять дворянъ и вельможъ протестантскаго вѣроисповѣданія; они были исключены изъ членовъ высшей моравской судебной и административной коллегіи, называвшейся ландрехтомъ (судомъ моравской земли). Защитникъ гражданской свободы и протестантства Карлъ фонъ Жеротинъ, вельможа очень богатый, высоко-образованный, безукоризненно чистый въ нравственномъ отношеніи, принадлежавшій къ вѣроисповѣданію чешскихъ братьевъ, напрасно боролся противъ кардинала Дитрихштейна. Католическіе фанатики властвовали въ администраціи.

Въ нѣмецкихъ земляхъ австрійской династіи то-же шла суровая реакція. Въ 1578 году были обнародованы въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ два эдикта, повелѣвавшіе, что должно быть восстановлено католичество въ тѣхъ городахъ эрцгерцогства, которые безъ разрѣшенія правительства приняли протестантское богослуженіе, дозволенное только въ резиденціяхъ господъ (вельможъ) и рыцарей (дворянъ), что протестантскіе священники изгоняются изъ этихъ городовъ и въ число гражданъ ихъ будутъ принимаемы только католики. Администрація и монахи безпощадно искореняли протестантство. Душою католической реакціи былъ Мельхиоръ Клезель, уроженецъ Вѣны, сынъ горожанина, державшагося съ своимъ семействомъ лютеранства. Іезуиты обратили его въ католичество. Онъ обладалъ блистательной богословскою ученостью и краснорѣчіемъ; былъ фанатикъ, но въ послѣдствіи отбросилъ свой фанатизмъ, убѣдившись, что того требуетъ благо государства. Теперь онъ былъ оффиціаломъ (прокуроромъ) епископа пассаускаго, къ епархіи котораго принадлежала большая часть эрцгерцогства. Правительство опредѣлило на всѣ священническія мѣста людей суроваго фанатизма, возвратило католикамъ церкви, находившіяся во владѣніи протестантовъ, безпощадно примѣняло къ лютеранамъ законы противъ еретиковъ. Клезель въ 1602 былъ назначенъ епископомъ вѣнскимъ; высокій санъ увеличилъ его авторитетъ; политическое и религіозное преслѣдованіе протестантовъ усилилось. Протестанты, бывшіе членами областныхъ сеймовъ нижней и верхней половинъ эрцгерцогства, заключили въ 1603 году союзъ между собой для защиты своей религіозной и политической свободы. Главою этой оппозиціи былъ баронъ Эразмъ фонъ Чернеблъ, кальвинистъ,

человѣкъ очень образованный и умный, не отступавшій передъ мыслью о вооруженномъ сопротивленіи. Въ 1605 г., по внушенію Клезеля, вступили между собою въ союзъ и католики. Смѣлѣе и смѣлѣе шли они къ своей цѣли, къ отнятію всѣхъ правъ, данныхъ протестантамъ Максимиліаномъ.

Еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ въ своемъ удѣлѣ (Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ и Герцѣ) Фердинандъ, сынъ эрцгерцога Карла и баварской принцессы Маріи, сдѣлавшійся правителемъ государства въ 1596, на 18 году (онъ родился 9 іюля 1578). Воспитанный въ духѣ безпощаднаго фанатизма и усвоившій себѣ правила іезуитовъ, у которыхъ учился вмѣстѣ съ Максимиліаномъ баварскимъ въ ингольштадскомъ университетѣ, онъ былъ проникнутъ неумолимою ненавистью къ протестантству. Принявъ правленіе, онъ объявилъ, что грамота его отца, давшая свободу вѣроисповѣданія дворянамъ, имѣла силу только при жизни отца, какъ личная уступка, и теперь отмѣняется. Онъ изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ протестантскихъ священниковъ. Къ восхищенію римской куріи онъ въ нѣсколько лѣтъ обратилъ своими насиліями въ католичество большинство протестантскихъ своихъ подданныхъ.

Въ Венгріи между тѣмъ происходили событія, оказавшія сильное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Германіи и совершенно ослабившія и безъ того уже слабую власть императора. Владычество австрійцевъ надъ Венгріею было очень притѣснительно. Рудольфъ ни разу не пріѣхалъ въ Венгрію,—оставлялъ незамѣщенной вакантную должность палатина, считавшуюся оплотомъ самостоятельности венгерскаго управленія; вмѣсто палатина управлялъ Венгріею совѣтъ намѣстничества, членовъ котораго назначалъ императоръ въ качествѣ короля венгерскаго; нѣкоторые изъ нихъ были епископы, почти всѣ остальные—католики тоже фанатичные. Всѣ важныя гражданскія и военныя должности были замѣщены нѣмцами; австрійское правительство хотѣло, какъ видѣли венгры, уничтожить ихъ свободу и національность. При томъ народъ былъ обремененъ и раздраженъ содержаніемъ императорскаго войска, буйствомъ солдатъ, налогами и натуральными повинностями: грабимые и мучимые солдатами поселяне уходили въ горы, лѣса, болота, становились „гайдуками“, на половину защитниками родины, на половину разбойниками и тоже служили обремененіемъ для страны, собирая контрибуціи на свое содержаніе. Бѣдствія увеличились, когда возобновились войны съ турками (съ 1594 года) и усилились междоусобія. Однимъ изъ поводовъ къ тому были трансильванскія дѣла. Въ 1575 воевода (князь) трансильванскій Стефанъ (Иштванъ) Батори былъ избранъ королемъ польскимъ; воеводою сталъ братъ его Христофоръ, а по смерти Христофора сынъ его Сигизмундъ, человѣкъ непостояннаго характера, то отказывавшійся отъ короны, то бравшій ее себѣ. Онъ отказался отъ нея въ 1598 году въ пользу Рудольфа. Трансильванскій сеймъ присягнулъ на вѣрность Рудольфу; но императоръ бездѣйствовалъ. Михайлъ III Храбрый, бывшій съ 1593 воеводою (княземъ) валахскимъ, пошелъ въ 1599 въ Трансильванію, говоря, что хочетъ покорить Рудольфу непризнававшихъ власть его, занялъ своимъ войскомъ Трансильванію, но удержалъ ее за собой. Саксонцы и секлеры возстали противъ него, императорскій генералъ Баста привелъ изъ Венгріи войско, разбилъ Михайла 18 сентября 1600 при Мирисло. Михайлъ утратилъ и Молдавію, которую покорилъ передъ тѣмъ. Но возвратился Сигизмундъ Батори; Трансильванія вновь признала его своимъ государемъ. Михайлъ отправился къ императору въ Прагу, увѣрилъ Рудольфа въ своей преданности. Рудольфъ назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Трансильваніи. Соединившись съ Бастой, онъ 3 августа 1601 разбилъ Сигизмунда при Горосло. Баста и австрійское правительство скоро стали считать Михайла измѣнникомъ, имѣющимъ намѣ-

реніе отдать себя и Трансильванію подъ покровительство султана; Баста коварно убилъ его. Война съ Сигизмундомъ еще цѣлый годъ опустошала Трансильванію. Наконецъ Баста выгналъ Сигизмунда. Трансильванія покорилась Рудольфу, но подверглась новымъ бѣдствіямъ: австрійцы стали преслѣдовать протестантовъ. То-же самое сдѣлали они и въ Венгріи: тамъ протестанты были объявлены лишенными всѣхъ правъ, данныхъ имъ прежде. Это распоряженіе было произведено съ небывалымъ въ Венгріи нарушеніемъ законовъ. Въ февралѣ 1604 Рудольфъ самовластно сдѣлалъ къ рѣшеніямъ венгерскаго сейма прибавку, возстановлявшую всѣ законы прежнихъ временъ противъ еретиковъ. Послѣдствія были гибельны и для Австріи, какъ для Венгріи. Иштванъ Бочкай, могущественный Трансильванскій вельможа, имѣвшій большія владѣнія и въ Венгріи, воспользовался народнымъ негодованіемъ, вошелъ въ сношенія съ турками, надѣясь при ихъ помощи овладѣть Трансильваніей; но австрійцы напали на него раньше, чѣмъ пришли турки; видя неудачу въ Трансильваніи, онъ перешелъ въ Венгрію, объявилъ себя защитникомъ религіозной и политической свободы. Города и большинство дворянства приняли его сторону. Баста пошелъ на него съ 20.000-нымъ войскомъ. Онъ призвалъ турокъ на помощь; Баста принужденъ былъ уйти изъ Венгріи; она была теперь потеряна для Габсбурговъ. Гайдуки Бочкай пошли по Моравіи, по Австріи, опустошая все и не встрѣчая сопротивленія. Рудольфъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на бѣдствія, произведенныя его слѣпымъ повиновеніемъ католическимъ фанатикамъ.

При этомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ родственники Рудольфа пришли къ мысли, что для блага династіи необходимо отнять у него власть. Родные братья его Матѳей и Максимилианъ, и двоюродные братья Фердинандъ и Максимилианъ Эрнстъ съѣхались въ апрѣлѣ 1605 посовѣтоваться о средствахъ избавить австрійскія владѣнія и габсбургскую династію отъ бѣдствій. Они были согласны въ томъ, что габсбургскій домъ потеряетъ Венгрію и императорскую корону, если не будетъ кто нибудь изъ нихъ назначенъ по общему согласію для управленія дѣлами вмѣсто Рудольфа. Намѣстникомъ Рудольфа естественно было стать старшему изъ братьевъ его, Матѳею. Онъ еще могъ сохранить за Габсбургами часть Венгріи, сдѣлавъ уступки національнымъ требованіямъ. Трансильванія и горная Венгрія признали своимъ государемъ Бочкай, но въ другихъ комитатахъ принадлежавшей Габсбургамъ части венгерскаго королевства преобладала партія тѣхъ вельможъ, которые желали возвратиться подъ власть Габсбурговъ, если будутъ обезпечены права венгерской національности, политическая свобода ея и вѣротерпимость. Вождемъ этой партіи былъ Иштванъ Иллешгази. Послѣ напраснаго сопротивленія Рудольфъ съ досадой далъ Матѳею полномочіе заключить договоры съ венграми и турками. Венгерскій сеймъ требовалъ, чтобы Матѳею данъ былъ санъ короля; упрямый и подозрительный Рудольфъ не согласился на это. Послѣ долгихъ переговоровъ заключенъ былъ 23 іюня 1606 въ Вѣнѣ съ Бочкаемъ и венгерскими вельможами миръ, по которому Матѳей призналъ за дворянами и городами свободу вѣроисповѣданія, обѣщался назначить палатина, уступилъ требованіямъ венгерскаго сейма относительно порядка назначенія на должности и отмѣны повелѣній о конфискаціяхъ, призналъ Бочкай владѣтелемъ Трансильваніи и семи сосѣднихъ горныхъ комитатовъ Венгріи, такъ что за нимъ осталось гораздо больше венгерской земли, чѣмъ за габсбургскимъ домомъ. Осенью того же года (11 ноября 1606) заключенъ былъ въ Житва-Торокѣ миръ на 20 лѣтъ съ султаномъ, которому было дано большое денежное вознагражденіе и формально уступлены Гранъ и другія завоеванныя турками крѣпости.

Рудольфъ злился на Матѳіа, отнимавшаго у него одну часть управленія за другой, и по ненависти къ родному брату вздумалъ назначить своимъ наслѣдникомъ одного изъ двоюродныхъ, эрцгерцога штирійской линіи Леопольда, который съ дѣтства получилъ санъ епископа пассаускаго, но оставался военнымъ человѣкомъ. Другіе эрцгерцоги видѣли въ этомъ опасность для всей династіи. Дѣйствительно тогда произошло бы междоусобіе. Они 25 апрѣля 1606 объявили, что, признавая Матѳіа старшимъ въ родѣ, будутъ помогать ему во всѣхъ дѣйствіяхъ, какія найдетъ онъ надобными въ интересахъ всей австрійской династіи, и будутъ хлопотать о выборѣ его императоромъ. Рудольфъ по своему тупоумію повелѣ дѣло такъ, что пришлось вовсе отнять у него власть. Онъ отказался ратифицировать договоры съ венграми и съ турками, между тѣмъ какъ венгры роптали на недостаточность сдѣланныхъ имъ уступокъ, особенно по вопросу о вѣротерпимости. Бочкай въ это время умеръ. По договору съ нимъ Трансильванія должна была, послѣ его смерти, возвратиться подъ власть Рудольфа, какъ короля венгерскаго. Но трансильванскій сеймъ выбралъ государемъ Сигизмунда Ракоци. Не смотря на истощеніе своихъ денежныхъ средствъ, Рудольфъ хотѣлъ возобновить войну съ турками и съ венграми; но пока онъ собиралъ войско, турки и гайдуки пошли въ горную Венгрію, а въ остальныхъ областяхъ габсбургской части венгерской земли взялись за оружіе для обороны отъ Рудольфа. Вожди венгерскихъ католиковъ и вожди протестантовъ Иллешгази, Гоммонай, Турзо одинаково признавали необходимость низложить Рудольфа; вожди богемской и моравской оппозиціи Жеротинъ и Чернебль были согласны съ ними въ этомъ. Венгерскій и австрійскій сеймы собрались въ Пресбургѣ, для принятія общихъ рѣшеній,—заключили (1 февраля 1608) съ Матѳіемъ договоръ о поддержаніи мира съ турками и рѣшили сформировать войско для защиты мира отъ попытокъ Рудольфа нарушить его. Моравскій сеймъ по совѣту Жеротина и Карла Лихтенштейна присоединился къ этому союзу. Лихтенштейнъ, богатѣйшій вельможа Моравіи, принадлежалъ прежде къ вѣроисповѣданію чешскихъ братьевъ, потомъ принялъ католичество, получилъ отъ Рудольфа должность правителя (Landeshauptmann) Моравіи; но теперь онъ былъ въ ссорѣ съ Рудольфомъ, потому поддерживалъ Жеротина, бывшаго на сторонѣ Матѳіа. Не спрашивая согласія Рудольфа, моравскій сеймъ собственной властью собрался въ Эйбеншицѣ, смѣстилъ Берку съ должности правителя, на которую назначенъ онъ былъ Рудольфомъ, отнявшимъ ее у Лихтенштейна, учредилъ временное правительство, президентомъ котораго назначилъ Лихтенштейна и 19 апрѣля (1608 года) объявилъ, что Моравія присоединяется къ пресбургскому союзу. Рудольфъ, меланхолія котораго переходила временами въ полное сумасшествіе, не могъ помѣшать ничему. Секретарь его Ганневальдъ присовѣтовалъ ему воевать съ мятежниками; онъ послалъ Тилли съ своимъ войскомъ въ Моравію. Этимъ онъ окончательно испортилъ свое положеніе.

Матѳій пошелъ въ Богемію, сталъ лагеремъ въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Праги. Рудольфъ былъ безпомощенъ. Пользуясь этимъ, чехи заявили ему свои требованія. Онъ принужденъ былъ согласиться на все; только о религіозныхъ дѣлахъ сказалъ, что отдаетъ ихъ на рѣшеніе сейму; чехи удовлетворились этимъ. Не было возможности у Рудольфа сопротивляться и Матѳію, пришлось исполнить всѣ его требованія. По либенскому договору 25 іюня (1608 года) Рудольфъ отдалъ Матѳію Венгрію, эрцгерцогство австрійское, Моравію, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ въ Богеміи утвердилъ житна-торокскій миръ.—Матѳій старался сдѣлать какъ можно меньше уступокъ протестантамъ своихъ новыхъ владѣній. Мораване, послушавшись миролюбиваго Жеротина, удовлетворились обѣщаніемъ, что

никто не будетъ подвергаться преслѣдованію за вѣру и присягнули Матѳію 30 августа; венграмъ Матѳій далъ рядъ обязательствъ, утверждавшихъ прежнія религіозныя и политическія права дворянства (являвшагося въ этихъ случаяхъ представителемъ всей націи), возстановилъ санъ палатина, назначилъ на эту должность Иллешгази; венгры присягнули ему 19 ноября. Гораздо дольше тянулись споры Матѳія съ австрійскими протестантами, требовавшими полной религіозной свободы и политической равноправности съ католиками; Матѳій такъ упорствовалъ въ отказѣ, что они и онъ начали готовиться къ войнѣ; протестанты по внушенію Чернебля стали говорить, что вновь провозгласятъ Рудольфа государемъ своего эрцгерцогства. Наконецъ Матѳій сдѣлалъ уступки, которыми удовольствовались австрійскіе протестанты: грамотою, которая имѣла названіе резолюціи, онъ (19 марта 1609) предоставилъ всѣмъ жителямъ эрцгерцогства австрійскаго свободу вѣроисповѣданія, а дворянамъ (то есть землевладѣльцамъ) и свободу богослуженія. О свободѣ богослуженія въ городахъ резолюція не говорила, но обѣщала имъ, что они не будутъ имѣть никакихъ поводовъ къ жалобамъ. Получивъ эти гарантіи, австрійскій сеймъ присягнулъ Матѳію.

Рудольфъ принужденъ былъ исполнить свое обѣщаніе чехамъ, созвать богемскій сеймъ для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Утраквисты и чешскіе братья ужь издавна были единодушны. Они по совѣту Венцеля Будовца соединились въ 1575 году въ одно общество по вѣроученію, принявъ такъ называемое „Чешское исповѣданіе“. Различіе между ними осталось только въ устройствѣ церковнаго управленія. Но и при единодушіи обѣихъ протестантскихъ церквей Богеміи Рудольфъ упрямо сопротивлялся ихъ требованіямъ, слушаясь совѣтовъ папскаго нунція, архіепископа пражскаго, канцлера Лобковица, Вильгельма Славаты и Ярослава Мартиница. Послѣ споровъ, длившихся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ 1 апрѣля 1609 объявилъ, что распускаетъ сеймъ; но протестанты пренебрегли повелѣніемъ разойтись, потребовали возобновленія сейма. Рудольфъ принужденъ былъ уступить, созвалъ сеймъ на 25 мая. Сеймъ составилъ актъ, излагавшій религіозныя и политическія права націи, постановилъ созвать народное ополченіе, назначилъ временное правительство, члены котораго назывались директорами. Коллегія ихъ состояла изъ 30 членовъ, по десяти отъ cadaго изъ трехъ сословій сейма: отъ вельможъ (господъ), простыхъ дворянъ (рыцарей) и отъ городовъ. — Главнокомандующими народнаго ополченія были назначены графъ Турнъ и баронъ Колонна фонъ Фельсъ. Рудольфъ принужденъ былъ уступить, предоставилъ протестантамъ всѣ требуемыя ими права, подписавъ составленный сеймомъ актъ. Эта знаменитая грамота, получившая названіе королевскаго рескрипта, *Majestätsbrief*, была подписана Рудольфомъ 9 іюля (1609 года).

Королевскій рескриптъ давалъ утраквистамъ и чешскимъ братьямъ удостовѣреніе, что имъ предоставляется такая же свобода богослуженія, какъ католикамъ; онъ говорилъ: „никто ни изъ господъ, ни рыцарей, ни изъ горожанъ, жителей мѣстечекъ или поселянъ не будетъ принуждаемъ перемѣнить свою вѣру; господамъ, рыцарямъ и городамъ утраквистскаго исповѣданія (то есть и протестантамъ, называвшимся въ Богеміи тоже утраквистами) предоставляется, не только неприкосновенность ихъ нынѣшнихъ храмовъ, но и право строить новые повсюду, гдѣ угодно: избираемый людьми, держащимися чешскаго исповѣданія, комитетъ 24 дефенсоровъ (защитниковъ), по восьми отъ cadaго изъ трехъ сословій сейма, будетъ руководить дѣйствіями консисторіи, завѣдующей религіозными дѣлами ихъ; онъ будетъ также управлять дѣлами пражскаго университета, отдаваемого имъ.—Черезъ нѣсколько времени дефенсоры получили власть болѣе ши-

рокую: вынужденный необходимостью удовлетворять всѣ требованія протестантовъ, Рудольфъ предоставилъ дефенсорамъ право собирать войско, взимать налоги для его содержанія и въ случаяхъ надобности созывать представителей протестантскаго населенія для совѣщаній объ ихъ дѣлахъ; этому собранію предоставлены были права богемскаго сейма.—Утраквисты и чешскіе братья вошли въ соглашеніе между собою относительно устройства общаго управленія ихъ церквами, установили у себя одинаковое богослуженіе, рѣшили отбросить прежнія свои особыя вѣроисповѣдныя названія, приняли общее имя „христіанъ, причащающихся подъ обоими видами“. Королевскій рескриптъ былъ объявленъ основнымъ закономъ королевства богемскаго и постановлялъ, что всѣ прежніе законы, несогласные съ нимъ, лишаются силы, и что не будутъ имѣть законной силы никакія несогласныя съ нимъ повелѣнія короля. Договоръ между государемъ и протестантскою частью сейма не былъ обязателенъ для католическихъ членовъ сейма, потому въ тотъ же день, какъ подписанъ былъ Рудольфомъ королевскій рескриптъ, протестантская часть сейма заключила съ католическою договоръ, называвшійся соглашеніемъ, по которому обѣ религіозныя партіи гарантировали одна другой неприкосновенность настоящихъ правъ и разрѣшили вопросы недостаточно опредѣлительно рѣшенные въ рескриптѣ. Моравія, Лаузицъ и Силезія, считавшіеся землями, принадлежащими къ богемскому королевству, также получили королевскій рескриптъ, гарантировавшій имъ свободу вѣроисповѣданія. Рудольфъ обнародовалъ амнистію за все, что происходило въ послѣднее время. Но Адальбертъ Лобковицъ, Мартиницъ и Славата не согласились подписать королевскій рескриптъ, ненавистный ихъ фанатизму.

Рудольфъ придумывалъ средства отнять у Матѳея отданныя ему государства, велъ сношенія съ недовольными Матѳеемъ въ Моравіи и эрцгерцогствѣ австрійскомъ, готовился къ войнѣ. Эрцгерцогъ Леопольдъ хотѣлъ, покоривъ земли юлихскаго наслѣдства, идти въ Богемію съ своимъ войскомъ и отрядомъ, которое дастъ ему король испанскій, усмирить богемскихъ мятежниковъ, идти потомъ на Матѳея. Рудольфъ одобрялъ этотъ планъ и пригласилъ нѣмецкихъ государей въ Прагу, надѣясь пріобрѣсти ихъ поддержку. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали; но Максимилианъ баварскій не поѣхалъ, сказавъ, что сѣзды бесполезны, когда готовится война. Совѣщанія сѣзда, начавшіяся въ апрѣлѣ 1610, длились все лѣто и не привели ни къ чему. Формальной цѣлью сѣзда было примиреніе Рудольфа съ Матѳеемъ. Они остались врагами.

Скоро оказалось, что Рудольфъ вовсе и не имѣлъ желанія мириться съ Матѳеемъ. Онъ былъ увѣренъ, что Леопольдъ побѣдитъ чешскихъ протестантовъ и Матѳея. Леопольдъ вербовалъ войско, наемники его располагались квартирами въ принадлежавшемъ ему епископствѣ пассаускомъ, брали у жителей все, что хотѣли; когда совершенно обобрали ихъ, пошли въ эрцгерцогство верхне-австрійское. Это войско имѣло теперь 12.000 человекъ, полковникомъ (главнокомандующимъ) его былъ нѣмецъ съ французской фамиліей, Раме. Рудольфъ воображалъ, что при появленіи войска, идущаго на помощь ему, сеймъ эрцгерцогства австрійскаго приметъ его сторону; да и нельзя было Рудольфу сомнѣваться въ томъ, потому что астрологи говорили такъ. Раме съ своими буйными солдатами вошелъ въ эрцгерцогство австрійское въ январѣ 1611; нѣсколько недѣль они грабили, рѣзали жителей; но населеніе эрцгерцогства взялось за оружіе, Матѳей велъ войско противъ разбойниковъ; они разсудили, что пора имъ уйдти изъ эрцгерцогства; пошли въ Богемію, овладѣли городами Крумау, Будвейсомъ, Таборомъ и 13 февраля стали подъ Прагой. Богемскій сеймъ негодовалъ на вторженіе этихъ грабителей, созвалъ народное ополченіе, вербовалъ наем-

никовъ. Всѣ разсудительные католики порицали безразсудство Рудольфа и наглость Леопольда; даже и папскій нунцій совѣтовалъ Рудольфу отослать грабителей, предсказывая, что иначе это дѣло погубить его; только такіе фанатики, какъ Берка (бывшій правитель Моравіи), Мартиницъ, Славата одобряли походъ Леопольда къ Прагѣ. Эрцгерцогъ пріѣхалъ самъ къ своему войску и 15 февраля повелъ его штурмовать ту часть Праги, которая называется Малой Стороной (Kleinseite). Послѣ ужасной рѣзни на улицахъ Леопольдъ овладѣлъ этой частью Праги, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ города раздраженный его нападеніемъ народъ грабилъ монастыри, убивалъ монаховъ и католическихъ священниковъ, сочувствовавшихъ Леопольду. Старый городъ и Новый городъ, обведенные своими особыми стѣнами, заперли ворота, отбили нападеніе на нихъ. Богемскій сеймъ, слѣдуя совѣту Венцеля Кинскаго, назначилъ временное правительство, состоявшее изъ 30 директоровъ, и угрожалъ, что провозгласитъ королемъ богемскимъ Матѳея. Рудольфъ присылалъ обѣщанія, что велитъ войску Леопольда уйдти; имъ не вѣрили. Мужество пражанъ, не давшихъ Леопольду овладѣть главными частями города, созывъ народнаго ополченія сеймомъ и приготовления Матѳея къ походу противъ Леопольда заставили наемниковъ его рѣшить, что имъ слѣдуетъ уйдти. Они 10 марта выступили изъ Малой Стороны и пошли изъ Богеміи.—Леопольдъ въ 1613 году казнилъ своего главнокомандующаго Рамѣ.

Войска сейма стерегли Рудольфа во дворцѣ какъ плѣнника; къ Прагѣ подошли австрійскія и моравскія войска Матѳея; пріѣхалъ въ Прагу самъ онъ. Рудольфъ былъ вынужденъ созвать общій сеймъ всѣхъ земель богемской короны. При открытіи сейма 12 апрѣля 1611 внесено было въ него предложеніе Рудольфа короновать Матѳея, какъ будущаго короля, но оставить управленіе государствомъ Рудольфу. Сеймъ отвергъ это. Рудольфъ увидѣлъ себя въ необходимости отречься отъ богемской короны. Дѣло о провозглашеніи королемъ Матѳея было довольно надолго задержано переговорами вождей собственно богемскаго народа съ Моравіей, Лаузицею и Силезіей: эти земли, принадлежавшія къ богемскому государству, требовали себѣ полной автономіи; чехи противились этому, желая сохранить за собой преобладаніе. Сами они тоже замедляли провозглашеніе Матѳея королемъ, требуя чтобъ онъ призналъ за богемскимъ сеймомъ право набирать войска безъ королевскаго разрѣшенія и заключать союзы съ сеймами силезскимъ, венгерскимъ и австрійскимъ. Наконецъ, не желая дальнѣйшаго промедленія формальной передачи королевскаго сана Матѳею, чехи согласились на его предложеніе предоставить рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ будущему сейму, и 23 мая (1611 года) Матѳей былъ коронованъ въ санъ короля богемскаго. Рудольфъ, до самаго конца цѣплявшійся за ничтожный остатокъ своей власти, спрятался отъ шума коронаціоннаго праздника въ отдаленнѣйшую часть своего дворца. Черезъ три съ половиной мѣсяца, 11 августа, назначили ему вознагражденіе: дали пенсію и оставили за нимъ тотъ пустой почетъ, что правительственные акты писались отъ его имени.—Матѳей обманулъ чешскихъ протестантовъ, рассчитывавшихъ, что онъ поручитъ управленіе имъ. Всѣ важнѣйшія должности остались въ прежнихъ рукахъ. Адамъ Штернбергъ, Адамъ Вальдштейнъ, Сденко Лобковицъ, даже Славата и Мартиницъ, навлекшіе на себя всеобщую ненависть фанатизмомъ, сохранили свои должности. Изъ всѣхъ вождей протестантовъ только графъ Турнъ получилъ должность, но и то лишь второстепенную: онъ былъ назначенъ бургграфомъ карльштейнскимъ. Ясно было, что Матѳей будетъ вести дѣла въ прежнемъ духѣ католическаго фанатизма, хочетъ опираться исключительно на католиковъ. Нельзя было не предвидѣть, что и его правленіе будетъ дурно.

Рудольфъ продолжалъ мечтать о возвращеніи себѣ отнятыхъ коронъ, вздумалъ просить помощи протестантской уніи. Она холодно приняла его нелѣпныя предложенія. Будучи уже близокъ къ смерти, онъ сталъ думать о женитьбѣ. Курфирсты между тѣмъ съѣхались (въ октябрѣ 1611) въ Нюрнбергъ, переговорить о выборѣ короля нѣмецкаго. Единственнымъ возможнымъ кандидатомъ былъ Матѳій. Въ декабрѣ эрцгерцоги заключили между собою новый фамильный договоръ, по которому обязались рѣшать мирнымъ путемъ всѣ могущіе возникать семейные споры, не дѣлать ничего во вредъ католической религіи и своей династіи, помогать выбору Матѳія въ императоры. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (20 января 1612) Рудольфъ II умеръ, имѣя 59 лѣтъ. Онъ не былъ женатъ. Побочныхъ дѣтей у него было множество; всѣ они исчезли въ безвѣстности ничтожества; лишь одинъ изъ побочныхъ сыновей, называвшійся маркизомъ Юліо (то-есть Джуліо), возбуждалъ въ Богеміи непріятное вниманіе къ себѣ своимъ буйнымъ распутствомъ, отъ котораго черезъ нѣсколько времени сошелъ съ ума.

III. ЦАРСТВОВАНИЕ МАТѢІЯ. БОГЕМСКАЯ ВОЙНА.

1. Выборъ Матѳія въ санъ императора. Его отношенія къ Германіи.

Еще при жизни Рудольфа возникала мысль выбрать въ преемники ему на императорскомъ престолѣ государя какой-нибудь другой династіи, чтобы прекратить непрерывность императоровъ габсбургскаго дома, сдѣлавшую императорскій санъ какъ будто наследственнымъ въ этой династіи. Но не было въ другихъ династіяхъ такого государя, который могъ бы и хотѣлъ бы стать императоромъ; потому курфирсты видѣли необходимость выбрать Матѳія, и 13 іюня 1612 онъ былъ единогласно выбранъ императоромъ.

Новый императоръ желалъ поддержать религіозный миръ въ Германіи. Правда онъ былъ горячій католикъ, но умѣлъ сдерживать свой фанатизмъ, когда того требовалъ расчетъ. Всемогушій министръ Матѳія кардиналъ Клезель давно отбросилъ свой прежній фанатизмъ, убѣдившись, что польза императора требуетъ вѣротерпимости. Но при всемъ желаніи Матѳія и руководившаго имъ государственнаго человѣка религіозный миръ уже не могъ быть сохраненъ въ Германіи. На второй годъ своего императорскаго правленія Матѳій созвалъ въ Регенсбургъ сеймъ, чтобы по обыкновенію прежнихъ императоровъ просить у имперіи помощи противъ турокъ. Но сеймъ занялся другими дѣлами. Еще весной лига и унія стали готовиться къ войнѣ. При такомъ настроеніи умовъ, сеймъ не могъ дѣйствовать успѣшно. Споры шли главнымъ образомъ о церковныхъ владѣніяхъ, секуляри-

зованныхъ протестантами послѣ аугсбургскаго мира. Императоръ увидѣлъ, что вражда между вѣроисповѣданіями усиливается отъ споровъ на сеймѣ и, получивъ денежное пособіе имперіи для войны съ турками, закрылъ сеймъ 22 октября 1613. Это былъ послѣдній сеймъ передъ войной, длившейся тридцать лѣтъ.

Юлихское дѣло приняло въ это время такой оборотъ, что могла возникнуть изъ него всеобщая война въ Германіи. Курфирстъ Іоаннь Сигизмундъ бранденбургскій и пфальцграфъ Вольфгангъ Вильгельмъ нейбургскій, взявшіе спорное наслѣдство въ общее владѣніе и управленіе, ссорились между собой, какъ это и неизбѣжно при подобныхъ отношеніяхъ. Вильгельмъ вздумалъ сватать дочь курфирста, чтобъ отецъ отдалъ въ приданое за ней свои права на юлихскія земли. Курфирстъ не согласился. Отъ этого ссора усилилась. На личномъ объясненіи въ Дюсельдорфѣ произошла между курфирстомъ и Вильгельмомъ очень шумная сцена; говорятъ, что курфирстъ далъ Вильгельму пощечину. Вильгельмъ сталъ сватать сестру Максимилиана баварскаго Магдалену, чтобы пріобрѣсти помощь Максимилиана и лиги. Отецъ Вильгельма Филиппъ Людвигъ, усердный лютеранинъ, одобрялъ это сватовство, воображая, что Магдалена пріиметъ лютеранство. Но Вильгельмъ обманывалъ отца и тайно принялъ католичество. Свадьба была 19 іюля 1613. Возвратившись изъ Баваріи, Вильгельмъ сталъ готовиться къ войнѣ, готовился къ ней и курфирстъ. Вильгельмъ 25 мая 1614 объявилъ, что принялъ католичество. Отецъ его былъ такъ опечаленъ этимъ, что занемогъ и черезъ два съ половиной мѣсяца (12 августа) умеръ. Началась война. Испанскія войска изъ Бельгіи пошли на помощь Вильгельму, голландскія войска на помощь курфирсту бранденбургскому, который передъ тѣмъ временемъ перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ реформатское, чтобы пріобрѣсти расположеніе голландцевъ. Спинола, главнокомандующій испанскихъ войскъ, назначенный императорскимъ комиссаромъ, занялъ Ахенъ и сосѣдніе города. Морицъ занялъ герцогство клевское. Но мысль о всеобщей войнѣ пугала всѣхъ, и 12 ноября 1614 года заключенъ былъ миръ, по которому спорное наслѣдство было раздѣлено: курфирстъ бранденбургскій получилъ герцогство клевское, графства маркское и равенсбергское, пфальцграфъ нейбургскій—герцогства юлихское и клевское. Пфальцграфъ началъ возстановлять въ своей части наслѣдства католичество, какъ возстановилъ его по смерти отца въ нейбургскомъ государствѣ.

Матѣй женился только за годъ до своего выбора въ императоры, а во время выбора ему ужъ было 55 лѣтъ. Всѣ понимали, что онъ не будетъ имѣть дѣтей. Филиппъ III, король испанскій, сначала думалъ самъ искать императорской короны по смерти бездѣтнаго старика, но увидѣлъ невозможность этого и велѣлъ испанскому посланнику, при императорскомъ дворѣ хлопотать въ пользу его второго сына.

дона Карлоса. Онъ говорилъ, что, будучи сыномъ дочери Максимилиана II, имѣтъ по прекращеніи мужской линіи потомства Максимилиана болѣе близкое право наслѣдовать Богемію и Венгрію, чѣмъ Штирійская линія, происходящая отъ брата Максимилиана. Но всѣ эрцгерцоги австрійскіе воспротивились замыслу короля испанскаго, вредному для всѣхъ ихъ. Тогда Филиппъ III сталъ въ вознагражденіе за отказъ отъ своихъ притязаній требовать Эльзаса и Тироля, земель нужныхъ ему, какъ онъ говорилъ, для соединенія итальянскихъ владѣній Испаніи съ Франшъ-Конте, принадлежащимъ также ей. Переговоры объ этомъ тянулись годы. Оставался нерѣшеннымъ и вопросъ о томъ, кому изъ австрійскихъ Габсбурговъ быть наслѣдникомъ Матѳея. Испанскій посланникъ властвовалъ при императорскомъ дворѣ, будучи посредникомъ между Матѳеемъ и католическими государями Германіи; притомъ Матѳей получалъ денежныя пособія отъ короля испанскаго. Ужь по этой зависимости Матѳея отъ короля испанскаго дѣло о выборѣ наслѣдника должно было затягиваться, но была и другая причина: Матѳей все еще воображалъ, что будетъ имѣть дѣтей и возмущался, когда начиналась рѣчь, что должно выбрать кого-нибудь изъ эрцгерцоговъ въ наслѣдники ему. Большинство ихъ находило, что только Фердинандъ способенъ охранить интересы австрійской династіи и хлопотало о выборѣ его въ санъ короля нѣмецкаго, то есть наслѣдника императора. Три духовные курфирста были за Фердинанда; нельзя было сомнѣваться, что курфирстъ сансонскій Іоаннъ Георгъ, преданный австрійской династіи, тоже подастъ голосъ за Фердинанда. Такимъ образомъ большинство голосовъ казалось обезпеченнымъ, и эрцгерцогъ Максимилианъ въ февралѣ 1616 написалъ Матѳею, что если курфирсты бранденбургскій и пфальцскій будутъ противъ выбора Фердинанда, это не должно служить замедленіемъ дѣла: Фердинандъ будетъ выбранъ четырьмя голосами изъ шести; надобно только готовиться къ войнѣ на случай сопротивленія протестантскихъ государей. Это письмо какимъ-то образомъ попало въ чужія руки и было напечатано. Протестанты взволновались, стали говорить о необходимости принять мѣры обороны. Максимилианъ винилъ кардинала Клезеля въ обнародованіи письма и еще больше прежняго возненавидѣлъ этого государственнаго человѣка, котораго уже и прежде не любилъ за владычество надъ Матѳеемъ. Но безъ поддержки короля испанскаго, имѣвшаго сильное вліяніе на нѣмецкихъ католиковъ, нельзя было покончить дѣло о выборѣ Фердинанда. Испанскій посланникъ графъ Оньяте склонилъ Фердинанда подписать (31 января 1617) тайное обѣщаніе, что за помощь выбору его онъ отдастъ Испаніи Финале, Піомбино и будетъ отдавать всѣ другіе имперскіе лены въ Италіи, которые сдѣлаются выморочными. Теперь дѣло пошло успѣшно; Матѳей и кардиналъ Клезель уступили требованіямъ короля испанскаго и эрцгерцоговъ о назначеніи Фер-

динанда наслѣдникомъ. Матѣй опасно занемогъ и, полагая, что умретъ, поспѣшилъ кончить дѣло, созвалъ прежде другихъ сеймовъ богемскій на 5 іюня 1617. Матѣй выздоровѣлъ, но ужь нельзя было отмѣнить распоряженія о созваніи богемскаго сейма.

2. Волненія въ земляхъ австрійской династіи.

Матѣй стремился ввести въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ абсолютизмъ. Требования религіозной и политической свободы чеховъ и австрійцевъ оставались неудовлетворены. Напротивъ того, очевидно было, что Матѣй хочетъ возстановить католичество, пріобрѣсти неограниченную власть; раздраженіе протестантовъ и патріотовъ росло. Въ Венгріи власть Матѣя была только номинальная; палатинъ Турзо, правившій дѣлами, хотѣлъ освободить родину отъ опасности порабожденія Габсбургами. Трансильванія сохраняла независимость отъ Матѣя. Послѣ Бочкая воеводою тамъ сталъ Сигизмундъ Ракоци, а когда онъ въ 1608 сложилъ съ себя власть, его мѣсто занялъ Габоръ (Габріэль) Батори (или Батори Габоръ по венгерскому порядку словъ, ставящему фамильное имя передъ личнымъ). Противъ Батори возсталъ честолюбивый полководецъ Бетленъ Габоръ (то-есть Габріэль Бетленъ; въ его имени принято удерживать венгерскій порядокъ словъ). При помощи турокъ Бетленъ Габоръ въ 1613 овладѣлъ Трансильваніей.— Въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ, Богеміи, Моравіи былъ общій ропотъ на Матѣя; власть его ослабѣвала, онъ былъ принужденъ дѣлать уступки.

Особенно велики были требования чеховъ, ссылавшихся на обѣщанія, данныя Матѣемъ въ 1611 году. Главныхъ требованій было четыре: учрежденіе союза между сеймами всѣхъ владѣній Матѣя для общей защиты правъ, новый уставъ защиты въ Богеміи (подъ защитой въ этомъ случаѣ понималась организація управленія, зависимаго только отъ сейма, а не отъ короля; на латинскомъ языкѣ для обозначенія этого управленія чехи употребляли слово *defensio*, потому члены комитета защиты назывались дефенсорамъ). Новый уставъ долженъ былъ расширить власть комитета дефенсоровъ, такъ чтобы подъ ихъ управленіемъ соединялись всѣ военныя силы королевства; третьимъ требованіемъ чеховъ было право имѣть собранія по округамъ королевства, четвертымъ—возобновленіе прежнихъ договоровъ габсбургской династіи съ саксонской, бранденбургской и польской о взаимномъ наслѣдованіи владѣній. Матѣй обѣщалъ для рѣшенія вопросовъ по этимъ требованіямъ созвать общій сеймъ своихъ владѣній, такъ чтобы съѣхались для совѣщаній представители Богеміи, Австріи и Венгріи. Но онъ понималъ, что общій сеймъ чрезвычайно ограничилъ бы его власть; потому два года медлилъ исполнить обѣщаніе, не созывалъ даже и одного богемскаго сейма; былъ наконецъ принужденъ чехами созвать его на 29 января 1614 въ Будвейсѣ. Вожди чешской оппозиціи на этомъ сеймѣ потребовали созванія общаго сейма, и большинство чешскаго сейма обя-

вило, что не будетъ заниматься просьбами короля о денежной помощи ему, пока не кончитъ дѣла объ исполненіи четырехъ чешскихъ требованій. Матѳій собралъ войско подъ предлогомъ похода противъ турокъ, но всѣ знали, что оно назначено для подавленія чешскихъ и другихъ приверженцевъ религіозной и политической свободы; это увеличивало раздраженіе членовъ чешскаго сейма. Матѳій далъ письменное обязательство созвать общій сеймъ не позднѣе января слѣдующаго (1615) года. Тогда чешскій сеймъ согласился дать ему обыкновенные налоги (то-есть дать утвержденіе его просьбѣ о томъ, чтобы продлено было взиманіе налоговъ, установленныхъ прежнимъ сеймомъ не навсегда, а лишь на опредѣленный срокъ, приближавшійся теперь къ концу). Тѣ просьбы Матѳія, которыя превышали размѣръ этого пособія, были отвергнуты, и въ частности сеймъ отказалъ ему въ деньгахъ. Графъ Турнъ и баронъ Колонна фонъ Фельсъ подали Матѳію записку, излагавшую тѣ опасенія, какія возбуждаются въ націи его политикой и въ особенности тѣмъ, что онъ собираетъ войско. Они и другіе вожди оппозиціи выказывали намѣреніе отнять у Габсбурговъ власть надъ Богеміей, предложили богемскую корону курфирсту саксонскому. Но робкій и преданный Габсбургамъ курфирстъ не принялъ предложенія. Въ августѣ (1614 года) Матѳій созвалъ въ Линцъ „общій конвентъ“ представителей всѣхъ владѣній Габсбургской династіи, но и отъ него не получилъ согласія и пособія на сформированіе войска, которое хотѣлъ употребить сначала на подавленіе оппозиціи чеховъ и австрійцевъ и венгровъ, а потомъ на войну съ турками, потому принужденъ былъ отложить мысль о покореніи Трансильваніи, призналъ Бетлена Габора княземъ трансильванскимъ и возобновилъ миръ съ турками.

Но и чешская оппозиція не достигла своей цѣли составить конфедерацію всѣхъ владѣній Матѳія для обороны свободы. Въ іюнѣ 1615 былъ наконецъ созванъ общій сеймъ для совѣщанія о четырехъ требованіяхъ чешской оппозиціи. Клезель одобрялъ мысль о конфедераціи и о новомъ уставѣ обороны, но цѣлью этихъ преобразованій ставилъ не защиту свободы населенія, а отраженіе внѣшнихъ враговъ и подавленіе внутреннихъ противниковъ правительства, то есть хотѣлъ дать дѣлу оборотъ прямо противоположный намѣренію чешской оппозиціи. Венгры не поѣхали на общій сеймъ въ Прагу, гдѣ былъ созванъ онъ. Представители другихъ владѣній Матѳія пріѣхали, но не могли ни въ чемъ согласиться между собою и съ чехами. Благодаря тому правительство разстроило совѣщанія о конфедераціи и о другихъ трехъ желаніяхъ чешской оппозиціи, приобрѣло большинство на общемъ сеймѣ, получило отъ него больше денегъ, чѣмъ само надѣялось. Турнъ и другіе вожди чешской оппозиціи съ досадой уѣхали изъ Праги, потомъ разѣхались и представители другихъ владѣній Матѳія, недовольные другъ другомъ и сами собою.

Главнымъ вождемъ чешской оппозиціи былъ теперь графъ Генрихъ Турнъ. Его фамилія происходила отъ миланской династіи Делла Торре, и нѣмецкая форма его имени — передѣлка прежней итальянской. Та линія рода Делла Торре, отъ которой происходилъ онъ, имѣла владѣнія въ Аквилейской области, Каринтіи, Крайнѣ, Гёрцѣ, жила тамъ и была чужда Богеміи до времени, сравнительно недавняго. Только отецъ Генриха Матѳій приобрѣлъ владѣнія въ Богеміи и сталъ жить тамъ. Такимъ образомъ Генрихъ Турнъ былъ сначала челоѣкъ, казавшійся чужимъ старой чешской аристократіи. Онъ даже не умѣлъ

хорошо говорить по чешски; но отвагой характера заслужилъ уваженіе чеховъ и придалъ дѣйствіямъ оппозиціи такую рѣшительность, какой не имѣла она прежде. Собственно его смѣлостью и твѣрдостью былъ вытребованъ у Рудольфа Королевскій рескриптъ. Будучи однимъ изъ дефенсоровъ, онъ чрезвычайно усердно защищалъ интересы чешскихъ протестантовъ. Онъ много содѣйствовалъ тому, что Матѳій получилъ богемскую корону; новый король далъ ему за это должность буртграфа карльштейнскаго. Но онъ остался непреклоннымъ въ своей преданности дѣлу чешской оппозиціи и былъ вліятельнѣйшимъ руководителемъ ея.

Королевскій рескриптъ, данный Рудольфомъ противъ воли, былъ ненавистенъ и Матѳію и другимъ Габсбургамъ. Чешскіе католики тоже только по необходимости заключили «Соглашеніе» съ протестантами и желали разорвать его. Потому невозможно было чешскимъ протестантамъ надѣяться на прочность мира. Поводовъ къ ссорамъ было много. По каждому вопросу, не разъясненному Королевскимъ рескриптомъ, мнѣніе правительства и католиковъ противорѣчило понятіямъ протестантовъ. Такъ напримѣръ по Королевскому рескрипту право строить протестантскія церкви предоставлялось сословіямъ, составившимъ сеймъ, то есть господамъ, рыцарямъ и королевскимъ городамъ; а по соглашенію католиковъ съ протестантами предоставлялось кромѣ того и жителямъ королевскихъ имѣній; но какія имѣнья должно признавать королевскими, это не было опредѣлено въ соглашеніи. Протестанты говорили, что къ этому разряду слѣдуетъ причислять и церковныя имѣнья, потому что истинный собственникъ ихъ не духовенство, которому они даны только въ пользованіе, а король, который властенъ облагать ихъ податями, продавать и дарить, какъ и дѣлали со многими изъ нихъ короли, въ томъ числѣ и Габсбурги; католики возражали, что такое расширеніе понятія о королевскихъ имѣньяхъ противорѣчитъ мыслямъ, по которымъ составлялся актъ соглашенія, и что король не собственникъ, а только патронъ, покровитель церковныхъ имѣній. Изъ этого спора произошли тѣ столкновенія, которыя были непосредственными поводами къ продолжительнѣйшей и ужаснѣйшей изъ всѣхъ войнъ, опустошавшихъ Богемію, Германію и сосѣднія части средней Европы. Жители города Браунау, находившагося подъ властью аббата Браунаускаго монастыря, стали въ 1611 году строить протестантскую церковь; аббатъ пожаловался на это, по его мнѣнію, противозаконное дѣло, и Матѳій запретилъ горожанамъ постройку церкви. Дефенсоры увидѣли въ этомъ нарушеніе закона; съѣздъ протестантскихъ уполномоченныхъ, собравшихся изъ всѣхъ частей королевства, протестовалъ противъ запрещенія постройки и пригласилъ гражданъ Браунау продолжать ее. Они оставили безъ вниманія королевское запрещеніе, продолжали постройку, и въ слѣдующемъ году церковь была достроена. Вскорѣ послѣ того повторился такой же

случай въ городѣ Клостерграбѣ, находившемся подъ властью осегскаго монастыря. Обѣ эти церкви были по новому королевскому повелѣнію въ 1614 году заперты, при содѣйствіи вооруженной силы; съ тѣмъ вмѣстѣ Матѣй велѣлъ отмѣнить протестантское богослуженіе во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, населеніе которыхъ было очень велико. Онъ ссылался на актъ Соглашенія, текстъ котораго дѣйствительно представлялъ возможность натянутого истолкованія, даннаго ему теперь королемъ. Въ Соглашеніи говорилось, что нормой для опредѣленія вѣроисповѣданія жителей того или другого королевскаго имѣнія долженъ считаться 1609 годъ; но въ другомъ мѣстѣ говорилось, что и католическимъ и протестантскимъ господамъ, рыцарямъ и городамъ, а точно также и королю, предоставляется право опредѣлять во всѣ подвластные имъ приходы такихъ уtrakвистскихъ священниковъ, которые рукоположены архіепископомъ пражскимъ (то-есть рукоположены по католическому обряду и признають надъ собою власть католическаго церковнаго начальника). Къ этому прибавлялась оговорка, что только тѣ уtrakвистскія церкви, которыя находятся въ городахъ, составляютъ неотъемлемую собственность протестантовъ. Подъ уtrakвистскими приходами, которые могутъ быть отдаваемы своими патронами владѣльцамъ земли, на которой стоятъ церкви, въ завѣдываніе священниковъ, подчиненныхъ архіепископу пражскому, протестанты понимали только тѣ уtrakвистскія общины, которыя не приняли протестантство, а сохранили прежнее уtrakвистское исповѣданіе и богослуженіе, болѣе близкое къ католическому, чѣмъ къ протестантскому (они отличались отъ католиковъ почти только причащеніемъ мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами). Но архіепископъ пражскій, которому Матѣй передалъ свое патронатство, то есть право назначенія священниковъ въ королевскихъ имѣніяхъ, постепенно замѣстилъ всѣ священническія должности въ этихъ имѣніяхъ католиками, а потомъ даже запретилъ протестантскимъ поселянамъ этихъ имѣній посѣщать протестантскія церкви въ другихъ мѣстностяхъ. Жалобы протестантовъ на это были оставлены безъ вниманія.

Раздраженіе протестантовъ и негодованіе оппозиціи, защищавшей политическую свободу, было очень велико, когда созванъ былъ сеймъ для назначенія наслѣдника богемской короны; но Габсбурги восторжествовали. Большинство вельможъ принадлежало къ католическому вѣроисповѣданію; всѣ высшія правительственныя должности были заняты горячими католиками; депутаты городовъ были избираемы городскими совѣтами, а члены совѣтовъ назначались королемъ; такимъ образомъ депутаты городовъ не были представителями желаній ихъ населенія. Ласками, наградами и угрозами правительство пріобрѣло себѣ большинство на сеймѣ; лишь немногіе члены его остались тверды въ своей оппозиціи. Графъ Турнъ былъ однимъ изъ этихъ немногихъ. Рѣшенію сейма была дана такая форма, которая

могла быть даже истолкована въ томъ смыслѣ, что богемская нація отказалась отъ своего права выбирать короля: соглашаясь признать Фердинанда наслѣдникомъ богемскаго королевства, сеймъ допустилъ въ формулѣ этого постановленія выраженіе, что онъ «принялъ» Фердинанда, — не выбралъ, а только принялъ, какъ будто право назначенія наслѣдника принадлежитъ не сейму, а королю. И дѣйствительно, Фердинандъ казался вступившимъ на престолъ не по желанію народа, а только по наслѣдственному праву габсбургской династии. Новый король съ самаго начала не скрывалъ своихъ намѣреній. Сеймъ съ трудомъ добился, чтобъ онъ утвердилъ права націи, какъ требовалъ того законъ. Онъ явно выражалъ вражду къ Королевскому рескрипту, обращался грубо съ вождями оппозиціи, отнималъ у нихъ должности. У графа Турна онъ отнялъ должность бургграфа карльштейнскаго, соединенную съ большимъ доходомъ; по закону нельзя было смѣщать сановниковъ съ должностей, иначе, какъ переводя ихъ на высшія должности. Потому Фердинандъ далъ Турну должность президента высшаго леннаго суда, болѣе высокую, но имѣвшую меньше доходовъ и меньше вліянія, чѣмъ та, которую онъ хотѣлъ отнять у вождя оппозиціи. Всѣмъ было видно, что Фердинандъ готовится къ насильственнымъ мѣрамъ для подавленія правъ чешской націи. — Въ слѣдующемъ году послѣ продолжительныхъ споровъ о томъ, по выбору сейма или по своему наслѣдственному праву будетъ получена Фердинандомъ венгерская корона, была найдена неопредѣленная формула, которую обѣ стороны могли толковать въ своемъ смыслѣ, и 16 мая (1618 года) Фердинандъ былъ провозглашенъ королемъ венгерскимъ.

Оставалось ему получить только императорскую корону. Большинство курфирстовъ было за него. Кандидатура герцога лотарингскаго была отвергнута; курфирстъ пфальцскій, предложившій ее, выставилъ послѣ ея неудачи кандидатуру Максимилиана баварскаго; была отвергнута и она; выборъ Фердинанда былъ рѣшенъ большинствомъ курфирстовъ; оно назначило и день выбора. Но кардиналъ Клезель пріискивалъ предлоги для отсрочки, и Матѣй отлагалъ съѣздъ курфирстовъ съ одного срока на другой. Фердинандъ, поддерживавшій его эрцгерцога Максимилианъ и руководители всѣхъ реакціонныхъ интригъ папскій нунцій и испанскій посланникъ прониклись безпощадной злобой на Клезеля, совѣтамъ котораго безусловно слѣдовалъ Матѣй. Но вліяніе Клезеля на Матѣя оставалось непоколебимымъ и сроки выбора оттягивались, пока событія, происшедшія въ Богеміи, дали дѣламъ габсбургскаго дома и всей Германіи оборотъ, отнявшій важность у формальнаго вопроса о томъ, имѣетъ ли Фердинандъ титулъ императора нѣмецкаго.

3. Богемское возстаніе.

Волненіе въ Богеміи росло; чешскіе патриоты и враги ихъ говорили о вооруженной борьбѣ, какъ о дѣлѣ неизбѣжномъ, близкомъ. Фердинандъ велъ реакцію съ безразсудной дерзостью. Было уже много случаевъ того, что жители королевскихъ имѣній, несогласавшіеся принять католичество, подвергались изгнанію. Отъ королевскихъ имѣній преслѣдованіе распространилось и на города. Всѣ они, за исключеніемъ Будвейса и Пильзена, имѣли протестантское населеніе, католиковъ было въ нихъ очень мало. Фердинандъ сталъ замѣщать городскія должности католиками, и скоро во многихъ чисто протестантскихъ городахъ управленіе перешло въ руки католическихъ фанатиковъ. Фердинандъ рѣшился поступить такъ и съ Прагой: 4 ноября 1617 былъ обнародованъ новый уставъ городского управленія въ Прагѣ; онъ уничтожалъ ея автономію, отдавалъ власть надъ городомъ комитету, члены котораго, названные королевскими судьями, были чиновники, назначаемые королемъ по произволу. Съ тѣмъ вмѣстѣ былъ начатъ розыскъ, на какія дѣла употребляются доходы съ пражскихъ церковныхъ имуществъ, и соотвѣтствуетъ ли нынѣшнее употребленіе ихъ первоначальному предназначенію. Было ясно, къ чему ведется это дѣло; протестанты понимали, что Фердинандъ хочетъ отнять у ихъ пражскихъ церквей всѣ имѣнья и капиталы, отнять у пражскихъ протестантовъ и самыя церкви. Ясно было и то, что если удастся ему сдѣлать это въ Прагѣ, онъ произведетъ то же самое во всѣхъ городахъ. Вслѣдъ за обнародованіемъ новаго устава объ управленіи Прагой, была по приказанію короля (въ декабрѣ того же года) разрушена церковь, построенная протестантами въ Клостерграбѣ. Было также велѣно запретить новую протестантскую церковь въ Браунау; но граждане взялись за оружіе и не допустили этого.

Дефенсоры пригласили представителей протестантскаго населенія Богеміи собраться въ Прагѣ для совѣщаній о защитѣ своей религіи. Этотъ съѣздъ собрался въ мартѣ (1618 года). Графъ Турнъ и графъ Андрей Шликъ, перечисливъ обиды и притѣсненія, какимъ подвергались чешскіе протестанты въ послѣдніе годы, предложили собранію жаловаться на это совѣту намѣстничества, потребовать отмѣны противозаконныхъ распоряженій. Матѣй жилъ тогда въ Вѣнѣ; передъ своимъ отъѣздомъ изъ Богеміи онъ назначилъ для управленія ею совѣтъ, состоявшій изъ десяти членовъ, называвшихся намѣстниками. Важнѣйшими изъ нихъ были оберъ-бургграфъ Адамъ фонъ Штернбергъ, оберъ-гофмейстеръ Адамъ фонъ Вальдштейнъ, оберъ-каммергеръ Георгъ фонъ Тальмбергъ и господа (вельможи) Вильгельмъ Славата и Ярославъ Мартиницъ. Намѣстники отвѣчали на требованія протестантовъ отказомъ; протестанты послали вторую жалобу королю

и рѣшили вновь собраться въ Прагу 21 мая, когда, какъ они считывали, прійдетъ туда отвѣтъ короля. Отвѣтъ его, написанный 21 марта, былъ рѣзкимъ порицаніемъ дѣйствій протестантскаго съѣзда. Матѣй сурово объявлялъ, что не допуститъ вторичнаго съѣзда, что его терпѣніе истощено; онъ предотвратитъ угрожающій пожаръ тѣмъ, что предастъ суду людей, которые возбудили другихъ протестантовъ къ противозаконнымъ поступкамъ. Протестанты были раздражены этимъ отвѣтомъ; они полагали, что онъ написанъ богемскими намѣстниками и въ частности двумя изъ нихъ Мартиницемъ и Славатой (кажется, они ошибались, вѣроятно, онъ былъ написанъ Клезелемъ). Наперекоръ королевскому запрещенію дефенсоры пригласили протестантскихъ уполномоченныхъ вторично собраться въ Прагу 21 мая, какъ было назначено, они объявили, что запрещеніе не имѣетъ силы, какъ противозаконное распоряженіе, нарушающее королевскую грамоту 1609 года, по которой протестантамъ предоставлено право имѣть съѣзды. Въ назначенный срокъ уполномоченные протестантовъ собрались въ Прагу.

Вожди ихъ уже пришли къ рѣшенію, что надобно свергнуть власть Габсбурговъ. Графъ Турнъ, человѣкъ горячаго и крутого характера, хотѣлъ убить намѣстниковъ, склонилъ къ согласію на это другихъ вождей оппозиціи, важнѣйшіе изъ которыхъ были Колонна фонъ Фельсъ, Венцель фонъ Руппа, Альбрехтъ Смирницки, Венцель Будовецъ, Поль фонъ Ричанъ, графъ Шликъ, Вильгельмъ фонъ Лобковицъ. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи говорили, что не участвовали въ замыслѣ графа Турна, но отрекались отъ него при такихъ обстоятельствахъ, что слова ихъ не заслуживаютъ довѣрія. Рано утромъ 23 мая уполномоченные протестантовъ отправились въ пражскій замокъ, гдѣ засѣдало намѣстничество, передать ему свой отвѣтъ на требованіе, чтобъ они разѣхались. Въ залѣ засѣданій намѣстниковъ находились тогда только четыре изъ нихъ: Адамъ Штернбергъ, Дипольдъ Лобковицъ, Славата и Мартиницъ. Два первые считались людьми умѣренными, доброжелательными къ протестантамъ; Славатѣ и Мартиницу протестанты приписывали королевскія распоряженія и отвѣты, враждебные протестантству. Уполномоченные грозно потребовали, чтобы намѣстники, находившіеся въ залѣ, объявили: участвовали-ль въ составленіи королевскаго отвѣта 21 марта. Штернбергъ отвѣчалъ, что онъ и его товарищи ни мало не виновны въ этомъ. Протестанты, не вѣря его словамъ относительно Мартиница и Славаты, обратились къ этимъ намѣстникамъ съ гнѣвными упреками, называя ихъ нарушителями правъ, данныхъ протестантамъ королевскимъ рескриптомъ, виновниками всѣхъ волненій и бѣдствій Богеміи. Славата и Мартиницъ возражали; споръ перешелъ въ рѣзкую перебранку. Протестанты объявили Славату и Мартиница врагами отечества, вывели изъ зала Штернберга и Дипольда Лобковица, которымъ не хо-

тѣли дѣлать вреда; графъ Турнъ и Вильгельмъ Лобковицъ бросились на Славату и Мартиница, другіе соумышленники Турна тоже бросились на этихъ намѣстниковъ, схватили ихъ и выбросили изъ окна, прямо подъ которымъ находился ровъ; вслѣдъ за Мартиницемъ и Славатой выбросили Филиппа Фабриціуса, секретаря намѣстничества, за то, что онъ убѣждалъ пощадить Славату и Мартиница. Высота паденія составляла 28 локтей (больше 8 сажень); но ни одинъ изъ трехъ выброшенныхъ не разбился, и всѣ трое остались живы, хотя выбросившіе ихъ сдѣлали по нимъ въ ровъ много выстрѣловъ. Мартиницъ и Фабриціусъ ушли, успѣли спрятаться и уѣхали изъ Богеміи. Славата, получившій при паденіи ушибъ, былъ схваченъ, но протестанты пожалѣли казнить человѣка, оставшагося живымъ при паденіи съ такой высоты. Протестантскіе уполномоченные, собравшіеся въ Прагѣ, стали дѣйствовать какъ законные представители Богеміи, приняли на себя права сейма, называли себя вѣрными подданными короля, посылали ему оправданія своихъ поступковъ, говорили, что дѣйствовали не противъ короля, а только противъ угнетателей религіозной свободы. Они даже впослѣдствіи, когда уже собирали налоги на формированіе войска, не мѣшали отправлять къ Матѳію доходы съ королевскихъ имѣній. Характеръ возстанія былъ не исключительно протестантскій: чехи принимали мѣры обороны своихъ политическихъ правъ, гарантированныхъ королевскимъ рескриптомъ, такъ объявляли вожди возстанія; католики, у которыхъ патріотическое чувство было сильнѣе фанатизма, присоединились къ нимъ. Число такихъ католиковъ было велико. Города, сначала не довѣрявшіе намѣреніямъ оппозиціи, состоявшей изъ вельможъ и дворянъ, скоро прониклись сочувствіемъ къ нимъ и стали помогать возстанію. Аббатъ Браунаускій, архіепископъ пражскій и другіе дѣятели католической реакціи бѣжали. На другой день послѣ того, что произошло въ залѣ засѣданій намѣстничества, уполномоченные протестантовъ рѣшили назначить временное правительство; члены его получили названіе директоровъ; ихъ было выбрано тридцать человѣкъ, по десяти отъ cadaго изъ трехъ сословій сейма, отъ господъ, отъ рыцарей и отъ городовъ. Вожди оппозиціи, Вильгельмъ Лобковицъ, графъ Шликъ, Венцель Будовецъ, Альбрехтъ Смирицки, Венцель Руппа находились въ числѣ членовъ комитета директоровъ. Венцель Руппа былъ впослѣдствіи выбранъ президентомъ его.

Графъ Турнъ, главный руководитель возстанія, не захотѣлъ быть членомъ правительственнаго комитета, находя надобнымъ посвятить все свое время военнымъ дѣламъ. Онъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ (то есть главнокомандующимъ, общимъ намѣстникомъ короля въ командованіи войскомъ). Помощникомъ его былъ Колонна фонъ Фельсъ. (Впослѣдствіи былъ назначенъ товарищъ графу Турну съ такимъ же титуломъ генералъ-лейтенанта, графъ Гоэнлоэ). Ко-

митеть директоровъ, между которыми было много даровитыхъ людей, принялъ на себя управленіе государствомъ при обстоятельствахъ, не обѣщавшихъ успѣха возстанію. Важнѣйшее дѣло, формированіе войска было начато неудачнымъ образомъ. Директоры объявили, что созываютъ народное ополченіе, но увидѣли надобность ограничиться вербованіемъ наемнаго войска. Они набрали нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ. Графъ Турнъ въ половинѣ іюня пошелъ съ ними къ австрійской границѣ. Но при первомъ серьезномъ препятствіи походу оказа-лось, что это войско по своей малочисленности не можетъ вести наступательныхъ дѣйствій. Городъ Будвейсъ заперъ свои ворота; Турнъ осадилъ его и не могъ взять. Доходы, даваемые налогами, которые установилъ сеймъ, были недостаточны для содержанія боль-шого войска, а города отказали директорамъ въ займѣ.

Матѳій, ослабѣвшій и физически и нравственно, желалъ бы уме-реть спокойно и по совѣту богемскихъ приверженцевъ габсбургской династіи вступилъ въ переговоры съ директорами. Но Фердинандъ и эрцгерцогъ Максимилианъ хотѣли подавить возстаніе силой оружія; имъ помогали своими совѣтами канцлеръ Лобковицъ и испанскій по-сланникъ Оньяте. Два мѣсяца партія мира сохраняла перевѣсъ въ императорскомъ правительствѣ. Фердинандъ былъ тогда въ Венгріи; безъ него формированіе войска шло вяло. Императоръ все еще со-хранялъ недоувѣріе къ нему. Возвратившись изъ Венгріи въ Вѣну, онъ условился съ эрцгерцогомъ Максимилианомъ устранить кардинала Клезеля, по совѣту котораго Матѳій вступилъ въ переговоры съ инсургентами. Максимилианъ, издавна ненавидѣвшій Клезеля, и Фер-динандъ были убѣждены, что, переставъ видѣть его, Матѳій будетъ слушаться ихъ. При визитѣ, сдѣланномъ Клезелемъ эрцгерцогу Мак-симилиану 20 іюля, онъ былъ арестованъ и торопливо отвезенъ въ Тиролю. Дряхлый императоръ не выказывалъ серьезнаго сопротивле-нія; узнавъ объ этомъ, папа назначилъ комиссію для суда надъ кардиналомъ по обвиненію его Фердинандомъ въ государственной измѣнѣ и въ дѣйствіяхъ вредныхъ католической церкви; комиссія объявила кардинала виновнымъ, папа приговорилъ его къ пожизнен-ному заключенію подъ стражей. Въ приговорѣ было сказано, что осужденный дѣйствовалъ во вредъ власти Матѳію, мѣшалъ назначе-нію наслѣдника его владѣній, возбуждалъ ссоры въ габсбургской династіи, доставлялъ этимъ выгоду протестантамъ и туркамъ, бралъ взятки по свѣтскимъ дѣламъ и виновенъ въ симоніи по церковнымъ. Дѣйствительно Клезель былъ корыстолюбивъ, набралъ множество бенефицій и пенсій, составилъ себѣ громадныя богатства. (Впослѣд-ствіи Фердинандъ отпустилъ Клезеля въ Римъ, а въ 1627 дозволилъ ему возвратиться въ Австрію и далъ вознагражденіе за конфискован-ное имущество. Онъ умеръ на родинѣ въ глубокой старости 18 сен-тября 1630). — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по низверженіи Клезеля

умеръ (2 ноября 1618) непримиримый врагъ его, эрцгерцогъ Максимиліанъ.

Надобно было полагать, что возстаніе, начавшееся въ Богеміи, распространится по всѣмъ владѣніямъ Габсбурговъ. Повсюду были въ нихъ тѣ же причины неудовольствія, какъ въ Богеміи. Инсургенты надѣялись на помощь уніи и въ особенности главы ея, курфюрста пфальцскаго. Дѣйствительно онъ обѣщался помогать имъ. Но императоръ тоже нашелъ союзниковъ себѣ. Ожидать помощи отъ нѣмецкаго сейма было невозможно; ему приходилось даже относительно католическихъ государей Германіи довольствоваться желаніемъ, чтобъ они не дозволяли богемскимъ инсургентамъ вербовать наемниковъ въ ихъ владѣніяхъ. Но король испанскій, король польскій Сигизмундъ III, и эрцгерцогъ Альбрехтъ, государь испанскихъ Нидерландовъ, были готовы помогать императору; Людовикъ XIII видѣлъ въ богемскомъ возстаніи мятежъ противъ католической царкви и королевской власти, потому отказался въ этомъ дѣлѣ отъ правила французской политики помогать врагамъ Габсбурговъ. Венгры не хотѣли вмѣшиваться въ войну, и венгерскій сеймъ убѣждалъ императора и богемскихъ инсургентовъ примириться; палатинъ Форгачъ выказалъ преданность королю, арестовавъ (3 іюля 1618) богемскаго посла Йессеніуса. — Въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ было сильное сочувствіе богемскому возстанію, по озлобленію на религіозное притѣсненіе; Чернембль, кальвинистъ, убѣждалъ австрійскую оппозицію помогать чешскимъ протестантамъ. Австрійскій сеймъ не рѣшился на это, но выказывалъ вражду къ Фердинанду и дѣйствовавшему по его внушеніямъ Матѳію. Въ Силезіи давно агитировалъ противъ Габсбурговъ маркграфъ йегеридорфскій Іоаннъ Георгъ, принцъ бранденбургской династіи; чехи получали изъ Силезіи обѣщанія помощи. Но въ Моравіи господствовало неудовольствіе противъ нихъ. Это было дѣломъ Карла Жеротина, пользовавшагося тамъ громаднымъ вліяніемъ: онъ былъ усердный протестантъ, но всегда оставался вѣренъ Габсбургскому дому и остался неизмѣннымъ въ этомъ чувствѣ теперь. По его совѣту моравскій сеймъ дозволилъ императорскимъ войскамъ идти въ Богемію черезъ Моравію и обѣщалъ помогать императору, если инсургенты рѣшатся воевать съ нимъ. Во владѣніяхъ Фердинанда и Максимиліана въ, Штиріи, Каринтіи, Краинѣ, Тиролѣ, эльзасскихъ земляхъ Габсбурговъ оппозиція была давно подавлена, и силы этихъ областей находились въ полномъ распоряженіи Фердинанда.

4. Начало богемской войны.

Въ августѣ (1618 года) Фердинандъ собралъ 14.000 человекъ войска. Графъ Дампьеръ и Кунъ (Khuen) перешли съ двумя отрядами его богемскую границу; скоро пріѣхалъ изъ Фландріи графъ Бюкуа, назначенный главнокомандующимъ. Фердинандъ надѣялся, что къ войску его присоединится въ Богеміи много католиковъ, при помощи которыхъ возстаніе будетъ подавлено очень легко. Это ожиданіе не оправдалось. Инсургенты уклонялись отъ рѣшительной битвы; императорское войско жгло селенія, опустошало поля и при враждебности населенія къ нему скоро стало терпѣть голодъ. На богемскомъ сеймѣ приверженцы габсбургской династіи, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ оберъ-гофмейстеръ Адамъ фонъ Вальдштейнъ, говорили, что должно покориться; огромное большинство было на сторонѣ инсургентовъ, и сеймъ постановилъ собрать многочисленное народное ополченіе. Оно собралось, но состояло изъ людей, не умѣющихъ сражаться, и пришлось распустить его. Инсургенты получили ободрительное извѣстіе, что графъ Эрнстъ Мансфельдъ ведетъ на помощь имъ войско, данное ему курфирстомъ пфальцскимъ. Сеймъ принялъ его на богемскую службу съ титуломъ генерала артиллеріи; такъ было надобно для того, чтобъ унія и курфирстъ пфальцскій могли называть себя сохраняющими нейтралитетъ.

Эрнстъ Мансфельдъ былъ блестящій представитель тѣхъ военныхъ авантюристовъ, которые имѣли тогда важное значеніе въ военныхъ дѣлахъ. Онъ былъ сынъ князя Петра Эрнста Мансфельда, фельдмаршала испанской службы, бывшаго правителемъ Люксембурга. Онъ имѣлъ тогда 38 лѣтъ, и жизнь его была уже очень богата приключеніями. Онъ служилъ Габсбургамъ въ венгерскихъ, бельгійскихъ, эльзасскихъ походахъ; но въ юлихской войнѣ покинулъ Леопольда, разсердившись на то, что король испанскій не отдалъ ему отцовскихъ имѣній въ южныхъ Нидерландахъ; онъ перешелъ въ реформатское исповѣданіе и поступилъ на службу уніи; послѣ того служилъ герцогу савойскому, воевавшему съ Испаніей, и находился еще на савойской службѣ, когда поднялось въ Богеміи возстаніе, представившее ему случай мстить Габсбургамъ. Войско, съ которымъ онъ пришелъ въ Богемію, находилось на савойскомъ жалованьи; агенты курфирста пфальцскаго убѣдили герцога савойскаго не жалѣть денегъ на эту войну, которая разрушитъ могущество Габсбурговъ, враговъ его. Другіе послы курфирста пфальцскаго возбуждали къ войнѣ съ Габсбургами Венецію.

Переговоры Матѳея съ инсургентами продолжались и послѣ начала военныхъ дѣйствій, но не имѣли успѣха. Надежда инсургентовъ на побѣду была укрѣплена тѣмъ, что маркграфъ йегерндорфскій привелъ къ нимъ войско, собранное силезскими противниками Габсбурговъ.

Императоръ и Фердинандъ не имѣли денегъ на жалованье своему войску; оно, какъ мы говорили, терпѣло голодъ; графъ Турнъ нанесъ ему нѣсколько поражений; въ концѣ октября оно стало отступать изъ Богеміи. Мансфельдъ въ ноябрѣ подступилъ къ Пильзену, католическому городу, остававшемуся вѣрнымъ императору, и 21 ноября взялъ его штурмомъ, наложилъ на него тяжелую контрибуцію, отчасти для того, чтобы запугать другихъ католиковъ, отчасти для пополненія истощенной военной кассы инсургентовъ.

Графъ Турнъ перешелъ австрійскую границу; отряды войска его подходили въ своихъ набѣгахъ на близкое разстояніе къ Вѣнѣ. Противники Габсбурговъ въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ ободрились; оппозиція, вождями которой былъ въ нижне-австрійскомъ сеймѣ, баронъ Топрадель, а въ верхне-австрійскомъ Готгардъ фонъ Штаренбергъ и баронъ Чернембль, вступила въ переговоры съ чехами; приняла участіе въ нихъ и депутація венгерскаго сейма. Въ Моравіи также усиливалась партія, требовавшая войны съ Габсбургами. Моравскій сеймъ собрался 15 декабря (1618 года); и сторонники и противники Габсбурговъ всячески старались склонить на свою сторону Жеротина, совѣтамъ котораго всегда слѣдовала масса моравскаго населенія. Онъ остался вѣренъ Габсбургамъ и отклонилъ моравскій сеймъ отъ союза съ богемскимъ. Инсургенты, рассчитывавшіе на то, что моравское войско присоединится къ ихъ арміи, пошедшей въ Австрію, ошиблись въ своей надеждѣ. Турнъ былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ опасеніемъ, что на него нападетъ моравское войско. Около того же времени получили дурной оборотъ дѣла инсургентовъ въ южной Богеміи. Войско ихъ, осаждавшее Будвейсъ, въ которомъ заперся графъ Бюкуа, подвергалось повальнымъ болѣзнямъ, такъ что лишь третья доля солдатъ осталась подъ оружіемъ. Инсургенты прекратили наступательныя дѣйствія; на нѣсколько мѣсяцевъ война затихла. Обѣ стороны въ это время искали себѣ союзниковъ.

Люди, руководившіе дѣйствіями курфюрста пфальцскаго, Христіанъ ангальтскій, маркграфъ ансбахскій, графъ Зольмсъ, Камераріусъ, желали, чтобъ онъ вмѣшался въ войну и, понимая недостаточность силъ одной уніи для успѣшной войны съ Габсбургами, возбуждали сосѣднихъ государей помогать инсургентамъ, и мы уже говорили, что герцогъ савойскій Карлъ Эммануэль по ихъ совѣту послалъ войско въ Богемію. Инсургенты предлагали пфальцграфу богемскую корону; онъ былъ очарованъ мечтою о ней. Герцогъ савойскій также имѣлъ очень высокія надежды, рассчитывалъ, что убѣдитъ Англію, Францію, Голландію, Венецію помогать уніи и ему, воображалъ, что будетъ выбранъ императоромъ, ужъ раздавалъ австрійскія земли, обѣщалъ венеціанцамъ итальянскую часть австрійскихъ владѣній, отдавалъ пфальцграфу всѣ другія, оставляя за собой только Богемію. Посланникъ пфальцграфа Кристофъ Дона велъ пере-

говоры съ нимъ въ Туринѣ; пріѣхалъ туда и Мансфельдъ, по взятіи Пильзена. Но венеціанцы понимали, что пфальцграфъ и герцогъ савойскій слишкомъ слабы для побѣды надъ Габсбургами и приняли предложенія герцога очень холодно. Іаковъ I, на помощь котораго съ увѣренностью рассчитывалъ пфальцграфъ, зять его, тоже не хотѣлъ рисковать ничѣмъ и вызывался только быть посредникомъ для примиренія зятя съ Габсбургами. Такимъ образомъ унія и герцогъ савойскій оставались безъ союзниковъ.

Мы говорили, что продолжались переговоры между богемскими инсургентами и Фердинандомъ (или, какъ это говорилось по формѣ, съ Матѳіемъ). Курфирстъ саксонскій хлопоталъ о примиреніи; Максимилианъ баварскій послѣ довольно упорнаго отказа тоже принялъ на себя посредничество. Фанатичный католикъ, Максимилианъ не хотѣлъ, чтобы дѣлались уступки протестантамъ, и понималъ, что при правилахъ, которыхъ держатся онъ и Фердинандъ, примиреніе съ богемскимъ сеймомъ невозможно. Сеймъ также былъ убѣжденъ въ этомъ и принималъ мѣры, показывавшія, что онъ не имѣетъ мысли мириться: устанавливалъ налоги для веденія войны, собиралъ войска, конфисковалъ имѣнья нѣкоторыхъ приверженцевъ габсбургской династіи, изгналъ нѣкоторыхъ другихъ, въ томъ числѣ канцлера Лобковица и Мартиница. Горячіе люди даже предлагали сейму разрушить до основанія весь городъ Пильзень, изгнать изъ Богеміи всѣхъ его жителей; люди болѣе умѣренные съ трудомъ отклонили сеймъ отъ принятія этого предложенія. Но и чешскій сеймъ былъ убѣжденъ въ невозможности примиренія, а Фердинандъ не хотѣлъ его; всетаки былъ назначенъ на 14 апрѣля съѣздъ уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ; мѣстомъ ихъ конференціи былъ назначенъ Эгеръ. Матѳій не дожидъ до начала этихъ новыхъ переговоровъ. Изнемогшій физически и нравственно, онъ уже давно съ тупымъ послушаніемъ подписывалъ бумаги, какія давалъ ему для подписи Фердинандъ. Послѣднимъ изъ этихъ распоряженій, сдѣланныхъ отъ его имени, было объявленіе Мансфельда за взятіе Пильзена лишеннымъ покровительства законовъ. Наступила наконецъ агонія, и 20 марта 1619 Матѳій умеръ.

Смерть его разорвала переговоры. Чехи хорошо знали Фердинанда, не имѣли никакого довѣрія къ его обѣщаніямъ. Даже сеймы обѣихъ половинъ эрцгерцогства австрійскаго заявили, что не хотятъ признавать Фердинанда наслѣдникомъ Матѳія, провозгласили государемъ Альбрехта нидерландскаго. — Военныя дѣйствія, прекращавшіяся зимой, возобновились въ апрѣлѣ. Туринъ съ главнымъ богемскимъ войскомъ, котораго находилось 16.000 человекъ, пошелъ въ концѣ апрѣля въ Моравію и быстро одолѣлъ противниковъ союза съ Богеміей. Моравскій сеймъ собрался въ Брюннъ и 8 мая провозгласилъ, что Моравія присоединяется къ дѣлу богемской обороны (то-есть дѣлу,

которымъ управляетъ въ Богеміи комитетъ дефенсоровъ). Альбрехтъ фонъ Вальдштейнъ (или какъ чаще называютъ его Валленштейнъ), служившій полковникомъ (то есть начальникомъ довольно большого отряда, по нынѣшней терминологіи — генераломъ) ушелъ и успѣлъ увезти съ собою военную кассу. Этимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Фердинанда, какъ вѣрный слуга. Турнъ пошелъ изъ Моравіи въ Австрію и 5 іюня подступилъ къ Вѣнѣ, въ которой заперся Фердинандъ, имѣвшій очень мало войска. Протестантскіе члены нижне-австрійскаго сейма вступили въ переговоры съ Турномъ, имѣли надежду, что нижне-австрійскій сеймъ вступитъ въ союзъ съ богемскимъ, грозно требовали отъ Фердинанда согласія на это, вошли во дворецъ, держали Фердинанда въ плѣну. Но неожиданно вступилъ въ Вѣну посланный Дампьеромъ на помощь Фердинанду отрядъ конницы подъ начальствомъ Сентъ-Плера. Фердинандъ, твердо противившійся требованіямъ протестантовъ, освободился изъ-подъ ихъ власти.

Межъ тѣмъ какъ богемское войско стояло подъ Вѣной, войско Фердинанда угрожало Прагѣ. Мансфельдъ, возвратившись изъ поѣздки къ герцогу савойскому, пошелъ на Будвейсъ. Бюкуа неожиданно напалъ на него 10 іюня у селенія Неттолица (близъ Тейна). Мансфельдъ послѣ жаркаго боя потерпѣлъ тяжелое пораженіе; Бюкуа взялъ 1200 плѣнныхъ, обозъ, захватилъ кассу и походную канцелярію Мансфельда. Войско Мансфельда разсѣялось, другихъ регулярныхъ войскъ богемскаго сейма не было въ Богеміи; передъ Бюкуа былъ открытъ путь къ Прагѣ. Комитетъ директоровъ поспѣшно принималъ мѣры обороны города. Бюкуа овладѣлъ крѣпостями юго-западной части Богеміи; отряды находившейся у него венгерской конницы подходили къ Прагѣ на разстояніе только трехъ миль. Директоры вызвали Турна изъ-подъ Вѣны на защиту Праги.

Въ это время дѣла получили новый оборотъ, отъ котораго богемская война распространилась на Германію. Когда Турнъ ушелъ отъ Вѣны, Фердинандъ поѣхалъ въ Германію, гдѣ уже былъ назначенъ день съѣзда курфирстовъ для выбора императора. Курфирсты давно вели переговоры о кандидатурѣ Фердинанда. Протестантскимъ курфирстамъ очень не хотѣлось, чтобъ императоромъ сталъ онъ, безпощадный гонитель протестантовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Для нихъ былъ бы менѣе непріятенъ выборъ Максимилиана баварскаго; онъ былъ тоже фанатичный врагъ протестантовъ, но имъ было бы выгодно перессорить главныхъ дѣятелей католической реакціи; выборъ Максимилиана велъ бы къ непримиримой враждѣ между нимъ и Фердинандомъ, и Максимилианъ, сдѣлавшись императоромъ, не захотѣлъ бы впутывать имперію въ богемскую войну. Выгодно для заявленія независимости Германіи отъ габсбургской династіи было и то, что выборомъ

Максимиліана перерывался бы наслѣдственный рядъ габсбургскихъ императоровъ. Курфирстъ пфальцскій дѣятельно хлопоталъ въ пользу Максимиліана. Но, обдумавъ дѣло, Максимиліанъ отказался отъ кандидатуры. Онъ не хотѣлъ принять императорскую корону изъ рукъ протестантовъ, связать себя обѣщаніями имъ; усердіе къ вѣрѣ превозмогло династическую вражду къ Габсбургамъ. Фердинандъ отблагодарилъ Максимиліана, предоставивъ ему управленіе лигой. Духовные курфирсты были за Фердинанда; свѣтскіе были не согласны между собою и не имѣли кандидата, потому не могли помѣшать выбору Фердинанда. Коллегія курфирстовъ допустила Фердинанда какъ короля богемскаго подать на выборъ свой голосъ по курфиршескому сану, который принадлежалъ королю богемскому; этого ужъ очень давно не случалось: курфирстъ богемскій былъ съ давняго времени устраненъ отъ участія въ дѣлахъ коллегіи курфирстовъ. Послы комитета богемскихъ директоровъ не были приняты коллегіей курфирстовъ; эти факты уже показывали, что выборъ Фердинанда обезпеченъ. Курфирсты саксонскій, пфальцскій и бранденбургскій признали выборъ Фердинанда, сдѣланный духовными курфирстами, и 28 августа 1619 Фердинандъ былъ провозглашенъ императоромъ. Протестанты предчувствовали, что вся католическая Германія будетъ вовлечена имъ въ борьбу для подавленія ихъ религіи. Бранденбургскій посолъ сказалъ: «на небесахъ не радуются этому выбору и будетъ плачь о бѣдствіи Германіи». Курфирсты еще не разѣхались изъ Франкфурта, когда пришло туда извѣстіе, что чехи выбрали новаго короля. Въ іюлѣ пріѣхали въ Прагу послы принадлежавшихъ къ богемскому королевству земель (Моравіи, Силезіи, Лаузица), чтобы вмѣстѣ съ богемскимъ сеймомъ составить актъ конфедераціи всѣхъ частей богемскаго королевства и выбрать короля на мѣсто Фердинанда, которому отказано было въ повиновеніи. Актъ конфедераціи имѣлъ главнымъ своимъ содержаніемъ гарантіи противъ королевскаго произвола. Въ этомъ не было разногласій: гарантіи были формулированы и утверждены 31 іюля. Онѣ подчиняли королевскую власть очень большимъ ограниченіямъ въ пользу правъ сейма. Завѣдываніе войскомъ и финансами было предоставлено сейму. Свобода выбора короля была восстановлена въ полномъ объемѣ. Но трудно было найти новаго короля. Іоаннъ Георгъ курфирстъ саксонскій отказался отъ предложенной ему богемской короны; герцогъ савойскій Карлъ Эммануэль, за котораго хлопоталъ Мансфельдъ, не могъ быть серьезнымъ кандидатомъ во мнѣніи чеховъ, потому что онъ былъ католикъ, государство его лежало далеко отъ Богеміи и притомъ было не очень сильно. Нѣкоторые предлагали Христіана, короля датскаго, нѣкоторые Бетлена Габора; но и о нихъ нельзя было серьезно думать разсудительнымъ людямъ; напротивъ казалось очень выгодно для Богеміи выбрать курфирста пфальцскаго, располагавшаго силами протестантской уніи. Хлопоты его пословъ имѣли полный

успѣхъ. Соединенный сеймъ всѣхъ земель королевства богемскаго принялъ актъ, перечислявшій вины Фердинанда и низлагавшій его, и почти единогласно выбралъ 26 августа королемъ богемскимъ курфюрста пфальцскаго Фридриха.

Люди, руководившіе Фридрихомъ и униєю и давно хлопотавшіе о доставленіи Фридриху богемской короны, были смущены успѣхомъ своихъ желаній и не знали какъ поступить. Если бы нѣмецкіе протестанты дѣйствовали разсудительно, они не допустили бы выбора Фердинанда въ санъ императора. Уступивъ въ этомъ дѣлу рѣшенію католиковъ, они показали, что боятся войны съ ними. Теперь, когда Фердинандъ былъ провозглашенъ императоромъ, война противъ него могла быть названа мятежомъ. По буквѣ закона чехи имѣли право выбирать короля, но фактически Богемія съ давняго времени стала наслѣдственнымъ владѣніемъ габсбургскаго дома и большинство нѣмцевъ не могло не признать Фердинанда правымъ въ его рѣшимости возстановить свою власть надъ Богеміей. Можно было также сказать, что право чеховъ выбирать короля не включаетъ въ себѣ права низлагать короля, ужь избраннаго, и что поэтому низложеніе Фердинанда дѣло противозаконное. Всѣ государи Европы должны были считать чеховъ мятежниками. Руководители курфюрста пфальцскаго сообразили теперь все это и испугались осуществленія своего желанія. Сила униіи была не велика; отъ иностранныхъ государей нельзя было ожидать помощи; габсбургская династія, хотя и находилась въ затруднительномъ положеніи, оставалась очень сильна. Конгрессъ уполномоченныхъ униіи, собравшійся 12 сентября въ Ротенбургѣ, робѣлъ одобрить принятіе богемской короны Фридрихомъ; другіе курфюрсты настойчиво убѣждали Фридриха не принимать слишкомъ опаснаго сана; Максимилианъ баварскій тоже предостерегалъ его. Король англійскій на просьбу Фридриха о помощи отвѣчалъ такими неопредѣленными словами, что было очевидно: онъ не хочетъ вступить за зятя. Іакову было пріятно то, что дочь его становится королевой, но союзъ съ богемскими мятежниками былъ противенъ образу мыслей его. Наперекоръ всѣмъ предостереженіямъ Фридрихъ послушался своихъ совѣтниковъ, главными изъ которыхъ были Христіанъ ангальтскій, Дона, Камерарій, Шёнбергъ. Морицъ оранскій и герцогъ бульонскій поддерживали ихъ мнѣніе: кальвинистскіе фанатики, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ придворный проповѣдникъ курфюрста Абрагамъ Скультетъ, говорили въ томъ же смыслѣ; легкомысленный курфюрстъ, думавшій только о блескѣ, обольстился богемской короной, не понимая, какъ опасна она для него. Говорятъ, что сильное вліяніе на рѣшеніе Фридриха имѣла его жена; но вѣроятно она мало вмѣшивалась въ это дѣло; ея мысли были поглощены тогда нарядами, балами, спектаклями и романами.

Въ началѣ октября Фридрихъ отправился въ путь, вступилъ въ Прагу блестящей процессіей при радостныхъ крикахъ народа и 2 ноября короновался въ санъ короля богемскаго. Положеніе военныхъ дѣлъ было тогда неблагопріятно чехамъ. Незадолго передъ тѣмъ Бетленъ Габоръ, союзникъ ихъ, пошелъ въ горную Венгрію, взялъ Кашау, пошелъ на Пресбургъ, овладѣлъ имъ. Палатинъ Форгачъ и венгерскіе протестанты приняли его сторону; онъ овладѣлъ всей Венгріей, пошелъ въ Австрію, подступилъ къ Вѣнѣ; Фердинандъ былъ

тогда въ Германіи; эрцгерцогъ Леопольдъ, управлявшій въ его отсутствіе Австріей, призвалъ на защиту Вѣны графа Бюкуа, боровшагося въ Богеміи съ войскомъ Турна. Онъ торопливо пошелъ къ Вѣнѣ, вслѣдъ за нимъ шелъ Турнъ и 24 октября соединился подъ Вѣной съ Бетленомъ Габоромъ. Фердинандъ возвратился, сталъ самъ распоряжаться обороной Вѣны, велъ дѣло энергически. У осаждающихъ оказался недостатокъ въ деньгахъ и аммуниціи; вожди ихъ ссорились, они стали страдать отъ голода и стужи; поляки вторглись въ Венгрію. Бетленъ Габоръ заключилъ съ Фердинандомъ перемиріе, ушелъ въ Венгрію, и черезъ нѣсколько времени (25 августа 1620 г.) венгерскій сеймъ выбралъ его королемъ. Турнъ, при отступленіи Бетлена Габора, принужденъ былъ тоже уйдти отъ Вѣны. Новый король богемскій назначилъ главнокомандующимъ Христіана ангальтскаго, далъ важныя должности въ войскѣ многимъ пфальцскимъ вельможамъ; это оскорбило Турна, Мансфельда, другихъ чешскихъ генераловъ. Притомъ у чеховъ не было денегъ на энергическое веденіе войны; войско ихъ страдало зимой отъ холода, терпѣло и голодъ. Дисциплина въ немъ упала. Война ужъ и тогда приняла характеръ опустошенія. Буйные солдаты ходили шайками по селеніямъ, грабили, рѣзали; поселяне въ отчаяніи тоже собирались толпами, убивали попадавшихся имъ солдатъ, не разбирая, кому служатъ эти грабители, императору или богемскому сейму и новому королю. Ограбивъ ту мѣстность, по которой бродили, богемскіе наемники, не получавшіе жалованья, отдавали свои пистолеты, рейтарскіе сапоги, копыя въ закладъ маркитантамъ, выпрашивая у нихъ пищу. — Богемское войско состояло теперь все изъ наемниковъ; народное ополченіе разошлось еще лѣтомъ того года, осенью котораго пришелъ въ Прагу Фридрихъ.

Ранке говоритъ о Бетленѣ Габорѣ: „Онъ былъ усердный протестантъ; есть церковный гимнъ, написанный имъ; онъ 26 разъ прочелъ всю Библію, постоянно бывалъ на богослуженіи; онъ умѣлъ хорошо говорить, вставляя въ свою рѣчь тексты священнаго писанія. Венгры называютъ его великимъ государемъ, героемъ, сохраняютъ до сихъ поръ восторженную любовь къ нему“.

Фридрихъ не сумѣлъ внушить уваженіе къ себѣ чехамъ и власть его была шаткой. Онъ былъ окруженъ кальвинистскими фанатиками; по ихъ внушенію велѣлъ вынести изъ церквей образа, которыми утраквисты и лютеране украшали свои храмы и которыхъ не допускали въ своихъ храмахъ кальвинисты; Скульптетъ произносилъ фанатичныя проповѣди противъ владычествующаго въ Богеміи «идолопоклонства»; ужъ одного этого безразсуднаго фанатизма было бы достаточно, чтобъ оттолкнуть отъ Фридриха утраквистовъ, сохранившихъ многіе обычаи католической церкви. Дворъ Фридриха состоялъ

изъ людей такихъ же легкомысленныхъ, какъ онъ; они и онъ шумно веселились, это казалось неприличіемъ, безправственностью чехамъ, людямъ серьезнаго характера, привыкшимъ при Габсбургахъ видѣть дворъ серьезнымъ, строго соблюдающимъ этикетъ. Въ войскѣ и администраціи первыя мѣста занимали пфальцскіе вельможи; дворъ сорилъ деньгами на роскошь при недостаткѣ ихъ на войну; генералы ссорились; наемники буйствовали, не слушались начальниковъ. Надежды на помощь уніи оказались напрасны; она только давала обѣщанія, ничего не исполняя. А между тѣмъ, католики всей Германіи дѣйствовали единодушно и рѣшительно. Императоръ, чрезвычайно нуждавшійся въ деньгахъ, заключилъ 8 октября 1619 съ Максимилианомъ договоръ, по которому отдалъ ему въ залогъ часть австрійскихъ земель, обѣщался отдать курфиршество пфальцское и другія завоеванія, какія сдѣлаетъ онъ; Максимилианъ обязался давать ему деньги, обратить все свое войско противъ богемскихъ мятежниковъ и курфирста пфальцскаго. Фердинандъ просилъ короля испанскаго послать изъ Нидерландовъ войско во Пфальцъ. На собраніи членовъ лиги въ декабрѣ было рѣшено немедленно собрать 25.000 человекъ войска и отдать эту армію подъ начальство Максимилиану. Лютеранскіе государи Германіи не хотѣли вступаться за кальвиниста или даже были враждебны ему. Іоаннъ Георгъ, курфирстъ саксонскій, по внушенію своего придворнаго проповѣдника, лютеранскаго фанатика Гоэфонъ Гоэнегга, рѣшительно принялъ сторону императора, называя курфирста пфальцскаго мятежникомъ, обѣщалъ помогать Фердинанду въ покореніи Богеміи; Фердинандъ обязался отдать ему за это княжество ангальтское. Такимъ образомъ Фридрихъ и чехи, окруженные врагами, не имѣли союзниковъ. Унія совершенно оробѣла и 3 іюня 1620 заключила миръ съ лигой, дала войску Максимилиана свободный путь черезъ свои земли въ Богемію.

Баварскія, лигистскія, испанскія, саксонскія войска шли на помощь императору; а богемскіе полководцы едва могли удерживать подъ знаменами своихъ солдатъ, желавшихъ разойтись. Весна и лѣто 1620 прошли безъ большихъ сраженій; война ограничивалась мелкими стычками въ Богеміи и Австріи. Въ одной изъ нихъ 12 апрѣля былъ убитъ Колонна фонъ Фельсъ; въ серединѣ іюля Максимилианъ съ войскомъ лиги вошелъ въ эрцгерцогство австрійское. Протестантская оппозиція спѣшила присягнуть на вѣрность Фердинанду, котораго прежде не хотѣли признавать государемъ эрцгерцогства. Сопротивлявшіеся были объявлены мятежниками, осуждены на казнь, имѣнья ихъ было велѣно конфисковать. Враги шли на Фридриха со всѣхъ сторонъ. Герцогъ баварскій, главнокомандующимъ у котораго былъ Тилли, вошелъ въ сентябрѣ въ южную Богемію; курфирстъ саксонскій занялъ Лаузицъ; изъ южныхъ Нидерландовъ Спинола велъ большое испанское войско во Пфальцъ. Фридриху, какъ мы гово-

рили, не прислалъ помощи никто; даже тестъ его король англійскій ограничилъ свою помощь зятю тѣмъ, что разрѣшилъ полковнику Грѣ (Grey) вербовать наемниковъ въ Англіи. Грѣ повелѣлъ ихъ черезъ Бранденбургъ въ Богемію, но они подверглись на пути болѣзнямъ, отъ которыхъ многіе умерли. Ничтожныя пособія деньгами и оружіемъ, тайно присылаемыя Фридриху протестантскими государями, не могли улучшить его положенія.

Жанъ Черкласъ де Тилли происходилъ отъ знатной фамиліи, имѣвшей свою резиденцію близъ Брюсселя; онъ научился военному искусству въ походахъ Александра пармскаго, потомъ поступилъ въ лотарингскую службу, послѣ того въ австрійскую, сражался съ турками и съ 1610 былъ главнымъ командующимъ баварскаго войска. Онъ былъ уже старикъ и находился въ службѣ лиги, когда ему открылась блестящая военная карьера. Онъ былъ фанатикъ, аскетъ, не пилъ вина, чуждался женщинъ, молился каждый день много часовъ; онъ хотѣлъ только истреблять еретиковъ, не имѣя никакого личнаго честолюбія.

5. Бѣлогорская битва. Покореніе Богеміи.

Максимиліанъ двинулся въ Австрію немедленно по заключеніи перемирія уніи съ лигой, соединился въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ съ Бюкуа и пошелъ на сѣверъ въ Богемію. Осторожный Бюкуа принужденъ былъ повиноваться отважнымъ Максимиліану и Тилли; нѣсколько крѣпостей сдались Максимиліану безъ сопротивленія. Онъ подступилъ къ Пильзену, въ которомъ заперся Мансфельдъ. Скоро овладѣть этой крѣпостью было нельзя, Максимиліанъ вступилъ въ переговоры съ Мансфельдомъ, склоняя его къ измѣнѣ. Но онъ не сдалъ крѣпость. Герцогъ пошелъ мимо Пильзена къ Прагѣ. Богемское войско отступало передъ нимъ. Оно было ослаблено упадкомъ дисциплины; чешскіе вельможи мало помогали Фридриху, своими безразсудными поступками возбуждившему противъ себя всеобщее неудовольствіе въ Богеміи. На пути отступленія солдаты Фридриха, утомленные тяжелымъ ночнымъ переходомъ, упали духомъ; многіе дезертировали. Войско состояло изъ 20.000 человѣкъ, когда расположилось лагеремъ передъ Прагой на Бѣлой горѣ. Максимиліанъ и Тилли шли за нимъ; они имѣли до 30.000 человѣкъ; голодъ, стужа и болѣзни ослабили и это войско, разстроили дисциплину въ немъ; но въ рѣшительную минуту Тилли и его помощники Марадасъ, Тифенбахъ, Колальто сумѣли установить дисциплину и одушевить солдатъ мужествомъ. Въ полдень 8 ноября (1620 года) полки Тилли и Тифенбаха начали бой штурмомъ Бѣлой горы, и черезъ часъ побѣда была рѣшена. Одинъ изъ полковъ Турна обратился въ бѣгство;

его примѣру послѣдовали другіе; главнокомандующій Христіанъ ангальтскій и его сынъ напрасно останавливали бѣгущихъ. Сынъ Христіана и молодой графъ Шликъ были взяты въ плѣнъ. Венгерская конница, присланная Бетленомъ Габоромъ и поставленная въ резервъ, тоже обратилась въ бѣгство. Все богемское войско безпорядочно бѣжало въ ворота Праги. Фридрихъ смотрѣлъ со стѣны на пораженіе, рѣшившее судьбу его.

Въ послѣднее время онъ старался приготовить Прагу къ оборонѣ; но при совершенномъ разстройствѣ бѣжавшаго войска, не могъ бы устоять противъ побѣдителей и человекъ болѣе даровитый, болѣе сильный характеромъ. Изъ бѣжавшихъ солдатъ едва можно было сформировать нѣсколько небольшихъ отрядовъ; большинство побросало оружіе и отказалось продолжать борьбу. Граждане Праги оробѣли, вступили въ переговоры съ непріятелемъ. Не возможно было думать объ оборонѣ; самъ Христіанъ ангальтскій совѣтовалъ Фридриху бѣжать; и на другой день послѣ Бѣлогорской битвы онъ уѣхалъ изъ Праги. Вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ нее Максимилианъ, не встрѣчая сопротивленія. Граждане заявляли покорность. Говорятъ, что императоръ съ насмѣшкой разорвалъ граматы, которыми были гарантированы права чешской націи. Гоэнлоэ, Турнъ, Руппа и другіе помощники Фридриха тоже бѣжали; Христіанъ ангальтскій уѣхалъ такъ торопливо, что забылъ взять свои бумаги; побѣдители напечатали ихъ, чтобы показать всѣмъ, какъ злонамѣренны были замыслы уніи. Фридрихъ, уѣхавшій въ Бреславль, послалъ оттуда воззваніе къ уніи, доказывая, что его дѣло — общее дѣло всѣхъ протестантовъ. Но малодушные государи уніи не отважились вступить за него. Напрасно надѣялся онъ и на то, что населеніе Силезіи будетъ обороняться. Оно слушало предостереженія курфюрста саксонскаго, а не просьбы государя, потерявшаго войско; онъ нашелъ, что опасно для него оставаться въ Бреславлѣ и въ январѣ (1621 года) уѣхалъ въ Бранденбургъ. Силезія и Лаузицъ заявили покорность Фердинанду. — Курфюрстъ бранденбургскій едва давалъ скудное содержаніе Фридриху и его супругѣ, боясь раздражить императора хорошимъ приемомъ ихъ. Фридрихъ нашелъ себѣ ласковый приемъ только въ Гагѣ у Морица оранскаго. Онъ былъ предметомъ общихъ насмѣшекъ у католиковъ; они прозвали его зимнимъ королемъ.

Всѣ покорялись Фердинанду или бѣжали; только Мантфельдъ сопротивлялся, запершись въ Пильзенѣ. Гарнизоны его занимали нѣсколько другихъ крѣпостей. Число его солдатъ было довольно велико. Онъ рассчитывалъ добиться выгодныхъ условій мира. Императорскія и баварскія войска потерпѣли большой уронъ, были изнурены, не могли энергически вести наступательныхъ дѣйствій; потому Мансфельдъ держался въ Богеміи нѣсколько мѣсяцевъ. Тилли заключилъ съ нимъ перемиріе для переговоровъ о сдачѣ Пильзена, Табора и

другихъ его крѣпостей. Но его требованія были слишкомъ высоки, переговоры разорвались. Наскучивъ оставаться неподвижно въ Пильзенѣ, Мансфельдъ поручилъ начальство надъ этой крѣпостью Герману Френку и пошелъ съ шотландскимъ полкомъ Грэ и нѣсколькими другими отрядами по сѣверо-западной части Богеміи; выдерживая стычки съ баварскими войсками, онъ пробился въ верхній (баварскій) Пфальцъ, сталъ вербовать тамъ наемниковъ и скоро собралъ 20.000-ное войско. Слава его привлекала наемниковъ, жившихъ безъ службы. Онъ не имѣлъ денегъ на жалованье имъ; но раньше Валленштейна понялъ и примѣнилъ къ дѣлу принципъ, что чѣмъ многочисленнѣе армія, тѣмъ меньше денегъ нужно на ея содержаніе: лишь бы она была сильнѣе непріятеля, она будетъ сама кормить себя формальными контрибуціями и безцеремоннымъ грабежомъ. Начальники войска, оставленнаго Мансфельдомъ въ Пильзенѣ, вошли въ сношенія съ императорскими генералами и, получивъ столько денегъ, сколько требовали, сдали крѣпость 26 марта 1621. Баварцы соединились съ саксонцами, пошли покорять другія крѣпости юго-западной Богеміи, гдѣ стояли гарнизоны Мансфельда, овладѣли ими въ апрѣлѣ и маѣ, взяли Таборъ и другія сопротивлявшіяся небольшія крѣпости въ центральной части Богеміи. Мансфельдъ собралъ войско не за тѣмъ, чтобы возвратиться въ Богемію; онъ хотѣлъ перенести войну въ мѣста, гдѣ можно было пріобрѣсти больше славы и добычи.

Богемія, намѣстникомъ которой Фердинандъ назначилъ князя Карла Лихтенштейна, подверглась послѣ Бѣлогорской битвы мщенію разгнѣваннаго короля, возстановившаго свое владычество надъ ней. Города и селенія были обложены контрибуціями, обязаны были давать роскошное содержаніе солдатамъ, разставленнымъ на квартиры у домохозяевъ; многіе наемники были распущены послѣ побѣды; они толпами ходили по Богеміи, грабили то, что оставалось отъ правительственныхъ поборовъ. Вожди возстанія, директоры и дефенсоры были преданы суду. Многіе изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ, но многіе другіе были обольщены увѣреніемъ, что всѣ, покоряющіеся, будутъ прощены, и сами отдались въ руки Фердинанда. Онъ не считалъ себя обязаннымъ соблюдать слово, данное еретикамъ. Въ одинъ день (20 февраля 1621) были вѣроломно арестованы пятьдесятъ вождей протестантской партіи, почти всѣ, заслуживавшіе уваженія знатностью, преклонными лѣтами, благородствомъ характера; четыре мѣсяца держали ихъ въ темницахъ, потомъ приговорили большинство ихъ къ смертной казни, другихъ къ пожизненному заключенію въ темницѣ или къ изгнанію. Католическіе писатели, желающіе представить Фердинанда въ возможно лучшемъ видѣ, говорятъ, что самъ онъ склонялся къ милосердію, но чешскіе фанатики католичества и вѣнскіе придворные іезуиты, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ духовникъ

императора Ламормень (или, какъ была истинная форма фамиліи этого офранцузившагося нѣмца, Леммерманъ) убѣдили его въ необходимости безпощадной строгости. Двадцать семь богемскихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ находились графъ Андрей Шликъ, Венцель-фонъ-Будовецъ (по чешской формѣ фамиліи Венцель зъ Будовы), бывшій руководителемъ возстанія, и Йессеніусъ были 21 іюня взведены на эшафотъ. Тѣла ихъ были изуродованы послѣ казни, головы ихъ выставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ по городу Прагѣ. Имѣньями казненныхъ и другихъ осужденныхъ обогатились императоръ и его слуги. Имущество всѣхъ протестантовъ было объявлено конфискованнымъ, и началась гнусная торговля имъ, перемѣнившая весь составъ сословія землевладѣльцевъ въ Богеміи. Слуги Фердинанда получили титулы богемской аристократіи. Покончивъ казни и конфискаціи, Фердинандъ и его помощники занялись подавленіемъ протестантства; усерднѣйшими агентами ихъ были іезуиты. Протестантскія церкви были закрыты или отданы католикамъ; многіе протестантскіе священники или школьные учителя были убиваемы, всѣ другіе мучимы, изгоняемы; протестантскія книги и церковныя вещи просто сжигались, или, если не горѣли, то ломались. Коммиссары правительства, между которыми особеннымъ безчеловѣчіемъ отличались Георгъ-фонъ-Михна и донъ-Мартинъ-де-Гуэрда, ходили съ отрядами солдатъ по Богеміи, исполняя распоряженія Фердинанда противъ протестантовъ. Пражскій университетъ былъ отданъ іезуитамъ и подъ ихъ властью утратилъ свою ученую славу. Драгуны Лихтенштейна свирѣпо подавляли всякія попытки сопротивленія протестантовъ, гнали ихъ кулаками и оружіемъ въ католическія церкви. Жестокость относительно протестантовъ росла съ годами, по мѣрѣ того, какъ уменьшалось число ихъ, и правительство убѣждалось въ полной безопасности безпощаднаго мученія ихъ. Распоряженія противъ протестантовъ быстро слѣдовали одно за другимъ, дѣлаясь все болѣе суровыми, и наконецъ 31 іюля (1621 года) былъ обнародованъ реформаціонный патентъ (то-есть грамота о преобразованіи протестантской церкви въ католическую). Этотъ актъ повелѣвалъ, что всѣ люди некаатолическаго исповѣданія изгоняются изъ королевства богемскаго. Многіе протестанты покорились насилію, объявили себя принявшими католичество; но очень многіе — по словамъ современниковъ, 36.000 семействъ, покинули родину, сохраняя вѣрность своему убѣжденію; въ числѣ ихъ находились Карлъ Жеротинъ и знаменитый педагогъ и историкъ Іоаннъ Амосъ Коменій, оставившій намъ превосходный разсказъ о страданіяхъ изгнанниковъ. Черезъ десять лѣтъ Богемія была уже совершенно католической землею. Немногіе протестанты, уцѣлѣвшіе въ ней, оставались не изгнаны только потому, что скрывали свою вѣру. Точно такъ же, какъ съ Богеміей, Фердинандъ поступилъ съ Моравіей и Силезіей.

IV. ПФАЛЬЦСКАЯ ВОЙНА.

Когда Максимилианъ и Тилли шли къ Прагѣ, Фридрихъ, еще думавшій обороняться въ Богеміи, ужь лишился почти всѣхъ областей своего наслѣдственного государства. Въ августѣ 1620 маркизъ Спинола пошелъ съ большимъ испанскимъ войскомъ изъ Бельгіи вверхъ по Рейну. Протестантскіе государи сосѣднихъ частей Германіи, оробѣвшіе до безрадсудства, ограничивались протестами и жалобами. Унія послала императору жалобу, говорившую, что онъ, призывая иноземныя войска въ имперію, нарушаетъ законы и договоры; онъ съ презрительной насмѣшкой отвѣчалъ, что войско Спинолы — не иноземное, а войско бургундскаго округа нѣмецкой имперіи, и что оно будетъ поступать враждебно только съ мятежниками. Войско уніи бездѣйственно смотрѣло, какъ Спинола ставитъ свои гарнизоны въ Майнцѣ, Оппенгеймѣ, Гельнгаузенѣ, Вецларѣ и другихъ городахъ по пути къ рейнскому Пфальцу. Генрихъ-Фридрихъ оранскій пошелъ на помощь войску уніи, но черезъ нѣсколько недѣль ушелъ въ негодованіи на ея трусость.

Съ пренебреженіемъ всѣхъ законныхъ формъ, безъ всякаго суда императоръ объявилъ курфирста пфальцскаго, какъ виновнаго въ оскорбленіи величества и нарушеніи мира, мятежникомъ, лишеннымъ всѣхъ правъ и поставленнымъ внѣ покровительства законовъ. Исполненіе приговора онъ поручилъ Максимилиану баварскому. Императоръ хотѣлъ отдать Пфальцъ герцогу баварскому въ выкупъ за заложенные ему австрійскія земли; это представляло и ту выгоду, что передачей курфиршества пфальцскаго герцогу баварскому образовалось большинство католическихъ голосовъ въ коллегіи курфирстовъ. Запуганные угрозами члены уніи отрекались отъ нея одинъ за другимъ. Они собрались наконецъ 24 апрѣля (1621 года) въ Гейльбронѣ и объявили свой союзъ расторгнутымъ. — Защитить Пфальцъ могъ бы только король англійскій; но онъ надѣялся достичь возстановленія правъ своего зятя переговорами съ императоромъ; потому не слушалъ требованій парламента, чтобы послано было въ Германію войско. Надежда женить сына на испанской принцессѣ удерживала Іакова отъ помощи зятю. Бетленъ Габоръ, постоянно возбуждавшій нѣмецкихъ государей противъ Габсбурговъ, своихъ враговъ, отчаялся въ успѣхѣ нѣмецкихъ противниковъ Фердинанда и заключилъ съ нимъ въ декабрѣ 1621 миръ, по которому отказался отъ титула короля венгерскаго, получивъ въ вознагражденіе за то семь венгерскихъ комитатовъ. Самъ основатель уніи, склонившій Фридриха принять богемскую корону, Христіанъ ангальтскій умолялъ императора о прощеніи, получилъ наконецъ разрѣшеніе явиться къ нему и, упавъ на колѣна, получилъ помилованіе. (Онъ прожилъ послѣ того лѣтъ девять и умеръ въ 1630 году).

Мансфельдъ, пошедшій, какъ мы говорили, изъ Богеміи въ Верхній Пфальцъ, бился тамъ все лѣто и всю осень противъ Тилли; большихъ сраженій не было, война имѣла характеръ партизанскихъ схватокъ. У Мансфельда служили Фридрихъ и Вильгельмъ, герцоги саксенъ-веймарскіе, младшіе братья царствующаго герцога Іоанна Эрнста. Максимилианъ пошелъ самъ съ большимъ войскомъ противъ Мансфельда, принудилъ его отступать; онъ ушелъ въ рейнскій Пфальцъ. Верхній Пфальцъ покорился Максимилиану, присягнувъ на вѣрность ему. Захватомъ этой части государства Фридриха началось исполненіе давняго замысла католическихъ фанатиковъ отнять владѣнія у протестантскихъ государей. — Когда Мансфельдъ пришелъ въ рейнскій Пфальцъ, испанскимъ войскомъ тамъ командовалъ вмѣсто Спинолы, возвратившагося въ Нидерланды, Гонсальво де Кордова. Большихъ сраженій и тутъ не было, но партизанская война опустошала страну. Оба воюющія войска одинаково грабили населеніе. Кордова осадилъ Франкенталь; Мансфельдъ, къ которому присоединились остатки пфальцскаго войска и англійскій вельможа Горешіо (Горацій) де Веръ (Veer, какъ писалась тогда фамилія Vere), пошелъ на осаждающихъ, имѣя 20.000-ное войско; испанцы поспѣшно отступили отъ Франкенталя. Между тѣмъ, пришелъ въ рейнскій Пфальцъ Тилли, опустошилъ долину Неккара и Оденвальдскую область и въ октябрѣ двинулся на столицу пфальцскаго государства, Гейдельбергъ. Въ довершеніе бѣдствій несчастной страны пришло туда съ сѣвера еще новое войско, собранное Христіаномъ брауншвейгскимъ «на защиту Фридриха, короля богемскаго», какъ выражался онъ. Христіану было тогда только 22 года, но онъ ужъ успѣлъ прославиться военными приключеніями. Наемники, собранные имъ, превосходили другихъ отвагой и буйствомъ, хотя превзойти было трудно. Христіанъ дошелъ до Веттерауской долины, но противъ него пошло вюрцбургское войско; оно было многочисленнѣе его наемниковъ; онъ принужденъ былъ отступать, ушелъ (въ половинѣ декабря 1621 года) въ Вестфалію. Буйный авантюристъ, онъ походилъ на средневѣковыхъ рыцарей: носилъ на шляпѣ перчатку супруги Фридриха, молодой красивой женщины, съ которой познакомился въ Голландіи, и говорилъ, что сражается только за прекрасную королеву богемскую. Щедростью, привѣтливостью, снисходительностью онъ очаровывалъ своихъ солдатъ, увлекалъ ихъ въ геройскіе подвиги безстрашіемъ, съ какимъ бросался въ густыя толпы враговъ.

Христіанъ былъ третій сынъ Генриха Юлія, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго и Елизаветы, сестры короля датскаго Христіана IV, женщины умной и благородной. Мать избаловала его своей нѣжной любовью. Онъ рано увлекся порочной жизнью массы придворныхъ, привыкъ отдаваться порывамъ страстей, но былъ человѣкъ даровитый, хорошо образованный, превосходилъ большинство тогдашнихъ нѣмецкихъ государей изяществомъ манеръ. Имѣя

только 17 лѣтъ, онъ былъ назначенъ государемъ или, какъ это называлось, администраторомъ епископства гальберштадскаго, государи котораго обыкновенно были назначаемы герцогами люнебургскими изъ числа младшихъ членовъ ихъ династїи. Онъ сражался съ испанцами, поступивъ въ войско Фридриха Генриха Оранскаго, изнурялъ свое государство содержаніемъ наемнаго войска, слишкомъ большого для этого небогатаго маленькаго владѣнія. Онъ желалъ играть важную роль въ дѣлахъ Германіи, думалъ пріобрѣсти славу побѣдами во пфальцской войнѣ; родственники удерживали его отъ безразсуднаго намѣренія, онъ не послушался; голландское правительство дало ему денегъ на вербованіе наемниковъ.

Всю зиму шла опустошительная война въ Эльзасѣ, Шпейерской области, долины Неккара, Брейсгау; отряды испанцевъ, баварцевъ и наемниковъ Мансфельда ходили изъ мѣстности въ мѣстность, собирали контрибуціи, грабили, дрались съ противниками, когда встрѣчались, но большихъ сраженій не было. Въ апрѣлѣ 1622 Фридрихъ неожиданно ни для кого уѣхалъ изъ Гаги, проѣхалъ черезъ Парижъ и Лотарингію въ лагерь Мансфельда, стоявшаго тогда въ Эльзасѣ. Мансфельдъ ушелъ изъ рейнскаго Пфальца туда съ намѣреніемъ завоевать габсбургскія владѣнія въ этой области, составить изъ нихъ государство себѣ; но, не получая денегъ ни изъ Англіи, ни изъ Голландіи, не могъ содержать свое войско; испанцы вступили въ переговоры съ нимъ, онъ казался расположенъ принять ихъ предложенія, очень выгодныя для него; но пріѣздъ Фридриха разстроилъ эти планы. Населеніе Пфальца съ восторгомъ приняло своего государя.

Мансфельдъ пошелъ за Рейнъ противъ Тилли. Георгъ Фридрихъ маркграфъ баденъ-дурлахскій помогалъ ему. Чтобы не подвергать свою династію опасности быть лишеной владѣній за войну съ императоромъ, Георгъ Фридрихъ передалъ правленіе своему сыну Фридриху и велъ войну не какъ нѣмецкій государь, а какъ начальникъ наемниковъ. Мансфельдъ и маркграфъ пошли на Тилли, стоявшаго укрѣпленнымъ лагеремъ у Вислоха, нанесли ему 27 апрѣля (1622 года) тяжелое пораженіе; но неблагоразумно рѣшили послѣ побѣды дѣйствовать порознь. Маркграфъ пошелъ вверхъ по Неккару; Тилли, соединившійся съ Кордовой, неожиданно напалъ на него 6 мая близъ Вимпфена; битва была упорная; артиллерія съ обѣихъ сторонъ дѣйствовала сильно, цѣлые ряды падали отъ ядеръ. Бой длился съ разсвѣта до заката солнца, вечеромъ въ лагерь маркграфа взорвались пять фуръ съ порохомъ; взрывъ убилъ множество людей; войско маркграфа въ ужасѣ разсѣялось; артиллерія и обозъ его были взяты непріателемъ. Маркграфъ и находившіеся при немъ два сына едва спаслись отъ плѣна. Семейное преданіе фамиліи Деймлинговъ говоритъ, что среди всеобщаго бѣгства стояла непоколебимо только лейбъ-гвардія маркграфа, состоявшая изъ 400 гражданъ Пфорцгейма подъ начальствомъ своего бургомистра Бертольда Деймлинга, что они бились до послѣднихъ силъ, чтобы дать маркграфу время спастись

отъ погони, и дѣйствительно задержали ее, спасли его, но сами все легли на мѣстѣ. Эта легенда о геройской смерти 400 пфюрцгеймскихъ гражданъ возникла лишь въ XVIII столѣтіи и противорѣчитъ достовѣрнымъ фактамъ. — Мансфельдъ послѣ побѣды при Вимпфенѣ пошелъ въ Гессенъ на соединеніе съ Христіаномъ брауншвейгскимъ, шедшимъ съ сѣвера. Дармштадъ безъ сопротивленія отворилъ ему ворота; ландграфъ Людвигъ, приверженецъ императора, бѣжалъ, былъ схваченъ; но пріѣхавшій вскорѣ послѣ того Фридрихъ отпустилъ его. Христіанъ брауншвейгскій скоро оправился отъ неудачи своего перваго похода; надежда на богатую добычу подъ начальствомъ храбраго полководца привлекала къ нему толпы буйныхъ бродягъ. Война ужь начинала тогда производить то дѣйствіе, что отважные люди бросали всякія занятія, шли въ солдаты: на войнѣ можно было въ одинъ день пріобрѣсти богатство; а Христіанъ брауншвейгскій давалъ своимъ наемникамъ полную свободу грабить; въ особенности любилъ онъ опустошать владѣнія католическихъ церковныхъ сановниковъ; онъ выбралъ своимъ девизомъ слова: «Другъ Бога, врагъ поповъ» (der pfaffen католическихъ поповъ; протестантскихъ священниковъ не называли этимъ именемъ). Въ концѣ 1622 онъ вошелъ въ Вестфалію и нѣсколько мѣсяцевъ безпощадно опустошалъ владѣнія епископовъ падерборнскаго и мюнстерскаго, покорилъ всю Вестфалію, сдѣлалъ ее мѣстомъ вербовки наемниковъ для всѣхъ протестантскихъ государей Германіи и помогавшихъ имъ иностранныхъ государей. Когда уже нечего было грабить въ Вестфаліи, онъ въ маѣ 1622 года ушелъ изъ опустошенной области, двинулся вверхъ по Везеру съ 20.000-нымъ войскомъ на соединеніе съ Мансфельдомъ. Но у Гѣхста близъ Франкфурта настигли его Тилли и Кордова, имѣвшіе войско болѣе многочисленное; они напали на него 20 іюня; артиллерія ихъ разстроила ряды наемниковъ Христіана; половина арміи его была убита или утонула въ Майнѣ; съ остаткомъ войска Христіанъ пришелъ къ Мансфельду; они пошли въ Эльзасъ и осаждали Цабернъ, когда неожиданно получили декретъ Фридриха, объявлявшій, что они отпускаются изъ его службы. Этотъ поступокъ Фридриха былъ совершенно безразсуденъ: войска, которыя отпускалъ онъ изъ своей службы, успѣшно выдерживали борьбу съ испанцами и баварцами, пришедшими отнять у него владѣнія; но онъ вообразилъ, что сохранить за собою государство, если перестанетъ обороняться. Онъ просилъ прощенія у императора, короли англійскій и датскій ходатайствовали за него. Въ Брюсселѣ въ маѣ 1622 императорскіе и англійскіе уполномоченные вступили въ переговоры объ этомъ дѣлѣ. Императоръ давалъ льстивыя обѣщанія, увѣрялъ въ своемъ миролюбіи. Іаковъ поддался обману, сталъ убѣждать зятя, чтобъ онъ положилъ оружіе, увѣрялъ, что этимъ устранится послѣднее препятствіе къ миру; легкомысленный Фридрихъ повѣрилъ добросовѣстности обѣща-

ній императора, распустилъ свое войско и уѣхалъ въ Седанъ къ герцогу бولیонскому. Благодаря этому неимовѣрному ослѣпленію Фридриха, коварная габсбургская политика восторжествовала. Императоръ подъ пустыми предлогами разорвалъ переговоры о мирѣ. Король англійскій и пфальцграфъ, увидѣвъ себя обманутыми, жаловались, протестовали, но хитрость достигла цѣли: Пфальцъ, котораго не могли завоевать испанскія и баварскія войска, сталъ беззащитенъ.

Наемники, распущенные Фридрихомъ, ушли изъ Пфальца, бродили по Лотарингіи. Герцогъ бولیонскій хотѣлъ употребить ихъ на защиту гугенотовъ отъ притѣсненій французскаго правительства. Оно тоже приглашало ихъ на свою службу. Кончилось тѣмъ, что Христіанъ и Мансфельдъ съ своими наемниками поступили въ службу нидерландской республики. Кордова хотѣлъ остановить ихъ на пути къ ея войскамъ; они встрѣтились съ нимъ 29 августа при Флерюсѣ и послѣ упорнаго боя прорвались, потерявъ много людей; Фридрихъ веймарскій былъ убитъ тутъ, Христіанъ брауншвейгскій потерялъ руку.

По удаленіи Христіана и Мансфельда остались на защиту Пфальца только туземныя войска, слишкомъ слабыя числомъ. Эрцгерцогъ Леопольдъ безъ труда овладѣлъ всею частью Пфальца, лежащею на западномъ берегу Рейна. Сопротивлялись только гарнизоны Гейдельберга, Мангейма и Франкенталя. Тилли въ началѣ іюля осадилъ Гейдельбергъ, сильно укрѣпленный, бомбардировалъ его съ сосѣднихъ высотъ, дѣлалъ штурмы. Коммендантъ гарнизона Ванъ деръ Мервенъ послѣ храброй обороны сдалъ городъ 14 сентября. Солдаты Тилли, вошедши въ городъ, стали рѣзать и жечь. Знаменитый гейдельбергскій университетъ надолго утратилъ профессоровъ и студентовъ; вся нѣмецкая наука понесла тяжелую потерю, лишившись знаменитой пфальцграфской библіотеки (*Bibliotheca Palatina*), которую цѣлые вѣка собирали съ любовью пфальцграфы. Она была подарена Максимилианомъ папѣ и въ 184 ящикахъ были увезены въ Римъ ея драгоценныя рукописи и книги, чтобы нечитаемыя никѣмъ гнили онѣ въ недоступныхъ ученымъ залахъ Ватиканской Библіотеки. — Изъ Гейдельберга Тилли пошелъ на Мангеймъ; Горешіо де Веръ мужественно велъ оборону этой крѣпости, но и она принуждена была сдаться на капитуляцію (3 ноября). Только Франкенталь держался такъ крѣпко, что Тилли нашелъ неудобнымъ серьезно вести осаду его въ зимнее время. Въ мартѣ слѣдующаго (1623) года хитрые переговоры восторжествовали надъ сопротивленіемъ защитниковъ Франкенталя: они сдали крѣпость испанскому главнокомандующему.

По покореніи рейнскаго Пфальца началось искорененіе протестантизма въ немъ. Іезуиты и другіе монахи пошли съ солдатами по завоеванной странѣ, прогоняли протестантскихъ священниковъ; тысячи

людей покинули родину, чтобы не измѣнять своей вѣрѣ. — Теперь можно было императору исполнить свой договоръ съ Максимилианомъ баварскимъ, отдать отнятый у Фридриха санъ курфюрста герцогу баварскому. Онъ созвалъ для этого въ декабрѣ 1622 года въ Регенсбургѣ съѣздъ курфюрстовъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ государей, на преданность которыхъ могъ положиться. Если бы созванъ былъ нѣмецкій сеймъ въ полномъ своемъ составѣ, то была бы на немъ сильная оппозиція намѣренію императора. На съѣздѣ, составленномъ по выбору его, не могло быть этого. Ни одинъ изъ протестантскихъ государей кромѣ Людвигъ гессенскаго не пріѣхалъ на этотъ съѣздъ, противозаконно давшій католикамъ большинство голосовъ въ коллегіи курфюрстовъ. Шесть недѣль шли совѣщанія о предложеніи императора передать санъ курфюрста пфальцскаго герцогу баварскому. Уполномоченные курфюрстовъ саксонскаго и бранденбургскаго доказывали противузаконность распоряженія, которымъ императоръ отнялъ санъ курфюрста у Фридриха, говорили, что во всякомъ случаѣ санъ могъ быть отнятъ только у него самого, а право его династіи на этотъ санъ должно было остаться неприкосновеннымъ. Но 23 февраля императоръ и его приверженцы постановили рѣшеніе, что герцогу баварскому дается санъ курфюрста, а вопросъ о правахъ пфальцской династіи отлагается до болѣе удобнаго времени. Это постановленіе регенсбургскаго съѣзда сдѣлало невозможнымъ прекращеніе войны.

У. СѢВЕРЪ И СѢВЕРО-ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ. НѢМЕЦКО-ДАТСКАЯ ВОЙНА.

1. СѢВЕРЪ И СѢВЕРО-ВОСТОКЪ ЕВРОПЫ.

а. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Послѣ регенсбургскаго съѣзда война приняла такой размѣръ, что въ нее вмѣшались почти всѣ европейскія государства. Потому здѣсь надобно обозрѣть исторію тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ мы еще не говорили въ разсказѣ объ ней.

Реформація пріобрѣла владычество на всемъ сѣверѣ Европы отъ Швеціи и восточнаго берега Балтійскаго моря до Англіи и Шотландіи и дала новую силу народамъ, принявшимъ ее. Данія, Швеція и Польша были въ это время государствами, въ которыхъ владычествовала аристократія. Въ Даніи она при каждой смѣнѣ царствующаго лица увеличивала свои права, ограничивала королевскую власть условіями выбора; принцъ, выбранный королемъ, получалъ королевскій санъ, только подписавъ ихъ. Фридрихъ II былъ признанъ преемникомъ своего

отца, Христіана III, только обязавшись «не возводить никого въ дворянство безъ согласія государственнаго совѣта, не брать и не позволять женѣ брать въ залогъ дворянскія имѣнья, не облагать этихъ имѣній десятиной». Дворянство хотѣло быть совершенно замкнутымъ сословіемъ, потому было постановлено, что дѣти дворянина отъ брака съ женщиной не дворянскаго сословія не получаютъ дворянства и не наследуютъ отцовскихъ имѣній. Сынъ Фридриха II, Христіанъ IV остался малолѣтнимъ по смерти отца. Государствомъ правило восемь лѣтъ регентство, состоявшее изъ четырехъ членовъ государственнаго совѣта; аристократія въ это время упрочила свое владычество въ государствѣ, и король, достигнувъ совершеннолѣтія, былъ принужденъ дать присягу соблюденія такихъ условій выбора, которыя дѣлали его почти только исполнителемъ распоряженій государственнаго совѣта, отнимали у него почти всякую самостоятельность. Почти все датскіе короли были люди сильнаго характера, большого ума и стремились расширить свою власть, доставить себѣ независимость отъ аристократіи. При Фридрихѣ II членъ государственнаго совѣта Петеръ Оксе, довѣреннѣйшій совѣтникъ короля, заботился о приведеніи финансовъ въ хорошій порядокъ, между прочимъ для того, чтобы король менѣе нуждался въ просьбахъ о деньгахъ. Тогда были отмѣнены торговыя монополіи ганзейскихъ городовъ, введено было взиманіе пошлины съ кораблей, идущихъ черезъ Зундъ и надъ городомъ Гельсингёромъ, гдѣ находилась таможня для взиманія этой пошлины, была построена крѣпость Кронборгъ. Христіанъ IV, человѣкъ предприимчиваго характера, былъ создателемъ датскаго военнаго флота. Короли датскіе старались мѣшать развитію самостоятельности Швеціи, установленію въ ней прочнаго порядка престолонаслѣдія. Они досадовали на расторженіе Кальмарской уніи, по которой были государями Швеціи, сохраняли притязанія на шведскій престолъ; за ними осталась южная часть Швеціи (провинціи Сконе, Голландъ, Блекинге), потому они непрерывно имѣли возможность дѣлать нашествія на королевство шведское и часто пытались низвергнуть династію Вазъ. Ссоры между сыновьями Густава Вазы и недовольство вельможъ облегчали нападенія датчанъ: Эрикъ XIV и Іоаннъ не имѣли денегъ завести сильный флотъ, не могли одолѣть вельможъ, бывшихъ почти независимыми государями въ своихъ владѣніяхъ. Только младшій сынъ Густава, энергическій и хитрый Карлъ IX подавилъ вельможъ желѣзной рукой. Онъ отразилъ нападенія своего племянника Сигизмунда, короля польскаго, стремившагося возстановить въ Швеціи католичество. Сынъ Карла IX Густавъ Адольфъ, въ которомъ даровитость и предприимчивость соединялись съ любезностью обращенія, примирилъ подавленныхъ отцомъ вельможъ съ преобладаніемъ короля надъ ними. Единодушіе короля и аристократіи дало Швеціи возможность стремиться къ владычеству на Балтійскомъ морѣ. Шведскій флотъ не былъ такъ силенъ, чтобы вытѣ-

снить датчанъ изъ южной части его, но Густаву Адольфу удалось покорить восточный берегъ, а потомъ и часть южнаго берега.

Орденъ меченосцевъ, владычествовавшій надъ Лифляндіей, рушился. Большая половина Лифляндіи, въ которой находилась Рига, была присоединена къ Польшѣ; меньшую южную часть Польша оставила послѣднему гофмейстеру ордена Готгарду Кетлеру, сложившему съ себя монашескіе обѣты и принявшему протестантство. Онъ сталъ герцогомъ своего государства, признавъ короля польскаго своимъ сюзереномъ. Сѣверную часть прежняго государства меченосцевъ, Эстляндію, покорила Швеція и удержала ее за собою, отразивъ нападенія русскихъ и поляковъ. Густавъ Адольфъ хотѣлъ овладѣть Лифляндіей. Обстоятельства благопріятствовали этому: по смерти Стефана Батори былъ выбранъ королемъ польскимъ потомокъ Вазъ и Ягеллоновъ, двоюродный братъ Густава Адольфа, Сигизмундъ III, человѣкъ бездарный и безхарактерный, а въ Россіи въ это время происходили смуты. Сигизмундъ не хотѣлъ отказаться отъ притязаній на шведскій престолъ и признать Густава Адольфа королемъ. Это повело въ началѣ двадцатыхъ годовъ къ войнѣ, въ которой Густавъ Адольфъ пріобрѣлъ славу и завоевалъ польскую часть Лифляндіи. Вскорѣ послѣ того Валленштейнъ овладѣлъ Мекленбургомъ, Сигизмундъ III принужденъ былъ (въ сентябрѣ 1629) заключить съ Густавомъ Адольфомъ перемиріе, по которому уступилъ ему всю Лифляндію и значительную часть польской Пруссіи.

в. шведскія и остзейскія провинціи при эрикѣ xiv.

Густавъ Ваза умеръ въ сентябрѣ 1560. По его завѣщанію на престолъ вступилъ старшій сынъ, Эрикъ, а младшіе сыновья получили большіе удѣлы: Іоаннъ Финляндію, Магнусъ восточную Готландію, Карлъ Зюдерманландію съ обязанностью повиноваться королю, какъ своему сюзерену, но съ такими обширными правами, что королевская власть почти исчезла въ этихъ удѣлахъ. Младшіе братья были такими могущественными владѣтелями, что не слушались старшаго; онъ, отъ природы подозрительный, мрачный, постоянно тревожился опасеніями, что они составляютъ заговоры противъ его власти и даже его жизни. Ссоры его съ ними возникали тѣмъ легче, что онъ былъ сыномъ одной матери, они — другой. Они дѣйствительно стремились сдѣлаться независимыми государями, а онъ желалъ совершенно подчинить ихъ себѣ, потому междоусобія были неизбежны. При своемъ коронованіи въ Упсалѣ, отпразднованномъ 29 іюля 1561 съ невиданной въ Швеціи пышностью, Эрикъ далъ многимъ дворянамъ титулы графовъ и бароновъ, то есть возвелъ ихъ въ привилегированное вельможное сословіе, надѣясь сдѣлать ихъ усердными своими приверженцами, и заявлялъ свою власть надъ младшими братьями въ очень широкомъ размѣрѣ; при обрядѣ коронованія герольдъ провозглашалъ: „Король шведовъ, готовъ и вендовъ одинъ, и хотя нѣсколько королей блистаютъ передъ вашими глазами, но никто не долженъ понимать этого такъ, какъ будто королевская

корона не одна“. На сеймѣ, собранномъ въ Арбогѣ, были съ точностью опредѣлены права сюзеренной власти короля надъ удѣльными государями, имѣвшими титулъ герцоговъ.

Въ первое время царствованія Эрика нельзя было предвидѣть, что оно кончится ужаснымъ образомъ: ему было тогда 27 лѣтъ, онъ былъ стройнаго сложенія, ловокъ, имѣлъ пріятныя манеры, хорошо говорилъ, зналъ нѣсколько языковъ, былъ знатокъ музыки, поэзіи, живописи, возбуждалъ хорошія ожиданія. Дворянство и народъ были расположены къ нему. Страна пользовалась миромъ, казна была полна. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Эрика было учрежденіе высшаго суда, переѣзжавшаго изъ города въ городъ, чтобы для всѣхъ представлялось удобство имѣть защиту правосудія. Исполненіе этого дѣла было плохо, и новый трибуналъ просуществовалъ не долго; но по мысли Эрика онъ предназначенъ былъ ограничить судебную власть вельможъ. Эрикъ обнародовалъ также благоразумныя распоряженія для обезпеченія общественной безопасности; давалъ въ Швеціи пріютъ всѣмъ преслѣдуемымъ протестантамъ, не только лютеранамъ, но и кальвинистамъ. Скоро однакоже стали замѣчать въ немъ странности, переходившія границу благоразумія, увлекавшія его въ нелѣпыя или жестокіе поступки, расточительность его не знала мѣры. Вздумавъ искать руки Елизаветы англійской, онъ истратилъ на сватовство громадныя суммы; собираясь ѣхать въ Лондонъ, онъ сдѣлалъ себѣ больше ста полныхъ нарядовъ очень дорогихъ. Онъ не жалѣлъ никакихъ денегъ на удовлетворенія своей страсти къ роскоши и на покупку дорогихъ вещей, рѣдкихъ животныхъ. Такимъ образомъ онъ скоро растратилъ богатую отцовскую казну; а младшіе братья считали ее семейнымъ наслѣдствомъ, требовали ея раздѣла. Въ государственныхъ дѣлахъ Эрикъ выказывалъ болѣзненную суетливость, лихорадочную горячность. У него (какъ и у его брата Магнуса) проявлялась склонность къ поступкамъ совершенно безразсуднымъ по минутному раздраженію; та чрезмѣрная впечатлительность, которая происходитъ отъ разстройства нервовъ, ведетъ къ помѣшательству и дѣйствительно доводила многихъ членовъ династіи Вазъ до полного сумасшествія. Братъ Эрика Магнусъ страдалъ этимъ душевнымъ расстройствомъ еще больше его и скоро умеръ въ бѣшенномъ помѣшательствѣ; душевная болѣзнь Эрика развивалась въ томъ же направленіи, должна была раньше или позже привести къ тому же. Съ каждымъ днемъ росли у него подозрѣнія противъ братьевъ, особенно противъ Іоанна, любимаго народомъ за его веселую привѣтливость. Сумасшествіе Магнуса обнаружилось по поводу предложенія содѣйствовать ему въ убійствѣ Іоанна. Сплетни коварныхъ и злыхъ людей, которыми окружилъ себя Эрикъ, подливали масло въ огонь. Скоро произошли обстоятельства, ожесточившія вражду его къ братьямъ.

Въ Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи еще владычествовалъ орденъ меченосцевъ; устройство его государства оставалось средневѣковое, и подобно прусскому ордену онъ не могъ устоять противъ нападений сосѣднихъ государствъ, имѣющихъ новый государственный порядокъ, не могъ защититься и отъ внутреннихъ потрясеній борьбою новыхъ понятій съ средневѣковыми. Дворянство и городское сословіе, состоявшее подобно дворянству изъ нѣмцевъ, было расположено къ реформаціи, и скоро лютеранство распространилось въ государствѣ меченосцевъ. Съ принятіемъ его стало исчезать поклоненіе языческимъ божествамъ въ лѣсахъ, еще остававшееся у значительной части туземнаго сельскаго населенія. Гермейстеръ Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ, находившійся въ ссорѣ съ архіепископомъ рижскимъ, тайно покровительствовалъ протестантству, хотя не отваживался преобразовать орденское государство въ протестантское свѣтское, опасаясь раздра-

жить императора. Епископы эзельскій и самландскій приняли протестантство; архіепископъ рижскій Бланкенфельдъ, задумавшій отдать Лифляндію Польшѣ, былъ арестованъ; Плеттенбергъ и городъ Рига заключили между собою союзъ для охраненія религіозной свободы. Плеттенбергъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, умеръ 18 февраля 1535. При его преемникахъ лютеранское исповѣданіе продолжало распространяться; но отношенія между сословіями разстроивались, общность интересовъ забывалась при взаимной враждѣ. Рыцари и сановники ордена, большею частью иностранцы, выходили изъ ордена, продавали имѣнья, принадлежавшія имъ какъ членамъ его и уѣзжали изъ государства. Епископы подражали ихъ примѣру. Распаденіе Ганзейскаго союза дало самостоятельность торговымъ городамъ Балтійскаго моря. Своекорыстіе, по которому они мѣшали прямой торговлѣ западной Европы съ Россіей, раздражало нѣмцевъ и навлекло на орденское государство мщеніе Ивана IV Васильевича, наслѣдовавшаго въ 1534 своему отцу Василию III. Онъ желалъ овладѣть остзейскими провинціями, Польша и Швеція желали того же. Въ этомъ опасномъ положеніи орденскаго государства гермейстеромъ сталъ человѣкъ, который, если не могъ отвратить гибель орденскаго государства, по крайней мѣрѣ далъ блескъ послѣднимъ днямъ его независимости, — Готгардъ Кеттелеръ, происходившій изъ довольно знатной вестфальской фамиліи. Когда онъ былъ выбранъ гермейстеромъ, орденское государство уже стало только безжизненной формой. Сеймъ, на которомъ по прежнему совѣщались подъ предсѣдательствомъ гермейстера духовенство, члены ордена, дворянство и горожане, не имѣлъ патріотизма. Духовенство въ протестантской землѣ сохраняло форму католической іерархіи; рыцари, по словамъ старинной пѣсни, „повѣсили мечи на стѣну и храбро воевали не съ русскими, а съ пивными кружками“; купцы по корыстолюбію не дозволяли нѣмецкимъ городамъ прямой торговли съ Россіей и черезъ это сдѣлали ихъ союзниками русскаго царя. У орденскаго правительства не было ни денегъ, ни запасовъ оружія, ни хорошаго войска. Царь завоевалъ Нарву; она стала рынкомъ прямой торговли ганзейцевъ съ Россіей. Русское войско подъ начальствомъ Петра Шуйскаго подступило къ Дерпту, опустошивъ все на пути. Предлогомъ для войны русскіе выставили то, что Дерптъ пересталъ платить прежнюю дань русскому царю. Послѣ храброй обороны городъ осенью 1558 покорился. Епископъ былъ, съ нарушеніемъ условій капитуляціи, отвезенъ какъ плѣнникъ въ Москву и кончилъ тамъ жизнь въ нищетѣ; каноники бѣжали; епископство дерптское съ сосѣдними замками осталось подъ русской властью. Простоявъ недѣлю подъ Ригой, русское войско прошло по орденскому государству до литовской границы, опустошая страну, и съ богатой добычей возвратилось на родину. Просьбы гермейстера къ императору, къ герцогу прусскому, ганзейскимъ городамъ о помощи остались напрасны; войско ордена было слишкомъ слабо; прелаты, рыцари и города заключали съ иностранными государями договоры, которыми надѣялись спасти что-нибудь отъ угрожающей гибели: епископы курляндскій и эзельскій обратились съ просьбой къ Даніи, городъ Ревель къ Швеціи. Соломонъ Геннингъ, другъ Кеттелера и членъ тайнаго совѣта, яркими чертами описываетъ въ своей „Лифляндской и курляндской хроникѣ бѣдствія страны“: Кто видѣлъ это горе, не можетъ вспомнить о нихъ безъ слезъ. Большія груды свирѣпо изуродованныхъ женскихъ и дѣтскихъ тѣлъ обозначали дороги, по которымъ прошли русскіе. Турки и язычники не дѣлали подобнаго“. Орденъ снова посылалъ императору просьбы о помощи; Фердинандъ утѣшалъ обѣщаніями, которыхъ не исполнилъ, и письмами къ сѣвернымъ дворамъ, оставшимися безъ всякаго дѣйствія. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ государей бездушно говорили посламъ ордена: „Прежде вы не думали о

Германіи, выбирали на высшія должности почти только вестфальцевъ, можете просить помощи теперь у нихъ.

Кеттелеръ поступилъ какъ прежде Альбрехтъ прусскій: поѣхалъ къ королю Сигизмунду II Августу (сыну Сигизмунда I) и послѣ долгихъ переговоровъ заключилъ въ августѣ 1559 въ Вильнѣ договоръ, по которому орденъ отдался подъ сюзеренную власть короля польскаго, съ оговоркой, что этимъ не прекращается вассальное отношеніе его къ нѣмецкой имперіи. На съѣздѣ орденскихъ сановниковъ въ Ригѣ 5 апрѣля слѣдующаго (1560) года было рѣшено: если имперія не подастъ помощи, то гермейстеру разрѣшается сложить съ себя орденскіе (монашенскіе) обѣты, жениться и стать потомственнымъ государемъ Лифляндіи. — Около того же времени Фридрихъ II, король датскій, купилъ у епископовъ пильтенскаго, эзельскаго, ревелскаго ихъ владѣнія и составилъ изъ этихъ земель герцогство для своего брата Магнуса. Но русскій царь не обратилъ вниманія ни на договоры лифляндцевъ съ королями польскимъ и датскимъ, ни на протесты императора: въ томъ же году большое русское войско снова вступило въ Лифляндію. Крѣпость Маріэнбургъ, стоявшая на островѣ озера и бывшая самымъ сильнымъ оплотомъ страны, была при первомъ нападеніи русскихъ сдана трусливымъ коммендантомъ. Поселяне бѣжали въ лѣса; ихъ ловили, уводили толпами въ неволю. Иноземные наемники, досадуя на неуплату жалованья, почти всѣ ушли. Войско ордена состояло только изъ рыцарей и лифляндскихъ дворянъ; ландмаршамъ Филиппъ Шалль фонъ Белль повелъ этотъ малочисленный отрядъ противъ непріятеля, дать ему битву 2 августа подъ Эрмесомъ; рыцари и дворяне сражались геройски; русскіе окружили ихъ, взяли въ плѣнъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Ландмаршалъ, его братъ Вернеръ, нѣсколько орденскихъ сановниковъ, людей очень знатнаго происхожденія, и 120 рыцарей были отведены въ Москву и замучены тамъ. Альтмейстеръ (старшій командоръ) Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ, залершійся въ замкѣ Феллинъ съ своими сокровищами, былъ выданъ наемниками, отосланъ въ Москву, и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ въ плѣну, какъ и епископъ дерптскій. Летучіе отряды русской конницы дошли до Пернау; тамъ засѣдалъ сеймъ орденскаго государства; депутаты въ ужасѣ бѣжали. Это было послѣднее собраніе сейма государства меченосцевъ. Русскіе тремя арміями пошли по приморью, грабили, рѣзали жителей. Только отъ замка Вейсенштейна были они отражены Каспаромъ фонъ Альтенъ-Бокумомъ и его храбрыми воинами. Въ довершеніе бѣдствія эстонскіе поселяне возстали противъ своихъ суровыхъ господъ. Повсюду была анархія; поляки не спѣшили подать помощь, рассчитывая, что чѣмъ тяжеле будетъ бѣдствіе ордена, тѣмъ полнѣе будетъ покорность его. Дѣйствительно уполномоченные ордена и лифляндскаго дворянства заключили съ гетманомъ литовскимъ Радзивилломъ договоръ, прекратившій существованіе орденскаго государства. Кеттелеръ сложилъ съ себя монашество и получилъ часть Лифляндіи на югъ отъ Двины въ наследственное владѣніе съ титуломъ герцога курляндскаго, какъ вассалъ Польши; остальная орденская земля была присоединена къ польскому государству. Польша гарантировала лифляндскому дворянству и народу свободу богослуженія, неприкосновенность ихъ законовъ, сохраненіе ихъ особыхъ трибуналовъ. Кеттелеръ принялъ титулъ герцога курляндскаго и самгальскаго. Депутаты города Риги и депутаты лифляндскаго сейма присягнули въ ноябрѣ 1561 на вѣрность королю польскому. — Съ востока шли русскіе отнять у Польши ея новое владѣніе; шведы, заключивъ договоръ съ городомъ Ревелемъ и эстляндскимъ дворянствомъ, заняли Эстляндію; Магнусъ сталъ государемъ бывшихъ епископствъ эзельскаго и пильтенскаго. Поляки, предвидя тяжелую войну съ русскими, не мѣшали шведамъ и датчанамъ взять эти части бывшаго орденскаго государства; Сигизмундъ Августъ за-

ключилъ съ королемъ шведскимъ миръ, по которому они признали другъ друга законными владѣтелями тѣхъ частей орденскаго государства, какими владѣютъ теперь. Для укрѣпленія дружбы со шведскою династіей, король выдалъ за герцога Іоанна финляндскаго свою сестру Катерину и далъ ей большое приданое. Граждане Риги говорили, что она сохраняетъ свои прежнія права имперскаго города; но поляки, гарнизонъ которыхъ стоялъ въ Ригѣ, не обращали вниманія на эти притязанія, и лѣтъ черезъ двадцать сами граждане Риги забыли ихъ.

Кеттелеръ правилъ своимъ герцогствомъ благоразумно при содѣйствіи своего министра Геннинга, даровитаго государственнаго человѣка. Онъ приучилъ буйное дворянство уважать законъ, основывалъ школы. Въ 1566 онъ женился на Аниѣ, принцессѣ мекленбургской; у нихъ было два сына. По его смерти (17 мая 1587) сыновья стали править государствомъ оба нераздѣльно и впослѣдствіи перессорились между собой.

С. НИЗЛОЖЕНІЕ И СМЕРТЬ ЭРИКА XIV. ЦАРСТВОВАНИЕ ІОАННА.

Іоаннъ, герцогъ финляндскій, досадовалъ, что эстляндское дворянство и Ревель отдались подъ власть короля шведскаго. Онъ самъ надѣялся овладѣть Эстляндіей, не отказался отъ этой мысли и послѣ того, какъ Эстляндія присягнула его старшему брату. Женившись на сестрѣ Сигизмунда Августа, онъ рассчитывалъ, что король польскій поможетъ ему отнять Эстляндію у Эрика, поѣхалъ въ Краковъ къ Сигизмунду Августу, далъ ему денегъ взаемъ, предоставилъ своей женѣ очень большое вліяніе на дѣла, чтобъ упрочить за собой дружбу ея брата. Молва говорила, что онъ хочетъ перейти въ католичество, возстановить господство католической церкви въ Финдляндіи. Эрикъ сталъ больше прежняго опасаться злоумышленій Іоанна. Любимецъ короля Гѣранъ Персонъ, коварный интригантъ, старался усилить его подозрѣнія всяческими сплетнями. Непріязнь Эрика къ Іоанну увеличивалась завистью, что братъ женился на принцессѣ очень важной династіи. Карина (Катерина) Мансъ, любовница Эрика, женщина не знатной фамиліи, не могла, при всей своей красотѣ и любезности, дать его двору такого блеска, какой давала двору Іоанна законная жена, принцесса польской династіи. Эрикъ убѣдился наконецъ, что Іоаннъ злоумышляетъ противъ него, послалъ брату требованіе явиться въ Швецію на судъ сейма. Іоаннъ отвѣчалъ, что поѣдетъ не иначе, какъ получивъ охранную грамоту, которая обезпечивала бы ему свободу возвращенія въ Финдляндію. Эрикъ отказался дать ему охранную грамоту; онъ отказался ѣхать въ Швецію; Эрикъ послалъ войско въ Або, резиденцію Іоанна. Оно 12 августа 1563 окружило дворецъ Іоанна, арестовало его и его жену; они были отвезены въ Швецію. Эрикъ велѣлъ запереть ихъ въ башнѣ Гринсгольмскаго замка. По дорогѣ туда они видѣли на холмахъ висѣлицы, на которыхъ качались трупы друзей и слугъ ихъ.

Іоаннъ и его жена оставались четыре года въ темницѣ. Персонъ совѣтовалъ королю казнить герцога какъ мятежника; Эрикъ не рѣшался на такое злодѣйство, но подозрительность его постоянно росла. Онъ считалъ всѣхъ вельможъ врагами, заговорщиками. Каждый боялся быть обвиненнымъ въ измѣнѣ, заговорѣ. Общая опасность раздражала всю аристократію. Надобно было ожидать взрыва негодованія. Война съ Даніей долго служила Эрику средствомъ отвлекать мысли людей отъ внутреннихъ дѣлъ. Король датскій Фридрихъ II удерживалъ въ своемъ гербѣ три короны, то есть кромѣ датской и норвежской шведскую, какъ это было въ

гербъ датскихъ королей во время кальмарской уніи. Эрикъ требовалъ, чтобъ онъ уничтожилъ одну изъ трехъ коронъ (то есть шведскую) въ своемъ гербѣ. Онъ не согласился; Эрикъ внесъ въ свой гербъ датскую и норвежскую короны и сталъ дѣлать всяческія непріятности Магнусу на Эзелѣ и на эстляндскомъ берегу; изъ этого произошла война между Даніей и Швеціей; она длилась много лѣтъ. Любекъ, раздраженный тѣмъ, что шведы мѣшали его торговлѣ съ русскими въ Нарвѣ, принялъ сторону Даніи. Благодаря заботамъ Густава Вазы о шведскомъ флотѣ, онъ былъ такъ силенъ, что довольно успѣшно выдерживалъ борьбу. Шведскій адмиралъ Багге одержалъ нѣсколько побѣдъ, а когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ сраженіи у Эланда, преемникъ его Кристерсонъ продолжалъ сражаться съ такой же храбростью. Но эта династическая война была чужда интересамъ шведскаго народа. Шведы не увлекались мыслями о ней до такой степени, чтобы примириться съ безразсуднымъ тиранствомъ Эрика. Они стали роптать на войну, когда сухопутныя войска ихъ были вытѣснены датчанами изъ Трондгьема и всей той части Норвегіи, которой овладѣли въ началѣ военныхъ дѣйствій. Не довѣряя никому, Эрикъ безпрестанно смѣнялъ главнокомандующихъ, назначалъ генералами иностранныхъ авантюристовъ, безсчастившихъ Швецію своими злодѣйствами. Особенно много негодованія возбудилъ противъ себя французъ Клодъ Колларъ, назначенный коммендантомъ Трондгьема, отнявшій красивую норвежанку у ея мужа, пьяница, дѣйствовавшій на войнѣ какъ разбойникъ. При походѣ самого Эрика въ Блекинге произошло при Ротнебѣ (въ сентябрѣ 1564) такое кровопролитное сраженіе, что вода въ рѣкѣ стала красной отъ лившихся въ нее ручьевъ крови. Эрикъ опустошилъ датскія владѣнія въ Швеціи до Сельфвигсборга и перевелъ жителей въ Стокгольмъ, говоря, что лучше имѣть на границѣ государства пустыню, чѣмъ непріятельскую землю. Онъ долго оставался при войскахъ, наблюдая за исполненіемъ своего свирѣпаго плана, и возвратившись въ 1566 году въ Стокгольмъ, нашелъ тамъ вельможъ въ раздраженіи, которое угрожало ему возстаніемъ.

Это негодованіе было возбуждено процессами, которые велъ Гёранъ Персонъ, занимавшій должность королевскаго прокурора. Онъ арестовалъ и предалъ суду знатныхъ и незнатныхъ людей по доносамъ шпионовъ; въ народѣ ходили слухи о пыткахъ, о тайныхъ казняхъ; съ каждымъ годомъ увеличивалось число казней, совершаемыхъ публично. Съ наступленіемъ 1567 года начался, какъ выражается Эрикъ въ своемъ дневникѣ, „несчастнѣйшій годъ“ его. Онъ больше прежняго мучился опасеніями заговоровъ; страхъ довелъ его до помѣшательства. Онъ истреблялъ мнимыхъ злоумышленниковъ и послѣ того страдалъ отъ угрызенія совѣсти. Велѣвъ бросить въ темницу въ Упсалѣ мнимаго заговорщика Нильса Стуре, храбраго воина, одного изъ первыхъ вельможъ королевства, Эрикъ, 24 мая 1567 г., вошелъ къ нему въ темничную комнату, закололъ его кинжаломъ, велѣлъ убить его родственника Сванте Стуре и Эрика, сына Сванте, велѣлъ убить мнимыхъ соучастниковъ заговора Абрагама Стенбока и Ивара Иварсона; послѣ того впасть въ такую тоску, что ушелъ изъ города, бродилъ по лѣсамъ, переодѣвшись простымъ поселяниномъ; встрѣтившись съ прежнимъ учителемъ своимъ, французомъ Бёрё (по латинской формѣ фамиліи Беуреемъ), убилъ этого старика. Карина своими разговорами привела его въ разсудокъ, епископъ Петри успокоилъ его кроткими бесѣдами. Опомнившись, онъ предалъ суду своихъ любимцевъ. Послѣ убійства Нильса Стуре и слѣдовавшихъ за нимъ безумныхъ поступковъ Эрика всѣ убѣдились, что онъ сумасшедшій, что помѣшательство его имѣетъ характеръ опасный для всѣхъ. Эрикъ освободилъ Іоанна и его супругу. Братья показали видъ, что примиряются, но въ то же время разнесся слухъ, что

канцлеръ Нильсъ Гюллентпрна обязался отъ имени Эрика послать къ русскому царю жену Іоанна. Вѣроломство Эрика отнимало у Іоанна всякую возможность оставаться въ мирныхъ отношеніяхъ къ нему. Вскорѣ послѣ того, 4 іюля 1567 г., Эрикъ повѣнчался съ Кариной Мансъ, короновалъ ее. Онъ уже имѣлъ отъ нея сына; ясно было, что онъ хочетъ узаконить этого сына, объявить его своимъ наслѣдникомъ. Этимъ нарушались права братьевъ. Іоаннъ не присутствовалъ на свадьбѣ, уѣхалъ въ Вермландію на свиданье съ другимъ братомъ Карломъ, которому Эрикъ не далъ назначеннаго отцомъ удѣла; подѣ дубомъ, который сталъ называться королевскимъ, Іоаннъ и Карлъ рѣшили принять мѣры „для защиты государства отъ тиранства Эрика и Гѣрана Персона“. Къ нимъ отовсюду стали сходитьсь вельможи съ отрядами войска. На шляпахъ у ихъ сторонниковъ былъ воткнутъ дубовый листъ, какъ эмблема вѣрности имъ. Эрикъ безумствовалъ отъ страха и злобы: то хотѣлъ перерѣзать себѣ жилы, то посылалъ Карлу вызовъ на дуэль, наконецъ рѣшился обороняться; но когда Карлъ и Іоаннъ стали лагеремъ на Рерстрандскомъ лугу подѣ Стокгольмомъ, всѣ покинули Эрика. Гѣрантъ Персонъ сказалъ ему, что теперь онъ долженъ видѣть, какъ дурно поступилъ, не послушавшись совѣта убить Іоанна. Эрикъ разсердился на этотъ упрекъ и велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ изувѣчить и убить Персона. Мать Персона, ѣхавшая верхомъ, упала съ лошади отъ ужаса и полумертвая была заколота тѣлохранителями.

Граждане Стокгольма впустили Карла и Іоанна въ городъ; Эрикъ былъ арестованъ и въ концѣ сентября отвезенъ въ Грипсгольмъ, тотъ самый замокъ, въ которомъ четыре года держалъ подѣ стражей Іоанна и его жену. Въ началѣ слѣдующаго (1569) года сеймъ объявилъ Эрика низложеннымъ, осудилъ его на вѣчное заключеніе въ темницу, рѣшилъ, что сыновья его, какъ незаконнорожденные, не имѣютъ права престолонаслѣдія. Когда Іоаннъ публично назвалъ его сумасшедшимъ, онъ отвѣчалъ: „Лишь однажды былъ я въ сумасшествіи, это тогда, когда выпустилъ тебя изъ темницы“. Мать и сестры просили, чтобъ ему было дано помѣщеніе, приличное высокому его происхожденію и чтобы стражѣ было велѣно обращаться съ нимъ почтительно. Просьбы остались напрасны. Іоаннъ распорядился такъ, что жизнь Эрика въ темницѣ была мучительна; надзоръ за нимъ былъ порученъ личнымъ его врагамъ, они дѣлали ему всяческія обиды, подвергали его всяческимъ неудобствамъ и лишеніямъ. Онъ просилъ, чтобы заключеніе въ темницу было замѣнено изгнаніемъ, говорилъ: „Свѣтъ такъ великъ, что и братская ненависть можетъ быть удовлетворена отдаленностью мѣста“. Но выпустить его на свободу было опасно: онъ въ припадкахъ бѣшенства угрожалъ отмстить Іоанну; недовольные правительствомъ дѣлали попытки освободить его; это принуждало увеличивать строгость надзора за нимъ; его перевозили изъ темницы въ темницу, чтобы разстроить планы желавшихъ освободить его. Удобства жизни его все болѣе и болѣе стѣснялись суровостью надзора; отъ этого пароксизмы его помѣшательства усиливались. Въ спокойные часы онъ занимался чтеніемъ, музыкой, писалъ, пока ему дозволялось, придумывалъ средства писать безъ чернилъ, когда они были отняты у него. Онъ написалъ большія замѣтки въ свое оправданіе на поляхъ книгъ растворомъ сажн въ водѣ. Сначала дозволяли женѣ и дѣтямъ видѣться съ нимъ; но въ послѣдніе годы лишили его и этой отрады. Такъ провелъ несчастный больше восьми лѣтъ въ ужасномъ темничномъ заключеніи. Іоаннъ, съ согласія сейма и герцога Карла правившій государствомъ, не имѣлъ спокойствія, пока Эрикъ оставался живъ: заговоры для освобожденія низложеннаго короля и возвращенія короны ему тревожили и все правительство. Іоаннъ сталъ совѣтоваться съ Карломъ о томъ, какъ избавиться отъ Эрика. Въ мартѣ 1575

онъ получилъ отъ епископовъ и членовъ государственнаго совѣта заявленіе такого содержанія: „Если низложенный король будетъ оставаться опасностью для государства и поводомъ къ заговорамъ и волненіямъ, то стерегущіе его обязаны прекратить его жизнь, потому что лучше пострадать одному, чѣмъ погибнуть многимъ“. На основаніи этого рѣшенія секретарь Іоанна Гейнриксонъ, при помощи фельдшера и камердинера Керпа, отравилъ Эрика ядомъ, положеннымъ въ гороховый супъ (26 февраля 1577). Эрика похоронили безъ всякихъ почестей, будто простолюдина; но впоследствии Карлъ велѣлъ положить тѣло его въ вестересской соборной церкви и сдѣлалъ надъ гробницей надпись: „Королевство отклонилось отъ меня, стало принадлежать моему брату; отъ Господа стало оно принадлежать ему“. Карина, жена Эрика, которую онъ неизмѣнно любилъ, получила приличное ей сану содержаніе; дочь ея Сигрида вышла за графа Тотта, а сынъ Густавъ бѣжалъ отъ преслѣдованія дяди, велъ временами бѣдственную скитальческую жизнь, временами жилъ подъ покровительствомъ польскаго, русскаго или австрійскаго государей, и умеръ въ 1607 въ русскомъ городѣ Кашинѣ.

Іоанна возвелъ на престолъ дворянство и было награждено за это расширеніемъ его правъ. Іоаннъ долженъ былъ также удовлетворить притязаніямъ своего брата Карла, безъ котораго не могъ бы низвергнуть Эрика, далъ ему назначенный отцомъ удѣлъ, котораго не давалъ Эрикъ, долженъ былъ предоставить ему такую власть въ удѣлѣ, что онъ былъ почти независимымъ государемъ. Іоаннъ привлекалъ къ себѣ дворянство и народъ привѣтливостью, былъ человѣкъ образованный, зналъ латинскій, греческій и пять новыхъ языковъ, но не имѣлъ ни политической дальновидности, ни твердаго характера. Дворянство вынудило у него такія уступки, которыя ослабили королевскую власть, уменьшили государственный доходъ, устранили необходимость повиноваться призывамъ короля на войну. Карлъ имѣлъ твердую волю, проницательный умъ, пламенное честолюбіе. Онъ выказывалъ эти качества уже при низверженіи Эрика, хотъ былъ тогда еще только 18-лѣтнимъ юношей. Очень большую важность для сохраненія независимости и силы шведскаго государства имѣло то, что Карлъ считалъ полезнымъ поддерживать, въ Швеціи протестантство, между тѣмъ какъ Іоаннъ, поддаваясь иноземнымъ вліяніямъ, колебалъ протестантское устройство шведской церкви, надѣясь примирить съ нею папу и католическихъ государей. Онъ занимался богословіемъ во время своего темничнаго заключенія, но былъ человѣкъ легкомысленный, такъ что не умѣлъ оцѣнить полезность протестантства для монархической власти. По своему легкомыслію не могъ онъ стать и фанатичнымъ католикомъ. Онъ только утратилъ усердіе къ протестантству, не получивъ усердія къ католичеству: у него не было мужества для рѣшительной попытки возстановить католичество и, вѣроятно, самъ онъ не понималъ, чего онъ хочетъ. Ему воображалось, что можно придать лютеранской церкви католическій характеръ; но временами онъ мечталъ передѣлать шведское вѣроисповѣданіе не въ католическомъ духѣ, а въ греко-русскомъ. Онъ находился подъ вліяніемъ своей жены Катерины, принцессы Ягеллонскаго дома. Ей помогали іезуиты, выдававшіе себя передъ обществомъ за лютеранъ; они составляли кругъ ежедневныхъ собесѣдниковъ Іоанна. Въ особенности успѣшно пошли ихъ интриги, когда пріѣхалъ въ Швецію искусный дипломатъ іезуитскаго ордена, Антоніо Поссевино, въ качествѣ императорскаго посланника. Говорятъ, что онъ убѣдилъ Іоанна принять католичество. Если это и было такъ, то Іоаннъ все таки не отважился объявить себя католикомъ, продолжалъ выдавать себя за протестанта. Онъ любилъ пышность богослуженія, ввелъ для этого обряды, подобные католическимъ; но отказался и отъ

этой слабой попытке причислить лютеранскую церковь къ католической, когда по смерти Катерины, усердной папистки, женился на Гунниль Билькѣ, дочери шведскаго вельможи, лютеранкѣ. Ихъ свадьба была великолѣпно отпразднована 21 февраля 1585. Іезуиты такъ укоренились въ придворномъ кругу, что и при новой королевѣ оставались сильны.—Іоанну хотѣлось прекратить войну съ датчанами, и въ декабрѣ 1570 былъ заключенъ въ Штеттинѣ миръ, по которому Швеція отказалась отъ всякихъ притязаній на Норвегію, Сконе, Галландъ, Блекинге, Йемтландъ, Гермедаленъ, и возвратила датчанамъ захваченные у нихъ военные корабли, а датскій король отказался отъ притязаній на шведскій престолъ. Но споръ о трехъ коронахъ въ гербѣ датскаго короля остался нерѣшеннымъ.—Вскорѣ по примиреніи съ Даніей стала угрожать Швеціи ссора съ Россіей. Іоаннъ Грозный находился въ дружбѣ съ Эрикомъ, не мѣшавъ ему дѣлать завоеванія въ Эстляндіи и Лифляндіи. Но съ восшествіемъ на престолъ Іоанна отношенія Швеціи къ Россіи перемѣнились. Русскій царь воевалъ съ королемъ польскимъ, отцомъ жены новаго короля шведскаго. Это вело къ разрыву Россіи со Швеціей.—Въ 1563 русскіе взяли Полоцкъ; они отослали епископа, польскихъ правителей, много дворянъ и гражданъ въ Москву, разрушили латинскія церкви, велѣли евреямъ креститься, утопили въ Двинѣ непослушавшихся. Взятіе Полоцка открыло имъ путь къ Динабургу и Ригѣ.

Опасность принудила великое княжество литовское согласиться на совершенное присоединеніе къ Польшѣ. Прежде связь его съ нею ограничивалась тѣмъ, что польскій король былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и великимъ княземъ литовскимъ. Теперь было постановлено, что Польша и Литва будутъ вмѣстѣ выбирать государя, что польскій и литовскій сеймы соединяются въ одинъ сеймъ. Въ этомъ состоятъ основныя черты акта, принятаго обоими государствами въ 1569 году и называемаго Люблинской уніей.

Въ это время было видно, что династія Ягеллоновъ скоро прекратится. Сигизмундъ Августъ былъ уже старикъ, а дѣтей у него не было. Многіе государи желали получить польскій престолъ по его смерти. Іоаннъ Грозный надѣялся, что королемъ будетъ избранъ онъ. Чтобы пугать и поляковъ и шведовъ Магнусомъ, датскимъ принцемъ, владѣтелемъ Эзеля, онъ выдалъ за него свою племянницу и далъ ему титулъ короля лифляндскаго. Гораздо больше шансовъ быть выбраннымъ поляками имѣлъ Іоаннъ, король шведскій, мужъ сестры Сигизмунда. Ему казалось, что выбору мѣшаетъ только лютеранское вѣроисповѣданіе его. Онъ сталъ передѣлывать лютеранство въ Швеціи такъ, чтобъ оно стало похожимъ на католичество. Онъ въ 1571 году началъ это дѣло введеніемъ католическихъ элементовъ въ шведское богослуженіе. Архіепископъ упсальскій, дряхлый старикъ, Петри и зять его Петерсонъ Готусъ, ставшій его преемникомъ, челоѣкъ гибкаго характера, не противились этому; Петерсонъ даже далъ свое согласіе на передѣлку богослуженія въ католическомъ духѣ; шведская литургія была сдѣлана похожей на литургію, установленную тридентскимъ соборомъ; Петерсонъ допустилъ, чтобы рукоположеніе его въ епископскій санъ было совершено съ пышнымъ обрядомъ, подобнымъ католическому. Профессорами коллегіума, основаннаго королемъ въ Стокгольмѣ, были назначены тайные іезуиты; они незамѣтно подготавливали шведовъ своими лекціями и диспутами къ принятію католическихъ догматовъ. Духовенство, отчасти по невѣжеству, отчасти по раболѣпству, почти не выказывало сопротивленія намѣренію короля придать шведской церкви католическій характеръ; но народъ не хотѣлъ разстаться съ протестантскими формами богослуженія. Новая редакція Служебника, составленная въ католическомъ духѣ, возбудила сопротивленіе массы народа; оно увлекло многихъ священниковъ и профессоровъ; король отнялъ у нихъ должности, подвергъ ихъ гоненію,

они бѣжали въ удѣль Карла, отвергавшаго католическія нововведенія, нашли у него хорошій пріемъ себѣ. Онъ (въ маѣ 1579) женился на Маріи, дочери Людвига, курфюрста пфальцскаго. Это укрѣпило его въ роли защитника протестантства. Кромѣ религіозныхъ дѣлъ были у него и другія причины ссоры съ братомъ: Іоаннъ роздалъ вельможамъ многія изъ имѣній, возвращенныхъ Густавомъ Вазой въ собственность короны, дозволилъ вельможамъ назначать судей и административныхъ чиновниковъ въ ихъ владѣніяхъ, вообще держать себя такъ, какъ будто они независимые государи; Карлъ считалъ имѣнья, пріобрѣтенныя отцомъ, собственностью всей династіи, требовалъ себѣ равнаго съ Іоанномъ права завѣдывать ими, порицалъ раздачу ихъ, осуждалъ предоставленіе самостоятельной власти вельможамъ. Ссора нѣсколько разъ доходила до того, что государству угрожало междоусобіе. Іоаннъ, овдовѣвъ, женился на одной изъ придворныхъ дамъ покойной жены; все семейство порицало этотъ бракъ; ссора Карла съ Іоанномъ усилилась; новой причиной къ взаимному раздраженію послужило то, что сынъ Іоанна, наслѣдникъ его престола, Сигизмундъ, былъ въ 1587 выбранъ королемъ польскимъ.

д. польша при сигизмундѣ августѣ.

Король польскій Сигизмундъ II Августъ былъ проникнутъ враждою къ протестантству, и подобно Іоанну шведскому надѣялся принудить протестантовъ своего государства принять такія измѣненія въ вѣроисповѣданіи и богослуженіи, которыя сблизили бъ ихъ съ католической церковью; нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ поддерживали фанатическую политику короля. До тридентскаго собора польское правительство держалось правилъ вѣротерпимости. Протестантство такъ распространилось въ Польшѣ, что можно было ожидать полного торжества его въ ней. Поляки сочувствовали гуситству; до возникновенія лютеранскаго движенія въ Польшѣ было много гуситовъ. Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ тоже пріобрѣли много послѣдователей, какъ въ королевствѣ польскомъ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Аугсбургское исповѣданіе было принято въ Данцигѣ, Эльбингѣ, Торнѣ и другихъ городахъ польской части Пруссіи. Самъ Сигизмундъ Августъ переписывался съ Кальвиномъ. Многіе вельможи приняли протестантство; однимъ изъ нихъ былъ Янъ Ласкій (род. въ 1499, ум. въ 1560); онъ воспитывался въ Виттенбергѣ и швейцарскихъ центрахъ реформациі, сдѣлался знаменитымъ богословомъ, неутомимо убѣждалъ протестантовъ разныхъ вѣроисповѣданій отбросить взаимную неприязнь, принять широкія идеи христіанской любви и религіозной свободы. Мы говорили о его дѣятельности въ Англіи. Съ тайнаго согласія Сигизмунда онъ въ 1556 возвратился на родину и дѣйствовалъ тамъ въ томъ же духѣ. Въ самый годъ его возвращенія польскій сеймъ постановилъ, что каждому дворянину предоставляется полная свобода вѣроисповѣданія. Въ самомъ сенатѣ было тогда ужъ много протестантовъ. Князь Николай Радзивиллъ въ 1563 напечаталъ польскій переводъ Библіи и посвятилъ его королю. Польскій сеймъ требовалъ созванія національнаго собора для отмѣны дурныхъ учрежденій и обычаевъ католической церкви въ Польшѣ. Сигизмундъ заявлялъ папѣ свое согласіе съ этимъ требованіемъ и отъ своего имени требовалъ, чтобы папа разрѣшилъ ввести въ Польшѣ богослуженіе на національномъ языкѣ, давать мірянамъ причащеніе подъ обоими видами и чтобы католическимъ священникамъ дозволено было вступать въ бракъ. Примасть королевства польскаго, архіепископъ гнѣзенскій Уханьскій, выказывалъ намѣреніе объ-

явить польскую церковь независимой от папы. Фанатики католичества встрѣчали сопротивленіе своимъ попыткамъ преслѣдовать протестантовъ, потому что воеводы (правители областей) держались правилъ вѣротерпимости. Цѣлая половина дворянскихъ фамилій приняла протестантство; нѣкоторые изъ нихъ держались вѣроисповѣданія чешскихъ братьевъ, другіе лютеранства или кальвинизма. Въ 1570 году на сандомирскомъ соборѣ представители всѣхъ этихъ трехъ вѣроисповѣданій постановили, что всякія несогласія между ними должны быть прекращены; соборъ, на которомъ преобладали міряне, принялъ по совѣту патріотическихъ вельможъ такое изложеніе вѣроученія, изъ котораго были исключены мелочныя формулы, служившія причиною несогласій между протестантскими церквами.

Это соглашеніе между всеми протестантами Польши дало имъ сильное положеніе въ государствѣ. Когда въ 1572 году умеръ Сигизмундъ Августъ и съ нимъ прекратилась династія Ягеллоновъ, дворянство, бывшее единственнымъ сословіемъ, имѣющимъ политическія права, рѣшило преобразовать государственное устройство сообразно новымъ потребностямъ, обезпечить свободу новыми гарантіями. Сеймъ, собравшійся по смерти Сигизмунда для опредѣленія условій выбора новаго короля (такъ называемый конвокаціонный сеймъ), составилъ въ 1573 актъ, называвшійся *Pacta conventa* (условія выбора), и опредѣлившій политическія и церковныя права польской націи (то-есть польскаго дворянства, которое одно составляло польскую націю въ политическомъ смыслѣ слова). Важнѣйшія изъ этихъ *Pacta conventa* были: по смерти короля примасъ, архіепископъ гнѣзенскій, созываетъ конвокаціонный сеймъ для опредѣленія условій выбора новаго короля; въ этомъ сеймѣ, кромѣ членовъ обыкновеннаго сейма, то-есть сенаторовъ и пословъ (депутатовъ), имѣютъ право участвовать все польскіе дворяне; онъ назначаетъ срокъ, въ который соберется новый сеймъ для выбора короля, опредѣляетъ составъ и форму совѣщаній этого избирательнаго сейма; при жизни короля не можетъ быть избираемъ наслѣдникъ его (это запрещеніе служило гарантіей тому, чтобы выборъ новаго короля происходилъ свободно); все христіанскія вѣроисповѣданія пользуются полной свободой; король присягой, даваемой при самомъ выборѣ его, обязывается не устанавливать налоговъ, не начинать войны, не заключать мира безъ согласія сейма, и дѣйствовать во всѣхъ важныхъ дѣлахъ по согласію съ сеймомъ; если онъ нарушитъ эти *Pacta conventa*, то нація тѣмъ самымъ освобождается отъ повиновенія ему.

Кандидатами на польскій престолъ по смерти Сигизмунда II Августа, былъ Генрихъ анжуйскій и эрцгерцогъ Эрнстъ; сеймъ предпочелъ Генриха. Онъ присягнулъ соблюдать *Pacta conventa* и, хотя былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Варшавскаго союза, горячо увѣрялъ въ своей преданности правиламъ вѣротерпимости. Кардиналъ Гозиусъ, епископъ эрмеландскій, бывший главою фанатической партіи, убѣждалъ Генриха дать присягу въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, чтобы можно было впоследствии перетолковать, что они не заключаютъ въ себѣ обѣщанія держаться вѣротерпимости. Но глава посольства, пріѣхавшаго въ Парижъ принять присягу отъ Генриха, Янъ Фирлей, великій гетманъ польскій, воевода краковскій, рѣзко объявилъ, что если Генрихъ не дастъ присягу въ опредѣленной сеймомъ формѣ, то не получитъ короны. Генрихъ уступилъ. Разумѣется, онъ не хотѣлъ остаться вѣренъ клятвѣ; но въ Польшѣ руки у него были связаны, такъ что онъ въ свое очень непродолжительное царствованіе не успѣлъ нарушить свои обѣщанія. Онъ скучалъ въ Польшѣ и пробылъ тамъ очень недолго. Въ іюнѣ 1574, черезъ четыре мѣсяца послѣ своей коронаціи, получивъ извѣстіе, что старшій братъ его Карлъ IX умеръ и королемъ французскимъ сталъ онъ, Генрихъ тайно уѣхалъ изъ Польши. Сеймъ назна-

чилъ ему срокъ для возвращенія. По прошествіи срока, онъ былъ объявленъ низложеннымъ (въ маѣ 1575).

Незадолго передъ коронаціей Генриха Самуэль Зборовскій, молодой человекъ знатной фамиліи, даровитый, но вспыльчивый, нанесъ на дворъ краковскаго королевскаго дворца смертельную рану другому вельможѣ Анджею (Андрею) Ваповскому. Это произошло не преднамѣренно; но такъ какъ дѣло было на дворѣ королевскаго дворца, то Зборовскій долженъ былъ подвергнуться казни. Онъ бѣжалъ въ Трансильванію; Стефанъ Батори, бывшій тогда княземъ трансильванскимъ, принялъ его благосклонно. По благодарности къ Батори и по расчету получить вліяніе на дѣла, если онъ будетъ выбранъ королемъ польскимъ, Зборовскій сталъ, по низложеніи Генриха анжуйскаго, убѣждать своихъ могущественныхъ родныхъ, чтобъ они поддерживали кандидатуру Стефана Батори. Эта партія оказалась сильнѣе другой, хотѣвшей выбрать императора Максимилиана или одного изъ сыновей его, хотя приверженцами австрійской кандидатуры были примасъ Уханьскій и большинство сенаторовъ. Много помогло выбору Стефана Батори, что онъ обѣщался жениться на Аннѣ, принцессѣ Ягеллонской династіи. Будучи выбранъ, Батори быстро принялъ сильныя мѣры противъ вторженія австрійскихъ войскъ и разстроилъ этимъ планъ своихъ противниковъ добиться успѣха силой оружія. Онъ былъ одушевленъ желаніемъ добра и могущества Польшѣ, старался улучшить неудовлетворительное судебное устройство, учредилъ для этого три верховные трибунала: въ Вильнѣ для Литвы, въ Петроковѣ для Великой Польши, въ Люблинѣ для Малой Польши, сдѣлалъ ихъ независимыми отъ административныхъ властей, оставивъ только королю право помилованія и право рѣшенія по нѣкоторымъ разрядамъ дѣлъ. Онъ былъ приверженцемъ реформатскаго ученія, потому не допускалъ преслѣдованія протестантовъ; католическимъ фанатикамъ, требовавшимъ подавленія ереси, онъ отвѣчалъ: „Я король народовъ, а не совѣстей, и не могу брать на себя власти надъ совѣстями, принадлежащей одному Богу“.

И однако же въ его царствованіе развилась католическая реакція, вскорѣ послѣ него возстановившая въ Польшѣ исключительное владычество католической церкви. Агитаторами этой реакціи были іезуиты; успѣхъ ея былъ облегченъ несогласіемъ между людьми, отвергавшими католичество. Іезуиты проникли въ Польшу въ большомъ числѣ, основали высшія школы для воспитанія сыновей знатныхъ фамилій, внушали своимъ ученикамъ фанатическія правила. Кардиналъ Болоњетто опуталъ своими сѣтями многихъ вельможъ. Поссевино былъ, какъ мы видѣли, такъ хитръ и отваженъ, что пытался обратить въ католичество даже русскаго царя. По одному этому ужъ можно судить, какъ энергически дѣйствовалъ онъ въ Польшѣ. Всѣ четыре сына Николая Радзивилла (умершаго въ 1567 году) обратились въ католичество; одинъ изъ нихъ сталъ кардиналомъ, другой скуналъ и жегъ экземпляры польскаго перевода Библии, изданнаго отцомъ его. Самъ Стефанъ Батори отказался отъ вѣры своей молодости и постановилъ, что епископскія должности должны быть отдаваемы исключительно католикамъ. Іезуиты внушили вельможамъ и церковнымъ сановникамъ, людямъ знатныхъ фамилій, что для сохраненія своихъ привилегій они должны поддерживать католическое устройство церковнаго управленія, потому что владычество аристократіи не совмѣстно съ демократическимъ устройствомъ протестантскихъ церквей. Успѣху іезуитскихъ интригъ много содѣйствовало, какъ мы говорили, несогласіе между людьми, отвергавшими католичество: лютеране и кальвинисты были враждебны такъ называемымъ антиринитаріямъ, или унитаріямъ, ученіе которыхъ было осуждено и виттенбергскими и женевскими богословами. Оно, въ формѣ соцініанства, приобрѣло

много послѣдователей въ Трансильваніи, Венгріи, Польшѣ. Леліо Социни (род. въ 1525, умеръ въ 1562), основатель вѣроученія, названнаго его именемъ, юристъ, происходившій изъ довольно знатной сіѣнской фамиліи, принужденъ былъ покинуть Италію, чтобы спастись отъ смерти, нашелъ пріютъ себѣ въ Швейцаріи, ѣздилъ потомъ по Германіи, жилъ нѣсколько времени въ Краковѣ и умеръ въ Цюрихѣ; по его смерти наслѣдовалъ его рукописи и сталъ продолжателемъ начатаго имъ дѣла племянникъ его, Фаусто Социни (род. въ 1539, умер. въ 1604). Довольно долго Фаусто находился во флорентійской службѣ, потомъ велъ странническую жизнь, находя пріютъ себѣ то въ одной сторонѣ, то въ другой, наконецъ поселился въ Краковѣ, сталъ издавать тамъ книги, въ которыхъ излагалъ ученіе своего дяди, поясняя его мѣтніи мыслями анабаптистовъ и прежнихъ антиринитаріевъ. Основаніемъ всего оставались у него понятія дяди. Онъ приобрѣлъ много послѣдователей въ Польшѣ, далъ имъ церковную организацію. Центромъ богословской дѣятельности социніанъ было мѣстечко Раковъ; они имѣли тамъ типографію и школу. Лютеране и реформаты осуждали ихъ какъ еретиковъ, но ихъ ученіе распространялось на западъ и приобрѣло особенно много послѣдователей въ Трансильваніи, гдѣ очень много содѣйствовалъ его распространенію лейбъ-медикъ князя Яна Сигизмунда, итальянецъ Бландрата. Общепринятымъ изложеніемъ социніанскаго ученія сталъ изданный въ 1605, черезъ годъ по смерти Фаусто Социни, „Раковскій катехизисъ“. Существенное различіе социніанства отъ лютеранства и кальвинизма по вѣроученію состоитъ въ томъ, что социніане считаютъ Христа человѣкомъ, который получилъ сверхъестественныя силы отъ Бога, давшего ему ихъ, и показалъ своимъ ученіемъ и жизнью путь къ спасенію; истину своего ученія онъ засвидѣтельствовалъ смертію; въ воздаяніе за то получилъ отъ Бога силу быть посредникомъ между отпавшимъ отъ Бога родомъ человѣческимъ и божественною благодатью. Социніане признаютъ, что въ Священномъ писаніи находится божественное откровеніе и говорятъ, что правильное истолкованіе дѣласть его доступнымъ человѣческому разумѣнію; они истолковываютъ его въ такомъ смыслѣ, что изъ ихъ вѣроученія устраняются догматы о Троицѣ, о предопредѣленіи, о первородномъ грѣхѣ; а крещеніе и эвхаристія принимаются только какъ достопочтенныя обычаи, не имѣющіе значенія таинствъ. Оправданіе человѣка передъ Богомъ, то-есть спасеніе души его совершается по ученію социніанъ собственною волею человѣка при помощи Божіей. Ученіе о нравственности имѣетъ у нихъ не столько религіозный, сколько гражданскій, общественный, чисто человѣческій характеръ. Устройство церкви у нихъ сходно съ реформатскимъ. Вражда лютеранъ и кальвинистовъ къ социніанамъ ослабляла силы противниковъ въ Польшѣ и, пріучая лютеранъ и кальвинистовъ къ фанатизму, вовлекла ихъ въ безразсудства, облегчавшія папистамъ подавленіе ихъ. Первые подверглись преслѣдованію папистовъ социніане. При Сигизмундѣ III, покровителѣ іезуитовъ, была уничтожена социніанская церковь въ Люблинѣ, а при его преемникѣ Владиславѣ были разрушены социніанскія церкви, типографія и школа въ Раковѣ.

е. ЦАРСТВОВАНИЕ СТЕФАНА БАТОРИ.

При энергическомъ и очень даровитомъ Стефанѣ Батори польское государство сохраняло свое прежнее могущество. Іоаннъ Грозный, раздраженный тѣмъ, что поляки не выбрали его королемъ, рѣшилъ возобновить войну для покоренія Лифляндіи. Онъ собралъ большое войско, въ которомъ было очень много татаръ и другихъ инородцевъ, подвластныхъ Россіи. Батори,

принудившій между тѣмъ Данцигъ призвать его государемъ, заключилъ для обороны отъ русскихъ союзъ съ братомъ супруги его Іоанномъ, королемъ шведскимъ. По всему пространству отъ западной Двины до Пейпуса и Финскаго залива началось военное опустошеніе, какое было при прежнемъ нашествіи русскихъ. Герцогъ Магнусъ, не смотря на родство съ русскимъ царемъ, разорвалъ союзъ съ нимъ, вошелъ въ соглашеніе съ Польшей и Швеціей. Большую пользу Стефану Батори приносило содѣйствіе казаковъ, составлявшихъ многочисленное военное общество на югѣ отъ Польши, и имѣвшихъ центромъ своимъ многолюдный станъ на томъ или другомъ островѣ въ днѣпровскихъ порогахъ. До Батори они составляли независимыя одна отъ другой дружины, порознь нападавшія на татаръ и турокъ. Батори соединилъ ихъ въ одно войско, далъ ему правильную организацію, предоставилъ ему самому выборъ главнокомандующаго, называвшагося гетманомъ (какъ назывались и главнокомандующіе королевства польскаго и великаго княжества литовскаго), снабдилъ это войско хорошимъ оружіемъ, упрочилъ за собою преданность его жалованьемъ. Онъ пробудилъ прежнюю воинственность въ польскомъ дворянствѣ, убѣдилъ сеймъ установить налоги, необходимыя для увеличенія военныхъ силъ королевства.

Результаты этихъ улучшеній скоро обнаружались. Въ прежнія войны успѣхъ обыкновенно былъ на сторонѣ русскихъ; теперь они не только не сдѣлали новыхъ завоеваній, но даже утратили нѣкоторыя изъ прежнихъ. Осенью 1578 г., русское войско осаждало въ Лифляндіи городъ Венденъ; соединенныя силы шведовъ и поляковъ пошли на осаждающихъ и разбили ихъ. Послѣ того русскіе постоянно терпѣли неудачи. Понти де ла Гарди, французскій вельможа, поступившій въ шведскую службу и женившійся на Софіи Гюлленгельмъ, побочной дочери Іоанна, и Классонъ Горнъ освободили осажденный русскими Ревель, вытѣснили ихъ изъ Эстляндіи и Ингерманландіи, взяли Нарву. Царь и польскій король пошли оба по Двинѣ; у царя было 40,000 человекъ; столько же было и у Батори, въ войскѣ котораго находилось много нѣмцевъ и венгровъ. Онъ подступилъ къ Полоцку, остававшемуся 16 лѣтъ за Россіей, страна по сосѣдству съ городомъ была обращена русскими въ пустыню для затрудненія наступательныхъ дѣйствій непріятеля. Венгры Стефана Батори съ отчаянной смѣлостью ворвались въ городъ, зажгли дома его, построенные изъ дерева. Это заставило русскій гарнизонъ сдаться на капитуляцію. Батори покорилъ еще нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ Соколъ, присоединилъ завоеванную землю къ великому княжеству литовскому, основалъ въ Полоцкѣ іезуитскій коллегіумъ. — „Гдѣ теперь твои побѣды“, писалъ Іоанну бѣжавшій отъ его тиранства въ Польшу русскій вельможа и полководецъ Курбскій: „въ гробу лежатъ истинные воеводы святой Руси, убитые тобою“. Іоаннъ упорно продолжалъ войну. Польское дворянство было утомлено ею. Сеймъ неохотно давалъ деньги на нее. Многіе вельможи съ своими отрядами и дворяне не хотѣли участвовать въ новыхъ походахъ. Для пополненія войска королю пришлось вербовать иноземцевъ, брать на службу поселянъ коронныхъ имѣній; на содержаніе войска приходилось дѣлать займы подъ залогъ этихъ имѣній. Особенно нуждался Батори въ нѣхотѣ, потому что дворяне (шляхтичи), составлявшіе главную массу войска, не хотѣли служить въ нѣхотѣ, несли только конную службу. Сформировавъ войска для новаго похода, король съ одной арміей пошелъ на Двину къ Витебску и Суражу, а великій гетманъ коронный (то есть главнокомандующій войсками собственно королевства польскаго), Замойскій, повелъ другую армію въ Велижъ. Походъ по болотистой и лѣсной пустынѣ былъ очень труденъ самъ по себѣ, а русскіе еще больше затруднили его, перерѣзавъ засѣками путь по лѣсамъ. Но

Замойскій дошелъ до Велижа, принудилъ его сдаться и соединился съ королемъ; польская армія дошла до Великихъ Лукъ, взяла въ сентябрѣ эту крѣпость, открыла себѣ тѣмъ путь въ глубину Россіи, взяла Торонецъ, нѣсколько другихъ крѣпостей. Іоаннъ Грозный желалъ заключить миръ, но Стефанъ Батори требовалъ уступки Лифляндіи со включеніемъ Нарвы; это показалось русскому царю слишкомъ тяжелой жертвой, и война продолжалась.

Слѣдующей весной король съ 100,000 войскомъ осадилъ Псковъ, сильнѣйшую крѣпость западной части Россіи. Царь поручилъ оборону лучшимъ своимъ полководцамъ, взялъ съ нихъ и съ жителей Пскова клятву защищать городъ до послѣдняго дыханія. Дѣйствительно, они защищались геройски, и рѣшительный приступъ поляковъ въ августѣ 1581 былъ отбитъ. Потерявъ 5,000 человекъ, Батори прекратилъ штурмы и ограничился блокадой крѣпости. Стужа и голодъ стали быстро уменьшать его армію; морозъ доходилъ до того, что замерзали не только часовые на своихъ караулахъ, но и солдаты, укрывавшіеся подъ палатками. Король сталъ уступчивѣе; іезуитъ Поссевино, пріѣхавшій посланникомъ папы и императора съ порученіемъ быть посредникомъ между воюющими, успѣлъ склонить ихъ къ заключенію перемирія на десять лѣтъ. По этому договору, подписанному 6 января 1682, Польша удержала за собою Лифляндію, возвративъ Россіи великія Луки, Невель, Себежъ и всѣ покоренные города Псковской области. — Въ слѣдующемъ году заключено было перемиріе и между Россіей и Швеціей; четыре эстляндскіе округа: гарринскій, вирландскій, йервенскій и викскій, Нарва и Кексгольмъ были оставлены Россіей на три года за Швеціей.

Успѣхъ войны съ Россіей, до того времени побѣждавшей Польшу, сдѣлалъ Стефана Батори самоувѣреннымъ. Онъ сталъ нарушать условія выбора, ограничивавшія королевскую власть, но произволу раздавалъ должности и соединенные съ ними доходы отъ королевскихъ имѣній. Яну Замойскому, молодому вельможѣ, учившемуся юристуденціи въ Падуѣ и Страсбургѣ, превосходному полководцу, онъ далъ столько высокихъ должностей, что еще никогда не соединялось такое количество въ однѣхъ рукахъ; по должности каштеляна краковского Замойскій былъ первымъ свѣтскимъ сенаторомъ; по должности старосты краковского — высшимъ судьей, по должности великаго гетмана короннаго — главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ польскаго королевства; по должности короннаго канцлера и хранителя печати завѣдывалъ государственными дѣлами и наблюдалъ за исполненіемъ законовъ. Онъ исполнялъ всѣ свои обязанности очень хорошо; но понятно, что могущество его возбуждало много зависти. Въ особенности фамилія Зборовскихъ считала униженіемъ для себя то, что король предпочитаетъ его членамъ ея. Зборовскіе сильно помогли выбору Стефана, потому ожидали, что онъ отдастъ высшія должности имъ. Тотъ Зборовскій, который бѣжалъ въ Трансильванію отъ суда и казни, пренебрегъ смертнымъ приговоромъ, постановленнымъ надъ нимъ, возвратился въ Польшу, ходилъ по ней съ вооруженной свитой, возбуждая дворянъ противъ правительства и презирая предостереженія канцлера, а братъ его Кжиштофъ (Христофоръ) интриговалъ при вѣнскомъ дворѣ противъ Батори, велъ предательскія сношенія съ русскимъ царемъ. Они и братья ихъ Енджей (Анджей), придворный маршалъ, и Янъ, каштелянъ гнѣзенскій, были вождями оппозиціонной партіи дворянства, очень многочисленной. Недовольство господствовало повсюду, потому что дворяне замѣтили у короля и Замойскаго намѣреніе расширить королевскую власть и отнять у дворянства преобладаніе въ государствѣ. Стефанъ Батори былъ человекъ гордый, говорилъ, что не хочетъ быть королемъ лишь по виду; носилась

молва, что онъ хочетъ назначить преемника себѣ, сдѣлать престолъ наследственнымъ. Женитьба Замойскаго на племянницѣ короля возбудила мысль, что наследникомъ престола будетъ назначенъ онъ. Супруга Стефана Батори, Анна, 60-лѣтняя старуха, не могла имѣть дѣтей; потому полагали, что онъ хочетъ сдѣлать престолъ наследственнымъ въ династіи своей племянницы и мужа ея. Большинство дворянства говорило, что надобно защищать права націи отъ самовластия короля. Слуга, измѣнившій Зборовскимъ, передалъ королю письма ихъ, наполненные рѣзкими сужденіями о немъ; носились слухи о заговорахъ убить короля, о попыткахъ поднять противъ него казаковъ. Обѣднѣвшіе Зборовскіе хотѣли, какъ думали король и Замойскій, низвергнуть ихъ. При такомъ волненіи умовъ тотъ Зборовскій, надъ которымъ былъ произнесенъ смертный приговоръ, подѣхалъ съ своею вооруженной свитой къ Кракову, бывшему тогда столицей Польши. Это было дерзкимъ презрѣніемъ къ закону, суду, и правительству. Замойскій, съ согласія короля, арестовалъ Зборовскаго и, не слушая просьбъ и протестовъ его родныхъ и политическихъ друзей, казнилъ его 26 мая 1584 на основаніи смертнаго приговора, постановленнаго надъ нимъ много лѣтъ назадъ. Такое самоуправство возбудило сильный ропотъ. Зборовскіе собирали войско; политическіе друзья ихъ шли къ нимъ тысячами на войну противъ деспотизма. Во всѣхъ областяхъ государства владычествовала анархія. Ея усиленію помогали религіозныя страсти: казненный Зборовскій былъ кальвинистъ, католики говорили, что его казнь отрада для святой церкви. Областные съѣзды дворянства (сеймики) обратились въ сраженія. Кжиштофъ Зборовскій былъ подвергнутъ (15 января 1585) суду сената по обвиненію въ измѣнѣ; это было во время сейма, и полтора мѣсяца, до самаго конца своихъ засѣданій, сеймъ занимался исключительно этимъ дѣломъ: послы (депутаты) ходили въ засѣданія сената; у каждаго была вооруженная свита. Обвиненный бѣжалъ въ Моравію. Процессъ кончился приговоромъ, изгонявшимъ его изъ государства, лишавшимъ его всѣхъ политическихъ правъ и имущества. Оссолиньскій и многіе другіе сенаторы протестовали противъ приговора; оппозиція была раздражена безпощадной суровостью короля.

Батори желалъ возобновить войну съ Россіей, чтобъ отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ дѣлъ; но оппозиція, вождями которой были Зборовскіе, опасалась, что король, очаровавъ націю побѣдами, пріобрѣтетъ силу расширить права королевской власти, установить наследственную монархію, подавить дворянство. Былъ созванъ новый сеймъ, который вѣроятно былъ бы очень бурнымъ; но, прежде чѣмъ собрался онъ, Стефанъ Батори умеръ (12 декабря 1586). Многіе говорили, что онъ былъ отравленъ. Ему было только еще 53 года, и можно было думать, что онъ проживетъ долго. Смертью его прекратилось энергическое управленіе государствомъ, и Польша стала ослабѣвать.

Борьба партій по вопросу о выборѣ новаго короля довела государство до анархіи. Та партія, которая была враждебна Стефану Батори и вождями которой были кромѣ Зборовскихъ каштелянъ гнѣзенскій, богатый, щедрый, привѣтливый графъ Горка и Станиславъ Чарнковскій, человекъ очень горячаго характера, хотѣла дать своимъ желаніямъ форму закона, внести ихъ въ условія выбора. Вождемъ партіи, противившейся новому ослабленію королевской власти, былъ Замойскій; могущественными сторонниками его были коронный маршалъ Опалинскій, вице-канцлеръ Барановскій, воевода Жолкѣвскій. Но множество вельможъ и дворянъ дѣйствовали только по личнымъ мотивамъ, и кромѣ двухъ главныхъ партій было много мелкихъ.

Партія Зборовскихъ восторжествовала на конвокаціонномъ сеймѣ: онъ отмѣнилъ приговоръ, постановленный надъ Кжипштофомъ Зборовскимъ, потребовалъ, чтобы Замойскій сложилъ съ себя должность великаго гетмана короннаго, и былъ преданъ суду за казнь Самуэля Зборовскаго. Противники говорили, что ояъ хочетъ устранить всѣ кандидатуры иностранныхъ государей, сдѣлать королемъ какого нибудь Пяста, то есть чистаго поляка, и, быть можетъ, задумалъ самъ доставить себѣ корону при помощи духовенства и администраціи, при сочувствіи всѣхъ образованныхъ людей и войска, которое водилъ къ побѣдамъ. Зборовскіе хотѣли выбрать королемъ эрцгерцога Максимилиана или вообще какого нибудь Габсбурга. Условіемъ выбора они ставили присягу охранять свободу вѣроисповѣданій; это раздражило противъ нихъ примаса и всѣхъ епископовъ; потому все духовенство перешло на сторону Замойскаго. Поссевино и Болоньетто внушили польскому духовенству фанатизмъ. Габсбурги, въ то время еще не отказавшіеся отъ принципа вѣротерпимости, были ненавистны польскимъ папистамъ.

Если бы Замойскій сталъ просить короны себѣ, или остался при своемъ намѣреніи поддерживать кандидатуру Андрея Батори, брата умершаго короля, противники легко восторжествовали бы надъ нимъ; онъ видѣлъ это и предложилъ кандидатуру, нашедшую всеобщее сочувствіе. Поляки съ любовью вспоминали о династіи Ягеллоновъ; Замойскій предложилъ выбрать королемъ Сигизмунда, сына короля шведскаго и принцессы Ягеллонской династіи. Политическіе и религіозные мотивы внушали полякамъ желаніе послѣдовать совѣту Замойскаго. Сигизмундъ былъ наслѣдникъ шведской короны. Соединеніе ея съ польской было очень выгодно для обоихъ государствъ: члены шведскаго государственнаго совѣта Спарре и Браге, послы Іоанна справедливо говорили полякамъ, что если установится единство Швеціи съ Польшей, то соединенныя силы ихъ легко будутъ одолевать всякаго врага. Вдовствующая королева Анна употребила большія суммы для пріобрѣтенія сторонниковъ своему племяннику; султанъ, непріязненный Габсбургамъ и русскому царю, котораго желали выбрать литовцы, говорилъ, что будетъ друженъ съ польскимъ государствомъ, если королемъ выберутъ шведскаго принца. Все это дало рѣшительный перевѣсъ кандидатурѣ Сигизмунда. Въ іюнѣ 1587 собрался на полѣ у Варшавы сеймъ для выбора короля. Шляхтичи обѣихъ партій пріѣхали вооруженные, вельможи привели съ собой свои домашнія войска. Рядомъ съ интригами шли вооруженныя столкновенія. Борьба длилась нѣсколько недѣль; наконецъ большинство сейма выбрало Сигизмунда. Примасъ Карнковскій провозгласилъ его 19 августа королемъ. Шведскій сеймъ, созванный въ Вадстенѣ, сначала не соглашался на то, чтобы наслѣдникъ шведской короны принялъ польскую, опасаясь, что Швеція будетъ вовлечена тогда въ польскія войны и что король польскій, наслѣдовавъ шведскій престолъ, будетъ раздавать должности въ Швеціи полякамъ, употребитъ польскія войска на подавленіе свободы Швеціи. Эти опасенія были успокоены увѣреніями Іоанна и Сигизмунда; сеймъ согласился допустить соединеніе шведской и польской коронъ, постановивъ, что шведскіе законы останутся неприкосновенными, и должности въ Швеціи будутъ даваемы только шведамъ. — Черезъ четыре дня послѣ выбора Сигизмунда партіей Замойскаго, партія Зборовскихъ, стоявшая на полѣ сейма отдѣльнымъ лагеремъ, выбрала Максимилиана. Онъ повелъ войско принудить противниковъ къ покорности. Польскіе сторонники его соединились съ нимъ. Онъ приблизился къ Кракову, но былъ 23 ноября разбитъ Замойскимъ и бѣжалъ, преслѣдуемый имъ. Сигизмундъ пріѣхалъ въ Данцигъ, подписалъ условія выбора, проѣхалъ черезъ Рагу и Пётрковъ въ Краковъ, вступилъ въ него торжественно.

ной процессіей, и 28 декабря былъ коронованъ примасомъ Карнковскимъ, хотя отецъ его отказался исполнить данное шведскими послами на избирательномъ сеймѣ обѣщаніе, что Эстляндія будетъ присоединена къ польскому государству. Сторонники Максимилиана покорялись Сигизмунду, но Максимилианъ стоялъ съ войскомъ въ Силезіи, угрожая новымъ нашествіемъ. Замойскій пошелъ на него, и 24 января (1588 года) разбилъ его при Пичинѣ, взялъ въ плѣнъ и послалъ подъ стражей въ замокъ Краниставъ. Два года онъ оставался въ плѣну и получилъ свободу, только отказавшись отъ всякихъ притязаній на польскій престолъ.

Замойскій скоро раскаялся въ томъ, что доставилъ польскій престолъ Сигизмунду. Новый король не далъ ему того вліянія на дѣла, какого надѣялся онъ, предпочелъ ему льстивыхъ придворныхъ, вошелъ въ дружбу съ Габсбургами, своими бывшими врагами, женился на Аннѣ, сестрѣ Фердинанда штирійскаго (того, который впослѣдствіи сталъ императоромъ). Польское дворянство опасалось, что Габсбурги вовлекутъ короля въ политику, вредную для государства, и въ частности склонять его къ войнѣ съ турками, ненужной и гибельной для Польши, недовѣрчиво слѣдили за каждымъ его шагомъ. Разнеслась молва, что король хочетъ тайно уѣхать изъ Польши. Въ сентябрѣ 1592 сеймъ по предложенію Замойскаго назначилъ слѣдствіе надъ королемъ, заставилъ его дать увѣреніе, что онъ не уѣдетъ изъ королевства, не хочетъ нарушать права націи, не намѣренъ назначить преемника себѣ. Черезъ нѣсколько времени началась война съ Швеціей, за Лифляндію; Польша не сдѣлала въ ней завоеваній, но Замойскій прославился стратегическимъ талантомъ. Это увеличило его авторитетъ, и когда овдовѣвшій Сигизмундъ хотѣлъ жениться на сестрѣ своей покойной супруги, Замойскій произнесъ въ сеймѣ рѣчь, рѣзко выставлявшую на видъ противозаконныя и вредныя для государства дѣйствія короля. Она была такъ оскорбительна, что Сигизмундъ схватился за саблю. Сенаторы и депутаты кричали ему, что онъ нарушилъ присягу соблюдать условія, на которыхъ избранъ, правилъ не какъ король, а какъ деспотъ; напоминали ему, что въ присягѣ, которую далъ онъ при вступленіи на престолъ, говорится, что въ случаѣ нарушенія законовъ имъ, нація освобождается отъ повиновенія ему.

Вскорѣ послѣ того, 3 іюня 1605, умеръ Замойскій, и въ томъ же году Сигизмундъ вступилъ во второй бракъ, не спросивъ согласія сената на женитьбу, какъ того требовалъ законъ. Оппозиція воспользовалась этимъ презрѣніемъ короля къ закону и взялась за оружіе. Николай Зебжидовскій, воевода и староста краковскій, опекунъ сына Замойскаго, личный врагъ Сигизмунда, пригласилъ дворянъ составить кондеферацію; въ нее вступило все дворянство воеводствъ краковского и сандомірскаго. Зять Зебжидовскаго Смоголецкій составилъ кондеферацію въ Великой Польшѣ, Янъ Радзивиллъ въ Литвѣ. Собравшись у Сандоміра, конфедераты составили списокъ обвиненій противъ Сигизмунда; однимъ изъ нихъ было то, что онъ даетъ слишкомъ много власти іезуитамъ въ церковныхъ и мірскихъ дѣлахъ, роздалъ слишкомъ много гражданскихъ и военныхъ должностей иностранцамъ. Конфедераты объявили, что низлагаютъ Сигизмунда за его противозаконныя дѣйствія. Этотъ актъ подписали 60.000 дворянъ. Сигизмундъ давалъ конфедератамъ успокоительныя обѣщанія, набирая между тѣмъ наемниковъ. Два года конфедераты и королевскія войска оставались подъ оружіемъ; каждый день могло произойти вооруженное столкновение. Но мало по малу конфедераты охладѣли къ своему дѣлу, потеряли довѣріе къ своимъ вождямъ и покинули мысль о войнѣ послѣ небольшого сраженія при Гузовѣ (близъ Радома): отрядъ ихъ, встрѣтившійся тамъ съ королевскимъ войскомъ, разбѣжался. Зебжидовскій и другіе вожди кондефераціи

помирились съ королемъ, обѣщавшимъ все, чего они хотѣли. Обѣщанія Сигизмунда были обманчивы; онъ желалъ отмстить своимъ противникамъ, но не имѣлъ силы на это, радъ былъ уже и тому, что вельможи и дворяне держать себя спокойно. Объ улучшеніи разстроеннаго состоянія государства никто не думалъ. Вельможи роскошничали въ своихъ сельскихъ дворцахъ; шляхтичи жили придворной или военной службой у короля и вельможъ. Горожане были чужды всякихъ политическихъ понятій; поселяне находились въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Протестантство, нѣсколько оживлявшее Польшу, было подавляемо фанатикомъ Сигизмундомъ, дававшимъ должности исключительно католикамъ, и іезуитами, захватившими въ свои руки воспитаніе молодыхъ людей знатной фамиліи; подавленіе протестантовъ было тѣмъ легче, что они, какъ мы говорили, ссорились между собой. Въ государствѣ владычествовала анархія; оно клонилось къ упадку, хотя продолжало казаться могущественнымъ.

г. война за шведскую корону.

Подозрѣніе польскихъ вельможъ, что Сигизмундъ хочетъ уѣхать, было справедливо. Онъ досадовалъ, что власть его ограничена законами, и желалъ возвратиться на родину. Отецъ, не одобрявшій того, что онъ принялъ польскую корону, тоже хотѣлъ, чтобъ онъ возвратился. Въ 1589 на свиданіи въ Ревелѣ онъ и отецъ разсуждали: не отказаться ли Іоанну отъ шведской короны въ пользу сына, чтобы Сигизмундъ могъ уѣхать въ Стокгольмъ подъ предлогомъ коронованія въ санъ короля шведскаго и остаться въ Швеціи. Прежняя популярность Іоанна упала. Онъ возбудилъ недовольство народа расточительностью, чеканкой дурной монеты, безхарактерностью, при которой захватили всю власть фавориты его, упрямымъ продолженіемъ войны съ русскими за Эстляндію. Братъ его Карлъ держалъ себя умно, пріобрѣлъ уваженіе народа: онъ основывалъ колоніи въ пустынныхъ частяхъ своего зюдерманландскаго удѣла; построенный имъ на сѣверномъ берегу озера Венерна городъ Карльстадъ сталъ однимъ изъ центровъ хлѣбной торговли. Онъ расчищалъ лѣса, разрабатывалъ рудники. Горожане и поселяне любили его. По смерти первой своей жены Маріи, отъ которой имѣлъ только дочь Катерину, онъ въ августѣ 1592 вступилъ въ бракъ съ Христиной, принцессой гольштейнъ-готторпской. Вскорѣ послѣ того умеръ (17 ноября) Іоаннъ, человѣкъ даровитый, любившій искусство и науку, но дурно правившій государствомъ. Его литургія, сближавшая шведское богослуженіе съ католическимъ, была отвергнута по его смерти. Онъ ссорился съ вельможами, желая расширить свою власть; но это не удалось ему; королевская власть была, напротивъ того, ослаблена его дурнымъ управленіемъ. При выборѣ Сигизмунда въ санъ короля польскаго шведскій сеймъ, созванный въ Вадстенѣ, постановилъ, что въ случаѣ отсутствія короля дѣлами будетъ управлять государственный совѣтъ, состоящій изъ семи членовъ. По смерти Іоанна вельможи старались помѣшати возвращенію Сигизмунда, чтобы государствомъ управлялъ этотъ совѣтъ.

Римская курія была въ восхищеніи отъ того, что королемъ Швеціи сталъ фанатичный папистъ, который возстановитъ католичество; но эта надежда не исполнилась. Немедленно по смерти Іоанна герцогъ Карлъ созвалъ вельможъ, которые по вадстенскому постановленію должны были стать членами регентства, сказалъ имъ, что по праву старшаго родственника новаго короля имѣетъ право быть его намѣстникомъ до его прибытія, но готовъ раздѣлить съ ними власть, и что прежде всего должно принять

мѣры для огражденія свободы и религіи, которыя иначе могутъ подвергнуться опасности подъ властью короля-паписта.

Члены государственнаго совѣта не отважились сопротивляться; Карлъ сдѣлался регентомъ. Духовенство и народъ просили его созвать соборъ для прекращенія споровъ, возбужденныхъ религіозными нововведеніями Іоанна. Государственный совѣтъ принужденъ былъ согласиться на созваніе церковнаго собора и государственнаго сейма. Соборъ, созванный въ Упсалѣ, началъ свои засѣданія въ февралѣ 1593. На немъ присутствовали четыре епископа и больше 300 священниковъ. Мѣстомъ засѣданія была выбрана Упсала, потому что профессоры и студенты упсальскаго университета твердо защищали протестантство противъ католическихъ преобразованій. Выборъ предсѣдателя показалъ, что собраніе проникнуто усердіемъ къ протестантству: оно выбрало профессора богословіи, брошеннаго при Іоаннѣ въ темницу за оппозицію католическимъ нововведеніямъ. Соборъ велъ дѣло быстро и кончилъ его рѣшеніемъ, что единственными основаніями шведской церкви принимаются Священное Писаніе и аугсбургское исповѣданіе. На вопросъ президента: всѣ ли члены собора согласны съ этимъ постановленіемъ и имѣютъ рѣшимость держаться его, хотя бы Богу было угодно испытать ихъ твердость страданіями за него,—всѣ отвѣчали: „Мы пожертвуемъ за эту вѣру всѣмъ, что имѣемъ на свѣтѣ, имуществомъ ли, жизнью ли“. Президентъ воскликнулъ: „Теперь Швеція стала единодушна и всѣ мы имѣемъ одного Бога!“ Результатомъ рѣшеній собора было возстановленіе шведской протестантской церкви въ томъ видѣ, какой получила она при Густавѣ Вазѣ, и возстановленіе преподаванія по катехизису Лютера. Ангерманъ, энергичнѣйшій противникъ католическихъ нововведеній Іоанна, былъ назначенъ архіепископомъ упсальскимъ, первымъ сановникомъ шведской церкви.

Но Сигизмундъ отказался утвердить рѣшенія упсальскаго собора. Въ сентябрѣ онъ, съ согласія польскаго сейма, поѣхалъ въ Стокгольмъ. Въ свитѣ его находились папскій легатъ и нѣсколько іезуитовъ. Фанатическое усердіе его къ католичеству тревожило шведовъ. Герцогъ Карлъ собралъ въ Упсалѣ государственный сеймъ; на немъ было рѣшено, что власть будетъ передана Сигизмунду только, когда онъ дастъ присягу соблюдать постановленія упсальскаго собора. Онъ сначала не соглашался на это; сопровождавшіе его іезуиты внушили ему, что, будучи королемъ по праву наслѣдства, онъ не имѣетъ надобности подчиняться никакимъ условіямъ. Но сеймъ не отступался отъ своего требованія. Сигизмундъ принужденъ былъ покориться ему, подписалъ формулу присяги. Тогда сеймъ призналъ его королемъ, и 19 февраля (1594 года) онъ былъ коронованъ въ упсальскомъ соборномъ храмѣ. Онъ оставался послѣ того въ Швеціи только пять мѣсяцевъ. Ему было досадно, что онъ не имѣетъ силы дѣйствовать произвольно. Чтобъ ослабить Карла, въ которомъ видѣлъ врага, онъ увеличилъ привилегіи дворянства, назначилъ областными правителями вельможъ, враждебныхъ Карлу. Съ тѣмъ же намѣреніемъ онъ измѣнилъ составъ государственнаго совѣта, съ согласія котораго Карлъ долженъ былъ управлять государственными дѣлами въ отсутствіе короля. Сигизмундъ назначилъ членами совѣта Флеминга, Браге, Спарре, Стенбока, людей очень гордыхъ, надѣясь, что они будутъ составлять непреодолимую оппозицію Карлу. Фанатики, совѣтамъ которыхъ слѣдовалъ онъ, говорили, что если ссоры Карла съ государственнымъ совѣтомъ доведутъ Швецію до анархіи, это будетъ хорошо, потому что тогда королю будетъ легко покорить ее. Подготовивъ ссоры, отъ которыхъ долженъ былъ разстроиться ходъ дѣлъ въ Швеціи, Сигизмундъ въ іюлѣ уѣхалъ въ Польшу. Коварство его дѣйствительно произвело въ Швеціи разстройство. Областные правители не слушались регента; государственный совѣтъ дѣлалъ распоряженія въ досаду ему. Вельможи говорили, что надобно отмѣнить на-

слѣдственность престола, обратить Швецію въ избирательное королевство. Правитель Финляндіи Класъ Флемингъ держалъ себя какъ независимый государь. По всему королевству нравы грубыли.

Карлъ видѣлъ, что если не прекратить этого разстройства дѣлъ, начнется междоусобіе, въ которомъ можетъ погибнуть династія; дѣйствительно, народъ уже говорилъ: „Пока царствуетъ потомство Густава Вазы, не будетъ для Швеціи спасенія отъ бѣдъ“. Карлъ обратился къ далекарлійцамъ, тѣмъ поселянамъ сѣверной Швеціи, которые помогли отцу его избавить родину отъ датскаго ига. Предупредивъ непокорныхъ вельможъ, что сопротивленіе государственному сейму и ему будетъ опасно для нихъ, Карлъ въ октябрѣ 1595 созвалъ сеймъ въ Сѣдерчѣпингѣ, произнесъ на немъ рѣчь, въ которой живо описалъ, какимъ бѣдствіямъ подвергаютъ государство непокорные областные правители и коварные совѣтники короля, фанатики папизма, интригующіе противъ постановленій упсальскаго собора, просилъ сеймъ помогать ему въ принятіи мѣръ, какихъ требуетъ благо отечества. Горожане и поселяне поклялись дѣйствовать заодно съ нимъ. Дворяне и духовенство не отважились возражать противъ этого заявленія воли народа. Сеймъ постановилъ, что лютеранская религія будетъ единственной въ государствѣ (то-есть, что Швеція рѣшительно отвергаетъ католичество), и что управление государствомъ поручается Карлу, потому что король отсутствуетъ, а сынъ и младшій братъ короля еще не достигли совершеннолѣтія.

Сигизмундъ не потерялъ надежды возстановить свою власть въ Швеціи. Онъ обольщалъ шведскихъ вельможъ обѣщаніями предоставить имъ такія же права, какими пользуются польскіе вельможи. Онъ отказалъ въ утвержденіи постановленій сѣдерчѣпингскаго сейма. Карлъ объявилъ, что сложить съ себя управление государствомъ, если нація не поддержитъ его противъ враговъ, и собственной властью созвалъ въ февралѣ 1597 государственный сеймъ въ Арбогу. Члены государственнаго совѣта не поѣхали туда, изъ вельможъ пріѣхали только немногіе; но представители горожанъ и поселянъ собрались въ полномъ числѣ. Далекарлійцы, подымая топоры и булавы, кричали Карлу: „Будемъ защищать тебя до послѣдней капли крови!“ Сеймъ постановилъ, что сопротивляющіеся сѣдерчѣпингскимъ рѣшеніямъ будутъ наказываемы какъ враги государства; священники и епископы, не отмѣнившіе католическихъ нововведеній, были лишены должностей, нѣкоторые даже брошены въ темницу. Эрикъ Спарре и нѣкоторые другіе вельможи уѣхали въ Польшу къ Сигизмунду.

Неизбѣжна была война. Сигизмундъ не могъ безъ сопротивленія уступить Швецію Карлу. Въ сентябрѣ 1598 онъ приплылъ съ большимъ войскомъ къ Стокгольму, вышелъ на берегъ близъ столицы. Жители ея приняли его сторону. При Стонгебро, близъ Линчепинга 28 сентября Сигизмундъ былъ разбитъ Карломъ. Путь къ отступленію былъ отрѣзанъ ему. Чтобы спастись отъ плѣна, онъ заключилъ перемиріе, по которому обязался распустить своихъ иностранныхъ наемниковъ, покориться рѣшенію сейма, который будетъ созванъ до истеченія четырехмѣсячнаго срока и объявлялъ, что если нарушить эти условія, то шведы освобождаются отъ подданства ему. Онъ поспѣшно отплылъ изъ Швеціи, оставивъ въ Кальмарѣ польскій гарнизонъ, и очевидно было, что онъ уѣхалъ готовиться къ возобновленію войны. Это было объявлено нарушеніемъ договора. На йончепингскомъ сеймѣ въ февралѣ 1599 было рѣшено, что Сигизмундъ лишается власти, и что если онъ въ теченіи полугода не пришлетъ своего сына Владислава въ Швецію для воспитанія въ евангелической вѣрѣ, то и потомство его на вѣки лишается права наследовать шведскій престолъ. На стокгольмскомъ сеймѣ въ іюлѣ того же года Карлъ былъ объявленъ наследственнымъ государемъ Швеціи.

g. ЦАРСТВОВАНІЯ КАРЛА IX И ГУСТАВА АДОЛЬФА.

Карлъ былъ человѣкъ суровый, хотѣлъ мстить противникамъ. Взявъ Кальмаръ, онъ казнилъ Йогана Спарре, брата бѣжавшаго къ Сигизмунду Эрика Спарре, казнилъ нѣсколько другихъ плѣнныхъ и велѣлъ поставить ихъ головы надъ воротами города. Потомъ онъ поплылъ въ Финляндію, взялъ лѣтомъ 1599 года Выборгъ и Або, отрубилъ головы 28 вельможамъ и дворянамъ, въ томъ числѣ сыну умершаго не задолго передъ тѣмъ государственнаго маршала Класа Флеминга. Далекарлійцы, соединившись съ вестманландцами и поселянами другихъ сѣверныхъ областей, грабили и рѣзали сторонниковъ Сигизмунда. Въ битвѣ при Стонгебро были взяты въ плѣнъ члены государственнаго совѣта, бывшіе на сторонѣ Сигизмунда; онъ въ договорѣ съ Карломъ трусливо отдалъ ихъ на произволъ побѣдителя. Въ мартѣ 1600 года они и многіе другіе приверженцы Сигизмунда были преданы суду, составленному изъ представителей трехъ свѣтскихъ сословій сейма (дворянъ, горожанъ и поселянъ); четверо изъ нихъ: Густавъ Банеръ, Стенъ Банеръ, Эрикъ Спарре, Туре Бьельке были 2 марта казнены въ Линчепингѣ, какъ измѣнники. Въ слѣдующіе годы было казнено много другихъ прежнихъ противниковъ Карла, многіе другіе вельможи были изгнаны, или бѣжали. Карлъ хотѣлъ запугать аристократію такъ, чтобъ она не противилась расширенію королевской власти. Онъ еще не имѣлъ королевскаго титула, назывался только княземъ (государемъ) Швеціи; сеймъ безъ затрудненія провозгласилъ бы его королемъ, потому что Сигизмундъ былъ уже низложенъ и давно прошелъ срокъ, назначенный для присылки Владислава. Елизавета и Генрихъ IV въ сношеніяхъ съ Карломъ оказывали ему такой почетъ, какъ будто онъ уже имѣетъ королевскій титулъ. Сеймъ предлагалъ ему корону, но онъ медлилъ принять ее; вѣроятно, онъ хотѣлъ не отнимать у себя всякой возможности примиренія съ Сигизмундомъ, пока не будетъ видно, что война Швеціи съ Польшей за Лифляндію кончится удачно. Причиной войны было то, что поляки принудили Сигизмунда позаботиться объ исполненіи даннаго имъ обѣщанія присоединить занятую шведами Эстляндію къ Польшѣ. Въ 1601 онъ самъ пошелъ съ войскомъ въ Эстляндію, но скоро оказалось, что Замойскій справедливо смѣялся надъ его трусостью и изнѣженностью; онъ передалъ начальство надъ войскомъ коронному гетману и уѣхалъ домой. При взятіи Вольмара былъ захваченъ въ плѣнъ побочный сынъ Карла, Карлъ Карльсонъ Гюлленгельмъ; Сигизмундъ 12 лѣтъ держалъ его въ цѣпяхъ, отвергая всѣ предложенія Карла вымѣнять его на знатныхъ поляковъ, находившихся въ плѣну у шведовъ. Карлъ велъ войну искусно и очень дѣятельно. Покоривъ Финляндію, онъ издалъ распоряженія, ограждавшія поселянъ отъ произвола дворянъ землевладѣльцевъ. Карлъ постоянно дѣйствовалъ по согласію съ сеймомъ, совѣтовался съ нимъ при выборѣ своихъ сановниковъ и заслужилъ общее довѣріе. Только духовенство было не расположено къ нему за склонность къ кальвинизму, которую сталъ выказывать онъ послѣ женитьбы на пфальцской принцессѣ, кальвинисткѣ. Въ Швеціи лютеранскій фанатизмъ былъ такой же узкій, какъ въ Саксоніи; но своей заботливостью объ интересахъ протестантской церкви Карлъ смягчалъ вражду фанатичнаго духовенства; онъ сдѣлалъ много для развитія народныхъ школъ и покровительствовалъ упсальскому университету.

Сеймъ, созванный въ Норчѣпингѣ, провозгласилъ 22 марта 1604 Карла королемъ шведскимъ, постановилъ, что корона будетъ наслѣдственной въ его потомствѣ, и что по прекращеніи мужскихъ линій потомства право наслѣдованія переходитъ къ старшей изъ незамужнихъ принцессъ династіи. Для сохраненія коронныхъ имѣній за короной, было постановлено, что по-

жалованія ихъ сохраняють силу только на время жизни короля, давшего пожалованія, а по смерти его имѣнья, разданныя имъ, возвращаются въ собственность короны, что точно такъ же возвращаются они въ казну, когда владѣтели ихъ умирають, не имѣя наслѣдниковъ по мужской линіи.

Карлъ прожилъ семь лѣтъ послѣ полученія королевскаго титула. Онъ неутомимо старался возстановить порядокъ въ управленіи государствомъ, улучшалъ судопроизводство, заботился объ улучшеніи войска, о развитіи торговли, промышленности и въ особенности горнаго дѣла, объ увеличеніи добычанія мѣди и желѣза, о правильномъ размежеваніи земель, покровительствовавъ нидерландскимъ кальвинистамъ, поселившимся въ Готенбургъ. Война съ Польшей продолжалась во все его царствованіе; она шла, какъ мы говорили, изъ-за того, что поляки хотѣли овладѣть Эстляндіей. Въ нѣкоторыхъ походахъ участвовалъ самъ Карлъ. Сраженій и осадъ было много, но ни та, ни другая сторона не пріобрѣтала рѣшительныхъ успѣховъ.

Въ концѣ правленія Карла началась война съ Даніей. Христіанъ IV, достигнувъ совершеннолѣтія, тяготился тѣмъ, что королевская власть по внутреннимъ дѣламъ очень ограничена и, будучи предприимчивымъ человекомъ, искалъ занятія и славы себѣ въ войнахъ. Споръ со Швеціей о трехъ коронахъ оставался не рѣшенъ и всегда могъ быть обращенъ въ поводъ къ войнѣ. Христіанъ нашелъ и другіе предлоги къ ней: онъ жаловался на то, что шведы затрудняютъ торговлю датчанъ съ Ригой, облагаютъ податью лапландцевъ, земля которыхъ принадлежитъ, какъ онъ говорилъ, не Швеціи, а Норвегій, соединенной съ Даніею. Шведскіе вельможи, враждебные Карлу, находили хорошій пріемъ себѣ у Христіана и увѣряли его, что, пошедши въ Швецію, онъ встрѣтитъ большое сочувствіе себѣ. Обстоятельства казались благопріятными для войны: Карлъ IX подвергся параличу; наслѣдникъ престола былъ еще несовершеннолѣтнимъ; большинство вельможъ было недовольно Карломъ. Христіанъ вообразилъ, что легко будетъ низвергнуть его, возстановить власть датскаго короля надъ Швеціей. Онъ обнародовалъ воззванія, приглашавшія шведскій народъ возстать противъ Карла. Нидерландскій и англійскій послы убѣждали королей датскаго и шведскаго не начинать войны въ такое время, когда католики готовятся подавить протестантство во всей Европѣ. Но Христіанъ не слушалъ благоразумныхъ совѣтовъ. Карлъ въ ноябрѣ 1610 созвалъ сеймъ въ Эребро; самъ онъ, разбитый параличемъ, не могъ произнести рѣчь, поручилъ произнести ее наслѣднику престола, Густаву Адольфу. Сеймъ принялъ всѣ тѣ мѣры, какія король считалъ надобными для обороны государства. Вскорѣ послѣ того Христіанъ объявилъ войну Швеціи, пошелъ изъ Сконе на Кальмаръ; въ августѣ коммандантъ этой крѣпости Кристеръ Соме сдалъ ее королю датскому и поступилъ въ его службу. Карлъ недолго пережилъ эту потерю; онъ умеръ 30 октября (1611 года), оставивъ своему 17-лѣтнему сыну Густаву Адольфу государство, волнуемое могущественной партіей недовольныхъ, и привужденное вести войну съ тремя внѣшними врагами.

Густавъ Адольфъ родился 19 декабря 1594. Съ очень ранней молодости онъ былъ пріученъ отцомъ къ занятію государственными дѣлами и выказывалъ блестящія дарованія. Начало его царствованія было очень затруднительно. Властолюбивая мать хотѣла отнять у него управленіе государствомъ, ссылаясь на завѣщаніе мужа, назначавшее ее регентшей; двоюродный братъ Густава Адольфа, Іоаннъ, герцогъ остготландскій, утверждалъ, что имѣетъ болѣе права на престолъ, чѣмъ сынъ Карла. Но молодой государь дѣйствовалъ такъ умно и благородно, что и мать и двоюродный братъ отказались отъ своихъ притязаній. Нючепингскій сеймъ въ декабрѣ (1611 года) провозгласилъ Густава Адольфа „избраннымъ королемъ“ шведскимъ.

Онъ скоро выказалъ себя геніальнымъ правителемъ. Онъ хотѣлъ ввести въ государствѣ такой порядокъ, при которомъ сильная власть короля соединялась бы съ ненарушимостью свободы націи и доставить Швеціи владычество на Балтійскомъ морѣ.

Ему надобно было вести три войны, а у него не было ни денегъ, ни хорошаго войска. Дворянство, владѣвшее большею частью земли въ государствѣ, было почти совершенно освобождено отъ податей; при всей своей храбрости оно неохотно слѣдовало призыву короля къ исполненію военныхъ обязанностей. Вельможи и дворяне привыкли полагать, что могутъ являться или не являться въ походъ, какъ сами хотятъ. Вся тяжесть налоговъ лежала на горожанамъ и поселянамъ. Вельможи, имѣя огромные доходы, жили такъ расточительно, что постоянно нуждались въ деньгахъ. Имъ нравилось играть роль областныхъ королей; они ѣздили на сеймы съ многочисленными отрядами конницы. Но для войны у нихъ не было войска. Шведская армія была малочисленна, въ казнѣ не было денегъ для ея увеличенія, невозможно было отразить нападеніе датчанъ, и въ январѣ 1613 Густавъ Адольфъ принужденъ былъ заключить миръ, по которому король датскій получилъ милліонъ талеровъ за возвращеніе Кальмара и другихъ завоеваній.

Но Густавъ Адольфъ имѣлъ тѣ качества, какія были нужны для возстановленія могущества Швеціи. Великодушіемъ, справедливостью, рыцарскимъ благородствомъ онъ пріобрѣлъ расположеніе вельможъ, которыхъ отталкивалъ отъ себя грубой суровостью его отецъ. Онъ избѣгалъ насильственныхъ мѣръ, дѣйствовалъ путемъ соглашеній. Онъ дѣлалъ уступки вельможамъ, они за это усердно служили ему. Неудача въ войнѣ съ датчанами произошла оттого, что вельможи и дворяне не исполняли своихъ военныхъ обязанностей. Густавъ Адольфъ поручилъ своему учителю, Йогану Спютте, составить записку о правахъ дворянства и обнародовалъ ее какъ оффиціальнѣйшій актъ. Она доказывала, что дворянство получило свободу отъ податей и другія привилегіи, какъ вознагражденіе за военную службу на конѣ, какъ это называлось, то-есть за то, что землевладѣльцы были обязаны являться по призыву короля въ походъ съ числомъ всадниковъ, соразмѣрнымъ величинѣ своихъ имѣній, что поэтому дворянинъ или вельможа, не являющійся въ походъ съ опредѣленнымъ числомъ всадниковъ, долженъ по закону быть лишенъ своихъ леновъ и привилегій. Владѣтели леновъ мало по малу стали исполнять военную повинность и согласились на то, чтобы военные налоги были взимаемы и съ ихъ земель, какъ съ земель простолюдиновъ. Благодаря тому король и его помощники Де-ла-Гарди и Горнъ получили средства успѣшно вести войну съ русскими.

Король купилъ содѣйствіе дворянства большими уступками. Въ 1617 году, когда онъ взялъ Рексгольмъ и покорилъ Ингерманландію, и тѣмъ отрѣзалъ русскихъ отъ Балтійскаго моря, принялъ онъ новый уставъ порядка совѣщаній сейма; этимъ уставомъ сейму предоставлялось участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, — но за королемъ сохранилось право вносить въ сеймъ предложенія и руководить совѣщаніями черезъ ландмаршала, какъ назывался президентъ сейма, представитель короля. Въ 1626 году Густавъ Адольфъ принялъ новый уставъ устройства палаты дворянства на сеймѣ; этимъ уставомъ палатѣ дворянъ давалось право имѣть своихъ уполномоченныхъ при войскѣ. Густавъ Адольфъ умѣлъ держать себя такъ, что эти уступки вельможамъ не ослабляли королевскую власть, напротивъ, укрѣпляли ее, благодаря тому, что онъ пріобрѣлъ расположеніе аристократіи, и она усердно помогала ему въ войнахъ.

Густавъ Адольфъ ввелъ порядокъ въ администрацію: завѣдываніе ею сосредоточилось при немъ въ королевской канцеляріи, которой онъ подчи-

нилъ областныхъ правителей. Онъ улучшилъ судопроизводство введеніемъ новаго устройства трибуналовъ и новыхъ формъ процесса, пополнилъ законы Карла IX уставомъ городского управленія; учредилъ высшіе апелляціонныя суды: одинъ въ Стокгольмѣ для сѣверной части государства, называвшейся собственно шведскимъ королевствомъ, другой для южной части, называвшейся готскимъ королевствомъ, третій въ Або для Финляндіи. Онъ чрезвычайно заботился о безпристрастіи судей, и постоянно говорилъ имъ объ обязанности оказывать справедливость каждому безъ различія людей знатныхъ отъ незнатныхъ. Правда, главнымъ предметомъ его заботъ было военное дѣло: почти все свое царствованіе онъ провелъ въ войнахъ за границы своего государства, но находилъ время производить улучшенія по всѣмъ частямъ общественнаго быта. Онъ улучшилъ школы, содѣйствовалъ развитію сельскаго хозяйства и торговли, расширилъ права городского самоуправления, заботился о процвѣтаніи городовъ; ввелъ такой порядокъ назначенія священниковъ, при которомъ права короля и епископовъ были нѣсколько ограничены предоставленіемъ прихожанамъ права выбора священника. Упсальскій университетъ достигъ при немъ цвѣтущаго состоянія. Онъ возстановилъ разрушенные города, въ числѣ которыхъ находился Готенбургъ, бывшій прежде и снова ставшій большимъ и богатымъ, основалъ новые города. При немъ увеличился вывозъ товаровъ моремъ, Швеція стала отпускать за границу много строевого лѣса, смолы, дегтя, мѣди, желѣза. Сбытъ ихъ былъ обезпеченъ торговыми договорами съ Голландіей и другими государствами; Густавъ Адольфъ покровительствовалъ переселявшимся въ Швецію хорошимъ мастеровымъ, въ особенности рудокопамъ и ружейникамъ; горное дѣло, выплавка мѣди, выдѣлка желѣза стали при немъ однимъ изъ важныхъ источниковъ національнаго достоянія. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ во время Тридцатилѣтней войны Швецію, съ удивленіемъ говоритъ о довольствѣ шведовъ своимъ положеніемъ, объ ихъ бодрости и веселости.

h. РОССИЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

i. МЕЖДОУСОБІЯ ВЪ РОССИИ. ДЖЕДИМИТРІЙ. ИВАНЪ ШУЙСКІЙ. ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА *).

2. Нѣмецко-датская война.

a. ВОЙНА ВЪ НИЖНЕ-САКСОНСКОМЪ ОКРУГѢ.

Войска, подавившія противниковъ императора въ Богеміи и рейнскомъ Пфальцѣ, готовились идти на сѣверъ; кромѣ авантюристовъ, набравшихъ отряды наемниковъ, не было въ Германіи никого сопротивляющагося католической реакціи, главами которой были императоръ и Максимилианъ, могущественный союзникъ его.

Протестантскіе государи нижне-саксонскаго округа (то-есть сѣверо-западной части Германіи) видѣли, что императорско-баварская армія готовится идти на нихъ. На окружномъ съѣздѣ они рѣшили принять

*) Эти два отдѣла, занимающіе у Вебера только двѣнадцать страницъ, замѣнены у насъ извлеченіемъ изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» Костомарова. Оно помѣщено въ концѣ тома.

мѣры обороны, собрать войско, назначили главнокомандующимъ Георга, герцога люнебургскаго. Христіанъ брауншвейгскій, Вильгельмъ веймарскій и Фридрихъ альтенбургскій, ушедшіе въ ниже-саксонскій округъ, увеличивали свои отряды вербовкой новыхъ наемниковъ. Тилли пошелъ на сѣверъ. Государи ниже-саксонскаго округа, хотя и рѣшили собрать войско, желали сохранить нейтралитетъ въ войнѣ Тилли съ вождями наемниковъ; въ іюлѣ 1623 окружной съѣздъ велѣлъ Христіану распустить войско или уйдти изъ округа. Христіанъ пошелъ въ Вестфалію, Тилли въ началѣ августа настигъ и разбилъ его близъ Штадлона; онъ съ небольшимъ отрядомъ ушелъ въ Голландію; всѣ остальные наемники его, числомъ до 10.000 человекъ, были убиты или взяты въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находились соединившіеся съ Христіаномъ герцогъ Фридрихъ альтенбургскій и Вильгельмъ веймарскій.

Войско ниже-саксонскаго округа было еще не собрано, а Тилли не хотѣлъ признать нейтралитета его государей; они были беззащитны; Тилли занялъ почти весь округъ, бралъ контрибуціи. Отряды его, разставленные по квартирамъ, буйствовали, грабили населеніе.

Мансфельдъ осенью 1622 ушелъ въ Остфрисландію и полгода простоялъ тамъ. Наемники его буйствовали и грабили такъ, что жители толпами покидали родину. Въ раззоренной землѣ появились голодъ, поварьныя болѣзни; во Фрисландіи уцѣлѣла только пятая часть населенія; изъ 20.000 наемниковъ Мансфельда погибла половина. Въ іюлѣ 1623 Мансфельдъ повелъ остальныхъ во Францію по приглашенію Людовика XIII, поручившаго ему выгнать испанцевъ изъ Граубюндена. Но по просьбѣ Максимилиана баварскаго король отказался отъ намѣренія держать врага нѣмецкихъ католиковъ въ своей службѣ. Около того времени какъ ушелъ изъ Германіи Мансфельдъ, войско Христіана брауншвейскаго было, какъ мы говорили, уничтожено. Государи ниже-саксонскаго округа распустили свое войско, едва начавшее формироваться. Къ концу 1623 императоръ и Максимилианъ увидѣли, что сѣверо-западная Германія утратила всякую возможность сопротивляться имъ.

Очевидно было, что императоръ хочетъ совершенно подчинить всю сѣверную Германію своему владычеству; въ юго-западной Германіи владычествовалъ его союзникъ Максимилианъ. Такое расширеніе могущества ихъ возбудило опасеніе сосѣднихъ государей. Бетленъ Габоръ готовился возобновить войну, пока императоръ не покончилъ подавленія Германіи, не получилъ возможности обратить на него всѣ свои силы. Графъ Турнъ отправился въ Константинополь просить помощи султана австрійскимъ протестантамъ. Бетленъ Габоръ началъ войну, вскорѣ заключилъ перемиріе, но говорилъ, что возобновить военныя дѣйствія, если найдетъ союзниковъ. Агенты богемскихъ эмигрантовъ и низложеннаго курфирста пфальцскаго Фридриха убѣждали королей

шведскаго, датскаго, англійскаго, нидерландскую республику и протестантскихъ государей сѣверной Германіи составить коалицію противъ Габсбурговъ. Густавъ Адольфъ увлекся этой мыслью, говорилъ, что если Англія и нидерландская республика захотятъ помогать ему, то онъ пойдетъ черезъ Польшу въ Силезію, оттуда въ Богемію и Австрію. Начались переговоры объ этомъ, но дѣло затянулось. Король датскій, завидуя Густаву Адольфу и желая помѣшать увеличенію могущества Швеціи, рѣшился принять предложеніе французскаго правительства, обѣщавшаго помощь ему въ войнѣ съ императоромъ, и взялъ на себя защиту сѣверной Германіи отъ Фердинанда и Максимилиана. Густавъ Адольфъ, увидѣвъ, что дѣло вырвано изъ его рукъ, продолжалъ войну съ Польшей. Въ маѣ 1624 Ришельё послалъ графа Мансфельда въ Лондонъ склонить короля англійскаго къ войнѣ съ императоромъ. Іаковъ I поссорился тогда съ королемъ испанскимъ; и можно было разсчитывать, что онъ вступится за зятя. Но онъ велъ переговоры вяло, они были еще не кончены, когда онъ умеръ. Преемникъ его Карлъ I былъ менѣе трусливъ, рѣшился воевать съ королемъ испанскимъ. Это вело и къ войнѣ съ императоромъ. Англія и нидерландская республика заключили 7 сентября 1625 оборонительный и наступательный союзъ. Англійскій флотъ поплылъ къ берегамъ Испаніи. Вскорѣ послѣ того, 9 декабря 1625 былъ заключенъ въ Гагѣ союзъ между Англіей, нидерландской республикой и Даніей для защиты ниже-саксонскаго округа и устраненія владычества императора надъ сѣверной Германіей. Король датскій уже давно готовился къ войнѣ. Въ мартѣ того года протестантскіе государи ниже-саксонскаго округа выбрали его своимъ главнокомандующимъ для избавленія своихъ земель отъ грабительства Тилли.

Весною 1626 уполномоченные короля испанскаго, императора и Максимилиана баварскаго собрались въ Брюсселѣ для составленія плана военныхъ дѣйствій противъ враговъ католичества. Но Максимилианъ увидѣлъ, что намѣренія короля испанскаго не согласны съ его интересами. Король хотѣлъ употребить войска императора и лиги на войну съ нидерландской республикой. Максимилианъ находилъ, что ея покореніе королю испанскому дало-бы испанскимъ войскамъ свободу дѣйствовать въ Германіи для подавленія самостоятельности всѣхъ нѣмецкихъ государей. Притомъ испанцы и теперь уже требовали, чтобъ онъ отдалъ имъ крѣпости, занятыя войсками его во Пфальцѣ, и предоставилъ армію лиги въ полное распоряженіе императора. Ясно было, что императоръ и король испанскій хотятъ поработить его. Переговоры въ Брюсселѣ тянулись до октября и кончились тѣмъ, что Максимилианъ увидѣлъ въ императорѣ и королѣ испанскомъ своихъ враговъ.

Христіанъ IV, родившійся 15 апрѣля 1577, былъ человѣкъ дѣятельный и честолюбивый. Оставшись по смерти отца малолѣтнимъ, онъ какъ только достигъ совершеннолѣтія и сталъ самъ править государствомъ, занялся уве-

личеніемъ и улучшеніемъ войска и флота. Впрочемъ онъ покровительствовалъ также торговлѣ, промышленности, наукѣ, искусству, сдѣлалъ много преобразованій въ администраціи. Казна его, получавшая большой доходъ отъ зундской пошлыны, всегда была полна. Человѣкъ разсчетливый, онъ руководился соображеніями политическихъ выгодъ, былъ чуждъ религіозныхъ мотивовъ. Съ протестантскими государствами сѣвера—нидерландской республикой, Англіей, ганзейскими городами—онъ находился въ непрерывныхъ ссорахъ по своему желанію вредить ихъ торговлѣ, чтобъ очистить мѣсто для датской; вражда его къ Голландіи была такъ велика, что временами онъ даже вступалъ въ союзъ съ Испаніей противъ нея. Вмѣшиваясь въ нѣмецкія дѣла, онъ желалъ только завоеваній и денежныхъ выгодъ. Ему хотѣлось овладѣть сосѣдними съ его государствомъ епископствами бременскимъ, верденскимъ, оснабрюкскимъ, захватить даже довольно отдаленное епископство падерборнское, подчинить себѣ весь ниже-саксонскій округъ и, овладѣвъ устьями Эльбы и Везера, приобрѣсти владычество на Нѣмецкомъ морѣ. Онъ давно имѣлъ эти намѣренія; они были извѣстны всѣмъ и возбуждали опасенія въ государяхъ и особенно въ имперскихъ городахъ сѣверной Германіи. Многіе изъ этихъ городовъ вступили въ декабрѣ 1615 въ союзъ съ нидерландской республикой для обороны отъ завоевательныхъ замысловъ Христіана; герцогъ целльскій присоединился къ этому союзу; герцогъ вольфенбюттельскій, врагъ его, вступилъ въ союзъ съ королемъ датскимъ. Но нидерландская республика и союзные съ ней ганзейскіе города были сильнѣе Христіана. Онъ оробѣлъ. Черезъ нѣсколько времени, оправившись отъ страха, сталъ готовиться къ нападенію на епископство бременское, но Англія и нидерландская республика заставили его отказаться отъ этой мысли. Въ концѣ 1621 ему удалось устроить то, что сынъ его былъ выбранъ коадьюторомъ (помощникомъ и наслѣдникомъ) епископа (государя) гальберштадскаго. Теперь негодованіе протестантскихъ государей на грабительство Тилли подало Христіану надежду сдѣлать завоеванія въ сосѣдней части Германіи. Но только Іоаннъ Эрнстъ, герцогъ веймарскій, и Христіанъ Вильгельмъ, администраторъ магдебургскій, вступили въ союзъ съ нимъ. Другіе протестантскіе государи сѣверной Германіи остались нейтральными или даже искали милости императора.

В. ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ВОЙНА СЪ ХРИСТІАНОМЪ IV.

До сихъ поръ враги императора были побѣждаемы войскомъ лиги и короля испанскаго. Военной главой католической Германіи былъ не императоръ, а Максимилианъ баварскій. Теперь, когда формировалась протестантская коалиція, а испанскія войска были заняты войной съ нидерландской республикой, императору необходимо стало имѣть собственную армію. Но у него не было денегъ, чтобы набрать и содержать войско. Альбрехтъ фонъ Валленштейнъ, уже имѣвшій извѣстность хорошаго генерала, богатый богемскій вельможа, вызвался собрать на свой счетъ 20.000-ное войско и вести его, куда угодно будетъ императору. Говорятъ, что на вопросъ, достанетъ ли у него средствъ содержать 20.000 солдатъ, онъ отвѣчалъ, что можетъ содержать и не 20.000, а 50.000. Мансфельдъ уже показалъ способъ продовольствовать и обогащать наемниковъ контрибуціями и грабежомъ. Императорскій дворъ понималъ, что дозволеніе властолюбивому чело-

вѣку собрать многочисленную армию можетъ подвергнуть опасности самого императора. Но Фердинандъ не имѣлъ средствъ пріобрѣсти себѣ войско инымъ способомъ, и предложеніе Валленштейна было принято. Въ іюль 1625 императоръ назначилъ его своимъ главнокомандующимъ и дозволилъ ему производить вербовку въ Богеміи. Людей, желавшихъ жить наемническимъ ремесломъ, было тогда множество въ Германіи, потому что война убила промышленность и уменьшила земледѣліе. Валленштейнъ былъ извѣстенъ военнымъ искусствомъ и щедростью къ наемникамъ; они пошли къ нему толпами отовсюду. Черезъ мѣсяцъ у него было уже 20.000 солдатъ.

Валленштейнъ или, какъ стали называться они по формѣ имени, принятой знаменитымъ полководцемъ, Валленштейны, принадлежали къ числу старыхъ богемскихъ фамилій, но были нѣмцы и протестанты. Альбрехтъ фонъ Валленштейнъ происходилъ отъ небогатой отросли этого вельможнаго рода, имѣвшей небольшія владѣнія въ кениггрецкомъ округѣ. Онъ рано осиротѣлъ, воспитывался сначала въ школѣ чешскихъ братьевъ, потомъ въ ольмюцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Іезуиты обратили его тогда въ католичество. Строгія нравственныя правила чешскихъ братьевъ не привились юношѣ пылкаго темперамента; привлекательнѣе для него была свисходительная католическая мораль. Говорятъ, что онъ учился въ альтдорфскомъ лютеранскомъ университетѣ, но новѣйшія изслѣдованія находятъ сомнительными рассказы объ этомъ. Онъ ѣздилъ въ Италію, пріобрѣлъ тамъ изящныя манеры, свѣтскую образованность, учился въ падуанскомъ и венеціанскомъ университетахъ. Уже въ дѣтскихъ играхъ его выказывалась чрезвычайная любовь къ военному дѣлу. Съ ранней молодости увлекся онъ вѣрой въ астрологию и другія тайныя науки о предсказываніи судьбы. Очень рано принялъ онъ участіе въ политической и военной жизни. Онъ ходилъ съ Бастой въ Венгрію, прослужилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и возвратился въ 1606 году съ репутаціей искуснаго, храбраго воина. Въ 1617 въ венеціанской войнѣ онъ обратилъ на себя вниманіе Фердинанда храбростью и военнымъ талантомъ. Собственно онъ произвелъ тѣ маневры, которыя заставили венеціанцевъ снять осаду крѣпости Градиски. Храбрый воинъ, Валленштейнъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и ловкій придворный. Онъ занялъ высокое положеніе въ аристократіи, женившись на Лукреціи Некисовѣ, имѣвшей обширныя владѣнія въ Моравіи. Образъ его жизни былъ теперь блестящій. Наслѣдовавъ по смерти первой жены ея имѣнія, онъ женился на графинѣ Гаррахъ, отецъ которой былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ императора. Другой руководитель Фердинанда, ставшій впослѣдствіи министромъ, Гансъ Ульрихъ-фонъ-Эггенбергъ, тоже былъ родственникъ второй жены Валленштейна. Проникнувшись понятіями и желаніями вѣнскаго двора, Валленштейнъ сталъ чуждъ патріотизму чешскихъ вельможъ и, когда началось богемское возстаніе, онъ принялъ сторону императора, измѣнивъ дѣлу національной свободы, защищаемому большинствомъ богемскихъ и моравскихъ вельможъ. Во время вторженія Мансфельда въ Моравію (лѣтомъ 1619) Валленштейнъ, начальствовавшій отрядомъ войскъ моравскаго сейма, принявшаго сторону богемскихъ инсургентовъ, увелъ свой отрядъ къ Фердинанду, захвативъ военную кассу. Онъ опозорилъ себя этимъ во мнѣніи своихъ соотечественниковъ, но пріобрѣлъ благосклонность Фердинанда. Начальствуя въ богемской войнѣ полкомъ фландрскихъ кирасировъ, онъ оказалъ большія услуги Фердинанду.

Его имя съ похвалами упоминается у католическихъ писателей въ разсказахъ объ осадѣ Вѣны Бетленомъ Габоромъ и Турномъ. Полкъ его сражался въ бѣлогорской битвѣ, но самъ онъ не былъ при ней, исполняя въ это время дальнюю поѣздку, по порученію императора.

Въ слѣдующіе годы онъ увеличилъ свою военную славу на войнѣ съ Бетленомъ Габоромъ въ Венгріи и съ маркграфомъ Іоанномъ Георгомъ Йегерндорфскимъ въ Силезіи. Онъ получилъ въ награду огромныя имѣнья изъ конфискованныхъ владѣній богемскихъ инсургентовъ, купилъ тоже очень много изъ поступившей въ продажу массы ихъ, такъ что сдѣлался богатѣйшимъ вельможею Богеміи. Главными владѣніями его были Фридландъ и Рейхенбергъ. Въ 1625 онъ получилъ титулъ герцога фридландскаго съ правами, дѣлавшими его почти независимымъ государемъ. Хорошій хозяинъ, умѣвшій выгодно покупать имѣнья, онъ приобрѣлъ громадное богатство, давшее ему средства употребить огромныя суммы на вербовку и содержаніе арміи для императора, не имѣвшаго денегъ.

Сформировавъ многочисленную армію, Валленштейнъ въ сентябрѣ 1625 пошелъ черезъ Франконію и Гессенъ, не встрѣчая сопротивленія, занялъ епископство гальберштадское и архіепископство магдебургское, потребовалъ, чтобы протестантскіе государи нижне-саксонскаго округа распустили войска и уплатили военныя издержки. Они на съѣздѣ въ Брауншвейгѣ въ концѣ 1625 и началѣ 1626 года совѣщались объ этихъ требованіяхъ и наконецъ отвергли ихъ. Король датскій, бывшій главою протестантскаго союза сѣверной Германіи и главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, имѣлъ многочисленную армію: кромѣ датскихъ и нижне-саксонскихъ войскъ у него были наемники Мансфельда, герцоговъ брауншвейгскаго и Іоанна Эрнста веймарскаго. Валленштейнъ и Тилли имѣли еще больше войскъ. Валленштейнъ занялъ переходъ черезъ Эльбу у Дессаускаго моста; этотъ пунктъ имѣлъ очень большую стратегическую важность. Мансфельдъ хотѣлъ отнять его у Валленштейна, но въ нападеніи 25 апрѣля былъ разбитъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того умеръ сподвижникъ Мансфельда, Христіанъ брауншвейгскій. Пополнивъ свое войско новыми наемниками, Мансфельдъ пошелъ въ Силезію. Валленштейнъ пошелъ за нимъ. Король датскій, по удаленіи Валленштейна изъ сѣверной Германіи, двинулся въ Тюрингію, но Тилли 27 августа разбилъ его при Луттерѣ у Баренберга (въ герцогствѣ брауншвейгскомъ). Онъ поспѣшно отступилъ.

Король датскій и его нѣмецкіе союзники рассчитывали на содѣйствіе Бетлена Габора, съ которымъ заключили договоръ въ апрѣлѣ 1626; Мансфельдъ шелъ въ Силезію для того, чтобы облегчить ему нападеніе на Австрію. Силезскіе, моравскіе, богемскіе протестанты ждали Мансфельда. Въ обѣихъ половинахъ эрцгерцогства австрійскаго поднялись поселяне. Особенно сильно было возстаніе въ эрцгерцогствѣ верхне-австрійскомъ, которое было отдано Фердинандомъ въ залогъ Максимилиану. Баварскій правитель этой области, графъ Герберсторфъ неумолимо исполнялъ приказаніе Максимилиана безпощадно искоренять

протестантство. Онъ выгонялъ не только священниковъ, но и простолудиновъ, не соглашавшихся принять католичество. Когда отъ этого поднялось волненіе, онъ арестовалъ 38 человѣкъ городскихъ и сельскихъ начальниковъ, раздѣлилъ ихъ на группы по два человѣка и велѣлъ каждой парѣ бросить игральныя кости; проигравшаго тотчасъ же вѣшали. Въ маѣ 1625 возстаніе поселянъ приняло большой размѣръ. Предводителемъ ихъ былъ Стефанъ Фадингеръ; они осадили главный городъ той половины эрцгерцогства, Линцъ, и больше года вели ожесточенную войну съ своими мучителями, надѣясь, что протестанты сѣверной Германіи придутъ на помощь имъ. Императоръ и Максимилианъ послали противъ нихъ многочисленныя войска, и осенью 1626 возстаніе было подавлено. Но и потомъ возобновлялись попытки мятежей.

Мансфельдъ пошелъ изъ Силезіи въ Венгрію, соединился съ Бетленомъ. Валленштейнъ шелъ за нимъ. Мансфельдъ и Бетленъ стали у рѣки Грана; пришелъ туда и Валленштейнъ (въ сентябрѣ 1626). Императорское войско было ослаблено голодомъ и болѣзнями. Притомъ Валленштейну хотѣлось помириться съ Бетленомъ Габоромъ, чтобъ обратить всѣ свои силы на войну въ сѣверной Германіи. Бетленъ согласился заключить миръ на основаніи прежняго договора съ императоромъ. Валленштейнъ повелъ войско обратно; но лишь немногіе изъ нѣмцевъ, пошедшихъ въ Венгрію, возвратились оттуда; большинство погибло отъ болѣзней. Графъ Мансфельдъ поѣхалъ въ Венецію, но умеръ на пути между Сараевымъ и Спалатро 29 ноября. Понявъ, что болѣзнь его смертельна, онъ возвратился въ католичество, бывшее религіей молодости его. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ, чтобы на него надѣли панцырь, опоясали его мечомъ, попросилъ двухъ офицеровъ поднять и поддерживать его и умеръ, стоя. Черезъ нѣсколько дней умеръ и герцогъ веймарскій Іоаннъ Эрнстъ, отъ лихорадки, полученной въ венгерскихъ болотахъ.

Валленштейнъ, сформировавъ на собственные деньги многочисленную армію для императора и побѣдивъ его враговъ, далъ ему такое могущество, какого никогда не имѣла австрійская линія Габсбурговъ. Сѣверная Германія, давно вышедшая изъ-подъ зависимости отъ императоровъ, была теперь безусловно покорена Фердинанду. Но католическіе государи стали опасаться, что императоръ подавитъ и ихъ. Притомъ Валленштейнъ раздражалъ ихъ своимъ высокомеріемъ; войска его изнуряли поборами ихъ владѣнія точно такъ же, какъ и протестантскія. Онъ даже отнималъ и раздавалъ государства, обѣщалъ княжество Христіана брауншвейскаго родственнику его Георгу, герцогу люнебургскому, не обращая вниманія на то, что курфирстъ майнцскій требовалъ себѣ часть этого владѣнія и Максимилианъ баварскій поддерживалъ требованіе курфирста. Лига жаловалась императору на Валленштейна. Онъ говорилъ, что выйдетъ въ отставку,

полагая этой угрозой заставить императора отвергать всѣ жалобы ихъ. Дѣйствительно Фердинандъ принялъ его сторону. Князь Эггенбергъ, вліятельнѣйшій министръ Фердинанда, былъ другъ Валленштейна и поддерживалъ его.

Борьба съ гугенотами и другими врагами поглощала тогда всѣ силы Ришельё, не позволяла ему послать войско въ Германію. Онъ ограничивался тѣмъ, что ободрялъ короля датскаго, помогалъ ему деньгами. Христіанъ весною 1627 возобновилъ войну. Значительная часть ниже-саксонскаго округа еще оставалась занята его войсками, маркграфъ баденъ-дурлахскій, Бернгардъ веймарскій, графъ Турнъ поступили на службу къ нему; сэръ Чарльзъ Моргэнъ приплылъ съ англійскимъ корпусомъ на помощь ему. Въ Силезіи стояли его гарнизоны. Онъ рассчитывалъ на содѣйствіе Бетлена Габора; но султанъ, занятый подавленіемъ мятежей въ Азіи, не желалъ войны съ императоромъ и въ сентябрѣ 1627 возобновилъ миръ съ нимъ на основаніи житва-торокскаго договора. Бетленъ Габоръ былъ принужденъ соблюдать миръ. Это дало Валленштейну возможность обратить всѣ свои силы на Христіана. Онъ пошелъ противъ датскихъ войскъ, стоявшихъ въ Силезіи, часть ихъ поступила въ его службу, другіе отряды онъ разбилъ. Очистивъ Силезію отъ непріятеля и купивъ у императора герцогство саганское, Валленштейнъ пошелъ въ Мекленбургъ. Герцоги мекленбургскіе Адольфъ Фридрихъ шверинскій и Іоаннъ Альбрехтъ гюстровскій были союзники короля датскаго, но вступили въ союзъ съ нимъ только по невозможности сопротивляться ему и повѣрили словамъ Валленштейна, что императоръ не сердится на нихъ, послалъ свои войска не воевать съ ними, а защищать ихъ отъ короля датскаго. Они встрѣтили Валленштейна какъ освободителя, отдали ему свои крѣпости. Онъ, соединившись съ Тилли, пошелъ въ Гольштинію, Шлезвигъ, Ютландію. Христіанъ уплылъ съ своимъ войскомъ на острова; тѣ датскіе отряды, которые остались въ Шлезвигѣ или въ Ютландіи, сдавались Валленштейну. Къ концу 1627 года онъ занялъ всю Ютландію. Часть его арміи подъ начальствомъ Арнима пошла въ Померанію, заняла всю ее, даже островъ Рюгенъ. Только Штральзундъ не впустилъ императорскія войска въ свои ворота. Валленштейнъ сталъ готовить флотъ для покоренія датскихъ острововъ. Императоръ далъ ему титулъ генерала Балтійскаго и Океанскаго (Нѣмецкаго) моря, *General des Baltischen und Ozeanischen Meeres*.

с. ЛЮБЕКСКІЙ МИРЪ.

Испанское правительство желало уничтожить голландскую торговлю на Балтійскомъ морѣ. Прежде оно надѣялось сдѣлать исполнителемъ этого желанія ганзейскій союзъ, ненавидѣвшій голландцевъ, своихъ торговыхъ соперниковъ; но онъ не рѣшался начать войну съ ними.

Теперь, когда императорскія войска овладѣли южнымъ берегомъ Балтійскаго моря, ганзейскіе города нашли возможнымъ удовлетворить своей враждѣ къ голландцамъ. Они рассчитывали, что торговля съ испанской Америкой перейдетъ въ ихъ руки. Императоръ и Валленштейнъ хотѣли воспользоваться ихъ флотомъ для войны съ Даніей и, если понадобится, со Швеціей. Въ февралѣ и мартѣ 1628 на съѣздѣ уполномоченныхъ ганзейскаго союза въ Любекѣ шли совѣщанія о войнѣ съ голландцами и датчанами; но ганзейскіе города опасались, что императоръ хочетъ поработить ихъ; войска Валленштейна осаждали тогда Штральзундъ, Висмаръ и Ростокъ; а всѣ эти три города принадлежали къ ганзейскому союзу. Это показывало, чего должны ждать себѣ другіе, если упрочится владычество императора на берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей; потому совѣщанія ганзейскаго съѣзда кончились отказомъ отдать флотъ въ распоряженіе императора. Валленштейнъ сталъ строить корабли; но нельзя было скоро составить такой большой флотъ, какой былъ нуженъ для экспедиціи противъ датскихъ острововъ. Валленштейнъ и Фердинандъ увлеклись своими успѣхами, они думали напасть на нидерландскую республику, отдать Данію королю шведскому, чтобъ онъ былъ хранителемъ императорскихъ интересовъ въ сѣверной Германіи, хотѣли начать войну съ турками, надѣялись овладѣть Константинополемъ; но эти мечты не мѣшали Валленштейну дѣятельно заниматься своими личными дѣлами. Онъ хотѣлъ стать государемъ мекленбургскимъ. Императоръ былъ радъ уплатить свой громадный долгъ ему этой наградой, Фердинандъ уже привыкъ дѣйствовать самовластно, пренебрегать имперскими законами. Герцоги мекленбургскіе были союзниками короля датскаго. Фердинандъ и Валленштейнъ нашли, что этого достаточно для отнятія владѣній у нихъ, прогнали ихъ изъ Мекленбурга. Императоръ 1 февраля 1628 отдалъ Мекленбургъ Валленштейну въ залогъ уплаты его издержекъ на войну, а 16 іюня слѣдующаго (1629) года отдалъ ему это герцогство въ потомственное владѣніе.

Валленштейнъ овладѣлъ всѣмъ берегомъ Мекленбурга и Помераніи; только Штральзундъ, принадлежавшій къ составу герцогства померанскаго, но пользовавшійся почти полной независимостью, не согласился принять гарнизонъ Валленштейна, желая сохранить свою свободу. Граждане предлагали Валленштейну деньги за то, чтобъ онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Но онъ непременно хотѣлъ быть господиномъ штральзундской гавани. Генералы его Арнимъ и Шпарре заняли островъ Денгольмъ, лежащій между Штральзундомъ и Рюгеномъ и господствовавшій надъ штральзундской гаванью, блокировали городъ. Однако граждане отбили отъ нихъ, принудили сдаться гарнизонъ, поставленный ими на Денгольмѣ, и ободряемые своимъ бургомистромъ Штейнвигомъ дали клятву сражаться до послѣдней капли крови за вѣру и свободу. Въ маѣ 1628 Арнимъ осадилъ Штральзундъ, дѣлалъ

штурмъ за штурмомъ; но граждане при содѣйствіи отрядовъ, присланныхъ на помощь имъ королями датскимъ и шведскимъ, отбили всѣ нападенія Арнима. Къ Штральзунду пришелъ 7 іюля самъ Валленштейнъ, созвалъ всѣ свои войска для осады города, поставилъ батареи тяжелой артиллеріи; городской совѣтъ хотѣлъ сдаться, но собраніе гражданъ отвергло капитуляцію, заключило союзъ съ королемъ шведскимъ. Голодъ и болѣзни, развившіяся отъ него, истребляли тысячи людей въ осаждающемъ войскѣ. Граждане, получивъ новыя подкрѣпленія отъ королей датскаго и шведскаго, стали дѣлать успешныя вылазки. Датскій король приплылъ къ Штральзунду, угрожалъ мекленбургскому и померанскому приморью. Густавъ Адольфъ готовился плыть въ Германію. Валленштейнъ, не имѣя флота, не могъ надѣяться взять Штральзундъ и 1 августа отступилъ отъ города. Датскій отрядъ вышелъ на померанскій берегъ, овладѣлъ Вольгастомъ. Валленштейнъ пошелъ туда, прогналъ датчанъ. Христіанъ, находившійся при разбитомъ отрядѣ, поплылъ въ Гольштинію. Валленштейнъ пошелъ туда; но слабо велъ наступательныя дѣйствія противъ датчанъ, ожидалъ, что появится у нѣмецкаго берега шведскій флотъ съ десантнымъ войскомъ и принималъ мѣры противъ этого нападенія. Онъ и Фердинандъ желали прекратить войну съ Даніей, и переговоры, начатыя въ Любекѣ, въ январѣ 1629 кончились полнымъ соглашеніемъ: 12 мая былъ подписанъ миръ, по которому императоръ возвратилъ королю датскому Ютландію, Шлезвигъ, Гольштинію, а Христіанъ отказался отъ захваченныхъ имъ нѣмецкихъ епископствъ. — Вскорѣ по заключеніи мира съ датчанами, Арнимъ, главный помощникъ Валленштейна, перешелъ въ службу курфюрста саксонскаго.

VI. ЭДИКТЪ РЕСТИТУЦІИ. ОТСТАВКА ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Императоръ, получившій, благодаря побѣдамъ Валленштейна, такое могущество, о какомъ и не мечталъ, и всегда презиравшій справедливость и законъ, полагалъ, что пришло время нанести протестантству ударъ, который навсегда ослабитъ его въ Германіи, упрочить владычество габсбургской династіи и католической церкви надъ нею. Онъ обнародовалъ повелѣніе, рѣшавшее въ пользу католической церкви давній споръ католиковъ съ протестантами о церковныхъ владѣніяхъ, секуляризованныхъ послѣ аугсбургскаго мира. Католическіе курфюрсты и Максимилианъ баварскій давно требовали этого отъ императора; они утверждали, что ему принадлежитъ право рѣшить спорный между ними и протестантами вопросъ. Пока можно было опасаться сопротивленія протестантскихъ государей, Фердинандъ медлилъ; но теперь вся сѣверная Германія была покорена и ужь не было причинъ колебаться.... Императоръ учредилъ комиссію изъ

членовъ своего тайнаго совѣта (своихъ министровъ) и членовъ имперскаго придворнаго суда, тоже вполне зависѣвшихъ отъ него, поручилъ ей разсмотрѣть вопросъ о такъ называемой церковной резерваціи, то-есть о томъ постановленіи аугсбургскаго мира, которое говорило, что во владѣніяхъ духовныхъ государей должно оставаться католическое вѣроисповѣданіе; коммиссія рѣшила, что декларація императора Фердинанда, признававшая протестантскихъ государей законными владѣтелями секуляризованныхъ послѣ аугсбургскаго мира церковныхъ государствъ, не имѣетъ законной силы, что всѣ церковныя государства, перешедшія во владѣнія протестантовъ послѣ пассаускаго договора, должны быть возвращены католическимъ церковнымъ сановникамъ, бывшимъ государями ихъ до секуляризаціи. На основаніи этого рѣшенія коммиссіи императоръ 6 марта 1629 обнародовалъ эдиктъ реституціи (эдиктъ о возвращеніи церковныхъ владѣній), повелѣвавшій: католики могутъ требовать возвращенія себѣ всѣхъ тѣхъ монастырей и монастырскихъ имѣній, которыя, хотя были подвластны своимъ областнымъ протестантскимъ государямъ, но имѣли во время пассаускаго договора своими владѣтелями сановниковъ католической церкви; протестанты, управляющіе епископствами и другими церковными владѣніями, государи, которые прежде были членами нѣмецкаго сейма, не могутъ быть считаемы за епископовъ или прелатовъ, не имѣютъ права засѣдать на имперскомъ сеймѣ и не могутъ владѣть регаліями и ленами (т. е. не могутъ быть владѣтелями этихъ епископствъ или аббатствъ); католическіе государи имѣютъ неотъемлемое право требовать отъ своихъ подданныхъ принятія католическаго вѣроисповѣданія.

Эдиктъ реституціи исполнялъ желаніе лиги; но она не хотѣла допустить того, чтобъ императоръ сохранилъ ту громадную силу, какую доставили ему побѣды Валленштейна, чтобъ онъ сдѣлался абсолютнымъ монархомъ Германіи, обратилъ нѣмецкихъ государей въ своихъ поданныхъ. Лига давно была не довольна самовластіемъ Валленштейна, досадовала на то, что онъ обременяетъ католическія земли такимъ же грабежомъ при переходахъ, такими же требованіями роскошнаго содержанія для своихъ солдатъ на зимнихъ квартирахъ, такими же контрибуціями, какъ покоряемыя протестантскія земли; они оскорблялись надменными его словами о безграничности власти императора надъ областными государями; они полагали, что онъ хочетъ стать орудіемъ императора для введенія абсолютизма въ Германіи, и находили, что то положеніе, какое дано императоромъ Валленштейну, составляетъ нарушеніе законовъ. Дѣйствительно императоръ нарушалъ права нѣмецкаго сейма и областныхъ государей, давая Валленштейну неограниченную власть принимать всякія мѣры, какія найдетъ онъ надобными. Императорское войско было доведено до такой многочисленности, что стало опаснымъ для всей Германіи;

оно обременяло всѣ области ея расходами своего содержанія. Главнокомандующій этой ужасной арміи получилъ отъ императора право налагать контрибуціи и производить конфискаціи по своему усмотрѣнію. Все это было неслыханнымъ до той поры нарушеніемъ законовъ нѣмецкой имперіи, угрожало порабощеніемъ не только протестантскимъ государямъ, но и католическимъ; потому католическіе курфирсты уже давно требовали отъ императора отставки Валленштейна. Достигнувъ успѣха въ своемъ желаніи ослабить протестантскихъ государей отнятіемъ секуляризованныхъ ими церковныхъ владѣній, католическіе государи уже не имѣли надобности терпѣть, чтобы продолжалось самовластіе императора и Валленштейна, бывшего орудіемъ его деспотизма.

Обнародовавъ эдиктъ реституціи, императоръ учредилъ комиссію для его исполненія; было рѣшено, что она начнетъ свои дѣйствія съ ниже-саксонскаго округа, Тилли предоставилъ свое войско въ распоряженіе ей. Гальберштадское епископство было отнято у протестантскаго государя; каѳедральный капитулъ выбралъ епископомъ эрцгерцога Леопольда Вильгельма, второго сына императора; протестантскіе каноники были прогнаны, монастыри возстановлены, церковныя имѣнія возвращены прежнимъ владѣтелямъ: епископу, капитулу и аббатамъ. Дѣло объ архіепископствѣ магдебургскомъ кончилось не такъ легко: капитулъ низложилъ прежняго администратора, бранденбургскаго принца Христіана Вильгельма, за самовластное вовлеченіе архіепископской области въ войну, но выбралъ на его мѣсто не католика, а саксонскаго принца Августа, сначала коадьюторомъ, потомъ архіепископомъ. Императоръ отказалъ выбору въ своемъ утвержденіи, велѣлъ произвести новый выборъ; капитулъ не послушался; императоръ, по праву такъ называемой провизіи (т. е. праву замѣщать собственной властью каѳедры, остающіяся вакантными по нарушенію законовъ капитулами при выборахъ), назначилъ архіепископомъ магдебургскимъ того же самаго сына, который уже былъ епископомъ гальберштадскимъ. Началось возвращеніе секуляризованныхъ владѣній новому архіепископу и возстановляемымъ монастырямъ; но граждане Магдебурга не хотѣли допустить этого; они уже прежде не послушались Валленштейна, велѣвшаго имъ принять въ свой городъ императорскій гарнизонъ, не пустили въ городъ Альдрингена, присланнаго Валленштейномъ съ отрядомъ войска. Теперь они рѣшительно отказались повиноваться эдикту реституціи, выходили противъ отрядовъ присылаемыхъ усмирить ихъ; начался рядъ сраженій подъ стѣнами города. Паппенгеймъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ полковниковъ (то - есть, по нынѣшней терминологіи, генераловъ) Валленштейна, пришелъ съ большимъ войскомъ, началъ осаду; самъ Валленштейнъ пріѣхалъ управлять ею. Граждане Магдебурга не оробѣли; осада продолжалась полгода; Валленштейнъ

увидѣлъ, что она не будетъ имѣть успѣха, и 29 сентября 1629 увелъ войско.

Въ іюнѣ слѣдующаго (1630) года императоръ созвалъ собраніе курфирстовъ въ Регенсбургѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы католическое большинство ихъ коллегіи заявило формальное одобреніе его дѣйствіямъ, помогло ему въ исполненіи эдикта реституціи, дало ему помощь для войны со Швеціей и съ Франціей, съ которой онъ поссорился по дѣлу о мантуанскомъ наслѣдствѣ; онъ желалъ также, чтобы оно обѣщалось выбрать его сына императоромъ. Протестантскіе курфирсты (саксонскій и бранденбургскій) не поѣхали въ это собраніе, въ которомъ два голоса ихъ были бы безсильны помѣшать рѣшеніямъ четырехъ католическихъ курфирстовъ. Они не порицали дѣйствій императора по церковнымъ дѣламъ, но были недовольны его иностранной политикой, осуждали войну его съ Франціей и Голландіей, вмѣшательство въ итальянскія дѣла. На просьбу императора о помощи въ войнѣ со Швеціей и Франціей католическіе курфирсты отвѣчали требованіемъ, чтобъ онъ уменьшилъ свое войско и далъ отставку Валленштейну, нагло нарушающему права нѣмецкихъ государей, разоряющему своими поборами Германію. Всѣ государи опасались, что если онъ останется главнокомандующимъ, то Фердинандъ при его помощи введетъ въ нѣмецкой имперіи неограниченную наслѣдственную императорскую власть, уничтожитъ всѣ права государей. Молва утверждала, что Валленштейнъ прямо высказывалъ такія мысли, говорилъ: «Въ Германіи не нужно никакихъ курфирстовъ и другихъ государей; какъ во Франціи и въ Италіи одинъ государь, король, такъ и въ Германіи долженъ быть одинъ владыка». Требованіе курфирстовъ подкрѣплялось безчисленными жалобами разоряемыхъ войсками Валленштейна земель на ужасные поборы, буйства, опустошенія. Громче всѣхъ подымалъ голосъ противъ Валленштейна Максимилианъ, у котораго отнялъ онъ управленіе войной. Весной 1630 года, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ съѣздомъ курфирстовъ, важнѣйшіе государи лиги, собравшись въ Мергентгеймъ, заявили императору требованіе, чтобъ онъ далъ отставку Валленштейну и удалилъ изъ своей арміи протестантскихъ полковниковъ (генераловъ), отъ которыхъ нельзя ждать безусловнаго повиновенія порученіямъ исполнять эдиктъ реституціи; а теперь католическіе курфирсты объявили императору, что выберутъ его сына королемъ и будутъ помогать ему въ войнѣ со шведами только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ отставку «вредному человѣку», Валленштейну. Императоръ не могъ воспротивиться ихъ волѣ; онъ понималъ, что безъ ихъ помощи не выдержитъ борьбу со шведами, готовившимися напасть на него съ французами, и 13 августа (1630 года) объявилъ, что «перемѣнитъ военное управленіе своей арміей».

Этимъ онъ отрекался отъ мысли ввести въ Германіи неограниченную императорскую власть, установить которую хотѣлъ при помощи Валленштейна; давая отставку Валленштейну, онъ отказывался отъ военнаго и политическаго владычества надъ Германіей, уступилъ его лигѣ. Онъ передалъ начальство надъ своей арміей Тилли, полководцу лиги, далъ отставку Валленштейну, который одинъ былъ способенъ устоять въ борьбѣ съ Густавомъ Адольфомъ. Сдѣлавшись изъ монарха, стремящагося къ подавленію всѣхъ областныхъ государей Германіи, исполнителемъ ихъ воли, императоръ не получилъ отъ своей уступки даже и той выгоды, ожиданіе которой было главнымъ мотивомъ его отреченія отъ плана стать неограниченнымъ государемъ всей Германіи: курфирсты не захотѣли выбрать его сына королемъ; они полагали, что надобно имъ сохранить за собою ту силу надъ императоромъ, какую даетъ имъ надобность его угождать имъ, чтобы они выбрали его сына. Не оправдалась и та надежда его, что войско лиги, соединяющееся теперь съ его арміей, подъ начальствомъ одного главнокомандующаго, поступитъ подъ его распоряженіе; напротивъ того вышла изъ подъ его власти и собственная его армія. Послѣ долгихъ переговоровъ о томъ, какія права будетъ имѣть новый главнокомандующій, кому будетъ поручена эта должность и каково будетъ отношеніе лигистской арміи къ императорской, Фердинандъ былъ принужденъ покориться волѣ курфирстовъ. Съ трудомъ спасся онъ отъ угрожавшей ему опасности попасть въ полную зависимость отъ Максимилиана баварскаго, который требовалъ себѣ должности главнокомандующаго, а это сдѣлало бъ его владыкой надъ императоромъ. Другіе курфирсты не согласились на это, понимая, что онъ поработилъ бы и ихъ. Главнокомандующимъ всѣхъ войскъ былъ назначенъ, съ титуломъ генераль-лейтенанта, то-есть, намѣстника императора по военнымъ дѣламъ, Тилли, полководецъ Максимилиана и лиги; Фердинандъ обязался не начинать новыхъ войнъ безъ согласія курфирстовъ, предоставить правительствамъ военныхъ округовъ имперіи завѣдываніе продовольствіемъ армій, то-есть призналъ себя не имѣющимъ права дѣлать реквизиціи и собирать военные налоги собственной властью. Словомъ совершенно подчинился лигѣ. Онъ иринужденъ былъ уменьшить въ очень значительной пропорціи численность своей арміи. Дальнѣйшими результатами регенсбургскаго съѣзда курфирстовъ и подчиненія императора волѣ ихъ было то, что онъ заключилъ миръ съ Франціей и разорвалъ этимъ союзъ свой съ королемъ испанскимъ, воевавшимъ съ нею, отказался отъ завоеваній, сдѣланныхъ въ Италіи войскомъ его, долженъ былъ отбросить намѣреніе начать войну съ Голландіей.—За всѣ эти пожертвованія онъ не получилъ даже и того, чтобы сынъ его былъ выбранъ королемъ нѣмецкимъ, то-есть наслѣдникомъ его въ санѣ императора. Единственной выгодой для него было то, что лига стала

помогать ему въ войнѣ со шведами; но она должна была въ собственномъ интересѣ вести войну съ ними, потому выгода для императора была только мнимая. Лига приобрѣла полное владычество надъ иностранной политикой, а въ самой Германіи подчиненіе императора лигѣ заставило протестантовъ тѣснѣе соединиться между собою и перейти на сторону шведовъ.

Отставка была дана Валленштейну въ самой мягкой формѣ, съ увѣреніемъ въ благосклонности императора; рескриптъ о ней отвезли въ Меммингенъ, гдѣ находился тогда Валленштейнъ, преданнѣйшіе друзья его Верденбергъ и Квестенбергъ. Онъ, какъ говорятъ, сказалъ имъ: «По звѣздамъ вы можете сами видѣть, что духъ курфирста баварскаго владычествуетъ надъ духомъ императора, потому я не могу ставить это дѣло въ вину императору». Онъ выказывалъ спокойствіе, но въ душѣ былъ глубоко оскорбленъ несправедливостью императора, уѣхалъ въ Гичинъ, столицу своего фридландскаго герцогства и, въ занятіяхъ улучшеніемъ своихъ дворцовъ, садовъ, земель, спокойно ожидалъ времени, когда императору снова понадобится его сильная рука.

VII. ПОХОДЫ ГУСТАВА АДОЛЬФА ПО ГЕРМАНИИ.

I. Высадка Густава Адольфа. Война за мантуанское наслѣдство.

Нѣмецкіе протестанты были подавлены; но явился съ сѣвера спаситель имъ отъ порабощенія, король шведскій Густавъ Адольфъ, человекъ очень даровитый, образованный, въ особенности хорошо знавшій богословіе и исторію, самъ писавшій исторію своихъ предковъ, говорившій на восьми языкахъ и съ дѣтства полюбившій военное искусство, которому училъ его жившій въ Швеціи французскій вельможа, графъ Де-ла-Гарди. По цѣлымъ часамъ онъ внимательно слушалъ рассказы о подвигахъ древнихъ героевъ и объ удивительныхъ походахъ Морица оранскаго. Война съ Даніей въ 1611 и 1612 годахъ дала молодому наслѣднику престола случай самому выказать храбрость. Его называли сѣвернымъ львомъ; говорятъ, онъ былъ выше всѣхъ въ войскѣ ростомъ; онъ былъ широкоплечъ, но въ молодости строенъ (послѣ разстолстѣлъ, сталъ тяжелъ въ движеніяхъ). У него были свѣтлорусые волосы, бѣлый цвѣтъ лица; въ промежутки походовъ онъ любилъ тихія удовольствія; однимъ изъ нихъ была игра на лютнѣ. Швеціи надобно было защищать свою независимость и религію отъ короля польскаго; но и помимо политическихъ соображеній, заставлявшихъ Густава Адольфа выказывать себя усерднымъ протестантомъ, онъ былъ человекъ искренно религіозный. Онъ ввелъ въ

Швеціи такое устройство войска, что эта малолюдная земля сдѣлалась грозной военной державой; побѣдами въ Польшѣ и Пруссіи онъ покорилъ Швеціи земли прилегавшія къ юго-восточной части Балтійскаго моря. Покореніе ихъ шведами было противно желанію императора пріобрѣсти владычество на Балтійскомъ морѣ, представляло опасность для его наслѣдственныхъ владѣній, а намѣреніе Габсбурговъ овладѣть прибалтійской частью Германіи должно было казаться опасностью для владычества на Балтійскомъ морѣ, которое хотѣлъ пріобрѣсти для Швеціи Густавъ Адольфъ. Онъ говоритъ: «Императоръ и паписты такъ приблизились къ Балтійскому морю, такъ широко овладѣли посредствомъ насилія и хитрости всѣми лежащими на немъ нѣмецкими государствами и такъ усилились флотомъ, что угрожаетъ теперь опасность, какъ не захватили бы они *Dominium maris* (владычество на морѣ) и не стали бы играть изъ себя господъ Балтійскаго моря, которое съ языческаго времени принадлежитъ шведской коронѣ». Онъ считалъ надобнымъ бороться противъ опасности, и мы видѣли, что оборонѣ Штральзунда уже помогали шведскіе корабли и войска. Валленштейнъ предвидѣлъ, что раньше или позже должна возникнуть война со шведами; императоръ такъ же полагалъ, что не можетъ быть отвращена война со Швеціей; это видно изъ того, что шведскіе послы не были допущены участвовать въ любекскомъ конгрессѣ.

Только война съ Польшей удерживала Густава Адольфа отъ экспедиціи въ Германію для войны съ императоромъ. У Швеціи не достало бы силъ одновременно вести двѣ наступательныя войны. Валленштейнъ, желая, чтобы возобновилась прекращавшаяся война Польши со Швеціей, послалъ королю польскому 15.000-ное войско подъ начальствомъ Арнима; это враждебное дѣйствіе уничтожило всякую возможность примиренія императора съ королемъ шведскимъ. Въ іюнѣ 1629 съ удвоенномъ ожесточеніемъ возобновилась война поляковъ со шведами въ Пруссіи; военныя дѣйствія шли въ окрестностяхъ Штума и Маріэнбурга; но и при содѣйствіи большого императорскаго войска королю польскому перевѣсъ успѣха былъ на сторонѣ шведовъ, такъ что Сигизмундъ нашелъ надобнымъ искать мира. Близъ Штума было заключено 26 сентября 1629 при французскомъ посредничествѣ перемиріе на шесть лѣтъ, оставившее за шведами всѣ ихъ завоеванія въ Лифляндіи и почти весь берегъ Пруссіи.

Освободившись отъ польской войны, связывавшей руки ему, Густавъ Адольфъ немедленно сталъ готовиться къ исполненію давняго своего намѣренія начать въ Германіи войну противъ Габсбурговъ. Въ воззваніи къ шведскому сейму онъ пламенными словами описалъ опасности, какими угрожаетъ шведскому государству владычество императорскихъ войскъ надъ Германіей. Онъ говорилъ, что повсюду, гдѣ утвердился господство императора, подавляется протестантство, насильственно возстановляется католичество, что если императоръ

овладѣть Балтійскимъ берегомъ Германіи, то уничтожить шведскую торговлю, что императоръ издавна врагъ Швеціи. Сеймъ съ восторгомъ принялъ призывъ короля къ защитѣ отечества; обременительность расходовъ на войну съ Польшей не охладила сейма, онъ далъ королю новые палогі для доставленія ему средствъ увеличить войско и флотъ. Не остановило шведовъ и непріязненное настроеніе датчанъ, раздосадованныхъ расширеніемъ шведскаго могущества на Балтійскомъ морѣ и желавшихъ напасть на Швецію, когда она останется безъ войскъ.

Густавъ Адольфъ съ самаго начала правленія поставилъ главной своей цѣлью сформировать многочисленное и хорошее войско, неумимо заботился объ этомъ и произвелъ много важныхъ улучшеній во всѣхъ частяхъ военнаго дѣла. Онъ былъ истиннымъ основателемъ системы набора войска посредствомъ конскрипціи. Отъ нея были освобождены только привилегированныя сословія. Впрочемъ когда онъ велъ войну въ Германіи, то принужденъ былъ пополнять войско вербовкой наемниковъ, потому что малочисленное населеніе Швеціи (вѣроятно не превышавшее тогда 1.500.000) было недостаточно для поддержанія численности войска въ такой большой величинѣ, какая была необходима на нѣмецкой войнѣ. Когда Густавъ Адольфъ поплылъ съ войскомъ въ Германію, онъ имѣлъ вѣроятно около 76.000 человѣкъ войска; въ этомъ числѣ было 43.000 человѣкъ шведовъ. Онъ взялъ съ собой въ Германію 13.000 человѣкъ; остальное войско необходимо было въ самой Швеціи и въ завоеванныхъ земляхъ для охраны ихъ отъ нападений. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ на нѣмецкій берегъ, пришли къ нему большія подкрѣпленія изъ войскъ сосѣднихъ протестантскихъ государей и много волонтеровъ, такъ что у него составилось 40.000 человѣкъ солдатъ. Онъ придалъ шведскому войску быстроту походовъ и боевыхъ манѣвровъ, онъ уменьшилъ численность людей въ подраздѣленіяхъ арміи, въ полкахъ, ротахъ, взводахъ, это облегчило ихъ манѣвры; онъ уменьшилъ тяжесть вооруженія. Прежнее фитильное ружье было такое тяжелое, что при стрѣльбѣ нельзя было держать его въ рукахъ, — оно опускалось на подставку, служившую ему опорой. Густавъ Адольфъ замѣнилъ его менѣе тяжелымъ ружьемъ съ кремневымъ замкомъ. Онъ уменьшилъ пропорцію неповоротливыхъ пикинеровъ въ пѣхотѣ, увеличилъ пропорцію мушкетеровъ. Прежде солдаты носили обыкновенную одежду поселянъ или горожанъ, она была даже въ одномъ отрядѣ очень разнообразна; Густавъ Адольфъ одѣлъ солдатъ въ одноформенные мундиры. Онъ заботился о томъ, чтобы они имѣли теплую одежду, крѣпкіе сапоги, выдавалъ на зиму имъ шубы, такъ что шведское войско могло дѣлать зимніе походы, а до Густава Адольфа военныя дѣйствія прекращались съ наступленіемъ холоднаго времени. Шведская конница была не лучше нѣмецкой; но знаменита

и страшна была артиллерія Густава Адольфа: прежнія пушки, имѣвшія 12 футовъ длины и такія тяжелыя, что подѣ каждую надобно было лошадей 20 и больше, не годились для далекихъ походовъ; Густавъ Адольфъ замѣнилъ ихъ пушками менѣе длинными и кромѣ мѣдныхъ пушекъ, какими были прежнія и эти менѣе длинные орудія, стрѣлявшія ядрами довольно большихъ калибровъ, ввелъ желѣзныя пушки такія легкія, что подѣ нихъ нужно было только по одной лошади; ихъ возилъ съ собой каждый полкъ во всѣхъ своихъ передвиженіяхъ. Еще легче были такъ называемыя кожаныя пушки Густава Адольфа, состоявшія изъ мѣднаго ствола съ тонкими стѣнками, обшитаго кожей; но онѣ оказались не практичны. Военно-инженерное искусство Густавъ Адольфъ поднялъ на высоту, какой не имѣло оно прежде. Шведскіе инженеры лучше всѣхъ другихъ умѣли наводить мосты, дѣлать полевые укрѣпленія, строить крѣпости, вести и взрывать мины. О продовольствіи войска, о лазаретахъ Густавъ Адольфъ заботился очень усердно. Онъ держалъ войско въ строгой дисциплинѣ, сурово наказывалъ за ея нарушеніе; при полкахъ находились священники, и набожность шведовъ дѣлала поразительное впечатлѣніе на буйныхъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Густавъ Адольфъ преобразовалъ и тактику. Прежнія большія карѣ, формируемыя изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и мало способныя маневрировать, онъ замѣнилъ бригадами, состоявшими изъ меньшаго числа солдатъ и болѣе подвижными; глубину строя онъ уменьшилъ на нѣсколько шеренгъ сравнительно съ испанскимъ строемъ. Для увеличенія легкости и боевой способности войска, онъ уменьшилъ обозъ, имѣвшій у арміи императора и лиги громадную величину.

Одновременно съ Швеціей вступила въ коалицію противъ Габсбурговъ Франція. Подавивъ оппозицію, Ришельё сдѣлалъ Францію центромъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій противъ испанскаго и австрійскаго государей. Желанный поводъ вмѣшаться въ войну нашелъ онъ въ спорѣ за мантуанское наслѣдство. Смертью герцога Викентія II (26 декабря 1627) прекратилась старшая линія мантуанской династіи. Ближайшія права наслѣдованія имѣлъ глава младшей линіи герцогъ Карлъ Неверскій, вассалъ короля французскаго, французъ по происхожденію и политическимъ стремленіямъ. Король испанскій и императоръ не хотѣли допустить, чтобы возобновилось вліяніе Франціи на Италію; папа Урбанъ VIII былъ на сторонѣ Франціи. Императоръ по праву сюзерена объявилъ, что до рѣшенія притязаній на наслѣдство, заявляемыхъ другими родственниками покойнаго герцога, онъ налагаетъ секвестръ на герцогство мантуанское (то есть беретъ его подѣ свое управленіе). Герцогъ Неверскій обратился къ королю французскому съ просьбой о защитѣ. Въ февралѣ 1629 французское войско перешло Альпы и безъ большого труда покорило герцогство мантуанское. Но потомъ пришло черезъ Граубюнденъ въ Италію

императорское войско, въ іюлѣ 1630 взяло Мانتую штурмомъ; ворвавшись въ городъ, оно грабило и рѣзало жителей съ рѣдкой даже въ тѣ времена свирѣпостью. Испанское войско подъ начальствомъ Спинолы въ это время осадило крѣпость Казале, занятую французами. Тѣснимый королемъ шведскимъ, императоръ заключилъ 13 октября 1630 миръ съ Франціею на выгодныхъ для нея условіяхъ. Онъ далъ герцогу Неверскому инвеституру на владѣніе герцогствомъ мантауанскимъ и принадлежавшимъ прежнему герцогу маркграфствомъ монферратскимъ. Герцогъ обѣщался не помогать врагамъ императора. Ришельё за эту оговорку отвергъ трактатъ, заключенный его помощникомъ, капуцинскимъ монахомъ Жозефомъ; императоръ 6 апрѣля слѣдующаго года согласился подписать трактатъ безъ этой оговорки. Французы удержали за собой крѣпость Пиньероль, имѣвшую важное стратегическое значеніе.

Дѣла на Рейнѣ принимали оборотъ, который также велъ къ войнѣ Франціи съ Габсбургами. Императоръ и король испанскій досадовали на то, что Франція подвигаетъ свою границу къ Рейну: французы расширяли свою власть надъ епископствами тульскимъ, вердѣнскимъ и мецкимъ, король изъ сюзерена сталъ государемъ этихъ областей, самостоятельное управленіе въ нихъ было замѣнено французскимъ. Досада Габсбурговъ увеличивалась тѣмъ, что нидерландская республика, въ надеждѣ на помощь Франціи, энергически продолжала войну съ королемъ испанскимъ; войска ея овладѣли Везелемъ, Гертогенбосхомъ, вошли осенью 1629 въ герцогство клевское. Французскіе посланники при нѣмецкихъ дворахъ ужь давно дѣйствовали во вредъ императору, склоняли духовныхъ курфирстовъ, герцога баварскаго и лигу къ союзу съ Франціей. Императоръ въ 1627 двинулъ свои войска на верхній Рейнъ; они стали укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Гагенуа. Уже тогда всѣ говорили, что скоро начнется война между Франціей и австрійскимъ государемъ. Ришельё убѣждалъ короля шведскаго идти въ Германію, доставилъ ему возможность начать войну съ императоромъ, склонивъ Польшу заключить миръ, вступилъ съ нимъ въ переговоры о союзѣ противъ императора; ходъ ихъ затягивался спорами о размѣрѣ субсидіи, какую будетъ давать шведскому королю Франція, о числѣ войска, какое онъ обязанъ содержать, получая на это деньги отъ Франціи; но интересы Швеціи и Франціи были одинаковы, потому очевидно было, что союзъ будетъ заключенъ; Габсбургамъ угрожала коалиція Швеціи съ Франціей и нѣмецкими протестантами.

Союзъ между Франціей и Швеціей былъ заключенъ 23 января (1631 года въ Бервальде, небольшомъ городѣ, лежащемъ въ курфиршествѣ Бранденбургскомъ на сѣверъ отъ Кюстрина). Франція обѣщала давать королю шведскому по 400.000 имперскихъ талеровъ. — Около того времени, какъ приплылъ въ Германію Густавъ, императоръ избавился отъ одного изъ главныхъ своихъ противниковъ, Бетлена Габора, князя трансильванскаго, го-

товившагося по соглашенію съ Густавомъ Адольфомъ снова напасть на Австрію. Онъ умеръ 5 ноябрю 1629. Споры за право наследовать Бетлену Габору повели къ междоусобию, и Австрія осталась свободна отъ нападенія съ востока.

Въ Данцигѣ собрались уполномоченные императора и короля шведскаго для устраненія ссоры; но ни съ той, ни съ другой стороны не было искренняго желанія мира, и военныя дѣйствія начались еще во время переговоровъ. Король датскій желалъ купить у герцога померанскаго Рюгенъ; опасаясь, что герцогъ согласится на его предложеніе и рѣшившись не допускать датчанъ овладѣть этимъ островомъ, Густавъ Адольфъ въ мартѣ 1630 велѣлъ шведскому гарнизону Штральзунда переправиться на Рюгенъ, и въ апрѣлѣ шведы прогнали императорское войско изъ его окоповъ, овладѣли Рюгеномъ. Вскорѣ послѣ того, 4 іюля, шведскій флотъ съ войскомъ приплылъ къ острову Узедому; войско, не встрѣчая сопротивленія, вышло на берегъ, овладѣло и Узедомомъ и другимъ островомъ устьи Одера, Воллиномъ. Густавъ Адольфъ пошелъ къ Штеттину, столицѣ герцогства померанскаго; слабый старикъ, герцогъ Богиславъ напрасно просилъ признать его нейтралитетъ; Густавъ Адольфъ далъ ему одинъ выборъ: быть другомъ или врагомъ Швеціи; оробѣвшій герцогъ заключилъ съ королемъ шведскимъ договоръ, по которому обязался не вести переговоровъ ни съ кѣмъ безъ его согласія, а Густавъ Адольфъ обѣщался защищать герцога отъ всѣхъ враговъ и возвратить ему все отнятое у него. Вслѣдъ за тѣмъ было заключено условіе и о томъ, сколько денегъ и войска обязанъ давать герцогъ королю шведскому. Такимъ образомъ Густавъ Адольфъ 11 іюля занялъ Штеттинъ съ согласія самого герцога, померанское войско поступило въ шведскую армію. Шведы заняли и другія померанскія крѣпости; на всемъ померанскомъ берегу только Грейфсвальдъ остался во власти императора. Въ Павзевалькѣ императорское войско неожиданно напало на шведовъ, нанесло имъ уронъ; во время боя на улицахъ городъ былъ зажженъ и сгорѣлъ весь. Густавъ Адольфъ прошелъ черезъ Вольгастъ въ герцогство мекленбургское и возвратился въ Померанію дать рѣшительную битву императорской арміи, стоявшей укрѣпленнымъ лагеремъ въ Грейфенгагенѣ, страдавшей отъ холода и недостатка провіанта. Онъ взялъ штурмомъ Грейфенгагенъ; шведская конница гналась за бѣгущими императорскими войсками до Пирица и Ландсберга. Германія изумлялась, слыша, что непобѣдимое императорское войско разбито и разсѣяно. Нѣмецкіе протестанты ободрились.

Въ началѣ слѣдующаго (1631) года шведы продолжали дѣйствовать съ такимъ же успѣхомъ. Тилли, прежняя энергія котораго замѣнилась чрезмѣрной осторожностью, медленно шелъ съ Везера въ курфиршество бранденбургское; шведы между тѣмъ одерживали успѣхъ за успѣхомъ. Въ февралѣ они принудили сдаться Демминъ, потомъ

Кольбергъ, сильнѣйшую померанскую крѣпость. Тилли, пришедши на театръ войны, взялъ въ мартѣ штурмомъ Нейбранденбургъ, дозволилъ своимъ солдатамъ грабить и рѣзать жителей его, но не отважился дожидаться шведовъ, ушелъ на Эльбу къ Магдебургу, осажденному Паппенгеймомъ. Густавъ Адольфъ въ апрѣлѣ штурмовалъ укрѣпленную позицію императорскаго войска у Франкфурта на Одерѣ, взялъ ее, взялъ приступомъ и городъ Франкфуртъ. Силезія и Богемія были открыты вторженію шведовъ.

Масса протестантскаго населенія Германіи радовалась побѣдамъ Густава Адольфа, видѣла въ немъ своего избавителя отъ тиранства католиковъ; но протестантскіе государи смотрѣли на него недовѣрчиво. Сильнѣйшій изъ нихъ, курфирсть саксонскій Іоаннъ Георгъ остался по наслѣдственной политикѣ своей династіи вѣренъ императору, отвергъ предложенный ему королемъ шведскимъ союзъ. Трусливый и безхарактерный Георгъ Вильгельмъ, курфирсть бранденбургскій тоже не согласился на союзъ съ королемъ шведскимъ, хотя и находился въ родствѣ съ нимъ: жена Густава Адольфа Марія Элеонора была бранденбургская принцесса. Курфирсть уклонялся отъ отвѣта на требованіе Густава Адольфа объявить, врагъ ли онъ или другъ Швеціи, старался сохранить нейтралитетъ, позволялъ и шведскимъ и императорскимъ войскамъ ходить черезъ его владѣнія.

Протестантскіе государи увидѣли наконецъ, что императоръ на съѣздѣ курфирстовъ въ Регенсбургѣ совершенно примирился съ лигой, что онъ не отмѣнитъ эдикта реституціи; курфирсть саксонскій пригласилъ протестантскихъ государей собраться въ Лейпцигъ, чтобы условиться о единодушномъ сопротивленіи насилію католиковъ. Съѣхавшіеся въ Лейпцигъ государи совѣщались съ февраля до апрѣля 1631 безъ всякой пользы; они не отважились принять рѣшительныя мѣры, ограничились разсужденіями о надобности единодушія, все еще надѣясь получить смиренными просьбами императору удовлетвореніе своимъ жалобамъ и сохранить нейтралитетъ, хотя очевидна была необходимость стать на ту или другую сторону въ войнѣ императора съ подвигавшимся въ глубину Германіи королемъ шведскимъ. Они добровольно оставались слѣпыми, говоритъ Дройзенъ. — Курфирсть бранденбургскій, все государство котораго кромѣ нѣсколькихъ крѣпостей находилось во власти короля шведскаго, заключилъ противъ воли договоръ съ нимъ. Но курфирсть саксонскій упорно отказалъ шведамъ въ разрѣшеніи пройти черезъ Виттенбергъ на помощь Магдебургу.

2. Взятіе Магдебурга. Сраженіе подъ Брейтенфельдомъ.

Овладевая нѣмецкими землями по Балтійскому морю, Густавъ Адольфъ ободрялъ протестантовъ Средней Германіи обѣщаніями прійдти къ нимъ. Въ этомъ отношеніи было очень важно для него то, что продолжалъ

защищаться городъ Магдебургъ. Король хотѣлъ сдѣлать его операционнымъ базисомъ своихъ походовъ въ глубину Германіи, ему было очень выгодно, что Магдебургъ задерживаетъ непріятеля на Эльбѣ, даетъ ему время овладѣвать сѣверо-востокомъ Германіи. Мы говорили, что Валленштейнъ принужденъ былъ прекратить осаду Магдебурга; императорскія войска стояли послѣ того отрядами по всей магдебургской области. Получивъ отъ Густава Адольфа обѣщаніе помощи, прежній администраторъ ея Христіанъ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Магдебургъ, ободрилъ горожанъ извѣстіемъ, что къ нимъ придутъ шведы. Въ октябрѣ 1630 пріѣхалъ въ Магдебургъ шведскій полковникъ (генералъ) Фалькенбергъ, принялъ военное начальство въ городѣ, сталъ усиливать его укрѣпленія. Но отказъ курфирстовъ бранденбургскаго и саксонскаго вступить въ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ задержалъ его далеко отъ Магдебурга. Паппенгеймъ возобновилъ осаду города, но не имѣлъ столько войска, чтобы взять его приступомъ, а Тилли медлилъ походомъ. Паппенгейму пришлось ограничиться блокадой. Въ мартѣ (1631 года) Тилли подступилъ къ Магдебургу, укрѣпленія котораго были усилены энергическимъ шведскимъ коммендантомъ. Войско, осадившее теперь Магдебургъ, имѣло больше 25.000 солдатъ; численность гарнизона была лишь немногимъ больше 2.000. Въ апрѣлѣ Паппенгеймъ сталъ штурмовать передовыя укрѣпленія и въ нѣсколько дней взялъ всѣ ихъ.

Услышавъ, что Густавъ Адольфъ идетъ на Франкфуртъ, Тилли пошелъ туда, но узнавъ, что Франкфуртъ взять, возвратился къ Магдебургу и сталъ штурмовать его всѣми своими силами. Онъ бралъ укрѣпленіе за укрѣпленіемъ, одолѣвая геройскую оборону гарнизона; предмѣстья были сожжены, жители ихъ ушли въ городъ. Ближе и ближе подходили къ нему траншеи, бомбардировка усиливалась, а въ городѣ уже не доставало пороха. Осаждающіе знали, что силы защитниковъ его ослабѣваютъ, въ городѣ было много католиковъ, сообщавшихъ имъ обо всемъ. Тилли потребовалъ сдачи, но прежде чѣмъ пришелъ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ, Паппенгеймъ 20 мая началъ штурмъ, нарушивъ перемиріе. Неожиданный приступъ засталъ гарнизонъ неготовымъ къ оборонѣ; осаждающіе безъ труда ворвались въ городъ съ двухъ сторонъ; на улицахъ началась отчаянная оборона. Фалькенбергъ, лучшіе офицеры и солдаты его пали въ бою; администраторъ, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ (и отосланъ въ Вѣну, гдѣ впослѣдствіи принялъ католичество). Овладѣвъ городомъ, свирѣпыя солдаты Тилли стали грабить, рѣзать мужчинъ, насиловать и потомъ рѣзать женщинъ; даже люди того времени, привычные слышать объ ужасахъ при взятіи городовъ, находили неслыханнымъ безчеловѣчіе, какое выказалъ Тилли по взятіи Магдебурга. Во время грабежа вспыхнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ, слился въ одно пламя, испепелившее весь Магдебургъ; побѣдители сожгли городъ, или

оборонявшіеся надѣялись задержать пламенемъ ихъ наступленіе, остается нерѣшеннымъ. Уцѣлѣли только соборъ, въ которомъ Тилли отслужилъ благодарственный молебенъ, монастырь Богоматери и нѣсколько хижинъ.

Погибель Магдебурга, бывшаго богатымъ городомъ, побѣдоносно отбивавшагося отъ всѣхъ прежнихъ осадъ, уничтожила надежды нѣмецкихъ протестантовъ на Густава Адольфа; они оробѣли, католики были въ восторгѣ радости. Курфирстъ трирскій говорилъ, что пора протестантамъ укладывать свои вещи въ чемоданы, потому что они не будутъ болѣе терпимы въ имперіи. Уже составлялись списки протестантовъ, которыхъ должно арестовать и казнить. Густавъ Адольфъ, полагая, что императорское войско двинется на него всѣми своими силами, нашелъ надобнымъ упрочить свое положеніе въ курфиршество бранденбургскомъ, подступилъ къ Берлину, угрожая курфирсту бомбардировкой города, въ которомъ заперся онъ. Георгъ Вильгельмъ заключилъ договоръ, по которому отдалъ Густаву Адольфу на время войны крѣпости Шпандау и Кюстринъ. Тилли медлилъ идти на шведовъ; благодаря тому, Густавъ Адольфъ имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ. Его генераль Горнъ удерживалъ наступленіе императорскихъ войскъ въ Силезіи, другой полководецъ его взялъ штурмомъ Гавельбергъ, занялъ другія важныя бранденбургскія крѣпости; третій шведскій генераль Аке Тоттъ въ іюнѣ овладѣлъ послѣдней крѣпостью, остававшейся у императорскихъ войскъ въ Помераніи, Грейфсвальдомъ. Шведы были теперь полными господами въ Помераніи, пошли въ Мекленбургъ, безъ труда заняли весь его; императорскія войска остались только въ Ростокъ и Висмаръ; изгнанные герцоги возвратились, шведы возстановили ихъ власть.

Одряхлѣвшій Тилли продолжалъ дѣйствовать вяло; ожидая подкрѣплений, шедшихъ изъ испанскихъ Нидерландовъ и Италіи, онъ бездѣйствовалъ. Густавъ Адольфъ, вытѣснивъ императорскія войска изъ сѣверной Германіи, пошелъ въ Тюрингію и Гессенъ. Вильгельмъ, ландграфъ гессенъ-кассельскій, человѣкъ энергичный, какихъ было мало между тогдашними нѣмецкими государями, уже давно принялъ сторону короля шведскаго. Онъ и Бернгардъ, герцогъ веймарскій, собирали войска, убѣждали другихъ протестантскихъ государей къ союзу между собой и со шведами. Тилли потребовалъ, чтобы Вильгельмъ распустилъ войско, принялъ въ свои крѣпости императорскіе гарнизоны, заплатилъ контрибуцію; онъ отвѣчалъ отказомъ. Тилли хотѣлъ идти на него; но Густавъ Адольфъ пришелъ на Эльбу, сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ у Вербена; Тилли принужденъ былъ оставить Вильгельма въ покоѣ, призвалъ къ себѣ Паппенгейма, остававшагося въ Магдебургѣ, двинулся къ Вербену. Въ сраженіи при Бургшталѣ (въ іюлѣ 1631) было истреблено нѣсколько императорскихъ полковъ. Въ слѣдующіе дни было еще нѣсколько сраженій; всѣ кончались неу-

дачей для Тилли. Онъ увидѣлъ, что не вытѣснить шведовъ изъ вербенской позиціи и отступилъ. — Ландграфъ Вильгельмъ заключилъ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ; онъ первый изъ нѣмецкихъ государей сталъ искреннимъ союзникомъ короля шведскаго. (Бернгардъ веймарскій имѣлъ титулъ герцога только какъ принцъ герцогской династіи; онъ не былъ государемъ веймарскимъ; государемъ былъ старшій братъ его).

Императорская и шведская арміи сосредоточились на границахъ курфиршества саксонскаго. Курфирсту невозможно было оставаться нейтральнымъ, какъ онъ желалъ; необходимо было присоединиться къ той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Густавъ Адольфъ велъ переговоры съ нимъ. Тилли хотѣлъ принудить его вступить въ союзъ съ императоромъ, вошелъ въ его государство, сталъ опустошать мерзебургскую, наумбургскую и цейцкую области. Результатъ былъ противоположенъ тому, котораго хотѣлъ достичь Тилли грабежомъ его владѣній: онъ 11 сентября заключилъ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ и присоединилъ свое войско къ шведской арміи, написалъ Тилли, что за свою преданность императору заслуживаетъ не такой благодарности, какъ опустошеніе его земли императорскими войсками.

По присоединеніи саксонскаго войска, Густавъ Адольфъ имѣлъ въ своей арміи 47.000 человѣкъ. Прежде всего, онъ обязанъ былъ освободить государство своего новаго союзника отъ опустошенія. Тилли бомбардировалъ Лейпцигъ, принудилъ 17 сентября городъ сдаться; узнавъ, что идетъ шведская армія, пошелъ къ сѣверу, остановить ее, и встрѣтился съ ней неподалеку отъ Лейпцига, у Брейтенфельда. Въ рѣшительной битвѣ, произошедшей тутъ, Тилли, представитель испанской тактики, дѣйствовавшей тяжелыми, неповоротливыми массами, былъ побѣжденъ представителемъ новой тактики, Густавомъ Адольфомъ, замѣнившимъ неповоротливую тяжесть движеній войска такимъ построеніемъ и вооруженіемъ солдатъ, что армія его приобрѣла легкость и быстроту. Саксонцы не выдержали страшнаго натиска императорскихъ полковъ, обратились въ бѣгство, увлекли за собою сосѣднія части шведской арміи. Но лѣвое крыло ея, которымъ командовалъ фельдмаршалъ Горнъ, выдержало напоръ массъ императорской пѣхоты; Густавъ Адольфъ привелъ на помощь ему нѣсколько другихъ шведскихъ полковъ; много часовъ длился ужасный рукопашный бой; къ вечеру глубокія массы императорскаго войска были сломлены, разорваны, цѣлыя полки его были изрублены, уцѣлѣвшіе разсѣялись въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Тилли былъ раненъ, многіе изъ лучшихъ генераловъ и старшихъ офицеровъ его были убиты, вся артиллерія была взята шведами; число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ императорскихъ солдатъ было огромно. Уронъ шведовъ былъ гораздо меньше.

Побѣдой при Брейтенфельдѣ было изглажено неблагоприятное для шведовъ впечатлѣніе, произведенное тѣмъ, что Густавъ Адольфъ до-

пустилъ Тилли взять Магдебургъ. Нѣмецкіе протестанты ободрились и превозносили Густава Адольфа; католики упали духомъ и съ горькой шуткой говорили, что Богъ помогаетъ лютеранамъ.

3. Борьба Валленштейна съ Густавомъ Адольфомъ.

Подъ страшнымъ впечатлѣніемъ брейтенфельдской битвы императоръ обратился къ своему бывшему главнокомандующему, единственному католическому полководцу, не утратившему довѣрія войска и казавшемуся способнымъ остановить Густава Адольфа. Валленштейнъ въ гордомъ бездѣйствіи слѣдилъ за ходомъ событій изъ своей великолѣпной богемской резиденціи. Императоръ не разъ просилъ совѣта у оскорбленнаго полководца, называя его «своимъ особенно любимымъ дядею»; при первыхъ успѣхахъ Густава Адольфа уже говорили при императорскомъ дворѣ, что надобно снова поручить ему командованіе войскомъ. Онъ не выказывалъ желанія принять на себя эту обязанность. Мысли его имѣли другое направленіе. Онъ вошелъ въ сношенія съ Густавомъ Адольфомъ: посредниками между ними были Арнимъ, графъ Турнъ и родственникъ Валленштейна Терцки (Терцкій); онъ и Густавъ Адольфъ были уже близки къ соглашенію между собою. Валленштейнъ говорилъ, что при содѣйствіи шведскаго корпуса, который дастъ ему Густавъ Адольфъ, онъ покоритъ австрійскія владѣнія Габсбурговъ, прогонитъ императора въ Италію; Густавъ Адольфъ согласился назначить его вице-королемъ богемскимъ; онъ хотѣлъ вести войну съ императоромъ и лигой до совершеннаго уничтоженія ихъ. Въ такомъ положеніи находились переговоры Валленштейна съ королемъ шведскимъ, когда Фердинандъ прислалъ ему приглашеніе снова быть главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ. Онъ такъ свыкъся съ мыслью стать союзникомъ короля шведскаго, выгнать императора изъ всѣхъ его владѣній, что отвѣчалъ на предложеніе Фердинанда рѣшительнымъ отказомъ. Но Густавъ Адольфъ медлилъ принять его планъ; онъ понялъ, что король шведскій не довѣряетъ ему и быстро перемѣнилъ свои намѣренія. Когда князь Эггенбергъ, всегда бывший защитникомъ его передъ императоромъ, пріѣхалъ къ нему (въ декабрѣ 1631) въ Знаймъ, просить его отъ имени императора принять должность главнокомандующаго, онъ сказалъ, что согласенъ взять эту должность, но только на три мѣсяца, и только для того, чтобы сформировать армію для императора. Эггенбергъ далъ ему увѣреніе, что императоръ не будетъ поддаваться никакимъ внушеніямъ, враждебнымъ ему, не будетъ ни въ чемъ стѣснять свободу его дѣйствій. Кажется, Фердинандъ также далъ ему обѣщаніе отмѣнить эдиктъ реституціи, чтобы ему возможно было примирить съ императоромъ курфюрста саксонскаго, а потомъ и другихъ протестантскихъ государей, успокоить Германію, какъ желалъ онъ

того. Въ апрѣлѣ, когда приблизился конецъ трехмѣсячнаго срока, на который Валленштейнъ принялъ командованіе императорскими войсками, Фердинандъ упросилъ его остаться главнокомандующимъ на всю войну, согласился на всѣ предложенныя имъ условія, дѣлавшія его почти независимымъ отъ императора и обезпечивавшія ему громадное вознагражденіе за труды и расходы. Императоръ обязался дать ему въ случаѣ утраты Мекленбурга другое государство съ равнымъ доходомъ, и въ залогъ того отдалъ во временное владѣніе герцогство глогауское; обязался не давать никакому другому генералу командованія, независимаго отъ него; предоставилъ ему власть распоряжаться по его усмотрѣнію въ тѣхъ земляхъ, которыя завоеуетъ онъ, передалъ ему въ нихъ высшія прерогативы императорской власти, право конфискаціи и помилованія; никогда никакому главнокомандующему не предоставлялась такая независимая отъ императора и неограниченная власть.

Черезъ нѣсколько дней послѣ брейтенфельдской битвы Саксонія ужь была совершенно очищена Густавомъ Адольфомъ отъ враговъ. На личномъ свиданіи курфирста съ королемъ шведскимъ былъ опредѣленъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Густавъ Адольфъ рѣшилъ, что пойдетъ черезъ Тюрингію во Франконію, во владѣнія членовъ лиги; курфирстъ обязался вести наступательную войну въ Силезіи и Богеміи. Густавъ Адольфъ еще думалъ тогда, что Валленштейнъ приметъ его сторону, и при содѣйствіи шведскаго корпуса возстанетъ противъ императора, что въ Богеміи и эрцгерцогствѣ австрійскомъ оживится прежнее желаніе освободиться отъ ига Габсбурговъ. Арнимъ повелъ саксонскую армію въ Богемію, подступилъ къ Прагѣ; она 15 ноября (1631 года) сдалась ему безъ сопротивленія. Съ саксонской арміей возвратились на родину вожди богемскаго возстанія, Турнъ и Венцель Руппа.—Когда Густавъ Адольфъ пришелъ въ Тюрингію, Вильгельмъ герцогъ веймарскій заключилъ союзъ съ нимъ. Шведы пошли во Франконію, заняли владѣнія епископовъ вюрцбургскаго и бамбергскаго, взяли ихъ крѣпости. Протестантскіе государи франконскаго округа, богатый городъ Нюрнбергъ, герцогъ вюртембергскій вступили въ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ; католическіе государи южной Германіи и рейнскихъ земель были въ трепетѣ. Густавъ Адольфъ объявилъ себя государемъ покоренныхъ владѣній епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго, назначилъ своихъ правителей въ нихъ, конфисковалъ въ нихъ монастырскія имѣнья, роздалъ въ награду своимъ генераламъ и выказавшимъ усердіе къ нему франконскимъ вельможамъ.

Войско Тилли, бѣжавшее разсѣянными толпами съ поля брейтенфельдской битвы на Везеръ, собралось, было приведено въ нѣкоторый порядокъ; въ Гессенѣ присоединились къ Тилли Альдрингеръ, Фуггеръ, Карлъ лотарингскій съ своими отрядами. Онъ пошелъ на

Густава Адольфа, опустошая все на пути, до Вюрцбурга и Нюрнберга, но армія его все еще находилась въ такомъ разстройствѣ, что онъ не могъ вести правильную осаду этихъ городовъ. Густавъ Адольфъ видѣлъ, что онъ не опасенъ, и, презрительно оставляя его въ тылу у себя, шелъ дальше. Въ ноябрѣ отворилъ ему ворота Франкфуртъ; Георгъ ландграфъ дармштадскій обѣщался не помогать императору и лигѣ и получилъ миръ. Шведы приближались къ Майнцу; курфирстъ бѣжалъ, поручилъ защиту крѣпости испанскому отряду. Густаву Адольфу была непріятна надобность сражаться съ испанцами: онъ постоянно говорилъ, что ведетъ войну не противъ габсбургскаго дома, а только противъ императора; но принужденъ былъ у Оппенгейма вступить въ сраженіе съ испанскимъ корпусомъ; разбивъ испанцевъ, шведы подступили къ Майнцу. Послѣ слабого сопротивленія, гарнизонъ сдалъ городъ; Густавъ Адольфъ сдѣлалъ его своей главной квартирой.—Такимъ образомъ, шведы въ нѣсколько мѣсяцевъ прошли отъ Балтійскаго моря на Майнъ и Рейнъ. Бернгардъ веймарскій занялъ рейнскій Пфальцъ, почти не встрѣчая сопротивленія.

Густавъ Адольфъ прожилъ зиму въ Майнцѣ. Туда пріѣхали низложенный курфирстъ пфальцскій Фридрихъ, французскіе послы и послы лиги. Духовные курфирсты, видя свое безсиліе сопротивляться Густаву Адольфу, приняли совѣтъ Ришельё просить мира у него. Максимилианъ баварскій тоже притворился желающимъ мира. Густавъ Адольфъ потребовалъ, чтобы лига распустила свое войско, возвратила протестантскимъ государямъ всѣ отнятыя у нихъ земли. Максимилианъ баварскій разорвалъ переговоры, духовные курфирсты продолжали ихъ; такимъ образомъ, лига распалась.

Тилли возобновилъ военныя дѣйствія, вступилъ во Франконію. Густавъ Адольфъ пошелъ туда съ Рейна, всѣ города по Дунаю отъ Донаувёрта до Ульма сдались ему безъ сопротивленія. Тилли хотѣлъ остановить его на Лехѣ, и окопался на правомъ (восточномъ) берегу этой рѣки въ сильной позиціи у крѣпости Райна. Но Густавъ Адольфъ перешелъ рѣку по понтонному мосту. Баварцы расположились въ рошѣ; шведы выгнали ихъ изъ нея ужасной канонадой; потерпѣвъ тяжелый уронъ, они отступили къ Ингольштаду. Тилли былъ смертельно раненъ ядромъ въ ногу и умеръ въ Ингольштадѣ 20 апрѣля (по старому стилю, 30 апрѣля по новому), до самой смерти дѣлая военныя распоряженія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ побѣды при Райнѣ отворилъ ворота Густаву Адольфу Аугсбургъ, въ которомъ протестанты были угнетаемы; Густавъ Адольфъ возвратилъ имъ управленіе городскими дѣлами, и пошелъ на сильнѣйшую баварскую крѣпость, Ингольштадъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій подъ стѣнами ея, баварская армія отступила къ Регенсбургу. Густавъ Адольфъ не остановился осаждать Ингольштадъ, пошелъ въ глубину Баваріи; въ маѣ сдались ему Ландсгутъ

и Мюнхенъ; тѣ части Баваріи еще мало пострадали отъ войны и представляли много добычи; но Густавъ Адольфъ удерживалъ своихъ солдатъ отъ грабежа. Изъ Мюнхена пошелъ онъ въ Швабію; но извѣстія изъ Саксоніи заставили его спѣшить туда.

Курфирстъ саксонскій вступилъ въ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ противъ желанія, лишь по необходимости, хотѣлъ, подобно курфирсту бранденбургскому, помириться съ императоромъ, велъ войну съ нимъ вяло. Саксонское войско могло идти въ эрцгерцегство австрійское, но остановилось въ Богеміи; саксонскій главнокомандующій Арнимъ желалъ примиренія съ императоромъ, потому былъ враждебенъ шведамъ; съ согласія курфирста онъ велъ переговоры съ Валленштейномъ и на свиданіи съ нимъ заключилъ 21 мая 1632 договоръ; но курфирстъ побоялся мщенія шведовъ и не подписалъ трактата.

Густавъ Адольфъ, пошедши въ Швабію, услышалъ о переговорахъ курфирста саксонскаго съ императоромъ; узналъ также, что курфирстъ отказался утвердить трактатъ, заключенный Арнимомъ и Валленштейномъ, что Валленштейнъ, желая принудить его къ миру, пошелъ въ Богемію, выгналъ изъ нея саксонцевъ, идетъ въ Саксонію. Оставивъ Банера въ Баваріи, Бернгарда веймарскаго въ Швабіи, король въ іюнѣ (1632 года) пошелъ на помощь курфирсту противъ Валленштейна. Но баварская армія раньше шведской двинулась къ императорской и соединилась съ ней. У Валленштейна было теперь гораздо больше войска, чѣмъ у Густава Адольфа; король шведскій остановился въ Нюрнбергѣ, усилилъ укрѣпленія города, провелъ кругомъ его на довольно большомъ разстояніи отъ стѣнъ круговую линію окоповъ и такимъ образомъ устроилъ укрѣпленный лагерь, какого еще не видывали нѣмцы. Валленштейнъ съ войскомъ, имѣвшимъ отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ, подошелъ къ Нюрнбергу, сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ близъ шведскаго, отрѣзалъ подвозъ провіанта въ Нюрнбергъ; голодъ и болѣзни стали свирѣпствовать въ арміи Густава Адольфа и въ населеніи Нюрнберга. Валленштейнъ спокойно стоялъ въ своихъ окопахъ. Густавъ Адольфъ штурмовалъ 24 августа лагерь Валленштейна; шведы шли на приступъ очень отважно, но Валленштейнъ руководилъ дѣйствіями своихъ войскъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ и нанесъ тяжелый уронъ непріятелю. Особенно упоренъ былъ бой у развалины въ лѣсу, называвшейся конюшней замка, Burgstall; шведы три раза возобновляли штурмъ этой развалины, укрѣпленной Валленштейномъ, и три раза были отбиты. На слѣдующій день Густавъ Адольфъ возобновилъ нападеніе, но не могъ выбить Валленштейна изъ его позиціи и, потерпѣвъ очень большой уронъ, отступилъ. Это была первая неудача его въ Германіи; военная слава Валленштейна получила новый блескъ отъ побѣды надъ королемъ шведскимъ. Густавъ Адольфъ 8 сентября повелъ свое войско отъ

Нюрнберга, оставивъ въ городѣ большой гарнизонъ. Валленштейнъ, убѣдившись, что шведы дѣйствительно отступаютъ, а не выманиваютъ его изъ укрѣпленной позиціи притворнымъ отступленіемъ, пошелъ въ Саксонію.

На Рейнѣ между тѣмъ продолжались военныя дѣйствія; императорскія, испанскія, шведскія, французскія войска ходили по рейнскимъ землямъ, опустошая ихъ. Французы принудили герцога лотарингскаго впустить гарнизоны ихъ въ его крѣпости и дать имъ свободный путь къ Рейну. Курфирстъ трирскій Филиппъ Кристофъ фонъ-Зетернъ, одинаково боявшійся испанцевъ и шведовъ, отдался подъ покровительство французовъ, обѣщался впустить ихъ въ Кобленцъ и другія свои крѣпости. Густаву Адольфу было очень непріятно, что французы хотятъ сдѣлать завоеванія на Рейнѣ; а французамъ не хотѣлось, чтобы шведы дѣйствовали на Рейнѣ: Ришелье желалъ, чтобы Густавъ Адольфъ оставался въ восточной Германіи. Взаимное неудовольствіе было такъ велико, что едва не дошло до разрыва. Но необходимость бороться общими силами противъ испанскихъ и императорскихъ войскъ поддерживала колеблющійся союзъ, и пошедши противъ Валленштейна Густавъ Адольфъ уже не могъ быть опаснымъ соперникомъ для французовъ на Рейнѣ.—Трирскій капитуль былъ недоволенъ союзомъ курфиста съ французами, призвалъ испанцевъ, стоявшихъ въ Люксембургѣ, отдалъ имъ Кобленцъ. Испанцы и австрійцы тѣснили оставшіяся на Рейнѣ шведскія войска. Герцогъ лотарингскій разорвалъ вынужденный союзъ съ французами, возобновилъ войну; французы осадили Нанси, столицу его, онъ былъ принужденъ въ іюнѣ заключить миръ съ ними, уступить имъ часть своего государства. Война съ голландцами не позволяла испанцамъ оставлять свои войска въ Германіи; они передали въ іюлѣ Кобленцъ шведскому главнокомандующему Горну. Онъ сталъ одерживать успѣхи на Рейнѣ и на Мозелѣ.

4. Смерть Густава Адольфа.

Отступивъ отъ Нюрнберга, Густавъ Адольфъ колебался, въ какомъ направленіи идти; онъ узналъ, что Валленштейнъ пошелъ въ Саксонію, но думалъ, что курфирстъ въ состояніи удержаться противъ него, хотѣлъ идти въ эрцгерцогство австрійское, надѣясь, что протестанты насильственно обращенные въ католичество присоединятся къ нему. Въ Австріи надежда на помощь его такъ ободрила ихъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне возстали. Но Густавъ Адольфъ передумалъ, рѣшилъ идти въ Швабію и на верхній Рейнъ, чтобы упрочить тамъ свою власть.

Въ октябрѣ (1632 года) Валленштейнъ подступилъ къ Лейпцигу, сильной бомбардировкой принудилъ его сдаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ въ Саксонію изъ сѣверо-западной Германіи Паппенгеймъ; непріатели, далеко превосходившіе курфирста саксонскаго числомъ войска, скоро подавили-бъ его и отрѣзали бы Густаву Адольфу отступленіе къ Балтійскому морю, еслибъ онъ не поспѣшилъ на помощь курфирсту. Пославъ ландграфу Вильгельму, герцогу Бернгарду и другимъ своимъ генераламъ приказаніе идти на соединеніе съ нимъ, Густавъ Адольфъ

пошелъ изъ юго-западной Германіи въ Саксонію и сталъ у Наумбурга укрѣпленнымъ лагеремъ въ ожиданіи шедшихъ къ нему генераловъ.

Курфирстъ саксонскій держалъ себя и теперь, какъ всегда, двоедушно. Арнимъ, стоявшій съ саксонскимъ войскомъ въ Силезіи, замедлялъ подъ разными предлогами исполненіе призыва Густава Адольфа идти къ нему. Такимъ образомъ шведскій король долженъ былъ бороться съ Валленштейномъ только собственными силами. Еще не всѣ шедшіе къ нему отряды соединились съ нимъ, когда онъ узналъ, что Валленштейнъ идетъ на него и уже подходитъ къ Люцену. Онъ двинулся на встрѣчу врагу и 6 ноября въ туманное утро началась подъ Люценомъ рѣшительная битва, длившаяся до вечера. Бой былъ особенно упоренъ на правомъ крылѣ шведской арміи, которымъ командовалъ самъ король. Отважный Паппенгеймъ, пришедшій съ своею кавалеріею изъ Галле къ Люцену уже во время сраженія, производилъ атаку за атакой на правое крыло шведовъ, до тѣхъ поръ пока былъ смертельно раненъ. Густавъ Адольфъ повелъ въ битву свѣжій полкъ, и самъ смертельно раненый упалъ съ лошади. Смерть его воспламенила шведовъ яростью мщенія, Бернгардъ веймарскій, принявшій на себя обязанность главнокомандующаго, овладѣлъ непріятельскими позиціями, войско Валленштейна было опрокинуто, онъ отступилъ; вечеромъ пришла пѣхота Паппенгейма, но Валленштейнъ не нашелъ возможнымъ возобновить битву, ушелъ къ Лейпцигу. Шведы ночевали на полѣ битвы. Но непріятель былъ только побѣжденъ, а не разбитъ, и смерть Густава Адольфа была для шведовъ и нѣмецкихъ протестантовъ такой потерей, которой не могла бы вознаградить никакая побѣда.

Смерть Густава Адольфа, отнявшая у низложеннаго курфирста Фридриха всякую надежду на возвращеніе потеряннаго государства, подѣйствовала на него такъ, что онъ занемогъ и черезъ нѣсколько дней умеръ (29 ноября 1632 года).

Шведы и тѣ нѣмецкіе протестанты, которые были усердными приверженцами Густава Адольфа, считали смерть его дѣломъ коварнаго убійства. Молва говорила, что герцога Лауэнбургскій Францъ Альбрехтъ, человѣкъ ненадежнаго характера, сражавшійся подъ Люценомъ рядомъ съ королемъ, а раньше того и послѣ служившій императору, застрѣлилъ Густава Адольфа, или преднамѣренно завелъ его въ такое мѣсто боя, гдѣ была наибольшая опасность. Многіе вѣрили этому обвиненію, но оно несправедливо.

Гейеръ рассказываетъ о смерти Густава Адольфа такъ: „Онъ повелъ смоландскій конный полкъ на помощь своей колебавшейся пѣхотѣ и слишкомъ отважно бросился впередъ, отдѣлился отъ своего войска, а въ это время началъ разстилаться туманъ и король попалъ въ средину непріятельскихъ кирасировъ; лошадь его была ранена въ шею выстрѣломъ изъ ни-

столе́та; второ́й выстрѣлъ раздробилъ ему лѣвую руку выше локтя. Онъ попросилъ герцога Лауэнбургскаго вывезти его изъ боя, но въ этотъ самый ми́гъ получилъ новую рану пулей въ спину, упалъ съ лошади; ноги его запутались въ стремянахъ, лошадь тащи́ла его по землѣ. Каммергеръ Труксесъ видѣлъ, что выстрѣлъ, отъ котораго упалъ король, былъ сдѣланъ неприя́тельскимъ офицеромъ, этого офицера, полковника фонъ Фалькенберга, убилъ сабельнымъ ударомъ Лухау, шталмейстеръ герцога-лауэнбургскаго. Герцогъ ускакалъ отъ непріятелей. Изъ всѣхъ бывшихъ съ королемъ остался при немъ одинъ пажъ, нѣмецъ Августъ фонъ Лейбельфингъ, осьмнадцатилѣтній юноша; этотъ пажъ былъ израненъ и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ ранъ; передъ смертію онъ разсказалъ, что, увидѣвъ короля упавшимъ съ лошади, сошелъ съ своей лошади и предложилъ ему ее; король протянулъ къ нему руки, но онъ не могъ одинъ поднять короля съ земли; подѣхали неприя́тельскіе кирасиры, спросили, кто этотъ раненный; король назвалъ себя; они сдѣлали выстрѣлы въ него, онъ былъ убитъ пулей, попавшей ему въ голову. Этотъ разсказъ пажа былъ тогда же записанъ“.

Нѣмецкіе протестанты видѣли въ Густавѣ Адольфѣ защитника ихъ вѣры, сражавшагося только для спасенія протестантской религіи, которой угрожала гибель. Серьезная историческая критика показала неосновательность такого мнѣнія о Густавѣ Адольфѣ. Католики называли его честолюбцемъ, который только прикрываетъ мнимымъ усердіемъ къ религіи свое намѣреніе сдѣлать завоеванія въ Германіи; это мнѣніе тоже неосновательно. Густавъ Адольфъ желалъ присоединить къ шведскому государству балтійское приморье Германіи. Этой цѣли онъ достигъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; императоръ охотно заключилъ бы миръ съ нимъ, если бъ онъ хотѣлъ только удержать за собой это побережье, уже давно ставшее чуждымъ нѣмецкой имперіи. Во Франконіи, въ Баваріи шведы не могли сдѣлать прочныхъ завоеваній; если бы Густавъ Адольфъ сражался только для увеличенія своего государства, онъ, покоривъ балтійское приморье, не пошелъ бы дальше въ Германію. Онъ дѣйствительно былъ завоеватель, но не должно сомнѣваться въ искренности его увѣреній, что онъ ведетъ войну въ защиту протестантства. Впрочемъ, какъ ни судили бы мы о характерѣ и дѣйствіяхъ Густава Адольфа, несомнѣнно то, что онъ спасъ нѣмецкихъ протестантовъ отъ порабощенія. Передъ появленіемъ его въ Германіи они принуждены были повиноваться распоряженіямъ императора; онъ ободрилъ ихъ своими побѣдами.

VIII. ХОДЪ ВОЙНЫ ОТЪ СМЕРТИ ГУСТАВА АДОЛЬФА ДО ПРАЖСКАГО МИРА.

1. Военныя дѣйствія въ 1633 году. Гейльбронскій союзъ.

Валленштейнъ послѣ люценской битвы отступилъ въ Богемію; Бернгардъ веймарскій, важнѣйшій по сану и вмѣстѣ даровитѣйшій изъ полководцевъ шведской арміи, принудилъ сдаться неприя́тельскіе

отряды, оставшіеся въ крѣпостяхъ курфиршества саксонскаго, и въ началѣ слѣдующаго (1633) года пошелъ во Франконію.—Сильнѣйшій изъ протестантскихъ государей Германіи, курфиреть саксонскій, могъ бы по смерти Густава Адольфа стать главою союза ихъ; но трусливый Іоаннъ Георгъ пропустилъ этотъ случай возвысить свою династію, а шведскій канцлеръ Аксель Оксенширна, сопровождавшій короля въ Германію и по его смерти назначенный «легатомъ» — посломъ, представителемъ «шведской короны въ римской имперіи и при всѣхъ войскахъ», человѣкъ высокаго политическаго таланта и неутомимой дѣятельности, учившійся въ Виттенбергѣ и хорошо знавшій нѣмцевъ, дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. По смерти Густава Адольфа, управленіе иностранной политикой Швеціи было поручено ему; благодаря его уму и энергіи, Швеція сохранила то господствующее положеніе въ протестантской части Германіи, которое доставилъ ей Густавъ Адольфъ.

Бернгардъ былъ младшій изъ восьми сыновей Іоанна III, герцога веймарскаго. Онъ родился въ 1604 году; служилъ у Христіана брауншвейгскаго; когда вмѣшался въ войну король датскій, Бернгардъ поступилъ въ его службу, командовалъ у него кавалерійскимъ полкомъ. По появленіи Густава Адольфа въ Германіи, Бернгардъ сталъ усерднымъ сторонникомъ его и получилъ начальство надъ корпусомъ шведской арміи.

Курфирсты саксонскій и бранденбургскій были ненадежными союзниками шведовъ. Тѣмъ заботливѣе старался Оксенширна упрочить союзъ протестантскихъ государей и городовъ западной Германіи со Швеціей. Онъ созвалъ въ мартѣ 1633 года въ Гейльбронѣ конгрессъ протестантскихъ государей и городовъ франконскаго, швабскаго, верхнерейнскаго и нижнерейнскаго округовъ и убѣдилъ ихъ заключить союзъ со Швеціею; по этому договору, подписанному 23 апрѣля, союзники обязались «дѣйствовать единодушно, пока будутъ упрочены нѣмецкая свобода и соблюденіе законовъ имперіи, будутъ возстановлены низложенные евангелическіе государи, будетъ заключенъ справедливый и прочный миръ по религіознымъ и свѣтскимъ дѣламъ и будетъ дано Швеціи должное удовлетвореніе» (вознагражденіе). Управленіе военными дѣлами принялъ на себя Оксенширна, обязавшись дѣйствовать по согласію съ совѣтомъ (комитетомъ) уполномоченныхъ отъ членовъ союза.

За четыре дня передъ тѣмъ, 19 апрѣля, былъ возобновленъ союзъ Франціи со Швеціей и было опредѣлено, что онъ будетъ продолжаться до окончательнаго успокоенія Германіи. Въ новомъ договорѣ повторялись существенныя условія бервельдскаго трактата; Франція дала Швеціи 1.000.000 ливровъ субсидіи; Швеція обязалась сохранять католическую религію во всѣхъ тѣхъ католическихъ областяхъ, которыя завоюетъ, и по уваженію къ королю французскому дозволить

курфирсту баварскому и лигѣ нейтралитетъ, если они пожелаютъ того. Французское правительство хотѣло заключить этотъ договоръ не съ одной Швеціей, а съ нею и со всѣми нѣмецкими союзниками ея, чтобы получить прямое участіе въ управленіи дѣйствіями нѣмецкихъ протестантовъ; Оксенширна не согласился на это, рѣшительно сказавъ, что управленіе военными дѣлами протестантскаго союза должно принадлежать исключительно Швеціи. Но безусловное преобладаніе Швеціи въ нѣмецкомъ протестантскомъ союзѣ было все таки ослаблено учрежденіемъ того союзнаго совѣта, согласіе котораго было поставлено необходимымъ для Оксенширны по управленію войной. Этотъ совѣтъ былъ учрежденъ по требованію представителя Франціи на Гейльбронскомъ конгрессѣ, маркиза Фёкьера. Притомъ Швеція находилась въ денежной зависимости отъ Франціи. Ришельё по прежнему хотѣлъ ограничивать участіе Франціи въ войнѣ только денежными субсидіями и дипломатическими дѣйствіями, не посылая французскаго войска на войну; онъ полагалъ, что когда обѣ воюющія стороны будутъ изнурены, то Франція овладѣетъ лѣвымъ берегомъ Рейна, не встрѣчая сопротивленія.

Первымъ шагомъ въ дѣлѣ расширенія границы Франціи на востокъ французское правительство издавна считало приобрѣтеніе герцогства лотарингскаго. Послѣ Генриха, умершаго въ 1624, герцогомъ лотарингскимъ сталъ племянникъ его и мужъ его дочери Николетты, Карль, графъ Водемонъ, человекъ коварный и легкомысленный. Онъ запутался во французскія междоусобія, помогалъ Гастону орлеанскому; Ришельё преслѣдовалъ его своею ненавистью; онъ искалъ опоры себѣ въ союзѣ съ императоромъ и съ королемъ испанскимъ. Войско его сражалось за нихъ въ Германіи; герцогство лотарингское осталось беззащитнымъ, французскія войска заняли его; Карль принужденъ былъ подписать договоръ, по которому отказался отъ всякихъ сношеній съ врагами Франціи и въ частности съ австрійскимъ государемъ, обязался давать французскимъ войскамъ свободный путь черезъ его владѣнія и помогать французамъ въ ихъ войнѣ съ императоромъ. Этотъ договоръ былъ подписанъ 6 января 1632, а черезъ полгода, 26 іюня, былъ возобновленъ съ прибавленіемъ, что герцогъ отдаетъ французамъ важнѣйшія лотарингскія крѣпости. Карль пытался вырваться изъ-подъ власти французовъ, но только ускорилъ этимъ свое паденіе. Онъ тайно помогалъ испанцамъ и австрійцамъ въ Эльзасѣ и на среднемъ Рейнѣ. Весною 1633, узнавъ, что кардиналь-инфантъ Фердинандъ идетъ съ большимъ войскомъ изъ Италіи по Рейну, герцогъ ободрился и возобновилъ войну. Въ августѣ войско его въ сраженіи съ шведскимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Христіана, пфальцграфа биркенфельдскаго, было разбито и разсѣяно. Французы вошли въ беззащитную Лотарингію. Карль принужденъ былъ подписать 6 сентября (1633 года) договоръ, возобновлявшій условія прежняго и отдававшій французамъ столицу Лотарингіи, Нанси. Такимъ образомъ Франція, еще не вмѣшиваясь въ нѣмецкую войну, уже приобрѣла владычество надъ Лотарингіей и курфиршествомъ Трирскимъ.

Бернгардъ веймарскій и Густавъ Горнъ, даровитѣйшіе изъ генераловъ Густава Адольфа, завоевали зимой 1632 и 1633 годовъ почти весь Эльзасъ. Весною Альдрингентъ привелъ на Рейнъ баварское войско.

Война опустошала Эльзасъ и сосѣднія съ нимъ нѣмецкія области. Бернгардъ 8 апрѣля соединился съ Горномъ у Донаувёрта, — ихъ войско угрожало Баваріи; но успѣхи ихъ сильно затруднялись буйствомъ солдатъ. Шведская армія ужь не имѣла теперь національнаго характера, какъ въ началѣ войны; число шведовъ въ ней было сравнительно не велико; большинство солдатъ составляли наемники: главнымъ образомъ нѣмцы, но также и люди всяческихъ другихъ національностей. Денегъ на исправную уплату жалованья имъ обыкновенно не доставало; не получая его, они роптали, мятежничали. Дисциплина въ шведскомъ войскѣ дотога упала, что оно грабило, жгло, рѣзало беззащитныхъ поселянъ съ такой же свирѣпостью, какъ прежде армія Тилли.

Шведское войско, въ концѣ апрѣля стоявшее въ Нейбургѣ на Дунаѣ, отказало въ повиновеніи Бернгарду и Горну. Чтобы смягчить генераловъ и офицеровъ, раздраженныхъ неисправностью въ уплатѣ жалованья, Оксенширна далъ имъ всѣ деньги, какія могъ собрать, и роздалъ очень много владѣній въ завоеванныхъ земляхъ. Войско стало усердно къ службѣ. Бернгардъ въ то время получилъ отъ шведской короны государство, составленное изъ епископствъ бамбергскаго и вюрцбургскаго; оно было названо герцогствомъ франконскимъ; за это онъ обязался безусловно исполнять приказанія шведскаго правительства во все продолженіе войны. Актъ инвеституры былъ данъ ему 20 іюня 1633.

Валленштейнъ послѣ люценской битвы расположился на зимнія квартиры въ Богеміи, пополнялъ свою армію и восстанавливалъ дисциплину въ ней. Онъ предалъ строгому суду генераловъ и офицеровъ, виновныхъ въ ослушаніи или трусости. Въ январѣ одиннадцать генераловъ и старшихъ офицеровъ было казнено за робость или неисполненіе приказаній начальства въ люценскомъ сраженіи, многіе другіе были лишены чиновъ и объявлены безчестными. Императоръ и Максимилианъ полагали, что Валленштейнъ весной пойдетъ остановить успѣхи шведскаго войска во Франконіи и Баваріи, но онъ въ маѣ пошелъ изъ Богеміи въ Силезію.

Онъ былъ не только полководецъ, но и государственный человѣкъ, превосходно понимавшій политическую сторону военныхъ дѣлъ. Онъ видѣлъ, что ни католики, ни протестанты не могутъ пріобрѣсти исключительнаго владычества въ Германіи и хотѣлъ образовать среднюю партію изъ католическихъ и протестантскихъ государей разсудительнаго образа мыслей; онъ надѣялся, что эта партія, чуждая религіознаго фанатизма, будетъ достаточно сильна для того, чтобы принудить католическихъ и протестантскихъ фанатиковъ прекратить войну, и примиривъ ихъ, заставить иноземныя войска удалиться изъ Германіи. Онъ рассчитывалъ главнымъ образомъ на содѣйствіе курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго. Іоаннъ Георгъ саксонскій

желалъ мира, но заявлялъ требованія, на которыя не соглашался императоръ. Важнѣйшія изъ нихъ были: императоръ долженъ отмѣнить эдиктъ реституціи, возвратить Пфальцъ и Мекленбургъ законнымъ государямъ ихъ, отмѣнить конфискаціи, прекратить взыски контрибуцій, дать Швеціи вознагражденіе за возвращеніе земель завоеванныхъ ею въ южной и средней Германіи. Императорское правительство спорило, переговоры подвигались впередъ тяжело, но соглашеніе представлялось возможнымъ. Валленштейнъ имѣлъ свиданіе съ саксонскимъ главнокомандующимъ Арнимомъ, который до поступленія въ саксонскую службу былъ однимъ изъ его генераловъ. Арнимъ требовалъ, чтобы нормой для возстановленія правъ было принято положеніе дѣлъ въ 1618 году. Это значило, что должны быть возстановлены права не только протестантскихъ государей Германіи, но также права богемскаго сейма и свобода вѣроисповѣданій въ Богеміи. Валленштейнъ хотѣлъ, чтобъ нормой былъ принятъ 1622 годъ, то есть, чтобы Богемія была исключена изъ числа земель, къ которымъ примѣняется возстановленіе прежнихъ правъ. Относительно нѣмецкихъ государствъ Валленштейнъ былъ согласенъ съ Арнимомъ; онъ также хотѣлъ, чтобы въ нѣмецкой имперіи была установлена свобода вѣроисповѣданій, чтобы изгнаннымъ католиками протестантскимъ государямъ были возвращены ихъ владѣнія; соглашался и на вознагражденіе Швеціи, предлагалъ уступить ей нѣкоторыя изъ крѣпостей балтійскаго берега. Фанатическая партія при императорскомъ дворѣ, папа и лига рѣзко возражали противъ этихъ уступокъ протестантамъ; они возненавидѣли Валленштейна и возстановляли императора противъ него.

Положеніе Валленштейна еще болѣе затруднялось политикой испанскаго двора, противоположной его цѣлямъ и интересамъ. Король испанскій видѣлъ союзниковъ себѣ въ матери Людовика XIII, Маріи Медичи, и братѣ его, Гастонѣ Орлеанскомъ, возстававшихъ противъ Ришельё, хотѣлъ помогать имъ, склонялъ къ тому же Валленштейна. Братъ короля испанскаго, кардиналъ-инфантъ Фердинандъ, назначенный вице-королемъ испанскихъ Нидерландовъ, собралъ войско въ Италіи, хотѣлъ идти съ нимъ черезъ Альпы и внизъ по Рейну во Фландрію; вице-король миланскій, герцогъ Феріа, долженъ былъ стать съ другимъ войскомъ въ Эльзасѣ. Все это не нравилось Валленштейну. Тѣ арміи, которыя король испанскій хотѣлъ послать въ имперію, должны были оставаться независимы отъ него; а онъ принималъ команду только подъ условіемъ, что ему подчиняются всѣ войска императора и его союзниковъ. Война съ Франціей была несогласна съ намѣреніемъ Валленштейна заключить миръ со шведами и нѣмецкими протестантами; онъ понималъ, что они отбросятъ мысли о мирѣ, если французскія войска станутъ помогать имъ. Притомъ ему очень не хотѣлось, чтобъ на верхнемъ Рейнѣ были испанскія войска; они помѣшали бы ему получить вознагражденіе за Мекленбургъ, отъ котораго отказывался онъ; онъ хотѣлъ взять рейнскій Пфальцъ, Баденъ-Дурлахъ и Вюртембергъ; изъ нихъ съ сосѣдними землями составилось бы у него могущественное государство.— Протестъ его заставилъ испанцевъ отказаться отъ мысли поставить армію въ Эльзасѣ.

Франція все тѣснѣе сближалась со Швеціей и нѣмецкими протестантами. Досада Валленштейна на императора и короля испанскаго была очень пріятна французамъ: они надѣялись сдѣлать его своимъ союзникомъ. Французскій посланникъ Фёкьеръ говорилъ въ Дрезденѣ объ этомъ желаніи французскаго правительства графу Кинскому, богемскому эмигранту, другу Валленштейна. Французы и шведы предлагали Валленштейну богемскую корону за союзъ съ ними. Онъ принялъ это предложеніе очень холодно; въ маѣ 1633 онъ выражалъ Оксенширнѣ намѣреніе возвратить богемскимъ эмигрантамъ конфискованныя у нихъ имѣнія и возстановить свободу богемской націи; но понималъ, что сдѣлаться королемъ богемскимъ трудно для него: онъ былъ ненавистенъ чехамъ, какъ дѣятельнѣйшій помощникъ католическихъ фанатиковъ въ подовленіи свободы Богеміи и получилъ очень много имѣній, конфискованныхъ у богемскихъ патріотовъ. Не отказываясь отъ согласія на предложеніе богемской короны, онъ занятъ былъ теперь не этимъ планомъ, а совершенно инымъ: онъ надѣялся примирить нѣмецкихъ протестантовъ съ императоромъ, удалить шведовъ изъ Германіи, давъ имъ лишь балтійское приморье, прогнать французовъ и испанцевъ и взять себѣ съ согласія императора значительную часть юго-западной Германіи;—онъ терялъ время, колеблясь между вѣрностью императору и измѣной. — Валленштейнъ излагалъ свой планъ Оксенширнѣ. Шведскій канцлеръ сохранялъ недовѣріе къ нему, и обѣщалъ содѣйствіе Швеціи его намѣренію стать государемъ Эльзаса и сосѣднихъ частей Германіи лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ отложился отъ императора; подъ этимъ условіемъ и Ришелье хотѣлъ помогать ему, обѣщался дать ему милліонъ ливровъ. Но Фекьеръ не успѣлъ еще послать ему проектъ договора съ Франціей, какъ услышалъ, что онъ уже погибъ.

Герцогъ Феріа, назначенный быть главнокомандующимъ испанской арміи въ Эльзасѣ, сформировалъ ее въ Италіи. Ришелье поручилъ герцогу Роану защищать отъ него альпійскіе проходы. Роанъ не успѣлъ занять ихъ, быть можетъ, и не желалъ задерживать армію Феріи, появленіе которой въ Эльзасѣ должно было спасти герцога лотарингскаго, прежняго союзника гугенотовъ, дѣлу которыхъ оставался вѣренъ Роанъ. Феріа прошелъ Вальтеллину, вступилъ въ Энгадинъ, назначилъ сборнымъ пунктомъ своихъ колоннъ городъ Констанцъ. Горнъ двинулся изъ Донауверта къ Баденскому озеру, чтобы, соединившись съ Роаномъ, остановить Ферію. Не обращая вниманія на нейтралитетъ Швейцаріи, онъ пошелъ черезъ Тургау, считывая отрѣзать испанцевъ отъ Констанца. Католическіе кантоны Швейцаріи были раздражены вторженіемъ Горна; но онъ шелъ впередъ, пренебрегая ихъ ропотомъ, подступилъ къ Констанцу съ юга, осадилъ его, бомбардировалъ нѣсколько недѣль. Городъ упорно оборонялся. Феріа соединился между Равенсбергомъ и Линдау съ корпусомъ Альдрингена, котораго послалъ на помощь ему Валленштейнъ. Горнъ увидѣлъ, что Феріа отрѣжетъ ему отступленіе, если онъ не поспѣшитъ уйдти на сѣверъ, и 29 сентября снялъ осаду Констанца, пошелъ въ Швабію на соединеніе съ Бернгардомъ и пфальграфомъ биркенфельдскимъ; но Феріа и Альдрингенъ по-

шли не за Горномъ, а въ Эльзасъ, и въ октябрѣ освободили осажденный однимъ изъ шведскихъ генераловъ Брейзахъ. Горнъ двинулся за ними, нагналъ ихъ; Альдрингенъ, по приказанію Валленштейна, отказался участвовать въ сраженіи, которое хотѣлъ Феріа дать Горну. Испанскій главнокомандующій отвелъ свою ослабленную зимними морозами армію въ Эльзасъ и стоялъ тамъ, ожидая подкрѣпленій, чтобъ идти потомъ въ Нидерланды; Альдрингенъ отступилъ, преслѣдуемый Горномъ, въ Шварцвальдъ, потомъ принужденъ былъ уйдти туда къ нему и Феріа, солдаты котораго не могли выносить нѣмецкой зимы и ослабѣли такъ, что стали неспособны обороняться. Остатки испанскаго войска, потерявшаго множество людей отъ мороза и болѣзней, были оттѣснены въ южную Баварію; самъ Феріа не выдержалъ изнурительнаго похода, былъ больной привезенъ въ Мюнхенъ и умеръ тамъ 11 января (1634 года).

Въ широкій разрывъ между непріятельскими войсками, образовавшийся по отступленіи Альдрингена, неожиданно вошелъ Бернгардъ веймарскій; двинувшись изъ Франціи на югъ, онъ быстро сталъ дѣлать завоеванія на Дунаѣ, покорялъ сѣверныя части герцогства баварскаго, оттѣсняя Верта, который одинъ оставался тамъ, имѣя очень мало войска. Бернгардъ быстро дошелъ до Регенсбурга и упорнымъ штурмомъ заставилъ 14 ноября 1633 гарнизонъ сдать эту крѣпость, имѣвшую очень большое стратегическое значеніе; онъ прогналъ католическихъ священниковъ, возвратилъ соборный храмъ протестантамъ; изъ Регенсбурга онъ пошелъ къ Пассау. Императоръ уже воображалъ съ трепетомъ, что скоро увидить его подъ стѣнами Вѣны; еще болѣе близкая опасность угрожала Мюнхену; Фердинандъ умолялъ Валленштейна поспѣшить на помощь ему; такія же просьбы посылалъ Максимилианъ къ Альдрингену. Валленштейнъ отправилъ на защиту Вѣны отрядъ подъ начальствомъ Строцци. Но Бернгардъ не пошелъ ни на Вѣну, ни на Мюнхенъ: онъ опасался быть отрѣзаннымъ отъ другихъ шведскихъ корпусовъ, а солдаты его сильно страдали отъ морозовъ; онъ пошелъ назадъ.

Когда императоръ прислалъ Валленштейну просьбу спѣшить въ Баварію, онъ одерживалъ блестящіе успѣхи на сѣверо-востокъ отъ Богеміи. — Переговоры его съ курфирстомъ саксонскимъ были разстроены зоркостью шведскаго посланника при саксонскомъ дворѣ и неловкостями его агентовъ. Раздосадованный, онъ взялся за оружіе, чтобы вынудить у курфирста согласіе на свои планы; онъ гордо говорилъ, что играетъ съ противниками, какъ кошка съ мышью. Неожиданно бросился онъ на большой шведскій корпусъ, стоявшій укрѣпленнымъ лагеремъ у Штейнау на берегу Одера, и внезапнымъ нападеніемъ 13 октября заставилъ весь этотъ корпусъ положить оружіе. — Однимъ изъ генераловъ, сдавшихся въ плѣнъ, былъ графъ Турнъ; этимъ покончилась военная и политическая дѣятельность его. Лигницъ и Глогау сдались Валленштейну; онъ взялъ штурмомъ Гёрлицъ, покорилъ Лаузицъ; кроаты его ходили по Бранденбургу, врывались въ Померанію; курфирсты саксонскій и бранденбургскій тре-

петали. Но призывъ императора остановилъ побѣды Валленштейна. Онъ повиновался, хотя и съ досадой. Быстрыми переходами онъ въ десять дней пришелъ изъ сѣверной Богеміи на Регницъ, занялъ Фюртъ; это было въ ноябрѣ; идти на Регенсбургъ онъ не захотѣлъ, объявилъ императору и Максимилиану, что это не нужно, поставилъ сильный гарнизонъ въ Пассау; сказалъ императору и герцогу баварскому, что эта крѣпость теперь будетъ достаточной защитой для нихъ въ случаѣ новаго наступленія Бернгарда, и въ декабрѣ отвелъ свою армію въ Богемію. Защищать эту центральную часть оборонительной линіи было, по его мнѣнію, дѣломъ болѣе важнымъ, чѣмъ идти на западъ за Бернгардомъ, борьбу съ которымъ могъ выдержать и одинъ Альдрингенъ, пошедшій на него изъ-подъ Брейзаха.

2. Убіѣйство Валленштейна.

Письмо отъ 3 декабря, которымъ Валленштейнъ извѣщалъ императора, что уходитъ изъ Баваріи на зимнія квартиры въ Богемію, было смертнымъ приговоромъ ему. Враги обрадовались новому поводу клеветать на него; главнымъ изъ нихъ былъ Шликъ, президентъ придворнаго военнаго совѣта, ненавидѣвшій главнокомандующаго за неподвластность его этому совѣту. Шлика поддерживали графы Меггау, Траутмансдорфъ, Славата, также пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на императора. Придворный военный совѣтъ требовалъ, чтобы Валленштейнъ пошелъ изъ Богеміи на Бернгарда; онъ отвѣчалъ на это присылкою записки за подписью своихъ полковниковъ (генераловъ); они въ ней заявляли, что требованіе придворнаго военнаго совѣта неудобноисполнимо. Генералы Валленштейна еще повиновались тогда ему. Въ концѣ года императоръ рѣшилъ отнять команду у непокорнаго полководца. Валленштейнъ имѣлъ очень много враговъ при дворѣ; Шликъ и его товарищи называли измѣнническими военныя дѣйствія его; сановники, занимавшіеся дипломатическими дѣлами, выставляли въ томъ же свѣтѣ переговоры его съ протестантскими государями; руководителями людей, говорившихъ съ этой точки зрѣнія, были испанскій посланникъ и агенты Максимилиана; съ религіозной точки зрѣнія нападали на него папскій пунцій Роччи и духовникъ императора Ламорменъ. Тѣ придворные, которые защищали Валленштейна, князь Эггенбергъ, графы Верденбергъ и Гаррахъ, баронъ Квестенбергъ, принуждены были замолчать. Дѣйствительно Валленштейнъ своими рѣзкими словами и самовластными переговорами нарушалъ правила вѣрности государю; но дѣйствовалъ онъ, какъ вѣрный подданный; получая точныя свѣдѣнія обо всемъ что дѣлается при дворѣ, онъ видѣлъ, что рѣшено снова уволить его въ отставку.

Намѣренія испанскаго правительства относительно подвластной ему части Нидерландовъ содѣйствовали ускоренію разрыва между вѣнскимъ дворомъ и Валленштейномъ. Въ ноябрѣ 1633 умерла Изабелла. Испанскіе Нидерланды должны были возвратиться подъ непосредственную власть короля испанскаго. Кардиналь-инфантъ считалъ надобнымъ идти въ Нидерланды и полагалъ, что ему необходимо содѣйствіе императорской арміи. Капуцинскій монахъ Кирога былъ посланъ въ Пильзенъ потребовать, чтобы Валленштейнъ шелъ вмѣстѣ съ Фердинандомъ, взявъ съ собою шесть тысячъ легкой кавалеріи. Это было въ январѣ (1634 года). Валленштейнъ сказалъ, что теперь, въ зимнее время, этотъ походъ не удобенъ и что многочисленность враговъ, отъ которыхъ долженъ защищать онъ Богемію, дѣлаетъ невозможнымъ для него исполнить желаніе инфанта. Онъ полагалъ, что правительство, поддерживая требованіе кардинала-инфанта, хочетъ ослабить его армію отдѣленіемъ отъ нея большого отряда кавалеріи.

Генералы Валленштейна встревожились, узнавъ, что онъ поссорился съ дворомъ: личная выгода заставляла ихъ оставаться вѣрными Валленштейну, ручательство котораго служило для нихъ важнѣйшимъ обезпеченіемъ уплаты денегъ, израсходованныхъ ими изъ личнаго имущества на вербовку и содержаніе войска. Собравъ ихъ въ Пильзенѣ, онъ объявилъ имъ, что интриги враговъ принуждаютъ его сложить съ себя команду, и просилъ, чтобы они освободили его отъ ручательства за уплату правительствомъ денегъ, израсходованныхъ ими. Они стали говорить, что не хотятъ, чтобы онъ сложилъ съ себя команду. Онъ отвѣчалъ, что согласенъ отсрочить свою просьбу объ отставкѣ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не покинули его, и потребовалъ отъ нихъ обязательства остаться вѣрными ему. На банкетѣ, который далъ 12 января другъ Валленштейна, фельдмаршалъ Иловъ, 49 полковниковъ (генераловъ) подписали обязательство оставаться вѣрными генералиссимусу; въ числѣ подписавшихъ былъ и Оттавіо Пикколомини, уже подкупленный дворомъ, обѣщавшійся императору безусловно исполнять всѣ его распоряженія противъ Валленштейна. Нѣкоторые отказались тогда подписать это обязательство, находя, что оно не согласно съ вѣрностью императору; но ихъ было не много, и на другой день Валленштейнъ успокоилъ ихъ объясненіемъ своихъ намѣреній, такъ что подписали и они. Большинство не понимало, къ чему обязываетъ ихъ подписываемая ими бумага; въ ней не было никакихъ выраженій формально несогласныхъ съ вѣрностью императору, но даваемое ими обѣщаніе повиноваться Валленштейну не имѣло оговорки, что обязанность эта прекращается въ случаѣ отставки или увольненія Валленштейна отъ должности императорскаго главнокомандующаго. Враги Валленштейна говорятъ, будто для полученія подписей на банкетѣ былъ употребленъ подлогъ: передъ ужиномъ было прочтено обязательство, заключавшее въ себѣ обѣщаніе вѣрности Валленштейну съ той оговоркой, что она будетъ соблюдаема лишь, на сколько то не противорѣчитъ вѣрности императору; а послѣ пира, когда мысли гостей были затуманены виномъ, данъ былъ имъ

для подписи другой списокъ, въ которомъ оговорка о вѣрности императору была выпущена. Этотъ разсказъ о подлогѣ выдумка; но правдоподобенъ другой разсказъ, по которому оговорка относительно вѣрности императору находилась въ первоначальной редакціи обязательства и была вычеркнута Валленштейномъ, такъ что подлога не было, и генераламъ была прочтена та самая редакція обязательства, которую подписали они. — Дѣйствія Валленштейна въ Пильзень не были измѣной или мятежомъ; но его намѣреніе удержать за собой начальство надъ арміею наперекоръ волѣ императора представляло опасность для императорской власти; а послѣ подписи пильзенскаго обязательства двору должно было казаться, что армія останется вѣрна Валленштейну, когда императоръ дастъ ему отставку.

Стараясь обезпечить себѣ вѣрность арміи, Валленштейнъ продолжалъ вести съ курфирстомъ саксонскимъ переговоры о мирѣ. Они не были измѣнническими, но Валленштейнъ велъ ихъ независимо отъ императора, не во вредъ ему, но съ рѣшимостью установить миръ въ Германіи даже и наперекоръ его желанію. Цѣлью Валленштейна было отклонить сѣверно-нѣмецкихъ протестантовъ отъ союза со шведами и достигъ отмѣны эдикта реституціи. Самовластіе, съ какимъ Оксенширна распоряжался дѣлами Германіи, нарушая имперскіе законы и права государей, возбуждало досаду въ курфирствѣ саксонскомъ. Курфирсту бранденбургскому хотѣлось свергнуть съ себя зависимость отъ шведовъ. Въ январѣ и февралѣ Валленштейнъ, продолжая черезъ Арнима переговоры съ курфирстомъ саксонскимъ, достигъ полного соглашенія съ нимъ, по основнымъ вопросамъ. Іоаннъ Георгъ обѣщалъ свою помощь Валленштейну, если императоръ не захочетъ утвердить заключеннаго ими мира и понадобится употребить силу, чтобы привести въ исполненіе этотъ договоръ. Курфирствъ обѣщался, что въ этомъ случаѣ войска его будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ арміею Валленштейна, сохраняя своихъ особыхъ начальниковъ, но исполняя распоряженія его. За это курфирствъ требовалъ себѣ Лаузица, требовалъ также, чтобы ему предоставлено было занять своими войсками архіепископство магдебургское и епископство гальберштадское.

Императорское правительство принимало между тѣмъ мѣры отвлечь армію отъ вѣрности Валленштейну. Оно подкупало генераловъ ея, и многіе изъ нихъ измѣнили Валленштейну. Въ особенности важно было то, что измѣнилъ ему Пикколомини, посланный имъ въ Силезію для передачи намѣреній его Галласу. Пикколомини сообщилъ вѣнскому правительству все открытое ему Валленштейномъ; въ числѣ выданныхъ императору тайнъ находились свѣдѣнія о переговорахъ Валленштейна съ французами, прежній планъ его пріобрѣсти богемскую корону. Одновременно съ доносомъ Пикколомини были получены императоромъ отъ испанскаго посланника свѣдѣнія объ этихъ переговорахъ и планахъ Валленштейна; испанскій посланникъ коварно выставлялъ ихъ болѣе

серьезными и опасными, чѣмъ были они на самомъ дѣлѣ. Императоръ повѣрилъ всему и 24 января (1634 года) подписалъ патентъ (манифестъ), которымъ освобождалъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ арміи Валленштейна отъ повиновенія ему, повелѣвая имъ до назначенія новаго главнокомандующаго повиноваться приказаніямъ графа Галласа. Императоръ зналъ, что на пирѣ у Илова нѣкоторые генералы говорили о своей преданности Валленштейну въ выраженіяхъ очень горячихъ и могли опасаться наказанія за это; потому онъ прибавлялъ, что готовъ простить и забыть ошибки всѣхъ генераловъ за исключеніемъ двухъ помогавшихъ Валленштейну въ его измѣнническихъ замыслахъ (двое исключаемые изъ амнистіи не были названы по именамъ; но другимъ генераламъ было понятно, что это Иловъ и Терцки). Патентъ не былъ обнародованъ. Тѣ генералы, которымъ было поручено исполненіе приказаній императора, только показывали эту секретную бумагу кому было надобно. Императоръ и его совѣтники хотѣли захватить Валленштейна въ Пильзенѣ и предать его суду въ Вѣнѣ. Пикколомини и Альтіери приняли порученіе арестовать Валленштейна, но потомъ сказали, что оно не удобоисполнимо, потому что гарнизонъ Пильзена непоколебимо преданъ Валленштейну.

Но самъ Валленштейнъ видѣлъ, что не можетъ безусловно рассчитывать на преданность арміи. Онъ снова созвалъ въ Пильзенѣ своихъ генераловъ, повторилъ имъ въ собраніи 19 февраля ручательство за уплату сдѣланныхъ ими издержекъ на войско, сказалъ имъ, что несправедливъ распускаемый врагами его слухъ, будто онъ имѣетъ замыслы враждебные императору и католичеству, что онъ только желаетъ установить въ Германіи миръ, котораго не хочетъ враждебная ему придворная партія, обѣщался показать генераламъ условія мира и продолжалъ: ему нужно знать, чего онъ долженъ ожидать отъ своихъ генераловъ; онъ полагаетъ, что враги хотятъ подвергнуть его униженію; если генералы откажутся помогать ему въ мѣрахъ противъ этого, то лучше было бы, если бы они на прежнемъ своемъ собраніи согласились, чтобъ онъ подалъ въ отставку; въ такомъ случаѣ онъ не попалъ бы въ настоящее опасное положеніе. Иловъ и Терцки стали говорить генераламъ, что надобно подписать обязательство; на слѣдующій день оно было предложено для подписи, и почти всѣ генералы подписали его. Въ немъ говорилось, что генералы освобождаются отъ повиновенія Валленштейну, если онъ предприметъ что нибудь враждебное императору или католической религіи; но они убѣждены, что никогда не приходило въ мысль ему ничего подобнаго, и съ этой оговоркой относительно вѣрности императору и религіи генералы объявляютъ, что будутъ до послѣдней капли крови защищать своего генералиссимуса.—Вставка оговорки о вѣрности императору показываетъ, что въ послѣднее время большинство генераловъ рѣшили оставаться вѣрными Фердинанду; иначе не

было бъ этой оговорки, которую вычеркнулъ Валленштейнъ въ прежнемъ обязательствѣ.—Онъ видѣлъ, что могъ надѣяться на безусловную преданность лишь немногихъ. Правительство успѣшно продолжало дѣло подкупа. Важнѣйшіе генералы уже приняли его сторону: Альдрингенъ держалъ себя такъ, что Валленштейнъ пересталъ надѣяться на него; Пикколомини и Галласъ уѣхали изъ Пильзена; Мардасъ, Коллоредо, Гецъ, Діодати, Гацфельдъ рѣшились безусловно исполнять приказанія императора. Фердинандъ подписалъ 18 февраля второй патентъ, говорившій, что генералы и офицеры освобождаются отъ всякихъ обязанностей относительно Валленштейна, составившаго измѣнническій замыселъ отнять у императора его наследственное владѣніе. Правительство не жалѣло денегъ, даваемыхъ ему на это дѣло королемъ испанскимъ, обѣщало генераламъ повышеніе по службѣ, обѣщало раздать имъ имѣніе Валленштейна. Онъ видѣлъ, что будетъ окруженъ въ Пильзенѣ войсками генераловъ, измѣнившихъ ему, хотѣлъ съ вѣрной ему частью войска идти къ Прагѣ, взять ее подъ свое управленіе, стать укрѣпленнымъ лагеремъ на Бѣлой горѣ. Но Галласъ обнародовалъ императорскій патентъ. Комендантъ пражскаго гарнизона Бекъ отказался принимать приказанія отъ Валленштейна, и приготовился оборонять отъ него городъ.

Валленштейнъ оставилъ мысль собрать армію на Бѣлой горѣ, назначилъ новый сборный пунктъ, Лаунъ, а самъ поѣхалъ въ Эгеръ, приказавъ генераламъ пріѣхать туда и пославъ саксонцамъ и шведамъ извѣщенія, чтобы они соединились съ нимъ, поставленнымъ въ необходимость отложиться отъ императора. Бернгарднъ продолжалъ опасаться, что Валленштейнъ обманываетъ шведовъ и саксонцевъ, пошелъ изъ Регенсбурга къ Эгеру, но остерегаясь, и потому медленными переходами. Пикколомини пошелъ на Пильзенъ; а Галласъ, Альдрингенъ и Коллоредо двинулись туда же съ разныхъ сторонъ. Валленштейнъ принужденъ былъ удалиться; онъ страдалъ подагрой, его несли на носилкахъ; Иловъ, Терцки, Кински были съ нимъ, ихъ провожали нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. На пути въ Эгеръ случайно встрѣтился имъ Ботлеръ (Butler), ирландскій вельможа, находившійся въ императорской службѣ; онъ велъ восемь эскадроновъ драгуновъ; по приказанію Валленштейна онъ съ своимъ отрядомъ присоединился къ конвою. Императорскія войска гнались за Валленштейномъ; отражая ихъ, онъ 24 февраля пришелъ въ Эгеръ. Гарнизонъ этой крѣпости начальствовали протестанты, шотландцы, подполковникъ Гордонъ и майоръ (Oberstwachmeister) Лесли; Валленштейнъ считалъ ихъ вѣрными ему; Гордона, не задолго передъ тѣмъ, онъ назначилъ полковымъ командиромъ. Драгунамъ Бутлера Валленштейнъ не совсѣмъ довѣрялъ, потому не ввелъ ихъ въ крѣпость, поставилъ за воротами. Ботлеръ былъ храбрый офицеръ, но не умѣлъ заслужить расположенія Валленштейна и, вѣроятно, былъ озлобленъ на него за то, что не получалъ повышеній, какихъ былъ достоинъ по собственному миѣ-

нію. Впрочемъ, самъ онъ послѣ выставлялъ мотивомъ своего поступка не досаду на Валленштейна, а преданность императору, и говорилъ, что свою случайную встрѣчу съ Валленштейномъ принялъ за предназначеніе божественнаго промысла, чтобъ онъ совершилъ «геройское дѣло», какъ называлъ онъ убійство Валленштейна. Провожая главнокомандующаго въ Эгеръ, онъ послалъ Галласу и Пикколомини увѣреніе, что намѣренъ отдать Валленштейна живымъ или мертвымъ во власть императора. Императоръ не говорилъ прямо, что онъ поручаетъ вѣрнымъ своимъ слугамъ убить Валленштейна, но всѣмъ было понятно, что за убійство его будетъ дана награда.

Валленштейнъ такъ вѣрилъ Гордону и Лесли, что откровенно сообщилъ имъ свое намѣреніе впустить въ Эгеръ войско Бернгарда. Иловъ и Терцки, увидѣвшись потомъ съ ними, говорили то же, и сказали имъ, что они не должны принимать приказаній ни отъ кого, кромѣ генералиссимуса, который имѣетъ средства щедро наградить ихъ. Они были уже подкуплены императорскими генералами и сначала думали арестовать Валленштейна; но разсудили, что если онъ останется живъ, то его друзья подымутъ солдатъ, освободятъ его, и они погибнутъ. Въ разговорѣ съ Ботлеромъ Лесли сказалъ о Валленштейнѣ и его друзьяхъ: «убьемъ ихъ, измѣнниковъ». Ботлеръ, ужь давно имѣвшій эту мысль, отвѣчалъ, что онъ согласенъ; Гордонъ согласился, что слѣдуетъ сдѣлать такъ. Иловъ и Терцки говорили въ тотъ день (25 февраля) Гордону, что будутъ нынѣ ужинать у него; и было рѣшено убить ихъ за ужиномъ. Вечеромъ Гордонъ и Лесли впустили въ городъ драгуновъ Ботлера разставили ихъ по карауламъ. Иловъ, Терцки, Кински и ротмистръ Нейманъ, который велъ тайную корреспонденцію Валленштейна, беззаботно сидѣли за ужиномъ у Гордона. Лесли велѣлъ развести подъемные мосты рва цитадели. Гости Гордона пили за здоровье Валленштейна, какъ ворвались въ комнату ирландскіе солдаты Ботлера; ими начальствовали ротмистры Джеральдино и Деверу; съ крикомъ: «viva la cosa d'Austria» (вивать австрійскому дому) и «Wer ist gut kaiserlich» (кто вѣренъ императору?) они бросились на гостей; Иловъ и Кински упали мертвые, не успѣвъ схватиться за оружіе; Терцки отступилъ въ уголъ зала, вызывая Гордона и Лесли на честный поединокъ, и отчаянно оборонялся, убилъ двухъ драгуновъ; Нейманъ, раненный, пробился къ двери зала, ушелъ; караульные, разставленные кругомъ дома, убили его.

Кински былъ эмигрировавшій богемскій патріотъ и все еще надѣялся, что будетъ восстановлена свобода его родины, будетъ созванъ законный сеймъ, выберетъ законнаго короля богемскаго. Терцки былъ начальникъ наемниковъ; онъ навербовалъ для арміи Валленштейна пять кирасирскихъ полковъ, два пѣшіе и одинъ драгунскій и командовалъ ими; вражда его къ династіи Габсбурговъ была наслѣдственная; мать его ненавидѣла императора. Фельдмаршалъ Иловъ былъ ближайшій другъ Валленштейна и надѣ-

ялся, что скоро они соберутъ армію втрое многочисленнѣе прежней. Нейманъ, секретарь Валленштейна, ненавидѣвшій Габсбурговъ, превосходно велъ военно-дипломатическую переписку главнокомандующаго.

Вѣрные друзья Валленштейна были убиты; надобно было убить его самого; время было около полуночи. Валленштейнъ только что отпустилъ своего астролога Сени, который, какъ говорятъ, сказалъ ему при прощаньи, что опасность еще не миновала. Валленштейнъ былъ одинъ въ своей спальнѣ, и хотѣлъ лечь спать, когда поднялся шумъ на улицѣ; онъ хотѣлъ подойти къ окну, позвать часовыхъ; но Деверу съ солдатами ворвался въ домъ, закололъ камердинера, выломалъ дверь спальни. Валленштейнъ сталъ лицомъ къ убійцамъ, распростеръ руки, какъ дѣлаютъ люди, отдающіеся на смерть и спокойно принялъ ударъ галлебарды Деверу, направленный въ грудь ему. Тѣло его завернули въ красное сукно и отнесли въ цитадель къ тѣламъ его друзей.

Когда пришло въ Вѣну извѣщеніе объ убійствѣ Валленштейна, испанскій посланникъ воскликнулъ: «Великую милость оказалъ Богъ австрійскому дому». Императоръ и дворъ радовались. Убійцы были награждены имѣньями и почестями; люди, остававшіеся вѣрными Валленштейну, были брошены въ темницы и многіе изъ нихъ казнены.

Награды участвовавшимъ въ убійствѣ Валленштейна были щедры. Ботлеръ, Лесли, Гордонъ, Галласъ, Пикколомини, Альдрингенъ получили богатые доли громадной добычи. Огромныя имѣнья Валленштейна, имѣнья Терцкаго и Кинскаго, людей очень богатыхъ, были конфискованы. Фридландское владѣніе было отдано Галласу, находское—Пикколомини, теплицкое—Альдрингену. Но бѣольшую часть владѣній Валленштейна, въ томъ числѣ герцогства саганское и глогауское, оставилъ себѣ императоръ. Вдовѣ Валленштейна было дано только нейшлосское имѣнье. Валленштейнъ имѣлъ только одну дочь, Марію Елизавету; она впослѣдствіи вышла за графа Кауница.—Правительство разыскивало соучастниковъ злоумышленій Валленштейна; но кромѣ его убитыхъ друзей не нашлось соучастниковъ. Были арестованы, какъ соучастники Валленштейна, генералъ фельдцейгмейстеръ Шнарре, герцогъ Юлій Лоуэнбургскій, полковникъ Шанфербергъ и нѣсколько другихъ генераловъ или офицеровъ; но обвиненія противъ нихъ были такъ лживы, что скоро пришлось освободить почти всѣхъ ихъ. Такой человѣкъ, котораго можно было выставить измѣнникомъ, нашелся только одинъ. Это былъ другъ Валленштейна, силезскій вельможа графъ Шафгочъ, храбрый воинъ. Процессъ его длился больше года, его подвергали пыткамъ и наконецъ казнили 23 іюля 1635. Входя на эшафотъ, онъ спокойно сказалъ: „Я думалъ умереть въ битвѣ на зеленомъ лугу; но умирать вездѣ хорошо, если человѣкъ приготовился къ смерти“. Онъ былъ усердный протестантъ; правительство воспитало дѣтей его въ католической вѣрѣ.

Нунцій Роччи писалъ 4 марта государственному секретарю папы, кардиналу Барберини: «Валленштейнъ забралъ себѣ въ голову сдѣлаться королемъ и уничтожить австрійскій домъ». Но слуги Фердинанда не нашли въ бумагахъ Валленштейна ни одной строки, кото-

рая могла бы быть приведена въ оправданіе поступка императора съ нимъ. Валленштейнъ хотѣлъ возстановить миръ въ Германіи; этимъ онъ раздражилъ католическихъ фанатиковъ и императора; увидѣвъ, что они стали врагами его, онъ хотѣлъ установить миръ въ Германіи наперекоръ волѣ императора и поставилъ себя въ необходимость отклонить свою армію отъ повиновенія ему. Въ нынѣшнее время такой образъ дѣйствій полководца былъ бы измѣной, мятежомъ. По отношенія Валленштейна къ императору были иныя, чѣмъ нынѣшнія отношенія полководцевъ къ государямъ; не забудемъ, что Валленштейнъ самъ создалъ и содержалъ армію, главнокомандующимъ которой былъ. Генералы, вербовавшіе и содержавшіе наемниковъ, поступали въ тѣ времена на службу къ тому или другому государю по собственному выбору, имѣли право переходить съ своимъ войскомъ изъ службы одному въ службу другому. Помощники Валленштейна не захотѣли отложиться отъ императора только потому, что нашли невыгоднымъ для себя предпочесть службу Валленштейну службѣ императору; это не была вѣрность государю, былъ только расчетъ выгодъ.

Арміи Тридцатилѣтней войны состояли изъ наемниковъ. Начальники корпусовъ, называвшіеся полковниками, вербовали на свой счетъ полки; отдавая свои отряды подъ начальство главнокомандующаго, они получали отъ него вознагражденіе за свои расходы. Главнокомандующій, отдавая свою армію въ службу какому нибудь государю, получалъ отъ него вознагражденіе за свои расходы. Онъ былъ подрядчикъ, его отношенія къ государю были коммерческія. Таковы были отношенія Мансфельда, Бернгарда веймарскаго, Кёнигсмарка къ государямъ, которымъ они служили. То, что Валленштейнъ находился въ такихъ же отношеніяхъ къ императору, не представляло ничего особеннаго и, когда онъ, недовольный императоромъ, хотѣлъ покинуть службу этому государю, тутъ не было никакой измѣны.—Съ талантами полководца Валленштейнъ соединялъ дарованія хорошаго администратора; онъ давалъ большое жалованье наемникамъ, заботился объ ихъ продовольствіи; облагая контрибуціями занятая его арміей земли, онъ руководился такимъ расчетомъ, чтобы войско получало хорошее содержаніе, а жители не подвергались совершенному раззоренію. Армія лиги была католическая; шведская армія была протестантская;—армія Валленштейна состояла изъ католиковъ и протестантовъ; онъ безразлично принималъ въ свою службу тѣхъ и другихъ. Къ нему шли люди изъ всякихъ земель: нѣмцы, итальянцы, шотланды, англичане, ирландцы, венгры, валлоны, кроаты. Въ одномъ полку его служили люди десяти разныхъ національностей. Онъ не придавалъ важности знатному происхожденію, если оно не было соединено съ военнымъ талантомъ, раздавалъ чины по способностямъ и заслугамъ; это привлекало къ нему даровитыхъ людей. Онъ очень дурно принималъ вельможъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ рекомендаціями

императора, насмѣшливо говорилъ имъ, что пороховой дымъ испортитъ бѣлизну ихъ лица, шлемъ разстроитъ прическу. Составленная изъ буйныхъ людей, сходившихся къ нему изъ всей Европы, армія его могла быть удерживаема въ повиновеніи только желѣзной дисциплиной. Его «Кавалерійскій уставъ» (Reiterrecht), первый военный уставъ, содержащій въ себѣ точныя правила дисциплины.—Онъ безпощадно наказывалъ за всякій самовольный поступокъ, вѣшалъ грабителей и дезертировъ на мѣстѣ поимки. Войско имѣло безграничное довѣріе къ нему. Когда онъ, мужчина высокаго роста съ блѣднымъ суровымъ лицомъ, шелъ по лагерю въ своемъ красномъ плащѣ, съ краснымъ перомъ на сѣрой шляпѣ, солдаты чувствовали трепетное благоговѣніе. У него былъ молчаливый, замкнутый характеръ, не допускавшій короткости, требовавшій повиновенія; онъ не терпѣлъ шума, и, когда онъ уходилъ въ свою палатку, кругомъ ея владычествовала тишина. Порывы его гнѣва были ужасны.

Въ походахъ онъ любилъ военную простоту, довольствовался скромнымъ столомъ; но умѣлъ дѣйствовать на умы великолѣпіемъ, расточительною щедростью. Штатъ его прислуги, отрядъ его тѣлохранителей были одѣты богаче, чѣмъ у императора и королей. Его сады и дворцы удивляли великолѣпіемъ. Его замки въ Прагѣ, Саганѣ и Гичинѣ, любимой его резиденціи, были построены и украшены итальянскими художниками, изумляли своимъ великолѣпіемъ. Онъ неутомимо заботился о благосостояніи своихъ владѣній; отъ этого не отвлекали его и походы; въ особенности желалъ онъ улучшить свое Фридландское владѣніе. Уцѣлѣло множество писемъ его къ управителю этого владѣнія, Гергарду фонъ Таксису; очень многія изъ нихъ писаны въ дни битвъ или приготовленій къ битвамъ; его инструкціи Таксису охватываютъ всѣ отрасли хозяйства, отъ постройки желѣзныхъ заводовъ до уборки сѣна. Онъ основалъ въ своихъ владѣніяхъ пороховые заводы и оружейныя мастерскія. Какъ владѣтель, онъ дѣйствовалъ въ духѣ просвѣщеннаго деспотизма, который сталъ гѣсподствовать въ Европѣ черезъ нѣсколько десятилѣтій по его смерти.—Вмѣшательство духовенства въ мірскія дѣла было нестерпимо ему, и вообще религіозные вопросы были для него маловажны сравнительно съ политическими; онъ былъ въ этомъ выше большинства государственныхъ людей того времени. Папскій посланникъ писалъ послѣ его смерти, что въ послѣдній годъ жизни онъ вовсе не посѣщалъ католическаго богослуженія. И однако же, этотъ человѣкъ такого сильнаго ума былъ не чуждъ суевѣрія того времени, вѣрилъ въ астрологию.

3. Битва при Нёрдлингенѣ. Пражскій миръ.

Весной 1634 года Бернгардъ веймарскій сражался въ Баваріи и Верхнемъ Пфальцѣ съ Альдрингеномъ и Вертомъ; онъ и Горнъ ссорились, потому баварцы взяли Штраубингъ. Въ Силезіи саксонскій главнокомандующій Арнимъ разбилъ австрійцевъ подъ Лигницемъ, взялъ Глогау и нѣсколько другихъ крѣпостей; чтобы избавиться отъ опустошенія, Силезія отдалась подъ покровительство курфюрста саксонскаго. По Гессену, Вестфалии, Нижне-Саксонскому округу ходили отряды императорскихъ и шведскихъ войскъ; большихъ сраженій не было, но партизанская война опустошала страну.

Въ Эльзасѣ и на верхнемъ Рейнѣ шведы одерживали успѣхи. Карлъ, герцогъ лотарингскій, отдавъ государство своему брату, кардиналу Франциску, присоединился къ императорскому войску. Шведы разбили эту армію, овладѣли Зундгау и Брейзгау; только въ Брейзахѣ удержался императорскій гарнизонъ.—Кардиналъ Францискъ сложилъ съ себя безъ разрѣшенія папы монашескіе обѣты, женился на Клавдіи, дочери покойнаго герцога Генриха. Французы не признали его герцогомъ лотарингскимъ, держали подъ надзоромъ; онъ бѣжалъ; маршалъ Делафорсъ овладѣлъ тѣми немногими лотарингскими крѣпостями, въ которыхъ еще оставались герцогскіе гарнизоны; парижскій парламентъ объявилъ, что Лотарингія принадлежитъ королю французскому и присоединяется къ Франціи.

Гейльбронскій союзъ былъ очень непроченъ; нѣмецкіе государи, вступившіе въ него, тяготились войной, оскорблялись надменностью Оксенширны; французскій посланникъ Фёкьеръ убѣждалъ ихъ разорвать отношенія къ Швеціи, вступить въ союзъ съ Франціей. Курфюрсты саксонскій и бранденбургскій досадовали на преобладаніе шведовъ въ протестантской Германіи. При несогласіи между шведами и нѣмецкими союзниками ихъ дѣла шли плохо для протестантовъ.

По убійствѣ Валленштейна главнокомандующимъ императорской арміи былъ назначенъ сынъ императора, имѣвшій одинаковое съ отцомъ имя, Фердинандъ; онъ былъ главнокомандующимъ только по имени; военными дѣйствіями управлялъ Галласъ. Армія была такъ многочисленна, что Горнъ и Бернгардъ не могли остановить ея наступленія. Она пошла къ Регенсбургу, и 26 іюля (1634 года) эта крѣпость сдалась ей. Шведы, ушедшіе въ Баварію, взяли Ландсгутъ (22 іюля). Кардиналъ-инфантъ Фердинандъ прошелъ, наконецъ, изъ Италіи въ южную Германію; это дало рѣшительный перевѣсъ католическимъ войскамъ въ ней. Государи гейльбронскаго союза оробѣли, думали просить милости у императора. Помощь французовъ была необходима шведамъ; Оксенширна отдалъ французамъ Филиппсбургъ; Фёкьеръ обѣщался, что король французскій пришлетъ войско на Рейнъ.

Императорская армія соединилась съ войскомъ кардинала инфанта и осадила Нёрдлингенъ; въ ней считалось до 45.000 человѣкъ. Бернгардъ и Горнъ имѣли около 24.000 человѣкъ. Осторожный Горнъ

хотѣлъ отложить рѣшительное сраженіе до того времени, когда подойдутъ къ нимъ другіе отряды. Но Бернгардъ убѣдилъ его дать битву немедленно. Послѣ ожесточеннаго боя (6 сентября), шведы потерпѣли полное пораженіе. Бернгардъ былъ раненъ, Горнъ взятъ въ плѣнъ. Потеря шведовъ убитыми составляла 12.000, половину всего войска. Изъ уцѣлѣвшихъ половина была взята въ плѣнъ. Остальные, бросивъ артиллерію и обозъ, разсѣялись. Побѣдители пошли отрядами по Франконіи, по Швабіи, опустошая все на своемъ пути. Эбергардъ III, герцогъ вюртембергскій, усердный союзникъ шведовъ, бѣжалъ изъ своего государства; оно было взято подъ управленіе императора. Побѣдители грабили и жгли всю юго-западную Германію до самаго конца года. Гейльбронскій союзъ совершенно разстроился. Единственнымъ спасеніемъ себѣ нѣмецкіе протестанты считали покровительство Франціи. До сихъ поръ французское правительство только давало субсидіи шведамъ, не посылая на войну своихъ войскъ и увѣряя императора, что остается въ мирѣ съ нимъ. Теперь военное могущество шведовъ было уничтожено; Франція могла безъ труда получить преобладающую роль въ войнѣ; самъ Оксенширна готовъ былъ сдѣлать большія уступки французскимъ требованіямъ, которыя прежде отвергалъ, и прежде чѣмъ былъ полученъ изъ Парижа отвѣтъ на проектъ новыхъ условій, посланныхъ имъ французскому правительству, нѣмецкіе протестанты въ опрометчивости страха дали французамъ больше, чѣмъ рассчитывало получить отъ нихъ французское правительство. Рейнграфъ Оттонъ Людвигъ, командовавшій однимъ изъ корпусовъ протестантской арміи, подписалъ 6 октября договоръ, по которому отдавался французамъ весь Верхній (южный) Эльзасъ, за исключеніемъ Страсбурга; правда, была прибавлена оговорка, что французы будутъ уважать религію и политическія права эльзасскихъ городовъ и округовъ, отдаваемыхъ имъ, и выведутъ изъ Эльзаса свои войска по заключеніи мира; но всѣмъ было понятно, что это пустыя слова. Представитель Швеціи въ переговорахъ рейнграфа съ французами, Рейнгардъ Мокель, утвердилъ этотъ договоръ, не увѣдомивъ Оксенширну о его содержаніи; по мнѣнію нѣкоторыхъ Мокель былъ подкупленъ французами, но быть можетъ онъ только потерялъ отъ страха способность понимать вещи. Рейнграфъ умеръ черезъ десять дней послѣ того, какъ подписалъ договоръ, отдавшій Франціи Верхній Эльзасъ.

Шведскій посланникъ въ Парижѣ Лефлеръ, нѣмецъ, но челоѣкъ чуждый патріотизма, продажный, подписалъ 1 ноября окончательный договоръ съ Франціей. Французское правительство обѣщалось содержать за Рейномъ 12.000-ный корпусъ, начальствовать которымъ будетъ одинъ изъ нѣмецкихъ государей; при этомъ главнокомандующимъ будетъ находиться французскій генералъ, котораго онъ долженъ признавать равнымъ себѣ по командѣ; кромѣ того Франція дастъ протестантскому союзу 500.000 ливровъ на военные расходы; за это она получаетъ голосъ въ союзномъ совѣтѣ, и ей

отдается весь Эльзасъ на все время войны; при заключеніи мира будетъ опредѣлено, какъ поступить съ Эльзасомъ. Оксенширна былъ очень недоволенъ этимъ договоромъ, отказалъ ему въ ратификаціи, далъ отставку Лефлеру; но Гуго Гроцій, назначенный на его мѣсто шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, не могъ добиться перемѣны условій союза. Оксенширна самъ поѣхалъ въ Парижъ, и тоже напрасно хлопоталъ о болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ что увидѣлъ себя вынужденнымъ утвердить прежній договоръ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій.

Шведскія, нѣмецкія, французскія войска ходили по рейнскимъ землямъ и по Франконіи, опустошая страну. Усиѣхъ былъ вообще на сторонѣ австрійцевъ и баварцевъ: Галласъ 24 января 1635 взялъ неожиданнымъ нападеніемъ Филиппсбургъ; австрійцы 13 марта овладѣли Аугсбургомъ. Главнокомандующимъ того корпуса, который содержало французское правительство, былъ назначенъ Бернгардъ веймарскій. Онъ ссорился съ французскими генералами. Оксенширна назначилъ его также главнокомандующимъ и войскъ протестанскаго союза. Но союзная армія еще не оправилась отъ Нёрдлингенскаго пораженія, а французское правительство не желало серьезно помогать шведамъ и нѣмецкимъ протестантамъ; оно только пугало императора своимъ союзомъ съ ними, чтобы заключить съ нимъ миръ на выгодныхъ условіяхъ. Военныя дѣйствія шли вяло до весны 1635 года, когда французское правительство было принуждено начать дѣйствовать энергично.

Курфирсть трирскій Филиппъ Кристофъ фонъ Зётернъ отдался, какъ мы говорили, подъ покровительство Франціи, принялъ французскіе гарнизоны въ свои крѣпости. Теперь, когда австрійцы и баварцы тѣснили шведовъ, нѣмецкихъ протестантовъ и корпусъ, находившійся на французскомъ жалованьи, испанское войско, стоявшее въ Люксембургѣ, пошло на Триръ, овладѣло 26 марта (1635 года) этимъ городомъ, взяло въ плѣнъ жившаго тамъ курфирста. Испанцы увезли своего плѣнника въ Брюссель, оттуда отослали его къ императору, который велѣлъ держать его подъ стражей. Французское правительство было поставлено въ необходимость мстить за насиліе надъ государемъ, находившимся подъ его покровительствомъ, объявило войну королю испанскому; маршалы Брезе и Шатильонъ пошли въ герцогство люксембургское.

Около того времени, какъ французское правительство рѣшилось принять открытое участіе въ войнѣ, кончились заключеніемъ мира переговоры, которые ужь давно велъ императоръ съ курфирстомъ саксонскимъ. Іоаннъ Георгъ сохранялъ въ душѣ преданность императору, вступилъ въ союзъ со шведами только по необходимости, желалъ, чтобы они были выгнаны изъ Германіи; потому, когда императоръ выразилъ готовность сдѣлать нѣкоторыя уступки его требованіямъ, онъ обрадовался возможности заключить миръ. Въ Пирнѣ 24 ноября (1634 года) были подписаны предварительныя условія мира и на ихъ основаніи былъ 30 мая слѣдующаго (1635) года подписанъ въ Прагѣ мирный договоръ. По главному изъ дѣлъ, возбуждившихъ войну между императоромъ и нѣмецкими протестантами, по вопросу

о секуляризованныхъ протестантскими государями церковныхъ владѣніяхъ императоръ сдѣлалъ такія уступки, которыя въ сущности равнялись отмѣнѣ эдикта рестицуціи.

Пражскій договоръ постановлялъ: протестантскіе государи и имперскіе города навсегда сохраняютъ за собою всѣ тѣ небывшія независимыми государствами церковныя владѣнія, которыя присвоены ими до пассаускаго договора, а конфискованныя послѣ него такія владѣнія остаются за ними на 40 лѣтъ по заключеніи мира. Точно также на 40 лѣтъ остаются за ними присвоенныя ими раньше ль или позже пассаускаго договора церковныя владѣнія, бывшія независимыми государствами. Нормой для опредѣленія принадлежности такихъ владѣній тому или другому государю назначается то положеніе дѣлъ, какое было 12 ноября 1627. Архіепископство магдебургское остается за настоящимъ своимъ владѣтелемъ, сыномъ курфирста саксонскаго, Августомъ, съ уплатой отъ него вознагражденія прежнему администратору, бранденбургскому принцу, Христіану Вильгельму. Тѣмъ протестантскимъ государямъ и городамъ, которые примутъ этотъ миръ до истеченія десятидневнаго срока, а также императору и его союзникамъ возвращаются всѣ завоеванныя у нихъ владѣнія; иноземныя державы приглашаются присоединиться къ этому миру, а тѣ, которыя не согласятся на него, будутъ принуждены къ этому общими силами; обнародуется амнистія, но за исключеніемъ богемскихъ и пфальцскихъ дѣлъ, также за исключеніемъ австрійскихъ подданныхъ, подымавшихъ оружіе противъ своего государя, и за исключеніемъ ниже поименованныхъ лицъ (списокъ этихъ лицъ былъ довольно великъ; въ числѣ ихъ находились герцогъ вюртембергскій и маркграфъ баденъ-дурлахскій). Особымъ условіемъ предоставляется курфирсту въ потомственное владѣніе Лаузицъ, который уже находился въ залогѣ у него. — Саксонскіе гарнизоны вышли изъ силезскихъ крѣпостей. Императорская власть была восстановлена въ Силезіи. Арнимъ, считавшій ее ужь неотъемлемо присоединенной къ саксонскому государству и находившій условія пражскаго мира невыгодными для протестантовъ, съ досадою вышелъ изъ саксонской службы и уѣхалъ въ свое имѣнье Бойценбургъ.

Императоръ и курфирстъ саксонскій надѣялись, что война будетъ прекращена пражскимъ миромъ; но Франція и Швеція находили выгоднымъ для себя продолжать ее. И не всѣ нѣмецкіе государи соединились для борьбы съ иноземцами; огромное большинство приняло пражскій миръ, но государи вюртембергскій и баденскій, исключенные изъ амнистіи, ландграфъ Вильгельмъ гессенъ-кассельскій и герцогъ люнебургскій остались союзниками шведовъ.

IX. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВОЙНЫ.

1. Отъ пражскаго мира до смерти Фердинанда II.

Миръ съ курфирстомъ саксонскимъ улучшилъ положеніе дѣлъ императора внутри имперіи; успѣшно шла и борьба его на границахъ съ иноземными врагами. Въ іюнѣ 1635 Галласъ перешелъ Рейнъ между Филипсбургомъ и Шпейеромъ; Вертъ и герцогъ Карлъ ходили далеко въ Лотарингію

и Бургонь; маршалъ Де ла Форсъ мало могъ мѣшать имъ. Пикколомини повелъ императорское войско въ Нидерланды на помощь кардиналу инфанту противъ принца оранскаго и французовъ, заставилъ ихъ снять осаду Лувена. Бернгардъ веймарскій, тѣснимый другимъ императорскимъ войскомъ, просилъ подкрѣплений у французскаго правительства. Ришелье послалъ къ нему кардинала Де Ла Валетта съ 15.000 войскомъ. Но пока Ла Валеттъ шелъ къ Рейну, Галласъ осадилъ Майнцъ. Соединившись съ Бернгардомъ, Ла Валеттъ перешелъ Рейнъ, но войско его, изнуренное голодомъ, ослабленное болѣзнями въ опустошенной землѣ, не могло сдѣлать ничего; онъ перешелъ обратно Рейнъ, императорская конница преслѣдовала его, захватила артиллерію, обозъ, и войско его, потерявъ множество людей, было совершенно разстроено, когда пришло къ Мецу. Галласъ хвалился, что пойдетъ въ глубину Франціи, но и его войско теряло множество людей отъ болѣзней, голода и стужи; въ концѣ ноября онъ пошелъ назадъ къ Рейну.

Положеніе шведовъ послѣ пражскаго мира было очень тяжело, можно было полагать, что скоро они будутъ выгнаны изъ Германіи. Оксенширна велѣлъ имъ уйдти, пока могутъ, въ сѣверную Германію, покидая всѣ свои завоеванія на юго-западѣ. Войско, остававшееся у шведскихъ генераловъ, было не надежно, потому что шведовъ было въ немъ мало, а начальники нѣмецкихъ наемниковъ вступили въ переговоры съ курфирстомъ саксонскимъ, чтобъ онъ выпросилъ у императора прощеніе имъ. Оксенширна предлагалъ миръ и курфирсту саксонскому, и императору; они принимали его предложенія холодно. Императорскія войска уже появились въ Помераніи, заняли Штаргардъ. Оксенширна поѣхалъ въ Висмаръ, призвалъ шведскія войска изъ Пруссіи; Банеръ далъ начальникамъ своихъ нѣмецкихъ наемниковъ обѣщанія, склонившія ихъ остаться вѣрными принятой на себя службѣ, пошелъ на саксонское войско и 1 ноября при Демицѣ генералъ-лейтенантъ (старшій послѣ главнокомандующаго генералъ, помощникъ) Банера Рутвенъ разбилъ саксонскаго главнокомандующаго Баудассина (какъ произносилась нѣмцами его славянская фамилія Будишинъ). Эта побѣда сильно помогла укрѣпленію поколебавшейся военной репутаціи шведовъ. На французскія деньги шведы сформировали новое войско въ Вестфалии; имъ командовалъ Краценштейнъ; полки наемниковъ, находившіеся тамъ прежде на шведской службѣ и покинувшіе ее, снова поступили въ нее.

Но бѣдная и изнуренная Швеція не могла бы продолжать войну въ Германіи, если бы Ришелье и его посланникъ Клодъ де Мемъ (Mesme) графъ Д'Аббѣ, не убѣдили поляковъ возобновить перемиріе со шведами, срокъ котораго кончился въ іюлѣ 1635. Дѣло было очень трудное; Д'Аббѣ цѣлый годъ провелъ въ хлопотахъ о немъ то при польскомъ, то при шведскомъ дворахъ, то въ Пруссіи, гдѣ съѣхались польскіе и шведскіе уполномоченные. Договоръ, подписанный ими 9 сентября 1635 въ Штумсдорфѣ, устанавливалъ перемиріе на 25 лѣтъ; Швеція признала короля польскаго сюзереномъ герцогства прусскаго, Польша уступила Швеціи Лифляндію; король польскій обязался не употреблять титула „король шведскій“. Этотъ договоръ далъ шведскому правительству возможность перевести въ Германію сильное войско, стоявшее въ Пруссіи и въ Лифляндіи подъ начальствомъ Врангеля и Торстенсона. Когда оно пришло къ Банеру, онъ нанесъ саксонцамъ тяжелое пораженіе (17 декабря) при Кирицѣ (въ сѣверозападной части курфиршества бранденбургскаго); шведы взяли Гавельбергъ, летучіе отряды ихъ доходили до Берлина.

Императорская армія, страдавшая въ Лотарингіи отъ голода, возвратилась въ началѣ зимы на Рейнъ и расположилась зимними квартирами по обоимъ берегамъ его. Въ декабрѣ былъ отнятъ у шведовъ Майнцъ, который занимали они четыре года; курфирстъ возвратился въ свою столицу.—Первый

походъ французовъ на императора былъ неудаченъ. Ришелье хотѣлъ, чтобы второй былъ успѣшнѣе и общалъ Бернгарду веймарскому, лучшему полководцу того времени, очень большія выгоды, если онъ съ своимъ превосходнымъ войскомъ поступитъ во французскую службу. Бернгардъ былъ (2 марта 1635) назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ четырехъ южныхъ округовъ западной Германіи; но это не помѣшало ему принять предложеніе Ришелье: по сенъ-жерменскому договору (27 октября того же года) онъ обязался за 4.000.000 ливровъ въ годъ содержать на французской службѣ 12.000 человекъ пѣхоты и 6.000 конницы и „водить это войско противъ каждаго, противъ кого повелитъ идти король французскій“. Король общалъ отдать ему ландграфство эльзасское (то есть австрійскія владѣнія въ Эльзасѣ) или доставить другую землю, если при заключеніи мира необходимо будетъ возвратить это ландграфство габсбургскому дому.

Еще до начала весны возобновилась война по всему Рейну, отъ швейцарской границы до голландской. Въ Эльзасѣ сражались съ императорскими войсками кардиналъ Де ла Валеттъ и маршалъ Ранцау, голштинскій вельможа, поступившій во французскую службу. Въ этой опустошенной землѣ свирѣпствовалъ голодъ; люди ѣли человѣческое мясо; даже могилы умершихъ отъ заразныхъ болѣзней надобно было охранять, чтобы трупы не были вырыты и съѣдены; бывали случаи, что матери убивали и ѣли дѣтей. Бернгардъ привелъ свое войско въ Эльзасъ, нанесъ нѣсколько поражений императорскимъ войскамъ, взялъ (15 іюля) крѣпость Эльзасъ-Цабернъ.—Въ концѣ мая принцъ Кондэ вошелъ во Франшъ-Контэ, и въ іюнѣ осадилъ Доль. Но горожане отбивали его приступы. Въ августѣ пришла туда императорская армія, при которой находилось и лотарингское войско; Кондэ отступилъ. На нижнемъ Рейнѣ Вертъ и Карлъ лотарингскій въ апрѣлѣ осадили Люттихъ, бывшій тогда независимымъ городомъ, враждебный императору и королю испанскому; но ободряемые своимъ бургомистромъ Ла Рюэллемъ, горожане отбили всѣ приступы. Успѣшнѣе дѣйствовалъ на среднемъ Рейнѣ баварскій генералъ Гецъ. Онъ въ апрѣлѣ взялъ Кобленцъ.

Банеръ въ 1636 году началъ походъ еще въ январѣ. Онъ вторгся въ Саксонію. Шведы 5 мая взяли Минденъ. Въ іюнѣ ландграфъ Вильгельмъ гессенъ-кассельскій, соблюдавшій нейтралитетъ, перешелъ на сторону враговъ императора. Саксонцы 15 іюля взяли Магдебургъ. Осенью императорскія войска заняли всѣ кассельскія владѣнія; Вильгельмъ бѣжалъ въ Голландію. Оксенширна, утомленный заботами и отчаявшійся въ успѣхѣ войны съ императоромъ, въ іюлѣ уѣхалъ изъ Германіи, возвратился въ Стокгольмъ.

Въ началѣ іюля кардиналъ-инфантъ, къ которому присоединились безуспѣшно осаждавшіе Люттихъ императорскіе генералы Пикколомини и Вертъ, внезапно пошелъ изъ испанскихъ Нидерландовъ во Францію, овладѣлъ Пикардіей; французское правительство, застигнутое въраспихъ, торопливо собрало войско, послало съ нимъ графа Суасонскаго на Сомму; кардиналъ-инфантъ прогналъ его, овладѣлъ всѣмъ теченіемъ Соммы; легкая конница Верта и кроаты Изолани дѣлали набѣги далеко по всѣмъ направленіямъ, распространяя ужасъ; Вертъ съ довольно большимъ корпусомъ пошелъ къ Парижу; летучіе отряды его конницы подѣзжали къ Понтуазу, къ Сенъ-Дени; парижане со дня на день ожидали, что прійдетъ кардиналъ-инфантъ, толнами бѣжали на югъ, проклинали Ришелье, подвергнувшаго Францію опустошенію. Но онъ остался твердъ, разъѣзжалъ по улицамъ Парижа, успокоивая народъ, созывалъ войска изъ всѣхъ частей Франціи въ Парижъ, вербовалъ своихъ наемниковъ; въ концѣ августа собралось въ Парижѣ 50.000 человекъ войска; главнокомандующимъ его былъ назначенъ Гастонъ, братъ короля, прежній врагъ Ришелье; это должно было показывать народу и врагамъ, что династическія ссоры забыты. Въ началѣ сентября

войско двинулось въ походъ: самъ король сопровождалъ его; оно было гораздо многочисленнѣе непріятельскаго; кардиналъ-инфантъ ушелъ изъ Франціи, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ крѣпостяхъ: ссоры между французскими генералами помѣшали преслѣдованію отступавшаго непріятеля: главныя силы французской арміи остановились у крѣпости Корби, въ которой стоялъ испанскій гарнизонъ: онъ упорно оборонялся, задержалъ французовъ на нѣсколько недѣль, стался наконецъ 14 ноября.—Межь тѣмъ, какъ кардиналъ-инфантъ угрожалъ Парижу, главнокомандующій императорскихъ войскъ, Галласъ, перешелъ Рейнъ у Брейзаха: въ сентябрѣ онъ вошелъ въ Бургонь и Франшъ-Конте: съ нимъ соединился Карлъ лотарингскій: ту часть Франціи заимали Бернгартъ веймарскій и кардиналъ Ла Валеттъ; большихъ сраженій не было, но происходило множество стычекъ у Дижона и по берегамъ Соны: страна была опустошена партизанскою войной. Голодъ, стужа и дурныя извѣстія изъ Германіи заставили Галласа идти назадъ. Оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ Франшъ-Конте, онъ въ началѣ января перешелъ обратно Рейнъ.

Въ Германіи шведы одержали 24 сентября большую побѣду надъ саксонцами и отрядомъ императорскаго войска при Витштокѣ, въ сѣверо-западной части курфиршества бранденбургскаго: они взяли артиллерію и обозъ бѣжавшаго непріятеля. Эта побѣда возстановила ихъ преобладаніе въ средней Германіи: они съ ужаснымъ опустошеніемъ овладѣли Тюрингіей и Гессеномъ.

Въ концѣ 1636 года курфирсты собрались въ Регенсбургъ для выбора короля. Ихъ было пять (курфирстъ трирскій находился въ плѣну у Фердинанда; курфиретскій санъ, отнятый у пфальцграфа рейнскаго, еще оставался не признанъ за герцогомъ баварскимъ, которому былъ отцанъ императоромъ). Совѣщанія о выборѣ были только формальностью: всѣ давно рѣшили, что долженъ быть выбранъ Фердинандъ австрійскій; онъ былъ провозглашенъ королемъ нѣмецкимъ 22 декабря. Фердинанду III было тогда 29 лѣтъ. Онъ былъ безхарактернѣе, менѣе свирѣпъ, чѣмъ отецъ, но такой же фанатикъ. Сдѣлавшись государемъ табсбургскихъ владѣній, онъ немедленно возобновилъ прежніе суровые эдикты противъ еретиковъ, распространителей еретическихъ книгъ, противъ нарушающихъ посты; воспретилъ протестантское богослуженіе австрійскимъ вельможамъ, сохранявшимъ до того времени право свободы въ этомъ отношеніи. Сопротивленія не было, потому что ученіе ужъ давно уничтожило всякую мысль о возможности его. При жизни отца говорили, будто сынъ выказываетъ таланты полководца: но сдѣлавшись государемъ, Фердинандъ III не принималъ изъ себя начальства надъ войсками, посылалъ своихъ генераловъ сражаться, а самъ оставался во дворцѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ выбора сына въ санъ короля нѣмецкаго, старикъ императоръ умеръ (15 февраля 1637). Конечно, нельзя считать никакого отдѣльнаго человѣка единственнымъ виновникомъ переворотовъ, производимыхъ ходомъ исторической борьбы; потому несправедливо было бы слагать на Фердинанда II всю вину въ бѣдствіяхъ Тридцатилѣтней войны; но слѣдуетъ сказать, что онъ возбудилъ ее своими свирѣпостями и дѣлалъ все, что могъ, для от-

нятія возможности примиренія; когда одерживалъ успѣхи, онъ безпощадно давилъ побѣждаемыхъ и тѣмъ принуждалъ ихъ продолжать борьбу до послѣднихъ силъ. Суровость къ легкомысленному курфирсту пфальцскому, свирѣпое мщеніе чехамъ, несправедливое низложеніе герцоговъ мекленбургскихъ, эдиктъ реституціи, другія противозаконныя дѣйствія Фердинанда II показываютъ въ немъ человека не знавшаго, что такое жалость; при менѣе суровыхъ его предшественникахъ, война не могла бы достигъ такого ожесточенія, такого обширнаго размѣра, такой продолжительности. У него не было ни добрыхъ чувствъ, ни разсудительности; онъ не былъ государственнымъ человекомъ. Страсть къ завоеваніямъ, династическое честолюбіе, личная мстительность и слѣпое изувѣрство владычествовали надъ его мыслями, а исходъ войны показалъ непрактичность его политики, гибельность ея для императорской власти. Въ частной жизни онъ былъ, какъ и другіе австрійскіе Габсбурги, привѣтливъ, но любилъ испанскій стѣснительный этикетъ. Онъ былъ храбръ, трудолюбивъ, велъ правильный, воздержный образъ жизни, очень любилъ музыку, былъ щедрый покровитель всѣхъ искусствъ, горячій охотникъ, человекъ эгоистичный и преданный чувственнымъ наслажденіямъ. Онъ твердо вѣрилъ ученію католической церкви и усердно соблюдалъ ея обряды, какъ внушили ему въ ингольдштадскомъ университетѣ іезуиты Грегорій Валенсійскій, Канизій, Гретсеръ, всю жизнь аккуратно ходилъ къ обѣдни, соблюдалъ посты, исполнялъ всѣ обряды; даже подъ проливнымъ дождемъ онъ ходилъ въ церковныхъ процессіяхъ; духовникъ его, уроженецъ Люксембурга, Ламорменъ (или, какъ называли нѣмцы Леммерманъ), описавшій жизнь его тономъ житій святыхъ, былъ вліятельнѣйшимъ человекомъ въ государствѣ. Одинъ изъ современниковъ говоритъ о Ламорменѣ: «Онъ имѣетъ наибольшій вѣсъ при императорскомъ дворѣ, какъ человекъ держащій въ рукахъ сердце императора. Его совѣты важнѣе всѣхъ другихъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ. Ему сообщается все обо всемъ. Кто имѣетъ его покровителемъ, для того вѣренъ успѣхъ при дворѣ». Прежде чѣмъ подписать пражскій миръ, Фердинандъ спросилъ совѣта своего духовника. Даровитые государственные люди, завѣдывавшіе управленіемъ, князь Эггенбергъ и графъ Траутмансдорфъ, не могли освободиться отъ тяжелаго владычества Ламормена и, по его внушенію, императоръ часто отвергалъ лучшіе ихъ совѣты. Фердинандъ II велъ искорененіе ереси въ своихъ владѣніяхъ съ такою жестокостью, которая была рѣдкой даже въ тѣ времена религіозныхъ гоненій. Онъ желалъ искоренить ересь и въ имперіи, мечталъ о восстановленіи прежняго могущества императоровъ и всеобщаго владычества католической церкви. Когда война шла успѣшно для него, іезуиты заявляли, что будетъ отмѣнена свобода исповѣданія, данная нѣмецкимъ протестантамъ по слабости прежнихъ императоровъ. Сча-

стѣемъ для Германіи было то, что замыслы Фердинанда II рушились, хотя для этого понадобилась продолжительная война, опустошившая всю Германію; если бы Фердинандъ могъ исполнить свое намѣреніе, судьба нѣмецкаго народа была бы еще бѣдственнѣй.

2. Походы Бернгарда веймарскаго.

Страшныя усилія, сдѣланныя въ 1636 году, изнурили всѣ воевавшія между собою государства, и въ слѣдующемъ году военные дѣйствія шли сначала слабо. Вертъ осаждалъ въ курфиршествѣ трирскомъ крѣпость Германштейнъ, занятую французами; голодъ принудилъ ихъ сдаться 26 іюня. Франція вела войну очень вяло, императорскія войска вездѣ тѣснили французскія, шведы тоже были вытѣснены изъ Саксоніи императорскими войсками, много превосходившими ихъ числительностью, отступили за Одеръ. Къ врагамъ шведовъ присоединился курфирстъ бранденбургскій. Старикъ герцогъ померанскій Богиславъ XIV умеръ 30 марта 1637; съ его смертью прекратилась померанская династія. Курфирстъ бранденбургскій Георгъ Вильгельмъ объявилъ, что по договорамъ о взаимномъ наслѣдованіи между померанской и бранденбургской династіями, Померанія переходитъ подъ его власть; шведы не захотѣли отдать ему страну, занятую ими; онъ 12 іюня заключилъ съ Фердинандомъ договоръ, по которому императорское войско пошло помогать ему въ покореніи Помераніи. Онъ отнялъ у шведовъ почти всю эту страну; они удержались только въ приморской полосѣ; туда пришелъ съ главной императорской арміей Галласъ и быстро отнималъ у шведовъ одну часть берега за другой, такъ что въ началѣ зимы у нихъ оставалось лишь нѣсколько крѣпостей на померанскомъ берегу. Въ глубинѣ Германіи шведы удержались тоже лишь въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ.

Вильгельмъ V, ландграфъ гессенъ-кассельскій, не могъ устоять противъ императора, когда шведы ушли изъ средней Германіи. Въ маѣ 1637 онъ уѣхалъ изъ своего государства; императорскія войска заняли его владѣнія, опустошали ихъ. Онъ, набравъ наемниковъ, сначала бродилъ по Вестфаліи, потомъ бросился на графство остфрисландское, взялъ нѣсколько крѣпостей; но здоровье его было разстроено лихорадкой, онъ умеръ 1 октября (1637 года). Вдова его Амалія Елизавета, сдѣлавшись регентшей при малолѣтствѣ сына, осталась вѣрна союзу съ Франціей и Швеціей; ея главнокомандующій Меландеръ фонъ Гонцаппель продолжалъ войну.

Дѣйствія французовъ и Бернгарда веймарскаго на верхнемъ Рейнѣ были неудачны. Французское войско, которымъ начальствовалъ искусный гугенотскій полководецъ Анри Роанъ (Rohan), было принуждено

весною того года уйти изъ Граубюндена и Вальтеллины; проходъ черезъ Альпы въ Ломбардію сталъ открытъ испанскимъ и императорскимъ войскамъ. Бернгардъ не получалъ отъ французскаго правительства ни денегъ, ни вспомогательнаго войска; потому долго не могъ двинуться къ Рейну, оставался во Франшъ-Конте и Лотарингіи, сражаясь съ императорскими и лотарингскими войсками. Въ концѣ іюля онъ перешелъ Рейнъ между Страсбургомъ и Брейзахомъ, но Вертъ остановилъ его; при штурмахъ на виттенвейерскіе окопы въ августѣ и сентябрѣ Вертъ не щадилъ жизни своихъ солдатъ; громадные уроны его исполнялись шедшими къ нему подкрѣпленіями; войско Бернгарда не получало подкрѣпленій, ослабѣло числомъ, онъ въ октябрѣ ушелъ обратно въ Лотарингію и Франшъ-Конте. При началѣ зимы вся нѣмецкая часть Рейна была во власти императорскихъ войскъ.

Зимой Бернгардъ получилъ отъ французскаго правительства подкрѣпленіе войскомъ и деньги и въ концѣ января (1638 года) внезапно пошелъ на верхній Рейнъ; стоявшіе неподалеку отъ его пути императорскіе генералы, не ожидавшіе этого наступленія, не успѣли остановить его; Бернгардъ взялъ нѣсколько крѣпостей и сталъ переправлять на лодкахъ черезъ Рейнъ одинъ отрядъ за другимъ. Ему надобно было овладѣть горнымъ проходомъ, надъ которымъ владѣствовала крѣпость Рейнсфельденъ, имѣвшая сильный гарнизонъ. Цѣлый мѣсяцъ онъ бомбардировалъ и штурмовалъ ее; она уже была близка къ паденію, когда Вертъ, торопливо собравъ свои разбросанныя по зимнимъ квартирамъ войска, пришелъ освободить ее отъ осады; подъ стѣнами Рейнсфельда произошло 28 февраля упорное сраженіе, длившееся до ночи; Бернгардъ принужденъ былъ снять осаду. Герцогъ Роанъ, находившійся въ войскѣ Бернгарда, умеръ черезъ нѣсколько дней отъ ранъ, полученныхъ въ этой битвѣ. Побѣдители безпечно стояли у Рейнсфельдена. Бернгардъ внезапно повернулъ изъ отступленія къ Лауфенбергу на дорогу къ Рейнсфельдену, неожиданно напалъ на нихъ 3 марта и одержалъ полную побѣду. Черезъ часъ послѣ начала его неожиданной атаки императорское войско уже бѣжало въ безпорядкѣ. Вертъ и почти всѣ генералы его арміи были взяты въ плѣнъ.—Вертъ четыре года оставался въ плѣну; въ мартѣ 1642 онъ былъ вымѣненъ на Горна, взятаго въ плѣнъ при Нёрдлингенѣ.

Неудачи 1637 года убѣдили французовъ и шведовъ, что единодушіе необходимо имъ для побѣдъ. Французскій посланникъ графъ Д'Авб и шведскій придворный канцлеръ Йоганъ Адлеръ Сальвиусъ заключили 6 марта въ Гамбургѣ договоръ о союзѣ между Франціей и Швеціей на три года; Франція обязалась заплатить 400.000 талеровъ за субсидіи, не доданныя въ прежніе годы, и давать такую же сумму въ каждый изъ слѣдующихъ трехъ годовъ; она и Швеція обѣщались не

дѣлать ничего безъ взаимнаго соглашенія, не заключать мира отдѣльно одна отъ другой, и пригласили всѣхъ своихъ нѣмецкихъ союзниковъ присоединиться къ этому договору; ходъ войны совершенно измѣнился отъ заключеннаго ими союза.

Съ поля битвы Бернгардъ пошелъ къ крѣпости, подъ которой происходила она; Рейнфельденъ отворилъ ему ворота; онъ пошелъ на Фрейбургъ, взявъ послѣ непродолжительнаго сопротивленія эту крѣпость; одинъ изъ его генераловъ занялъ половину герцогства вюртембергскаго. Гебріанъ привелъ 4.000 французовъ въ подкрѣпленіе Бернгарду. Вскорѣ послѣ того пришелъ на Рейнъ виконтъ Тюреннъ съ другимъ французскимъ отрядомъ; императорскія войска, стоявшія разбросанными отрядами, собрались; главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Гецъ. Арміи встрѣтились 9 августа подъ Виттенвейеромъ; въ этомъ новомъ сраженіи, на мѣстѣ прежнихъ битвъ Бернгардъ разбилъ Гёца.

Чтобы упрочить свое положеніе, Бернгарду надобно было овладѣть Брейзахомъ, ключомъ къ австрійскимъ владѣніямъ въ Эльзасѣ. Это была сильная крѣпость, въ ней стоялъ большой гарнизонъ. Немедленно послѣ виттенвейерской побѣды Бернгардъ окружилъ ее своими войсками. Онъ занемогъ и лежалъ больной въ Кальмарѣ, мечталъ завоевать себѣ государство, изъ австрійскихъ владѣній въ Эльзасѣ и сосѣднихъ земель по восточному берегу Рейна, отвергалъ предложенія императора, желавшаго помириться съ нимъ; зависимость отъ короля французскаго не казалась ему стѣснительной: онъ полагалъ, что легко сбросить ее съ себя, когда прійдетъ время. Осада Брейзаха шла успѣшно. Карлъ лотарингскій пошелъ черезъ Эльзасъ освободить крѣпость. Бернгардъ, больной, слабый, сѣлъ на коня, далъ битву ему и 15 октября разбилъ его подъ Танномъ. Гецъ и другой императорскій генералъ, Савелли, подступили съ другой стороны къ окопамъ осаждающихъ, штурмовали ихъ, но были отбиты Бернгардомъ, Гебріаномъ и Тюренномъ. Гецъ за эту неудачу былъ обвиненъ въ измѣнѣ, и курфирстъ баварскій два года держалъ его подъ арестомъ. Бернгардъ бралъ одно за другимъ передовыя укрѣпленія Брейзаха, осажденные страдали отъ голода и повальныхъ болѣзней; голодъ дошелъ до ужасающей степени; говорятъ, что люди въ мученіяхъ его ѣли трупы. Рейнахъ, мужественный коммендантъ крѣпости, принужденъ былъ сдать ее (17 декабря).

Главные силы императорскихъ войскъ были сосредоточены на верхнемъ Рейнѣ, для борьбы съ Бернгардомъ; Банеръ воспользовался этимъ. Получивъ подкрѣпленія изъ Швеціи, деньги изъ Франціи, онъ погналъ Галласа съ померанскаго приморья въ Бранденбургъ и пошелъ по направленію къ Силезіи. Вездѣ побѣждали враги императора; войска его имѣли только одну удачу: сынъ низложеннаго курфирста Фридриха, Карлъ Людвигъ, жившій въ Гагѣ, получилъ деньги отъ

своего дяди, Карла I англійскаго, и отъ голландцевъ, набралъ наемниковъ, соединился съ шведскими генералами Кёнигсмаркомъ и Кингомъ, державшимися въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ сѣверо-западной Германіи, пошелъ въ Вестфалію; но при Флото (близъ Миндена) былъ 17 октября разбитъ императорскимъ генераломъ Гацфельдомъ.

Весною 1639 года Банеръ двинулся черезъ Тюрингію и Саксонію въ Богемію; подъ Кемницемъ, 14 апрѣля, онъ разбилъ армію курфирста саксонскаго. Императоръ собиралъ войска для сопротивленія ему. Онъ, страшно опустошая страну, шелъ по долину Эльбы къ Прагѣ, подступилъ къ ней. Но ошибся въ надеждѣ, что въ Богеміи подымется возстаніе противъ габсбургскаго угнетенія: духъ независимости былъ подавленъ въ ней. Галласъ и Шликъ заперлись въ Прагѣ; у нихъ было такъ много войска, что Банеръ не могъ штурмовать крѣпкихъ стѣнъ города. Но шведы ходили по всей Богеміи, ходили въ Моравію, въ Силезію, собирая контрибуцію съ городовъ, опустошая страну. Со стѣнъ Праги видно было въ одну ночь зарева ста пылающихъ селеній и замковъ. Другой шведскій генералъ, Лиллегёкъ ходилъ по Бранденбургу и Силезіи. Императоръ призвалъ Гацфельда изъ Вестфаліи на защиту Богеміи. Когда Гацфельдъ ушелъ изъ сѣверо-западной Германіи, Кёнигсмаркъ, бранденбургскій вельможа, находившійся въ шведской службѣ, человѣкъ чрезвычайно отважный, одинъ изъ самыхъ безжалостныхъ опустошителей земель, по которымъ быстро водилъ свои разбойничьи войска, сталъ ходить, не встрѣчая сопротивленія, по всей западной Германіи отъ Вестфаліи до Франконіи. — Императорское правительство поспѣшно собирало войска для вытѣсненія шведовъ изъ Богеміи. На мѣсто Галласа, плохо дѣйствовавшаго въ послѣдніе годы, главнокомандующимъ былъ назначенъ эрцгерцогъ Леопольдъ Вильгельмъ, младшій братъ императора. Чтобы не обидѣть старика Галласа, его назначили президентомъ придворнаго военнаго совѣта; Леопольдъ Вильгельмъ былъ съ молодости предназначенъ къ духовной каррьерѣ и былъ теперь епископомъ пассаускимъ, страсбургскимъ, гальберштадскимъ, ольмюцскимъ, то есть получалъ, по званію епископа, доходы съ владѣній этихъ каедръ; впрочемъ, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и очень богомольный человѣкъ; но все это не мѣшало ему любить военную службу, и онъ былъ не совсѣмъ плохой генералъ. Въ Богемію былъ вызванъ, какъ мы говорили, изъ Вестфаліи Гацфельдъ; былъ также вызванъ Пикколомини изъ герцогства люксембургскаго. Въ Богеміи сошлась такая масса императорскихъ войскъ, что Банеръ не могъ продолжать наступленія. Нѣсколько времени ходилъ онъ по сѣверной Богеміи, потомъ отступилъ въ Саксонію, бился въ октябрѣ съ императорскими и саксонскими войсками у Пирны, опустошалъ Саксонію. — Въ Прагѣ свирѣпствовала эпидемія; отъ нея умеръ тогда тамъ Деверу, убійца Валленштейна.

Бернгардъ, взявъ Брейзахъ, пошелъ (въ январѣ 1639) во Франшъ-Конте и въ два мѣсяца овладѣлъ почти всей этой областью. Но французское правительство стало разгадывать, что онъ думаетъ о своихъ, а не о французскихъ интересахъ, хочетъ стать государемъ всѣхъ завоеванныхъ имъ земель: Эльзаса, Зундгау, Брейсгау, Франшъ-Конте и сосѣдней съ Эльзасомъ части Лотарингіи; ссориться съ нимъ было бы опасно французскому правительству; оно и онъ обмѣнивались любезностями, стараясь перехитрить другъ друга. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ дѣйствительно хотѣлъ удержать за собой всѣ завоеванія, которыя сдѣлалъ какъ полководецъ короля французскаго, хотѣлъ сдѣлаться государемъ, одинаково независимымъ и отъ короля французскаго и отъ императора. Онъ искалъ себѣ союзниковъ. Георгъ люнебургскій, имѣвшій довольно сильное войско, и пфальцграфъ Карлъ Людвигъ были расположены помогать ему. Ландграфиня Амалия Елизавета, тоже имѣвшая большое войско, вошла въ переговоры съ нимъ. Онъ, кажется, хотѣлъ жениться на ней. Между тѣмъ, переговоры французскаго правительства съ нимъ о его занятіяхъ приняли рѣзкій тонъ: Бернгардъ рѣшительно отказался отдать покоренныя имъ земли французскому королю. Дѣло шло къ разрыву.

Но въ это время Бернгардъ умеръ. Онъ имѣлъ свиданіе съ Гебрианомъ въ Понтарлье; въ городѣ была заразительная эпидемія. Бернгардъ заболѣлъ въ немъ лихорадкой, поѣхалъ больной въ Брейзахъ; болѣзнь усилилась, и 18 іюля (1639 года) онъ умеръ въ маленькомъ городѣ на берегу Рейна, Нейенбургѣ. Его здоровье давно было разстроено; но смерть его все таки были неожиданностью для всѣхъ, потому, какъ обыкновенно бывало тогда въ подобныхъ случаяхъ, возникла молва о злодѣйствѣ коварныхъ враговъ. Она утверждала, что Бернгардъ умеръ отъ отравы; но кѣмъ отравленъ онъ, объ этомъ сторонники разныхъ правительствъ говорили различно; нѣмцы винили въ отравѣ или французское правительство или шведское, французы австрійское или испанское. Наиболѣе опасенъ Бернгардъ былъ французскому правительству, и выгоду отъ его смерти приобрѣло оно; потому обвиненіе противъ французскаго правительства казалось для многихъ правдоподобно. Оно однако не подтверждается ничѣмъ. — Бернгардъ былъ великій полководецъ, и въ честь его характеру должно сказать, что онъ былъ менѣе безпощаденъ къ мирному населенію, чѣмъ другіе полководцы того свирѣпаго времени. Оно онъ служилъ государству, постоянно бывшему врагомъ Германіи, проложилъ французскимъ войскамъ путь въ нее, и завоеваніями его воспользовалась Франція. Онъ не хотѣлъ, чтобъ они достались ей. Въ своемъ завѣщаніи онъ отдалъ ихъ одному изъ своихъ братьевъ. Но вышло иначе: они были отданы королю французскому.

3. Походы Банера, Гебріана и Торстенсона.

Войско и крѣпости Бернгарда стали предметомъ искательства нѣсколькихъ правительствъ. Братья Бернгарда не имѣли силы бороться за это наслѣдство съ могущественными державами, и устроились. Однимъ изъ государей, желавшихъ купить продажныхъ наемниковъ Бернгарда и занимаемыхъ ими крѣпости, былъ императоръ. Шведы говорили, что войско Бернгарда должно поступить на ихъ службу, потому что первоначально было частью арміи Густава Адольфа. Пфальцграфъ Карлъ Людвигъ тоже думалъ взять храброе войско Бернгарда въ свою службу; онъ рассчитывалъ, что деньги для найма дастъ ему дядя, король англійскій Карлъ I; но поѣхавъ черезъ Францію въ Брейзахъ, онъ былъ по приказанію Ришельё арестованъ и почти цѣлый годъ оставался подъ стражей. — Французское правительство дѣйствовало быстрѣе, искуснѣе и успѣшнѣе другихъ соискателей. Баронъ Д'Уассонвиль пріѣхалъ въ Брейзахъ съ векселями на большую сумму, сталъ подкупать начальниковъ наемниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ французскія войска окружили Брейзахъ. Войско Бернгарда, нѣсколько мѣсяцевъ не получавшее жалованья, нуждалось въ деньгахъ, и съ одобренія шведскаго канцлера заключенъ былъ (9 октября 1639) договоръ, по которому оно поступило на французскую службу. Дѣлами войска завѣдывалъ по завѣщанію Бернгарда комитетъ, состоявшій изъ четырехъ директоровъ, назначенныхъ имъ; это были: графъ нассаускій, генералъ-майоръ (начальникъ штаба) Эрлахъ, полковники (генералы) Эмъ (Ehm) и Розенъ. Они отъ имени всего войска обѣщались королю французскому сдать ему всѣ крѣпости, занятые ихъ гарнизонами; онъ предоставилъ нѣкоторыя области войску въ залогъ уплаты жалованья и назначенныхъ Бернгардомъ наградъ. Брейзахъ, Фрейбургъ и другія крѣпости, покоренныя Бернгардомъ, были переданы французскимъ гарнизонамъ; баронъ Д'Уассонвиль былъ въ іюнѣ слѣдующаго (1640) года назначенъ королевскимъ намѣстникомъ Эльзаса и земли на восточномъ берегу Рейна, занятой войскомъ Бернгарда; населеніе этого новаго французскаго владѣнія присягнуло на вѣрность королю.

Главнымъ дѣятелемъ со стороны войска въ переговорахъ съ уполномоченнымъ короля французскаго былъ Эрлахъ. Нѣмцы называли его измѣнникомъ; это совершенно несправедливо: войско Бернгарда состояло изъ наемниковъ; они по тогдашнимъ понятіямъ имѣли право служить, кому хотятъ; Эрлахъ, представитель ихъ интересовъ, поступалъ, по тогдашнимъ понятіямъ, честно. Иоганнъ Людвигъ фонъ Эрлахъ былъ бернскій патрицій, кальвинистъ, воспитывавшійся въ Женевѣ. Онъ служилъ сначала венеціанцамъ, потомъ былъ на службѣ у Христіана ангальтскаго и Христіана брауншвейгскаго; съ 1627 находился въ дипломатической и въ военной службѣ у правительства своего родного государства, бернскаго кантона, постоянно склонялъ свое правительство поддерживать шведовъ; Бернгардъ въ

1637 году пригласилъ его въ свою службу именно потому, что онъ былъ другъ шведскаго правительства, назначилъ его своимъ генераль-майоромъ (начальникомъ штаба), поручилъ ему вести переговоры съ французскимъ правительствомъ. Оно назначило ему 12.000 ливровъ жалованья; въ томъ, что онъ бралъ жалованье отъ короля французскаго, не было ничего дурного по тогдашнимъ обычаямъ: не только многіе иностранные вельможи, но и многіе нѣмецкіе государи получали жалованье отъ короля французскаго.—Эрлахъ и слѣдовавшіе его совѣтамъ другіе директоры войска имѣли полное право заключить договоръ съ королемъ французскимъ; самъ Бернгардъ говорилъ въ своемъ завѣщаніи, что если его братья не пріимутъ его наслѣдства, то онъ „считаетъ справедливымъ, чтобъ отдано было всяческое предпочтеніе его величеству королю французскому“. Братья Бернгарда не приняли наслѣдства; то, что сдѣлали Эрлахъ и по его совѣту другіе директоры, было неизбежно: войску надобно было поступить на службу какой нибудь державы; шведская армія была далеко и была слаба, у шведскаго правительства не было денегъ; протестанское войско не могло служить врагу протестантства, императору; король французскій, союзникъ нѣмецкихъ протестантовъ, былъ единственный государь, которому могло служить оно.

Договоръ войска Бернгарда съ королемъ французскимъ былъ заключенъ, какъ мы говорили, въ октябрѣ 1639; въ ноябрѣ герцогъ Лонгвиль, назначенный главнокомандующимъ этой арміи, и его помощникъ маршалъ Гебрианъ повели ее въ рейнскій Пфальцъ; они отѣснили императорскаго главнокомандующаго Гелена и баварскаго главнокомандующаго Мерси, взяли много крѣпостей на западномъ берегу Рейна, въ концѣ декабря переправились на лодкахъ черезъ Рейнъ между Бахарахомъ и Обервезелемъ; совершивъ эту отважную, знаменитую переправу, войско Бернгарда расположилось на зимнія квартиры въ Гессенѣ и Веттерау. Ландграфиня Амалия Елизавета, принявшая пражскій миръ, ободрилась, заключила союзъ съ Франціей, прислала Лонгвилю 5.000-ный отрядъ войска.

Банеръ въ началѣ 1640 года стоялъ въ сѣверной Богеміи; но противъ него собралось такое многочисленное императорское войско, что онъ нашелъ надобнымъ уйдти изъ Богеміи, пошелъ въ Гессенъ и Брауншвейгъ. Ландграфиня Елизавета велѣла своему главнокомандующему Меландеру фонъ-Гольцаппелю присоединиться къ нему со всѣмъ войскомъ, остававшимся подъ его начальствомъ послѣ отправленія отряда къ Лонгвилю. Герцогъ брауншвейгскій, робѣвшій императора, также ободрился, отдалъ Банеру все свое войско. Шведскій главнокомандующій имѣлъ теперь такую сильную армію, что могъ прекратить свое отступленіе, сталъ въ половинѣ мая у Эрфурта. Неподалеку оттуда у Зальфельда стали шедшіе за нимъ изъ Богеміи Леопольдъ Вильгельмъ и Пикколомини. Цѣлый мѣсяцъ армія стояла одна противъ другой. Союзники шведовъ начали ссориться съ ними; въ опустошенной мѣстности не было хлѣба, армія Банера стала страдать отъ голода; притомъ къ императорскому войску шли баварцы. Все это заставило Банера въ половинѣ іюня начать отступленіе въ

Гессенъ. Бывшее войско Бернгарда мятежничало противъ своихъ французскихъ генераловъ. Банеръ въ это время ужъ не имѣлъ прежней энергіи, ослабивъ себя и физически и нравственно пьянствомъ и распутствомъ; онъ принужденъ былъ отвести свою разстроенную армію въ Вестфалію.

Императоръ, ободренный тѣмъ, что шведы ушли далеко отъ его наслѣдственныхъ владѣній и что авторитетъ его въ средней Германіи укрѣпился, созвалъ на сентябрь того года сеймъ въ Регенсбургъ. Это былъ первый сеймъ послѣ 1613 года. При открытіи засѣданій, 23 сентября, не присутствовалъ ни одинъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей; ихъ уполномоченные совѣщались по предложенію императора о способахъ возстановить миръ. Банеръ внезапно собралъ въ январѣ (1641) свои войска съ зимнихъ квартиръ, быстро двинулся къ Регенсбургу, неожиданно для императора и сейма явился подъ городомъ, началъ бомбардировку. Быть можетъ, онъ надѣялся захватить императора въ плѣнъ; но наступила оттепель, ледъ на Дунаѣ сталъ такъ рыхлъ, что со стороны рѣки нельзя было напасть на Регенсбургъ, а между тѣмъ подошли императорскія и баварскія войска; Банеръ отступилъ, пошелъ по границѣ Богеміи въ Саксонію.

Его здоровье было, какъ мы говорили, совершенно разстроено; онъ изнемогъ при отступленіи и 20 мая 1641 умеръ. Ему было еще только 45 лѣтъ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ, 12 апрѣля, умеръ герцогъ Георгъ люнебургскій, раздѣливъ свои владѣнія между сыновьями на два государства: герцогство целльское и герцогство ганноверское.

Банеръ, человѣкъ знатнаго рода, былъ очень даровитый полководецъ, умѣвшій оправляться отъ всякихъ неудачъ, и чрезвычайно отважный. Говорятъ, что въ сраженіяхъ съ нимъ было убито 60.000 императорскихъ и 40.000 саксонскихъ солдатъ. Съ нѣмецкими государями онъ обращался презрительно, какъ они того и заслуживали. Онъ опустошалъ Германію, какъ дѣлали всѣ полководцы того времени, нѣмецкіе не меньше иностранныхъ, но провелъ между нѣмцами столько лѣтъ, что самъ сталъ нѣмцемъ; онъ переписывался съ Гебріаномъ на нѣмецкомъ языкѣ; его штабъ, канцелярія, войска были нѣмецкія. Молва говорила, что когда онъ стоялъ въ Камѣ (Cham), императоръ предлагалъ ему санъ имперскаго князя и должность главнокомандующаго въ турецкой войнѣ, если онъ склонитъ свое правительство къ заключенію мира.

Шведское войско по смерти Банера находилось въ такомъ же состояніи, какъ войско Бернгарда веймарскаго по его смерти. Нѣмецкіе наемники, образовавшіе большинство шведской арміи, роптали, не получая жалованья, не слушались своихъ шведскихъ генераловъ, ругали ихъ, толковали между собой о заманчивыхъ приглашеніяхъ императора перейти на службу къ нему; временами, дѣло доходило до мятежей. Гебріанъ съ трудомъ сдерживалъ ихъ. Близъ Вольфенбюттеля шведская армія, еще не имѣвшая главнокомандующаго, встрѣ-

тилась 29 іюня 1641 съ императорскимъ войскомъ, и это потерпѣло такой уронъ, что принуждено было отступить. Потомъ оно дѣйствовало въ Гессенѣ и въ брауншвейгскихъ владѣніяхъ; Пикколомини тѣснилъ войска ландграфини Амаліи и герцоговъ брауншвейгскихъ.

Королева шведская назначила главнокомандующимъ Леннарда Торстенсона, геніальнаго полководца. Онъ страдалъ такой тяжелой болѣзнію, что не могъ садиться на лошадь; обыкновенно, его носили на носилкахъ; и однако жъ онъ изумлялъ Европу быстротой своихъ походовъ. При немъ, шведская армія снова стала одерживать блестящія побѣды. Много помогла успѣхамъ ея перемѣна въ бранденбургской политикѣ. Курфирстъ Георгъ Вильгельмъ, слѣдовавшій совѣтамъ Шварценберга, сторонника габсбургской династіи, умеръ; новый курфирстъ, Фридрихъ Вильгельмъ, далъ отставку Шварценбергу и заключилъ (24 іюля 1641) перемиріе со Швеціей. За мѣсяць передъ тѣмъ (29 іюня) Франція, возобновляя союзъ со Швеціей, обязалась давать ей по 1.200.000 ливровъ ежегодной субсидіи до заключенія мира.

Нѣмецкій сеймъ, совѣщавшійся въ Регенсбургѣ, назначилъ два мѣста для переговоровъ: Оснабрюкъ и Мюнстеръ; по рѣшенію сейма, была объявлена въ заключительномъ актѣ его (Reichstagsabschied) 9 октября (1641 года) амнистія, изъ дѣйствія которой были однакожь, по желанію императора и съ согласія не только католиковъ, но и курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго, исключены австрійскія владѣнія, магдебургская область и Пфальцъ (то есть, баварская половина Пфальца оставлена была во владѣніи Максимилиана баварскаго, а императоръ удерживалъ за собой свободу наказывать своихъ мятежныхъ подданныхъ, богемцевъ и австрійцевъ, и протестанты, пострадавшіе въ магдебургской области были оставлены безъ вознагражденія). Нормой для возвращенія конфискованныхъ свѣтскихъ владѣній законнымъ ихъ собственникамъ было опредѣлено положеніе дѣлъ въ 1630 году, а для церковныхъ имѣній 12 ноября 1627. — Въ декабрѣ пріѣхали въ Гамбургъ для переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира послы императора, короля французскаго, королевы шведской, и рѣшили, что конгрессъ, раздѣленный на два собранія, одно въ Мюнстерѣ, другое въ Оснабрюкѣ, откроется 25 марта слѣдующаго (1642) года. Императоръ сначала отвергъ эти предварительныя условія, отозвалъ своего посла изъ Гамбурга; но ходъ военныхъ дѣйствій принудилъ его желать мира, и онъ утвердилъ 22 іюля (1642 года) заключенное въ Гамбургѣ соглашеніе; срокомъ открытія конгресса было назначено теперь начало іюля слѣдующаго (1643) года. Но послы собирались на конгрессъ такъ медленно, что онъ началъ свои засѣданія только черезъ два года послѣ назначеннаго срока, въ апрѣлѣ 1645.

Гебріанъ, начальствовавшій надъ остаткомъ войска Бернгарда веймарскаго, простиравшемся до 2.500 человекъ пѣхоты и 2.000 человекъ конницы, и ушедшій съ нимъ въ началѣ 1642 года на западный берегъ Рейна, подкупилъ директоровъ, сохранявшихъ власть надъ наемниками Бернгарда, и они отдали свое войско въ полное распоряженіе ему. Разбивъ 17 января 1642 подъ Кемпеномъ императорскаго генерала Ламбуа, онъ занялъ герцогство юлихское и архіепископство кельнское; но лѣтомъ пришелъ туда съ большимъ войскомъ Вертъ, освобожденный изъ плѣна; Гебріанъ принужденъ былъ уйти на восточный берегъ Рейна и расположился въ нижне-саксонскомъ округѣ.

Торстенсонъ двинулся весной 1642 года изъ ниже-саксонскаго округа въ Силезію, быстро овладѣлъ силезскими крѣпостями, стоявшими на его пути, перешелъ въ Моравію, взялъ Ольмюцъ и въ іюнѣ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ у Губена, ожидая подкрѣплений изъ Швеціи и угрожая эрцгерцогству австрійскому. Но въ іюлѣ герцоги Христіанъ Людви́гъ ганноверскій и Фридрихъ целльскій помирились съ императоромъ, согласившимся возвратить имъ занятые его войсками крѣпости. Это ослабило положеніе шведовъ въ Германіи.

Торстенсонъ быстрымъ обходомъ уклонился отъ шедшихъ на него эрцгерцога Леопольда Вильгельма и Пикколомини, вошелъ въ курфиршество саксонское и неожиданно подступилъ къ Лейпцигу. Императорскіе полководцы поспѣшили на помощь этому городу, въ то время ужъ большому и богатому; передъ нимъ, близъ Брейтенфельда, гдѣ одержалъ знаменитую побѣду Густавъ Адольфъ, произошла 2 ноября (1642 года) новая битва, въ которой шведы тоже одержали блестящую побѣду. Почти вся пѣхота императорской арміи была или убита, или взята въ плѣнъ; слабый остатокъ ея разсѣялся. Самъ эрцгерцогъ едва спасся отъ плѣна; артиллерія и обозъ были захвачены побѣдителями. Но побѣдившая армія была такъ изнурена, что Торстенсонъ не могъ идти впередъ, ограничился осадой Лейпцига; черезъ мѣсяцъ (6 декабря) городъ сдался. Курфиршество саксонское было теперь во власти шведовъ; курфирстъ началъ съ ними переговоры о нейтралитетѣ; его подданные и наслѣдный принцъ негодовали на императора, не подававшаго имъ помощи; только старикъ курфирстъ не хотѣлъ перейти на сторону враговъ его.

Торстенсонъ условился съ Гебріаномъ идти двумя путями въ южную Германію, соединиться въ Баваріи. Но сопротивленіе крѣпости Фрейберга задержало шведскую армію въ январѣ и февралѣ 1643 года; а Гебріанъ, перешедши Майнъ, былъ остановленъ баварскимъ генераломъ Мерси, къ которому присоединились Вертъ и Карлъ лотарингскій, и принужденъ былъ уйти въ Вюртембергъ и Баденъ. Около этого времени умерли Ришельё и Людовигъ XIII; во Франціи начались волненія, правительство не могло посылать подкрѣплений Гебріану; онъ, сдѣлавъ вторую попытку идти въ Баварію, былъ оттѣсненъ Мерси и Вертомъ въ Эльзасъ, а герцогъ ангіенскій (Enghien, ангенскій), въ то время еще очень молодой человекъ, разбилъ испанцевъ 19 мая въ рѣшительной битвѣ при Рокруа, взялъ Тіонвиль, оплотъ герцогства люксембургскаго, подошелъ къ Триру. Гебріанъ, находившійся въ отчаянномъ положеніи, не получалъ подкрѣплений до октября. Принцъ ангенскій, находившій одинаковое наслажденіе въ шумѣ битвъ и въ придворныхъ развлеченияхъ, привелъ въ октябрѣ Гебріану въ Эльзасъ 4.000 человекъ пѣхоты и 2.000 конницы, и возвратился въ Парижъ веселиться. Начальство надъ его арміей получилъ гольштинскій вельможа, графъ Ранцау, храбрый авантюристъ, покрытый

рубцами отъ ранъ, служившій поочередно въ датскомъ, императорскомъ, шведскомъ войскѣ, а теперь ужь много лѣтъ находившійся во французской службѣ. Молва говорила, что когда онъ былъ моложе, то былъ любовникомъ Анны, супруги Людовика XIII, и что Людовикъ XIV—его сынъ.

Въ началѣ ноября Гебріанъ перешелъ Рейнъ, предполагая идти черезъ Швабію въ Баварію. При осадѣ Ротвейля онъ, осматривая траншеи, былъ раненъ и 24 ноября умеръ. Впрочемъ, Ротвейль былъ взятъ. Въ самый день смерти Гебріана, Вертъ неожиданно напалъ на войско его, безпечно стоявшее у Путлингена; оно было окружено, прежде чѣмъ успѣло стать въ строй, не могло ни уйдти, ни сформироваться для обороны, и почти все принуждено было сдаться; лишь нѣсколько кавалерійскихъ полковъ успѣли ускакать. Почти всѣ генералы, въ томъ числѣ Ранцау, были взяты въ плѣнъ, побѣдители захватили всю артиллерію и обозъ. Такой побѣды не одерживали баварцы со временъ Тилли. Они отняли у французовъ и крѣпость Ротвейль.

Французское правительство вызвало Тюренна изъ Піэмонты на защиту рейнской границы. Ему былъ данъ тогда санъ маршала. Пока онъ собиралъ остатки прежняго войска, ждалъ отрядовъ, шедшихъ изъ Франціи, вербовалъ новыхъ наемниковъ, баварцы покоряли крѣпости, отданныя французамъ по смерти Беригарда веймарскаго генералами его; когда Мерси и Вертъ подступили къ Фрейбургу, Тюреннъ съ 12.000 человекъ перешелъ Рейнъ; герцогъ ангенскій пришелъ къ нему изъ люксембургской и трирской областей. Мерси 28 іюля взялъ Фрейбургъ; баварцы, ожидая Тюренна и герцога ангенскаго, окопались передъ городомъ въ позиціи, почти неприступной. Герцогъ ангенскій съ отвагой, которую можно было считать безразсудной, повелъ 4 августа свое войско на штурмъ баварскихъ окоповъ, не жалѣя своихъ солдатъ, падавшихъ тысячами. Вертъ говорилъ, что знаетъ войну ужь двадцать два года, но еще не видывалъ такого убійственнаго сраженія. Французы взяли въ этотъ день окопы на Болъ (Bohl), но баварцы удержались на другихъ пунктахъ; черезъ два дня принцъ возобновилъ штурмъ, но былъ отбитъ отъ Лореттоберга. Однако же штурмы достигли своей цѣли: черезъ четыре дня 9 августа, Мерси ушелъ изъ-подъ Фрейбурга, отступилъ изъ долины Рейна къ горамъ. Принцъ ангенскій пошелъ внизъ къ Рейну, взялъ 12 сентября Филиппсбургъ, вслѣдъ за тѣмъ Вормсъ, Майнцъ, быстро овладѣлъ всѣмъ пространствомъ по средней части Рейна. Герцогъ баварскій оробѣлъ, началъ думать о мирѣ съ Франціей, сталъ вести войну слабо.

Торстенсонъ стоялъ между тѣмъ въ Силезіи и Моравіи противъ главной императорской арміи, которой командовали Галласъ и Гецъ. Шведское правительство велѣло ему идти въ Гольштинію противъ Христіана IV, завидовавшаго завоеваніямъ шведовъ въ Германіи и

возобновившаго войну. Торстенсонъ пошелъ изъ Силезіи быстрыми переходами, и въ декабрѣ (1643 года) выгналъ Христіана изъ Гольштиніи, Шлезвига, къ концу года изъ всей Ютландіи. Князь трансильванскій Георгій I Ракоци (преемникъ Бетлена Габора) нѣсколько мѣсяцевъ задержалъ Галласа своимъ вторженіемъ въ горную Венгрію. Въ іюнѣ (1644 года) Галласъ двинулся на помощь Христіану, и соединился въ Гольштиніи съ датскимъ войскомъ. Торстенсонъ пошелъ опять въ Германію, поручивъ продолженіе войны съ датчанами Врангелю и Горну. Они въ слѣдующемъ году принудили Христіана заключить миръ на невыгодныхъ для него условіяхъ. По трактату, подписанному въ Брѣмсебро 23 августа 1645, Данія уступила Швеціи часть своихъ владѣній въ южной части шведской стороны Скандинавіи и нѣсколько острововъ, въ томъ числѣ Готландъ, и освободила шведскіе корабли отъ зундской пошлины.

Торстенсонъ изъ Гольштиніи пошелъ въ Саксонію; Галласъ пошелъ за нимъ. Торстенсонъ окружилъ своего противника въ окрестностяхъ Магдебурга; Галласъ, потерявъ большую часть войска, едва успѣлъ уйдти въ Богемію съ остаткомъ арміи, подвергся гнѣву императора и сложилъ съ себя начальство. Торстенсонъ въ январѣ 1645 вошелъ съ 16.000-нымъ войскомъ въ Богемію. Императоръ пріѣхалъ въ Прагу, собралъ всѣ свои войска; Максимилианъ прислалъ на помощь ему Верта съ баварскимъ корпусомъ. Но въ ужасной битвѣ 6 марта при Янковѣ (Jankau, по старинной чешской орѳографіи вмѣсто jnkow) близъ Табора австрійцы потерпѣли полное пораженіе. Гецъ былъ убитъ, Гацфельдъ взятъ въ плѣнъ, вся армія была уничтожена. Владѣнія Фердинанда остались беззащитны; въ нѣсколько недѣль Торстенсонъ занялъ Богемію, Моравію и эрцгерцогство австрійское до самаго Дуная. Шведскіе отряды подходили къ Вѣнѣ. Въ то же время Ракоци снова вторгся въ Венгрію и, почти не встрѣчая сопротивленія, шелъ въ Австрію. Но къ концу года дѣла приняли другой оборотъ.

Войско Торстенсона страдало отъ голода, боевые запасы шведовъ истощились; Брюннъ, осажденный ими, упорно оборонялся; императоръ собиралъ войска; они угрожали отрѣзать шведовъ отъ всѣхъ сообщеній; Ракоци заключилъ миръ съ императоромъ. Больной и раздраженный тѣмъ, что не можетъ выгнать Фердинанда изъ его владѣній, Торстенсонъ въ декабрѣ 1645 сложилъ съ себя начальство. Мѣсто его занялъ Карлъ Густавъ Врангель. — Кёнигсмаркъ между тѣмъ вторгся въ опустошенное курфиршество саксонское, снова опустошалъ его; почти все оно было занято шведами; курфирстъ въ отчаяніи заключилъ 6 сентября перемиріе со шведами на шесть мѣсяцевъ, заплатилъ имъ контрибуцію, обязался снабжать ихъ продовольствіемъ, предоставилъ имъ свободу передвиженій по всему его государству, и передъ истеченіемъ срока перемирія заключилъ новое, окончательное, которое должно было продолжаться до общаго мира.

4. К о н е ц ъ в о й н ы .

Въ началѣ весны 1645 года Тюреннъ перешелъ у Шпейера Рейнъ, хотѣлъ идти въ Баварію; но 5 мая былъ разбитъ Мерси и Вертомъ у Мергентгейма (или, по названію болѣе близкаго селенія, у Гербстгаузена); французы бѣжали къ Рейну и Майну; удержались на правомъ берегу Рейна только благодаря тому, что къ нимъ присоединились гессенцы и Кенигсмаркъ. Герцогъ ангенскій покинулъ придворныя веселья, поспѣшно повелъ за Рейнъ 12.000-ное войско, соединился на Неккарѣ съ Тюренномъ, искалъ битвы, съ увѣренностью въ побѣдѣ. Мерси долго уклонялся отъ нея искусными маневрами; наконецъ остановился у Аллерсгейма (близъ Нёрдлингена), занялъ крѣпкую позицію. Принцъ ангенскій пошелъ на штурмъ, какъ подъ Фрейбургомъ, не щадя жизни своихъ солдатъ. Цѣлые полки французовъ были истреблены баварцами, всѣ атаки были отбиваемы. Вертъ съ конницей самъ атаковалъ правое крыло французовъ, опрокинулъ его, преслѣдовалъ бѣгущихъ, и въ горячности погони ушелъ далеко отъ поля битвы. Между тѣмъ Мерси былъ убитъ, баварская пѣхота смутилась, увидѣвъ, что главнокомандующій упалъ; герцогъ ангенскій повелъ гессенцевъ штурмовать холмъ, на которомъ стояло правое крыло баварцевъ, опрокинулъ ихъ. Возвратившись вечеромъ изъ погони, Вертъ нашелъ, что кромѣ его отряда не осталось баварскаго войска: все оно было истреблено или взято въ плѣнъ, или разбѣжалось. Онъ отступилъ къ Донауверту. Но и французское войско потерпѣло громадный уронъ: почти вся пѣхота его была истреблена. Маршалъ Грамонъ (Gramont), командовавшій разбитымъ правымъ крыломъ, былъ взятъ въ плѣнъ.

Принцъ ангенскій занялъ Нердлингенъ; но занемогъ и уѣхалъ въ Парижъ. Грамонъ былъ вымѣненъ на взятаго въ плѣнъ французами баварскаго фельдмаршала Гелена. Вертъ имѣлъ полное право ожидать, что будетъ назначенъ главнокомандующимъ на мѣсто убитаго Мерси; но Максимилианъ опасался, что онъ своей отвагой подвергнетъ армію гибели; притомъ, онъ былъ усердный сторонникъ императора, а курфирстъ желалъ помириться съ французами, потому назначилъ главнокомандующимъ не его, а Гелена. Эрцгерцогъ Леопольдъ Вильгельмъ и Галласъ пришли съ большимъ войскомъ на помощь баварцамъ, и въ октябрѣ, при содѣйствіи Верта, прогнали французовъ за Рейнъ. Максимилианъ бросилъ мысль заключить отдѣльно отъ императора миръ съ Франціей. Но 18 ноября Тюреннъ взялъ Триръ и восстановилъ власть курфирста Филиппа Кристофа, который передъ тѣмъ былъ, по требованію, заявленному французскими уполномоченными на гамбургской конференціи, освобожденъ императоромъ, продержавшимъ его десять лѣтъ подъ стражей за то, что онъ хотѣлъ выгнать Фердинанда изъ его владѣній.

Врангель, по примѣру Торстенсона, перенесъ войну во владѣніе Фердинанда, вступилъ въ Богемію. Въ началѣ 1646 года, двинулся на него съ австрійской и баварской арміями эрцгерцогъ Леопольдъ Вильгельмъ, и будучи гораздо сильнѣе его числомъ, прогналъ его въ Саксонію и Тюрингію. Оттуда Врангель пошелъ въ Гессенъ, соединился у Фрицлара съ Тюренномъ; ихъ войско имѣло 40.000 человѣкъ; они хотѣли идти въ Баварію, оттуда въ Австрію. Австрійско-баварская армія пошла изъ Богеміи на Майнъ, остановить ихъ; но они перешли Майнъ раньше ея, пошли черезъ Франконію и Вюртембергъ на Дунай, пошли по опустошенной много разъ Баваріи, вновь опустошая ее; Максимилианъ бѣжалъ изъ Мюнхена; они осадили Аугсбургъ. Въ октябрѣ австрійско-баварская армія пришла туда прогнать ихъ.

Опустошеніе Баваріи вновь пробудило въ Максимилианѣ желаніе заключить съ Франціей и Швеціей миръ отдѣльно отъ императора; онъ вступилъ въ переговоры съ ними, и 14 марта (1647 года) было подписано въ Ульмѣ перемиріе. Французы и шведы возвратили Максимилиану занятые ими баварскія области, оставивъ свои гарнизоны въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ; онъ обязался держать своихъ наемниковъ подъ знаменами, чтобъ они могли взять ихъ въ свою службу, когда понадобится. Вскорѣ послѣ того заключили съ Франціей и Швеціей договоры о перемиріи курфирстъ кельнскій, курфирстъ майнцскій, ландграфъ гессенъ-дармштадскій. Императоръ былъ очень ослабленъ отпаденіемъ этихъ союзниковъ, въ особенности сильнѣйшаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, курфирста баварскаго. Онъ негодовалъ на Максимилиана, упрекалъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ. Геленъ въ негодованіи сложилъ съ себя команду; въ душѣ Верта преданность императору боролась съ обязанностью военной вѣрности къ государю, въ службѣ котораго находился онъ; наконецъ, гнѣвъ на измѣнника курфирста превозмогъ, и Вертъ сдѣлался вѣроломнымъ передъ своимъ государемъ. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что баварское войско присягало на вѣрность не одному Максимилиану, но также императору и имперіи; потому онъ могъ считать себя не исключительно баварскимъ, а также императорскимъ генераломъ. Императоръ прислалъ баварской арміи требованіе повиноваться не курфирсту, а ему. Вертъ рѣшился отвести ее въ императорское войско: солдаты были преданы ему; онъ рассчитывалъ, что они пойдутъ за нимъ и сталъ стягивать полки къ богемской границѣ. Но находившіеся при войскѣ комиссары курфирста разгадали его намѣреніе, объяснили войску, что онъ сталъ измѣнникомъ, и войско объявило себя вѣрнымъ курфирсту. Вертъ бѣжалъ въ Богемію. Императоръ сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ своей конницы; Максимилианъ назначилъ награду за его голову и поручилъ команду надъ своимъ войскомъ Гронсфельду.

Главнокомандующимъ императорскаго войска былъ теперь Меландеръ, имперскій графъ фонъ-Гольцаппель, бывший главнокомандующій ландграфини Гессенкассельской. Стратегическій талантъ его заставилъ императора забыть, что онъ реформатъ. Усиливъ армію новыми наемниками, возстановивъ дисциплину въ ней, онъ въ іюнѣ 1647 пошелъ на шведовъ, стоявшихъ въ сѣверной Богеміи и 17 іюля принудившихъ сдать крѣпость Эгеръ. Императоръ сопровождалъ свою армію. Особенныхъ успѣховъ Меландеръ не одержалъ, но въ политическихъ дѣлахъ произошла тогда перемѣна очень выгодная для императора. Максимилианъ не получилъ отъ перемирія той пользы, какой ожидалъ: французы и шведы обращались съ нимъ надменно, и притомъ французы перестали быть страшны ему: ходъ войны въ испанскихъ Нидерландахъ принудилъ французское правительство отозвать Тюренна изъ Германіи, послать туда. Бывшіе наемники Бернгарда не захотѣли идти такъ далеко, въ іюлѣ 1647 прогнали своихъ французскихъ генераловъ, пошли подъ начальствомъ Розена къ графу Кёнигсмарку и поступили въ шведскую службу. Удаленіе Тюренна изъ юго-западной Германіи, успѣхи императорскихъ войскъ въ Швабіи, надменность французовъ и шведовъ, католическій фанатизмъ склонили Максимилиана къ рѣшенію разорвать перемиріе съ еретиками и защитниками еретиковъ: онъ возобновилъ союзъ съ императоромъ (въ сентябрѣ 1647), но вообразилъ, что безъ формальнаго отказа отъ перемирія будетъ оставаться во мнѣніи французовъ сохраняющимъ нейтралитетъ, и можетъ вести войну со шведами, не навлекая на Баварію французскаго нашествія. Разумѣется, Франція объявила ему войну.

Когда баварское войско присоединилось къ императорскому, сражавшемуся со шведами, Врангель былъ принужденъ уйти изъ Богеміи, пошелъ въ Вестфалію. Главнокомандующій императорскихъ и соединенныхъ съ ними баварскихъ войскъ Гольцаппель шелъ за шведами, опустошилъ гессенъ-кассельскія владѣнія; но ссоры съ баварскими генералами и голодъ въ опустошенной землѣ принудили его возвратиться. Врангель набралъ новыхъ наемниковъ въ сѣверо-западной Германіи, соединился съ Тюренномъ, снова перешедшимъ (въ мартѣ 1648) Рейнь у Оппенгейма. Они пошли въ Баварію. Императорская армія съ находившимся при ней баварскимъ войскомъ пошла изъ Гессена остановить ихъ; но они были сильнѣе, Гольцаппель увидѣлъ себя въ необходимости отступать; 17 мая Кёнигсмаркъ со шведской конницей нагналъ его у мѣстечка Цусмарсгаузена (близъ Аугсбурга); армія Гольцаппеля потерпѣла пораженіе, самъ онъ былъ убитъ, разбитая армія отступила за Иннь. Французы и шведы опустошали Баварію, не встрѣчая сопротивленія; поселяне бѣжали въ горы; Максимилианъ уѣхалъ въ Зальцбургъ, называлъ своего главнокомандующаго Гронсфельда измѣнникомъ, велѣлъ арестовать его, на-

значилъ главнокомандующимъ графа Гунольштейна, но дѣла шли все хуже и хуже для баварцевъ и австрійцевъ. Врангель и Тюреннъ думали дойти до Вѣны, и только Иннъ, находившійся тогда въ разливѣ, остановилъ ихъ.—Владѣніямъ императора угрожала опасность и съ сѣвера. Кёнигсмаркъ, любившій отважные, далекіе, быстрые походы, отдѣлился отъ Врангеля и Тюренна, повелъ свою конницу въ Богемію, неожиданно напалъ 5 августа на Прагу, овладѣлъ тою частью города, которая называлась Малой Стороной, взялъ громадную добычу. Но штурмъ его на обведенный особой стѣной другія части Праги, называвшіяся Старымъ городомъ и Новымъ городомъ, былъ отбитъ горожанами, студентами и гарнизономъ. Главный союзникъ императора король испанскій былъ обезсиленъ: принцъ Конде, какъ назывался теперь герцогъ ангенскій, наслѣдовавъ по смерти отца санъ и титулъ главы своей фамиліи, разбилъ 20 августа при Лансѣ (Lens) эрцгерцога Леопольда Вильгельма; фельдмаршалъ Бекъ, бывшій истиннымъ главнокомандующимъ императорско-испанскаго войска, которымъ по имени командовалъ эрцгерцогъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и вся его походная канцелярія была захвачена.—Такимъ образомъ, когда переговоры о мирѣ приближались къ концу, дѣла императора повсюду находились въ очень дурномъ положеніи.

По смерти Гольцаппеля былъ вызванъ изъ испанскихъ Нидерландовъ командовать собраннымъ на защиту императорскихъ владѣній войскомъ Оттавіо Пикколомини, герцогъ Амальфи; помощникомъ его былъ Вертъ, начальствовавшій конницей. Истощенная Австрія уже немогла бы выставить другого войска, если бы уничтожено было это, собранное съ тяжелымъ напряженіемъ всѣхъ силъ. На мѣсто Гунольштейна, баварскимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ Энкевортъ. Французы и шведы, страдавшіе отъ голода, не могли удержаться на Иннѣ, при наступленіи австрійско-баварскаго войска, превосходившаго ихъ числомъ, они отступили къ Изару. Нѣсколько недѣль тянулись маневры и мелкія схватки на этой рѣкѣ, наконецъ 6 октября (1648 года) при Дахау (близъ Мюнхена) разрослось большое сраженіе изъ нападенія, сдѣланнаго Вертомъ и Энкевортомъ на мѣстность, въ которую поѣхали охотиться французскіе и шведскіе генералы. Охотники едва не попались въ плѣнъ, спаслись только тѣмъ, что ускакали по слѣдамъ оленя черезъ глубокое болото. Въ битвѣ, произошедшей изъ этого нападенія на охотниковъ, шведы потерпѣли довольно большой уронъ. Врангель и Тюреннъ ушли изъ Баваріи, преслѣдуемые Вертомъ, который имѣлъ послѣднія схватки съ непріятелемъ въ этой войнѣ.—Баварія была страшно опустошена вторженіемъ Врангеля и Тюренна; баварцы десятки лѣтъ съ ужасомъ вспоминали объ этомъ раззореніи.

Врангель, отступивъ изъ Баваріи, пошелъ въ Богемію, осадилъ Прагу; туда пришелъ съ свѣжими войсками новый шведскій генералиссимусъ пфальцграфъ Карлъ Густавъ, сынъ сестры Густава Адольфа.

Но при всемъ напряженіи силъ, шведы не могли взять Прагу. Императорское войско пошло туда, и послѣднія военныя дѣйствія происходили въ той мѣстности, гдѣ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ началась война. Когда императорское войско приближалось къ шведамъ, пришло въ Богемію извѣстіе, что заключенъ миръ. Врангель, какъ говорятъ, бросилъ въ досадѣ свою генеральскую шляпу наземь и топталъ ее ногами. Наемники всѣхъ армій печалились, что прекратилось время грабежа. Народъ радовался, что возвращается спокойная жизнь, о которой то поколѣніе нѣмцевъ знало только по рассказамъ стариковъ.

Х. ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИРЪ. СОСТОЯНІЕ ГЕРМАНИИ ПОСЛѢ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

1. Заключение мира. Территоріальныя перемѣны и религіозныя отношенія.

Послѣ переговоровъ, тянувшихся годы, конференція пословъ, засѣдавшая въ Гамбургѣ, установила, какъ мы говорили, предварительныя условія мира, назначила мѣста, гдѣ соберутся конгрессы для заключенія окончательнаго мира. Эти конгрессы были открыты въ апрѣлѣ 1645 въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, и послѣ совѣщаній, длившихся три съ половиной года, заключили миръ (24 октября 1648). Дѣло тянулось такъ долго потому, что спорныхъ вопросовъ было очень много, и нѣкоторые изъ нихъ были очень важны; надобно было примирить императора съ нѣмецкими государями, этихъ государей между собою, католиковъ съ протестантами, рѣшить множество территоріальныхъ споровъ, удовлетворить притязаніямъ Франціи и Швеціи на вознагражденіе за военные расходы; кромѣ этихъ споровъ, относившихся къ нѣмецкимъ дѣламъ, надобно было примирить Испанію съ нидерландской республикой, Франціей, Португаліей, Францію съ Лотарингіей, опредѣлить отношенія Швейцаріи къ нѣмецкой имперіи. Это требовало много времени; прійти къ соглашенію было тѣмъ затруднительнѣе, что война продолжалась, и при каждой удачѣ какого нибудь изъ участвовавшихъ въ ней государствъ, требованія его увеличивались. Тогдашній мелочной этикетъ ужъ и самъ по себѣ замедлялъ ходъ совѣщаній, подавая непрерывныя поводы къ пустымъ ссорамъ изъ-за церемоніала сношеній; кровь лилась, а послы и государи ихъ спорили о старшинствѣ, о титулахъ; замедлялись переговоры и тѣмъ, что конгрессъ былъ раздѣленъ на два собранія: въ одномъ, засѣдавшемъ въ Мюнстерѣ, переговоры велись между католическими государ-

ствами при посредничествѣ папы; въ другомъ, засѣдавшемъ въ Оснабрюкѣ, послы протестантскихъ государствъ, которые не могли допустить папскаго посредничества, вели переговоры съ католическими.

Конгрессъ былъ блистателенъ. Замѣчательнѣйшими членами его были: панскій посолъ Фабіо Киджи (впослѣдствіи ставшій папою подъ именемъ Александра VII); посолъ другой посредничающей державы, Венеціи, Контарини; императорскіе послы Іоаннъ Людвигъ графъ нассаускій и Фольмаръ (засѣдавшіе въ Мюнстерѣ, и засѣдавшій въ Оснабрюкѣ) графъ Максъ Траутмансдорфъ, первый министръ Фердинанда, своими умѣренными и разсудительными совѣтами много облегчившій заключеніе мира; французскіе послы графъ Д'Аво, искусный и опытный дипломатъ, надменный Абель Сервьенъ, графъ Де-ла-Рошъ дезъ-Обье, и принцъ крови, герцогъ Лонгвилль, пріѣхавшій на конгрессъ собственно для того, чтобъ авторитетомъ своего высокаго сана примирять споры между Сервьеномъ и Аво, часто ссорившимися; шведскій посолъ графъ Йоганъ Оксенширна, сынъ канцлера, не имѣвшій такихъ высокихъ политическихъ плановъ и такой силы характера, какъ отецъ, но человекъ умный и разсудительный, и Адлеръ Сальвіусъ, ловкій интригантъ. Около этихъ пословъ важнѣйшихъ державъ вертѣлись послы множества крупныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ; католическіе почти всѣ въ Мюнстерѣ, протестантскіе въ Оснабрюкѣ. Французскіе послы играли первыя роли, и французскій языкъ ужь начиналъ становиться органомъ международныхъ сношеній, хотя официальнымъ языкомъ международныхъ договоровъ еще оставался латинскій.

Трактаты были подписаны 24 октября 1648; но послѣ того слишкомъ три мѣсяца прошло въ устраненіи споровъ о подробностяхъ исполненія ихъ условій; наконецъ, 8 февраля 1649 были обмѣнены ратификаціи.—Инокентій X протестовалъ противъ трактата, рѣшившаго религіозные вопросы безъ согласія папы и гарантировавшаго еретикамъ свободу ихъ вѣроисповѣданія, и 3 января 1651 обнародовалъ буллу *Zelo domus Dei*, осуждавшую вестфальскій миръ; въ Германіи было запрещено распространять ее. Іезуиты, мѣшавшіе заключенію мира, стали возбуждать католиковъ нарушить его. Нѣкоторые изъ протестантскихъ членовъ сейма говорили, что надобно уничтожить этотъ вредный орденъ, или по крайней мѣрѣ изгнать его изъ Германіи.

Вестфальскій миръ устанавливалъ очень значительныя территоріальныя измѣненія; притязанія державъ, требовавшихъ увеличенія своихъ владѣній, были удовлетворены главнымъ образомъ посредствомъ секуляризаціи мелкихъ церковныхъ государствъ. Швеція сначала требовала себѣ Силезіи и всей Помераніи; получила западную половину и часть восточной Помераніи, мекленбургскій городъ Висмаръ, владѣніе епископовъ бременскаго и верденскаго (городу Бремену была гарантирована независимость).—Восточную Померанію, кромѣ части, отданной Швеціи, получилъ Бранденбургъ; по

договору съ герцогами померанскими, курфирстъ бренденбургскій долженъ былъ, по прекращеніи ихъ династій, наслѣдовать всю Померанію; въ вознагражденіе за то, что половина ея отдана Швеціи, онъ получилъ архіепископство магдебургское, епископство гальберштадское, минденское и каминское. Городу Магдебургу была оставлена его свобода.—Герцогъ мекленбургъ-шверинскій въ вознагражденіе за Висмаръ получилъ епископства шверинское и рацебургское.—Гессенъ-Кассель за свою вѣрность шведамъ получилъ по настоянію ихъ и французовъ аббатство герсфельдское и графство шаумбургское.—Баварія осталась во владѣніи баварскимъ Пфальцемъ и курфиршескимъ саномъ.—Рейнскій Пфальцъ, для котораго былъ учрежденъ новый (восьмой) курфиршескій санъ, былъ возвращенъ сыну курфирста Фридриха, Карлу Людвигу.—Баденской и вюртембергской династіямъ были возвращены всѣ ихъ владѣнія.—Франція, чрезмѣрностью своихъ требованій долго задерживавшая заключеніе мира, получила формальное признаніе своей фактической власти надъ Мецею, Тулемъ, Верденомъ и бывшими владѣніями ихъ епископовъ, австрійскія владѣнія въ Эльзасѣ и въ Зундгау, крѣпость Брейзахъ, право держать гарнизонъ въ крѣпости Филиппсбургѣ, ландфохтскія права (то есть, права, какія имѣлъ ландфохтъ, намѣстникъ императора) надъ эльзасскими имперскими городами Страсбургомъ, Гагенау, Кольмаромъ, Шлетштадомъ, Вейсенбургомъ, Ландау, Кайзерсбергомъ, Обернгеймомъ, Росгеймомъ, Мюнстеромъ Грегориентальскимъ и Тюркгеймомъ; эти города, епископъ базельскій, эльзасскіе имперскіе графы и рыцари сохранили свою принадлежность къ нѣмецкой имперіи, то есть самоуправленіе. Такимъ образомъ, вестфальскій конгрессъ отдалъ Франціи въ полную собственность не весь Эльзасъ, а только габсбургскія владѣнія въ немъ. Сыновья эрцгерцога Леопольда, которые были наслѣдниками ихъ, получили 3.000.000 талеровъ вознагражденія за ихъ уступку.—Испанія признала независимость нидерландской республики (по особому договору съ нею, 30 января 1648).—Имперія признала полную независимость Швейцаріи, фактически ужь давно существовавшую. Но епископъ базельскій остался членомъ имперіи.—Споры Испаніи съ Франціей и Португаліей, Франціи съ Лотарингіей остались не рѣшены.

Не были рѣшены и тѣ два дѣла, которыя подготовили войну, — дѣла о юлихскомъ наслѣдствѣ и Донаувёртѣ.—Споръ о юлихскомъ наслѣдствѣ былъ поконченъ лишь въ 1666 году соглашеніемъ, по которому бренденбургская династія удержала за собой герцогство клевское и графства маркское и равенсбургское, уступивъ пфальцъ-нейбургской династіи герцогства юлихское и клевское.—Герцогъ баварскій удержалъ подъ своей властью Донаувёртъ, не слушая протестовъ швабскаго округа. Но былъ на вестфальскомъ конгрессѣ рѣшенъ споръ кассельской и дармштадской линій гессенской династіи за наслѣдство послѣ прекратившейся марбургской линіи. Оно было подѣлено между ними.

Вестфальскій миръ постановилъ, что въ Германіи дается амнистія подданнымъ нѣмецкихъ государей за мятежи противъ нихъ, государямъ и другимъ членамъ сейма за войну противъ императора, и что нѣмецкимъ государямъ возвращаются всѣ тѣ владѣнія и права, а ихъ подданнымъ всѣ имѣнья и права, какія принадлежали имъ въ 1618 году (то есть, до начала войны).

По религіознымъ дѣламъ Германіи вестфальскій миръ, утвердивъ пассаускій договоръ и аугсбургскій миръ, постановилъ, что реформаты пользуются всѣми правами, признанными по аугсбургскому миру за послѣдователями аугсбургскаго исповѣданія, и что имперскія дѣла

должны быть ведены на основаніи полной равноправности протестантовъ съ католиками, такъ что въ имперскихъ судахъ, сеймовыхъ депутаціяхъ (комитетахъ, завѣдывавшихъ подготовленіемъ или исполненіемъ рѣшеній имперскаго сейма) и въ другихъ имперскихъ учрежденіяхъ число протестантскихъ членовъ должно быть равно числу католическихъ; чтобъ оградить протестантское меньшинство на имперскихъ сеймахъ отъ подавленія католическимъ большинствомъ, вестфальскій миръ постановилъ, что по религіознымъ вопросамъ и по всѣмъ другимъ дѣламъ, по которымъ члены сейма дѣлятся на религіозныя партіи, рѣшенія одного большинства не имѣютъ силы. Что эти дѣла должны быть рѣшаемы соглашеніемъ между большинствомъ и меньшинствомъ. Споръ о секуляризованныхъ церковныхъ владѣніяхъ былъ рѣшенъ принятіемъ неизмѣнности того положенія, въ какомъ находились они 1 января 1624 года. Этимъ отмѣнялся эдиктъ реституціи, обнародованный императоромъ въ 1629 году. Такимъ образомъ архіепископства магдебургское и бременское, епископства любекское, верденское, гальберштадское, мейсенское, наумбургское, мерзебургское, минденское, шверинское, рацебургское и довольно многія аббатства (то есть, владѣнія церковныхъ сановниковъ, занимавшихъ эти должности) остались въ рукахъ протестантовъ. Но большая часть церковныхъ владѣній была сохранена католическими сановниками; и было постановлено, что если кто изъ нихъ принимаетъ протестантство, то утрачиваетъ свой санъ и государство; этимъ было предотвращено дальнѣйшее ослабленіе католической партіи въ Германіи переходомъ церковныхъ государствъ во власть протестантовъ; потому-то католики и согласились принять такъ называемый «нормальный годъ» (или, точнѣе, первый день нормальнаго года) за основаніе для рѣшенія вопросовъ о секуляризованныхъ церковныхъ владѣніяхъ: отказываясь отъ неудобноисполнимой реакціи, они пріобрѣтали гарантію безопасности уцѣлѣвшихъ церковныхъ государствъ.

Относительно вѣроисповѣданія подданныхъ было также принято нормой положеніе дѣль 1 января 1624; такимъ образомъ католическій государь былъ обязанъ оставлять свободу протестантскаго богослуженія тѣмъ подданнымъ, которые имѣли ее 1 января 1624; такую же неприкосновенность сохраняло католическое богослуженіе во владѣніяхъ протестантскихъ государей, тамъ, гдѣ оно существовало тогда. Государю предоставлялось право выгонять тѣхъ подданныхъ, которые приняли не одинаковое съ его собственнымъ вѣроисповѣданіе послѣ 1 января 1624; но пока онъ не изгонялъ ихъ, онъ не могъ стѣснять ихъ гражданскихъ правъ и свободы ихъ богослуженія.

2. Устройство нѣмецкой имперіи.

Тридцатилѣтняя война фактически разрушила нѣмецкую имперію; императоръ утратилъ всякую власть надъ другими нѣмецкими государствами, сохранилъ дѣйствительную силу лишь какъ государь австрійскихъ владѣній. Каждый нѣмецкій владѣтель сталъ независимымъ государемъ, имперскіе города стали независимыми республиками. Эти безчисленныя государства не хотѣли вступить въ крѣпкую федеративную связь между собой и были лишены элементовъ хорошаго внутренняго устройства. Имперія осталась существующей лишь по имени, и санъ ея главы, императора, былъ лишь почетнымъ титуломъ. Вестфальскій миръ далъ формальное признаніе этому фактически установившемуся положенію дѣлъ. Оно совершенно соотвѣтствовало желаніямъ французскаго правительства: ему удобно было властвовать надъ безсильной Германіей и присоединять къ своему государству сосѣднія части ея. Во Франціи появились ученые, утверждавшіе, что бѣольшая часть Германіи должна принадлежать королю французскому, какъ наслѣднику Карла Великаго, государство котораго простиралось до Эльбы.

Порядокъ дѣлъ, установившійся въ Германіи во время войны и утвержденный написанными подъ вліяніемъ французскаго правительства условіями вестфальскаго мира, сохранялъ за нею имя имперіи; но эта имперія не имѣла ни одного солдата, доходы ея составляли лишь нѣсколько тысячъ гульденовъ.

На словахъ, оставалась центральная власть; она принадлежала императору и имперскому сейму; императоръ не могъ сдѣлать ничего безъ согласія сейма; но и постановленія сейма пріобрѣтали законную силу только по утвержденіи ихъ императоромъ. На самомъ дѣлѣ, и сеймъ и императоръ были одинаково безсильны. Вся фактическая власть въ каждомъ изъ государствъ нѣмецкой имперіи перешла къ его государю. Императоръ лишь назначалъ на нѣкоторыя немногія и неважныя, судебныя и церковныя должности, давалъ право учреждать таможенныя пошлины и чеканить монету тѣмъ изъ мелкихъ государей и маленькихъ имперскихъ городовъ, которые еще не имѣли этихъ привилегій, давалъ титулы бароновъ, графовъ, князей нѣмецкой имперіи, утверждалъ «домашніе», какъ это называлось, законы нѣмецкихъ династій, то есть ихъ распоряженія по своимъ династическимъ дѣламъ; но на многія изъ этихъ распоряженій нужно было согласіе курфирстовъ. Доходы, даваемые имперіей императору, были ничтожны; они не достигали 14.000 гульденовъ.

Сила имперскаго сейма упала вмѣстѣ съ императорской. Прежде, право голоса на сеймѣ принадлежало лицу, такъ что при соединеніи нѣсколькихъ государствъ государь ихъ имѣлъ только одинъ голосъ, при раздѣлѣ государства владѣтель каждой части получалъ голосъ.

Теперь было постановлено, что голосъ принадлежитъ владѣнію, такъ что, приобретаая новое владѣніе, имѣвшее право голоса, государь приобретаетъ второй голосъ и т. д., а при раздѣлѣ владѣнія государи всѣхъ частей его имѣютъ только одинъ голосъ. Сеймъ 1582 года, послѣдній, на которомъ присутствовало много государей или ихъ представителей, былъ принятъ за норму для опредѣленія того, какіе государи имѣютъ право голоса и сколько голосовъ имѣетъ тотъ или другой изъ нихъ. Такимъ образомъ, курфирстамъ пфальцскому и саксонскому было дано по пяти голосовъ. Право императора давать государю голосъ на сеймѣ было очень ограничено; на это требовалось согласіе сейма.

Такимъ образомъ, со времени вестфальскаго мира до революціонныхъ войнъ составъ нѣмецкаго сейма оставался почти неизмѣннымъ. Онъ, при заключеніи мира, былъ таковъ: 1) курфирстская коллегія имѣла восемь членовъ, это были три духовные курфирста: майнцскій, кельнскій и трирскій, три прежніе свѣтскіе курфирста: богемскій, саксонскій и бранденбургскій; курфирстъ баварскій, которому во время войны былъ переданъ санъ курфирста, отнятый у курфирста пфальцскаго, и курфирстъ пфальцскій, возстановленный въ своемъ санѣ при заключеніи мира. Директоръ коллегіи курфирстовъ былъ курфирстъ майнцскій. (Въ 1692 году императоръ далъ санъ курфирста герцогу брауншвейгъ-люнебургскому; сеймъ призналъ его курфирстомъ въ 1708 году; въ томъ же году былъ „вновь допущенъ“, readmittiert, въ курфиршескую коллегію курфирстъ богемскій, у котораго съ очень давняго времени было отнято право голоса; 2) „совѣтъ имперскихъ князей“ раздѣлялся на двѣ „скамьи“, духовную и свѣтскую; къ духовной скамьѣ принадлежали эрцгерцогъ австрійскій и герцогъ бургонскій (это одна изъ множества странностей государственнаго права нѣмецкой имперіи), архіепископъ безансонскій (бывшій членомъ имперскаго сейма только по титулу), гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена, двадцать одинъ владѣтельный епископъ, имѣвшій титулъ князя, девять владѣтельныхъ аббатовъ, тоже имѣвшихъ княжескій титулъ; эти члены духовной скамьи каждый имѣли свой особый голосъ (Virilstimme); кромѣ того, было два „куріальные“ голоса: одинъ принадлежалъ „куріи“ швабскихъ, другой куріи рейнскихъ прелатовъ (то есть, тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли личнаго голоса). Президентами духовной скамьи были поочередно эрцгерцогъ австрійскій и архіепископъ зальцбургскій. На свѣтской скамьѣ сидѣли: государи младшихъ линій курфиршескихъ домовъ, другіе герцоги, маркграфы и князья въ тѣсномъ смыслѣ слова (Fürsten); протестантскіе государи секуляризованныхъ архіепископствъ и епископствъ; кромѣ того, въ совѣтѣ князей были четыре графскія скамьи, имѣвшія каждая одинъ куріальный голосъ: скамьи графовъ веттераускихъ, швабскихъ, франконскихъ и вестфальскихъ. Число голосовъ въ совѣтѣ князей измѣнялось отъ времени до времени; вообще ихъ было около ста; изъ нихъ около 55 были католики, твердые въ усердіи къ своему вѣроисповѣданію. 3) Коллегія имперскихъ городовъ дѣлилась на двѣ скамьи, рейнскую и швабскую; число имперскихъ городовъ было 51; каждый имѣлъ особый голосъ. Директорство принадлежало тому городу, въ которомъ заседалъ сеймъ; потому въ послѣдствіи всегда Регенсбургу. Прежде коллегія городовъ имѣла только консультативный голосъ (то есть, ея вотированія были только заявленіями совѣтовъ двумъ высшимъ отдѣламъ сейма); по вестфальскому миру она получила делиберативный голосъ (то есть, согласіе большинства ихъ стало необходимо для постановленія рѣшеній сейма).

Созывать сеймъ было правомъ императора; при открытіи засѣданій сейма, въ него вносились императорскія „предложенія“, Propositionen. Но сеймъ не былъ обязанъ держаться порядка ихъ въ своихъ совѣщаніяхъ, и каждый членъ имѣлъ право самъ дѣлать предложенія. Каждая изъ трехъ коллегій сейма совѣщалась и вотировала отдѣльно. Курфирстская и княжеская коллегіи въ случаѣ разногласія старались дойти до соглашенія между собой посредствомъ „отношеній“ (Relation) и „соотношеній“ (Correlation). Когда имъ удавалось дойти до общаго рѣшенія, онѣ сообщали его коллегіи городовъ; при ея согласіи, ихъ проектъ становился „мнѣніемъ сейма“ (Reichsgutachten); утвержденіе императоромъ обращало „мнѣніе“ въ „имперское рѣшеніе“, Reichsbeschluss. Эти рѣшенія при обнародованіи получали названіе „имперскаго заключительнаго акта“, Reichsabschied. Для рѣшенія сейма нужно было согласіе всѣхъ трехъ коллегій; если одна изъ нихъ не соглашалась съ двумя другими, дѣло оставалось нерѣшеннымъ. Каждая коллегія принимала свои рѣшенія по большинству голосовъ, за исключеніемъ трехъ разрядовъ дѣлъ, веденіе которыхъ опредѣлялось особыми правилами; это были, во первыхъ, религіозныя дѣла, во вторыхъ всѣ тѣ дѣла, по которымъ католики имѣли одно мнѣніе, протестанты другое, или, какъ это называлось, тѣ дѣла, по которымъ происходило раздѣленіе на партіи (itio in partes); такимъ образомъ предотвращалось угнетеніе протестантскаго меньшинства сейма большинствомъ. Третій разрядъ составляли дѣла о личныхъ правахъ одного изъ членовъ сейма; они рѣшались также не большинствомъ голосовъ, а соглашеніемъ между защитниками и противниками предложеннаго постановленія.

Для веденія тѣхъ дѣлъ, которыя требовали быстроты, сеймъ издавна назначалъ комитеты, называвшіеся депутаціями. До Тридцатилѣтней войны, депутаціи составлялись обыкновенно изъ всѣхъ курфирстовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ членовъ. Вмѣсто этихъ „обыкновенныхъ имперскихъ депутацій“, ordentliche Reichsdeputationen, сеймъ сталъ съ 1662 назначать всѣхъ членовъ депутаціи по своему выбору; но въ дѣлахъ религіозныхъ или дѣлившихъ сеймъ на партіи по вѣроисповѣданіямъ, было избираемо въ депутацію равное число католическихъ членовъ и протестантскихъ.

Съ 1663 года имперскій сеймъ оставался засѣдающимъ непрерывно; это произвело важную перемѣну въ его значеніи: государи перестали лично присутствовать на немъ, замѣнили себя постоянными представителями, которые назывались послами. Послы дѣйствовали по инструкціямъ, не имѣли полномочій подавать голосъ по дѣламъ, не предусмотрѣннымъ въ инструкціяхъ, должны были по всякому такому дѣлу ждать новыхъ инструкцій. Понятно, какъ тяжелъ и медлителенъ сталъ ходъ дѣлъ на сеймѣ, имѣвшемъ около 300 членовъ, большею частью равнодушныхъ къ общему благу. Рѣдко случалось, чтобы какое нибудь важное дѣло было доводимо сеймомъ до конца; а если онъ и принималъ рѣшеніе, то государи не исполняли его; они презирали сеймъ и многіе изъ нихъ перестали назначать пословъ для присутствія въ немъ.

Имперская судебная власть находилась въ такомъ же разстройствѣ и безсиліи, какъ законодательная и правительственная. У cadaго изъ членовъ сейма были свои собственные трибуналы, судившіе его подданныхъ. Вѣдомству имперскихъ судилищъ по уголовнымъ дѣламъ подлежали только такъ называемые «непосредственные подданные имперіи», Reichsunmittelbare, да и то лишь по апелляціи отъ трибуна-

ловъ государствъ, внутри которыхъ лежали ихъ земли. Подданные государей, *mittelbare*, вовсе не могли по уголовнымъ дѣламъ апеллировать къ имперскимъ судамъ; да и по гражданскимъ дѣламъ процессы ихъ велись въ первой инстанціи трибуналами ихъ государей, передавать свои тяжбы въ имперскіе суды они могли только апелляціей; но это относилось лишь къ подданнымъ мелкихъ государей; всѣ крупные государи имѣли «привилегію безапелляціоннаго суда», *privilegium de non appellando*, такъ что имперскіе трибуналы вовсе не могли принимать на свое разсмотрѣніе никакихъ судебныхъ дѣлъ въ ихъ государствахъ. Даже и въ дѣлахъ, подлежащихъ имперскимъ судамъ, они были безсильны по своему разстроенному положенію.

Имперскій камеральный судъ долженъ былъ имѣть равное число католическихъ и протестантскихъ членовъ (ассессоровъ); они были назначаемы государями; императоръ назначалъ только президента и двухъ членовъ. Съ 1689 до самаго разрушенія нѣмецкой имперіи этотъ судъ засѣдалъ въ Вецларѣ. Число членовъ его никогда не было полнымъ; жалованье никогда не выдавалось имъ исправно; они брали взятки; безъ взятокъ не имѣли охоты заниматься дѣлами, и число нерѣшенныхъ процессовъ накоплялось тысячами за тысячами. По временамъ назначались визитаціи (ревизіи); но визитаторы утомлялись безконечной работой ревизіи, и бросали ее, не сдѣлавъ ничего.—Имперскій придворный совѣтъ (то есть, судъ), находившійся въ Вѣнѣ, имѣлъ юрисдикцію, конкурирующую съ юрисдикціей имперскаго камеральнаго суда (то есть, одинаковый съ нимъ кругъ вѣдомства, такъ что процессы могли быть вносимы истцомъ или апеллирующимъ безразлично въ тотъ или другой трибуналъ). Но онъ находился въ полной зависимости отъ императора, которымъ были назначаемы всѣ члены его, потому не пользовался въ Германіи ни малѣйшимъ довѣріемъ, и никто, кромѣ австрійскихъ подданныхъ, не вносилъ въ него своихъ процессовъ. Кромѣ юрисдикціи, конкурирующей съ вѣдомствомъ имперскаго камеральнаго суда, онъ имѣлъ и свою особенную: исключительно ему были подсудны дѣла итальянскихъ подданныхъ австрійской династіи, дѣла объ отнятій имперскихъ леновъ и уголовные процессы непосредственныхъ подданныхъ имперіи. Нѣкоторые процессы были подсудны только имперскому сейму; въ томъ числѣ, всѣ важные уголовные процессы противъ сильныхъ членовъ сейма.

Но самой печальной стороною имперскаго устройства была военная часть. Имперія вовсе не имѣла собственнаго войска. Когда она объявляла войну, то формировалась имперская армія, составлявшаяся изъ контингентовъ, присылаемыхъ въ нее членами имперіи; эти отряды были вооружены не одинаково, не имѣли дисциплины, солдаты ихъ были новобранцы, не обученные военному дѣлу; они были непріязнены между собою подобно своимъ государямъ; единства команды въ арміи не было; она служила посмѣшищемъ, была жалкимъ сбродомъ буйной, трусливой сволочи. По рѣшенію сейма 1681 года имперская армія въ «простомъ штатѣ» (*im Simplum*) должна была состоять изъ 40.000 человекъ, въ томъ числѣ 28.000 пѣхоты и 12.000 конницы;

эта цифра распредѣлялась между округами имперіи, каждый округ распредѣлялъ свою цифру между составляющими его государствами. При началѣ войны сеймъ рѣшалъ, простой ли штатъ арміи надо выставить въ поле, или двойной, тройной. Главнокомандующаго назначали по соглашенію между собой императоръ и имперскій сеймъ; другихъ начальниковъ назначали государства, сообразно величинѣ своихъ контингентовъ; контингенты мелкихъ государствъ были очень малы; много такихъ контингентовъ соединялось въ одинъ полкъ, и начальники его были офицеры разныхъ правительствъ.—По вестфальскому миру, императору было запрещено строить новыя крѣпости или исправлять ужь существовавшія имперскія крѣпости во владѣніяхъ другихъ нѣмецкихъ государей или ставить въ нихъ свои гарнизоны. Такимъ образомъ, осталось наконецъ только двѣ имперскихъ крѣпости, Кель и Филинсбургъ, и обѣ находились въ самомъ жалкомъ положеніи. Императоръ не могъ ни объявлять войну, ни заключать миръ безъ согласія сейма.

Финансы имперіи тоже находились въ совершенномъ упадкѣ. Она не имѣла, можно сказать, никакихъ доходовъ. Когда представлялась надобность, имперскій сеймъ назначалъ сборъ временнаго налога. Размѣръ налога считался по единицамъ, называвшимся «римскими мѣсяцами». Когда Карлъ V отправлялся въ 1521 году въ Римъ короноваться въ императорскій санъ, имперія дала ему для этого похода денежное пособіе, которое должно было выдаваться по-мѣсячно. Раскладка взносовъ по государствамъ нѣмецкой имперіи, сдѣланная тогда, осталась навсегда нормой раскладки имперскихъ временныхъ налоговъ; по заглавію списка раскладки, за ними и сохранилось названіе римскихъ мѣсяцевъ. Раскладка была и первоначально, въ 1521 году, произведена неточно и несправедливо; чѣмъ дальше, тѣмъ несправедливѣе становилась эта норма, потому что съ обѣднѣвшихъ государствъ требовалась такая же дань общей суммы налога, какая была опредѣлена, когда они были богаты, съ разбогатѣвшихъ такая же, какъ прежде, когда они были бѣдны. Несоотвѣтственность раскладки съ денежными средствами облагаемыхъ служила источникомъ жалобъ; имперскій сеймъ все собирался, но до самаго разрушенія имперіи не собрался замѣнить устарѣлую, несправедливую норму раскладки новой. Римскій мѣсяць долженъ былъ составлять 128.000 гульденовъ; но хорошо было и то, когда собиралось 50.000. Имперскій сеймъ не имѣлъ средствъ взыскивать налогъ съ государей и городовъ; платили только стыдившіеся не уплатить; сильные государи обыкновенно подавали другимъ примѣръ пренебреженія къ денежнымъ требованіямъ имперскаго сейма.

Разсудительныя понятія о нѣмецкомъ государственномъ правѣ появились въ Германіи очень поздно. Нѣмецкіе публицисты очень долго продолжали держаться средневѣковой теоріи, что нѣмецкій импера-

торъ—преемникъ римскихъ императоровъ, неограниченный владыка всемірной монархіи; они продолжали толковать это и тогда, когда власть императора надъ нѣмецкими государями ужь давно стала чисто номинальной, санъ его давно сталъ пустымъ титуломъ. Воображая нѣмецкаго императора преемникомъ римскихъ, нѣмецкую имперію продолженіемъ римской, нѣмецкіе юристы считали римскіе законы законами для нѣмецкой имперіи, считали источниками нѣмецкаго права не законы, установленные нѣмецкимъ сеймомъ и не историческіе факты, а Юстиніановъ кодексъ и комментаріи глоссаторовъ. Они разсуждали о нѣмецкомъ государственномъ устройствѣ на основаніи устройства римской имперіи, переносили неограниченную власть цезарей на безсильнаго нѣмецкаго императора, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, считали имперскій сеймъ сенатомъ, областныхъ государей—префектами или намѣстниками.

Петеръ Андло, жившій въ половинѣ XV вѣка, и считающійся основателемъ научной разработки нѣмецкаго государственнаго права, воображаетъ, по средневѣковой теоріи, нѣмецкаго императора неограниченнымъ владыкой имперіи. Стремленіе Карла V подавить протестантовъ подало первый поводъ къ серьезному изслѣдованію законныхъ предѣловъ императорской власти, къ научному разъясненію законныхъ правъ нѣмецкихъ областныхъ государей, которыхъ хотѣлъ подчинить своему произволу императоръ. Около того же времени началось и практическое разъясненіе нѣмецкаго государственнаго права рѣшеніями имперскаго камеральнаго суда, основанными на постановленіяхъ имперскаго сейма и историческихъ фактахъ. Важнымъ пособіемъ для развитія правильныхъ юридическихъ воззрѣній была дѣятельность гуманистовъ, замѣнявшая средневѣковыя фантазіи научными понятіями. Подъ вліяніемъ гуманизма, между нѣмецкими юристами появились люди, разсудившіе, что Юстиніановъ кодексъ и глоссы Бартола и Бальда не законы нѣмецкой имперіи. Съ началомъ XVII вѣка возникаетъ рядъ руководствъ къ изученію нѣмецкаго государственнаго права, въ которыхъ сквозь хламъ средневѣковыхъ фальшивыхъ понятій пробивается правильное воззрѣніе на учрежденія нѣмецкой имперіи. Книхенъ и Регнеръ Сикстинъ доказывали, что областные государи имѣютъ самостоятельныя права, независимыя отъ произвола императора. Преемникъ ихъ, Паурмейстеръ (род. въ 1553, ум. въ 1608), истинный основатель науки нѣмецкаго государственнаго права, въ своемъ трактатѣ *De jurisdictione imperii Romani*, „О юрисдикціи римской имперіи“ (то есть нѣмецкой имперіи), изложилъ нѣмецкое государственное право на основаніи нѣмецкихъ, а не римскихъ законовъ. Начатое имъ дѣло продолжалъ Доминикъ Арумей (род. въ 1579, ум. въ 1637). Одинъ изъ учениковъ Арумея, Іоаннъ Лимней (род. въ 1592, ум. въ 1663), получившій названіе оракула государственнаго права, *oraculum in jure publico*, въ своемъ руководствѣ къ изученію нѣмецкаго государственнаго права неуклонно проводитъ мысли, что источникъ его исключительно нѣмецкіе законы и обычаи, что императорская власть ограничена сеймомъ. Но даже и послѣ вестфальскаго мира находились публицисты, говорившіе, по старинной фантастической теоріи, о неограниченности императорской власти.

Противъ этихъ публицистовъ написалъ Ипполитъ а Лалиде (*Hippolitus a Lapide*) свое знаменитое сочиненіе *De ratione status in imperio nostro Romano—Germanico* („О государственномъ устройствѣ нашей Римско-германской имперіи“), изданное во время войны, въ 1640 году. Онъ рѣзко выставляетъ на

видъ тѣ бѣдствія, которымъ подвергло Германію и всю Европу властолюбіе габсбургской династіи, призываетъ нѣмецкихъ и иностранныхъ государей отмстить Габсбургамъ, спасти Германію отъ порабощенія ими. Онъ доказываетъ, что верховная власть въ нѣмецкой имперіи принадлежитъ имперскому сейму, что права нѣмецкихъ государей не зависятъ отъ императорскаго произвола, что императорскій санъ давно сталъ по закону только почетнымъ титуломъ, но что австрійская династія стремится попраť законныя права нѣмецкихъ государей и на развалинахъ законнаго устройства основать свой деспотизмъ, что для спасенія Германіи необходимо изгнать изъ нея австрійскую династію. Эта книга произвела очень сильное впечатлѣніе. Говорили, что потеря большого сраженія не повредила-бъ австрійской династіи столько, какъ она. Постановленія вестфальскаго конгресса составлены подъ ея вліяніемъ. Hippolitus a Lapide — псевдонимъ; авторомъ книги былъ, какъ теперь доказано, Богиславъ Филиппъ фонъ Кемницъ (Ипполитъ — передѣлка имени Филиппъ; A Lapide — латинскій переводъ фамиліи фонъ Кемницъ, происходящей отъ славянскаго слова „камень“). Филиппъ фонъ Кемницъ родился въ Штеттинѣ, въ 1605 году, достигъ высокихъ должностей въ голландской, потомъ въ шведской службѣ и получилъ въ Швеціи санъ королевскаго совѣтника и исторіографа, и умеръ въ 1678. Онъ написалъ подробную исторію шведской войны въ Германіи, очень основательную, хотя не чуждую пристрастія къ шведамъ.

По направленію сходенъ съ книгою Ипполита а Лاپиде, но по тону спокойнѣе ея небольшой трактатъ „Объ устройствѣ нѣмецкой имперіи“, изданный въ 1667 году Пуфендорфомъ подъ псевдонимомъ Северина де Монцамбано; это краткій очеркъ положительнаго нѣмецкаго права, излагающій его безъ всякихъ увлеченій. Авторъ говоритъ, что нѣмецкая имперія не монархія и не аристократическое государство, и вообще не подходитъ ни подъ одну изъ формъ государственнаго устройства, перечисляемыхъ Аристотелемъ, что она — единственное въ своемъ родѣ „чудовище“, monstrum, но болѣе всего похожа на федерацію независимыхъ государствъ. Пуфендорфъ очень отчетливыми чертами обрисовываетъ развитіе независимости нѣмецкихъ областныхъ государей, фактическія отношенія ихъ къ центральной власти, предѣлы правъ императора и имперскаго сейма, раскрываетъ съ проникающей истинно-государственнаго человѣка дурныя стороны устройства нѣмецкой имперіи и указываетъ средства исправить ея положеніе.

Книги Ипполита а Лاپиде и Северина де Монцамбано, возбудили злобныя нападеныя приверженцевъ фантастической теоріи о безграничной власти императора; брань ихъ была тѣмъ ожесточеннѣе, что ничего дѣльнаго не могли они возразить.

Годами пятнадцатью послѣ книги Ипполита а Лاپиде, годами двѣнадцатью раньше маленькаго трактата Монцамбано, издалъ свою прекрасную книгу „Нѣмецкое областное государство“ (Deutscher Fürstenstaat) Вейтъ Лудвигъ фонъ Зекецдорфъ, тайный совѣтникъ (министръ) герцога готскаго Эрнста Благочестиваго. Во времена неограниченной власти государей, онъ даетъ имъ совѣтъ умѣренно пользоваться своею властью, уважать права сеймовъ и свободу подданныхъ.

Положеніе, которое получили въ международномъ правѣ нѣмецкіе областные государи по вестфальскому миру разъяснилъ Лейбницъ въ небольшомъ трактатѣ, который написалъ онъ по поводу неймегенскаго мира и издалъ въ 1677 году подъ псевдонимомъ, показывавшимъ, что авторъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ защищаетъ законныя правила и императора и областныхъ государей: „О верховной власти нѣмецкихъ государей и о правѣ ихъ имѣть посольства при иностранныхъ дворахъ, Цезарина Фурстенерія“, Caesarini Furstenerii de jure suprematus ac legationis principum Germaniae (Caesarinus—

приверженецъ цезаря, императора; Furstenerius, отъ слова Fürsten, „областные государи“, приверженецъ областныхъ государей). Основаніемъ своихъ выводовъ онъ ставитъ свою собственную теорію нѣмецкаго государственнаго права, о которой должно впрочемъ сказать, что въ ней больше гипотетическаго, чѣмъ исторически безспорнаго. Онъ различаетъ отъ той правительственной власти, которая принадлежитъ всѣмъ членамъ нѣмецкой имперіи, высшую державную власть, которую называетъ супреметамомъ, и которая по его мнѣнію принадлежитъ только наиболѣе значительнымъ областнымъ государямъ, какъ, напримѣръ, курфирстамъ и другимъ государямъ старыхъ, сильныхъ династій; только они имѣютъ эту высшую державную власть; важнѣйшія права ея состоятъ въ томъ, чтобъ имѣть свою армію и содержать посольства при иностранныхъ дворахъ, вообще принимать самостоятельное участіе въ международныхъ дѣлахъ; эти нѣмецкіе государи должны считаться такими же независимыми, какъ государи иностранныхъ державъ.

Во всѣхъ этихъ трактатахъ преобладала политическая тенденція; Германъ Конрингъ проложилъ путь къ строго-научной разработкѣ нѣмецкаго права. Въ своемъ знаменитомъ трудѣ „О происхожденіи нѣмецкаго права“, De origine juris Germanici, онъ доказалъ, что римское право никогда не было введено законодательнымъ порядкомъ въ Германіи, что оно служило только такъ называемымъ субсидіарнымъ правомъ, то есть, пособіемъ для рѣшенія вопросовъ, не разрѣшенныхъ нѣмецкими законами, да и то лишь съ половины XV вѣка; что поэтому оно не имѣетъ силы закона въ Германіи, и въ частности не можетъ быть примѣняемо къ нѣмецкимъ дѣламъ та часть его, которая говоритъ о государственномъ устройствѣ. Конрингъ разъясняетъ характеръ нѣмецкихъ государственныхъ учреждений не римскимъ правомъ, а изслѣдованіемъ нѣмецкихъ законовъ и обычаевъ. Между тѣмъ какъ онъ въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ разработывалъ исторію нѣмецкаго права и при помощи ея опредѣлялъ характеръ современнаго ему государственнаго устройства, Гуго Гроцій положилъ основаніе разработкѣ общихъ принциповъ государственнаго права; трудъ Гроція много помогъ развитію правильныхъ понятій о нѣмецкихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

3. Нѣмецкія областныя государства. Бранденбургъ до Великаго курфирста.

Межъ тѣмъ какъ центральная власть падала, власть областныхъ государей возвышалась, и по вестфальскому миру была формально признана неограниченною. Онъ гарантировалъ неприкосновенность державныхъ правъ областныхъ государей, сдѣлалъ ихъ почти независимыми отъ императора и сейма. На дѣлѣ ужъ давно было такъ; вестфальскій миръ лишь далъ формальное утвержденіе существующему положенію дѣлъ. Императоръ долго не соглашался на то, чтобъ иностранныя державы вмѣшались въ рѣшеніе вопросовъ объ устройствѣ нѣмецкой имперіи; но принужденъ былъ уступать требованію Франціи и Швеціи, чтобы свобода членовъ «нѣмецкой имперіи», какъ называлась независимость областныхъ государей отъ центральной власти, была поставлена подъ ихъ защиту. Имперскіе города были сравнены

по своимъ державнымъ правамъ съ государями, была гарантирована независимость и тѣхъ членовъ нѣмецкой имперіи, которые не имѣли голоса на имперскомъ сеймѣ; это были такъ называемые «непосредственные и имперскіе рыцари», землевладѣльцы знатныхъ фамилій, неподвластные областнымъ государямъ, но неимѣвшіе титула имперскихъ графовъ; подъ то же правило подошли и получили державныя права уцѣлѣвшія въ Швабіи «имперскія селенія». — По требованію Франціи и Швеціи, было внесено въ вестфальскій трактатъ формальное заявленіе, что къ числу правъ державной власти членовъ нѣмецкой имперіи принадлежитъ и право заключать договоры между собой и съ иностранными державами; была прибавлена оговорка, что эти договоры не должны быть направлены противъ императора и имперіи; но она не имѣла практическаго смысла; нѣмецкая имперія формально обратилась въ конфедерацію независимыхъ государствъ.

Получивъ формальное признаніе своей независимости отъ императора, областные государи упрочили за собой неограниченную власть надъ подданными. Въ тѣ времена всѣми династіями былъ принятъ принципъ нераздѣльности государства и наслѣдованія по линіи первородства; такимъ образомъ, нѣмецкія государства перестали уменьшаться въ объемѣ; и очень многіе государи стали держать себя по примѣру монарховъ великихъ государствъ, на которыхъ походили теперь своими отношеніями къ родственникамъ, поставленнымъ въ полную зависимость отъ нихъ и своей абсолютной властью надъ подданными. Съ XVII вѣка значеніе сеймовъ въ областныхъ государствахъ стало падать. Государи издавали законы, не спрашивая ихъ согласія, созывали ихъ только въ случаяхъ необходимости установить новые налоги, потому что для введенія новаго налога было еще нужно областному государю согласіе сейма его государства. По прежнему порядку дѣль, государственные доходы и расходы находились подъ контролемъ сейма. Областные государи старались освободиться отъ этого стѣсненія, но еще не успѣли уничтожить его. Сеймъ былъ обязанъ давать государю только то, что необходимо для обороны государства (или, въ случаѣ имперской войны, для обороны имперіи); исполнять или не исполнять просьбы государя о деньгахъ на личныя его надобности зависѣло отъ воли сейма. Но съ упадкомъ силы областныхъ сеймовъ, ихъ сопротивленіе желаніямъ государей прекратилось, они стали давать деньги по всякимъ требованіямъ государей. Соглашаться на установленіе новыхъ налоговъ было тѣмъ легче для областныхъ сеймовъ, что прелаты и дворяне, составлявшіе два изъ трехъ отдѣловъ областного сейма, были почти совершенно свободны отъ налоговъ, слѣдовательно не имѣли интереса противорѣчить денежнымъ требованіямъ государя. Вся тяжесть налоговъ падала на горожанъ и поселянъ и дѣлалась тѣмъ обременительнѣе, чѣмъ роскошнѣе становилась жизнь государей и вельможъ, чѣмъ больше денегъ требовала

постоянно развивавшаяся система бюрократического управленія, все увеличившая число чиновниковъ; административные расходы росли; но еще тяжелее ихъ для населенія были издержки на пышность дворовъ, при безразсудномъ подражаніи нѣмецкихъ государей, сравнительно мелкихъ, французскому королю въ великолѣпніи его дворцовыхъ построекъ, придворнаго штата, непрерывныхъ праздниковъ.—Итакъ, въ первое время послѣ вестфальскаго мира нѣмецкіе государи еще оставались, хотя по формѣ, стѣснены контролемъ своихъ сеймовъ; но скоро почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ сеймы вовсе перестали существовать; а тамъ, гдѣ были хоть изрѣдка созываемы, какъ въ герцогствѣ вюртембергскомъ, курфиршетствѣ саксонскомъ, герцогствѣ брауншвейгскомъ, герцогствахъ мекленбургскихъ (имѣвшихъ одинъ общій сеймъ), это было дѣлаемо лишь для соблюденія старинной формальности; эти сеймы въ сущности вовсе и не совѣщались ни о чемъ, а только заявляли свое согласіе съ желаніями государей.—Средствомъ для установленія абсолютизма областныхъ государей служило постоянное войско, состоящее изъ наемниковъ; до Тридцатилѣтней войны въ Германіи почти вовсе не было постоянныхъ войскъ; послѣ нея, всѣ государи содержали ихъ.

Довольно многія нѣмецкія областныя государства имѣли величину, достаточную для того, чтобы у правительства были денежные средства ввести правильную администрацію. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ она и была введена, это должно сказать о Бранденбургѣ, Баваріи, Вюртембергѣ, о государствахъ саксонской, гессенской и брауншвейгской династій. Въ послѣдніе годы Тридцатилѣтней войны и въ первыя десятилѣтія послѣ нея было довольно много очень хорошихъ государей; назовемъ изъ нихъ Фридриха Вильгельма бранденбургскаго, называемаго Великимъ курфирстомъ, Эрнста Благочестиваго герцога саксенъ-готскаго, Георга II герцога гессенъ-дармштатскаго, курфирста майнцаго Іоанна Филиппа фонъ-Шёнборна, Августа герцога брауншвейгъ-вольфенбюттельскаго; но и они не могли изгладить бѣдствій, произведенныхъ войной; оставались опустошенными ихъ земли, а преемники ихъ забыли заботливость объ улучшеніи жизни раззоренныхъ подданныхъ; въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ не было ея и въ первое время послѣ войны. Вообще, это была эпоха безграничнаго абсолютизма, подражанія Людовику XIV, тщеславной расточительности и безжалостнаго угнетенія подданныхъ. Но въ крупныхъ государствахъ все таки существовала, какъ мы говорили, хотя правильная администрація. Въ мелкихъ не было и того. А больше, чѣмъ половина нѣмецкаго народа жила въ мелкихъ государствахъ, гдѣ произволъ и безпорядокъ не имѣли никакихъ стѣсненій себѣ. Таковы были владѣнія имперскихъ рыцарей; они группировались по Рейну и въ юго-западной Германіи; ихъ было больше тысячи. Ихъ владѣтели были господа имѣній, съ безусловной властью надъ посе-

лянами; нѣкоторые занимались хозяйствомъ или служили; но большинство только пьянствовало и развратничало, угнетая своихъ подданныхъ произвольными поборами. Не лучше того было въ имперскихъ графствахъ, множество которыхъ находилось въ швабскомъ, верхне-рейнскомъ, франконскомъ, вестфальскомъ округахъ. Имперское графство обыкновенно имѣло лишь нѣсколько квадратныхъ миль величины, нѣсколько тысячъ человѣкъ населенія. Большинство владѣтелей такихъ государствъ стремилось поравняться пышностью двора съ сосѣдними государями большихъ областей, было обременено долгами и угнетало своихъ подданныхъ всевозможными налогами и притѣсненіями. Во владѣніяхъ духовныхъ государей тоже, вообще говоря, господствовало угнетеніе. Имперскіе аббаты были выбираемы, такъ же какъ и каноники епископскихъ капитуловъ, какъ имперскіе епископы, исключительно изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій; почти всѣ они смотрѣли на свои должности лишь какъ на доходныя мѣста, пользовались своей властью единственно для выгоды себѣ и своимъ фамиліямъ, никакой заботы о благѣ подданныхъ не было почти ни у кого изъ нихъ. То же самое относится и къ духовнымъ курфирстамъ. Населеніе духовныхъ государствъ было самой бѣдной частью нѣмецкаго народа, хотя они лежали въ самыхъ плодородныхъ областяхъ Германіи; нравственное и матеріальное угнетеніе сдѣлало ихъ подданныхъ невѣжественными, апатичными; и только при своемъ привычномъ тупомъ равнодушіи къ страданіямъ эти несчастные могли выносить свою тяжелую судьбу. — Имперскіе города не могли оправиться отъ бѣдствій, нанесенныхъ имъ Тридцатилѣтней войной; энергія нѣмецкихъ горожанъ была на-долго подавлена ею. Торговля ганзейскихъ городовъ перешла въ руки англичанъ, голландцевъ, датчанъ; городъ за городомъ выходилъ изъ ганзейскаго союза, и наконецъ въ немъ остались только Гамбургъ, Любекъ и Бременъ. Тѣ имперскіе города, которые были далеко отъ моря, упали еще ниже приморскихъ: торговля, промышленность, бодрость духа населенія ихъ были подавлены; прежніе центры богатства, образованности, патріотизма, разумной политической дѣятельности, они стали глухими городами, не интересующимися ничѣмъ, кромѣ своихъ мелочныхъ внутреннихъ интригъ. Даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые прежде были сильными, въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ, Кёльнѣ, политическая жизнь замерла. Даже имъ трудно было охранять свою независимость отъ возростающей силы сосѣднихъ государей. Многіе изъ имперскихъ городовъ были послѣ вестфальскаго мира покорены сосѣдними государями. Такъ, напримѣръ, Мюнстеръ былъ покоренъ въ 1661 году владѣтельнымъ епископомъ мюнстерской области Берингардомъ фонъ-Галеномъ, Эрфуртъ въ 1664 курфирстомъ Майнцскимъ, Магдебургъ въ 1666 курфирстомъ бранденбургскимъ, Брауншвейгъ въ 1671 герцогомъ брауншвейгскимъ. Бременъ съ трудомъ отбивался отъ напа-

деній короля шведскаго, Кёльнъ отъ нападеній курфирста кёльнскаго.

Печальное разстройство національной жизни Германіи ярко проявляется въ событіяхъ временъ, слѣдовавшихъ за вестфальскимъ миромъ; мы увидимъ это въ разсказѣ о нихъ; теперь приведемъ лишь очеркъ исторіи бранденбургско-прусскаго государства, могущество котораго постоянно росло послѣ вестфальскаго мира и наконецъ объединило всю Германію, кромѣ владѣній австрійской династіи.

Герцогство прусское не долго оставалось особымъ государствомъ. Первый герцогъ прусскій, Альбрехтъ, происходившій изъ франконской линіи Гоэнцоллернскаго дома, былъ человѣкъ безхарактерный; не довѣряя сановникамъ прежней орденской аристократіи, принявшимъ, подобно ему, протестантство и сдѣлавшимся основателями вельможескихъ фамилій, онъ окружилъ себя людьми, пріѣхавшими къ нему изъ другихъ нѣмецкихъ земель; эти совѣтники владычествовали надъ нимъ; сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ авантюристъ Скаличъ (или, какъ нѣмцы произносятъ, Скалихъ, читая по своей орфографіи его славянскую фамилію Skalich), называвшій себя потомкомъ итальянской династіи Делла Скала. Наглость фаворитовъ Альбрехта вывела наконецъ изъ терпѣнія прусское дворянство, оно обратилось съ просьбой о защитѣ къ сюзерену герцогства прусскаго, королю польскому. По повелѣнію короля совѣтники герцога были преданы суду; Скаличъ бѣжалъ; трое другихъ были казнены. Преобладающее вліяніе на дѣла получила прусская аристократія, постоянно ссорившаяся съ герцогомъ. Она была надменна и сурова; управленіе государствомъ подъ ея владычествомъ было не лучше прежняго. Альбрехтъ, дряхлый старикъ, ослабѣвшій умомъ, умеръ въ 1568 году. Ему наслѣдовалъ 15-лѣтній сынъ Альбрехтъ Фридрихъ. — Право наслѣдовать прусской династіи имѣла, по договору съ сюзереномъ Пруссіи, только франконская линія Гоэнцоллерновъ; теперь Іоахимъ II, курфирстъ бранденбургскій, выхлопоталъ право наслѣдованія и для своей линіи. — Альбрехтъ Фридрихъ былъ такъ же безхарактеренъ и бездаренъ, какъ отецъ. Вельможи, составлявшіе правительственный совѣтъ, держали его подъ опекой, обращались съ нимъ оскорбительно; боязнь, что вельможи отравятъ его и огорченія отъ ихъ обидъ совершенно разстроили его слабый отъ природы умъ; онъ впалъ въ неизлечимое помѣшательство; однако-жь его женили; женой ему выбрали Марію Элеонору, принцессу клевскую; отъ этого брака родились четыре дочери; но сыновей не было.

Бранденбургской династіи открывалась надежда наслѣдовать герцогство прусское и франконскія владѣнія Гоэнцоллерновъ, потому что франконская линія ихъ дома тоже не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ. Курфирстъ Іоаннъ Георгъ женилъ старшаго своего внука Іоанна Сигизмунда на Аннѣ, старшей дочери слабоумнаго герцога прусскаго, наслѣдницѣ отцовскихъ владѣній и правъ матери на наслѣдованіе владѣній юлихъ-клевской династіи. Іоаннъ Георгъ умеръ въ январѣ 1598 года. Сынъ и преемникъ его Іоаннъ Фридрихъ заключилъ въ 1603 году со всѣми принцами гоэнцоллернскаго дома договоръ, по которому возобновлялся династическій законъ курфирста Альбрехта Ахиллеса, установившій нераздѣльность земель курфиршества бранденбургскаго и наслѣдованіе ихъ по линіи первородства; съ тѣмъ вмѣстѣ было опредѣлено, что владѣнія франконской линіи по ея прекращеніи наслѣдуютъ два старшіе изъ братьевъ курфирста, что эти владѣнія не будутъ дѣлиться больше, чѣмъ на два государства, ансбахское и байрейтское, а по прекращеніи этихъ линій бранденбургскаго дома перейдутъ во владѣніе старшей, курфиршеской линіи его. — Чтобъ укрѣпить права своей династіи

на наслѣдованіе герцогства прусскаго, Іоахимъ Фридрихъ, не пожелѣвъ никакихъ пожертвованій, выпросилъ себѣ у короля польскаго управленіе Пруссіей въ качествѣ опекуна помѣшаннаго герцога и женился на третьей дочери этого несчастнаго, бывшей семью годами моложе старшей, на которой женатъ былъ сынъ и наслѣдникъ женившася теперь старика курфирста.—Іоахимъ Фридрихъ умеръ въ 1608 году. Іоаннъ Сигизмундъ наслѣдовалъ отъ отца вмѣстѣ съ саномъ курфиста и опекунство надъ своимъ слабоумнымъ тестемъ, но хотѣлъ получить еще при его жизни санъ герцога, чтобы не могло быть по его смерти никакихъ споровъ о наслѣдованіи; Іоаннъ Сигизмундъ не пожалѣлъ ни денегъ, ни обѣщаній, для достиженія своей цѣли, сдѣлалъ уступки требованіямъ короля польскаго въ пользу свободы католическаго богослуженія въ Пруссіи, сдѣлалъ уступки и требованіямъ прусскаго сейма; благодаря всему этому, онъ въ ноябрѣ 1611 получилъ отъ короля польскаго инвеституру въ санъ герцога прусскаго. Герцогство прусское было довольно большое государство: оно имѣло около 670 квадратныхъ миль, но находилось въ разстроенномъ состояніи, и было отдѣлено отъ Бранденбурга Польшей и Помераніей; при его отдаленности, владѣніе имъ могло казаться непрочнымъ.—Около того времени, какъ было утверждено за бранденбургской династіей право наслѣдовать герцогство прусское, умеръ герцогъ юлихскій и клевскій; Іоаннъ Сигизмундъ заявилъ, что имѣетъ право наслѣдовать умершему герцогу, какъ мужъ старшей дочери той принцессы клевской династїи, которая была наслѣдницей юлихъ-клевскихъ владѣній.—Слабоумный Альбрехтъ Фридрихъ умеръ въ августѣ 1618 года, и Пруссія была безъ особенныхъ затрудненій присоединена къ бранденбургскому государству; но притязанія курфирста на юлихъ-клевскія владѣнія повели къ войнѣ. Пространство бранденбургскаго государства увеличилось при Іоаннѣ Сигизмундѣ болѣе чѣмъ вдвое.

Важнѣйшимъ фактомъ личной исторіи Іоанна Сигизмунда былъ переходъ его въ реформатское исповѣданіе, возбудившій большое неудовольствіе въ бранденбургскомъ населеніи, усердно державшемся лютеранства. Іоаннъ Сигизмундъ принялъ реформатское исповѣданіе по расчету, что это будетъ полезно ему въ борьбѣ съ другимъ претендентомъ на юлихъ-клевскія владѣнія, пфальцграфомъ нейбургскимъ Вольфгангомъ Вильгельмомъ. Какъ Вольфгангъ перешелъ въ католичество, чтобы получить помощь императора и лиги, такъ онъ объявилъ себя кальвинистомъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе юлихскаго населенія, принадлежавшаго къ реформатскому исповѣданію, и помощь голландцевъ. Но вѣроятно былъ у Іоанна Сигизмунда и другой мотивъ, искреннее убѣжденіе: онъ ужъ и раньше выказывалъ расположеніе къ реформатскому ученію. Бранденбургское духовенство вознегодовало, осыпало Іоанна Сигизмунда рѣзкими упреками въ проповѣдяхъ и въ памфлетахъ. Усердные лютеране ужъ говорили: „лучше станемъ католиками, чѣмъ кальвинистами“. Курфирстъ, при помощи нѣкоторыхъ богослововъ, защищалъ свой переходъ въ кальвинизмъ, но не стѣснялъ религіозной свободы своихъ подданныхъ. Вѣротерпимость стала съ того времени однимъ изъ основныхъ правилъ бранденбургской политики.

Іоаннъ Сигизмундъ дожилъ до начала Тридцатилѣтней войны. Онъ вступилъ въ унію, но держалъ себя робко. Онъ умеръ въ декабрѣ 1619. Сынъ и преемникъ его Георгъ Вильгельмъ не имѣлъ той силы ума и характера, какая была нужна для хорошаго управленія государствомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ, какъ мы видѣли, колебался между императоромъ и увіей, Швеціей и Польшей, и подвергъ этимъ своихъ подданныхъ раззоренію. Обремененный долгами, онъ не имѣлъ денегъ на содержаніе наемниковъ; а дворянство и горожане бранденбургскихъ владѣній отвыкли отъ военнаго дѣла и не шли на призывы къ ополченію. Георгъ Вильгельмъ

сначала выказывалъ нѣкоторое усердіе къ уни, но потомъ, когда его до-
вѣріемъ овладѣлъ Шварценбергъ, онъ сталъ склоняться на сторону импе-
ратора. Графъ Адамъ Шварценбергъ былъ родомъ изъ герцогства юлих-
скаго, католикъ, приверженецъ императора, человекъ ловкій и гибкій; по-
ступивъ на бранденбургскую службу, онъ сталъ управлять юлихскими дѣла-
ми, скоро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на все управленіе государствомъ
и велъ его въ интересахъ императора; впослѣдствіи обвиняли его за это въ
измѣнѣ, онъ не былъ измѣнникъ, былъ только корыстолюбивъ; но дѣйстви-
тельно, сдѣлалъ много вреда государству тѣмъ направленіемъ, какое далъ его
политикъ. По смерти Георга Вильгельма Шварценбергъ получилъ отставку.
Вскорѣ послѣ отставки онъ умеръ; изъ этого возникъ пустой народный
разсказъ, будто онъ былъ тайно отравленъ въ темницѣ. — Георгъ Виль-
гельмъ умеръ 1 декабря 1640. Сынъ и преемникъ его Фридрихъ Вильгельмъ,
получившій названіе Великаго курфюрста, далъ бранденбургской политикѣ
то направленіе, благодаря которому его государство получило очень силь-
ное значеніе въ европейскихъ дѣлахъ. По вестфальскому миру оно пріо-
брѣло половину Помераніи и нѣсколько секуляризованныхъ епископствъ;
это увеличило его объемъ на четвертую долю прежняго, такъ что оно имѣло
теперь почти 2,000 квадратныхъ миль и ужъ превосходило величиной всѣ
другія нѣмецкія государства, кромѣ австрійскаго.

4. Состояніе нѣмецкой образованности послѣ Тридцатилѣтней войны.

Сельское хозяйство, промышленность и торговля Германіи находи-
лись передъ Тридцатилѣтней войной въ цвѣтущемъ состояніи. Ни
открытіе морского пути въ Индію, ни завоеваніе Леванта и Архипе-
лага турками не уничтожили торговлю Италіи съ Германіей, не по-
дорвали благосостоянія и образованности большихъ нѣмецкихъ горо-
довъ, черезъ которые шла эта торговля. Тридцатилѣтняя война по-
губила Германію. Нивы поросли бурьяномъ, многочисленные города,
богатыя селенія обратились въ развалины, покрытыя пепломъ пожа-
ровъ. Оружіе, голодъ и поварьныя болѣзни истребили болѣе поло-
вины населенія Германіи. Аугсбургъ имѣлъ передъ войною 90.000
жителей; послѣ войны осталось только 6.000; въ рейнскомъ Пфальцѣ,
благодатнѣйшей части Германіи, уцѣлѣла, какъ говорятъ, только одна
пятидесятая часть прежняго населенія. Вся Германія обратилась въ
пустыню. Симплиссимусъ, рассказывающій свою жизнь въ знаме-
нитомъ романѣ того времени, удивился, переѣхавъ изъ Германіи въ
Швейцарію: «Эта земля показалась мнѣ такой непохожей на другія
нѣмецкія земли, какъ будто я попалъ въ Бразилію или Китай», го-
воритъ онъ: — «Я увидѣлъ тутъ людей, живущихъ и трудящихся мирно,
увидѣлъ хлѣва, полные скота, дворы поселянъ, полные гусей, куръ,
утокъ; люди безопасно ѣхали по дорогамъ, постоянные дворы были
полны проѣзжихъ, въ нихъ было веселье; не было страха враговъ,
боязни грабежа, не было опасенія лишиться имущества и жизни». Нѣмцы
теперь знали времена такого спокойствія лишь по разсказамъ

дѣдовъ. Не было въ Германіи ни одной области, которая не подверглась бы грабежу и опустошенію; почти каждая область подвергалась ему не разъ, не два, а много разъ. Какое войско шло, свое или непріятельское, было все равно для мѣстности, по которой шло оно: свои и чужіе одинаково грабили ее, насиловали женщинъ, рѣзали мужчинъ; всѣ войска состояли изъ разноплеменныхъ наемниковъ, не знавшихъ никакого чувства, кромѣ привычки къ распутству, буйству, грабежу; Тилли, Валленштейнъ, Густавъ Адольфъ еще умѣли поддерживать дисциплину между этими разбойниками; но по смерти великихъ полководцевъ, внушавшихъ уваженіе своимъ наемникамъ, свирѣпыя орды перестали слушаться начальниковъ; солдаты предписывали полководцамъ условія службы. При полномъ упадкѣ дисциплины, если бы какой нибудь генералъ и хотѣлъ обуздывать разбой, то не могъ бы: солдаты считали своей собственностью все имущество населенія той мѣстности, по которой шли или въ которой стояли.

Солдаты грабили не исключительно по влеченію злыхъ страстей, но и по необходимости; когда война затянулась, у правительствъ не было средствъ исправно выдавать имъ продовольствіе и жалованье; они принуждены были сами какъ могутъ добывать себѣ пищу и вознагражденіе за службу. Налоги, займы, субсидіи иностранныхъ правительствъ не доставляли нѣмецкимъ государямъ столько денегъ, сколько надобно было на содержаніе ихъ войскъ. Въ началѣ войны однимъ изъ средствъ пополнять казну была у нѣмецкихъ государей чеканка легковѣсной и низкопробной монеты; выпустивъ эти новыя деньги по полной нарицательной цѣнѣ, правительство объявляло, что будетъ принимать ихъ только по ихъ дѣйствительной цѣнности, иногда въ десять разъ меньшей, чѣмъ та, по которой оно выпускало ихъ. Эта порча монеты имѣла, разумѣется, самое губительное вліяніе на кредитъ и благосостояніе подданныхъ.—«Въ тѣ годы»—говоритъ одинъ изъ современниковъ, «императоръ велѣлъ чеканить мѣдныя деньги лишь съ небольшою примѣсью серебра, и притомъ въ такомъ количествѣ, что народъ, не понимавшій обмана, воображалъ себя разбогатѣвшимъ. А хорошія деньги солдаты съумѣли выманить изъ рукъ у людей. Цѣнность золота и серебра поднялась въ десятеро. Но вдругъ, въ 1624 году, императоръ понизилъ монету до десятой доли ея нарицательной цѣны, и отъ этого произошло неописанное раззореніе. Правительство хвалилось, что обобрало этихъ богемцевъ лучше, чѣмъ если бѣ держало войско десять лѣтъ по квартирамъ у нихъ на ихъ продовольствіи. А знающіе люди говорили, что раззореніе было больше, чѣмъ если бы выгорѣла половина Богеміи». Когда истощился способъ пополнять казну чеканкой дурной монеты, была введена пагубная система организованнаго грабежа посредствомъ контрибуцій громаднаго размѣра; она вошла во всеобщее употребленіе съ того времени, какъ далъ ей безграничное развитіе Валлен-

штейнъ. Солдаты слѣдовали примѣру правительствъ и полководцевъ, разыскивали по всѣмъ угламъ остатки денегъ, спрятанные поселянами, и брали ихъ.

Грабежъ сопровождался сатанинскимъ мучительствомъ. Въ примѣръ привычки солдатъ къ безчеловѣчію приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ рассказовъ того времени, отрывокъ акта, составленнаго представителями дворянства и городовъ ниже-саксонскаго округа въ 1637 году: „Еще стоитъ у насъ въ глазахъ, какъ кроаты и другія императорскія войска губили огнемъ и мечомъ всю землю, безпримѣрно въ нѣмецкой имперіи и даже у турокъ: рубили почти всѣхъ, попадавшихся имъ подъ руки, отрѣзывали людямъ языки, носы, уши, выкалывали глаза, вбивали гвозди въ головы и ноги, вливали черезъ уши, носъ и ротъ въ тѣло кипящую смолу, олово, свинецъ и всякую нечистоту, нѣкоторыхъ истязали всяческими орудіями мученья, многихъ, связанныхъ между собой веревками, ставили на открытомъ мѣстѣ и стрѣляли изъ ружей въ нихъ, какъ въ цѣль, или волочили, привязавъ къ лошадямъ, а женщинъ насиловали безъ разбора возраста, замужества или дѣвчества, отрѣзывали у нихъ груди, бросались на дѣтей, какъ дикіе звѣри, рубили ихъ, протыкали копьями и жарили въ печахъ, обращали церкви и школы въ отхожія мѣста, сожгли много городовъ, мѣстечекъ и селеній, кромѣ другихъ варварствъ, которыхъ не можетъ описать перо“. Такъ звѣрствовали во всѣхъ частяхъ Германіи, одинаково, императорскія войска, французскія и шведскія. Понятно, какой видъ представляла Германія послѣ войны. — „Какъ жалки стоятъ города“, говоритъ одинъ изъ писателей того времени:—„Гдѣ прежде была тысяча улицъ, теперь нѣтъ сотни; онѣ лежатъ сожженные, развалившіяся, разрушенныя, такъ что нѣтъ ни кровель, ни стропиль, ни дверей, ни оконъ. О, Боже, какой жалкій видъ въ селахъ! Идешь десять миль, и не видать ни человека, ни коровы, или овцы, ни воробья, развѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдешь старика и ребенка или двухъ старухъ. Во всѣхъ селеніяхъ дома полны труповъ людей, убитыхъ повальной болѣзнью и голодомъ, пожираемыхъ волками, собаками, воронами, потому что некому было похоронить ихъ, пожалѣть и оплакать“.—Въ другомъ рассказѣ говорится; „Цвѣтущая Баварія уподобилась пустынь: тамъ не осталось въ живыхъ десятого человека, и кто оставался живъ, утолялъ голодъ мясомъ собакъ, кошекъ, червей и тѣлами людей, умершихъ отъ голода. Богатыя нивы лежали невоздѣланными, поросшія бурьяномъ и терновникомъ. Лѣсъ покрылъ пашни, потому что не ходилъ по нимъ плугъ. Люди стали рѣдки, размножились волки и другіе хищные звѣри. Они безбоязненно выходили изъ темныхъ логовищъ на пепелища прежнихъ селеній и вырывали изъ земли трупы. Цыгане, мошенники и всяческіе бродяги свободно ходили шайками повсюду. Когда курфирстъ хотѣлъ ѣхать на богомолье, надобно было ему для своей безопасности посылать патрули противъ этого сброда, чтобъ очистить дорогу“. Поселяне, если не шли сами въ солдаты, собирались отъ отчаянія въ разбойничьи шайки, и много лѣтъ послѣ войны бродили по дорогамъ разбойники; гражданскій порядокъ оставался разрушеннымъ.

На умственную и нравственную жизнь нѣмецкаго народа война имѣла также гибельное вліяніе. Культура эпохи реформации исчезла. Живой духъ воспринятый протестантствомъ отъ реформаторовъ, замѣнился бездушнымъ поклоненіемъ буквѣ официально утвержденныхъ изложеній вѣры, рабскимъ поклоненіемъ авторитету. Узкая, самодоволь-

ная ортодоксальность, преслѣдующая всякое уклоненіе отъ нея, замѣнила теплоту религіознаго чувства; въ протестантствѣ водворилась сухая схоластика, продолжавшая владычествовать до вытѣсненія ея піэтизмомъ и философіей. Рядомъ съ кощунствомъ господствовало темное суевѣріе. Въ отчаяніи, люди стали думать, что земля отдана Богомъ во власть діавола. Гнуснѣйшимъ изъ результатовъ этого заблужденія ума было преслѣдованіе вѣдьмъ, совершавшее свои злодѣйства въ наиболѣе широкомъ размѣрѣ во время Тридцатилѣтней войны и въ слѣдовавшія за нею десятилѣтія. Вѣра въ существованіе вѣдьмъ была сильна и прежде: „Молотъ на вѣдьмъ“ *Malleus maleficarum*, излагающій правила веденія процессовъ противъ вѣдьмъ, былъ написанъ еще въ 1487 году, и авторами этой гнусной книги были нѣмцы, инквизиторы Кремеръ и Шпренгеръ. Но высшаго своего развитія это суевѣріе достигло лишь при поколѣніяхъ, жившихъ подъ впечатлѣніями Тридцатилѣтней войны; тогда жгли вѣдьмъ массами, примѣняя къ этому дѣлу всю свирѣпость безчеловѣчія, къ которому приучили людей злодѣйства войны. По нелѣпымъ вымысламъ молвы, по подлымъ клеветамъ негодяевъ, несчастныя женщины были подвергаемы ужаснѣйшимъ пыткамъ, для вынужденія признанія въ томъ, что онѣ вѣдьмы, и судьи, приговоры которыхъ одобрялись юридическими факультетами университетовъ, обрекали „союзницъ сатаны“ на сожженіе. Въ 1627—1629 годахъ по распоряженію Филиппа Адольфа фонъ Эренберга, епископа вюрцбургскаго, было сожжено въ его маленькомъ государствѣ 900 вѣдьмъ. Въ графствѣ нейсскомъ было въ десять лѣтъ сожжена тысяча вѣдьмъ; многія изъ погибшихъ на кострѣ были молоденькія дѣвушки, нѣкоторыя были маленькія дѣвочки. Когда случался неурожай, жгли несчастныхъ женщинъ, которыхъ народъ называлъ виновницами этого бѣдствія. Разсудительные и образованные люди напрасно возставали противъ преслѣдованія вѣдьмъ. Знаменитѣйшій изъ этихъ защитниковъ челоѣчества—Фридрихъ фонъ Шпе, іезуитъ, но благородный челоѣкъ, какіе бывали изрѣдка и въ іезуитскомъ орденѣ. Гнусное безчеловѣчіе стало ослабѣвать лишь при поколѣніи, которое уже не видѣло ужасовъ Тридцатилѣтней войны, не было испорчено ими.

Заглушивъ состраданіе къ людямъ мрачнымъ суевѣріемъ, Тридцатилѣтняя война заглушила и національное чувство развитіемъ ненависти между сосѣдами. При разстроенномъ состояніи Германіи, утратившей государственное единство, не могъ сохраниться патріотизмъ; нѣмцы стали думать о своей націи, что она неспособна къ политической жизни. Упала и умственная дѣятельность ихъ. Искусство, достигавшее передъ Тридцатилѣтней войной высокаго развитія, надолго погибло, наука обратилась въ безжизненное педантство; университеты почти исчезли во время Тридцатилѣтней войны и не скоро поправились послѣ нея; профессоры ихъ бессмысленно рылись въ мелочахъ,

были ученые невѣжды; студенты научились отъ солдатъ и офицеровъ во время войны пьянству и разврату, привыкли къ ужасающей грубости нравовъ. Народныя школы, для развитія которыхъ было такъ много сдѣлано въ эпоху реформаціи, находились теперь въ глубокомъ упадкѣ, и тоже нескоро были подняты изъ него заботливостью доброжелательныхъ государей, министровъ и педагоговъ. Въ литературѣ подражаніе иностранному фальшивому изяществу заглушило національные элементы творчества; французскій языкъ, французскіе обычаи, моды надолго приобрѣли владычество въ образованныхъ сословіяхъ. Нѣмецкая національная жизнь была испорчена; нѣмецкій народъ подвергся продолжительному изнеможенію и въ политическомъ, и въ умственномъ отношеніяхъ. Нужна была вся энергія его силъ, чтобы подняться изъ этого глубокаго государственнаго, матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго упадка.

Приложенія къ русскому переводу.

I. ИСТОРИЯ РОССИИ ОТЪ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV ДО СМЕРТИ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА.

(Извлеченіе изъ „Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣтелей“, Н. И. Костомарова).

Іоаннъ IV Васильевичъ былъ въ 1533 году, во время смерти отца, Василія Ивановича, трехлѣтнимъ ребенкомъ. Двое изъ братьевъ покойнаго великаго князя, Андрей и Юрій, оставались тогда въ живыхъ; но Василій Ивановичъ поручилъ опеку надъ сыномъ и управленіе государствомъ въ его малолѣтство не имъ, а своей супругѣ, Еленѣ Васильевнѣ, племянницѣ бѣжавшаго въ Москву литовскаго вельможи Михаила Львовича Глинскаго. Елена Васильевна была тогда еще молодой женщиной.

Сдѣлавъ это краткое вступленіе, начинаемъ наши извлеченія изъ превосходнаго разсказа Костомарова.

„По смерти Василія, за малолѣтствомъ новаго государя, правленіе перешло въ руки вдовствующей великой княгини. Елена совершенно отдалась своему любимцу Ивану Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому. Онъ былъ человѣкъ крутого нрава, не останавливался ни передъ какими злодѣяніями. Именемъ Елены правилъ онъ государствомъ; бояре должны были сносить его произволь. Совершались варварства, превосходившія все, что представляла въ этомъ отношеніи прежняя московская исторія. Одного брата покойнаго государя, Юрія, засадили въ тюрьму и тамъ уморили голодомъ. Другой братъ, Андрей, испугавшись той же участи, убѣжалъ, но былъ схваченъ и задушенъ; жену его и сына засадили въ тюрьму. Вмѣстѣ съ нимъ было казнено много бояръ и дѣтей боярскихъ, которыхъ обвинили въ расположеніи къ Андрею. Дядя Елены, Михаилъ Львовичъ Глинскій, сталъ укорять племянницу за ея связь съ Телепневымъ; за это его посадили въ тюрьму и уморили голодомъ. Но во внѣшнихъ дѣлахъ Телепневъ поддерживалъ достоинство московскаго государства. Открывшаяся, по истеченіи перемирія, война съ Литвою ведена была счастливо и окончилась въ 1537 году новымъ перемиріемъ на пять лѣтъ, съ уступкою Москвѣ двухъ крѣпостей: Себежа и Заволочья. Татарскія нападенія были отражены. Такіе

успѣхи еще болѣе возвышали любимца Елены, но это возвышеніе ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апрѣля 1538 года. Правленіемъ овладѣли князья Шуйскіе. Телепнева уморили въ тюрьмѣ голодомъ.

„Въ 1540 году глава правительства, Иванъ Шуйскій, былъ низверженъ: на мѣсто Шуйскаго поставленъ врагъ его, бояринъ князь Иванъ Бѣльскій, сидѣвшій до того времени въ тюрьмѣ. Этотъ новый правитель не поступалъ подобно прежнему: оставилъ на свободѣ своихъ враговъ Шуйскихъ, выпустилъ изъ тюрьмы племянника покойнаго государя, Владиміра Андреевича, съ матерью, освободилъ другихъ узниковъ, возвратилъ Пскову его старинный самосудъ, дозволивши судить уголовныя дѣла выборнымъ цѣловальникамъ, мимо великокняжескихъ намѣстниковъ и ихъ тиуновъ. Правленіе Бѣльскаго обѣщало много хорошаго, но скоро пало. Князь Иванъ Шуйскій, склонивши на свою сторону нѣкоторыхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, 3 января 1542 года, схватилъ Бѣльскаго и потомъ велѣлъ задушить.

„Иванъ Шуйскій, захватившій верховную власть, по болѣзни скоро удалился отъ двора, передавши правленіе своимъ родственникамъ Ивану и Андрею Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳеодору Ивановичу Скопину-Шуйскому. Но не долго пришлось править и этимъ Шуйскимъ. Молодому государю исполнилось въ 1544 году тринадцать лѣтъ. Онъ находился подъ вліяніемъ братьевъ Елены, Юрія и Михаила Васильевичей Глинскихъ. По наущенію дядей, отрокъ Иванъ приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать своимъ псарямъ, которые тотчасъ же растерзали его. Другихъ бояръ его партіи сослали. Правленіемъ овладѣли Глинскіе.

„При смутахъ, происходившихъ въ малолѣтство Ивана, отрокъ-государь получилъ самое дурное воспитаніе. Онъ отъ природы не имѣлъ большого ума, но за то одаренъ былъ въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ, чрезмѣрною страстностью и до крайности впечатлительнымъ воображеніемъ. Въ младенчествѣ съ нимъ какъ будто умышенно поступали такъ, чтобы образовать изъ него необузданнаго тирана. Съ молокомъ кормилицы всосалъ онъ мысль, что со временемъ будетъ самодержавнымъ государемъ, и въ то-же время его постоянно заставляли чувствовать свое настоящее безсиліе и униженіе, зазнавшіеся Шуйскіе обращались съ нимъ высоко-мѣрно и нагло. Раздражая такими поступками отрока, бояре въ то же время позволяли ему усвоить самыя вредныя привычки: молодой Иванъ для забавы бросалъ съ крылецъ или съ вышекъ животныхъ и тѣшилъ ихъ муками; а когда власть перешла въ руки Глинскихъ, то Иванъ набралъ около себя отроковъ изъ знатныхъ семействъ и съ ихъ толпою скакалъ верхомъ во всю прыть по городу, топталъ и билъ людей, а опекуны и ихъ угодники похваливали его за это и говорили: „Вотъ будетъ храбрый и мужественный царь!“ Со вступленіемъ въ юношескій возрастъ все болѣе развивались въ Иванѣ дикія наклонности. Къ дѣлу его никто не приучалъ. Онъ то ѣздилъ по монастырямъ, то пьянствовалъ и буйствовалъ съ своими удалцами. Отвѣдавши крови на Шуйскомъ, онъ получилъ къ ней вкусъ, а Глинскіе пользовались этимъ и подстрекали его давать волю своей впечатлительной натурѣ. Однажды, когда четырнадцатилѣтній Иванъ выѣхалъ на охоту, къ нему явились пятьдесятъ новгородскихъ пищальниковъ жаловаться на намѣстниковъ. Ивану стало досадно, что они прерываютъ его забаву; онъ приказалъ своимъ дворянамъ прогнать ихъ; но когда дворяне принялись ихъ бить, пищальники стали имъ давать сдачи, и нѣсколько человѣкъ легло на мѣстѣ. Возбѣшенный Иванъ приказалъ изслѣдовать, кто подушалъ пищальниковъ. Дьякъ Василій Захаровъ, сторонникъ Глинскихъ, которому дано было это порученіе, обвинилъ князя Кубенскаго и двухъ Воронцовыхъ; одинъ изъ послѣднихъ былъ Ѳеодоръ, любимецъ царя. Иванъ немедленно приказалъ отрубить имъ головы. Для него ничего не значило убить чело-
вѣ-

ка, которая еще не такъ давно считалъ своимъ другомъ. Молодымъ сверстникамъ государя, раздѣлявшимъ его забавы, была небезопасна его милость. Иванъ, разсердившись на нихъ, не затруднялся изрекать имъ смертныя приговоры. По его приказанію были удушены: одинъ изъ князей Трубецкихъ и сынъ любимца Елены, Ѳеодоръ.

„Такъ достигъ Иванъ семнадцати лѣтъ. Въ началѣ 1547 года собраны были со всего государства дѣвицы, и молодой царь выбралъ изъ нихъ дочь умершаго окольничьяго Романа Юрьевича Захарыина. Имя царской невѣсты было Анастасія. Свадьба происходила 3 февраля. Женильба не измѣнила характера царя. Онъ продолжалъ свою буйную, безпорядочную жизнь, не занимаясь дѣлами правленія, но постоянно заявлялъ, что онъ самодержавный государь и можетъ дѣлать, что ему угодно. Всѣмъ заправляли родные его, Глинскіе; повсюду сидѣли ихъ намѣстники, не было нигдѣ правосудія, вездѣ происходили насилія и грабежи. Самъ царь не терпѣлъ, чтобы его беспокоили жалобами. 3 іюня семьдесятъ псковскихъ людей прибыли въ Москву жаловаться на своего намѣстника. Они явились къ царю въ сельцѣ Островкѣ. Ивану Васильевичу дотого не понравилось это, что онъ велѣлъ раздѣть псковичей, положить на землѣ, поливать горячимъ виномъ и палить имъ свѣчами волосы и бороды. Во время такого занятія государю пришла вѣсть, что въ Москвѣ, когда стали благовѣстить къ вечернѣ, упалъ колоколъ. Иванъ бросилъ свои жертвы и поспѣшилъ въ Москву.

„Паденіе колокола считалось на Руси предвѣстіемъ общественаго бѣдствія. 21 іюня вспыхнулъ пожаръ и распространился съ чрезвычайною быстротою по деревяннымъ зданіямъ города; сильная буря помогла ему. Буря понесла пламя на Кремль. Огонь распространился по Китай-городу. Пожаръ охватилъ большой посадъ вплоть до Воронцовскаго сада на Яузѣ. Тогда, говорятъ, сгорѣло тысяча семьсотъ взрослыхъ людей и несмѣтное множество дѣтей. Царь съ супругою и приближенными не былъ въ Москвѣ во время пожара, а послѣ пожара проживалъ въ своемъ загородномъ селѣ Воробьевѣ; онъ мало заботился о потерпѣвшихъ жителяхъ столицы. Между тѣмъ большая часть москвичей находилась въ ужасномъ положеніи, безъ хлѣба, безъ крова. Отчаяніе овладѣло народомъ. На пятый день послѣ пожара, народная толпа бросилась къ Успенскому собору и кричала: „Кто зажигалъ Москву?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ изъ толпы такой отвѣтъ: „Княгиня Анна Глинская *) со своими дѣтьми и со своими людьми“. Толпа пришла въ неистовство. Изъ двухъ Глинскихъ, Михайло съ матерью Анною, былъ во Ржевѣ, другой, Юрій, пріѣхалъ къ Успенскому собору, услышалъ страшные крики противъ его матери и всего ихъ рода, и скрылся въ церкви. Народъ вломился за нимъ въ церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьемъ, повлекли трупъ его по землѣ и бросили на торгу. Истребили всѣхъ людей Глинскихъ. Въ Москвѣ были тогда на службѣ дѣти боярскіе изъ Сѣверской земли. Народъ перебилъ ихъ потому только, что въ ихъ рѣчи слышался говоръ, какъ и у людей Глинскаго. Такъ прошло два дня. Народъ не унимался. Изъ Глинскихъ погибъ только одинъ; народу нужны были еще жертвы. Раздались крики: „Государь спрячетъ у себя на Воробьевѣ княгиню Анну и сына ея Михаила!“ Толпа хлынула на Воробьево. Иванъ до сихъ поръ вѣрилъ въ свое всемогущество и потому держалъ себя нагло; теперь онъ впалъ въ крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тутъ явился передъ нимъ человекъ въ священнической одеждѣ, по имени Сильвестръ. Намъ неизвѣстна прежняя жизнь этого

*) Мать покойной матери царя.

человѣка. Говорятъ только, что онъ былъ пришлецъ изъ Новгорода Великаго. Въ его рѣчи было что то потрясающее. Онъ представилъ царю печальное положеніе Московской земли, указывалъ, что причиною всѣхъ несчастій пороки царя: небесная кара уже висѣла надъ Иваномъ Васильевичемъ въ образѣ народнаго бунта. Въ довершеніе всего Сильвестръ поразилъ малодушнаго Ивана какими то чудесами и знаменіями. „Не знаю—говорить Курбскій—истинныя ли то были чудеса. Можетъ быть, Сильвестръ выдумалъ это, чтобы ужаснуть глупость и ребяческій нравъ царя“. Царь началъ каяться, плакалъ и далъ обѣщаніе съ этихъ поръ во всемъ слушаться своего наставника.

„Толпу разогнали выстрѣлами, нѣсколько человѣкъ убили. Остальные разбѣжались.

„Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ очутился подъ опекой Сильвестра и въ то же время сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ, однимъ изъ молодыхъ людей, уже извѣстныхъ царю. Адашевъ случайно попалъ въ число тѣхъ, которыхъ Иванъ приближалъ къ себѣ ради забавы. Это былъ человѣкъ большого ума и въ высокой степени нравственный и честный. Сильвестръ и Адашевъ подобрали кружокъ людей, отличавшихся широкимъ взглядомъ и любовью къ общему дѣлу. То были люди знатныхъ родовъ: князь Дмитрій Курлятовъ, князья Андрей Курбскій, Воротынскій, Одоевскій, Серебрянный, Горбатый, Шереметевы и другіе. Кромѣ того, Адашевъ и Сильвестръ стали извлекать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ и повѣряли имъ разныя должности.

„И вотъ, государство стало управляться кружкомъ, который Курбскій называетъ „избранною радой“ *). Безъ совѣщанія съ людьми этой избранной рады Иванъ ничего не устраивалъ. Сильвестръ до такой степени напугалъ его, что Иванъ не дѣлалъ шагу, не спросившись у него совѣта. „Избранная рада“ не ограчивалась исключительно кружкомъ бояръ и временщиковъ; она призывала къ содѣйствію себѣ и цѣлый народъ. „Царь,—говоритъ Курбскій,—долженъ искать совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но у всенародныхъ человѣковъ“. Съ такимъ взглядомъ тогдашніе правители именемъ государя собирали земскій соборъ или земскую думу изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Явленіе было новое въ исторіи. Въ старину существовали вѣча въ земляхъ по одиночкѣ, но никто не додумался до великой мысли образовать одно вѣче всѣхъ русскихъ земель. Раздоры между землями и князьями не допускали до этого. Теперь, когда уже столько русскихъ земель собрано было воедино, естественно было явиться такому учрежденію. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но даже главныхъ чертъ этого знаменитаго событія. Мы не знаемъ, какъ избирали выборныхъ, кого выбирали, съ какимъ полномочіемъ посылали, какъ и кѣмъ посылались, какъ и кѣмъ составлялись послѣдовавшія за этимъ земскимъ соборомъ законоположенія. Намъ остались только Судебникъ, Стоглавъ и Уставныя Граматы—плодъ законодательной дѣятельности этого славнаго времени.

„Въ Судебникѣ ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земскій. Государственное правосудіе и управленіе сосредоточивается въ столицѣ, гдѣ существуютъ приказы, къ которымъ приписаны русскія земли. Въ нихъ судятъ бояре или окольничьи. Въ областяхъ—судебное и административное дѣленіе на города и волости. Городъ съ волостями составлялъ уѣздъ, раздѣлявшійся въ полицейскомъ отношеніи на станы. Въ городахъ и волостяхъ управляли намѣстники и волостели.

*) Избраннымъ совѣтомъ.

„Рядомъ съ этимъ государевымъ механизмомъ существовалъ другой, выборный, народный. Представителями послѣдняго были въ городахъ *) городовые приказчики и дворскіе, и въ волостяхъ (впослѣдствіи и въ посадахъ, т. е. городахъ въ нынѣшнемъ смыслѣ) старосты и цѣловальники. Старосты были двоякаго рода: выборные полицейскіе и выборные судебные. Общества были раздѣлены на сотни и десятки и выбирали себѣ блюстителей порядка: старость, сотскихъ и десятскихъ; они распоряжались раскладкою денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Старосты и цѣловальники, которые должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и волостелей, выбирались волостями, или же вмѣстѣ съ ними и тѣми городами, гдѣ не было дворскаго.

„Важныя уголовныя дѣла подлежали особымъ лицамъ — губнымъ старостамъ, избраннымъ всѣмъ уѣздомъ изъ дѣтей боярскихъ. Это учрежденіе явилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ малолѣтство Ивана и вызвано было усилившимися разбоями. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было по два губныхъ старостъ. Власть ихъ была велика, и всѣ равно должны были подчиняться ихъ суду.

„Судебникъ заботился объ огражденіи народа отъ тягости государственнаго суда и отъ произвола намѣстниковъ и волостелей. Выборные судьи могли посылать приставовъ за людьми намѣстниковъ и волостелей, и если бы намѣстники и волостели взяли кого либо подъ стражу и заковали, не заявивши о томъ выборнымъ судьямъ, послѣдніе имѣли право силою освободить арестованныхъ. Только служилые государевы люди подлежали одному суду намѣстниковъ и волостелей.

„Что намѣчено было Судебникомъ, то продолжали и доканчивали Уставныя Граматы того времени. Уставныя Граматы дали перевѣсъ въ судѣ выборному началу. Мало-по-малу управленіе намѣстниковъ и волостелей совершенно замѣнялось предоставленіемъ жителямъ права самимъ управляться и судиться посредствомъ выборныхъ лицъ. Въ 1552 году дана грамота Важской землѣ. Жители подали челобитную, жаловались на тягости, которыя терпѣли они отъ намѣстниковъ и волостелей, просили дозволить имъ избрать десять человекъ излюбленныхъ судей, которые бы вмѣсто намѣстниковъ судили у нихъ какъ уголовныя дѣла, такъ и земскія, а за это жители будутъ ежегодно вносить въ царскую казну оброка полторы тысячи рублей за всѣ судебныя намѣстничьи пошлины. Правительство дало согласіе на такую перемѣну управленія. Вмѣсто намѣстниковъ явились излюбленные головы или земскіе старосты, имѣвшіе право суда и смертной казни, а для предотвращенія злоупотребленій должны были выбираться цѣловальники, засѣдавшіе въ судѣ—свидѣтели и участники суда. Вслѣдъ затѣмъ одни уѣзды за другими стали получать подобныя грамоты. Наконецъ, въ 1555 году эта мѣра сдѣлалась всеобщей, какъ показываетъ одна грамота того времени, въ которой говорится, что правительство совсѣмъ изъяло посадскихъ и волостныхъ людей отъ суда намѣстниковъ и волостелей, предоставивъ имъ выбрать излюбленныхъ старостъ съ платежомъ за то оброка въ казну. Разбойныя дѣла оставались за губными старостами. Выборное право суда и управленія развивало общественныя сходбища, которыя по закону отправлялись въ уѣздахъ съ цѣлью принятія мѣръ общей безопасности. Всѣ сословія—князья, дѣти боярскія, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ присылали изъ своей среды выборныхъ на сходбища, гдѣ предсѣдательствовалъ губной староста.

„Изъ всего этого можно видѣть, что характеръ законодательной дѣятельности этой эпохи отличается духомъ общинности, намѣреніемъ утвердить широкую самодѣятельность русскаго народа и дать ему возможно большія

*) Цитаделяхъ.

льготы, способствующія его благоденствію. При ближайшей оцѣнкѣ этихъ учреждений нельзя не замѣтить вліянія старыхъ земскихъ преданій, подавленныхъ предшествовавшими обстоятельствами, но еще не совершенно исчезнувшихъ изъ народной жизни. Тогдашнее земское самоуправленіе было не чѣмъ нибудь новымъ, а старымъ, существовавшимъ прежде повсюду и долѣе сохранявшимся въ земляхъ Новгородской и Псковской. Въ судебникѣ Ивана III уже видно участіе земскихъ лицъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей; но это участіе не имѣло силы, такъ какъ мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы, что намѣстники и волостели судили произвольно. Василий Ивановичъ возвратилъ Новгороду тѣнь его прежнихъ учреждений, установивъ въ немъ судныхъ цѣловальниковъ, хотя назначаемыхъ, а не выбираемыхъ; а во Псковѣ сдѣлалъ подобное князь Иванъ Бѣльскій во время своего непродолжительнаго правленія государствомъ, и въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ то было сдѣлано Василиемъ для Новгорода. Какъ мы видѣли, первая грамота такого рода дана была по просьбѣ жителей: само собою разумѣется, что этимъ жителямъ уже было извѣстно то, о чемъ они просили.

„Относительно холопства въ это время сдѣлано было нѣсколько распоряженій, видимо клонившихся къ уменьшенію числа холоповъ. Отмѣнялось древнее правило, что поступившій въ должность къ хозяину безъ ряда *) дѣлался его холопомъ. Судебникъ запрещалъ отдаваться въ холопство за ростъ; слѣдовательно, предотвращалъ случаи, когда человѣкъ въ нуждѣ дѣлался рабомъ.

„Вслѣдъ за земскими учреждениями приступлено было къ церковному устройству. Въ 1551 году собрался соборъ для пересмотра порядковъ церкви, ея управленія и религіозныхъ обычаевъ. Акты этого знаменитаго собора дошли до насъ въ формѣ вопросовъ, предлагаемыхъ отъ имени царя на соборѣ и отвѣтовъ на эти вопросы, заключающихъ въ себѣ соборныя приговоры. Такъ какъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ было сто, то и соборъ получилъ въ исторіи названіе Стоглаваго.

„По отношенію къ церковному управленію предложено было исправить порядокъ, схожій съ управленіемъ намѣстниковъ въ земскомъ дѣлѣ. Владыка въ своей епархіи напоминалъ собою удѣльнаго князя. У него былъ совѣтъ изъ собственныхъ бояръ, которые управляли и судили въ епархіи съ докладомъ владыкѣ. Судьями отъ владыки были его намѣстники и десятильники. Соборъ не рѣшилъ отмѣнить суда владычныхъ бояръ и десятильниковъ, но учредилъ судъ изъ священниковъ, старостъ и десятскихъ, которые между прочими обязанностями должны были присутствовать на судѣ десятильниковъ; да кромѣ того на этотъ судъ допускались еще и земскіе старосты и цѣловальники вмѣстѣ съ земскимъ дьякомъ.

„Монастыри съ существовавшими въ нихъ злоупотребленіями составили одну изъ главныхъ заботъ Стоглаваго собора. Надѣленные селами и пользуясь большими доходами, монастыри были земнымъ раемъ для своихъ начальствующихъ лицъ. Архимандриты и игумены превращали монастырское достояніе въ выгодныя для себя аренды. Ихъ родня поселялась въ монастыряхъ. Управленіе монастырскими имѣніями зависѣло отъ произвола одного настоятеля. Въ его безусловной власти находились и братія, и священнослужители монастырскихъ селъ и часто терпѣли нужду, хотя и находились въ вѣдомствѣ очень богатаго монастыря, такъ какъ никто изъ нихъ не пользовался доходами и не смѣлъ требовать участія въ пользованіи. Зато настоятели жили въ полномъ удовольствіи. Въ рѣдкихъ монастыряхъ удерживалось общежитіе въ строгой его формѣ; если гдѣ и была скудная

*) Безъ письменнаго условія.

трапеза, то развѣ для бѣдняковъ питавшихся отъ крупицъ, падавшихъ со стола властей. Въ монастыряхъ курили вино, варили пиво и меды, отправлялись пиры. Вольное обращеніе съ женскимъ поломъ доходило до большого соблазна: были монастыри, въ которыхъ чернецы и черницы жили вмѣстѣ.

„У насъ часто думаютъ, что въ древности господствовало благочестіе, по крайней мѣрѣ наружное. Но Стоглавъ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ инной образъ. Богослуженіе происходило самымъ нестройнымъ образомъ; въ одно и то же время одинъ читалъ канонъ, другой канонъ; духовные позволяли себѣ во время богослуженія непристойныя выходки, приходили въ церковь пьяные, ругались и даже дрались между собою. Глядя на нихъ міряне не оказывали никакого уваженія къ церкви: входили въ храмъ въ шапкахъ, громко разговаривали между собою, смѣялись, перебранивались, даже перѣдко среди божественнаго пѣнія можно было услышать срамныя слова. Соборъ осудилъ всѣ эти злоупотребленія и поставилъ предѣлъ увеличенію церковныхъ вотчинъ. Впередъ церковныя власти безъ особаго царскаго разрѣшенія не могли уже покупать земель. Постановлено было также, чтобы люди служилые не давали по душѣ своихъ вотчинъ безъ воли государя, и всѣ вотчины, отданныя боярами въ монастыри со смерти великаго князя Василія, велѣно отобрать.

„Послѣ внутреннихъ преобразованій правители занялись покореніемъ Казанскаго царства. Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь въ рукахъ злѣйшаго врага русскихъ—Сафа-Гирея. Казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ. Русскихъ плѣнниковъ у казанцевъ было такое множество, что ихъ продавали огромными толпами, словно скотъ, разнымъ восточнымъ купцамъ, нарочно пріѣзжавшимъ для этой цѣли въ Казань. Но Сафа-Гирей не крѣпко сидѣлъ въ Казани, которая была постоянно раздражаема внутренними партіями. Въ 1546 году враждебная ему партія выгнала его и опять пригласила въ царя Шигъ-Алея *). Не могъ ужиться съ казанцами этотъ новый царь и скоро бѣжалъ отъ нихъ. Сафа-Гирей опять сѣлъ на престолъ, но не надолго. Наневишись пьянъ, онъ зацѣпился за умывальникъ и расшибъ себѣ голову. Казанцы провозгласили царемъ его малолѣтняго сына Утемишъ-Гирея подъ опекою матери, Сююнь-Беки. Русскіе построили въ 1550 году въ тридцати семи верстахъ отъ Казани крѣпость Свѣяжскъ. Послѣдствіемъ такой постройки было полное покореніе горной черемисы или чувашей, народа смирнаго и земледѣльческаго. Близость русскаго поселенія и подчиненіе праваго берега Волги, находившагося прежде подъ властью Казани, произвели такое волненіе въ столицѣ казанскаго царства, что казанцы въ августѣ 1551 года выдали Сююнь-Беку съ сыномъ, отпустили часть содержавшихся у нихъ русскихъ плѣнниковъ и снова призвали Шигъ-Алея, въ надеждѣ, что русскіе возвратятъ имъ владѣніе надъ горнымъ берегомъ Волги. Русскіе посадили Шигъ-Алея на казанскомъ престолѣ, но не думали отдавать горной страны. Шигъ-Алей черезъ то не ладилъ съ казанцами. Въ Москву пріѣхали враждебные Шигъ-Алею казанскіе князья и просили, чтобы царь удалилъ Шигъ-Алея, а на мѣсто его прислалъ своего намѣстника. Въ Москвѣ, естественно, это предложеніе понравилось.

„Адашевъ поѣхалъ въ Казань, свелъ Шигъ-Алея съ престола и уѣхалъ въ Свѣяжскъ, объявивши казанцамъ, что къ нимъ будетъ присланъ царскій намѣстникъ. Казанцы показали видъ согласія, но когда изъ Свѣяйска ихъ

*) Прежняго казанскаго царя, жившаго въ Россіи.

извѣстили, что къ нимъ ѣдетъ назначенный воеводою въ Казань князь Семенъ Микулинскій, они заперли городъ и не пустили русскихъ. Въ нихъ пробудилось чувство національности и вѣры; всѣ партіи примирились; вся земля казанская вооружалась. Казанцы пригласили къ себѣ въ цари нагайскаго царевича Едигера, который прибылъ съ 10.000 нагайцевъ.

„Въ Москвѣ рѣшили покончить навсегда съ непріязненнымъ царствомъ и обратить его земли въ русскія области. Собрано было войско, огромное по тому времени, болѣе 100.000. Самъ царь долженъ былъ идти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось.

„Русскіе осадили Казань 20 августа 1552 года; 1 октября разрушена была взрывомъ стѣна; русскіе ворвались въ городъ и взяли его. Самъ царь не участвовалъ въ битвахъ, а только торжественно въѣхалъ въ покоренную Казань, наполненную трупами.—Покореніе казанскаго царства подчинило русской державѣ значительное пространство, на востокъ до Перми, а на югъ до Камы, и открыло путь дальнѣйшему движенію русскаго племени.

„Бояре старались удержать на всю зиму Ивана въ Казани, чтобы приучить къ повиновенію разнородныя племена, населявшія обширное казанское царство. Но Иванъ на этотъ разъ впервые не послушалъ своихъ опекуновъ, уѣхалъ вопреки желанію бояръ. Въ душѣ царя уже шевелилось чувство недовольства своимъ зависимымъ положеніемъ. Вскорѣ наступили обстоятельства, которыя еще болѣе развивали это долго сдерживаемое чувство. Въ 1553 году Иванъ заболѣлъ и приказалъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявлялъ своего сына, младенца Димитрія, своимъ наслѣдникомъ. Но когда въ царской столовой палатѣ собрали бояръ для присяги, многіе отказались присягать. Отецъ Алексѣя Адашева смѣло сказалъ больному государю: „Мы рады повиноваться тебѣ и твоему сыну, только не хотимъ служить Захарьинымъ, которые будутъ управлять государствомъ именемъ младенца“. Въ числѣ не хотѣвшихъ присягать былъ двоюродный братъ государя, Владиміръ Андреевичъ.—Но на другой день бояре одинъ за другимъ приняли присягу, и Владиміръ Андреевичъ тоже.

„Иванъ не умеръ, какъ ожидали; онъ выздоровѣлъ и показывалъ видъ, что ни на кого не сердится, но въ сердцѣ у него заронилась ожесточенная злоба. Иванъ уже ненавидѣлъ Сильвестра и Адашева, не любилъ бояръ, но у него не изглаживалось еще воспоминаніе ужасныхъ дней московскаго пожара, когда разсвирѣпѣвшій народъ не церемонился съ государевою роднею и не далекъ былъ, повидимому, отъ того, чтобы идти на самого государя. Иванъ не былъ еще увѣренъ, что съ нимъ не сдѣлаютъ чего-нибудь подобнаго, если онъ пойдетъ противъ своихъ опекуновъ и раздражить ихъ. Иванъ еще нѣсколько лѣтъ повиновался Сильвестру и его кружку, хотя все болѣе и болѣе ненавидѣлъ ихъ, пока, наконецъ, увѣрившись въ своей безопасности, могъ дать своей злобѣ полную волю.

„Между тѣмъ правители продолжали расширение предѣловъ государства на счетъ татарскаго племени. Въ мартѣ 1556 года была завоевана Астрахань, и вся Волга отъ истока до устья вошла во владѣніе Москвы. Оставалось раздѣлаться съ Крымомъ. Удачѣ предпріятія помѣшало то, что между совѣтниками Ивана началась рознь.

Сильвестръ и Адашевъ хотѣли обратить всѣ силы государства на завоеваніе Крыма. Другіе говорили царю, что выгоднѣе для Россіи будетъ заняться завоеваніемъ Ливоніи; это мнѣніе больше правилось ему; онъ не отважился совершенно отвергнуть совѣтъ Сильверста и Адашева, но, пославъ отрядъ войска въ Крымъ, отправилъ главныя

силы въ Ливонію. Потому Крымъ не былъ завоеванъ.—Адашевъ и князь Курбскій одерживали побѣды надъ ливонскими рыцарями, брали ихъ крѣпости. Они отдались подъ защиту короля польскаго, онъ потребовалъ отъ русскаго царя прекращенія войны съ ними. Царь не исполнилъ его требованія; это повело къ войнѣ съ Польшей.

„Въ это время въ московскомъ правительствѣ совершился рѣшительный переломъ. Враги Сильвестра и Адашева постепенно довели царя до того, что онъ рѣшился сбросить съ себя опеку. Главными врагами Сильвестра были Захарьины и вооружили противъ него сестру свою, царицу Анастасію. „Царь,—нашептывали Ивану,—долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать, никого не слушаться. Въ концѣ 1559 года произошло у царя съ Сильвестромъ и Адашевымъ какое-то крупное столкновеніе; подробностей его мы не знаемъ; извѣстно только, что Сильвестръ и его друзья старались удержать Ивана отъ путешествія по монастырямъ, и что послѣ этого столкновенія и Сильвестръ и Адашевъ нашли невозможнымъ оставаться при царѣ. Сильвестръ (вѣроятно, тогда уже овдовѣвшій) удалился въ какой-то отдаленный монастырь, а Алексѣй Адашевъ отправился къ войску въ Ливонію. Въ этомъ дѣлѣ участіе Анастасіи почти несомнѣнно; сторонники Сильвестра по поводу его удаленія сравнивали его съ Іоанномъ Златоустомъ, потерпѣвшимъ отъ злобы царицы Евдоксіи.

„Въ іюлѣ 1560 года царица Анастасія, уже давно хворавшая, перепугалась пожара, опустошившаго всю Арбатскую часть въ Москвѣ; болѣзнь ея усилилась, и она умерла 7-го августа, оставивши послѣ себя двухъ сыновей: Ивана и Ѳедора *). Враги начали увѣрять царя, что Анастасію извели лихіе люди, Сильвестръ и Адашевъ, своими чарами. Царь созвалъ соборъ для осужденія Сильвестра; соборъ осудилъ его на заточеніе въ Соловки. Онъ былъ взятъ изъ своей пустыни, отведенъ туда на тяжелое заключеніе.

„Вмѣстѣ съ паденіемъ Сильвестра постигъ конецъ и Адашева. Сначала ему велѣно было оставаться въ недавно завоеванномъ городѣ Феллипъ, но вскорѣ царь приказалъ перевести его въ Дерптъ и посадить подъ стражу. Черезъ два мѣсяца послѣ своего заключенія онъ заболѣлъ горячкою и скончался.

„Иванъ послѣ удаленія Сильвестра и Адашева началъ мстить тѣмъ, которые держали его въ неволѣ, какъ онъ выражался. Онъ былъ до крайности трусливъ въ то время, когда ему представлялась опасность, и безъ удержу наглъ тогда, когда былъ увѣренъ въ своей безопасности. Онъ создавалъ въ своемъ воображеніи небывалыя преступленія и, смотря по расположенію духа, то мучилъ и казилъ, то оставлялъ цѣлыми обвиненныхъ. Казни доставляли Ивану удовольствіе: онъ замѣняли ему театральныя зрѣлища; кровь разлакомила самовластнаго звѣря, онъ лилъ ее съ наслажденіемъ, не встрѣчая противодѣйствія. Напрасно старались бы мы объяснить его злодѣянія какими нибудь руководящими цѣлями и желаніемъ ограничить произволъ высшаго сословія; напрасно пытались бы мы создать изъ него образъ демократическаго государя. Съ одной стороны люди высшаго званія въ Московскомъ государствѣ совсѣмъ не стояли къ низшимъ слоямъ общества такъ враждебно, чтобы нужно было изъ-за народныхъ интересовъ начать противъ нихъ истребительный походъ; напротивъ, въ пе-

*) Первый сынъ, Дмитрій, умеръ въ младенчествѣ.

родъ правленія Сильвестра, Адашева и людей ихъ партіи, бѣльшею частью принадлежавшихъ къ высшему званію, мы видимъ мудрую заботливость о народномъ благосостояніи. Съ другой стороны, свирѣпость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословіе, но и народныя массы, какъ показываетъ бойня въ Новгородѣ, травля народа медвѣдями для забавы, отдача опричникамъ на расхищеніе цѣлыхъ волостей.

„Обыкновенно думаютъ, что Иванъ горячо любилъ свою первую супругу; дѣйствительно, на ея погребеніи онъ казался внѣ себя отъ горести. Но тѣмъ не менѣе оказывается, что черезъ восемь дней послѣ ея погребенія Иванъ уже искалъ себѣ другой супруги, а между тѣмъ, предался необузданному разврату: такъ не поступаютъ дѣйствительно любящіе люди. Царь окружилъ себя любимцами, которые разшевеливали его дикія страсти. Главными изъ этихъ любимцевъ были: бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его Ѳеодоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта-Скуратовъ, Бѣльскій, Василій Грязной и чудовской архимандритъ Левкій. Подъ ихъ наитіемъ царь началъ въ 1561 году свирѣпствовать надъ друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: братъ, Алексѣя Адашева, Данило съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, тестъ его Туровъ, трое братьевъ жены Алексѣя Адашева, Сатинны. Иванъ Васильевичъ, 21 августа 1561 года, женился на дочери черкесскаго князя Темрюка, названной въ крещеніи Маріею. Братъ новой царицы, Михайло, необузданный и развратный, поступилъ въ число новыхъ любимцевъ царя“.

Свирѣпость Іоанна росла; казни слѣдовали за казнями. Началась война съ Польшей. Она шла неудачно. Это еще болѣе ожесточало Іоанна. Число казней мнимыхъ измѣнниковъ, ни въ чемъ невиноватыхъ, все увеличивалось. Нѣкоторые вельможи, многіе дворяне и дѣти боярскіе бѣжали въ Польшу, спасаясь отъ казни. Однимъ изъ бѣжавшихъ былъ князь Курбскій.

„Этотъ бояринъ, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ членовъ Адашевскаго кружка, начальствуя войскомъ въ Ливоніи, въ концѣ 1563 года бѣжалъ изъ Дерпта въ городъ Вольмаръ, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду Августу, который принялъ его ласково, далъ ему въ помѣстье городъ Ковель и другія имѣнья. Курбскій посылалъ изъ новаго отечества къ царю укоризненные, ѣдкія письма, а царь писалъ ему длинныя отвѣты.“

Король польскій убѣждалъ крымскаго хана Девлетъ Гирея сдѣлать нашествіе на Россію; осенью 1564 года разнеслась молва, что идутъ съ запада король польскій съ огромнымъ войскомъ, а съ юга Девлетъ Гирей. Иванъ Васильевичъ трепеталъ; ему воображалось, что измѣнники будутъ помогать врагамъ, желалъ истреблять этихъ мнимыхъ измѣнниковъ въ размѣрѣ, большемъ прежняго, но трусилъ и придумалъ устроить такъ, чтобы самъ народъ просилъ его убивать всѣхъ, кого онъ хочетъ.

„Въ концѣ 1564 года царь приказалъ собрать изъ городовъ въ Москву съ женами и дѣтьми дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей, выбравъ ихъ поименно. Разнесся слухъ, что царь собирался ѣхать неизвѣстно

куда. Иванъ объявилъ духовнымъ и свѣтскимъ знатымъ лицамъ: ему сдѣлалось извѣстнымъ, что многіе не терпятъ его, не желаютъ, чтобы царствовалъ онъ и его наслѣдники, злоумышляютъ на его жизнь; поэтому онъ намѣренъ отказаться отъ престола и передать правленіе всей землѣ. Потомъ нѣсколько дней и ночей ѣздилъ онъ по церквамъ; наконецъ, 3 декабря пріѣхало въ Кремль множество саней: начали изъ дворца выносить и укладывать всякія драгоценности. Всѣмъ прибывшимъ изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказано собираться въ путь съ царемъ. Выбраны были также нѣкоторые изъ бояръ и дворянъ московскихъ для сопровожденія царя, съ женами и дѣтьми. Въ Успенскомъ соборѣ велѣно было служить обѣдню митрополиту. Отслушавши литургію, царь сѣлъ въ сани съ царицею и двумя сыновьями. Съ нимъ отправились любимцы его: Алексѣй Басмановъ, Михайло Салтыковъ, князь Аѳанасій Вяземскій, Иванъ Чоботовъ, избранные дѣяки и придворные. Вооруженная толпа выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сопровождала ихъ. Всѣ въ Москвѣ были въ недоумѣніи. Двѣ недѣли по причинѣ оттепели царь долженъ былъ пробить въ селѣ Коломенскомъ, потомъ переѣхалъ въ Александровскую слободу, свое любимое мѣстопребываніе.

„Никто изъ Москвы не осмѣлился обратиться къ удалившемуся государю. Наконецъ, 3 января пріѣхалъ отъ него въ столицу Константинъ Поливановъ съ грамотою къ митрополиту. Иванъ объявлялъ, что онъ положилъ гнѣвъ свой на архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ, окольныхъ, дѣяковъ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей; жаловался, что они не радятъ о государѣ, а когда царь захочетъ своихъ бояръ, дворянъ, служилыхъ и приказныхъ людей понаказать, архіепископы и епископы заступаются за виновныхъ; поэтому государь не хочетъ болѣе терпѣть измѣнныхъ дѣлъ и поѣхалъ поселиться тамъ, гдѣ ему Господь Богъ наставитъ.

„Гонецъ привезъ отъ государя другую грамоту къ гостямъ, купцамъ и ко всему московскому народу. Въ ней государь писалъ, чтобы московскіе люди ни мало не сомнѣвались: на нихъ нѣтъ отъ царя ни гнѣва, ни опалы. Само собою разумѣется, что ни служилые, ни духовные не могли оправдываться. Народъ же единогласно вопилъ: Пусть государь не оставляетъ государства, пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ!“

„2 февраля царь прибылъ въ Москву и явился посреди духовенства, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Его едва узнали, когда онъ появился. Злоба исказила черты лица, взглядъ былъ мраченъ и свирѣпъ: безпокойные глаза постоянно перебѣгали изъ стороны въ сторону; на головѣ и бородѣ вытѣзли почти всѣ волосы. Видно было, что передъ этимъ онъ понесъ потрясеніе, которое зловредно подѣйствовало на его здоровье. Съ этихъ поръ поступки его показываютъ состояніе души близкое умопомѣшательству. Вѣроятно, такой перемѣнѣ въ его организмѣ содѣйствовала развратная жизнь. Иванъ объявилъ, что онъ по желанію и челобитію московскихъ людей, а наипаче духовенства, принимаетъ власть снова съ тѣмъ, чтобы ему измѣнниковъ вольно было казнить смертію и отбирать на себя ихъ имущество и чтобы духовные впередъ не падоудали ему челобитьемъ о помилованіи опальныхъ. Иванъ предложилъ уставъ опричнины, придуманный имъ или, быть можетъ, его любимцами. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: государь поставитъ себѣ особый дворъ, выберетъ себѣ бояръ, окольныхъ, отберетъ себѣ особыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ. Затѣмъ всѣ владѣнія московскаго государства раздвоились, государь выбиралъ себѣ и своимъ сыновьямъ города съ волостями, которые должны были покрывать издержки на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ, отобраннымъ въ опричнину. Въ волостяхъ этихъ городовъ помѣстья исклю-

чительно раздавались тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые были записаны въ опричнину, числомъ 1.000; и всѣ вотчинники и помѣщики, имѣвшіе владѣнія въ этихъ опричныхъ волостяхъ, но не выбранные въ опричнину, переводятся въ города и волости за предѣлами опричнины. Въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы, изъ которыхъ жители, невыбранные въ опричнину, выводились прочь. Въмѣсто Кремля царь приказалъ строить себѣ другой дворъ за Неглинною, но главное мѣстопробываніе свое назначалъ онъ въ Александровской слободѣ. Вся затѣмъ осталшая Русь называлась земщиной, повѣрялась земскимъ боярамъ: Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ. По всѣмъ земскимъ дѣламъ въ земщинѣ относились къ боярскому совѣту, а бояре въ важнѣйшихъ случаяхъ докладывали государю. Земщина имѣла значеніе опальной земли, постигнутой царскимъ гнѣвомъ.

„Царь уѣлся въ Александровской слободѣ, во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ. Никто не смѣлъ ни выѣхать, ни въѣхать безъ вѣдома Ивана: для этого въ трехъ верстахъ отъ слободы стояла воинская стража. Иванъ жилъ тутъ, окруженный своими любимцами. Любимцы набирали въ опричнину дворянъ и дѣтей боярскихъ и, вмѣсто 1.000 человекъ, вскорѣ наверстали ихъ до 6.000, которымъ раздавались помѣстья и вотчины, отнимаемыя у прежнихъ владѣльцевъ, долженствовавшихъ терпѣть раззореніе и переселяться со своего пепелища. У послѣднихъ отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что ихъ въ зимнее время высылали иѣшкомъ на пустыя земли. Такихъ несчастныхъ было болѣе 12.000 семействъ; многіе погибали на дорогѣ. Новые землевладѣльцы дозволяли себѣ всякія наглости и призыволь надъ крестьянами, жившими на ихъ земляхъ, и вскорѣ привели ихъ въ такое нищенское положеніе, что казалось, какъ будто непріятель посѣтилъ эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всемъ, что они услышатъ дурного о царѣ, но не имѣть никакого дружескаго сообщенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Всякому доносу опричника на земскаго давали вѣру; чтобъ угодить царю, опричникъ долженъ былъ отличатся свирѣпостью къ земскимъ людямъ; за всякій признакъ состраданія къ ихъ судьбѣ опричникъ былъ въ опасности отъ царя потерять свое помѣстье, подвергнуться пожизненному заключенію, а иногда и смерти. Что касается до массы народа, до крестьянъ, то въ опричинѣ они страдали отъ произвола новооселенныхъ помѣщиковъ; состояніе рабочаго народа въ земщинѣ было во многихъ отношеніяхъ еще хуже, такъ какъ при всякихъ опалахъ владѣльцевъ раззореніе постигало массу людей, связанныхъ съ опальными условіями жизни, и мы видимъ примѣры, что мучитель, казнивши своихъ бояръ, посылалъ раззорять ихъ вотчины. При такомъ новомъ состояніи дѣлъ на Руси чувство законности должно было исчезнуть. И въ этотъ-то печальный періодъ потеряли свою живую силу начатки общиннаго самоуправленія, недавно установленные правительствомъ Сильвестра и Адашева. Учрежденіе опричнины было такимъ чудовищнымъ орудіемъ деморализаціи народа русскаго, съ которымъ едва ли что нибудь другое въ его исторіи могло сравниться, и глядѣвшіе на это иноземцы справедливо замѣчаютъ: „Если бы сатана хотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе“. Свирѣпыя казни и мучительства возростали со введенія опричнины чудовищнымъ образомъ. Царскій образъ жизни сталъ вполне достоинъ полупомѣшаннаго. Иванъ завелъ у себя въ Александровской слободѣ подобіе монастыря, отобралъ 300 опричниковъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, на головы тафьи или шапочки; самъ себя называлъ игуменомъ, Вяземскаго назначилъ келаремъ, Малюту-Скуратова

пономаремъ, самъ сочинилъ для братіи монашескій уставъ и самъ лично съ сыновьями ходилъ звонить на колокольную. Въ двѣнадцать часовъ ночи всѣ должны были вставать и идти къ продолжительной полуночницѣ. Въ четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братія собиралась къ заутрени. Утреннее богослуженіе длилось по царскому приказанію отъ четырехъ до семи часовъ утра. Самъ царь такъ усердно клалъ земные поклоны, что у него на лбу образовались шишки. Въ восемь часовъ шли къ обѣднѣ. Вся братія обѣдала въ трапезѣ; Иванъ, какъ игуменъ, не садился съ нею за столъ, читалъ передъ всѣми житіе дневного святого, а обѣдалъ уже послѣ одинъ. Нерѣдко, послѣ обѣда, Иванъ ѣздилъ пытать и мучить опальныхъ; въ нихъ у него никогда не было недостатка. Ихъ приводили цѣлыми сотнями и многихъ изъ нихъ передъ глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлеченіе Ивана: послѣ кровавыхъ сценъ онъ казался особенно веселымъ. Современники говорятъ, что онъ всегда дико смѣялся, когда смотрѣлъ на мученія своихъ жертвъ. Сама монашествующая братія его служила ему палачами, и у каждаго подъ рясою былъ для этой цѣли длинный ножъ. Въ назначенное время отправлялась вечерня, затѣмъ братія собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечеріе и царь ложился въ постель, а слѣпцы попеременно рассказывали ему сказки. Иванъ хотя и старался угодить Богу прилежнымъ исполненіемъ правилъ внѣшняго благочестія, но любилъ по временамъ и иного рода забавы. Узнаетъ, напримѣръ, что у кого нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, прикажетъ своимъ опричникамъ силою похитить ее въ собственномъ домѣ и привести къ нему. Поигравши нѣсколько времени со своею жертвою, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвезти къ мужу. Иногда изъ опасенія, чтобы мужъ не вздумалъ мстить, царь отдавалъ тайный приказъ убить его, или утопить. Нерѣдки были также случаи изнасилованія дѣвицъ, и онъ самъ хвастался этимъ.

„Царю особенно хотѣлось уличить своихъ главныхъ бояръ въ измѣнѣ. И вотъ, князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и конюшій Иванъ Петровичъ Челяднинъ получили отъ короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Хоткѣвича письма, приглашавшія ихъ перейти въ Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану. Сомнительно, чтобы въ самомъ дѣлѣ существовали пригласительныя письма къ московскимъ боярамъ; они по крайней мѣрѣ не сохранились въ польскихъ дѣлахъ: видно, все это была хитрость Ивана, желавшаго испытать своихъ бояръ и при малѣйшемъ подозрѣніи погубить ихъ. Но царю не было повода придратъ къ нимъ, хотя ему не стоило труда выдумать другой поводъ погубить конюшаго, котораго онъ особенно не терпѣлъ. Царь обвинилъ несчастнаго старика, будто онъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ; царь призвалъ конюшаго къ себѣ, приказалъ одѣться въ царское одѣяніе, посадилъ на престолъ, самъ сталъ кланяться ему въ землю и говорилъ: „Здравъ буди, государь всея Руси! Вотъ ты получилъ то, чего желалъ; я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола“. Съ этими словами онъ вонзилъ ножъ въ сердце боярина, и приказалъ умертвить его престарѣлую жену. Вслѣдъ затѣмъ, Иванъ приказалъ замучить многихъ знатныхъ лицъ. По приказанію царя опричники хватали женъ опальныхъ людей, насиловали ихъ, нѣкоторыхъ приводили къ царю, врывались въ вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьянъ, раздѣвали до-нага дѣвушекъ и въ поруганіе заставляли ихъ ловить куръ, а потомъ стрѣляли въ нихъ. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

„Въ началѣ 1569 года царь покончилъ съ Владиміромъ Андреевичемъ*): заманилъ его съ женою въ Александровскую слободу и умертвилъ обоихъ. О родѣ смерти этихъ жертвъ показанія современниковъ не сходятся между собою: по однимъ — ихъ отравили, по другимъ — зарѣзали. Вслѣдъ затѣмъ была утоплена въ Шекснѣ подъ Горицкимъ монастыремъ мать Владиміра, монахиня Евдоксія. Та же участь вмѣстѣ съ нею постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Іуліанію, вдову брата Иванова, Юрія.

„Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Жажда крови усиливалась въ Иванѣ. Его разсудокъ все болѣе и болѣе затмѣвался. Въ сентябрѣ 1569 года умерла вторая жена его, Марія Темрюковна, никѣмъ не любимая. Ивану вообразилось, что и она, подобно Анастасіи, отравлена лхими людьми. Постоянный ужасъ, каждоминутная боязнь за свою жизнь все болѣе и болѣе овладѣвали царемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что кругомъ его множество враговъ и измѣнниковъ, а отыскать ихъ былъ не въ силахъ: онъ готовъ былъ то истреблять повально чуть не весь русскій народъ, то бѣжать отъ него въ чужіе края. Уже и своимъ опричникамъ онъ не вѣрилъ; уже онъ чувствовалъ, что Басмановы, Вяземскій и братія ихъ овладѣли имъ; ненавидѣлъ ихъ: уже близокъ былъ конецъ ихъ. Въ это время царь приблизилъ къ себѣ голландскаго доктора Ромелія. Изъ угожденія Ивану этотъ пришлецъ поддерживалъ въ немъ страхъ астрологическими суевѣріями, предсказывалъ бунты и измѣны; онъ-то, какъ говорятъ, внушилъ Ивану мысль обратиться къ англійской королевѣ. Иванъ писалъ къ Елизаветѣ, что измѣнники составляютъ противъ него заговоры, соумышляютъ съ враждебными ему сосѣдями, хотятъ истребить его со всѣмъ родомъ. Иванъ просилъ англійскую королеву дать ему убѣжище въ Англіи. Елизавета отвѣчала, что московскій царь можетъ пріѣхать въ Англію и жить тамъ сколько угодно. Но, готовясь убѣгать отъ русскаго народа, Иванъ нашелъ предлогъ до сыта удовлетворить своей кровожадности и совершить надъ русскимъ народомъ такое чудовищное дѣло, которому равнаго мало можно найдти въ исторіи. Московскій царь давно уже не терпѣлъ Новгорода. Иванъ читалъ лѣтописи и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описывались проявленія древней вѣчевой свободы. Нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Въ 1569 году онъ началъ выводить изъ этихъ городовъ жителей съ ихъ семьями: изъ Новгорода взялъ сто пятьдесятъ, изъ Пскова пятьсотъ. Новгородъ и Псковъ были въ большомъ страхѣ. Въ это время какой-то бродяга, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отмстить новгородцамъ и угодить Ивану. Онъ написалъ письмо, какъ будто отъ архіепископа Пимена и многихъ новгородцевъ, къ Сигизмунду Августу, спрятавъ это письмо въ Софійской церкви за образъ Богородицы, а самъ убѣждалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому государю. Царь съ жадностью ухватился за этотъ доносъ и тотчасъ отправилъ въ Новгородъ искать указанныхъ грамотъ. Граматы дѣйствительно отыскались. Чудовищно-развитое воображеніе Ивана и любовь къ злу не допустили его до какихъ-нибудь сомнѣній въ дѣйствительности этой продѣлки.

„Въ декабрѣ 1569 года предпринялъ Иванъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ какъ на войну. Не только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь была осуждена на кару, какъ бы въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда тверскіе

*) Двоюроднымъ братомъ своимъ, котораго давно держалъ подъ надзоромъ.

князя боролись съ московскими. Первымъ пострадалъ городъ Клпнъ, принадлежавшій нѣкогда Твери. Отсюда Иванъ пошелъ на Тверь. На пути все раззоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не правился. Подступивши къ Твери, Иванъ приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ, стоялъ подъ Тверью пять дней, опричники бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, окна, двери, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары, свозили въ кучи, сожигали, потомъ удалились. Жители начали думать, что этимъ дѣло кончится, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого ни попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ; иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, и т. д. Изъ Твери царь уѣхалъ въ Торжокъ; и тамъ повторилось то же самое. Въ помянникѣ Ивана записано убитыхъ тамъ православныхъ христіанъ 1490 человекъ. Изъ Торжка Иванъ шелъ на Вышній-Волочекъ, Валдай, Яжелбицы. По обѣ стороны отъ дороги, опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и раззоряли ихъ достояніе.

„Еще до прибытія Ивана въ Новгородъ пріѣхалъ туда его передовой полкъ. По царскому повелѣнію тотчасъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ никто не могъ убѣжать изъ него. Потомъ нахватили духовныхъ изъ новгородскихъ и окрестныхъ монастырей и церквей и заковали въ желѣза и въ Городищѣ поставили на правежъ; всякій день били ихъ на правежѣ, требуя 20 новгородскихъ рублей съ каждаго, какъ бы на выкупъ. Такъ продолжалось пять дней. Дворяне и дѣти боярскіе, принадлежавшіе къ опричнинѣ, созвали въ дѣтинецъ *) знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также и приказныхъ людей, заковали и отдали приставамъ подъ стражу, а дома ихъ и имущество опечатали. Это дѣлалось въ первыхъ числахъ января 1570 года.

„6 января, въ пятницу, вечеромъ, пріѣхалъ государь въ Городище съ остальнымъ войскомъ и съ 1500 московскихъ стрѣльцовъ. На другой день дано повелѣніе перебить дубинами до смерти всѣхъ игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, и развезти тѣла ихъ на погребеніе, каждаго въ свой монастырь. 8 января, въ воскресенье, царь далъ знать, что пріѣдетъ къ св. Софіи къ обѣднѣ. По давнему обычаю, архіепископъ Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами, сталъ на Волховскомъ мосту у часовни встрѣчать государя. Царь не цѣловалъ креста изъ рукъ архіепископа, и сказалъ такъ: „Ты, злочестивецъ, въ рукѣ держишь не крестъ животворящій, а вмѣсто креста оружіе; ты, со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этимъ оружіемъ уязвить наше царское сердце; вы хотите Великій Новгородъ отдать польскому королю Жигмунту-Августу“. Затѣмъ, не подходя къ кресту, царь приказалъ архіепископу служить обѣдню.

„Иванъ отслушалъ обѣдню со всѣми своими людьми, а изъ церкви пошелъ въ столовую палату. Тамъ былъ приготовленъ обѣдъ для высокаго гостя. Едва усѣлся Иванъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ. Это былъ условный знакъ: архіепископъ Пименъ былъ схваченъ; опричники бросились грабить его казну, отправились по всѣмъ монастырямъ и церквямъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

„Вслѣдъ затѣмъ Иванъ приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскіе дѣти боярскіе, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ

*) Цитадель.

женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу передъ собою, Иванъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать „неисповѣдимыми“, какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ поджигать ихъ какимъ то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался „поджаръ“; потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замерзшей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. Пять недѣль продолжалось неукротимая ярость царева“, говоритъ современникъ. Когда, наконецъ, царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Иванъ началъ прогулку по мірскому жителству Новгорода, приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ, раззорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13 февраля, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: „Жители Великаго Новгорода, молитесь всемплостиваго, всецѣдраго, челоуѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ державствѣ. Судить Богъ измѣннику моему и вашему, архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; на нихъ измѣнникахъ взыщется пролитая кровь“. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Веневъ въ заточеніе, и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

„Число истребленныхъ показывается современниками различно и вѣроятно преувеличенно *). Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ-друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 года свозили кучами умершихъ въ церкви Рождества въ Полѣ вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывавшими на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

„До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Ивана III, былъ городомъ богатымъ и славился признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Иванова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія“.

Ивану Васильевичу воображалось, что находится и въ Москвѣ много соучастниковъ новгородской измѣны, что есть измѣнники даже

*) Таубе и Крузе назначаютъ до 15.000. Въ Псковскомъ лѣтописцѣ число казненныхъ увеличено до 60.000; въ Новгородской «новѣсти» говорится, что царь топилъ въ день по 1000 чел. и въ рѣдкій по 500.

между самыми приближенными къ нему опричниками. Онъ подозрѣвалъ князя Вяземскаго и Басмановыхъ. Возвратившись изъ Новгорода, онъ однажды позвалъ къ себѣ Вяземскаго, говорилъ съ нимъ дружески, а между тѣмъ другіе опричники перебили въ домѣ Вяземскаго слугъ его. Самого Вяземскаго онъ посадилъ въ тюрьму и пыталъ, допрашивая, гдѣ его сокровища. Вяземскій выдалъ все, что имѣлъ, но его продолжали мучить. Онъ умеръ въ пыткѣ. Басмановъ-отецъ былъ убитъ, и какъ говорятъ, его убилъ сынъ по приказанію царя. Послѣ того Иванъ Васильевичъ принялся убивать мнимыхъ измѣнниковъ въ Москвѣ.

„25 іюля на Красной площади поставлено было 18 висѣлицъ и разложены всевозможныя орудія казни: печи, сковороды, острые желѣзные когти, клещи, иглы, веревки для перетиранія тѣла пополамъ, котлы съ кипящею водою, кнуты и пр. Народъ, увидѣвши всѣ эти приготовленія, пришелъ въ ужасъ и въ безпамятствѣ бросился бѣжать куда попало. Купцы побросали въ отворенныхъ лавкахъ товаръ и деньги. Выѣхалъ царь съ опричниками, за ними вели 300 человекъ, въ ужасающемъ видѣ отъ слѣдовъ пытки; они едва держались на ногахъ. Площадь была совершенно пуста; царь разослалъ гонцовъ по всѣмъ улицамъ и велѣлъ кричать: „Идите безъ страха, никому ничего не будетъ, царь общаетъ всѣмъ милость“. Москвичи стали выползать, кто—съ чердака, кто изъ погреба и сходятся на площадь. „Праведно ли я караю лютыми муками измѣнниковъ? Отвѣчайте!“—закричалъ Иванъ народу. „Будь здоровъ и благополученъ!“—закричалъ народъ:—„преступникамъ и злодѣямъ достойная казнь!“—Тогда царь велѣлъ отобрать 180 человекъ и объявилъ, что даруетъ имъ жизнь по своей великой милости. Остальныхъ всѣхъ казнили мучительными казнями. Изобрѣтательность царя была такъ велика, что почти каждому была особая казнь; такъ, напримѣръ, Висковатаго повѣсили вверхъ ногами и разсѣкли на части; Фуникова обливали попеременно, то кипящею, то ледяною водою и т. и. На другой день послѣ казни потоплены были жены казненныхъ и нѣкоторыя передъ тѣмъ подвергались изнасилованію и поруганію. Тѣла казненныхъ лежали нѣсколько дней на площади, терзаемыя собаками.

„Русская земля, страдая отъ мучительства царя, терпѣла въ то же время и отъ другихъ причинъ: нѣсколько лѣтъ сряду были неурожаи, свирѣпствовали заразительныя болѣзни, повсюду была нищета, смертность. Ливонская война истощала силы и трудъ русскаго народа. Толпы русскихъ были насильно переселяемы въ ливонскіе города на мѣсто нѣмцевъ, переведенныхъ въ московское государство, и пропадали на новосельѣ или отъ недостатка средствъ, или отъ нѣмецкаго оружія. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій не доставало давняго бича русскаго народа—татарскаго нашествія; и это суждено было испытать многострадальному русскому народу.

„Не послушавшись своихъ совѣтниковъ, Иванъ пропустилъ удобный случай покончить съ Крымомъ, но раздражилъ Девлетъ-Гирея. Крымскій ханъ съ тѣхъ поръ постоянно злобствовалъ противъ Москвы, и дожидался случая отмстить ей. Тогда какъ силы Руси истощались, орда, бывшая прежде въ разстройствѣ, поправилась. Девлетъ-Гирей съ необыкновенною скоростью собралъ до ста двадцати тысячъ крымцевъ и нагаевъ и весною 1571 года бросился въ середину московскаго государства. Воеводы не успѣли загородить ему путь черезъ Оку. Ханъ обошелъ ихъ, направился къ Серпухову,

гдѣ былъ въ то время царь съ опричниками. Иванъ Васильевичъ бѣжалъ и предалъ столицу на произволъ судьбы. Воеводы (князья Бѣльскій, Мстиславскій и другіе) приготовились было отстаивать столицу. Но татары успѣли пустить огонь въ слободы, и въ какіе-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорѣла. Уцѣлѣлъ одинъ Кремль, куда не пускали народа. Тогда въ Москвѣ погибло такое множество людей, что современники въ своихъ извѣстіяхъ преувеличили число погибшихъ до 80.000. Татары, разграбивъ жалкіе остатки отъ пожара, отступили отъ Москвы“.

По смерти второй жены Маріи, Темрюковны, Иванъ женился на Марѣѣ Васильевнѣ Собакиной; она умерла черезъ нѣсколько дней послѣ брака. На другой годъ Иванъ Васильевичъ велѣлъ собору духовенства разрѣшить ему вступленіе въ четвертый бракъ и женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской. Черезъ годъ она надоѣла ему; онъ постригъ ее въ монахини и, ужъ не спрашивая разрѣшенія духовенства, вступилъ въ пятый бракъ. Эта жена его была Марья Долгорукова. Ему вообразилось, что она до свадьбы любила другого; онъ утопилъ ее въ пруду. Вслѣдъ за тѣмъ онъ женился на Аннѣ Васильчиковой; съ нею жилъ не долго; судьба ея не извѣстна,—знаемъ только, что вскорѣ она исчезла, и онъ женился на Василисѣ Мелентьевой, которая тоже вскорѣ исчезла. Черезъ нѣсколько времени онъ взялъ седьмую жену, Марью Нагую.

Въ 1572 году умеръ король польскій, Сигизмундъ Августъ. Поляки хотѣли выбрать королемъ Ѳедора, сына русскаго царя. Иванъ Васильевичъ сказалъ послу ихъ, чтобы они выбрали его самого, хвалился тѣмъ, что онъ очень добръ, говорилъ, что наказываетъ только злыхъ, а для добрыхъ не пожалѣетъ снять съ себя и опежду. Выбрать королемъ Іоанна поляки не захотѣли, и на польскій престолъ избранъ былъ Генрихъ анжуйскій. Онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Польши занять французскій престолъ по смерти старшаго брата. Королемъ польскимъ избранъ былъ Стефанъ Батори; онъ желалъ упрочить свою власть славой завоеваній, потому искалъ предлога къ войнѣ съ Россіей. Иванъ Васильевичъ самъ напрашивался на войну презрительными отзывами о немъ, какъ человѣкѣ не королевскаго рода. Серьезной причиной войны было то, что Иванъ Васильевичъ продолжалъ дѣлать завоеванія въ Ливоніи. Батори при своемъ избраніи обѣщалъ возвратить Польшѣ отдавшіеся ей и покоренные русскими ливонскіе города. Швеція также начала войну съ Россіей за сѣверную часть орденскаго государства, отдавшуюся королю шведскому. Соединенныя силы поляковъ и шведовъ разбили русское войско въ Ливоніи. Батори взялъ Полоцкъ. Иванъ Васильевичъ оробѣлъ, униженно просилъ мира у Батори; король требовалъ Новгорода, Пскова и Великихъ Лукъ. Иванъ не могъ отдать такую значительную часть Россіи. Война продолжалась. Батори въ 1580 году взялъ Великія Луки, нѣсколько другихъ городовъ, Торопецъ; потомъ литовское войско взяло Холмъ, Старую Русу.

Иванъ Васильевичъ въ это время пировалъ: онъ женилъ своего сына Ѳедора на Иринѣ Ѳедоровнѣ Годуновой, братъ которой Борисъ быстро возвысился послѣ этого брака. Женивъ сына, царь женился и самъ; это былъ седьмой бракъ его. Женой себѣ онъ выбралъ, какъ мы говорили, Марію Ѳедоровну Нагую, дѣвушку незнатной фамиліи.— Онъ снова просилъ мира у Батори, отказывался отъ Ливоніи. Батори въ своемъ отвѣтѣ упрекалъ его въ злодѣйствахъ, говорилъ: «Ты погубилъ народъ цѣлаго города; гдѣ твой братъ Владиміръ, гдѣ множество бояръ и людей? Ты убилъ ихъ; ты не государь своему народу, а палачъ». Иванъ Васильевичъ просилъ императора и папу ходатайствовать за него передъ королемъ польскимъ. Императоръ уклонился отъ посредничества, папа радъ былъ случаю вступить въ сношенія съ русскимъ царемъ, рассчитывая склонить его къ принятію католичества, и отправилъ знаменитаго богослова, искуснаго дипломата Антоніо Поссевино быть посредникомъ между Батори и Иваномъ Васильевичемъ.—Батори въ концѣ лѣта 1581 осадилъ Псковъ. Въ городѣ было 30.000 войска, подъ начальствомъ князей Василія Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго и Ивана Петровича Шуйскаго. Русскіе храбро отбивали приступы. Голодъ и непогоды принудили Батори отступить. Но въ Ливоніи шведы одерживали побѣды. Пріѣхалъ къ Батори, потомъ къ Ивану Васильевичу папскій посолъ; при его посредничествѣ было 6 января 1582 заключено перемиріе на 10 лѣтъ. Московскій царь отказался отъ Ливоніи, уступилъ Полоцкъ и Велижъ; польскій король возвратилъ завоеванія, сдѣланныя имъ въ псковской области.

„Въ ноябрѣ 1581 года царь убилъ своего старшаго сына. Въ нашихъ лѣтонисяхъ говорится, что царевичъ началъ укорять отца за его трусость, за готовность заключить съ Баторіемъ унижительный договоръ; царь, разгнѣвавшись, ударилъ его такъ, что тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Царь мучился, не спалъ ночи, метался, какъ въ горячкѣ. Наконецъ, сталъ освобождаться отъ своей тоски по убитомъ сынѣ и началъ опять проявлять признаки обычнаго свирѣпства“.

Вскорѣ послѣ женитьбы на Маріи Нагой, Иванъ сталъ искать себѣ новой жены; онъ сваталъ родственницу Елизаветы, королевы англійской, Марію Эстингсъ; получивъ отказъ, развѣдывалъ, нѣтъ ли у Елизаветы другой родственницы, на которой бы жениться ему.

„Бѣдная женщина, носившая имя царицы и недавно родившая сына Димитрія, каждый часъ трепетала за свою судьбу, а между тѣмъ здоровье царя становилось все хуже и хуже. Развратная жизнь и свирѣпыя страсти разстроили его. Ему было только пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ, а онъ казался дряхлымъ старикомъ. Въ началѣ 1584 года открылась у него страшная болѣзнь: какое-то гніеніе внутри“.

Чувствуя приближеніе смерти, Иванъ Васильевичъ составилъ завѣщаніе, которымъ устанавливалъ совѣтъ для управленія государствомъ отъ имени душевно-больного Ѳедора. Однимъ изъ членовъ правительственнаго совѣта онъ назначилъ Бориса Годунова, брата жены Ѳедора. Бояре опасались, что Годуновъ захватитъ всю власть. Одинъ изъ нихъ, Богданъ Бѣльскій, съумѣлъ возстановить царя противъ Годунова; Иванъ Васильевичъ составилъ другое завѣщаніе, въ которомъ поручилъ управлять Россіей отъ имени Ѳедора эрцгерцогу Эрнесту, брату императора Рудольфа, и назначалъ его царемъ Россіи въ случаѣ бездѣтной смерти Ѳедора. По смерти Ивана Васильевича, Годуновъ уничтожилъ это завѣщаніе. — Болѣзнь царя развивалась; 17 марта 1584 онъ умеръ. Царемъ былъ привозглашенъ Ѳедоръ.

При Иванѣ Васильевичѣ началось завоеваніе Сибири. Нынѣшнее названіе этой страны расширено русскими на все пространство ея отъ имени царства сравнительно небольшого, занимавшаго западную сторону ея и примыкавшаго къ русскимъ владѣніямъ, а само это царство называлось у русскихъ сибирскимъ по имени своего главнаго города Сибири. Послѣ завоеванія Казани и Астрахани русскими, сибирскій царь Едигеръ отдался подъ власть русскаго царя; но черезъ нѣсколько времени былъ побѣжденъ и убитъ киргизъ-кайсацкимъ ханомъ Кучумомъ, который сталъ нападать на сосѣднія съ сибирскимъ царствомъ русскія земли, находившіяся во владѣніи Строгановыхъ. Въ 1574 году Строгановы получили отъ Ивана Васильевича разрѣшеніе строить крѣпости за Ураломъ для обороны своихъ владѣній и основывать поселенія по рѣкѣ Тоболу. Въ 1582 году они послали за Уралъ атамана волжскихъ казаковъ Ермака съ отрядомъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Царь, узнавъ объ этомъ, разсердился; велѣлъ отозвать Ермака обратно въ Пермь, гдѣ находился онъ прежде на царской службѣ. Но это приказаніе не могло быть исполнено, потому что, когда оно пришло къ Строгановымъ, Ермакъ былъ уже далеко за Ураломъ.

Войско Ермака, состоявшее отчасти изъ людей, числившихся на царской службѣ, отчасти изъ волжскихъ казаковъ, вольныхъ людей, жившихъ добычей, отчасти изъ другихъ бездомныхъ смѣльчаковъ, находившихъ себѣ пріютъ у Строгановыхъ, поплыло вверхъ по Чусовой, потомъ по одному изъ ея притоковъ, рѣкѣ Серебряной, перешло волокомъ къ рѣкѣ Жаравлю, притоку Тагила, поплыло по ней разгоняя подвластныхъ Кучуму инородцевъ, не видывавшихъ огнестрѣльнаго оружія; поплыло по Тоболу, разогнало войско Кучума, стоявшее на берегу Иртыша, не подалеку отъ устья Тобола. Татары сражались храбро, но не могли устоять противъ огнестрѣльнаго оружія, разбѣжались. Ермакъ 26 октября вступилъ въ городъ Сибирь, покинутый жителями, и отправилъ Ивану Васильевичу извѣстіе, что покорилъ ему сибирское царство. Царь послалъ въ Сибирь воеводу съ боль-

шимъ отрядомъ войска. Воевода вскорѣ умеръ; военными дѣйствіями сталъ распоряжаться снова Ермакъ. Черезъ нѣсколько времени, одинъ изъ русскихъ отрядовъ, при которомъ находился самъ Ермакъ, былъ разбитъ неожиданнымъ нападеніемъ татаръ; Ермакъ, бросившійся въ рѣку, чтобы добраться до челнока, утонулъ. Но смерть его не остановила ходъ завоеваній: дѣло уже перешло въ руки правительства; отрядъ и войска шли въ Сибирь, и малочисленные, не имѣющія огнестрѣльнаго оружія, племена страны, получившей названіе Сибири, были покоряемы одно за другимъ.

Федоръ Ивановичъ, душевно больной человѣкъ, не могъ самъ заниматься дѣлами; государствомъ правилъ отъ имени царя братъ его жены, Борисъ Федоровичъ Годуновъ, хитрый, не желавшій быть деспотомъ безъ надобности, но въ случаѣ надобности не отступавшій ни передъ какими мѣрами для охраненія своихъ интересовъ. Подобно большинству другихъ бояръ, Годуновъ не получилъ никакого образованія, но превосходилъ очень многихъ изъ нихъ тѣмъ, что понималъ пользу его для государства.

Все знали, что старшій сынъ Ивана Васильевича не способенъ къ правленію. Богданъ Бѣльскій, которому покойный царь поручилъ своего младшаго сына, Дмитрія, въ это время еще маленькаго ребенка, возбуждалъ жителей Москвы, чтобы они провозгласили царемъ Дмитрія; но это было узвано; бояре въ самую ночь послѣ смерти Ивана Васильевича сослали Дмитрія съ его матерью и ея родственниками Нагими въ Угличъ, а черезъ нѣсколько дней сослали Бѣльскаго въ Нижній-Новгородъ. Но волненіе продолжалось; бояре нашли надобнымъ созвать земскую думу для утвержденія царской власти за Федоромъ. Она собралась 4 мая и провозгласила Федора царемъ.

Въ первое время царствованія Федора существовалъ правительственный совѣтъ, членами котораго были дядя Федора, Никита Романовъ, Борисъ Годуновъ и князья—Федоръ Мстиславскій и Петръ Шуйскій; но скоро Борисъ взялъ всю власть въ свои руки. Никита Романовъ былъ разбитъ параличемъ. На Мстиславскаго взвели обвиненіе, что онъ хочетъ убить Бориса, сослали его въ монастырь и постригли, сослали его друзей. Родъ Шуйскихъ пользовался большей любовью жителей Москвы, потому Борисъ притворялся ихъ другомъ, но они видѣли, что онъ хочетъ погубить ихъ. Чтобы устранить Годунова отъ власти, они задумали развести Федора съ его сестрой, женить на княжнѣ Мстиславской; но Борисъ узналъ объ этомъ, сослалъ Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйскихъ; въ ссылкѣ удавили ихъ; Федору Нагому и нѣсколькимъ другимъ соучастникамъ ихъ замысла отрубили головы, многихъ знатныхъ людей, сочувствовавшихъ имъ, сослали; княжну Мстиславскую постригли въ монахини. Борисъ сталъ полнымъ властелиномъ государства. Царскую фамилію составляли кромѣ Федора только три лица: братъ царя, ребенокъ

Димитрій, Марія, дочь Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата покойнаго царя и маленькая дочь Маріи отъ покойнаго мужа, датскаго принца Магнуса, Евѣимія. Марія съ дочерью жила въ Ригѣ; Борисъ заманилъ ее въ Москву обѣщаніемъ большихъ царскихъ милостей, черезъ нѣсколько времени сослалъ въ монастырь и велѣлъ постричь. Года черезъ три дочь ея умерла, или, какъ говорила молва, была убита по приказанію Бориса.

Борисъ могъ имѣть увѣренность, что останется всемогущимъ правителемъ государства, пока живъ будетъ Ѳеодоръ; но Ѳеодоръ былъ слабъ здоровьемъ и бездѣтенъ; по смерти его царская корона должна была перейти къ Димитрію; тогда Нагіе, родственники Димитрія, отмстили бы Борису за зло, какое онъ сдѣлалъ имъ. Молва говорила, что Димитрій уже выказываетъ отцовскія склонности, любить мучить, убивать животныхъ и грозитъ, что, когда станетъ царемъ, отрубить руки, ноги, головы Борису Годунову и его сторонникамъ. Въ 1591 году Годуновъ послалъ Михаила Битяговскаго въ Угличъ надзирать за царицей Маріей, Димитріемъ и Нагими. Помощниками Михаила были посланы сынъ его Данило Битяговскій и племянникъ Качаловъ. Царица Марія и Нагіе ненавидѣли этихъ людей. Черезъ нѣсколько времени по ихъ пріѣздѣ, 15 мая пономарь соборной церкви ударилъ набатъ. Народъ сбѣжался во дворъ царицы, увидѣлъ, что царевичъ лежитъ мертвый съ перерѣзаннымъ горломъ. Мать сказала, что его зарѣзали люди, присланные Борисомъ. Народъ убилъ всѣхъ трехъ ихъ. Борисъ послалъ въ Угличъ боярина Василія Ивановича Шуйскаго произвести слѣдствіе. Шуйскій произвелъ его безсовѣстно, не сдѣлалъ осмотра тѣла, не спрашивалъ царицу Марію. Дядя царевича, Михаилъ Нагой, сказалъ, что онъ зарѣзанъ Битяговскими и Качаловымъ. Всѣ другіе, спрошенные Шуйскимъ, показали, что царевичъ самъ зарѣзалъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Разбирая эти показанія, нельзя не видѣть, что они лживы; такъ напримѣръ люди, не видѣвшіе, какъ было дѣло, говорили, что видѣли все. Годуновъ созвалъ совѣтъ духовныхъ сановниковъ и бояръ рассмотреть слѣдствіе, произведенное Шуйскимъ. Всѣ боялись Бориса. Совѣтъ рѣшилъ, что невинность Битяговскихъ и Качалова доказана слѣдствіемъ, что Нагіе, возмущившіе народъ противъ нихъ, виновны въ клеветѣ и въ убійствѣ невинныхъ. Борисъ сослалъ Нагихъ въ отдаленные города подъ стражу, велѣлъ насильно постричь царицу Марію въ монахини подъ именемъ Марѳы. Жители Углича, обвиненные въ убійствѣ Битяговскихъ и Качалова, были казнены, многіе другіе сосланы въ Сибирь. Народъ не вѣрилъ объявленію правительства, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, былъ убѣжденъ, что онъ зарѣзанъ по приказанію Бориса.

Россія готовилась тогда къ войнѣ со Швеціей, войска были сосредоточены на сѣверо-западѣ; воспользовавшись этимъ крымскій

ханъ сдѣлалъ нападеніе, дошелъ до самой Москвы; но, услышавъ, что туда пришли войска, отступилъ; русскіе преслѣдовали его. Народъ говорилъ, что Борисъ самъ навелъ хана на московское государство, чтобъ отвлечь этимъ вниманіе людей отъ убійства Димитрія. Онъ разыскивалъ говорившихъ это, велѣлъ пытать ихъ, рѣзать имъ языки.

Чтобы привлечь къ себѣ служилыхъ людей, получавшихъ помѣстья вмѣсто жалованья, Борисъ издалъ законъ, воспретившій поселянамъ, живущимъ на земляхъ помѣщика, уходить отъ него. Этимъ была уничтожена прежняя личная свобода массы сельскаго населенія. Множество поселянъ бѣжало отъ помѣщиковъ; правительство ловило бѣглыхъ, они уходили къ казакамъ на южныя окраины государства или внутри его составляли разбойничьи шайки.

Царь Ѳеодоръ, съ молодости бывшій болѣзненнымъ, умеръ 7 января 1598 года. Борисъ объявилъ, что Ѳеодоръ назначилъ государынею свою жену. Ирина отказалась принять власть и черезъ девять дней по смерти мужа постриглась въ монахини. Бояре постановили, что править будетъ боярская дума, созвали народъ присягать на вѣрность ей. Но въ толпѣ было много людей, дѣйствовавшихъ по приказанію Бориса. Они закричали, что надобно поставить царемъ его. Власть находилась въ его рукахъ; никто не отважился противорѣчить. Патріархъ, бояре, народъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ жила постригшаяся въ монахини царица и жилъ при ней братъ ея. Борисъ долго отказывался принять царскій санъ. Патріархъ Іовъ, бывшій орудіемъ его, сказалъ, что надобно созвать земскій соборъ, рѣшенію котораго не станетъ сопротивляться Борисъ. Прислужники Годунова поѣхали по государству устроить такъ, чтобы депутатами въ земскій соборъ были выбраны сторонники Бориса. Такъ и было сдѣлано въ большинствѣ городовъ. Число членовъ собора было 474; изъ нихъ 99 были духовныя лица, 272 служилые люди; отъ всѣхъ земскихъ сословій было только 103 представителя. Выборные люди собрались 17 февраля. Патріархъ, открывая это первое засѣданіе земскаго собора своею рѣчью, только для благовидности далъ началу ея форму вопроса о томъ, кому быть царемъ; не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ, что у духовенства, бояръ, служилыхъ людей и у всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшихъ въ Москвѣ, одна мысль: просить Бориса Ѳеодоровича быть царемъ. Никто не отважился противорѣчить. Три дня шли молитвы въ церквахъ о томъ, чтобы Богъ склонилъ Бориса согласиться на волю всѣхъ людей московскаго государства; 20 февраля патріархъ съ выборными людьми пошелъ въ Новодѣвичій монастырь; за ними шелъ народъ. Они умоляли Бориса быть царемъ; онъ отказался. На слѣдующій день, 21 февраля, эта сцена возобновилась; Борисъ, наконецъ, согласился быть царемъ. Онъ далъ сельскому народу льготу отъ податей на годъ, торговымъ людямъ на два

года право безошлинной торговли, служилымъ людямъ выдалъ въ подарокъ годовое жалованье. И потомъ онъ старался угождать всѣмъ для упроченія своей власти. Но масса народа не любила его, потому что, считая расположеніе военнаго сословія главной опорой своей власти, онъ бралъ сторону помѣщиковъ противъ поселянъ, жившихъ на ихъ земляхъ. Воспрещеніе перехода, сдѣланное при Ѳедорѣ, строго сохранялось: бѣглыхъ разыскивали, возвращали господамъ; отдавали въ холопство господину тѣхъ служащихъ у него, которыхъ называлъ своими холопами. Число бѣглыхъ увеличивалось и составлявшіяся изъ нихъ разбойничьи шайки росли.

Въ концѣ 1600 года разошелся слухъ, что царевичъ Димитрій не убитъ, что друзья скрыли его отъ убійцъ, подмѣнивъ другимъ мальчикомъ, спасли, что онъ живетъ въ Польшѣ и скоро явится въ московское государство, взять принадлежащую ему царскую власть. Народъ вѣрилъ этой молвѣ, говорилъ о спасенномъ царевичѣ съ сочувствіемъ. Борисъ испугался, принялъ мѣры для предотвращенія опасности, не отваживаясь объявить, въ чемъ видитъ ее; велѣлъ хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ нему; ихъ пытали, вывѣдывая, что знаютъ они о человѣкѣ, выдающемъ себя за спасеннаго царевича. Но все это дѣлалось тайно; Борисъ молчалъ передъ народомъ о молвѣ, пугавшей его, какъ будто можно было сохранить въ секретѣ то, о чемъ говорилъ весь народъ.

„Борисъ подъ предлогомъ, что въ Литвѣ свирѣпствуетъ какое-то повѣтріе, велѣлъ учредить на литовской границѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого, ни изъ Литвы, ни въ Литву, а внутри государства умножилъ шпионовъ, которые всюду прислушивались: не говоритъ ли кто о Димитріѣ, не ругаетъ ли кто Бориса. Обвиненнымъ рѣзали языки, сажали ихъ на колья, жгли на медленномъ огнѣ или засылали въ Сибирь. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской украинѣ подъ знаменемъ Димитрія собирается ополченіе и со дня на день нужно ждать вторженія въ московскіе предѣлы. Посовѣтовавшись съ патриархомъ, царь находилъ, что нужно же объяснить народу, кто такой обманщикъ. Стали думать и придумали, что это должно быть бѣжавшій въ 1602 году Григорій Отрепьевъ. Онъ былъ родомъ изъ Галицкихъ дѣтей боярскихъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ и былъ крестовымъ дякомъ (секретаремъ) у патриарха Іова. Стали распространять исподволь въ народѣ слухъ, что явившійся въ Польшѣ обманщикъ не кто иной, какъ бѣглый Григорій Отрепьевъ, но не рѣшалось еще огласить объ этомъ во всеуслышаніе. Борисъ приказалъ привезти мать Димитрія и тайно допрашивалъ ее: живъ ли ея сынъ, или нѣтъ? „Я не знаю“ отвѣтила Марѳа. Царица, жена Бориса, пришла въ такую ярость, что швырнула Марѳѣ горящую свѣчу въ лицо. „Мнѣ говорили“,—сказала Марѳа,—„что сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома; а тѣ, что такъ говорили, уже умерли“. Разсерженный Борисъ велѣлъ ее отвезти въ заключеніе и содержать съ большою строгостью“.

Казаки южной окраины польскаго государства ужь довольно издавна облегчали себѣ грабежъ Молдавіи, выставя самозванцевъ и возбуждая мятежи въ пользу этихъ мнимыхъ законныхъ наслѣдни-

ковъ молдавскаго княжескаго сана. Видя разстройство московскаго государства, они примѣнили къ нему этотъ способъ облегчать себѣ грабежъ черезъ возбужденіе междоусобія въ землѣ, которую выбирали цѣлью своего нашествія.

Молодой человѣкъ, назвавшій себя Димитріемъ, учился въ Гощѣ, въ школѣ унитаріевъ (социніанъ), вѣроисповѣданіе которыхъ было проникнуто духомъ раціонализма; тамъ онъ усвоилъ себѣ принципы вѣротерпимости, отъ которыхъ не отказался и впослѣдствіи. Когда заискивалъ покровительства іезуитовъ, онъ только обманывалъ ихъ обѣщаніями, которыхъ не сталъ исполнять, сдѣлавшись царемъ. Въ 1603 онъ поступилъ на службу при дворѣ князя Адама Вишневецкаго и черезъ нѣсколько времени объявилъ князю Адаму, что онъ царевичъ Димитрій; братъ Адама, князь Константинъ, привезъ его къ своему тестю, Юрію Мнишку, воеводѣ сендомирскому, безчестному интриганту, презираемому большинствомъ польскихъ вельможъ. При Сигизмундѣ Августѣ Мнишекъ, бывшій прислужникомъ волокитствъ одряхлѣвшаго короля, нажилъ огромное богатство; но теперь оно было промотано; интригантъ, обремененный долгами, хотѣлъ поправить свои дѣла, выдавая дочерей за богатыхъ вельможъ; одну онъ уже выдалъ за князя Константина Вишневецкаго; другую, Марину, онъ вздумалъ теперь пристроить еще лучше, выдавъ ее за человѣка, который будетъ московскимъ царемъ. Безъ сомнѣнія, Мнишекъ понималъ, что этотъ человѣкъ — самозванецъ; но царевичъ Димитрій обѣщался жениться на его дочери Маринѣ, и онъ сталъ усердно помогать будущему зятю. Іезуиты надѣялись, что претендентъ, овладѣвъ московскимъ престоломъ при ихъ помощи, введетъ въ своемъ царствѣ католичество; Сигизмундъ, находившійся подъ ихъ вліяніемъ, принялъ его подъ свое покровительство. Димитрій обѣщался возвратить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, дозволить построеніе католическихъ церквей въ московскомъ государствѣ. Сигизмундъ назначилъ ему довольно большое денежное пособіе на издержки похода въ Россію, дозволилъ брать поляковъ на службу для войны съ Борисомъ. Мнишекъ взялъ съ Димитрія обѣщаніе, что онъ, сдѣлавшись царемъ, женится на Маринѣ и дастъ женѣ въ удѣлъ Новгородъ и Псковъ; а тестю Смоленскъ и Сѣверскую землю. Димитрій, обѣщавшійся отдать эти двѣ области королю, обѣщался отдать ихъ и Мнишку, обманывая и того и другого.

Большинство польскихъ вельможъ порицало короля за покровительство человѣку, который, какъ было ясно для нихъ, — самозванецъ. Потому Сигизмундъ не могъ формально признать своего кліента царевичемъ Димитріемъ и дать ему войско, но тайно помогалъ ему. Димитрій написалъ грамоты московскому народу и казакамъ. Буйные люди южной части польскаго государства стали сходиться къ

нему. Къ началу осени 1604 года у него набралось 2.000 казаковъ и 31.000 другихъ волонтеровъ; онъ пошелъ на московское государство; въ октябрѣ сдался ему Черниговъ.

„Въ ноябрѣ онъ осадилъ Новгородъ-Сѣверскъ, но былъ отбитъ посланнымъ туда царскимъ воеводою Басмановымъ. Послѣ того царь выслалъ противъ Димитрія войско подъ главнымъ начальствомъ Ѳедора Мстиславскаго. Это войско 20 декабря потерпѣло неудачу. Долѣе скрываться передъ народомъ было невозможно. Послушный Борису патріархъ Іовъ взялся объяснить русской землѣ запутанное дѣло. Первопрестольникъ русской церкви, покрывая благоразумнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало Димитрія, увѣрялъ въ своей грамотѣ народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку и всѣхъ его соучастниковъ, повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѣмъ его и съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто станетъ называть его Димитріемъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1605 года, изъ Москвы отправили въ Польшу гонца Огарева съ требованіемъ выдачи „вора“ (мятежника). На сеймѣ Янъ Замойскій сильно охуждалъ Мнишка и Вишневецкихъ, подавшихъ помощь претенденту, говорилъ, что со стороны короля поддерживать его безчестно, доказывалъ, что называющему себя Димитрію вѣрить не слѣдуетъ. Большинство пановъ также не расположено было поддерживать Димитрія, но какъ его уже не было въ Польшѣ, то царскій гонецъ получилъ отвѣтъ, что этого человѣка легче достать въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ въ польскихъ владѣніяхъ.

„Ни патріаршая грамота, ни обрядъ проклятія не расположили къ Борису народнаго сердца. Московскіе люди считали всѣ увѣренія патріарха ложью.

„21 января 1605 года Борисово войско подъ начальствомъ Мстиславскаго и Шуйскаго одержало верхъ надъ Димитріемъ и самъ Димитрій ушелъ въ Путивль. Борисъ былъ очень доволенъ, щедро наградилъ своихъ воеводъ, особенно ласкалъ Басманова за его упорную защиту Новгородъ-Сѣверска; но народъ, услышавши о неудачѣ названнаго Димитрія, пришелъ въ уныніе. Борисъ вскорѣ понялъ, что сила его врага заключается не въ той военной силѣ, съ которою этотъ врагъ вступилъ въ государство, а въ готовности и народа и войска въ московскомъ государствѣ перейти при первомъ случаѣ на его сторону, такъ какъ всѣ легко поддавались увѣренности, что онъ настоящій царевичъ. Когда Димитрій оставался въ Путивлѣ, украинные города Московскаго государства одинъ за другимъ признавали его, а въ Путивль со всѣхъ сторонъ приходили русскіе бить челомъ своему прирожденному государю. Борисъ былъ въ страшномъ томленіи и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ одинъ. Казни и пытки не прекращались. Борисъ уже въ близкихъ себѣ лицахъ подозрѣвалъ измѣну, и не надѣялся сладить съ соперникомъ военными силами; онъ рѣшилъ попытаться тайнымъ убійствомъ избавиться отъ своего злодѣя. Попытка эта не удалась. Монахи, которыхъ въ мартѣ подговорилъ Борисъ ѣхать въ Путивль отравить названнаго Димитрія, попались съ ядомъ въ руки послѣдняго. Неизвѣстно, дошла ли до Бориса объ этомъ вѣсть; 13 апрѣля, въ недѣлю Мѣроносицъ, царь всталъ здоровымъ и казался веселѣе обыкновеннаго; послѣ обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ; Борисъ ѣлъ съ большимъ апетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ; послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку; но вскорѣ поспѣшно сошелъ оттуда, говорилъ, что чувствуетъ колотье и дурноту; побѣжали за докторомъ; пока успѣлъ придти

докторъ, царю стало хуже; у него выступила кровь изъ ушей и носа. Около трехъ часовъ пополудни Борисъ скончался. Цѣлый день боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день, и начали посылать народъ въ Кремль цѣловать крестъ на вѣрность царицѣ Маріи и сыну ея Ѳеодору. Тотчасъ пошли рассказы, что Борисъ на вышкѣ самъ себя отравилъ ядомъ въ припадкѣ отчаянія.

„Новый царь былъ шестнадцатилѣтній юноша. Ему присягнули въ Москвѣ безъ ропота, но тутъ же говорили: „Не долго царствовать Борисовымъ дѣтямъ! Вотъ Дмитрій Ивановичъ придетъ въ Москву“.

„17 апрѣля отправился къ войску, назначенный главнымъ предводителемъ его, Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ. Этотъ человѣкъ уже давно колебался. Собрали войско приносить присягу сыну Бориса. Вдругъ поднялся шумъ. Рязанскіе дворяне Ляпуновы первые закричали, что „знають одного законнаго государя, Дмитрія Ивановича“. Съ ними заодно были всѣ рязанцы; къ нимъ пристали служилые люди всѣхъ украинскихъ городовъ; наконецъ, имя Дмитрія Ивановича заглушило имя Ѳеодора. Басмановъ написалъ повинное письмо Дмитрію и послалъ съ гонцомъ, а самъ 7 мая собралъ вторично войско и объявилъ, что признаетъ Дмитрія законнымъ наслѣдникомъ государей Русской земли“.

Дмитрій пошелъ къ Москвѣ, повсюду радостно встрѣчаемый народомъ. Въ Москвѣ 30 мая разнесся слухъ, что Дмитрій подходитъ къ городу. Москвичи покупали хлѣбъ-соль встрѣтить царя. Молва оказалась преждевременной. Черезъ два дня, 2 іюня, пріѣхали въ Москву гонцы Дмитрія съ грамотой отъ него. Народъ повелъ ихъ на Красную площадь. Они прочли грамоту; Дмитрій извѣщалъ московскій народъ о своемъ спасеніи, обѣщалъ льготы, приглашалъ прислать посольство къ нему. Большинство подняло крикъ, провозглашая Дмитрія Ивановича царемъ. Нѣкоторые говорили: «Да точно ль это настоящій Дмитрій Ивановичъ? Можетъ быть, это не настоящій».—Всѣ рѣшили спросить Василя Ивановича Шуйскаго: онъ производилъ слѣдствіе о смерти царевича Дмитрія; онъ знаетъ правду; пусть теперь скажетъ, дѣйствительно ли царевичъ былъ убитъ. Привели Шуйскаго, поставили на возвышенное мѣсто. Онъ сказалъ народу: Борисъ послалъ убить Дмитрія царевича; но царевича спасли; вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ».

„Толпа безъ удержа бросилась въ кремль. Защищать Годуновыхъ было некому. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ во дворцѣ, отступились отъ нихъ. Ѳеодоръ Борисовичъ бѣжалъ въ Грановитую палату и сѣлъ на престолъ. Мать и дочь стали подлѣ него съ образами. Но ворвался народъ; царя стащили съ престола. Мать плакала и просила не предавать смерти ея дѣтей. Годуновыхъ отвезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ и приставили къ нимъ стражу; схватили и посадили въ тюрьму всѣхъ родственниковъ и сторонниковъ Годуновыхъ, опустошили ихъ дома, и перепились до безчувствія, такъ что многіе тутъ же лишились жизни. Отъ Москвы поѣхали къ Дмитрію выбранные люди. 10 іюня пріѣхали въ Москву князь Василій Голицынъ и князь Рубецъ-Масальскій съ приказаніемъ устранить Годуновыхъ. Вдову Бориса удавили веревкой. Молодой Годуновъ,

сильный отъ природы, сталъ было защищаться, но его ударили дубиной, а потомъ удавили. Царевна Ксенія была оставлена живою на безотрадную жизнь“.

Димитрій торжественно вступилъ въ Москву 20 іюня. Немедленно по пріѣздѣ онъ послалъ за матерью, инокиней Марѳой. Черезъ нѣсколько дней ему донесли, что князь Василій Ивановичъ Шуйскій составляетъ заговоръ противъ него. Онъ предалъ Шуйскаго суду; судъ приговорилъ заговорщика къ смерти, Димитрій замѣнилъ смертный приговоръ ссылкой въ Вятку. Народъ восхищался его великодушіемъ.—Пріѣхала инокиня Марѳа, Димитрій въ сопровожденіи народа выѣхалъ на встрѣчу ей за городъ. Когда карета царицы остановилась при его приближеніи, онъ сошелъ съ лошади, бросился въ объятія женщины, которую называлъ матерью. Народъ видѣлъ, что Марѳа и онъ плачутъ отъ радости при свиданіи. Онъ шелъ до самой Москвы пѣшкомъ подлѣ кареты матери. Марѳа поселилась въ Вознесенскомъ монастырѣ; Димитрій ежедневно посѣщалъ ее. Черезъ полторы недѣли, 30 іюля, Димитрій вѣнчался на царство и при этомъ торжествѣ далъ прощеніе всѣмъ опальнымъ, возвратилъ между прочимъ всѣ прежнія почести Шуйскимъ, оказалъ и всему народу большія милости: отмѣнилъ судебныя пошлины, такъ что судопроизводство стало бесплатнымъ; предоставилъ всѣмъ московскимъ людямъ полную свободу торговли и промысловъ, свободу выѣзда изъ государства, удвоилъ жалованье военнымъ людямъ и всѣмъ должностнымъ лицамъ.—Онъ далъ свободу выѣзда въ московское государство всѣмъ иностранцамъ, какъ московскимъ людямъ свободу выѣзда въ чужія земли и говорилъ: «Я не хочу никого стѣснять, пусть мои владѣнія будутъ во всемъ свободны; я обогащу свободной торговлей свое государство». Онъ преобразовалъ боярскую думу, назвалъ ее сенатомъ, ежедневно присутствовалъ въ ея засѣданіяхъ, выказывалъ удивительный умъ въ разборѣ затруднительныхъ дѣлъ; два раза въ недѣлю лично принималъ челобитныя отъ всѣхъ желающихъ. Онъ ходилъ по городу пѣшкомъ, разговаривалъ со встрѣчными, заходилъ въ мастерскія разговаривать съ мастерами объ ихъ дѣлахъ. Такое простое обращеніе царя съ народомъ было удивительной новостью въ московскомъ государствѣ. Царь бесѣдовалъ съ боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ читать книги, путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей за границу, не гнушаться иновѣрцами, объяснялъ, что католиковъ и лютеранъ слѣдуетъ считать тоже христіанами, говорилъ, что дастъ въ своемъ государствѣ свободу совѣсти христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Любимой его мыслью было склонить другихъ христіанскихъ государей къ общей войнѣ съ турками. Онъ готовился къ ней. Она дѣйствительно была нужна для Россіи: необходимо было прекратить набѣги крымскихъ и нагайскихъ татаръ на южныя области московскаго государства; Ди-

митрій надѣялся покорить этихъ хищниковъ, мѣшавшихъ расширенію русскаго населенія на югѣ. А покоряя ихъ, нельзя было обойтись безъ войны съ турками, потому что они признавали султана своимъ верховнымъ государемъ. Димитрій рассчитывалъ, что императоръ, Венеція, король французскій, Генрихъ IV, вступятъ въ союзъ съ нимъ для изгнанія турокъ изъ Европы. Онъ переписывался съ папой о войнѣ противъ невѣрныхъ. Изъ этой переписки впослѣдствіи выводили обвиненіе, что онъ хотѣлъ обратить русскій народъ въ католичество; но въ письмахъ его къ папѣ нѣтъ ничего подобнаго этому; они говорятъ только о союзѣ противъ турокъ.—Такую же свободу вѣроисповѣданія, какъ католикамъ, Димитрій предоставлялъ въ своемъ царствѣ протестантамъ. Іезуиты увидѣли, что онъ не хочетъ исполнить обѣщанія ввести въ Россіи католическую вѣру, что онъ только обманывалъ ихъ согласіемъ на ихъ условія помощи ему, когда нуждался въ ней. Точно также не хотѣлъ онъ исполнить даннаго тогда обѣщанія уступить польскому королю Смоленскъ и Сѣверскую землю, объявилъ послу Сигизмунда, что это дѣло невозможное.

Димитрій обѣщался жениться на дочери Мнишка, Маринѣ. Это обѣщаніе онъ хотѣлъ исполнить, потому что Марица нравилась ему. Въ Москвѣ ждали ея пріѣзда. Но Василій Шуйскій уже составлялъ въ это время новый заговоръ противъ Димитрія. Къ Шуйскому присоединились князь Василій Васильевичъ Голицынъ, нѣкоторые другіе бояре и казанскій митрополитъ Гермогенъ, ненавистникъ всякихъ сношеній со иновѣрцами. Шуйскій возбуждалъ стрѣльцовъ противъ Димитрія, и 8 января 1606 года нѣсколько человекъ ихъ пробрались во дворецъ съ намѣреніемъ убить Димитрія: но имъ не удалось прокрасться къ нему безъ шума; они были остановлены, семеро изъ нихъ были схвачены, другіе бѣжали. Димитрій созвалъ всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ стрѣльцовъ и говорилъ имъ: „Зачѣмъ вы заводите смуты? Бѣдная наша земля и такъ страдаетъ. Что же, вы хотите ее довести до конечнаго раззоренія! За что вы ищете меня погубить? Въ чемъ вы можете меня обвинить! Вы говорите, я не истинный Димитрій. Обличите меня, и вы тогда вольны лишить меня жизни. Моя мать и бояре въ томъ свидѣтели. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своего возвышенія; а затѣмъ, чтобъ избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю подъ гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Говорите прямо, свободно: за что вы меня не любите“?—Стрѣльцы заплакали, упали на колѣна, говорили, что не знали о злоумышленіи своихъ товарищей. По приказанію Димитрія были выведены къ нимъ арестованные злоумышленники, онъ сказалъ стрѣльцамъ: „Вотъ они повинились и говорятъ, что вы всѣ на меня зломыслите“, и ушелъ во дворецъ. Стрѣльцы разстерзали злоумышленниковъ,

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться противъ царя. Народъ любилъ Дмитрія и строже всякой верховной власти готовъ былъ наказывать его враговъ. „Тогда—говорить современникъ—„назови ктонибудь царя не настоящимъ, тотъ и пропалъ: будь онъ монахъ или мірянинъ—сейчасъ убьютъ, или утопятъ“. Самъ царь никого не казнилъ, никого не преслѣдовалъ, а судъ народный и безъ него уничтожалъ его враговъ.

Но въ руки народа попадались только мелкіе враги царя, а главные злоумышленники оставались безопасны. Дмитрій вѣрилъ, что прощенный имъ Василій Шуйскій сталъ благодарнымъ, вѣрнымъ слугою его, вѣрилъ и преданности другихъ бояръ, ставшихъ сообщниками умысла Василя Шуйскаго. Сизгимундъ ненавидѣлъ Дмитрія, не отдавашаго ему обѣщанныя русскія земли. Бояре, враждебные Дмитрію, послали польскимъ панамъ тайное извѣщеніе, что хотятъ низвергнуть своего царя; желаютъ имѣть государемъ Владислава, сына польскаго короля. Тогда же было сообщено польскимъ панамъ, что инокиня Марѳа втайнѣ называетъ обманщикомъ человѣка, котораго принуждена формально признавать своимъ сыномъ.

Дмитрій ждалъ невѣсты; отецъ медлилъ везти ее въ Москву, стараясь выпросить побольше денегъ себѣ у московскаго царя. Дмитрій написалъ ему, что тотчасъ послѣ Пасхи выступить въ походъ противъ крымцевъ и не станетъ ждать невѣсты, если она запоздаетъ. Это заставило Мнишка ѣхать въ Москву. Онъ привезъ туда дочь 24 апрѣля. Съ ними пріѣхало довольно много польскихъ вельможъ; число шляхтичей и слугъ, составлявшихъ свиты пановъ, было больше 2.000. Начались пиры, Марина была коронована и повѣнчана съ царемъ 8 мая, пиры продолжались. Шляхтичи, разставленные по домамъ московскихъ жителей, вели себя нагло.

„Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ пришельцевъ только считались поляками, а были русскіе, даже православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только шляхта и простолюдины, но и многіе знатные паны не отступили еще отъ предковской вѣры. Сами пріѣхавшіе тогда въ Москву братья Вишневецкіе исповѣдывали православіе. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ пріѣзжихъ гостяхъ единовѣрцевъ и русскихъ, по разности обычаевъ, входившихъ по московскимъ понятіямъ въ область религіи. Притомъ же всѣ гости говорили или по-польски или по-малорусски. Если мы вспомнимъ, что польское правительство то и дѣло, что издавало распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ южныхъ областяхъ Польши, то не трудно понять, почему прибывшіе съ панами въ Москву отличались такимъ буйствомъ. Но, какъ ни оскорбляла наглость пришельцевъ русскій народъ, онъ все-таки на столько любилъ своего царя, что не поднялся бы на него и извинилъ бы ему, ради его свадьбы. Погибель Дмитрія была устроена путемъ заговора“.

Въ ночь съ 13 на 14 мая, со вторника на среду, заговорщики, созванные Василемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, условились рано утромъ въ субботу ударить въ набатъ и говорить народу, что поляки хотятъ

убить царя и бояръ; заговорщики рассчитывали, что народъ бросится на поляковъ и оставитъ имъ свободу ворваться во дворецъ. Въ четвергъ и въ пятницу Димитрій получилъ извѣщенія о заговорѣ, но говорилъ, что не терпитъ доносовъ и пренебрегъ ими. Въ пятницу вечеромъ у него былъ по обыкновенію балъ. Шуйскій между тѣмъ отъ его имени велѣлъ уйдти семидесяти человѣкамъ изъ ста нѣмецкихъ солдатъ, державшихъ караулъ у дворца, оставилъ на караулѣ только тридцать. — Балъ кончился, Димитрій пошелъ изъ своего дворца въ примыкавшій къ нему дворецъ жены. На разсвѣтѣ Шуйскій выпустилъ преступниковъ изъ тюремъ, роздалъ имъ оружіе. При восходѣ солнца заговорщики ударили въ набатъ; главные изъ нихъ: Шуйскій, Голицынъ и Татищевъ пріѣхали съ вооруженными людьми на площадь предъ дворцомъ. По набату сбѣжался народъ; Шуйскій сказалъ ему: «Литва собирается убить царя и перебить бояръ; идите бить Литву». Народъ бросился по улицамъ вламываться въ дома, гдѣ стояли поляки и убивать ихъ. Удаливъ народъ, Шуйскій поѣхалъ съ другими заговорщиками и вооруженными людьми ихъ въ Кремль. Нѣмцы, стоявшіе на караулѣ у царскаго дворца, хотѣли сопротивляться, но увидѣли, что люди Шуйскаго многочисленнѣе ихъ, прекратили сопротивленіе. Димитрій, услышавъ набатъ, возвратился изъ дворца жены въ свой, вышелъ на шумъ, начавшійся передъ дворцомъ; Басмановъ, бывшій съ нимъ, сошелъ съ крыльца уговаривать бояръ; Татищевъ закололъ его. Димитрій ушелъ во дворецъ, заперъ дверь. Заговорщики вломились въ нее; онъ хотѣлъ уйдти изъ дворца другими дверьми, но онѣ были всѣ заперты. Онъ прыгнулъ изъ окна съ высоты нѣсколькихъ сажень, разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, лишился чувствъ. Стрѣльцы, стоявшіе караулами кругомъ дворца, подбѣжали, лили на него воду; онъ очнулся, просилъ стрѣльцовъ защищать его; но заговорщики сказали имъ, что пойдутъ въ стрѣleckую слободу, перебьютъ ихъ женъ и дѣтей, если они не отступятся отъ самозванца; они отступились. Заговорщики ругались надъ Димитріемъ; Григорій Валуевъ застрѣлилъ его.

Кто былъ этотъ человѣкъ, выдававшій себя за Димитрія, — остается неизвѣстнымъ. Въ томъ, что онъ былъ самозванецъ, нельзя сомнѣваться; если бы царевича Димитрія спасли отъ убійства, то спасители продолжали бы заботиться о немъ, не привелось бы ему шататься безпріютному; и когда онъ сталъ царемъ, то явились бы спасители и получили бы награды. Нѣкоторые ученые считаютъ вѣроятнымъ, что Димитрій былъ не обманщикъ, а только обманутый, что враги Бориса взяли мальчика и воспитывали его въ убѣжденіи, что онъ Димитрій царевичъ, спасенный отъ убійцы. Но во время убійства царевичъ Димитрій имѣлъ восемь лѣтъ; невозможно было, чтобы мальчикъ такихъ лѣтъ, которому стали говорить, что онъ царевичъ Димитрій, не зналъ, кто онъ на самомъ дѣлѣ, и сталъ искренно считать себя

за Димитрія. Потому мы находимъ несомнѣннымъ, что самозванецъ не былъ обманутъ другими, а самъ былъ обманщикъ. Костомаровъ колеблется высказать это такъ рѣшительно, какъ дѣлаемъ мы. Онъ по уваженію къ товарищамъ по спеціальнымъ занятіямъ находитъ заслуживающимъ вниманія ту гипотезу ихъ, что человѣкъ, назвавшій себя Димитріемъ, былъ орудіемъ бояръ, враждебныхъ Борису и что ихъ агенты воспитали его въ убѣжденіи, что онъ Димитрій царевичъ. Эта гипотеза—выдумка, составленная съ забвеніемъ объ условіяхъ правдоподобія. Гдѣ же тѣ бояре, которые подготовили ребенка къ роли Димитрія царевича. Они были благодѣтели человѣка, воспитаннаго ими для занятія московскаго престола, онъ наградилъ бы ихъ; или они всѣ ужь перемерли въ тѣ 14 лѣтъ, которыя прошли между спасеніемъ царевича и восшествіемъ его на престолъ? Перемерли и всѣ родные ихъ, такъ что некому было похвалиться заслугами мужьевъ и братьевъ, отцовъ и дядей? И развѣ царь не вызвалъ бы къ себѣ въ Москву людей, у которыхъ жилъ въ годы между своимъ спасеніемъ изъ Углича и появленіемъ у Вишневецкаго? И развѣ не рассказалъ бы самъ объ этихъ годахъ? Но еслибъ онъ указалъ, гдѣ онъ жилъ въ эти годы, самозванство его раскрылось бы; потому онъ и молчалъ о томъ, гдѣ онъ жилъ тогда. Костомаровъ напрасно колеблется признать единственнымъ разсудительнымъ рѣшеніемъ вопроса тѣ слова Замойскаго, которыя приводитъ самъ съ очевиднымъ расположеніемъ считать ихъ справедливыми:

„Этотъ Димитрій называетъ себя сыномъ царя Ивана“, говорилъ Замойскій. „Объ этомъ сынѣ у насъ былъ слухъ, что его умертвили. Онъ же говоритъ, что на мѣсто его умертвили другого! Помилуйте, что это за Плавтова или Теренціева комедія? Возможное ли дѣло: приказали убить кого-то, да притомъ наслѣдника, и не посмотрѣли, кого убили! Такъ можно зарѣзать только козла или барана!“

Увѣреніе патріарха Іова и Бориса, что человѣкъ, явившійся въ Польшѣ подъ именемъ царевича Димитрія—монахъ Григорій Отрепьевъ, убѣжавшій изъ Москвы въ 1602 году, Костомаровъ находитъ не выдерживающимъ разбора. Этотъ человѣкъ имѣлъ шляхетское воспитаніе, не зналъ московскихъ обычаевъ, даже не умѣлъ говорить чистымъ московскимъ произношеніемъ; притомъ сохранилась книга съ подписью Григорія Отрепьева; почеркъ подписи вовсе не тотъ, какимъ писалъ человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ. Эти доводы основательны.

По убійствѣ самозванца инсургенты арестовали его жену; на другой день отослали ее къ отцу, и приставили къ нимъ стражу. Многіе поляки были убиты народомъ, прежде чѣмъ Шуйскій и его сообщники, управившись въ царскихъ дворцахъ, поѣхали по городу останавливать убійство. Уцѣлѣвшихъ знатныхъ людей они оставили подъ стражей, другихъ поляковъ отпустили домой.

„Печальныя обстоятельства предшествующей исторіи наложили на великорусское общество характеръ азіатскаго застоя, тупой приверженности къ старому обычаю, страхъ всякой новизны, отвращеніе ко всему иноземному. Но было бы клеветою на русскій народъ утверждать, что въ немъ совершенно исчезла та духовная подвижность, которая составляетъ отличительное качество европейскихъ племенъ, и думать, что русскіе въ описываемое нами время неспособны были вовсе откликнуться на голосъ, вызывающій ихъ на путь новой жизни. Умные люди чувствовали тягость невѣжества. Лица, строго хранившія благочестивую старину, сознавали однако потребность просвѣщенія, думали о заведеніи школъ и распространеніи грамотности. Люди съ болѣе смѣлымъ умомъ обращались прямо къ иноземному, чувствуя, что собственныя средства для расширенія круга свѣдѣній слишкомъ скудны. Поляки въ Москвѣ видѣли людей, выучившихся тайкомъ иностраннымъ языкамъ и съ жадностью хватавшихся за чтеніе; о многихъ изъ Ивановыхъ жертвъ Курбскій говоритъ, какъ о людяхъ ученыхъ и начитанныхъ, и самъ Курбскій своимъ примѣромъ доказываетъ, что московскіе люди XVI вѣка не оставались совершенно неспособными понять пользу просвѣщенія и необходимость сближенія съ иноземцами. У насъ думали, что названный царь Димитрій вооружилъ противъ себя русскій народъ своею привязанностью къ иноземцамъ, пренебреженіемъ къ русскимъ обычаямъ и равнодушіемъ къ требованіямъ тогдашняго благочестія. Но, вглядываясь ближе въ смыслъ событій, увидимъ не совсѣмъ то: поведеніе Димитрія дѣйствительно не могло нравиться строгимъ блюстителямъ неподвижности, но никакъ не большинству, не массѣ народа; гибель названнаго Димитрія была дѣломъ не русскаго народа, а только заговорщиковъ, воспользовавшихся оплошностью жертвы: это доказывается тѣмъ, что народъ русскій тотчасъ же обольстился вѣстью, что царь его, спасенный разъ въ дѣтствѣ въ Угличѣ, спасся въ другой разъ въ Москвѣ; народъ русскій почти весь послѣдовалъ за тѣнью Димитрія до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что его обманывали, и царствовавшего въ Москвѣ Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. Шуйскій вооружилъ народъ противъ поляковъ именемъ того же царя и такимъ обманомъ отвлекъ его вниманіе отъ кремля. Число участниковъ Шуйскаго не могло быть велико, оттого-то Шуйскій наканунѣ убійства поспѣшилъ удалить изъ сотни караульныхъ семьдесятъ человѣкъ: очевидно, онъ боялся не сладить съ цѣлою сотнею. Такимъ образомъ, убійство Димитрія было вовсе не народнымъ дѣломъ.

„Кто бы ни былъ этотъ Димитрій, и что бы ни вышло изъ него впоследствии, несомнѣнно, что онъ для русскаго общества былъ человѣкъ, призывавшій его къ новой жизни. Онъ заговорилъ съ русскими голосомъ свободы, настежъ открылъ границы прежде замкнутаго государства и для въѣзжавшихъ въ него иностранцевъ и для выѣзжавшихъ изъ него русскихъ, объявилъ полную вѣротерпимость, предоставилъ свободу религіозной совѣсти: все это должно было освоить русскихъ съ новыми понятіями, указывало имъ иную жизнь. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственнымъ примѣромъ открылъ эту борьбу, какъ поступилъ впоследствии и Петръ Великій; но названный Димитрій поступалъ безъ того принужденія, съ которымъ соединялись преобразовательныя стремленія послѣдняго. Царь Димитрій ѣлъ, пилъ, спалъ, ходилъ и ѣздилъ не такъ, какъ слѣдовало московскому государю по правиламъ прежней обрядности; царь Димитрій безпрестанно порицалъ русское невѣжество, выхвалялъ предъ русскими превосходство иноземнаго образованія. Повторяемъ: что бы впоследствии ни вышло изъ Димитрія, все таки онъ былъ человѣкъ новаго, начинающагося русскаго общества.

„Врагъ, погубившій его, Василій Шуйскій былъ совершенно противоположно этому загадочному человѣку. Трудно найти лицо, въ которомъ бы до такой степени олицетворялись свойства стараго русскаго быта, пропитаннаго азіатскимъ застоємъ. Въ немъ видимъ мы отсутствіе предприимчивости, боязнъ всякаго новаго шага, но въ то же время терпѣніе и стойкость—качества, которыми всегда русскіе приводили въ изумленіе иноземцевъ: онъ покорно служилъ власти, пока она была могуча, но измѣнялъ ей, когда видѣлъ, что она слабѣла. Не обладая способностью давать починъ важному дѣлу, Шуйскій составилъ заговоръ потому, что уже черезчуръ было легко его составить. Приѣздъ поляковъ, наглое поведеніе пришельцевъ и черезчуръ явное нарушеніе обычнаго хода жизни въ Москвѣ, соблазнившее строго благочестивыхъ людей, естественно образовали кружокъ недовольныхъ. Старымъ боярамъ не нравилось стремленіе царя къ иноземнымъ обычаямъ, при которомъ имъ, дѣтямъ старой Руси, не представлялось играть первой роли. Торговые, зажиточные люди свыклись со своимъ образомъ жизни; ихъ беспокоило то, что дѣлалось передъ ихъ глазами и грозило нарушить вѣковой застой; притомъ же въ ихъ домахъ поставили „нечестивую Литву“, которая нахально садилась имъ на шею. Наконецъ, можно было найти недовольныхъ и между служилыми, которыхъ пугала предпринимаемая война съ турками и татарами. Шуйскому легко было собрать ихъ къ себѣ, когда надъ его дѣйствіями не только не было надзора, но даже запрещалось имѣть его. Голосъ Шуйскаго не могъ остаться безъ вниманія, когда онъ говорилъ собраннымъ у него гостямъ то, что у нихъ самихъ шевелилось на душѣ. Знатность его рода, какъ старѣйшей отросли св. Александра Невскаго, содѣйствовала уваженію къ его рѣчамъ, также какъ и достоинство боярина, стараго по лѣтамъ и по службѣ. При всемъ томъ однако онъ нашелъ очень мало соумышленниковъ; видно, что находились между ними и такіе, которые тогда же думали предать его. За недостаткомъ соумышленниковъ, Шуйскій выпустилъ изъ тюремъ преступниковъ: подобные товарищи естественно готовы были исполнять всякое дѣло. Раздѣлавшись съ Димитріемъ, Шуйскій бросился усмирять народъ, возмущенный имъ же противъ поляковъ во имя царя; но москвичи успѣли уже перебить до четырехъ сотъ человѣкъ пришельцевъ, сопровождая убійство самыми ненстовыми варварствами, не только убивали, но мучили: отсѣкали руки и ноги, выкалывали глаза, обрѣзывали уши и носы, ругались надъ женщинами, обнажали ихъ, гоняли по городу въ такомъ видѣ и били. Народъ въ этотъ день до того перепился, что не могъ долго дать себѣ отчета въ происходившемъ. Волею-неволею народъ сдѣлался участникомъ убійства названнаго Димитрія. Возвратить потеряннаго уже нельзя было. Народъ молчалъ въ какомъ-то оцѣненіи. Черезъ три дня бояре согласились выбрать Шуйскаго въ цари съ тѣмъ, что онъ будетъ править не иначе, какъ съ согласія бояръ. Созвали народъ на площадь звономъ колокола. Приверженцы Шуйскаго немедленно „выкрикнули“ его царемъ. Нѣкоторые заявили, что слѣдуетъ разослать во всѣ московскіе города грамоты, чтобы съѣхались выборные люди для избранія царя; но бояре рѣшили, что этого не нужно, и сейчасъ же повели Василія въ церковь, гдѣ онъ далъ присягу управлять согласно боярскимъ приговорамъ, никого не казнить безъ воли бояръ, не отнимать у родственниковъ осужденныхъ служилыхъ людей вотчинъ, а у гостей и торговыхъ людей лавокъ и домовъ и не слушать ложныхъ доносовъ. Послѣ произнесенія Шуйскимъ этой присяги, бояре сами присягнули ему въ вѣрности. Немедленно разослана была по всѣмъ городамъ грамота, извѣщавшая, будто по приговору всѣхъ людей Московскаго государства и духовныхъ, и свѣтскихъ избранъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, происходящій отъ св. Александра Невскаго и суздальскихъ князей. Первымъ дѣломъ послѣ

розсылки грамотъ было перевезти тѣло царевича Димитрія въ Москву. 1 іюня Василій вѣнчался на царство, а 3-го іюня перевезены мощи Димитрія и поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. Въ грамотѣ, разосланной по поводу явленія новаго святого, было сказано, что царица Марѳа всенародно каялась въ томъ, что по неволѣ признавала вора Гришку сыномъ, а смерть царевича Димитрія прямо приписана была Борису Годунову. Для большаго убѣжденія народа на лобномъ мѣстѣ показывали родныхъ Гришки Отрепьева. Но всему этому не вѣрили тогда въ Московскомъ государствѣ, и въ день открытія мощей народъ чуть-было не взбунтовался и не убилъ камнями Шуйскаго. Даже тѣ, которые сомнѣвались въ подлинности бывшаго царя Димитрія, не вѣрили, чтобъ онъ былъ Гришка, а считали его полякомъ, котораго подготовили іезуиты, научили по русски и пустили играть роль Димитрія.

„Не долго Шуйскому пришлось утѣшаться безопасностью. Въ Москвѣ происходили волненія. Черезъ два мѣсяца на югѣ разнесся слухъ, что Димитрій живъ и убѣжалъ въ Польшу. Вся Сѣверская земля, Бѣлгородъ, Осколь, Елецъ привозгласили Димитрія. Въ Комарницкой волости Болотниковъ возвѣстилъ, что онъ самъ видѣлъ Димитрія и Димитрій нарекъ его главнымъ воеводою. (Болотниковъ былъ взятъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ татарами, проданъ туркамъ, освобожденъ венеціанцами, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи и, возвращаясь въ отечество черезъ Польшу, видѣлся съ Молчановымъ *), который увѣрилъ его, что онъ Димитрій. Болотниковъ, никогда не выдавшій царя Димитрія, дѣйствовалъ съ полной увѣренностью, что стоитъ за законнаго государя). Онъ началъ возбуждать боярскихъ людей противъ владѣльцевъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Его грамоты произвели мятежъ, охватившій Московское государство подобно пожару. Въ Веневѣ, Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Орлѣ, Дорогобужѣ, въ Зубцовѣ, Ржевѣ, Старицѣ провозгласили Димитрія. Дворяне Ляпуновы подняли именемъ Димитрія всю Рязанскую землю. Возмутился городъ Владиміръ со всею своею землею. Во многихъ поволжскихъ городахъ и въ отдаленной Астрахани провозгласили Димитрія. Только Казань и Нижній-Новгородъ еще держались кое какъ за Шуйскаго. Въ пермской землѣ отказали Василю давать ратныхъ людей, служили молебны о спасеніи Димитрія и пили чашу за его здоровье. Новгородъ и Псковъ оставались пока вѣрными Шуйскому; но псковскіе пригороды стояли за Димитрія. Если бы въ это время на самомъ дѣлѣ явился человѣкъ съ именемъ Димитрія, то вся Русская земля пошла бы за нимъ; но онъ не являлся, и многіе сомнѣвались въ справедливости слуховъ о его спасеніи. Тѣмъ не менѣе, къ Болотникову стеклась огромная толпа. Онъ изъ Сѣверской земли двинулся къ Москвѣ и 2 декабря былъ уже въ Коломенскомъ селѣ. Къ счастью Шуйскаго въ полчищѣ Болотникова сдѣлалось раздвоеніе. Дворяне и дѣти боярскіе, недовольные тѣмъ, что холопы и крестьяне хотятъ быть равными имъ, не видя притомъ Димитрія, который бы могъ разрѣшить между ними споры, стали покидать Болотникова. Братья Ляпуновы первые подали этому примѣръ. Болотниковъ былъ отбитъ Скопинымъ-Шуйскимъ и ушелъ въ Калугу. Но съ наступленіемъ лѣта силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новый самозванецъ, незаконный сынъ посадской женки, Илейка, ходившій въ бурлакахъ по Волгѣ. Онъ называлъ себя царевичемъ Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Θεодора. Онъ присталъ къ Болотникову. Послѣ нѣсколькихъ битвъ Шуйскій осадилъ Болотникова въ Тулѣ; осажденные сдались. Шуйскій приказалъ утопить Болотникова и по-

*) Бѣжавшимъ изъ Москвы приверженцемъ убитаго Димитрія.

вѣснѣ Петра. Воротившись въ Москву, Шуйскій думалъ успокоиться и женился на княжнѣ Марѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской. Новыя тревоги не давали ему отдохнуть: вслѣдъ за повѣшеннымъ Петромъ явилось еще нѣсколько царевичей, которые называли себя разными небывалыми сыновьями царя Ѳедора. Всѣ эти царевичи исчезли такъ же быстро, какъ и появились. Но вотъ въ Сѣверской землѣ явился, наконецъ, долгожданный Димитрій“.

Молчановъ желалъ бы самъ взять на себя имя Димитрія; но былъ слишкомъ не похожъ на него лицомъ, могъ выдавать себя за Димитрія только людямъ, не видавшимъ убитаго царя; надобно было пріискать другого человѣка для самозванства. Молчановъ поѣхалъ въ Самборъ къ женѣ находившагося въ плѣну Мнишка, чтобы при ея помощи найти новаго Димитрія. Жена Мнишка разсудила, что дѣло, предлагаемое ей Молчановымъ, очень выгодно: ея дочь опять будетъ царицей. Агентъ ея Мѣховецкій нашелъ новаго Димитрія, послалъ его въ Путивль. Кто былъ этотъ новый Димитрій, невозможно разобрать; по однимъ извѣстіямъ, онъ былъ литвинъ, по другимъ—крещеный жидъ, по третьимъ—не крещеный жидъ, по четвертымъ—русскій. Со всей Сѣверской земли стали сходить русскіе къ царю, спасшемуся отъ смерти. Скоро Мѣховецкій привелъ ему отрядъ украинской конницы, потомъ пришелъ донской атаманъ Заруцкій; у Димитрія составилось довольно многочисленное войско; стали пріѣзжать къ нему польскіе паны съ отрядами своихъ войскъ. Князь Романъ Рожинскій привелъ 4.000 человѣкъ. Располагая такимъ сильнымъ отрядомъ, Рожинскій сдѣлался главою всей польской части войска. Она состояла изъ всякаго сброда; но въ ней было много хорошихъ офицеровъ и солдатъ, и повинувшись одному предводителю, она была сильнѣе русской части бродягъ, сошедшихся грабить въ службѣ царя Димитрія. Рожинскій сталъ называться гетманомъ (главнокомандующимъ), обращался съ самозванцемъ презрительно. Самозванецъ увидѣлъ себя въ такомъ тяжеломъ и опасномъ положеніи, что хотѣлъ убѣжать; его поймали; онъ сдѣлалъ новую попытку бѣгства, но снова былъ пойманъ. Съ горя онъ сталъ пьянствовать. Но хотя его личное положеніе было очень дурно, дѣла его партіи шли успѣшно. У него набралось такъ много войска, что Рожинскій нашелъ возможнымъ вести эту орду грабителей на Москву. Города той части государства признавали спасшагося Димитрія царемъ. Подъ Болховомъ войско самозванца было встрѣчено войскомъ Шуйскаго, разбило его и пошло къ Москвѣ; не встрѣчая сопротивленія, подошло къ ней 1 іюня и на другой день заложило себѣ лагерь у селенія Тушина, въ восьми верстахъ отъ Москвы. Въ тушинскій лагерь приходили новыя толпы польскихъ авантюристовъ, собранныя панами, желавшими обогатиться добычей и пріобрѣсти себѣ владѣнія въ московскомъ государствѣ, новыя толпы казаковъ и русскихъ людей, занимавшихся разбоемъ. Изъ пріѣхавшихъ въ Тушино польскихъ пановъ особенную извѣстность

пріобрѣлъ блестящей храбростью Янъ Сапѣга, бѣжавшій изъ отечества отъ наказанія за буйные поступки. Изъ русскихъ вельможъ, пріѣхавшихъ въ Тушино, важнѣйшимъ былъ князь Димитрій Тимоѣевичъ Трубецкой.

По перемирію, заключенному около этого времени Шуйскимъ съ королемъ польскимъ, польскія женщины и поляки, находившіяся въ плѣну, были отпущены. Мнишекъ и Марина ѣхали подъ охраной русскаго конвоя черезъ Тверь и Бѣлу. Мнишекъ далъ знать Рожинскому, что желаетъ привезти дочь къ новому Димитрію. Рожинскій послалъ отрядъ поляковъ привезти ихъ; русскій конвой разбѣжался. Марина, боявшаяся человѣка, котораго должна была признать своимъ мужемъ, отдалась подъ защиту Сапѣги, шедшаго съ большимъ отрядомъ отчаянныхъ людей въ Тушино. Сапѣга повезъ ее съ собой. Отрядъ его пришелъ 1 сентября въ Тушино. Рожинскій, владычествовавшій въ лагерѣ самозванца, пріѣхалъ въ селеніе къ Маринѣ, сталъ звать ее въ лагерь къ царю, спасшемуся мужу ея. Она не поѣхала. Пять дней уговаривалъ ее Сапѣга; она не соглашалась. Но отецъ ея въ эти дни торговался съ самозванцемъ, получилъ обѣщаніе, что ему будетъ заплачено 300.000 рублей и будетъ отдана Сѣверская земля. Купивъ у Мнишка его дочь, самозванецъ поѣхалъ къ Маринѣ; она съ омерзѣніемъ отказалась назвать его своимъ мужемъ. Польскіе паны приставили къ ней стражу; отецъ уговаривалъ ее; и наконецъ она согласилась признать новаго Димитрія прежнимъ, но подъ тѣмъ условіемъ, что будетъ только называть его своимъ мужемъ, а жить съ нимъ, какъ съ мужемъ, не будетъ, пока онъ не овладѣетъ Москвой. На другой день Сапѣга повезъ ее въ лагерь самозванца; мужъ и жена обнялись въ присутствіи всего войска. То, что Марина признала новаго самозванца своимъ прежнимъ мужемъ, сильно помогло его дѣлу. Прежде за него были только тѣ югозападные области, черезъ которыя шелъ онъ изъ Путивля къ Москвѣ; теперь большинство русскихъ простолюдиновъ повѣрило, что онъ дѣйствительно прежній Димитрій, спасшійся отъ смерти; города за городами признавали царемъ мужа Марины: Псковъ, Суздаль, Угличъ, Ярославль, Тверь, Вологда, Владиміръ, Арзамасъ приняли сторону Димитрія; почти всѣ другіе города московскаго царства сдѣлали то же. Въ тушинскомъ лагерѣ находилось до 20.000 поляковъ, больше 40.000 запорожскихъ и донскихъ казаковъ и огромное число московскихъ людей. Когда наступила осень, тушинское войско вырыло землянки, сложило въ нихъ печи; люди, побогаче простолюдиновъ, построили себѣ избы. Денегъ и всякой добычи у тушинскихъ людей было много: они ходили отрядами по всему государству, собирали налоги и контрибуціи съ покорныхъ Димитрію, грабили непокорявшихся, грабили въ свою пользу и покорныхъ, съ которыхъ взяли налоги для своего царя. Житѣе въ

Тушинѣ было веселое. Но взять Москву тушинцы не могли, время длилось, и дѣла ихъ получили дурной оборотъ. Контрибуціями и грабежами они возстановили противъ себя массу населенія. Тяготясь притѣсненіями, какія дѣлались отъ имени спасшагося Дмитрія, простолюдины стали раздумывать, дѣйствительно ли правда, что этотъ человѣкъ—спасшійся Дмитрій; образумились, поняли обманъ. Города и земли, признавшіе новаго Дмитрія царемъ, стали отрекаться отъ него, признавать царемъ Шуйскаго, убивали, топили тушинцевъ, какіе попадались имъ въ руки; изъ Тушина шли отряды усмирять мятежниковъ, злодѣйствовали; ожесточеніе народа противъ нихъ увеличивалось.

Видя разстройство дѣлъ московскаго государства, Сигизмундъ получилъ надежду овладѣть имъ, и осенью 1609 года пошелъ въ Россію, подступилъ къ Смоленску. Городъ отвѣчалъ отказомъ на требованіе сдаться, король осадилъ его и въ ноябрѣ отправилъ въ Тушино пословъ съ приказаніемъ полякамъ присоединиться къ королевскому войску. Паны, бывшіе въ Тушинѣ, торговались съ послами короля; нѣкоторые сходились въ цѣнѣ, отправлялись подъ Смоленскъ. Самозванецъ испугался, что всѣ покинутъ его, убѣждалъ изъ Тушина въ Калугу. Но Рожинскій и большинство пановъ остались въ Тушинѣ, продолжали торговаться съ королемъ. Бояре, находившіеся въ Тушинѣ, отправили къ Сигизмунду депутацію съ заявленіемъ, что желаютъ имѣть московскимъ царемъ его сына, Владислава. Главою посольства былъ бояринъ Салтыковъ; при немъ находился митрополитъ Ростовскій Филаретъ, бывшій бояринъ Ѳеодоръ Романовъ, насильно постриженный Борисомъ Годуновымъ въ монахи; онъ былъ захваченъ поляками въ плѣнъ и они насильно держали его въ Тушинѣ, но теперь, какъ видно, онъ уже пріобрѣлъ довѣріе Рожинскаго и тушинскихъ бояръ.—Марина въ половинѣ февраля 1610 года бѣжала изъ Тушина къ мужу въ Калугу.

Когда самозванецъ расположился лагеремъ въ Тушинѣ и большая часть русскихъ городовъ признала его царемъ, Василій Шуйскій послалъ въ Новгородъ своего родственника Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, человѣка еще очень молодого, но уже заслужившаго уваженіе народа храбростью, просить помощи у шведовъ, которымъ тогда принадлежала сосѣдняя съ новгородской областью Эстляндія. Король шведскій далъ въ наемъ русскому царю корпусъ, состоявшій изъ 5.000 человѣкъ, дозволилъ волонтерамъ присоединяться къ этому войску, начальникомъ котораго былъ назначенъ Делагарди. Весной 1609 шведы пришли въ Новгородъ и составили главную силу войска, съ которымъ Скопинъ-Шуйскій пошелъ къ Москвѣ. На пути онъ и Делагарди били поляковъ и русскихъ, служившихъ тушинскому самозванцу. Сапѣга, съ большимъ отрядомъ поляковъ и русскихъ осаждавшій Троицкій монастырь, пошелъ на встрѣчу Скопину, и былъ

разбить; пошелъ на Скопина самъ Рожинскій и подъ Александровской слободой тоже былъ разбитъ. Это было уже поздно осенью; Скопинъ остановился на зиму въ Александровской слободѣ.

Тушинцы потеряли надежду овладѣть Москвой, должны были ожидать, что Скопинъ истребитъ ихъ; а Сигизмундъ, какъ мы говорили, звалъ поляковъ изъ Тушина къ Смоленску, и многіе уходили. Рожинскій въ половинѣ марта разсудилъ, что ему опасно оставаться въ Тушинѣ, велѣлъ сжечь лагерь, пошелъ въ Волокъ, а часть тушинскихъ казаковъ пошла въ Калугу. На пути къ Волоку люди, шедшіе съ Рожинскимъ, передрались между собой. Онъ въ этой схваткѣ упалъ на каменную лѣстницу монастыря, у котораго происходила драка, и такъ сильно ушибся, что вскорѣ умеръ. Большая часть поляковъ, шедшихъ съ нимъ, пришла къ королю. Но Сапѣга ушелъ въ Калугу къ самозванцу.

Скопинъ-Шуйскій вошелъ 12 марта въ Москву, освободившуюся отъ осады. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Многіе говорили, что надобно свести Василя Ивановича съ престола, посадить Скопина царемъ. Скопинъ говорилъ Шуйскому, что будетъ неизмѣнно служить ему. Но Василій Ивановичъ не вѣрилъ. Родственникъ царя князь Воротынскій пригласилъ 23 апрѣля Скопина на пиръ къ себѣ. Скопинъ занемогъ на пирѣ, былъ отвезенъ домой и вскорѣ умеръ. Народъ говорилъ, что Скопина отравила по согласію съ царемъ жена царскаго брата, Димитрія, дочь Малюты Скуратова. Кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ отравленъ по приказанію Василя Ивановича. Сигизмундъ изъ-подъ Смоленска послалъ гетмана Жолкѣвскаго съ довольно большимъ отрядомъ войска къ Москвѣ. Василій Ивановичъ назначилъ на мѣсто умершаго Скопина главнокомандующимъ своего брата Димитрія, человека бездарнаго и дурного, ненавистнаго народу, презираемаго шведами, по прежнему составлявшими главную силу царскаго войска. Димитрій Шуйскій пошелъ на встрѣчу Жолкѣвскому и 23 іюня встрѣтился съ нимъ между Москвой и Можайскомъ при селеніи Клушинѣ. Шведы не слушались Делагарди, велѣвшаго имъ сражаться съ поляками, переходили къ нимъ; русскіе разбѣжались. Делагарди, при которомъ осталась только часть его отряда, увидѣлъ себя въ необходимости вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ. Гетманъ далъ ему свободу отступленія; онъ пошелъ въ Новгородъ. Жолкѣвскій пошелъ къ Москвѣ.

Услышавъ, что войско Шуйскаго разбито Жолкѣвскимъ, самозванецъ и Марина поспѣшно пошли изъ Калуги къ Москвѣ, подступили къ ней нѣсколько раньше Жолкѣвскаго. Самозванецъ сталъ въ селѣ Коломенскомъ, Марина поселилась по сосѣдству въ Угрѣшскомъ монастырѣ.

Очень многіе въ Москвѣ давно думали, что надобно низложить Шуйскаго, не умѣющаго прекратить бѣдствія государства. Пораженіе вой-

ска его при Клушинѣ увеличило эту партію, подступленіе самозванца къ Москвѣ дало въ ней перевѣсъ противникамъ царя. Проконій Ляпуновъ прислалъ своему брату Захару, находившемуся въ Москвѣ, письмо, говорившее, что надобно отнять царскую власть у Шуйскаго, неспособнаго управлять государствомъ, убѣдить тушинцевъ, чтобъ они отступились отъ самозванца и выбрать новаго царя по общему соглашенію людей всей русской земли. Захаръ Ляпуновъ 17 іюля созвалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и сказалъ:

— „Наше государство доходитъ до конечнаго раззоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ; а царя Василя не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ онъ оставилъ престолъ. А калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ, и мы съ-обща выберемъ всею землею иного царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага“.

„Послали въ Коломенское. Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: „сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву.“

„Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василю. Выступилъ впередъ дюжій Захаръ Ляпуновъ, сказалъ царю:

— „Долго ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, раззорена, опустошена. Ты воцарился не по выбору всей земли. Сжался надъ нами, сойди съ царства.“

„Василій обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: „Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ“? Ляпуновъ погрозилъ ему своей крѣпкой рукой и сказалъ: „Василій Ивановичъ, не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру“.

„Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали: „Пойдемъ, объявимъ народу“.

„Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколъ. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за Серпуховскія ворота на всенародную сходку. Народъ повалилъ за Серпуховскія ворота. Приѣхали патріархъ, бояре.

— „Вотъ три года, четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ, — говорили народу, — неправдою сѣлъ, не по выбору всей земли и нѣтъ на немъ благословенія Божія: нѣтъ счастья на землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а иного выбрать всею землею“.

„Патріархъ хотѣлъ было защищать Шуйскаго, но потомъ уѣхалъ. Бояре отправились къ царю. Своякъ царя Василя, Иванъ Михайловичъ Воротынскій сказалъ ему: „Вся земля бьетъ тебѣ челомъ, оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служатъ тебѣ не хотятъ“. — Царю Василю ничего не оставалось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ. Верховное правленіе на время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Мстиславскаго“.

На другой день москвичи послали въ Коломенское сказать: «мы свое клятвенное слово совершили, Шуйскаго свели; теперь ведите намъ своего вора». Изъ Коломенскаго отвѣчали имъ: «дурно, что

вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю; а мы за своего помереть рады».—Увидѣвъ, что обмануты коломенскими людьми, что они хотятъ покорить Москву, многіе стали жалѣть, что свергли Шуйскаго. Чтобъ уничтожить возможность возвращенія престола Шуйскому, Захаръ Ляпуновъ 19 іюля велѣлъ постричь его въ монахи. Черезъ три дня послѣ этого пришелъ къ Москвѣ Жолкѣвскій. Онъ сталъ подъ Москвой на Дѣвичьемъ полѣ, со стороны, противоположной селу Коломенскому, гдѣ стояли самозванецъ и покровитель Марины, Сапѣга.

Москва не могла сопротивляться Жолкѣвскому. Бояре вступили съ нимъ въ переговоры, выражая желаніе отдать московскій престолъ сыну короля польскаго, Владиславу, котораго прежде ужъ просили у Сигизмуна тушинскіе бояре. Самъ Гермогенъ согласился на избраніе Владислава, говорилъ только, что королевичъ долженъ принять православіе.

Къ самозванцу шло много буйныхъ людей, надѣявшихся, что онъ возьметъ Москву и войско его обогатится добычей. Московскіе бояре просили Жолкѣвскаго защитить ихъ отъ этой орды грабителей. Жолкѣвскій пошелъ кругомъ Москвы на самозванца; Сапѣга вывелъ противъ него свое войско, но не далъ сраженія, а вступилъ въ переговоры, обѣщался перейти въ королевскую службу, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Маринѣ и ея мужу было дано владѣніе съ хорошимъ доходомъ. Жолкѣвскій обѣщалъ отъ имени короля дать Маринѣ и ея мужу Самборъ или Гродно. Сапѣга и поляки, бывшіе съ нимъ, рѣшили перейти въ королевскую службу. Московскіе бояре отправили пословъ въ лагерь самозванца убѣждать русскихъ, чтобъ они покинули его, присягнули Владиславу, котораго признала царемъ Москва. Всѣ знатные русскіе люди, кромѣ князя Димитрія Тимоѣевича Трубецкого, отступились отъ самозванца, уѣхали въ Москву. Самозванецъ и Марина убѣжали въ Калугу, Заруцкій, съ отрядомъ донскихъ казаковъ, сопровождалъ ихъ туда.

„Переговоры съ Жолкѣвскимъ шли три недѣли. Жолкѣвскій былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ, чуждый іезуитскихъ козней, уважающій права не только своего народа, но и чужихъ народовъ, ненавистникъ насилія, столько же храбрый, сколько умѣвшій держать въ порядкѣ войско, великодушный, обходительный и справедливый. Онъ не могъ согласиться на требованіе Гермогена, но заключилъ такой договоръ, который показывалъ, что гетманъ вовсе не думалъ о порабощеніи Руси Польшѣ, напротивъ, уважалъ и даже ограждалъ права русскаго народа. Московское государство избирало царемъ своимъ Владислава съ тѣмъ, чтобы власть его была ограничена по управленію боярами и думными людьми, а по законодательству думою всей земли. Владиславъ не имѣлъ права измѣнять народныхъ обычаевъ, отнимать имущества, казнить и ссылатъ безъ боярскаго приговора; обязанъ былъ держать на должностяхъ только русскихъ, не долженъ былъ раздавать по польскимъ обычаямъ полякамъ и литовцамъ староствъ, но могъ жаловать ихъ деньгами и помѣстьями на-

равнѣ съ иноземцами; не могъ строить костеловъ и не долженъ былъ до-
зволять наспліемъ и хитростью совращать русскихъ въ латинство; обяза-
вался оказывать уваженіе къ греческой вѣрѣ, не отнимать церковныхъ
имѣній и отнюдь не впускать жидовъ въ московское государство.

„19 сентября Жолкѣвскій вступилъ съ войскомъ въ Москву. Онъ такъ
умѣлъ держать въ повиновеніи свое войско и обращаться съ русскими, что
даже Гермогенъ началъ смотрѣть на него болѣе дружелюбными глазами.
Русскіе города одинъ за другимъ присягали Владиславу. Прокопій Ляпуновъ,
въ рукахъ котораго была вся Рязанская земля, одобрилъ избраніе Владислава,
послалъ къ Жолкѣвскому сына своего Владиміра, хлопоталъ о до-
ставкѣ съѣстныхъ припасовъ полякамъ въ Москву и былъ самымъ ревност-
нымъ ихъ приверженцемъ.

„Сигизмундъ былъ вовсе не доволенъ договоромъ, постановленнымъ Жолкѣвскимъ, не хотѣлъ давать Московскому государству сына, а думалъ самъ завладѣть этимъ государствомъ и присоединить его къ Польшѣ. Управлявшіе имъ іезуиты не видѣли для своихъ плановъ никакой пользы изъ того, что Владиславъ сдѣлается московскимъ царемъ, когда при этомъ не дозволено будетъ ни строить костеловъ, ни совращать православныхъ въ латинство и унію. Полякамъ вообще не нравилось запрещеніе давать имъ староства въ Московской землѣ. Сигизмундъ отозвалъ Жолкѣвскаго изъ Москвы. Въ концѣ октября гетманъ сдалъ начальство надъ войскомъ, оставшимся въ Москвѣ, Александру Гонсѣвскому, а самъ выѣхалъ подъ Смоленскъ, взявши съ собою сверженнаго царя Василя и жену его. Сигизмундъ принялъ Жолкѣвскаго съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ бросилъ представленный гетманомъ договоръ и сказалъ: „Я не допущу сына моего быть царемъ московскимъ“.

Договоръ съ Жолкѣвскимъ заключили московскіе бояре; простой народъ въ Москвѣ былъ недоволенъ избраніемъ Владислава. Изъ неудовольствія возникали у простолюдиновъ ссоры съ поляками, стоявшими въ Москвѣ, и усиливали вражду. Самозванецъ и Марина слышали объ этомъ, вообразили, что москвичи предпочтутъ ихъ Владиславу, вступили въ сношенія съ нѣкоторыми москвичами. Гонсѣвскій открылъ заговоръ. А между тѣмъ самозванецъ былъ убитъ двумя служившими у него крещеными татарами, мстившими ему за убійство татарскаго вельможи, съ которымъ они были дружны.

Нѣкоторые города не хотѣли признать Владислава. И въ городахъ, признавшихъ его, возникло, какъ въ Москвѣ, сильное неудовольствіе на то, что Сигизмундъ не отпускаетъ сына въ Москву, продолжаетъ осаждать Смоленскъ; русскіе стали понимать, что онъ хочетъ завоевать, поработить Россію. Было ясно, что прійдется русскимъ отказаться отъ царя, котораго не отпускаетъ къ нимъ отецъ, разорвать союзъ съ Польшей, король которой поступаетъ съ Россіей враждебно, что надобно освободить Москву отъ войска этого короля, врага Россіи. Главнымъ двигателемъ этого дѣла сталъ Прокопій Ляпуновъ, незадолго передъ тѣмъ бывшій горячимъ приверженцемъ Владислава.

Прокопій Ляпуновъ считалъ перваго самозванца истиннымъ царевичемъ Дмитріемъ и присталъ къ Болотникову, повѣривъ, что царь

спасся отъ смерти; увидѣвъ обманъ, бросилъ Болотникова, призналъ царемъ Шуйскаго, хотя не любилъ его. Но Шуйскій оказался неспособенъ возстановить спокойствіе въ государствѣ; Лянуновъ хотѣлъ низвергнуть его, возвести на престолъ Скопина. Онъ вѣрилъ молвѣ, что Скопинъ отравленъ по приказанію Шуйскаго и окончательно возненавидѣлъ убійцу человека, котораго считалъ способнымъ успокоить и освободить родину, сталъ руководителемъ московскихъ противниковъ Шуйскаго, своимъ письмомъ къ брату, бывшему тогда въ Москвѣ, произвелъ народное движеніе, отнявшее у Шуйскаго власть. Договоръ московскихъ бояръ съ Жолкѣвскимъ казался Прокопію Лянунову обезпечивающимъ политическую независимость и гражданскую свободу русскаго народа. Онъ горячо убѣждалъ всѣхъ признать Владислава царемъ. Но Сигизмундъ не исполнялъ договора, продолжалъ осаждать Смоленскъ; Лянуновъ увидѣлъ, что онъ хочетъ поработить Россію, написалъ московскимъ боярамъ, чтобъ они требовали отъ польскаго короля исполненія условій договора. Сигизмундъ продолжалъ дѣйствовать по прежнему. Лянуновъ убѣдился, что нельзя избавить Россію отъ властолюбія Сигизмунда и грабежа польской, казацкой, московской вольницы иначе какъ оружіемъ, сталъ собирать ополченіе въ рязанской землѣ, разослалъ по всѣмъ городамъ призывъ къ войнѣ съ поляками, говорилъ, что идетъ освободить отъ нихъ Москву, приглашалъ ополченія всѣхъ областей идти туда. Грабежи польской вольницы, казаковъ и русскихъ разбойниковъ, называвшихъ себя воинами тушинскаго царя, а по его смерти—защитниками правъ Марины и ея сына, давно произвели всеобщее негодованіе; потому призывъ Лянунова былъ повсюду принятъ съ восторгомъ; въ большей части русскихъ городовъ собирались ополченія.

Заруцкій и Трубецкой предложили свое содѣйствіе Лянунову; онъ имѣлъ неосторожность принять ихъ буйныя шайки въ свое войско. Въ началѣ марта 1611 года онъ пошелъ къ Москвѣ. Ополченія другихъ областей присоединились къ нему на пути или шли на соединеніе съ нимъ къ Москвѣ. Во вторникъ страстной недѣли жители Москвы стали готовиться къ тому, чтобы помогать Лянунову, подходившему къ Москвѣ; поляки замѣтили это, стали разгонять народъ, поднялась драка, обратилась въ бой на улицахъ центральной части Москвы; а между тѣмъ ополченія городовъ подошли къ Москвѣ, стали входить въ окраины ея. Поляки увидѣли, что не выдержатъ боя на улицахъ, начали отступать въ Кремль и сосѣднюю съ нимъ часть Москвы, Китай-городъ, останавливали наступленіе русскихъ, зажигая улицы, изъ которыхъ уходили. Пожаръ охватилъ всю Москву; она горѣла три дня; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ заперлись поляки.

Войско городовъ расположилось по окраинамъ развалинъ сгорѣвшей Москвы, вело осаду Китай-города и Кремля. Оно выбрало своими глав-

ными начальниками и правителями русской земли Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого. Трубецкой, какъ человекъ знатный, былъ въ приговорѣ войска о выборѣ начальниковъ поставленъ на первомъ мѣстѣ; но Ляпуновъ держалъ власть въ своихъ рукахъ. Трубецкой и Заруцкій стали ссориться съ нимъ; казаки возненавидѣли его, потому что онъ не позволялъ грабежа, строго наказывалъ за буйство. Гонсѣвскій узналъ объ этомъ и послалъ къ казакамъ бывшего у поляковъ въ плѣну товарища ихъ съ письмомъ, поддѣланнымъ подъ почеркъ Ляпунова; въ письмѣ говорилось, что казаки раззорители московскаго государства, что русскіе должны убивать и топить ихъ повсюду, гдѣ они покажутся. Казаки, выслушавъ это письмо, послали за Ляпуновымъ. Онъ сказалъ, что письмо—подлогъ: «Рука похожа на мою; но это враги сдѣлали. Я не писалъ». Казаки не повѣрили его оправданію, изрубили его.

Ополченія городовъ, лишившись человека, которому одному вѣрили, стали расходиться. Черезъ нѣсколько времени подъ Москвой остались почти только казаки и разбойничавшіе съ ними русскіе буйные люди. Казаки повиновались Заруцкому. Онъ провозгласилъ царемъ сына Марины *).

По всему московскому царству стали ходить, какъ прежде, шайки грабителей.

Делагарди, пошедшій къ Новгороду, овладѣлъ имъ и заставилъ жителей выбрать государемъ польскаго королевича Карла Филиппа. Новгородцы присягнули Филиппу подъ условіемъ, что будутъ обязаны соблюдать вѣрность ему только въ томъ случаѣ, если все московское государство выберетъ его своимъ царемъ.

Патріахъ Гермогенъ выказалъ сочувствіе Ляпунову; поляки посадили его въ темницу и потребовали, чтобъ онъ написалъ посланіе, убѣждающее русскихъ оставаться вѣрными Владиславу; онъ отказался. Онъ умеръ въ темницѣ. Между русскими ходила молва, что поляки уморили его голодной смертью.

Смоленскъ оборонялся упорно и долго; наконецъ Сигизмундъ взялъ его приступомъ 3 іюня 1611. Король уѣхалъ въ Варшаву, велѣлъ привезти туда низложеннаго русскаго царя съ женой и родными; были отвезены плѣнниками въ Варшаву и депутаты, присланные боярами изъ Тушина къ Сигизмунду подъ Смоленскъ просить, чтобы король далъ своего сына Владислава въ цари московскому государству. Сигизмундъ послалъ Василія Ивановича Шуйскаго съ женой и

*) Когда Пожарскій подходилъ къ Москвѣ, Заруцкій ушелъ отъ него въ Коломну, гдѣ жила въ то время Марина. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича, Заруцкій и Марина, преслѣдуемые царскими войсками, бѣжали въ Астрахань; выгнанные оттуда, поплыли по Волгѣ, думая пробраться въ море, но были схвачены и привезены въ Москву. Заруцкій былъ преданъ мучительной казни; четырехлѣтняго сына Марины повѣсили; Марина умерла въ тюрьмѣ отъ болѣзни и тоски по волѣ.

братьями въ Гостынской замкъ; тамъ держали ихъ подъ стражей. Въ слѣдующемъ году Василій Ивановичъ умеръ. Супруга его впоследствии возвратилась въ Россію; вѣроятно она была отпущена изъ плѣна послѣ перемирія, заключеннаго въ 1619 году Сигизмундомъ съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Она скончалась въ 1625 году въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ жила, принявъ постриженіе подъ именемъ Елены.

„Движеніе, поднятое Ляпуновымъ, не было задавлено неудачами. Города продолжали переписываться и убѣждали другъ-друга дѣйствовать взаимно для спасенія вѣры и государства. Но въ народномъ противодѣйствіи не было уже ни порядка, ни опредѣленнаго плана. Все шло врознь. Тогда въ Нижнемъ Новгородѣ выступилъ передъ народомъ выборный нижегородскій земскій староста Козьма Захарычъ Мининъ-Сухоруковъ. На всенародной сходкѣ у собора, онъ говорилъ въ такомъ смыслѣ:

«Православные люди, похотимъ помочь московскому государству, не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ, дворы свои продадимъ, женъ, дѣтей заложимъ и будемъ бить челомъ, чтобъ кто-нибудь сталъ у насъ начальникомъ. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. Только мы на это подвинемся, такъ и многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ иноплеменниковъ».

„Нижегородцамъ показались любы такія рѣчи; они стали думать, кого избрать въ предводители. По совѣту Минина остановились на стольникѣ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Пожарскій не выдавался особенными способностями, но за то и не приставалъ къ Тушинскому вору, не просилъ милостей у польскаго короля. Пожарскій сошелся съ Ляпуновымъ и вмѣстѣ съ нимъ двинулся на Москву, былъ раненъ; ратные люди вывезли его изъ пылающей столицы. Съ этой поры Пожарскій находился въ своей вотчинѣ Линдехѣ, за 120 верстъ отъ Нижняго, и едва оправился отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ, какъ къ нему прибыли нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Ѳеодосій и дворянинъ Жданъ Болтинъ съ посадскими людьми приглашать его сдѣлаться начальникомъ ополченія, которое затѣвалось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Князь Пожарскій отвѣчалъ: „Радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изъ посадскихъ людей изберите такого человѣка, который бы могъ со мною быть у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованіе ратнымъ людямъ. У васъ есть въ городѣ человѣкъ бывалый: Козьма Мининъ Сухорукъ; ему такое дѣло за обычай“.—По возвращеніи посланцевъ въ Нижній, міръ, услышавши, на кого указалъ князь Пожарскій, сталъ выбирать Козьму къ такому важному дѣлу. Мининъ принялъ предлагаемую должность, по мірскому приговору обложилъ всѣхъ пятою деньгою, т.-е. отбиралъ пятую часть достоянія на земское дѣло. Кто скупился, у тѣхъ отнимали силою. Не спустили ни поамъ, ни монастырямъ. Неимущихъ людей отдавали въ кабалу тѣмъ, кто за нихъ платилъ. Безъ сомнѣнія, такая мѣра должна была повлечь за собою зловредныя послѣдствія; изгнавши чужеземныхъ враговъ, Русь должна была испытать внутреннее зло, угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ. Мѣры Минина были круты и жестоки; но время было черезчуръ жестокое и крутое: приходилось спасать существованіе народа и державы на грядущія времена. Нижегородское ополченіе вышло изъ Нижняго вверхъ по Волгѣ. Балахна, Юрьевецъ, Рѣшма, Кинешма дали Минину свою казну и присоединились къ нижегородцамъ со своими ополченіями. Въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ, оставаясь вѣрнымъ Влади-

славу, хотѣлъ было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились къ нижегородцамъ. Въ началѣ апрѣля ополченіе прибыло въ Ярославль; здѣсь оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, пополняясь новопривывшими силами. Мининъ значился выборнымъ человѣкомъ всей Русской земли, а за его безграмотностью подписывался князь Пожарскій. Самъ князь Пожарскій держалъ въ своихъ рукахъ управленіе не только войскомъ, но и землею, давалъ именемъ своимъ судъ всей землѣ русской, опредѣлялъ награды и наказанія, раздавалъ помѣстья и требовалъ денежныхъ пособій.

„Силы поляковъ въ русской землѣ были тогда немногочисленны и разрозненны, но могли въ непродолжительное время значительно увеличиться; литовскій гетманъ Ходкѣвичъ ходилъ съ войскомъ по московской землѣ; носились слухи, что въ Москву придетъ король съ сильнымъ войскомъ. Надобно было предупредить прибытіе короля и овладѣть столицею. Но Пожарскій не имѣлъ такихъ качествъ, которыя бы внушали къ нему всеобщее повиновеніе. Его мало слушали; въ ярославскомъ ополченіи была безладница, происходили даже драки. Князь Пожарскій боялся идти на Москву, пока тамъ были казаки, хотя Трубецкой убѣждалъ его поспѣшать. Выступивши изъ Ярославля, онъ шелъ къ Москвѣ очень медленно; 14 августа прибылъ къ Троицѣ и опять остановился тамъ на нѣсколько дней, а между тѣмъ изъ подъ Москвы дворяне и казаки торопили его идти какъ можно скорѣе, потому что Ходкѣвичъ приближался къ столицѣ съ усиленнымъ войскомъ. Наконецъ, 20 августа Пожарскій и Мининъ со своимъ ополченіемъ прибыли къ Москвѣ. Трубецкой выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и приглашалъ стать въ одномъ таборѣ съ казаками. Но Пожарскій и Мининъ отвѣчали, что не будутъ стоять въ одномъ таборѣ съ казаками.—Заложивши станъ, ратные люди стали окапывать его рвомъ. 22 августа русскіе увидѣли идущее съ западной стороны литовское войско. То былъ Ходкѣвичъ съ свѣжими силами. За нимъ тянулись огромные ряды воевъ съ набранными запасами, которые слѣдовало провезти польскому гарнизону въ Кремль и Китай-городъ. Воины Ходкѣвича погнали московскихъ людей до Тверскихъ воротъ. Изъ-за печей и церквей разрушеннаго города русскіе начали поражать выстрѣлами литовское войско, оно поворотило назадъ.

„Слѣдующій день прошелъ безъ боя. 24 августа на разсвѣтѣ Ходкѣвичъ рѣшился со всѣмъ своимъ войскомъ пробиться черезъ Замоскворѣчье. Казаки Ходкѣвича успѣли выгнать казаковъ московскихъ изъ рововъ. Ходкѣвичъ уже достигъ до Пятницкой улицы и здѣсь-то завязался ожесточенный бой; между тѣмъ Мининъ, взявши съ собою передавагося поляка Хмѣлевскаго и три сотни дворянъ, ударилъ на двѣ литовскія роты, оставленныя въ тылу и смялъ ихъ. Въ полдень московскіе казаки отбили литовцевъ, отрѣзали и захватили изъ ихъ обоза четыреста воевъ съ запасами. Ходкѣвичъ увидалъ, что цѣль, для которой онъ прибылъ на этотъ разъ въ Москву, не достигнута: продовольствія гарнизону онъ доставить не можетъ. Онъ приказалъ спасать остатокъ воевъ и ушелъ къ Воробьевымъ горамъ. Пораженіе, нанесенное ему, было такъ велико, что у него оставалось только четыреста коней. Ходкѣвичъ съ трудомъ сообщилъ осажденнымъ, что онъ уходитъ съ цѣлью набрать запасы и обѣщалъ воротиться черезъ три недѣли. 28 августа Ходкѣвичъ ушелъ. Осажденные были убѣждены, что гетманъ вернется; но проходили недѣли,—гетмана не было. Запасы ихъ приходили къ концу. Въ половинѣ октября голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ: осажденные переѣли лошадей, собакъ, мышей, грызли ремни; вырывали изъ земли гнилые трупы и пожирали; живые стали бросаться на живыхъ, рѣзали другъ-друга и пожирали. 22 октября Трубецкой ударилъ на

Китай-городъ; голодные поляки не были въ состояніи защищать его, покинули и ушли въ Кремль.

„24 октября поляки выпустили русскихъ людей: бояръ, дворянъ, купцовъ, сидѣвшихъ въ осадѣ. 25 октября кремлевскія ворота стояли отворенными; поляки побросали оружіе: ихъ погнали въ русскій станъ.

„21 декабря извѣщалось по всей Руси объ избавленіи Москвы, а вслѣдъ затѣмъ послана была грамота во всѣ города, чтобы отовсюду посылали въ Москву лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя.

„Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей этого важнаго событія. Когда съѣхались выборные люди, были голоса въ пользу Василя Голицына, иные упоминали о возвращеніи вѣнца Шуйскому. Были мнѣнія въ пользу Трубецкого, Воротынскаго и даже, какъ говорили послѣ, въ пользу Пожарскаго. Дворяне и дѣти боярскіе начали подавать письменно извѣщенія, что они хотятъ царемъ Михаила Романова; за ними выборные люди отъ городовъ и волостей, а также и казаки стали за Романова. Въ народномъ воспоминаніи свѣжи были страданія семейства Романовыхъ при Борисѣ, заточеніе Ѳедора (Филарета) и его супруги. Въ народѣ сохранились преданія о царицѣ Анастасіи, жившей въ лучшее время для русскаго народа, о Никитѣ Романовичѣ, о которомъ пѣли въ пѣсняхъ, что онъ по своему благодумію заступался за жертвы Иванова сумасбродства. Все это вмѣстѣ располагало русскихъ избрать Михаила Романова *).

„Въ недѣлю православія собрали всѣхъ выборныхъ на Красную площадь. Кромѣ нихъ было множество народа обоего пола. Все многочисленное сборище въ одинъ голосъ закричало: „Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ“. Въ Успенскомъ соборѣ пропѣли молебенъ съ колокольнымъ звономъ, провозгласили многолѣтіе новонареченному царю, а потомъ произнесена была новому царю присяга, начиная отъ бояръ до казаковъ и стрѣльцовъ. Во всѣ города были посланы извѣстительныя грамоты; въ Кострому отправилось отъ всего земскаго собора посольство къ Михаилу Ѳедоровичу съ приглашеніемъ на царство.

„Посольство, прибывши въ Кострому, явилось 13 марта въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ шестнадцатилѣтній Михаилъ съ матерью. На другой день, 14 марта, послѣ молебна въ соборной церкви, посольство вручило имъ грамоту земскаго собора, извѣщавшую объ избраніи Михаила на царство, и просило ѣхать въ царствующій градъ. На это послѣдовалъ отказъ. Михаилъ и его мать вспоминали измѣну Годуновымъ, службу Тушинскому вору, насильное постриженіе Шуйскаго. Послы объяснили имъ, что прежніе государи не такъ получали престолъ, какъ теперь получаетъ Михаилъ: Борисъ сѣлъ на государствѣ по своему хотѣнію, убивши Димитрія; разстрига принялъ мѣсть по своимъ дѣламъ; Василя выбрали на царство немногіе люди; Михаила же выбираютъ не по его желанію, а единомышленно, всею землею, по соизволенію Божію, и если онъ откажется, то Богъ взыщетъ на немъ конечное раззореніе государства. Тогда мать благословила сына; Михаилъ согласился и принялъ царскій посохъ, какъ знакъ власти.

„11 іюля вѣнчался на царство Михаилъ Ѳедоровичъ. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій былъ пожалованъ бояриномъ, а Мининъ возведенъ въ званіе думнаго дворянина.

„Новый государь вступилъ на престолъ при крайне печальныхъ обстоятельствахъ; съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была

*) Никита Романовичъ, братъ Анастасіи Романовны, первой супруги Ивана Васильевича, былъ отецъ Ѳедора Никитича (въ монашествѣ Филарета); такимъ образомъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, сынъ Ѳедора Никитича, былъ внукъ брата Анастасіи Романовны.

война. Оба эти государства владѣли окраинами московской державы и представляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ. Внутри государства многіе города были сожжены до-тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Повсюду господствовала крайняя нищета; въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ раззоренныхъ подданныхъ. Молодого царя тотчасъ окружили лживые и корыстолюбивые люди, родственники его матери, Салтыковы, стали играть первую роль, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные дѣятели смутнаго времени оставались въ тѣни.

„Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; за то не получилъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

„Смутное время сдѣлало большую перемѣну въ строѣ государственнаго правленія: оно выдвинуло значеніе собора всей земли русской. Въ половинѣ XVII вѣка русскій эмигрантъ Котошихинъ писалъ, что царя Михаила Ѳеодоровича, какъ и всѣхъ царей послѣ Грознаго, выбрали съ записью, въ которой избранный государь обязывался никого безъ суда не казнить и всѣ дѣла дѣлать съобща съ боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось и нѣтъ основанія предполагать, что она существовала; но на дѣлѣ происходило такъ, какъ бы существовала эта записъ; во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенности, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ заодно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею собора; при смутныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Такое участіе земской силы въ правленіи не могло обратиться во что нибудь прочное, по грубости нравовъ и невѣжеству, не дававшему народу достигнуть яснаго сознанія раздѣленія частей. Молодой Михаилъ Ѳеодоровичъ сознавалъ свое положеніе. Когда ему доложили объ одномъ господинѣ, котораго слѣдовало наказать за важный учиненный имъ проступокъ, то царь отвѣтилъ: «Вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ только охотиться съ лѣтами».

„Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. То, что поступало въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства. Понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Дворяне и дѣти боярскіе бѣгали со службы; ихъ принуждены были ловить и, въ наказаніе, отбирать третъ имущества на государя. Иные приставали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей тѣмъ болѣе, что сборщики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды.

„Для прекращенія бѣдъ, въ сентябрѣ 1614 земскій соборъ постановилъ послать къ ворами, мятежникамъ, разбойникамъ духовныхъ, бояръ и всякаго чина людей, уговаривать ихъ прекратить свои безчинства и идти на царскую службу противъ шведовъ. Всѣмъ объявлялось прощеніе. Часть воровъ поддалась увѣщанію и отправилась къ Тихвину на царскую службу противъ шведовъ, другіе упорствовали и пошли внизъ по Волгѣ, но были на голову разбиты въ Балахонскомъ уѣздѣ бояриномъ Лыковымъ; третьи двинулись къ Москвѣ въ огромномъ количествѣ, ихъ отогнали отъ Симонова монастыря, преслѣдовали и окончательно разбили на рѣкѣ Лужѣ.

Этотъ успѣхъ ослабилъ разбои, но не искоренилъ ихъ. По разнымъ мѣстамъ продолжали появляться отдѣльно разбойничьи шайки, чему способствовало то, что правительство пыталось возвращать на прежнія мѣста жителей, которые въ смутное время вышли съ этихъ мѣстъ.

„Такимъ образомъ русская земля, пострадавшая и обѣднѣвшая въ смутное время, потерпѣла новое раззореніе отъ разбойниковъ, а между тѣмъ угрожающее положеніе со стороны Швеціи и Польши требовало увеличенія ратныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, умноженія денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженія о новыхъ поборахъ; когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять началось сопротивленіе. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, прѣзжавшіе для царскихъ дѣлъ, брали прежде всего съ народа то, чего имъ не слѣдовало брать въ свою пользу, а потомъ уже правили съ нищихъ посадскихъ и крестьянъ государственныя подати: многихъ забивали и замучивали до смерти на правезахъ и доносили въ Москву, что нечего взять.

„Нужно было такъ или иначе покончить со шведами. Новгородъ оставался въ ихъ рукахъ. вмѣстѣ съ Новгородомъ захвачена была водская пятна, города Корела (Кексгольмъ), Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Ладога, Порховъ, Старая Руса. Но самъ шведскій король не былъ намѣренъ добиваться слишкомъ многого. Завязываться въ долговременную и упорную войну было опасно для Швеціи, такъ какъ она находилась тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ и съ Польшею и съ Даніею. Густавъ Адольфъ хотѣлъ только воспользоваться запутаннымъ состояніемъ московскаго государства, чтобъ отнять у него море.

„Обѣ стороны заключили перемиріе, и положили снова сѣхаться для заключенія мира; въ концѣ декабря 1616 года сѣхались шведскіе послы съ русскими съ селѣ Столбовѣ, 27 февраля 1617 года подписали договоръ вѣчнаго мира, по которому шведы возвращали русскимъ Новгородъ, Порховъ, Старую Русу, Ладогу, Гдовъ и Сумерскую волость; а русскіе уступали Швеціи приморскій край: Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ и Корелу съ уѣздами; кромѣ того, обязались заплатить 20.000 рублей готовыми деньгами. Какъ ни тяжелы были для московскаго государства условія столбовскаго мира, отнимавшаго у Россіи море, но въ то время и такой миръ былъ благодѣяніемъ, потому что оставлялъ московское государство въ борьбѣ съ одною только Польшею.

„Въ 1616 году королевичъ Владиславъ издалъ окружную грамоту ко всѣмъ жителямъ московскаго государства: напоминалъ, какъ его выбрали на московскій престолъ всею землею; изъявлялъ сожалѣніе о бѣдствіяхъ московскаго государства; объявлялъ, что, пришедши въ совершенный возрастъ, идетъ самъ добывать московское государство, данное ему отъ Бога, и убѣждалъ всѣхъ московскихъ людей покориться ему, какъ законному государю. Но правильныя военныя дѣйствія между Польшею и Москвою начались не ранѣе 1618 года. Московское государство еще не успѣло оправиться отъ прежнихъ бѣдствій и испытывало новыя въ томъ же родѣ. Разбойничьи шайки продолжали бродить и раззорять народъ. Между тѣмъ правительство принуждено было усиленными мѣрами собирать тяжелые налоги съ раззореннаго народа; наконецъ народъ долженъ былъ нести и службу въ войскѣ. Правительство приказывало не давать народу никакихъ отсрочекъ и править нещадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такія строгія повелѣнія, собирали посадскихъ и волостныхъ людей, били ихъ на правезѣ съ утра до вечера, ночью голодныхъ и избитыхъ держали въ тюрьмахъ, а утромъ снова выводили на правезѣ и очень многихъ забивали до смерти.

Жители разбѣгались, умирали отъ голода и холода въ лѣсахъ, или попадали въ руки непріятелямъ и разбойникамъ.

„Въ такомъ состояніи былъ народъ, когда Владиславъ, иля къ Москвѣ въ августѣ 1618 года, снова возмущалъ русскихъ людей своею грамотою, увѣрялъ, что никогда не будетъ ни раззорять православныхъ церквей, ни раздавать вотчинъ и помѣстій польскимъ людямъ, что поляки не станутъ дѣлать никакихъ насилій и стѣсненій русскому народу; напротивъ—сохраняемы будутъ его прежніе права и обычаи. «Видите-ли — писалъ Владиславъ—какое раззореніе и стѣсненіе дѣлается московскому государству, не отъ насъ, а отъ совѣтниковъ Михайловыхъ, отъ ихъ упрямства и корыстолюбія, о чемъ мы сердечно жалѣемъ; отъ насъ, государя вашего, ни чего вамъ не будетъ, кромѣ милости».

„Избранный народною волею царь противопоставилъ этому покушенію своего соперника голосъ народной воли: 9 сентября 1618 года собранъ былъ земскій соборъ всѣхъ чиновъ людей московскаго государства, и всѣ чины единогласно объявили, что они будутъ стоять за православную вѣру и своего государя.

„Въ сентябрѣ и октябрѣ русскіе дружно отстояли свою столицу, отбили приступы непріятеля. Въ концѣ-концовъ поляки должны были отказаться отъ мысли посадить на московскомъ престолѣ Владислава; 1 декабря 1618 года подписано было деулинское перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

„Въ іюнѣ 1619 года прибылъ Филаретъ, отецъ государя *), и былъ посвященъ въ патріархи. Дѣла пошли нѣсколько иначе, хотя система управленія осталась одна и та же. Стала замѣтною болѣе сильная рука, управлявшая дѣлами государства. Господствующимъ стремленіемъ было возвратить государство въ прежній строй, какой оно имѣло до смутнаго времени, и, не смотря на стремленія назадъ, новыя условія жизни вызывали новые порядки. Наступило невиданное еще въ исторіи московскаго государства явленіе. Главою духовенства сдѣлался отецъ главы государства. Царь заявлялъ, что его отцу, патріарху, должна быть оказываема одинаковая честь, какъ и царю. Всѣ грамоты писался отъ имени царя и патріарха.

„Съ прибытіемъ Филарета начинается рядъ правительственныхъ распоряженій, клонящихся къ установленію порядка по управленію. Царская грамота запрещала воеводамъ и приказнымъ людямъ брать посулы и поминки. Но воеводы и приказные люди продолжали поступать по прежнему, тѣмъ болѣе, что правительство, дѣлая имъ угрозы за злоупотребленія, повѣряло имъ большую власть въ управляемыхъ ими областяхъ, потому что оно только черезъ ихъ посредство и при ихъ стараніи могло надѣяться на собраніе налоговъ съ народа. Обогащеніе казны составляло главную заботу московскаго правительства. Установлены были кабацкіе головы для сбора доходовъ съ таможенъ и продажи нанитковъ, а къ нимъ придавались выборные изъ мѣстныхъ жителей цѣловальники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто того, чтобы держать головъ, таможенные и кабацкіе сборы стали давать на откупъ. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно цриказывало стараться, чтобъ люди побольше пили и доставляли казнѣ выгоды.

„Филаретъ думалъ было женить сына на польской королевнѣ, потомъ на датской, но сватовство не удалось. Въ сентябрѣ 1624 года царь, по назначенію матери, женился на дочери князя Владиміра Тимоѣевича Долгорукова, Маріи. 19 сентября было совершено бракосочетаніе, а на другой день молодая царица оказалась больною. Говорили, что ее испортили лихіе люди. Неизвѣстно, кто были лихіе люди и дѣйствительно ли царица была

*) Освобожденный изъ польскаго плѣна по деулинскому договору.

жертвою тайнаго злодѣянiя; только черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, 6 января 1625 года, она скончалась. 29 января 1626 года царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью незнатнаго дворянина Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою.

„Срокъ перемирiя съ Польшею истекалъ, и въ 1631 году правительство начало готовиться къ войнѣ. Сознавалась потребность водворенiя правильнаго обученнаго войска на иностранный образецъ, и такъ какъ изъ русскихъ людей такого войска нельзя было составить въ скоромъ времени, то поневолѣ рѣшено было пригласить иностранцевъ. Узнавши объ этомъ желанiи, начали являться въ Россію разные иноземцы съ предложенiями нанимать за границую ратныхъ людей. Правительство дало порученiе такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, приказало имъ нанять за границую полкъ ратныхъ людей всякихъ націй, но только не католиковъ.

„Въ апрѣлѣ 1632 года скончался польскій король Сигизмундъ. Пользуясь междоусобицею, которое у поляковъ всегда сопровождалось безпорядками, царь и патріархъ приказали начать непріязненные дѣйствiя противъ Польши. Созванъ былъ земскій соборъ. На немъ рѣшено было отмстить полякамъ за прежнія неправды и отнять у нихъ города, неправильно захваченные ими у русскихъ. На жалованье ратнымъ людямъ положено собрать по прежнему съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу. Главное начальство надъ войскомъ было поручено боярину Шеину. Дѣла пошли удачно. Шеинъ окружилъ себя окопами подъ Смоленскомъ (т. е. осадилъ Смоленскъ и укрѣпилъ свой лагерь окопами). Но въ августъ 1633 г. подошелъ къ городу Владиславъ. Въ это время по наущенію Владислава, казаки и крымцы напали на украинные города московскаго государства. Услышавъ объ этомъ, служилые люди, помѣщики украинскихъ городовъ стали разбѣгаться. Войско Шеина значительно уменьшилось въ числѣ. Онъ отступилъ, заперся вблизи въ острожкѣ (полевомъ укрѣпленіи). Поляки осадили его. Царь, узнавши о бѣдственномъ состоянiи Шеина, снова созвалъ земскій соборъ. Соборъ постановилъ новый сборъ денегъ. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствiе Шеину, его войско подъ Смоленскомъ пришло въ крайнее положенiе. Между тѣмъ иностранцы, бывшіе при Шеинѣ, начали сноситься съ королемъ. Это побудило Шеина испросить у царя дозволенiе вступить въ переговоры съ поляками о перемирiи. Шеинъ заключилъ условiе, по которому русскому войску дозволялось безпрепятственно вернуться въ отечество.

„Въ то время, когда Шеинъ стоялъ подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ произошли большія перемѣны. Филаретъ скончался въ октябрѣ 1633 года. Съ кончиною Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгаго патріарха, но нисколько не боялись царя. Бояре ненавидѣли Шеина. Царь по смерти родителя находился подъ ихъ вліянiемъ. Надъ Шеинимъ и его товарищами произвели слѣдствiе и приговорили казнить Шеина, Измайлова и сына послѣдняго, Василія. Имъ отрубили головы 27 апрѣля (1634 года).

„Московскому государству чрезвычайно трудно было собрать ратныя силы и деньги для веденiя войны. Оставалось просить мира. Но польскіе сенаторы первые прислали русскимъ боярамъ предложенiе о мирѣ. Поляки добивались тѣснаго союза, предлагали проектъ, чтобы по смерти короля избраніе совершалось вмѣстѣ съ чинами московскаго государства, чтобы царь былъ избранъ польскимъ королемъ, и, въ знакъ совершеннаго равенства, короновался отдѣльно въ Москвѣ и Польшѣ, такъ, чтобы польскій посолъ возлагалъ на царя въ Москвѣ корону московскую, а московскій въ Польшѣ—польскую, наконецъ, чтобы царь, для соблюденiя равенства между

его державами, жилъ попеременно по году въ Москвѣ, Польшѣ и Литвѣ. Московскіе послы отклонили эти предложенія. Составили договоръ, по которому царь уступалъ Польшѣ навсегда земли, находившіяся у поляковъ по деулинскому договору *), польскій король признавалъ Михаила Ѳеодоровича царемъ и братомъ.

„Въ 1634 году пріѣзжало въ Москву гольштинское посольство, описанное Олеаріемъ, оставившимъ подробное и драгоцѣнное путешествіе по тогдашней Россіи. По свидѣтельству Олеарія, въ то время въ Москвѣ жило много иноземцевъ и въ томъ числѣ 1.000 протестантскихъ семействъ. Около царя были иноземцы, доктора, аптекари, окулисты, алхимиистъ, лекари, переводчики, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера.

„По прежнему, и въ эти годы, правительство старалось объ удержаніи жителей на своихъ мѣстахъ, гонялось за бѣглецами, водворяло на прежнихъ мѣстахъ жительства. Въ случаѣ вторичнаго побѣга, виновныхъ стали теперь ссылатъ въ сибирскіе города. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, все болѣе теряли свои свободныя права.

„Еще съ конца 1644 года государь, по болѣзни, не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года болѣзнь его усилилась. По описываемымъ примѣтамъ, царь пораженъ былъ водяною. 12 іюня 1645 года онъ скончался.“

*) Черниговскую и Смоленскую земли.

II.

Битва при Рокруа.

(Переводъ изъ Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV, par Chéruel).

Вице-король испанскихъ нидерландовъ донъ Франсиско де Мелось *) хотѣлъ въ 1643 году вторгнуться въ Шампань. Первой французской крѣпостью на пути, которую избралъ онъ, былъ небольшой городъ Рокруа, стоящій въ нѣсколькихъ километрахъ отъ тогдашней испанской, нынѣшней бельгійской границы и тоже въ нѣсколькихъ километрахъ на западъ отъ рѣки Мааса. Теперь эта крѣпость утратила стратегическое значеніе; но въ то время оно было важно. Одинъ изъ корпусныхъ командировъ испанской арміи обложилъ Рокруа блокадой 10 мая; 16 мая пришелъ Мелось съ главными силами испанской арміи и началъ осаду. Гассіонъ **) успѣлъ ввести въ крѣпость подкрѣпленіе; но все таки она не могла держаться долго. Герцогъ ангенскій, главнокомандующій французской арміи, собранной на сѣверѣ для борьбы съ Мелосомъ, имѣлъ точныя свѣдѣнія о движеніяхъ своего противника, поспѣшно пошелъ освободить Рокруа и 17 мая пришелъ ко входу въ дефиле, которое вело на равнину, гдѣ стоитъ эта крѣпость.

Мѣстность, въ которой находится Рокруа, была тогда лѣсистая и болотистая; Арденнскій лѣсъ простирался почти до самого города и былъ отдѣленъ отъ него лишь этой небольшой равниной. На срединѣ равнины отлого поднимаются два холма, раздѣленные узкой долиной. Мелось собралъ тутъ свою армію. На равнину нельзя было проникнуть иначе какъ тѣсными проходами между лѣсовъ и болотъ. Наименѣе длинное изъ этихъ дефиле тянулось почти на три километра; при входѣ оно очень было тѣсно, но къ другому концу, вы-

*) Шерюэль пишетъ фамилію вице-короля Mello, сохраняя итальянизированную форму, которую даетъ ей Мазарини, въ своихъ замѣткахъ для памяти (carnets) и письмахъ. Но вице-король былъ не итальянецъ, а испанецъ, и фамилія его была Melos.

**) Одинъ изъ помощниковъ главнокомандующаго французской сѣверной арміей.

ходившему на равнину, расширялось. Французы должны были идти этимъ дефиле и полагали, что испанцы будутъ защищать его. Герцогъ ангенскій созвалъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ подать помощь осажденной крѣпости. Маршалъ де л'Опиталь и четыре другіе члена совѣта полагали, что не слѣдуетъ давать рѣшительной битвы, надобно только сдѣлать такой маневръ, чтобы ввести въ Рокруа подкрѣпленіе гарнизону. За три дня передъ тѣмъ 14 мая умеръ Людовикъ XIII; они говорили, что потеря сраженія поколебала бы авторитетъ новаго правительства, еще не упрочившаго свою власть; что притомъ Франція не имѣетъ на сѣверѣ войскъ, кромѣ ихъ арміи, и если они будутъ разбиты, государство подвергнется непріятельскому нашествію.

Герцогъ ангенскій и знаменитый полководецъ Гассіонъ были того мнѣнія, что слѣдуетъ дать сраженіе; ихъ поддерживали два другіе члена совѣта. Герцогъ ангенскій сильно выставилъ на видъ необходимость не дать распространиться мнѣнію, что энергія военныхъ дѣйствій у французовъ ослабѣла по смерти покойнаго короля, и сказалъ, что предпочтетъ всякій рискъ тому, чтобъ осажденная крѣпость была взята въ виду французской арміи. Слова его увлекли членовъ совѣта, высказавшихъ противоположное мнѣніе. Самъ л'Опиталь, которому поручено было сдерживать отвагу молодого главнокомандующаго, сказалъ, что надобно сдѣлать попытку помочь осажденной крѣпости. Онъ полагалъ, впрочемъ, что испанцы станутъ защищать дефиле, что тутъ произойдетъ схватка, которая отвлечетъ вниманіе испанцевъ отъ другихъ проходовъ и что, пользуясь этимъ, можно будетъ ввести много войска въ Рокруа, не подвергаясь риску рѣшительной битвы.

Итакъ было рѣшено, что на слѣдующій день, 18 мая, французская армія пойдетъ прямо на непріятеля. Она состояла изъ 15.000 человекъ пѣхоты и 7.000 конницы. Герцогъ ангенскій раздѣлилъ ее на четыре отряда: пѣхота, начальство надъ которой было поручено Эпенану (Espezan), образовала центръ; герцогъ ангенскій и Гассіонъ командовали правымъ крыломъ, а лѣвымъ л'Опиталь и Лафертѣ Сентеръ; начальство надъ резервомъ было поручено Сирб. Герцогъ ангенскій послалъ Гассіона съ легкой кавалеріей, которую называли кроатами, осмотрѣть дефиле и пошелъ за нимъ съ остальной арміей.

Мелось, услышавъ о приближеніи герцога ангенскаго, колебался относительно плана дѣйствій. Онъ имѣлъ отъ 18 до 20 тысячъ человекъ пѣхоты и 8.000 конницы. Въ арміи находились отборныя испанскія войска и въ особенности хороши были шесть пѣхотныхъ полковъ. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Мелоса, онъ полагалъ, что у герцога ангенскаго не больше 13.000 человекъ, онъ не зналъ, что послѣ того времени, отъ котораго были дошедшія до него свѣдѣнія, къ французской арміи присоединилось нѣсколько отрядовъ, потому

онъ надѣялся подавить непріятеля, котораго въ два раза превосходилъ числомъ войска, какъ ему казалось, и вмѣсто того, чтобы защищать дефиле, онъ предпочелъ впустить французовъ на равнину, сосредоточилъ свои силы около крѣпости, поставилъ въ лѣсахъ лишь небольшіе отряды.

Гассіонъ, пошедши по дефиле, безъ труда опрокинулъ маленькіе отряды, охранявшіе проходъ и возвратившись сказалъ герцогу ангенскому, что пройти дефиле будетъ очень легко. Л'Опиталь увидѣлъ, что герцогъ хочетъ дать рѣшительную битву, потому что, пришедши на равнину, невозможно будетъ уклониться отъ нея; а онъ считалъ ее слишкомъ рискованной и сталъ спорить противъ мнѣнія Гассіона, что надобно идти черезъ дефиле. Герцогъ ангенскій рѣзко перервалъ его, повторилъ доводы о необходимости дать битву, сказалъ, что беретъ всю отвѣтственность на себя, велѣлъ Л'Опиталю ѣхать къ корпусу, которымъ онъ долженъ командовать и повелъ правое крыло въ дефиле.

Вышедши на равнину, кавалерія герцога ангенскаго была ужъ такъ близка къ испанцамъ, что сраженіе было неизбежно. Герцогъ сталъ на холмѣ, отдѣленномъ отъ непріятеля лишь узкой долиной. Онъ былъ тутъ только съ кавалеріей Гассіона; остальная армія еще шла по дефиле. Еслибъ испанцы атаковали его тогда, положеніе его было бъ очень опасно. Ла Муссэ, находившійся при немъ, не отрицаетъ этого: «Всѣ бывшіе съ нимъ видѣли, въ какую опасность бросился онъ», говоритъ Ла Муссэ:—«Но онъ умѣлъ стать въ такую хорошую позицію и такъ искусно обманулъ непріятеля относительно численности своего отряда, поставивъ весь его по гребню невысокаго холма, что испанцы не могли увидѣть истиннаго положенія дѣлъ: они подумали, что за конницей, стоявшей на холмѣ, находятся другія войска; имъ не представлялось возможнымъ, чтобы большой отрядъ кавалеріи подошелъ одинъ такъ близко къ нимъ, они думали, что онъ имѣетъ подкрѣпленіе въ тылу, и не атаковали его».

Благодаря тому французская армія имѣла время выйти вся на равнину и стать въ боевой порядокъ по диспозиціи герцога ангенскаго; лѣвое крыло ея примыкало къ болоту, правое къ лѣсу. Передъ нею была узкая долина, о которой мы говорили. На противоположномъ холмѣ испанцы поставили артиллерию; она дѣйствовала хорошо и наносила большой уронъ французамъ. «Залпы ея», говоритъ Ла Муссэ, производили такое ужасное дѣйствіе, что безъ обыкновенной стойкости нашихъ войскъ, нельзя было бъ удержаться на занятой ими позиціи. У насъ было больше 300 убитыхъ и раненныхъ».

Въ 6 часовъ вечера вся французская армія прошла дефиле. Герцогъ ангенскій зналъ, что послано испанскому генералу Беку приказаніе спѣшить къ Рокруа и что онъ придетъ послѣ завтра съ боль-

шимъ корпусомъ; потому герцогъ рѣшилъ немедленно дать битву; онъ кончалъ постановку арміи въ строй, когда получилъ извѣстіе, что неосторожность одного изъ помощниковъ его подвергаетъ лѣвое крыло очень большой опасности. Старшій начальникъ лѣваго крыла, маршалъ Л'Опиталь находился при герцогѣ, и въ его отсутствіе командовалъ тѣмъ крыломъ Ла Ферте Сентеръ. «Этотъ генералъ чрезвычайно завидовалъ славѣ, которую пріобрѣлъ Гассіонъ, введя подкрѣпленіе въ Рокруа и показавъ путь черезъ дефиле», говоритъ Ла Муссэ:—«Онъ хотѣлъ сдѣлать что нибудь блестящее. Ему казалось, что если перевести черезъ болото крыло, находившееся теперь подъ его командой, то можно зайти въ тылъ непріятелю и свободно послать подкрѣпленіе въ Рокруа. Не обдумавъ послѣдствій этого отважнаго маневра и не предупредивъ герцога ангенскаго, онъ перевелъ черезъ болото все лѣвое крыло, состоявшее кромѣ конницы, изъ пяти батальіоновъ пѣхоты. Такимъ образомъ лѣвый флангъ остался безъ кавалеріи и былъ ослабленъ удаленіемъ большого отряда». Узнавъ объ этомъ опрометчивомъ маневрѣ, подвергавшемъ всю армію риску гибели, герцогъ ангенскій поскакалъ на лѣвый флангъ поправить ошибку Ла Ферте. «Мы увидѣли», говоритъ Ла Муссэ, «испанскую армію идущей прямо на насъ всѣмъ своимъ боевымъ строемъ. Трубы и барабаны ея играли атаку; по всѣмъ признакамъ было очевидно, что испанцы хотятъ воспользоваться разстройствомъ, которому подвергъ насъ Ла Ферте. Каждому было понятно, что мы не можемъ устоять противъ нихъ, и хотя герцогъ ангенскій позаботился занять войсками второй линіи то мѣсто, на которомъ прежде стояли войска Ла Ферте; но несомнѣнно, что если бы донъ Франсиско произвелъ въ это время свою атаку, то легко опрокинулъ бы наши войска, которыя далеко уступали ему числомъ и которыя застигъ бы онъ своимъ натискомъ въ разстройствѣ и смущеніи. Но бываютъ на войнѣ драгоцѣнныя минуты, надъ которыми владычествуетъ случай и отъ которыхъ зависитъ развязка важнѣйшихъ плановъ. Испанцы не увидѣли нашего разстройства, и промежутки, остававшіеся пустыми, были пополнены герцогомъ ангенскимъ такъ быстро, что ни одинъ изъ непріятельскихъ начальниковъ не замѣтилъ ихъ; потомъ мы узнали, что движеніе было сдѣлано ими только для того, чтобы пріобрѣсти больше простора и дать второй линіи мѣсто построиться въ боевой порядокъ. Такимъ образомъ, подошедши на 400 шаговъ до насъ, они остановились, и мы увидѣли по ихъ дѣйствіямъ, что у нихъ не было намѣренія начать атаку».

Ла Ферте, по настойчивымъ приказаніямъ герцога ангенскаго, поспѣшно возвратился. Ла Муссэ говоритъ: «Офицеръ, который отвезъ нашимъ приказаніа *), такъ живо показалъ имъ всю великость опас-

*) Вѣроятно, этотъ офицеръ былъ самъ Ла Муссэ; онъ никогда не называетъ себя по имени.

ности, что солдаты сами побѣжали и, бѣгомъ перешедши болото, очень быстро заняли покинутое имъ мѣсто. Еще до наступленія ночи армія уже снова стояла въ боевомъ порядкѣ. Ла Ферте Сентеръ, сознавшись герцогу ангенскому, что ошибся и обѣщавшись загладить свою ошибку тѣмъ, какъ будетъ поступать завтра, смягчилъ его справедливый гнѣвъ. Такимъ образомъ, этотъ случай только отсрочилъ битву и если произвелъ нѣкоторый вредъ, то лишь тотъ, что далъ непріятелю время построиться въ лучшій порядокъ и занять больше мѣста». Герцогъ ангенскій, увидѣвъ, что надобно отложить сраженіе до завтра, отдалъ послѣднія приказанія и велѣлъ, чтобы завтра разбудили его на разсвѣтѣ.

Ночь была темная; солдаты, нарубивъ деревьевъ въ сосѣднихъ рощахъ, разложили множество костровъ. «Вся равнина», говоритъ Ла-Муссэ, была освѣщена ими, и арміи были такъ близки одна къ другой, костры аванпостовъ горѣли въ такомъ сосѣдствѣ, что оба лагеря казались одной арміей. Тишина ночи не была нарушена никакой тревогой и казалось, что заключено перемиріе, которое прервется лишь съ разсвѣтомъ. Только видно было намъ черезъ непріятельскую армію огонь перестрѣлки на траншеѣ у Рокруа, и это было единственное мѣсто, имѣвшее военный характеръ. Итакъ оба лагеря покоились передъ неизбежнымъ, какъ они знали, сраженіемъ. Ни тотъ, ни другой главнокомандующій не могъ отступить и арміи были заперты въ оградѣ лѣсовъ, какъ на аренѣ, изъ которой не могли выйти иначе, какъ потерпѣвъ совершенное пораженіе или одержавъ полную побѣду».

Съ разсвѣтомъ герцогъ сѣлъ на коня, поѣхалъ по фронту своей арміи, убѣждая солдатъ показать себя достойными защитить ввѣренныя имъ честь и спасеніе Франціи. «Живая радость, выражавшаяся на его лицѣ и бодрость его придавали удивительное одушевленіе его рѣчи», говоритъ Ленé. На немъ была кираса, но надѣть каску онъ не захотѣлъ; у него на головѣ была шляпа съ бѣлыми перьями, которыя, какъ перья шляпы Генриха IV подъ Иври, не разъ показывали солдатамъ, куда направляться имъ, сжимая ряды. Армія герцога была построена въ двѣ линіи съ сильнымъ резервомъ. Онъ самъ велъ правое крыло, которымъ подъ его главнымъ начальствомъ командовалъ Гассіонъ. Лѣвымъ крыломъ командовали маршалъ Л'Опиталь и, какъ помощникъ маршала, Ла Ферте Сентеръ. Центромъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и артиллеріи, начальствовали Эпенанъ и Ла Барръ; резервомъ, состоявшимъ изъ 2.000 человѣкъ пѣхоты и 1.000 конницы, начальствовалъ Сирб. — Въ испанской арміи лѣвымъ крыломъ начальствовалъ герцогъ Альвукерке; онъ стоялъ противъ герцога ангенскаго; лѣвымъ крыломъ, стоявшимъ противъ Л'Опиталя, командовалъ графъ Изенбургъ. На этомъ крылѣ былъ донъ Франсиско Мелосъ. Въ центрѣ первую линію составляла испанская пѣхота, которой начальствовалъ

графъ Фонтенъ; вторую линію составляли валлонскіе, итальянскіе нѣмецкіе полки. Въ интервалахъ батальоновъ испанской пѣхоты были поставлены 18 пушекъ.

Въ 3 часа утра герцогъ ангенскій, подалъ знакъ наступленія и оба крыла французской арміи пошли на непріятеля. Спускаясь въ узкую долину, отдѣлявшую отъ него, герцогъ ангенскій долженъ былъ одолѣть фузелеровъ, разставленныхъ Фонтеномъ въ небольшомъ лѣсу. Французская кавалерія и поставленная въ интервалахъ эскадроновъ пѣхота горячо атаковали ихъ, и большая часть изъ нихъ были убиты. Чтобы французскіе эскадроны не разстроились, переходя этотъ лѣсъ, герцогъ велѣлъ Гассіону обойти его съ первой линіей конницы на право, а самъ со второй линіей обошелъ его на лѣво. Этотъ манёвръ былъ исполненъ быстро и удачно. Герцогъ атаковалъ лѣвое крыло непріятеля съ фронта, Гассіонъ съ фланга. Альвукерке, видя, что атака идетъ съ двухъ сторонъ, хотѣлъ сдѣлать перемѣну фронта. «Но чрезвычайно опасно дѣлать передвиженія передъ сильнымъ врагомъ», говоритъ Ла Муссѣ. Нѣсколько испанскихъ эскадроновъ были опрокинуты натискомъ Гассіона, натолкнулись въ отступленіи на другіе испанскіе отряды, привели ихъ въ безпорядокъ. Герцогъ ангенскій, увлекая свою кавалерію въ стремительную атаку, обратилъ это растройство въ бѣгство. Велѣвъ Гассіону преслѣдовать разбитое лѣвое крыло непріятеля, онъ повернулъ свою кавалерію противъ нѣмецкой, валлонской и итальянской пѣхоты, составлявшей вторую линію испанскаго центра.

Ла Муссѣ выставяетъ на видъ, что этотъ манёвръ рѣшилъ побѣду французовъ: «Заслуживаетъ величайшаго удивленія благоразуміе, съ какимъ дѣйствовалъ тутъ герцогъ ангенскій, при всемъ волненіи своей кипучей храбрости», говоритъ онъ, «выигрышъ сраженія безспорно былъ произведенъ сдержанностью, какую выказалъ герцогъ, опрокинувъ лѣвое крыло непріятеля, тѣмъ манёвромъ, что онъ, не увлекшись преслѣдованіемъ бѣгущихъ, повернулъ свои эскадроны на непріятельскую пѣхоту, не давъ имъ разстроить свои ряды погоней». Этимъ благоразуміемъ герцогъ ангенскій поправилъ неудачу, какую потерпѣло французское лѣвое крыло.

Ла Ферте Сентеръ, бывшій помощникомъ Л'Опиталя въ командованіи этимъ крыломъ, хотѣлъ блестящимъ подвигомъ загладить ошибку, которую сдѣлалъ наканунѣ. Онъ стремительно повелъ свою кавалерію въ атаку на испанскую конницу Изенбурга и самъ, рубясь съ непріятельскими всадниками, былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ. Конница Изенбурга опрокинула французскую, изрубила поддерживавшій ее пѣхотный отрядъ, прошла до артиллеріи Ла Барра; онъ былъ убитъ, испанцы взяли пушки. Л'Опиталь сдѣлалъ энергическую попытку отнять у непріятеля эти орудія. Пуля раздробила ему руку, его унесли съ поля сраженія. Французское лѣвое крыло было бѣ

истреблено, если бы не пришелъ Сирó съ резервомъ. Онъ возстановилъ бой, взялъ назадъ пушки, далъ герцогу ангенскому время смять нѣмецкую, валлонскую, итальянскую пѣхоту второй линіи центра, броситься на тылъ непріятельскаго праваго крыла, изрубить задніе ряды его. Современники превозносятъ быстроту этого движенія, которымъ герцогъ опрокидывалъ все на своемъ пути. Ленé говоритъ: «Онъ пролетѣлъ какъ молнія къ своему лѣвому крылу, гдѣ нашелъ Сирó бьющимся и помогъ ему такъ, что въ скоромъ времени привелъ это испанское крыло въ такое же состояніе, какъ прежде привелъ другое».

Изъ арміи Мелоса оставались только старые полки испанской пѣхоты, плотно стоявшіе у своихъ пушекъ. Это были шесть полковъ, знаменитые своей безтрепетностью, и гордый видъ ихъ показывалъ, что они хотятъ обороняться до послѣднихъ силъ, говоритъ Ла Муссё. Герцогъ ангенскій немедленно атаковалъ ихъ. Онъ получилъ извѣстіе, что Бекъ съ 6.000-нымъ нѣмецкимъ корпусомъ дошелъ до окраины лѣса; онъ опасался, что Гассіонъ не въ силахъ будетъ остановить этотъ корпусъ; надобно было разбить испанскую пѣхоту, пока не пришелъ Бекъ; иначе сраженіе было бы проиграно. Герцогъ ангенскій, не дожидаясь своего резерва, повелъ на испанскіе полки пѣхоту Эпенана, поддерживаемую нѣсколькими эскадронами. Фонтенъ, командовавшій этой пѣхотой, ждалъ атаку съ непоколебимымъ спокойствіемъ и запретилъ своимъ солдатамъ стрѣлять, пока французы не подойдутъ на 60 шаговъ. Когда французы подошли на это разстояніе, испанскіе батальіоны разступились, открывая свою артиллерию, и 18 пушекъ, заряженныхъ картечью, произвели ужасное истребленіе въ нашихъ войскахъ, а испанская пѣхота дѣлала такіе же убійственные ружейные залпы. Французы не выдержали этого ужаснаго огня, отступили въ безпорядкѣ; но у испанцевъ не было кавалеріи для преслѣдованія ихъ; потому герцогъ ангенскій успѣлъ остановить отступающихъ, вновь построилъ ихъ въ ряды, повелъ въ атаку. Онъ возобновлялъ атаку три раза и не могъ разорвать непріятельскій строй.

Пришелъ Сирó съ резервомъ, и испанская пѣхота была окружена со всѣхъ сторонъ. Тогда начальники ея махнули шляпами; французы приняли это за знакъ того, что они сдаются; герцогъ ангенскій выѣхалъ впередъ принять ихъ въ плѣнъ; но или жестъ испанскихъ офицеровъ не былъ понятъ ихъ солдатами, или воинственная поза, въ какой держалъ себя герцогъ, подвигаясь впередъ съ поднятой шпагой, заставила испанскихъ солдатъ думать, что онъ ведетъ свое войско въ новую атаку,— словомъ, почему бы то ни было, но они стали стрѣлять въ герцога и его свиту. Французы въ ожесточеніи бросились на испанцевъ и вломились въ ихъ батальіоны до самой середины, убивая всѣхъ. Герцогъ ангенскій, проникнутый сострада-

ніемъ, бросился между своихъ и непріятелей, приказывая своимъ щадить побѣжденныхъ. «Вся испанская пѣхота», говоритъ Ла Муссё, «тѣснилась къ нему и его свитѣ, ища защиты отъ ярости французъ и въ особенности швейцарцевъ, не хотѣвшихъ брать въ плѣнъ положившихъ оружіе». Герцогъ, распорядившись тѣмъ, чтобы цѣпь караульныхъ охраняла плѣнныхъ, собралъ свое войско въ боевой порядокъ, чтобы встрѣтить Бека, если онъ выйдетъ на равнину, но скоро возвратился изъ погони за бѣгущими Гассіонъ и сказалъ герцогу, что со стороны Бека нѣтъ опасности, онъ не пошелъ дальше опушки лѣса, ограничился тѣмъ, что принималъ бѣгущихъ, и когда приблизилась кавалерія Гассіона, торопливо отступилъ по направленію къ Люксембургу. Тогда герцогъ ангенскій, видя, что побѣда совершенно закончена, преклонилъ колѣна и воздалъ благодареніе Богу; вся армія послѣдовала его примѣру. Такъ кончилась одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и самыхъ славныхъ битвъ исторіи Франціи. Бой продолжался четыре часа. Испанская армія оставила на полѣ сраженія 8.000 убитыхъ. Французы взяли 6.000 плѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ находились храбрый графъ Фонтенъ, достойный начальникъ испанской пѣхоты, полковники Вильяльва, Виландіо и Авила. Графъ Изенбургъ вскорѣ умеръ отъ ранъ. Донъ Франсиско де Мелось находился нѣсколько минутъ въ плѣну, но успѣлъ ускокаты; онъ уѣхалъ въ Маріэнбургъ, оттуда въ Филиппилль, гдѣ сталъ собирать остатки своей арміи. Французы взяли 200 знаменъ и 60 штандартовъ, разграбили испанскій обозъ, взяли тамъ деньги, назначенныя для уплаты жалованья солдатамъ. Потеря французовъ убитыми составляла 2.000 человекъ; однимъ изъ нихъ былъ графъ Д'Эйенъ (D'Ayen), вельможа изъ фамиліи Ноалей.

Побѣда при Рокруа имѣла важные результаты; она освободила Францію отъ опасности непріятельскаго нашествія, открыла французамъ путь въ испанскіе Нидерланды. Регентство, которому угрожали интриги противниковъ, было укрѣплено ею. Этимъ блестящимъ успѣхомъ Франція была обязана 22-лѣтнему генералу, который этимъ первымъ своимъ сраженіемъ поставилъ себя въ рядъ великихъ полководцевъ. Безтрепетное хладнокровіе въ минуты опасности, быстрота и вѣрность соображеній, блестящая отвага, увлекающая войско, и благоразуміе, умѣющее во время остановиться — таковы были качества, признанныя теперь всѣми въ герцогѣ ангенскомъ. Бюсси Рабютенъ, видѣвшій его въ сраженіяхъ, говоритъ, что этотъ воинъ, высокаго роста съ рѣзкими чертами лица, одушевлялся подъ огнемъ битвы и видъ его становился ужасенъ врагу.

Зависть, всегда нападающая на геній, обратилась противъ герцога ангенскаго. Многіе приписывали Гассіону то движеніе, которымъ была рѣшена побѣда. Орлеанскій домъ, находившійся въ соперничествѣ съ домомъ Кондэ, не скрывалъ ревности. Гастонъ Орлеанскій жаловался,

что знамена, взятые у непріятеля, были отвезены прямо во дворецъ Кондэ, говорилъ, что слѣдовало сначала отдать ихъ въ Люксембургскій дворецъ, гдѣ живетъ онъ, общій намѣстникъ королевства. Пришлось вмѣшаться въ это дѣло самой королевѣ, чтобы прекратить ссору.

Говорятъ, что Мазарини досадовалъ на побѣду, возвысившую могущество дома Кондэ. Похвалы его въ поздравительномъ письмѣ къ герцогу ангенскому могутъ казаться неискренними. Но въ письмѣ къ Томасу, принцу савойскому, онъ тоже превозноситъ побѣду при Рокруа. Онъ говоритъ: «Богъ восхотѣлъ показать, что продолжаетъ изливать свои благословенія на королевство французское, давъ ему чрезъ герцога ангенскаго славнѣйшую изъ всѣхъ, какія были издавна, побѣду надъ всѣми силами враговъ, соединенными для взятія Рокруа». Еще важнѣе то, что въ своихъ секретныхъ замѣткахъ для памяти Мазарини, хотя и говоритъ, что могущество дома Кондэ увеличивается отъ этой побѣды, но главное вниманіе свое обращаетъ на интересы Франціи. «Отъ этой побѣды произойдетъ большой авторитетъ для герцога ангенскаго, но благо государства должно считаться важнѣе всего».

Герцогъ ангенскій выказалъ себя послѣ побѣды человѣкомъ такимъ же благороднымъ, какъ былъ безтрепетнымъ во время сраженія. На полѣ битвы онъ обѣщалъ маршальскій жезлъ Гассіону—тому генералу, котораго давала молва въ соперники ему. Онъ сильно заявилъ королевѣ заслуги Гассіона и просилъ ее вознаградить ихъ. О наградахъ себѣ онъ не думалъ, а заботился только объ извлеченіи выгодъ для Франціи изъ своей побѣды. Не таковъ былъ принцъ Кондэ, отецъ его: принцъ требовалъ, чтобы сыну его дана была въ управленіе какая нибудь провинція.

Нуглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Цѣна 7 р.

Нуно-Фишера. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. П. Рассадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Нурціуса. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Лавелэ. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева*. Ц. 6 р.

Левитова. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его, *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.

Лессинга, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина*. М. 1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева*. М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовской*. М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго*, т. I. Ц. 6 р., т. II и III. Ц. 7 р., т. V. Ц. 3 р. 50 к. М. 1887 г.

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Огарева, Н. Стихотворенія. М. 1863 г. Ц. 50 к.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1882 г. Цѣна 2 р.

Риля А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. *Е. Корша*. М. 1888 г. Ц. 2 руб.

Рѣшетникова, О. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1881 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *О. Г. Мишенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.

Сурикова, И. З. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотв., изданіе 3-е, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.

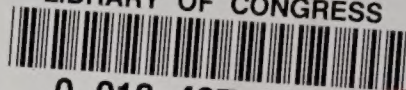
Тикнора. Исторія испанской литературы. Т. I и II. Пер. *Н. И. Стороженко*. М. 1886 г. Ц. 6 р.

- Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія I и II части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тьюка. Духъ и тѣло. Перев. П. Викторова. М. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тэна. Титъ Ливій. Критическ. изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. С. Никитенко. Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.
- Фойгта, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. И. П. Рассадина. М. 1884 г. Т. I и II. Ц. 6 р. 50 к.
- Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Пер. Н. Кетчера. 9 частей. Ц. 10 р.
- Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго В. Ланге, пер. Э. Циммермана. Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ), М. 1880 г. Цѣна за всѣ томы 16 р.
-

Печатаются слѣдующія сочиненія:

- Брайсъ. Американская республика.
- Летурно. Эволюціи морали.
- Викторовъ П. Ученіе о личности; в. II.
- Гаймъ. Романтическая школа въ Германіи.
- Тикноръ. Исторія испанской литературы, т. III (последній).
- Шмидтъ К. Исторія педагогики, т. I (вторымъ изданіемъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, значительно дополненнаго, съ портретомъ автора).
- Файфъ. Исторія Европы XIX в. (съ двумя картами).
-

LIBRARY OF CONGRESS

0 018 487 243 2

